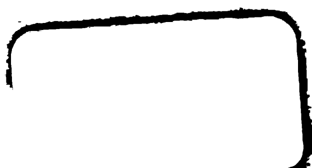

·EX·LIBRIS·
DU PRINCE S.V. KOUDACHEFF

Ж.-Ж. РУССО

ИСПОВѢДЬ

ПЕРЕВОДЪ

Ѳ. Н. УСТРЯЛОВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1898

 Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., 13

ИСПОВѢДЬ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Я предпринимаю дѣло, которому никогда не было примѣра и котораго осуществленіе не будетъ имѣть подражателей. Я хочу показать людямъ человѣка во всей правдѣ природы, и этотъ человѣкъ—буду я

Я одинъ. Я понимаю мое сердце и знаю людей. Я созданъ какъ никто изъ тѣхъ, кого я встрѣчалъ на свѣтѣ; смѣю думать, что я созданъ, какъ никто изъ тѣхъ, кто существуетъ. Если я не лучше ихъ, по крайней мѣрѣ я не тотъ, что они. Дурно или хорошо сдѣлала природа, что разбила ту форму, въ которой она вылила меня,—объ этомъ можетъ судить только тотъ, кто прочтетъ мою исповѣдь.

Когда бы ни прозвучала труба послѣдняго суда, я предстану предъ вышнимъ судіею съ этою книгой въ рукахъ. Я громко скажу: вотъ что я сдѣлалъ, что думалъ, чѣмъ былъ. Съ равною откровенностью говорилъ я о добрѣ и злѣ, не скрылъ ничего дурного и не прибавилъ ничего хорошаго, и если когда нибудь случалось мнѣ употреблять одно изъ общихъ безразличныхъ украшеній, то это дѣлалось только съ цѣлью наполнить пробѣлы, происшедшіе отъ моей забывчивости. Я могъ считать истиннымъ то, въ чемъ видѣлъ способность быть истиннымъ, а не то, въ чемъ видѣлъ ложь. Я показывалъ себя такимъ, какимъ былъ: низкимъ и презрѣннымъ, добрымъ, великодушнымъ, великимъ; я показалъ всю мою внутреннюю природу въ такомъ видѣ, въ какомъ зрѣло ее Ты, Существо Всевѣчное. Собери вокругъ меня безчисленную толпу моихъ собратьевъ—людей; пусть слушаютъ они мою исповѣдь, стонутъ за

мои недостойные поступки, краснѣютъ за мои злополучія. Пусть каждый изъ нихъ, въ свою очередь, раскроетъ сердце свое предъ Твоимъ престоломъ съ такою же искренностью и пусть хоть одинъ изъ нихъ скажетъ Тебѣ, если посмѣетъ: *я былъ лучше этого человѣка.*

—1712—1719 г.—Я родился въ Женевѣ, въ 1712 году, отъ Исаака Руссо, гражданина, и Сузанны Бернаръ, гражданки. У моего дѣда было очень небольшое состояніе, которое раздѣлилось между пятнадцатью дѣтьми, такъ что на долю моего отца почти ничего не пришлось: онъ существовалъ только тѣмъ, что занимался часовымъ мастерствомъ, въ которомъ, должно сознаться, былъ очень искусенъ. Богаче его была моя мать, дочь священника Бернара: она обладала благоразуміемъ и красотою. Не безъ труда досталась она моему отцу. Ихъ взаимная любовь началась почти со дня ихъ рожденія; уже восьми или девяти-лѣтними дѣтьми они каждый вечеръ гуляли вмѣстѣ въ аллеяхъ городского сада; когда-же имъ минуло десять лѣтъ, они сдѣлались неразлучны. Чувство, образовавшееся вслѣдствіе привычки, окрѣпло въ нихъ при помощи симпатіи, сочувствія душъ. Оба, отъ природы нѣжные и чувствительные, ожидали только минуты, чтобъ найти другъ въ другѣ равное взаимное расположеніе, или лучше сказать, эта минута ждала ихъ обоихъ, и каждый изъ нихъ бросилъ свое сердце въ сердце другого, которое открылось, чтобъ воспринять его. Судьба, казалось, шла на перекоръ ихъ страсти, а между тѣмъ разжигала ее еще болѣе. Молодой любовникъ, не имѣя возможности овладѣть предметомъ своей страсти, изнывалъ отъ горя; она посовѣтовала ему куда нибудь уѣхать, чтобъ забыть ее. Онъ долго путешествовалъ безъ всякой пользы и воротился влюбленнѣе прежняго. Нѣжною и вѣрною нашелъ онъ ту, которую любилъ. Послѣ этого испытанія, оставалось только любить другъ друга всю жизнь; они дали въ томъ клятву и небо благословило ихъ обѣтъ.

Габріель Бернаръ, братъ моей матери, влюбился въ одну изъ сестеръ моего отца; но она согласилась выйти за него замужъ только въ томъ случаѣ, если ея братъ женится на его сестрѣ. Любовь уладила все дѣло, и обѣ свадьбы совершились въ одинъ день. Такимъ образомъ мой дядя былъ мужемъ моей тетки, и ихъ дѣти были вдвойнѣ моими двоюродными братьями и сестрами. По прошествіи года, у новобрачныхъ родилось по ребенку, потомъ пришлось снова разстаться.

Мой дядя Бернаръ былъ инженеръ: онъ отправился на службу въ Имперію и Венгрію, къ принцу Евгенію, и отличился во время осады Бѣлграда и въ сраженіи при немъ. Отецъ мой, послѣ рожденія моего единственнаго брата, уѣхалъ въ Константинополь, куда его пригласили, и сдѣлался часовщикомъ при сералѣ.

Во время его отсутствія, красота, умъ и таланты моей матери привлекли къ ней обожателей. Де-ла-Клозюръ, французскій резидентъ, былъ изъ числа самыхъ жаркихъ поклонниковъ. Должно быть, его страсть была очень сильна, потому что даже по прошествіи тридцати лѣтъ, онъ, говоря со мною о моей матери, былъ очень растроганъ. Защитою ей послужила не только добродѣтель, но и нѣжная любовь къ мужу. Она торопила его вернуться: онъ бросилъ все и воротился. Я былъ печальнымъ плодомъ этого возвращенія. Десять мѣсяцевъ спустя, я родился хилымъ и больнымъ. Я стоилъ жизни моей матери и рожденіе мое было первымъ изъ моихъ бѣдствій.

Не знаю, какъ перенесъ отецъ эту потерю, но знаю, что онъ никогда въ ней не утѣшился. Во мнѣ онъ видѣлъ образъ моей матери, не будучи въ состояніи забыть, что я отнялъ ее у него. Когда онъ обнималъ меня, я чувствовалъ, что къ его вздохамъ и судорожнымъ объятіямъ всегда примѣшивалось горькое сожалѣніе. Но тѣмъ нѣжнѣе были его ласки. Когда онъ говорилъ мнѣ:—Жанъ-Жакъ, поговоримъ о маменькѣ,—я отвѣчалъ: чтожъ, батюшка! значитъ, мы будемъ плакать!—и уже одни эти слова извлекали у него слезы.—О!—говорилъ онъ, глубоко вздыхая—возврати мнѣ ее, утѣшь меня въ ея потерѣ, наполни пустоту, оставленную ею въ душѣ моей. Развѣ я любилъ-бы такъ тебя, еслибъ ты былъ только моимъ сыномъ?—Черезъ сорокъ лѣтъ послѣ ея смерти, онъ умеръ на рукахъ своей второй жены, но съ именемъ первой на устахъ и съ ея образомъ въ глубинѣ сердца.

Таковы были виновники моихъ дней. Изъ всѣхъ даровъ, которыми надѣлило ихъ небо, они оставили мнѣ только чувствительное сердце; но для нихъ оно было источникомъ счастія, а для меня сдѣлалось главною причиною всѣхъ моихъ бѣдствій.

Я родился почти умирающимъ и мало было надежды, что я останусь въ живыхъ. Во мнѣ и тогда уже былъ зародышъ болѣзни, которую годы усилили [1]) и которая теперь даетъ мнѣ по временамъ отдыхъ лишь для того, чтобъ причинять мнѣ другія, болѣе жестокія страданія. Одна изъ сестеръ моего отца, дѣвушка добрая и умная, такъ усердно ходила за мною, что спасла меня отъ смерти. Она еще жива въ ту минуту, когда я пишу эти строки и восьмидесяти лѣтъ отъ роду ходитъ за своимъ мужемъ, который моложе ея, но разслабленъ отъ употребленія спиртныхъ напитковъ. Милая тетушка! я прощаю вамъ то, что вы заставили меня жить, и сожалѣю, что не могу, на закатѣ вашихъ дней, воздать вамъ за всѣ нѣжныя попеченія, которыми вы окружали меня при

[1]) Онъ страдалъ почти постояннымъ задержаніемъ мочи, причиненнымъ органическимъ разстройствомъ мочеваго пузыря.

началѣ моихъ [1]). Моя няня Жаклина тоже жива, бодра и здорова. Руки, открывшія мнѣ глаза при рожденіи, могутъ закрыть ихъ въ минуту смерти.

Я началъ чувствовать прежде, чѣмъ сталъ думать; это общая участь человѣчества. Я испыталъ ее болѣе, чѣмъ кто-либо другой. Не знаю, что дѣлалъ я до пяти или шести лѣтъ, не знаю какъ выучился читать; помню только о томъ, что я читалъ въ первое время, и о впечатлѣніи, которое производило на меня это чтеніе; въ это-то время пробудилось во мнѣ сознаніе самого себя, продолжавшееся съ тѣхъ поръ непрерывно. Послѣ моей матери остались романы: мы стали читать ихъ съ отцомъ послѣ ужина. Сперва дѣло шло только о томъ, чтобъ упражнять меня въ чтеніи при помощи занимательныхъ книгъ, но скоро интересъ до такой степени усилился, что мы по очереди стали читать безъ отдыха и за этимъ занятіемъ проводили цѣлыя ночи. Мы оставляли книгу только тогда, когда оканчивали томъ. Бывало, отецъ, заслышавъ утромъ пѣніе ласточекъ, говорилъ со стыдомъ: пойдемъ спать! я больше ребенокъ чѣмъ ты!

Съ помощью такой опасной методы, я въ короткое время пріобрѣлъ не только большую способность легко читать и понимать себя, но и необыкновенное въ моемъ возрастѣ умѣнье понимать страсти. Я еще не имѣлъ никакого понятія о вещахъ, когда уже всѣ чувства были мнѣ знакомы. Я ничего не постигъ, но все перечувствовалъ. Эти смутныя волненія, которыя я ощущалъ одно за другимъ, не искажали разсудка, котораго во мнѣ тогда еще не было; но онѣ образовали во мнѣ способность разсуждать совсѣмъ иного рода и дали мнѣ о жизни человѣческой странныя и романическія понятія, отъ которыхъ никогда не могли излечить меня вполнѣ ни опытъ, ни размышленіе.

—1719—1723 г.—Чтеніе романовъ кончилось съ лѣтомъ 1719 года. Въ слѣдующую зиму началось другое. Библіотека моей матери истощилась; мы прибѣгнули къ той части библіотеки отца, которая перешла къ намъ по наслѣдству. Къ счастью, тамъ нашлись хорошія книги; иначе впрочемъ и не могло быть, потому что она была составлена хотя и священникомъ, но человѣкомъ съ умомъ и вкусомъ. Исторія церкви и имперіи Лесюёра, Рѣчь о всемірной исторіи Боссюэта, Знаменитые люди Плутарха, Исторія Венеціи Нани, Превращенія Овидія, Ла-Брюйеръ, Міры Фонтенеля, его Разговоры Мертвыхъ и нѣсколько томовъ Мольера были

---

[1]) Эту тетку звали г-жа Гонсерю. Въ мартѣ 1767 г., Руссо отдѣлилъ ей изъ своихъ доходовъ пожизненную ренту въ 100 ливровъ и даже находясь въ самомъ критическомъ положеніи, выплачивалъ ей всегда эту сумму съ благоговѣйною аккуратностью.

перенесены въ кабинетъ отца, и во время его работы я читалъ ихъ ему каждый день. Я почувствовалъ къ нимъ рѣдкую и, можетъ быть, необыкновенную въ этомъ возрастѣ наклонность. Особенно Плутархъ сдѣлался моимъ любимѣйшимъ предметомъ чтенія. Удовольствіе, испытывавшееся мною каждый разъ, какъ я перечитывалъ его, вылечило меня немного отъ страсти къ романамъ, и скоро я предпочиталъ Агезилая, Брута, Аристида—Орондату, Артамену и Ювѣ. Эти-то занимательные книги и разговоры, происходившіе по поводу ихъ между моимъ отцомъ и мною, образовали тотъ свободный, республиканскій духъ, тотъ неукротимый и гордый характеръ, не терпящій ярма и рабства, который мучилъ меня въ теченіе всей моей жизни, въ положеніяхъ, менѣе всего удобныхъ для его полета. Безпрерывно занятый Римомъ и Аѳинами, живя, такъ сказать съ ихъ великими людьми, рожденный самъ гражданиномъ республики и сыномъ человѣка, въ которомъ любовь къ отечеству была главнѣйшею страстью, я вдохновлялся его примѣромъ: считалъ себя грекомъ или римляниномъ, дѣлался лицомъ, жизнеописаніе котораго читалъ; разсказы о подвигахъ постоянства и смѣлости поражали меня, и глаза мои горѣли, голосъ дѣлался громче. Однажды, когда я разсказывалъ за столомъ о подвигѣ Сцеволы, присутствовавшіе испугались, увидѣвъ, что я, желая представить наглядно его поступокъ, приблизился къ жаровнѣ и намѣревался положить на нее руку.

У меня былъ братъ, старше меня семью годами. Онъ учился мастерству отца. Необычайная привязанность, которою я пользовался, была причиною того, что на него обращали меньше вниманія,—и я нисколько не хвалю этого. Недостатокъ ухода отразился и на его воспитаніи. Онъ пустился въ распутство даже прежде, чѣмъ достигъ возраста, въ который можно сдѣлаться настоящимъ развратникомъ. Его отдали къ другому мастеру, но и тамъ онъ предавался шалостямъ точно также, какъ и въ родительскомъ домѣ. Я почти не видалъ его; могу сказать, что почти не былъ даже знакомъ съ нимъ; но тѣмъ не менѣе не переставалъ любить его нѣжно, да и онъ любилъ меня на столько, на сколько кутила можетъ что нибудь любить. Помню, что однажды, когда отецъ въ сердцахъ строго наказывалъ его, я горячо бросился между ними и крѣпко обнялъ брата. Я прикрылъ его своимъ тѣломъ, получалъ назначавшіеся ему удары и такъ упорствовалъ въ этой защитѣ, что наконецъ отецъ долженъ былъ умилостивиться,—или потому, что его смягчили мои крики и слезы, или потому, что онъ не хотѣлъ подвергнуть меня побоямъ больше чѣмъ брата. Наконецъ, мой братъ совсѣмъ испортился, убѣжалъ изъ дома и совсѣмъ исчезъ. Нѣсколько времени спустя, мы узнали, что онъ бѣжалъ въ Германію. Мы не получали отъ него ни одного письма и съ тѣхъ поръ не имѣли

никакого извѣстія о немъ. Вотъ какимъ образомъ я остался единственнымъ сыномъ.

Если этого бѣднаго мальчика воспитывали небрежно, то не то было въ отношеніи къ его брату; за царскими дѣтьми не ухаживаютъ такъ усердно, какъ ухаживали за мною въ теченіе первыхъ лѣтъ моей жизни. Всѣ окружающіе обожали меня и всегда (что случается очень рѣдко) обращались со мною, какъ съ любимымъ, но не какъ съ избалованнымъ ребенкомъ. До самаго выхода моего изъ родительскаго дома, ни одного раза не пускали меня бѣгать по улицѣ вмѣстѣ съ другими дѣтьми, никогда не были принуждены искоренять во мнѣ или поддерживать какую-нибудь изъ тѣхъ сторонъ характера, которыя приписываются дѣйствію природы, между тѣмъ какъ онѣ образуются единственно вслѣдствіе воспитанія. У меня были недостатки, свойственные моимъ лѣтамъ: я былъ болтливъ, лакомка, иногда лгунъ. Я могъ красть плоды, конфекты, кушанье; но никогда не находилъ удовольствія въ томъ, чтобы дѣлать зло, причинять кому-нибудь ущербъ или вредъ, мучить бѣдныхъ животныхъ. Однако помню, какъ однажды я помочился въ кострюльку одной изъ нашихъ сосѣдокъ, мадамъ Кло, въ то время, какъ она была въ церкви. Признаюсь, до сихъ поръ воспоминаніе объ этомъ поступкѣ заставляетъ меня смѣяться, потому что мадамъ Кло, вообще очень добрая женщина, была самая ворчливая старуха, какую я когда-либо зналъ. Вотъ краткая и справедливая исторія всѣхъ преступленій моего дѣтства.

Какимъ образомъ могъ я сдѣлаться злымъ, когда у меня передъ глазами были примѣры только кротости, а вокругъ меня самые лучшіе люди на свѣтѣ? Мой отецъ, тетка, няня, родственники, друзья, сосѣди, всѣ, кто окружали меня, правду сказать не повиновались мнѣ, но любили меня, а я точно также любилъ ихъ. Желанія мои такъ мало возбуждались, такъ скоро удовлетворялись, что мнѣ даже не приходило въ голову имѣть ихъ. Могу поклясться, что до тѣхъ поръ пока я не подпалъ подъ деспотическую власть одного лица, я не зналъ что такое прихоть. Исключая время, которое я проводилъ за письмомъ или чтеніемъ подлѣ отца или въ прогулкахъ съ нянею, я всегда былъ подлѣ тетки, смотрѣлъ какъ она вышивала, слушалъ какъ пѣла, — и былъ доволенъ. Ея веселость, кротость, пріятное лицо оставили во мнѣ такое сильное впечатлѣніе, что я и теперь будто вижу ея фигуру, взглядъ, движенія, помню ея ласковыя рѣчи, могу сказать какъ она была одѣта и причесана, помню даже два завитка изъ черныхъ волосъ на вискахъ, по модѣ тогдашняго времени.

Я увѣренъ, что ей я обязанъ склонностью, или скорѣе страстью къ музыкѣ, которая развилась во мнѣ только долгое время спустя. Она знала необычайное множество арій и пѣсенокъ и пѣла ихъ самымъ нѣж-

нымъ голосомъ. Невозмутимость души этой превосходной дѣвушки отгоняла отъ нея и отъ всего, что окружало ее, скуку и мечтательность. До такой степени очаровывало меня ея пѣніе, что не только многія изъ ея пѣсенъ остались навсегда въ моей памяти, но даже теперь, когда я лишился ея, нѣкоторыя изъ нихъ, забытыя со времени моего дѣтства, возникаютъ въ головѣ моей съ невыразимою прелестью, по мѣрѣ того, какъ я старѣюсь. Можно ли повѣрить, что я, старый ворчунъ, снѣдаемый заботами и волненіями, часто плачу какъ дитя, когда бормочу эти пѣсенки дрожащимъ разбитымъ голосомъ? Была особенно одна изъ нихъ, которой мелодія вполнѣ сохранилась въ моей памяти; но вторая половина словъ постоянно сопротивлялась моимъ усиліямъ вспомнить ее, хотя нѣкоторыя риѳмы я припоминаю смутно. Вотъ начало ея и все остальное, что я въ силахъ припомнить:

«Tircis, je n'ose
Ecouter ton chalumeau
Sous l'ormeau.
Car on en cause
Déjà dans notre hameau,
. . . .
. . . . un berger
. . . . s'engager
. . . . . . sans danger;
Et toujours l'épine est sous la rose [1]).

Я ищу причину, почему эта пѣсенка производила такое трогательно-умиляющее дѣйствіе на мое сердце: это капризъ, котораго я рѣшительно не понимаю; но я положительно не могу допѣть ее до конца безъ

---

[1]) Эта пѣсня была очень извѣстна въ Парижѣ и въ рабочемъ классѣ распѣвается еще теперь. Вотъ она.

Tircis, je n'ose
Ecouter ton chalumeau
Sous l'ormeau;
Car on en cause
Déjà dans notre hameau.
Un coeur s'expose
A trop s'engager
Avec un berger
Et toujours l'épine est sous la rose.

Переводъ: «Тирсисъ, я не смѣю слушать твою свирѣль подъ вязомъ; о томъ ужъ говорятъ въ нашемъ хуторѣ. Сердце подвергается опасности, если оно слишкомъ отдается пастуху, — и всегда шипъ подъ розою».

того, чтобъ слезы не остановили меня. Сто разъ намѣревался я написать въ Парижъ, чтобъ мнѣ отыскали конецъ словъ, если только тамъ остался кто нибудь, кому онъ извѣстенъ. Но я почти увѣренъ, что удовольствіе, которое я ощущаю, припоминая эту пѣсенку, отчасти уменьшилось бы, еслибъ у меня было доказательство, что кромѣ моей бѣдной тетушки Сузанны ее пѣли и другіе.

Таковы были мои первыя привязанности при вступленіи въ жизнь; такъ начали во мнѣ формироваться или высказываться нѣжное и вмѣстѣ съ тѣмъ горделивое сердце и женственный, хотя и неукротимый характеръ, который, постоянно колеблясь между слабостью и твердостью, между изнѣженностью и добродѣтелью, до конца жизни ставилъ меня въ противорѣчіе съ самимъ собою и былъ причиною того, что воздержность и наслажденіе жизнью, удовольствіе и благоразуміе одинаково не давались мнѣ въ руки.

Этотъ ходъ воспитанія былъ прерванъ случаемъ, послѣдствія котораго имѣли вліяніе на всю мою остальную жизнь. Мой отецъ вышелъ на дуэль съ однимъ господиномъ Готье, французскимъ капитаномъ, имѣвшимъ родственниковъ между членами совѣта. Этотъ Готье, подлый и наглый человѣкъ, струсилъ передъ нимъ и въ отомщеніе обвинилъ отца въ томъ, что тотъ обнажилъ шпагу въ чертѣ города. Мой отецъ, котораго хотѣли заключить въ тюрьму, настаивалъ, чтобы, по закону, вмѣстѣ съ нимъ заключили и обвинителя. Не достигнувъ своей цѣли, онъ предпочелъ покинуть навсегда Женеву, чѣмъ уступить въ такомъ дѣлѣ, гдѣ его честь и свобода казались ему компрометированными.

Я остался подъ опекой дяди Бернара, служившаго по инженерному вѣдомству и трудившагося надъ укрѣпленіемъ Женевы. Старшая дочь его умерла, но у него былъ сынъ, однихъ лѣтъ со мною. Насъ отдали въ пансіонъ въ Боссэ, къ священнику Ламберсье, для изученія, вмѣстѣ съ латынью, всего балласта, который присоединяютъ къ ней подъ названіемъ курса образованія.

Два года, проведенные мною въ деревнѣ, смягчили нѣсколько мою римскую суровость и возвратили меня къ дѣтскому состоянію. Въ Женевѣ, гдѣ меня ни къ чему не принуждали, мнѣ нравились уроки и чтеніе, составлявшіе тамъ почти мое единственно развлеченіе; въ Боссэ трудъ заставилъ меня полюбить игры, служившія отдохновеніемъ послѣ него. Дачная жизнь была такъ нова для меня, что я не переставалъ ею восхищаться. Я получилъ къ ней пристрастіе, которое съ тѣхъ поръ никогда не покидало меня. Воспоминаніе о счастливыхъ дняхъ, проведенныхъ тамъ, заставляло меня сожалѣть о нихъ постоянно, даже въ тѣ годы, когда я снова вернулся къ этой жизни. Г. Ламберсье былъ человѣкъ разсудительный, который, не пренебрегая нашимъ образованіемъ,

не обременялъ насъ чрезмѣрными занятіями. Доказательствомъ того, что онъ велъ дѣло какъ слѣдуетъ, служитъ то, что, не смотря на мое отвращеніе къ принужденію, я никогда не вспоминалъ съ отвращеніемъ о времени моихъ занятій, и если научился у этого учителя немногому, то научился безъ труда и ничего не забылъ.

Простота этой сельской жизни послужила мнѣ въ неоцѣнимую пользу, открывъ мое сердце дружбѣ. До тѣхъ поръ мнѣ были знакомы чувства хотя и возвышенныя, но только придуманныя. Привычка жить вмѣстѣ съ другими соединила меня нѣжною дружбою съ моимъ двоюроднымъ братомъ Бернаромъ. Прошло не много времени, — и я уже питалъ къ нему болѣе нѣжныя чувства, чѣмъ тѣ, которыя имѣлъ къ брату и которыя никогда не изгладятся изъ моего сердца. Бернаръ былъ высокъ ростомъ, очень строенъ и худощавъ, также добръ сердцемъ, какъ и слабъ тѣломъ, и не слишкомъ злоупотреблялъ предпочтеніемъ, которое ему оказывали въ пансіонѣ, какъ сыну моего опекуна. Наши занятія, игры, вкусы были одни и тѣже: мы были одни, одних лѣтъ, каждый изъ насъ нуждался въ товарищѣ; разлучить насъ значило бы до нѣкоторой степени уничтожить насъ обоихъ. Хотя намъ представлялось мало случаевъ доказать другъ другу взаимную привязанность, но эта привязанность была весьма сильная и мы не только не могли оставаться ни одной минуты врозь, но даже и не воображали, чтобъ это могло когда-нибудь случиться. Мы оба легко поддавались ласкамъ, оба охотно исполняли чужія желанія, когда насъ не принуждали къ тому, и всегда во всемъ соглашались. Если вслѣдствіе предпочтенія, которое оказывали ему наши наставники, онъ имѣлъ, въ ихъ присутствіи, нѣкоторое вліяніе на меня, то когда мы оставались одни, — вліяніе переходило на мою сторону и возстановляло равновѣсіе. Въ классахъ я подсказывалъ ему урокъ, когда онъ не зналъ что отвѣчать; окончивъ свою задачу, помогалъ ему рѣшить заданную ему, а въ нашихъ играхъ моя дѣятельность всегда служила ему руководителемъ. Однимъ словомъ наши характеры такъ подходили одинъ къ другому и дружба, соединявшая насъ, была такъ искренна, что въ теченіе пяти лѣтъ слишкомъ, неразлучно проведенныхъ нами какъ въ Боссэ, такъ и въ Женевѣ, мы, правда, частенько дрались, но никогда не оказывалось необходимости развести насъ, никогда ссора не продолжалась болѣе четверти часа и никогда ни въ чемъ мы не жаловались другъ на друга. Положимъ, эти замѣтки мелочны, но тѣмъ не менѣе предметъ ихъ представляетъ примѣръ, можетъ быть единственный съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ дѣти.

Образъ жизни въ Боссэ мнѣ очень нравился, и ему стоило только продлиться, чтобъ совершенно установить мой характеръ. Основаніе этой жизни составляли чувства нѣжныя, любящія, мирныя. Думаю, что ни

одно существо нашего рода не было отъ природы менѣе тщеславно, чѣмъ я. Порою во мнѣ проявлялись возвышеннѣйшіе порывы души, но послѣ этого я тотчасъ же впадалъ въ обычную апатію. Живѣйшее мое желаніе состояло въ томъ, чтобъ меня любили всѣ окружавшіе. Я былъ кротокъ, мой двоюродный братъ тоже; такими же были и наши воспитатели. Въ теченіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ я не былъ ни свидѣтелемъ, ни жертвою какого либо насильственнаго поступка. Все поддерживало въ моемъ сердцѣ настроеніе, полученное имъ отъ природы. Ничего не казалось мнѣ милѣе, какъ видѣть другихъ довольными и мною и всѣмъ. Я всегда буду помнить, что когда въ церкви, отвѣчая изъ катихизиса, я забывалъ урокъ и въ смущеніи останавливался, то ничто такъ не волновало меня, какъ безпокойство и огорченіе, которое я замѣчалъ въ это время на лицѣ мадмуазель Ламберсье. Это одно больше тревожило меня, чѣмъ стыдъ показаться неучемъ предъ всѣми, хотя и послѣднее чувство до крайности огорчало меня: мало цѣня похвалы, я всегда опасался стыда, и могу здѣсь сказать, что ожиданіе выговора отъ мадмуазель Ламберсье внушало мнѣ менѣе безпокойства, чѣмъ боязнь ее огорчить.

Впрочемъ, при случаѣ, она, точно также какъ и ея братъ, умѣла быть строгой; но такъ какъ эта строгость, почти всегда справедливая, никогда не переходила границъ разсудка, то я только огорчался, но нисколько не возмущался ею. Мнѣ было болѣе досадно заслужить нерасположеніе, чѣмъ подвергнуться наказанію, и изъявленіе неудовольствія мучило меня больше, чѣмъ дѣйствительное наказаніе. Мнѣ затруднительно объясниться подробнѣе, но это необходимо. Безъ сомнѣнія, многіе измѣнили бы свое обращеніе съ юношами, если бы лучше предвидѣли отдаленныя послѣдствія того обращенія, которое всегда употребляютъ безразлично и часто нескромно. Великій урокъ, который можно извлечь изъ примѣра, столько же обыкновеннаго, сколько и гибельнаго, заставляетъ меня рѣшиться привести его здѣсь.

Мадмуазель Ламберсье любила насъ какъ мать и такъ какъ она въ тоже время пользовалась материнскою властью надъ нами, то когда мы заслуживали этого, она иногда подвергала насъ дѣтскому наказанію. Довольно долго она ограничивалась угрозами, — и эти угрозы наказаніемъ для меня совершенно новымъ, казались мнѣ ужасными: но послѣ приведенія ихъ въ дѣйствіе, я нашелъ это наказаніе менѣе страшнымъ, чѣмъ ожиданіе его и, что страннѣе, оно заставило меня еще болѣе привязаться къ той, которая подвергнула меня ему. Мало того только вся искренность этой привязанности и вся моя природная кротость мѣшали мнѣ не искать случая заслужить снова это наказаніе; потому что въ боли и даже въ стыдѣ я нашелъ какую-то смѣсь чувственности, которая поселила во мнѣ скорѣе желаніе, чѣмъ боязнь быть снова наказаннымъ

тою же самою рукою. Правда, что такъ какъ къ этому ощущенію безъ сомнѣнія примѣшивался какой-то преждевременный половой инстинктъ, то я не былъ бы особенно доволенъ, если бы тому же самому наказанію подвергнулъ меня ея братъ. Но судя по его характеру, нечего было опасаться такой перемѣны въ лицахъ, и если я избѣгалъ случая заслужить повтореніе, то дѣлалъ это единственно изъ боязни разсердить мадмуазель Ламберсье: потому что такое сильное вліяніе имѣетъ на меня всякая благосклонность, даже порожденная чувственностью, что она всегда покоряетъ эту послѣднюю въ моемъ сердцѣ.

Это повтореніе, которое я старался отвратить, нисколько не боясь его, произошло совершенно не по моей винѣ, и я могу сказать, что воспользовался имъ съ самою чистою совѣстью; это повтореніе было однако послѣднимъ; мадмуазель Ламберсье, безъ сомнѣнія замѣтивъ по нѣкоторымъ признакамъ, что наказаніе не соотвѣтствуетъ цѣли, объявила, что отказывается отъ него, что оно для нея очень утомительно. До тѣхъ поръ, мы спали въ ея комнатѣ, а зимою иногда и въ ея постели. Два дня спустя, насъ перемѣстили ночевать въ другую комнату, и съ той поры она оказывала мнѣ честь, отъ которой я легко отказался бы,—обращаться со мной какъ съ большимъ мальчикомъ.

Кто бы могъ подумать, что это наказаніе, полученною восьмилѣтнимъ мальчикомъ отъ тридцатилѣтней дѣвушки, имѣло рѣшительное вліяніе на всѣ наклонности, желанія, страсти всей моей жизни, и притомъ въ смыслѣ, совершенно противномъ тому, какого нужно было ожидать по самому существу вещей? Въ то самое время, какъ во мнѣ пробудились чувственные инстинкты, мои желанія такъ легко удовлетворились, что и не думали стремиться къ чему либо другому. Имѣя въ жилахъ кровь, кипѣвшую чувственностью почти съ самаго дня рожденія, я сохранилъ себя чистымъ отъ всякой грязи до того возраста, когда развиваются самые холодные и поздніе темпераменты. Долгое время мучимый неизвѣстно чѣмъ, я пожиралъ пылающими взорами красивыхъ женщинъ; воображеніе мое безпрерывно напоминало мнѣ ихъ, возбуждая во мнѣ единственное желаніе воспользоваться ими по моему и сдѣлать изъ нихъ безчисленное множество дѣвицъ Ламберсье.

Даже и въ возрастѣ возмужалости, при этомъ странномъ, постоянномъ и доведенномъ до нравственной испорченности, до сумасшествія вкусѣ во мнѣ сохранилась чистота нравовъ, которой казалось бы онъ долженъ былъ меня лишить. Никакое воспитаніе не могло быть скромнѣе и цѣломудреннѣе моего. Мои три тетки отличались не только примѣрною разсудительностью, но сдержанностью, съ давнихъ поръ незнакомою женщинамъ. Мой отецъ, охотникъ до наслажденій, но любезникъ стараго покроя, никогда не говорилъ при женщинахъ о такихъ

вещахъ, отъ которыхъ могла бы покраснѣть дѣвушка, и ни въ одномъ семействѣ уваженіе къ дѣтямъ не достигало такихъ огромныхъ размѣровъ, какъ въ нашемъ, и въ моемъ присутствіи. Не меньше вниманія въ этомъ отношеніи встрѣтилъ я и у г. Ламберсье, и одна очень хорошая служанка была выгнана изъ его дома за игривое словцо, произнесенное ею въ нашемъ присутствіи. Не только до самаго времени моей возмужалости я не имѣлъ опредѣленнаго понятія объ интимной связи, но представленіе о ней всегда являлось въ моемъ умѣ въ самомъ ненавистномъ и отвратительномъ видѣ. Къ публичнымъ женщинамъ я чувствовалъ отвращеніе, которое никогда во мнѣ не искоренилось; на развратника я не могъ смотрѣть безъ презрѣнія, даже безъ ужаса: до такой степени доходила моя ненависть къ разврату:

Эти предразсудки воспитанія, способные сами по себѣ отдалить первые взрывы легко воспламеняющагося темперамента, были поддержаны, какъ я уже сказалъ, вліяніемъ, произведеннымъ на меня первыми проявленіями чувственности. Рисуя въ своемъ воображеніи только то, что я прочувствовалъ, я умѣлъ устремлять, не смотря на очень безпокойныя возмущенія крови, свои желанія единственно къ тому роду сладострастія, который былъ мнѣ извѣстенъ и никогда не доходилъ въ этихъ желаніяхъ до того сладострастія, которое было мнѣ отвратительно и касалось очень близко перваго совершенно помимо моего вѣдома. Въ моихъ глупыхъ фантазіяхъ, эротическихъ изступленіяхъ и сумасбродныхъ дѣйствіяхъ, совершавшихся иногда въ припадкахъ чувственности, я мысленно прибѣгалъ къ помощи другого пола и никогда не думалъ, чтобы онъ былъ способенъ на какое нибудь употребленіе, кромѣ того, которое я стремился извлечь изъ него со всею горячностью страсти.

Такимъ образомъ, одаренный отъ природы въ высшей степени пылкимъ, страстнымъ и рано-развившимся темпераментомъ, я не только перешелъ за возрастъ возмужалости, не имѣя никакихъ пожеланій и зная только тѣ чувственныя удовольствія, о которыхъ дала мнѣ понятіе мадмуазель Ламберсье, сама того не подозрѣвая; но даже тогда, когда я сдѣлался взрослымъ человѣкомъ, все, что казалось должно было погубить меня, точно также спасло меня отъ погибели. Прежнія стремленія дитяти не исчезли, но соединились съ другими до такой степени, что я никогда не могъ отдѣлить ихъ отъ желаній, происходившихъ вслѣдствіе разгоряченія крови, и это безуміе, поддерживавшееся моею природною стыдливостью, сдѣлало меня очень робкимъ въ отношеніи женщинъ, за неимѣніемъ смѣлости все сказать или все сдѣлать, такъ какъ тотъ родъ наслажденія, въ которомъ другое лицо было для меня только послѣднимъ предѣломъ, не можетъ быть ни на-

сильственно присвоенъ тѣмъ, кто стремится къ достиженію его, ни отгаданъ тою, которая можетъ доставить его. Такимъ образомъ я провелъ всю свою жизнь въ томъ, что желалъ и молчалъ въ присутствіи лицъ, которыхъ я любилъ болѣе всего на свѣтѣ. Не имѣя никогда смѣлости объявить о моей страсти, я тѣшилъ эту страсть по крайней мѣрѣ отношеніями, поддерживавшими во мнѣ представленіе о ней. Стоять на колѣняхъ предъ надменной любовницей, повиноваться ея приказаніямъ, просить у нея прощенія—все это я считалъ наслажденіемъ, и чѣмъ болѣе живое воображеніе разгорячало мою кровь, тѣмъ болѣе я походилъ на робкаго любовника. Всякій пойметъ, что такой образъ дѣйствія не можетъ привести къ успѣшнымъ и скорымъ результатамъ и не слишкомъ опасенъ для добродѣтели тѣхъ лицъ, которыя служатъ предметомъ его. Такимъ образомъ я обладалъ весьма немного, но наслаждался по своему способу, т. е. при помощи воображенія. Вотъ какъ мои чувственныя стремленія, настроенныя на одну стать съ моимъ робкимъ характеромъ и романическимъ складомъ ума, оставили во мнѣ нетронутыми чистоту чувства и честность при содѣйствіи именно тѣхъ наклонностей, которыя, въ соединеніи съ бóльшимъ нахальствомъ, можетъ быть увлекли бы меня въ самое грубое сладострастіе.

Я сдѣлалъ первый и самый трудный шагъ въ темномъ и грязномъ лабиринтѣ моей исповѣди. Не въ томъ трудно сознаться, что преступно, но въ томъ, что смѣшно и постыдно. Теперь я уже увѣренъ въ себѣ; послѣ того, что я осмѣлился высказать, меня ничто не можетъ остановить. Чего стоили мнѣ подобныя признанія—можно судить по тому, что въ теченіе всей моей жизни, увлекаемый иногда къ тѣмъ, которыхъ я любилъ, со всѣмъ изступленіемъ страсти, отнимавшей у меня всякую способность видѣть и слышать, обезумѣвшій, проникнутый судорожнымъ трепетомъ всего тѣла, я никогда не отваживался признаться этимъ существамъ въ моемъ безуміи, и даже въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ не смѣлъ мечтать о единственной наградѣ, которой только и не доставало мнѣ. Такъ смѣло я поступилъ только однажды въ дѣтствѣ съ дѣвочкою однихъ со мною лѣтъ, да и тутъ она первая вызвала меня на это.

Восходя такимъ образомъ къ первымъ слѣдамъ существованія моихъ чувствъ, я нахожу въ нихъ элементы, хотя иногда и несовмѣстные, но тѣмъ не менѣе соединявшіеся между собою, производившіе простое и гармоническое дѣйствіе; въ тоже время я нахожу въ нихъ другіе элементы, повидимому похожіе на первые, но образовавшіе вслѣдствіе стеченія извѣстныхъ обстоятельствъ такіе противуположные результаты, которые казалось бы никакъ не могли бы имѣть другъ съ другомъ какое бы то ни было соотношеніе. Кто бы могъ на-

примѣръ подумать, что одинъ изъ самыхъ энергичныхъ двигателей моей души былъ закаленъ въ томъ самомъ источникѣ, который распространялъ въ моей крови нѣгу и сладострастіе? Не оставляя моего предмета, я представлю доказательства, долженствующія произвести впечатлѣніе, совершенно противоположное предыдущему.

Однажды я училъ урокъ въ комнатѣ, смежной съ кухнею. Служанка разложила передъ заслонкой печки гребни мадмуазель Ламберсье, для того чтобы высушить ихъ, и ушла. Когда она возвратилась взять ихъ, оказалось, что у одного гребня всѣ зубцы на одной сторонѣ были сломаны. Кто былъ виноватъ въ этомъ? никто кромѣ меня не входилъ въ комнату. Меня спрашиваютъ; я утверждаю, что не трогалъ гребня; приходятъ Ламберсье, братъ и сестра, они увѣщеваютъ меня, допытываются, угрожаютъ,—я стою упорно на своемъ. Но ихъ убѣжденіе было слишкомъ сильно и они не повѣрили моимъ увѣреніямъ въ невинности, хотя сознались, что я еще въ первый разъ такъ смѣло лгалъ. Дѣло приняло серьезный оборотъ, и оно стоило того. Злость, ложь, упорство казались равно достойными наказанія; но на этотъ разъ я получилъ его отъ руки не мадмуазель Ламберсье. Написали моему дядѣ Бернару, онъ явился. Бѣдный братъ былъ обвиненъ въ не менѣе важномъ поступкѣ; мы оба подверглись одинаковому наказанію. Оно было жестоко. Если бы даже искали лекарства въ самомъ злѣ для того, чтобъ навсегда притупить мои извращенныя чувства, то и тогда не могли бы съ большимъ успѣхомъ взяться за дѣло. Поэтому, послѣ того меня надолго оставили въ покоѣ.

Отъ меня не могли добиться требуемаго признанія. Нѣсколько разъ подвергали самымъ ужаснымъ истязаніямъ, — я былъ непоколебимъ. Я готовъ былъ лучше умереть и рѣшился на это. Самая сила должна была уступить дьявольскому упрямству дитяти, — иначе не называли мою твердость. Наконецъ я вышелъ изъ этого жестокаго испытанія, истерзанный въ клочки, но съ торжествомъ.

Около пятидесяти лѣтъ прошло со времени этого происшествія и теперь я не боюсь подвергнуться снова наказанію за ту же вину, но все-таки объявляю предъ лицомъ неба, что я былъ невиненъ, что не дотрогивался до гребня, не ломалъ его, не подходилъ къ заслонкѣ и даже не думалъ подойти къ ней. Пусть не спрашиваютъ меня, какимъ образомъ онъ сломался,—я не знаю и не могу понять; знаю навѣрное одно,—что я не былъ виноватъ въ этомъ.

Пусть представятъ себѣ характеръ, скромный и послушный въ обыкновенной жизни, но гордый, пылкій, неукротимый въ минуту страсти, пусть представятъ себѣ ребенка, всегда повиновавшагося голосу разсудка, всегда привыкшаго къ кроткому, справедливому, ласковому обра-

щенію, не имѣвшаго даже понятія о несправедливости и въ первый разъ узнавшаго ее по собственному опыту со стороны именно тѣхъ людей, которыхъ онъ наиболѣе уважалъ и любилъ:—какое ниспроверженіе понятій! какой безпорядокъ чувствъ! какой переворотъ въ сердцѣ, мозгу, во всемъ его маленькомъ разумномъ и нравственномъ существѣ! Говорю,—пусть представятъ себѣ все это, если возможно; потому что, что касается меня, то я не въ состояніи разобрать или изслѣдовать малѣйшую часть того, что происходило тогда во мнѣ.

Я не былъ тогда еще настолько развитъ, чтобъ сознать, какъ сильно обвиняли меня обстоятельства, и чтобы поставить себя на мѣсто другихъ. Я упорно стоялъ на своемъ мѣстѣ и только чувствовалъ жестокость наказанія за несовершенный проступокъ. Боль тѣлесная, хотя и очень сильная, была для меня не очень чувствительна; я ощущалъ только злость, бѣшенство, отчаяніе. Мой братъ былъ почти въ такомъ же положеніи; наказанный за невольную ошибку, какъ за умышленную вину, онъ, слѣдуя моему примѣру, приходилъ въ бѣшенство и настраивалъ себя, такъ сказать, на одинъ тонъ со мною. Лежа въ одной постели, мы обнимали другъ друга съ судорожными порывами и задыхались; когда наши молодыя сердца немного стихали и мы могли изливать свой гнѣвъ, тогда мы приподнимались на кровати и кричали изъ всей силы: carnifex! carnifex! carnifex!

Начертывая эти строки, я чувствую, какъ и теперь мой пульсъ бьется сильнѣе; эти минуты не изгладятся изъ моей памяти, если бы даже я прожилъ сто тысячъ лѣтъ. Это первое ощущеніе насилія и несправедливости такъ глубоко врѣзалось въ мою душу, что всѣ мысли, относящіяся къ нему, приводятъ меня въ прежнее волненіе; и это чувство, въ началѣ относившееся собственно ко мнѣ, развилось такъ сильно само по себѣ и такъ отдѣлилось отъ всякаго личнаго интереса, что при видѣ или разсказѣ о всякомъ несправедливомъ дѣйствіи, надъ кѣмъ бы оно ни было совершено, мое сердце воспламеняется такъ, какъ будто дѣйствіе этой несправедливости обратилось на меня самого. [illegible]

[illegible]

вливается. Мы оставались въ Боссэ еще нѣсколько мѣсяцевъ, но уже походили на перваго человѣка въ земномъ раю въ то время, когда онъ потерялъ возможность наслаждаться имъ; повидимому наше положеніе не измѣнилось, а на дѣлѣ выходило совсѣмъ иное. Привязанность, уваженіе, дружба, довѣріе не соединяли болѣе учениковъ съ наставниками; мы уже не смотрѣли на нихъ, какъ на боговъ, читавшихъ въ глубинѣ нашего сердца; мы меньше стыдились поступать дурно и больше боялись быть уличенными; мы начали скрываться, идти на перекоръ, лгать. Всѣ пороки нашего возраста развращали нашу невинность и безобразили наши игры. Самая деревенская жизнь потеряла въ нашихъ глазахъ ту кроткую и простую прелесть, которая прямо идетъ къ сердцу; эта жизнь казалась намъ теперь пустынною, мрачною; она какъ бы облеклась покровомъ, скрывшимъ отъ насъ ея красоту. Мы перестали работать въ маленькомъ садикѣ, ухаживать за цвѣтами. Мы уже не раскапывали земли, не кричали отъ радости, видя, какъ поднялось и дало отростокъ посѣянное нами зерно. Намъ наскучила эта жизнь, мы наскучили окружавшимъ насъ людямъ; мой дядя взялъ насъ изъ пансіона, и мы разстались съ г. и мадмуазель Ламберсье, пресыщенные другъ другомъ и мало сожалѣя о нашей разлукѣ.

Около тридцати лѣтъ прошло со времени выхода моего изъ Боссэ, и я никогда не вспоминалъ о пребываніи въ немъ съ чувствомъ удовольствія или въ сколько-нибудь связныхъ образахъ; но съ тѣхъ поръ, какъ я перешелъ зрѣлый возрастъ и приближаюсь къ старости, я чувствую, что между тѣмъ какъ прочія воспоминанія исчезаютъ, эти воспоминанія дѣтства снова возникаютъ въ моей душѣ, напечатлѣваются въ моей памяти въ образахъ, прелесть и сила которыхъ увеличиваются съ каждымъ днемъ, какъ будто бы я, предугадывая, что жизнь уходитъ отъ меня, стараюсь снова поймать ее за ея начало.

Малѣйшія происшествія того времени милы мнѣ именно тѣмъ, что принадлежатъ къ тому времени. Я припоминаю мѣста, лица, часы. Вижу служанку или слугу, убирающихъ комнату, ласточку, влетающую въ окно, муху, садящуюся ко мнѣ на руку въ то время, какъ я отвѣчаю урокъ; вижу все убранство комнаты, въ которой мы жили: кабинетъ г. Ламберсье направо, на стѣнѣ картина, изображающая всѣхъ папъ, барометръ, большой календарь, кусты малины, которые изъ сада, очень высокаго въ сравненіи съ нашимъ домомъ, выходившимъ въ него заднимъ фасадомъ, осѣняли окно нашей комнаты, а иногда и врывались въ него. Знаю, что читателю не особенно нужно знать все это; но мнѣ,— мнѣ необходимо говорить о немъ. Отчего я не смѣю точно также разсказать читателямъ небольшіе анекдоты изъ этого счастливаго возраста, которые приводятъ меня еще до сихъ поръ въ радостный трепетъ при

одномъ воспоминаніи о нихъ! Особенно пять или шесть... Помиримся. Избавлю васъ отъ пяти и разскажу шестой, только одинъ, — съ условіемъ, чтобы мнѣ позволили разсказывать какъ можно дольше, для того, чтобъ продлить мое наслажденіе.

Еслибъ я думалъ только о вашемъ удовольствіи, я могъ бы разсказать вамъ, какъ задняя часть тѣла мадмуазель Ламберсье, вслѣдствіе несчастнаго паденія на скатѣ луга, предстала вполнѣ предъ глазами сардинскаго короля въ то время, какъ онъ проѣзжалъ мимо насъ; но анекдотъ объ орѣшникѣ на террасѣ болѣе для меня интересенъ, потому что здѣсь я былъ дѣйствующимъ лицомъ, тогда какъ во время этого паденія оставался только зрителемъ; и признаюсь, я не могъ ни однимъ словомъ посмѣяться надъ этимъ случаемъ, который будучи въ сущности и очень комичнымъ, огорчилъ меня потому, что предметомъ его была женщина, которую я любилъ, какъ родную мать и, можетъ быть, даже болѣе.

О, ты, читатель, интересующійся великимъ разсказомъ объ орѣшникѣ на террасѣ, выслушай ужасную трагедію и воздержись отъ трепета, если можешь!

При входѣ во дворъ, была слѣва терраса, на которой часто мы всѣ сидѣли послѣ полудня, хотя на ней и не было тѣни. Для устраненія этого неудобства г. Ламберсье посадилъ тамъ орѣшникъ. Это насажденіе совершилось съ торжествомъ: оба пансіонера были крестными отцами, и въ то время, какъ закапывали яму, каждый изъ насъ поддерживалъ дерево рукою и пѣлъ торжественныя пѣсни. Вокругъ ствола, для болѣе удобнаго снабженія его водою, устроили нѣчто въ родѣ бассейна. Съ каждымъ днемъ, я и братъ, бывшіе ревностными зрителями этого орошенія, все болѣе и болѣе утверждались въ очень естественной мысли, что гораздо достойнѣе посадить дерево на террасѣ, чѣмъ водрузить знамя на бастіонѣ, и рѣшились достигнуть этой славы, не раздѣляя ея ни съ кѣмъ.

Съ этой цѣлью мы срѣзали черенокъ молодой ивы и посадили его на террасѣ, въ восьми или десяти футахъ отъ величественнаго орѣшника. Мы не забыли также сдѣлать вокругъ нашего деревца маленькое углубленіе; задача состояла только въ томъ, чѣмъ его наполнить. Вода была далеко, и намъ не позволяли бѣгать къ тому мѣсту, откуда ее брали. Между тѣмъ она была совершенно необходима для нашей ивы Въ теченіе нѣсколькихъ дней мы добывали ее всевозможными хитростями, и наши труды шли такъ успѣшно, что мы вскорѣ увидѣли, какъ отростокъ покрылся почками и потомъ маленькими листиками, величину которыхъ мы измѣряли чуть ли не каждый часъ, въ увѣренности, что отростокъ скоро укроетъ насъ въ своей тѣни, не смотря на то, что онъ даже на футъ не поднялся отъ земли.

Наше деревцо такъ занимало насъ, что мы сдѣлались рѣшительно неспособны къ ученію и ходили какъ въ чаду; наставники не знали, чему это приписать, и давали намъ еще меньше воли, такъ что мы наконецъ почувствовали приближеніе той роковой минуты, когда не достанетъ намъ воды, и съ отчаяніемъ ожидали, что деревцо наше завянетъ и погибнетъ. Наконецъ нужда, мать промышленности, внушила намъ средство избавить насъ и наше дерево отъ вѣрной погибели: мы придумали сдѣлать подземный жолобъ, который незамѣтно проводилъ бы къ ивѣ часть воды, орошавшей орѣшникъ. Сначала это предпріятіе, исполненное съ большою горячностью, не увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Мы сдѣлали такой дурной скатъ, что вода не текла, земля сыпалась и засоряла жолобъ, отвертіе его наполнялось грязью; дѣло шло весьма плохо. Но насъ ничто не остановило: Labor omnia vincit improbus. Мы еще глубже вскопали землю и бассейнъ, чтобъ дать свободный ходъ водѣ; сдѣлали четыреугольные продолговатые ящики и уставили ихъ одинъ за другимъ, образуя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ треугольники; такимъ образомъ составился угловато-длинный проводъ воды. По бокамъ этихъ ящиковъ мы насадили тоненькія палочки, которыя составили родъ маленькой рѣшетки и задерживали грязь и камешки, нисколько не мѣшая теченію воды. Все это мы старательно покрыли хорошо утоптанною землею, и въ тотъ день, когда все было готово, ждали съ надеждою и страхомъ часа, въ который должно было происходить поливаніе орѣшника. Онъ наконецъ наступилъ, послѣ цѣлаго вѣка ожиданій: г. Ламберсье, по обыкновенію, присутствовалъ при операціи, а мы оба стояли сзади него, чтобы спрятать наше деревцо, къ которому онъ, къ счастью, стоялъ спиной.

Только что влили первый ушатъ воды, какъ мы увидѣли, что она течетъ въ нашъ басейнъ. При видѣ этого все благоразуміе насъ оставило; радостные крики наши заставили г. Ламберсье обернуться, что̀ было очень жаль, потому что онъ съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ, какъ земля вокругъ орѣшника съ жадностью впивала въ себя воду и тѣмъ доказывала свое хорошее качество. Пораженный внезапнымъ раздѣленіемъ воды на два рукава, онъ вскрикнулъ въ свою очередь, замѣтилъ нашу хитрость, велѣлъ принести себѣ лопату, въ два или три удара разбросалъ наши доски, и крича во все горло: *водопроводъ! водопроводъ!* наносилъ во всѣ стороны безжалостные удары, изъ которыхъ каждый поражалъ насъ прямо въ сердце. Въ одно мгновеніе доски, водопроводъ, бассейнъ, ива — все было уничтожено, перерыто — и во все время этого ужаснаго разгрома не было произнесено ни одного слова, кромѣ восклицанія, которое повторялось безпрестанно: *водопроводъ!*—кричалъ онъ, ломая все,—*водопроводъ! водопроводъ!*

Иной подумаетъ, что все это окончилось очень дурно для маленькихъ строителей. Но онъ ошибется. Тѣмъ все и покончилось. Г. Ламберсье ни однимъ словомъ не упрекнулъ насъ, даже лицо его не было сердитѣе обыкновеннаго; онъ ничего не сказалъ, и мы даже слышали, немного спустя, какъ онъ во все горло смѣялся съ своею сестрою (его смѣхъ былъ всегда слышенъ издалека), и что еще удивительнѣе, мы сами были не слишкомъ огорчены, когда прошло первое непріятное впечатлѣніе. Мы посадили новое деревцо въ другомъ мѣстѣ и часто воспоминали о катастрофѣ, случившейся съ первымъ, повторяя съ большою торжественностью: *водопроводъ! водопроводъ!* До тѣхъ поръ у меня бывали приливы гордости въ тѣ минуты, когда я чувствовалъ себя Аристидомъ или Брутомъ; но теперь я впервые ясно ощутилъ въ себѣ первое проявленіе тщеславія. Устройство водопровода собственными руками — устройство, давшее отростку возможность соперничать съ большимъ деревомъ—казалось мнѣ дѣломъ въ высшей степени славнымъ. Въ десятилѣтнемъ возрастѣ я судилъ объ этомъ лучше, чѣмъ Цезарь въ тридцатилѣтнемъ.

Мысль объ этомъ орѣшникѣ и маленькая исторія, относящаяся къ нему, такъ хорошо остались у меня въ памяти, что однимъ изъ моихъ пріятнѣйшихъ предположеній, во время моего путешествія въ Женеву въ 1754 г., было отправиться въ Боссэ, чтобы увидѣть вновь памятникъ моихъ дѣтскихъ игръ и въ особенности милый орѣшникъ, который въ то время прожилъ уже треть столѣтія. Но разныя обстоятельства такъ безпрерывно одолѣвали меня, я такъ мало располагалъ собою, что не могъ найти минуты для исполненія моего желанія. Мало вѣроятности, чтобъ когда-нибудь представился удобный къ тому случай; но съ потерею надежды, я все-таки не потерялъ желанія и почти увѣренъ, что если когда-либо вернусь въ эти любимыя мѣста и найду еще въ живыхъ мой милый орѣшникъ, то орошу его слезами.

По возвращеніи въ Женеву, я провелъ два или три года у моего дяди, ожидая какого-нибудь рѣшенія на счетъ меня. Предназначая своего сына къ поприщу инженера, онъ училъ его рисованію и знакомилъ съ Элементами Эвклида. Я тоже учился этому для компаніи и особенно пристрастился къ рисованію. Между тѣмъ шли разсужденія о томъ, что изъ меня сдѣлать: часовщика, прокурора или священника. Мнѣ лучше хотѣлось сдѣлаться священникомъ, потому что я очень любилъ произнесеніе проповѣдей; но малый доходъ, который получался съ имѣнія моей матери и долженъ былъ раздѣляться между мною и братомъ, не былъ достаточенъ для направленія моихъ занятій въ эту сторону. Такъ какъ мнѣ еще не зачѣмъ было торопиться въ выборѣ, то я и оставался у моего дяди, почти ничего не дѣлая и не переставая однакожъ. какъ и слѣдовало, платить порядочную сумму за мое содержаніе.

Мой дядя, подобно моему отцу любившій удовольствія, не умѣлъ подчинить себя, какъ отецъ, своимъ обязанностямъ и мало заботился о насъ. Тетка моя была набожная піетистка и больше любила распѣвать псалмы, чѣмъ думать о нашемъ воспитаніи. Намъ представляли почти полную свободу, которою мы никогда не злоупотребляли. Постоянно неразлучные, мы довольствовались другъ другомъ и, не желая заводить товарищества съ шалунами нашего возраста, не получили тѣхъ дурныхъ привычекъ, которыя могла внушить намъ праздность. Впрочемъ я даже не въ правѣ обвинять обоихъ насъ въ праздности, такъ какъ въ то время, мы менѣе чѣмъ когда-либо оставались въ бездѣйствіи, и особеннымъ счастіемъ было то, что всѣ забавы, къ которымъ мы попеременно пристращались, всегда держали насъ занятыми дома и отдаляли отъ насъ искушеніе бѣгать по улицамъ. Мы строили клѣтки, лодочки, дѣлали флейточки, воланы, барабаны, самострѣлы, или портили инструменты моего добраго дѣда, стараясь, по его примѣру, сдѣлать часы. Особенно любили мы пачкать бумагу, рисовать, раскрашивать, отмывать краски, изводить ихъ. Въ Женеву пріѣхалъ одинъ шарлатанъ итальянецъ, по имени Гамба-Корта; мы были у него одинъ разъ и потомъ не захотѣли идти больше; но у него были маріонетки—и мы сами начали дѣлать маріонетокъ; его куклы разыгрывали маленькія комедійки,—и мы для своихъ сочинили пьесы. За неимѣніемъ машинки, мы горломъ подражали голосу Полишинеля при представленіи этихъ прелестныхъ пьесъ, которыя наши добрые родные имѣли терпѣніе смотрѣть и слушать. Но случилось, что какъ-то разъ мой дядя Бернаръ прочелъ намъ въ кругу семейства прекраснѣйшую проповѣдь собственнаго сочиненія, и съ тѣхъ поръ мы бросили сценическія представленія и принялись за сочиненіе проповѣдей. Сознаюсь, эти подробности не особенно интересны, но онѣ показываютъ, до какой степени наше первоначальное воспитаніе было направлено въ хорошую сторону, если сами располагая почти вполнѣ собою и своимъ временемъ въ такомъ нѣжномъ возрастѣ, мы такъ мало поддавались искушенію злоупотреблять своею свободою. Мы такъ мало нуждались въ товарищахъ, что не искали даже случая съ ними сблизиться. Во время прогулки мы равнодушно смотрѣли на ихъ игры и не разу не подумали принять въ нихъ участіе. Дружба такъ всецѣло наполняла наши сердца, что намъ довольно было находиться вмѣстѣ, чтобы самыя простыя забавы обращались для насъ въ наслажденіе.

Наши родственники обратили наконецъ вниманіе на то, что мы были такъ неразлучны,—тѣмъ болѣе, что мой двоюродный братъ былъ очень большого роста, а я очень маленькаго, и такимъ образомъ мы представляли довольно смѣшную пару. Его худощавая, длинная фигура, ма-

ленькое лицо, похожее на испеченный картофель, вялое выраженіе лица, небрежная походка подавали другимъ дѣтямъ поводъ къ насмѣшкамъ надъ нимъ. На туземномъ нарѣчіи, ему дали прозвище «Барна Бреданна»; только что мы выходили изъ дому, какъ вокругъ насъ то и дѣло раздавалось «Барна Бреданна!» Онъ сносилъ это терпѣливѣе меня. Я сердился, хотѣлъ драться, а шалуны того и хотѣли. Я дрался и постоянно терпѣлъ пораженіе. Бѣдный братъ мой держалъ мою сторону, на сколько могъ; но онъ былъ слабъ и отъ одного удара кулакомъ сваливался на землю. Тогда я приходилъ въ бѣшенство. Правда, что не смотря на всѣ удары, сыпавшіеся на меня, предметомъ ненависти этихъ мальчиковъ былъ не я, а Барна Бреданна; тѣмъ не менѣе я такъ усиливалъ зло моимъ гнѣвнымъ сопротивленіемъ, что наконецъ, боясь преслѣдованія и брани школьниковъ, мы выходили изъ дому только въ тѣ часы, когда они были въ школѣ.

И такъ я уже въ то время сдѣлался защитникомъ угнетенныхъ. Чтобъ быть рыцаремъ въ полномъ смыслѣ слова, мнѣ недоставало только дамы сердца; но у меня оказалось ихъ двѣ. Время отъ времени я ѣздилъ къ моему отцу въ Ніонъ, маленькій городокъ Ваадтланда, куда онъ переѣхалъ на житье. Онъ былъ любимъ всѣми и на его сынѣ отразилась эта любовь. То короткое время, которое я проводилъ у него, всѣ только и думали, какъ бы угостить меня. Нѣкая госпожа Вюльсонъ особенно осыпала меня всевозможными любезностями и въ довершеніе всего, ея дочь избрала меня своимъ рыцаремъ. Всякій пойметъ, что значитъ одиннадцатилѣтній рыцарь для двадцатидвухлѣтней дѣвушки. Но всѣ эти плутовки очень рады выставлять на первый планъ маленькихъ куколъ, чтобъ прятать за ними большія или чтобъ вводить ихъ въ соблазнъ игрою, которую онѣ умѣютъ сдѣлать весьма привлекательною! Что касается меня, то я не находилъ особенной несоразмѣрности въ нашемъ возрастѣ и принялъ шутку за дѣло серьезное; я предался ей всѣмъ сердцемъ или скорѣе, всей головою; дѣйствительно, это была только головная любовь, не смотря на то, что я былъ влюбленъ до безумія и что всѣ мои восторги, волненія, бѣшенства представляли изъ себя сцены въ высшей степени уморительныя.

Я испыталъ два рода любви,—очень различные между собою, очень существенные и неимѣющіе почти ничего общаго, хотя оба они отличаются большою горячностью и нисколько не похожи на нѣжную дружбу. Вся моя жизнь раздѣлялась между этими двумя родами любви, и я даже испытывалъ ихъ за разъ; такъ, напримѣръ, въ то самое время, когда я такъ открыто поклонялся мадмуазель Вюльсонъ и былъ въ этомъ случаѣ такимъ деспотомъ, что выходилъ изъ себя, когда кто-нибудь другой приближался къ ней,—у меня были свиданія съ маленькой мадмуазель

Готонъ, — свиданія очень короткія, но довольно оживленныя, во время которыхъ она разыгрывала роль моей учительницы,—и больше ничего. Но это *ничего*, которое было для меня *все*, казалось мнѣ высшимъ блаженствомъ. Я уже понималъ цѣну тайны, хотя умѣлъ пользоваться ею только какъ ребенокъ, и такимъ образомъ, отплачивалъ мадмуазель Вюльсонъ, совершенно помимо ея вѣдома, за ту заботливость, съ которую она пользовалась мною для прикрытія своихъ любовныхъ интрижекъ съ другими. Но къ большому моему сожалѣнію, тайна была открыта или не такъ хорошо сохранена моею маленькой учительницею какъ мною, и насъ не замедлили разлучить.

Правду сказать, эта дѣвочка Готонъ была престранная личность. Лице ея, не безукоризненно красивое, было изъ тѣхъ лицъ, которыя трудно забыть, и я вспоминаю о немъ еще и теперь, вспоминаю даже слишкомъ часто для стараго сумасброда. Особенно не соотвѣтствовали ея возрасту глаза, талія и манеры. У ней былъ какой-то особенно внушающій и гордый видъ, весьма свойственный званію наставницы, что и породило въ насъ первую мысль, о томъ, чтобы я сдѣлался ея ученикомъ. Но всего страннѣе была въ ней непонятная смѣсь смѣлости и сдержанности. Она позволяла себѣ со мной самыя рѣзкія вольности, но никогда не допускала ихъ въ отношеніи къ себѣ съ моей стороны; она обходилась со мною совершенно какъ съ ребенкомъ, и это самое заставляетъ меня предполагать, что она въ то время уже вышла изъ дѣтскаго возраста, или, наоборотъ, была еще на столько ребенкомъ, что видѣла одну забаву въ той опасности, которой подвергалась.

Я весь предался, такъ сказать, каждой изъ этихъ двухъ дѣвушекъ, и предался до такой степени, что въ присутствіи одной никогда не вспоминалъ о другой. Впрочемъ, ощущенія, которыя каждая изъ нихъ вызывала во мнѣ, были совершенно различны между собою. Я могъ бы провести всю жизнь съ мадмуазель Вюльсонъ безъ мысли разстаться съ нею; но подходя къ ней, былъ радостно спокоенъ, и ничто не волновало меня. Особенно любилъ я ее въ большомъ обществѣ: шутки, заигрыванья, даже ревность привязывали меня къ ней и интересовали меня. Съ торжествомъ смотрѣлъ я на предпочтеніе, оказывавшееся ею мнѣ, въ присутствіи взрослыхъ соперниковъ, съ которыми она повидимому обходилась очень дурно. Я мучился, но любилъ это мученіе. Похвалы, одобренія, смѣхъ воодушевляли меня, разгорячали. У меня вырывались вспыльчивыя выходки, ловкія остроты; находясь съ нею въ обществѣ, я былъ внѣ себя отъ любви. Наединѣ съ ней я былъ бы неловокъ, холоденъ, даже скученъ. Между тѣмъ я принималъ въ ней самое нѣжное участіе: страдалъ, когда она была больна, готовъ былъ отдать за ея здоровье свое собственное, а замѣтьте, я очень хорошо знаю по опыту,

что такое болѣзнь и что такое здоровье. Въ ея отсутствіи, я думалъ о ней, мнѣ ея недоставало; въ присутствіи ея ласки услаждали мое сердце, но не дѣйствовали на чувственность. Я былъ безнаказанно фамильяренъ съ нею; мое воображеніе требовало только того, что она мнѣ давала: но я не могъ бы перенести, чтобы она дозволяла тоже самое и другимъ. Я любилъ ее какъ братъ, но ревновалъ какъ любовникъ.

Точно также я ревновалъ бы и маленькую Готонъ, какъ турокъ, какъ сумасшедшій, какъ тигръ, еслибъ могъ только подумать, что она въ состояніи обходиться съ другимъ точно также, какъ со мной, потому что и это обращеніе было милостью, которою я долженъ былъ вымаливать у ней на колѣняхъ! Къ дѣвицѣ Вюльсонъ я подходилъ съ чувствомъ большого удовольствія, но безъ всякаго смущенія, тогда какъ при встрѣчѣ съ Готонъ, я уже больше ничего не видѣлъ и ощущалъ сильное волненіе. Съ первой я обходился свободно, но безъ фамильярности; напротивъ, въ присутствіи второй, я былъ смущенъ и дрожалъ, даже во время самыхъ большихъ фамильярностей. Думаю, что если бы я оставался съ нею слишкомъ долго, то умеръ бы: сердцебіеніе задушило бы меня. Я одинаково боялся заслужить немилость, какъ той, такъ и другой, но одной старался больше услуживать, а другой больше повиноваться. Ни за что на свѣтѣ я не хотѣлъ бы разсердить дѣвицу Вюльсонъ; но если бы маленькая Готонъ велѣла мнѣ броситься въ огонь, я думаю, что повиновался бы ей въ ту же минуту.

Моя любовь или лучше сказать, мои свиданія съ Готонъ продолжались долго, къ большему счастью для нея и для меня. Что касается до моихъ отношеній къ Вюльсонъ, то хотя онѣ были не такъ опасны, но тоже окончились катастрофой, продлившись нѣсколько болѣе первыхъ. Развязка подобныхъ отношеній всегда должна имѣть отчасти романическій видъ и давать поводъ къ различнымъ толкамъ. Хотя моя любовь къ Вюльсонъ была менѣе порывиста, чѣмъ къ Готонъ, но въ ней было, можетъ быть, больше привязывающей силы. Никогда не разставались мы безъ слезъ, и непонятно тяжелую пустоту ощущалъ я въ себѣ послѣ этихъ разставаній. Я говорилъ только о ней, только о ней и думалъ: сожалѣніе мое было искренно и горячо, но полагаю, оно не относилось исключительно къ ней одной, а въ немъ, помимо моего вѣдома, играли не малую роль тѣ наслажденья, которыхъ она была центромъ. Для обоюднаго утѣшенія въ разлукѣ, мы писали другъ другу письма до такой степени патетическія, что самый камень тронулся бы ими. Наконецъ я удостоился того, что она не выдержала и пріѣхала повидаться со мною въ Женеву. На этотъ разъ голова у меня окончательно вскружилась; я ходилъ какъ пьяный и сумасшедшій тѣ два дня, которые она оставалась со мною. Послѣ отъѣзда ея хотѣлъ броситься въ воду и долго

оглашалъ воздухъ воплями. Недѣлю спустя, она прислала мнѣ конфекты и перчатки;—этотъ поступокъ показался бы мнѣ необычайно любезнымъ, если бы я не узналъ въ тоже время, что она вышла замужъ и что эта поѣздка, которою она оказала мнѣ такую честь, имѣла главною цѣлью покупку свадебныхъ нарядовъ. Не стану описывать мое бѣшенство; оно понятно. Въ пылу благороднаго негодованія я далъ клятву никогда болѣе не видаться съ вѣроломной, воображая, что придумалъ самое жестокое наказаніе. Однако она не умерла отъ этого; черезъ двадцать лѣтъ послѣ того, когда я посѣтилъ своего отца и ѣхалъ съ нимъ въ лодкѣ по озеру, я спросилъ, кто были дамы, которыя плыли недалеко отъ насъ. — Какъ!—сказалъ мнѣ отецъ, улыбаясь, — сердце ничего тебѣ не говоритъ? Эта твоя давнишняя страсть: мадамъ Кристенъ, урожденная Вюльсонъ. Я вздрогнулъ, услыхавъ это почти забытое имя, но велѣлъ гребцамъ повернуть въ сторону, сообразивъ, что не стоитъ измѣнять клятвѣ и возобновлять ссору, длившуюся двадцать лѣтъ, съ женщиной, которой было сорокъ,—хотя я могъ бы очень легко остаться въ выигрышѣ.

(1723—1728 г.) Такъ проходило въ пустякахъ драгоцѣннѣйшее время моего дѣтства, до тѣхъ поръ пока окончательно рѣшилась моя участь. Послѣ долгихъ совѣщаній о томъ, какъ направить мои природныя наклонности, рѣшились наконецъ посвятить меня тому, къ чему я чувствовалъ наименѣе охоты, и отдали меня къ г. Массерону, городскому натаріусу, для того, чтобъ подъ его руководствомъ я изучилъ, какъ говорилъ г. Бернаръ, полезное ремесло крючкотворца. Это названіе мнѣ очень не нравилось; надежда пріобрѣтать деньги недостойнымъ путемъ мало тѣшила мою гордость; занятія казались мнѣ скучны, невыносимы; приневоливанье, ученіе безъ отдыха окончательно отвратили меня отъ нихъ, и каждый день я входилъ въ кабинетъ своего начальника съ постоянно увеличивавшимся ужасомъ. Съ своей стороны г. Массеронъ, не совсѣмъ довольный мною, обращался со мною презрительно, упрекалъ меня въ отупѣлости, глупости, каждый день повторяя, что по увѣренію моего дяди, *я зналъ, я зналъ,* а между тѣмъ я ровно ничего не зналъ; что дядя обѣщалъ ему хорошаго мальчика, а далъ вмѣсто того просто осла. Окончилось тѣмъ, что онъ прогналъ меня наипостыднѣйшимъ образомъ за неспособность и всѣ подчиненные г. Массерона въ одинъ голосъ рѣшили, что только я годился на то, чтобъ работать пилою.

Когда обозначилось такимъ образомъ мое призваніе, меня отдали въ ученіе, но не къ часовщику, а къ граверу. Презрительное обхожденіе натаріуса слишкомъ обидно подѣйствовало на меня, и потому я безропотно покорился своей новой участи. Мой хозяинъ г. Дюкомменъ былъ человѣкъ молодой, но грубый и вспыльчивый; въ очень короткое

время онъ достигъ того, что заглушилъ во мнѣ хорошіе инстинкты дѣтства, сдѣлалъ грубымъ мой любящій и живой характеръ и низвелъ меня, какъ по отношенію къ характеру, такъ и по отношенію къ положенію, на настоящую степень подмастерья. Латинскій языкъ, древности, исторія, — все было надолго забыто; я даже не помнилъ, существовали ли когда нибудь римляне на свѣтѣ. Когда я навѣщалъ моего отца, онъ уже не находилъ во мнѣ своего прежняго идола; для дамъ я пересталъ быть любезникомъ Жанъ-Жакомъ, и я такъ хорошо самъ чувствовалъ, что господинъ и мадмуазель Ламберсье не узнали бы во мнѣ своего прежняго ученика, что мнѣ было стыдно посѣтить ихъ, и съ тѣхъ поръ я ужъ больше ихъ не видалъ. Самыя постыдныя наклонности, самыя низкія шалости заступили мѣсто прежнихъ милыхъ забавъ и даже ничѣмъ не напоминали о нихъ. Должно быть, что несмотря на самое нравственное воспитаніе, у меня было много дурныхъ наклонностей, потому что перемѣна, о которой я говорю, произошла во мнѣ очень скоро и безъ всякаго труда; и никогда столь рано образовавшійся Цезарь не превращался такъ быстро въ Ларидона.

Самое ремесло было не особенно противно мнѣ: я любилъ рисованіе, и гравировальное искусство занимало меня; а такъ какъ эти занятія для часовщика ограничиваются очень немногимъ, то я и надѣялся достигнуть совершенства въ этомъ искусствѣ. Можетъ быть, я и добился бы своей цѣли, еслибъ грубость моего хозяина и самое стѣснительное положеніе не отвратили меня отъ труда. Я кралъ у него время, чтобъ предаваться тѣмъ же самымъ занятіямъ, но въ которыхъ я могъ пользоваться свободою. Я гравировалъ для себя и товарищей нѣчто въ родѣ медалей, служившихъ намъ рыцарскими орденами. Хозяинъ засталъ меня однажды за этой запрещенной работой и избилъ меня, говоря, что я пробовалъ дѣлать фальшивую монету, потому что на моихъ медаляхъ былъ вырѣзанъ гербъ республики. Могу поклясться, что у меня не было никакого понятія о фальшивой монетѣ и очень мало о настоящей; я лучше зналъ, какъ дѣлались римскіе часы, чѣмъ то, какъ фабриковались наши монеты въ три су.

Тиранство хозяина сдѣлало наконецъ для меня ненавистною работу, которую я могъ бы полюбить, и создало во мнѣ пороки, которые я могъ бы ненавидѣть, какъ напримѣръ ложь, тунеядство, воровство. Ничто не указало мнѣ на разницу между сыновнею зависимостью и рабскимъ подчиненіемъ такъ ясно, какъ воспоминаніе о перемѣнахъ, произведенныхъ во мнѣ тѣмъ временемъ. Отъ природы робкій и стыдливый, я болѣе всего ненавидѣлъ наглость и безстыдство; но до тѣхъ поръ я пользовался честною свободою, которая стѣснялась только мало по малу, пока наконецъ исчезла совершенно. Я былъ смѣлъ у моего отца, свобо-

денъ у г. Ламберсье, скроменъ у дяди; я сталъ боязливымъ у новаго хозяина и съ того времени сдѣлался погибшимъ ребенкомъ. Съ дѣтства я привыкъ къ совершенному равенству въ обхожденіи съ высшими, привыкъ пользоваться всѣми доступными для меня удовольствіями, ѣсть все, что я видѣлъ, высказывать открыто всякое желаніе, словомъ передавать словесно всѣ движенія сердца;—поэтому легко судить, что должно было сдѣлаться со мною въ домѣ, гдѣ я не смѣлъ раскрыть рта, гдѣ я долженъ былъ выходить изъ-за стола, не окончивъ на двѣ трети обѣда и удаляться изъ комнаты, какъ скоро нечего было дѣлать; гдѣ постоянно прикованный къ работѣ, я видѣлъ, какъ на долю другихъ выпадали только радости, а на мою долю одни лишенія; гдѣ свобода хозяина и товарищей увеличивала тяжесть моего рабства; гдѣ во время споровъ о предметахъ, очень близко знакомыхъ мнѣ, я не смѣлъ открыть ротъ; гдѣ наконецъ все, что я видѣлъ, дѣлалось для моего сердца предметомъ самаго страстнаго желанія именно потому, что я былъ всего лишенъ. Прощай довольство, веселость, счастливыя выходки, которыя бывало избавляли меня отъ наказанія за проступки. Не могу безъ смѣха вспомнить, какъ однажды вечеромъ у моего отца, за какую-то шалость я былъ наказанъ тѣмъ, что долженъ былъ идти спать безъ ужина; проходя по кухнѣ съ несчастнымъ кускомъ хлѣба въ рукахъ, я увидѣлъ на вертелѣ жаркое, запахъ котораго донесся до меня. Всѣ сидѣли вокругъ огня: надо было пройти мимо и раскланяться. Когда я обошелъ всѣхъ, искоса посматривая на жаркое, которое казалось такъ вкусно и пахло аппетитно, то не могъ удержаться, чтобъ не раскланяться точно также съ нимъ и не сказать самымъ жалобнымъ тономъ: *прощай, жаркое!* Эта наивная выходка показалась такъ смѣшна, что мнѣ позволили поужинать. Можетъ быть, такое же счастливое послѣдствіе имѣла бы она и у моего хозяина, но у него она навѣрное не пришла-бы мнѣ въ голову или я не посмѣлъ-бы сдѣлать ее.

Такимъ-то образомъ научился я завидовать втихомолку, скрывать, притворяться, лгать и даже красть; послѣдняя страсть до тѣхъ поръ была не знакома мнѣ, а узнавъ ее, я никогда уже не могъ совершенно излечиться отъ нея. Зависть и невозможность удовлетворить свои желанія всегда такъ оканчиваются. Вотъ отчего всѣ лакеи мошенники, и подмастерьи должны бы дѣлаться ими по той же самой причинѣ; но спокойное состояніе равенства, когда все, что они видятъ, доступно имъ, помогаетъ имъ терять съ годами постыдную наклонность. Я не былъ въ этомъ положеніи равенства и потому не могъ прійти къ такому результату.

Дѣти дѣлаютъ первый шагъ къ злу почти всегда вслѣдствіе того, что ихъ добрыя наклонности дурно направлены. Несмотря на постоянныя лишенія и искушенія, я провелъ цѣлый годъ у моего хозяина, не будучи

въ состояніи рѣшиться украсть что нибудь даже изъ съѣстного. Моя первая покража произошла вслѣдствіе желанія оказать услугу; но она послужила началомъ другимъ, которыя не имѣли такой похвальной цѣли.

У моего хозяина былъ товарищъ, по имени Верра, имѣвшій по сосѣдству съ нами домъ, окруженный довольно обширнымъ садомъ, въ которомъ росла отличная спаржа. Верра нуждался въ деньгахъ и ему пришла въ головѣ мысль красть у матери молодую спаржу и продавать ее, а на вырученныя деньги кутить. Не желая самъ попасться и будучи вообще не слишкомъ ловкимъ, онъ выбралъ меня для исполненія своего предпріятія. Послѣ предварительныхъ любезностей, которыя тѣмъ сильнѣе на меня подѣйствовали, что я не подозрѣвалъ ихъ цѣли, онъ предложилъ мнѣ исполнить его выдумку, но съ такимъ видомъ, какъ будто она только что пришла ему на мысль. Долго я спорилъ съ нимъ; онъ настаивалъ. Ласкамъ я никогда не могъ противиться—и потому согласился. Каждое утро выкрадывалъ я самую лучшую спаржу и относилъ ее на рынокъ, гдѣ торговки, очень хорошо знавшія, что она украдена, укоряли меня въ воровствѣ, съ цѣлью купить мой товаръ подешевле. Я пугался и бралъ сколько давали, а деньги относилъ къ Верра. Выручка тотчасъ же превращалась въ завтракъ, который онъ доставалъ при моемъ же содѣйствіи и раздѣлялъ съ однимъ изъ своихъ товарищей; что касается меня, я довольствовался крохами и даже не дотрогивался до вина.

Нѣсколько дней продолжались эти занятія и я ни разу не подумалъ обокрасть вора и взять у Верра проценты съ выручки отъ его спаржи. Я исполнялъ воровское порученіе съ необычайною честностью; единственнымъ желаніемъ моимъ было угодить тому, кто давалъ мнѣ его. А между тѣмъ еслибъ меня поймали на мѣстѣ преступленія, сколько ударовъ, ругательствъ, жестокостей пришлось бы мнѣ вытерпѣть, тогда какъ этотъ негодяй, отрекшись отъ всего, увѣрилъ бы всѣхъ въ своей невинности, и я былъ бы вдвое наказанъ за то, что я — подмастерье, осмѣлился обвинить его, товарища хозяина! Такъ-то всегда сильный преступникъ спасается на счетъ слабаго невиннаго.

Такимъ путемъ я узналъ, что воровство совсѣмъ не такъ ужасно, какъ я думалъ, и скоро я такъ освоился съ этимъ искусствомъ, что все, попадавшее подъ руку, подвергалось опасности въ то же время сдѣлаться моею собственностью. Нельзя сказать, чтобъ хозяинъ кормилъ меня совершенно дурно, и воздержность казалась мнѣ тяжела только потому, что онъ самъ далеко не отличался этимъ качествомъ. Когда подавали самыя вкусныя кушанья, молодыхъ людей обыкновенно заставляли вставать изъ-за стола,—и этотъ обычай, по моему мнѣнію, очень способствовалъ къ тому, чтобъ дѣлать ихъ обжорами и воришками. Въ

короткое время я сдѣлался тѣмъ и другимъ,—и былъ очень доволенъ, исключая тѣ случаи, когда попадался.

Одно воспоминаніе заставляетъ меня и содрогаться и смѣяться,—это—воспоминаніе о томъ, какъ однажды я отправился воровать яблоки, что обошлось мнѣ очень дорого. Яблоки лежали въ углу кладовой, въ которую черезъ высокое окошечко выходилъ свѣтъ изъ кухни. Однажды, оставшись одинъ въ домѣ, я взобрался на березку, съ вершины которой была видна внутренность кладовой и началъ разсматривать въ этомъ Гесперійскомъ саду драгоцѣнные плоды, для меня недостижимые. Я взялъ изъ кухни вертелъ, но онъ оказался слишкомъ коротокъ. Тогда я связалъ его съ другимъ маленькимъ вертеломъ, служившимъ для дичи, такъ какъ мой хозяинъ любилъ охоту. Нѣсколько разъ пытался я проколоть этимъ инструментомъ какое-нибудь яблоко, но безъ успѣха; наконецъ почувствовалъ съ восторгомъ, что тащу яблоко: оно ужъ высовывалось въ окошко, я готовился схватить его. Но кто опишетъ мою горесть? Яблоко было слишкомъ велико и не могло пройти сквозь отверстіе. Сколько хитростей надо было употребить, чтобъ вытащить его! Надо было найти точку опоры для вертела, взять ножъ на столько длинный, чтобъ можно было посредствомъ его разрѣзать яблоко, достать дощечку, чтобъ предохранить его отъ паденія. Съ помощью ловкости и времени мнѣ удалось разрѣзать его, и я надѣялся вытащить потомъ оба куска, одинъ за другимъ. Но только что я разрѣзалъ яблоко, какъ обѣ половинки свалились опять въ кладовую. Сострадательный читатель, раздѣли мое горе!

Я не потерялъ храбрости, но за то потерялъ много времени. Я боялся, что меня поймаютъ и потому, отложивъ до слѣдующаго дня болѣе счастливую попытку, принялся за работу такъ спокойно, какъ будто ничего не сдѣлалъ, и забывъ, что въ кладовой лежали два нескромные свидѣтели моего преступленія.

На слѣдующій день, улучивъ удобную минуту, я снова принялся за исполненіе моего предпріятія. Взобравшись на свои подмостки, я протягиваю вертелъ, нацѣливаюсь и собираюсь проколоть яблоко... Къ несчастію, драконъ не спалъ: вдругъ дверь кладовой отворяется, хозяинъ выходитъ оттуда, складываетъ на груди руки и смотритъ на меня и говоритъ: «Не робѣй!..» Перо выпадаетъ изъ моихъ рукъ.

Безпрерывное дурное обращеніе скоро сдѣлало меня менѣе чувствительнымъ къ нему; оно казалось мнѣ чѣмъ-то въ родѣ возмездія за кражи и этимъ самымъ давало право на продолженіе моихъ подвиговъ. Вмѣсто того, чтобъ обращать взоры назадъ и думать о наказаніи, я смотрѣлъ впередъ и стремился къ мести. Я считалъ, что бить меня какъ мошенника значило давать мнѣ полное право быть имъ; я полагалъ, что красть

и быть битымъ были два дѣйствія, неразлучныя другъ съ другомъ и составлявшія извѣстнаго рода профессію, — и что если я исполнялъ въ этой профессіи ту часть, которая зависѣла отъ меня, то исполненіе остальной части ея могъ предоставить моему хозяину. Проникнувшись этимъ разсужденіемъ, я началъ красть спокойнѣе, чѣмъ кралъ прежде. Я говорилъ себѣ: что выйдетъ изъ этого? Меня побьютъ. Согласенъ, я на то и созданъ!

Я люблю поѣсть, но не жаденъ, подверженъ чувственности, но не обжора. Слишкомъ много другихъ наклонностей уничтожаютъ во мнѣ обжорство. Услажденіемъ чрева я занимался только тогда, когда сердце было праздно; а это послѣднее такъ рѣдко случалось въ моей жизни, что я не имѣлъ времени и думать о лакомыхъ кускахъ. Вотъ отчего моя наклонность къ воровству скоро перестала ограничиваться одними съѣстными припасами; я простеръ ее на все, что меня соблазняло, и если не сдѣлался настоящимъ воромъ, то это потому, что деньги никогда не прельщали меня особенно сильно. Подлѣ кабинета, доступнаго для всѣхъ, у моего хозяина былъ отдѣльный кабинетъ, запиравшійся на замокъ: я нашелъ способъ отворять дверь и запирать ее такъ, что никто не могъ этого замѣтить. Тамъ я пользовался его отличными инструментами, лучшими рисунками, оттисками,—всѣмъ, чему я завидовалъ и что онъ пряталъ отъ меня. Собственно говоря, эти кражи были совершенно невинны, потому что совершались для его же выгоды: но я былъ въ восторгѣ, имѣя въ рукахъ эти бездѣлушки, и думалъ что краду дарованіе вмѣстѣ съ его произведеніями. Впрочемъ, тамъ были въ ящикахъ и опилки золота и серебра, маленькіе драгоцѣнные камни, дорогія вещи, деньги. Когда я забиралъ въ карманъ четыре или пять су, съ меня и этого было много; но я не только не дотрогивался до этихъ цѣнныхъ вещей, но даже не помню, смотрѣлъ-ли когда-нибудь на нихъ съ завистью; видъ ихъ возбуждалъ во мнѣ скорѣе ужасъ, чѣмъ удовольствіе. Думаю, что это отвращеніе отъ покражи денегъ произошло главнымъ образомъ отъ моего воспитанія. Къ этому присоединялись тайныя мысли о безчестьи, тюрьмѣ, наказаніи, висѣлицѣ, которыя заставили бы меня содрогнуться, если бы я могъ поддаться искушенію; между тѣмъ какъ мои кражи казались мнѣ только шалостью, да и на самомъ дѣлѣ были ничто иное, какъ шалость. Все это могло повести только къ полученію побоевъ отъ хозяина, а я уже заранѣе приготовлялся къ нимъ.

Но повторяю еще разъ, я не поддавался искушенію даже на столько, чтобъ быть въ необходимости превозмогать его; я чувствовалъ, что мнѣ не съ чѣмъ было бороться. Одинъ листъ хорошей рисовальной бумаги соблазнялъ меня больше, чѣмъ деньги, на которыя можно было купить цѣлую стопу ея. Эта странность зависѣла отъ одной изъ особенностей

моего характера и имѣла такое сильное вліяніе на мое поведеніе, что необходимо объяснить ее.

У меня очень сильныя страсти, и въ тѣ минуты, когда онѣ волнуютъ меня, ничто не можетъ сравниться съ моею пылкостью; я забываю осторожность, уваженіе, страхъ, приличія; дѣлаюсь безстыднымъ, жестокимъ, смѣлымъ, циникомъ; никакой стыдъ не останавливаетъ меня, никакая опасность не ужасаетъ; кромѣ предмета, занимающаго меня, цѣлый міръ для меня не существуетъ. Но все это продолжается очень недолго, и слѣдующая за тѣмъ минута повергаетъ меня въ ничтожество. Посмотрите на меня, когда я спокоенъ,—я олицетвореніе лѣности и робости; все пугаетъ меня, все отталкиваетъ; пролетающая муха наводитъ на меня страхъ; сказать слово, сдѣлать жестъ страшно для моей лѣнивой натуры. Боязнь и стыдъ властвуютъ надо мной до такой степени, что я хотѣлъ бы скрыться изъ глазъ всѣхъ смертныхъ. Если надо дѣйствовать, я не знаю что дѣлать; если надо говорить,—не знаю что сказать; когда на меня смотрятъ,—я прихожу въ смущеніе. Въ минуты припадковъ страсти, я умѣю иногда найти что сказать; но въ обыкновенномъ разговорѣ не нахожу ничего, рѣшительно ничего. Онъ мнѣ несносенъ именно тѣмъ, что я принужденъ говорить.

Прибавьте къ тому, что ни одна изъ моихъ главныхъ наклонностей не касается тѣхъ вещей, которыя покупаются. Я стремлюсь только къ чистымъ наслажденіямъ, а деньги отравляютъ ихъ. Напримѣръ, я люблю хорошо поѣсть; но ненавидя какъ стѣсненіе въ хорошемъ обществѣ, такъ и трактирную грязь, могу предаваться этому удовольствію только въ пріятельской компаніи. Ѣсть наединѣ — я не могу, потому что въ этомъ случаѣ мое воображеніе занимается другими вещами, и я не нахожу удовольствія въ ѣдѣ. Если моя возбужденная кровь требуетъ женщинъ, то взволнованное сердце еще болѣе проситъ любви. Продажныя женщины не имѣютъ для меня никакой прелести; сомнѣваюсь даже, чтобъ я могъ ими пользоваться. Тоже самое и со всѣми достижимыми для меня удовольствіями: если они не могутъ достаться мнѣ даромъ, я нахожу ихъ несносными. Я люблю только то, что никому не принадлежитъ.

Никогда деньги не казались мнѣ такою драгоцѣнною вещью, какою ихъ обыкновенно считаютъ. Скажу болѣе: я никогда не находилъ ихъ особенно удобною вещью. Деньги, взятыя сами по себѣ, ни на что не годны; ихъ надо видоизмѣнить, чтобъ имѣть возможность наслаждаться ими,—надо покупать, торговаться, часто попадаться въ просакъ, хорошо платить за дурныя услуги. Я хотѣлъ-бы имѣть вещь, которая была бы хороша по внутреннему своему достоинству, а за деньги я непремѣнно пріобрѣту дурную. Такъ я покупаю повидимому свѣжее яйцо,

оно оказывается протухшимъ; красивый плодъ,—онъ недозрѣлъ, женщину—она испорчена. Я люблю хорошее вино,—но гдѣ достать его? У виноторговца? Чтобы я ни дѣлалъ, онъ отравитъ меня. Хочу ли я, чтобъ мнѣ хорошо служили? Сколько заботъ, сколько хлопотъ! Надо имѣть друзей, корреспондентовъ, давать порученія, писать письма, ходить, хлопотать, ожидать—и часто въ концѣ концовъ быть обманутымъ! Сколько хлопотъ съ деньгами! Я больше боюсь этого безпокойства, чѣмъ люблю хорошее вино.

Тысячу разъ во время моего ученія и даже послѣ него, я выходилъ изъ дома съ намѣреніемъ купить какое-нибудь лакомство. Но вотъ я подхожу къ лавкѣ пирожника, вижу женщинъ за прилавкомъ, и мнѣ уже кажется, что онѣ смѣются и насмѣхаются между собою надъ маленькимъ обжорою. Прохожу мимо торговки плодами; искоса поглядываю на красивыя груши; ихъ запахъ соблазняетъ меня; двое или трое близкостоящихъ молодыхъ людей смотрятъ на меня, мой знакомый стоитъ передъ лавкой; я вижу издалека дѣвушку: не наша-ли это горничная? Моя близорукость вводитъ меня въ тысячу обмановъ. Я принимаю всѣхъ проходящихъ за знакомыхъ; вездѣ робѣю, вездѣ встрѣчаю какое-нибудь препятствіе; мои желанія увеличиваются вмѣстѣ со стыдомъ, и я прихожу наконецъ домой какъ дуракъ, пожираемый стремленіемъ къ наслажденію, имѣя въ карманѣ деньги, чтобъ добыть его, и не смѣя ничего купить.

Я вошелъ-бы въ самыя скучныя подробности, если бы сталъ описывать всѣ затрудненія, стыдъ, отвращеніе, неудобства, которые я постоянно испытывалъ при употребленіи денегъ какъ самимъ мною, такъ и другими. По мѣрѣ того, какъ читатель будетъ знакомиться съ моею жизнью, онъ ближе узнаетъ мой характеръ и самъ пойметъ все это безъ моихъ указаній.

Понявъ это, всякій безъ труда пойметъ и одно изъ моихъ кажущихся противорѣчій, состоящее въ томъ, что чувство почти отвратительной скупости соединено во мнѣ съ полнѣйшимъ презрѣніемъ къ деньгамъ. Деньги—вещь до такой степени неудобная для меня, что я даже не рискую желать тѣхъ денегъ, которыхъ не имѣю, а если имѣю ихъ, то долго не трачу, именно потому, что не знаю, какъ истратить; но чуть только представляется удобный и пріятный случай, какъ я такъ хорошо пользуюсь имъ, что мой кошелекъ опустошается прежде, чѣмъ я это замѣчу. Впрочемъ не ищите во мнѣ маніи скупцовъ—маніи тратить деньги изъ хвастовства, напротивъ, я трачу тайно и ради удовольствія, и не только не хвастаюсь этимъ, но даже стараюсь скрывать. Я такъ хорошо знаю, что деньги не созданы для меня, что почти стыжусь имѣть ихъ, а тѣмъ болѣе употреблять. Если-бъ когда-нибудь у меня

было на столько дохода, чтобы я могъ порядочно жить, то я увѣренъ, что не поддавался-бы искушенію быть скупымъ, тратилъ-бы весь этотъ доходъ и не желалъ бы увеличивать его; но мои ограниченныя средства постоянно держатъ меня въ страхѣ. Я обожаю свободу, ненавижу принужденія, заботы, рабство. Покамѣсть у меня въ карманѣ есть деньги, онѣ сохраняютъ мнѣ независимость, избавляютъ отъ необходимости прибѣгать къ различнымъ ухищреніямъ, чтобы снова добыть ихъ,—необходимости, всегда казавшейся мнѣ отвратительною; но изъ боязни, чтобъ онѣ не кончились, я лелѣю ихъ. Деньги, которыми обладаешь,—орудіе свободы; тѣ, за которыми гонишься,—орудіе рабства. Вотъ почему я прячу свои и не ищу чужихъ.

И такъ мое безкорыстіе ничто иное какъ лѣнь; удовольствіе имѣть не стоитъ труда пріобрѣтать, да и самая расточительность моя тоже ничто иное какъ лѣнь; когда представляется случай съ удовольствіемъ истратить деньги, надо имъ пользоваться какъ можно лучше. Меня менѣе соблазняютъ деньги, чѣмъ вещи, потому что между деньгами и желаннымъ обладаніемъ ихъ есть всегда нѣчто посредничествующее, тогда какъ между самою вещью и пользованіемъ ею его нѣтъ. Я вижу вещь, она меня соблазняетъ; но если я вижу лишь средство пріобрѣсти ее, она меня не искушаетъ. И такъ я занимался воровствомъ, да и теперь предаюсь ему, когда дѣло идетъ о пустякахъ, соблазняющихъ меня и которые я предпочитаю просто брать, а не просить; но ни въ дѣтствѣ, ни въ зрѣломъ возрастѣ я ни разу и ни у кого не укралъ даже самую мелкую монету,—исключая одного раза, когда я укралъ семь ливровъ и десять су. Это происшествіе случилось лѣтъ пятнадцать тому назадъ и стоитъ того, чтобъ о немъ разсказать, потому что въ немъ проявилась удивительная смѣсь безстыдства и глупости, которая показалась бы мнѣ совершенно невѣроятною, если бы касалась кого нибудь другого, а не меня.

Это было въ Парижѣ. Часовъ въ пять, я гулялъ въ Пале-Роялѣ съ г. Франкейлемъ. Онъ вынимаетъ часы, смотритъ и говоритъ мнѣ: пойдемъ въ оперу. Я соглашаюсь; мы отправляемся. Онъ беретъ два билета въ амфитеатръ, даетъ мнѣ одинъ и входитъ первый съ своимъ билетомъ; я слѣдую за нимъ. Въ дверяхъ толпа. Я вижу, всѣ стоятъ и соображаю, что могу легко потеряться въ этой толпѣ или что по крайней мѣрѣ, г. Франкейль подумаетъ, что я потерялся. Поэтому я выхожу изъ залы, беру сначала контрамарку, потомъ свои деньги и ухожу, не подумавъ, что едва я добрался до дверей, какъ, по всей вѣроятности, всѣ уже сѣли на свои мѣста, и г. Франкейль очень ясно могъ видѣть, что меня не было въ залѣ.

Такъ какъ подобный поступокъ былъ совершенно не въ моихъ пра-

вилахъ, то я отмѣчаю его здѣсь, чтобъ показать, что бываютъ минуты, когда на человѣка находитъ нѣчто въ родѣ безумія и когда слѣдовательно не должно судить о людяхъ по ихъ дѣйствіямъ. Собственно говоря, это значило украсть не деньги, а употребленіе ихъ; чѣмъ меньше было въ этомъ поступкѣ воровства, тѣмъ болѣе было въ немъ подлости.

Я не покончилъ бы съ этими подробностями, если бы захотѣлъ описывать всѣ тѣ пути, которыми, во время моего ученія, постепенно переходилъ отъ величія героя до гнусности негодяя. Однако, усвоивъ себѣ пороки моего ремесла, я не былъ въ состояніи освоиться съ его привычками. Мнѣ были скучны увеселенія моихъ товарищей; а когда чрезмѣрныя притѣсненія отвратили меня и отъ работы, тогда мнѣ надоѣло все. Послѣднее обстоятельство снова возбудило во мнѣ наклонность къ чтенію, давно уже утраченную мною. Занятіе чтеніемъ, которому я предавался и въ тѣ часы, когда надо было работать, было вмѣнено мнѣ въ новое преступленіе и сдѣлалось для меня источникомъ новыхъ наказаній. Эта наклонность, неудержимо развивавшаяся вслѣдствіе запрещенія, превратилась въ страсть, въ изступленіе. Ла-Трибю, извѣстная содержательница книжнаго магазина, давала мнѣ книги всевозможныхъ сортовъ. Дурныя и хорошія,—всѣ проходили чрезъ мои руки; я ничего не выбиралъ и все читалъ съ одинаковою жадностью. Читалъ я въ мастерской, читалъ на ходу, исполняя порученія хозяина, читалъ въ нужномъ мѣстѣ и, забываясь, проводилъ тамъ цѣлые часы; голова моя кружилась отъ чтенія, потому что я только и дѣлалъ, что читалъ. Хозяинъ подсматривалъ за мной, заставалъ меня въ расплохъ, билъ, отнималъ книги. Сколько томовъ было изорвано, сожжено, выброшено за окошко! сколько сочиненій остались разрозненными у ла-Трибю! Когда мнѣ нечѣмъ было платить ей, я давалъ ей мои рубашки, галстухи, старое платье; а три су, получавшіеся мною въ видѣ подарка, каждое воскресенье аккуратно относились къ ней.

Вотъ—скажутъ мнѣ—и деньги сдѣлались нужны! Правда, но это случилось тогда, когда чтеніе лишило меня всякой другой дѣятельности. Вполнѣ предавшись этой новой страсти, я только и дѣлалъ, что читалъ, и больше ужъ не кралъ. Вотъ еще одно изъ моихъ характеристическихъ отличій. Въ самомъ разгарѣ извѣстной привычки, я вдругъ развлекаюсь, измѣняюсь, привязываюсь, горю страстью—и все отъ какой нибудь бездѣлицы: тогда все забыто; я думаю только о новомъ, заинтересовавшемъ меня предметѣ. Сердце билось у меня отъ нетерпѣнія перелистовать новую книгу, лежавшую въ карманѣ; какъ только я оставался одинъ, я вынималъ ее изъ кармана и ужъ не думалъ о поискахъ въ кабинетѣ моего хозяина. Ла-Трибю давала мнѣ читать книги въ долгъ,

задатокъ съ моей стороны бывалъ очень невеликъ, но когда въ карманѣ у меня лежала книга, я ни о чемъ другомъ не думалъ. Деньги, добытыя мною, переходили разумѣется въ руки этой женщины, а когда она черезъ чуръ настойчиво требовала уплаты, мнѣ ничего не значило отдавать ей мое старое тряпье. Красть въ виду будущихъ нуждъ, значило бы быть слишкомъ предусмотрительнымъ, а красть, чтобъ сейчасъ же отдавать украденное, было даже не соблазнительно.

Чѣмъ больше было брани, побоевъ, украденнаго и дурно выбраннаго времени для чтенія, тѣмъ угрюмѣе и молчаливѣе дѣлался мой характеръ; разсудокъ началъ мутиться, и я жилъ какъ медвѣдь въ берлогѣ. Впрочемъ, если страсть къ чтенію и не предохранила меня отъ пошлыхъ и безсмысленныхъ книгъ, то судьба избавила меня отъ книгъ грязныхъ и соблазнительныхъ: и это случилось не потому, чтобы ла-Трибю, женщина во всѣхъ отношеніяхъ очень снисходительная, считала нескромнымъ ссужать меня ими, а потому, что желая возвысить ихъ цѣну, она предлагала ихъ съ такимъ таинственнымъ видомъ, что это одно уже заставляло меня отказываться отъ нихъ, какъ изъ отвращенія, такъ и изъ стыда; и случай такъ хорошо помогалъ моему стыдливому нраву, что до самаго тридцатилѣтняго возраста мнѣ не приходилось видѣть ни одной изъ этихъ опасныхъ книгъ, которыя считаются прекрасными свѣтскими дамами не совсѣмъ удобными для чтенія.

Меньше, чѣмъ въ годъ, я перечиталъ все, что было въ лавкѣ ла-Трибю и послѣ этого почувствовалъ весь ужасъ бездѣйствія въ свободное отъ занятій время. Излеченный отъ моихъ дѣтскихъ наклонностей къ шалостямъ страстью къ чтенію и самими книгами, которыя хотя часто были очень плохи, но тѣмъ не менѣе поселяли въ моемъ сердцѣ чувства болѣе благородныя, чѣмъ тѣ, которыя сообщало мнѣ мое ремесло; полный отвращенія отъ всего, чѣмъ я могъ располагать, чувствуя недостижимость вещей, соблазнявшихъ меня, — я не видѣлъ рѣшительно ничего, что могло бы льстить моему сердцу. Мои возбужденныя чувства давно уже просили наслажденія, но предмета его я даже не могъ представить себѣ. Я былъ такъ далекъ отъ яснаго представленія, какъ будто не былъ созданіемъ никакого пола; и будучи уже въ возрастѣ тѣлеснаго и чувственнаго развитія, иногда думалъ о моихъ безумныхъ мечтахъ, но дальше ихъ ничего не видѣлъ. Въ этомъ странномъ положеніи мое безпокойное воображеніе рѣшилось на средство, которое спасло меня отъ самого себя и успокоило мою зарождавшуюся чувственность; я началъ кормить свое воображеніе размышленіями о положеніяхъ, которыя интересовали меня въ книгахъ, припоминалъ ихъ, разнообразилъ, комбинировалъ и такъ усвоивалъ, что самъ дѣлался тѣмъ лицемъ, которое служило предметомъ этихъ размышленій, и видѣлъ себя всегда въ такомъ

положеніи, какое мнѣ наиболѣе нравилось; словомъ, вымышленное положеніе, въ которое я ставилъ самого себя, заставило меня забывать о положеніи дѣйствительномъ, которымъ я былъ такъ недоволенъ. Эта любовь къ воображаемымъ предметамъ и эта легкость усвоенія ихъ окончательно отвратили меня отъ всего окружающаго и утвердили во мнѣ склонность къ одиночеству, съ тѣхъ поръ не покидавшую меня. Читатель не разъ еще будетъ видѣть странныя послѣдствія этого настроенія, повидимому такого мрачнаго и мизантропичнаго, а на самомъ дѣлѣ проистекавшаго отъ сердца черезчуръ чувствительнаго, любящаго и нѣжнаго, принужденнаго довольствоваться вымыслами, за недостаткомъ дѣйствительно подходившихъ къ нему предметовъ. Покамѣсть достаточно указать на начало и первыя причины наклонности, которая видоизмѣнила всѣ мои страсти и, постоянно сдерживая ихъ ихъ же собственною силой, отбила у меня охоту дѣйствовать именно потому, что я слишкомъ горячо желалъ.

Такъ достигъ я шестнадцатилѣтняго возраста, съ характеромъ безпокойнымъ, недовольнымъ собою и другими, безъ всякаго расположенія къ моему ремеслу, безъ удовольствій, свойственныхъ моимъ лѣтамъ, пожираемый желаніями, которыхъ предметъ мнѣ былъ незнакомъ, плача безъ всякаго повода, вздыхая неизвѣстно почему и нѣжно лаская химеры, за неимѣніемъ въ дѣйствительности того, что могло ихъ стоить. По воскресеньямъ, послѣ проповѣди, товарищи звали меня на игры. Съ большою охотою уклонялся бы я отъ такихъ приглашеній, еслибъ это было возможно; но едва принималъ я участіе въ этихъ играхъ, какъ дѣлался самымъ горячимъ изъ всѣхъ и шелъ дальше всѣхъ другихъ, меня трудно было сбить съ толку или удержать. Эта черта характера всегда была свойственна мнѣ. Во время загородныхъ прогулокъ, я шелъ всегда впередъ и не думалъ вернуться, пока другіе не напоминали мнѣ объ этомъ. Два раза я платился за это увлеченіе; первый разъ городскія ворота оказались уже запертыми, когда я пришелъ къ нимъ. Можно вообразить, что со мной сдѣлали на другой день; а когда тоже самое повторилось, то мнѣ посулили такой пріемъ въ случаѣ третьяго повторенія, что я рѣшился болѣе не подвергать себя этой опасности. Но и этому страшному третьему разу суждено было не миновать меня. Моя осторожность ни къ чему не повела по милости одного проклятаго капитана Минутоли, который въ тѣ дни, когда онъ стоялъ въ караулѣ, всегда запиралъ ворота получасомъ раньше другихъ. Я возвращался съ двумя товарищами. Въ полъ-верстѣ отъ города слышу, что бьютъ зорю, ускоряю шаги; вотъ уже доносятся до меня звуки барабана, я бѣгу во весь духъ: прибѣгаю запыхавшись, весь въ поту; сердце сильно бьется, я уже вижу издалека солдатъ въ караулѣ, прибѣгаю, кричу задыхающимся

голосомъ. Поздно! Въ двадцати шагахъ отъ караула вижу, какъ поднимаютъ первый мостъ. Я содрагаюсь отъ ужаса при видѣ поднимающихся на воздухъ страшныхъ рогатинъ, — ужаснаго и зловѣщаго предзнаменованія неизбѣжной участи, ожидавшей меня съ этой минуты.

Въ первомъ припадкѣ горести, я бросился на валъ и сталъ кусать землю. Товарищи смѣялись своему несчастію и рѣшились ждать. Я тоже рѣшился, — но не на тоже самое. На томъ же мѣстѣ я поклялся никогда больше не возвращаться къ моему хозяину; а на слѣдующій день, когда отворили ворота и мои товарищи вошли въ городъ, я распрощался съ ними навсегда и только просилъ ихъ по секрету увѣдомить моего двоюроднаго брата Бернара о принятомъ мною рѣшеніи и о мѣстѣ, гдѣ онъ еще разъ могъ увидѣться со мною.

Послѣ моего поступленія въ ученіе, я видалъ его рѣже чѣмъ прежде. Иногда мы сходились вмѣстѣ по воскресеньямъ, но мало по малу каждый изъ насъ незамѣтно усвоилъ новыя привычки, и свиданія наши почти прекратились. Я увѣренъ, что его мать много способствовала этой перемѣнѣ. Онъ былъ барченокъ, а я жалкій подмастерье. Не смотря на одинаковость происхожденія, между нами уже не существовало равенства и водиться со мною — значило ронять себя. Впрочемъ наши отношенія не совершенно уничтожились; онъ былъ не злой мальчикъ и иногда слѣдовалъ влеченіямъ собственнаго сердца, не смотря на наставленія матери. Узнавъ о моемъ рѣшеніи, онъ прибѣжалъ ко мнѣ не для того, чтобъ одобрить меня или отсовѣтовать, но чтобъ небольшими подарками хотя нѣсколько облегчить мое положеніе, ибо съ моими собственными рессурсами я не могъ уйти особенно далеко. Между прочимъ, онъ подарилъ мнѣ маленькую шпагу, которая мнѣ очень нравилась и которую я хранилъ до Турина, гдѣ нужда заставила меня разстаться съ нею. Чѣмъ болѣе я раздумывалъ съ тѣхъ поръ о его обращеніи со мною въ эти критическія минуты, тѣмъ болѣе убѣждался, что онъ слѣдовалъ наставленіямъ своей матери и, можетъ быть, отца; потому что, дѣйствуй онъ по собственному убѣжденію, онъ непремѣнно или старался бы удержать меня или выказалъ бы желаніе послѣдовать за мною. Но подобнаго ничего не было. Онъ скорѣе поддерживалъ меня въ моемъ намѣреніи, чѣмъ отклонялъ отъ него; а потомъ, когда увидѣлъ, что я твердо рѣшился, то распростился со мною безъ особенныхъ слезъ. Съ тѣхъ поръ мы никогда не видались и никогда не писали другъ другу. Очень жаль: у него былъ въ сущности добрый характеръ и мы были созданы, чтобъ любить другъ друга.

Прежде, чѣмъ я предамся своей роковой судьбѣ, да будетъ мнѣ позволено бросить бѣглый взглядъ на ту участь, которая естественно ожидала бы меня, если бы я попалъ въ руки къ лучшему хозяину. Ничто

[illegible]

ГЛАВА ВТОРАЯ

— [illegible] — [illegible]

поддержку; бросить на половину оконченное ученіе, не зная своего ремесла настолько, чтобъ можно было имъ жить; подвергнуться ужасамъ нищеты, не имѣя средствъ изъ нея выйти; въ слабомъ и невинномъ возрастѣ испытывать искушенія порока и отчаянія, находить вдали отъ родины зло, ошибки, западни, рабство и смерть, подъ игомъ, болѣе неумолимымъ, чѣмъ то, котораго я не могъ вынести, — вотъ на что я рѣшался, вотъ какова была перспектива, о которой мнѣ слѣдовало подумать! Но совсѣмъ иную перспективу рисовалъ я себѣ! Воображаемо-пріобрѣтенная независимость была единственнымъ чувствомъ, наполнявшимъ меня. Располагая собою на свободѣ, я думалъ, что для меня нѣтъ ничего невозможнаго, недостижимаго: мнѣ стоило только взмахнуть крыльями, чтобъ взлетѣть на воздухъ. Я съ увѣренностью входилъ въ обширное пространство свѣта; я былъ убѣжденъ, что наполню его моими заслугами, что на каждомъ шагу буду встрѣчать пиры, сокровища, приключенія, друзей, готовыхъ къ услугамъ, любовницъ, старающихся мнѣ понравиться; что стоитъ мнѣ показаться — и вселенная займется мною... Впрочемъ, не вся вселенная; я и не претендовалъ на это, мнѣ не нужно было такъ много, съ меня было достаточно небольшого прекраснаго общества, а все остальное мало интересовало меня. Умѣренность предписывала мнѣ дѣятельность въ сферѣ тѣсной, но очаровательной, гдѣ, какъ я былъ увѣренъ, мнѣ предстояло царствовать. Мое честолюбіе довольтвовалось однимъ замкомъ; съ меня было достаточно сдѣлаться любимцемъ владѣтеля и владѣтельницы, любовникомъ ихъ дочери, другомъ ея брата, защитникомъ сосѣдей.

Въ ожиданіи такой скромной будущности, я въ теченіе нѣсколькихъ дней бродилъ вокругъ города, останавливаясь у знакомыхъ поселянъ, которые принимали меня такъ радушно, какъ не принялъ бы ни одинъ городской житель. Они давали мнѣ пристанище, кормили и дѣлали это такъ просто, какъ будто не оказывали мнѣ никакой услуги; ихъ приношеній нельзя было назвать милостынею, потому что при этомъ они не выказывали ни малѣйшаго превосходства надо мною.

Путешествуя и бѣгая по бѣлому свѣту, я дошелъ до Конфиньона, лежащаго въ Савойѣ, въ двухъ верстахъ отъ Женевы. Тамошній священникъ назывался де-Понверръ. Это имя, очень извѣстное въ исторіи республики, сильно поразило меня. Мнѣ было интересно видѣть, каковы эти потомки дворянъ Ложки [1]). Я отправился къ г. Понверру. Онъ при-

[1]) Эти дворяне Ложки, подданные герцога савойскаго, были названы такъ потому, что будучи жестокими врагами жителей Женевы, которыхъ они поклялись съѣсть ложками; они носили на шеѣ, какъ знакъ своей партіи, ложку.

нялъ меня хорошо, говорилъ со мною о ереси женевской, объ авторитетѣ святой церкви и далъ мнѣ пообѣдать. Мнѣ нечего было отвѣчать на доводы, оканчивавшіеся такимъ образомъ, и я нашелъ, что священники, у которыхъ можно было такъ хорошо покушать, стоили по крайней мѣрѣ нашихъ пасторовъ. Конечно я былъ ученѣе г. Понверра, не смотря на его дворянское происхожденіе, но я былъ слишкомъ хорошимъ собесѣдникомъ, чтобы вдаваться въ теологическій споръ; а его франжійское вино, показавшееся мнѣ превосходнымъ, такъ побѣдоносно поддерживало его доводы, что мнѣ было бы совѣстно заперечь ротъ такому отличному хозяину. Итакъ я уступалъ или, по крайней мѣрѣ, не сопротивлялся прямо. Меня можно было бы счесть фальшивымъ при видѣ всѣхъ уловокъ, къ которымъ я прибѣгалъ. Но такое заключеніе было бы ошибочно; потому что нѣтъ сомнѣнія, что я дѣйствовалъ честно. Лесть, или скорѣе снисходительность, не всегда можетъ считаться порокомъ: она скорѣе добродѣтель, особенно въ молодыхъ людяхъ. Доброта, съ которою иной обращается съ нами, привязываетъ насъ къ нему, и мы уступаемъ ему не для того, чтобъ ввести его въ заблужденіе, но чтобъ не опечалить его, не воздать зломъ за добро. Какой интересъ имѣлъ Понверръ принимать меня, угощать и желать убѣдить? никакого, кромѣ моего собственнаго. Мое молодое сердце говорило мнѣ это. Я былъ проникнутъ благодарностью и уваженіемъ къ этому доброму священнику. Я чувствовалъ мое превосходство, но не хотѣлъ отплатить заявленіемъ его за гостепріимство. Въ этомъ поведеніи лицемѣріе не играло никакой роли: я не желалъ перемѣнять свою религію, не только не могъ свыкнуться съ этою мыслью, но она еще возбуждала во мнѣ ужасъ, который долженъ былъ надолго отвратить меня отъ нея;—я не желалъ только сердить тѣхъ, которые ласкали меня съ этою цѣлью; я хотѣлъ поддержать ихъ благосклонность и оставлять имъ надежду на успѣхъ, показываясь менѣе вооруженнымъ, чѣмъ я былъ на самомъ дѣлѣ. Моя вина въ этомъ отношеніи походила на кокетство честныхъ женщинъ, которыя иногда, для достиженія своей цѣли, умѣютъ, ничего не позволяя и ничего не обѣщая, внушить болѣе надежды, чѣмъ сколько онѣ намѣрены выполнить.

Благоразуміе, жалость, любовь къ порядку безъ сомнѣнія требовали, чтобы люди не только не поддерживали мое безуміе, но удалили меня отъ неминуемой погибели, отославъ къ моимъ роднымъ. Вотъ что сдѣлалъ бы или старался бы сдѣлать всякій, истинно добродѣтельный человѣкъ. Но Понверръ, хотя добрый человѣкъ, не былъ человѣкомъ вполнѣ добродѣтельнымъ; напротивъ онъ былъ ханжа, воображавшій, что онъ превосходно служилъ дѣлу религіи тѣмъ, что писалъ пасквили противъ протестантскихъ священниковъ Женевы. Онъ не только былъ

очень далекъ отъ мысли отослать меня домой, но еще воспользовался выраженнымъ мною желаніемъ удалиться отъ родныхъ, — воспользовался такъ, чтобъ поставить меня въ невозможность возвратиться къ нимъ, еслибъ мнѣ и пришла охота сдѣлать это. Можно было биться объ закладъ, что онъ велъ меня на то, чтобъ я погибъ отъ нищеты или сдѣлался негодяемъ. Но не то было у него въ виду. Онъ видѣлъ во мнѣ душу, отторженную отъ ереси и возвращенную въ лоно церкви. Ему было все равно, сдѣлаюсь ли я честнымъ человѣкомъ или негодяемъ,— лишь бы я ходилъ къ обѣднѣ. Впрочемъ, не должно думать, что такой образъ мыслей свойственъ всѣмъ католикамъ; онъ принадлежность каждой догматической религіи, если въ ней главное, — не дѣйствовать,' но вѣрить.

— Господь призываетъ васъ, — сказалъ мнѣ г. де-Понверръ, — отправьтесь въ Анесси; тамъ вы найдете добрую и благотворительную женщину, которую милости короля поставили въ возможность освобождать души другихъ отъ заблужденій, затемнявшихъ прежде ея собственную душу. Дѣло шло о г-жѣ де-Варенсъ, новообращенной, которую католическіе священники дѣйствительно заставляли отдавать сволочи, продававшей свои религіозныя убѣжденія, половину пенсіи въ двѣ тысячи франковъ, получавшейся ею отъ сардинскаго короля. Я чувствовалъ себя очень униженнымъ необходимостью обратиться къ благотворительной женщинѣ. Я любилъ получать отъ другихъ все необходимое, но не милостыню; а ханжа не представляла для меня особенной привлекательности. Тѣмъ не менѣе, побуждаемый г. де-Понверромъ и подстрекаемый голодомъ, да притомъ полный желанія постранствовать и имѣть хоть какую-нибудь цѣль, я рѣшаюсь, хотя и съ трудомъ, и отправляюсь въ Анесси. Добраться туда было легко въ одинъ день; но я не торопился и употребилъ на это путешествіе три дня. Не было на дорогѣ ни одного замка, къ которому я не направлялся бы, убѣжденный, что тамъ ждало меня какое-нибудь приключеніе. Входить или стучаться я не смѣлъ, потому что былъ очень робокъ; но пѣлъ подъ окнами, наиболѣе замѣтными, надсаживалъ себѣ горло и очень удивлялся тому, что прелесть моего голоса или остроуміе моихъ превосходныхъ пѣсней,—которыя я перенялъ у товарищей и исполнялъ съ удивительнымъ совершенствомъ, — не привлекали къ окну ни одной дамы или дѣвицы.

Наконецъ прихожу и вижу г-жу де-Варенсъ. Эта эпоха моей жизни дала окончательное направленіе моему характеру и я не могу рѣшиться обрисовать ее легкими чертами. Мнѣ былъ шестнадцатый годъ. Не красавецъ въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, я былъ хорошо сложенъ, не смотря на маленькій ростъ; у меня была красивая и стройная нога,

открытое и живое лицо, маленькій ротъ, черные брови и волосы, глаза маленькіе и даже углубленные, но сверкавшіе огнемъ, кипѣвшимъ въ моей крови. Къ несчастію, я и не подозрѣвалъ всего этого, да и послѣ, въ теченіи всей моей жизни вспоминалъ о моемъ лицѣ только тогда, когда уже нельзя было извлечь изъ него никакой выгоды. Такимъ образомъ къ робости, свойственной моему возрасту, присоединялся очень любящій характеръ, постоянно смущавшійся боязнью не понравиться. Впрочемъ, хотя мой умъ и былъ въ то время довольно богатъ свѣдѣніями, но такъ какъ я никогда не бывалъ въ свѣтѣ, то совсѣмъ не не зналъ хорошихъ манеръ, и всѣ мои свѣдѣнія не только не возмѣщали этого незнанія, но еще болѣе смущали меня, давая мнѣ чувствовать всю силу его.

Такимъ образомъ, изъ боязни, что моя наружность и манеры не расположатъ въ мою пользу, я задумалъ произвести пріятное впечатлѣніе другимъ способомъ, и написалъ ораторскимъ слогомъ великолѣпное письмо, въ которомъ, сшивъ вычитанныя изъ книгъ фразы съ выраженіями подмастерья, излилъ все свое краснорѣчіе, для возбужденія благосклоннаго вниманія г-жи де-Варенсъ. Я вложилъ письмо Понверра въ мое и отправился на роковую аудіенцію. Я не засталъ г-жи де-Варенсъ, мнѣ сказали, что она пошла въ церковь. Это было въ вербное воскресенье въ 1728 году. Бѣгу за нею, вижу ее, подхожу, говорю съ ней... Я никогда не могъ забыть мѣста, гдѣ ее встрѣтилъ: я часто орошалъ его слезами! покрывалъ поцѣлуями. О, отчего я не могу окружить золотою рѣшеткой это счастливое мѣсто! Отчего не могу я заставить весь міръ преклониться предъ нимъ! Кто любитъ воздавать честь памятникамъ людского спасенія, тотъ долженъ приближаться къ нимъ не иначе, какъ на колѣняхъ.

Я встрѣтилъ ее въ переулкѣ, находившемся позади ея дома, между ручейкомъ, отдѣлявшимъ домъ отъ сада и стѣною, въ которой была вдѣлана калитка съ выходомъ къ церкви Кордельеровъ. Гжа де-Варенсъ уже готовилась войти въ эту калитку, когда звукъ моего голоса, заставилъ ее обернуться. Что сталось со мною при этомъ видѣ! я думалъ, что встрѣчу старую, сварливую ханжу; добрая женщина г. де-Понверра, по моему мнѣнію, не могла быть ничѣмъ инымъ. И вдругъ я вижу лицо, исполненное граціи, прелестные голубые глаза, проникнутые кротостью, ослѣпительный цвѣтъ лица, восхитительныя очертанія груди. Ничто не скрылось отъ бѣглаго взгляда молодого прозелита, — потому что я тотчасъ же сдѣлался послѣдователемъ ея ученія, увѣренный, что религія, проповѣдуемая подобными миссіонерами, должна вести прямо въ рай. Улыбаясь беретъ она письмо, которое я подаю ей дрожащею рукою, распечатываетъ его, бросаетъ взглядъ на письмо Понверра, потомъ

обращается снова къ моему, прочитываетъ его цѣликомъ и готовится перечитать еще разъ, но лакей приходитъ и объявляетъ, что обѣдня началась. —Ну, дитя мое! сказала она тономъ, заставившимъ меня вздрогнуть, вы еще очень молоды, чтобъ бѣгать по свѣту; и это очень жаль. Потомъ, не ожидая отвѣта, — прибавила: подите ко мнѣ, скажите, чтобъ вамъ дали позавтракать и подождите меня; послѣ обѣдни, я съ вами поговорю.

Луиза-Элеонора де-Варенсъ происходила изъ фамиліи Туръ-де-Пиль, благороднаго и древняго дома въ Веве, городѣ ваатландскаго кантона. Въ очень молодыхъ лѣтахъ она вышла замужъ за де-Варенса, изъ фамиліи Луасъ (Loys), старшаго сына г. де-Вильардена, изъ Лозанны. Этотъ бракъ, оставшійся бездѣтнымъ, былъ не особенно счастливъ и г-жа де-Варенсъ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ домашнихъ огорченій, воспользовавшись прибытіемъ короля Виктора-Амедея въ Эвіанъ, переѣхала черезъ озеро и бросилась къ ногамъ этого государя, покинувъ такимъ образомъ своего мужа, семейство и родину, и поступивъ такъ изъ вѣтренности, отчасти похожей на мою и въ которой она раскаялась потомъ, тоже какъ я. Король, любившій выказывать себя усерднымъ католикомъ, принялъ ее подъ свое покровительство, назначилъ пенсію въ полторы тысячи пьемонтскихъ ливровъ, — сумму, слишкомъ большую для такого бережливаго государя, и замѣтивъ, что вслѣдствіе такого пріема, его сочли влюбленнымъ въ нее, отослалъ ее обратно въ Анесси въ сопровожденіи отряда своихъ гвардейцевъ, гдѣ научаемая Михаиломъ-Габріелемъ де-Берне, епископомъ Женевскимъ, она перешла въ католическую вѣру въ монастырѣ Благовѣщенія.

Когда я прибылъ въ Анесси, она жила тамъ уже шесть лѣтъ, и ей было двадцать восемь лѣтъ, такъ какъ она родилась въ первый годъ восемнадцатаго столѣтія. Она обладала тою красотою, которая сохраняется долго, потому что существуетъ болѣе въ выраженіи, чѣмъ въ чертахъ лица; ея красота не утратила еще блеска первой молодости. У ней было любящее и нѣжное выраженіе, взглядъ въ высшей степени мягкій, ангельская улыбка, ротъ одинаковаго размѣра съ моимъ, волосы пепельнаго цвѣта необычайной красоты, и которые она причесывала какъ-то небрежно, что придавало ей крайне интересный видъ. Она была невелика ростомъ, даже приземиста и сутуловата, что, однако, не безобразило ее; за то ничто не могло сравниться съ красотою ея головы, груди и рукъ.

Воспитаніе она получила самое безпорядочное. Подобно мнѣ, лишившись матери со дня рожденія и безразлично пользуясь сообщавшимися ей случайно свѣдѣніями, она научилась немножко отъ своей гувернантки, немножко отъ отца, немножко отъ учителей, и много отъ

любовниковъ, особенно отъ одного изъ нихъ, Тавеля, который, будучи самъ человѣкомъ со вкусомъ и съ знаніями, украсилъ ими любимую женщину. Но столько различныхъ направленій повредили другъ другу и безпорядочное пользованіе ими помѣшало ея природному прямому уму развиться какъ слѣдуетъ. Такъ напримѣръ, хотя у ней и были нѣкоторыя понятія о философіи и физикѣ, но она пристрастилась къ эмпирической медицинѣ и алхиміи, которыми любилъ заниматься ея отецъ; составляла эликсиры, тинктуры, бальзамы, минеральные осадки; говорила, что знаетъ разныя тайныя средства. Шарлатаны, пользуясь ея слабостью, завладѣли ею, осадили со всѣхъ сторонъ, разорили и сожгли въ химическихъ печахъ ея умъ, способности и прелести, которыми она могла бы очаровывать самыя лучшія общества.

Но если эти подлые мошенники злоупотребили ея дурно-направленнымъ воспитаніемъ, чтобъ затемнить свѣтъ ея разума, то ея сердце не поддалось всему этому и не измѣнилось: ея нѣжный и любящій характеръ, состраданіе къ несчастнымъ, безконечная доброта, открытый, искренній и веселый нравъ остались нетронутыми; и даже съ приближеніемъ старости, среди бѣдности, страданій и разныхъ бѣдствій, спокойствіе ея высокой души помогло ей сохранить до конца жизни всю веселость ея счастливыхъ дней.

Ея ошибки происходили отъ неисчерпаемой энергіи, постоянно требовавшей дѣятельности. Не женскія интриги были нужны ей, а предпріятія, которыми она могла бы руководить. Она была рождена для великихъ дѣлъ. На ея мѣстѣ, мадамъ де-Лонгвилль была бы только безполезной хлопотуньей; на мѣстѣ мадамъ де-Лонгвилль она управляла бы государствомъ. Для ея способностей была нужна не та сфера, въ которой она вращалась, и то, что составило бы ея славу въ болѣе высокомъ положеніи, погубило ее въ томъ положеніи, въ которомъ она находилась. Планы ея касательно тѣхъ предметовъ, которыми она могла располагать, были всегда очень обширны, и она смотрѣла на эти предметы въ отчасти увеличительное стекло. Такимъ образомъ, прибѣгая къ средствамъ, соразмѣрнымъ болѣе съ ея намѣреніями, чѣмъ съ силами, она не достигла цѣли по винѣ другихъ; и какъ скоро разрушились ея предположенія, она лишилась всего тамъ, гдѣ другіе не потеряли бы почти ничего. Эта страсть къ дѣламъ, причинившая ей столько бѣдствій, по крайней мѣрѣ послужила ей въ пользу въ монастырскомъ убѣжищѣ въ томъ отношеніи, что не позволила ей остаться въ немъ навсегда, несмотря на всѣ искушенія. Однообразная и простая жизнь монахинь, ихъ болтовня въ кельяхъ, не могли нравиться подвижному уму, составлявшему каждый день новыя системы и нуждавшемуся въ свободѣ для осуществленія ихъ. Добрый епископъ Берне, менѣе умный,

чѣмъ Францискъ де-Саль, былъ похожъ на него во многихъ отношеніяхъ; и г-жа де-Варенсъ, которую онъ называлъ своею дочерью и которая походила на г-жу де-Шанталь во многихъ другихъ отношеніяхъ, могла-бы походить на нее и въ своемъ монастырскомъ уединеніи, если бы стремленіе къ дѣятельности не отвратило ее отъ монастырской праздности.

Если эта милая женщина не дѣлала того, что повидимому слѣдовало-бы дѣлать новообращенной, находившейся подъ руководствомъ прелата, то это происходило не отъ недостатка набожности. Каковы бы ни были причины, побудившія ее перемѣнить религію, она искренно предалась этой новой религіи. Она могла раскаяваться въ сдѣланной ошибкѣ, но не могла желать исправить ее. Она умерла не только истинною католичкою, но и добровольно оставалась ею во все продолженіе жизни— и я, читавшій, сколько мнѣ кажется, въ глубинѣ ея души, утверждаю, что если она не выказывала публично своей набожности, то поступала такъ единственно изъ отвращенія къ ханжеству. У ней было слишкомъ истинное благочестіе для того, чтобы она чувствовала надобность выставлять на показъ свою набожность. Но здѣсь не мѣсто распространяться объ ея убѣжденіяхъ: мнѣ еще представится случай поговорить о нихъ.

Пусть отвергающіе симпатію душъ объяснятъ, если могутъ, какимъ образомъ, съ перваго свиданія, съ перваго слова, съ перваго взгляда г-жа де-Варенсъ внушила мнѣ не только живѣйшую привязанность, но и полнѣйшее довѣріе, никогда не измѣнившееся. Положимъ, то что я почувствовалъ къ ней, было дѣйствительно любовью,—что покажется сомнительнымъ тому, кто будетъ слѣдить за исторіею нашихъ отношеній;—но какимъ образомъ къ этой страсти, въ самую минуту ея рожденія, присоединились чувства, наименѣе возбуждаемыя ею,—спокойствіе сердца, тишина, ясность, увѣренность, довѣріе? Какимъ образомъ въ ту минуту, когда я въ первый разъ приблизился къ любезной учтивой, плѣнительной женщинѣ, къ дамѣ, стоявшей по своему положенію гораздо выше меня, къ созданію, какого я до тѣхъ поръ ни разу не видѣлъ и отъ вниманія которой зависѣла въ нѣкоторомъ родѣ моя участь, какимъ образомъ, говорю, несмотря на все это, я тотчасъ же почувствовалъ себя до такой степени свободнымъ и довольнымъ, какъ будто былъ совершенно увѣренъ, что понравлюсь ей? Какимъ образомъ ни одной минуты не оставался я въ затрудненіи, робости, смущеніи? Какимъ образомъ я, отъ природы стыдливый, боязливый, никогда не видавшій свѣта, теперь, съ первой минуты, съ перваго дня, заговорилъ такимъ-же нѣжнымъ, дружескимъ языкомъ, какимъ говорилъ съ нею и десять лѣтъ спустя, когда самая тѣсная интимность сдѣлала

его совершенно естественнымъ? Развѣ можетъ существовать любовь, не говорю, безъ желаній,—у меня они были,—но безъ волненій, безъ ревности? Развѣ не хочешь по крайней мѣрѣ узнать отъ любимаго предмета, что ты дѣйствительно любимъ? Во всю мою жизнь мнѣ не приходило въ голову сдѣлать ей этотъ вопросъ, точно также какъ спросить самого себя, любилъ ли я ее; и она въ свою очередь никогда не была въ этомъ отношеніи любопытнѣе меня. Безъ сомнѣнія, въ моихъ чувствахъ къ этой прелестной женщинѣ было что-то необычайное, и впослѣдствіи въ нихъ найдутъ такія странности, какихъ не ожидаютъ.

Рѣчь зашла о томъ, какъ устроить мои дѣла; чтобъ свободнѣе поговорить объ этомъ, она оставила меня обѣдать. Это былъ первый обѣдъ въ моей жизни, на которомъ у меня не было аппетита, и ея горничная, прислуживавшая намъ, также сказала, что ей въ первый разъ привелось видѣть путешественника моихъ лѣтъ и моего сословія, которому не хочется ѣсть. Это замѣчаніе, не повредившее мнѣ въ умѣ ея госпожи, било не въ бровь, а въ глазъ здоровенному бездѣльнику, обѣдавшему вмѣстѣ съ нами и сожравшему обѣдъ, достаточный для шестерыхъ человѣкъ. Что касается меня, то я былъ въ восхищеніи, не позволявшемъ мнѣ ѣсть. Мое сердце питалось совершенно новымъ чувствомъ, наполнявшимъ все мое существо, и парализовало всѣ остальныя отправленія.

Г-жа де-Варенсъ высказала желаніе узнать подробности моей маленькой исторійки; принявшись за разсказъ, я снова ощутилъ въ себѣ весь внутренній жаръ, утраченный мною въ домѣ моего хозяина. Чѣмъ болѣе возбуждалъ я участія въ этой прекрасной душѣ, тѣмъ болѣе сожалѣла она объ участи, которой я долженъ былъ подвергнуться. Ея нѣжное состраданіе выражалось въ ея взглядѣ, жестахъ. Она не рѣшалась убѣждать меня возвратиться въ Женеву; въ ея положеніи это было преступленіемъ противъ католицизма, и она очень хорошо знала, какъ усердно наблюдали за ней и взвѣшивали ея малѣйшее слово. Но она говорила мнѣ такъ трогательно о скорби моего отца, что нельзя было не замѣтить въ ней желанія, чтобы я вернулся къ нему и утѣшилъ его. Она не знала, до какой степени, сама того не подозрѣвая, она адвокатствовала противъ самой себя. Я уже сказалъ, кажется, что мое рѣшеніе было твердо принято; но и независимо отъ этого, чѣмъ болѣе я видѣлъ въ ней краснорѣчія и убѣдительности, чѣмъ глубже ея рѣчи проникали въ мое сердце, тѣмъ менѣе я чувствовалъ въ себѣ силы оторваться отъ нея. Я сознавалъ, что возвратиться въ Женеву, значило бы поставить между нею и мною преграду почти неодолимую. Г-жа де-Варенсъ, видя свои старанія безплодными, не усили-

вала ихъ на столько, чтобъ скомпрометировать себя, но сказала мнѣ съ выраженіемъ состраданія:—Бѣдное дитя, ты долженъ идти туда, куда зоветъ тебя Богъ; но когда ты выростешь, то вспомнишь обо мнѣ. Вѣроятно, она сама не подозрѣвала, что этому предсказанію было суждено исполниться такъ жестоко.

Затрудненіе, въ которомъ я находился, нисколько не уменьшилось. Какъ существовать въ такихъ молодыхъ лѣтахъ вдали отъ родины? Пройдя едва до половины курсъ моего ученія, я весьма плохо зналъ мое ремесло. Да и будь я въ немъ очень свѣдущъ, оно не дало бы мнѣ средствъ для жизни въ Савойѣ,—странѣ слишкомъ бѣдной для того, чтобъ въ ней могли мало-мальски процвѣтать искусства. Бездѣльникъ, обѣдавшій за насъ, во время паузы, которую онъ принужденъ сдѣлать для того, чтобъ дать отдохнуть своей челюсти, выпустилъ изъ своего рта совѣтъ, внушенный ему, по его словамъ, небомъ, хотя послѣдствія показали, что онъ скорѣе пришелъ съ совершенно противоположной стороны. Совѣтъ этотъ состоялъ въ томъ, чтобъ я отправился въ Туринъ, гдѣ въ пріютѣ, устроенномъ для обученія оглашенныхъ, могъ, какъ онъ говорилъ, пользоваться духовною и свѣтскою жизнью до тѣхъ поръ, пока не вошелъ бы въ лоно католической церкви и не нашелъ, при помощи сострадательныхъ душъ, подходящаго мнѣ мѣста.—Что же касается издержекъ—продолжалъ этотъ господинъ—то его высокопреподобіе, монсиньоръ епископъ, милостиво позаботится о нихъ, если г-жа де-Варенсъ предложитъ ему содѣйствовать этому святому дѣлу, а госпожа баронесса—прибавилъ онъ, наклонясь надъ своею тарелкой—такъ милосердна, что безъ сомнѣнія, окажетъ и свое содѣйствіе.

Всѣ эти благотворенія я нашелъ довольно тяжкими; у меня сжалось сердце и я нечего не говорилъ; а г-жа де-Варенсъ, не принявъ этого совѣта съ такимъ жаромъ, съ какимъ онъ былъ предложенъ, ограничилась отвѣтомъ, что каждый долженъ содѣйствовать добрымъ дѣламъ по мѣрѣ возможности и что она скажетъ объ этомъ епископу. Но мой дьявольскій господинъ, который боялся, что она станетъ хлопотать обо мнѣ не такъ усердно, какъ ему хотѣлось, и видѣлъ собственную выгоду въ этомъ дѣлѣ, побѣжалъ предварить духовниковъ и такъ ловко обошелъ добрыхъ священниковъ, что когда г-жа де-Варенсъ, боявшаяся отпустить меня въ это путешествіе, заговорила о немъ съ епископомъ, то оказалось, что дѣло ужъ было совсѣмъ улажено, и епископъ въ туже минуту вручилъ ей маленькую сумму, предназначенную для моей поѣздки. Она не смѣла настаивать, чтобъ я остался: я приближался къ тому возрасту, въ которомъ женщинѣ ея лѣтъ не совсѣмъ прилично удерживать подлѣ себя молодого человѣка.

Такимъ образомъ поѣздка моя была улажена лицами, заботившимися обо мнѣ; по неволѣ надо было покориться, и я исполнилъ это даже безъ особеннаго сопротивленія. Хотя Туринъ находился дальше Женевы, но я сообразилъ, что онъ, какъ столица, имѣлъ съ Анеси болѣе сношеній, чѣмъ Женева,—городъ, находившійся въ другомъ государствѣ и исповѣдывавшій другую религію. Къ тому же, такъ какъ я отправлялся въ путь изъ повиновенія г-жѣ де-Варенсъ, то мечталъ, что и на новомъ мѣстѣ я буду жить подъ ея руководствомъ,—а это значило жить ближе, чѣмъ въ сосѣдствѣ съ ней. Наконецъ самая мысль о большомъ путешествіи улыбалась начинавшей уже въ то время обнаруживаться во мнѣ склонности къ странничеству. Мнѣ казалось великимъ дѣломъ въ мои годы перейти горы и стать на цѣлыя Альпы выше моихъ товарищей. Путешествіе—приманка, противъ которой не можетъ устоять ни одинъ женевецъ; по всѣмъ этимъ соображеніямъ, я согласился. Мой бездѣльникъ долженъ былъ отправиться съ своею женою черезъ двое сутокъ. Я былъ порученъ ихъ попеченію. Имъ также отдали мой кошелекъ съ деньгами, увеличившійся въ объемѣ, благодаря добротѣ г-жи де-Варенсъ, которая, сверхъ того, тайно снабдила меня небольшою суммою, присоединивъ къ ней самыя подробныя наставленія. Въ среду на страстной недѣлѣ мы отправились.

На другой день послѣ моего отъѣзда изъ Анесси, мой отецъ, бросившійся за мною въ погоню, пріѣхалъ туда вмѣстѣ съ своимъ другомъ Ривалемъ, тоже часовщикомъ, человѣкомъ умнымъ, сочинявшимъ даже стихи лучше, чѣмъ ла-Моттъ, и говорившимъ почти также хорошо, какъ онъ; сверхъ того это былъ истинно честный человѣкъ; литературныя занятія его имѣли только тотъ результатъ, что сдѣлали одного изъ его сыновей актеромъ.

Они увидѣлись съ г-жею де-Варенсъ и ограничились тѣмъ, что оплакивали вмѣстѣ съ нею мою участь, вмѣсто того, чтобъ отправиться вслѣдъ за мною и нагнать меня,—что имъ было легко сдѣлать, такъ какъ я шелъ пѣшкомъ, а у нихъ были лошади. Точно также поступилъ и мой дядя Бернаръ. Онъ пріѣхалъ въ Конфиньонъ, но узнавъ, что я уже въ Анесси, возвратился въ Женеву. Казалось, что всѣ мои родные дѣйствовали за-одно съ моею звѣздою, для того чтобы предоставить меня на произволъ ожидавшей меня участи. Мой братъ погибъ вслѣдствіе такой же небрежности,—и погибъ такъ, что никто никогда не могъ узнать, что съ нимъ сталось.

Мой отецъ былъ человѣкъ непоколебимой честности, и у него была одна изъ тѣхъ сильныхъ душъ, которыя создаютъ великія добродѣтели; къ тому же, онъ былъ добрымъ отцомъ, въ особенности для меня. Онъ любилъ меня очень нѣжно; но любилъ также удовольствія, и разныя

другія наклонности нѣсколько охладили въ немъ отцовскую привязанность съ того времени, какъ я переcталъ жить вмѣстѣ съ нимъ. Въ Ніонѣ онъ вторично женился, и хотя жена его была уже въ такихъ лѣтахъ, что не могла надѣлить меня братьями, но у нея были родственники; такимъ образомъ, отца моего окружили иная семья, иныя лица, иные предметы любви,—и воспоминаніе обо мнѣ изглаживалось все болѣе и болѣе. Отецъ старѣлся и не имѣлъ никакихъ средствъ для существованія. У моего брата и меня осталось кое-что отъ матери; доходъ съ этого имѣньица, во время нашего отсутствія, долженъ былъ принадлежать отцу. Мысль о присвоеніи не приходила ему прямо на умъ и не мѣшала ему исполнять свои обязанности въ отношеніи ко мнѣ; но она, даже помимо его вѣдома, работала въ немъ и иногда охлаждала его отцовское рвеніе, чего не случалось бы, не приходи она ему въ голову. Вотъ почему, какъ мнѣ кажется, онъ, пріѣхавъ по моимъ слѣдамъ въ Анесси, не послѣдовалъ за мною въ Шамбери, гдѣ, какъ былъ нравственно убѣжденъ, его ожидала встрѣча со мною. Вотъ почему также во время моихъ частыхъ свиданій съ нимъ, происходившихъ уже послѣ моего бѣгства, онъ всегда ласкалъ меня, но не особенно настаивалъ на томъ, чтобы я не уходилъ отъ него.

Такой образъ дѣйствій отца, нѣжность и добродѣтель котораго я испыталъ такъ хорошо на себѣ, заставилъ меня много размышлять о самомъ себѣ и эти размышленія не мало содѣйствовали тому, что мое сердце осталось невредимымъ. Я вывелъ изъ всего этого ту великую нравственную истину, можетъ быть единственно примѣнимую на дѣлѣ, что необходимо избѣгать тѣхъ положеній, въ которыхъ наши обязанности идутъ въ разрѣзъ съ нашими интересами и которыя показываютъ намъ, что мы можемъ извлекать для себя пользу не иначе какъ причиняя вредъ другимъ; я былъ убѣжденъ, что въ подобныхъ положеніяхъ, какъ бы ни истинна была въ человѣкѣ любовь къ добродѣтели, онъ рано или поздно измѣнитъ ей, самъ того не замѣчая, и сдѣлается злымъ и несправедливымъ на дѣлѣ, хотя въ душѣ останется добрымъ и справедливымъ.

Эта истина, глубоко напечатлѣвшаяся въ моемъ сердцѣ и сдѣлавшаяся, хотя и немножко поздно, руководительницею всего моего образа дѣйствій, была одна изъ тѣхъ, которыя придавали мнѣ видъ самаго страннаго и сумасброднаго человѣка въ обществѣ и особенно въ кругу моихъ знакомыхъ. Мнѣ приписывали желаніе казаться оригинальнымъ и поступать не такъ какъ другіе. На самомъ же дѣлѣ я не думалъ поступать ни такъ какъ они, ни иначе. Я искренно желалъ дѣлать то, что было хорошо. Всѣми силами старался я избѣгать тѣхъ положеній, въ которыхъ мои собственные интересы могли противорѣчить интересамъ

другихъ и въ которыхъ, слѣдовательно, во мнѣ могло зарождаться дурное, хотя и невольное, желаніе зла другому человѣку.

Два года тому назадъ, милордъ Маришаль хотѣлъ помѣстить меня въ своемъ завѣщаніи. Я воспротивился этому всѣми силами. Я объявилъ ему, что ни за что на свѣтѣ не желалъ бы знать, что кто бы то ни было, и всего менѣе онъ, отказываетъ мнѣ часть своего наслѣдства въ его завѣщаніи. Онъ склонился на мои доводы; теперь онъ хочетъ назначить мнѣ пожизненную пенсію, и я не противлюсь этому. Могутъ сказать, что я нахожу выгоду въ этой перемѣнѣ; очень можетъ быть. Но, о отецъ мой и благодѣтель! если я буду столь несчастливъ, что переживу васъ, то знаю, что потерявъ васъ, я потеряю все и не выиграю ничего!

По моему мнѣнію, въ этомъ и состоитъ настоящая философія, наиболѣе приноровленная къ сердцу человѣческому. Съ каждымъ днемъ я болѣе и болѣе проникаюсь ея глубокою силою и на всевозможные лады высказывалъ ее въ моихъ послѣднихъ сочиненіяхъ; но вѣтреная публика не сумѣла этого замѣтить. Если по окончаніи этого сочиненія я проживу настолько долго, что буду имѣть возможность осуществить другое предпріятіе, то представлю въ продолженіи къ «Эмилю» такой поразительный и прекрасный примѣръ справедливости этой же самой истины, что читатель будетъ принужденъ обратить на него вниманіе. Однако довольно разсуждать: я вѣдь путешественникъ, и потому пора снова пуститься въ дорогу.

Я совершилъ эту поѣздку гораздо пріятнѣе, чѣмъ могъ ожидать, и мой бездѣльникъ оказался не такимъ грубымъ, какимъ я его считалъ, судя по наружности. Это былъ человѣкъ пожилой, съ черными съ просѣдью волосами, которые на затылкѣ были собраны въ косу, съ осанкою и лицомъ гренадера, съ громкимъ голосомъ, довольно веселый, умѣвшій хорошо ходить и еще лучше ѣсть, и бравшійся за все, именно потому, что не зналъ ничего. Кажется, онъ предлагалъ устроить въ Анесси какую-то фабрику. Г-жа де-Варенсъ не замедлила принять близко къ сердцу его проекты, и онъ отправлялся въ Туринъ именно съ цѣлью выпросить у министра утвержденіе этого предпріятія. Вертясь постоянно между католическими священниками, онъ пріобрѣлъ способность интриговать; а вѣчное подслуживанье этимъ людямъ научило его ихъ лицемѣрному складу рѣчи, къ которому онъ прибѣгалъ безпрестанно, воображая себя великимъ проповѣдникомъ. Онъ даже зналъ наизусть одно латинское мѣсто изъ Библіи, а это значило для него тоже, что знать тысячу такихъ мѣстъ, ибо онъ повторялъ его тысячу разъ въ день. При этомъ, онъ рѣдко ощущалъ недостатокъ въ деньгахъ, когда зналъ, что онѣ находятся въ кошелькѣ другихъ; но въ то же время онъ былъ сво-

рѣе. человѣкомъ ловкимъ, чѣмъ мошенникомъ, и въ тѣ минуты, когда тономъ сержанта-вербовщика сыпалъ своими капуцинскими поученіями, — былъ похожъ на Петра Пустынника, проповѣдывавшаго съ саблею въ рукѣ крестовые походы.

Что касается его супруги, госпожи Сабранъ, то она была довольно добрая женщина, спокойная болѣе днемъ чѣмъ ночью. Такъ какъ я спалъ всегда въ ихъ комнатѣ, то ея громогласная безсонница часто пробуждала меня и производила бы это дѣйствіе еще чаще, если бы я могъ понимать причину ея. Но я и не догадывался объ этой причинѣ и отличался въ этомъ отношеніи глупостью, предоставлявшею исключительно природѣ всю заботу о моемъ развитіи.

Я весело совершалъ путь вмѣстѣ съ моимъ ханжею — руководителемъ и его игривою супругой. Ни одно приключеніе не смутило меня во время дороги; я былъ въ самомъ лучшемъ душевномъ и физическомъ настроеніи, какое когда-либо испытывалъ. Молодой, сильный, исполненный здоровья, довѣрія къ себѣ и другимъ, я находился въ томъ краткомъ, но драгоцѣнномъ моментѣ жизни, когда всѣ наши ощущенія, проникнутыя довѣрчиво-изливающеюся полнотою, расширяютъ, такъ сказать, все существо наше и представляютъ намъ всю природу украшенную прелестью нашего существованія. Предметомъ моего сладкаго безпокойства была мысль, мѣшавшая этому ощущенію блуждать слишкомъ сильно и останавливавшая на одномъ пунктѣ мое воображеніе. Я смотрѣлъ на себя, какъ на созданіе, какъ на ученика, друга, почти какъ на любовника г-жи де-Варенсъ. Ея привѣтливыя слова, маленькія ласки, нѣжное участіе, повидимому принятое ею во мнѣ, ея прелестные взгляды, которые казались мнѣ исполненными любви, потому что внушали мнѣ это чувство, — все это служило предметомъ моихъ размышленій во время путешествія и навѣвало на меня восхитительныя грезы. Ничто не смущало ихъ: ни боязнь, ни сомнѣніе на счетъ моей участи. Послать меня въ Туринъ значило, по моему мнѣнію, принять на себя обязательство доставить мнѣ тамъ средства къ жизни и приличное положеніе. Я уже не заботился о самомъ себѣ; другіе приняли на себя эти заботы. И такъ я весело шелъ впередъ, освобожденный отъ этой тяжести; молодыя желанія, очаровательныя надежды, блестящія предположенія наполняли мою душу. Все, что я встрѣчалъ, казалось мнѣ порукою за мое грядущее блаженство. Въ домахъ воображеніе рисовало мнѣ сельскія пирушки, на лугахъ — шаловливыя игры, на водѣ — купанье, прогулку, рыбную ловлю, на деревьяхъ — чудесные плоды, подъ ихъ тѣнью — сладострастныя свиданія, на горахъ — жбаны молока и сливокъ; я видѣлъ предъ собою прелестную праздность, тишину, простоту, удовольствіе идти куда глаза глядятъ. Наконецъ ничто не пора-

жало моихъ взоровъ, не внося въ то же время въ сердце какой-нибудь приманки наслажденія. Величіе, разнообразіе, дѣйствительная красота представлявшагося мнѣ зрѣлища дѣлали эту приманку совершенно достойною разума; даже тщеславіе втиралось въ эти ощущенія. Отправиться такимъ молодымъ въ Италію, видѣть уже въ такихъ лѣтахъ такъ много разныхъ городовъ, слѣдовать по стопамъ Аннибала черезъ горы,— все это казалось мнѣ славою, несовмѣстною съ моимъ возрастомъ. Прибавьте ко всему этому частыя и пріятныя остановки, отличный аппетитъ и возможность удовлетворять его,—потому что, по правдѣ сказать, я нисколько не стѣснялся ѣсть, и мой обѣдъ рѣшительно исчезалъ предъ обѣдомъ г. Сабрана.

Я не помню, чтобъ когда-нибудь въ теченіи всей моей жизни, я былъ такъ свободенъ отъ всякихъ заботъ и огорченій, какъ въ эти семь или восемь дней нашего путешествія. Это воспоминаніе оставило во мнѣ привязанность ко всему, что относится къ нему, въ особенности къ горамъ и прогулкамъ пѣшкомъ. Я путешествовалъ пѣшкомъ только въ лучшіе дни моей жизни и всегда съ наслажденіемъ. Вскорѣ обязанности, дѣла, необходимость имѣть при себѣ багажъ сдѣлали изъ меня барина и заставили ѣздить въ экипажахъ; грызущія заботы, затрудненія, недостатокъ въ средствахъ садились туда вмѣстѣ со мною; и съ тѣхъ поръ я уже не находилъ удовольствія въ самомъ путешествіи, но думалъ только, какъ бы поскорѣе пріѣхать. Я долго искалъ въ Парижѣ двухъ товарищей, которые любили бы странствовать не меньше меня и согласились бы пожертвовать по пятидесяти луидоровъ и году времени на то, чтобъ отправиться вмѣстѣ со мною по Италіи пѣшкомъ, имѣя при себѣ, вмѣсто всякаго экипажа, только мальчика, который несъ бы наши дорожные мѣшки. Я находилъ многихъ, повидимому восхищавшихся этимъ проектомъ, но на самомъ дѣлѣ считавшихъ его однимъ изъ тѣхъ воздушныхъ замковъ, о которыхъ говорятъ, но которыхъ никогда не осуществляютъ. Помню, что я такъ долго и страстно говорилъ объ этомъ съ Дидро и Гриммомъ, что внушилъ имъ наконецъ желаніе отправиться. Я считалъ дѣло рѣшеннымъ; но оно окончилось желаніемъ совершить это путешествіе на бумагѣ, и тутъ Гриммъ не нашелъ ничего забавнѣе, какъ заставлять Дидро совершать множество беззаконій, а меня отдавать въ руки инквизиціи, вмѣсто себя.

Сожалѣніе о скоромъ прибытіи въ Туринъ было уменьшено удовольствіемъ видѣть большой городъ и надеждою играть въ немъ роль, достойную меня. Потому что пары честолюбія уже охватывали мою голову; я уже считалъ себя стоящимъ неизмѣримо выше въ сравненіи съ прежнимъ положеніемъ подмастерья; мнѣ и въ голову не приходило, что въ скоромъ времени я стану гораздо ниже.

Прежде, чѣмъ разсказывать дальше, я долженъ извиниться предъ моимъ читателемъ или представить ему мое оправданіе въ отношеніи къ тѣмъ мелкимъ подробностямъ, въ которыя входилъ до сихъ поръ или буду входить впослѣдствіи и которыя не представляютъ для него ничего интереснаго. Въ принятомъ мною рѣшеніи показать себя во всей наготѣ, ничто, касающееся меня, не должно остаться темнымъ или скрытымъ; я долженъ быть постоянно предъ глазами читателя; онъ долженъ слѣдовать за мною во всѣхъ заблужденіяхъ моего сердца, во всѣхъ закоулкахъ моей жизни, долженъ не терять меня изъ вида ни на одну минуту, для того, чтобы не встрѣчать въ моемъ разсказѣ ни малѣйшаго пробѣла, не становиться въ необходимость спрашивать себя: что же онъ дѣлалъ въ это время? и поэтому не обвинять меня въ томъ, что я не хотѣлъ сказать всего. Я ужъ и безъ того даю довольно много поводовъ къ людскому злословію моими разсказами и не хочу увеличивать ихъ число моимъ умолчаніемъ о чемъ бы то ни было.

Моя небольшая сумма исчезла; въ дорогѣ я проболтался, и отъ этой нескромности мои руководители не остались въ накладѣ. Госпожа Сабранъ нашла средство вытянуть у меня даже маленькій кусокъ галуна, подареннаго г-жею де-Варенсъ, въ видѣ украшенія къ моей маленькой шпагѣ, и объ утратѣ котораго я жалѣлъ больше, чѣмъ о чемъ-либо другомъ. Да и самая шпага осталась бы въ ихъ рукахъ, еслибъ я высказалъ менѣе сильное сопротивленіе. Они аккуратно платили за меня во время путешествія, но не оставили мнѣ ничего. Я пріѣхалъ въ Туринъ безъ платья, безъ денегъ, безъ бѣлья, предоставивъ единственно моимъ личнымъ достоинствамъ всю честь достиженія того высокаго положенія, которое, какъ я былъ убѣжденъ, ожидало меня.

У меня были рекомендательныя письма; я разнесъ ихъ по адресамъ и тотчасъ же былъ отведенъ въ заведеніе для оглашенныхъ для обученія религіи, цѣною которой я покупалъ свое существованіе. При входѣ я увидѣлъ толстую дверь съ желѣзными затворами, которая заперлась на двойной замокъ, какъ только я переступилъ черезъ ея порогъ. Это начало показалось мнѣ болѣе величественнымъ, чѣмъ пріятнымъ, и я уже сталъ раздумывать о немъ, когда меня ввели въ довольно большую комнату. Вмѣсто всякой мебели, въ глубинѣ ея стоялъ деревянный алтарь съ большимъ распятіемъ, а вокругъ пять или шесть стульевъ, тоже деревянныхъ, которыя какъ будто были натерты воскомъ, но на самомъ дѣлѣ лоснились отъ слишкомъ долгаго употребленія и тренія. Въ этой сборной комнатѣ находилось пять или шесть отвратительныхъ разбойниковъ, моихъ товарищей по воспитанію, болѣе походившихъ на прислужниковъ сатаны, чѣмъ людей стремившихся сдѣлаться служителями Бога.

Двое изъ этихъ мошенниковъ были славяне, называвшіе себя однако жидами и маврами; они впослѣдствіи признались мнѣ, что проводили всю свою жизнь въ томъ, что шатались по Испаніи и Италіи, принимая христіанскую вѣру и св. крещеніе вездѣ, гдѣ надѣялись найти въ томъ выгоду. Открылась другая желѣзная дверь, раздѣлявшая на-двое большой балконъ, выходившій во дворъ. Въ нее вошли наши сестры—оглашенныя, которыя, подобно мнѣ, должны были начать новую жизнь не крещеніемъ, а торжественнымъ отреченіемъ отъ прежней вѣры. Это были самыя отвратительныя шлюхи, какія когда-нибудь заражали своимъ присутствіемъ святое мѣсто. Только одна изъ нихъ показалась мнѣ красивою и довольно интересною. Она была почти однихъ лѣтъ со мною, можетъ быть, годомъ или двумя старше. У ней были плутовскіе глаза, встрѣчавшіеся иногда съ моими. Это и внушило мнѣ желаніе познакомиться съ нею: но въ теченіе почти двухъ-мѣсячнаго пребыванія ея въ этомъ домѣ, въ которомъ она провела уже до меня три мѣсяца, мнѣ было положительно невозможно заговорить съ нею, — до такой степени она находилась подъ присмотромъ старой надзирательницы и терпѣла отъ миссіонера, хлопотавшаго о ея обращеніи къ католической религіи съ совершенно особеннымъ рвеніемъ. Должно быть, она была очень глупа, хотя по лицу ея этого не было замѣтно, — потому что дольше ея никто не учился. Святой отецъ не всегда находилъ ее способною произнести отреченіе. Наконецъ ей надоѣло это затворничество, и она объявила, что желаетъ выйти изъ заведенія католичкою ли, или нѣтъ, — все равно. Надо было поймать ее на словѣ, пока она еще соглашалась сдѣлаться дочерью католической церкви; иначе слѣдовало опасаться, что она снова возмутится и не дастъ согласія.

Маленькую общину собрали для встрѣчи новоприбывшаго. Намъ сказали краткое поученіе;—мнѣ объявили, что я долженъ оказать себя достойнымъ благодати, ниспосылавшейся мнѣ Господомъ Богомъ,—другихъ пригласили молиться обо мнѣ и поучать благими примѣрами. Послѣ того, наши дѣвственницы удалились въ свои комнаты, и у меня осталось довольно времени, чтобъ вдоволь надивиться той комнатѣ, въ которой я находился.

На другой день утромъ, насъ снова собрали для ученія и тогда-то я сталъ въ первый разъ обдумывать шагъ, который намѣревался сдѣлать, и поступки, привлекшіе меня къ нему.

Я уже сказалъ, повторяю и можетъ быть еще повторю вещь, въ которой съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе убѣждаюсь: рѣдкій ребенокъ получаетъ такое разумное и здравое воспитаніе, какое было въ началѣ дано мнѣ. Родившись въ семействѣ, которое своею нравственностью отличалось отъ черни, я получалъ отъ всѣхъ моихъ родныхъ

только уроки добродѣтели, видѣлъ въ нихъ примѣры только честности. Мой отецъ, хотя и любилъ удовольствія, былъ человѣкъ крайне честный и весьма религіозный. Будучи большимъ любезникомъ въ обществѣ и христіаниномъ въ семействѣ, онъ внушилъ мнѣ съ раннихъ лѣтъ чувства, которыми самъ былъ проникнутъ. Изъ трехъ моихъ тетокъ, женщинъ разсудительныхъ и добродѣтельныхъ, двѣ старшія были очень набожны, а третья, дѣвушка милая, умная и чувствительная была, можетъ быть, еще религіознѣе ихъ, но не такъ выказывала эту набожность. Изъ этого почтеннаго семейства я перешелъ къ г. Ламберсье, который, хотя и принадлежалъ къ духовному сословію и былъ проповѣдникомъ, однако былъ человѣкомъ вѣрующимъ и поступалъ почти также хорошо, какъ говорилъ. Кроткими и разсудительными наставленіями и уроками онъ, вмѣстѣ съ сестрою, развивалъ правила благочестія, уже поселившіяся въ моемъ сердцѣ. Эти достойные люди прибѣгали для достиженія этой цѣли къ такимъ благоразумнымъ, скромнымъ и разсудительнымъ средствамъ, что я не только не тяготился ихъ наставленіями, но никогда не выслушивалъ ихъ безъ того, чтобъ не оставаться глубоко тронутымъ и не принимать рѣшенія жить какъ слѣдуетъ,—рѣшенія, которому я рѣдко измѣнялъ, когда думалъ о немъ. У моей тетки Бернаръ набожность немного надоѣдала мнѣ, потому что она дѣлала изъ нея ремесло. У моего хозяина я совсѣмъ пересталъ думать о правилахъ религіи, но при этомъ прежній образъ мыслей все таки не измѣнился. У меня не было молодыхъ товарищей, которые могли бы испортить меня. Я сдѣлался шалуномъ, но не развратникомъ.

И такъ у меня было на столько религіознаго чувства, на сколько можетъ имѣть его всякій другой ребенокъ однихъ лѣтъ со мною. У меня даже это чувство не соотвѣтствовало моему возрасту; къ чему скрывать мою мысль? Мое дѣтство не было похоже на дѣтство ребенка; я всегда чувствовалъ и думалъ какъ взрослый. Только сдѣлавшись старше, я вошелъ въ число обыкновенныхъ людей; родясь на свѣтъ, я вышелъ изъ этого числа. Читатели станутъ смѣяться, что я такъ скромно выдаю себя за чудо. Пускай; но когда они вдоволь посмѣются, то пусть попробуютъ найти ребенка, котораго въ шесть лѣтъ романы привлекаютъ, интересуютъ и восхищаютъ до того, что онъ, читая ихъ, заливается слезами; пусть найдутъ такого ребенка, и тогда я увижу, что мое тщеславіе смѣшно и сознаюсь въ своей винѣ.

Такимъ образомъ, если я говорилъ, что не должно толковать дѣтямъ о религіи, когда желаешь когда нибудь сдѣлать ихъ религіозными и что они неспособны понимать Бога, даже по нашему, то выводилъ это заключеніе изъ моихъ наблюденій, а не изъ собственнаго опыта; по немъ нельзя заключать о другихъ. Найдите людей, которые были бы Жанъ-

Жаками Руссо въ шесть лѣтъ, и начните говорить съ ними о Богѣ, когда имъ пойдетъ осьмой годъ, и я ручаюсь, что вы ничѣмъ не рискуете.

Всякій сознаетъ, я полагаю, что быть религіознымъ для дитяти и даже для взрослаго, значитъ придерживаться той религіи, въ которой онъ родился. Иногда у нея отымаютъ что-либо; рѣдко прибавляютъ къ ней что нибудь; догматическая религія есть плодъ воспитанія. Кромѣ этого общаго принципа, привязывавшаго меня къ религіи моихъ отцевъ, у меня было общее нашему городу отвращеніе къ католицизму, который намъ выставляли какимъ-то ужаснымъ идолопоклонствомъ, и духовенство котораго намъ рисовали въ самыхъ черныхъ краскахъ. Это чувство было такъ сильно развито во мнѣ, что я безъ ужаса не могъ видѣть внутренность католической церкви, встрѣчать патера въ рясѣ или слышать звонокъ процессій; отъ этого чувства ужаса я скоро освободился въ городахъ, но оно часто возобновлялось во мнѣ въ деревенскихъ приходахъ, болѣе похожихъ на тѣ, въ которыхъ я впервые испытывалъ это чувство. Правда, это впечатлѣніе представляло странный контрастъ съ воспоминаніями о ласкахъ, охотно расточаемыхъ маленькимъ дѣтямъ католическими священниками окрестностей Женевы. Въ то самое время, какъ звонокъ, сопровождавшій процессію со святыми дарами, наводилъ на меня страхъ, благовѣстъ къ обѣднѣ или всенощной напоминалъ мнѣ о завтракѣ, полдникѣ, свѣжемъ маслѣ, плодахъ, молокѣ. Вкусные обѣды у г. де-Понверра тоже произвели на меня не малое впечатлѣніе. Такимъ образомъ, я легко преодолѣлъ въ себѣ прежнія ощущенія. Смотря на папизмъ только съ точки зрѣнія его связи съ удовольствіями и сытнымъ угощеніемъ, я безъ труда свыкся съ мыслью жить въ средѣ его; но мысль торжественно обречь себя на служеніе ему приходила мнѣ въ голову только мимоходомъ и осуществить ее я думалъ только въ самомъ отдаленномъ будущемъ. Но теперь дѣло было рѣшено. Я съ живѣйшимъ ужасомъ взглянулъ на принятое мною обязательство и на неизбѣжныя его послѣдствія. Окружавшіе меня будущіе неофиты не были способны поддержать во мнѣ бодрость своимъ примѣромъ, и я не могъ скрыть отъ себя, что святое дѣло, на которое я рѣшался, было, собственно говоря, ничто иное какъ поступокъ мошенника. Уже въ такихъ молодыхъ лѣтахъ я чувствовалъ, что продавалъ свою религію, и что еслибъ даже мой новый выборъ былъ удаченъ, я во всякомъ случаѣ въ глубинѣ сердца лгалъ передъ Святымъ Духомъ и обрекалъ себя на презрѣніе людей. Чѣмъ больше я думалъ объ этомъ, тѣмъ болѣе негодовалъ на самого себя и скорбѣлъ объ участи, доведшей меня до этого — какъ будто она не была результатомъ моихъ собственныхъ дѣйствій. Бывали минуты, когда эти размышленія усиливались до такой степени, что раскройся хоть на минуту дверь нашего дома,

я убѣжалъ бы изъ него; но это было невозможно, да и это намѣреніе не долго держалось во мнѣ.

Слишкомъ много тайныхъ желаній боролось съ нимъ,— слишкомъ много для того, чтобъ не побѣдить его. Къ тому же, упорство въ принятомъ намѣреніи не возвращаться въ Женеву, стыдъ, даже трудность перебраться черезъ горы, неудобство видѣть себя въ чужой странѣ безъ друзей, безъ средствъ къ жизни,—все это содѣйствовало къ тому, что я смотрѣлъ на угрызенія моей совѣсти какъ на слишкомъ позднее раскаяніе: я нарочно упрекалъ себя въ томъ, что сдѣлалъ, чтобы оправдать себя въ томъ, что намѣревался сдѣлать. Сильнѣе обвиняя себя за прошедшіе проступки, я смотрѣлъ на будущее, какъ на ихъ необходимое послѣдствіе. Я не говорилъ себѣ: ничто еще не сдѣлано, и ты еще можешь быть невиннымъ, если хочешь; но твердилъ: оплакивай начатое преступленіе, которое ты поставилъ себя въ необходимость довершить.

Въ самомъ дѣлѣ, какую силу воли необходимо было имѣть въ моихъ лѣтахъ, чтобъ осуществить тѣ надежды на меня, которымъ я подалъ поводъ въ моемъ раннемъ дѣтствѣ, чтобъ разорвать наложенныя на себя цѣпи, чтобъ смѣло выразить рѣшимость не измѣнять вѣрѣ моихъ отцовъ, каковы бы ни были послѣдствія этой рѣшимости! Эта сила не была свойственна моему возрасту, и мало было вѣроятія на счастливый исходъ. Дѣло зашло слишкомъ далеко для того, чтобъ мои руководители рѣшились отступиться отъ него, и чѣмъ болѣе проявлялось бы мое сопротивленіе, тѣмъ болѣе, такъ или иначе, другіе поставили бы себѣ за правило преодолѣть его.

Софизмъ, погубившій меня, былъ тотъ самый, котораго держится большая часть людей, жалующихся на недостатокъ силы, когда для нихъ уже слишкомъ поздно пользоваться ею. Мы покупаемъ добродѣтель цѣною нашихъ ошибокъ; и если бы хотѣли быть всегда благоразумными, то рѣдко имѣли бы надобность быть добродѣтельными. Но легко преодолимыя стремленія увлекаютъ насъ безъ всякаго сопротивленія съ нашей стороны, мы поддаемся ничтожнымъ искушеніямъ, презирая ихъ опасность, и нечувствительно ставимъ мы себя въ опасныя положенія, отъ которыхъ легко могли бы предохранить себя; но разъ попавъ въ нихъ, мы уже не можемъ выйти безъ геройскихъ усилій, ужасающихъ насъ, и падаемъ наконецъ въ пропасть, обращаясь къ Богу съ вопросомъ: за что Ты сотворилъ меня такимъ слабымъ? Но, вопреки нашему желанію, Онъ отвѣчаетъ нашей совѣсти: Я сотворилъ тебя слишкомъ слабымъ, чтобъ выйти изъ бездны, потому что сдѣлалъ на столько сильнымъ, чтобъ не падать въ нее.

Я еще не рѣшился положительно сдѣлаться католикомъ; но такъ

какъ время моего окончательнаго обращенія было еще далеко, то я сталъ мало-по-малу пріучать себя къ этой мысли и покамѣстъ рисовалъ въ своемъ воображеніи разныя непредвидѣнныя происшествія, которыя могли бы вывести меня изъ затрудненія. Чтобы выиграть время, я рѣшился защищаться сколько возможно. Скоро мое тщеславіе позволило мнѣ не думать о моемъ рѣшеніи, и чуть только я замѣтилъ, что ставилъ иногда въ тупикъ людей, хотѣвшихъ обратить меня на путь истины, какъ ощутилъ въ себѣ стремленіе окончательно побороть ихъ. Я даже высказалъ въ этомъ дѣлѣ крайне смѣшное рвеніе, потому что въ то время, какъ они обращали меня, я старался обратить ихъ. Я былъ искренно увѣренъ, что мнѣ стоитъ только убѣдить ихъ, — и они сдѣлаются протестантами.

Такимъ образомъ, они не нашли меня на столько слабымъ, на сколько ожидали, какъ по отношенію къ развитію, такъ и по отношенію къ силѣ воли. Вообще протестанты образованнѣе католиковъ. Такъ и должно быть: доктрина первыхъ ставитъ непремѣннымъ условіемъ обсужденіе религіозныхъ вопросовъ, доктрина вторыхъ обязываетъ къ слѣпому повиновенію. Католикъ долженъ покоряться навязываемому ему рѣшенію. Въ нашемъ заведеніи это знали очень хорошо; но ни мой возрастъ, ни мое положеніе не подавали опытнымъ и привычнымъ людямъ повода ожидать особенно большихъ затрудненій. Къ тому же, я еще не причащался и не получилъ относящихся къ таинству наставленій: это также очень хорошо было извѣстно у насъ; но за то мои учители совершенно не знали, что я очень многому научился у г. Ламберсье и имѣлъ весьма неудобное для этихъ господъ подспорье въ «Исторіи Церкви и Имперіи», которую я выучилъ почти наизусть еще у отца и съ тѣхъ поръ почти позабылъ, и которая приходила мнѣ на память по мѣрѣ того, какъ разгорались наши пренія.

Одинъ старый священникъ маленькаго роста, но довольно почтенной наружности, прочелъ намъ всѣмъ первую лекцію. Эта лекція была для моихъ товарищей скорѣе урокомъ катихизиса, чѣмъ преніемъ и учителю пришлось скорѣе поучать ихъ, чѣмъ опровергать ихъ возраженія. Но не то было со мною. Когда наступила моя очередь, я останавливалъ его на каждомъ шагу; не избавилъ его ни отъ одного затруднительнаго положенія, въ которое только могъ поставить его. Вслѣдствіе этого лекція продлилась болѣе, чѣмъ слѣдовало, и показалась очень скучною для присутствующихъ. Старый священникъ говорилъ много, горячился, несъ нелѣпости и отговаривался тѣмъ, что не зналъ хорошо французскаго языка. На другой день, изъ боязни, чтобъ мои нескромныя замѣчанія не скандализировали моихъ товарищей, меня помѣстили въ отдѣльную комнату и поручили другому священнику помоложе, большому говоруну,

т. е. охотнику до длинныхъ фразъ и довольному собою больше всѣхъ ученыхъ на свѣтѣ. Однако, его внушающая физіономія не слишкомъ на меня подѣйствовала; сознавая, что я во всякомъ случаѣ исполнялъ свой долгъ, я началъ отвѣчать ему съ порядочною самоувѣренностью и колоть его со всѣхъ сторонъ, чѣмъ только могъ. Онъ воображалъ, что разобьетъ меня св. Августиномъ, св. Григоріемъ и другими отцами церкви—и увидѣлъ съ неописаннымъ удивленіемъ, что я былъ знакомъ съ этими писателями почти не меньше его,—не потому, чтобъ я когда-нибудь читалъ ихъ, но потому, что у меня остались въ памяти многія мѣста изъ нихъ, вычитанныя мною у Лесюэра; и едва начиналъ онъ ссылаться на одного изъ нихъ, я отвѣчалъ ему другою цитатою изъ того же писателя — что часто очень затрудняло его. Однако, онъ вышелъ, наконецъ, побѣдителемъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому что былъ сильнѣе меня и что я, чувствуя себя, такъ сказать, въ его рукахъ, очень хорошо понималъ, не смотря на мою молодость, что не слѣдуетъ выводить его изъ терпѣнія, такъ какъ уже наканунѣ ясно замѣтилъ, что маленькому старичку священнику не особенно понравились ни я самъ, ни моя ученость; во-вторыхъ, онъ былъ начитанъ, а я совсѣмъ не обладалъ этимъ качествомъ. Вслѣдствіе этого онъ слѣдовалъ въ своихъ доводахъ методѣ, съ которой я не могъ совладать, и какъ только чувствовалъ себя поставленнымъ въ тупикъ неожиданнымъ замѣчаніемъ съ моей стороны, то отлагалъ отвѣтъ до слѣдующаго дня, говоря, что я удалялся отъ предмета разсужденія. Иногда онъ даже отвергалъ всѣ мои цитаты, утверждая, что онѣ ложны, и вызывался принести книгу съ тѣмъ, чтобы я отыскалъ въ ней мѣсто, на которое ссылался. Желая меня заставить отыскать, онъ понималъ, что рисковалъ не многимъ, и что я, при всей моей учености, мало привыкъ обращаться съ книгами и слишкомъ мало зналъ латинскій языкъ, чтобъ имѣть возможность отыскать какое-нибудь мѣсто въ книгѣ даже въ томъ случаѣ, еслибъ даже и былъ увѣренъ, что оно находится въ ней. Я подозрѣваю его даже въ томъ, что онъ прибѣгалъ къ той самой недобросовѣстности, въ которой укорялъ нашихъ священниковъ,—и иногда самъ выдумывалъ цитаты только для того, чтобъ отдѣлаться отъ возраженія, которое приходилось ему не по-сердцу.

Въ то время, когда происходили эти маленькія пренія и дни проходили въ спорахъ, молитвахъ и разныхъ шалостяхъ, со мною случилось довольно скверное и отвратительное приключеніе, которое чуть-чуть не окончилось для меня крайне дурно.

Нѣтъ на свѣтѣ такой подлой души и варварскаго сердца, которыя не были бы способны испытать хоть малѣйшее чувство привязанности. Одинъ изъ двухъ мошенниковъ, называвшихъ себя маврами, полюбилъ

меня. Онъ часто подходилъ ко мнѣ, разговаривалъ со мною, оказывалъ мнѣ небольшія услуги, иногда дѣлился со мною своею порціею за обѣдомъ . . . .
онъ принялъ крещеніе съ большою церемоніею, одѣтый въ бѣлое платье съ головы до ногъ, для олицетворенія чистоты своей возрожденной души. На другой день онъ вышелъ изъ заведенія и съ тѣхъ поръ я никогда его не видалъ.

Моя очередь пришла мѣсяцъ спустя; этотъ срокъ былъ необходимъ для того, чтобъ доставить моимъ наставникамъ честь труднаго обращенія, и передо мною провели всѣ догматы для окончательнаго торжества надъ моимъ недавно возникшимъ смиреніемъ.

Наконецъ, достаточно обученный и настроенный такъ, какъ хотѣлось моимъ учителямъ, я былъ отведенъ въ процессіи въ главный соборъ св. Іоанна, гдѣ долженъ былъ произнести торжественное отреченіе отъ прежней религіи и принять принадлежности крещенія, хотя крещенія въ собственномъ смыслѣ не было; но такъ какъ обѣ церемоніи почти однѣ и тѣ же, то это служитъ средствомъ для убѣжденія народа въ томъ, что протестанты — не христіане. Я былъ одѣтъ въ какое-то сѣрое платье, украшенное бѣлыми шнурками и предназначенное для такихъ церемоній. Впереди и сзади меня, два человѣка несли мѣдные тазы, по которымъ они ударяли ключами и куда каждый клалъ милостыню, размѣръ которой обусловливался степенью набожности и участія къ новообращенному. Наконецъ, вся католическая торжественность была здѣсь пущена въ ходъ, съ цѣлью сдѣлать эту церемонію назидательнѣе для публики и унизительнѣе для моей прежней вѣры. Не доставало только бѣлой одежды, которая была бы мнѣ очень кстати, и которой мнѣ не дали, какъ мавру, потому что я не имѣлъ чести быть жидомъ.

Но этимъ дѣло не кончилось: надо было идти въ домъ инквизиціи для полученій отпущенія отъ грѣха ереси и вступленія въ лоно церкви съ такою же церемоніею, какую производилъ надъ Генрихомъ IV его посланникъ. Видъ и манеры почтеннаго отца инквизитора не были способны разсѣять тайный ужасъ, охватившій меня при входѣ въ этотъ домъ. Послѣ разныхъ вопросовъ о моей вѣрѣ, званіи, семействѣ, онъ вдругъ спросилъ, не была ли моя мать проклята.

Ужасъ заставилъ меня преодолѣть первый порывъ негодованія, я ограничился отвѣтомъ, что надѣялся, что она не была проклята и что Богъ просвѣтилъ ея разумъ въ послѣднія минуты жизни. Монахъ замолчалъ, но сдѣлалъ гримасу, которая показалась мнѣ совсѣмъ не похожею на знакъ одобренія.

Когда все это было кончено, и я уже молчалъ, что мнѣ дадутъ мѣсто, согласно моимъ ожиданіямъ, — меня выпустили изъ заведенія съ

двадцатью франками, собранными въ мою пользу во время моего крещенія. Мнѣ не совѣтовали жить, какъ слѣдуетъ истинному христіанину, продолжать быть достойнымъ благости неба, пожелали добраго пути, заперли за мною дверь,—и все скрылось.

Такъ въ одну минуту затмились всѣ мои великія надежды, и отъ корыстнаго поступка совершеннаго мною, во мнѣ осталось только воспоминаніе о томъ, что я въ одно и то же время сдѣлался отступникомъ и былъ обманутъ другими. Легко вообразить, какой внезапный переворотъ произошелъ въ моихъ мысляхъ, когда съ высоты самыхъ блестящихъ предположеній я упалъ въ полнѣйшую нищету, и когда я, еще утромъ мысленно выбиравшій дворецъ для своего жительства, вечеромъ увидѣлъ себя въ необходимости провести ночь на улицѣ, подъ открытымъ небомъ. Иной подумаетъ, что я прежде всего предался отчаянію тѣмъ болѣе жестокому, что сожалѣніе о моихъ ошибкахъ должно было увеличиваться сознаніемъ того, что я самъ былъ причиною моихъ бѣдствій. Ничуть не бывало. Въ первый разъ въ теченіе всей моей жизни я находился въ заперти цѣлые два мѣсяца. Первое чувство испытанное мною, было чувство вновь пріобрѣтенной свободы. Послѣ долгаго рабства, сдѣлавшись снова властелиномъ и самого себя, и своихъ дѣйствій, я видѣлъ себя среди большого города, обильнаго средствами, наполненнаго вліятельными людьми, которые должны были принять меня къ себѣ послѣ перваго ознакомленія съ моими достоинствами и способностями. Къ тому же у меня было впереди много времени; а двадцать франковъ, находившихся въ моемъ карманѣ, казались мнѣ неистощимъ сокровищемъ. Я могъ располагать ими по своему усмотрѣнію, не отдавая никому отчета. Въ первый разъ я видѣлъ себя до такой степени богатымъ. Не думая предаваться отчаянію и слезамъ, я только измѣнилъ свои надежды, и мое самолюбіе ничего не потеряло при этомъ измѣненіи. Никогда я не чувствовалъ въ себѣ столько отваги и увѣренности; я былъ убѣжденъ, что судьба моя уже вполнѣ устроена и гордился тѣмъ, что былъ обязанъ этимъ только самому себѣ.

Прежде всего я счелъ долгомъ удовлетворить моему любопытству осмотромъ города, хоть бы для того, чтобы совершить первый свободный поступокъ. Я пошелъ посмотрѣть на маневры, потому что очень любилъ звуки военной музыки. Я слѣдовалъ за процессіями, потому что любилъ духовное пѣніе. Затѣмъ отправился посмотрѣть на королевскій дворецъ и приблизился къ нему со страхомъ; но увидѣвъ, что другіе свободно входили туда, послѣдовалъ ихъ примѣру; меня пропустили. Можетъ быть, этою милостью я былъ обязанъ маленькому свертку, который я держалъ подъ мышкою. Какъ бы то ни было, я возымѣлъ о себѣ очень выгодное понятіе, когда вошелъ во дворецъ; я уже смотрѣлъ

на себя какъ на одного изъ живущихъ въ немъ. Наконецъ, я усталъ отъ ходьбы взадъ и впередъ и почувствовалъ голодъ; было жарко; я пошелъ къ молочницѣ; тутъ мнѣ дали *giunca*, творогу и два фунта великолѣпнаго пьемонтскаго хлѣба, любимаго мною болѣе всякаго другого, и такимъ образомъ за пять или шесть су я пообѣдалъ такъ отлично, какъ рѣдко обѣдывалъ потомъ.

Надо было отыскать себѣ пристанище. Я уже на столько зналъ пьемонтскій языкъ, что меня могли понимать; поэтому мнѣ не трудно было найти ночлегъ, и я имѣлъ благоразуміе сообразиться при этомъ болѣе съ моимъ кошелькомъ, чѣмъ съ моимъ вкусомъ. Мнѣ указали въ улицѣ По жену одного солдата, которая за одинъ су давала ночлегъ слугамъ безъ мѣстъ. Я нашелъ у ней свободный матрацъ и расположился на немъ. Она была молода и недавно вышла замужъ, хотя уже имѣла пятерыхъ или шестерыхъ дѣтей. Мать, дѣти, посѣтители,—всѣ спали въ одной комнатѣ, и это продолжалось все время, пока я оставался у ней. Впрочемъ, она была добрая женщина, хотя и ругалась какъ извощикъ, ходила всегда растегнутая и растрепанная, но при этомъ была ласкова и предупредительна. Она полюбила меня и даже была мнѣ полезна.

Нѣсколько дней я провелъ въ томъ, что наслаждался своей независимостью и удовлетвореніемъ своего любопытства. Я бродилъ по городу и окрестностямъ, осматривая все, что казалось мнѣ новымъ и интереснымъ; а такимъ все должно было казаться молодому человѣку, только что вырвавшемуся изъ клѣтки и никогда не видавшему столицы. Особенно аккуратно я исполнялъ обязанности придворнаго и постоянно каждое утро присутствовалъ при обѣднѣ въ королевскомъ дворцѣ. Мнѣ доставляло большое удовольствіе видѣть себя въ той церкви, гдѣ находились король и его свита: но страсть къ музыкѣ, уже тогда начавшая проявляться во мнѣ, играла въ моихъ ежедневныхъ посѣщеніяхъ болѣе важную роль, чѣмъ пышность двора, которая, будучи всегда одною и тою же, скоро пріѣдается. У короля сардинскаго былъ въ то время лучшій оркестръ въ Европѣ. Въ немъ попеременно блестѣли Безуцци, Сомисъ, Дежарденъ. И не такія дарованія могли привлечь молодого человѣка, который приходилъ въ восхищеніе отъ игры на какомъ бы то ни было инструментѣ, лишь бы она не была фальшива. Впрочемъ, на все великолѣпіе, поражавшее мои глаза, я смотрѣлъ безъ всякаго корыстнаго чувства и только съ какимъ-то безсмысленнымъ удивленіемъ. Во всякомъ придворномъ блескѣ меня интересовало только одно: я все отыскивалъ какую-нибудь молодую принцессу, которая оказалась бы достойною моего поклоненія и съ которою я могъ бы начать романъ.

Я чуть было и не началъ его, въ положеніи, правда, менѣе блестя-

щемъ, но въ которомъ, еслибъ я довелъ этотъ романъ до конца, я могъ бы вкусить наслажденія въ тысячу разъ пріятнѣе.

Хотя я жилъ очень экономно, но нечувствительно кошелекъ мой истощился. Впрочемъ эта экономія происходила не столько отъ моего благоразумія, сколько отъ врожденной мнѣ воздержности, которая сохранилась во мнѣ и до сихъ поръ, не смотря на привычку къ роскошнымъ обѣдамъ. Сельское кушанье казалось мнѣ, да и теперь кажется самымъ вкуснымъ. Молоко, яйца, зелень, сыръ, черный хлѣбъ и порядочное вино—для меня отличное угощеніе; мой хорошій аппетитъ еще усиливаетъ прелесть его, когда метр-д'отель и стая лакеевъ не стоятъ вокругъ меня, надоѣдая своимъ несноснымъ присутствіемъ. Въ то время я ѣлъ гораздо лучше, расходуя шесть или семь су, чѣмъ впослѣдствіи, когда мой обѣдъ стоилъ столько же франковъ. И такъ я былъ воздерженъ, потому что не представлялось искушеній не быть имъ; впрочемъ я не правъ, называя это воздержаніемъ, потому что предавался этому удовольствію со всевозможною чувственностью. Мои груши, giunca, сыръ, пьемонтскій хлѣбъ и нѣсколько стакановъ монферратскаго вина дѣлали меня счастливѣйшимъ изъ обжоръ. Но и при этомъ образѣ жизни двадцать франковъ должны были наконецъ исчезнуть. Всякій день эта истина становилась для меня все болѣе и болѣе очевидною; и не смотря на вѣтренность, свойственную моимъ лѣтамъ, безпокойство о будущемъ перешло наконецъ въ ужасъ. Изъ всѣхъ моихъ воздушныхъ замковъ у меня осталась только мысль о томъ, какъ бы найти средства къ жизни; но и это было не такъ легко. Я вспомнилъ о моемъ прежнемъ ремеслѣ; но не былъ въ немъ свѣдущъ на столько, чтобъ пойти въ работу къ мастеру, да и вообще въ Туринѣ было не много мастеровъ. Поэтому въ ожиданіи лучшаго, я рѣшился ходить изъ лавки въ лавку съ предложеніемъ вырѣзывать вензеля и гербы на посудѣ, и надѣялся соблазнить лавочниковъ дешевизною работы. Эта попытка была не особенно удачна. Почти нигдѣ меня не приняли, а если я и находилъ работу этого рода, то она была до такой степени ничтожна, что я едва заработалъ себѣ ею нѣсколько обѣдовъ. Разъ, однако, проходя довольно рано утромъ по Contra nova, я увидѣлъ въ окнѣ одного магазина молодую женщину, до такой степени милую и привлекательную, что не смотря на мою робость въ отношеніи женщинъ, не колеблясь вошелъ и предложилъ ей воспользоваться моимъ маленькимъ талантомъ. Она не спровадила меня, предложила сѣсть, разсказать мою маленькую исторію, пожалѣла обо мнѣ, сказала, что я не долженъ терять присутствія духа и что добрые христіане меня не оставятъ, потомъ послала къ сосѣднему брильянтщику за необходимыми для меня инструментами, и въ ожиданіи ихъ пошла въ кухню и сама принесла мнѣ позавтракать. Это начало показалось

мнѣ добрымъ предзнаменованіемъ; послѣдствія оправдали мое предчувствіе. Она повидимому осталась довольна моею маленькою работой и еще болѣе моею болтовнею, въ которую я пустился, когда немножко оправился отъ смущенія и робости, овладѣвшихъ мной потому, что она была нарядно одѣта, и, не смотря на свое обходительное обращеніе, смутила меня этимъ блескомъ. Но ея радушный пріемъ, выраженіе участія, нѣжныя и ласковыя манеры скоро разсѣяли это смущеніе. Я видѣлъ, что имѣлъ успѣхъ, и, это сознаніе повело къ еще большему успѣху. Но хотя она была итальянка и слишкомъ хороша собой, чтобъ не быть немного кокеткой, въ ней было однако на столько скромности, а во мнѣ столько робости, что трудно было надѣяться на скорую и окончательно успѣшную развязку. Намъ не дали времени окончить наше приключеніе. Тѣмъ отраднѣе мнѣ вспоминать о короткихъ минутахъ, проведенныхъ близь нея; и могу сказать, что я испыталъ въ эти минуты самыя сладкія и самыя чистыя наслажденія любви.

Она была весьма заманчивая брюнетка; но сердечная доброта, ясно написанная на ея красивомъ личикѣ, придавала ея живости что-то трогательное. Ее звали г-жа Базиль. Ея мужъ, старше лѣтами и довольно ревнивый, оставлялъ ее, во всякое время своихъ поѣздокъ, подъ надзоромъ приказчика, слишкомъ угрюмаго, чтобъ быть привлекательнымъ, но который съ своей стороны заявлялъ разныя претензіи, выражавшіяся преимущественно въ дурномъ расположеніи духа. Онъ сильно не взлюбилъ меня, хотя мнѣ нравилась его довольно сносная игра на флейтѣ. Этотъ новый Эгистъ ворчалъ каждый разъ, какъ я приходилъ къ его госпожѣ, и обращался со мною съ презрѣніемъ, за которое она отплачивала ему тою же монетой. Казалось даже, что, желая его помучить, она нарочно обходилась со мною ласковѣе въ его присутствіи; и хотя эта маленькая лесть приходилась мнѣ по сердцу, но она нравилась бы мнѣ еще болѣе, еслибъ происходила наединѣ. Но она не доводила ее до этой степени, или, по крайней мѣрѣ, когда мы оставались одни, не выражала ее въ такомъ видѣ. Потому ли, что она находила меня чрезвычайно молодымъ, или потому, что не умѣла первая подать поводъ къ началу любовныхъ отношеній, или наконецъ, серьезно хотѣла остаться вѣрной женой, — какъ бы то ни было, но ея обращеніе со мною отличалось какою-то сдержанностью, которая хотя и не отталкивала меня, но дѣлала робкимъ, а почему, — я самъ того не зналъ. Я не чувствовалъ къ ней такого искренняго и нѣжнаго уваженія, какое внушала мнѣ г-жа де-Варенсъ; но за то былъ съ нею болѣе робокъ и менѣе фамильяренъ. Я чувствовалъ себя смущеннымъ, дрожалъ; не смѣлъ смотрѣть на нее, не смѣлъ дышать подлѣ нея, но въ тоже время боялся больше смерти разлуки съ нею. Я пожиралъ жадными взорами все, что могъ

видѣть, не будучи самъ замѣченнымъ: цвѣты на платьѣ, кончикъ красивой ножки, частичку бѣленькой и упругой ручки, проглядывавшую въ промежуткѣ между перчаткой и рукавомъ, и то отверстіе, которое образовывалось иногда между ея манишкой и косынкой, надѣтой на плечи. Всякая новая вещь усиливала впечатлѣніе производившееся прежнею. По мѣрѣ того, какъ я смотрѣлъ на то, что могъ видѣть, и даже на то, что было недоступно моимъ взорамъ, въ глазахъ у меня темнѣло, я чувствовалъ стѣсненіе въ груди, дыханіе съ каждой минутой дѣлалось болѣе и болѣе затруднительнымъ, и я былъ способенъ только на одно — испускать тихіе вздохи, оказывавшіеся весьма неудобными въ минуты молчанія, въ которомъ мы нерѣдко пребывали съ нею. Къ счастію г-жа Базиль, занятая своею работой, повидимому не замѣчала того, что происходило во мнѣ. Однако я иногда видѣлъ, какъ ея косынка довольно быстро вздымалась на ея груди. Это опасное зрѣлище губило меня окончательно. Но въ ту минуту, когда я уже былъ готовъ поддаться моему увлеченію, она вдругъ обращалась ко мнѣ съ спокойнымъ тономъ, тотчасъ же заставлявшимъ меня приходить въ себя.

Я нѣсколько разъ видѣлъ ее одну въ такомъ состояніи и никогда ни одно слово, ни одно движеніе, даже ни одинъ черезъ чуръ выразительный взглядъ, не обличали малѣйшаго соглашенія между нами. Это состояніе, очень мучительное для меня, наполняло однако мою душу наслажденіемъ, и въ простотѣ сердечной я даже едва могъ понять причину такихъ мученій. Казалось, что и ей не были противны эти кратковременныя свиданія наединѣ, по крайней мѣрѣ она довольно часто подавала къ нимъ поводъ.

Однажды, когда ей черезъ чуръ надоѣли нелѣпыя разсужденія приказчика, и она ушла къ себѣ въ комнату, я поспѣшилъ покончить свою работу и послѣдовалъ за нею. Дверь въ ея комнату была не притворена; я вошелъ незамѣтно. Она вышивала у окна, обернувшись лицомъ къ сторонѣ, противоположной дверямъ. Она не могла ни видѣть меня, ни слышать, какъ я вошелъ, такъ какъ по улицѣ въ то время съ шумомъ проѣзжали телѣги; она всегда одѣвалась хорошо, но въ этотъ день въ ея нарядѣ было даже что-то кокетливое. Поза ея граціозна: нѣсколько наклоненная головка позволяла видѣть бѣлизну ея шеи; красиво приподнятые волосы были украшены цвѣтами. Во всей ея фигурѣ высказывалась особенная прелесть; я имѣлъ довольно времени ею наслаждаться и пришелъ въ восторженное состояніе. Я бросился на колѣни при входѣ въ комнату и страстно протянулъ къ ней руки, вполнѣ увѣренный, что она не можетъ ни видѣть, ни слышать меня. Но надъ каминомъ висѣло зеркало, и оно-то выдало меня. Не знаю, какое впечатлѣніе произвелъ на нее мой восторженный порывъ, она не взглянула

на меня, не сказала ни слова; но полуоборотивъ голову, простымъ движеніемъ пальца указала мнѣ на плетеный коверъ у своихъ ногъ. Вздрогнуть, вскрикнуть, броситься на указанное мѣсто—было дѣломъ одной секунды; но повѣритъ ли кто-нибудь, что въ этомъ положеніи я не могъ сдѣлать ничего болѣе, не могъ сказать слова, поднять на нее глаза, дотронуться до ея колѣнъ. Я былъ нѣмъ, неподвиженъ, но конечно не спокоенъ; все обличало во мнѣ волненіе, радость, благодарность, пылкія желанія, стремившіяся къ ясно опредѣленной цѣли и сдерживавшіяся боязнью не понравиться,—боязнью, отъ которой мое молодое сердце не могло еще отрѣшиться.

Она повидимому была также неспокойна и также робка какъ и я. Смущенная моимъ присутствіемъ, какъ бы испуганная тѣмъ, что сама же привлекла меня, она уже начинала понимать все значеніе движенія, сдѣланнаго ею, безъ сомнѣнія совершенно необдуманно, и сидѣла, не привлекая меня къ себѣ; она не поднимала глазъ съ своей работы и старалась держать себя такъ, какъ будто не видѣла, что я сидѣлъ у ногъ ея; но моя глупость не мѣшала мнѣ однакожъ видѣть, что она раздѣляла мое смущеніе, можетъ быть, даже мои желанія, и что ее удерживалъ только стыдъ, подобный моему; но это сознаніе не придало мнѣ силы преодолѣть мою робость. Будучи старше меня пятью или шестью годами, она, какъ мнѣ казалось, должна была выказать и больше смѣлости; и я говорилъ себѣ, что если она не дѣлала ничего для возбужденія смѣлости во мнѣ, то это потому, что не желала видѣть ее во мнѣ. Даже и теперь я полагаю, что разсуждалъ вѣрно; безъ сомнѣнія, она была слишкомъ умна, чтобъ не видѣть, что подобнаго мнѣ новичка надо было не только ободрить, но и научить.

Не знаю, чѣмъ окончилась бы эта оживленная и нѣмая сцена и сколько времени пробылъ бы я въ этомъ смѣшномъ и сладостномъ состояніи, еслибъ намъ не помѣшали. Въ самомъ сильномъ разгарѣ моего волненія, я услышалъ стукъ двери въ кухнѣ, прилегавшей къ той комнатѣ, гдѣ мы находились; встревоженная молодая женщина быстро сказала мнѣ и голосомъ и жестомъ: встаньте, Розина идетъ. Вскочивъ на ноги, я схватилъ протянутую мнѣ руку, жарко поцѣловалъ ее два раза, и при второмъ поцѣлуѣ почувствовалъ, что эта прелестная рука слегка прижалась къ моимъ губамъ. Никогда въ жизни я не переживалъ такой сладкой минуты: но потерянный случай болѣе не возобновился, и наша молодая любовь тѣмъ и окончилась.

Можетъ быть, именно поэтому образъ этой милой женщины остался напечатлѣннымъ въ глубинѣ моей души въ такихъ прелестныхъ чертахъ. Онъ даже становился все лучше по мѣрѣ того, какъ я узнавалъ свѣтъ и женщинъ. Будь у ней хоть немножко опытности, она иначе принялась

бы за дѣло, чтобъ воодушевить мальчика; но если ея сердце было слабо, то вмѣстѣ съ тѣмъ оставалось честнымъ; она невольно поддалась увлеченію; по всей вѣроятности, это была ея первая супружеская измѣна и, можетъ быть, побѣдить ея стыдливость мнѣ было бы труднѣе, чѣмъ свою собственную. До этого дѣло не дошло, но я все таки испыталъ подлѣ нея невыразимое наслажденіе. Всѣ ощущенія, возбуждавшіяся во мнѣ женщинами, которыми я обладалъ, не стоятъ двухъ минутъ, которыя я провелъ у ея ногъ, не смѣя прикоснуться даже къ ея платью. Нѣтъ, никакое земное наслажденіе не можетъ сравниться съ восхитительнымъ чувствомъ, возбуждаемымъ честною, любимою женщиною! всякое движеніе ея — благодѣяніе. Легкій знакъ, поданный пальцемъ, легкое нажатіе моихъ губъ рукою, — вотъ все, чѣмъ наградила меня г-жа Базиль, но воспоминаніе объ этихъ маленькихъ милостяхъ до сихъ поръ приводитъ меня въ восторгъ.

Въ оба послѣдующія дня я напрасно добивался новаго свиданія; невозможно было найти удобную минуту, и съ ея стороны я также не видѣлъ старанія устроить дѣло. Даже обращеніе ея со мною сдѣлалось хотя и не холоднѣе прежняго, но какъ-то сдержаннѣе, и сколько мнѣ кажется, она избѣгала моихъ взглядовъ, изъ боязни не справиться съ своими. Проклятый прикащикъ надоѣдалъ больше чѣмъ когда либо: онъ даже сталъ подсмѣиваться, подшучивать, сказалъ мнѣ, что я далеко пойду у женщинъ. Я дрожалъ при мысли, что сдѣлалъ какую нибудь неосторожность и такъ какъ уже считалъ себя въ тайныхъ сношеніяхъ съ г-жею Базиль, то захотѣлъ прикрыть тайною наклонность, которая до той поры не особенно въ томъ нуждалась. Это сдѣлало меня болѣе осмотрительнымъ въ выборѣ удобныхъ случаевъ къ удовлетворенію этой наклонности; но такъ какъ я отыскивалъ такіе случаи, въ которыхъ ничто не могло бы грозить нашей безопасности, то не находилъ никакихъ.

Вотъ еще одно романическое сумасбродство, отъ котораго я никогда не могъ излечиться и которое, въ соединеніи съ моею природною робостью, далеко не оправдало предсказаній прикащика. Я любилъ слишкомъ искренно, смѣю сказать, слишкомъ совершенно, чтобъ имѣть возможность легко почувствовать себя счастливымъ. Мои страсти всегда были въ одно и тоже время въ высшей степени порывисты и въ высшей степени чисты; моя любовь всегда была высоко нѣжна, искренна, безкорыстна. Я тысячу разъ пожертвовалъ бы своимъ счастіемъ для счастія любимой мною женщины; ея доброе имя было для меня дороже жизни и никогда, ни за какія блага и наслажденія, я не согласился бы хоть на одну минуту смутить ея покой. Это чувство всегда заставляло меня прибѣгать въ моихъ предпріятіяхъ къ столькимъ заботамъ, тайнамъ и предосторожностямъ, что ни одно изъ нихъ не удалось. Мои

неудачи у женщинъ всегда проистекали оттого, что я слишкомъ любилъ ихъ.

Возвращаюсь къ моему флейтисту — Эгисту. Мнѣ казалось необыкновенно страннымъ, что чѣмъ несноснѣе становился этотъ негодяй, тѣмъ болѣе въ немъ повидимому увеличивалась снисходительность ко мнѣ. Съ того самаго дня, какъ его хозяйка высказала расположеніе ко мнѣ, она захотѣла, чтобъ я приносилъ пользу ея магазину. Я порядочно зналъ ариѳметику; она предложила прикащику научить меня вести счетныя книги; но грубіянъ весьма дурно принялъ это предложеніе, можетъ быть изъ боязни, что я современемъ займу его мѣсто. Такимъ образомъ, вся моя работа послѣ гравированія состояла въ переписываніи счетовъ и записокъ, въ перебѣливаніи нѣсколькихъ книгъ и въ переводѣ съ итальянскаго языка на французскій торговыхъ писемъ. Но вдругъ мой молодецъ вздумалъ согласиться на отвергнутое имъ предложеніе и сказалъ, что научитъ меня двойной бухгалтеріи и желаетъ дать мнѣ возможность предложить мои услуги г. Базилю, когда тотъ возвратится изъ поѣздки. Въ его тонѣ, манерахъ, было что-то фальшивое, хитрое, ироническое, — не внушавшее мнѣ довѣрія. Г-жа Базиль, не ожидая моего отвѣта, сухо сказала ему, что онъ очень обяжетъ меня, что она надѣется увидѣть, какъ судьба вознаградитъ наконецъ мои способности, и что будетъ очень жаль, если съ такимъ умомъ я останусь навсегда прикащикомъ. Она нѣсколько разъ говорила мнѣ, что хотѣла познакомить меня съ однимъ человѣкомъ, который могъ быть полезенъ. Она была достаточно благоразумна, чтобъ понимать, что наступала пора удалить меня. Наше нѣмое объясненіе произошло въ четвергъ, а въ воскресенье у нея былъ обѣдъ, на которомъ присутствовалъ одинъ монахъ — якобинецъ, пріятной наружности, которому она меня представила. Монахъ обошелся со мною очень ласково, поздравилъ меня съ обращеніемъ въ истинную вѣру и вообще распространился о моихъ приключеніяхъ, изъ чего я увидѣлъ, что она разсказала о нихъ ему; потомъ, потрепавъ меня слегка по щекѣ, онъ совѣтовалъ мнѣ слѣдовать всегда правиламъ благоразумія, быть терпѣливымъ и попросилъ придти къ нему на домъ, гдѣ мы могли-бы удобнѣе поговорить. Судя по уваженію, которое всѣ оказывали ему, я заключилъ, что онъ былъ какое нибудь важное лицо, а отеческій тонъ, съ которымъ онъ обращался къ г-жѣ Базиль привелъ меня къ предположенію, что онъ былъ ея духовникъ. Я помню также хорошо, что къ его приличной фамильярности примѣшивались нѣкоторые изъявленія уваженія и даже почтенія къ его духовной дочери, которыя производили тогда на меня менѣе впечатлѣнія, чѣмъ производятъ теперь. Если бы у меня было побольше ума, то какъ бы я былъ тронутъ, видя, что успѣлъ внушить привязанность женщинѣ, уважаемой ея духовникомъ!

Столъ оказался слишкомъ малъ въ сравненіи съ числомъ обѣдающихъ. Понадобился другой, маленькій, за которымъ я имѣлъ удовольствіе засѣдать вдвоемъ съ господиномъ прикащикомъ. Въ отношеніи кушанья и внимательности я не потерялъ ничего отъ этого перемѣщенія и на маленькій столъ было отослано много тарелокъ, разумѣется, предназначенныхъ не для прикащика. До сихъ поръ все шло хорошо: дамы были веселы, мужчины очень любезны; г-жа Базиль исполняла обязанность хозяйки съ невыразимою прелестью. Среди обѣда вдругъ у подъѣзда послышался стукъ экипажа; кто-то входитъ, — это господинъ Базиль. Я какъ будто теперь его вижу, въ красномъ фракѣ съ золотыми пуговицами, — цвѣтъ, который я сталъ ненавидѣть съ того-же самаго дня. Г. Базиль былъ высокъ ростомъ, очень красивъ и представителенъ. Онъ входитъ съ шумомъ, точно человѣкъ, застающій другихъ въ расплохъ, хотя въ комнатѣ были только его друзья. Его жена бросается къ нему на шею, беретъ его за руки, расточаетъ ему тысячи ласкъ, на которыя онъ не обращаетъ вниманія. Онъ кланяется гостямъ; ему ставятъ приборъ, онъ ѣстъ. Но едва начался разговоръ о путешествіи, какъ онъ, бросивъ взглядъ на маленькій столикъ, спрашиваетъ строгимъ тономъ, что это за мальчишка? Г-жа Базиль отвѣчаетъ ему очень просто. Онъ спрашиваетъ, живу ли я въ ихъ домѣ. Говорятъ, нѣтъ. Отчего же нѣтъ? — спрашиваетъ онъ грубо — если онъ бываетъ здѣсь днемъ, такъ можетъ и ночевать. Монахъ началъ говорить въ свою очередь; послѣ серьезныхъ и правдивыхъ похвалъ г-жѣ Базиль, онъ въ краткихъ словахъ похвалилъ и меня, прибавивъ, что г. Базилю не только не слѣдовало осуждать благочестивое милосердіе своей жены, но напротивъ онъ долженъ былъ поскорѣе самъ принять въ немъ участіе, такъ какъ это милосердіе ни на одинъ шагъ не переступало границъ скромности. Мужъ отвѣчалъ сурово, хотя и старался скрыть на половину свои чувства; его удерживало присутствіе монаха. Но этого было для меня достаточно, чтобъ дать мнѣ понять, что онъ получилъ уже кое-какія свѣдѣнія обо мнѣ и что прикащикъ услужилъ мнѣ по своему.

Только что встали изъ-за стола, какъ этотъ послѣдній, по приказанію своего хозяина, поспѣшилъ торжественно объявить мнѣ отъ его имени, чтобъ я сейчасъ же убирался и чтобъ впередъ нога моя никогда не была у нихъ. Онъ приправилъ свое порученіе всѣмъ, что только могло сдѣлать его жестокимъ и оскорбительнымъ длл меня. Я ушелъ, не говоря ни слова, но съ сердцемъ, истерзаннымъ менѣе необходимостью разстаться съ этою прелестною женщиной, чѣмъ мыслью, что я оставляю ее добычею грубаго мужа. Безъ сомнѣнія, онъ имѣлъ полное право не желать ея измѣны; но она была итальянка, т. е. чувствительна, мстительна, хотя была полна благоразумія и происходила изъ хорошей

фамиліи; и по моему мнѣнію, онъ напрасно употреблялъ въ отношеніи къ ней средства, наиболѣе свободныя навлечь на него то бѣдствіе, котораго онъ такъ опасался.

Таковъ былъ успѣхъ моего перваго приключенія. Я пробовалъ проходить раза два или три по улицѣ, чтобъ по крайней мѣрѣ хоть увидѣть ту, по которой мое сердце тосковало безпрестанно; но вмѣсто нея встрѣчалъ только лица мужа и его бдительнаго прикащика, который, замѣтивъ меня, сдѣлалъ аршиномъ жестъ болѣе выразительный, чѣмъ привлекательный. Видя такой надзоръ, я пришелъ въ уныніе и больше не ходилъ по этой улицѣ. Я хотѣлъ повидаться хоть съ покровителемъ, котораго она мнѣ подготовила: но къ несчастію не зналъ, гдѣ онъ живетъ. Нѣсколько разъ, я тщетно бродилъ вокругъ монастыря, стараясь его встрѣтить. Наконецъ другія происшествія изгладили прелестное воспоминаніе о г-жѣ Базиль.

Между тѣмъ ея щедрость увеличила мое маленькое имущество, хотя и въ очень ограниченной степени; она придерживалась въ этомъ отношеніи предосторожности, свойственной благоразумной женщинѣ, которая обращала вниманіе болѣе на чистоту, чѣмъ на красоту, и желала предохранить меня отъ страданій, а не дать возможность блистать въ свѣтѣ. Мое платье, вывезенное изъ Женевы, было прилично; она прибавила къ нему только шляпу и немного бѣлья. У меня не было манжетъ; она не хотѣла ихъ дать мнѣ, несмотря на все мое желаніе. Она ограничилась тѣмъ, что доставила мнѣ возможность быть одѣтымъ чисто и прилично, а объ этомъ мнѣ нечего было напоминать въ продолженіе того времени, пока я являлся къ ней.

Нѣсколько дней послѣ моей катастрофы, моя хозяйка, которая, какъ я уже сказалъ, полюбила меня, сказала, что, кажется, ей удалось найти для меня мѣсто, и что одна знатная дама желала меня видѣть. При этихъ словахъ я подумалъ, что ужъ на этотъ разъ меня непремѣнно ожидало какое нибудь крайне интересное приключеніе, такъ какъ я только о томъ и думалъ. Но приключеніе оказалось совсѣмъ не такимъ блестящимъ, какъ я воображалъ. Я пришелъ къ этой дамѣ вмѣстѣ съ слугой, который говорилъ ей обо мнѣ. Она расспросила меня, оглядѣла; я ей не непонравился и тотчасъ же вступилъ къ ней въ услуженіе, но въ качествѣ не фаворита, а просто лакея. Меня нарядили въ ея ливрею, съ тою только разницею, что остальные слуги носили аксельбанты, а меня ихъ не удостоили; такъ какъ на ея ливреѣ не было галуновъ, то она была похожа на обыкновенный костюмъ. Вотъ неожиданный результатъ, къ которому пришли всѣ мои великія надежды.

Графиня Верселлисъ, къ которой я поступилъ въ услуженіе, была вдова и не имѣла дѣтей; ея мужъ былъ уроженецъ Піемонта, а ее я

всегда считалъ савояркой, потому что никакъ не предполагалъ, что уроженка Піемонта могла такъ хорошо, съ такимъ чистымъ произношеніемъ говорить по французски. Она была среднихъ лѣтъ, имѣла благородное лице, образованный умъ, любила французскую литературу и знала ее хорошо. Она много писала, и всегда на французскомъ языкѣ. Ея письма имѣли такой же характеръ и почти такую же прелесть, какъ письма госпожи де Севинье, такъ что иногда легко было принять первыя за вторыя. Мое главнѣйшее занятіе, которое мнѣ нравилось, состояло въ томъ, что я писалъ эти письма подъ ея диктовку, такъ какъ ракъ въ груди, въ высшей степени мучительный, не позволялъ ей писать самой.

Графиня Верселлисъ обладала не только умомъ, но возвышенною душою и силою характера. Я былъ свидѣтелемъ ея послѣдней болѣзни, видѣлъ какъ она страдала и умерла, ни на одну минуту не обнаруживъ своей слабости, не употребивъ никакого усилія, чтобъ преодолѣть ея, ни разу не выйдя изъ своей роли женщины и нисколько не подозрѣвая, что въ этомъ случаѣ она поступала какъ философъ; слово философъ не было еще тогда въ модѣ, и она даже не принимала его въ томъ смыслѣ, который придаютъ ему въ настоящее время. Эта сила характера доходила иногда до сухости. Мнѣ всегда казалось, что она также мало сочувствовала другимъ, какъ и самой себѣ; и когда она оказывала помощь несчастнымъ, то поступала такъ скорѣе изъ-за того, чтобы дѣлать то, что было хорошо само по себѣ, чѣмъ изъ чувства состраданія. Я отчасти испыталъ на себѣ эту нечувствительность въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, проведенныхъ у ней. Было бы совершенно естественно, если бы она почувствовала расположеніе къ молодому человѣку, подававшему нѣкоторыя надежды и находившемуся у ней безпрерывно передъ глазами, и подумала бы о томъ, что, послѣ ея смерти, онъ будетъ нуждаться въ поддержкѣ и помощи; однакожъ, она не сдѣлала для меня ничего, потому ли, что не считала меня заслуживающимъ особеннаго вниманія, или потому, что окружавшіе ее люди не дозволяли ей думать ни о комъ, кромѣ ихъ самихъ.

Впрочемъ я помню очень хорошо, что она выказывала желаніе узнать меня поближе. Иногда она расспрашивала меня, говорила, что ей будетъ пріятно, если я буду показывать ей свои письма къ г-жѣ Варенсъ и отдавать отчетъ въ моихъ чувствахъ. Но разумѣется, за это дѣло она бралась очень неловко, потому что сама не была откровенна со мною. Душа моя всегда была готова раскрываться, чуть только замѣчала, что найденъ откликъ въ другой душѣ. Холодные и сухіе расспросы, безъ всякаго признака одобренія или хулы моихъ отвѣтовъ, не внушали мнѣ никакого довѣрія. Я не зналъ, нравилась ли ей или нѣтъ

моя болтовня, и поэтому всегда боялся, и всегда старался не столько высказать то, что думалъ, сколько молчать, чтобы не повредить себѣ. Въ послѣдствіи я замѣтилъ, что эта манера сухо расспрашивать людей, которыхъ желаешь узнать, довольно свойственна женщинамъ, считающимъ себя очень умными. Онѣ воображаютъ, что не выказывая своихъ чувствъ, скорѣе узнаютъ ваши; но не видятъ, что этимъ самымъ лишаютъ другого смѣлости выказаться. Человѣкъ, котораго начинаютъ расспрашивать, уже по одному этому становится осторожнымъ; а если онъ замѣчаетъ, что въ немъ не принимаютъ дѣйствительнаго участія, а только хотятъ заставить проболтаться, то онъ лжетъ или молчитъ, или удвоиваетъ надзоръ за самимъ собою и готовъ скорѣе прослыть дуракомъ, чѣмъ быть обманутымъ вашимъ любопытствомъ. Словомъ, стараніе скрывать ощущенія своего собственнаго сердца—очень дурное средство, чтобъ читать въ сердцѣ другихъ.

Графиня Верселлисъ ни разу не сказала мнѣ слова, въ которомъ выражались бы участіе, состраданіе, благосклонность. Она расспрашивала меня холодно, я отвѣчалъ съ осторожностью. Мои отвѣты были такъ робки, что она должна была найти ихъ низкими, и они надоѣли ей. Наконецъ она перестала спрашивать меня и говорила со мною только о томъ, что относилось къ моей должности. Она судила обо мнѣ, примѣняясь не къ тому, чѣмъ я былъ дѣйствительно, а къ тому, чѣмъ она меня сдѣлала, и привыкнувъ смотрѣть на меня не иначе, какъ на лакея, лишала меня возможности казаться ей чѣмъ нибудь другимъ.

Мнѣ кажется, что уже тогда я началъ испытывать на себѣ то злостное вліяніе тайныхъ интересовъ, которое преслѣдовало меня всю мою жизнь и внушило мнѣ вполнѣ естественное отвращеніе къ кажущемуся порядку, который порождаетъ ихъ. У графини Верселлисъ не было дѣтей, и ея наслѣдникомъ былъ ея племянникъ графъ де-ла-Рокъ, усердно ухаживавшій за нею. Главные слуги ея, хорошо видѣвшіе, что ей не долго осталось жить, тоже, конечно, не забывали себя, и вокругъ нея было такъ много поклонниковъ, что у ней не доставало времени подумать обо мнѣ. Въ главѣ ея дома стоялъ нѣкто Лоренци, человѣкъ очень ловкій; его жена, еще болѣе ловкая, до такой степени втерлась въ милость къ своей госпожѣ, что была скорѣе другомъ, чѣмъ служительницею. Она помѣстила къ ней въ горничныя свою племянницу, мадмуазель де Понталь, большую пройдоху, которая разыгрывала изъ себя фрейлину и такъ помогала своей теткѣ вертѣть барыней, что эта послѣдняя видѣла только ихъ глазами и дѣлала только то, что онѣ хотѣли. Я не имѣлъ счастія понравиться этимъ тремъ особамъ, потому что повиновался, но не служилъ имъ; я и не воображалъ, что долженъ не только служить нашей общей госпожѣ, но и быть лакеемъ ея ла-

кеевъ. Къ тому же они видѣли во мнѣ личность, довольно неудобную для нихъ. Они хорошо понимали, что я былъ не на своемъ мѣстѣ; боялись, чтобъ госпожа тоже не замѣтила этого и стараніемъ поставить меня на должное мѣсто не уменьшила ихъ доли, потому что подобные люди, слишкомъ жадные для того чтобъ быть справедливыми, смотрятъ на всякій подарокъ другому, какъ на ущербъ ихъ собственному достоянію. Поэтому они составили союзъ съ цѣлью удалить меня отъ глазъ графини. Она любила писать письма; въ ея болѣзненномъ положеніи это занятіе составляло для нея развлеченіе; они отвратили ее отъ этого и съ помощью доктора увѣрили, что оно слишкомъ утомительно для нея. Подъ предлогомъ моего неумѣнія исполнять обязанности слуги, они приставили къ ней вмѣсто меня двухъ верзилъ—носильщиковъ и такъ ловко устроили дѣло, что когда она писала свое завѣщаніе, я уже болѣе недѣли не входилъ въ ея комнату. Правда, что послѣ этого я снова входилъ туда, какъ прежде, и даже долѣе другихъ оставался при ней, потому что страданія этой бѣдной женщины терзали меня. Твердость, съ которою она переносила ихъ, внушали мнѣ необычайное уваженіе и привязанность къ ней и много искреннихъ слезъ, которыхъ не замѣчали ни она, ни другіе, пролилъ я въ ея комнатѣ.

Наконецъ мы ея лишились. Я присутствовалъ при ея послѣднихъ минутахъ. Ея жизнь была жизнью женщины умной и доброй; ея смерть смертью мудраго. Могу сказать, что она заставила меня полюбить католическую религію тѣмъ душевнымъ спокойствіемъ, съ которымъ она исполняла обязанности этой религіи, безъ пренебреженія и аффектаціи. Отъ природы она была серьозна. Но подъ конецъ болѣзни, въ ней появилась веселость, слишкомъ ровная, чтобъ быть притворной; этимъ настроеніемъ ея разсудокъ какъ будто хотѣлъ уравновѣсить безотрадность ея положенія. Она оставалась въ постели только въ теченіе двухъ послѣднихъ дней и не переставала спокойно говорить со всѣми окружающими. Наконецъ, въ то время, когда уже начиналась агонія, она испустила вѣтеръ. Вотъ это славно!—сказала она, повернувшись — женщина, которая испускаетъ вѣтры, еще не умерла! Это были ея послѣднія слова.

Въ завѣщаніи она назначила жалованье за цѣлый годъ каждому изъ своихъ младшихъ слугъ, но такъ какъ я не состоялъ въ штатѣ ея дома, то не получилъ ничего. Впрочемъ графъ ла-Рокъ велѣлъ мнѣ выдать тридцать ливровъ и оставилъ въ мою собственность новое платье, въ которомъ я ходилъ и которое Лоренци хотѣлъ отнять у меня. Онъ обѣщалъ даже поискать мнѣ мѣсто и позволилъ навѣщать его. Я былъ у него раза два или три, но не могъ добиться свиданія. Такъ какъ меня вообще не трудно отваживать, то я уже не возвращался къ графу. Скоро увидятъ, что мнѣ не слѣдовало поступать такъ.

Зачѣмъ я не разсказалъ до конца всего, что имѣлъ сказать о моемъ пребываніи у графини Верселлисъ? Хотя мое положеніе повидимому не измѣнилось, но я вышелъ изъ ея дома не такъ, какъ вошелъ въ него. Я вынесъ оттуда воспоминаніе о преступленіи и невыносимую тяжесть угрызеній совѣсти, которая до сихъ поръ, по прошествіи сорока лѣтъ, гложетъ мою совѣсть и горечь которой вмѣсто того, чтобъ уменьшиться, усиливается по мѣрѣ приближенія къ старости. Кто повѣритъ, что проступокъ ребенка могъ повлечь за собою такія ужасныя послѣдствія! Въ этихъ-то послѣдствіяхъ, болѣе чѣмъ вѣроятныхъ, не можетъ утѣшиться мое сердце. Можетъ быть, я былъ причиною погибели и безчестья прелестной, честной и достойной всякаго уваженія дѣвушки, стоившей, безъ сомнѣнія, гораздо болѣе, чѣмъ я.

Очень трудно, чтобы разстройство хозяйства не повлекло за собою смятенія во всемъ домѣ и пропажи многихъ вещей; не такова была честность слугъ графини и бдительность господина и госпожи Лоренци, что при повѣркѣ описи имущества все оказалось на лицо. Только дѣвица Понталь потеряла старую розовую ленту съ серебромъ. Много другихъ, болѣе дорогихъ вещей были у меня подъ рукою; но только эта лента соблазнила меня и я укралъ ее; а такъ какъ я не старался спрятать эту вещь, то у меня скоро нашли ее. Стали добиваться, откуда я взялъ. Я смущаюсь, запинаюсь, наконецъ говорю, краснѣя, что мнѣ дала ее Маріонъ. Маріонъ была молодая мавританка, которую графиня взяла себѣ въ кухарки, когда прекратила свои званые обѣды и стала нуждаться скорѣе въ хорошемъ бульонѣ, чѣмъ въ соусахъ съ разными приправами. Маріонъ была не только хороша собою, но ея лице отличалось свѣжестью, которую можно встрѣтить только въ горахъ; и главное, нѣжнымъ и застѣнчивымъ видомъ,—вслѣдствіе чего на нее нельзя было смотрѣть безъ того, чтобъ не полюбить ее; при этомъ она была добрая дѣвушка, добродѣтельная и необычайно преданная. Поэтому всѣхъ удивило, что я назвалъ именно ее. Бѣдную дѣвушку позвали на домашній судъ; собраніе было многочисленное, въ немъ присутствовалъ графъ ла-Рокъ. Она является; ей показываютъ ленту; я безстыдно обвиняю ее; она въ смущеніи молчитъ и бросаетъ на меня взглядъ, который обезоружилъ бы демона и которому противится мое варварское сердце. Наконецъ она опровергаетъ обвиненіе, съ увѣренностью, но спокойно обращается ко мнѣ, увѣщеваетъ меня придти въ себя, не безчестить невинной дѣвушки, никогда не дѣлавшей мнѣ зла; но я съ адскимъ безстыдствомъ подтверждаю свое обвиненіе и говорю прямо ей въ лице, что она дала мнѣ ленту. Бѣдная дѣвушка заплакала и сказала мнѣ только слѣдующія слова: Ахъ, Руссо, я думала, что вы добрый человѣкъ! Вы дѣлаете меня несчастной, но я не хотѣла бы быть на вашемъ мѣстѣ.

Она продолжала защищаться просто и твердо, но не дозволяя себѣ ни одной рѣзкой выходки на мой счеть. Эта умѣренность въ сравненіи съ моимъ рѣшительнымъ тономъ повредила ей. Казалось страннымъ сопоставленіе съ одной стороны такой дьявольской смѣлости, а съ другой такой ангельской кротости. Хотя окончательное рѣшеніе не было произнесено, но большинство склонялось на мою сторону. Среди суматохи, причиненной смертью графини, никто не взялъ на себя труда глубже вникнуть въ дѣло и графъ де-ла Рокъ ограничился тѣмъ, что отказалъ намъ обоимъ, сказавъ, что угрызенія совѣсти виновнаго достаточно отомстятъ за невиннаго. Его предсказаніе не прошло даромъ: ни одного дня не проходитъ безъ того, чтобъ оно не оправдывалось на дѣлѣ.

Не знаю, что сталось съ этою жертвою моей клеветы; но нельзя предполагать, чтобъ послѣ этого она могла найти себѣ хорошее мѣсто. Честь ея была жестоко запятнана. Покража была незначительная, но все таки это была покража и, что еще хуже, совершенная съ цѣлью соблазнить мальчика; сверхъ того, ложь и упорство не позволяли ничего ожидать отъ той, въ которой совмѣщалось такъ много пороковъ. Я даже не считаю бѣдность и отсутствіе всякой помощи главными опасностями, на которыя я обрекъ ее. Кто знаетъ, до чего въ ея возрастѣ могло довести ее уныніе — слѣдствіе оскорбленія невинности? Если угрызенія совѣсти за то, что я могъ сдѣлать ее несчастною на всю жизнь, невыносимы для меня, то каково же было мое раскаяніе при мысли, что я могъ сдѣлать ее хуже самого себя!

Это жестокое воспоминаніе иногда до такой степени смущаетъ и тревожитъ меня, что во время своихъ безсонныхъ ночей я вижу, какъ эта бѣдная дѣвушка подходитъ ко мнѣ и упрекаетъ меня въ преступленіи, точно оно совершено только вчера.

Пока я жилъ спокойно, это видѣніе меньше терзало меня; но среди бурной жизни, оно отнимаетъ у меня самое сладкое утѣшеніе гонимыхъ невинныхъ; оно даетъ мнѣ очень хорошо чувствовать то, что я уже высказалъ, кажется, въ одномъ изъ моихъ прежнихъ произведеній, именно, что угрызеніе совѣсти молчитъ во время счастливыхъ дней и громко вопіетъ въ дни несчастія. Однакожъ я никогда не осмѣливался облегчить мое сердце разсказомъ объ этомъ преступленіи какому нибудь другу. Я скрывалъ его отъ самыхъ близкихъ людей, даже отъ г-жи де-Варенсъ. Все, что я былъ въ силахъ сдѣлать, это признаться, что совѣсть упрекала меня въ страшномъ преступленіи, а въ чемъ оно заключалось, этого я никому не сказалъ. Такимъ образомъ эта тяжесть до сихъ поръ лежала на моей совѣсти, и я могу сказать, что желаніе освободиться отъ нея много содѣйствовало моей рѣшимости написать эту исповѣдь.

Я откровенно высказался, и никто, безъ сомнѣнія, не упрекнетъ меня

въ томъ, что я постарался уменьшить гнусность моего преступленія. Но я не выполнилъ бы задачи этого произведенія, если бы не выяснилъ въ тоже время внутреннихъ побужденій моей души и побоялся оправдать себя въ томъ, что согласно съ истиною. Никогда злоба не была такъ далека отъ меня, какъ въ эту ужасную минуту, и когда я обвинилъ эту несчастную дѣвушку, то сдѣлалъ это изъ дружбы къ ней; какъ ни странно это объясненіе, но оно совершенно справедливо. Мысли мои были заняты ею и я началъ оправдывать себя на счетъ перваго предмета, мелькнувшаго въ моей головѣ. Я обвинилъ ее въ томъ, что самъ хотѣлъ сдѣлать; я объявилъ, что она подарила мнѣ ленту, потому что я имѣлъ намѣреніе подарить эту вещь ей. Когда она пришла, мое сердце разорвалось на части; но присутствіе стольких людей пересилило мое раскаяніе. Я не особенно страшился наказанія, — я боялся только стыда; но его я боялся больше смерти, больше преступленія, больше всего на свѣтѣ. Я желалъ исчезнуть, провалиться сквозь землю; неодолимый стыдъ восторжествовалъ надъ всѣмъ, онъ одинъ сдѣлалъ меня безстыднымъ; и чѣмъ преступнѣе становился я, тѣмъ болѣе страхъ сознаться въ этомъ преступленіи дѣлалъ меня отважнымъ. Я видѣлъ передъ собою одну опасность быть пойманнымъ, услышать названіе вора, обманщика, клеветника! Общее смятеніе поглощало всѣ другія чувства. Еслибъ мнѣ дали время придти въ себя, я непремѣнно сознался бы во всемъ. Если бы графъ де-ла-Рокъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ: «Не губите эту бѣдную дѣвушку; если вы виноваты, — признайтесь мнѣ», — я въ ту же минуту бросился бы къ его ногамъ; въ этомъ я вполнѣ убѣжденъ. Но меня стращали, вмѣсто того чтобъ ободрить. При этомъ необходимо обратить вниманіе и на лѣта; я только что вышелъ изъ дѣтства, или скорѣе, еще находился въ немъ. Въ молодости дѣйствительная низость преступнѣе, чѣмъ въ зрѣломъ возрастѣ; но то, что есть ничто иное какъ слабость, въ этомъ возрастѣ имѣетъ гораздо менѣе значенія, а мой проступокъ былъ въ сущности только слабостью. Поэтому воспоминаніе о немъ печалитъ меня не столько потому, что этотъ поступокъ былъ самъ по себѣ преступленіемъ, сколько потому, что онъ послужилъ причиной несчастія для другого. Это воспоминаніе даже принесло мнѣ пользу въ томъ отношеніи, что предохранило меня во всю остальную жизнь отъ всякаго дѣйствія, близкаго къ преступленію, страшнымъ сознаніемъ единственнаго преступленія совершеннаго мною; и мнѣ кажется, что отвращеніе отъ лжи поселено въ моей душѣ преимущественно сожалѣніемъ о томъ, что разъ въ жизни я солгалъ такъ безчестно. Если это такое преступленіе, которое можетъ быть заглажено, какъ я смѣю надѣяться, то я искупилъ его несчастіями, постигшими меня въ послѣдніе годы моей жизни и сорока годами честности и пря-

моты въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ; и бѣдная Маріонъ нашла себѣ столько мстителей на этомъ свѣтѣ, что какъ бы ни была велика обида, нанесенная ей мною, я не страшусь унести въ могилу всю ея тяжесть. Вотъ все, что я имѣлъ сказать по этому поводу. Да будетъ мнѣ позволено никогда болѣе не упоминать объ этомъ происшествіи.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

— 1728—1731. — Выйдя изъ дома графини Верселлисъ почти въ такомъ же положеніи, въ какомъ вошелъ въ него, я возвратился къ своей прежней хозяйкѣ и провелъ у ней пять или шесть недѣль, въ теченіе которыхъ мое здоровье, молодость и праздность часто приводили меня въ прежнее безпокойное состояніе духа. Я былъ взволнованъ, разсѣянъ, мечтателенъ; плакалъ, вздыхалъ, стремился къ счастію, о которомъ не имѣлъ никакого понятія и отсутствіе котораго однакожъ очень хорошо чувствовалъ. Это состояніе нельзя описать, да и немногіе могутъ представить его себѣ, потому что большая часть людей предупредили эту полноту жизни, въ одно и тоже время и мучительную и сладостную и которая среди опьяненія желаніями даетъ предвкушеніе наслажденія. Разгоряченная кровь безпрестанно наполняла мой мозгъ образами дѣвушекъ и женщинъ; но не сознавая ясно, для чего собственно онѣ могли служить, я занималъ ими мое воображеніе, потому что не умѣлъ дѣлать изъ нихъ другого употребленія; эти мысли порождали во мнѣ весьма неудобную дѣятельность чувствъ, но къ счастью, не научали, какимъ образомъ избавиться отъ нея. Я отдалъ бы жизнь, чтобъ хоть четверть часа побыть наединѣ съ какою нибудь Готонъ. Но миновало то время, когда дѣтскія игры шли своимъ чередомъ. Стыдъ, сопутникъ сознанія дурныхъ дѣлъ, явился съ годами; онъ усилилъ мою природную робость до такой степени, что сдѣлалъ ее непреодолимой; и никогда, ни въ то время, ни послѣ того, я не могъ рѣшиться сдѣлать какое-нибудь сладострастное предложеніе безъ того, чтобъ та, къ которой я обращался съ нимъ, сама же не вызвала меня на это, хотя я и зналъ, что она была не особенно строгихъ правилъ, и былъ почти увѣренъ, что сейчасъ же буду пойманъ на словѣ.

Мое волненіе усилилось до такой степени, что не будучи въ состояніи удовлетворить моимъ желаніямъ, я разжигалъ ихъ еще болѣе самыми сумасбродными дѣйствіями. Я ходилъ въ темныя аллеи, въ уединенныя мѣста, въ которыхъ могъ издалека показываться женщинамъ въ такомъ видѣ, въ какомъ хотѣлъ бы находиться вблизи ихъ. То, что

я показывалъ имъ, не было грязно, объ этомъ я и не думалъ — а только смѣшно. Нелѣпое удовольствіе, которое я ощущалъ при этомъ, нельзя описать. Стоило сдѣлать только лишній шагъ, чтобъ добиться желанной цѣли, и я не сомнѣваюсь, что какая-нибудь смѣлая женщина, проходя мимо, доставила бы мнѣ это развлеченіе, еслибъ у меня достало смѣлости подождать. Эти сумасбродства окончились катастрофой очень комической, но для меня не особенно пріятною.

Однажды я забрался въ глубину одного двора, гдѣ былъ колодезь, куда жившія въ томъ домѣ дѣвушки часто приходили за водою. Въ этомъ мѣстѣ находился небольшой спускъ, который нѣсколькими ходами велъ въ погреба. Я изслѣдовалъ въ темнотѣ эти подземные корридоры и, найдя ихъ длинными и темными, разсудилъ, что они тянулись нескончаемо-далеко, такъ что если бы меня увидали, то я нашелъ бы въ нихъ очень вѣрное убѣжище. Въ этой увѣренности я началъ представлять дѣвушкамъ, приходившимъ къ колодцу, зрѣлище болѣе смѣшное, чѣмъ обольстительное. Самыя скромныя притворились, будто ничего не видятъ; другія стали хохотать, а нѣкоторыя сочли себя оскорбленными и подняли шумъ. Я бросился въ свое убѣжище; за мной погнались. Вдругъ я слышу мужской голосъ, на который я совсѣмъ не разсчитывалъ и который очень встревожилъ меня. Я углубился въ подземелье, рискуя совсѣмъ потеряться въ немъ; но меня все преслѣдовали шумъ, крики и этотъ мужской голосъ. Я разсчитывалъ на темноту и вдругъ увидѣлъ свѣтъ. Я вздрогнулъ и бросился дальше. Вдругъ меня остановила стѣна, и, видя, что дальше некуда идти, я покорился необходимости и началъ ожидать рѣшенія своей участи. Въ одну минуту я былъ настигнутъ и схваченъ огромнымъ мужчиной съ большими усами, большой шляпой на головѣ и большой саблею въ рукахъ; его свиту составляли четыре или пять старухъ съ половыми щетками въ рукахъ, и въ ихъ числѣ я увидѣлъ маленькую плутовку, которая меня выдала и которой, вѣроятно, захотѣлось посмотрѣть, каковъ я былъ лицомъ.

Человѣкъ съ саблей схватилъ меня за руку, грубо спросилъ, что я тутъ дѣлаю. Понятно, что я не успѣлъ приготовиться къ отвѣту. Тѣмъ не менѣе, я немножко оправился и стараясь выпутаться какъ-нибудь изъ этого критическаго положенія, придумалъ одну романическую отговорку, которая удалась мнѣ. Умоляющимъ тономъ я началъ просить его сжалиться надъ моимъ возрастомъ и положеніемъ, сказалъ, что я молодой иностранецъ знатной фамиліи, немного помѣшавшійся, что я убѣжалъ изъ родительскаго дома, гдѣ меня хотѣли держать въ заперти, что я погибну, если онъ выдастъ меня, но что если они меня отпустятъ, то, можетъ быть, я вознагражу его когда-нибудь за это снисхожденіе Противъ всякаго ожиданія, мои слова и наружность произвели эффектъ:

ужасный человѣкъ былъ тронутъ и послѣ довольно короткаго увѣщанія отпустилъ меня безъ дальнѣйшихъ распросовъ. Судя по тому, какъ молодая и старухи смотрѣли на меня въ то время, какъ я уходилъ, я заключилъ, что человѣкъ, котораго я такъ испугался, оказался очень полезнымъ для меня и что не будь его, я не раздѣлался бы такъ дешево. Я слышалъ, какъ онѣ ворчали что-то про себя; но теперь я уже не обращалъ на нихъ вниманія, потому что былъ увѣренъ, что если только не вмѣшаются въ дѣло сабля и высокій человѣкъ, то моя сила и проворство помогутъ мнѣ скоро освободиться отъ нихъ самихъ и отъ ихъ оружія.

Нѣсколько дней спустя, проходя по улицѣ съ однимъ молодымъ аббатомъ, моимъ сосѣдомъ, я наткнулся на моего страшнаго человѣка съ саблей. Онъ узналъ меня и передразнивая, сказалъ насмѣшливымъ тономъ: «Я принцъ, я принцъ, а я просто сволочь, но пусть лучше ваша милость впередъ не заглядываетъ сюда». Онъ не прибавилъ ни слова больше, а я улепетнулъ, опустивъ голову и благодаря его въ глубинѣ души за скромность. Вѣроятно эти проклятыя старухи пристыдили его за слишкомъ большую довѣрчивость. Какъ бы то ни было, онъ, хоть и пьемонтецъ, былъ добрый человѣкъ и я никогда не вспоминаю о немъ безъ чувства благодарности; въ самомъ дѣлѣ, эта исторія была такъ забавна, что ради одного желанія заставить другихъ посмѣяться, всякій другой на его мѣстѣ опозорилъ бы меня. Это приключеніе, хотя и не имѣло такихъ послѣдствій, какихъ я опасался, но сдѣлало меня благоразумнымъ на долгое время.

Во время моего пребыванія у графини Верселлисъ я пріобрѣлъ нѣсколько знакомствъ и поддерживалъ ихъ въ надеждѣ извлечь изъ нихъ пользу. Между прочимъ, я иногда навѣщалъ одного савойскаго аббата, г. Гема, учителя дѣтей графа Маллaредъ. Онъ былъ еще молодъ и мало извѣстенъ, но отличался здравымъ смысломъ, правдивостью и познаніями и былъ однимъ изъ честнѣйшихъ людей, какихъ я когда-либо знавалъ. Онъ нисколько не помогъ мнѣ въ дѣлѣ, по поводу котораго я ходилъ къ нему, потому что не имѣлъ настолько вліянія, чтобъ найти мнѣ мѣсто; но я встрѣтилъ въ немъ преимущества болѣе драгоцѣнныя, служившія мнѣ въ пользу во все продолженіе моей жизни; то были уроки здравой нравственности и правила прямого ума. Въ постепенномъ ходѣ моихъ наклонностей и мыслей, я всегда становился слишкомъ высоко или слишкомъ низко, былъ Ахиллесомъ или Терситомъ, героемъ или негодяемъ. Г. Гемъ началъ заботиться о томъ, чтобъ поставить меня на мое настоящее мѣсто и показать меня самому себѣ, не прибѣгая для этого ни къ излишнимъ похваламъ, ни къ порицаніямъ. Онъ очень честно отозвался о моихъ способностяхъ и характерѣ, но приба-

вилъ, что изъ нихъ родятся препятствія, которыя помѣшаютъ мнѣ извлечь изъ нихъ пользу, такъ что, по его мнѣнію, этотъ характеръ и способности должны были послужить мнѣ не ступенями къ достиженію богатства, а средствомъ обойтись безъ него. Онъ изобразилъ мнѣ вѣрную картину человѣческой жизни, о которой до той поры я имѣлъ только фальшивое понятіе, показалъ мнѣ, какимъ образомъ, при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, человѣкъ благоразумный можетъ все-таки стремиться къ счастію и плыть для этого по самому удобному теченію; объяснилъ, что нѣтъ истиннаго счастія безъ благоразумія и что благоразумнымъ можетъ быть всякій человѣкъ изъ какого бы то ни было сословія. Онъ сильно поколебалъ мое поклоненіе мірскому величію, доказавъ, что сильные міра сего ни благоразумнѣе, ни счастливѣе остальныхъ людей. Онъ сказалъ одну вещь, которая потомъ часто приходила мнѣ на память, именно, что если бы каждый человѣкъ могъ читать въ сердцахъ другихъ людей, то большинство желало бы скорѣе опускаться по общественной лѣстницѣ, чѣмъ подыматься по ней. Эта мысль, поражающая своею правдивостью и не заключающая въ себѣ ничего преувеличеннаго, руководила мною потомъ въ теченіе моей жизни и помогала мнѣ спокойно оставаться на своемъ мѣстѣ. Аббатъ преподалъ мнѣ первыя истинныя идеи о честности, которую мой патетическій умъ понималъ прежде только въ ея крайностяхъ. Онъ далъ мнѣ понять, что восторженное сочувствіе высочайшимъ добродѣтелямъ мало распространено въ обществѣ; что взлетая на слишкомъ большую высоту, рискуешь упасть внизъ; что безпрерывное и хорошее исполненіе обыденныхъ обязанностей требуетъ такой же силы воли, какъ и самыя героическія дѣйствія; что изъ этого исполненія можно извлекать большую пользу для своего счастія и своей чести и что наконецъ неизмѣримо лучше иногда пользоваться уваженіемъ людей, чѣмъ всегда — ихъ восторженнымъ поклоненіемъ.

Чтобъ установить понятіе объ обязанностяхъ человѣка, необходимо было говорить о принципахъ, на которыхъ они построены. Къ тому же шагъ, сдѣланный мною и имѣвшій послѣдствіемъ мое настоящее положеніе, невольно заставилъ насъ разсуждать о религіи. Всякій уже безъ сомнѣнія понялъ, что честный г. Гемъ есть, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, подлинникъ савойскаго викарія,—съ тою разницею, что благоразуміе заставляло его говорить съ большою осторожностью, чѣмъ перваго, а поэтому относительно нѣкоторыхъ пунктовъ онъ высказывался не такъ откровенно; впрочемъ его правила, чувства и совѣты и тутъ не измѣнялись, и во всемъ, даже въ совѣтѣ мнѣ возвратиться въ отечество, онъ оставался такимъ, какимъ я впослѣдствіи нарисовалъ его въ видѣ савойскаго викарія. Поэтому, не распространяясь о нашихъ разгово-

рахъ, которыхъ сущность видна каждому, скажу только, что его наставленія, хотя благоразумныя, но не производившія въ началѣ должнаго впечатлѣнія, заронили въ мое сердце зародышъ добродѣтели и религіи, который никогда не заглохъ во мнѣ и ждалъ для своего развитія только заботъ болѣе дорогой руки.

Хотя мое обращеніе въ новую вѣру и не было въ то время основано на глубокомъ убѣжденіи, но я все таки не оставался хладнокровнымъ слушателемъ. Бесѣды аббата не только не наскучили мнѣ, но даже нравились своею ясностью, простотою и особенно какимъ-то участіемъ, ясно выражавшимся и проистекавшимъ прямо отъ сердца. У меня душа любящая, и я всегда привязывался болѣе или менѣе къ людямъ, сообразно не тому, что они дѣлали для меня, но тому, что хотѣли сдѣлать; а въ этомъ послѣднемъ отношеніи мой тактъ никогда меня не обманываетъ. Поэтому я искренно привязался къ г. Гему, былъ, такъ сказать, его вторымъ ученикомъ; это принесло мнѣ ту неоцѣненную пользу, что не допустило упасть въ бездну порока, въ которую влекла меня праздность.

Однажды, совершенно неожиданно за мною прислалъ графъ де-ла-Рокъ. Я ужъ давно не былъ у него, потому что мнѣ надоѣло ходить безъ всякой пользы; я думалъ, что онъ позабылъ обо мнѣ или что я оставилъ въ немъ по себѣ дурное впечатлѣніе. Но я ошибся. Нѣсколько разъ онъ былъ свидѣтелемъ удовольствія, съ которымъ я услуживалъ его теткѣ; онъ даже говорилъ ей объ этомъ и припомнилъ мнѣ, когда я самъ пересталъ думать объ этомъ. Онъ принялъ меня хорошо, сказалъ, что не желалъ тѣшить меня невѣрными обѣщаніями, но постоянно искалъ случая куда-нибудь помѣстить меня, что теперь онъ успѣлъ въ этомъ и давалъ мнѣ возможность сдѣлаться чѣмъ-нибудь и что теперь только отъ меня зависѣло докончить начатое; что семейство, въ которое онъ меня помѣщалъ, пользовалось большимъ уваженіемъ и силою; что вступая туда я не имѣлъ болѣе необходимости въ другихъ покровителяхъ и что хотя я поступаю простымъ лакеемъ, какимъ былъ до тѣхъ поръ, но могу быть увѣренъ, что меня не надолго оставятъ въ этой должности, если по моимъ способностямъ и поведенію я окажусь достойнымъ высшаго мѣста. Конецъ этой рѣчи жестоко разрушилъ блестящія надежды, внушенныя ея началомъ! Какъ! опять лакей! сказалъ я самому себѣ съ горькою досадою, которая, впрочемъ, скоро исчезла отъ увѣренности въ себѣ. Я чувствовалъ себя слишкомъ мало способнымъ къ этой должности и поэтому не боялся, что меня оставятъ въ ней надолго.

Онъ отвезъ меня къ графу Гувону, первому конюшему королевы и главѣ знаменитаго дома Соларовъ. Благородная наружность этого почтеннаго старика придала еще болѣе прелести его ласковому пріему.

Онъ распросилъ меня съ участіемъ, и я отвѣчалъ ему съ искренностью. Онъ сказалъ графу де-ла-Рокъ, что у меня пріятная и умная физіономія, что я повидимому дѣйствительно уменъ, но что этого было еще недостаточно и что надо подождать; потомъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:— «Дитя мое, почти во всемъ начало бываетъ трудно; тебѣ не предстоитъ этого. Будь только благоразуменъ и старайся нравиться здѣсь всѣмъ; въ этомъ будетъ состоять пока вся твоя обязанность; впрочемъ не падай духомъ, въ тебѣ примутъ участіе». Онъ тотчасъ же отправился къ маркизѣ де-Брейль, своей невѣсткѣ, и представилъ меня ей, потомъ аббату Гувону, своему сыну. Это начало показалось мнѣ добрымъ предзнаменованіемъ. Я зналъ по опыту, что съ тѣмъ, кого хотятъ оставить простымъ лакеемъ, не обходятся такъ хорошо. И дѣйствительно, со мною не обращались какъ съ лакеемъ. Я обѣдалъ съ барскаго стола, на меня не надѣли ливреи, а когда графъ Фаврія, молодой вѣтренникъ, захотѣлъ, чтобъ я ѣздилъ на запяткахъ его кареты, то его дѣдъ положительно запретилъ мнѣ ѣздить въ качествѣ лакея съ кѣмъ бы то ни было и вообще исполнять эту должность внѣ дома. Но при этомъ я все таки служилъ за столомъ, и такимъ образомъ внутри дома оставался почти лакеемъ; эту службу я несъ какъ бы добровольно и не былъ приставленъ ни къ кому изъ домашнихъ. Иногда меня заставляли писать письма подъ диктовку, или графъ Фаврія давалъ мнѣ вырѣзывать какія-нибудь картинки; все остальное время дня я почти могъ располагать собою. Это испытаніе, котораго я самъ не замѣчалъ, было безъ сомнѣнія, очень опасно; оно даже не было и особенно человѣчно, потому что эта полнѣйшая праздность могла породить во мнѣ пороки, которыхъ безъ нея я никогда не пріобрѣлъ бы.

Къ счастію, этого не случилось. Наставленія г. Гема произвели впечатлѣніе на мое сердце и такъ мнѣ нравились, что я иногда бѣгалъ изъ дома, чтобы снова послушать ихъ. Полагаю, что люди, видѣвшіе, какъ я выходилъ украдкою изъ дома, никакъ не догадывались, куда именно я шелъ. Ничто не могло быть благоразумнѣе совѣтовъ, которые онъ мнѣ давалъ касательно того, какъ вести себя. Начало моей службы было превосходно: я былъ такъ услужливъ, внимателенъ, усерденъ, что приводилъ въ восхищеніе всѣхъ. Аббатъ Гемъ благоразумно совѣтовалъ мнѣ умѣрять это первое рвеніе, изъ боязни, чтобъ оно не ослабѣло и тѣмъ не возбудило общаго вниманія.—Ваше начало—сказалъ онъ—сдѣлается мѣриломъ того, что будутъ отъ васъ требовать впослѣдствіи; старайтесь умѣрять себя, чтобъ имѣть силы сдѣлать больше въ будущемъ, но ни въ какомъ случаѣ потомъ не дѣлайте меньше, чѣмъ теперь.

Такъ какъ мнѣніе обо мнѣ было основано только на моихъ маленькихъ способностяхъ и такъ какъ во мнѣ предполагали существованіе

только тѣхъ дарованій, которыми меня надѣлила природа, то, вопреки словамъ графа Гувона, я не замѣчалъ, чтобъ въ домѣ были намѣрены сдѣлать изъ меня какое нибудь лучшее употребленіе. Къ этому присоединились разныя домашнія дѣла, такъ что обо мнѣ почти забыли. Маркизъ де Брейль, сынъ графа Гувона, былъ въ то время посланникомъ въ Вѣнѣ. При дворѣ произошли перемѣны, отразившіяся и на семействѣ графа, а въ теченіе нѣсколькихъ недѣль всѣ у насъ находились въ волненіи, которое разумѣется не давало никому времени подумать обо мнѣ. Между тѣмъ, до тѣхъ поръ рвеніе мое почти не охлаждалось. Но одно обстоятельство и повредило мнѣ и принесло пользу въ томъ отношеніи, что удержало отъ вредныхъ развлеченій внѣ дома, но въ то же время сдѣлало меня болѣе небрежнымъ въ исполненіи моихъ обязанностей.

Мадмуазель де Брейль была почти однихъ лѣтъ со мною, хорошо сложена, довольно красива, очень бѣла, имѣла самые черные волосы и хотя была брюнетка, но на ея лицѣ выражалась кротость, которая такъ свойствена блондинкамъ и которой никогда не могло противиться мое сердце. Придворное платье, такъ хорошо идущее къ молодымъ особамъ, обрисовывало ея красивую талію, открывало грудь и плечи, а трауръ, носившійся въ то время, придавалъ ея лицу еще болѣе ослѣпительной бѣлизны. Иной скажетъ, что не дѣло лакея замѣчать всѣ эти подробности. Конечно, я былъ виноватъ; но какъ бы то ни было, я это замѣчалъ, и замѣчалъ не одинъ. Метръ-д'отель и другіе лакеи говорили и иногда за столомъ объ этомъ предметѣ съ цинизмомъ, заставлявшимъ меня жестоко страдать. Однако у меня еще не до такой степени вскружилась голова, чтобъ я почувствовалъ себя не на шутку влюбленнымъ. Я не забылъ, держался на своемъ мѣстѣ и даже не давалъ простора своимъ желаніямъ. Я любилъ видѣть мадмуазель де Брейль, слышать слова ея, обличавшія чувство, умъ, прямоту характера; но мое честолюбіе ограничивалось удовольствіемъ служить ей и ни переступать за предѣлы моихъ правъ. За столомъ я старался пользоваться удобнымъ случаемъ, чтобъ заявить эти права. Если ея слуга на минуту отходилъ отъ ея стула, я тотчасъ же становился за нимъ; въ остальное время стоялъ противъ нея, старался отгадать по ея глазамъ ея желанія, сторожилъ минуту, когда слѣдовало перемѣнить ея тарелку. Чего бы не сдѣлалъ я, еслибъ она удостоила что-нибудь приказать мнѣ, взглянуть на меня, сказать хоть слово! Но напрасно! Я съ отчаяніемъ видѣлъ, что она не обращала на меня ни малѣйшаго вниманія; она даже не замѣчала моего присутствія. Но однажды, когда ея братъ, иногда разговаривавшій со мною во время обѣда, сказалъ мнѣ что-то не особенно пріятное, я отвѣчалъ ему такъ умно и ловко, что она обратила вниманіе и взглянула

на меня. Какъ ни коротокъ былъ этотъ взглядъ, но онъ привелъ меня въ восхищеніе. На другой день представился случай заслужить другой такой же взглядъ, и я имъ воспользовался. Въ тотъ день давали большой обѣдъ, и тутъ я съ изумленіемъ увидѣлъ въ первый разъ, какъ нашъ метръ-д'отель служилъ со шляпою на головѣ и при шпагѣ. Случилось, что начали разсуждать о гербѣ дома Соляровъ, изображенномъ на стѣнѣ, съ словами: *Tel fiert qui ne tue pas.* Такъ какъ піемонтцы не особенно свѣдущи во французскомъ языкѣ, то кто-то и нашелъ въ этомъ девизѣ ороографическую ошибку и сказалъ, что слово *fiert* не должно оканчиваться буквою *t*.

Старый графъ де Гувонъ хотѣлъ было отвѣчать, но, взглянувъ на меня, увидѣлъ, что я улыбался; не смѣя вмѣшаться въ разговоръ; онъ приказалъ мнѣ говорить. Тогда я сказалъ, что букву *t* не слѣдуетъ, по моему мнѣнію, считать лишнею; что *fiert*—старинное французское слово и присходитъ не отъ слова *ferus*,—гордый, угрожающій, но отъ глагола *ferit*,—поражаетъ, ранитъ; и что такимъ образомъ, сколько мнѣ казалось, девизъ означалъ не «иной угрожаетъ», а «иной бьетъ и не убиваетъ».

Всѣ смотрѣли на меня и другъ на друга не говоря ни слова. Изумленіе было неописанное. Но болѣе всего польстило мнѣ удовольствіе, ясно выразившееся на лицѣ мадмуазель де Брейль. Эта дѣвушка, обращавшаяся со всѣми такъ надменно, удостоила бросить на меня второй взглядъ, стоившій перваго; потомъ, поднявъ глаза на своего дѣда, казалось нетерпѣливо ожидала похвалы, которою онъ былъ обязанъ мнѣ; и въ самомъ дѣлѣ онъ высказалъ ее такъ искренно и съ такимъ удовольствіемъ, что всѣ присутствовавшіе за столомъ сочли долгомъ повторить тоже самое. Это была короткая, но невыразимо сладкая во всѣхъ отношеніяхъ минута. Это было одно изъ тѣхъ слишкомъ рѣдкихъ мгновеній, которыя ставятъ всѣ вещи въ ихъ естественный порядокъ и отмщаютъ за обиды судьбы униженное достоинство! Нѣсколько минутъ спустя, мадмуазель де Брейль, снова поднявъ на меня глаза, попросила робко и любезно дать ей воды. Понятно, что я не заставилъ ее ждать; но приблизившись къ ней, вдругъ почувствовалъ такой трепетъ во всемъ тѣлѣ, что налилъ воды чрезъ край и пролилъ ее на тарелку и даже на платье графини. Ея братъ вѣтренно спросилъ, отчего я такъ дрожалъ. Этотъ вопросъ нисколько не уменьшилъ моего смущенія, а мадмуазель де Брейль покраснѣла до ушей.

Этимъ и кончается романъ; онъ, точно какъ и отношенія мои къ г-жѣ Базиль и остальныя приключенія моей жизни, показалъ, что развязка моихъ любовныхъ отношеній никогда не оканчивалась счастливо. Я напрасно старался какъ можно чаще бывать въ передней графини

де Брейль; ея дочь не оказывала мнѣ съ тѣхъ поръ ни малѣйшаго вниманія. Она входила и выходила, не глядя на меня, а у меня едва хватало смѣлости взглянуть на нее. Я былъ даже до того глупъ и неловокъ, что когда однажды она проходила мимо меня и уронила перчатку, я, вмѣсто того чтобъ броситься къ этой перчаткѣ, которую мнѣ хотѣлось осыпать поцѣлуями, не смѣлъ двинуться съ мѣста и далъ время поднять ее другому верзилѣ—лакею, котораго я раздавилъ бы съ величайшимъ удовольствіемъ. Окончательный ударъ моей робости былъ нанесенъ сознаніемъ, что я не имѣлъ счастія понравиться старухѣ графинѣ. Она не только ничего не приказывала мнѣ, но и не принимала никогда моихъ услугъ, и раза два заставъ меня въ своей передней, сухо спросила, отчего я ничего не дѣлаю. Надо было отказаться отъ этой милой передней. Сперва я сожалѣлъ о томъ, но затѣмъ явились другія развлеченія и скоро я пересталъ думать о ней. Въ надменности графини де Брейль меня утѣшало ласковое обращеніе ея дѣда, который наконецъ замѣтилъ меня. Вечеромъ, послѣ обѣда, о которомъ я говорилъ, онъ цѣлые полчаса разговаривалъ со мною и повидимому остался доволенъ, а я пришелъ въ восторгъ отъ него. Этотъ добрый старикъ, хотя и человѣкъ умный, уступалъ въ этомъ отношеніи графинѣ Верселлисъ, но въ немъ было больше сердечной теплоты, и потому-то мнѣ повезло у него лучше, чѣмъ у г-жи Верселлисъ. Онъ сказалъ, чтобы я находился при его сынѣ, аббатѣ Гувонѣ, которому я понравился; что если я воспользуюсь этимъ расположеніемъ, то оно можетъ принести мнѣ пользу и доставить мнѣ то, что мнѣ не доставало для возможности осуществленія предположеній, составленныхъ касательно меня. На слѣдующее утро я поспѣшилъ къ аббату. Онъ принялъ меня не какъ лакея, посадилъ у камина, сталъ распрашивать съ большою кротостью и скоро увидѣлъ, что мое образованіе, въ кругъ котораго вошло вначалѣ столько предметовъ, осталось неоконченнымъ по отношенію каждаго изъ нихъ. Найдя, что я особенно плохо зналъ латинскій языкъ, онъ захотѣлъ давать мнѣ уроки. Мы условились, что я буду приходить къ нему каждое утро, и я началъ на слѣдующій же день. Такимъ образомъ, вслѣдствіе одной изъ тѣхъ прихотей судьбы, которыя часто выпадали на мою долю въ теченіи моей жизни, я стоялъ въ одномъ и томъ же домѣ и выше и ниже своего положенія, былъ лакеемъ и ученикомъ, и не смотря на свою подчиненность, имѣлъ учителемъ человѣка, который по своему происхожденію могъ быть воспитателемъ царскихъ дѣтей,

Аббатъ Гувонъ былъ младшій сынъ семейства; его уже съ дѣтства назначили къ духовному званію и вслѣдствіе того воспитали старательнѣе, чѣмъ обыкновенно воспитываютъ знатныхъ дѣтей. Его послали въ сіеннскій университетъ, гдѣ онъ пробылъ нѣсколько лѣтъ и откуда

вернулся порядочнымъ пуристомъ, такъ что могъ быть въ Туринѣ тѣмъ, чѣмъ въ Парижѣ былъ нѣкогда аббатъ Данжо. Отвращеніе къ теологіи заставило его пристраститься къ изящной словесности, — что очень часто случается въ Италіи съ духовными лицами. Онъ изучилъ поэтовъ и порядочно писалъ латинскіе и итальянскіе стихи. Словомъ, у него были тѣ наклонности, которыя были нужны для образованія моего вкуса и для того чтобы привести въ порядокъ дребедень, начинявшую мою голову. Но оттого ли, что моя болтовня ввела его въ заблужденіе касательно моихъ познаній, или оттого, что элементарное обученіе латыни надоѣло ему, онъ сначала поставилъ меня черезчуръ высоко, и едва я сдѣлалъ переводъ нѣсколькихъ басенъ Федра, какъ онъ тотчасъ же приступилъ къ Виргилію, въ которомъ я ровно ничего не понималъ. Впослѣдствіи увидятъ, что самою судьбою мнѣ было предназначено нѣсколько разъ начинать учиться латыни и все таки не знать ее. Впрочемъ я работалъ довольно усердно и аббатъ занимался со мною съ такою добротою, что воспоминаніе о ней до сихъ поръ меня трогаетъ. Я проводилъ съ нимъ большую часть утра, причемъ занимался съ нимъ и прислуживалъ ему; но это не были услуги лакея господину; такихъ услугъ онъ никогда не допускалъ, а заставлялъ меня писать подъ диктовку и переписывать разныя бумаги, и эта обязанность секретаря оказалась для меня гораздо полезнѣе обязанности ученика. Этимъ способомъ я не только очень хорошо выучился по итальянски, но и пристрастился къ произведеніямъ литературы и пріучился отличать хорошія книги отъ дурныхъ, чего не могъ пріобрѣсти у ла-Трибю и что принесло мнѣ много пользы впослѣдствіи, когда я началъ работать одинъ.

Это былъ тотъ періодъ моей жизни, когда, не забавляя себя романическими предположеніями, я могъ самымъ разсудительнымъ образомъ питать надежду составить себѣ карьеру. Аббатъ, очень довольный мною, разсказывалъ всѣмъ о моихъ успѣхахъ, а его отецъ до того привязался ко мнѣ, что даже, какъ сообщилъ мнѣ графъ Фаврія, говорилъ обо мнѣ королю. Даже графиня де Брейль перестала презрительно обращаться со мною. Словомъ, я сдѣлался какимъ-то фаворитомъ въ домѣ, къ большой зависти прочихъ слугъ, которые, видя, что мнѣ даетъ уроки сынъ ихъ господина, очень хорошо понимали, что я не долго останусь ихъ ровней.

На сколько я могъ судить по нѣсколькимъ пойманнымъ на лету словамъ и въ смыслъ которыхъ я вникнулъ уже впослѣдствіи, о видахъ, имѣвшихся касательно меня,—семейство Соларовъ, какъ мнѣ казалось, стремилось къ дипломатической и даже, можетъ быть, къ министерской карьерѣ и поэтому очень желало заранѣе подготовить себѣ достойнаго и талантливаго человѣка, который зависѣлъ бы единственно отъ чле-

новъ этой фамиліи и въ послѣдствіи могъ бы вполнѣ оправдать ихъ довѣріе и быть имъ полезнымъ. Это намѣреніе графа Гувона было благородно, справедливо и великодушно и дѣйствительно достойно благотворительнаго и предусмотрительнаго вельможи; но я не могъ въ то время понять значеніе его, да и кромѣ того, оно было слишкомъ разсудительно для моей головы и требовало черезъ чуръ долгаго подчиненія. Сумасшедшее честолюбіе мое заставляло меня стремиться только къ такому возвышенію, которое сопровождалось бы приключеніями; притомъ я видѣлъ, что тутъ не будетъ играть роли никакая женщина, и потому находилъ этотъ способъ сдѣлать карьеру слишкомъ медленнымъ труднымъ и скучнымъ; а между тѣмъ мнѣ бы слѣдовало находить его тѣмъ болѣе почтеннымъ и надежнымъ, что ни одна женщина не была замѣшана въ это дѣло, такъ какъ достоинства, которыя женскій полъ поощряетъ, конечно не стоятъ тѣхъ, которыя тогда предполагали во мнѣ.

Все шло отлично. Я пріобрѣлъ, почти насильно вырвалъ общее уваженіе; испытанія кончились, и всѣ въ домѣ смотрѣли на меня какъ на молодого человѣка, подававшаго большія надежды, который попалъ не на свое мѣсто и навѣрное скоро долженъ былъ сойти съ него. Но мое настоящее мѣсто было не то, которое назначали мнѣ люди, и достигнуть его мнѣ было суждено совсѣмъ иными путями. Я коснулся одной изъ тѣхъ характеристическихъ чертъ моего характера, изображеніе которыхъ не нуждается ни въ какихъ коментаріяхъ.

Хотя въ Туринѣ было много подобныхъ мнѣ новообращенныхъ, но я не любилъ ихъ и ни съ однимъ изъ нихъ не желалъ видѣться. Но я встрѣтилъ нѣсколькихъ уроженцевъ Женевы, не принадлежавшихъ къ числу этихъ новообращенныхъ и между прочими нѣкоего Мюссара, по прозванію Кривая-Глотка, живописца и отчасти даже моего родственника. Этотъ Мюссаръ узналъ, что я живу у графа Гувона и навѣстилъ меня съ другимъ женевцемъ, Баклемъ, который былъ моимъ товарищемъ въ то время, какъ я находился въ ученьи у гравера. Этотъ Бакль былъ очень веселый малый, большой забавникъ, охотникъ до разныхъ шутокъ и смѣшныхъ выходокъ. Я вдругъ привязался къ этому Баклю, да такъ, что просто не могъ съ нимъ разстаться. Онъ долженъ былъ скоро возвратиться въ Женеву. Какая потеря предстояла мнѣ! Я чувствовалъ всю ея громадность. Чтобъ покрайней мѣрѣ воспользоваться послѣдними днями, я его не оставлялъ ни на минуту, или, скорѣе, онъ самъ не оставлялъ меня, потому что вначалѣ онъ не до такой степени вскружилъ мнѣ голову, чтобъ я рѣшился безъ спроса убѣгать изъ дома къ нему. Но скоро мои господа, замѣтивъ, что онъ совершенно завладѣлъ мною, запретили ему входъ въ нашъ домъ; тогда я такъ разгоря-

чился, что позавывъ обо всемъ, кромѣ моего друга Бакля, перестал ъ ходить къ аббату и къ графу и вообще показываться въ домѣ. Мнѣ дѣлали выговоры, которыхъ я не слушалъ. Стали стращать отказомъ отъ мѣста. Эта угроза погубила меня: она показала мнѣ, что Бакль можетъ уѣхать не одинъ. Съ тѣхъ поръ путешествіе съ нимъ начало казаться мнѣ единственнымъ блаженствомъ, единственнымъ назначеніемъ судьбы; къ тому же, оно могло бы окончиться свиданіемъ съ г-жею де Варенсъ, хотя это свиданіе представлялось мнѣ въ безконечномъ отдаленіи, такъ какъ я никогда и не думалъ возвратиться въ Женеву. Горы, поля, рощи, рѣчки, деревни безконечно смѣняли другъ друга въ моемъ воображеніи, съ каждымъ появленіемъ все болѣе и болѣе плѣняя его; мнѣ казалось, что это блаженное путешествіе поглотитъ собою всю мою жизнь. Я съ наслажденіемъ вспоминалъ, сколько прелести было въ этой поѣздкѣ въ то время, когда я ѣхалъ въ Туринъ. Что же ожидало меня теперь, когда наслажденіе собственною независимостью должно было присоединиться къ удовольствію странствовать съ товарищемъ однихъ лѣтъ со мною, одинаковыхъ наклонностей и надѣленнымъ веселымъ характеромъ,—странствовать безъ всякихъ обязательствъ, безъ обязанности останавливаться или ѣхать не по своей, а по чужой волѣ. Надо было быть сумасшедшимъ, чтобъ пожертвовать такимъ счастіемъ честолюбивымъ замысламъ, которые могли осуществляться очень медленно, съ большимъ трудомъ и которые во всякомъ случаѣ, если бы даже они и дѣйствительно осуществились, не стоили бы четверти часа истиннаго наслажденія и свободы юношескихъ лѣтъ.

Полный этой благоразумной фантазіи, я велъ себя такъ хорошо, что добился изгнанія изъ дома, и говоря правду, оно обошлось мнѣ не дешево. Однажды вечеромъ, когда я возвратился домой, дворецкій отъ имени графа отказалъ мнѣ отъ мѣста. Этого-то я именно и добивался; невольно сознаваясь въ своемъ сумасбродствѣ, я для своего извиненія обвинялъ другихъ въ несправедливости и неблагодарности, думая такимъ образомъ оставить вину на ихъ сторонѣ и оправдать передъ самимъ собою рѣшеніе, принятое по необходимости. Мнѣ сказали отъ имени графа Фаврія, чтобъ я зашелъ къ нему утромъ наканунѣ отъѣзда, но такъ какъ въ домѣ видѣли, что я не помнилъ себя, и поэтому пожалуй могъ не исполнить это желаніе, то дворецкій отложилъ до слѣдующаго дня выдачу назначенныхъ мнѣ денегъ, которыхъ я однако вовсе не заслужилъ, потому что меня не хотѣли поставить наравнѣ съ прочими лакеями и не назначили опредѣленнаго жалованья.

Хотя графъ Фаврія былъ очень молодъ и легкомысленъ, но при этомъ говорилъ со мною весьма разсудительно, смѣю сказать, даже очень нѣжно; въ самыхъ лестныхъ для меня и трогательныхъ выраженіяхъ

онъ изобразилъ мнѣ заботливость своего дяди и намѣренія своего отца касательно устройства моей участи. Наконецъ онъ живо указалъ мнѣ на все, чѣмъ я жертвовалъ для собственной погибели, онъ предложилъ мнѣ помириться, поставивъ единственнымъ условіемъ, чтобы я перестаяъ видѣться съ несчастнымъ юношей.

Было ясно, что все это онъ говорилъ не отъ своего имени, и несмотря на все мое нелѣпое ослѣпленіе, я живо почувствовалъ всю доброту моего стараго господина и былъ тронутъ ею; но любезное путешествіе черезъ чуръ сильно напечатлѣлось въ моемъ воображеніи и ничто не могло разрушить его очарованія. Я былъ совершенно внѣ себя; я заупрямился, заглушилъ въ себѣ всѣ чувства, принялъ гордый видъ и надменно отвѣчалъ, что получивъ отказъ отъ дома, я принялъ его; что уже поздно измѣнять рѣшеніе, и будь что будетъ, а я твердо рѣшился не подвергаться дважды изгнанію изъ одного и того же дома. Тогда этотъ молодой человѣкъ, справедливо разсерженный, вытолкалъ меня изъ комнаты и захлопнулъ за мною дверь. А я вышелъ съ торжествомъ, какъ будто одержалъ величайшую побѣду, и боясь новой битвы, простеръ низость до того, что уѣхалъ, не поблагодаривъ аббата за его заботы обо мнѣ.

Чтобы понять, до какой степени доходило въ это время мое безсиліе, необходимо знать, что мое сердце способно воспламениться отъ всякой бездѣлицы и что оно совершенно сливается съ воображеніемъ о предметѣ, привлекающемъ его, хотя этотъ предметъ бываетъ иногда совершенно ничтоженъ. Самыя странныя, самыя ребяческія и сумасбродныя предположенія лелѣютъ мою господствующую идею и убѣждаютъ меня въ возможности ея осуществленія. Повѣритъ ли кто нибудь, что въ девятнадцать лѣтъ можно основывать на пустой стклянкѣ возможность доставать себѣ пропитаніе на всю жизнь? А между тѣмъ, послушайте.

За нѣсколько недѣль до того, аббатъ Гувонъ подарилъ мнѣ маленькій и красивый гіероновъ фонтанъ; я былъ въ восторгѣ отъ подарка. Чѣмъ больше я пускалъ этотъ фонтанъ, тѣмъ больше говорилъ съ мудрымъ Баклемъ о предстоявшемъ путешествіи и тѣмъ сильнѣе мы оба утверждались въ мысли, что этотъ фонтанъ дастъ намъ средства путешествовать. Развѣ въ свѣтѣ могло быть что нибудь любопытнѣе гіеронова фонтана? На этомъ предположеніи мы и построили зданіе нашего будущаго богатства. Мы были убѣждены, что въ каждой деревушкѣ будемъ собирать вокругъ нашего фонтана поселянъ и что вкусные обѣды и кушанья будутъ просто сыпаться на насъ; въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ мы были убѣждены тѣмъ болѣе, что не сомнѣвались въ томъ, что жизненные припасы ровно ничего не стоятъ тѣмъ,

кто собираетъ ихъ и что если путешественники не объѣдаются ими, такъ въ этомъ они сами виноваты. Воображеніе наше рисовало намъ всюду пиры, праздники, такъ какъ мы разсчитывали, что не тратя ничего, кромѣ воздуха своихъ легкихъ и гіеронова фонтана, проберемся въ Піемонтъ, въ Савойю, Францію и куда угодно. Мы строили нескончаемые проекты путешествія и прежде всего направляли путь къ сѣверу, больше изъ удовольствія перебраться черезъ Альпы, чѣмъ изъ предполагаемой необходимости наконецъ остановиться на какомъ нибудь пунктѣ.

(1731—1732).—Таковъ былъ планъ, съ которымъ я предпринялъ путешествіе; я разставался безъ сожалѣнія съ моимъ покровителемъ, наставникомъ, занятіями, надеждами и ожиданіемъ почти вѣрнаго счастія, я бросилъ все это, чтобъ начать жизнь настоящаго бродяги. Прощай столица! прощайте дворъ, честолюбіе, тщеславіе, любовь, красавицы и всѣ великія приключенія, надежда на которыя привела меня въ прошломъ году въ Туринъ! Я уѣзжаю съ моимъ фонтаномъ и другомъ Баклемъ, съ кошелькомъ очень неполновѣснымъ, но съ сердцемъ, пресыщеннымъ радостью, и помышляя только о томъ, какъ бы получше насладиться этимъ скитальческимъ блаженствомъ, которымъ я такъ внезапно ограничилъ всѣ мои блестящіе планы.

Я совершилъ это сумасбродное путешествіе почти также пріятно, хотя отчасти и не совершенно согласно съ моими планами; правда, нашъ фонтанъ на нѣсколько минутъ забавлялъ въ харчевняхъ хозяевъ и служанокъ, но тѣмъ не менѣе, при прощаньи приходилось платить. Но это ни мало не смущало насъ, и мы рѣшились только тогда обратить серьезное вниманіе на этотъ способъ пропитанія, когда у насъ ужъ совсѣмъ не достанетъ денегъ. Случай избавилъ насъ отъ этого труда; недалеко отъ Браманта, фонтанъ сломался, и это случилось во время, потому что мы сами, не смѣя сознаваться въ томъ, чувствовали, что онъ началъ надоѣдать намъ. Это несчастіе придало намъ еще болѣе веселости, и мы много хохотали надъ своимъ легкомысліемъ, заставившимъ насъ забыть, что наши платья и башмаки когда нибудь да износятся, или думать, что съ помощью фонтана мы обновимъ нашъ гардеробъ. Мы продолжали нашъ путь также весело, какъ и начали его, но въ тоже время все болѣе приближаясь къ тому положенію, къ которому подгонялъ насъ изсякавшій кошелекъ.

Въ Шамбери я сталъ подумывать не о глупости, сдѣланной мною,—нѣтъ, никогда никто скорѣе и лучше меня не мирился съ прошлымъ,—но о пріемѣ, который ожидалъ меня у г-жи де-Варенсъ, такъ какъ ея домъ я считалъ своимъ роднымъ. Я писалъ ей о своемъ поступленіи къ графу Гувону; она знала, на какую ногу я былъ тамъ поставленъ;

искренно радуясь тому, она давала мнѣ самыя разумныя наставленія на счетъ того, какъ я долженъ былъ оправдать на дѣлѣ добрую заботливость обо мнѣ. Она уже была увѣрена, что моя судьба обезпечена, если только я не испорчу ее по своей винѣ. Что же скажетъ мнѣ она, когда увидитъ меня? Мнѣ даже не пришло въ голову, что она могла не пустить меня къ себѣ на порогъ: но я страшился огорченія, которое долженъ былъ причинить ей мой поступокъ; боялся ея упрековъ, болѣе жестокихъ для меня, чѣмъ бѣдность, рѣшился перенести все молча и сдѣлать все возможное, чтобъ только смягчить ее. Я видѣлъ ее одну во всемъ свѣтѣ; жить въ ея немилости было для меня вещью невозможною.

Болѣе всего безпокоилъ меня мой товарищъ, котораго я не хотѣлъ навязать ей вмѣстѣ съ собою, и отъ котораго я не такъ-то легко надѣялся отдѣлаться. Я подготовилъ эту разлуку, начавъ довольно холодно обходиться съ нимъ въ послѣдній день путешествія. Хитрецъ понялъ меня; онъ былъ скорѣе сумасбродъ, чѣмъ дуракъ. Я думалъ, что его огорчитъ мое непостоянство; но ошибся, потому что мой другъ Бакль ничѣмъ не огорчался. Только что вошли мы въ Анесси, какъ онъ сказалъ: «вотъ ты и дома!»—обнялъ меня, простился, повернулся на одной ногѣ и исчезъ. Больше я о немъ и не слыхалъ. Наше знакомство и дружба продолжались всего шесть недѣль, но послѣдствія ихъ будутъ длиться всю мою жизнь.

Какъ билось мое сердце, когда я приближался къ дому г-жи деВаренсъ! Ноги мои дрожали, въ глазахъ темнѣло, я ничего не видѣлъ, не слышалъ, не былъ-бы въ состояніи узнать кого-бы то ни было; нѣсколько разъ я принужденъ былъ останавливаться, чтобъ перевести духъ и придти въ себя. Страхъ-ли не получить помощи, въ которой я такъ нуждался, смущалъ меня? Но развѣ въ такомъ возрастѣ страхъ умереть съ голоду можетъ такъ сильно тревожить? Нѣтъ, нѣтъ! говорю это съ искренностью и гордостью, никогда въ жизни корысть или бѣдность не были въ состояніи наполнить мое сердце блаженствомъ или мученіемъ. Не разъ, въ теченіе моей жизни, разнообразной и богатой всевозможными случайностями, я оставался безъ пристанища и безъ куска хлѣба, но всегда одинаково смотрѣлъ на богатство и бѣдность. Я могъ сдѣлаться нищимъ или воромъ, какъ и всякій другой, по необходимости, но никогда не смущался бы тѣмъ, что доведенъ до этого. Мало людей страдали столько, сколько я, мало людей пролили столько слезъ; но никогда нищета или боязнь впасть въ нее не заставили меня вздохнуть или пролить слезу. Моя душа, закаленная въ испытаніяхъ судьбы, была знакома только съ тѣмъ истиннымъ счастіемъ и истиннымъ злополучіемъ, которыя зависятъ не отъ судьбы; и я чувствовалъ

себя несчастнѣйшимъ изъ смертныхъ именно тогда, когда не нуждался ни въ чемъ необходимомъ.

Только что я показался на глаза г-жѣ де Варенсъ, какъ ея видъ успокоилъ меня. Я вздрогнулъ при первомъ звукѣ ея голоса; бросился къ ея ногамъ, и въ порывѣ живѣйшей радости прильнулъ губами къ ея рукѣ. Не знаю, имѣла ли она обо мнѣ какія нибудь свѣдѣнія; но я замѣтилъ на ея лицѣ мало удивленія и никакихъ признаковъ печали.— Бѣдный мальчикъ!—сказала она ласковымъ тономъ—вотъ ты и воротился! я знала, что ты слишкомъ молодъ для такого путешествія; по крайней мѣрѣ я очень рада, что оно кончилось для тебя не такъ дурно, какъ я боялась. Потомъ заставила меня разсказать всю мою исторію, которая была очень не длинна и которую я передалъ ей совершенно правдиво, умолчавъ впрочемъ о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, но не сказавъ ни слова въ свое оправданіе.

Возникъ вопросъ о томъ, гдѣ мнѣ помѣститься. Она стала совѣтываться съ горничной. Во время совѣщаній, я едва смѣлъ дышать; но когда услышалъ, что буду спать въ ея домѣ, то едва могъ удержать свой восторгъ; и когда мой чемоданчикъ понесли въ назначенную мнѣ комнату, я испыталъ почти тоже, что ощущалъ Сенъ-Пре, когда увидѣлъ, что его карету ставятъ въ сарай г-жи Вольмаръ [1]). Къ довершенію удовольствія, я узналъ, что эта милость не будетъ кратковременной, и въ то время, какъ думали, что я занятъ совершенно другимъ, я слышалъ, какъ она сказала: Пусть говорятъ, что хотятъ! но если Провидѣніе снова послало его ко мнѣ, я рѣшаюсь не покидать его больше.

И такъ я поселился наконецъ у ней. Хотя еще не съ этого времени начались счастливые дни моей жизни, но оно уже служило вступленіемъ къ нимъ. Та чувствительность сердца, которая даетъ намъ возможность находить наслажденіе въ насъ самихъ, есть дѣло природы и можетъ быть слѣдствіе организаціи, но все таки для всего развитія она нуждается въ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Безъ этихъ случайныхъ причинъ человѣкъ, отъ природы очень чувствительный, не могъ бы ничего чувствовать и умиралъ бы, не узнавъ самого себя. Почти такимъ я былъ въ то время, и такимъ бы, можетъ статься, остался навсегда, если бы не узналъ г-жи Варенсъ, или еслибъ даже и узнавъ ее, не прожилъ близь нея довольно долго для того, чтобы привыкнуть къ чувству привязанности, внушенному ею мнѣ. Смѣю сказать, что тотъ, кто испытывалъ въ жизни только любовь, не испыталъ самаго лучшаго наслажденія въ жизни. Я знаю другое чувство, можетъ быть менѣе порывистое, но въ тысячу разъ болѣе сладостное, которое иногда смѣши-

[1]) Дѣйствующія лица въ сочиненіи Руссо: «Новая Элоиза».

вается съ любовью, но часто существуетъ отдѣльно отъ нея. Это чувство—также не дружба; оно болѣе сладострастно, болѣе нѣжно; не думаю, чтобы оно могло существовать между людьми одного и того же пола; по крайней мѣрѣ я былъ такимъ другомъ, какимъ врядъ ли можетъ быть кто нибудь, но никогда въ этихъ дружескихъ отношеніяхъ съ мужчинами не испытывалъ того чувства, о которомъ только что говорилъ. Все это не совѣмъ ясно, но уяснится впослѣдствіи; чтобъ хорошо изобразить чувства, надо хорошо описать ихъ послѣдствія.

Г-жа де-Варенсъ жила въ старинномъ, но довольно большомъ домѣ, имѣвшемъ одну прекрасную лишнюю комнату, изъ которой она сдѣлала гостиную, а теперь отдала ее мнѣ. Эта комната выходила окнами въ тотъ переулокъ, о которомъ я говорилъ и гдѣ произошло наше первое свиданіе; за рѣчкой и садами виднѣлись поля. Эта картина не могла не дѣйствовать на молодого жильца. Теперь, въ первый разъ, послѣ отъѣзда изъ Боссе, у меня передъ окнами красовалась зелень. Всегда окруженный стѣнами, я видѣлъ передъ собою однѣ крыши да сѣрыя улицы. Какъ сладостна и пріятна показалась мнѣ эта перемѣна! она увеличила мое расположеніе къ чувствительности. Этотъ чудесный ландшафтъ я относилъ также къ числу благодѣяній моей милой покровительницы; мнѣ казалось, что она нарочно устроила его для меня; я мирно располагался тамъ, видѣлъ ее вездѣ,—и въ цвѣтахъ, и въ зелени; ея прелести и чары весны смѣшивались въ моихъ глазахъ. Моему стѣсненному сердцу сдѣлалось привольно на этомъ просторѣ, и среди этихъ садовъ дыханіе свободнѣе вырывалось изъ груди.

Въ домѣ г-жи де-Варенсъ не было такого великолѣпія, какое я видѣлъ въ Туринѣ; но тутъ господствовали чистота, приличіе и то патріархальное изобиліе, которое никогда не бываетъ спутникомъ пышности. У ней было мало серебряныхъ приборовъ, никакого фарфора, никакой дичи на кухнѣ, никакихъ иностранныхъ винъ въ погребѣ; но въ кухнѣ и погребѣ всякій находилъ все, что ему было нужно, а въ фаянсовыхъ чашкахъ подавался отличнѣйшій кофе. Кто бы къ ней ни приходилъ, всякаго всегда приглашали отобѣдать съ ней или у нея, и никогда работникъ, коммисіонеръ или простой прохожій не уходилъ изъ ея дома безъ того, чтобъ не выпить или закусить. Ея прислуга состояла изъ довольно хорошенькой горничной, Мерсере, родомъ изъ Фрибура, туземца слуги, Клода Анѐ, о которомъ будетъ еще сказано впослѣдствіи, кухарки, двухъ носильщиковъ на тѣ случаи, когда она отправлялась съ визитами, что впрочемъ бывало очень рѣдко. Для двухъ тысячъ ливровъ дохода это было даже черезъ чуръ много; но и этихъ небольшихъ денегъ, еслибъ онѣ тратились съ разсчетомъ, было бы очень достаточно въ странѣ, гдѣ земля очень плодородна, а деньги очень рѣдки.

Къ несчастью, бережливость никогда не принадлежала къ числу ея любимѣйшихъ добродѣтелей: она входила въ долги, платила и деньги улетали съ быстротой.

Ея домъ былъ именно поставленъ на такую ногу, на какую я бы самъ его поставилъ; поэтому можно представить, съ какимъ удовольствіемъ я пользовался прибываніемъ въ немъ. Меньше всего нравилось мнѣ то, что нужно было очень долго сидѣть за столомъ. Она едва могла переносить первый запахъ супа и кушанья, чуть не падала отъ него въ обморокъ и это отвращеніе продолжалось долго. Потомъ она мало по малу оправлялась, разговаривала и ничего не ѣла. Только по прошествіи получаса, она отвѣдывала первый кусокъ. Въ этотъ промежутокъ, я успѣлъ бы раза три пообѣдать и обыкновенно оканчивалъ прежде, чѣмъ она начинала. Для компаніи я принимался съизнова и такимъ образомъ ѣлъ за двоихъ и не чувствовалъ себя отъ этого хуже. Наконецъ я тѣмъ болѣе предавался сладостному чувству, наполнявшему мое сердце въ ея присутствіи, что къ этому чувству не примѣшивалось никакое безпокойство на счетъ средствъ поддержанія этой жизни. Не будучи еще хорошо знакомъ съ ея дѣлами, я полагалъ, что они позволятъ ей всегда жить съ такимъ же комфортомъ. Такое же удовольствіе испытывалъ я въ ея домѣ и впослѣдствіи; но ближе ознакомившись съ ея дѣйствительнымъ положеніемъ и узнавъ, что она жила не по средствамъ, я уже не могъ предаваться этому чувству съ прежнимъ спокойствіемъ. Предусмотрительность всегда мѣшала мнѣ наслаждаться вполнѣ. Но напрасно прозрѣвалъ я будущее: я никогда не могъ его избѣжать.

Съ перваго же дня, самая нѣжная короткость водворилась между нами и стала на ту степень, на которой оставалась во все продолженіе ея жизни. Она стала звать меня малюткой, а я ее маменькой, и остались мы малюткой и маменькой навсегда, даже тогда, когда наши годы уничтожили между нами всякую несоразмѣрность. Я нахожу, что эти оба названія даютъ отличное понятіе о нашемъ тонѣ, простотѣ нашихъ нравовъ и особенно объ отношеніяхъ нашихъ сердецъ. Она была для меня самою нѣжною матерью, всегда заботившеюся не о своемъ удовольствіи, а о моемъ благосостояніи; и если чувственность примѣшалась потомъ къ моей привязанности, то нисколько не измѣнила характера этой послѣдней, а только сдѣлала ее болѣе утонченною, дала мнѣ возможность упиваться блаженствомъ при мысли, что у меня такая молодая и хорошенькая маменька, ласкать которую мнѣ было такъ сладостно;— слово ласкать я употребляю здѣсь въ буквальномъ смыслѣ, потому что она никогда не скупилась на поцѣлуи и самыя нѣжныя материнскія ласки, и никогда мнѣ не приходило на мысль злоупотреблять ими. Могутъ возразить, что подъ конецъ однако между нами завязались отно-

шенія совершенно другого рода: согласенъ; но пусть подождутъ, я не могу высказать всего за разъ.

Минута нашего перваго свиданія была единственною дѣйствительно страстною минутою, которую я пережилъ близь нея; да и это мгновеніе было дѣломъ нечаянности. Мои нескромные взгляды никогда не забѣгали подъ ея косынку, хотя дурно скрытая полнота груди могла бы привлечь ихъ. Подлѣ нея, у меня не было ни бурныхъ восторговъ, ни чувственныхъ желаній; я находился въ блаженномъ спокойствіи и наслаждался, самъ не знаю чѣмъ. Такъ провелъ бы я всю мою жизнь и цѣлую вѣчность, не соскучившись ни на минуту. Она единственная женщина, въ разговорахъ съ которой я не чувствовалъ сухости, дѣлающей для меня изъ обязанности поддерживать бесѣду сущее мученіе. Наши бесѣды наединѣ были не столько разговоры, сколько неизсякаемая болтовня, которая оканчивалась только тогда, когда ее прерывали. Теперь ужъ незачѣмъ было заставлять меня говорить, скорѣе надо было принуждать меня молчать. Часто, размышляя о своихъ предположеніяхъ, она впадала въ мечтательность. Въ эти минуты я оставлялъ ее въ покоѣ, молчалъ, любовался ею и былъ счастливѣйшій изъ смертныхъ. У меня была еще одна удивительная странность. Не имѣя притязаній на свиданія наединѣ, я тѣмъ не менѣе безпрестанно искалъ ихъ и наслаждался ими съ страстью, которая превращалась въ бѣшенство, когда кто нибудь прерывалъ ихъ. Стоило только мужчинѣ или женщинѣ войти въ комнату, я тотчасъ же уходилъ разсерженный, потому что терпѣть не могъ оставаться съ нею втроемъ. Я считалъ минуты въ ея передней, тысячу разъ проклиная этихъ вѣчныхъ посѣтителей и не будучи въ состояніи постигнуть, что за интересъ могли они находить въ томъ, чтобъ такъ много говорить съ нею, потому что я хотѣлъ сказать ей еще больше.

Я чувствовалъ всю силу моей привязанности только тогда, когда не видѣлъ этой женщины. Когда же я видѣлъ ее, я былъ только доволенъ; но мое безпокойство во время ея отсутствія становилось даже болѣзненнымъ. Необходимость жить подлѣ нея производила во мнѣ взрывы чувствительности, доходившіе часто до слезъ. Я всегда буду помнить, какъ однажды въ большой праздникъ, покамѣсть она была у всенощной, я пошелъ погулять за городъ; ея образъ наполнялъ мое сердце и оно горѣло желаніемъ провести подлѣ нея всю жизнь. У меня доставало на столько разума, чтобъ видѣть, что по крайней мѣрѣ въ то время это было невозможно и что испытывавшееся мною счастіе будетъ кратковременно. Это придавало моей мечтательности оттѣнокъ грусти, которая впрочемъ не имѣла въ себѣ ничего мрачнаго и смягчалась лестною надеждою. Звонъ колоколовъ, производившій всегда на меня странное впечатлѣніе грусти, пѣніе птицъ, свѣтлый день, прелестный пейзажъ, раз-

бросанные сельскіе домики, въ которыхъ я мысленно располагался жить вмѣстѣ съ нею, все это такъ живо, нѣжно, грустно и трогательно подѣйствовало на меня, что я увидѣлъ себя перенесеннымъ какъ бы въ экстазѣ въ то блаженное время, когда мое сердце, наслаждаясь всевозможнымъ счастіемъ, вкушало его съ неизъяснимымъ восторгомъ, даже безъ мысли о чувственныхъ удовольствіяхъ. Я не помню, чтобъ я когда нибудь стремился къ будущему съ такою энергіею и съ такими радужными грезами, какъ въ то время. И потомъ, когда эти грезы осуществились, я, при воспоминаніи о нихъ, изумился болѣе всего тому, что нашелъ всѣ предметы въ дѣйствительности именно такими, какими воображалъ ихъ. Если когда нибудь грезы человѣка въ бодрствующемъ состояніи могли походить на пророческое прозрѣніе,—то это было конечно теперь со мною. Не сбылись онѣ только по отношенію къ продолжительности: въ грезахъ я жилъ этою безмятежною жизнью дни, годы, весь свой вѣкъ, въ дѣйствительности она продолжалась одно мгновеніе. Увы! самымъ постояннымъ счастіемъ я жилъ только во снѣ; за осуществленіемъ сновидѣнія тотчасъ же послѣдовало пробужденіе.

Я не окончилъ бы, еслибъ сталъ описывать подробно всѣ свои сумасбродства въ тѣ минуты, когда я былъ не на глазахъ этой милой маменьки и наслаждался только воспоминаніемъ о ней. Сколько разъ цѣловалъ я мою кровать, при мысли, что она прежде спала на ней, занавѣски, мебель въ моей комнатѣ, при мысли, что онѣ ей принадлежали, что къ нимъ прикасалась ея прелестная рука, наконецъ даже полъ, на который я падалъ съ мыслью, что она по немъ ходила! Иногда даже и въ ея присутствіи у меня вырывались сумасшедшія выходки, которыя могла внушить только самая пылкая любовь. Однажды, во время обѣда, когда она только что положила кусокъ въ ротъ, я закричалъ, что вижу на немъ волосъ: она выбросила кусокъ на тарелку, а я жадно схватилъ его и проглотилъ. Словомъ, между мною и самымъ страстнымъ любовникомъ существовало только одно различіе, но за то существенное, дѣлающее мое тогдашнее положеніе совершенно непонятнымъ для ума.

Я возвратился изъ Италіи не совсѣмъ такимъ, какимъ отправлялся туда; но за то такимъ, какимъ можетъ быть никто въ моихъ лѣтахъ не возвращался изъ путешествія. Я вынесъ въ неприкосновенности не нравственную, но тѣлесную дѣятельность. Я уже ощутилъ 'дѣйствіе юношескихъ лѣтъ; мой безпокойный темпераментъ наконецъ обнаружился, и первый взрывъ его, хотя совершенно невольный, заставилъ меня очень сильно опасаться за мое здоровье; а это опасеніе лучше всего другого даетъ понятіе о томъ невѣдѣніи, въ которомъ я жилъ до того времени. Вскорѣ успокоившись, я ознакомился съ тѣмъ опаснымъ добавленіемъ, которое обманываетъ природу и спасаетъ подобныхъ мнѣ молодыхъ

людей отъ разврата, въ ущербъ ихъ здоровью, силамъ и часто даже жизни. Этотъ порокъ, очень удобный для людей стыдливыхъ и робкихъ, представляетъ сверхъ того большую прелесть для живого воображенія... Обольщенный этимъ пагубнымъ преимуществомъ его, я разстроивалъ крѣпкое тѣлосложеніе, полученное мною отъ природы и имѣвшее достаточно времени для своего развитія. Пусть присоединятъ къ этому и ту обстановку, въ которой я тогда находился, пусть подумаютъ, что я жилъ вмѣстѣ съ хорошенькой женщиной, постоянно лелѣялъ ея образъ въ глубинѣ своего сердца, видѣлъ ее цѣлый день, а вечеромъ находился въ кругу напоминавшихъ о ней предметовъ и ложился въ ту постель, въ которой, какъ мнѣ было извѣстно, она когда-то спала! Иной читатель представивъ себѣ все это, сочтетъ меня уже полумертвымъ. Но онъ ошибется: то именно, что должно бы погубить меня, спасло меня,— по крайней мѣрѣ на время. Наслаждаясь блаженною жизнью подлѣ-нея, сгорая желаніемъ навсегда остаться у ней, я видѣлъ въ ней всегда,— была ли она со мной, или нѣтъ,—нѣжную мать, любимую сестру, прелестнѣйшаго друга,—и только. Я видѣлъ ее всегда такою, всегда одинаковою и не видѣлъ никого, кромѣ ея. Ея образъ, постоянно присутствуя въ моемъ сердцѣ, не давалъ въ немъ мѣста никакой другой женщинѣ; для меня на свѣтѣ не существовало другихъ женщинъ, и необычайная нѣжность тѣхъ чувствъ, которыя она внушала мнѣ, не давая имъ времени обратиться на другихъ, охраняла меня и отъ нея самой, и отъ всего ея пола. Словомъ, я былъ цѣломудренъ, потому что любилъ ее. По этимъ ощущеніямъ, которыя я передаю не совсѣмъ ясно, пусть, кто можетъ, заключитъ о родѣ моей привязанности къ этой женщинѣ. Что касается меня, то я только и могу сказать о ней, если ужъ теперь она кажется совсѣмъ необыкновенною, то еще болѣе необыкновенною окажется впослѣдствіи.

Я проводилъ время какъ нельзя пріятнѣе, хотя былъ занятъ вещами, менѣе всего нравившимися мнѣ. Я долженъ былъ писать проекты, исправлять счеты, переписывать на-чисто приходныя книги, выбирать травы, толочь лекарства, смотрѣть за ретортами. Ко всему этому примѣшивалась тьма прохожихъ, нищихъ и всевозможныхъ визитовъ. Надо было въ одно тоже время вести разговоръ съ солдатомъ, аптекаремъ, монахомъ, прекрасной дамой, послушникомъ. Я ворчалъ, бранился, злился, посылалъ къ чорту всю эту проклятую толпу. А она смотрѣла на все весело; мое бѣшенство заставляло ее смѣяться до слезъ, и она хохотала тѣмъ сильнѣе, что видѣла, какъ я бѣсился еще больше оттого, что самъ не могъ удержаться отъ смѣха. Эти маленькіе промежутки, въ которые я имѣлъ удовольствіе ворчать, были восхитительны; и если во время ссоры являлся новый непрошенный гость, она и имъ пользовалась для

продолженія своего увеселенія, нарочно стараясь подольше задержать гостя и при этомъ бросая на меня взгляды, за которые я съ удовольствіемъ побилъ бы ее. Она съ трудомъ удерживалась отъ хохота, при видѣ того, какъ я, сдерживаемый приличіемъ, только смотрѣлъ на нее бѣшеными глазами, между тѣмъ какъ самъ въ глубинѣ сердца и даже на зло самому себѣ находилъ все это очень забавнымъ.

Такое положеніе, не нравившееся мнѣ само по себѣ, тѣмъ не менѣе забавляло меня, потому что составляло часть существованія, приводившаго меня въ восторгъ. Изъ всего, что происходило вокругъ меня или что меня заставляли дѣлать, ничто не приходилось мнѣ по вкусу, но зато все нравилось моему сердцу. Кажется, я полюбилъ бы даже медицину, если бы мое отвращеніе къ ней не подавало повода къ самымъ рѣзвымъ сценамъ, постоянно веселившимъ насъ; можетъ быть, въ первый разъ эта наука производила такое дѣйствіе. Я увѣрялъ, что могу узнать по запаху медицинскую книгу, и дѣйствительно, что̀ еще забавнѣе, — рѣдко ошибался. Она заставляла меня пробовать самыя отвратительныя лекарства. Напрасно я убѣгалъ или защищался; не смотря на сопротивленіе и ужаснѣйшія гримасы, не смотря на мои зубы, — чуть только приближались къ моему рту ея запачканные лекарствомъ пальчики, я оканчивалъ обыкновенно тѣмъ, что раскрывалъ ротъ и обсасывалъ ихъ. Когда всѣ домашніе были собраны въ одной комнатѣ, то всякій, слышалъ наши крики, бѣготню и звонкій смѣхъ, подумалъ бы, что тутъ скорѣе разыгрываютъ какой нибудь фарсъ, чѣмъ приготовляютъ опіатъ или эликсиръ.

Впрочемъ мое время проходило не въ однихъ этихъ шалостяхъ. Въ моей комнатѣ я нашелъ нѣсколько книгъ: «Зрителя» Пуффендорфа, сочиненія Сентъ-Эвремона, «Генріаду». Хотя я любилъ теперь чтеніе не такъ страстно, какъ прежде, но отъ нечего дѣлать читалъ понемногу все это; особенно «Зритель» мнѣ понравился и принесъ пользу. Аббатъ Гувонъ научилъ меня читать съ меньшею жадностью, но съ бо̀льшимъ толкомъ, вникать въ манеру писателя, въ изящные обороты рѣчи; и учился различать чистый французскій языкъ отъ моего провансальскаго нарѣчія. Такъ напримѣръ я пересталъ дѣлать одну ороографическую ошибку, свойственную всѣмъ женевцамъ, прочтя слѣдующіе два стиха изъ «Генріады»:

> **Soit qu'un ancien respect pour le sang de leurs maîtres**
> **Parlât encore pour lui dans le coeur de ces traîtres.**

Тутъ я увидѣлъ по слову **parlât**, что третье лицо сослагательнаго наклоненія требовало на концѣ букву **t**, между тѣмъ какъ до тѣхъ поръ я писалъ и произносилъ ***parla***, т. е. употреблялъ прошедшее время изъявительнаго наклоненія.

Иногда я разсуждалъ съ маменькой о томъ, что читалъ, иногда читалъ ей въ слухъ; это доставляло мнѣ большое удовольствіе; я пріучился читать хорошо, что̀ также послужило мнѣ въ пользу. Я уже говорилъ, что она была довольно образована. Въ то время, о которомъ я разсказываю, ея умъ былъ въ полномъ блескѣ развитія. Многіе писатели старались ей нравиться и научили ее судить о произведеніяхъ ума. Ея вкусъ былъ отчасти протестантскій, если можно такъ выразиться; она то и дѣло говорила о Бейлѣ и очень уважала Сентъ-Эвремона, уже за долго до того умершаго во Франціи. Но это не мѣшало ей знать дѣйствительно хорошія произведенія и говорить о нихъ очень хорошо. Она получила воспитаніе въ избранномъ обществѣ; а поселившись въ Савойѣ въ молодыхъ лѣтахъ и войдя въ прекрасный кругъ тамошней знати, избавилась отъ манерничанья, свойственнаго жителямъ ваатландскаго кантона, гдѣ женщины принимаютъ изысканное остроуміе за свѣтскій умъ и умѣютъ говорить только эпиграмами.

Хотя она видѣла королевскій дворъ только мимоходомъ; но ей было достаточно одного бѣглаго взгляда, чтобъ узнать его вполнѣ. Она сохранила себѣ друзей при этомъ дворѣ, и не смотря на тайную зависть, не смотря на ропотъ, возбуждавшійся ея поведеніемъ и долгами, никогда не лишилась своей пенсіи. Она обладала свѣтскою опытностью и разсудительностью, которая помогаетъ извлекать изъ этой опытности пользу. Это былъ любезнѣйшій предметъ ея разговоровъ и въ этомъ то способѣ образованія я нуждался, нуждался больше всего вслѣдствіе моей наклонности ко всякимъ химерамъ. Мы вмѣстѣ читали ла-Брюйера; онъ нравился ей больше произведеній Ларошфуко, произведеній печальныхъ и безотрадныхъ, особенно для молодыхъ лѣтъ, когда не любишь видѣть человѣка такимъ, каковъ онъ на самомъ дѣлѣ. Въ своихъ разсужденіяхъ она иногда увлекалась и отдалялась отъ предмета; но я цѣловалъ по временамъ ея губы или руки, и поэтому слушалъ терпѣливо, и ея длинноты не наскучали мнѣ.

Слишкомъ хороша была эта жизнь для того, чтобъ долго продолжаться Я понималъ это очень хорошо, и единственное безпокойство, смущавшее мое счастіе, состояло въ опасеніи, что она скоро окончится. Среди шутокъ, маменька изучала меня, слѣдила за мною, спрашивала и строила на счетъ моей будущности множество предположеній, безъ которыхъ я бы охотно обошелся. Къ счастію, оказалось недостаточнымъ узнать мои вкусы, наклонности, небольшія способности: необходимо было найти или породить случай извлечь изъ нихъ пользу, а этого нельзя было сдѣлать въ одинъ день. Самая снисходительность, которую бѣдная женщина чувствовала къ моимъ недостаткамъ, отдаляла благопріятный случай, именно потому, что она строже относилась къ выбору средствъ. Словомъ, все

шло, какъ я хотѣлъ, благодаря хорошему мнѣнію, которое она имѣла обо мнѣ; но это мнѣніе скоро отчасти измѣнилось, и съ тѣхъ поръ я распростился съ безмятежнымъ спокойствіемъ. Однажды навѣстилъ ее одинъ изъ ея родственниковъ, г. д'Обоннъ. Онъ былъ человѣкъ умный, интригантъ, такой же прожектеръ, какъ и она; но онъ не разорялся на эти проекты и вообще былъ чѣмъ то въ родѣ искателя приключеній. Онъ только что представилъ кардиналу Флери очень запутанный планъ лотереи, который не былъ принятъ, — и теперь собирался представить его туринскому двору, гдѣ онъ былъ впослѣдствіи одобренъ и приведенъ въ дѣйствіе. Онъ остался на нѣкоторое время въ Анесси и влюбился въ жену интенданта, очень любезную женщину, единственную изъ всѣхъ посѣтительницъ маменьки, на которую я могъ смотрѣть съ удовольствіемъ. Г. д'Обоннъ увидѣлъ меня; его родственница поговорила съ нимъ обо мнѣ; онъ принялъ на себя трудъ поговорить со мною, посмотрѣть, на что я былъ годенъ, и въ случаѣ, если я удовлетворю его требованіямъ, отыскать мнѣ мѣсто.

Два или три раза г-жа де Варенсъ посылала меня къ нему по утрамъ, подъ предлогомъ какихъ то порученій, не предупреждая меня ни о чемъ. Онъ очень ловко заставилъ меня разболтаться, принялъ со мною самый фамильярный тонъ, поставилъ меня на такую ногу, что я нисколько не конфузился, говорилъ со мною о разныхъ пустякахъ, не подавая виду, что наблюдаетъ за мной, обращался безъ малѣйшей аффектаціи и дѣлалъ видъ, что хочетъ говорить со мною безъ всякаго стѣсненія, какъ съ человѣкомъ, понравившимся ему. Я былъ отъ него въ восхищеніи. Изъ этихъ наблюденій онъ вывелъ, что я, не смотря на надежды подававшіяся моимъ умнымъ лицемъ, былъ мальчикомъ, если и не совсѣмъ глупымъ, то по крайней мѣрѣ далеко не умнымъ, безъ мыслей, безъ навыка, словомъ во всѣхъ отношеніяхъ крайне ограниченнымъ, — и что самое высшее положеніе, на какое я имѣлъ право претендовать, было положеніе деревенскаго священника. Таковъ былъ отчетъ, отданный имъ обо мнѣ г-жѣ де-Варенсъ. Такъ судили обо мнѣ уже во второй или третій разъ; но это было и не въ послѣдній, и мнѣніе г. Массерона еще не разъ подтверждалось впослѣдствіи другими.

Причина подобныхъ сужденій обо мнѣ слишкомъ тѣсно связана съ моимъ характеромъ и поэтому должна быть объяснена здѣсь: вѣдь всякій пойметъ, что я не могу искренно согласиться съ такими мнѣніями и при всемъ моемъ безпристрастіи не могу повѣрить словамъ Массерона, д'Обонна и многихъ другихъ.

Двѣ вещи, почти несовмѣстимыя, соединяются во мнѣ, самъ не знаю какимъ образомъ. Это — очень пылкій темпераментъ съ сильными, неудержимыми страстями, и очень медленный, затруднительный про-

цессъ мышленія. Можно подумать, что мое тѣло и мой умъ принадлежатъ не одному и тому же человѣку. Чувство охватываетъ мою душу быстрѣе молніи, но вмѣсто того, чтобъ освѣтить меня, оно только ослѣпляетъ и сожигаетъ. Я все чувствую и ничего не вижу, прихожу въ изступленіе и становлюсь безсмысленнымъ; чтобъ размышлять, я долженъ быть хладнокровнымъ. Но удивительно при этомъ то, что я обладаю довольно вѣрнымъ тактомъ, проницательностью, даже хитростью,—лишь бы меня не торопили. На досугѣ я часто говорилъ отличныя вещи, но мгновенно никогда ничего порядочнаго не дѣлалъ и не говорилъ. Я очень недурно велъ бы разговоръ по почтѣ, подобно испанцамъ, которые, какъ разсказываютъ, играютъ такимъ образомъ въ шахматы.

Эта медленность въ процессѣ мышленія, соединяясь съ этой живостью ощущеній, проявляется у меня не только въ разговорѣ, но даже когда я бываю наединѣ съ самимъ собою и занимаюсь работой. Неимовѣрнаго труда стоитъ мнѣ уловить нить мыслей: онѣ глухо вертятся въ головѣ и броженіемъ своимъ приводятъ мозгъ въ такое сильное напряженіе, что я волнуюсь, горячусь и задыхаюсь отъ волненія; и въ эти минуты, я не могу ничего уяснить себѣ, не могу написать ни слова; тогда мнѣ необходимо пережидать. Незамѣтнымъ образомъ буря наконецъ стихаетъ, хаосъ разъясняется, каждая вещь снова становится на свое мѣсто, но очень медленно и послѣ долгаго и смутнаго волненія. Случалось ли вамъ видѣть представленіе оперы въ Италіи? на тамошнихъ большихъ театрахъ господствуетъ при перемѣнѣ декорацій непріятный и продолжительный безпорядокъ. Декораціи перемѣшаны; ихъ тянутъ во всѣ стороны. Смотришь съ сожалѣніемъ и думаешь: вотъ все обрушится. Мало-по-малу все приходитъ однакожъ въ порядокъ, каждая декорація на своемъ мѣстѣ, и дивишься при видѣ восхитительной сцены, слѣдующей за долгой неурядицей. Подобная же суматоха бываетъ и въ моемъ мозгу, когда я собираюсь писать. Если бы у меня хватало терпѣнія дать сперва мыслямъ уложиться въ головѣ, и потомъ уже во всей красѣ излагать выработанное на бумагѣ, то меня превзошли-бъ немногіе писатели.

Вотъ причина непомѣрной трудности, встрѣчаемой мною при изложеніи своихъ мыслей. Мои рукописи, исчерченныя вдоль и поперегъ, испещренныя помарками, запутанныя, неразборчивыя, служатъ доказательствомъ тому, сколько въ нихъ положено труда. Ни одна не пошла въ печать безъ того, чтобъ я не переписалъ ее разъ пять или шесть. Никогда не могъ я ничего выжать изъ своей головы въ то время, когда сидѣлъ у стола предъ листомъ бумаги съ перомъ въ рукѣ. Моя умственная работа создается обыкновенно или во время прогулки, среди утесовъ и лѣсовъ, или ночью въ постели и въ часы безсонницы. Можно пред-

ставить себѣ, какъ медленно подвигается такая работа, особенно у человѣка, лишеннаго всякой способности затверживать что-либо на память и во всю жизнь свою не бывшаго въ состояніи выучить наизусть шести стиховъ. Иные періоды мнѣ приходилось обдумывать въ теченіи пяти и шести ночей и дѣлать въ нихъ тысячи перестановокъ, прежде чѣмъ изложить какъ слѣдуетъ на бумагѣ. На этомъ основаніи работы, требующія усиленнаго труда, всегда удавались мнѣ лучше, чѣмъ тѣ, удачное выполненіе которыхъ зависитъ отъ извѣстной легкости, какъ напримѣръ письма; тутъ я никогда не умѣлъ попасть въ настоящій тонъ, и писать письма — для меня сущая пытка. Пустѣйшее письмо стоитъ мнѣ много труда и времени. Когда же я хочу тотчасъ изложить на бумагѣ то, что придетъ на мысль, то не знаю обыкновенно ни съ чего начать, ни чѣмъ кончить. Мои письма — длинная, безсвязная болтовня. Читая ихъ, едва добьешься толку.

Не только передача, но и усвоиваніе мыслей для меня — трудная задача. Я изучалъ людей и считаю себя проницательнымъ наблюдателемъ, а между тѣмъ не способенъ видѣть то, что у меня передъ глазами. Ясно вижу я лишь то, что вспоминаю, и умъ мой обнаруживается только при воспоминаніяхъ. Изъ всего, что говорится при мнѣ, что совершается на моихъ глазахъ, я не чувствую ничего и не вникаю ни во что. Меня поражаютъ только внѣшніе признаки. Но впослѣдствіи все это возобновляется въ моей памяти: я живо представляю мѣсто, время, тонъ, взглядъ, жестъ, обстоятельство; словомъ, отъ меня не ускользаетъ тогда ничто. Изъ слышанныхъ сужденій, изъ поступковъ, я вывожу заключеніе о руководившихъ ими мысляхъ и рѣдко ошибаюсь.

Понятно, каковъ я долженъ быть въ разговорѣ съ другими, когда не въ состояніи даже наединѣ совладать съ своей головою; вѣдь чтобъ говорить кстати, надобно разомъ думать о тысячѣ вещей. Уже одна мысль о множествѣ условныхъ приличій, изъ которыхъ то или другое я непремѣнно позабуду, достаточна для того, чтобы сконфузить меня. Признаюсь, я не постигаю даже, какъ можно рѣшиться говорить въ обществѣ. Тутъ при каждомъ словѣ надо осматривать всѣхъ присутствующихъ, знать характеръ и исторію каждаго изъ нихъ, чтобъ не оскорбить кого нибудь. Люди, постоянно живущіе въ свѣтѣ, имѣютъ въ этомъ отношеніи огромное преимущество. Они лучше знаютъ, о чемъ должно умолчать и поэтому обладаютъ большой самоувѣренностью въ разговорѣ. Но и при такихъ данныхъ срывается у нихъ съ языка какая нибудь неловкость. Пусть же подумаютъ, каково новичку въ ихъ кружкѣ? онъ никакъ не можетъ поручиться, что не скажетъ каждую минуту чего нибудь такого, чего свѣтъ не можетъ простить. Бесѣда вдвоемъ

представляетъ другого рода неудобство, чуть ли не хуже перваго. Неудобство это—необходимость постоянно говорить. Обращаются къ вамъ съ вопросомъ,—вы должны отвѣчать; молчать,—должны возобновить разговоръ. Уже это одно невыносимое стѣсненіе способно внушить мнѣ отвращеніе къ обществу. Для меня не можетъ быть ничего ужаснѣе обязанности говорить по заказу и постоянно! Вслѣдствіе ли моего инстинктивнаго отвращенія ко всякаго рода зависимости, или по какой другой причинѣ, но только всякій разъ, когда меня принуждаютъ принять участіе въ разговорѣ, я непремѣнно скажу глупость.

Всего же гибельнѣе для меня то, что я не только не умѣю молчать, когда нечего сказать, но напротивъ прихожу въ азартъ и насилую себя говорить, чтобъ поскорѣе отдѣлаться Второпяхъ бормочу безсмысленныя фразы,—и считаю себя счастливымъ, если онѣ не имѣютъ никакого значенія. Стараясь побѣдить или скрыть свою неспособность, почти всегда самъ выставляю ее на показъ. Изъ тысячи примѣровъ, которые я могъ бы привести по этому поводу, выбираю одинъ не изъ первой своей молодости, а изъ той эпохи, въ которую я уже могъ бы пріобрѣсти свѣтскія привычки и тонъ, еслибъ только это было для меня возможно. Однажды вечеромъ я сидѣлъ въ обществѣ двухъ знатныхъ дамъ и одного господина. Я даже назову его. Это былъ герцогъ Гонто. Въ комнатѣ не было больше никого. Я усиливался выжать изъ ума нѣсколько словъ (Богъ вѣсть какихъ), чтобъ вставить ихъ въ разговоръ между четырьмя лицами, изъ которыхъ трое, конечно, вовсе не нуждались въ моемъ вмѣшательствѣ. Хозяйка дома приказываетъ подать себѣ опіатъ, который она принимала два раза въ день для желудка. Другая дама видя, что первая дѣлаетъ при этомъ гримасу, говоритъ ей, смѣясь:

— Это опіатъ Троншена?

— Не думаю, отвѣчаетъ прежнимъ тономъ первая.

— По моему, это лекарство нисколько не лучше, прибавляетъ любезнымъ тономъ остроумный Руссо. Всѣ точно растерялись, улыбнулись и не сказали ни слова, и чрезъ минуту разговоръ перешелъ къ другому предмету. Скажи я такую неумѣстную глупость кому нибудь другому, это было бы только забавно, но сказанная женщинѣ, слишкомъ любезной для того, чтобы не быть предметомъ нѣкоторыхъ толковъ и которую я, разумѣется, не хотѣлъ обидѣть,—она была ужасна. Оба свидѣтеля, и герцогъ и гостья, конечно, съ трудомъ удержались отъ смѣха. Вотъ какія выходки срываются у меня съ языка, когда, не находя что сказать, я принуждаю себя говорить. Врядъ ли когда забуду я эту глупость, потому что, не говоря уже о томъ, что она очень замѣчательна сама по себѣ, мнѣ кажется, что она повлекла за собою послѣдствія, которыя слишкомъ часто напоминаютъ мнѣ о ней.

Кажется, сказаннаго достаточно, чтобы объяснить, почему я, не будучи глупъ, слылъ нерѣдко за дурака, даже въ мнѣніи людей, способныхъ отличить умнаго отъ глупаго. Къ счастью и наружность моя, и глаза говорили скорѣе въ мою пользу, слѣдовательно, обманутое ожиданіе выдавало мою глупость еще рельефнѣе. Эта подробность, вызванная особенной случайностью, окажется впослѣдствіи не лишнею. Въ ней ключъ къ разгадкѣ множества странностей въ моихъ поступкахъ, странностей, приписываемыхъ многими моей нелюдимости, которой вовсе нѣтъ у меня. Я любилъ бы общество, какъ и всякій другой, еслибъ не былъ увѣренъ, что покажусь не только въ невыгодномъ свѣтѣ, но и совершенно не такимъ, каковъ я въ дѣйствительности. Я избралъ себѣ именно ту долю, которая прилична мнѣ, долю — писать и скрываться. Еслибъ я жилъ въ обществѣ, то остался-бъ навсегда неузнаннымъ, никто никогда не оцѣнилъ бы меня вполнѣ. Такой случай былъ съ госпожею Дюпенъ, женщиной очень замѣчательнаго ума. Я жилъ у нея въ домѣ нѣсколько лѣтъ, но она не разъ говорила мнѣ тоже самое. Впрочемъ, все это подлежитъ нѣкоторымъ исключеніямъ къ которымъ я вернусь впослѣдствіи.

Когда такимъ образомъ опредѣлилась настоящая цѣна моихъ способностей и обозначилось приличествовавшее мнѣ положеніе, возникъ во второй разъ вопросъ о выполненіи моего призванія. Вся трудность состояла въ томъ, что я не окончилъ курса и даже не зналъ латинскаго языка на столько, чтобъ имѣть возможность быть священникомъ. Г-жѣ де-Варенсъ вздумалось опредѣлить меня на нѣкоторое время въ семинарію. Она обратилась къ начальнику ея, г. Гро. Это былъ добренькій лазаристъ, полукривой, худощавый, сѣденькій, самый умный изъ всѣхъ лазаристовъ, съ которыми случалось мнѣ сталкиваться, и вовсе не педантъ. Впрочемъ это, правду сказать, еще не важное достоинство.

Онъ иногда приходилъ къ маменькѣ. Она принимала его ласково, даже подзадоривала и иногда заставляла его снуровать ее, что онъ исполнялъ очень охотно. Въ то время, когда онъ исполнялъ эту обязанность, она бѣгала по комнатѣ взадъ и впередъ, то за тѣмъ, то за другимъ, а глава семинаріи, котораго тянули вмѣстѣ со снуркомъ, бранясь, бѣгалъ за нею, повторяя поминутно: да стойте же, сударыня. Картина была довольно живописная.

Гро охотно согласился на желаніе маменьки и условился за очень умѣренную плату заняться моимъ образованіемъ. Оставалось только получить разрѣшеніе епископа. Но онъ не только далъ это разрѣшеніе, но еще вызвался платить за меня и кромѣ того позволилъ не надѣвать семинарской формы до тѣхъ поръ, пока первое испытаніе не покажетъ, чего можно ожидать отъ меня.

Какая перемѣна! приходилось ей покориться. Я пошелъ въ семинарію какъ на смертную казнь. Непривлекательно это учрежденіе, особенно для того, кто входитъ туда изъ дома милой женщины. Я взялъ съ собой только одну книгу, которую одолжила мнѣ маменька и которая была для меня истиннымъ сокровищемъ. Но кто угадаетъ, что это за книга?— то были ноты. Въ числѣ прочихъ своихъ талантовъ, маменька не пренебрегала и музыкальнымъ. У ней былъ порядочный голосъ, она недурно пѣла, немного играла на фортепіано и дала и мнѣ нѣсколько уроковъ пѣнія, причемъ начинать пришлось почти съ самаго начала́, потому что мнѣ была едва знакома даже музыка нашихъ псалмовъ. Въ восемь или десять уроковъ, данныхъ женщиной и очень часто прерываемыхъ, я не только не научился пѣть по нотамъ безъ текста, но даже не ознакомился и съ четвертой частью музыкальныхъ знаковъ. Однакожъ я такъ страстно любилъ это искусство, что хотѣлъ попробовать упражняться въ немъ одинъ. Ноты, взятыя мною, не отличались легкостью: это были кантаты Клерамбо. Всякій пойметъ, каковы были мое прилежаніе и настойчивость, когда я скажу, что не зная ни транспонировки, ни такта, добился того, что могъ разбирать и пѣть совершенно вѣрно первый речитативъ и первую арію кантаты «Алфей и Армида»; правда, напѣвъ этой аріи такъ правиленъ, что стоитъ лишь говорить стихи, сообразно съ размѣромъ стопъ, чтобъ попасть въ тактъ.

Въ семинаріи былъ одинъ проклятый лазаристъ, который взялъ на себя обязанность учить меня латинскому языку и внушилъ къ нему омерзѣніе. Волосы у этого человѣка были гладко приглаженные, жирные и черные, лицо словно пряникъ, голосъ буйвола, взглядъ филина, борода какъ кабанья щетина, улыбка насмѣшливая, руки и ноги болтались какъ у автомата. Ненавистное имя его я забылъ, но лицо безобразное и сладенькое осталось у меня въ памяти, и я не могу безъ содраганія представить его себѣ. По временамъ кажется мнѣ, что я до сихъ поръ встрѣчаю его въ корридорахъ и вижу, какъ онъ очень вѣжливо и любезно снимаетъ свою засаленную квадратную шапку, знакомъ приглашая меня зайти въ его комнату, которая была для меня страшнѣе тюрьмы. Пусть представятъ себѣ громадность контраста между такимъ учителемъ и ученикомъ придворнаго аббата.

Еслибъ я остался мѣсяца два во власти этого чудовища, то навѣрное сошелъ бы съ ума. Но добрый Гро, замѣтивъ, что я печаленъ, ничего не ѣмъ и худѣю, угадалъ причину моей грусти. Да и не трудно было угадать ее Гро вырвалъ меня изъ когтей звѣря и поручилъ человѣку, въ высшей степени кроткому. Это былъ молодой аббатъ изъ Фосиньи (маленькой провинціи въ Савойѣ), по имени Гатье; онъ проходилъ курсъ семинаріи и изъ уваженія къ Гро, а отчасти, полагаю, изъ человѣколю-

бія, согласился удѣлить часть своего времени для занятій со мною. Никогда не встрѣчалъ я лица болѣе симпатичнаго. Волосы у Гатье были свѣтлые, борода рыжеватая; держалъ онъ себя какъ всѣ его соотечественники, которые скрываютъ подъ весьма простою наружностію недюжинный умъ. Но за то самымъ явственнымъ образомъ обнаруживалась въ Гатье душа нѣжная, любящая, чувствительная. Въ его большихъ голубыхъ глазахъ отражалась смѣсь кротости, грусти и доброты, вслѣдствіе чего нельзя было видѣть его безъ того, чтобъ не чувствовать къ нему симпатію. По взгляду и тону этого бѣднаго молодаго человѣка можно было заключить, что онъ предвидѣлъ свою участь, чувствовалъ, что съ рожденія обреченъ на страданія.

Характеръ его не противорѣчилъ наружности. Исполненный терпѣливости и снисходительности, онъ, казалось, не училъ меня, а самъ учился со мной. Благодаря его страшному предшественнику, я могъ бы легко привязаться даже къ человѣку менѣе достойному, нежели Гатье, котораго полюбилъ отъ души. Не смотря однакожъ на время, которое онъ посвящалъ моимъ урокамъ, не смотря на обоюдное желаніе успѣха и на искусный методъ преподаванія, я подвигался медленными шагами впередъ, хотя много работалъ. Странно, что съ довольно сообразительнымъ умомъ, я никогда не могъ ничему выучиться ни у одного изъ учителей, исключая моего отца и г. Ламберсье. Немногими познаніями, пріобрѣтенными мною, я обязанъ самому себѣ, какъ увидятъ далѣе. Умъ мой, не терпящій никакого ига, не можетъ подчиняться закону данной минуты; самый страхъ не извлечь пользы изъ урока парализуетъ мое вниманіе; но боясь вывести учителя изъ терпѣнія, я притворяюсь, что понимаю. Онъ идетъ впередъ, а я ничего не понимаю. Мой умъ хочетъ идти своею собственной дорогой; онъ не можетъ подчиняться постороннему вліянію.

Наступило время посвященія, и Гатье, получивъ санъ діакона, уѣхалъ въ провинцію. Онъ унесъ съ собой мои сожалѣнія, чувство дружбы и признательности. Молитвы мои о счастіи этого человѣка были также мало услышаны, какъ и молитвы о моемъ собственномъ счастіи. Спустя нѣсколько лѣтъ, я узналъ, что Гатье, будучи викаріемъ въ одномъ приходѣ, прижилъ ребенка съ одною дѣвушкою, единственнымъ созданіемъ, въ которое онъ, не смотря на свое очень нѣжное сердце, былъ влюбленъ во все продолженіе своей жизни. Исторія эта произвела страшный скандалъ въ епархіи, находившейся подъ самымъ строгимъ управленіемъ. Католическіе священники имѣютъ право приживать дѣтей только съ замужними женщинами. За нарушеніе этого закона, установленнаго обычаемъ, Гатье былъ засаженъ въ тюрьму, опозоренъ и изгнанъ. Не знаю, удалось ли ему впослѣдствіи поправить свою карьеру; но впеча-

тлѣніе, произведенное на меня несчастіемъ Гатье, пустило глубокіе корни въ моемъ сердцѣ, и я вспомнилъ о немъ, когда писалъ «Эмиля». Изъ Гатье и Гема, этихъ двухъ почтенныхъ священниковъ, я составилъ личность савойскаго викарія. Надѣюсь, что копія не принесла безчестія оригиналамъ.

Во время моего пребыванія въ семинаріи, г. д'Обоннъ былъ принужденъ уѣхать изъ Анесси. Г-ну интенданту не понравилось, что онъ ухаживалъ за его женой. Въ этомъ случаѣ г. интендантъ поступилъ какъ собака садовника. Хотя г-жа Корвецци была очень милая женщина, но мужъ жилъ съ нею очень дурно; она не соотвѣтствовала его ультрамонтанскимъ наклонностямъ, и онъ обращался съ ней такъ грубо, что возникъ вопросъ о разводѣ. Корвецци былъ гадкій человѣкъ, черный какъ кротъ, плутоватый какъ сова; нелѣпыя притязанія и выходки его до того надоѣли начальству, что его выгнали изъ службы. Говорятъ, что въ Провансѣ есть обычай мстить врагамъ пѣснями; г. д'Обоннъ отмстилъ своему врагу комедіею. Онъ послалъ свое произведеніе г-жѣ де-Варенсъ, которая показала его мнѣ. Комедія мнѣ понравилась, и мнѣ захотѣлось самому написать пьесу, чтобъ убѣдиться, дѣйствительно ли я такъ глупъ, какъ увѣрялъ авторъ. Но этотъ планъ былъ приведенъ въ исполненіе только въ Шамбери, когда я написалъ «Влюбленнаго въ самого себя». Въ предисловіи сказано, что я писалъ эту піэсу осьмнадцати лѣтъ, такимъ образомъ я солгалъ на нѣсколько лѣтъ.

Почти къ этому же времени относится событіе, само по себѣ незначительное, но имѣвшее для меня важныя послѣдствія и надѣлавшее много шума, когда я уже совершенно забылъ о немъ. Разъ въ недѣлю позволялось мнѣ отлучаться изъ семинаріи. Считаю излишнимъ разсказывать, какъ проводилъ я свободный день. Въ одно воскресенье, въ то время какъ я былъ у маменьки, сдѣлался пожаръ въ одномъ изъ флигелей монастыря кордельеровъ, смежномъ съ нашимъ домомъ. Этотъ флигель, служившій монахамъ пекарнею, былъ набитъ до верху сухими сучьями. Пламя обхватило все зданіе въ нѣсколько минутъ; нашъ домъ находился въ большой опасности; вѣтеръ гналъ пламя прямо на него. Мы сочли нужнымъ немедленно выбраться изъ дома и перенести вещи въ садъ, находившійся передъ моими прежними окнами, за ручьемъ, о которомъ я говорилъ. Совершенно растерявшись, я бросалъ изъ окна безъ разбора все, что попадалось подъ руку, и выбросилъ даже огромную каменную ступку, которую во всякое другое время, врядъ ли былъ бы въ состояніи поднять; я сдѣлалъ бы тоже самое и съ большимъ зеркаломъ, если бы меня не удержали. Добрый епископъ, пришедшій въ этотъ день навѣстить маменьку, тоже не оставался празднымъ, онъ

увелъ ее въ садъ, гдѣ началъ молиться съ нею и всѣми бывшими въ саду. Чрезъ нѣсколько времени я тоже пришелъ туда и увидѣвъ, что всѣ стояли на колѣняхъ, послѣдовалъ общему примѣру. Пока благочестивый старецъ молился, вѣтеръ перемѣнилъ направленіе такъ внезапно и такъ кстати, что пламя, обхватившее уже нашъ домъ и врывавшееся въ окна, понеслось на противоположную сторону двора и домъ не пострадалъ. Два года спустя, епископъ умеръ и иноки монастыря св. Антонія, его старые собратія, стали собирать документы, на основаніи которыхъ можно бы причислить его къ лику святыхъ. По просьбѣ патера Будэ, я присоединилъ къ этимъ документамъ письменное свидѣтельство о только что сообщенномъ мною фактѣ. Это было хорошо съ моей стороны, но дурно поступилъ я въ томъ отношеніи, что выставилъ этотъ фактъ какъ чудо. Я видѣлъ, какъ епископъ молился, видѣлъ, что вѣтеръ измѣнился именно въ то время. Только это и слѣдовало мнѣ сказать и засвидѣтельствовать. Я выставилъ одинъ фактъ причиной другого, чего не долженъ былъ дѣлать, потому что не могъ этого знать. Впрочемъ, сколько могу припомнить мои тогдашнія мысли— искренно католическія, я говорилъ добросовѣстно. Любовь къ чудесному, столь естественная въ сердцѣ человѣческомъ, глубокое уваженіе къ добродѣтельному прелату, скрытая гордость при мысли, что можетъ быть и я содѣйствовалъ чуду, увлекли меня . . . .

Больше чѣмъ черезъ тридцать лѣтъ послѣ этого, когда я издалъ «Письма съ Горы», г. Фреронъ, не знаю какимъ образомъ, открылъ этотъ документъ и воспользовался имъ въ своихъ статьяхъ. Должно сознаться, что это открытіе пришлось какъ нельзя больше кстати, и эта случайность показалась мнѣ самому очень забавной.

Видно ужъ мнѣ на роду написано стоять всегда вездѣ на заднемъ планѣ. Хотя Гатье отзывался о моихъ успѣхахъ по возможности крайне снисходительно, однако они оказывались все таки неудовлетворительными и несоотвѣтствующими моему труду. Это не могло поощрить меня удвоить стараніе. Наконецъ и епископъ, и начальникъ семинаріи, потерявъ терпѣніе, отослали меня обратно къ маменькѣ съ аттестаціей въ такомъ родѣ: онъ не способенъ даже быть священникомъ; впрочемъ онъ малый добрый и неиспорченъ. Благодаря послѣднему отзыву, г-жа де-Варенсъ, не смотря на такое количество неблагопріятныхъ отзывовъ обо мнѣ, не покинула меня.

Съ торжествомъ принесъ я обратно ея нотную книгу, изъ которой извлекъ такую большую пользу. Арія «Алфей и Армида» была почти все, чему я выучился въ семинаріи. Рѣдко проявлявшаяся во мнѣ страсть къ музыкѣ подала г-жѣ де-Варенсъ мысль сдѣлать изъ меня музыканта. Случай благопріятствовалъ тому. У нея въ домѣ, по крайней мѣрѣ разъ

въ недѣлю, устраивались небольшіе музыкальные вечера, и профессоръ музыки въ соборѣ, дирижировавшій этими концертами, посѣщалъ маменьку очень часто. Это былъ парижанинъ, по фамиліи Леметръ, хорошій композиторъ, человѣкъ живой, веселый, еще молодой, недурной наружности, не дальняго ума, но большой добрякъ. Маменька познакомила меня съ нимъ; онъ понравился мнѣ, а ему маменька предложила, чтобъ онъ взялъ меня въ ученіе; онъ согласился. Такимъ образомъ я поступилъ къ нему и провелъ у него всю зиму тѣмъ пріятнѣе, что такъ какъ его школа была въ двадцати шагахъ отъ дома маменьки, то мы могли приходить къ ней въ одну минуту и часто ужинали вмѣстѣ.

Понятно, что жизнь въ музыкальной школѣ, гдѣ все дышало весельемъ и постоянно раздавались пѣсни,—жизнь среди музыкантовъ и пѣвчихъ—нравилась мнѣ больше пребыванія въ семинаріи съ святыми отцами лазаристами. Но эта жизнь, не смотря на свою свободу, была все таки подчинена извѣстнымъ правиламъ. По натурѣ я любилъ независимость, но никогда не злоупотреблялъ ею. Въ теченіи полугода я отлучался изъ школы только къ маменькѣ и въ церковь, и ни разу не родилось у меня желанія уйти куда нибудь въ другое мѣсто. Это былъ самый безмятежный періодъ моей жизни, оставившій по себѣ самое пріятное воспоминаніе. Нѣкоторыя изъ тѣхъ различныхъ положеній, въ которыхъ я находился въ то время, оставили въ моемъ сердцѣ чувство такого-полнаго довольства, что, вспоминая о нихъ, я какъ будто вновь переживаю это состояніе. Я помню не только время, мѣсто, личности, но даже всю обстановку, температуру воздуха, запахъ и цвѣтъ окружавшихъ предметовъ, наконецъ, какое-то мѣстное впечатлѣніе, которое я ощущалъ только тамъ и при воспоминаніи о которомъ я снова переношусь туда. Напримѣръ все, что повторяли въ школѣ, все что пѣлось въ хорѣ, все, что дѣлалось вокругъ меня, красивыя одежды канониковъ, ризы священнослужителей, митры пѣвчихъ, лица музыкантовъ, хромой старикъ-плотникъ, игравшій на контрбасѣ, маленькій бѣлокурый аббатъ, пилившій на скрипкѣ, ветхая ряса, которую г. Леметръ обыкновенно надѣвалъ на свое свѣтское платье, изящный стихарь, въ которомъ онъ отправлялся въ хоръ пѣвчихъ, моя гордость въ то время, когда я съ флейточкой въ рукѣ шелъ на свое мѣсто въ оркестрѣ, чтобъ сыграть маленькое соло, написанное Леметромъ собственно для меня, хорошій обѣдъ, ждавшій насъ послѣ обѣдни и здоровый аппетитъ, съ которымъ поѣдался этотъ обѣдъ,—все это живо возникало въ моей памяти и восхищало даже больше, чѣмъ дѣйствительность. Извѣстная арія *Conditor alme siderum*, написанная ямбами, осталась навсегда моей любимой аріей, потому что въ одно воскресенье рождественскаго поста я услыхалъ еще до разсвѣта съ своей кровати этотъ духовный гимнъ,

который по обряду церкви пѣли у самаго входа во храмъ. Мерсере, горничная маменьки, знала немного музыку. Никогда не забуду я маленькаго духовнаго концерта *Afferte,* который я пѣлъ съ нею по желанію Леметра и который госпожа ея слушала съ величайшимъ удовольствіемъ.

Словомъ, воспоминаніе обо всѣхъ, не исключая даже служанки Перрины, славной дѣвушки, надъ которой маленькіе пѣвчіе такъ часто потѣшались, обо всемъ, относящемся къ этой счастливой и чистой порѣ жизни, нерѣдко наводитъ на меня и сладостное и грустное чувство.

Прошелъ почти годъ съ тѣхъ поръ, какъ я пріѣхалъ въ Анесси, и поведеніе мое за все это время было безукоризненно: всѣ были довольны мной. Со времени моего отъѣзда изъ Турина я не сдѣлалъ ни одной глупости, и не дѣлалъ ихъ все время, пока находился на глазахъ маменьки. Она руководила мною и руководила очень хорошо. Привязанность къ ней сдѣлалась моею единственною страстью; доказательствомъ, что страсть эта была не безумна, служитъ то, что любовь моя развивала мой разумъ. Правда, это одно чувство, поглощая всѣ прочія способности, лишало меня возможности учиться чему бы то ни было, даже музыкѣ, хотя я старался изъ всѣхъ силъ. Но это не моя вина; въ доброй волѣ и прилежаніи не было недостатка, но я былъ разсѣянъ, задумчивъ, вздыхалъ. Могъ ли я при этомъ работать? Все, зависящее отъ меня для успѣха въ развитіи, я выполнялъ добросовѣстно; но въ тоже время, я способенъ былъ надѣлать бездну глупостей при первомъ удобномъ случаѣ. Онъ не замедлилъ представиться, благопріятныя обстоятельства помогли, и моя взбалмошная голова, какъ увидятъ впослѣдствіи, не преминула воспользоваться ими.

Въ одинъ холодный февральскій вечеръ мы всѣ сидѣли у камина. Кто-то постучался въ наружную дверь. Перрина, взявъ фонарь, пошла отворить. Входитъ молодой человѣкъ, онъ рекомендуется намъ безъ всякаго смущенія и лаконически, но очень любезно привѣтствуетъ Леметра, выдавая себя за французскаго музыканта, принужденнаго по причинѣ разстройства своихъ финансовъ, занять мѣсто викарнаго для проложенія себѣ дороги въ будущемъ. Слова французскій музыкантъ производятъ магическое дѣйствіе на Леметра. Онъ внѣ себя отъ восторга, потому что страстно любитъ и свою отчизну, и свое искусство. Онъ приглашаетъ къ себѣ молодого незнакомца, предлагаетъ ему убѣжище, въ которомъ первый повидимому очень нуждался. Предложеніе Леметра принято безъ дальнѣйшихъ церемоній. Между тѣмъ какъ незнакомецъ грѣлся и болталъ въ ожиданіи ужина, я пристально разсматривалъ его. Это былъ человѣкъ маленькаго роста, широкоплечій; въ фигурѣ его замѣчался какой-то тѣлесный недостатокъ, хотя не видно было особенной уродливости. Онъ былъ сутуловатъ и, какъ мнѣ казалось, немного

прихрамывалъ. Одѣтъ онъ былъ въ платье чернаго цвѣта, скорѣе истасканное и изорванное, нежели старое, въ сорочку очень тонкую и очень грязную; при этомъ на немъ были красивыя вышитыя манжеты, штиблеты, до такой степени высокіе, что въ каждомъ помѣстились бы обѣ его ноги, и для защиты отъ снѣга и холода—крошечная складная шляпа. Не смотря на этотъ комическій костюмъ, наружность незнакомца не была лишена благородства, а манеры не противорѣчили наружности; выраженіе лица было остроумное и пріятное; говорилъ онъ свободно и хорошо, но весьма нескромно. Все обличало въ немъ молодого кутилу, получившаго образованіе и скитавшагося по міру не какъ нищій, а какъ сумасшедшій. Онъ объявилъ намъ, что его зовутъ Вантюръ де Вильневъ, что онъ изъ Парижа и сбился съ дороги; тутъ-же, забывъ, что выдавалъ себя за музыканта, онъ прибавляетъ, что отправляется въ Гренобль для свиданія съ родственникомъ, членомъ парламента.

Во время ужина зашла рѣчь о музыкѣ. Онъ разсуждалъ очень хорошо, зналъ всѣхъ знаменитыхъ виртуозовъ, всѣ лучшія произведенія, всѣхъ актеровъ и актрисъ, всѣхъ хорошенькихъ женщинъ и знатныхъ вельможъ. О чемъ бы ни начинали говорить, онъ повидимому былъ со всѣмъ знакомъ, но едва завязывался послѣдовательный разговоръ, какъ онъ старался запутать его и какой нибудь шаловливой выходкой заставлялъ расхохотаться и позабыть все, о чемъ говорили прежде. Это было въ субботу, наканунѣ концерта въ соборѣ. Г. Леметръ предлагаетъ Вантюру участвовать въ пѣніи. Съ удовольствіемъ, — говоритъ онъ. Какая ваша партія?—Контральто,—отвѣчаетъ онъ, и затѣмъ заводитъ рѣчь о другихъ предметахъ. Передъ тѣмъ, какъ идти въ церковь, ему дали его партитуру для просмотра; онъ и не взглянулъ на нее. Такое хвастовство изумило Леметра. — Вы увидите, — шепнулъ онъ мнѣ на ухо — этотъ человѣкъ не знаетъ ни одной ноты. — Я и самъ такъ думаю,—отвѣтилъ я и пошелъ съ безпокойствомъ за ними. Начали концертъ; сердце мое сильно билось, потому что молодой человѣкъ очень интересовалъ меня.

Вскорѣ я успокоился; онъ пропѣлъ свои два соло съ неимовѣрной точностію и вкусомъ, и сверхъ того очень симпатичнымъ голосомъ. Никогда не получалъ я болѣе пріятнаго сюрприза. По окончаніи обѣдни, каноники и музыканты осыпали Вантюра безчисленными похвалами, а онъ благодарилъ шутливымъ тономъ, но все таки весьма мило и граціозно. Леметръ обнялъ его отъ всего сердца, я тоже, онъ замѣтилъ мое удовольствіе, и казалось, обрадовался этому.

Я увѣренъ, каждый согласится съ тѣмъ, что я, бывшій нѣкогда безъ ума отъ Бакля, въ сущности неотесаннаго невѣжды, не могъ отнестись равнодушно къ Вантюру, человѣку образованному, одаренному талан-

тами и умомъ, обладавшему свѣтскимъ тактомъ и котораго можно было принять за милаго кутилу. И дѣйствительно, я очень полюбилъ Вантюра и полагаю, что тоже самое случилось бы непремѣнно и со всякимъ молодымъ человѣкомъ на моемъ мѣстѣ, тѣмъ скорѣе, что другой при болѣе тонкой чуткости и болѣе развитомъ вкусѣ съумѣлъ бы лучше понять и оцѣнить достоинства. Да, онъ точно имѣлъ много достоинствъ, и между ними одно очень рѣдкое въ его лѣта: онъ никогда не торопился выказывать свои знанія. Правда, онъ часто хвасталъ тѣмъ, чего вовсе не зналъ, но никогда не навязывался съ тѣми довольно многочисленными познаніями, которыми обладалъ дѣйствительно; выказывалъ онъ ихъ только при удобномъ случаѣ и дѣлалъ это какъ будто не хотя, что̀ производило большой эффектъ. Такъ какъ послѣ каждой вскользь брошенной мысли онъ останавливался, не забѣгая впередъ, то никто не зналъ, когда онъ совершенно выскажется. Шутливый, игривый, неистощимый, увлекательный, улыбающійся и никогда не смѣющійся, онъ говорилъ самымъ изящнымъ тономъ самыя грубыя вещи, и его слушали. Даже женщины строго нравственныя позволяли ему говорить такія вещи, какихъ не вынесли-бъ ни отъ кого другого, и сами дивились этому. Онѣ чувствовали, что слѣдовало бы разсердиться, и не могли. Ему бы знаться только съ публичными женщинами, и я не думаю, чтобъ онъ былъ созданъ для успѣховъ въ любви; но за то онъ имѣлъ все, чтобъ доставлять безконечное удовольствіе всѣмъ, знавшимъ его. Трудно было допустить, чтобы онъ, обладая столькими привлекательными талантами и живя въ странѣ, гдѣ умѣютъ цѣнить и любить ихъ, долго оставался въ сферѣ музыкантовъ.

Моя привязанность къ Вантюру, основанная на болѣе разумныхъ началахъ, чѣмъ привязанность къ Баклю, проявлялась съ меньшей эксцентричностію, хотя была глубже и прочнѣе прежняго чувства. Мнѣ доставляло удовольствіе видѣть и слушать Вантюра; всѣ поступки его казались мнѣ восхитительными, слова — изреченіями оракула, но привязанность моя не доходила до невозможности разстаться съ нимъ. Я имѣлъ подъ рукою предохранительное средство противъ этого крайняго увлеченія. Впрочемъ, хотя я находилъ убѣжденія Вантюра очень выгодными для него, однакожъ сознавалъ, что для меня они не годятся. Я чувствовалъ потребность въ наслажденіи иного рода, о которомъ онъ не имѣлъ понятія и о которомъ я не смѣлъ и заикнуться ему, въ полной увѣренности, что онъ станетъ глумиться надо мной. Мнѣ хотѣлось однакожъ соединить эту привязанность съ преобладавшей во мнѣ другой привязанностью. Я съ восхищеніемъ говорилъ маменькѣ о Вантюрѣ; Леметръ тоже отзывался о немъ съ похвалою; на этомъ основаніи она согласилась, чтобъ мы привели его къ ней. Но свиданіе вышло неу-

дачное: онъ нашелъ маменьку жеманной, а она его—черезъ чуръ вольнымъ. Мое знакомство съ нимъ испугало ее, и она не только запретила приводить его къ ней, но изобразила такъ наглядно опасность, какой подвергался я, продолжая знакомство съ этимъ молодымъ человѣкомъ, что я сталъ держать себя нѣсколько осторожнѣе. Вскорѣ, къ счастію для моей нравственности и моей головы, мы съ нимъ разстались.

Г. Леметръ имѣлъ слабость, свойственную артистамъ: онъ любилъ выпить. За столомъ онъ пилъ умѣренно, но у себя въ кабинетѣ, сидя за работой, не могъ обойтись безъ вина. Служанка хорошо знала это, и какъ скоро Леметръ собирался сочинять и садился за бумагу и віолончель, появлялись бутылка и стаканъ По временамъ одна бутылка смѣнялась другою. Онъ никогда не напивался допьяна, но всегда былъ на веселѣ. Нельзя было не сожалѣть объ этомъ, потому что онъ былъ человѣкъ очень добрый и такой веселый, что маменька не иначе называла его, какъ *котенкомъ*. Къ несчастію, онъ любилъ свое искусство, работалъ много, слѣдовательно и пилъ много. Это отозвалось на его здоровьѣ, а наконецъ и на его характерѣ; онъ сдѣлался недовѣрчивъ, подозрителенъ и щепетиленъ. Неспособный къ грубости, онъ ни передъ кѣмъ не забывался, каждому оказывалъ должное уваженіе; никогда не сказалъ онъ грубаго слова ни одному изъ пѣвчихъ; но въ свою очередь не терпѣлъ, чтобъ передъ нимъ забывались, и это совершенно справедливо. Все зло заключалось лишь въ томъ, что, будучи не дальняго ума, онъ не умѣлъ различать тоны и понимать характеры тѣхъ, съ кѣмъ случалось ему сталкиваться, и поэтому нерѣдко принималъ муху за слона.

Древній капитулъ Женевы, куда нѣкогда стремились поступить и принцы и епископы, потерялъ во время своего изгнанія свою прежнюю славу, но сохранилъ гордость. Для полученія туда доступа, необходимо было воспользоваться дворянскимъ достоинствомъ или имѣть степень доктора Сорбонны. Послѣ тщеславія личнымъ достоинствомъ, тщеславіе знатностью наиболѣе извинительно. Къ тому же, всѣ лица духовнаго сана, у которыхъ находятся на жалованьи міряне, всегда обращаются съ этими послѣдними свысока. Такъ точно иногда обращались каноники съ бѣднымъ Леметромъ; особенно канторъ, аббатъ Видоннъ, человѣкъ, впрочемъ, вѣжливый, но черезъ чуръ занятый своей знатностію не всегда относился какъ слѣдовало къ достойному Леметру, а Леметръ не выносилъ этого пренебреженія. Въ этомъ году на страстной недѣлѣ между ними произошла ссора, серьезнѣе прежнихъ. Это случилось на одномъ изъ офиціальныхъ обѣдовъ, которые епископъ давалъ каноникамъ и на которые всегда приглашали Леметра. Канторъ отнесся къ нему безъ должнаго уваженія и сказалъ какую то дерзость. Тотъ не переварилъ ее, тутъ же рѣшился бѣжать въ слѣдующую ночь и ни за что

не хотѣлъ отказаться отъ своего намѣренія, хотя г-жа де Варенсъ, къ которой онъ пришелъ проститься, употребляла всѣ средства успокоить его. Онъ не могъ лишить себя удовольствія отмстить своимъ тиранамъ, поставя ихъ въ затруднительное положеніе въ самый праздникъ Пасхи, т. е. въ такое время, когда онъ былъ имъ наиболѣе необходимъ. Его же самого затрудняло желаніе унести съ собой свои ноты, — что было не легко сдѣлать, такъ какъ онѣ составляли большой, тяжелый ящикъ, который нельзя было унести подъ мышкой. Маменька поступила такъ, какъ поступилъ бы и я на ея мѣстѣ. Послѣ тщетныхъ усилій уговорить Леметра остаться и убѣдившись въ его твердомъ намѣреніи бѣжать, она рѣшилась помочь ему всѣми зависѣвшими отъ нея средствами. Смѣю сказать, что она должна была такъ поступить. Леметръ, такъ сказать, посвятилъ себя служенію ей. Онъ постоянно былъ къ ея услугамъ какъ въ томъ, что касалось музыки, такъ и во всѣхъ ея дѣлахъ, и выполнялъ всѣ ея приказанія съ готовностью, придававшею еще болѣе цѣны его обязательности. Такимъ образомъ, въ настоящемъ случаѣ она лишь отплачивала своему другу разомъ за все, что дѣлалъ онъ для нея въ продолженіи трехъ или четырехъ лѣтъ. Но душа ея была такъ прекрасна, что для того, чтобы исполнять подобныя обязанности, ей не нужно было убѣжденія, что она въ этомъ случаѣ поступаетъ только по долгу. Позвавъ меня, она приказала мнѣ проводить Леметра по крайней мѣрѣ до Ліона и слѣдовать за нимъ все время, пока онъ могъ нуждаться во мнѣ. Впослѣдствіи она призналась, что желаніе удалить меня отъ Вантюра много способствовало такому распоряженію. На счетъ отправки ящика съ нотами она посовѣтовалась съ своимъ вѣрнымъ слугою Клодомъ Анѐ. Во избѣжаніе подозрѣній — сказалъ слуга, — не слѣдуетъ брать вьючной лошади изъ Анесси, а лучше перетащить ящикъ ночью на рукахъ на извѣстное разстояніе и затѣмъ нанять въ деревнѣ осла до Сенсаля, гдѣ, такъ какъ это мѣстечко принадлежало уже Франціи, мы ничѣмъ не могли рисковать. Слѣдуя доброму совѣту, мы отправились въ семь часовъ того же вечера; маменька, подъ предлогомъ уплаты за мои путевыя издержки, порядкомъ набила маленькій кошелекъ *котенка*, что̀ оказалось для него вовсе не лишнимъ. Клодъ Анѐ, садовникъ и я дотащили кое-какъ сами ящикъ до первой деревни; тамъ насъ смѣнилъ оселъ, и въ ту же ночь мы направились къ Сенсилю.

Если не ошибаюсь, я уже упоминалъ, что по временамъ бываю такъ мало похожъ на самого себя, что меня можно считать человѣкомъ съ совсѣмъ противоположнымъ характеромъ. Привожу примѣръ: Рейделе, священникъ въ Сенселѣ, принадлежалъ къ ордену св. Петра, слѣдовательно зналъ Леметра и былъ человѣкомъ, отъ котораго онъ долженъ былъ скрываться больше, чѣмъ отъ всякаго другого. Я же напротивъ

того совѣтовалъ прямо представиться ему и подъ какимъ нибудь благовиднымъ предлогомъ попросить пріюта на ночь, притворясь, что мы въ Сенселѣ съ вѣдома капитула Леметру понравилась моя выдумка, благодаря которой онъ могъ облечь месть свою въ насмѣшливую и забавную форму.

Такимъ образомъ, мы нахально отправились къ Рейделе, который принялъ насъ очень радушно. Леметръ сказалъ ему, что по просьбѣ епископа онъ отправляется въ Беллэ на Пасху, въ качествѣ капельмейстера и чрезъ нѣсколько дней возвратится. Я съ своей стороны придумалъ въ подтвержденіе лжи тысячу небылицъ, очень похожихъ на правду. Рейделе нашелъ, что я милый, красивый мальчикъ, полюбилъ меня и осыпалъ ласками. Послѣ хорошаго ужина, дали намъ хорошія постели. Рейделе не зналъ, какъ и чѣмъ угостить насъ, и мы разстались лучшими друзьями въ мірѣ и дали обѣщаніе погостить у него на возвратномъ пути подольше. Насъ разбиралъ смѣхъ, и мы насилу могли дождаться минуты, когда останемся одни. Признаюсь, я и теперь еще не могу удержаться отъ смѣха при воспоминаніи объ этой чрезвычайно забавной шалости, такъ хорошо выдержанной до конца и такъ счастливо сошедшей съ рукъ. Благодаря ей, мы потѣшались бы всю дорогу, еслибъ съ Леметромъ, который не переставалъ пить и нести всякій вздоръ, не случилось двухъ, трехъ припадковъ, очень похожихъ на падучую болѣзнь, и которые повторялись съ нимъ все чаще и чаще. Это обстоятельство поставило меня въ большое затрудненіе и я началъ думать, какъ бы выпутаться изъ него поскорѣе. Согласно съ тѣмъ, что было сказано Рейделе, мы отправились въ Беллэ провести тамъ праздникъ Пасхи. И хотя насъ тамъ не ждали, но учитель музыки и всѣ остальные приняли насъ очень хорошо. Леметра уважали за талантъ, и онъ дѣйствительно заслуживалъ это. Учитель музыки въ Беллэ счелъ за честь познакомить его съ своими лучшими сочиненіями и старался заслужить одобреніе такого хорошаго судьи, — потому что Леметръ былъ не только знатокомъ въ музыкѣ, но и человѣкомъ справедливымъ, независтливымъ и не интриганомъ. Разница между нимъ и провинціальными учителями музыки была такъ велика, и они сами такъ хорошо сознавали это, что видѣли въ Леметрѣ не столько товарища по искусству, сколько главу.

Проживъ самымъ пріятнымъ образомъ четыре или пять дней въ Беллэ, мы уѣхали оттуда и продолжали путь безъ дальнѣйшихъ приключеній. Добравшись до Ліона, мы поселились тамъ въ гостинницѣ Notre-Dame-de-Pitié. Въ ожиданіи ящика, который съ помощію новой лжи и благодаря покровительству добраго Рейделе, былъ отправленъ по Ронѣ, Леметръ повидался съ своими знакомыми, въ томъ числѣ съ отцомъ Ка-

тономъ, кордельерскимъ монахомъ, о которомъ рѣчь впереди, и аббатомъ Дортаномъ, ліонскимъ графомъ. И тотъ и другой приняли его хорошо, но поступили съ нимъ вѣроломно, какъ это сейчасъ увидятъ читатели. За порогомъ дома Рейделе, счастье оставило Леметра.

Спустя два дня по пріѣздѣ нашемъ въ Ліонъ, съ Леметромъ сдѣлался припадокъ на улицѣ, недалеко отъ нашей гостинницы. Припадокъ былъ такъ силенъ, что я растерялся со страха. Я сталъ кричать, звать на помощь, назвалъ гостинницу, въ которой мы остановились, и умолялъ, чтобы его отнесли туда; — потомъ, между тѣмъ какъ толпа собралась и суетилась около человѣка, лежавшаго среди улицы безъ чувствъ, съ пѣной у рта, единственный другъ, на котораго несчастный могъ разсчитывать, покинулъ его. Улучивъ минуту, когда толпѣ было не до меня, я повернулъ въ другую улицу и исчезъ. Слава Богу, я сдѣлалъ третье тяжкое признаніе. Еслибъ еще много подобныхъ признаній оставались у меня на душѣ, я бы оставилъ начатый трудъ.

Отъ всего, что я разсказывалъ, до настоящей минуты остались еще нѣкоторые слѣды въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я жилъ, но то, о чемъ намѣренъ говорить въ слѣдующей книгѣ, неизвѣстно почти никому. Это самыя большія сумасбродства моей жизни, и счастье, что они не окончились для меня еще хуже. Но голова моя, настроенная на чужой ладъ, не попадала въ свой тонъ. Наконецъ я образумился, пересталъ дѣлать глупости или по крайней мѣрѣ дѣлать тѣ, которыя болѣе подходили къ моему характеру. Объ этой порѣ жизни сохранилъ я самое смутное понятіе. Въ ней почти не было такихъ интересныхъ событій, которыя врѣзались бы въ память. При частой перемѣнѣ обстановки, мѣста и среды, нѣтъ возможности, при описаніи, не перепутать мѣстностей и хронологіи. Я пишу положительно на память; не имѣю никакихъ фактическихъ или письменныхъ матеріаловъ, которыми могъ бы руководствоваться. Иныя событія такъ ясны для меня, какъ будто случились вчера; въ другихъ существуютъ пробѣлы и промежутки, пополнить которые я могу только съ помощію разсказовъ столь же смутныхъ, какъ мое воспоминаніе о нихъ. Поэтому я иногда не могъ избѣжать ошибокъ и буду, можетъ быть, и впередъ дѣлать ихъ, но только въ мелочахъ до той поры моей жизни, о которой я имѣю уже болѣе вѣрныя свѣдѣнія. Но въ важныхъ пунктахъ я точенъ и вѣренъ, и постараюсь всегда и во всемъ остаться такимъ; на это читатель можетъ разсчитывать вполнѣ. Едва я разстался съ г. Леметромъ, какъ тотчасъ же отправился обратно въ Анесси. Причина и таинственность нашего отъѣзда возбудили во мнѣ сильную заботу найти безопасное убѣжище. Забота эта, поглощая всѣ мои мысли, отвлекала меня въ теченіе нѣсколькихъ дней отъ чувства, призывавшаго меня обратно; но какъ скоро достигнутая безопасность

придала мнѣ болѣе спокойствія, — господствующее чувство снова вступило въ свои права. Ничто мнѣ не нравилось, ничто не прельщало. Я желалъ только одного — возвратиться къ маменькѣ. Нѣжное и искреннее чувство привязанности къ ней искоренило въ сердцѣ моемъ всѣ фантастическіе планы, всѣ безумныя стремленія тщеславія. Все свое счастіе полагалъ я въ томъ, чтобъ жить подлѣ нея, и не дѣлать ни одного шага безъ того, чтобы не сознавать, что это движеніе удаляетъ меня отъ этого счастія. Поэтому я возвратился къ нему, лишь только получилъ возможность. Возвращеніе мое было такъ неожиданно, а разсѣяніе такъ велико, что я, вспоминающій съ особеннымъ удовольствіемъ о своихъ прочихъ путешествіяхъ, рѣшительно ничего не помню объ этомъ; помню только объ отъѣздѣ изъ Ліона и прибытіе въ Анесси. Это послѣднее особенно сильно врѣзалось въ мою память, потому что, пріѣхавъ въ Анесси, я не засталъ тамъ г-жи де-Варенсъ: она уѣхала въ Парижъ.

Причина этой поѣздки навсегда осталась тайной для меня. Еслибъ я хорошенько попросилъ ее, то увѣренъ, что она сказала бы мнѣ всю правду. Но нѣтъ человѣка менѣе меня любопытнаго въ томъ, что касается тайнъ друзей: сердце мое живетъ только настоящимъ, совершенно поглощается имъ, и кромѣ удовольствій прошедшихъ, составляющихъ теперь мою единственную отраду, въ немъ не найдется ни малѣйшаго пустого уголка для того, что кануло въ вѣчность. Все, что я могъ понять изъ немногихъ ея словъ, было, что она боялась, чтобы о ней не позабыли во время революціи, вспыхнувшей въ Туринѣ по случаю отреченія сардинскаго короля, и хотѣла, при покровительствѣ д'Обонна, добиться такой же пенсіи при французскомъ дворѣ. Она даже предпочла бъ послѣднее, какъ часто сама говорила мнѣ, потому что во Франціи, занятой множествомъ важныхъ дѣлъ, не такъ строго слѣдятъ за отдѣльными личностями. Если это правда, то удивительно, что по возвращеніи не надѣлали ей непріятностей, потому что она продолжала безостановочно пользоваться пенсіею. Многіе полагали, что ей было дано секретное порученіе или отъ епископа, имѣвшаго въ то время дѣла съ французскимъ дворомъ, куда онъ долженъ былъ ѣхать, или отъ лица, болѣе могущественнаго, благодаря которому она избѣжала непріятностей послѣ своего возвращенія. Если это такъ, то во всякомъ случаѣ посланница была удачно выбрана. Она была еще молода, хороша собою и обладала всѣми необходимыми качествами, чтобъ съ успѣхомъ исполнить возложенное на нее порученіе.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

—1731—1732 —Пріѣзжаю и не нахожу ея. Можно представить себѣ мое удивленіе и горе! Теперь-то я почувствовалъ гнусность моего поступка съ Леметромъ и горько раскаявался, что оставилъ его. Мое раскаяніе усилилось, когда я узналъ о несчастіи, постигшемъ этого человѣка. Ящикъ съ нотами, заключавшій въ себѣ все его состояніе, этотъ драгоцѣнный ящикъ, для спасенія котораго было потрачено столько труда, былъ конфискованъ, при въѣздѣ въ Ліонъ, стараніями графа Дортана, котораго капитулъ предупредилъ письмомъ объ этомъ похищеніи. Напрасно Леметръ требовалъ, чтобъ возвратили ему его имущество, его насущный хлѣбъ, трудъ всей его жизни. Вопросъ о правѣ присвоенія могъ сдѣлаться, по крайней мѣрѣ, спорнымъ вопросомъ; но и этого не было. Все дѣло рѣшили въ ту же минуту, на основаніи права сильнаго, и бѣдный Леметръ лишился такимъ образомъ плода своего таланта, труда всей молодости и средствъ существованія къ старости.

Ничего не доставало къ тому, чтобъ полученный мною ударъ подѣйствовалъ на меня какъ можно сильнѣе. Но я находился въ томъ возрастѣ, когда сильное горе не овладѣваетъ всѣмъ существомъ человѣка, и скоро выдумалъ себѣ утѣшеніе. Я разсчитывалъ, что въ скоромъ времени получу извѣстія отъ г-жи де-Варенсъ, хотя не зналъ ея адреса, а она не знала о моемъ возвращеніи; бѣгство же мое во всякомъ случаѣ, по моему соображенію, не заслуживало особенно большого осужденія. Я былъ полезенъ Леметру въ его убѣжищѣ,—а иной услуги я не могъ оказать ему. Еслибъ я остался съ нимъ во Франціи, то не вылечилъ бы его отъ припадковъ эпилепсіи, не спасъ бы его ящика, а только, не будучи ни на что годенъ, удвоилъ бы своимъ присутствіемъ ежедневныя издержки. Вотъ какъ смотрѣлъ я тогда на этотъ поступокъ, теперь смотрю на него иначе. Сознаніе сквернаго дѣла терзаетъ насъ не тотчасъ по совершеніи его, а впослѣдствіи, когда чрезъ долгое время вспомнишь о своемъ проступкѣ. Воспоминаніе о немъ не изглаживается никогда. Единственное средство получить вѣсти отъ маменьки состояло въ томъ, чтобъ ожидать ихъ. Гдѣ искать ее въ Парижѣ, и съ чѣмъ ѣхать туда? Я рѣшился ждать и ждать именно въ Анесси. Здѣсь всего вѣрнѣе можно было рано или поздно узнать, гдѣ она находилась. И такъ я остался въ Анесси, но велъ себя довольно дурно. Я не пошелъ къ епископу, который протежировалъ мнѣ прежде и могъ протежировать и теперь. Я боялся выговора за наше бѣгство, моей заступницы здѣсь уже не было. О семинаріи и говорить нечего, я и не заглянулъ въ нее, такъ какъ г. Гро уже не былъ тамъ. Я не видѣлся ни съ однимъ изъ своихъ зна-

комыхъ; правда мнѣ очень хотѣлось навѣстить жену интенданта, но я не смѣлъ. Я сдѣлалъ еще хуже. Отыскалъ Вантюра, о которомъ ни разу не вспоминалъ со дня моего отъѣзда, не смотря на то, что прежде восторгался имъ. Я увидѣлъ его во всемъ блескѣ; онъ производилъ фуроръ въ Анесси; дамы просто носили его на рукахъ. Его успѣхъ окончательно вскружилъ мнѣ голову: я не видѣлъ ничего кромѣ Вантюра, и изъ-за него почти забылъ г-жу де-Варенсъ. Чтобъ лучше воспользоваться его уроками, я заявилъ ему желаніе поселиться у него. Онъ согласился. Квартировалъ онъ у башмачника, презабавнаго шута, который, говоря о женѣ своей, не употреблялъ другого выраженія, какъ шлюха, и она отчасти заслуживала это названіе. Когда мужъ и жена сходились между собою, Вантюръ старался сильнѣе раззадорить ихъ, дѣлая видъ, что старается помирить. Совершенно хладнокровно говорилъ онъ имъ своимъ провансальскимъ акцентомъ слова, производившія большой эффектъ. Эти сцены хоть кого могли заставить помереть со смѣху. Такимъ образомъ утро проходило незамѣтно; въ два или три часа мы обыкновенно закусывали; затѣмъ Вантюръ отправлялся въ гости, гдѣ и ужиналъ, а я уходилъ гулять одинъ, и тутъ размышлялъ о его великихъ достоинствахъ, удивлялся его даровитости, завидовалъ его рѣдкимъ способностямъ и проклиналъ свою несчастную судьбу, не давшую мнѣ въ удѣлъ такой завидной доли. О! какъ плохо понималъ я ее! Моя доля была бы въ тысячу разъ завиднѣе, еслибъ я не былъ такъ глупъ и умѣлъ бы лучше пользоваться жизнію.

Г-жа де-Варенсъ увезла съ собою только Анѐ; Мерсере, ея горничная, о которой я уже упоминалъ, осталась въ Анесси. Когда я возвратился, она еще занимала комнату своей госпожи. Мадмуазель Мерсере была немного старше меня, нехороша собою, но довольно пріятной наружности,—добродушная дѣвушка, безъ малѣйшаго оттѣнка хитрости и съ единственнымъ недостаткомъ, состоявшимъ въ томъ, что она иногда ссорилась съ своею госпожею. Я ходилъ къ Мерсере довольно часто, какъ къ старой знакомой, глядя на нее вспоминалъ о другой, болѣе дорогой женщинѣ,—и это самое заставило меня полюбить ее. Въ числѣ множества ея пріятельницъ находилась дѣвушка, Жиро, родомъ изъ Женевы; я ей приглянулся. Она приставала къ Мерсере съ просьбами привести меня къ ней; я согласился отчасти изъ расположенія къ Мерсере, отчасти потому, что тамъ бывали другія молоденькія дѣвушки, съ которыми я любилъ встрѣчаться. Къ самой мадмуазель Жиро, всячески старавшейся завлечь меня, питалъ я глубокое отвращеніе. Когда она касалась моего лица своей черной, худощавой и испачканной испанскимъ табакомъ рожей, я едва удерживался, чтобъ не плюнуть ей въ глаза. Но я сдерживалъ себя; за исключеніемъ этой непріятности, мнѣ было очень

весело въ этомъ кружкѣ; притомъ, изъ желанія ли угодить хозяйкѣ, или собственно ради самого меня, всѣ молодыя дѣвушки наперерывъ носили меня на рукахъ. Я полагалъ, что онѣ дѣлали это только изъ дружбы. Впослѣдствіи я понялъ, что стоило мнѣ лишь захотѣть иного чувства, и я достигъ бы цѣли, но тогда я не смѣлъ заикнуться и даже не думалъ объ этомъ. Впрочемъ, швеи, горничныя, модистки нисколько не прельщали меня: мнѣ нужно было барышень. У всякаго своя фантазія; у меня тоже была своя, и въ этомъ отношеніи я не раздѣляю мнѣнія Горація. Меня привлекаетъ въ этомъ случаѣ совсѣмъ не тщеславіе знатностью рода или положеніемъ въ свѣтѣ, а болѣе нѣжный цвѣлъ лица, хорошенькія ручки, болѣе изящный туалетъ, деликатность и опрятность съ ногъ до головы, граціозность въ пріемахъ и разговорѣ, платье изъ лучшей матеріи и лучше сшитое, изящная обувь, ленты, кружева, прическа къ лицу. Я всегда отдамъ преимущество дѣвушкѣ менѣе красивой собою, лишь бы у ней было побольше того, что мнѣ нравится. Я самъ чувствую, что это предпочтеніе смѣшно, но мое сердце невольно склоняется къ нему. Теперь мнѣ представлялся снова удобный случай, и отъ меня только зависѣло воспользоваться имъ. Какъ я люблю повременамъ вспоминать счастливыя минуты моей молодости! Онѣ были такъ хороши, такъ кратки, такъ рѣдки, и доставались такъ легко! Ахъ, до сихъ поръ еще при воспоминаніи о нихъ сердце мое предается чистому наслажденію, въ которомъ я нуждаюсь, чтобъ не падать духомъ и выносить скуку остальныхъ лѣтъ моей жизни.

Однажды, увлеченный прелестью утра, я наскоро одѣлся и отправился въ поле полюбоваться восходомъ солнца. Я вполнѣ насладился этимъ удовольствіемъ. Это было на первой недѣлѣ послѣ Иванова дня. Земля въ полномъ убранствѣ была покрыта цвѣтами и зеленью; приближалось время, когда перестаютъ пѣть соловьи, и они, казалось, хотѣли на прощаньи превзойти себя; всѣ птицы хоромъ прощались съ весною, привѣтствуя рожденіе прекраснаго лѣтняго дня, — одного изъ тѣхъ прекрасныхъ дней, какіе не существуютъ болѣе для людей моихъ лѣтъ и какихъ не бываетъ въ печальной странѣ, гдѣ живу я теперь [1]).

Незамѣтнымъ образомъ ушелъ я довольно далеко отъ города; жаръ усиливался, и я шелъ въ тѣни деревьевъ по долинѣ вдоль ручья. Вдругъ слышу позади себя топотъ лошадей и голоса дѣвушекъ, которыя, повидимому, находились въ затруднительномъ положеніи, но тѣмъ не менѣе смѣялись отъ чистаго сердца. Я оглядываюсь; меня называютъ по имени; подхожу ближе и узнаю двухъ знакомыхъ дѣвушекъ: де-Графвенридъ и Галлэ. Обѣ были плохія амазонки, не могли справиться съ лошадьми

---

[1]) Въ это время Руссо жилъ въ Англіи. Ред.

и не знали, какъ заставить ихъ пройти черезъ ручей. Мадмуазель де-Граффенридъ была очень милая дѣвушка, родомъ изъ Берна. Вслѣдствіе какого-то безразсуднаго поступка, свойственнаго молодости, она была изгнана изъ своей родины и послѣдовала примѣру г-жи де-Варенсъ, у которой я иногда встрѣчался съ ней. Но не получая пенсіи, какъ маменька, она считала себя счастливой, что могла пріютиться у мадмуазель Галлэ, которая полюбила ее и упросила свою мать позволить ей жить въ качествѣ кампаньонки до тѣхъ поръ, пока та не пріищетъ себѣ какого-нибудь другого мѣста. Мадмуазель Галлэ, годомъ моложе своей подруги, была еще красивѣе ея; но въ ней было что-то болѣе деликатное и нѣжное. Она была очень миніатюрна и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ сформировалась, что для дѣвушки самое лучшее время. Обѣ онѣ нѣжно любили другъ друга и благодаря своей хорошей натурѣ, на долго могли бы сохранить это взаимное чувство, если бы только какой-нибудь обожатель не послужилъ предметомъ раздора. Онѣ сказали мнѣ, что ѣдутъ въ Тунъ, старый замокъ, принадлежавшій г-жѣ Галлэ, и умоляли меня о помощи, потому что сами не могли справиться съ лошадьми. Я хотѣлъ ударить лошадей хлыстомъ, но дѣвушки боялись, что лошади станутъ брыкаться, и такимъ образомъ меня задѣнутъ, а ихъ выбьютъ изъ сѣдла. Я прибѣгнулъ къ другому средству. Взявъ подъ уздцы лошадь мадмуазель Галлэ и потащивъ ее за собою, я перешелъ ручей вбродъ, а другая лошадь пошла безъ затрудненія вслѣдъ за первой. Сдѣлавъ это, я намѣревался раскланяться съ дѣвушками и уйти какъ олухъ. Онѣ перешепнулись, и затѣмъ мадмуазель де-Граффенридъ обратилась ко мнѣ со словами:—Нѣтъ, нѣтъ, вы не отдѣлаетесь отъ насъ такъ легко. Вы перемокли изъ-за насъ, и наша прямая обязанность позаботиться васъ высушить. Вы должны ѣхать съ нами; мы арестуемъ васъ. — Сердце мое сильно билось. Я смотрѣлъ на мадмуазель Галлэ.—Да, да, прибавила она, забавляясь моимъ испуганнымъ видомъ, вы нашъ военно-плѣнный. Садитесь на лошадь сзади моей подруги; намъ слѣдуетъ отдать отчетъ о васъ.—Но, сударыня, я не имѣю чести быть знакомымъ съ вашей матушкой; что скажетъ она увидѣвъ меня?—Матери ея нѣтъ въ Тунѣ,—возразила мадмуазель де-Граффенридъ—мы будемъ тамъ однѣ. Вечеромъ мы возвратимся, и вы поѣдете съ нами.

Дѣйствіе электричества не быстрѣе дѣйствія, произведеннаго на меня этими словами. Вскочивъ на лошадь мадмуазель де-Граффенридъ, я дрожалъ отъ радости, а когда мнѣ пришлось, чтобъ не упасть, обхватить ея талію, сердце мое забилось такъ сильно, что она это замѣтила; она сказала, что ея сердце бьется также сильно отъ страха упасть. При моей позиціи слова эти можно было почти безошибочно принять за при-

глашеніе провѣрить ихъ на дѣлѣ; но я не осмѣлился, и руки мои служили ей во всю дорогу поясомъ, правда туго стянутымъ, но ни на одну минуту не сдвинувшимся съ мѣста. Не одна женщина, прочтя это, почувствуетъ желаніе надѣлить меня пощечинами, и будетъ права.

Веселый путь и болтовня молодыхъ дѣвушекъ такъ расшевелили мой языкъ, что до самаго вечера, и все время пока мы находились вмѣстѣ, мы не умолкали ни на минуту. Онѣ такъ хорошо умѣли уничтожить во мнѣ всякую робость, что мой языкъ говорилъ столько же, сколько мои глаза, хотя и не одно и тоже. Только въ недолгихъ промежуткахъ, когда я оставался вдвоемъ съ одной изъ нихъ, разговоръ какъ-то не клеился. Но отлучавшаяся возвращалась очень скоро, и не давала намъ времени разъяснять причину смущенія.

По пріѣздѣ въ Тунъ, какъ скоро я высушился, мы стали завтракать. За тѣмъ слѣдовало заняться важнымъ дѣломъ, приготовленіемъ обѣда. Обѣ дѣвушки стали готовить кушанье и по временамъ цѣловали дѣтей поселянки, смотрѣвшей за овиномъ, а бѣдный поваренокъ пожиралъ глазами эти ласки и облизывался. Провизію прислали изъ города; было изъ чего изготовить отличный обѣдъ; лакомства было тоже вдоволь, только, къ несчастію, забыли вино. Эта забывчивость была очень естественна со стороны дѣвушекъ, не пившихъ его. Но мнѣ было досадно, потому что я расчитывалъ отчасти, что оно придастъ мнѣ смѣлости. Имъ тоже было досадно, можетъ быть по той же самой причинѣ; впрочемъ я этого не думаю. Ихъ живая и обворожительная веселость была воплощенная невинность, да и что стали бъ онѣ вдвоемъ дѣлать со мною? Онѣ послали отыскивать вина по окрестностямъ, но нигдѣ не могли достать; до такой степени простирается воздержность и бѣдность сельскихъ жителей этого кантона. Когда онѣ стали изъявлять мнѣ свое сожалѣніе о неудачѣ, я отвѣчалъ имъ, что онѣ напрасно такъ много безпокоятся, что и безъ вина онѣ способны довести меня до опьяненія. Это была единственная любезность, которую я осмѣлился сказать въ теченіе цѣлаго дня; впрочемъ плутовки, какъ мнѣ кажется, видѣли очень хорошо, что это былъ вовсе не комплиментъ, а сущая правда.

Мы обѣдали въ кухнѣ у надсмотрщицы за овиномъ; обѣ подруги сидѣли на скамьяхъ по обѣимъ сторонамъ длиннаго стола, а гость ихъ между ними, на скамеечкѣ о трехъ ногахъ. Что за обѣдъ! Какое прелестное воспоминаніе! Не понимаю, зачѣмъ искать удовольствій другого рода, когда такъ легко можно добиться чистыхъ, неподдѣльныхъ наслажденій? Ни одинъ ужинъ въ увеселительныхъ домахъ Парижа не могъ сравниться съ этимъ обѣдомъ, не только относительно веселости и ощущенія тихой радости, но и въ отношеніи удовлетворенія чувственности.

Послѣ обѣда мы сдѣлали экономію: вмѣсто того, чтобъ пить кофе, оставшійся отъ завтрака, мы приберегли его къ полднику, вмѣстѣ со сливками и пирожками, которыми запаслись молодыя дѣвушки; а для того, чтобъ дать нашему аппетиту отдохнуть, мы отправились въ фруктовый садъ закончить дессертъ вишнями. Я влѣзъ на дерево и бросалъ имъ оттуда кисти вишень, а въ меня летѣли снизу сквозь чащу вѣтвей вишневыя косточки. Одинъ разъ я такъ удачно попалъ въ мадмуазель Галлэ, державшую предъ собой передникъ и откинувшую назадъ головку, что брошенная кисть вишень очутилась у нея за пазухой. То-то было смѣху! Я же думалъ про себя: отчего мои губы не вишни! съ какой охотой я бросилъ бы ихъ туда!

День прошелъ такимъ образомъ въ разныхъ шалостяхъ и проказахъ и полной свободѣ, но съ соблюденіемъ строгой благопристойности. У насъ не вырвалось ни одного двусмысленнаго слова, ни одной вольной шутки, и мы не выходили изъ границъ приличія, нисколько не насилуя себя; это дѣлалось само собою; мы слѣдовали внушенію нашего сердца. Моя скромность, иные назовутъ ее пожалуй глупостью, доходила до такой степени, что величайшая вольность, какую я себѣ позволилъ, состояла въ томъ, что я поцѣловалъ ручку мадмуазель де-Галлэ Правда, что обстановка придавала цѣну такой неважной благосклонности. Мы были наединѣ; я задыхался отъ волненія; она сидѣла съ опущенными глазами. Мои губы, вмѣсто произнесенья всякихъ словъ, осмѣлились прильнуть къ ея рукѣ, которую она потихоньку отдернула послѣ поцѣлуя, посмотрѣвъ на меня совсѣмъ не сердито. Не знаю, что сказалъ бы я ей, но въ эту минуту пришла ея подруга и показалась мнѣ гадкой.

Наконецъ онѣ вспомнили, что не слѣдуетъ ждать ночи для возвращенія въ городъ. Намъ нельзя было медлить: было уже поздно, и мы поторопились пуститься въ путь, размѣстившись на лошадяхъ по прежнему. Еслибъ я посмѣлъ распорядиться мѣстами, то сѣлъ бы на этотъ разъ съ мадмуазель Галлэ, потому что взглядъ ея проникъ мнѣ въ душу; но я не рѣшался высказать свое желаніе, а она съ своей стороны не могла сдѣлать первый шагъ. Дорогой мы сожалѣли, что день клонился уже къ концу; впрочемъ мы не находили, чтобъ онъ пролетѣлъ быстро, и сознавались, что нашли тайну продлить время удовольствіями, которыми съумѣли наполнить этотъ день.

Я разстался съ ними почти на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ встрѣтилъ ихъ. Тяжела была наша разлука и радостно строили мы планы будущаго свиданія! Двѣнадцать часовъ, проведенныхъ вмѣстѣ, стоили цѣлыхъ вѣковъ самой дружеской короткости.

Сладостное воспоминаніе объ этомъ днѣ ничего не стоило этимъ ми-

лымъ дѣвушкамъ; нѣжная дружба, существовавшая между нами, не уступала въ цѣнѣ наслажденіямъ болѣе живымъ и не могла бы существовать вмѣстѣ съ ними; мы любили другъ друга безъ стыда и тайны и хотѣли всегда любить точно также. Чистота нравовъ имѣетъ свое сладострастіе, которое стоитъ сладострастія другого рода, потому что въ немъ нѣтъ промежутковъ и оно дѣйствуетъ непрерывно. Что касается меня, то воспоминаніе о такомъ прекрасномъ днѣ трогаетъ меня, очаровываетъ и идетъ въ сердце, больше чѣмъ воспоминаніе о всѣхъ другихъ наслажденіяхъ, испытанныхъ мною въ жизни.

Я самъ не понималъ, чего я хотѣлъ отъ своихъ прелестныхъ спутницъ, но обѣ онѣ очень интересовали меня. Правда, еслибъ я былъ воленъ въ выборѣ между этими дѣвушками, то сердце мое склонилось бы на сторону одной. Не скрою, я счелъ бы за счастіе имѣть мадмуазель де-Граффенридъ любовницей, но если бы въ этомъ случаѣ пришлось выбирать между ею и ея подругою, то я лучше согласился бы имѣть первую своей повѣренной. Какъ бы то ни было, но когда я разставался съ ними, мнѣ казалось, что какъ та, такъ и другая необходимы для меня въ жизни. Кто бы могъ предсказать мнѣ, что я никогда больше не увижу ихъ и что тѣмъ и окончится наша эфемерная любовь?

Всякій, кто прочтетъ это, непремѣнно посмѣется надъ моими любовными приключеніями, потому что замѣтитъ, что самыя удачныя изъ нихъ оканчивались, послѣ долгой подготовки, лишь поцѣлуемъ руки. О, мои читатели! не будьте въ заблужденіи: изъ моихъ любовныхъ похожденій, развязка которыхъ состояла въ поцѣлуѣ руки, я вынесъ можетъ быть, гораздо больше удовольствія, нежели другой изъ своихъ похожденій, которыя по меньшей мѣрѣ, начинались съ этого.

Вантюръ, который легъ наканунѣ очень поздно, возвратился домой вскорѣ послѣ меня. На этотъ разъ я встрѣтилъ его съ меньшимъ удовольствіемъ противъ обыкновеннаго и не разсказалъ ему, какъ провелъ день. Молодыя дѣвушки отзывались о немъ не слишкомъ хорошо и, казалось, были не довольны, что я нахожусь въ такихъ дурныхъ рукахъ. Это повредило ему въ моемъ мнѣніи; къ тому же все, что сколько нибудь отвлекало меня отъ милыхъ спутницъ, было мнѣ непріятно. Вскорѣ однакожъ Вантюръ заставилъ меня вспомнить о немъ и о себѣ, заведя рѣчь о моемъ положеніи. Оно было слишкомъ критическое для того, чтобы имѣть возможность продолжаться долѣе. Хотя я издерживалъ мало денегъ, но кошелекъ мой почти истощился; иныхъ рессурсовъ у меня не имѣлось. О маменькѣ не было никакого слуха. Я не зналъ, что дѣлать и съ содроганіемъ въ сердцѣ чувствовалъ, что другу мадмуазель Галлэ приходилось сдѣлаться нищимъ.

Вантюръ сообщилъ мнѣ, что говорилъ обо мнѣ главному судьѣ, что

мы завтра отправимся къ нему обѣдать, что этотъ человѣкъ могъ оказать мнѣ помощь при содѣйствіи своихъ друзей, что вообще съ нимъ не мѣшало познакомиться какъ съ человѣкомъ умнымъ, начитаннымъ, обходительнымъ, одареннымъ талантами и любившимъ ихъ. Потомъ, по своей привычкѣ примѣшивать серьезныя вещи къ самымъ пустымъ, Вантюръ далъ прочесть мнѣ хорошенькій куплетъ, присланный изъ Парижа, на одинъ мотивъ издававшейся въ то время оперы Муре. Этотъ куплетъ до того понравился г. Симону (такъ звали главнаго судью), что онъ хотѣлъ самъ написать въ отвѣтъ другой куплетъ и на тотъ же мотивъ. Вантюру онъ поручилъ сочинить такой же отвѣтный куплетъ, а тотъ по своему сумасбродству, заставилъ меня писать третій. Ночью мнѣ не спалось, и я принялся сочинять куплетъ. Для перваго стихотворнаго труда мои стихи вышли не дурны, даже лучше, или по крайней мѣрѣ съ бо́льшимъ вкусомъ, чѣмъ удалось бы мнѣ это сдѣлать наканунѣ, потому что сюжетъ ихъ вертѣлся на очень нѣжномъ положеніи, къ которому мое сердце было уже вполнѣ расположено. Утромъ я показалъ куплетъ Вантюру. Онъ нашелъ его удачнымъ и сунулъ къ себѣ въ карманъ, не сказавъ мнѣ, сочинилъ ли онъ свой. Мы отправились обѣдать къ г. Симону, который принялъ насъ радушно. Разговоръ завязался пріятный; да иначе и быть не могло, такъ какъ его вели между собою два человѣка умные, начитанные и извлекшіе пользу изъ чтенія. Я игралъ свою обыкновенную роль: слушалъ и молчалъ. Ни одинъ изъ нихъ не упоминалъ о куплетахъ, я въ свою очередь тоже не говорилъ ни слова, и сколько мнѣ извѣстно, о моихъ стихахъ между ними не было никогда и помину.

Г. Симону повидимому нравилось, какъ я держалъ себя; вотъ почти все, что онъ вывелъ изъ нашего свиданія. До того онъ уже встрѣчался со мной нѣсколько разъ у г-жи де-Варенсъ, но не обращалъ на меня особеннаго вниманія. Слѣдовательно начало моего знакомства съ нимъ должно считать съ этого обѣда. Оно не послужило мнѣ ни къ чему, по отношенію къ тому предмету, который послужилъ поводомъ къ нему, но впослѣдствіи принесло мнѣ другого рода пользу, заставляющую меня вспоминать о г. Симонѣ съ удовольствіемъ.

Было бы несправедливо умолчать о его наружности. Она до такой степени не шла къ его званію главнаго судьи и репутаціи остроумнаго человѣка, что не опиши я ее теперь, никто не могъ бы составить себѣ о ней даже приблизительно вѣрное понятіе. Во первыхъ, ростъ г. Симона ни въ какомъ случаѣ не превышалъ двухъ футовъ. Онъ пожалуй былъ бы и выше, еслибъ его ноги, прямыя, тонькія и даже довольно длинныя, держались вертикально, а не расходились на подобіе открытаго циркуля. Туловище было не только короткое, но худенькое и до

крайности миніатюрное. Голый, онъ, вѣроятно походилъ на кузнечика. Голова его, обыкновенной величины, съ правильнымъ лицомъ и благороднымъ выраженіемъ, съ очень недурными глазами, казалось приставленной на какой-то отростокъ. Онъ могъ бы исключить изъ своего бюджета издержки на туалетъ, потому одного огромнаго парика его было совершенно достаточно, чтобъ одѣть его съ ногъ до головы. Когда онъ говорилъ, то поперемѣнно слышались два совершенно противоположныхъ голоса. Безпрестанно смѣняясь одинъ другимъ, они производили контрастъ, сначала очень забавный, но вскорѣ въ высшей степени непріятный. Одинъ изъ этихъ голосовъ такъ сказать головной, былъ звученъ и громокъ, другой, голосъ его тѣла, былъ чистый, рѣзкій и пронзительный. Когда онъ говорилъ спокойно, прислушиваясь къ звукамъ своего голоса, не торопился и сдерживалъ дыханіе, то могъ не сбиваться и говорить басомъ, но какъ скоро, начиная немножко горячиться, попадалъ на высокій тонъ, то никакимъ способомъ не могъ съ разу отдѣлаться отъ звуковъ, похожихъ на скрипъ ключа, и только съ невообразимыми стараніями снова достигалъ прежнихъ басовыхъ нотъ. Съ описанною мною и нисколько не преувиличенною фигурою г. Симонъ былъ волокита, любилъ нашептывать разныя нѣжности и доводилъ изящность своего костюма до кокетливости. Стараясь по возможности скрывать свои тѣлесные недостатки, онъ охотно принималъ посѣтителей поутру въ постели, потому что глядя на прекрасную голову, покоившуюся на подушкѣ, никто и не вообразилъ бы себѣ, что ею все и ограничивалось. Это нерѣдко служило поводомъ къ сценамъ, которыя, конечно, и теперь еще живутъ въ памяти всего Анесси.

Въ одно утро, лежа въ постели, или вѣрнѣе на постели, онъ ожидалъ просителей. На головѣ его былъ надѣтъ прекрасный ночной головной уборъ, тонкій, бѣлый, убранный большими бантами изъ лентъ розоваго цвѣта. Приходитъ поселянинъ и стучится въ дверь. Служанки не было въ комнатѣ. Г. судья при вторичномъ стукѣ, кричитъ: войдите. Отъ напряженія голоса звукъ вышелъ рѣзкій. Поселянинъ входитъ, ищетъ, откуда слышался женскій голосъ и увидѣвъ на кровати бѣлый нарядъ и дамскій головной уборъ, разсыпается въ извиненіяхъ предъ потревоженной имъ дамой и хочетъ уйти. Г. Симонъ сердится и кричитъ еще звонче. Посѣтитель, убѣжденный, что видитъ женщину и считая себя обиженнымъ, начинаетъ ее ругать, называетъ ее потаскушкой и говоритъ, что главному судьѣ не слѣдъ давать такой дурной примѣръ у себя въ домѣ. Взбѣщенный судья, не имѣя подъ рукой иного орудія, кромѣ ночнаго горшка, уже готовъ былъ пустить имъ въ голову бѣднягѣ, но въ эту минуту возвратилась горничная. Физическое уродство тѣла этого карлика вознаграждалось умомъ, отъ природы доста-

точнымъ и еще болѣе развившимся при помощи образованія. Хотя г. Симонъ слылъ за довольно хорошаго юриста, но не любилъ своей профессіи. Онъ пристрастился къ занятію изящной словесностью и дѣйствовалъ въ этой сферѣ удачно. Изъ беллетристики онъ усвоилъ по преимуществу тотъ поверхностный блескъ, который придаетъ прелесть всякому разговору, даже бесѣдѣ съ женщинами. Онъ зналъ наизусть всѣ маленькіе анекдоты и каламбуры, обладалъ искусствомъ придавать имъ цѣну, разсказывая очень интересно и съ таинственностью, какъ бы о происшествіи, случившемся наканунѣ, то, что произошло лѣтъ шестьдесятъ назадъ. Онъ зналъ музыку и пѣлъ недурно своимъ мужскимъ голосомъ; словомъ, обладалъ множествомъ пріятныхъ и легкихъ талантовъ для человѣка, посвятившаго себя юриспруденціи. Расточая ласки прекрасному полу въ Анесси, онъ вошелъ въ моду въ дамскомъ обществѣ и, подобно маленькой обезъянѣ, всегда находился въ свитѣ дамъ. Онъ имѣлъ даже притязаніе одерживать побѣды, что очень забавляло этихъ барынь. Одна изъ нихъ утверждала, что величайшею милостью для него было позволеніе поцѣловать женщину въ колѣно.

Такъ какъ онъ читалъ хорошія книги и охотно разсуждалъ о нихъ, то разговоръ его былъ не только интересенъ, но и поучителенъ. Впослѣдствіи, когда я полюбилъ занятія, то сблизился съ нимъ и вынесъ изъ этого знакомства большую пользу. Я находился въ то время въ Шамбери и иногда посѣщалъ его. Онъ поддерживалъ во мнѣ охоту учиться, и руководилъ въ выборѣ книгъ, что часто служило мнѣ въ пользу. Къ несчастію, въ этомъ миніатюрномъ тѣлѣ жила очень чувствительная душа. Нѣсколько лѣтъ спустя, онъ умеръ вслѣдствіе какихъ-то непріятностей, сильно огорчившихъ его. Жаль! онъ былъ безспорно хорошій человѣчекъ, надъ которымъ знакомившіеся съ нимъ сперва смѣялись, но оканчивали тѣмъ, что привязывались къ нему. Хотя его жизнь была не тѣсно связана съ моею, но изъ признательности за полученные отъ него полезные уроки, я счелъ себя въ правѣ посвятить ему маленькое воспоминаніе.

Въ первую свободную минуту я побѣжалъ, въ улицу гдѣ жила мадмуазель Галлэ, въ надеждѣ встрѣтить одну изъ молодыхъ дѣвушекъ близъ дома, или хоть увидѣть мелькомъ въ окно. Напрасно! Хоть-бы одна кошка вышла! и все время, пока я тамъ стоялъ, все въ домѣ было такъ тихо, какъ будто въ немъ никто не жилъ. На маленькій пустой улицѣ легко могли меня замѣтить; въ сосѣднихъ домахъ по временамъ растворялась дверь, кто нибудь входилъ или выходилъ. Я стоялъ въ большомъ смущеніи. Мнѣ казалось, что всякій читаетъ на лицѣ моемъ, зачѣмъ и для кого я стоялъ тамъ. Эта мысль терзала меня, потому, что я

всегда дорожилъ добрымъ именемъ и спокойствіемъ тѣхъ, кого любилъ, больше, нежели своимъ удовольствіемъ.

Наконецъ, утомясь ролью испанскаго любовника и не имѣя въ рукахъ гитары, я рѣшился написать письмо къ мадмуазель де-Граффенридъ. Я лучше бы желалъ написать къ ея подругѣ, но не смѣлъ; да было и приличнѣе обратиться сперва къ той, которой я былъ обязанъ знакомствомъ съ Галлэ, и съ которой я былъ короче знакомъ. Написавъ письмо, я понесъ его къ мадмуазель Жиро, такъ какъ при разставаньи послѣ прогулки мы условились переписываться чрезъ эту дѣвушку; это придумали сами молодыя дѣвушки. Жиро была бѣлошвейка и, работая иногда на г-жу Галлэ, имѣла доступъ въ ея домъ. Выборъ посредницы показался мнѣ не очень удачнымъ, но я боялся, что если начну браковать ее, то и вовсе лишусь посредницы. Поэтому я рѣшился не быть слишкомъ разборчивымъ и держаться того, что мнѣ было предложено, какъ бы рисковано это ни было.

Жиро при первомъ словѣ угадала въ чемъ дѣло, да это и не было трудно. Если бы даже самая просьба передать письмо молодымъ дѣвушкамъ и не возбудила подозрѣнія, то одинъ мой глупый и сконфуженный видъ достаточно выдалъ бы меня. Мое порученіе, какъ всякій пойметъ, не доставило Жиро особеннаго удовольствія; но она не отказалась исполнить его и сдержала слово. На слѣдующее утро я побѣжалъ къ ней и нашелъ отвѣтъ. Считаю лишнимъ говорить, что схвативъ письмо, я поторопился уйти, чтобъ прочитать и расцѣловать его вдоволь, но нахожу необходимымъ сказать о деликатномъ и спокойномъ поведеніи Жиро, поведеніи, какого я никакъ не ожидалъ отъ нея. Она имѣла на столько здраваго смысла, чтобъ хорошо видѣть, что со своими тридцатисемью годами, выпачканнымъ въ табакѣ носомъ, визгливымъ голосомъ и черною кожей ей не осилить двухъ молодыхъ дѣвушекъ, полныхъ граціи и во всемъ блескѣ красоты; она не хотѣла ни измѣнить мнѣ, ни услужить, и лучше рѣшилась потерять меня, чѣмъ сберечь меня для нихъ

— 1732. — Мерсере, долго не получая отъ госпожи своей никакого извѣстія, поговаривала уже о возвращеніи въ Фрибургъ. Жиро заставила ее окончательно рѣшиться на это. Она сдѣлала еще болѣе: дала ей понять, что не худо бы было, еслибъ она нашла кого-нибудь, кто проводилъ бы ее къ отцу, и указала на меня. Маленькой Мерсере, которой я тоже нравился, мысль эта пришлась по сердцу. Планъ свой сообщили онѣ мнѣ въ тотъ же самый день, какъ дѣло рѣшенное, а такъ какъ я не видѣлъ ничего для себя непріятнаго въ этомъ произвольномъ распоряженіи моей личностью, то и согласился, полагая, что путешествіе продлится никакъ не болѣе недѣли. Жиро думала иначе и все устроила

по своему. Я принужденъ былъ сознаться имъ въ плачевномъ положеніи моихъ финансовъ. Тотчасъ нашли способъ помочь горю. Мерсере взяла путевыя издержки на свой счетъ. Для ограниченія расхода я предложилъ отправить небольшой багажъ ея заранѣе, а путешествіе совершить не торопясь, пѣшкомъ. Какъ сказано, такъ и сдѣлано.

Мнѣ досадно, что я заставляю влюбляться въ себя столькихъ дѣвушекъ; но такъ какъ мнѣ нечего особенно хвастаться ролью, которую я игралъ во всѣхъ этихъ любовныхъ похожденіяхъ, то я и считаю возможнымъ говорить правду. Мерсере, бывшая помоложе и поглупѣе Жиро, была не такъ навязчива какъ эта послѣдняя, но она старалась подражать мнѣ въ манерѣ, интонаціи голоса, повторяла мои слова, ухаживала за мной такъ, какъ бы слѣдовало мнѣ ухаживать за нею, и такъ какъ была очень труслива, то всегда заботилась о томъ, чтобъ на ночлегахъ мы спали въ одной комнатѣ: близость, которая рѣдко ограничивается этимъ, когда существуетъ между молодымъ человѣкомъ двадцати лѣтъ и дѣвушкою двадцати пяти, путешествующими вмѣстѣ.

Но на этотъ разъ дѣло только этимъ и ограничилось. Хотя Мерсере была и недурна, но я былъ до такой степени простъ, что во всю дорогу не почувствовалъ ни малѣйшаго поползновенія къ волокитству, и даже не имѣлъ ни одной мысли, относящейся къ этому предмету; да если бы она и пришла мнѣ въ голову, то я не съумѣлъ бы, по своей глупости, ею воспользоваться. Я не могъ вообразить себѣ, какимъ образомъ молодая дѣвушка и молодой человѣкъ могли устроить такъ, чтобъ спать вмѣстѣ. Я полагалъ, что для подготовки къ такой страшной сдѣлкѣ требуется необычайно долгое время. Если бѣдная Мерсере, принявъ всѣ путевыя издержки на свой счетъ, разсчитывала получить отъ меня равносильное вознагражденіе другого рода, то попалась въ просакъ, и мы пріѣхали въ Фрибургъ точно въ такомъ же видѣ, въ какомъ выѣхали изъ Анесси.

Проѣзжая черезъ Женеву, я никому не показался на глаза, но на мосту мнѣ едва не сдѣлалось дурно. Никогда не могъ я видѣть стѣнъ этого счастливаго города, никогда не могъ войти въ него безъ замиранія сердца, происходившаго отъ избытка чувствъ. Благородный образъ свободы воспламенялъ мою душу, а равенство, согласіе и кротость нравовъ трогали меня до слезъ и пробуждали во мнѣ глубокое сожалѣніе о томъ, что я лишился всѣхъ этихъ благъ. Какъ жестоко я заблуждался, но какъ въ то же время заблужденіе это было естественно! Я думалъ, что вижу все это въ моемъ отечествѣ, потому что носилъ эти предметы въ моемъ сердцѣ. Ніонъ лежалъ на дорогѣ. Проѣхать его не повидавшись съ моимъ добрымъ отцомъ! Еслибъ я рѣшился сдѣлать это, то, право, умеръ бы отъ сожалѣнія. Оставивъ Мерсере въ гостиницѣ, я

рискнулъ пойти къ отцу. Боязнь моя оказалась совершенно неосновательною. При встрѣчѣ со мною отецъ не удержался отъ изліянія родственныхъ чувствъ, переполнявшихъ его душу. Сколько слезъ пролили мы, обнимая другъ друга! Сначала онъ подумалъ, что я намѣренъ возвратиться къ нему. Я разсказалъ ему свои похожденія и свои планы. Онъ оспаривалъ меня слегка, указалъ опасности, которымъ я подвергался, и замѣтилъ, что скоропреходящія глупости самыя лучшія. Впрочемъ онъ даже и не пытался удержать меня насильно, и я нахожу, что въ этомъ случаѣ онъ былъ совершенно правъ. Вѣрно однакожъ и то, что онъ не употребилъ всѣхъ возможныхъ для того средствъ, чтобъ убѣдить меня возвратиться подъ родной кровъ, потому ли, что онъ полагалъ, что послѣ сдѣланнаго мною шага я болѣе не долженъ былъ возвратиться на прежній путь, или былъ въ затрудненіи, не зная, что дѣлать съ сыномъ своимъ въ такомъ возрастѣ. Впослѣдствіи до моего слуха дошло, что онъ составилъ очень несправедливое и совершенно ложное, но впрочемъ довольно естественное мнѣніе о моей спутницѣ. Моя мачиха, простодушная и довольно сладенькая женщина, дѣлала видъ, что желаетъ, чтобъ я остался ужинать. Я отказался, пообѣщавъ ей и отцу погостить у нихъ подольше на обратномъ пути, и оставилъ имъ въ залогъ свой маленькій, стѣснявшій меня, чемоданъ. На другой день я уѣхалъ рано поутру, очень довольный тѣмъ, что видѣлъ отца и что у меня достало духа исполнить свой долгъ.

Мы пріѣхали благополучно въ Фрибургъ. Подъ конецъ дороги Мерсере оказывала мнѣ меньше вниманія. Когда же мы добрались до мѣста, она сдѣлалась очень холодна, а отецъ ея, человѣкъ далеко не богатый, обошелся со мною очень сухо. Я отправился квартировать въ харчевню. На другой день я посѣтилъ ихъ. Мнѣ предложили остаться пообѣдать. Я согласился. Разстались мы безъ слезъ. Вечеромъ я возвратился въ свою харчевню, а чрезъ сутки послѣ прибытія, простился съ Фрибургомъ, не зная хорошенько куда направить свой путь.

Вотъ еще обстоятельство въ моей жизни, когда провидѣніе давало мнѣ именно то, въ чемъ я нуждался для счастливаго препровожденія времени. Мерсере была очень добрая дѣвушка, не блестящая красавица, но и не дурна собой, очень разсудительная и не слишкомъ живая, если не считать нѣкоторыхъ капризовъ, ограничивавшихся слезами и никогда не имѣвшихъ бурныхъ послѣдствій. Она искренно любила меня. Я могъ бы жениться на ней безъ всякихъ препятствій и потомъ заняться ремесломъ ея отца. Любя музыку, я полюбилъ бы это ремесло, я поселился бы въ Фрибургѣ, городѣ маленькомъ и некрасивомъ, но населенномъ добрыми людьми. Конечно, при такой жизни я не испытывалъ бы большихъ удовольствій, но прожилъ бы мирно и покойно до

самой могилы,—а я лучше чѣмъ всякій другой долженъ знать, что безразсудно было съ моей стороны колебаться.

Я возвратился не въ Ніонъ, а въ Лозанну; мнѣ хотѣлось до-сыта наглядѣться на прекрасное озеро, которое можно видѣть тамъ на самомъ большомъ протяженіи. Большая часть тайныхъ причинъ, побуждавшихъ меня въ жизни дѣйствовать такъ или иначе, были также шатки, какъ и эта. Отдаленныя цѣли рѣдко имѣютъ столько силы, чтобъ заставлять меня дѣйствовать. Принимая въ соображеніе невѣрность будущаго, я всегда смотрѣлъ на планы, требовавшіе долгаго исполненія, какъ на приманки, только вводящія людей въ просакъ. Я, какъ и всякій, увлекаюсь надеждами, лишь бы только мнѣ ничего не стоило поддерживать ихъ, а если приходится долго трудиться, то я готовъ отказаться отъ своей цѣли. Малѣйшее удовольствіе въ настоящемъ имѣетъ для меня больше цѣны, нежели райскія наслажденія въ будущемъ, исключая однако-жъ удовольствія, влекущія за собой мученія; удовольствія этого рода не соблазняютъ меня, потому что я люблю только чистыя наслажденія, а онѣ не могутъ существовать, когда заранѣе знаешь, что придется поплатиться за удовольствіе раскаяніемъ.

Мнѣ было крайне необходимо добраться до какого бы то ни было мѣста и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Сбившись съ дороги, я очутился вечеромъ въ Мудонѣ, гдѣ издержалъ оставшіяся въ кошелькѣ деньги, за исключеніемъ десяти крейцеровъ; да и ихъ отдалъ я на слѣдующій день за обѣдъ. Вечеромъ я пришелъ въ маленькую деревушку близъ Лозанны и вошелъ въ харчевню, безъ гроша въ карманѣ и не зная что дѣлать.

Я былъ очень голоденъ, спросилъ себѣ поужинать, не теряя присутствія духа и какъ будто у меня было чѣмъ заплатить. Затѣмъ легъ спать, не думая ни о чемъ, и спалъ спокойно. На слѣдующее утро, позавтракавъ, я спросилъ у хозяина счетъ и предложилъ ему оставить камзолъ подъ залогъ семи баценовъ, слѣдовавшихъ ему. Честный трактирщикъ отказался отъ залога, сказавъ, что, благодаря небо, никогда еще никого не грабилъ и что не стоитъ начинать это изъ-за семи баценовъ; затѣмъ онъ прибавилъ, что я могу оставить камзолъ при себѣ и расквитаюсь съ нимъ, когда буду въ состояніи. Я былъ тронутъ его добротой, но менѣе сильно, чѣмъ слѣдовало, и менѣе чѣмъ впослѣдствіи, когда я вспоминалъ о его поступкѣ. Деньги я съ благодарностью доставилъ ему въ скоромъ времени чрезъ одного вѣрнаго человѣка. Но спустя пятнадцать лѣтъ, на возвратномъ пути изъ Италіи, я былъ проѣздомъ въ Лозаннѣ и очень жалѣлъ, что забылъ названіе харчевни и имя хозяина ея. Я посѣтилъ бы его и мнѣ было бы весьма пріятно напомнить ему о его добромъ дѣлѣ и доказать, что оно было сдѣлано не

напрасно. Услуги гораздо болѣе важныя, но оказывавшіяся изъ тщеславія и хвастовства, заслуживали по моему меньше благодарности, чѣмъ скромная, безпритязательная доброта этого честнаго человѣка.

Приближаясь къ Лозаннѣ, я думалъ о своемъ безотрадномъ положеніи и искалъ исхода изъ него; мнѣ не хотѣлось сознаться мачихѣ, что у меня нѣтъ денегъ. Я сравнивалъ себя въ этомъ путешествіи съ моимъ другомъ Вантюромъ, когда онъ явился въ Анесси. Я сильно увлекся этой мыслью, позабылъ, что у меня не было ни его граціи, ни способности и вздумалъ въ Лозаннѣ розыграть роль Вантюра: начать учить музыкѣ, которой не зналъ, и назвался пріѣзжимъ изъ Парижа, гдѣ я никогда не былъ. На основаніи прекрасно задуманнаго плана, я сталъ развѣдывать, нѣтъ ли въ Лозаннѣ какой-нибудь неважной гостинницы, гдѣ бы можно было найти маленькую комнату за недорогую цѣну; музыкальной школы въ Лозаннѣ не было, да притомъ я боялся попасть въ общество знатоковъ искусства. Мнѣ указали на нѣкоего Перроте, державшаго постояльцевъ. Перроте оказался отличнымъ человѣкомъ и принялъ меня очень хорошо. Я разсказалъ ему придуманную заранѣе басню. Онъ обѣщалъ сказать кое кому обо мнѣ и доставить мнѣ учениковъ. Что касается до денегъ, то онъ согласился ждать, пока я ихъ заработаю. Плата у него была пять бѣлыхъ экю въ день, — плата, въ сущности, весьма умѣренная, но для моего кармана очень значительная. Онъ посовѣтовалъ мнѣ удовлетвориться сначала половиннымъ содержаніемъ, т. е. за обѣдомъ не получать ничего кромѣ порціи супа, но зато хорошо ужинать. Я согласился. Бѣдный Перроте дѣлалъ мнѣ всѣ эти уступки съ полной готовностью и не щадилъ ничего, чтобъ быть мнѣ полезнымъ.

Почему я, сталкивавшійся такъ часто съ добрыми людьми въ молодости, такъ рѣдко встрѣчаю ихъ подъ старость? Неужели всѣ они перевелись? Нѣтъ, но мнѣ приходится искать ихъ не тамъ, гдѣ они попадались мнѣ прежде. Въ народѣ, гдѣ сильныя страсти прорываются лишь промежутками, чаще встрѣчаются чистыя, нетронутыя натуры. Въ болѣе высокихъ классахъ, чистыя чувства окончательно подавлены, и подъ личиной чувства всегда говоритъ только интересъ или тщеславіе.

Изъ Лозанны я написалъ письмо къ моему отцу. Онъ выслалъ мнѣ чемоданъ и надавалъ много хорошихъ совѣтовъ, которыми мнѣ слѣдовало бы воспользоваться лучше, чѣмъ я сдѣлалъ. Я уже говорилъ, что на меня находило по временамъ страшное сумасбродство, и тогда я самъ не узнавалъ себя. Вотъ еще одно изъ самыхъ замѣчательныхъ. Чтобъ понять, до какой степени простиралось тогда мое безуміе, до какой степени я, такъ сказать, влѣзъ въ кожу Вантюра,—стоитъ лишь обратить вниманіе на то, сколько нелѣпостей я надѣлалъ за-разъ. Такъ я сдѣ-

лался учителемъ пѣнія, не будучи въ состояніи разобрать ни одного мотива; потому что, если бы даже шесть мѣсяцевъ, проведенныхъ у Леметра и принесли мнѣ пользу, то все-таки они были бы теперь для меня недостаточны; кромѣ того, я учился у учителя — этого было довольно, чтобъ учиться дурно. Парижанинъ изъ Женевы и католикъ въ протестантской странѣ, я счелъ нужнымъ перемѣнить имя, какъ перемѣнилъ, религію и отечество. Я все болѣе и болѣе старался ближе походить на человѣка, котораго взялъ за образецъ. Онъ назывался Вантюръ де-Вильневъ, я въ свою очередь, переставилъ буквы въ имени Руссо, сдѣлалъ изъ этого Воссоръ, и назвался Воссоръ де-Вильневъ. Вантюръ зналъ контрапунктъ, умѣлъ сочинять, хотя не высказывалъ этого; я, не имѣя понятія о контрапунктѣ, хвастался предъ всѣми знаніемъ его и не умѣя написать музыку для пустого водевиля, выдавалъ себя за композитора. Это еще не все. Будучи представленъ г. Трейторену, профессору правовѣдѣнія, который любилъ музыку и иногда составлялъ у себя концерты, я вздумалъ представить ему образчикъ моего таланта и принялся нахально сочинять пьесу для его концерта, какъ будто умѣлъ взяться за это дѣло. У меня достало упорства проработать надъ этой прелестной піесой цѣлыя двѣ недѣли, переписать ее на бѣло и распредѣлить партитуры съ такой самоувѣренностію, какъ будто пьеса была образцовымъ музыкальнымъ сочиненіемъ. Наконецъ, чему трудно повѣрить, но это чистая правда, я, чтобъ увѣнчать достойнымъ образомъ геніальное произведеніе, прибавилъ въ заключеніи хорошенькій менуэтъ, игравшійся на всѣхъ перекресткахъ и оставшійся, можетъ быть, до сихъ поръ у всѣхъ въ памяти; написанъ онъ былъ на слова, знакомыя въ то время каждому:

Quel caprice!
Quelle injustice!
Quoi! ta Clarisse
Trahirait tes feux etc.

Вантюръ выучилъ меня пѣть этотъ мотивъ съ аккомпаниментомъ баса, замѣнилъ слова другими, самыми грязными, и благодаря имъ-то я запомнилъ голосъ. И такъ въ концѣ своего произведенія я помѣстилъ упомянутый менуэтъ, но безъ словъ, и выдалъ его за свой собственный съ такой рѣшимостью, какъ будто обращался къ обитателямъ луны.

Наконецъ музыканты собираются исполнять мою піесу. Я объясняю каждому темпъ, размѣръ, согласованіе партитуръ. Дѣла было мнѣ очень много. Минутъ пять, шесть настраиваютъ инструменты, для меня эти минуты казались пятью, шестью столѣтіями. Наконецъ все готово, я ударяю красивымъ сверткомъ нотъ по своему пюпитру пять или шесть разъ, въ видѣ сигнала. Водворяется тишина; я начинаю съ важностію

дирижировать, начинается концертъ... Нѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ французская опера, никто въ жизни не слыхалъ такой чепухи! Что бы ни думали о моемъ предполагаемомъ талантѣ, но результатъ оказался хуже всего, что только могли ожидать. Музыканты задыхались отъ смѣха; слушатели вытаращивали глаза и желали бы заткнуть уши, но это не помогло бы. Мои тираны музыканты, желая позабавиться, пилили и трубили изо всей мочи, такъ что могли пробить самую грубую барабанную полость. Я вооружился терпѣніемъ и продолжалъ дирижировать. Правда, потъ катился съ меня градомъ, но удерживаемый стыдомъ, я не смѣлъ убѣжать, не смѣлъ оставить свой постъ. Къ моему утѣшенію я слышалъ, какъ вокругъ меня присутствующіе шептали другъ другу или вѣрнѣе мнѣ на ухо: Это просто невыносимо. Что за дьявольская музыка. Какой чертовскій шабашъ!—Бѣдный Жанъ-Жакъ, ты и не подозрѣвалъ въ эту ужасную минуту, что чрезъ много лѣтъ король Франціи и весь дворъ его будутъ въ восторгѣ отъ твоей музыки, что она заслужитъ удивленіе и рукоплесканія, и что вокругъ тебя во всѣхъ ложахъ самыя прелестныя женщины будутъ повторять другъ другу вполголоса: Какіе дивные звуки! Какая очаровательная музыка! Эти звуки проникаютъ прямо въ сердце!

Но что развеселило публику,—такъ это менуэтъ. Едва сыграли нѣсколько тактовъ, какъ по всей залѣ раздался хохотъ. Всѣ осыпали меня похвалами за хорошій вкусъ, увѣряли, что этимъ менуэтомъ я составлю себѣ извѣстность и что я дѣйствительно заслуживаю, чтобъ его пѣли вездѣ. Считаю излишнимъ описывать мое мучительное положеніе и сознаваться, что заслужилъ его.

На слѣдующій день Лютольдъ, одинъ изъ моихъ музыкантовъ, навѣстилъ меня и былъ на столько деликатенъ, что не поздравлялъ меня съ успѣхомъ. Глубокое сознаніе своей глупости, стыдъ, сожалѣніе, отчаянное положеніе, въ которое я поставилъ себя, невозможность скрыть горе,—все это заставило меня открыться моему гостю. Я далъ волю слезамъ и вмѣсто того, чтобъ сознаться Лютольду только въ своемъ музыкальномъ невѣжествѣ, посвятилъ его во всѣ подробности своей продѣлки. Онъ обѣщалъ свято хранить мою тайну и исполнилъ это обѣщаніе такъ, какъ и слѣдовало ожидать. Въ тотъ же вечеръ всей Лозаннѣ было извѣстно кто я, и, что достойно замѣчанія, никто не подавалъ виду, что знаетъ мою тайну, не исключая даже добраго Перроте, который и послѣ этой исторіи не отказывалъ мнѣ въ столѣ и квартирѣ.

Плохо было мнѣ жить послѣ этого. Послѣдствія перваго дебюта не могли сдѣлать для меня жизнь въ Лозаннѣ особенно пріятною. Ученики не стекались ко мнѣ толпами; ученицы не имѣлъ я ни одной и никого

изъ городскихъ жителей. Я только и обучалъ, что двухъ или трехъ толстыхъ провинціаловъ, тупость которыхъ равнялась моему невѣжеству, которые надоѣдали мнѣ до смерти и подъ моимъ руководствомъ не дѣлались знаменитыми музыкантами. Уроки на дому я имѣлъ только въ одномъ семействѣ. Маленькая дочь хозяина, сущій бѣсенокъ, забавлялась тѣмъ, что показывала мнѣ пьесы, въ которыхъ я не съумѣлъ разобрать ни одной ноты, и затѣмъ принималась пѣть ихъ предъ г. учителемъ, чтобъ показать ему, какъ слѣдовало исполнять эту музыку. Я разбиралъ ноты до такой степени плохо, что въ знаменитомъ концертѣ, уже извѣстномъ читателю, рѣшительно не могъ слѣдить за исполнителями и поэтому не могъ судить, вѣрно или фальшиво выполняли они то, что было у меня передъ глазами и что я самъ сочинилъ.

Среди столькихъ униженій, я находилъ большую отраду въ письмахъ, получавшихся мною по временамъ отъ моихъ двухъ прелестныхъ подругъ. Участіе прекраснаго пола всегда дѣйствовало на меня въ тяжелыя минуты самымъ спасительнымъ образомъ, и ничто не способно такъ скоро утѣшить меня въ несчастіи и неудачахъ, какъ сочувствіе милой женщины. Вскорѣ однакожъ наша переписка прекратилась и болѣе уже никогда не возобновлялась. Но въ этомъ былъ виноватъ я самъ. Перемѣнивъ мѣсто жительства, я не позаботился послать имъ свой адресъ и, вынужденный обстоятельствами постоянно думать о самомъ себѣ, вскорѣ совершенно забылъ милыхъ дѣвушекъ.

Давно уже не говорилъ я ничего о своей бѣдной маменькѣ, но кто подумаетъ, что я и ее точно также позабылъ, тотъ сильно ошибается. Я не переставалъ думать о ней и желать отыскать ее, не столько потому, что нуждался въ ней для поддержки моего существованія, сколько по влеченію сердца. Правда, какъ ни сильна, какъ ни нѣжна была моя привязанность, но она не препятствовала мнѣ любить другихъ, только эта любовь была совершенно иная. Всѣхъ любилъ я за ихъ прелести, красоту и молодость, и какъ скоро онѣ лишались ихъ, исчезала и моя любовь. Привязанность же моя къ маменькѣ не измѣнилась бы даже и тогда, когда бы она состарилась и подурнѣла. Я вполнѣ перенесъ собственно на ея личность то благоговѣніе, которое питалъ сначала къ ея красотѣ, и какъ бы ни измѣнилась наружность маменьки, любовь моя не измѣнилась бы никогда. Правда, что я былъ обязанъ признательностью къ ней, но я даже и не думалъ объ этомъ; что бы она ни сдѣлала для меня или чего бы не сдѣлала,—это было все равно. Я любилъ ее не по долгу, не изъ личнаго интереса, не изъ приличія, а любилъ просто потому, что былъ рожденъ на то, чтобъ любить ее. Когда я влюблялся въ другую женщину, это развлекало меня, и сознаюсь, тогда я рѣже вспоминалъ маменьку,—но вспоминалъ всегда съ одинакимъ удо-

вольствіемъ. Влюбленный или нѣтъ въ другихъ, я никогда не могъ, думая о ней, не чувствовать, что въ разлукѣ съ ней истинное счастіе не могло существовать для меня. Хотя я не имѣлъ о ней извѣстія въ теченіе долгаго времени, но мнѣ никогда не приходило въ голову, чтобъ я могъ лишиться ее навсегда или чтобъ она могла забыть меня. Рано или поздно — говорилъ я себѣ — она узнаетъ о моей скитальческой жизни и дастъ о себѣ вѣсточку, я увѣренъ. Мы непремѣнно увидимся. А покамѣсть я находилъ отраду въ томъ, что жилъ въ ея родномъ краю, ходилъ по улицамъ, по которымъ она ходила и мимо домовъ, въ которыхъ она жила, руководясь въ этомъ случаѣ единственно догадками, потому что по одной изъ своихъ глупѣйшихъ странностей не рѣшался наводить о ней справки и боялся даже безъ настоятельной необходимости произносить ея имя. Казалось, что произнося его, я выставлялъ на показъ, профанировалъ чувство и нѣкоторымъ образомъ ее компрометировалъ. Быть можетъ къ этому примѣшивалась боязнь услышать о ней дурной отзывъ. Много было толковъ о ея внезапномъ отъѣздѣ, а также и о ея поведеніи. Боясь услышать то, чего я не хотѣлъ услышать, я лучше желалъ, чтобъ о ней вовсе не говорили.

Такъ какъ уроки музыки не отымали у меня много времени, а родной городъ маменьки лежалъ лишь въ четырехъ миляхъ отъ Лозанны, то я отправился туда, въ видѣ прогулки, дня на два или на три, впродолженіе которыхъ самое пріятное ощущеніе не покидало меня. Видъ женевскаго озера и восхитительныхъ береговъ его всегда имѣлъ для меня особенную, необъяснимую прелесть. Не одна красота зрѣлища, а что-то болѣе сочувственное плѣняло и трогало меня до глубины души. Всякій разъ, какъ я приближаюсь къ окрестностямъ Ваатландскаго кантона, я ощущаю впечатлѣніе, соединяющее въ себѣ воспоминаніе о г-жѣ Варенсъ, которая родилась въ этомъ кантонѣ, о моемъ отцѣ, который жилъ въ немъ, о мадмуазель Вюльсонъ, предметѣ моей первой любви и о веселыхъ прогулкахъ дѣтства, и, кажется еще какое-то тайное, сильнѣе всѣхъ другихъ дѣйствующее чувство. Въ минуты страстнаго желанія наслаждаться счастіемъ безмятежной жизни, для которой я былъ рожденъ и которая убѣгаетъ отъ меня, мое воображеніе всегда уноситъ меня въ Ваатландскій кантонъ, на живописные берега женевскаго озера. Именно здѣсь и нигдѣ больше желалъ бы я имѣть фруктовый садъ, вѣрнаго друга, милую женщину, корову и лодочку. Безъ всего этого нѣтъ для меня на землѣ полнаго счастія. Мнѣ самому смѣшна та сердечная простота, съ которою я не разъ отправлялся въ этотъ кантонъ съ единственной цѣлью поискать тамъ этого воображаемаго счастія. Я всегда изумлялся, когда видѣлъ, что тамошніе жители, въ особенности женщины, вовсе не таковы, какими рисовало ихъ мнѣ воображеніе. Ка-

кой разладъ между мѣстностью и населяющимъ ее народомъ! Они совсѣмъ не созданы другъ для друга.

Я шелъ вдоль прекраснаго берега по дорогѣ въ Вевэ, погруженный въ сладкую задумчивость. Сердце рвалось къ чистымъ наслажденіямъ, и я былъ растроганъ, вздыхалъ и плакалъ какъ дитя. Сколько разъ останавливался я для того, чтобы наплакаться вдоволь и, сидя на массивномъ камнѣ, смотрѣлъ какъ капали въ воду мои слезы.

Въ Вевэ я остановился въ гостинницѣ Ключа; въ теченіе двухъ сутокъ, проведенныхъ тамъ въ совершенномъ уединеніи, я полюбилъ этотъ городъ до такой степени, что вспоминалъ о немъ во всѣхъ своихъ путешествіяхъ и наконецъ сдѣлалъ его мѣстопребываніемъ героевъ моего романа [1]). Каждому, кто не равнодушенъ къ красотамъ природы и обладаетъ чувствительнымъ сердцемъ, я готовъ сказать: поѣзжайте въ Вевэ, полюбуйтесь на его окрестности, прогуляйтесь по его озеру, и скажите сами, не создала ли природа этого дивнаго края для Юліи, Клары и Сен-Пре, — но не ищите ихъ тамъ.— Возвращаюсь къ моему разсказу.

Будучи католикомъ и выдавая себя за него, я открыто и не стѣсняясь, слѣдовалъ обрядамъ своей религіи. По воскресеньямъ въ хорошую погоду я ходилъ къ обѣднѣ въ Ассанъ на разстояніи двухъ миль отъ Лозанны. Со мной ходили обыкновенно и другіе католики, и чаще всѣхъ одинъ парижскій золотошвей, имени котораго не помню. Это былъ не такой парижанинъ, какъ я, а настоящій парижанинъ Парижа, архипарижанинъ по роду, простодушный, какъ уроженецъ Шампаньи. Онъ такъ страстно любилъ свою родину, что никакъ не хотѣлъ допустить сомнѣнія на счетъ моей національности, боясь потерять случай поговорить лишній разъ о Парижѣ. У г. Круза, помощника судьи, былъ садовникъ тоже парижанинъ, но менѣе добродушный и услужливый, находившій, что слава его родины была скомпрометирована, когда кто осмѣливался выдавать себя за уроженца Парижа, не имѣя нисколько права на эту честь. Онъ распрашивалъ меня такимъ тономъ, какъ будто былъ увѣренъ, что уличитъ меня во лжи, и затѣмъ хитро улыбался. Разъ онъ спросилъ меня, что замѣчательнаго на Новомъ рынкѣ. Я, разумѣется, сталъ говорить вздоръ. Теперь проживъ въ Парижѣ двадцать лѣтъ, я долженъ знать городъ вдоль и поперегъ, но, еслибъ и теперь мнѣ предложили тотъ же самый вопросъ, я точно также не зналъ бы, что отвѣчать на него, и изъ этого затрудненія могли бы вывести то же самое заключеніе, что я отъ роду не бывалъ въ Парижѣ. Вотъ до какой степени свойственно людямъ даже при встрѣчѣ съ истиной основываться на обманчивыхъ признакахъ.

---

[1]) Новая Элоиза. Ред.

Не умѣю сказать въ точности, сколько времени я прожилъ въ Лозаннѣ. Воспоминанія о ней плохо сохранились въ моей памяти. Знаю, только, что по недостатку средствъ къ существованію я отправился оттуда въ Невшатель, гдѣ прожилъ всю зиму. Въ этомъ городѣ обстоятельства мнѣ болѣе благопріятствовали; мнѣ посчастливилось найти учениковъ, и я могъ въ непродолжительномъ времени расквитаться съ моимъ добрымъ другомъ Перотте, который переслалъ мнѣ мое маленькое имущество, не смотря на то, что я былъ долженъ ему довольно много.

Давая уроки музыки, я самъ незамѣтно выучивался ей. Жизнь моя была довольно пріятна. Человѣкъ разсудительный могъ бы ею довольствоваться, но мое тревожное сердце требовало иного. По воскресеньямъ и въ прочіе свободные дни я бродилъ по окрестнымъ полямъ и лѣсамъ, вѣчно вздыхая и мечтая; разъ вырвавшись изъ городскихъ стѣнъ, я возвращался домой только вечеромъ. Однажды въ будни я зашелъ въ харчевню пообѣдать и увидѣлъ тамъ человѣка съ длинной бородой, въ полу-греческой одеждѣ фіолетоваго цвѣта и мѣховой шапкѣ. Судя по платью и наружности, его можно было принять за человѣка довольно порядочнаго. Онъ говорилъ на своемъ, какомъ-то особенномъ нарѣчіи, всего ближе подходившемъ къ итальянскому языку, вслѣдствіе чего часто нельзя было понять, что онъ хотѣлъ сказать. Я одинъ понималъ почти все, что онъ говорилъ; съ содержателемъ харчевни и туземцами онъ объяснялся посредствомъ знаковъ. Я сказалъ ему нѣсколько словъ по итальянски и онъ понялъ ихъ очень хорошо, всталъ съ мѣста и бросился обнимать меня. Мы скоро подружились и я тутъ же сдѣлался его переводчикомъ. Его обѣдъ былъ хорошъ; мой хуже посредственнаго. Онъ пригласилъ меня раздѣлить его трапезу. Я согласился безъ дальнихъ церемоній. Вино и болтовня сблизили насъ окончательно, а послѣ обѣда мы сдѣлались неразлучными друзьями. По его словамъ, онъ былъ греческимъ прелатомъ и іерусалимскимъ архимандритомъ, и его послали въ Европу для сбора денегъ на возобновленіе храма Господня. Онъ показалъ мнѣ свидѣтельства за подписями русской царицы и императора; были у него грамоты и отъ другихъ монарховъ. Сборомъ своимъ былъ онъ покамѣсть доволенъ, только въ Германіи стоило ему невѣроятнаго труда объясняться съ туземцами, такъ какъ онъ не зналъ ни нѣмецкаго, ни латинскаго, ни французскаго языковъ, и долженъ былъ ограничиваться языками греческимъ, турецкимъ и франкскимъ. Съ такими ресурсами сборъ въ Германіи, куда онъ заѣхалъ, не могъ быть значительный. Онъ предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ въ должности секретаря и переводчика. Не смотря на мое фіолетовое платье, только что съ иголочки, весьма приличное для моего новаго званія, прелатъ смекнулъ по моей фигурѣ, что я далеко не богатъ и легко поддамся на его предложеніе.

Онъ не ошибся. Мы скоро сошлись въ условіяхъ: я не просилъ ничего, а онъ обѣщалъ много. Безъ ручательства, ничѣмъ не обезпеченный, не зная въ чемъ дѣло, я предаюсь его волѣ и на слѣдующій день отправляюсь въ Іерусалимъ.

Прежде всего объѣхали мы кантонъ Фрибургъ, гдѣ прелатъ собралъ немного. Епископское званіе не позволяло ему подражать примѣру простыхъ нищенствующихъ монаховъ и обращаться за подаяніемъ къ частнымъ лицамъ. Но мы подали просьбу въ сенатъ, и онъ выдалъ прелату небольшую сумму. Изъ Фрибурга мы отправились въ Бернъ и остановились въ гостинницѣ Сокола, въ то время очень хорошей, гдѣ можно было встрѣтить порядочныхъ людей. За хорошо сервированнымъ столомъ обѣдало многочисленное общество. Давно уже не приходилось мнѣ вкусно обѣдать; пора была подкрѣпить себя, и я не преминулъ воспользоваться представившимся случаемъ. Его преосвященство отецъ архимандритъ самъ былъ человѣкъ хорошаго тона, весельчакъ, пріятный собесѣдникъ за столомъ, умѣвшій хорошо вести разговоръ съ тѣми, кто понималъ его нарѣчіе, не имѣвшій недостатка въ познаніяхъ и довольно ловко пользовавшійся случаемъ выставить на видъ свою греческую ученость. Однажды за дессертомъ, раздробляя ножомъ скорлупу орѣха, онъ довольно глубоко порѣзалъ себѣ палецъ, и когда кровь полилась довольно сильно, онъ показалъ свой палецъ присутствовавшимъ, и сказалъ съ улыбкою: *Mirate, signori, questo è sangue pelasgo.*

Въ Бернѣ мои услуги оказались не безполезны для него; я дѣйствовалъ удачнѣе, чѣмъ самъ ожидалъ. Хлопочи я за самого себя, мнѣ никогда не удалось бы поступать такъ смѣло и говорить такъ хорошо. Въ Бернѣ дѣло наше сладилось не такъ просто, какъ въ Фрибургѣ. Начались длинные, безпрерывные переговоры съ сановными людьми, и разсмотрѣніе документовъ прелата окончилось не въ одинъ день. Наконецъ, когда все оказалось въ порядкѣ, сенатъ далъ аудіенцію прелату. Я вошелъ съ нимъ въ качествѣ переводчика и мнѣ приказали изложить дѣло. Я никакъ не ожидалъ этого. Мнѣ и въ голову не приходило, чтобы послѣ долгихъ переговоровъ съ членами, пришлось въ собраніи повторять все сызнова. Судите о моемъ смущеніи! Человѣку въ высшей степени застѣнчивому говорить публично, да еще въ Бернскомъ сенатѣ, и говорить экспромтомъ, не имѣя минуты, чтобъ подготовиться—было такое дѣло, которое могло совершенно уничтожить меня. Но я даже не оробѣлъ. Кратко и ясно я изложилъ порученіе, данное архимандриту. Я восхвалялъ благочестіе вѣнчанныхъ особъ, содѣйствовавшихъ сбору на возобновленіе храма. Подстрекнувъ самолюбіе ихъ превосходительствъ, я прибавилъ, что мы возлагаемъ на ихъ обычную щедрость такія же большія надежды, и затѣмъ стараясь доказать, что это доброе дѣло

было также благодѣяніемъ и для всѣхъ христіанъ безъ различія сектъ, закончилъ обѣщаніемъ благословенія небесъ каждому кто захочетъ принять въ этомъ дѣлѣ участіе. Не скажу, чтобъ рѣчь моя произвела эффектъ, но что она понравилась—это не подлежитъ сомнѣнію. По окончаніи аудіенціи архимандритъ получилъ порядочную сумму и сверхъ того, комплименты, относившіеся къ уму его секретаря. Это былъ единственный разъ въ жизни, когда мнѣ пришлось говорить публично и въ присутствіи высшей власти,—и вмѣстѣ можетъ быть, единственный разъ, когда я говорилъ смѣло и хорошо. Какъ различно бываетъ настроеніе одного и того же человѣка! Три года тому назадъ, когда я пріѣхалъ въ Ивердань для свиданія съ однимъ старымъ другомъ, Рогеномъ, ко мнѣ явилась депутація съ изъявленіемъ благодарности за нѣсколько книгъ, пожертвованныхъ мной въ городскую библіотеку. Швейцарцы охотники говорить рѣчи; депутаты обратились ко мнѣ съ привѣтствіемъ. Я счелъ обязанностію отвѣчать тѣмъ же, но до того запутался въ отвѣтѣ, до того спутались всѣ мои мысли, что я не могъ выговорить ни слова и далъ поводъ смѣяться надъ собою. Хотя я былъ застѣнчивъ отъ природы, но мнѣ случалось иногда бывать смѣлымъ въ молодости; въ болѣе же зрѣлыхъ лѣтахъ—никогда. Чѣмъ болѣе узнавалъ я свѣтъ и людей, тѣмъ менѣе умѣлъ къ нимъ поддѣлаться.

Изъ Берна мы поѣхали въ Солотурнъ, потому что архимандритъ намѣревался вернуться въ Германію, а оттуда ѣхать чрезъ Венгрію и Польшу. Путь по такому плану предстоялъ огромный, но прелатъ не заботился о сокращеніи его, потому что во время путешествія кошелекъ его не истощался, а постоянно набивался. Что касается меня, то такъ какъ я любилъ странствовать какимъ бы то ни было способомъ, пѣшкомъ ли, или въ экипажѣ, — путешествіе съ прелатомъ крайне улыбалось мнѣ; но мнѣ не суждено было уѣхать такъ далеко.

По пріѣздѣ въ Солотурнъ, мы прежде всего представились французскому посланнику. Къ несчастію для моего прелата этимъ посланникомъ былъ маркизъ де-Бонакъ, бывшій прежде посланникомъ въ Турціи и слѣдовательно хорошо знавшій все, что относилось до Іерусалима. Архимандритъ пробылъ на аудіенціи съ четвертъ часа; я не былъ допущенъ вмѣстѣ съ нимъ, такъ какъ посланникъ понималъ франкскій языкъ, а по итальянски говорилъ по крайней мѣрѣ также хорошо, какъ я. Когда мой грекъ отдѣлался, я хотѣлъ послѣдовать за нимъ, но меня удержали: наступила моя очередь. Такъ какъ я выдавалъ себя за парижанина, то подлежалъ вѣдѣнію французскаго посольства. Маркизъ де-Бонакъ спросилъ, кто я такой, и увѣщевалъ сказать всю правду. Я далъ слово признаться во всемъ, но не иначе, какъ въ секретной аудіенціи, которая и была мнѣ дана. Онъ повелъ меня къ себѣ въ кабинетъ и затворилъ за

собою дверь; тогда, бросившись предъ нимъ на колѣни, я сдержалъ свое слово. Я бы сказалъ не менѣе и безъ всякаго обѣщанія, потому что безпрестанно чувствую потребность высказываться, и ужъ если я вполнѣ открылся музыкану Лютольду, то мнѣ нечего было скрываться предъ маркизомъ Бонакомъ. Онъ былъ такъ доволенъ моимъ разсказомъ и горячею искренностью, съ которою я передалъ его, что взявъ меня за руку, повелъ къ своей супругѣ и представилъ меня ей, передавъ вкратцѣ мои похожденія. Госпожа Бонакъ приняла меня благосклонно и сказала, что мнѣ не слѣдуетъ ѣхать съ греческимъ монахомъ. Рѣшили, что я останусь въ домѣ посланника, пока рѣшатъ, что можно будетъ сдѣлать со мною. Я хотѣлъ проститься съ моимъ бѣднымъ архимандритомъ, къ которому я привязался, но мнѣ не позволили. Прелату дали знать о моемъ арестѣ, и четверть часа спустя принесли мой маленькій чемоданъ. Затѣмъ я былъ нѣкоторымъ образомъ порученъ секретарю посольства г. де-ла-Мартиньеру. Онъ повелъ меня въ комнату, которую назначили для моего помѣщенія и сказалъ мнѣ: — Въ то время, когда посланикомъ былъ графъ де-Люкъ, эту комнату занималъ знаменитый человѣкъ, носящій одну фамилію съ вашей. Отъ васъ зависитъ замѣнить его во всѣхъ отношеніяхъ и заставить другихъ говорить когда нибудь: Руссо первый, Руссо второй. Не надѣясь вовсе пріобрѣсти извѣстность своего однофамильца, я не сталъ бы даже и домогаться такой славы, еслибъ могъ предвидѣть, какой цѣной куплю ее.

Слова г. де-ла-Мартиньера подстрекнули мое любопытство. Я прочелъ сочиненіе человѣка, занимавшаго нѣкогда эту комнату. На основаніи сказаннаго мнѣ комплимента я вообразилъ, что долженъ имѣть поэтическій талантъ и вздумалъ для перваго опыта написать кантату въ честь госпожи де-Бонакъ. Наклонность къ поэзіи существовала во мнѣ не долго. Я писалъ стихи лишь изрѣдка, да и то посредственные. Это довольно полезное упражненіе для того, чтобъ выработать навыкъ къ гармонической разстановкѣ словъ въ прозѣ и къ хорошимъ оборотамъ въ рѣчи. Но французская поэзія никогда не увлекала меня до такой степени, чтобъ возбудить во мнѣ желаніе посвятить себя ей вполнѣ.

Г. де-ла-Мартиньеръ хотѣлъ имѣть понятіе о моемъ слогѣ и просилъ меня сообщить ему на бумагѣ то, что я разсказалъ на словахъ посланнику. Я изложилъ свою исторію въ длинномъ письмѣ, которое, какъ я узналъ потомъ, было сохранено г. де-Маріанни, причисленнымъ уже давно къ посольству маркиза де-Бонакъ и поступившимъ впослѣдствіи, во время посольства де-Куртейля, на мѣсто г. де-ла-Мортиньера. Я просилъ Малерба постараться достать мнѣ копію съ этого письма. Если это желаніе исполнитъ онъ или кто нибудь другой, то я напечатаю это письмо въ собраніи писемъ, которыя должны быть помѣщены въ концѣ «Исповѣди».

По мѣрѣ того какъ увеличивалась моя опытность, я гораздо рѣже увлекался романическими мечтами; такъ напримѣръ, я не только не влюбился въ госпожу де-Бонакъ, но съ самаго же начала понялъ, что не составлю себѣ порядочной карьеры въ домѣ ея мужа. Мѣсто секретаря при посольствѣ было занято г. де-ла-Мартиньеромъ, въ кандидаты прочили г. де-Маріанни, поэтому я могъ разсчитывать развѣ на мѣсто помощника секретаря, не особенно меня соблазнявшее. Вслѣдствіе этого, когда меня спросили, чѣмъ я намѣренъ заняться, то я объявилъ, что очень желаю ѣхать въ Парижъ. Мысль моя понравилась посланнику, которому хотѣлось какъ нибудь отъ меня отдѣлаться. До-Мервелье, переводчикъ, состоявшій при посольствѣ, сказалъ, что его другъ г. Годаръ, швейцарскій полковникъ, находившійся на службѣ Франціи, ищетъ кого нибудь для своего племянника, который былъ еще очень молодъ и уже поступалъ на службу, и что я могу удовлетворить его требованіямъ. На основаніи этихъ словъ мой отъѣздъ былъ рѣшенъ, и я увидѣлъ въ преспективѣ путешествіе, а въ концѣ его Парижъ, и былъ внѣ себя отъ радости. Меня снабдили рекомендательными письмами, сотней франковъ на путевыя издержки, добрыми совѣтами, и я отправился въ путь. Путешествіе мое продолжалось недѣли двѣ, которыя я могу включить въ число счастливыхъ дней своей жизни. Я былъ молодъ, здоровъ, имѣлъ довольно денегъ и много надеждъ, путешествовалъ пѣшкомъ и совершенно одинъ. Если бы читатели не ознакомились уже съ моимъ характеромъ, ихъ удивило бы, что я включаю въ число выгодъ тогдашняго моего путешествія то обстоятельство, что у меня не было ни одного товарища. Сладкія химеры замѣняли мнѣ иногда общество, и никогда еще разыгравшаяся фантазія не тѣшила меня столь очаровательными мечтами. Если предлагали мнѣ незанятое мѣсто въ каретѣ или если кто нибудь приставалъ ко мнѣ на пути, я хмурился, видя, какъ разрушались мои воздушные замки, которые я строилъ дорогою. На этотъ разъ мои мечты имѣли воинственный характеръ. Я поступалъ на службу къ военному и дѣлался самъ военнымъ, такъ какъ было условлено, что я буду сначала кадетомъ. Я уже видѣлъ себя въ офицерскомъ мундирѣ, съ красивымъ бѣлымъ плюмажемъ. При этой мысли мое сердце наполнялось гордостью. Я имѣлъ нѣкоторыя понятія о геометріи и фортификаціи, кромѣ того имѣлъ дядю инженера, словомъ я былъ, такъ сказать, предназначенъ судьбой на поприще воина. Моя близорукость, правда, представляла нѣкоторую помѣху, но и это не затрудняло меня, и я разсчитывалъ вознаградить этотъ недостатокъ хладнокровіемъ и храбростію. Я зналъ изъ книгъ, что маршалъ Шомбергъ былъ очень близорукъ; почему же маршалу Руссо не быть близорукимъ? Воображеніе мое сильно разгорячилось: мнѣ мерещились

только войска, укрѣпленія, габіоны, батареи, и среди огня и дыма я видѣлъ себя спокойно отдающаго приказанія съ подзорной трубой въ рукѣ. Не смотря на это, когда по дорогѣ мнѣ попадались живописные ландшафты, рощицы и ручейки, я вздыхалъ, глядя на эту трогательную картину. Я чувствовалъ, что среди моей славы мое сердце не было создано для такой шумной жизни и незамѣтнымъ образомъ переносился къ своей милой идиллической жизни и навсегда отказывался отъ трудовъ Марса.

Какъ сильно видъ Парижа разрушилъ понятіе, которое я составилъ себѣ о немъ! Внѣшняя красота, видѣнная мною въ Туринѣ, правильность, симметрія его домовъ, выстроенныхъ по прямой линіи, заставили меня ожидать много отъ Парижа. Я воображалъ городъ, столь же красивый, какъ и большой, городъ величественный, гдѣ только и были что великолѣпныя улицы, золотые и мраморные дворцы. Но пройдя въ него черезъ предмѣстье Сенъ-Марса, я увидѣлъ только узкія, грязныя, вонючія улицы и ветхіе, дрянные дома; повсюду нечистота, бѣдность, нищіе, ломовые извощики, штопальщицы, торговки напитками и старыми шляпами. Все это поразило меня сначала до такой степени, что дѣйствительное великолѣпіе Парижа, которое я увидѣлъ впослѣдствіи, не могло изгладить первое впечатлѣніе и что съ тѣхъ поръ я почувствовалъ тайное отвращеніе къ жизни въ этой столицѣ. Могу сказать, что все время, которое впослѣдствіи проводилъ въ ней, — употреблялось мною только на отысканіе средствъ, которыя дали бы мнѣ возможность жить вдали отъ этого города. Таковы плоды слишкомъ пылкаго воображенія, которое преувеличиваетъ вещи, и безъ того представленныя ему уже въ преувеличенномъ видѣ, и видитъ всегда больше того, что ему разсказываютъ. Мнѣ превозносили Парижъ до такой степени, что я представилъ его себѣ древнимъ Вавилономъ; но быть можетъ, я измѣнилъ бы свое понятіе и о Вавилонѣ, еслибъ самъ видѣлъ его и не зналъ о немъ только по описанію. То же самое случилось со мной въ оперѣ, куда я поспѣшилъ на другой же день послѣ моего прибытія въ Парижъ, то же самое повторилось впослѣдствіи въ Версали, потомъ при видѣ моря, и будетъ повторяться, конечно, всегда при видѣ всякаго зрѣлища, о которомъ я заранѣе слышу восторженные отзывы, потому что невозможно человѣку, да и самой природѣ трудно перещеголять мою фантазію.

Судя по пріему тѣхъ лицъ, къ которымъ я имѣлъ рекомендательныя письма, я полагалъ, что моя судьба будетъ прекрасно устроена въ Парижѣ. Г. Сюрбекъ, котораго преимущественно просили принять во мнѣ участіе, встрѣтилъ меня всѣхъ холоднѣе. Онъ былъ въ отставкѣ и жилъ настоящимъ философомъ въ Банье. Я ходилъ къ нему нѣсколько

разъ, и никогда онъ не предложилъ мнѣ даже стакана воды. Г-жа Мервелье, свояченица переводчика, состоявшаго при посольствѣ, и племянникъ ея, гвардейскій офицеръ, приняли меня лучше. Какъ мать, такъ и сынъ обращались со мной благосклонно и кромѣ того предложили мнѣ ходить къ нимъ обѣдать, чѣмъ я часто пользовался во время моего пребыванія въ Парижѣ. Г-жа Мервелье, какъ мнѣ казалось, была прежде хороша собою. Ея волосы, черные какъ смоль, были причесаны по старинной модѣ, съ колечками на вискахъ. У нея сохранилось то, что не теряется вмѣстѣ съ красотою: умъ въ высшей степени привлекательный. Ей, повидимому, нравился и мой умъ, и она всячески старалась быть мнѣ полезной, но никто не содѣйствовалъ ей въ этомъ и я вскорѣ разочаровался въ горячемъ участіи, которое, какъ мнѣ сначала казалось, всѣ мои знакомые принимали во мнѣ. Впрочемъ должно отдать справедливость французамъ; они не столько разсыпаются въ увѣреніяхъ любви, какъ говорятъ о нихъ, и почти всегда бываютъ искренни; но имѣютъ особенную манеру высказывать свое участіе, которое обманываетъ болѣе, чѣмъ слова. На тяжелыя любезности швейцарцевъ можетъ попасться лишь дуракъ. Пріемы французовъ увлекательнѣе именно тѣмъ, что гораздо проще. Они какъ будто не высказываютъ всего, что имъ хотѣлось бы сдѣлать, съ цѣлью изумить васъ болѣе пріятнымъ образомъ. Скажу болѣе: французы не кривятъ душою; они по природѣ услужливы, человѣчны, ласковы и даже, что бы ни говорили о нихъ, чистосердечнѣе и правдивѣе всякой другой націи, но они вѣтрены и непостоянны. Они на самомъ дѣлѣ испытываютъ то чувство, въ которомъ увѣряютъ васъ, но это чувство также скоро исчезаетъ, какъ приходитъ. Говоря съ вами, они только о васъ и думаютъ, а чуть потеряютъ изъ вида, какъ тотчасъ же и забываютъ. Они не созданы для прочнаго чувства; все въ нихъ — дѣло минуты.

Итакъ, любезностей говорили мнѣ много, а дѣйствительныхъ услугъ оказывали мало. Полковникъ Годаръ, дядя молодого человѣка, къ которому меня приставили, оказался отвратительнымъ старымъ скрягой. Несмотря на свое огромное богатство и мою крайнюю бѣдность, онъ хотѣлъ, чтобъ и жилъ у него безъ платы и чтобъ племянникъ его обращался со мною, какъ съ лакеемъ, живущимъ изъ милости, а не какъ съ настоящимъ гувернеромъ. Онъ требовалъ, чтобъ я постоянно находился при молодомъ человѣкѣ и на этомъ основаніи увольнялъ меня отъ фронтовой службы; поэтому я долженъ былъ жить на кадетскомъ содержаніи, то-есть получать солдатское содержаніе. Съ трудомъ соглашался Годаръ сшить мнѣ мундиръ; ему хотѣлось, чтобъ я довольствовался казеннымъ мундиромъ. Г-жа де-Мервелье, недовольная такими предложеніями, сама уговорила меня отказаться отъ нихъ. Сынъ ея

былъ того же мнѣнія. Стали хлопотать о другомъ мѣстѣ для меня; но ничего изъ этого не вышло. Между тѣмъ, положеніе мое становилось все стѣснительнѣе; сто франковъ, данные на проѣздъ, не могли долго продержаться. Къ счастью, маркизъ де-Бонакъ прислалъ мнѣ еще небольшую сумму, которая пришлась весьма кстати; сколько мнѣ кажется, онъ не бросилъ бы меня на произволъ судьбы, еслибъ только я былъ терпѣливѣе; но томиться, ждать и просить—вещи для меня невозможныя. Терпѣніе мое лопнуло, я пересталъ показываться, и все было кончено. Я не забылъ своей бѣдной маменьки, но какъ найти ее, гдѣ искать? Г-жа де-Мервелье, знавшая мои приключенія, содѣйствовала мнѣ въ моихъ поискахъ, но долгое время напрасно. Наконецъ она объявила мнѣ, что уже болѣе двухъ мѣсяцевъ какъ г-жа де-Варенсъ уѣхала изъ Парижа, неизвѣстно куда именно. Иные полагали, что въ Савойю или Туринъ, другіе говорили, что она возвратилась въ Швейцарію. Этихъ извѣстій было достаточно, чтобъ побудить меня отправиться по слѣдамъ г-жи де-Варенсъ. Я былъ увѣренъ, что гдѣ бы она ни находилась, я отыщу ее скорѣе въ провинціи, нежели въ Парижѣ.

Передъ отъѣздомъ, я употребилъ свой новый поэтическій талантъ на сочиненіе длиннаго посланія въ стихахъ полковнику Годару, — посланія, въ которомъ я изобразилъ стараго скрягу, насколько могъ удачно. Я показалъ мое маранье г-жѣ де-Мервелье. Вмѣсто того, чтобъ хорошенько распечь меня, какъ по настоящему она должна была сдѣлать, она хохотала надъ моими сарказмами. Точно также смѣялся ея сынъ, который не любилъ Годара, да признаюсь, его и не за что было любить. Мнѣ очень хотѣлось послать эти стихи г-ну Годару, а мать и сынъ съ своей стороны подстрекали меня къ тому. Я положилъ посланіе въ конвертъ, надписалъ на немъ адресъ и положилъ въ карманъ. Такъ какъ городской почты въ то время еще не было въ Парижѣ, то я отправилъ свое посланіе къ Годару уже изъ Оксера. И теперь еще не могу удержаться отъ смѣха, представляя себѣ, какія гримасы онъ долженъ былъ дѣлать при чтеніи похвальнаго слова, въ которомъ я изобразилъ его съ непогрѣшимой точностью. Панегирикъ начинался такъ:

Tu croyais, vieux penard, qu'une folle manie
D'élever ton neveu m'inspirerait l'envie.

Эта небольшая пьеска, правду сказать дурно написанная, но не лишенная нѣкоторой доли остроумія и выказывавшая сатирическій талантъ автора, — есть однако единственное сатирическое произведеніе, когда-либо вышедшее изъ подъ моего пера. Мое сердце слишкомъ чуждо ненависти, для того чтобъ я могъ хвастаться подобнымъ талантомъ; но думаю, что по нѣкоторымъ полемическимъ статьямъ, сочинявшимся

мною время отъ времени въ свою собственную защиту, можно судить, что еслибъ когда-либо мною овладѣлъ воинственный духъ, успѣхъ рѣдко оставался бы на сторонѣ моихъ противниковъ.

Такъ какъ я не въ состояніи припомнить нѣкоторыя подробности изъ моей жизни, то болѣе всего сожалѣю о томъ, что не велъ дневника моихъ путешествій. Никогда въ жизни я такъ много не думалъ, такъ много не жилъ, такъ не былъ самимъ собою, своимъ собственнымъ *я*, если смѣю такъ выразиться, какъ въ то время, когда путешествовалъ одинъ и пѣшкомъ. Ходьба заключаетъ въ себѣ нѣчто воодушевляющее и освѣжающее мои мысли: когда я остаюсь на мѣстѣ, то почти не могу думать; мое тѣло должно приходить въ движеніе, чтобъ дать толчекъ и моему уму. Видъ загородныхъ мѣстъ, безпрерывное измѣненіе прелестныхъ пейзажей, чистый воздухъ, хорошій аппетитъ и хорошее здоровье, пріобрѣтаемые мною отъ ходьбы, свобода въ харчевняхъ, отдаленіе отъ всего, что заставляетъ меня чувствовать мою зависимость, отъ всего, что напоминаетъ мнѣ мое положеніе, — все это даетъ свободу моей душѣ, придаетъ бо́льшую смѣлость мыслямъ и кидаетъ меня, такъ сказать, въ несмѣтность существъ, для того чтобъ я могъ ихъ комбинировать, выбирать, примѣнять къ самому себѣ, по своему произволу, безъ всякихъ затрудненій, безъ всякой боязни. Я, какъ владыка, располагаю всею природой; мое сердце, переходя отъ одного предмета къ другому, соединяется, отождествляется съ тѣми, кто нравится ему, окружаетъ себя прелестными образами, упивается сладостными чувствами. Если, желая установить ихъ, я описываю ихъ самому себѣ, ради своего же удовольствія, то какой размахъ является въ моей кисти, какая свѣжесть колорита, какая энергія въ выраженіи! Говорятъ, что всѣ эти достоинства находили въ моихъ сочиненіяхъ, хотя и написанныхъ въ преклонныхъ лѣтахъ. О! еслибъ видѣли произведенія моей первой молодости, произведенія, относящіяся ко времени моихъ путешествій, сочиненныя мною и никогда не написанныя!.. Отчего, скажете вы, не написать ихъ? — Къ чему ихъ писать! — отвѣчу я, — зачѣмъ отнимать отъ себя минутную прелесть наслажденія, единственно съ цѣлью сказать другимъ, что я наслаждаюсь? Что значили для меня читатели, публика и весь міръ въ то время, когда я леталъ по поднебесью. Къ тому же, развѣ я носилъ при себѣ бумагу или перья. Если бы я думалъ обо всемъ этомъ, мнѣ ничего не пришло бы въ голову. Я не предвидѣлъ, что у меня будутъ мысли; онѣ приходятъ, когда сами хотятъ, а не когда мнѣ угодно. Онѣ или совсѣмъ не приходятъ, или приходятъ толпою: онѣ подавляютъ меня своимъ количествомъ и силой. Еслибъ я писалъ ежедневно по десяти томовъ, и этого было бы недостаточно. Откуда взять времени, чтобъ написать ихъ? Приходя въ какое-нибудь

мѣсто, я думалъ только о томъ, какъ бы получше пообѣдать; уходя, думалъ, какъ бы лучше пройти дальше. Я чувствовалъ, что новый рай ожидалъ меня за дверью; я думалъ только о томъ, какъ бы отыскать его.

Никогда не чувствовалъ я всего этого такъ сильно, какъ во время моего возвращенія, о которомъ говорю. Придя въ Парижъ, я ограничивался только мыслями, относившимися къ тому, что намѣревался предпринять въ этомъ городѣ. Я кинулся въ дѣятельность, предстоявшую мнѣ и шелъ по этой дорогѣ съ достаточной славою; но не къ этой дѣятельности стремилось мое сердце, и дѣйствительныя лица вредили лицамъ воображаемымъ. Къ такому герою, какимъ былъ я, какъ-то плохо шли полковникъ Годаръ и его племянникъ. Благодаря небу, теперь я избавился отъ всѣхъ этихъ препятствій: я могъ по собственному произволу углубляться въ страну химеръ, потому что только онѣ и оставались у меня. И я такъ далеко зашелъ въ ней, что нѣсколько разъ на самомъ дѣлѣ сбивался съ дороги; а мнѣ было бы очень досадно идти по болѣе прямому пути. Я чувствовалъ, что жизнь въ Ліонѣ снова перенесетъ меня на землю, и поэтому никогда бы не хотѣлъ въ него возвращаться.

Однажды, нарочно своротивъ съ дороги, съ цѣлью поближе посмотрѣть на одно мѣсто, показавшееся мнѣ восхитительнымъ, я до такой степени предался восторгу и такъ много бросался изъ стороны въ сторону, что окончательно заблудился. Послѣ нѣсколькихъ часовъ безполезной ходьбы, усталый, умирающій отъ жажды и голода, я вошелъ къ одному поселянину, жилище котораго было съ виду не особенно привлекательно, но только оно и находилось въ окрестности. Я думалъ, что здѣсь, какъ въ Женевѣ или Швейцаріи, жители настолько достаточны, что имѣютъ возможность оказывать гостепріимство. Я попросилъ поселянина дать мнѣ пообѣдать за деньги. Онъ предложилъ мнѣ снятого молока и грубаго хлѣба изъ гречневой муки, сказавъ, что не имѣлъ ничего лучше. Я выпилъ это молоко съ наслажденіемъ и съѣлъ хлѣбъ съ соломой и всѣми прочими веществами, находившимися въ немъ, но все это было не особенно подкрѣпительно для человѣка, изнемогавшаго отъ усталости. Хозяинъ, осматривавшій меня съ ногъ до головы, убѣдился въ справедливости моего разсказа по аппетиту, съ которымъ я ѣлъ. Затѣмъ, сказавъ, что видитъ очень хорошо, что я честный молодой человѣкъ [1]) и не выдамъ его, онъ приподнялъ доску въ полу комнаты, смежной съ кухнею, спустился по лѣстницѣ и тотчасъ же воз-

---

[1]) Вѣроятно, у меня не было еще тогда такой физіономіи, какою меня снабжали впослѣдствіи на моихъ портретахъ.

вратился на верхъ, неся хорошій черный ржаной хлѣбъ, окорокъ очень аппетитной ветчины, хотя уже и початый, и бутылку вина, видъ которой развеселилъ мое сердце болѣе всего остального: къ этому присоединилась довольно солидная яичница, и я пообѣдалъ съ такимъ наслажденіемъ, какое можетъ испытать только путникъ-пѣшеходъ. Когда дѣло дошло до расплаты, на моего хозяина снова напали страхъ и безпокойство. Онъ не хотѣлъ брать съ меня денегъ и отталкивалъ ихъ съ необычайнымъ смущеніемъ; всего смѣшнѣе было то, что я никакъ не могъ догадаться, съ какой-стати на него напалъ такой страхъ. Наконецъ онъ съ трепетомъ произнесъ ужасныя слова: акцизные надсмотрщики и сборщики податей. Онъ далъ мнѣ понять, что пряталъ свое вино, боясь поборовъ, пряталъ хлѣбъ, боясь налоговъ, и что если только кто-нибудь догадается, что онъ не умираетъ съ голода, то онъ человѣкъ пропащій. Все, сказанное по этому поводу и о чемъ я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, произвело на меня навсегда неизгладимое впечатлѣніе. Здѣсь-то былъ положенъ зародышъ неукротимой ненависти, развившейся впослѣдствіи въ моемъ сердцѣ, къ притѣсненіямъ, испытываемымъ несчастнымъ народомъ и къ его притѣснителямъ. Этотъ человѣкъ, хотя и достаточный, не смѣлъ ѣсть заработанный имъ въ потѣ лица хлѣбъ, и могъ избавиться отъ полнѣйшаго разоренія только высказывая бѣдность, равную той, которая его окружала. Возмущенный и растроганный оставилъ я его домъ, оплакивая участь этой прекрасной страны, которой природа расточила свои дары только для того, чтобъ сдѣлать ихъ добычею варваровъ—чиновниковъ.

Вотъ единственное ясное воспоминаніе, оставшееся во мнѣ отъ того, что случилось со мною во время этого путешествія. Помню еще, что приближаясь къ Ліону, я хотѣлъ продлить свой путь, чтобъ посмотрѣть на берега Линьонскаго озера: изъ числа романовъ, прочитанныхъ мною съ моимъ отцомъ, «Астрея» не была забыта мной и она-то болѣе и чаще другихъ приходила мнѣ на умъ. Я спросилъ, какъ пройти въ Форе; хозяйка трактира, разговаривавшая со мною, сказала между прочимъ, что это прекрасная страна, представляющая много рессурсовъ для рабочихъ, что въ ней много кузницъ, на которыхъ хорошо выдѣлываются желѣзные товары. Эта похвала вдругъ охладила мое романическое любопытство и я не счелъ нужнымъ искать Діанъ и Сильвандровъ среди кузнецовъ. Добрая женщина, ободрявшая меня такимъ образамъ, вѣроятно приняла меня за какого нибудь слесарнаго подмастерья.

Я отправился въ Ліонъ не совсѣмъ безъ цѣли. Прійдя туда, я отправился въ Шазоттъ повидаться съ мадмуазель дю-Шатле, подругой г-жи де-Варенсъ, и къ которой маменька дала мнѣ письмо, когда я пришелъ къ ней съ Леметромъ: такимъ образомъ знакомство было уже

прежде сдѣлано. Мадмуазель дю-Шатле сказала мнѣ, что дѣйствительно ея подруга была проѣздомъ въ Ліонѣ, но она не знала, поѣдетъ-ли госпожа де-Варенсъ въ Пьемонтъ, да и этой послѣдней было также неизвѣстно при отъѣздѣ останется-ли она въ Савойѣ или нѣтъ; мадмуазель дю-Шатле прибавила, что если я хочу, то она можетъ написать къ ней и получить отъ нея извѣстіе, и что лучше всего было бы для меня ждать отвѣта въ Ліонѣ. Я принялъ ея предложеніе; но не смѣлъ сказать мадмуазель дю-Шатле, какъ необходимо было для меня поскорѣе получить отвѣтъ, тѣмъ болѣе, что кошелекъ мой истощился, и я не былъ въ состояніи ожидать долго. Меня удерживало не то, что она меня дурно приняла, напротивъ, она обошлась со мною очень ласково и какъ съ равнымъ себѣ; но это самое и отнимало у меня смѣлость признаться ей въ моемъ бѣдственномъ положеніи и отказаться отъ роли человѣка порядочнаго, для того чтобъ стать на степень несчастнаго нищаго.

Мнѣ кажется, что я вижу довольно ясно послѣдствія всего того, о чемъ говорено въ этой книгѣ. Между тѣмъ мнѣ какъ будто помнится въ тотъ же самый промежутокъ времени другая поѣзка въ Ліонъ, времени которой я не могу означить и въ продолженіе которой я уже находился въ очень стѣснительномъ положеніи . . . .

Воспоминаніе о бѣдственномъ положеніи, въ которомъ я находился въ этомъ городѣ, тоже не мало содѣйствуетъ дурному впечатлѣнію, вынесенному мною изъ него. Если бы я былъ созданъ, какъ другіе, если бы у меня была способность должать и брать взаймы въ харчевнѣ, я могъ бы легко выпутаться изъ затрудненій; но въ этомъ отношеніи мое неумѣнье равнялось моему отвращенію; чтобъ вообразить себѣ, до какой степени простиралось то и другое, достаточно знать, что хотя я провелъ почти всю свою жизнь въ бѣдности и часто нуждался въ кускѣ насущнаго хлѣба, но ни разу не случалось, чтобъ какой нибудь кредиторъ требовалъ у меня отдачи долга, безъ того, чтобъ я не платилъ ему въ ту же минуту. У меня никогда не было настоятельныхъ долговъ и мнѣ казалось всегда лучше подвергаться лишеніямъ, чѣмъ быть должнымъ.

Разумѣется, не мало было горя проводить ночь подъ открытымъ небомъ, а это мнѣ часто случалось испытывать въ Ліонѣ. Я разсчитывалъ, что лучше заплатить нѣсколько изъ оставшихся у меня су за кусокъ хлѣба, чѣмъ за ночлегъ, потому что во всякомъ случаѣ я меньше рисковалъ умереть отъ безсонницы, чѣмъ отъ голода. Удивительно то, что въ такомъ ужасномъ положеніи я не былъ ни встревоженъ, ни печаленъ. Я совсѣмъ не заботился о будущемъ и терпѣливо ждалъ извѣстія, которое должна была получить мадмуазель дю-Шатле, ночуя гдѣ приходилось, на чистомъ воздухѣ, на голой землѣ или скамейкѣ такъ

же спокойно, какъ на постели изъ розъ. Помню даже, какъ однажды я провелъ чудеснѣйшую ночь внѣ города, на дорогѣ, шедшей по берегу Роны или Соны, не помню, которой изъ двухъ. Сады, въ видѣ террасъ, окаймляли дорогу съ противоположной стороны. Въ тотъ день было очень жарко; вечеръ былъ прелестный, роса спустилась на засохшую траву; наступила тихая, безвѣтренная ночь; воздухъ былъ свѣжъ, но не холоденъ; солнце, закатившись, оставило на небѣ красноватыя, дымныя полосы; вода, отражая ихъ, принимала розоватые оттѣнки: деревья на террасѣ были усѣяны соловьями, перекликавшимися другъ съ другомъ. Я ходилъ въ какомъ-то экстазѣ, наслаждаясь всѣми чувствами своими и всѣмъ сердцемъ и вздыхалъ только изрѣдка о томъ, что наслаждался всѣмъ этимъ одинъ. Погруженный въ сладкую задумчивость, я до поздней ночи продлилъ свою прогулку, не замѣчая усталости. Наконецъ я почувствовалъ ее. Я съ нѣгой протянулся на окраинѣ какой-то ниши или глухой двери, углубленной въ стѣнѣ террасы; балдахиномъ мнѣ служили вершины деревьевъ; соловей пѣлъ прямо надо мною, я уснулъ подъ звуки его пѣсни; сонъ мой былъ безмятеженъ, пробужденіе еще безмятежнѣе. Былъ свѣтлый день: глаза мои, раскрывшись, увидѣли воду, зелень, восхитительный пейзажъ. Я всталъ, отряхнулся, почувствовалъ голодъ и весело пошелъ въ городъ, рѣшившись истратить оставшіеся у меня двѣнадцать су на хорошій завтракъ. Я былъ въ такомъ хорошемъ расположеніи духа, что пѣлъ во все время дороги; даже помню, что пѣлъ кантату Батистена, «Бани въ Томери», выученную мною наизусть. Будь благословенъ добрый Батистенъ и его милая кантата, доставившіе мнѣ лучшій завтракъ, чѣмъ я разсчитывалъ, и еще лучшій обѣдъ, на который я совсѣмъ не разсчитывалъ! Въ самомъ разгарѣ ходьбы и пѣнія, я слышу, кто-то идетъ за мной: оборачиваюсь и вижу антонинскаго монаха, который казалось съ удовольствіемъ слушалъ меня. Онъ подходитъ ко мнѣ, кланяется и спрашиваетъ: знаю-ли я музыку? Я отвѣчаю: *немножко*, давая этимъ разумѣть, что знаю много. Онъ продолжаетъ распрашивать, я ему разсказываю кое-что изъ своихъ приключеній. Онъ спрашиваетъ, переписывалъ-ли я когда-нибудь ноты.—Часто, отвѣчаю я.—Ну, такъ пойдемте со мной—говоритъ онъ—я могу дать вамъ занятіе на нѣсколько дней; въ это время у васъ ни въ чемъ не будетъ недостатка,—только бы вы согласились не выходить изъ комнаты. Я согласился съ большой охотой и послѣдовалъ за нимъ.

Этого антонинскаго монаха звали г. Ролишономъ: онъ любилъ музыку зналъ ее и участвовалъ въ маленькихъ концертахъ, вмѣстѣ съ своими друзьями. Это было очень невинное и честное препровожденіе времени; но вѣроятно наклонность къ нему превращалась въ неудержи-

мую страсть и онъ долженъ былъ отчасти скрывать ее. Онъ провелъ меня въ маленькую комнату, гдѣ я нашелъ много переписанныхъ имъ нотъ. Онъ далъ мнѣ для переписки другія ноты, и прежде всего спѣтую мною кантату, которую черезъ нѣсколько дней онъ долженъ былъ самъ пѣть. Я провелъ три или четыре дня въ переписываніи и занимался этимъ все время, когда не ѣлъ, потому что никогда въ жизни я еще не былъ такъ голоденъ и не ѣлъ, такъ хорошо. Онъ самъ приносилъ мнѣ изъ общей кухни кушанья; должно быть монахи ѣли хорошо, если ихъ кушанья были такія же, какъ и приносившіяся мнѣ. Никогда не ѣлъ я съ такимъ удовольствіемъ; признаюсь, это угощеніе пришлось очень кстати, потому что я былъ сухъ какъ щепка. Я работалъ почти съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ ѣлъ, а это не пустякъ. Правда, я переписывалъ не столько правильно, сколько прилежно. Спустя нѣсколько дней, г. Ролишонъ, встрѣтивъ меня на улицѣ, сказалъ, что переписанная мною музыка оказалась неудобоисполнимою, такъ много было въ нотахъ вставокъ, упущеній и перемѣнъ. Должно признаться, что я впослѣдствіи избралъ занятіе, къ которому наименѣе всего былъ способенъ, не потому, чтобъ мой почеркъ былъ дуренъ или я копировалъ не отчетливо; но скука, происходящая отъ усидчиво-долгаго труда, такъ сильно внушаетъ мнѣ страсть къ развлеченію, что большую часть времени я провожу не за перепискою нотъ, а за мараньемъ бумаги, и если не обращу самаго тщательнаго вниманія на соотвѣтственность всѣхъ частей, переписываемыхъ мною, то навѣрное ихъ невозможно будетъ исполнить. Поэтому, желая сдѣлать хорошо, я сдѣлалъ очень дурно, и съ цѣлью исполнить все поскорѣе, перепуталъ ноты. Впрочемъ это не помѣшало г. Ролишону до конца обходиться со мной хорошо и при уходѣ моемъ дать мнѣ одинъ экю, котораго я совсѣмъ не заслужилъ, но который пришелся мнѣ очень кстати. Нѣсколько дней спустя, я получилъ извѣстія отъ маменьки, которая была въ Шамбери, а также и деньги на проѣздъ къ ней. Я тотчасъ же съ восторгомъ отправился въ путь. Съ тѣхъ поръ мои финансы часто находились въ дурномъ положеніи, но никогда не были на столько скудны, чтобъ заставить меня голодать. Я говорю объ этомъ времени съ сердцемъ, цѣнящимъ заботы провидѣнія. Тогда я въ послѣдній разъ въ жизни испыталъ голодъ и бѣдность.

Я оставался въ Ліонѣ еще семь или восемъ дней, ожидая исполненія порученій, данныхъ маменькою мадмуазель дю-Шатле. Въ теченіе этого времени я видался съ послѣднею гораздо чаще прежняго; мнѣ было пріятно говорить съ нею о ея подругѣ. Мадмуазель дю-Шатле не была ни хороша собою, ни молода, но обладала граціею; была ласкова и обходительна, и ея умъ придавалъ этимъ качествамъ еще болѣе цѣны. Она любила выводить нравственныя правила изъ наблюденій надъ

жизнью, а это самое заставляло ее изучать людей; и она-то первая внушила мнѣ туже самую наклонность. Ей нравились романы Лесажа и особенно «Жиль-Блазъ»: она говорила мнѣ о немъ и одолжила его прочесть; я прочелъ съ удовольствіемъ; но еще не былъ подготовленъ къ чтенію такого рода, мнѣ надобны были романы, гдѣ описывались великія страсти. Такимъ образомъ я проводилъ время у мадмуазель дю-Шатле съ удовольствіемъ и пользой, и безъ сомнѣнія, занимательныя и умныя бесѣды достойной женщины, болѣе способны развить умъ молодого человѣка, чѣмъ вся напыщенная книжная философія. Я познакомился съ другими обитательницами монастыря и ихъ подругами, между прочимъ съ одною молодою дѣвушкою лѣтъ четырнадцати, мадмуазель де-Серръ, на которую я не обратилъ тогда большого вниманія, но къ которой пристрастился лѣтъ восемь или девять спустя,—и совершенно основательно, потому что она была прелестная дѣвушка.

Весь преданный ожиданію увидѣть вскорѣ мою милую маменьку, я отчасти далъ отдыхъ своимъ химерамъ, и дѣйствительное счастіе, которое ожидало меня, избавило меня отъ желанія искать его въ воздушныхъ замкахъ. Я находилъ не только ее, но подлѣ нея и съ ея помощью безмятежное положеніе; она писала, что нашла мнѣ занятіе, которое, какъ она надѣялась, могло подходить ко мнѣ, не разлучая насъ обоихъ. Я терялся въ догадкахъ, какого рода могло быть это занятіе и дѣйствительно надо было отгадывать, чтобъ узнать вполнѣ вѣрно. У меня было довольно денегъ, съ помощію которыхъ я могъ удобно совершить свое путешествіе. Мадмуазель дю-Шатле хотѣла, чтобъ я нанялъ лошадь; я не могъ на это согласиться и былъ правъ; я лишился бы удовольствія совершить въ послѣдній разъ въ жизни путешествіе пѣшкомъ, потому что не могу назвать такими путешествіями прогулки, которыя я дѣлалъ въ сосѣднія мѣстности въ то время, когда жилъ въ Мотье.

Удивительно, что никогда такъ пріятно не волнуется мое воображеніе, какъ въ то время, когда мое положеніе наименѣе пріятно; и на оборотъ,—когда все веселится и смѣется вокругъ меня, оно настроено на гораздо менѣе веселый ладъ. Мой упрямый умъ не можетъ подчиняться окружающимъ внѣшнимъ предметамъ: онъ не хочетъ украшать ихъ, онъ хочетъ создавать. Дѣйствительные предметы отражаются въ немъ по большей мѣрѣ такими, каковы они на самомъ дѣлѣ; украшать онъ умѣетъ только предметы воображаемые. Если я хочу представить весну, то необходимо, чтобъ меня окружала зима; если хочу описать красивый видъ, долженъ сидѣть въ четырехъ стѣнахъ; я сто разъ говорилъ, что если бы попалъ когда нибудь въ Бастилію, то изобразилъ бы тамъ

картину свободы. Оставляя Ліонъ, я воображалъ себѣ только хорошее будущее: я былъ также доволенъ въ этомъ случаѣ, — и имѣлъ на это полное право,—какъ былъ мало доволенъ, когда отправлялся изъ Парижа. Между тѣмъ, во время моего путешествія, я не предавался тѣмъ прелестнымъ мечтамъ, какія преслѣдовали меня во время прежняго путешествія. Мое сердце было спокойно—вотъ и все. Я съ умиленіемъ приближался къ минутѣ свиданія съ моею прелестною подругою. Я заранѣе предвкушалъ, но безъ упоенія, удовольствіе жить близъ нея, я всегда былъ къ этому подготовленъ; со мною какъ будто и не случалось ничего новаго. Я безпокоился о томъ, что буду дѣлать, какъ будто въ этомъ было что нибудь способное внушить безпокойство. Мои мысли были кротки и нѣжны, не восторженны и не упоительны. Окружающіе предметы поражали мой взоръ; я обращалъ вниманіе на разные пейзажи, смотрѣлъ на деревья, дома, рѣчки, останавливался на перекресткахъ дороги; боялся заблудиться и однако не заблудился. Словомъ, я былъ уже не въ эмпиреяхъ, я былъ тамъ, гдѣ былъ, или куда шелъ, но нигдѣ не былъ дальше.

Разсказывая о своихъ путешествіяхъ, я какъ будто совершаю ихъ: никакъ не могу дойдти до конца. Сердце билось во мнѣ отъ радости, когда я приближался къ дому милой маменьки, но я не шелъ отъ этого скорѣе. Я люблю идти не торопясь и останавливаться когда мнѣ угодно. Бродячая жизнь мнѣ по сердцу. Идти пѣшкомъ, при отличной погодѣ, въ прекрасной странѣ, нисколько не спѣша, и видѣть въ концѣ пріятный предметъ, — вотъ образъ жизни, который болѣе всего мнѣ нравится. Впрочемъ, уже извѣстно, что я разумѣю подъ словами прекрасная страна. Какъ бы ни была прекрасна равнина, она никогда не покажется прекрасною на мои глаза. Мнѣ нужны водопады, скалы, сосны, густой, черный лѣсъ, горы, дороги съ рытвинами, по которымъ надо спускаться и подниматься, по сторонамъ пропасти, которыя наводили бы на меня страхъ. Я испыталъ это удовольствіе, и испыталъ его во всей прелести, приближаясь къ Шамбери. Не далеко отъ обрывистой горы, называемой Pas de l'Échelle, подъ большою дорогою, высѣченною въ скалѣ, въ мѣстности Шайль, маленькая рѣчка бѣжитъ и кипитъ въ ужасной пропасти, которую она какъ бы вырывала въ теченіе тысячи столѣтій. Для предотвращенія несчастій, дорогу окаймили перилами; такимъ образомъ я вдоволь могъ насмотрѣться на пропасть и не падать отъ головокруженія; въ моей страсти къ обрывамъ въ особенности забавно то, что такія мѣста всегда наводятъ на меня головокруженіе, а я его очень люблю, лишь бы въ это время я стоялъ въ безопасномъ мѣстѣ. Твердо опершись на перила, вытягивая шею, я оставался такъ по цѣлымъ часамъ; время отъ времени мелькали передо мною бѣлая пѣна

и синяя вода, ревъ которой я слышалъ среди криковъ воронъ и хищныхъ птицъ, перелетавшихъ со скалы на скалу и съ кустарника на кустарникъ, въ ста саженяхъ ниже меня. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ склонъ горы былъ довольно гладокъ и кустарникъ на столько рѣдокъ, что не могъ задерживать паденіе камней, я отправлялся за ними, далеко въ сторону, притаскивалъ по возможности самые большіе и складывалъ ихъ въ кучу на перила; потомъ, бросая ихъ одинъ за другимъ, съ наслажденіемъ смотрѣлъ, какъ они катились, прыгали и разбивались на тысячи дребезговъ прежде, чѣмъ достигали дна пропасти.

Ближе къ Шамбери, я увидѣлъ совершенно противоположное зрѣлище. Дорога идетъ у подножія чудеснѣйшаго водопада, какой я встрѣчалъ когда либо въ жизни, гора до такой степени обрывиста, что вода падаетъ съ нея прямо въ видѣ арки, и пространство внизу между водопадомъ и скалою на столько обширно, что иногда можно пройти на немъ, не будучи измоченнымъ; но если не принять предосторожностей, то можно легко промокнуть, — что случилось со мною. Вслѣдствіе необычайной вышины скалы, вода раздробляется и падаетъ пылью, и если слишкомъ приблизишься къ этому водяному облаку, сперва не замѣчая, что мокнешь, то въ ту же минуту вода обдаетъ со всѣхъ сторонъ. Наконецъ пріѣзжаю, опять вижу ее. Она была не одна. Г. главный интендантъ находился у нея въ ту минуту, какъ я вошелъ. Не говоря ни слова со мной, она беретъ меня за руку и представляетъ ему съ той граціей, которая заставляла привязываться къ ней всѣ сердца.— Вотъ онъ, милостивый государь,—говоритъ она—этотъ бѣдный молодой человѣкъ: удостойте его вашего покровительства до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ его достоенъ,—и я больше не буду безпокоиться за него до самой его смерти. Потомъ, обратившись ко мнѣ, сказала: — Дитя мое, ты принадлежишь королю; поблагодари г-на интенданта, который даетъ тебѣ кусокъ хлѣба. Я смотрѣлъ во всѣ глаза, не говоря ни слова, не зная даже, что думать: возникающее честолюбіе едва не вскружило мнѣ головы и я чуть не сталъ корчить изъ себя маленькаго интенданта. Моя участь оказалась не столь блестящей, какъ я воображалъ ее себѣ по этому началу; но въ настоящее время этого было довольно, чтобъ жить, а для меня это значило очень много. Вотъ въ чемъ было дѣло:

Король Викторъ-Амедей, разсудивъ по исходу прежнихъ войнъ и по положенію древняго родового наслѣдства своихъ предковъ, что оно когда нибудь ускользнетъ отъ него, старался только его растратить. За нѣсколько лѣтъ до того времени, о которомъ я разсказываю, рѣшивъ обложить все дворянство податями, онъ повелѣлъ сдѣлать всеобщую расцѣнку имѣній въ государствѣ, чтобъ во время дѣйствительнаго налога можно было распредѣлить его съ большей справедливостью. Этотъ трудъ,

начатый въ царствованіе отца, былъ оконченъ въ царствованіе сына. Двѣсти или триста землемѣровъ, которыхъ называли геометрами, и писарей, которыхъ называли секретарями, были употреблены на эту работу, и въ число этихъ-то послѣднихъ маменька записала меня. Это мѣсто, не будучи особенно доходнымъ, давало средства жить въ томъ краю на большую ногу. Бѣда состояла въ томъ, что эта должность была лишь временная; впрочемъ, она давала возможность искать и выжидать, и маменька изъ предусмотрительности старалась добиться для меня особеннаго покровительства интенданта, чтобъ я могъ перейти на какое нибудь болѣе прочное мѣсто, когда настоящее упразднится.

Я вступилъ въ должность чрезъ нѣсколько дней по своемъ пріѣздѣ. Работа была совсѣмъ не трудная, и я скоро освоился съ ней. Такъ послѣ четырехъ или пяти лѣтъ поѣздокъ, глупостей и страданій со времени моего отъѣзда изъ Женевы, я началъ въ первый разъ добывать себѣ хлѣбъ честнымъ образомъ.

Эти длинныя подробности о моей первой молодости покажутся очень ребяческими, и мнѣ это очень досадно; несмотря на то, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ я былъ взрослымъ человѣкомъ, во многихъ другихъ долго оставался ребенкомъ и до сихъ поръ еще ребенокъ. Я не обѣщалъ представить публикѣ великую личность: я обѣщалъ выставить себя такимъ, каковъ я на самомъ дѣлѣ, и чтобъ узнать меня въ преклонныхъ лѣтахъ, надобно хорошо узнать въ молодости. Такъ какъ вообще предметы дѣлаютъ на меня меньше впечатлѣнія, нежели воспоминанія о нихъ, и такъ какъ всѣ мои идеи представляются въ образахъ, то первыя черты, которыя врѣзались въ моей головѣ, остались въ ней, а тѣ, которыя запечатлѣлись въ ней впослѣдствіи, скорѣе слились съ первыми, чѣмъ изгладили ихъ. Есть извѣстная послѣдовательность въ чувствахъ и идеяхъ, измѣняющихъ чувства и идеи, слѣдующія за ними, и для того, чтобы вѣрно судить о вторыхъ, надобно знать первыя. Я стараюсь вездѣ хорошенько развить первыя причины, дать лучше понять связь результатовъ. Я желалъ бы имѣть возможность нѣкоторымъ образомъ сдѣлать мою душу прозрачною предъ глазами читателя, и для этого стараюсь показывать ему ее со всѣхъ сторонъ, освѣщать насквозь, поступать такъ, чтобъ отъ читателя не ускользнуло ни одно его движеніе, чтобъ онъ могъ самъ обсудить тѣ начала, которыя ихъ производятъ.

Еслибъ я взялъ на себя обязанность выводить результаты и сказалъ бы читателю: вотъ каковъ мой характеръ,—то онъ, если бы и не подумалъ, что я его обманываю, могъ бы предположить, что я обманываю самого себя; но сообщая ему подробно и въ простотѣ сердца все, что случалось со мной, что я дѣлалъ, что я думалъ, что чувствовалъ, я не могу ввести его въ заблужденіе, развѣ только самъ захочу этого; да

и въ этомъ послѣднемъ случаѣ мнѣ было бы не легко достигнуть своей цѣли при помощи такихъ средствъ.

Дѣло читателя—соединить эти элементы и опредѣлить существо, которое изъ нихъ составилось; выводъ результата долженъ быть его дѣломъ, а если онъ ошибется, то будетъ самъ виноватъ въ этомъ. Для всего этого недостаточно, чтобъ мои разсказы были вѣрны, надобно тоже, чтобъ они были точны. Не мнѣ судить о важности фактовъ; я долженъ сообщить ихъ всѣ и предоставить выборъ на произволъ читателя. Вотъ о чемъ я старался до сихъ поръ, на сколько доставало у меня духа, я не потеряю этой бодрости и впослѣдствіи. Но воспоминанія среднихъ лѣтъ всегда менѣе живы, чѣмъ воспоминанія первой молодости. Я началъ тѣмъ, что воспользовался этими послѣдними, какъ только могъ лучше. Если другія воспоминанія придутъ ко мнѣ съ такой же силой, то нетерпѣливые читатели, быть можетъ, соскучатся; но я, — я не буду недоволенъ своимъ трудомъ. Только одного я могу бояться въ этомъ предпріятіи, боюсь не того чтобы сказать слишкомъ много или неправду, но боюсь не высказать всего и умолчать истину.

КНИГА ПЯТАЯ.

—1732—1736.—Я пріѣхалъ, какъ выше сказано, въ Шамбери и поступилъ на королевскую службу по кадастру, кажется, въ 1732 году. Мнѣ уже исполнилось двадцать лѣтъ, я былъ тогда почти двадцати одного года. Умъ мой былъ довольно развитъ для моего возраста, но разсудку было очень далеко до полнаго развитія, и я очень нуждался въ руководствѣ тѣхъ людей, въ чьи руки попалъ, чтобъ научиться какъ вести себя. Нѣсколько лѣтъ опытности не могли еще исцѣлить меня радикально отъ моихъ романическихъ бредней; и не смотря на всѣ бѣдствія, претерпѣнныя мною, я зналъ свѣтъ и людей также мало, какъ будто не поплатился ничѣмъ за это знаніе.

Я помѣстился у себя, то есть, у маменьки, но теперь у меня уже не было такой комнаты, какую я занималъ въ Анесси. Не было больше ни сада, ни ручья, ни пейзажа. Домъ, въ которомъ мы жили, былъ мраченъ и унылъ, а моя комната самая мрачная и самая печальная въ домѣ. Передъ глазами стѣна, вмѣсто улицы—глухой переулокъ, мало воздуха, мало свѣта, мало пространства, сверчки, крысы, гнилые полы; все это не придавало особеннаго веселья жилью. Но за то я былъ у маменьки, подлѣ нея; постоянно сидя за письменнымъ столомъ или въ ея

комнатѣ, я мало замѣчалъ невзрачность моей комнаты; у меня не было времени думать объ этомъ. Покажется страннымъ, что маменька поселилась въ Шамбери нарочно затѣмъ, чтобы жить въ этомъ гадкомъ домѣ; съ ея стороны это было даже ловкою выдумкой, о которой я не долженъ умолчать. Она ѣхала въ Туринъ съ отвращеніемъ, хорошо зная, что послѣ недавнихъ революцій и при волненіи, которымъ былъ еще полонъ дворъ, ей не время было представляться къ нему. Между тѣмъ, ея дѣла требовали, чтобъ король видѣлъ ее по временамъ; она боялась, что иначе ее забудутъ или повредятъ ей. Она знала въ особенности, что графъ де-Сенъ-Лоранъ, главноуправляющій финансами, не благоволилъ къ ней. У него былъ въ Шамбери домъ, старый, дурно выстроенный и въ такомъ худомъ положеніи, что вѣчно оставался пустымъ: она наняла его и поселилась тамъ. Это ей помогло лучше, чѣмъ самая поѣздка; ее не лишили пенсіи и съ тѣхъ поръ графъ де-Сенъ-Лоранъ былъ всегда въ числѣ ея друзей.

Я нашелъ ея хозяйство почти въ томъ же видѣ, какъ прежде, и при ней все того-же вѣрнаго Клода Анè. Онъ былъ, какъ я, кажется, уже говорилъ, поселянинъ изъ Мутрю, въ дѣтствѣ собиралъ на Юрѣ травы, изъ которыхъ выдѣлывается швейцарскій чай, и былъ взятъ ею въ услуженіе изъ-за его знанія лекарственныхъ травъ, такъ какъ она находила удобнымъ имѣть лакеемъ гербариста. Онъ такъ пристрастился къ изученію растеній, и она такъ способствовала развитію его склонности, что онъ сдѣлался настоящимъ ботаникомъ, и еслибъ не умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, то составилъ бы себѣ такую же извѣстность въ наукѣ, какой заслуживалъ среди честныхъ людей. Такъ какъ онъ былъ серьезенъ, даже степененъ, а я моложе его, то онъ сдѣлался для меня чѣмъ-то въ родѣ гувернера и спасъ меня отъ многихъ сумасбродствъ, потому что я питалъ къ нему уваженіе и не смѣлъ забываться передъ нимъ. Онъ имѣлъ вліяніе даже на самую госпожу, которая знала его здравый умъ, его прямоту, его непоколебимую привязанность къ ней и платила ему тѣмъ же. Клодъ Анè былъ безспорно рѣдкій человѣкъ и единственный въ своемъ родѣ, какого я когда либо видѣлъ. Тихій, основательный, разсудительный, осторожный, холодный въ пріемахъ, лаконическій и поучительный въ рѣчахъ, онъ имѣлъ такія неукротимыя страсти, что пылкость, которая впрочемъ никогда не выказывалась, внутренно пожирала его и довела его въ жизни только до одной, но тѣмъ не менѣе страшной глупости: онъ отравился. Эта трагическая сцена произошла вскорѣ послѣ моего пріѣзда; она дала мнѣ возможность узнать о короткихъ отношеніяхъ, существовавшихъ между этимъ человѣкомъ и его госпожею, потому что еслибъ послѣдняя не сказала мнѣ сама объ этихъ отношеніяхъ, я никогда не подозрѣвалъ бы ихъ. Конечно,

если привязанность, усердіе и вѣрность могутъ заслуживать подобную награду, то она слѣдовала ему; доказательствомъ тому, что онъ былъ достоинъ ея, служитъ то, что онъ никогда не злоупотреблялъ ею. У нихъ рѣдко бывали ссоры и всегда онѣ оканчивались хорошо. Вышла однакожъ одна, кончившаяся дурно: его госпожа сказала ему въ сердцахъ оскорбительное слово, котораго онъ не могъ переварить. Онъ послѣдовалъ внушеніямъ только своего отчаянія, и найдя подъ рукой сткляночку съ опіумомъ, проглотилъ его, потомъ легъ спокойно спать, съ надеждой никогда не проснуться. Къ счастію, г-жа де-Варенсъ, сама разстроенная и взволнованная, бродя изъ комнаты въ комнату, нашла пустую склянку и угадала истину. Бросившись къ нему на помощь, она начала громко кричать. Когда я прибѣжалъ на крикъ, она призналась мнѣ во всемъ, умоляла о помощи и съ большимъ трудомъ добилась наконецъ, что его вырвало. Будучи свидѣтелемъ этой сцены, я удивлялся своей простотѣ въ томъ отношеніи, что никогда не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія о существовавшихъ между ними отношеніяхъ. Но Клодъ Анѐ былъ до того скроменъ, что люди и болѣе меня проницательные могли бы легко ошибиться. Ихъ примиреніе было такого рода, что я былъ сильно растроганъ имъ; и съ той поры почувствовавъ къ Анѐ, кромѣ уваженія, почтительность, сдѣлался нѣкоторымъ образомъ его воспитанникомъ и не чувствовалъ себя отъ того хуже.

Я узналъ однакожъ не безъ огорченія, что былъ человѣкъ, который могъ жить съ ней въ большей интимности, чѣмъ я. Я даже и не думалъ желать для себя этого мѣста; но мнѣ было тяжело видѣть, что оно занято другимъ; это было очень естественно. Впрочемъ, вмѣсто чувства отвращенія къ тому, кто перебилъ у меня дорогу, я дѣйствительно ощущалъ, какъ распространялась на него привязанность, которую я питалъ къ ней. Прежде всего я желалъ, чтобъ она была счастлива; а такъ какъ она для своего счастія нуждалась въ немъ, то я былъ доволенъ, что онъ тоже счастливъ. Съ своей стороны онъ совершенно раздѣлялъ взглядъ своей госпожи и искренно полюбилъ друга, котораго она себѣ избрала. Нисколько не выказывая власти, которую его положеніе могло бы доставить ему надо мной, онъ естественно подчинилъ меня той власти, которую давала ему его опытность надъ моею. Я не смѣлъ сдѣлать ничего такого, чего бы онъ повидимому не одобрилъ, а не одобрялъ онъ лишь того, что было дурно. Такъ жили мы въ согласіи, которое всѣхъ насъ дѣлало счастливыми и которое одна смерть могла разрушить. Однимъ изъ доказательствъ превосходства характера этой милой женщины служитъ то, что всѣ, любившіе ее, любили другъ друга. Ревность, даже соперничество уступали преобладающему чувству, которое она внушала, и никогда я не видѣлъ, чтобъ кто либо изъ окру-

жавшихъ ее пожелалъ зла другому. Пусть мои читатели, прочтя эту похвалу, на минуту отложатъ книгу и если, подумавъ о томъ, что я сказалъ, они найдутъ другую женщину, о которой могли бы сказать тоже самое, то пусть привяжутся къ ней ради спокойствія всей своей жизни, если бы даже она была послѣднею изъ непотребныхъ женщинъ.

Здѣсь начинается, съ моего пріѣзда въ Шамбери и до отъѣзда въ Парижъ въ 1741 году, осьми или дѣвятилѣтній промежутокъ, во все время котораго было мало происшествій, стоющихъ разсказа, потому что жизнь моя шла также просто, какъ пріятно; и это однообразіе было именно то, въ чемъ я всего болѣе нуждался для окончательнаго развитія своего характера, который, вслѣдствіе постоянныхъ треволненій, не могъ до сихъ поръ установиться. Въ этотъ-то драгоцѣнный періодъ мое безалаберное и непослѣдовательное воспитаніе, окрѣпнувъ, сдѣлало меня тѣмъ, чѣмъ я никогда не переставалъ быть среди ожидавшихъ меня невзгодъ. Этотъ прогрессъ совершился незамѣтно, медленно и заявилъ себя немногими памятными событіями; однако онъ заслуживаетъ изслѣдованія и разбора.

Сначала я не занимался ничѣмъ, кромѣ своей работы; занятія по службѣ не позволяли мнѣ думать ни о чемъ другомъ. Немногіе свободные часы я проводилъ подлѣ доброй маменьки; такъ какъ я не имѣлъ даже время читать, то чтеніе не приходило мнѣ и на мысль. Когда же моя работа, почти превратившись въ рутину, стала меньше занимать мою голову, умъ пришелъ снова въ безпокойное состояніе и чтеніе опять сдѣлалось для меня необходимостью. Будь эта склонность постоянно раздражаема препятствіями, — она снова обратилась бы въ страсть, какъ у моего учителя, еслибъ другія склонности, помѣшавъ ея развитію, не отвлекли меня.

Хотя для нашихъ вычисленій не требовалось очень высокихъ свѣдѣній въ математикѣ, однакожъ они требовались на столько, что я иногда приходилъ въ затрудненіе. Для преодолѣнія этой трудности, я накупилъ ариѳметическихъ книгъ и хорошо изучалъ ариѳметику, потому что учился одинъ. Практическая ариѳметика простирается далѣе, нежели думаютъ, когда хочешь соблюсти совершенную точность. Есть вычисленія чрезвычайно длинныя, въ которыхъ, какъ случалось мнѣ видѣть, запутывались хорошія геометры. Помощью разсужденія, соединеннаго съ навыкомъ, выработываются ясныя идеи, и тогда находились сокращенные способы, изобрѣтеніе которыхъ льститъ самолюбію, точность которыхъ удовлетворяетъ умъ и которые заставляютъ съ удовольствіемъ заниматься работой, самой по себѣ не благодарною. Я до того углубился въ нее, что не было вопроса, разрѣшаемаго однѣми цифрами, который затруднялъ бы меня, и теперь когда все, что я зналъ, изглаживается съ каждымъ днемъ

изъ моей памяти, эти пріобрѣтенныя познанія отчасти остаются въ ней послѣ тридцатилѣтняго промежутка. Нѣсколько дней тому назадъ, во время поѣздки въ Дэвенпортъ, присутствуя разъ при урокѣ изъ ариѳметики дѣтямъ моего хозяина, я сдѣлалъ безъ ошибки и съ неимовѣрнымъ удовольствіемъ одно изъ сложнѣйшихъ вычисленій. Въ это время мнѣ казалось, я нахожусь еще въ Шамбери въ свою блаженную пору. Это значило возвратиться издалека.

Раскраска плановъ нашими геометрами снова возбудила во мнѣ охоту къ рисованію. Я накупилъ красокъ и принялся за цвѣты и пейзажи. Жаль, что я нашелъ въ себѣ мало способностей къ живописи, за охотой не стало бы дѣло. Я готовъ былъ проводить цѣлые мѣсяцы безвыходно, среди своихъ карандашей и кистей. Я слишкомъ начиналъ привязываться къ этому занятію, такъ что были принуждены отрывать меня отъ него. Такъ бываетъ всегда со всѣми моими наклонностями, когда я начну имъ предаваться; онѣ усиливаются въ страсть и вскорѣ кромѣ забавы, которая занимаетъ меня, я ничего больше не вижу въ мірѣ. Годы не излечили меня отъ этого недостатка, даже не уменьшили его; и теперь, когда я пишу это, во мнѣ, старомъ болтунѣ, живетъ страсть къ другой безполезной наукѣ, въ которой я ничего не понимаю [1]), и которую даже люди, пристрастившіеся къ ней въ молодости, принуждены оставить въ тѣхъ лѣтахъ, въ которыхъ я хочу начать ее изучать.

Въ то время, о которомъ я разсказываю, занятіе этой наукой пришлось бы совершенно кстати. Случай былъ прекрасный, и у меня было нѣкоторое поползновеніе воспользоваться имъ. Довольство, которое я видѣлъ въ глазахъ Анѐ, когда онъ возвращался съ ношею свѣжихъ растеній, побуждало меня раза два, три идти собирать съ нимъ травы. Я почти увѣренъ, что еслибъ пошелъ съ нимъ хоть одинъ разъ, то пристрастился бы къ этому занятію и быть можетъ былъ бы въ настоящее время великимъ ботаникомъ, потому что не знаю ни одной науки въ мірѣ, которая лучше ея совпадала-бы съ моими природными склонностями; а жизнь, которую я уже десять лѣтъ веду въ деревнѣ, не что иное какъ постоянное собираніе травъ, правда, безцѣльное и безполезное; но такъ какъ въ то время я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о ботаникѣ, то получилъ къ ней нѣчто въ родѣ презрѣнія и даже отвращенія; я смотрѣлъ на нее какъ на занятіе, годное только для аптекаря. Сама мменька, любившая ее, не дѣлала изъ нея иного употребленія. Она искала только растенія, входившія въ составъ лекарствъ. И такъ ботаника, химія и анатомія, смѣшавшись въ моемъ умѣ подъ именемъ медицины, служили лишь къ тому, что цѣлый день давали поводъ къ смѣшнымъ сарказмамъ

[1]) Ботаника.

на мой счеть и навлекали на меня по временамъ пощечины. Къ тому же совсѣмъ иная склонность, черезъ чуръ противоположная этой, постепенно возрастала и вскорѣ поглотила всѣ другія; я говорю о музыкѣ. Должно быть, я родился именно для этого искусства, потому что полюбилъ его съ самаго дѣтства, и оно единственное, которое я никогда не переставалъ любить. Странно однакожъ, что мнѣ стоило такъ много труда выучиться искусству, для котораго родился, и что въ немъ я дѣлалъ такіе медленные успѣхи, что послѣ практики, длившейся во всю жизнь, никогда не могъ добиться умѣнья пѣть вѣрно все безъ подготовки. Въ то время изученіе музыки было для меня особенно пріятно потому, что я могъ заниматься ею вмѣстѣ съ маменькой. Въ другихъ отношеніяхъ мы имѣли совершенно различныя наклонности, но музыка была для насъ точкою соединенія, и я любилъ этимъ пользоваться .Маменька не отказывалась отъ занятій музыкою; въ то время я зналъ почти столько же, сколько она, и мы разбирали ноты съ двухъ или трехъ разъ. Иногда, видя какъ она хлопотала въ кухнѣ у печки, я говорилъ ей: — маменька, вотъ прелестный дуэтъ, который можетъ заставить пригорѣть всѣ ваши лекарственныя снадобья. — Клянусь честію — говорила она — если они подгорять по твоей милости, я заставлю тебя ихъ съѣсть. Продолжая спорить, я тащилъ ее къ фортепіано; за нимъ все забывалось; можжевеловый или полынный экстрактъ оказывался пригорѣвшимъ, она пачкала мнѣ имъ лицо, и все это было восхитительно.

Какъ читатели видятъ, для короткихъ часовъ свободнаго времени у меня было множество вещей, которыми я могъ бы заняться. Нашлось однакожъ и еще одно развлеченіе, отъ котораго выиграли и всѣ прочія.

Мы занимали такую душную тюрьму, что необходимо было иногда подышать чистымъ воздухомъ. Анѐ уговорилъ маменьку нанять въ предмѣстіи садъ, чтобы насадить въ немъ растеній. Къ этому саду примыкалъ довольно хорошенькій загородный домикъ, который меблировали по указанію; въ немъ поставили кровать. Мы часто ѣздили туда обѣдать, а я иногда ночевалъ тамъ. Нечувствительно пристрастился я къ этому скромному убѣжищу; я перетащилъ туда нѣсколько книгъ и много картинъ; проводилъ часть времени въ украшеніи его и приготовленіи для маменьки какого нибудь пріятнаго сюрприза, когда она приходила туда погулять. Я оставлялъ ее затѣмъ, чтобъ здѣсь заняться ею, чтобъ думать о ней съ бо́льшимъ удовольствіемъ: это другая прихоть, которой я не извиняю и не обвиняю, но въ которой признаюсь, потому что такъ было въ дѣйствительности. Я помню, какъ однажды госпожа де-Люксамбургъ разсказывала мнѣ съ насмѣшкой, что одинъ человѣкъ уходилъ отъ своей любовницы, чтобъ писать къ ней письма. Я сказалъ ей, что и я могъ бы поступать такъ какъ этотъ человѣкъ, и имѣлъ полное право

прибавить, что на самомъ дѣлѣ поступалъ такъ иногда. Впрочемъ, близь маменьки, я никогда не ощущалъ необходимости оставлять ее для того, чтобъ еще болѣе любить; наединѣ съ нею, мнѣ было также легко какъ наединѣ съ самимъ собою, а этого никогда со мной не случалось, когда я былъ съ кѣмъ нибудь другимъ, съ мужчиною-ли, или женщиною, и какъ бы ни была сильна моя привязанность къ нимъ. Но маменька такъ часто находилась въ обществѣ, и притомъ людей, очень мало подходящихъ ко мнѣ, что досада и скука прогоняли меня въ мое убѣжище, гдѣ я обладалъ ею, какъ хотѣлъ, не боясь преслѣдованій докучливыхъ людей.

Между тѣмъ какъ мое время проходило въ работѣ, удовольствіяхъ и ученіи, и я жилъ въ самомъ блаженномъ спокойствіи, — Европа не была такъ спокойна, какъ я. Франція и императоръ объявили другъ другу войну: сардинскій король принялъ участіе въ спорѣ, и французская армія пробиралась въ Пьемонтъ съ цѣлью занять миланскую область. Одна часть этой арміи прошла чрезъ Шамбери, и между прочимъ полкъ провинціи Шампаньи, котораго командиромъ былъ герцогъ де-ла-Тримуйль. Я былъ представленъ ему, онъ надавалъ мнѣ множество обѣщаній и, безъ сомнѣнія, никогда потомъ о мнѣ и не вспомнилъ. Нашъ маленькій садикъ былъ расположенъ въ верхней части предмѣстья, чрезъ которое входили войска, такъ что я вполнѣ насытился зрѣлищемъ этихъ солдатъ, и искренно желалъ имъ успѣха въ войнѣ, точно она могла сильно занимать меня. До тѣхъ поръ я ни разу не размышлялъ о дѣлахъ общественныхъ; теперь въ первый разъ я сталъ читать газеты, но съ такимъ пристрастіемъ къ Франціи, что сердце мое билось отъ радости при вѣстяхъ о малѣйшихъ успѣхахъ французовъ, а неудача ихъ оружія огорчала меня такъ сильно, какъ будто обрушивалась на самого меня. Если бы эта причуда была только временна, я не сталъ бы о ней и говорить; но она до такой степени, безъ всякаго основанія, вкоренилась въ моемъ сердце, что когда впослѣдствіи въ Парижѣ я сдѣлался противникомъ деспотизма и гордымъ республиканцемъ, то и тогда, на зло самому себѣ, отдавалъ тайное предпочтеніе этому народу, котораго находилъ рабскимъ, и правительству, которое осуждалъ. Смѣшно было то, что стыдясь подобнаго увлеченія, противнаго моимъ принципамъ, я не смѣлъ никому въ немъ признаться; я смѣялся надъ французами за ихъ неудачи, а въ это самое время мое сердце обливалось кровью больше, чѣмъ ихъ собственныя сердца. Навѣрное, я представлялъ единственный примѣръ человѣка, который, живя среди націи, которая обращалась съ нимъ такъ хорошо и которую онъ такъ обожалъ, дѣлалъ видъ, что презираетъ ее. Наконецъ, это увлеченіе сдѣлалось такимъ безкорыстнымъ съ моей стороны, такимъ сильнымъ, постояннымъ, непобѣдимымъ, что даже и тогда, когда я покинулъ это государство, когда

правительство, чиновники, писатели наперерывъ другъ передъ другомъ набросились на меня, когда вошло въ моду осыпать меня несправедливостями и оскорбленіями, — и тогда я не могъ вылечиться отъ моего безумія. Я люблю французовъ, вопреки самого себя, несмотря на то, что они дурно со мною обращаются.

Долгое время искалъ я причину такого пристрастія и могъ найдти ее только въ томъ обстоятельствѣ, которое породило это чувство. Возраставшая страсть къ литературѣ поселяла во мнѣ привязанность къ французскимъ книгамъ, къ авторамъ этихъ книгъ, къ отечеству этихъ авторовъ. Въ ту минуту, когда проходила передъ моими глазами французская армія, я читалъ «Великихъ Полководцевъ» Брантома. Голова моя была полна Клиссонами, Баярдами, Лотреками, Колиньи, Монморанси, де-ла-Тримуйль, и я полюбилъ ихъ потомковъ, какъ наслѣдниковъ ихъ заслугъ и храбрости. При видѣ каждаго проходившаго полка, мнѣ казалось, что я вижу тѣ знаменитые черные отряды, которые когда-то совершили столько подвиговъ въ Пьемонтѣ. Наконецъ, я примѣнялъ къ тому, что видѣлъ, мысли, почерпнутыя изъ книгъ: постоянное чтеніе книгъ, вышедшихъ изъ среды одной и той-же націи, поддерживало мою привязанность къ ней и внушило мнѣ слѣпую страсть, которую ничто не могло преодолѣть. Впослѣдствіи, во время моихъ путешествій, я имѣлъ случай замѣтить, что эта страсть не была именно моею особенностью. Дѣйствуя болѣе или менѣе въ каждой странѣ на ту часть населенія, которая любитъ чтеніе и занимается словесностью, она противодѣйствовала общей ненависти возбуждаемой заносчивымъ видомъ французовъ. Романы, болѣе чѣмъ люди, привязываютъ къ французамъ женщинъ всѣхъ странъ; ихъ лучшія драматическія произведенія пристращаютъ молодыхъ людей къ театру. Извѣстность парижскаго театра привлекаетъ туда толпы иностранцевъ, выходящихъ изъ него съ восхищеніемъ. Наконецъ изящный вкусъ въ ихъ литературѣ подчиняетъ имъ умы всѣхъ, обладающихъ такимъ вкусомъ, и во время войны, оконченной такъ неуспѣшно, я видѣлъ, какъ ихъ писатели и философы поддерживали славу французскаго имени, помраченную французскими воинами.

И такъ я былъ пылкимъ французомъ, и это самое сдѣлало меня собирателемъ новостей. Я ходилъ на площадь съ толпою зѣвакъ ожидать прибытія курьеровъ; глупѣе осла басни я очень безпокоился на счетъ того, какого хозяина сѣдло я буду имѣть честь носить, — такъ какъ тогда предполагали, что мы будемъ принадлежать Франціи, а Савойю мѣняли на Миланскую область. Впрочемъ должно согласиться, что я имѣлъ нѣсколько поводовъ опасаться; если бы война не поблагопріятствовала союзникамъ, маменька, пожалуй лишилась бы своей пенсіи. Но я вполнѣ полагался на моихъ добрыхъ друзей; и на самомъ дѣлѣ, не смотря на

удивленіе г. де-Брольи, не ошибся, благодаря сардинскому королю, о которомъ я и не думалъ.

Въ то самое время, какъ въ Италіи дрались, во Франціи пѣли. Оперы Рамо начали пріобрѣтать извѣстность и поддержали его теоретическія сочиненія, которыя по своей запутанности были доступны пониманію немногихъ. Случайно я услыхалъ о его «Трактатѣ о Гармоніи», и не успокоился до тѣхъ поръ, пока не пріобрѣлъ этой книги. Точно также случайно я заболѣлъ. Болѣзнь имѣла воспалительный характеръ; она была сильна и кратковременна, но выздоровленіе шло очень долго и я цѣлый мѣсяцъ не былъ въ состояніи выходить изъ дома. Въ это время я началъ пожирать «Трактатъ о Гармоніи»; но это сочиненіе было длинно, многословно, дурно составлено, и я чувствовалъ, что мнѣ придется долго разбирать и изучать его. Я на время прекратилъ изученіе теоріи и отдыхалъ на практическихъ занятіяхъ музыкою. Кантаты Бернье, служившія мнѣ упражненіемъ, не выходили у меня изъ головы. Я выучилъ пять или шесть изъ нихъ наизусть, между прочимъ кантату «Спящіе Амуры», которой я съ тѣхъ поръ не видалъ и которую знаю и теперь почти всю, точно также какъ кантату «Амуръ, ужаленный пчелою», очень милое произведеніе Клерамбо, выученное мною почти около того же времени.

Для моего окончательнаго образованія пріѣхалъ изъ Val'-d'Aost молодой органистъ, аббатъ Пале, добрый человѣкъ и хорошій музыкантъ, искусно аккомпанировавшій на клавикордахъ. Я съ нимъ познакомился; мы стали неразлучны. Онъ былъ ученикъ одного итальянскаго монаха, знаменитаго органиста. Онъ разсказывалъ мнѣ о теоріи своего учителя, я сравнивалъ ее съ теоріею Рамо, наполнялъ свою голову аккомпаниментами, аккордами, гармоніею. Ко всему этому надо было пріучить ухо. Я предложилъ маменькѣ устраивать разъ въ мѣсяцъ маленькіе концерты; она согласилась. И вотъ я до такой степени весь предался мысли объ этихъ концертахъ, что ни днемъ, ни ночью, не могъ ничѣмъ другимъ заниматься. И дѣйствительно, меня сильно занимали хлопоты о томъ, какъ собирать ноты, участвующихъ лицъ, инструменты, раздавать партитуры и т. п. Маменька пѣла, о. Катонъ, о которомъ я уже говорилъ и буду говорить, тоже пѣлъ; учитель танцованія, Рошъ, и его сынъ играли на скрипкѣ; Канава, пьемонтскій музыкантъ, занимавшійся по кадастру и впослѣдствіи женившійся въ Парижѣ, игралъ на віолончели; аббатъ Пале аккомпанировалъ на клавикордахъ, а я имѣлъ честь дирижировать оркестромъ, не забывая своей деревянной палочки. Можно вообразить, какъ все это было прекрасно! не совсѣмъ такъ, какъ у г. Трейторана, но не далеко отъ того.

Маленькіе концерты у г-жи де-Варенсъ, женщины новообращенной и жившей, какъ говорили, милостями короля, заставляя ворчать весь

сонмъ ханжей; но для многихъ порядочныхъ людей эти концерты представляли пріятное препровожденіе времени. Никогда не угадаютъ, кого въ этомъ случаѣ я ставлю во главѣ ихъ всѣхъ: монаха, но монаха—человѣка достойнаго, даже любезнаго, котораго бѣдствія меня очень тронули впослѣдствіи и память о которомъ, связанная съ воспоминаніемъ о моихъ прекрасныхъ дняхъ, до сихъ поръ мнѣ дорога. Дѣло идетъ объ о. Катонѣ, капуцинѣ, который, вмѣстѣ съ графомъ Дортаномъ, велѣлъ конфисковать въ Ліонѣ ноты бѣднаго *маленькаго котенка;* а это одинъ не изъ лучшихъ его поступковъ. Онъ былъ баккалавръ Сорбонны; жилъ долгое время въ Парижѣ въ самомъ большомъ свѣтѣ и въ особенности хорошо втерся къ маркизу д'Антремону, бывшему посланникомъ Сардиніи. Онъ былъ высокъ ростомъ, хорошо сложенъ, съ полнымъ лицомъ, глазами на выкатѣ, черными волосами, отъ природы вившимися вокругъ лба, съ видомъ благороднымъ, открытымъ и скромнымъ. Пріемы его были просты и хороши, въ нихъ не было ни ханжества или наглости монаховъ, ни ловкой удали свѣтскаго человѣка, напротивъ того, въ немъ все обнаруживало увѣренность порядочнаго человѣка, который, не стыдясь своей одежды, уважаетъ самого себя и чувствуетъ всегда себя на своемъ мѣстѣ въ кругу порядочныхъ людей. Хотя о. Кантонъ и не имѣлъ достаточно знаній для доктора богословія, но былъ очень ученъ для свѣтскаго человѣка; не торопясь выказывать эти знанія при всякомъ случаѣ, онъ такъ кстати умѣлъ ими пользоваться, что отъ этого они пріобрѣтали еще болѣе цѣны. Проживъ долгое время въ обществѣ, онъ болѣе пристрастился къ талантамъ, доставляющимъ удовольствіе, нежели къ серьезному знанію. Онъ былъ уменъ, писалъ стихи, хорошо говорилъ, пѣлъ еще лучше, имѣлъ прекрасный голосъ, игралъ на органѣ и клавикордахъ. Этого было даже слишкомъ много, чтобъ успѣвать въ свѣтѣ; оно такъ и вышло на самомъ дѣлѣ. Но при этомъ онъ такъ мало пренебрегалъ обязанностями своего званія, что не смотря на старанія многихъ завистливыхъ конкурентовъ, былъ избранъ въ помощники провинціальному генералу своего ордена.

Этотъ о. Катонъ познакомился съ маменькою у маркиза д'Антремона. Онъ слышалъ о нашихъ концертахъ и хотѣлъ принять въ нихъ участіе; желаніе его исполнилось, и при его содѣйствіи наши концерты сдѣлались блестящими. Мы скоро сошлись съ нимъ, вслѣдствіе нашего обоюднаго расположенія къ музыкѣ, которое у того и у другаго было настоящею страстію, съ тою только разницею, что онъ былъ истинный музыкантъ, а я бумагомарака. Мы ходили съ Канава и аббатомъ Пале играть въ его комнату, а по праздникамъ играли иногда и на его органѣ. Мы часто оставались у него обѣдать, такъ какъ ко многимъ удивительнымъ особенностямъ его присоединилось еще то, что онъ, будучи монахомъ,

былъ вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкомъ великодушнымъ, гостепріимнымъ и чувственнымъ безъ грубости. Въ тѣ дни, когда бывали концерты, онъ ужиналъ у маменьки. Эти ужины были очень веселы, очень пріятны: тутъ говорились остроумныя вещи, пѣлись дуэты; я былъ какъ у себя дома, уменъ и забавенъ; о. Катонъ былъ прелестенъ, восхитителенъ; аббатъ Пале, съ своимъ бычачьимъ голосомъ, служилъ намъ всѣмъ предметомъ для шутокъ. Счастливыя мгновенія шаловливой молодости, какъ давно вы пролетѣли!

Такъ какъ мнѣ уже болѣе не придется говорить о бѣдномъ о. Катонѣ, то я и окончу здѣсь въ двухъ словахъ его печальную исторію. Другіе монахи, завидуя его достоинствамъ, или скорѣе, приходя отъ нихъ въ бѣшенство, види его изящный образъ жизни, въ которомъ не было и слѣда монастырской грязи, возненавидѣли его потому, что онъ не былъ такъ ненавистенъ, какъ они сами. Начальники соединились противъ него и взволновали монаховъ, завидовавшихъ его мѣсту, а прежде не осмѣливавшихся даже смотрѣть на него. Ему нанесли множество оскорбленій, отставили отъ мѣста, отняли у него комнату, меблированную имъ со вкусомъ, хотя и просто, засадили Богъ знаетъ куда; наконецъ, эти негодяи до такой степени обижали его, что честная и гордая душа о. Катона, по всей справедливости, не могла долѣе противиться, и этотъ человѣкъ, долгое время бывшій украшеніемъ самыхъ лучшихъ обществъ, наконецъ умеръ съ горя на дрянной постели, въ глубинѣ кеміи или темницы, оплакиваемый всѣми честными людьми, которые только его знали и находили въ немъ единственный недостатокъ, именно то, что онъ былъ монахомъ.

При такомъ образѣ жизни, я черезъ нѣсколько времени довелъ себя до того, что совершенно отдавшись музыкѣ, потерялъ возможность думать о какой бы то ни было другой вещи. Я ходилъ въ должность крайне неохотно; постоянный трудъ и стѣсненіе сдѣлали ее для меня невыносимою, и я наконецъ дошелъ до того, что объявилъ желаніе выйти въ отставку, чтобы совершенно предаваться музыкѣ. Понятно, что это сумасбродство не обошлось безъ споровъ со стороны другихъ. Отказаться отъ порядочнаго мѣста и вѣрнаго дохода, для того чтобы гоняться за ненадежными уроками, казалось маменькѣ слишкомъ нелѣпымъ и не могло ей нравиться. Предполагая даже, что мои будущіе успѣхи и могли достигнуть такой степени, на какую я надѣялся ихъ возвести, все таки мое честолюбіе должно было ограничиться очень немногимъ, если я рѣшался жить скромно жизнію музыканта. Маменька, составлявшая самыя блестящія предположенія на счетъ моей будущности и уже перестававшая вѣрить мнѣнію обо мнѣ г. д'Обонна, очень сожалѣла о томъ, что я серьезно предавался такому занятію и часто повторяла мнѣ извѣстную

пословицу, ходячую въ провинціи и не такъ справедливую въ примѣненіи къ Парижу: *кто хорошо поетъ и хорошо танцуетъ, тотъ занимается ремесломъ, которое недалеко подвинетъ впередъ.* Съ другой стороны, она видѣла, что я увлекаюсь непреодолимою страстью; наклонность къ музыкѣ дѣлалась у меня чѣмъ-то въ родѣ изступленія, и можно было справедливо опасаться, что мои служебныя занятія, отразивъ на себѣ постороннія увлеченія, понудятъ начальство къ исключенію меня изъ службы, такъ что лучше было самому подать въ отставку. Я представлялъ также маменькѣ, что эта должность скоро упразднится, что мнѣ необходимо обладать какимъ нибудь талантомъ, чтобы имѣть возможность жить, что лучше и надежнѣе стараться достигнуть посредствомъ практики того положенія, къ которому влекли меня мои природныя наклонности и которое она сама для меня избрала, чѣмъ поставить себя въ зависимость отъ протекціи другихъ или пытаться заняться чѣмъ нибудь новымъ, что могло бы не удасться, и въ то время, когда я уже перешелъ за возрастъ, годный для ученія, оставить меня безъ всякихъ средствъ къ добыванію насущнаго хлѣба. Наконецъ, я вынудилъ у ней согласіе скорѣе ласками и надоѣдливостью, чѣмъ различными доводами. Я сейчасъ же съ торжествомъ бросился благодарить г. Кончелли, генералъ-директора кадастра, какъ будто бы совершилъ самый геройскій подвигъ, и такимъ образомъ добровольно оставилъ свое мѣсто, безъ всякаго повода, безъ причины, безъ предлога, съ такою же, если не съ большою радостью, съ какою принялъ его около двухъ лѣтъ тому назадъ.

Какъ ни безуменъ былъ этотъ поступокъ, но вслѣдствіе его на меня стали смотрѣть съ нѣкоторымъ уваженіемъ, принесшимъ мнѣ пользу. Они предполагали, что у меня были денежныя средства, которыхъ я на самомъ дѣлѣ не имѣлъ; другіе, видя, что я совершенно предался музыкѣ, судили о моемъ талантѣ на основаніи принесенной мною жертвы, и думали, что такая страсть къ этому искусству должна была быть слѣдствіемъ самаго громаднаго дарованія. На безрыбьи и ракъ и рыба; такъ и я прослылъ за хорошаго учителя, потому что тамъ были только дурные. Впрочемъ, такъ какъ я всетаки смыслилъ кое что въ пѣніи и при этомъ мнѣ благопріятствовали мой возрастъ и моя наружность, то я скоро досталъ себѣ ученицъ больше, чѣмъ мнѣ было нужно, чтобы вознаградить себя за потерю жалованья на службѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что для человѣка, желавшаго наслаждаться жизнію, невозможно было перейти изъ одной крайности въ другую быстрѣе, чѣмъ это сдѣлалъ я. Въ должности, занятой по восьми часовъ въ день самымъ скучнымъ трудомъ въ обществѣ людей, еще болѣе скучныхъ, запертый въ комнатѣ, зараженной дыханіемъ и потомъ всей этой сво-

лочи, большею частію нечесанной и нечистоплотной, я иногда чуть не падалъ въ обморокъ отъ усиленнаго вниманія, отвратительнаго запаха, стѣсненія и скуки. И вмѣсто всего этого вдругъ судьба бросаетъ меня въ высшій свѣтъ, меня принимаютъ, ищутъ моего знакомства въ самыхъ лучшихъ домахъ; повсюду я встрѣчаю ласковый, обходительный пріемъ, милыя, наряженныя дѣвицы ожидаютъ меня и принимаютъ съ полною любезностію; я вижу только прелестные предметы, обоняю запахъ розы и померанцовъ; поютъ, разговариваютъ, смѣются, веселятся; куда бы я ни пришелъ, вездѣ одно и тоже. Всякій согласится, что тутъ нельзя было колебаться въ выборѣ. Поэтому я такъ былъ доволенъ своимъ собственнымъ выборомъ, что никогда не приходилось мнѣ раскаяваться въ немъ, да я не раскаяваюсь и въ настоящую минуту, когда обсуживаю разсудкомъ поступки всей жизни и когда я уже освободился отъ безразсудныхъ побужденій, бывшихъ причиною этихъ поступковъ.

Вотъ почти единственный случай, когда, повинуясь только своимъ собственнымъ влеченіямъ, я не обманулся въ ожиданіяхъ. Ласковый пріемъ, сообщительность и радушіе жителей заставили меня полюбить жизнь въ обществѣ, и эта привязанность послужила мнѣ очень хорошимъ доказательствомъ, что если я не люблю жить въ кругу людей, то въ этомъ виноваты болѣе они, чѣмъ я.

Жаль, что савояры не богаты, или можетъ быть, было бы жаль, если бы они были богаты; въ ихъ настоящемъ положеніи, они самый лучшій и самый общительный народъ, какой я когда либо знавалъ. Если есть гдѣ нибудь на свѣтѣ маленькій городокъ, въ которомъ вкушаешь наслажденія жизни, доставляемыя пріятнымъ и безопаснымъ обществомъ, то это безъ сомнѣнія Шамбери. Дворяне этой провинціи, собирающіеся здѣсь, имѣютъ только самое необходимое для жизни; имъ не на что выйти въ люди, и, не имѣя возможности удовлетворять своему честолюбію, они по неволѣ слѣдуютъ совѣту Кинія. Они посвящаютъ свою молодежь военному званію, потомъ мирно возвращаются подъ домашній кровъ доживать послѣдніе дни. Честь и благоразуміе лежатъ въ основаніи такого рѣшенія. Женщины хороши собою, но могли бы обойтись и безъ этого; у нихъ есть все, что можетъ заставить цѣнить красоту и даже замѣнить ее. Странно, что я, который по своимъ занятіямъ постоянно сталкивался съ молодыми дѣвушками, не помню, чтобы въ Шамбери мнѣ встрѣчалась хоть одна, которя не была бы прелестна во всѣхъ отношеніяхъ. Скажутъ, что я былъ расположенъ находить ихъ такими, и можетъ быть скажутъ правду; но мнѣ не надо было имѣть для того слишкомъ много снисходительности. Въ самомъ дѣлѣ, я не могу безъ удовольствія вспоминать о моихъ молодыхъ ученицахъ. Отчего я не

могу, говоря здѣсь о самыхъ прелестныхъ изъ нихъ, возвратить ихъ, какъ и самого себя, къ тому счастливому времени, когда мы проводили другъ подлѣ друга самыя сладкія и невинныя минуты? Первая изъ изъ этихъ учениць была мадмуазель де-Мелларедъ, моя сосѣдка, сестра ученика г. Гема. Она была рѣзвая, миловидная брюнетка; но ея рѣзвость была ласковая, исполненная граціи, безъ всякой вѣтренности. Она была немножко худощава, какъ большая часть дѣвушекъ ея лѣтъ; но ея блестящихъ глазъ, стройной таліи, привлекательнаго вида было достаточно для того, чтобы она понравилась всѣмъ. Я ходилъ къ ней по утрамъ, и она обыкновенно принимала меня въ дезабилье, съ небрежно причесанными волосами, украшенными цвѣтами, которые она прикладывала предъ моимъ приходомъ и снимала по моемъ уходѣ, чтобъ причесаться какъ слѣдуетъ. Ничего на свѣтѣ не боюсь я такъ сильно, какъ красивой женщины въ дезабилье; я во сто разъ меньше опасаюсь ихъ въ то время, когда онѣ совершенно одѣты. Мадмуазель де-Мантонъ, къ которой я ходилъ послѣ полудня, всегда была наряжена и производила на меня такое же пріятное, хотя и противоположное впечатлѣніе. Ея волосы были пепельнаго цвѣта; она была очень деликатнаго тѣлосложенія, очень робка и очень бѣла; имѣла чистый, правильный и тонкій голосокъ, но не смѣла давать ему полную волю. На груди у нея былъ знакъ, оставшійся отъ обжога кипяткомъ и виднѣвшійся сквозь голубую синелевую косынку. Этотъ знакъ иногда привлекалъ мое вниманіе, которое вскорѣ начало останавливаться не на немъ одномъ. Мадмуазель де-Шалль, другая изъ моихъ сосѣдокъ, была уже вполнѣ сформировавшаяся дѣвушка, высокаго роста, прекрасно сложена и полна; она была хороша собою, не красавица, но всякій могъ бы замѣтить ея грацію, ровный характеръ, доброе сердце. Ея сестра, госпожа де-Шарли, прелестнѣйшая женщина во всемъ Шамбери, болѣе не занималась музыкою; но она нанимала учителей для своей дочери, очень молодой дѣвушки, которой рождающаяся красота обѣщала впослѣдствіи сравняться съ красотою матери, если бы къ несчастію она не имѣла волосъ рыжеватаго цвѣта. Въ числѣ моихъ учениць была тоже одна маленькая француженка, имя которой я позабылъ, но которая достойна занимать мѣсто между моими любимицами. Она привыкла говорить тихо и медленно, на манеръ монахинь, и этимъ протяжнымъ тономъ говорила очень рѣзкія вещи, которыя, казалось, совсѣмъ не шли къ ея виду. Вообще она было лѣнива, не любила выказывать свой умъ, и не многимъ удавалось пользоваться ея благосклонностью въ этомъ отношеніи. Только спустя мѣсяцъ или два, въ теченіе которыхъ я давалъ уроки съ большою небрежностью, она вздумала прибѣгнуть къ этому средству, чтобъ сдѣлать меня болѣе прилежнымъ, потому что я никогда не могъ пріучить

себя къ прилежанію. Мнѣ нравились уроки, когда я давалъ ихъ, но я не любилъ принужденія, не любилъ дѣйствовать по обязанности и ходить въ урочные часы: во всѣхъ отношеніяхъ принужденіе и подчиненность для меня отвратительны; они могутъ заставить меня возненавидѣть самое удовольствіе. Говорятъ, что у магометанъ утромъ, съ появленіемъ зари, по улицамъ ходитъ человѣкъ, приказывающій мужьямъ исполнять свои обязанности въ отношеніи къ ихъ женамъ. Въ эти часы я былъ бы очень плохимъ туркомъ.

У меня было нѣсколько учениць и изъ средняго сословія, и въ томъ числѣ одна, послужившая косвенною причиною перемѣны отношеній, о которыхъ я не могу умолчать, такъ какъ долженъ говорить все. Она была дочь мелочнаго торговца Лара и удивительно походила на греческую статую; призналъ бы ее красивѣйшею дѣвушкою изъ всѣхъ какихъ когда либо видѣлъ, если бы могла существовать истинная красота безъ жизни и души. Ея вялость, холодность, нечувствительность доходили до невѣроятной степени. Нравиться ей и разсердить ее было одинаково невозможно, и я увѣренъ, если бы кто обнаружилъ на нее покушеніе, то она не сопротивлялась бы, не изъ сочувствія, а по глупости. Ея мать, не желавшая подвергаться риску, не оставляла ее одну ни на минуту. Нанявъ молодого учителя пѣнія, она дѣлала все, чтобъ чѣмъ нибудь расшевелить ее, но это не имѣло успѣха. Въ то время, какъ учитель старался оживить ученицу, матушка старалась оживить учителя, но также безуспѣшно. Госпожа Ларъ присоединяла къ своей природной живости всю ту живость, которую должна бы имѣть ея дочь. Это была фигурка съ маленькимъ, живымъ, измятымъ и рябоватымъ лицемъ, съ маленькими блестящими глазами, немножко красноватыми, такъ какъ они постоянно у ней болѣли. Каждое утро, когда я приходилъ, для меня былъ готовъ кофе со сливками; и мать никогда не встрѣчала меня безъ того, чтобъ не наградить звучнымъ поцѣлуемъ въ губы, который, изъ любопытства, я бы не прочь передать дочкѣ, чтобъ посмотрѣть, какъ она приняла бы его. Впрочемъ, все это дѣлалось такъ просто и такъ наивно, что даже въ присутствіи г. Лара заигрыванья и поцѣлуи шли своимъ чередомъ. Онъ былъ добрый простякъ, истинный отецъ, и жена его не обманывала, потому что нисколько въ томъ не нуждалась.

Я подчинился всѣмъ этимъ ласкамъ съ моею обычною мѣшковатостью и преспокойно принималъ ихъ за изъявленіе чистѣйшей дружбы. Иногда, однако, онѣ мнѣ надоѣдали, потому что живая г-жа Ларъ была довольно требовательна; если бы я хоть разъ прошелъ мимо ихъ лавки и не заглянулъ въ нее, не обошлось бы безъ шумныхъ упрековъ. Когда я торопился куда нибудь, то долженъ былъ обходить улицу, въ которой

они жили, очень хорошо зная, что изъ ихъ дома не такъ было легко уйти, какъ попасть въ него.

Госпожа Ларъ слишкомъ занималась мною, и я поэтому не могъ также не заниматься ею. Ея вниманіе очень меня трогало. Я говорилъ о немъ съ маменькою, какъ о вещи, не требующей тайны; да если бы даже и была тайна, я все-таки разсказалъ бы ее, потому что мнѣ невозможно было имѣть отъ маменьки секреты; мое сердце было открыто предъ нею какъ предъ Богомъ. Она взглянула на эти отношенія не такъ просто, какъ я смотрѣлъ на нихъ, нашла желаніе начать любовную интрижку тамъ, гдѣ я видѣлъ одну дружбу, и пришла къ заключенію, что г-жа Ларъ, сдѣлавъ задачею своего самолюбія выпустить меня изъ своихъ рукъ менѣе глупымъ, чѣмъ я былъ, когда попалъ въ нихъ, тѣмъ или другимъ способомъ добьется своей цѣли. По мнѣнію маменьки, было совершенно несправедливо, чтобы другая женщина занялась развитіемъ ея ученика, да и кромѣ этого у нея были болѣе почтенныя причины, побуждавшія ее предохранять меня отъ ловушекъ, которымъ я могъ подвергаться въ моихъ лѣтахъ и въ моемъ положеніи. Въ тоже время мнѣ протянули одну, еще болѣе опасную западню, которой я избѣгнулъ, но которая заставила маменьку понять, что опасности, безпрестанно мнѣ угрожавшія, дѣлали необходимымъ употребленіе всѣхъ предохранительныхъ средствъ, какими она могла располагать.

Графиня Мантонъ, мать одной изъ моихъ ученицъ, была женщина очень умная и слыла очень злою. Говорили, что она была причиною многихъ ссоръ и, между прочимъ, одной размолвки, имѣвшей пагубныя послѣдствія для семейства д'Антремонъ. Маменька на столько была коротка съ нею, что могла знать ея характеръ; совершенно невольно обративъ на себя особенное вниманіе одного лица, на которое г-жа Мантонъ имѣла притязанія, она осталась въ ея глазахъ виновною въ этомъ предпочтеніи, хотя не искала и не приняла его. Г-жа Мантонъ старалась съ тѣхъ поръ всячески вредить ей, но всѣ происки ея остались безъ успѣха. Для образчика, я приведу здѣсь одинъ изъ нихъ, самый комичный. Онѣ были вмѣстѣ на дачѣ съ нѣсколькими сосѣдями, въ числѣ которыхъ находился и упомянутый только что претендентъ. Еще до того г-жа Мантонъ сказала одному изъ этихъ господъ, что г-жа де-Варенсъ женщина жеманная, лишенная хорошаго вкуса, что она дурно одѣвалась и закрывала свою грудь, какъ простая мѣщанка. — Что касается этого послѣдняго пункта — сказалъ одинъ господинъ, большой шутникъ — у ней есть на то свои причины, и я знаю, что на груди у ней отвратительная большая бородавка, до такой степени похожая на крысу, что глядя на нее, можно подумать, что она бѣжитъ. Ненависть, какъ любовь, дѣлаетъ человѣка легковѣрнымъ. Г-жа Мантонъ рѣши-

лась извлечь выгоду изъ этого открытія; и однажды, когда маменька играла въ карты съ неблагодарнымъ любимцемъ графини, эта послѣдняя, улучивъ время, стала сзади своей соперницы, потомъ наклонивъ въ половину ея стулъ, ловко распахнула ея косынку: но, вмѣсто большой крысы, этотъ господинъ увидѣлъ совершенно другое, что было также не легко забыть, какъ и увидѣть. Разумѣется, г-жа Мантонъ не могла остаться довольной.

Я не былъ такою личностью, которая могла бы заинтересовать графиню: она хотѣла быть окруженною только блестящею свитой; однако, она обратила на меня вниманіе, не ради моей наружности, до которой ей, разумѣется, не было никакого дѣла, но ради ума, который во мнѣ предполагали и который могъ быть полезенъ ея наклонностямъ. У нея было довольно сильное расположеніе къ сатирѣ. Она любила сочинять стишки и пѣсенки на людей, которые ей не нравились. Если бы она нашла во мнѣ достаточно дарованія, чтобъ помогать ей писать стихи, и достаточно услужливости, чтобъ писать ихъ для нея, то мы скоро перевернули бы весь Шамбери вверхъ дномъ. Разумѣется, обиженные доискались бы источника этихъ пасквилей; г-жа Мантонъ выпуталась бы изъ хлопотъ, пожертвовавъ мною, и можетъ быть на всю свою остальную жизнь я попалъ бы въ тюрьму за разыгрываніе роли Феба въ дамскомъ обществѣ.

Къ счастью, этого не случилось. Два или три раза г-жа Мантонъ заставила меня разговориться и нашла, что я просто дуракъ. Я и самъ это чувствовалъ и страдалъ, завидуя талантамъ моего друга, Вантюра, между тѣмъ какъ долженъ бы благодарить свою глупость за то, что она предохраняла меня отъ стольких опасностей. Я остался у г-жи Мантонъ учителемъ пѣнія ея дочери, и больше ничѣмъ. Въ Шамбери, во всякомъ случаѣ, это было лучше, чѣмъ быть умнымъ для нея и змѣею для всѣхъ остальныхъ жителей.

Какъ бы то ни было, маменька увидѣла, что для избавленія меня отъ опасностей, угрожавшихъ мнѣ вслѣдствіе моей молодости, настало время обходиться со мною какъ съ взрослымъ человѣкомъ; она такъ и сдѣлала, но употребила для этого такія странныя средства, какихъ въ подобномъ случаѣ не придумала ни одна женщина. Я нашелъ, что она сдѣлалась какъ то серьезнѣе обыкновеннаго и высказывала больше нравственныхъ сентенцій. Шаловливую рѣзвость, которую она примѣшивала обыкновенно къ поученіямъ, внезапно смѣнилъ сдержанный тонъ, ни фамильярный, ни строгій, но который, казалось, былъ подготовленіемъ къ объясненію. Тщетно отыскивая въ самомъ себѣ причину такой перемѣны, я наконецъ спросилъ о ней у маменьки; этого только она и ожидала. Она предложила мнѣ прогулку на слѣдующій день въ

маленькомъ садикѣ: мы пошли туда съ ранняго утра. Она приняла всѣ мѣры предосторожности, чтобъ насъ никто не тревожилъ цѣлый день, и провела его въ томъ, что приготовляла меня къ милости, которую хотѣла оказать мнѣ, не какъ всякая другая женщина, при помощи хитростей и заигрываній, но посредствомъ разговоровъ, исполненныхъ чувства и благоразумія, способныхъ скорѣе поучать меня, чѣмъ соблазнить, находившихъ отголосокъ болѣе въ моемъ сердцѣ, чѣмъ въ чувственности. Между тѣмъ, какъ ни превосходны и полезны были ея рѣчи, я не обратилъ на нихъ такого вниманія, какого онѣ заслуживали, и не напечатлѣлъ ихъ въ своей памяти, какъ сдѣлалъ бы во всякое другое время. Ея приступъ, ея приготовленія вселили въ меня безпокойство: пока она говорила, я, молчаливый и задумчивый противъ своей воли, былъ занятъ болѣе смысломъ ея словъ, чѣмъ желаніемъ узнать, къ чему они клонились, но едва я понялъ ее (что̀ было для меня не легко), какъ новизна этой мысли, ни разу не приходившей мнѣ на умъ съ тѣхъ поръ, какъ я жилъ близъ нея, заняла все мое существо и лишила меня возможности думать о томъ, что она говорила. Я думалъ только о ней и не слушалъ ея.

Тѣ воспитатели, которые, желая возбудить въ молодыхъ людяхъ вниманіе къ тому, что имъ говорятъ, показываютъ имъ въ концѣ поученія интересующую ихъ вещь, поступаютъ крайне безсмысленно, и я самъ не избѣжалъ этой нелѣпости въ моемъ «Эмилѣ». Молодой человѣкъ, пораженный показываемымъ ему предметомъ, занимается имъ однимъ и сразу перескакиваетъ чрезъ ваши вступительныя рѣчи, чтобы скорѣе достигнуть того, къ чему, по его мнѣнію, вы ведете его черезчуръ медленно. Если желаешь, чтобъ молодой человѣкъ былъ внимателенъ, не слѣдуетъ давать ему возможность разгадать себя заранѣе, а въ этомъ то и заключалась неловкость маменьки. Вслѣдствіе особенности, свойственной ея систематическому уму, она изъ-за пустой предосторожности вздумала предъявить свои условія; но едва я понялъ, какою цѣной покупались они, какъ пересталъ даже выслушивать ихъ и поспѣшилъ согласиться на все. Сомнѣваюсь даже, чтобъ въ подобномъ случаѣ нашелся въ свѣтѣ хоть одинъ человѣкъ достаточно искренній или смѣлый, для того чтобъ рѣшиться торговаться, и хоть одна женщина, которая простила бы за такой торгъ. Вслѣдствіе той же самой странности она облекла это условіе въ самыя серьезныя формальности и дала мнѣ на раздумье недѣлю, хотя я притворно увѣрилъ ее, что нисколько въ томъ не нуждаюсь; къ довершенію всѣхъ странностей, я былъ очень доволенъ этимъ срокомъ, до такой степени новизна этихъ мыслей поразила меня, и такъ силенъ былъ переворотъ, происшедшій въ моемъ умѣ и требовавшій времени для приведенія его въ порядокъ.

Каждый пойметъ, что эти восемь дней показались мнѣ восьмью вѣками. Не знаю, какъ описать положеніе, въ которомъ я находился; полный какого-то страха, смѣшаннаго съ нетерпѣніемъ, боясь того, чего желалъ, я иногда доходилъ до того, что серьезно пріискивалъ въ своей головѣ какое нибудь уважительное средство избѣгнуть предстоявшаго мнѣ счастія. Пусть представятъ себѣ мой пылкій и сладострастный темпераментъ, мою разгоряченную кровь, мое сердце, опьянѣлое отъ любви, мою силу, здоровье, мой возрастъ. Пусть подумаютъ, что въ этомъ состояніи сгарая отъ страсти къ женщинамъ, я не обладалъ до сихъ поръ ни одною; что воображеніе, потребность, тщеславіе, любопытство соединились вмѣстѣ для того, чтобъ терзать меня пылкими желаніями сдѣлаться мужчиною и казаться имъ! Пусть прибавятъ въ особенности, (этого не должны забывать), что моя нѣжная и глубокая привязанность къ маменькѣ не только не охладѣвала, но и увеличивалась съ каждымъ днемъ; что мнѣ было хорошо только подлѣ нея; что я разставался съ нею только затѣмъ, чтобъ мечтать о ней; что мое сердце было полно не только ея милымъ обращеніемъ, прелестнымъ характеромъ, но и ея поломъ, наружностью и всѣмъ ея существомъ. И пусть не думаютъ, что разница въ десяти или двѣнадцати годахъ, существовавшая между нами, могла состарить ее или сдѣлать ее старою въ моихъ глазахъ. Пять или шесть лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ при первомъ свиданіи съ нею я ощутилъ сладостный восторгъ,—и она нисколько не перемѣнилась и не казалась мнѣ перемѣнившеюся. Только ея талія пополнѣла. Глаза, цвѣтъ лица, грудь, черты, прелестные бѣлокурые волосы, веселость,—все осталось какъ было, не измѣнился даже голосъ, этотъ серебристый голосъ молодости, который всегда производилъ на меня такое сильное впечатлѣніе, что даже и теперь я не могу безъ волненія слышать звукъ пріятнаго дѣвичьяго голоса.

Думая объ обладаніи этою дорогою женщиною, я, разумѣется, болѣе всего боялся предупредить минуту дѣйствительности и не на столько управлять своими желаніями и своимъ воображеніемъ, чтобъ имѣть возможность владѣть собою. Читатели увидятъ, что въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, отъ одной мысли объ ожидавшихъ меня ничтожныхъ ласкахъ любимой женщины, кровь загоралась во мнѣ такъ сильно, что для меня дѣлалось невозможнымъ безнаказанно уничтожить небольшое разстояніе, отдѣлявшее меня отъ нея. Какимъ же образомъ, при помощи какого чуда, я, въ цвѣтѣ моей молодости, могъ такъ равнодушно ожидать перваго наслажденія? какимъ образомъ, въ эти минуты, я чувствовалъ почти страхъ и отвращеніе? Нѣтъ сомнѣнія, что если бы я могъ прилично уклониться отъ ожидавшаго меня блаженства, то исполнилъ бы это весьма охотно. Въ разсказѣ моей привязанности къ г-жѣ де-Ва-

ренсъ я обѣщалъ выставить разныя странности; вотъ одна изъ нихъ которой конечно никто не ожидалъ.

Возмущенный читатель конечно думаетъ, что такъ какъ ею обладалъ другой человѣкъ, то она унижала себя въ моихъ глазахъ, отдаваясь въ тоже время и мнѣ, и что чувство неуваженія охлаждало прочія чувства, внушенныя ею мнѣ;—но онъ ошибается. Этотъ раздѣлъ дѣйствительно жестоко огорчалъ меня, какъ вслѣдствіе очень естественной деликатности, такъ и потому, что я находилъ его въ самомъ дѣлѣ недостойнымъ и ея и самого себя; но, что касается моихъ чувствъ къ ней, то они не измѣнились отъ этого, и я могу поклясться, что никогда не любилъ ее нѣжнѣе, какъ въ то время, когда такъ мало желалъ обладать ею. Я слишкомъ хорошо зналъ ея цѣломудренное сердце и ледяной темпераментъ и поэтому не могъ предположить хотя на одну минуту, что въ этомъ самоотреченіи принимало участіе чувственное удовольствіе; я совершенно былъ увѣренъ, что только стараніе избавить меня отъ опасностей, почти неизбѣжныхъ и сохранить меня вполнѣ для самого себя и моихъ обязанностей, заставляло ея нарушить свой долгъ, на который она смотрѣла иначе, чѣмъ всѣ другія женщины, что будетъ объяснено далѣе. Я жалѣлъ ее и жалѣлъ себя. Мнѣ хотѣлось бы сказать: нѣтъ, маменька, не нужно; я отвѣчаю за себя и безъ этого. Но я не смѣлъ этого сказать, во первыхъ потому, что эти вещи не говорятся, а во вторыхъ потому, что это неправда и что дѣйствительно только одна женщина могла предохранить меня отъ другихъ женщинъ и отъ соблазна. Не стремясь обладать ею, я былъ очень доволенъ, что она уничтожила во мнѣ всякое желаніе обладать другими,—до такой степени все, что могло отвлечь меня отъ нея, казалось мнѣ несчастіемъ.

Долгая привычка жить вмѣстѣ и жить въ полной невинности не только не охладила мою привязанность къ ней, но еще усилила ее и въ тоже время дала ей другое направленіе, сдѣлавшее ее болѣе нѣжною, болѣе сильною, но менѣе чувственною. Привыкнувъ звать ее маменькой, привыкнувъ обращаться съ нею съ короткостью сына, я сталъ считать себя настоящимъ сыномъ. Полагаю, что въ этомъ и заключалась истинная причина того равнодушія, съ которымъ я ожидалъ обладанія ею, хотя она и была такъ дорога мнѣ. Помню очень хорошо, что мои первыя ощущенія были болѣе сладострастны, хотя менѣе порывисты. Въ Анесси я былъ въ упоеніи, въ Шамбери напротивъ. Я всегда любилъ ее такъ страстно, какъ только можно любить; но любилъ болѣе для нея, чѣмъ для себя, или покрайней мѣрѣ искалъ подлѣ нея скорѣе свое счастье, чѣмъ свое удовольствіе: она была для меня выше сестры, выше матери, выше друга, даже выше любовницы, и именно поэтому

не была любовницей. Словомъ, я любилъ ее слишкомъ сильно для того, чтобы желать ее; вотъ что я сознаю яснѣе всего.

Наконецъ наступилъ этотъ день, котораго я скорѣе опасался, чѣмъ ожидалъ. Я обѣщалъ все—и не солгалъ. Мое сердце подтверждало принятыя мною обязательства, хотя и не желало получить за нихъ награды. Тѣмъ не менѣе я получилъ эту награду. Въ первый разъ въ жизни я увидѣлъ себя въ объятіяхъ женщины и притомъ той, которую обожалъ. Былъ ли я счастливъ? Нѣтъ, я ощущалъ одно удовольствіе. Но не знаю, какая непобѣдимая грусть отравляла все блаженство этой минуты. Два или три раза я обливалъ ея грудь слезами. Что касается ея, она была не печальна и не весела, а только ласкова и спокойна. Такъ какъ въ ней мало было чувственности и она не стремилась къ сладострастію, то она не испытывала его наслажденій и никогда не ощущала угрызеній совѣсти.

Повторяю, всѣ ея ошибки происходили отъ ея заблужденій, но не отъ страстей. Она родилась въ хорошемъ семействѣ, ея сердце было чисто, она любила все честное, ея наклонности были прямодушны и добродѣтельны, вкусъ изященъ; она именно была создана для того, чтобы жить среди деликатныхъ нравовъ, которые ей всегда приходились по сердцу и къ которымъ она никогда не примѣнялась, потому что, вмѣсто того чтобъ слѣдовать внушеніямъ сердца, наводившимъ ее на добро, она повиновалась голосу разума, который велъ ее къ злу. Когда ложныя убѣжденія совращали ее съ пути, ея истинныя чувства всегда противодѣйствовали имъ. Къ несчастію, она старалась выказывать себя философомъ; нравственность, которую она сама создала себѣ, испортила ту, которую внушало ей ея сердце.

Г. Тавель, ея первый любовникъ, былъ ея учителемъ философіи, и принципы, внушенные имъ, были тѣ, которые были нужны ему для того, чтобы соблазнить ее. Видя ее привязанною къ мужу, послушною супружескому долгу, всегда холодною, разсудительною и неподдающеюся на приманки чувственности, онъ сталъ дѣйствовать софизмами и достигъ своей цѣли. Онъ доказалъ ей, что обязанности, которымъ она была такъ предана, были не что иное, какъ болтовня, сочиненная для развитія дѣтей; что соединеніе половъ—актъ самъ по себѣ очень маловажный; что супружеская вѣрность—обязательная форма, нравственный смыслъ который зависитъ только отъ взгляда каждаго; что спокойствіе мужей—единственное правило обязанностей жены; такимъ образомъ по его словамъ выходило, что скрытая невѣрность, ничего незначущая для тѣхъ, кого она можетъ оскорбить, также ничтожна и по отношенію къ собственной совѣсти. Наконецъ, онъ увѣрилъ ее, что сама по себѣ невѣрность рѣшительно ничего не значитъ, что она пріобрѣ-

таетъ значенie только въ случаѣ скандала, и что всякая женщина, которая кажется цѣломудренною для другихъ, чрезъ это самое цѣломудренна на самомъ дѣлѣ. Такимъ-то образомъ этотъ несчастный достигъ своей цѣли, извративъ разсудокъ ребенка, котораго сердца онъ не могъ развратить. Наказанiемъ ему послужила самая неистовая ревность, потому что онъ былъ убѣжденъ, что она обращалась съ нимъ точно также, какъ онъ научилъ ее обращаться съ мужемъ. Не знаю, обманывался онъ, или нѣтъ на этотъ счетъ. Министръ Перре слылъ его преемникомъ. Я знаю только то, что холодный темпераментъ этой женщины, который долженъ бы предохранить ее отъ такого образа дѣйствiй, напротивъ того помѣшалъ ей впослѣдствiи отказаться отъ него. Она не могла понять, какимъ образомъ придавали столько важности тому, что въ ея глазахъ было совершенно ничтожно. Она никогда не рѣшалась почтить названiемъ добродѣтели воздержность, такъ дешево ей стоившую.

Такимъ образомъ она не злоупотребляла бы этимъ ложнымъ принципомъ для самой себя, но злоупотребила имъ въ отношенiи къ другимъ, и это на основанiи другого правила, почти столь же ложнаго, но болѣе согласовавшагося съ добротою ея сердца. Она всегда думала, что ничто такъ сильно ни привязывало мужчину къ женщинѣ, какъ обладанiе, и хотя чувствовала къ друзьямъ своимъ одну только дружбу, но эта дружба была такъ нѣжна, что она употребляла всѣ зависѣвшiя отъ нея средства, чтобы привязать ихъ къ себѣ еще сильнѣе. И удивительная вещь! это удавалось ей почти всегда. Она была такъ истинно любезна, что чѣмъ въ большей короткости жили съ нею, тѣмъ болѣе находили причинъ любить ее. Другая вещь, достойная замѣчанiя, что послѣ своей первой уступки, она награждала полной благосклонностью только несчастныхъ; блестящiе свѣтскiе кавалеры напрасно тратили свой трудъ и время. Но человѣкъ, къ которому она начинала чувствовать жалость, былъ вѣроятно ужъ очень мало привлекателенъ, если въ концѣ она не начинала любить его. Когда она рѣшилась на недостойный выборъ, то дѣлала это нисколько не вслѣдствiе низкихъ наклонностей, никогда не проникавшихъ въ ея благородное сердце, но единственно потому, что имѣла слишкомъ великодушный, слишкомъ человѣчный, слишкомъ сострадательный и слишкомъ чувствительный характеръ и не всегда умѣла управлять имъ какъ бы слѣдовало.

Если нѣкоторыя ложныя убѣжденiя и совратили ее съ настоящаго пути, то какъ много, въ замѣнъ того, было у ней другихъ прекрасныхъ принциповъ, которымъ она всегда оставалась вѣрна! Какъ много рѣдкихъ качествъ выкупали ея слабости,—если только можно дать такое названiе заблужденiямъ, въ которыхъчувственность не играла почти

никакой роли! Этотъ самый человѣкъ, обманувшій ее въ одномъ отношеніи, послужилъ ей превосходнымъ руководителемъ въ тысячѣ другихъ; страсти его, никогда не бывшія особенно неукротимыми, давали ему всегда возможность слѣдить за ея успѣхами, и она дѣйствительно шла впередъ; софизмы не заставляли ее сбиваться съ дороги. Ея побужденія, даже ея ошибки были всегда похвальны; обманывая самое себя, она могла дѣлать зло, но никогда не старалась дѣлать его нарочно. Она ненавидѣла ложь и двуличность, была искренна, справедлива, безпристрастна, человѣчна, держала данное слово, была вѣрна своимъ друзьямъ, своимъ обязанностямъ, когда признавала ихъ обязанностями, была неспособна къ мести и ненависти и даже не могла постигнуть, какая заключалась заслуга въ томъ, чтобы прощать. Наконецъ, возвращаясь къ тому, что въ ней было наименѣе извинительнымъ, прибавлю, что она придавала своей благосклонности менѣе цѣны, чѣмъ слѣдовало, но никогда не дѣлала изъ нея предмета низкой торговли; расточала ее, но не продавала, хотя постоянно нуждалась въ средствахъ къ жизни,— и смѣю сказать, если Сократъ могъ уважать Аспазію, онъ точно также уважалъ бы и г-жу де-Варенсъ.

Знаю заранѣе, что надѣляя ее чувствительнымъ характеромъ и холоднымъ темпераментомъ, я навлекаю на себя обыкновенное и одинаково справедливое обвиненіе въ противорѣчіи самимъ съ собою. Можетъ быть, въ томъ была виновата природа, и это странное смѣшеніе не должно было имѣть мѣста; знаю только, что оно было. Всѣ, знавшіе госпожу де-Варенсъ, а многіе изъ нихъ живы и теперь, знали, что она была именно такова; я смѣю даже прибавить къ этому, что ея единственное удовольствіе состояло въ томъ, чтобы доставлять удовольствіе тѣмъ, кого она любила. Впрочемъ каждый можетъ выводить изъ этого свои заключенія и учено доказывать, что это неправда. Моя обязанность говорить истину, но не заставлять вѣрить въ нее.

Все, только что высказанное мною, я узнавалъ мало-по-малу изъ разговоровъ съ нею, слѣдовавшихъ за нашей связью, и которые одни только дѣлали эту связь восхитительною. Она имѣла право надѣяться, что ея благосклонность принесетъ мнѣ пользу: дѣйствительно она много помогла моему умственному развитію. До тѣхъ поръ она говорила со мной и обо мнѣ одномъ, какъ съ ребенкомъ; теперь стала говорить какъ съ человѣкомъ взрослымъ и притомъ о себѣ. Все, что она говорила, было такъ интересно для меня, я чувствовалъ себя до такой степени тронутымъ, что обращаясь къ самому себѣ, старался извлечь пользу изъ ея признаній еще болѣе, чѣмъ изъ ея уроковъ. Когда чувствуешь, что чужое сердце дѣйствительно говоритъ,—наше собственное раскрывается и воспринимаетъ его изліянія; и никогда мораль педагога не

сравнится съ милою и нѣжною болтовнею умной женщины, къ которой чувствуешь привязанность.

Короткія отношенія, установившіяся между нами, дали ей возможность цѣнить меня выше чѣмъ прежде. Она заключила, что несмотря на неловкость моихъ манеръ, стоило заняться моимъ свѣтскимъ воспитаніемъ, и что если бы когда нибудь я пріобрѣлъ въ свѣтѣ хоть какое-нибудь положеніе, то былъ бы въ состояніи съ успѣхомъ проложить себѣ дорогу. Проникнутая этою мыслью, она старалась не только образовать мой разсудокъ, но и придать лучшій видъ моей наружности, манерамъ, поставить меня на такую ногу, чтобъ меня столько-же любили, сколько и уважали. Если правда, что можно соединить успѣхи въ свѣтѣ съ добродѣтелью (чему я не вѣрю), то, по моему мнѣнію, она избрала для этого единственно—возможный путь. Дѣло въ томъ, что г-жа де-Варенсъ знала людей и вполнѣ обладала искусствомъ обращаться съ ними, не прибѣгая къ лжи и недобросовѣстности, не обманывая и не сердя ихъ. Но это искусство проявилось скорѣе въ ея характерѣ, чѣмъ въ ея урокахъ; она умѣла примѣнять его къ дѣлу, чѣмъ обучать ему другихъ, а я менѣе кого-либо другого былъ способенъ выучиться ему. Поэтому все, что она не предпринимала со мною въ этомъ отношеніи, было почти потеряннымъ трудомъ, точно также, какъ остались безплодными ея заботы выучить меня, при помощи учителей, танцамъ и фехтованью. Несмотря на то, что я былъ проворенъ и хорошо сложенъ, я не могъ выучиться даже танцовать менуэтъ. По причинѣ своихъ мозолей я такъ привыкъ ходить на каблукахъ, что Рошъ никакъ не могъ отучить меня отъ этой привычки, и несмотря на мою видимую ловкость, я не могъ перескочить черезъ небольшой ровъ. Еще хуже дѣйствовалъ я въ фехтовальной залѣ. Послѣ трехмѣсячныхъ упражненій, я все еще фехтовалъ одинъ, не будучи въ состояніи драться съ противникомъ и никогда мои пальцы не были настолько гибки и рука настолько тверда, чтобъ удержать рапиру, когда мой учитель хотѣлъ выбить ее у меня изъ руки. Прибавьте къ тому, что я чувствовалъ смертельное отвращеніе къ этому упражненію и къ учителю, который старался сдѣлать меня въ немъ искуснымъ. Я никогда не подозрѣвалъ, чтобъ можно было до такой степени гордиться искусствомъ убивать людей. Желая принаровить обширность своего генія къ моимъ слабымъ понятіямъ, онъ выражался только сравненіями, заимствованными изъ музыки, которой онъ совершенно не зналъ. Онъ находилъ поразительное сходство между фехтовальными терцами и квартами и музыкальными интервалами, носящими тоже названіе. Намѣреваясь нанести ударъ, называемый feinte, онъ предостерегалъ меня отъ этого *діэза*, потому что въ старину діэзы назывались feintes; выбивая у меня изъ руки рапиру, онъ со смѣ-

хомъ говорилъ, что это была *пауза*. Никогда въ жизни не видывалъ я такого несноснѣйшаго педанта, какъ этотъ бѣднякъ съ его рапирой и нагрудникомъ.

И такъ я оказалъ мало успѣха въ этихъ упражненіяхъ и скоро кинулъ ихъ изъ чистѣйшаго отвращенія; но болѣе успѣлъ въ другомъ, болѣе полезномъ искусствѣ—быть довольнымъ своею участью и не желать лучшей, такъ какъ я начиналъ чувствовать, что къ лучшей я и не рожденъ. Вполнѣ преданный желанію содѣйствовать счастію маменьки, я всегда съ наслажденіемъ проводилъ время близь нея; и когда мнѣ нужно было разставаться съ нею для своихъ музыкальныхъ уроковъ, то я чувствовалъ, несмотря на свою страсть къ музыкѣ, что мои уроки начинали становиться мнѣ въ тягость.

Не знаю, замѣтилъ-ли Клодъ Анѐ короткость нашихъ отношеній. Имѣю поводъ думать, что они не оставались для него тайной. Онъ былъ человѣкъ очень проницательный, но очень скромный, никогда не говорившій противъ своихъ мыслей, но и не всегда высказывавшій ихъ. Онъ ничѣмъ не давалъ мнѣ замѣтить, что знаетъ объ этихъ отношеніяхъ, но его поведеніе доказывало противное. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ образъ дѣйствія ни въ какомъ случаѣ не происходилъ отъ низости его души, но оттого, что вполнѣ раздѣляя принципы своей госпожи, онъ не могъ осуждать ее за то, что она поступала сообразно съ ними. Хотя онъ былъ не старше ея лѣтами, но былъ такъ серьезенъ и солиденъ, что смотрѣлъ на насъ почти какъ на двухъ дѣтей, достойныхъ снисхожденія; а мы оба смотрѣли на него, какъ на человѣка почтеннаго, уваженіе котораго должны были поддерживать. Только послѣ того, какъ она измѣнила ему, я узналъ всю силу привязанности, которую она къ нему чувствовала. Такъ какъ она знала, что я только ею думалъ, ею чувствовалъ, ею дышалъ, то показывала мнѣ свою привязанность къ нему съ цѣлью заставить меня полюбить его точно также; и она менѣе напирала на свою дружбу, чѣмъ на уваженіе къ нему, потому что я могъ раздѣлять послѣднее чувство болѣе всецѣло. Сколько разъ она растрогивала насъ, заставляла обниматься со слезами и говорила намъ, что мы оба были необходимы для счастія ея жизни. Пусть не улыбаются съ хитрою насмѣшкою женщины, которыя прочтутъ эти строки! При ея темпераментѣ, эта необходимость не заключала въ себѣ ничего двусмысленнаго: она проистекала прямо изъ ея сердца.

Такимъ образомъ, изъ насъ троихъ составилось общество—быть можетъ безпримѣрное во всемъ свѣтѣ. Всѣ наши желанія, заботы, сердца—были общія; ничто изъ нихъ не переходило за границы этого маленькаго кружка. Привычка жить исключительно такъ усилилась, что, если во время обѣда одинъ изъ насъ не сидѣлъ за столомъ или прихо-

дилъ кто-нибудь четвертый, все дѣло было испорчено; и несмотря на наши частныя связи, бесѣда вдвоемъ казалась намъ менѣе привлекательною, чѣмъ втроемъ. Въ особенности предохраняло насъ отъ стѣсненія полнѣйшее взаимное довѣріе, а отъ скуки избавляло то обстоятельство, что мы всѣ были очень заняты. Маменька, всегда составлявшая проекты и старавшаяся осуществлять ихъ, не давала ни одному изъ насъ времени быть праздными, а у насъ и съ своей стороны было довольно другихъ занятій. По моему мнѣнію, праздность такая же язва для уединенія, какъ и для общества. Ничто не дѣлаетъ ума болѣе узкимъ, ничто не пораждаетъ болѣе мелочей, сплетенъ, напраслинъ, лжи и разныхъ выдумокъ, какъ жизнь въ четырехъ стѣнахъ, въ тѣсномъ кружкѣ, гдѣ все занятіе ограничивается безпрерывною болтовнею. Когда заняты всѣ, тогда не говорятъ между собою безъ дѣйствительной необходимости; но когда ничего не дѣлаютъ, тогда непремѣнно надо говорить, а это самое неудобное и опасное изъ всевозможныхъ стѣсненій. Я осмѣлюсь даже пойти дальше и утверждаю, что для того, чтобъ сдѣлать извѣстный кружокъ дѣйствительно пріятнымъ, нужно, чтобъ всякій занимался не только чѣмъ нибудь, но непремѣнно дѣломъ, требующимъ хоть какого-нибудь вниманія. Дѣлать бантики—все равно, что ничего не дѣлать, и для того, чтобъ занимать женщину, которая дѣлаетъ бантики, надо употребить ровно столько-же старанія, сколько для той, которая сидитъ, сложа руки. Другое дѣло, когда она шьетъ: тогда она на столько занята, что можетъ наполнить промежутки молчанія. Особенно становится возмутительно и смѣшно, когда въ это время цѣлая дюжина бездѣльниковъ встаютъ, садятся, мечутся изъ угла въ уголъ, приходятъ, перевертываются на одной ножкѣ, переставляютъ двѣсти разъ китайскія куклы на каминѣ и утомляютъ свою Минерву, заставляя ее поддерживать неистощимую болтовню. Славное занятіе! чтобы ни дѣлали эти люди, они всегда будутъ въ тягость себѣ и другимъ. Когда я былъ въ Мотье, то ставилъ силки на дачахъ у своихъ сосѣдокъ; а если бы я возвратился въ общество, то всегда держалъ бы у себя въ карманѣ бильбоке и игралъ бы имъ цѣлый день, чтобъ отдѣлываться отъ разговоровъ въ тѣхъ случаяхъ, когда мнѣ нечего было бы сказать. Если бы каждый дѣлалъ то же самое, люди стали бы добрѣе, ихъ взаимныя отношенія сдѣлались бы надежнѣе и, полагаю, пріятнѣе. Словомъ, пусть смѣются тѣ, кому есть охота, но я утверждаю, что единственная нравственная мораль, доступная нашему времени, есть мораль бильбоке.

Впрочемъ, другіе не давали намъ возможности стараться самимъ объ избѣжаніи скуки. Докучливые посѣтители слишкомъ надоѣдали намъ, для того чтобъ мы могли скучать, когда оставались одни. Досада, которую они возбуждали во мнѣ прежде, не уменьшилась, и вся разница

состояла въ томъ, что теперь у меня было меньше времени предаваться ей. Бѣдная маменька не потеряла своей прежней страсти къ предпріятіямъ и воздушнымъ замкамъ: напротивъ, чѣмъ болѣе тяготѣли надъ нею домашнія нужды, тѣмъ болѣе для удовлетворенія ихъ она предавалась своимъ фантазіямъ; чѣмъ менѣе имѣла дѣйствительныхъ средствъ къ жизни, тѣмъ болѣе выдумывала ихъ въ будущемъ. Лѣта только увеличили въ ней эту манію, и по мѣрѣ того, какъ утрачивалось въ ней расположеніе къ удовольствіямъ свѣта и молодости, она замѣняла ихъ наклонностью къ разнымъ тайнамъ и проектамъ. Въ нашемъ домѣ не выводились шарлатаны, фабриканты, всевозможные изобрѣтатели и антрепренеры, которые на словахъ раздавали милліоны, а на дѣлѣ оканчивали тѣмъ, что нуждались въ одномъ экю. Ни одинъ изъ этихъ людей не выходилъ изъ ея дома съ пустымъ карманомъ; и меня въ особенности удивляло, что она находила такъ долго средства имъ помогать, не истощая источника этихъ средствъ и не выводя изъ терпѣнія своихъ кредиторовъ.

Въ то время, ее занимало особенно одно предпріятіе, не изъ самыхъ, повидимому, безразсудныхъ: она хотѣла устроить въ Шамбери ботаническій садъ и при немъ мѣсто смотрителя съ извѣстнымъ жалованьемъ; заранѣе можно угадать, кому предназначалось это мѣсто. Положеніе города, среди альпійскихъ горъ, очень благопріятствовало ботаническимъ цѣлямъ, и маменька, всегда облегчавшая исполненіе одного предпріятія выдумкою и прибавленіемъ другого, придумала еще устройство аптекарскаго училища, что дѣйствительно могло быть очень полезнымъ въ странѣ, до того бѣдной, что аптекари тамъ почти единственные доктора. Водвореніе въ Шамбери, послѣ смерти короля Виктора, бывшаго придворнаго доктора Гросси могло, по мнѣнію маменьки, очень хорошо содѣйствовать осуществленію ея мысли, а можетъ быть даже и внушило ее. Какъ бы то ни было, она начала поддѣлываться къ Гросси, который впрочемъ не особенно поддавался на ласки; онъ былъ самый язвительный и грубый человѣкъ, какого я когда либо знавалъ. Судить о немъ можно по двумъ или тремъ чертамъ, представленнымъ здѣсь въ видѣ образчика.

Однажды онъ былъ на консультаціи съ другими докторами, и въ томъ числѣ съ однимъ, пріѣхавшимъ нарочно изъ Анесси и бывшимъ домашнимъ докторомъ больного. Этотъ молодой человѣкъ, еще не обладавшій всѣми познаніями, необходимыми для доктора, осмѣлился не согласиться съ г. Гросси. Гросси, вмѣсто всякаго отвѣта, спросилъ его, когда онъ намѣренъ отправиться въ обратный путь, по какой дорогѣ и въ какомъ экипажѣ. Врачъ, удовлетворивъ его любопытству, въ свою очередь спросилъ, не можетъ ли онъ ему быть чѣмъ нибудь полезенъ.—

Ничѣмъ, ничѣмъ,—отвѣчалъ Гросси,—я только хочу, когда вы поѣдите, стать у окна, чтобы имѣть удовольствіе видѣть, какъ оселъ поѣдетъ на лошади. Онъ былъ столько же скупъ, какъ грубъ и богатъ. Однажды одинъ изъ его друзей хотѣлъ занять у него деньги подъ вѣрный залогъ.—Другъ мой!—сказалъ онъ, схвативъ его за руку и скрежеща зубами,—если бы св. Петръ сошелъ съ неба, чтобъ занять у меня десятокъ пистолей, я не далъ бы ему въ займы! Будучи однажды приглашенъ обѣдать къ графу Пикону, губернатору Савойи и большому ханжѣ, онъ пріѣхалъ раньше назначеннаго часа; его сіятельство, который въ это время молился, перебирая четки, предложилъ ему развлечься тѣмъ же самымъ. Не зная, что отвѣчать, онъ скорчилъ ужасную гримасу и сталъ на колѣни; но едва прочелъ онъ раза два «Богородицу», какъ не будучи въ состояніи выдержать, неожиданно вскочилъ, схватилъ свою трость и былъ таковъ. Графъ Пиконъ бѣшитъ за нимъ, крича:—Господинъ Гросси! господинъ Гросси! останьтесь! у меня для васъ жарится на вертѣлѣ отличная куропатка! — Ваше сіятельство, — отвѣчаетъ тотъ оборачиваясь, — изжарьте для меня кого угодно, я и то не останусь. Вотъ каковъ былъ г. докторъ Гросси, котораго маменька рѣшилась сдѣлать ручнымъ,—и сдѣлала. Хотя онъ былъ очень занятъ, но привыкъ ходить къ маменькѣ очень часто, полюбилъ Анѐ, повидимому придавалъ большую цѣну его знаніямъ, говорилъ о немъ съ уваженіемъ и точно также обращался съ нимъ, желая загладить прошлое, чего никакъ нельзя было ожидать отъ такого медвѣдя. Хотя Анѐ теперь уже не считался лакеемъ, однако всѣ знали, что онъ прежде былъ имъ,—и только примѣръ и вліяніе Гросси могли заставить другихъ обращаться съ нимъ такъ, какъ не заставилъ бы ихъ обращаться никто другой.

Клодъ Анѐ былъ всегда въ черномъ платьѣ, хорошо причесанномъ парикѣ, имѣлъ серьезный и приличный видъ, хорошо держалъ себя, былъ довольно свѣдущъ въ медицинѣ, и ботаникѣ, и такъ какъ при всемъ этомъ пользовался благосклонностью декана факультета, то могъ, по всей вѣроятности, надѣяться на должность смотрителя королевскаго сада, если бы осуществился предложенный проектъ. Дѣйствительно, этотъ планъ понравился Гросси, который одобрилъ его и ожидалъ для представленія его двору только заключенія мира, который далъ бы возможность обратить вниманіе на вещи полезныя и позволилъ бы правительству употребить для этой цѣли хоть кое какія деньги.

Но этотъ проектъ, исполненіе котораго навѣрное посвятило бы меня навсегда ботаникѣ, для который я, сколько мнѣ кажется, рожденъ, неудался вслѣдствіе одной изъ тѣхъ неожиданныхъ случайностей, которыя разстроиваютъ самые лучшіе планы. Мнѣ было суждено постепенно дѣлаться примѣромъ человѣческаго злополучія. Какъ будто Провидѣніе,

подвергавшее меня этимъ тяжкимъ испытаніямъ, отстраняло своею рукою все, что могло бы помѣшать мнѣ подвергнуться имъ. Однажды Анѐ отправился по вершинамъ горъ на поиски за однимъ рѣдкимъ растеніемъ, которое встрѣчается только на Альпахъ и въ которомъ нуждался г. Гросси; во время этой экскурсіи бѣдняга такъ разгорячился, что схватилъ воспаленіе подреберной плевы, отъ которой не могло его спасти даже упомянутое растеніе, хотя говорятъ, оно въ этомъ случаѣ самое дѣйствительное лекарство; не смотря на все искусство Гросси, человѣка безспорно очень свѣдущаго, не смотря на безконечныя заботы, которыми его добрая госпожа и я окружали его, онъ скончался на пятый день, на нашихъ рукахъ, послѣ ужасной агоніи, въ теченіе которой только я одинъ утѣшалъ его, и въ моихъ утѣшеніяхъ было столько скорби и нѣжности, что онѣ навѣрное послужили бы ему хоть какимъ нибудь облегченіемъ, если бы онъ могъ ихъ слышать. Вотъ какимъ образомъ лишился я лучшаго друга, какого только имѣлъ въ жизни, почтеннаго и рѣдкаго человѣка, которому природныя качества замѣняли воспитаніе, который въ низкомъ состояніи подчиненности обладалъ добродѣтелями великихъ людей и которому недоставало, можетъ быть, только болѣе продолжительной жизни и лучшаго положенія, чтобъ выказать ихъ вполнѣ предъ людьми.

На другой день, говоря о немъ съ маменькой, полный самой живой и искренней тоски, я вдругъ, среди разговора, возымѣлъ гнусную и недостойную мысль о томъ, что теперь сдѣлался наслѣдникомъ его одежды и мебели, особенно одного красиваго чернаго платья, которое очень приглянулось мнѣ. Я подумалъ, и вслѣдствіе этого высказался, потому что подумать и сказать ей было для меня одно и тоже. Ничто не могло дать ей почувствовать такъ сильно всю тяжесть понесенной потери, какъ эти подлыя и отвратительныя слова, потому что покойникъ обладалъ въ высшей степени безкорыстіемъ и благородствомъ души. Бѣдная женщина, ничего не отвѣтивъ мнѣ, отвернулась отъ меня и заплакала. Милыя и драгоцѣнныя слезы! Онѣ были услышаны и полились прямо мнѣ въ сердце; онѣ смыли въ немъ послѣдніе слѣды низкаго и безчестнаго чувства. Съ тѣхъ поръ оно никогда не вкрадывалось въ мое сердце.

Эта потеря была ощутительна для маменьки столько же въ матеріальномъ отношеніи, сколько и въ нравственномъ. Съ тѣхъ поръ дѣла ея постоянно приходили въ упадокъ. Анѐ былъ человѣкъ вѣрный и аккуратный; онъ поддерживалъ порядокъ въ домѣ своей госпожи. Всѣ боялись надзора, и поэтому было гораздо менѣе воровства. Даже она сама боялась его контроля и воздерживалась отъ расходовъ. Для нея недостаточно было его привязанности, она хотѣла сохранить его уваженіе и опасалась навлечь на себя справедливые упреки, которые онъ осмѣливался иногда

ей дѣлать относительно того, что она расточала имущество другихъ наравнѣ съ своимъ собственнымъ. Я думалъ также, какъ онъ, и говорилъ тоже самое; но не имѣлъ на нее такого вліянія, и мои слова имѣли для нея менѣе значенія. Послѣ его смерти, я поневолѣ долженъ былъ заступить его мѣсто, къ которому имѣлъ также мало способности, какъ и наклонности; я исполнялъ дурно свою обязанность, былъ неаккуратенъ, очень робокъ; ворчалъ про себя и позволялъ всему идти такъ, какъ оно шло. Къ тому же, я хотя и пріобрѣлъ такое же довѣріе, какимъ онъ пользовался, но не получилъ такого вліянія; я видѣлъ безпорядки, сокрушался, жаловался, но никто меня не слушалъ. Я былъ слишкомъ молодъ и пылокъ, чтобъ имѣть право быть разсудительнымъ; когда я брался за роль наставника, маменька ласково трепала меня по щекѣ, называла своимъ маленькимъ Менторомъ и заставляла снова играть ту роль, которая ко мнѣ подходила.

Увѣренность въ огорченіяхъ, которыя рано или поздно она должна была испытать вслѣдствіе своей непомѣрной расточительности, произвела на меня тѣмъ болѣе глубокое впечатлѣніе, что сдѣлавшись управляющимъ въ домѣ, я самъ очень хорошо могъ судить о неравномѣрности прихода и расхода. Съ этихъ поръ началось во мнѣ стремленіе къ скупости, никогда болѣе не покидавшее меня. Безумная щедрость всегда проявлялась во мнѣ только по временамъ; но до того времени я никогда не заботился о томъ, мало ли у меня денегъ или много. Теперь я началъ обращать вниманіе на состояніе моего кошелька. Я дѣлался сквернымъ вслѣдствіе очень хорошаго побужденія, потому что поступая такъ, имѣлъ въ виду только уберечь что нибудь для маменьки на случай ожидавшейся мною катастрофы. Я боялся, что кредиторы захватятъ ея пенсію, боялся, что эта пенсія будетъ уничтожена и по своей простотѣ воображалъ, что мои ничтожныя деньжонки принесутъ ей огромную пользу. Но для этого, въ особенности для того, чтобъ сохранить эти деньги до поры, до времени, не надо было говорить ей о нихъ ни слова, потому что было бы очень неловко, если бы она узнала, что я пряталъ деньги въ то время, какъ она прибѣгала къ разнымъ средствамъ для выхода изъ затруднительнаго положенія. Поэтому я шарилъ повсюду и отыскивалъ удобные уголки, гдѣ пряталъ по нѣсколько луидоровъ, разсчитывая постоянно увеличивать свое сокровище до тѣхъ поръ, пока мнѣ не придется повергнуть его къ ея ногамъ. Но я былъ до такой степени неловокъ въ выборѣ мѣста, что она постоянно находила спрятанныя деньги; потомъ, чтобы дать мнѣ знать, что онѣ найдены, брала золото, а на мѣсто его клала другую монету, общею цѣнностью превосходившую то, что было взято. Совершенно сконфуженный, я отдавалъ въ нашу общую кассу мое маленькое сокровище, а она тратила его на покупку для меня

какого нибудь платья или вещей, въ родѣ серебряной шпаги, часовъ или тому подобнаго.

Вполнѣ убѣдившись, что копить деньги мнѣ никогда не удастся и что во всякомъ случаѣ онѣ были бы для нея небольшою поддержкой, я понялъ наконецъ, что предотвратить угрожающее бѣдствіе я могу только тѣмъ, что поставлю себѣ въ возможность помогать ей въ то время, когда она, не будучи въ состояніи болѣе помогать мнѣ, лишится послѣдняго куска насущнаго хлѣба. Къ несчастію, приноравливая эти планы къ своимъ наклонностямъ, я упорствовалъ въ сумасбродномъ желаніи составить себѣ состояніе уроками музыки. Въ головѣ моей все бродили музыкальные идеи и мотивы, и поэтому я вообразилъ тотчасъ же, что могу извлечь изъ нихъ пользу, что сдѣлаюсь знаменитымъ человѣкомъ, современнымъ Орфеемъ, котораго звуки должны привлечь къ нему всѣ сокровища Перу. Я уже сталъ порядочно разбирать ноты, и теперь главное состояло въ томъ, чтобы выучиться правиламъ композиціи. Учителя найти было трудно; съ однимъ учебникомъ Рамо, я не надѣялся выучиться безъ посторонней помощи, а со времени отъѣзда Леметра изъ Савойи не осталось никого, кто зналъ бы правила гармоніи.

Здѣсь еще разъ увидятъ одну изъ непослѣдовательностей, которыми была полна моя жизнь, и которыя такъ часто заставляли меня идти противъ предполагаемой цѣли, даже тогда, когда я думалъ, что приближаюсь къ ней прямымъ путемъ. Вантюръ много говорилъ мнѣ объ аббатѣ Бланшарѣ, его учителѣ композиціи, человѣкѣ достойномъ и весьма талантливомъ, который въ то время былъ капельмейстеромъ при главной церкви въ Безансонѣ, а въ настоящее время занимаетъ ту же должность при версальской церкви. Я вздумалъ отправиться въ Безансонъ, учиться у аббата Бланшара, и эта мысль показалась мнѣ до такой степени разсудительною, что я успѣлъ даже уговорить маменьку. И вотъ она стала приготовлять меня къ отъѣзду и дѣлать разныя покупки съ тою щедростью, которая никогда не покидала ее. Такимъ образомъ, все еще занятый мыслью предупредить общее разстройство ея дѣлъ и найти въ будущемъ средство къ поправленію дурнаго положенія, порожденнаго мотовствомъ, и въ то же время, на первый же разъ, далъ ей поводъ истратить восемь сотъ франковъ, — т. е. я ускорялъ ея разореніе, чтобы доставить себѣ возможность предупредить его. Какъ ни безуменъ былъ подобный образъ дѣйствій, — заблужденію поддался не только я, но и она. Мы оба были увѣрены, — я, что работалъ съ пользою для нея, она, что я работалъ съ пользою для самого себя.

Я разсчитывалъ застать еще Вантюра въ Анесси и попросить у него рекомендательнаго письма къ аббату Бланшару. Но Вантюра въ Анесси уже не было. Вмѣсто всякихъ справокъ, я долженъ былъ удовольство

ваться духовнымъ концертомъ его сочиненія, написаннымъ его рукою, и оставленнымъ мнѣ въ подарокъ. Съ такою рекомендаціей я отправляюсь въ Безансонъ, черезъ Женеву, гдѣ повидался съ родными, и черезъ Ніонъ, гдѣ видѣлся съ отцомъ, который принялъ меня какъ всегда и взялъ на себя переслать мой чемоданъ, оставшійся позади меня, такъ какъ я ѣхалъ верхомъ. Пріѣзжаю въ Безансонъ. Аббатъ Бланшаръ принимаетъ меня хорошо, обѣщаетъ не оставить совѣтами и предлагаетъ свои услуги. Мы уже были готовы начать уроки, какъ вдругъ я узнаю отъ моего отца, что мой чемоданъ захваченъ и конфискованъ въ Руссъ, французской таможнѣ на границѣ Швейцаріи. Приведенный въ ужасъ этимъ извѣстіемъ, я обращаюсь къ моимъ новымъ безансонскимъ знакомымъ съ просьбою узнать причину этого поступка; я былъ увѣренъ, что въ чемоданѣ не было контрабанды и потому не могъ понять причины конфискаціи. Наконецъ узнаю. Объ этомъ должно разсказать, потому что это фактъ любопытный.

Я видался въ Шамбери съ однимъ старымъ ліонцемъ, очень хорошимъ и простымъ человѣкомъ, по имени г. Девивье, который во время регентства служилъ при таможнѣ, а потомъ, за неимѣніемъ должности, перешелъ въ кадастръ. Онъ когда-то жилъ въ свѣтѣ, обладалъ талантами и нѣкоторымъ знаніемъ, былъ человѣкъ кроткій и вѣжливый. Онъ зналъ музыку, и поэтому мы и сошлись другъ съ другомъ, среди окружавшихъ насъ неотесанныхъ медвѣдей. Онъ имѣлъ въ Парижѣ знакомыхъ, которые часто писали ему о разныхъ мелочахъ, объ эфемерныхъ новостяхъ, идущихъ неизвѣстно откуда, улетучивающихся неизвѣстно какъ, и о которыхъ, какъ скоро перестаютъ говорить о нихъ, никто ужъ и не думаетъ. Я водилъ его иногда обѣдать къ маменькѣ, и за это онъ ухаживалъ за мною, и, желая понравиться, старался заставить меня полюбить эти новости и сплетни, эти пустяки, къ которымъ я всегда питалъ такое отвращеніе, что ни разу въ жизни не прочиталъ ни одного изъ нихъ одинъ на одинъ. Къ несчастію, одинъ изъ этихъ проклятыхъ листковъ остался у меня въ карманѣ новаго камзола, который я надѣвалъ раза два или три. Эта бумага заключала въ себѣ довольно пошлую пародію янсенистовъ на прекрасную сцену изъ Расиновскаго «Митридата». Я не прочелъ изъ нея даже десяти стиховъ и, по забывчивости, оставилъ ее въ карманѣ моего камзола. Это самое и послужило поводомъ къ конфискаціи моего чемодана; надсмотрщики, осмотрѣвъ чемоданъ, составили опись вещей находившихся въ немъ, и въ началѣ ея помѣстили великолѣпнѣйшій актъ, въ которомъ высказали предположеніе, что эта пародія была прислана изъ Женевы для того, чтобы быть напечатанной и распространенной во Франціи, выражали священное негодованіе противъ враговъ Бога и церкви и восхваляли свою набож-

ную бдительность, предотвратившую исполненіе адскаго замысла. Безъ сомнѣнія они нашли, что и мои рубашки также пахнули ересью, потому что изъ-за этой страшной бумаги всѣ мои вещи были конфискованы, и я никогда не могъ добиться ни извѣстія о моемъ бѣдномъ имуществѣ, ни возвращенія его. Таможенные служители, къ которымъ мы обращались, требовали столько различныхъ свѣдѣній, поясненій, удостовѣреній и записокъ, что совершенно растерявшись въ этомъ омутѣ, я былъ принужденъ бросить все. Очень сожалѣю, что не сохранилъ выписку изъ протокола: ее стоило бы причислить къ документамъ, которые должны находиться въ концѣ этого сочиненія.

Эта потеря заставила меня тотчасъ же возвратиться въ Шамбери, такъ что я ничего не успѣлъ сдѣлать съ аббатомъ Бланшаромъ; но взвѣсивъ всѣ обстоятельства, видя, что несчастіе преслѣдовало меня во всѣхъ моихъ предпріятіяхъ, я рѣшился привязаться исключительно къ маменькѣ, раздѣлять ея судьбу и болѣе не заботиться безъ всякой пользы о будущемъ, которому я ничѣмъ не могъ помочь. Она приняла меня съ такимъ видомъ, какъ будто я принесъ съ собою сокровища, и понемногу возобновила мой гардеробъ; такъ что мое бѣдствіе, очень значительное для насъ обоихъ, было забыто также скоро, какъ и случилось.

Хотя это несчастіе и охладило мое рвеніе къ музыкальнымъ проектамъ, но я не переставалъ изучать Рамо и достигъ наконецъ того, что могъ понимать его и даже сочинять небольшія пьески; успѣхъ первыхъ опытовъ одобрилъ меня. Графъ Бельгардъ, сынъ маркиза д'Антремона, возвратился изъ Дрездена, послѣ смерти короля Августа. Онъ долго жилъ въ Парижѣ, очень любилъ музыку вообще и пристрастился въ особенности къ музыкѣ Рамо. Его братъ, графъ де-Нанжи, игралъ на скрипкѣ; графиня де-Латуръ, сестра его, немного пѣла. Все это ввело въ моду въ Шамбери музыку, и тамъ устроили нѣчто въ родѣ публичныхъ концертовъ, распоряженіе которыми хотѣли поручить сперва мнѣ; но вскорѣ увидѣли, что трудъ былъ мнѣ не по силамъ, и дѣло устроили иначе. Впрочемъ я не переставалъ давать для этихъ концертовъ нѣкоторыя изъ пьесъ моего сочиненія, въ томъ числѣ далъ одну кантату, которая очень понравилась. Она была написана не особенно хорошо, но въ ней было много новыхъ мотивовъ и эффектовъ, которыхъ отъ меня никакъ не ожидали. Эти господа не могли вѣрить, чтобы я, разбиравшій дурно ноты, былъ въ состояніи сочинить что нибудь порядочное, и полагали, что я не посовѣстился воспользоваться чужимъ трудомъ. Для разъясненія дѣла, однажды утромъ ко мнѣ пришелъ графъ де-Нанжи съ кантатою Клерабо, транспонированною, по его словамъ, для удобства пѣнія, и для которой надо было написать другой басъ, такъ какъ безъ этого транспонировка кантаты дѣлала ее исполненіе невозможнымъ. Я

сказалъ графу, что это трудъ не маловажный и что его нельзя сдѣлать въ одну минуту. Онъ подумалъ, что я искалъ только предлога выпутаться изъ неловкаго положенія и уговаривалъ меня написать, по крайней мѣрѣ, басъ для речитатива. Я исполнилъ его желаніе, разумѣется, дурно, потому что мнѣ во всемъ для хорошаго исполненія необходимы спокойствіе и удобство, но по крайней мѣрѣ написалъ по правиламъ; а такъ какъ это происходило въ присутствіи графа, то онъ и не могъ усомниться въ моемъ знаніи первыхъ основаній композиціи. Такимъ образомъ я не лишился своихъ учениць, но немножко охладѣлъ къ музыкѣ, видя, что давались концерты и что въ нихъ обходились безъ меня.

Почти въ тоже самое время, по заключеніи мира, французская армія перешла обратно черезъ горы. Многіе изъ офицеровъ вновь повидались съ маменькой, между прочимъ графъ Лотрекъ, полковникъ въ орлеанскомъ полку, впослѣдствіи бывшій полномочнымъ посланникомъ въ Женевѣ и маршаломъ Франціи. Она представила меня ему. Вслѣдствіе ея разсказовъ, онъ, повидимому, принялъ во мнѣ большое участіе и надавалъ мнѣ много обѣщаній, о которыхъ вспомнилъ только въ послѣдній годъ своей жизни, когда я уже болѣе въ немъ не нуждался. Молодой маркизъ де-Сенектерръ, котораго отецъ былъ въ то время посланникомъ въ Туринѣ, въ это время тоже проѣзжалъ черезъ Шамбери. Онъ обѣдалъ у госпожи Мантонъ, гдѣ въ этотъ день обѣдалъ и я. Послѣ обѣда, стали разсуждать о музыкѣ; онъ зналъ ее очень хорошо. Опера «Іевфай» была тогда новинкой; онъ сталъ говорить о ней, велѣлъ принести ноты. Я содрогнулся. когда онъ предложилъ мнѣ разыграть съ нимъ въ четыре руки оперу. Раскрывъ книгу, онъ попалъ на знаменитый двухъ-хоральный мотивъ:

«La terre, l'enfer, le ciel même,
Tout tremble devant le Seigneur».

— Сколько хотите партій? — сказалъ онъ — я готовъ исполнить вотъ эти шесть — Я тогда еще не превыкъ къ французской живости и самоувѣренности, не могъ понять, какимъ образомъ одинъ человѣкъ въ одно и тоже время разбиралъ не только шесть партій, но даже двѣ. Труднѣе всего было для меня въ музыкѣ перескакивать отъ одной партіи къ другой и въ одно и тоже время слѣдить за цѣлою партитурой. Я исполнилъ предложеніе графа Сенектерра такимъ образомъ, что онъ навѣрное заподозрилъ меня въ незнаніи музыки. Можетъ быть, желая именно провѣрить свое подозрѣніе, онъ предложилъ мнѣ переложить на ноты романсъ, который хотѣлъ дать мадмуазель де-Мантонъ. Я не могъ отказаться. Онъ пропѣлъ романсъ; я написалъ его и при этомъ даже не слишкомъ заставлялъ повторять мотивъ. Графъ прочелъ и

нашелъ, что романсъ былъ написанъ очень правильно. Онъ видѣлъ мое затрудненіе при первой неудачѣ, и чтобы вознаградить меня за него, съ удовольствіемъ восхвалялъ этотъ маленькій успѣхъ. А дѣло было очень просто. Въ сущности я зналъ очень хорошо музыку, мнѣ недоставало только умѣнья все понимать сразу, — умѣнья, котораго у меня никогда не было и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ и которое въ музыкѣ пріобрѣтается только помощью усидчиваго изученія. Какъ бы то ни было, я былъ тронутъ стараніемъ графа загладить въ умѣ другихъ и моемъ собственномъ маленькое пораженіе, потерпѣнное мною. Двѣнадцать или пятнадцать лѣтъ спустя, встрѣчаясь съ нимъ у разныхъ знакомыхъ въ Парижѣ, я нѣсколько разъ хотѣлъ напомнить этотъ случай и показать что онъ остался у меня въ памяти; но графъ лишился зрѣнія и я не хотѣлъ возбуждать въ немъ сожалѣнія напоминаніемъ объ употребленіи, которое онъ умѣлъ дѣлать изъ этого чувства, — и молчалъ.

Я приближаюсь къ минутѣ, служащей началомъ связи моего прошлаго существованія съ настоящимъ. Дружба съ нѣкоторыми лицами, начавшаяся въ то время и продолжающаяся до сихъ поръ, сдѣлалась для меня въ высшей степени драгоцѣнною. Она часто заставляла меня сожалѣть о счастливой неизвѣстности, во время которой люди, называвшіе себя моими друзьями дѣйствительно были ими и любили меня ради меня самого, по искреннему чувству, а не изъ тщеславнаго желанія быть знакомымъ съ извѣстнымъ человѣкомъ или тайнаго желанія находить въ такой связи болѣе удобныхъ случаевъ вредить ему. Къ этому времени относится начало моего знакомства съ моимъ старымъ другомъ де-Гофкуромъ, который всегда любилъ меня, несмотря на старанія другихъ разорвать нашу связь. Но, увы! я потерялъ его. Онъ умеръ. Но онъ пересталъ любить меня только тогда, когда пересталъ жить, и наша дружба окончилась не ранѣе, какъ съ его смертью. Де-Гофкуръ былъ одинъ изъ любезнѣйшихъ людей. Невозможно было видѣть его безъ того, чтобъ не любить, и жить съ нимъ безъ того, чтобъ не привязаться къ нему вполнѣ. Никогда въ жизни не видалъ я лица болѣе любящаго и открытаго, болѣе внушающаго довѣріе. Какъ бы ни былъ человѣкъ сдержанъ, но онъ не могъ съ перваго же взгляда не сблизиться съ Гофкуромъ такъ, какъ будто былъ знакомъ съ нимъ цѣлыя двадцать лѣтъ; а я, которому дѣлалось всегда неловко при видѣ новыхъ лицъ, предался ему всею душою съ первой минуты нашей встрѣчи. Его тонъ, выраженіе голоса, разговоры, вполнѣ соотвѣтствовали его физіономіи. Звукъ его голоса былъ чистый, полный, гармоническій, это былъ прекрасный басъ, громкій и звучный, наполнявшій слухъ и отзывающійся въ сердцѣ. Невозможно имѣть болѣе ровной и кроткой веселости, болѣе истинной и простой граціи, болѣе дѣйствительныхъ талантовъ, болѣе развитаго

и изящнаго вкуса. Прибавьте къ этому любящее сердце, но слишкомъ расположенное ко всѣмъ людямъ, характеръ услужливый и болѣе разборчивый чѣмъ сердце, готовность ревностно помогать своимъ друзьямъ или скорѣе дѣлать друзьями тѣхъ, которымъ онъ могъ помогать и умѣнье отлично обдѣлывать свои собственныя дѣла одновременно съ усердными хлопотами о другихъ. Гофкуръ былъ сынъ простого часовщика и даже самъ сначала занимался этимъ ремесломъ. Но его внѣшность и достоинства призывали его къ иному кругу дѣятельности, и онъ не замедлилъ войти въ него. Онъ познакомился и подружился съ г. де-ла-Клозюръ, французскимъ резидентомъ въ Женевѣ. Де-ла-Клозюръ познакомилъ его въ Парижѣ съ другими полезными лицами, а чрезъ нихъ Гофкуръ досталъ себѣ подрядъ на поставку соли изъ ваатландскаго кантона и пріобрѣлъ такимъ образомъ двадцать тысячъ ливровъ ежегоднаго дохода. Тѣмъ и ограничился его успѣхъ, довольно впрочемъ завидный, въ кругу мужчинъ; но отъ женщинъ ему не было отбоя: въ выборѣ не было недстатка и онъ дѣлалъ все, что хотѣлъ. Въ особенности лестно и похвально для него то, что, имѣя связи съ женщинами во всѣхъ классахъ общества, онъ повсюду пользовался любовью и не возбуждалъ ни въ комъ ни зависти, ни ненависти; я думаю, что онъ умеръ, не встрѣтивъ въ своей жизни ни одного врага. Счастливый человѣкъ! Каждый годъ онъ ѣздилъ брать ванны въ Э, гдѣ собиралось лучшее общество изъ сосѣднихъ земель. Близко знакомый со всею знатью Савойи, онъ пріѣзжалъ изъ Э въ Шамбери къ графу Бельгарду и его отцу, маркизу д'Антремону, у котораго онъ познакомился съ маменькою, и чрезъ ея посредство со мною. Это знакомство, повидимому, не могло ни къ чему повести и не поддерживалось въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, но потомъ возобновилось вслѣдствіе одного случая, о которомъ я еще буду говорить, и превратилось въ истинную привязанность. Этого обстоятельства достаточно, чтобъ дать мнѣ право говорить о другѣ, къ которому я былъ такъ сильно привязанъ; но если бы даже воспоминаніе о немъ не было интересно лично для меня, то я все таки считалъ бы необходимымъ для чести рода человѣческаго сохранить это воспоминаніе какъ о человѣкѣ, одаренномъ самыми лучшими достоинствами. Впрочемъ, у этого отличнаго человѣка, какъ и у всѣхъ, были свои недостатки, о чемъ будетъ сказано впослѣдствіи; но если бы онъ не имѣлъ ихъ, то, можетъ быть, нравился бы менѣе. Для того чтобы сдѣлать его интереснымъ на столько, на сколько онъ могъ быть имъ, необходимо было имѣть возможность что нибудь прощать ему.

Другая связь, относившаяся къ тому же времени и до сихъ поръ не прекратившаяся, все еще ласкаетъ меня надеждою на земное счастье,— надеждою, которая такъ трудно умираетъ въ сердцѣ человѣческомъ.

Г. де-Конзье, савойскій дворянинъ, человѣкъ молодой и любезный, вздумалъ выучиться музыкѣ или скорѣе познакомиться съ тѣмъ, кто преподавалъ ее. Обладая умомъ и наклонностью къ хорошимъ свѣдѣніямъ, де-Конзье отличался кроткимъ характеромъ и поэтому былъ очень снисходителенъ; а я, съ своей стороны, также очень благоволилъ къ тѣмъ, въ комъ замѣчалъ это качество. Мы скоро сошлись другъ съ другомъ[1]). Стремленіе къ литературѣ и философіи, начинавшее уже тогда бродить въ моей головѣ и ожидавшее для своего полнаго развитія только обработки и соревнованія, нашло этихъ двигателей въ г. де-Конзье. Онъ имѣлъ мало расположенія къ музыкѣ, это было мнѣ съ руки, потому что во время уроковъ мы занимались совсѣмъ не музыкой. Мы завтракали, говорили, читали новыя книги, — а о музыкѣ не было и помину. Въ то время дѣлала много шуму переписка Вольтера съ прусскимъ королемъ: мы часто разсуждали объ этихъ двухъ знаменитостяхъ, изъ которыхъ одинъ, вступившій недавно на престолъ, уже заявлялъ себя такимъ, какимъ онъ оказался скоро, а другой, котораго теперь также восхваляютъ, какъ прежде унижали, заставлялъ насъ искренно сожалѣть о несчастіяхъ, преслѣдовавшихъ его, повидимому, повсюду и часто бывающихъ необходимою принадлежностью великаго таланта. Прусскій принцъ въ молодости испыталъ мало счастья, а Вольтеръ, казалось, былъ созданъ на то, чтобъ никогда не испытывать его. Участіе, которое мы принимали въ нихъ обоихъ, распространялось на все, что относилось къ нимъ. Все, написанное Вольтеромъ, возбуждало наше любопытство. Я такъ полюбилъ его произведенія, что самъ почувствовалъ желаніе выучиться писать изящно и подражать прекрасному слогу этого писателя, которымъ я восхищался. Нѣсколько времени спустя, явились въ свѣтъ его «Философскія письма». Хотя они и не принадлежатъ къ числу его лучшихъ сочиненій, но именно они болѣе всѣхъ другихъ внушили мнѣ страсть къ занятіямъ, и эта, только что возникшая страсть никогда съ тѣхъ поръ не угасала. Но еще не пришло для меня время предаться ей вполнѣ. Во мнѣ не уничтожилась еще вѣтренность, желаніе скитаться, скорѣе сдерживавшееся, чѣмъ искоренившееся, и которое поддерживалось образомъ жизни въ домѣ г-жи де-Варенсъ, слишкомъ шумнымъ для моего характера, любившаго уединеніе. Толпа незнакомцевъ, ежедневно стекавшихся къ ней отовсюду, и увѣренность, что всѣ эти люди, каждый на свой ладъ, только и думали о томъ, какъ бы обмануть маменьку, — составляла для меня истинное мученіе. Съ

[1]) Я свидѣлся съ нимъ потомъ и нашелъ, что онъ совершенно измѣнился. О! господинъ де-Шуазель—великій чародѣй! Ни одинъ изъ моихъ знакомыхъ не избѣжалъ его метаморфозъ.

тѣхъ поръ, какъ я занялъ мѣсто Клода Анè и пользовался довѣренностью его госпожи, — я видѣлъ, что мы идемъ быстрыми шагами къ полнѣйшему паденію, и ужасался. Сотни разъ я доказывалъ, просилъ, убѣждалъ, умолялъ, — все напрасно. Я бросался къ ея ногамъ, представлялъ въ самыхъ яркихъ краскахъ угрожающую ей катастрофу, заклиналъ ее сократить издержки, начать въ этомъ отношеніи съ меня самого, лучше пострадать немного, пока она еще молода, чѣмъ, постоянно увеличивая долги и число кредиторовъ, подвергнуться въ преклонныхъ лѣтахъ ихъ нападкамъ и нищетѣ. Вполнѣ чувствуя мою искренность и мое усердіе, она приходила въ умиленіе и обѣщала все что угодно. Но чуть являлся какой-нибудь бродяга — все забывалось. Послѣ тысячи доказательствъ безполезности моихъ увѣщаній, что оставалось мнѣ, какъ не закрывать глаза при видѣ зла, котораго я не могъ предотвратить? Я удалялся изъ дома, у дверей котораго не былъ въ состояніи сторожить; совершалъ въ Ніонъ, Женеву, Ліонъ небольшія поѣздки, которыя отчасти заглушали мое тайное горе, но въ то же время увеличивали издержки. Могу поклясться, что я съ радостью перенесъ бы всѣ лишенія, если бы только маменька захотѣла воспользоваться моею бережливостью; но увѣренный, что сбереженныя мною деньги перешли бы въ карманъ плутовъ и негодяевъ, я злоупотреблялъ ея щедростью, для того чтобы дѣлиться съ ними, и, какъ собака, возвращающаяся съ бойни, уносилъ съ собою клочекъ добра, котораго спасти не могъ.

У меня не было недостатка въ предлогахъ для этихъ поѣздокъ; притомъ же маменька сама доставила бы мнѣ ихъ, такъ много было у ней повсюду сношеній, переговоровъ, дѣлъ и порученій, которыя она могла бы надавать надежному лицу. Она съ радостью отпускала, я съ радостью уѣзжалъ: вслѣдствіе этого моя жизнь должна была непремѣнно сдѣлаться кочевою. Эти поѣздки дали мнѣ возможность завязать нѣсколько хорошихъ знакомствъ, сдѣлавшихся для меня впослѣдствіи пріятными и полезными; такъ, между прочимъ, я познакомился въ Ліонѣ съ г. Перришономъ и упрекаю себя, что недостаточно поддерживалъ это знакомство, потому что онъ былъ очень со мною ласковъ; съ добрымъ Паризо, о которомъ буду говорить дальше; въ Греноблѣ съ г-жею Делбанъ и женою президента Бардонанша, очень умной женщиной, которая, навѣрное, подружилась бы со мной, если бы я почаще навѣщалъ ее; въ Женевѣ съ г. де-ла-Клозюръ, французскимъ резидентомъ, который часто говорилъ мнѣ о моей матери, въ сердцѣ котораго, несмотря на долгое время и ея смерть, не изгладилось воспоминаніе о ней; съ обоими Барильо, изъ которыхъ отецъ, называвшій меня своимъ внукомъ, былъ человѣкъ очень любезный и весьма достойный. Во время

смутъ республики, оба Барильо вступили въ ряды двухъ противоположныхъ партій, сынъ присталъ къ буржуазіи, отецъ къ чиновникамъ; а когда въ 1737 году всѣ взялись за оружіе, то я, находясь въ Женевѣ, видѣлъ какъ отецъ и сынъ вышли вооруженные изъ своего дома, направились одинъ къ ратушѣ, другой на мѣсто сбора своей партіи, убѣжденные, что часа черезъ два они встрѣтятся лицомъ къ лицу и подвергнутся риску убить другъ друга. Это ужасное зрѣлище произвело на меня такое сильное впечатлѣніе, что я поклялся никогда не принимать участія въ междоусобной войнѣ, и если бы мнѣ пришлось снова получить права гражданина,—не защищать свободы оружіемъ. Отдаю себѣ справедливость, что въ одномъ очень щекотливомъ обстоятельствѣ я сдержалъ свое слово, и многіе найдутъ, по крайней мѣрѣ я такъ полагаю, что эта умѣренность имѣла свою цѣну.

Но въ то время возставшая съ оружіемъ въ рукахъ Женева произвела еще только первое броженіе патріотизма въ моемъ сердцѣ. О томъ, какъ я былъ еще отъ всего этого далекъ, можно судить по одному очень важному случаю, могущему навлечь на меня большія нареканія. Я позабылъ помѣстить его на своемъ мѣстѣ и теперь не долженъ умолчать о немъ.

Прошло уже нѣсколько лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ мой дядя уѣхалъ въ Каролину, съ цѣлью надзирать тамъ за постройкою города Чарльстоуна; планъ постройки составленъ былъ имъ. Вскорѣ по своемъ прибытіи, онъ умеръ. Мой бѣдный двоюродный братъ также умеръ на службѣ прусскаго короля, и моя тетка потеряла такимъ образомъ и мужа и сына почти въ одно и то же время. Эти потери нѣсколько подогрѣли ея дружбу къ ближайшему родственнику, оставшемуся въ живыхъ; этотъ родственникъ былъ я. Пріѣзжая въ Женеву, я останавливался у нея и забавлялся тѣмъ, что шарилъ и перечитывалъ бумаги, оставшіяся послѣ моего дяди. Я нашелъ много интересныхъ вещей и писемъ, существованіе которыхъ, разумѣется, никто и не подозрѣвалъ. Моя тетка, не придававшая никакой цѣны этимъ бумаженкамъ, отдала бы мнѣ ихъ въ полное владѣніе, если бы я только захотѣлъ. Я удовольствовался двумя или тремя книгами, съ собственноручными замѣтками отца моего дяди, Бернара, священника, и въ томъ числѣ «Посмертными сочиненіями Рого», страницы которыхъ были наполнены превосходными вычисленіями, заставившими меня полюбить математику. Эта книга осталась въ числѣ прочихъ у г-жи де-Варенсъ, и я всегда сожалѣлъ, что не сохранилъ ея у себя. Къ этимъ книгамъ я присоединилъ пять или шесть рукописныхъ мемуаровъ и однѣ напечатанныя записки извѣстнаго Микели Дюкре, просвѣщеннаго, ученаго человѣка съ большимъ талантомъ, но неуживчиваго, навлекшаго на себя

жестокія гоненія женевскаго магистрата, и скончавшагося недавно въ крѣпости Арбергъ, гдѣ, говорятъ, онъ находился много лѣтъ въ заключеніи за то, что участвовалъ въ бернскомъ заговорѣ.

Эти записки содержали въ себѣ довольно основательную критику на большой и смѣлый планъ укрѣпленій, отчасти уже сооруженныхъ въ Женевѣ, къ великому смѣху свѣдущихъ людей, не знавшихъ тайной цѣли, руководившей совѣтомъ при осуществленіи этого великолѣпнаго предпріятія; г. Микели, исключенный изъ комитета за осужденіе проекта, полагалъ, что имѣетъ право, въ качествѣ члена совѣта двухъсотъ, высказать свое мнѣніе болѣе подробно. Это самое и послужило поводомъ къ изданію записокъ; онъ имѣлъ неосторожность напечатать ихъ, хотя и не пустилъ въ продажу: онъ напечаталъ только двѣсти экземпляровъ, которые и разослалъ членамъ совѣта; но всѣ они, по приказанію высшихъ властей, были захвачены на почтѣ. Я нашелъ эти записки въ бумагахъ моего дяди, вмѣстѣ съ отвѣтомъ, который ему поручили написать, и унесъ все къ себѣ. Я совершилъ это путешествіе, немного спустя послѣ моего выхода изъ кадастра, и продолжалъ вести знакомство съ начальникомъ его, адвокатомъ Кокчелли. Вскорѣ послѣ того, директоръ таможни вздумалъ просить меня быть крестнымъ отцомъ его ребенка, а кумою моею была госпожа Кокчелли. Почести вскружили мнѣ голову; я очень тщеславился тѣмъ, что вступилъ въ родство съ господиномъ адвокатомъ, и старался важничать, желая показать себя достойнымъ такой славы.

Съ этою цѣлью я счелъ за самое лучшее показать ему напечатанныя записки г. Микели (а онѣ дѣйствительно могли считаться рѣдкостью), чтобъ выказать всю близость моихъ отношеній къ знатнымъ лицамъ Женевы, посвященнымъ въ государственныя тайны. Однако же, отчасти удержавшись, совершенно неизвѣстно почему, я не показалъ ему отвѣта дяди на записки, можетъ быть потому, что этотъ отвѣтъ былъ въ рукописи, а господину адвокату требовалось только печатное. Онъ впрочемъ такъ хорошо понялъ всю цѣну рукописи, которою я имѣлъ нелѣпость ссудить его, что я не только не получилъ ее обратно, но и никогда не видалъ ее болѣе; убѣдившись въ безполезности моихъ усилій, я окончилъ тѣмъ, что счелъ все это заслугою и придалъ украденной вещи характеръ подарка. Нимало не сомнѣваюсь, что онъ препроводилъ къ кому слѣдуетъ въ Туринъ это произведеніе, впрочемъ болѣе любопытное, чѣмъ полезное, и тѣмъ или другимъ способомъ возвратилъ себѣ деньги, которыхъ ему стоило пріобрѣтеніе его. Къ счастію изъ всѣхъ будущихъ случайностей наименѣе вѣроятна та, что сардинскій король станетъ когда либо осаждать Женеву. Но такъ какъ это не невозможно, то я и не перестану упрекать себя, что изъ-за глупаго хвастовства обнаружилъ слабѣйшія мѣста Женевы ея заклятому врагу.

Два, три года провелъ я такимъ образомъ среди музыки, сельскихъ учителей, разныхъ проектовъ и путешествій, переходя безпрестанно отъ одного предмета къ другому, стараясь рѣшиться на что нибудь и не зная на что именно; но мало по малу наука влекла меня къ себѣ, я встрѣчался съ литераторами, слышалъ разговоры о литературѣ, иногда вмѣшивался въ нихъ и скорѣе заимствовалъ изъ книгъ слова, чѣмъ содержаніе. Во время моихъ поѣздокъ въ Женеву, я бывалъ время отъ времени у своего стараго добраго друга Симона, который сильно подстрекалъ возникавшую во мнѣ страсть учиться тѣмъ, что сообщалъ мнѣ самыя свѣжія новости изъ области науки, почерпнутыя изъ сочиненій Байлье и Коломьеса. Въ Шамбери я часто видался также съ однимъ якобинцемъ, профессоромъ физики. Этотъ добрякъ-монахъ, имени котораго не припомню, дѣлалъ часто маленькіе физическіе опыты, чрезвычайно забавлявшіе меня. Однажды вздумалось мнѣ составить по его примѣру симпатическія чернила. Для этого я наполнилъ бутылку, болѣе чѣмъ на половину, смѣсью изъ негашеной извести, оперменнта и воды и хорошенько закупорилъ ее. Смѣсь закипѣла почти въ ту же минуту и очень сильно. Я бросился къ бутылкѣ, чтобъ откупорить ее, но не успѣлъ; пробка вылетѣла какъ бомба прямо мнѣ въ лице. Я наглотался оперментa, извести и чуть не умеръ. Болѣе шести недѣль былъ я слѣпъ и такимъ образомъ научился не браться за физическіе опыты, не имѣя понятія объ элементахъ физики.

Здоровье мое съ нѣкотораго времени и безъ того замѣтно разстроивалось, такъ что приключеніе съ бутылкой случилось весьма не кстати. Не знаю почему, имѣя хорошее тѣлосложеніе и ведя правильную жизнь, я замѣтно ослабѣвалъ. При довольно плотномъ сложеніи и широкой груди, мои легкія должны дышать совершенно свободно, а между тѣмъ я чувствовалъ стѣсненіе въ груди, тяжело дышалъ, имѣлъ біеніе сердца, харкалъ кровью, потомъ проявилась изнурительная лихорадка, и я никогда не могъ совершенно вылечиться отъ нея. Какъ можно въ цвѣтущемъ возрастѣ, безъ малѣйшаго поврежденія въ организмѣ, и не разстроивъ своего здоровья, дойти до такого положенія?

«Отъ шпаги изнашиваются ножны» говоритъ пословица. Въ этихъ словахъ заключается моя исторія. Страсти заставляли меня жить, онѣ же и убили меня. Какія страсти? спроситъ читатель. Въ сущности самыя пустыя, бездѣлицы, но онѣ волновали меня, какъ будто дѣло шло объ обладаніи Еленой или трономъ вселенной. Во первыхъ, — женщины. Когда я въ первый разъ ощутилъ обладаніе женщиной, чувственность моя была удовлетворена, но сердце никогда не оставалось спокойно. Потребность любви пожирала меня даже среди физическаго наслажденія. Я имѣлъ нѣжную мать, обожаемаго друга, но мнѣ нужна была любов-

ница. Я представлялъ себѣ г-жу Варенсъ на ея мѣстѣ, воображалъ ее въ безчисленныхъ видахъ, чтобъ обмануть самого себя. Еслибъ я думалъ, что держу г-жу Варенсъ въ своихъ объятіяхъ въ то время, когда дѣйствительно держалъ ее, то объятія были бы не менѣе горячи, но всѣ мои желанія угасли бы; я рыдалъ бы отъ нѣжности, но не ощущалъ бы наслажденія. Наслаждаться! развѣ это удѣлъ человѣка? Ахъ! еслибъ хоть разъ пришлось мнѣ всецѣло испытать всѣ наслажденія любви, то не думаю, чтобъ мое хрупкое тѣло вынесло такое счастіе: я умеръ бы на мѣстѣ.

И такъ я сгоралъ отъ безпредметной любви, а быть можетъ такого рода любовь и истощаетъ болѣе всего. Я былъ безпокоенъ; меня мучило дурное положеніе дѣлъ бѣдной маменьки и ея неблагоразумное поведеніе, вслѣдствіе котораго она должна была въ скоромъ времени окончательно разориться. Мое жестокое воображеніе, всегда несущееся на встрѣчу несчастіямъ, безпрестанно представляло мнѣ это бѣдствіе во всемъ его ужасѣ и со всѣми послѣдствіями. Я заранѣе видѣлъ себя разлученнымъ бѣдностью съ женщиной, которой я посвятилъ свою жизнь и безъ которой не могъ наслаждаться жизнью. Вотъ почему моя душа была постоянно въ тревогѣ. Желанія и опасенія попеременно терзали меня.

Моя страсть къ музыкѣ была менѣе горяча, но не менѣе разрушительна въ отношеніи къ моему здоровью, потому что я предавался ей съ увлеченіемъ, настойчиво изучалъ непонятныя сочиненія Рамо, съ непоколебимымъ упорствомъ обременяя ими свою память, постоянно отказывавшуюся служить мнѣ, безпрерывно дѣлалъ громадныя компиляціи и проводилъ очень часто цѣлыя ночи за перепиской нотъ. И зачѣмъ останавливаться на постоянныхъ причинахъ волненія, когда пустѣйшія глупости, мелькавшія въ моей вѣтренной головѣ, мимолетныя увлеченія, путешествіе, концертъ, ужинъ, предстоящая прогулка, романъ, который я хотѣлъ прочитать, комедія, которую собирался посмотрѣть, словомъ, все, что въ моихъ удовольствіяхъ или дѣлахъ было мало-мальски задумано, превращалось въ сильныя страсти, которыя въ своей смѣшной необузданности причиняли мнѣ истинное мученіе. Чтеніе вымышленныхъ несчастій Клевеленда, чтеніе, которому я предался съ неистовствомъ и которое часто прерывалось, испортило мнѣ чуть-ли не больше крови, чѣмъ мои собственныя несчастія.

Былъ одинъ женевецъ, по имени Багере, служившій въ царствованіе Петра Великаго въ Россіи, подлѣйшій человѣкъ и величайшій сумасбродъ, какого я когда либо видѣлъ. Голова его была вѣчно наполнена проектами, такими же нелѣпыми, какъ и онъ самъ: милліоны падали у него съ неба, какъ дождь, а нули ему ничего не стоили. Этотъ человѣкъ, пріѣхавъ въ Шамбери по какому-то тяжебному дѣлу въ сенатѣ, разумѣется

завладѣлъ маменькой и за свои сокровища нулей, которыя онъ великодушно расточалъ ей, выманивалъ у нея одинъ за другимъ ея бѣдныя экю. Я его не любилъ; онъ это видѣлъ, потому что узнавать мои чувства не трудно. Не было низостей, которыхъ онъ не употребилъ бы, чтобъ задобрить меня. Зная нѣсколько шахматную игру, онъ предложилъ мнѣ выучить меня ей. Я попробовалъ почти противъ воли, и когда маломальски ознакомился съ ходами, успѣхъ въ игрѣ сдѣлался такъ быстръ, что подъ конецъ перваго же сеанса, я возвратилъ Багере башню, которую онъ уступилъ мнѣ сначала. Этого было для меня достаточно, чтобъ сдѣлаться страстнымъ охотникомъ до игры въ шахматы. Покупаю шахматную доску, подробное описаніе игры, запираюсь въ своей комнатѣ, провожу цѣлые дни и ночи, желая затвердить наизусть всѣ возможныя партіи, втиснуть ихъ волею-неволею въ голову, и играю самъ съ собою безъ отдыха и безъ конца. Послѣ двухъ трехъ мѣсяцевъ такого прекраснаго труда и неимовѣрныхъ усилій, исхудалый, желтый, почти отупѣвшій, иду я въ кофейню и пробую сразиться съ Багере. Онъ выигрываетъ у меня одну, двѣ партіи, двадцать партій; столько соображеній перепуталось въ моей головѣ, воображеніе до такой степени притупилось, что все представлялось мнѣ въ туманѣ. Каждый разъ, какъ я хотѣлъ упражняться въ игрѣ, чтобъ изучить ее, съ помощію книги Филидора или Стамма, со мной случалось то же самое. Утомленный и измученный, я замѣчалъ, что послѣ каждаго подобнаго урока дѣлалъ шагъ не впередъ, а назадъ. Впрочемъ оставлялъ ли я на время шахматы, или продолжалъ играть для упражненія — я ни на волосъ не подвинулся впередъ послѣ перваго урока и всегда находился на той же степени знанія, которой достигъ подъ конецъ перваго сеанса. Еслибъ я сталъ упражняться тысячу вѣковъ, то подъ конецъ могъ бы возвратить Багере башню и больше ничего. Хорошо употреблено время! скажете вы. А употреблено его не мало. Я закончилъ этотъ первый опытъ лишь только тогда, когда совершенно выбился изъ силъ. Когда я выходилъ изъ моей комнаты, то походилъ на живаго мертвеца, и поупорствуй я еще немного, дѣйствительно сошелъ бы въ могилу.

Каждый согласится, что трудно съ такой головой, особенно въ пылкую пору молодости, сохранить здоровымъ тѣло. Физическое разстройство подѣйствовало на мое расположеніе духа и охладило пылъ моей фантазіи. Чувствуя постепенный упадокъ силъ, я сдѣлался спокойнѣе и отчасти утратилъ бѣшеную страсть къ путешествіямъ. Вслѣдствіе болѣе сидячей жизни, мной овладѣла не скука, а хандра; страстность смѣнилась ипохондріей, тоска перешла въ грусть. Я плакалъ и вздыхалъ безъ причины, чувствовалъ, что жизнь ускользала отъ меня прежде нежели я насладился ею. Я сокрушался о томъ, что оставлялъ бѣдную маменьку

въ такомъ жалкомъ положеніи и на краю пропасти. Могу сказать, что мысль разстаться съ нею и оставить ее въ положеніи, возбуждающемъ жалость, была моимъ единственнымъ мученіемъ. Наконецъ я слегъ въ постель. Маменька ухаживала за мной, какъ никогда ни одна мать не ухаживала за своимъ ребенкомъ, и это принесло ей самой пользу въ томъ отношеніи, что нѣсколько отклонило ея мысли отъ проектовъ и устранило отъ нея прожектеровъ. О! какъ сладостно было бы мнѣ умереть въ ту пору! Если я мало извѣдалъ блага жизни, то испыталъ и мало бѣдствій ея. Моя спокойная душа могла бъ отлетѣть безъ горькаго сознанія людской несправедливости, отравляющаго и жизнь, и смерть. Я закрылъ бы глаза съ отрадной мыслію, что буду жить въ памяти лучшей половины своего существа. Это почти тоже, что умереть. Еслибъ меня не тревожила мысль о ея участи, я умеръ бы, какъ засыпаю; да и самая горечь безпокойства умѣрялась мыслію о любящемъ-нѣжномъ предметѣ моей любви. Я говорилъ ей: вы теперь хранительница всего моего существа; сдѣлайте такъ, чтобъ оно было счастливо. Случалось два, три раза, когда мнѣ дѣлалось хуже, я вставалъ ночью съ постели и кое-какъ пробирался въ комнату маменьки, гдѣ давалъ ей, въ отношеніи ея поведенія, совѣты, смѣю сказать, исполненные благоразумія и справедливости, но въ которыхъ участіе, принимавшееся мной въ судьбѣ ея, высказывалось яснѣе всего другого. Слезы были для меня точно пищей и лекарствомъ; сидя на ея кровати и держа ея руки въ своихъ, я подкрѣплялъ себя слезами, которыя проливалъ подлѣ нея. Часы протекали въ этихъ ночныхъ бесѣдахъ, и возвращаясь послѣ нихъ отъ маменьки, я всегда чувствовалъ себя гораздо лучше, чѣмъ когда приходилъ къ ней. Довольный и успокоенный данными ею обѣщаніями, обнадеженный ея словами, я засыпалъ съ миромъ въ сердцѣ и покорностію волѣ провидѣнія. Дай Богъ, чтобъ послѣ столькихъ обстоятельствъ, побудившихъ меня возненавидѣть жизнь, и столькихъ треволненій, вслѣдствіе которыхъ она сдѣлалась для меня бременемъ,—дай Богъ, чтобы смерть, которая должна завершить ее, была для меня также мало страшна, какъ была бы въ ту минуту!

Благодаря попеченіямъ, бдительности и невѣроятной заботливости маменьки, я былъ спасенъ, и конечно, только она одна и могла спасти меня. Я имѣю мало вѣры въ лекарство врачей, но много вѣрю въ цѣлебную силу истинныхъ друзей. Вещи, отъ которыхъ зависитъ наше счастіе, всегда дѣлаются гораздо лучше, чѣмъ всѣ прочія. Если есть въ жизни сладостное чувство, то это именно то, которое испытали мы, когда были возвращены другъ другу. Наша взаимная привязанность оттого не усилилась, это было невозможно, но она сдѣлалась какъ-то интимнѣе, трогательнѣе и чистосердечнѣе. Я дѣлался вполнѣ ея твореніемъ, вполнѣ

ея ребенкомъ, даже болѣе, чѣмъ еслибъ она была моею родною матерью. Сами того не замѣчая, мы сдѣлались совершенно неразлучными, слили въ одно оба наши существованія. Мы чувствовали, что были не только необходимы другъ для друга, но и совершенно достаточны одинъ другому, и поэтому привыкли не думать болѣе ни о чемъ постороннемъ, ограничивать наше счастіе и наши желанія обладаніемъ взаимнымъ и быть можетъ безпримѣрнымъ,—обладаніемъ, которое, какъ я уже сказалъ, не было основано на любви, но было болѣе существенно, и не завися ни отъ чувственности, ни отъ различія пола, ни отъ лѣтъ, ни отъ наружности, было связано со всѣмъ тѣмъ, что составляетъ сущность человѣка и что можно утратить не иначе, какъ вмѣстѣ съ жизнію.

Почему этотъ драгоцѣнный переломъ не повлекъ за собой для меня и маменьки счастія на всю жизнь? Я, съ своей стороны, въ томъ не виноватъ, и утѣшаюсь этимъ сознаніемъ; маменька тоже: по крайней мѣрѣ, она не желала этого. Было суждено, что непобѣдимая природа въ скоромъ времени снова вступитъ въ свои права. Но это роковое возвращеніе къ прежнему совершилось не вдругъ. Благодаря небу, былъ короткій и драгоцѣнный промежутокъ, окончившійся не по моей винѣ, и я не могу себя упрекнуть въ томъ, что дурно имъ воспользовался.

Хотя я излечился отъ тяжкой болѣзни, однакожъ силы мои не возстановились. Моя грудь не поправилась; лихорадка все еще отчасти продолжалась, а съ нею и упадокъ силъ. Теперь мнѣ ничего болѣе не хотѣлось, какъ окончить дни подлѣ той, которая была такъ дорога мнѣ, поддерживать ее въ благихъ намѣреніяхъ, дать ей понять, въ чемъ заключается истинная прелесть счастливой жизни, и содѣйствовать по мѣрѣ моихъ силъ и возможности ея счастію. Но я видѣлъ, даже чувствовалъ, что постоянное уединеніе и жизнь вдвоемъ въ мрачномъ, скучномъ домѣ, наконецъ надоѣстъ намъ. Средство для избѣжанія этого представилось какъ будто само собою. Маменька велѣла мнѣ пить молоко и хотѣла, чтобъ я ходилъ пить его за городъ. Я согласился, съ условіемъ, чтобъ она ходила со мною. Этого было достаточно, чтобъ она рѣшилась; оставалось избрать мѣсто. Садъ предмѣстья не былъ собственно загороднымъ: окруженный домами и другими садами, онъ вовсе не имѣлъ деревенской привлекательности. Кромѣ того, по смерти Анè, мы изъ экономіи оставили этотъ садъ, такъ какъ разводить въ немъ растенія не было охоты и другіе планы заставили насъ почти безъ сожалѣнія его покинуть.

Пользуясь проявившимся въ ней отвращеніемъ къ городу, я предложилъ ей уѣхать совсѣмъ и поселиться гдѣ нибудь въ хорошенькой уединенной деревушкѣ, въ скромненькомъ домикѣ, куда не могли бы проникать докучливые посѣтители. Она и сдѣлала бы это, и осуществле-

ніе этого намѣренія, внушеннаго намъ моимъ и ея ангелами—хранителями, дѣйствительно упрочило бы навсегда наше безмятежное счастіе, въ которомъ мы жили бы до той минуты, пока насъ не разлучила бы смерть. Но не такую долю готовила намъ будущность. Маменькѣ, проведшей жизнь въ изобиліи, суждено было испытать всю тягость бѣдности для того, чтобъ она могла разстаться съ этою жизнью съ меньшимъ сожалѣніемъ; я же, по стеченію разнаго рода бѣдствій, долженъ былъ служить впослѣдствіи примѣромъ каждому, кто единственно изъ любви къ общему благу и справедливости осмѣливается, сильный только правотою своихъ побужденій, открыто провозглашать истину людямъ, не стараясь полагаться на хитрость и коварство, не прибѣгая къ помощи покровительствующихъ партій.

Неумѣстная боязнь остановила маменьку. Она не посмѣла оставить свой отвратительный домъ, изъ опасенія разсердить хозяина. «Твой планъ—сказала она мнѣ—восхителенъ и совершенно въ моемъ вкусѣ, но чѣмъ будемъ мы жить въ нашей пустынѣ? Оставивъ свою тюрьму, я рискую лишиться насущнаго хлѣба. Когда же у насъ не станетъ средствъ жить въ деревнѣ, то вѣдь намъ все таки придется для пріисканія ихъ снова возвратиться въ городъ. Чтобъ меньше подвергаться этой необходимости, не будемъ оставлять его навсегда. Будемъ платить эту маленькую пенсію графу Сенъ-Лорану для того, чтобы онъ не лишалъ меня моей. Поищемъ себѣ убѣжища въ такомъ разстояніи отъ города, чтобъ насъ не стѣсняли посторонніе и чтобъ вмѣстѣ съ тѣмъ мы могли въ случаѣ надобности безъ затрудненія пріѣхать въ городъ». Такъ и было сдѣлано. Вскорѣ мы отыскали за заставой Шамбери такое пустынное и уединенное мѣсто, какъ будто оно находилось отъ города въ ста миляхъ, и поселились тамъ. Это было — Шарметъ, имѣніе г-на де-Конзье.

Между двумя довольно высокими холмами на югъ и сѣверъ идетъ небольшая долина; въ глубинѣ ея, пробираясь межъ камешковъ и деревьевъ, течетъ ручеекъ. Вдоль долины по косогору лѣпятся живописно разбросанныя домики, на которыхъ съ удовольствіемъ отдыхаетъ взоръ каждаго, кто любитъ мѣстность нѣсколько дикую и уединенную. Мы зашли въ два, три домика, осмотрѣли ихъ и наконецъ выбрали себѣ самый хорошенькій, принадлежавшій находившемуся на службѣ дворянину Ноаре. Домикъ оказался весьма помѣстительнымъ. Онъ выходилъ фасадомъ въ садъ, расположенный террасою; въ верхней части находился виноградникъ, въ нижней фруктовыя деревья; противъ сада каштановая рощица, вблизи источникъ, выше, на горѣ, пастбище для скота, словомъ все, что нужно было для маленькаго сельскаго хозяйства, какое мы думали тамъ завести. Сколько я могу припомнить время и числа, мы переѣхали туда въ концѣ лѣта 1736 года. Въ первый день послѣ пере-

ѣзда я былъ внѣ себя отъ восторга. — О, маменька,—сказалъ я этой дорогой подругѣ, цѣлуя и орошая ее лицо слезами радости и умиленія,— вотъ пріютъ счастія и непорочности! Если мы не найдемъ ихъ здѣсь, живя вмѣстѣ, то не надо и искать ихъ ни въ какомъ другомъ мѣстѣ.

КНИГА ШЕСТАЯ.

1736.

Hoc erat in votis: modus agri non ita magnus,
Hortus ubi, et tecto vicinus jugis aquae fons,
Et paulum silvae super his foret [1]).

Не могу прибавить:

Auctius atque
Di melius fecere [2]).

Но что до этого: я не желалъ больше ничего, не желалъ даже, чтобъ эта земля была моей собственностію; для меня было достаточно того, что я наслаждался ею. Давно уже я сознавалъ и высказывалъ, что собственникъ земли и владѣлецъ ея нерѣдко совершенно два различныя лица, даже оставляя въ сторонѣ мужей и любовниковъ.

Здѣсь начало моего кратковременнаго счастія; здѣсь наступаютъ для меня блаженныя, но мимолетныя минуты, дающія мнѣ право сказать, что я жилъ! Драгоцѣнныя минуты! зачѣмъ пролетѣли вы такъ быстро? дайте мнѣ снова пережить васъ хоть въ воспоминаніи и протекайте въ немъ, если возможно, медленнѣе, чѣмъ въ дѣйствительности, когда вы такъ быстро смѣнялись одна другою. Какъ исполнить мнѣ свое желаніе—продлить этотъ трогательный и простой разсказъ, какъ постоянно повторять все однѣ и тѣ же вещи, какъ сдѣлать, чтобы не наскучить читателямъ въ такой же точно мѣрѣ, въ какой я не наскучалъ самому себѣ, безпрестанно возобновляя эти вещи и въ словахъ, и на дѣлѣ? Если бы все это состояло только въ фактахъ, дѣйствіяхъ, словахъ, то я бы еще могъ описать это или передать какимъ-нибудь образомъ, но какъ выразить то, что не было ни сказано, ни даже подумано, что только ощущалось и чувствовалось, такъ что даже я не могъ опредѣлить сознательно

---

[1]) Вотъ все, чего я желалъ: порядочный клочекъ земли, садъ, источникъ чистой воды подлѣ домика и вмѣстѣ съ этимъ маленькая рощица. *Горацій*, книга II, ст. 6.

[2]) Боги ниспослали мнѣ больше, чѣмъ сколько я желалъ. *Тамъ же*.

причины моего счастія, которая заключалась въ самомъ ощущеніи этого счастія. Я вставалъ съ восходомъ солнца и былъ счастливъ; гулялъ и былъ счастливъ; видѣлъ маменьку и былъ счастливъ; уходилъ отъ нея и былъ счастливъ; я бродилъ по лѣсамъ, по пригоркамъ, долинамъ, читалъ, ничего не дѣлалъ, работалъ въ саду, собиралъ плоды, помогалъ въ хозяйствѣ и счастіе слѣдовало за мной повсюду; оно собственно не замѣчалось ни въ какой опредѣленной вещи, но всецѣло присутствовало во мнѣ самомъ и не могло ни на минуту покинуть меня.

Изъ всего случившагося со мной въ эту счастливую эпоху жизни, изъ всего, что я говорилъ, дѣлалъ и думалъ въ это время, ничто не изгладилось изъ моей памяти. То, что я переживалъ до и послѣ того времени, — вспоминается мною отрывочно, безъ всякой послѣдовательности и связи. Этотъ же періодъ моей жизни представляется мнѣ такъ живо, какъ будто онъ продолжается до сихъ поръ. Мое воображеніе, въ молодости всегда уносившее меня далеко впередъ, а теперь, напротивъ того, уносящее меня въ прошедшее, вознаграждаетъ меня этими сладкими воспоминаніями за потерянныя навсегда надежды. Будущее для меня пусто, вся отрада въ воспоминаніяхъ прошедшаго, и эти воспоминанія, столь живыя и правдивыя въ тотъ періодъ, о которомъ я говорю, нерѣдко дѣлаютъ меня счастливымъ даже среди бѣдствій.

Для примѣра приведу одно изъ такихъ воспоминаній, могущее дать понятіе о силѣ и вѣрности остальныхъ. Въ тотъ день, когда мы въ первый разъ отправились ночевать въ Шарметъ, маменьку несли на носилкахъ, а я слѣдовалъ за ними пѣшкомъ. Дорога шла въ гору; маменька была довольно тяжеловѣсна, и боясь утомить носильщиковъ, захотѣла почти на половинѣ пути выйти изъ носилокъ и тоже пойти пѣшкомъ. Мимоходомъ, она замѣтила что-то голубоватое у изгороди и сказала мнѣ: «Вотъ барвинокъ еще цвѣтетъ». До той поры я никогда не видалъ барвинковъ, и здѣсь наклонился, чтобы посмотрѣть цвѣтокъ; стоя прямо я не могу, по крайней близорукости, различать на землѣ растенія. Я взглянулъ на цвѣтокъ мелькомъ; вотъ уже около тридцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ и я больше ни разу не видалъ барвинковъ или не обращалъ на нихъ никакого вниманія. Въ 1764 году, будучи съ моимъ другомъ дю-Перу въ Кресье, мы поднимались на вершину маленькой горки, гдѣ былъ выстроенъ хорошенькій павильонъ, вполнѣ заслуживавшій названіе Belle-vue, которое далъ ему хозяинъ. Въ то время я началъ заниматься собираніемъ растеній. Взбираясь на горку и оглядывая кусты, я вдругъ радостно вскрикиваю: А, вотъ барвинокъ! и дѣйствительно я не ошибся. Дю-Перу замѣтилъ мой восторгъ, но не понималъ причины его. Надѣюсь, онъ узнаетъ ее, когда доведется ему прочитать эти строки. Читатель можетъ судить по впечатлѣнію, произ-

веденному на меня этимъ маленькимъ цвѣткомъ, какъ сильны были всѣ прочія впечатлѣнія, относившіяся къ тому времени.

Сельскій воздухъ не возвратилъ мнѣ однако прежняго здоровья. Изнеможеніе съ каждымъ днемъ увеличивалось. Молока я не могъ выносить, надо было его оставить. Вода считалась въ то время универсальнымъ лекарствомъ; я сталъ лечиться водою и употреблялъ ее въ такомъ количествѣ, что она чуть-чуть не освободила меня не только отъ болѣзни, но и отъ жизни. Каждое утро, вставая съ постели, я отправлялся съ большимъ стаканомъ къ источнику и въ продолженіи прогулки выпивалъ бутылки двѣ. Вина за столомъ я больше не употреблялъ. Вода, которую я пилъ, была жестоковата и отягощала желудокъ, какъ большая часть горныхъ ключевыхъ водъ. Словомъ, я такъ ловко распорядился, что менѣе чѣмъ въ два мѣсяца окончательно разстроилъ свой желудокъ, дотолѣ очень исправный. Когда пищевареніе мое прекратилось, я понялъ что мнѣ нечего было надѣяться на выздоровленіе. Въ это же время со мной случилось одно происшествіе, столь же странное само по себѣ, какъ и по своимъ послѣдствіямъ, которыя прекратятся лишь съ моею жизнію.

Въ одно утро, чувствуя себя не хуже обыкновеннаго, я устанавливалъ на ножку столикъ, и вдругъ ощутилъ во всемъ организмѣ внезапное, почти непостижимое, потрясеніе. Всего ближе могу я сравнить его съ чѣмъ то въ родѣ бури, поднявшейся въ моей крови и охватившей мгновенно всѣ мои члены. Мои артеріи и особенно шейныя, стали биться съ такою силою, что я не только чувствовалъ, но даже слышалъ ихъ біеніе. Къ этому присоединился большой шумъ въ ушахъ, и этотъ шумъ состоялъ изъ трехъ или скорѣе четырехъ звуковъ, а именно: изъ глухаго невнятнаго жужжанія, изъ болѣе явственнаго журчанія, похожаго на шумъ текущей воды, очень рѣзкаго свиста и біенія, о которомъ я только что сказалъ и удары котораго могъ легко считать, не щупая пульса и не дотрогиваясь руками до тѣла. Этотъ внутренній шумъ былъ такъ силенъ, что я лишился прежней тонкости слуха, и хотя не совсѣмъ оглохъ, но сталъ тугъ на ухо,—болѣзнь, оставшаяся у меня до сихъ поръ.

Легко вообразить себѣ мое удивленіе и ужасъ. Я думалъ, что умираю, легъ въ постель; призвали врача. Я разсказалъ ему, дрожа отъ страха, этотъ случай и полагалъ, что спасенія не было. Кажется, что и онъ былъ того же мнѣнія, однако принялся за свое ремесло. Онъ пустился со мной въ длинныя разсужденія, изъ которыхъ я ничего не понялъ, затѣмъ, на основаніи своей великолѣпной теоріи, сталъ пользовать меня in anima vili, по своему усмотрѣнію. Это экспериментальное леченіе было до того тяжело, отвратительно и не дѣйствительно, что

вскорѣ надоѣло мнѣ, и я, увидѣвъ чрезъ нѣсколько недѣль, что мнѣ ни лучше, ни хуже, оставилъ постель и возвратился къ прежнему образу жизни, не смотря на біеніе артерій и шумъ въ ушахъ, которыя уже не покидали меня съ этой поры, т. е. въ теченіе тридцати лѣтъ, ни на одно мгновеніе.

До того времени я любилъ много спать. Полнѣйшая безсонница, присоединившаяся ко всѣмъ этимъ симптомамъ и постоянно сопровождающая ихъ до настоящей минуты, окончательно убѣдили меня, что мнѣ остается не долго жить. Это убѣжденіе избавило меня на нѣкоторое время отъ заботъ о возстановленіи моего здоровья. Убѣдившись, что я не въ состояніи продолжать свою жизнь, я рѣшился воспользоваться, сколько возможно, оставшимся краткимъ срокомъ; и я могъ сдѣлать это, благодаря странной благосклонности природы, которая, не смотря на мое болѣзненное состояніе, избавляла меня отъ страданій, повидимому неизбѣжныхъ въ такомъ положеніи. Шумъ въ ушахъ надоѣдалъ мнѣ, но я отъ него не страдалъ; онъ не сопровождался никакимъ свойственнымъ ему неудобствомъ, кромѣ безсонницы ночью и постоянно тяжелаго дыханія, впрочемъ не доходившаго до удушья и безпокоившаго меня только тогда, когда я хотѣлъ бѣгать или слишкомъ напрягалъ свои силы.

Этотъ случай, который по настоящему долженъ былъ убить мое тѣло, убилъ только мои страсти, и я ежедневно благословляю небо за благодѣтельное дѣйствіе, произведенное имъ на мою душу. Могу сказать, что я началъ жить только съ той минуты, когда сталъ считать себя человѣкомъ мертвымъ. Оцѣнивая настоящимъ образомъ все, съ чѣмъ я долженъ былъ скоро разстаться навѣки, я сталъ стремиться къ занятіямъ болѣе благороднымъ, какъ будто предвкушая тѣ, которыя ждали меня впереди и которыми я пренебрегалъ до тѣхъ поръ. Прежде этого я нерѣдко передѣлывалъ религію на свой ладъ, но никогда не жилъ вовсе безъ религіи. Мнѣ было гораздо легче, чѣмъ кому либо другому обратиться къ этому предмету, столь печальному для большинства людей, но столь отрадному для того, кто ищетъ въ немъ утѣшенія и надежды. Маменька была въ этомъ случаѣ полезнѣе всевозможныхъ богослововъ.

Привыкнувъ приводить все въ систему, она не замедлила сдѣлать тоже и съ религіею. Эта система состояла изъ идей очень разнородныхъ, между которыми иныя были очень здравы, другія очень нелѣпы, изъ чувствъ, бывшихъ у ней врожденными, и предразсудковъ, привитыхъ воспитаніемъ. Вообще всѣ вѣрующіе придаютъ Богу тѣ свойства, которыми они сами обладаютъ; у добрыхъ людей онъ добръ, у злыхъ золъ; ядовитымъ, желчнымъ ханжамъ, которымъ хотѣлось бы предать проклятію весь міръ, мерещится постоянно адъ, люди кроткіе и любящіе

совсѣмъ не вѣрятъ въ него, и я не могу надивиться, какъ добрый Фенелонъ говоритъ о немъ въ своемъ «Телемакѣ», какъ будто онъ въ самомъ дѣлѣ вѣрилъ въ адъ. Но я надѣюсь, что онъ лгалъ, потому что какъ бы онъ ни былъ правдивъ по своей натурѣ, но въ санѣ католическаго епископа нельзя иногда не солгать. Маменька не лгала, говоря со мною, и эта добрѣйшая душа, которая не могла вообразить Бога существомъ мстительнымъ и карающимъ зло, видѣла только благость и милосердіе тамъ, гдѣ святоши видятъ только правосудіе и возмездіе. Страннѣе всего было то, что маменька, не вѣря въ адъ, вѣрила въ чистилище. Это проистекало изъ того, что она не знала, куда дѣвать души грѣшниковъ, потому что не могла ни предавать ихъ проклятію, ни оставлять до исправленія въ сообществѣ праведниковъ; и должно сознаться, что дѣйствительно злые люди очень много причиняютъ хлопотъ и въ здѣшней жизни, и въ будущей.

Другая странность. Ясно, что подобная система уничтожаетъ все ученіе о первобытномъ грѣхѣ и искушеніи, колеблетъ общепринятыя основы христіанизма, и что во всякомъ случаѣ, католицизмъ, при подобной системѣ, не можетъ существовать. Маменька между тѣмъ была строгая католичка, или считала себя такою, и навѣрное ея убѣжденія были совершенно искренни. Ей казалось, что Священное Писаніе толкуется слишкомъ буквально и слишкомъ грубо. Все, что говорится въ немъ о вѣчномъ мученіи, казалось ей сказаннымъ или ради устрашенія, или въ иносказательномъ смыслѣ. Въ смерти Іисуса Христа она видѣла примѣръ истинной христіанской любви, научающій людей любить Бога и другъ друга. Словомъ, оставаясь вѣрною исповѣдуемой ею религіи, она искренно признавала ея догматы; но когда дѣло доходило до отдѣльнаго разбора каждаго пункта, оказывалось, что она, вполнѣ повинуясь церкви, думала совсѣмъ не такъ, какъ эта послѣдняя. Она относилась къ этимъ предметамъ съ сердечной простотой, съ искренностью, которая была краснорѣчивѣе ученыхъ преній и нерѣдко ставила въ тупикъ даже ея духовника, отъ котораго она ничего не скрывала.—Я хорошая католичка—говорила она ему—и хочу всегда оставаться такою. Я принимаю всѣми силами души догматы святой церкви. Я не властна надъ своею вѣрой, но управляю своею волею. Я безусловно подчиняю ее и хочу вѣрить во все. Чего-же вамъ больше?

Мнѣ кажется, что еслибъ даже не было нравственнаго христіанскаго ученія, то маменька и тогда поступала бы согласно съ его принципами, такъ хорошо подходило оно къ ея характеру. Она исполняла все, что предписывалось, но дѣйствовала бы точно также безъ всякаго предписанія. Въ маловажныхъ вещахъ она любила повиноваться, и еслибъ ей не было позволено и даже приказано докторомъ ѣсть скоромное, она

стала бы соблюдать посты. Но вся ея мораль подчинялась беспрекословно принципамъ г-на Тавеля или, вѣрнѣе сказать, она не видѣла въ этомъ разлада съ своими собственными принципами. Съ совершенно спокойной совѣстію она отдавалась бы двадцати мужчинамъ въ одно время, не ощущая физической потребности, ни совѣстливости. Я знаю, что въ этомъ отношеніи большинство набожныхъ женщинъ также мало стѣсняется, но разница въ томъ, что онѣ увлекаются своими страстями, ее же соблазняли только ея софизмы. Среди разговоровъ самыхъ трогательныхъ, смѣю сказать, самыхъ назидительныхъ, она могла говорить объ этомъ обстоятельствѣ, не измѣняя ни выраженія лица, ни тона, не думая, что поступая такъ, противорѣчитъ самой себѣ. Въ случаѣ надобности она прервала бы даже этотъ разговоръ для дѣла и затѣмъ возобновила бы его съ прежнимъ спокойствіемъ, — до такой степени было искренно ея убѣжденіе, что все это было ничто иное, какъ правило, установленное общественною полиціею, и что слѣдовательно каждая отдѣльная разумная личность можетъ, ни мало не рискуя оскорбить Бога, уклоняться отъ этого правила примѣнять его къ жизни по своему усмотрѣнію и точно также перетолковывать. Хотя я, конечно, не соглашался съ этимъ мнѣніемъ, однакожъ сознаюсь, не смѣлъ опровергать его, стыдясь роли, которую мнѣ пришлось бы играть въ этомъ случаѣ. Я съ удовольствіемъ постарался бы сдѣлать мое мнѣніе въ этомъ случаѣ правиломъ для другихъ, а себя сдѣлать исключеніемъ, но кромѣ того, что темпераментъ ея достаточно предохранялъ ее отъ злоупотребленія своихъ принциповъ, — я зналъ, что эту женщину нельзя обмануть и что требовать исключенія для себя значило предоставить ей право дѣлать исключеніе для кого ей угодно. Впрочемъ, я только къ слову упомянулъ здѣсь объ этой непослѣдовательности въ характерѣ, хотя она вообще имѣла мало вліянія на ея поведеніе, а въ то время, о которомъ я говорю, не имѣла рѣшительно никакого. Но я обѣщалъ съ точностію изложить ея принципы и хочу сдержать слово. Возвращаюсь къ себѣ.

Находя въ ней всѣ убѣжденія, которыя были мнѣ необходимы для предохраненія моей души отъ ужасовъ смерти и ея послѣдствій, я съ довѣріемъ черпалъ изъ этого источника. Сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь, я привязался къ маменькѣ; я желалъ бы съ ея жизнію нераздѣльно слить мою собственную, которая, какъ мнѣ казалось, была готова меня покинуть. Эта удвоенная привязанность, эта увѣренность въ моей будущности, произвели благодѣтельный результатъ, приведя меня въ ровное, спокойное и даже чувственное настроеніе. Не стремясь въ даль, не волнуясь ни страхомъ, ни надеждой, я беззаботно и безмятежно предавался наслажденію тѣми немногими днями, которые мнѣ оставалось жить на

свѣтѣ. Одно обстоятельство еще увеличивало прелесть этихъ дней; то было стараніе поддержать въ маменькѣ расположеніе къ сельской жизни всевозможными развлеченіями. По мѣрѣ того, какъ я заставлялъ ее любить садъ, птичникъ, голубей, коровъ, я самъ привязывался ко всему этому, и эти мелочныя занятія, наполнявшія мой день, не возмущая спокойствія, принесли моему здоровью больше пользы, чѣмъ молоко и разныя лекарства.—и не только поддержали мой жалкій организмъ, но, на сколько было возможно, даже возстановили его.

Подъ конецъ года намъ представилось новое развлеченіе—въ собираніи винограда и плодовъ; мы все болѣе и болѣе привязывались къ сельской жизни и окружавшимъ насъ добрымъ людямъ. Съ большимъ сожалѣніемъ встрѣтили мы наступленіе зимы и возвратились въ городъ съ такимъ чувствомъ, какъ будто отправлялись въ ссылку; въ особенности было тяжело мнѣ, потому что я не надѣялся снова увидать весну и поэтому думалъ, что прощаюсь съ Шарметъ навсегда. Я разстался съ мирнымъ убѣжищемъ, расцѣловавъ землю и деревья, и удаляясь, оборачивался нѣсколько разъ, чтобы взглянуть на него.

Такъ какъ я давно уже оставилъ своихъ ученицъ и потерялъ охоту къ свѣтскимъ удовольствіямъ и городскому обществу, то по возвращеніи изъ Шарметъ, я не выходилъ изъ дома и кромѣ маменьки и г-на Соломона, никого не видѣлъ. Съ недавняго времени Соломонъ сдѣлался нашимъ медикомъ. Онъ былъ человѣкъ честный и умный, истый послѣдователь Декарта, весьма удовлетворительно говорилъ о системѣ міровъ, и его занимательные и поучительные разговоры дѣйствовали на меня благодѣтельнѣе всѣхъ его рецептовъ. Никогда не могъ я выносить глупой, пошлой болтовни обычныхъ разговоровъ; но разговоры полезные и основательные всегда доставляли мнѣ большое удовольствіе, и я никогда отъ нихъ не отказывался. Мнѣ очень нравились бесѣды съ г. Соломономъ. Слушая его, казалось, что я заранѣе запасаюсь тѣми высокими свѣдѣніями, которыми, по моему мнѣнію, должна была обогатиться моя душа, какъ скоро она освободилась бы отъ своей земной оболочки. Мое расположеніе къ г. Соломону распространилось и на предметы, о которыхъ онъ разсуждалъ, и я сталъ читать тѣ книги, которыя способствовали бы мнѣ лучше понимать его. Самыми полезными въ этомъ отношеніи были тѣ сочиненія, гдѣ трактовалось и о наукахъ и о предметахъ религіозныхъ. Я принялся читать или, вѣрнѣе, пожирать ихъ. Мнѣ попалась въ руки одна книга священника Лами, подъ заглавіемъ: «Бесѣды о наукахъ». Это было нѣчто въ родѣ введенія къ ученымъ сочиненіямъ, относящимся къ тому же предмету. Я читалъ и перечиталъ ее разъ до ста и рѣшился принять ее въ руководство. Наконецъ, не смотря на мое болѣзненное состояніе или, скорѣе, вслѣдствіе его я почувство-

валъ неодолимое влеченіе къ наукѣ и хотя считалъ каждый день послѣднимъ въ жизни, но учился съ такимъ жаромъ, какъ будто долженъ былъ жить вѣчно. Говорили, что такой усиленный трудъ вредилъ мнѣ, я же полагаю, что онъ принесъ мнѣ пользу не только въ нравственномъ, но и въ физическомъ отношеніи, потому что эти занятія до того восхищали меня, что я забывалъ о своихъ недугахъ, слѣдовательно меньше страдалъ. Справедливо однакожъ и то, что дѣйствительнаго облегченія не приносило мнѣ ничто; но такъ какъ сильныя боли прекратились, то я привыкъ томиться, не спать, думать, вмѣсто того чтобъ дѣйствовать, и, наконецъ, смотрѣть на постепенное разрушеніе моего организма, какъ на неизбѣжный ходъ болѣзни, остановить который могла только смерть.

Эта мысль не только сдѣлала меня совершенно равнодушнымъ ко всѣмъ суетнымъ житейскимъ заботамъ, но и избавила отъ несносныхъ лекарствъ, употреблять которыя я долженъ былъ до тѣхъ поръ противъ воли. Соломонъ, убѣдившись въ недѣйствительности своихъ микстуръ, избавилъ меня отъ непріятности глотать ихъ, и только для успокоенія маменьки прописывалъ кое-какія невинныя средства, которыми обыкновенно искусственно поддерживается въ больномъ надежда на выздоровленіе и вѣра въ медика. Я оставилъ строгую діэту, сталъ опять употреблять вино и вообще вести жизнь человѣка здороваго, конечно, сообразуясь съ своими силами, сохраняя умѣренность во всемъ, но ни отъ чего не удерживаясь. Я сталъ даже выходить на воздухъ и снова посѣщать своихъ знакомыхъ, въ особенности г. де-Конзье, бесѣды съ которымъ мнѣ очень нравились. Наконецъ, потому ли, что мнѣ было пріятно учиться до самаго смертнаго часа, или въ глубинѣ сердца существовалъ остатокъ надежды, но ожиданіе смерти не только не уменьшало моей охоты къ ученію, а казалось возбуждало ее еще болѣе, и я торопился запасаться кое-какими познаніями для загробной жизни, точно думалъ, что тамъ придется пробавляться лишь тѣмъ, что мнѣ удастся захватить съ собой. Я очень полюбилъ лавку книгопродавца Бушара, куда приходили иногда нѣкоторые изъ литераторовъ; такъ какъ весна, которую, какъ я полагалъ, мнѣ уже не было суждено увидѣть, приближалась, то я отобралъ нѣсколько книгъ, чтобъ взять съ собой въ Шарметъ, если буду имѣть счастіе возвратиться туда.

Мнѣ привелось испытать вновь это счастіе, и я воспользовался имъ какъ нельзя лучше. Увидѣть снова весну было для меня тоже, что воскреснуть въ раю. Едва началъ таять снѣгъ, какъ мы оставили нашу темницу и переселились въ Шарметъ какъ разъ во-время, для того, чтобы слышать первое пѣніе соловьевъ. Съ этого времени я больше не думалъ, что умру, и въ самомъ дѣлѣ странно, что въ деревнѣ я никогда не бывалъ серьезно боленъ. Я страдалъ тамъ много, но ни разу

не доводилось мнѣ слечь въ постель. Часто говорилъ я, чувствуя себя хуже обыкновеннаго: когда вы увидите, что я умираю, отнесите меня подъ тѣнь дуба,—и я ручаюсь, что не умру.

Не смотря на слабость, я опять принялся за свои прежнія занятія, соображаясь, впрочемъ, съ своими силами. Мнѣ было крайне грустно, что я не могъ обработать весь садъ; но послѣ нѣсколькихъ ударовъ заступомъ я задыхался, потъ катился съ меня градомъ, и я не былъ въ состояніи продолжать работу. Когда я наклонялся, біеніе сердца удваивалось, кровь приливала въ голову съ такой силой, что я долженъ былъ скорѣе выпрямляться. Принужденный ограничиться занятіями менѣе утомительными, я взялъ между прочимъ на свое попеченіе голубятню и до того привязался къ ней, что нерѣдко просиживалъ въ ней по нѣскольку часовъ сряду и ни минуты не скучалъ. Голубь очень робокъ и его трудно сдѣлать ручнымъ; однакожъ я добился, что мои голуби не пугались меня, всюду летали за мной и давали во всякое время поймать себя. Какъ скоро показывался я въ саду или на дворѣ, два-три голубя тотчасъ же спускались ко мнѣ на руки или на голову. Но, наконецъ, не смотря на то, что это доставляло мнѣ удовольствіе, постоянная голубинная свита такъ мнѣ надоѣла, что я былъ принужденъ отучить ихъ отъ такой фамильярности. Я всегда находилъ странное удовольствіе въ прирученіи животныхъ, особенно боязливыхъ и дикихъ. Мнѣ всегда было крайне пріятно внушать имъ довѣріе, которое всегда оправдывалъ. Я хотѣлъ, чтобы они любили меня на свободѣ.

Я сказалъ, что запасся книгами. Я читалъ ихъ, но способъ моего чтенія могъ скорѣе утомить меня, чѣмъ развить. Вслѣдствіе ложнаго понятія о вещахъ, я былъ убѣжденъ, что для чтенія съ пользою слѣдуетъ имѣть всѣ знанія, какія предполагаются въ книгѣ и вовсе не думалъ, что часто самъ авторъ не имѣлъ ихъ и по мѣрѣ надобности почерпалъ ихъ изъ другихъ книгъ. Съ такимъ нелѣпымъ взглядомъ, я ежеминутно отрывался отъ чтенія, будучи принужденъ безпрестанно перебѣгать съ одной книги къ другой, и иногда, прежде чѣмъ доходилъ до десятой страницы той книги, которую хотѣлъ изучить, перерывалъ цѣлыя библіотеки. Но я до того упорствовалъ въ этомъ нелѣпомъ методѣ, что потерялъ чрезвычайно много времени и едва не затуманилъ головы до невозможности понимать или знать что бы то ни было. Къ счастію я замѣтилъ, что пустился по ложной дорогѣ, ведшей меня въ непроходимый лабиринтъ, и сошелъ съ нея прежде нежели окончательно заблудился.

Если только имѣть истинную наклонность къ наукамъ, то предавшись имъ, прежде всего чувствуешь ихъ взаимную связь, вслѣдствіе которой одна наука влечетъ за собою другую, помогаетъ другъ другу

и не можетъ обойтись одна безъ другой. Хотя умъ человѣческій не можетъ обнять всѣхъ наукъ, и поэтому всегда избираешь для изученія преимущественно одну, какъ главную, однакожъ если не имѣешь предварительныхъ понятій о прочихъ, то и относительно своей спеціальности находишься во тьмѣ. Я чувствовалъ, что предпринятое мною было само по себѣ хорошо и полезно и что слѣдовало только измѣнить методъ. Я принялся прежде всего за «Энциклопедію» и раздѣлилъ ее на отдѣлы. Я увидѣлъ, что надо было поступать совсѣмъ не такъ, какъ я поступалъ до тѣхъ поръ, что слѣдовало брать каждый отдѣлъ особо и слѣдить за нимъ до точки соединенія съ другими. Такимъ образомъ я опять пришелъ къ обычному синтезу, но возвратился къ нему уже какъ человѣкъ, знающій что дѣлаетъ. Размышленіе замѣняло мнѣ въ этомъ случаѣ познанія, и одно очень естественное разсужденіе служило мнѣ хорошимъ руководителемъ Я думалъ, что останусь ли я въ живыхъ или умру, мнѣ нельзя было терять время понапрасну. Кто почти до двадцати пяти лѣтъ ничего не знаетъ и хочетъ выучиться, тотъ долженъ дорожить своимъ временемъ. Не зная, въ какую пору судьба или смерть располагали остановить мое рвеніе, я хотѣлъ на всякій случай пріобрѣсть понятіе обо всемъ, какъ для того, чтобъ узнать свои природныя способности, такъ и для того, чтобъ самому судить о томъ, что наиболѣе достойно изученія.

Въ выполненіи этой задачи я нашелъ еще другую выгоду, о которой прежде не подумалъ, выгоду—употреблять много времени съ пользой. Должно быть я не рожденъ для ученья: продолжительныя занятія утомляютъ меня до такой степени, что я рѣшительно не могу даже полчаса усидчиво заниматься однимъ и тѣмъ же предметомъ, особенно когда слѣжу за чужими идеями,—потому что своимъ собственнымъ мнѣ случалось иногда предаваться гораздо дольше и притомъ довольно успѣшно. Когда впродолженіи нѣсколькихъ страницъ я слѣжу за авторомъ, требующимъ внимательнаго чтенія, моя мысль отклоняется отъ предмета и уносится въ облака. Упорствуя, я истощаю себя напрасно, со мной дѣлается головокруженіе, и я больше ничего не вижу. Но лишь станутъ смѣняться различные предметы, даже безъ перерыва одинъ за другимъ, каждый служитъ мнѣ отдохновеніемъ отъ другого, и я слѣжу за ними безъ остановки гораздо легче. Этимъ замѣчаніемъ я воспользовался при дальнѣйшихъ занятіяхъ и такъ разнообразилъ ихъ, что занимаясь цѣлый день, никогда не утомлялся. Правда, что сельскія и домашнія заботы составляли полезное развлеченіе, но при моемъ возраставшемъ рвеніи я нашелъ скоро средство отымать и отъ этихъ занятій время для науки и заниматься разомъ двумя дѣлами, не подозрѣвая, что каждое дѣло шло оттого менѣе успѣшно.

Это множество мелкихъ подробностей, которыя приводятъ меня въ восторгъ и часто надоѣдаютъ до нельзя моему читателю, я привожу однакожъ съ такой умѣренностью, какой онъ вовсе и не подозрѣвалъ бы, еслибъ я самъ не позаботился предупредить его. Здѣсь, напримѣръ, я вспоминаю съ наслажденіемъ различныя попытки мои распредѣлить время такимъ образомъ, чтобъ я могъ найти столько же удовольствія, сколько и пользы, и могу сказать, что это время, когда я жилъ въ уединеніи и въ постоянной болѣзни, оказалось наименѣе празднымъ и наименѣе скучнымъ временемъ всей моей жизни. Два или три мѣсяца прошли такимъ образомъ въ развѣдываніи наклонностей моего ума, и въ томъ, что въ самое лучшее время года, придававшее окружавшей меня природѣ еще болѣе очарованія, я наслаждался прелестью жизни, цѣну которой я такъ хорошо понималъ, прелестью общества, столь же свободнаго, какъ и пріятнаго, если только можно назвать обществомъ тѣсное общеніе другъ съ другомъ, и наконецъ тѣми знаніями, которыя я разсчитывалъ пріобрѣсти. Разсчитывать на это было для меня все равно, что обладать, или даже еще лучше, потому что удовольствіе учиться много способствовало моему счастью.

Надобно умолчать объ этихъ попыткахъ; всѣ онѣ были для меня истиннымъ наслажденіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ слишкомъ просты, чтобы можно было объяснить ихъ. Повторю еще разъ, истинное счастье нельзя описать, оно ощущается, и ощущается тѣмъ лучше, чѣмъ меньше можно описать его, потому что оно не есть результатъ собранныхъ фактовъ, а существуетъ постоянно. Я часто повторяюсь, но повторялся бы еще чаще, если бы говорилъ однѣ и тѣ же вещи всякій разъ, какъ онѣ приходятъ мнѣ на умъ. Когда наконецъ мой образъ жизни, часто измѣнявшійся, сдѣлался однообразнымъ,—вотъ какимъ образомъ приблизительно распредѣлялось мое время.

Каждое утро я вставалъ до восхода солнца и отправлялся чрезъ сосѣдній фруктовый садъ на очень хорошенькую дорогу, которая шла выше виноградника, по берегу рѣчки, до Шамбери. Тамъ, гуляя, я читалъ молитву, состоявшую не въ одномъ пустомъ движеніи губъ, но въ искреннемъ вознесеніи сердцемъ къ Творцу этой милой природы, красоты которой были у меня предъ глазами. Я никогда не любилъ молиться въ комнатѣ; мнѣ кажется, что стѣны и всѣ мелочныя произведенія рукъ человѣческихъ становятся между Богомъ и мной. Я люблю созерцать Бога въ его твореніяхъ, между тѣмъ какъ мое сердце возносится къ нему; могу сказать, что молитвы мои были чисты, слѣдовательно достойны быть услышанными. Для себя и для той, съ кѣмъ мои молитвы никогда не разлучали меня, я просилъ лишь невинной и спокойной жизни, непричастной пороку, печали и тяжелой бѣдности, просилъ

смерти праведныхъ и ихъ участи въ будущей жизни. Впрочемъ, молитва моя проходила больше въ удивленіи и созерцаніи, чѣмъ въ просьбахъ: я зналъ, что лучшій способъ получить отъ подателя истинныхъ благъ нужныя намъ блага состоитъ менѣе въ томъ, чтобъ просить ихъ, чѣмъ въ томъ, чтобъ ихъ заслужить. Послѣ порядочной прогулки, я шелъ кругомъ домой, разсматривая съ любопытствомъ и наслажденіемъ, окружавшіе меня сельскіе предметы, которые только одни никогда не утомляютъ ни глазъ, ни сердца. Издали я смотрѣлъ, есть ли движеніе въ домѣ маменьки. Когда я видѣлъ, что ставни отворены, то вздрагивалъ отъ радости и бѣжалъ къ ней; въ противномъ случаѣ заходилъ въ садъ, гдѣ ожидалъ ея пробужденія или припоминалъ то, что вычиталъ наканунѣ, или занимался садоводствомъ. Ставни отворялись, я шелъ обнять маменьку, нерѣдко находившуюся еще въ просонкахъ, и это объятіе, столь же чистое, какъ нѣжное, получало, именно вслѣдствіе своей невинности такое обаяніе, какимъ никогда не сопровождается чувственное сладострастіе.

Нашъ завтракъ состоялъ обыкновенно изъ кофе съ молокомъ. Это время дня было для насъ самое спокойное; тутъ мы разговаривали на свободѣ. Эти бесѣды, обыкновенно довольно продолжительныя, внушили мнѣ и сохранили до сихъ поръ наклонность къ завтракамъ, и обычай англичанъ и швейцарцевъ, у которыхъ завтракъ составляетъ настоящій обѣдъ и собираетъ всѣхъ домашнихъ, я ставлю гораздо выше обычая, существующаго во Франціи, гдѣ каждый завтракаетъ отдѣльно, у себя въ комнатѣ, или всего чаще, совсѣмъ не завтракаетъ. Послѣ часа или двухъ бесѣды, я просиживалъ до обѣда за книгами. Начиналъ я всегда съ какого-нибудь философскаго сочиненія, напр. съ «Логики» Поръ-Рояля, «Опытовъ» Локка, Мальбранша, Лейбница, Декарта и проч. Вскорѣ я замѣтилъ, что всѣ эти писатели почти постоянно противорѣчатъ другъ другу, и составилъ несбыточный проектъ согласить ихъ между собою; это очень утомило меня и отняло у меня даромъ много времени. Я сбивался съ толку и не двигался впередъ. Наконецъ, отказавшись и отъ этого метода, я принялъ несравненно лучшій, которому и приписываю всѣ успѣхи, сдѣланные мною, несмотря на недостаточность моихъ способностей,—такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что въ этомъ отношеніи я былъ почти бездаренъ. Я поставилъ себѣ правиломъ усвоивать при чтеніи идеи каждаго автора и слѣдить за ними, не примѣшивая ни своихъ собственныхъ, ни постороннихъ, и никогда не оспаривая автора. Я сказалъ себѣ: начнемъ съ того, что сдѣлаемъ себѣ запасъ идей, истинныхъ или ложныхъ, но вполнѣ сознанныхъ, пока голова моя не снабдится ими на столько, чтобъ я получилъ возможность сравнивать ихъ между собою и выбирать. Знаю, этотъ методъ тоже

представляетъ неудобства, но онъ удался мнѣ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ я думалъ только такъ какъ другіе, такъ сказать, не размышляя и почти не разсуждая, я нашелъ въ себѣ весьма достаточный запасъ познаній для того, чтобъ позволить мнѣ думать безъ помощи другихъ. Впослѣдствіи, когда путешествія и дѣла отняли у меня возможность пользоваться книгами, я находилъ удовольствіе въ томъ, что припоминалъ и сравнивалъ то, что читалъ прежде, взвѣшивалъ каждую вещь на вѣсахъ разсудка и судилъ иногда своихъ учителей. Хотя я началъ поздно примѣнять къ дѣлу свою разсудочную способность, однакожъ не нахожу, чтобъ она потеряла свою силу, и когда я издалъ въ свѣтъ свои собственныя мысли, никто не упрекнулъ меня въ ученическомъ подобострастіи или въ томъ, что я присягалъ *in verba magistri*.

Отъ этихъ занятій я перешелъ къ элементарной геометріи; дальше этого я никогда не заходилъ, потому что съ упорствомъ старался побѣдить свою плохую память безчисленными повтореніями пройденнаго и безпрестанно начиналъ сызнова. Мнѣ не нравилось ученіе Эвклида, который больше добивается цѣли выводовъ, чѣмъ связи мыслей; я предпочиталъ теорію о. Лами, и съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался однимъ изъ моихъ любимыхъ авторовъ; да и теперь я перечитываю съ удовольствіемъ его сочиненія. Затѣмъ слѣдовала алгебра; руководителемъ служилъ мнѣ тотъ же о. Лами. Подвинувшись впередъ, я взялъ «Науку вычисленія» о. Рено, потомъ его «Доказанный анализъ», который просмотрѣлъ лишь слегка. Я никогда не зналъ математику настолько, чтобъ хорошенько понять приложеніе алгебры къ геометріи. Мнѣ не нравился этотъ способъ дѣйствія, въ которомъ не видишь того, что дѣлаешь, и рѣшать геометрическую задачу посредствомъ уравненій казалось мнѣ тѣмъ же самымъ, что играть арію на шарманкѣ. Когда я въ первый разъ нашелъ посредствомъ вычисленія, что квадратъ бинома состоитъ изъ квадрата каждой части его и изъ двойнаго произведенія одной части на другую, то не смотря на вѣрность сдѣланнаго мною умноженія, не хотѣлъ вѣрить этому до тѣхъ поръ, пока не начертилъ фигуры. Это происходило не оттого, что я не очень любилъ алгебру, видя въ ней лишь одни отвлеченныя количества, но мнѣ хотѣлось, когда ее примѣняли къ пространству, видѣть исчисленія выраженныя линіями, иначе я ровно ничего не понималъ. За алгеброй слѣдовалъ латинскій языкъ. Изученіе его было для меня всего труднѣе, и я никогда не оказывалъ въ немъ большихъ успѣховъ. Сначала я сталъ учиться по методу Поръ-Рояля, но безъ пользы. Эти стихи наводили на меня тошноту и мое ухо не могло свыкнуться съ ними. Я терялся въ безчисленномъ множествѣ правилъ, и заучивая послѣднее, забывалъ все предыдущее. Человѣку,

не имѣющему памяти, нужно совсѣмъ не заучиваніе словъ; а я именно этимъ способомъ и хотѣлъ насильственно изощрить ее. Надо было наконецъ отъ этого отказаться. Постройку рѣчи я понималъ на столько, что могъ съ помощью лексикона читать сочиненія легкихъ авторовъ. Я шелъ этимъ путемъ и былъ доволенъ. Я началъ прилежно заниматься переводами, не письменными, а изустными и ограничился ими. Съ помощью времени и упражненія, я добился того, что читалъ довольно бѣгло латинскихъ писателей, но никогда не могъ ни говорить, ни писать на этомъ языкѣ, что̀ нерѣдко ставило меня въ затрудненіе, когда, самъ не знаю какимъ образомъ, я попался въ среду литераторовъ.

Другое неудобство, проистекавшее отъ этого метода занятій, было то, что я никогда не зналъ просодіи и еще меньше зналъ правила стихосложенія. Я желалъ однакожъ понимать гармонію языка въ стихахъ и прозѣ и дѣлалъ большія усилія, чтобъ добиться этого; но я убѣжденъ, что безъ учителя это почти невозможно. Когда я изучилъ составленіе гекзаметровъ, самой легкой формы стиха, то у меня стало терпѣнія проскандировать почти всего Виргилія съ означеніемъ стопъ и количества слоговъ; и потомъ, когда я не зналъ, какой былъ слогъ, долгій или короткій, то всегда справлялся съ Виргиліемъ. Понятно, что это заставляло меня дѣлать много ошибокъ, такъ какъ я не принималъ во вниманіе уклоненій, допускаемыхъ правилами стихосложенія. Если изученіе какого-нибудь предмета безъ учителя имѣетъ свои преимущества, то оно сопряжено и съ большими неудобствами, а главное—съ непреодолимыми трудностями. Я знаю это лучше всякаго другого.

Къ полудню, я оставлялъ свои книги, и если обѣдъ не былъ еще готовъ, то посѣщалъ своихъ друзей — голубей, или работалъ въ саду. Первый зовъ къ обѣду заставлялъ меня бѣжать радостно и ѣсть съ большимъ аппетитомъ; во мнѣ замѣчательно то, что какъ бы я ни былъ боленъ, аппетитъ у меня всегда очень хорошій. За обѣдомъ бывало очень пріятно: мы разговаривали о своихъ дѣлахъ, ожидая пока маменька могла начать кушать. Два или три раза въ недѣлю, въ хорошую погоду, мы отправлялись пить кофе въ густолиственную садовую бесѣдку за домомъ, которую я обсадилъ хмѣлемъ и въ которой мы сидѣли во время жары. Мы проводили тамъ около часа, осматривая наши овощи и цвѣты, разсуждая о нашемъ образѣ жизни; эти разговоры давали намъ еще болѣе чувствовать всю прелесть этой жизни. Въ концѣ сада у меня была другая маленькая семейка: пчелы. Я никогда не упускалъ случая зайти къ нимъ и часто дѣлалъ это вмѣстѣ съ маменькой. Я очень интересовался ихъ работой, съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ, какъ онѣ возвращались въ улей, неся иногда на своихъ маленькихъ лапкахъ столько тяжести, что не могли свободно передвигать но-

гами. Въ первые дни любопытство довело меня до нескромности, и раза два или три пчелы ужалили меня; но впослѣдствіи мы такъ хорошо познакомились, что какъ бы близко я ни подходилъ, онѣ допускали меня, и какъ ни были полны ульи, готовые роиться, никогда ни одна пчела не ужалила меня, хотя иногда онѣ окружали меня и садились мнѣ на руки и на лицо. Всѣ животныя опасаются человѣка, — и они правы; когда же они разъ увѣрятся, что онъ не хочетъ вредить имъ, то довѣріе ихъ становится такъ велико, что надобно быть больше, чѣмъ варваромъ, чтобъ злоупотреблять имъ.

Потомъ я возвращался къ своимъ книгамъ; но мои послѣобѣденныя занятія скорѣе можно было назвать отдохновеніемъ и забавой, чѣмъ трудомъ и ученьемъ. Никогда не могъ я выносить послѣ обѣда серьезныя занятія, и вообще всякій трудъ во время дневного жара достается мнѣ не даромъ. Тѣмъ не менѣе я занимался, но безъ стѣсненія и почти безъ порядка; не учился, а читалъ. Всего усерднѣе занимался я въ эти часы исторіей географіи, и такъ какъ этотъ предметъ не требовалъ сосредоточенности ума, то я и успѣлъ въ немъ на столько, на сколько позволялъ мнѣ недостатокъ моей памяти. Я хотѣлъ изучить о. Пето и углубился въ мракъ хронологіи; но мнѣ скоро опротивѣла критическая часть, бездонная и безбрежная, и я преимущественно пристрастился къ точному вычисленію времени и къ теченію небесныхъ тѣлъ. Я полюбилъ бы даже и астрономію, если бы у меня были инструменты; но я долженъ былъ довольствоваться кое-какими элементарными свѣдѣніями, почерпнутыми изъ книгъ и простыми наблюденіями при помощи подзорной трубы только для того, чтобъ ознакомиться съ общимъ расположеніемъ небесныхъ тѣлъ; страдая близорукостью, я не могу ясно различать ихъ невооруженнымъ глазомъ. При этомъ со мною случилось одно приключеніе, воспоминаніе о которомъ часто заставляло меня смѣяться. Я купилъ небесную планисферу для изученія созвѣздій. Я вставилъ планисферу въ рамку и по ночамъ, когда небо было чисто, отправлялся въ садъ, гдѣ устанавливалъ рамку горизонтально, на четыре кола, вышиною въ мой ростъ, а свѣчку для освѣщенія планисферы прилѣпливалъ на дно ведра, чтобъ вѣтромъ не задуло огня, и ставилъ ведро на землю между четырьмя колышками; затѣмъ, смотря поперемѣнно то на планисферу, то, съ помощью подзорной трубы, на небесныя свѣтила, старался изучать звѣзды и различать созвѣздія. Кажется, я уже сказалъ, что садъ г. Ноаре былъ расположенъ террасою; съ дороги было видно все, что дѣлалось въ немъ. Однажды вечеромъ, довольно поздно, проходившіе мимо увидѣли меня въ этой уморительной обстановкѣ. Свѣтъ, отражавшійся на планисферѣ, и причины котораго они не видали, потому что горѣвшая свѣча скрывалась отъ ихъ

глазъ за краями ведра, четыре колышка, большой листъ, испещренный фигурами, рамка и передвигавшаяся подзорная трубка, придавали всему этому характеръ чертовщины, ужаснувшей ихъ. Мой костюмъ былъ не особенно способенъ успокоить ихъ; нахлобученная шляпа сверхъ колпака и маменькина ваточная кацавейка, которую она заставила меня надѣть, дѣлали изъ меня, на ихъ глаза, настоящаго колдуна; а такъ какъ была почти полночь, то они нисколько не сомнѣвались, что начинается чертовскій шабашъ.

Не любопытствуя знать, что будетъ дальше, крестьяне съ испуга бросились бѣжать, разбудили сосѣдей и разсказали имъ о томъ, что имъ привидѣлось. Исторія эта разнеслась очень быстро; на слѣдующій же день извѣстно было во всемъ околодкѣ, что черти собираются у г. Ноаре. Не знаю, какія были бы послѣдствія разнесшагося слуха, если бы одинъ изъ крестьянъ, свидѣтель моихъ заклинаній, не принесъ въ этотъ же день жалобы двумъ іезуитамъ, которые бывали у насъ, и которые, сами не зная въ чемъ дѣло, разубѣдили поселянъ на всякій случай. Іезуиты разсказали намъ эту исторію, я сказалъ имъ причину ея, и мы всѣ много смѣялись. Впрочемъ изъ опасенія, чтобы этотъ случай не повторился, было рѣшено, что отнынѣ я стану дѣлать наблюденія не при огнѣ, а планисферу буду разсматривать дома. Каждый, кто читалъ въ «Письмахъ съ Горы» о моей магіи въ Венеціи, найдетъ, безъ сомнѣнія, что я уже съ давнихъ поръ имѣлъ призваніе къ чародѣйству.

Таковъ былъ мой образъ жизни въ Шарметъ, когда я не бывалъ занятъ никакими сельскими заботами; этимъ послѣднимъ я всегда отдавалъ предпочтеніе, и когда дѣло не превышало моихъ силъ, работалъ, какъ настоящій земледѣлецъ; но правда, что вслѣдствіе моей чрезвычайной слабости вся моя заслуга въ этомъ отношеніи состояла тогда только въ доброй волѣ. Къ тому же, я хотѣлъ за одно исполнить два дѣла, и оттого ни одно не выполнялось хорошо. Я задумалъ насильно развить свою память и настойчиво зубрилъ наизусть. Для этого я всегда носилъ съ собой какую-нибудь книгу, которую долбилъ и повторялъ наизусть, когда работалъ. Не знаю, какъ еще я не отупѣлъ совершенно отъ такого упорства въ напрасныхъ и постоянныхъ усиліяхъ. Разъ двадцать, думаю, училъ я и переучивалъ «Эклоги» Виргилія, изъ которыхъ теперь не знаю ни слова. Я растерялъ и разрознилъ множество книгъ, вслѣдствіе привычки таскать ихъ съ собою всюду, — на голубятню, въ фруктовый садъ, въ огородъ, въ виноградникъ. Занявшись инымъ дѣломъ, я клалъ книгу у подошвы дерева или на изгородь, вездѣ забывалъ ее и иногда недѣли черезъ двѣ находилъ ее сгнившею или источенной муравьями и улитками. Эта страсть учиться обрати-

лась наконецъ въ манію, которая сдѣлала меня похожимъ на дурака, потому что я безпрестанно бормоталъ сквозь зубы.

Такъ какъ всего чаще я читалъ сочиненія Поръ-Рояля и Ораторіи, то сдѣлался полу-янсенистомъ, и не смотря на довѣріе къ строгой теологіи этой школы, она по временамъ приводила меня въ ужасъ. Мученія ада, которыхъ я боялся до тѣхъ поръ очень мало, начинали возмущать мое спокойствіе, и еслибъ маменька не успокоила меня, эта страшная доктрина окончательно разстроила бы меня. Мой духовникъ, бывшій также духовникомъ маменьки, способствовалъ, съ своей стороны, къ поддержанію во мнѣ спокойнаго настроенія духа. Это былъ о. Геме, іезуитъ, старикъ добрый и умный, о которомъ я буду всегда вспоминать съ уваженіемъ. Хотя онъ былъ іезуитъ, но отличался дѣтскимъ простодушіемъ; его нравственныя правила, болѣе кроткія, чѣмъ распущенныя, были именно тѣ, въ которыхъ я нуждался для противодѣйствія грустнымъ впечатлѣніямъ, производимымъ янсенизмомъ. Этотъ добрякъ и его товарищъ о. Копье часто приходили къ намъ въ Шарметъ, хотя дорога была очень тяжелая и порядочно длинная для людей ихъ лѣтъ. Ихъ посѣщенія были для меня очень полезны; да вознаградитъ ихъ за то Богъ въ будущей жизни! врядъ ли они находятся теперь въ живыхъ, потому что и тогда они были ужъ очень стары. Въ Шамбери я ходилъ тоже къ нимъ и мало по малу освоился съ ихъ домами; библіотека ихъ была къ моимъ услугамъ. Воспоминаніе объ этой счастливой порѣ жизни связано съ воспоминаніемъ о времени моего знакомства съ іезуитами такъ тѣсно, что я полюбилъ одно вслѣдствіе другаго, и хотя ученіе послѣднихъ всегда казалось мнѣ опаснымъ, но я никогда не находилъ въ себѣ силы искренно ненавидѣть ихъ.

Хотѣлось бы мнѣ знать, западаютъ ли порой въ сердца другихъ людей мелочи, похожія на тѣ, которымъ иногда поддается мое сердце? Среди занятій наукою, среди невинной жизни, на сколько она возможна для смертнаго, и не смотря на все, что могли мнѣ наговорить, страхъ мученій въ аду часто волновалъ меня. Я спрашивалъ себя: въ какомъ нахожусь я состояніи? буду ли я осужденъ на муку вѣчную, если умру сію же минуту? Сообразно съ ученіемъ янсенистовъ, это не подлежало сомнѣнію; судя же по моей совѣсти, мнѣ казалось, что этого не будетъ. Постоянно находясь въ страхѣ и въ этой ужасной нерѣшимости, съ цѣлью выдти изъ нея, я прибѣгалъ къ самымъ смѣшнымъ средствамъ, за которыя я готовъ бы запереть другого въ сумасшедшій домъ, если бы видѣлъ, что онъ поступаетъ такъ какъ я. Однажды, задумавшись объ этомъ грустномъ предметѣ, я машинально бросалъ камешки въ деревья, и по своей обыкновенной неловкости, разумѣется, почти ни разу не попадалъ въ цѣль. Среди такого прекраснаго упражненія вздума-

лось мнѣ для успокоенія тревоги обратить его въ родъ гаданія. Я сказалъ себѣ: этотъ камешекъ я бросаю въ дерево, которое противъ меня; если попаду—знакъ, что я спасенъ; если не попаду—знакъ, что проклятъ. Съ этими словами, дрожащей рукой и съ страшнымъ біеніемъ сердца я бросаю камень такъ удачно, что онъ падаетъ въ средину дерева, а это было весьма не трудно сдѣлать, такъ какъ я постарался выбрать дерево самое толстое и въ очень близкомъ разстояніи отъ меня. Съ тѣхъ поръ я больше не сомнѣвался въ своемъ спасеніи. Не знаю, смѣяться надъ собой, или скорбѣть за себя, при воспоминаніи объ этомъ поступкѣ. Вы, великіе люди, которые вѣрно смѣетесь при этомъ, радуйтесь, но не оскорбляйте моего жалкаго положенія, потому что, клянусь, я самъ сознаю его.

Впрочемъ тревога и страхъ, быть можетъ неразлучные съ благочестіемъ осаждали меня постоянно. Вообще я былъ довольно спокоенъ, и впечатлѣніе, производившееся на мою душу мыслію о близкой смерти, походило менѣе на печаль, чѣмъ на тихую грусть, которая имѣла даже своего рода пріятность. Недавно я нашелъ между старыми бумагами нѣчто въ родѣ увѣщанія, написаннаго мною къ самому себѣ, гдѣ я радовался, что умиралъ въ такомъ возрастѣ, когда чувствуешь, что достанетъ бодрости глядѣть смерти въ лицо и что умираешь, не испытавъ сильныхъ страданій ни физическихъ, ни нравственныхъ. О! какъ я былъ правъ! Я предчувствовалъ, что мнѣ придется жить только для мученій! Казалось, я предвидѣлъ участь, ожидавшую меня въ старости. Никогда не былъ я такъ близокъ къ мудрости, какъ въ эту счастливую эпоху. Не имѣя поводовъ строго обвинять себя за прошедшее, безъ заботы о будущемъ, я наслаждался настоящимъ, и это чувство было постоянно господствующимъ въ душѣ моей. Люди набожные, по свойственной имъ силѣ ощущеній, вкушаютъ съ упоеніемъ дозволенныя имъ невинныя удовольствія. Люди свѣтскіе вмѣняютъ имъ это въ преступленіе, не знаю почему; я хорошо знаю, они завидуютъ, что другіе наслаждаются простыми удовольствіями, которыя для нихъ самихъ не представляютъ уже никакого интереса. Я имѣлъ наклонность къ такимъ удовольствіямъ и восхищался тѣмъ, что могъ удовлетворять ей безъ угрызеній совѣсти. Мое сердце, еще молодое, предавалось всему съ радостью ребенка, или скорѣе, если только я смѣю такъ выразиться, съ упоеніемъ ангела: въ самомъ дѣлѣ, такія безмятежныя наслажденія заключаютъ въ себѣ святость райскаго блаженства. Обѣды на травѣ въ Монтаніолѣ, ужины въ бесѣдкѣ изъ зелени, сборъ плодовъ и винограда, вечера, которые проводили мы съ нашими людьми за трепаньемъ льна или конопли, все было для насъ праздникомъ и нравилось маменькѣ столько же, сколько и мнѣ. Уединенныя прогулки имѣли еще большую прелесть, потому

что тогда сердце открывалось съ большею свободой. Одна изъ такихъ прогулокъ навсегда запечатлѣлась въ моей памяти. Былъ день св. Людовика, имя котораго носила маменька. Мы отправились очень рано вдвоемъ послѣ обѣдни, которую отслужилъ намъ кармелитскій монахъ, на разсвѣтѣ дня, въ часовнѣ примыкавшей къ дому. Я предложилъ маменькѣ обойти противоположный берегъ, на которомъ мы не были еще ни разу. Мы заранѣе отправили туда провизію, такъ какъ прогулка предполагалась на цѣлый день. Маменька, не смотря на свою порядочную дородность, могла ходить довольно много: мы переходили съ пригорка на пригорокъ, изъ лѣса въ лѣсъ, иногда по солнцу, нерѣдко въ тѣни, отдыхая по временамъ и забываясь по цѣлымъ часамъ; мы говорили о себѣ, о нашей дружбѣ, о нашемъ счастіи, и желали—увы! напрасно,—чтобъ оно длилось безконечно. Все, казалось, благопріятствовало намъ въ этотъ день. Недавнимъ дождикомъ прибило пыль; по сторонамъ дороги извивались быстрые ручейки, легкій свѣжій вѣтерокъ шелестилъ межъ листьевъ; воздухъ чистый, на горизонтѣ ни облачка; небо было ясно, какъ наши сердца. Обѣдъ мы устроили у одного поселянина и раздѣлили его со всей семьей, которая благословляла насъ отъ чистаго сердца. Бѣдные савояры — славные люди! Послѣ обѣда мы пошли подъ тѣнь высокихъ деревьевъ. Я собиралъ валявшійся хворостъ, чтобъ сварить кофе, а маменька занялась сборомъ травъ межъ кустовъ; въ букетѣ, который набралъ я для нея дорогой, она указала мнѣ много любопытныхъ мелочей, форму цвѣтка и составныя его части. Это очень занимало меня и должно было возбудить во мнѣ желаніе заняться ботаникой; но время для этого еще не наступило; я былъ занятъ множествомъ другихъ наукъ. Одна мысль, пришедшая мнѣ въ голову, отвлекла насъ отъ цвѣтовъ и растеній. Мое душевное настроеніе, все, что мы говорили и дѣлали въ этотъ день, всѣ предметы, которые произвели на меня впечатлѣніе, воскресили въ памяти моей тотъ сонъ на яву, который я видѣлъ въ Анесси семь или восемь лѣтъ тому назадъ, и о которомъ я уже говорилъ въ своемъ мѣстѣ. Сходство между тогдашнимъ моимъ состояніемъ и теперешнимъ до того поразительно, что я былъ тронутъ до слезъ. Въ порывѣ нѣжности я обнялъ милую свою подругу, и воскликнулъ съ увлеченіемъ: Маменька, маменька, давно былъ обѣщанъ мнѣ этотъ день и мнѣ нечего больше желать! Благодаря вамъ, я достигъ высочайшаго счастія. Дай Богъ, чтобъ оно никогда не уменьшалось! дай Богъ, чтобъ оно длилось до тѣхъ поръ, пока я буду находить въ немъ упоеніе! А это упоеніе прекратится только вмѣстѣ съ моею жизнію.

Такъ проходили мои счастливые дни, тѣмъ болѣе счастливые, что не предвидя никакой помѣхи нашему счастію, я дѣйствительно полагалъ,

что они прекратятся лишь съ моею жизнью. Правда, источникъ заботъ моихъ не изсякъ совершенно, но я видѣлъ, что онъ измѣнилъ свое направленіе, которое я старался, какъ только могъ, навести на предметы полезные, чтобъ въ тоже время имѣть средства извлечь изъ этого источника лекарство для этихъ заботъ. Маменька любила деревню, и жизнь со мной не охлаждала въ ней этого чувства. Мало по малу ей понравились сельскія занятія. Она любила извлекать доходы изъ земли и обладала по этой части знаніемъ, которое съ удовольствіемъ примѣняла къ дѣлу. Не довольствуясь землею, принадлежавшей къ домику, который она занимала, она брала въ наемъ то поле, то лугъ. Наконецъ, обративъ свою врожденную предпріимчивость на предметы земледѣлія, вмѣсто того, чтобъ оставаться праздной, она какъ будто шла къ тому, чтобъ сдѣлаться вскорѣ совершенной фермершей. Мнѣ не слишкомъ нравилось, что она такъ расширяла кругъ своей дѣятельности; я противился этому, сколько могъ, въ полной увѣренности, что ее всегда будутъ обманывать и что вслѣдствіе ея наклонности къ щедрости и расточительности, издержки будутъ всегда превышать доходъ съ земли. Однакожъ я утѣшалъ себя мыслію, что этотъ доходъ будетъ по крайней мѣрѣ не совсѣмъ ничтоженъ и доставитъ ей возможность существовать. Изъ всѣхъ предпріятій, которыя она могла придумать, это казалось мнѣ наименѣе разорительнымъ; я смотрѣлъ на него не какъ на источникъ прибыли, но какъ на постоянное занятіе, которое могло предохранить маменьку отъ раззоренія и плутовъ. Подъ вліяніемъ этой мысли я горячо желалъ возстановить свою силу и здоровье, которыя были необходимы мнѣ для заботъ о дѣлахъ маменьки, для того, чтобъ быть надзирателемъ за ея работниками или ея первымъ работникомъ — и понятно, что эти занятія, часто отрывая меня отъ книгъ и отвлекая отъ мысли объ опасности моего положенія, должны были оказывать спасительное дѣйствіе на мое здоровье.

— (1737—1741).—Въ слѣдующую зиму Барильо возвратился изъ Италіи и привезъ мнѣ нѣсколько книгъ, въ томъ числѣ «Bontempi» и «Cartella per musica» о. Банкіери, благодаря которымъ пробудилась во мнѣ охота заниматься исторіею музыки и изученіемъ теоріи этого прекраснаго искусства. Барильо погостилъ у насъ; а такъ какъ за нѣсколько мѣсяцевъ до того я достигъ совершеннолѣтія, то и рѣшено было сообща, что я весною отправлюсь въ Женеву для вытребованія наслѣдства моей матери, или, пока не узнаютъ куда дѣвался мой братъ, по крайней мѣрѣ той части, которая слѣдовала мнѣ по закону. Какъ было рѣшено, такъ и сдѣлано: я отправился въ Женеву; мой отецъ пріѣхалъ туда же. Не въ первый разъ показывался онъ въ Женевѣ, не навлекая на себя непріятностей; уже давно перестали къ нему придираться, хотя

онъ находился еще подъ судомъ. Изъ уваженія къ смѣлости и честности его, дѣлали видъ, что дѣло его забыто, и судьи, занятые великимъ проектомъ, который вскорѣ затѣмъ обнаружился публично, не хотѣли прежде времени пугать буржуазію неумѣстнымъ напоминаніемъ своего давнишняго пристрастія.

Я боялся, что вслѣдствіе перемѣны вѣры мнѣ встрѣтятся затрудненія, но этого не случилось. Въ Женевѣ законы относительно этого предмета не такъ строги, какъ въ Бернѣ, гдѣ каждый, кто переходитъ въ другую вѣру, лишается не только своего званія, но и состоянія. У меня не оспаривали права,—только наслѣдство не знаю почему, оказалось весьма незначительнымъ. Въ смерти брата почти не сомнѣвались, но законнаго доказательства не имѣлось. У меня не было достаточныхъ документовъ для вытребованія его части, и я безъ сожалѣнія предоставилъ ее отцу, какъ средство къ жизни, которымъ онъ и пользовался до самой смерти. Какъ скоро судебныя формальности были окончены и деньги выданы мнѣ, я употребилъ часть суммы на покупку книгъ и полетѣлъ повергнуть остальное къ ногамъ маменьки. Во всю дорогу сердце во мнѣ билось отъ радости, и минута, когда я вручилъ маменькѣ деньги, была для меня въ тысячу разъ пріятнѣе той, когда я получилъ ихъ. Она приняла ихъ съ простотой, свойственной душамъ возвышеннымъ, которыя, совершая подобныя вещи безъ усилія, смотрятъ на нихъ безъ удивленія. Привезенная мною сумма была почти вся истрачена на мои потребности — и опять таки съ тою же самою простотой. Маменька употребила бы эти деньги точно также, еслибъ онѣ достались ей и изъ иного источника.

Между тѣмъ здоровье мое ни только не поправлялось, но напротивъ того я видимо хилѣлъ, былъ блѣденъ, какъ мертвецъ, и худъ, какъ скелетъ; біеніе артерій было ужасное; біеніе сердца повторялось чаще; я постоянно чувствовалъ стѣсненіе въ груди. И моя слабость дошла наконецъ до того, что мнѣ трудно было шевелиться; я не могъ ускорить шага безъ того, чтобы не почувствовать удушья, не могъ наклониться безъ головокруженія, не могъ приподнять ни малѣйшей тяжести; вызванное такимъ жалкимъ состояніемъ бездѣйствіе было очень мучительно для такой неугомонной натуры, какова моя. Конечно ко всему этому примѣшивалась хандра. Ипохондріи подвержены люди счастливые; я тоже страдалъ ею; слезы, которыя я часто проливалъ безъ всякой причины, внезапный испугъ при шелестѣ листочка или шорохѣ птички, неровность характера среди самой спокойной жизни—все это ясно доказывало присутствіе скуки вслѣдствіе постояннаго блаженства,—скуки, которая доводитъ чувствительность до крайняго раздраженія. Мы такъ мало способны наслаждаться счастіемъ на землѣ, что намъ необходимо

страдать или душою, или тѣломъ, когда душа и тѣло не страдаютъ вмѣстѣ, и что здоровое состояніе одного всегда бываетъ въ ущербъ другому. Когда я могъ бы съ упоеніемъ наслаждаться жизнью, мой разрушающійся организмъ мѣшалъ тому, а между тѣмъ трудно было сказать, гдѣ именно крылся корень болѣзни. Впослѣдствіи несмотря на преклонность лѣтъ и дѣйствительныя, серьезныя болѣзни, мое тѣло повидимому окрѣпло, словно для того, чтобъ я сильнѣе чувствовалъ свои несчастія, и теперь, когда я пишу эти строки, я, дряхлый, почти шестидесятилѣтній старикъ, удрученный разнаго рода горемъ, чувствую, что для того, чтобы выносить страданія, у меня больше силы и энергіи, чѣмъ было въ цвѣтущихъ лѣтахъ и среди самаго истиннаго счастія, для того чтобъ наслаждаться.

Почерпнувъ изъ своихъ чтеній элементарныя понятія о физіологіи, я принялся, чтобъ доканать себя, изучать анатомію. Когда я разсматривалъ человѣческій организмъ и его составныя части, когда изучалъ назначеніе и отправленіе каждаго органа, мнѣ чудилось разъ двадцать въ день, что машина моя готова развинтиться и разрушиться: меня не только не удивляло, что моя жизнь держалась на волоскѣ, но напротивъ я дивился тому, что могъ еще жить, и читая описаніе какой-нибудь болѣзни, всегда находилъ, что и самъ страдаю ею. Я увѣренъ, что еслибъ даже не былъ боленъ, то захворалъ бы отъ этихъ несчастныхъ занятій анатоміей. Находя въ каждой болѣзни симптомы своей собственной, я полагалъ, что во мнѣ гнѣздятся всѣ недуги: сверхъ того, вслѣдствіе чтенія, я подвергся еще болѣе гибельному недугу, отъ котораго считалъ себя избавленнымъ, именно, меня обуяла фантазія вылечиться: трудно избѣжать этого, когда начинаешь читать медицинскія книги. Я искалъ, разсуждалъ, сравнивалъ и наконецъ вообразилъ себѣ, что всѣ мои страданія происходятъ отъ полипа въ сердцѣ; самъ Соломонъ былъ пораженъ этой идеей. На основаніи такого мнѣнія, я долженъ былъ совершенно естественно утвердиться въ своемъ прежнемъ убѣжденіи. Вышло не то. Я напрягалъ всѣ силы ума, чтобъ добиться какимъ способомъ можно избавиться отъ полипа въ сердцѣ, потому что рѣшился приняться за чудесное леченіе.

Покойный Ане̂, въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Монпелье съ цѣлью посѣтить тамошній ботаническій садъ и завѣдывавшаго имъ г. Соважа, слышалъ, что г. Физъ вылечилъ подобный полипъ. Маменька вспомнила объ этомъ и сказала мнѣ. Этого было достаточно, чтобъ внушить мнѣ желаніе ѣхать посовѣтоваться съ г. Физомъ. Надежда на выздоровленіе возвратила мнѣ бодрость и силы для этой поѣздки. Деньги изъ Женевы доставили возможность совершить ее. Маменька не только не старалась отклонить меня, но напротивъ, уговаривала, и вотъ—я отправился въ

Монпелье. Оказалось, что мнѣ не нужно было ѣхать такъ далеко за докторомъ, который могъ вылечить меня. Такъ какъ ѣзда верхомъ слишкомъ утомляла меня, то я взялъ въ Греноблѣ почтовую коляску. Въ Моаранѣ нагнали меня еще пять или шесть экипажей. Большая часть ихъ была занята свитой одной новобрачной, по имени г-жа де-Коломбье. Съ ней была другая женщина, г-жа де-Ларнажъ, не такая молоденькая и красивая какъ г-жа де Коломбье, но не менѣе любезная. Г-жа де-Коломбье ѣхала только до Романа, а спутницѣ ея предстояло продолжать путь до мѣстечка Сентъ-Андіоль, близь моста Святаго Духа. Читатели, зная мою застѣнчивость, конечно понимаютъ, что знакомство мое съ блестящими женщинами и окружавшей ихъ свитой, завязалось не слишкомъ скоро; но наконецъ мы все-таки познакомились, потому что ѣхали по одной и той же дорогѣ, останавливались въ однѣхъ и тѣхъ же гостинницахъ, и я, не желая прослыть совершеннымъ нелюдимомъ, по неволѣ принужденъ былъ явиться за общимъ столомъ. И такъ знакомство завязалось, и даже раньше, чѣмъ я желалъ, потому что шумъ и суматоха были вовсе неумѣстны для больного съ моимъ характеромъ. Но любопытство дѣлаетъ плутовокъ-женщинъ вкрадчивыми до такой степени, что онѣ, добиваясь узнать человѣка, прежде всего стараются вскружить ему голову. Тоже случилось и со мной. Г-жа де-Коломбье, осаждаемая толпой поклонниковъ, не имѣла вовсе времени подзадоривать меня, да объ этомъ и не стоило хлопотать, такъ какъ намъ предстояло скоро разъѣхаться; но г-жа де-Ларнажъ, менѣе окруженная молодежью, нуждалась въ запасѣ на дорогу: она принялась за меня, и— прощай бѣдный Жанъ-Жакъ, или вѣрнѣе, прощай лихорадка, ипохондрія, полипъ; все исчезаетъ подлѣ г-жи де-Ларнажъ, кромѣ нѣкоторыхъ біеній сердца, отъ которыхъ она не хотѣла меня исцѣлить. Плохое состояніе моего здоровья было первымъ поводомъ къ нашему знакомству. Видѣли, что я боленъ; знали, что я ѣду въ Монпелье; съ виду же и по манерамъ я должно быть нисколько не походилъ на кутилу, потому что какъ оказалось впослѣдствіи, никто и не подозрѣвалъ, что я ѣду въ Монпелье съ цѣлью покутить. Хотя болѣзненное состояніе—плохая рекомендація для мужчины въ глазахъ женщинъ, но въ настоящемъ случаѣ оно сдѣлало меня интереснымъ. Поутру онѣ присылали освѣдомиться о моемъ здоровьѣ и приглашали пить съ ними шоколадъ, спрашивали меня, какъ я провелъ ночь. Однажды, по своей похвальной привычкѣ отвѣчать не думая о томъ, что говорю, я сказалъ имъ: не знаю. Такой отвѣтъ заставилъ ихъ предположить, что я сошелъ съ ума; онѣ начали пристальнѣе наблюдать за мною и это не повредило мнѣ. Я слышалъ разъ, какъ г-жа де-Коломбье сказала своей пріятельницѣ; въ немъ не достаетъ свѣтскости, но онъ милъ

и любезенъ. Эти слова очень меня ободрили, и я дѣйствительно сдѣлался любезнымъ.

Знакомство наше становилось все короче, поэтому мнѣ пришлось говорить о себѣ, сказать откуда я и кто такой. Это меня смущало; я вполнѣ сознавалъ, что въ хорошемъ обществѣ и подлѣ свѣтскихъ женщинъ слово *новообращенный* меня погубитъ. Не знаю, вслѣдствіе какой странности, мнѣ вздумалось прослыть за англичанина; я выдалъ себя за приверженца Іакова II; мнѣ повѣрили; я назвался Дуддингомъ, и меня звали г. Дуддингъ. Одинъ проклятый маркизъ де-Ториньянъ, находившійся вмѣстѣ съ ними, тоже больной и сверхъ того старый брюзга, вздумалъ вступить въ разговоръ съ г. Дуддингомъ. Онъ толковалъ со мной о королѣ Іаковѣ, о Претендентѣ, о старинномъ Сенъ-Жерменскомъ дворѣ. Я былъ какъ на иголкахъ; изъ всего этого я зналъ то, что чичалъ въ сочиненіи графа Гамильтона и въ газетахъ; но съумѣлъ такъ хорошо воспользоваться своими скудными свѣдѣніями, что разговоръ сошелъ съ рукъ удачно Счастливъ я, что не вздумали расспрашивать меня объ англійскомъ языкѣ, потому что я не зналъ по-англійски ни слова.

Общество наше хорошо сошлось, и мы всѣ съ сожалѣніемъ ожидали минуты разставанья. Мы тащились, какъ черепахи. Въ одно воскресенье мы пріѣхали въ Сенъ-Марселенъ. Г-жа де-Ларнажъ захотѣла идти къ обѣднѣ; я пошелъ съ ней, и это едва не попортило всего дѣла. Я держалъ себя, какъ обыкновенно. Судя по моей наружности, скромности и благовѣнію, она подумала, что я ханжа, и составила обо мнѣ самое дурное мнѣніе, въ чемъ сама призналась два дня спустя. Много потребовалось потомъ любезности съ моей стороны, чтобъ изгладить это дурное впечатлѣніе, или, что будетъ вѣрнѣе, г-жа де-Ларнажъ, какъ женщина опытная и бойкая, рѣшилась на рискъ сдѣлать первый шагъ, чтобъ посмотрѣть какъ я выпутаюсь. Она кокетничала со мной до такой степени, что я, не будучи высокаго мнѣнія о своей наружности, вообразилъ себѣ, что она глумится надо мной. Вслѣдствіе такой нелѣпой мысли, я сдѣлалъ множество глупостей. Г-жа де-Ларнажъ не отставала отъ меня, кокетничала со мной до нельзя и говорила такія нѣжности, что даже человѣку далеко не глупому было бы очень трудно принять все это за серьезную вещь. Чѣмъ больше она старалась завлечь меня, тѣмъ упорнѣе придерживался я своей мысли; всего же больше тревожило меня то, что я начиналъ не на шутку интересоваться ей. Со вздохомъ говорилъ я себѣ и повторялъ ей: Ахъ! отчего все это не правда! Я былъ бы счастливѣйшимъ изъ смертныхъ! Полагаю, что такая простота новичка только подстрекала ея капризъ и она захотѣла непремѣнно поставить на своемъ.

Оставивъ г-жу де-Коломбье со свитой въ Романѣ, мы продолжали путь втроемъ: г-жа де-Ларнажъ, маркизъ де-Ториньянъ и я. Мы ѣхали какъ можно медленнѣе и эта поѣздка была изъ самыхъ пріятныхъ. Маркизъ, правда больной и ворчунъ, былъ самъ по себѣ не дурной человѣкъ, но не слишкомъ любилъ постничать, глядя на лакомый кусочекъ. Г-жа де-Ларнажъ не думала скрывать, что я нравлюсь ей, и маркизъ замѣтилъ это прежде меня; его колкія насмѣшки должны были бы по крайней мѣрѣ поселить во мнѣ увѣренность въ искренности чувства этой барыни, но по причудливости мыслей, способныхъ зародиться только въ моей головѣ, я вообразилъ, что мои спутники сговорились меня одурачить. Эта нелѣпость окончательно все перевернула въ моей головѣ и заставила меня разыгрывать самую жалкую роль, именно въ то время, когда я могъ бы играть роль довольно блестящую. Не постигаю, какъ г-жѣ де-Ларнажъ не надоѣло мое упорство, и какъ не прогнала она меня съ полнѣйшимъ презрѣніемъ. Но она была женщина умная, умѣющая понимать людей и хорошо видѣвшая, что мои поступки были скорѣе слѣдствіе глупости, чѣмъ вялости.

Наконецъ она добилась, но не безъ труда, что я понялъ ее. Въ Валансъ мы пріѣхали къ обѣду, и по нашему похвальному обыкновенію, провели тамъ остатокъ дня. Мы остановились за городомъ въ гостинницѣ св. Іакова. Я всегда буду помнить эту гостинницу и комнату, которую занимала въ ней г-жа де-Ларнажъ. Послѣ обѣда, она захотѣла прогуляться: она знала, что маркизъ былъ неохотникъ ходить, а это обстоятельство представляло возможность устроить прогулку вдвоемъ. Г-жа де-Ларнажъ твердо рѣшилась добиться цѣли, и такъ какъ времени оставалось немного, то не слѣдовало терять его, если она хотѣла имъ воспользоваться. Мы гуляли вокругъ города вдоль рва. Тамъ началъ я снова свою безконечную жалобную пѣснь. Г-жа де-Ларнажъ отвѣчала на нее такимъ нѣжнымъ тономъ и такъ прижимала по временамъ къ своему сердцу мою руку, что только при моей тупости, можно было удержаться отъ того, чтобъ не провѣрить на дѣлѣ, на сколько ея сочувствіе было искренно. Забавно то, что я самъ былъ чрезвычайно взволнованъ. Я уже говорилъ, что она была любезна; оживленная чувствомъ любви, возвратившимъ ей прелесть первой молодости, она была очаровательна и кокетничала такъ ловко и искусно, что плѣнила бы человѣка опытнаго въ волокитствѣ. И такъ я былъ въ страшномъ волненіи и близокъ къ тому, чтобы откинуть всякую робость; но опасеніе, что оскорблю или вызову негодованіе, еще большій страхъ, что меня освищутъ, одурачатъ, что я буду за обѣдомъ предметомъ разговоровъ, и что безжалостный маркизъ станетъ поздравлять меня по поводу моихъ похожденій, остановили меня. Я негодовалъ на самого себя за ложный

стыдъ, упрекалъ себя въ трусости, но побѣдить ея не могъ. Я терзался; я уже отказался отъ роли селадона, сознавая, какъ она смѣшна. Не зная, какъ держать себя и что говорить, я молчалъ, дулся, словомъ дѣлалъ все, что могло навлечь на меня невзгоду, которой я страшился. Къ счастію, г-жа де-Ларнажъ рѣшилась поступить болѣе человѣчно. Она неожиданно прервала это молчаніе, обвивъ рукой мою шею, и губы ея съ такимъ жаромъ прильнули къ моимъ, что мое заблужденіе должно было исчезнуть. Никогда кризисъ не могъ прійтись болѣе кстати. Я сдѣлался любезенъ. Давно бы пора. Она вдохнула въ меня довѣрчивость, по недостатку которой я рѣдко давалъ себѣ полную свободу. Въ настоящую минуту я уже не сдержалъ себя, и никогда мои глаза, чувства, сердце и губы не бывали такъ краснорѣчивы, никогда такъ добросовѣстно не искупалъ я вины своей: если эта маленькая побѣда и стоила г-жѣ де-Ларнажъ много труда, то я имѣю основаніе думать, что она не сожалѣла о немъ.

Если бъ я прожилъ сто лѣтъ то и тогда не пересталъ бы съ удовольствіемъ вспоминать объ этой прелестной женщинѣ. Говорю прелестной, хотя она не была ни красива, ни молода; но не будучи также ни безобразной, ни старой, она не имѣла въ лицѣ ничего такого, что могло бы мѣшать ея уму и граціи производить должное впечатлѣніе. Въ противоположность прочимъ женщинамъ, у нея всего менѣе сохранилась свѣжесть лица, и причиной тому, какъ я полагаю, были румяна. Она имѣла свой разсчетъ отдаваться безъ затрудненія; это было средство заставить вполнѣ оцѣнить себя. Ее можно было видѣть и не любить, но обладать ею и въ то же время не любить ее,—невозможно. Мнѣ кажется, это служитъ доказательствомъ, что она не всегда бывала такъ расточительна на ласки, какъ со мной. Правда, она увлеклась слишкомъ скоро и слишкомъ страстно, для того чтобы я могъ оправдать ее, но въ этомъ увлеченіи ея сердце участвовало не меньше чувственности, и въ короткій, упоительный періодъ времени, проведенный съ нею, я, основываясь на томъ, какъ она берегла меня и насильно сдерживала мою пылкость, убѣдился, что не смотря на свою чувственность, она больше дорожила моимъ здоровьемъ, чѣмъ своимъ удовольствіемъ.

Наши отношенія не укрылись отъ маркиза. Это не заставило его щадить меня; напротивъ, онъ подсмѣивался надо мной больше, нежели когда нибудь, и сожалѣлъ обо мнѣ какъ о несчастномъ влюбленномъ, терзаемомъ жестокой непреклонностью своей красавицы. Никогда не вырвалось у него слова, улыбки или взгляда, которые дали бы мнѣ возможность подозрѣвать, что онъ разгадалъ нашу тайну; я былъ бы увѣренъ, что онъ ничего не знаетъ, если бы г-жа де-Ларнажъ, болѣе проницательная, не сказала мнѣ, что онъ все видитъ, но изъ деликатности

не подаетъ виду. И въ самомъ дѣлѣ онъ былъ до нельзя внимателенъ, вѣжливъ и въ высшей степени деликатенъ, даже со мною, если не считать шутокъ, особенно усилившихся съ тѣхъ поръ, какъ я достигъ цѣли. Быть можетъ, онъ приписывалъ мнѣ успѣхъ побѣды и считалъ меня не такимъ дуракомъ, какимъ я казался ему прежде. Какъ читатель видитъ, онъ ошибался; но тѣмъ не менѣе я воспользовался его ошибкой. Торжество было тогда, безспорно, на моей сторонѣ; поэтому я охотно позволялъ маркизу тѣшиться надо мной и безъ малѣйшаго негодованія выслушивалъ его эпиграммы; иногда даже возражалъ на нихъ, даже довольно удачно, и очень гордился тѣмъ, что могъ пощеголять въ глазахъ г-жи де-Ларнажъ пріобрѣтеннымъ съ ея помощью умомъ. Я совершенно переродился.

Находясь въ обильной странѣ и въ благопріятное время, мы вездѣ имѣли отличный столъ, благодаря любезной заботливости маркиза. Мнѣ не хотѣлось бы, чтобъ она распространялась и на наши комнаты, но маркизъ всегда посылалъ впередъ слугу съ порученіемъ занять для насъ комнаты, а плутъ лакей, по своему ли усмотрѣнію, или по приказанію господина, всегда помѣщалъ маркиза рядомъ съ г-жею де-Ларнажъ, а меня пряталъ въ противоположный уголъ дома. Но это нисколько не смущало меня, и прелесть нашихъ свиданій только усиливалась отъ этого. Эта восхитительная жизнь продолжалась три или четыре дня, во время которыхъ я упивался самымъ сладкимъ наслажденіемъ, чистымъ, живымъ, безъ малѣйшей примѣси горечи. Въ первый и послѣдній разъ испытывалъ я эти ощущенія и, могу сказать, обязанъ г-жѣ де-Ларнажъ тѣмъ, что не умеръ, не испытавъ удовольствія.

Если то, что я чувствовалъ къ ней, было не любовь, то по крайней мѣрѣ это былъ такой полный и нѣжный отвѣтъ на ея чувство, такой пылъ страсти въ минуты наслажденія, такая пріятная покорность въ разговорахъ, что мое чувство заключало въ себѣ все обаяніе страсти, кромѣ безумія, которое кружитъ голову и мѣшаетъ наслажденію. Истинную любовь испыталъ я лишь разъ въ жизни, и не г-жа де-Ларнажъ была ея предметомъ. Я любилъ эту женщину совсѣмъ иначе, чѣмъ г-жу де-Варенсъ; но именно поэтому обладаніе ею было для меня во сто разъ пріятнѣе.

Когда я находился подлѣ маменьки, мое удовольствіе всегда ослаблялось чувствомъ грусти, тайною тоскою, которую я преодолѣвалъ не безъ труда; вмѣсто того, чтобъ считать себя счастливымъ вслѣдствіе обладанія ею, я упрекалъ себя напротивъ въ томъ, что унижаю ее. Напротивъ того, подлѣ г-жи де-Ларнажъ, я съ гордостью сознавалъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ и предавался моимъ чувствамъ весело и довѣрчиво; я раздѣлялъ впечатлѣніе, производившееся мною на ея чувства.

Я не забывался до безумія и съ тщеславіемъ и наслажденіемъ созерцалъ свое торжество, а это самое давало мнѣ возможность удваивать его силу.

Я не помню, въ какомъ именно мѣстѣ оставилъ насъ маркизъ, тамошній уроженецъ, но мы остались одни прежде, нежели достигли Монтелимара; я тотчасъ же пересѣлъ въ экипажъ къ г-жѣ де-Ларнажъ, а свою горничную она помѣстила въ мою коляску. Могу увѣрить, что дорога такимъ образомъ не показалась намъ скучною, и я былъ бы въ затрудненіи, если бы пришлось описывать мѣстности, которыя мы проѣзжали. Въ Монтелимарѣ дѣла задержали мою спутницу на три дня, но во все это время она оставила меня одного только на четверть часа для визита, навлекшаго на нея несносныя посѣщенія и приглашенія, отъ которыхъ она впрочемъ отдѣлывалась подъ предлогомъ нездоровья. Это, однакожъ, не помѣшало намъ гулять каждый день вдвоемъ въ прекраснѣйшей странѣ и въ лучшемъ климатѣ въ мірѣ. О! нерѣдко жалѣлъ я, что эти три дня канули въ вѣчность; подобныхъ дней больше не встрѣчалось.

Любовная интрига, завязавшаяся въ дорогѣ, не можетъ быть продолжительна. Намъ пришлось разстаться и признаюсь, пора было сдѣлать это, не потому, чтобъ я пресытился или былъ близокъ къ пресыщенію, напротивъ, я съ каждымъ днемъ все больше привязывался, но потому, что не смотря на осторожность моей дамы, у меня наконецъ не осталось ничего, кромѣ добраго желанія. Мы маскировали наши сожалѣнія планами о будущемъ свиданіи. Такъ какъ предпринятое леченіе приносило мнѣ пользу, то мы и рѣшили, что я пріѣду на зиму въ мѣстечко Сентъ-Андіоль и стану лечиться у г-жи де-Ларнажъ. Въ Монпелье я долженъ былъ пробыть пять или шесть недѣль и дать г-жѣ де-Ларнажъ время устроить все такимъ образомъ, чтобы предупредить сплетни. Она снабдила меня длиннѣйшими наставленіями о томъ, что долженъ былъ знать, что говорить, какъ держать себя. До того времени мы обязались писать другъ къ другу.

Много и серьезно совѣтовала она мнѣ заняться моимъ здоровьемъ, уговаривала обратиться къ искуснымъ врачамъ, обратить большое вниманіе на ихъ предписанія, и взяла на себя, когда я буду съ ней, принудить меня въ точности выполнять ихъ, какъ бы они ни были строги. Полагаю, что она говорила отъ чистаго сердца, потому что любила меня; свою привязанность доказала она не однѣми ласками, а тысячью другихъ, болѣе надежныхъ заявленій. По моему платью и обстановкѣ она заключала, что я не изъ первыхъ богачей, хотя она сама не была богата, но хотѣла непремѣнно при нашемъ разставаньи раздѣлить со мною половину суммы, вывезенной ею изъ Гренобля и далеко не маловажной; много

труда стоило мнѣ отговорить ее отъ этого предложенія. Наконецъ я разстался съ нею, занятый ею до глубины сердца и оставивъ въ ней, какъ кажется, искреннюю привязанность къ себѣ.

Я оканчивалъ свою дорогу, перебирая въ памяти всѣ приключенія съ самаго начала, и былъ очень доволенъ, что ѣхалъ въ покойной коляскѣ, гдѣ могъ на свободѣ мечтать о радостяхъ, которыя вкусилъ, и о тѣхъ, которыя были мнѣ обѣщаны. Я только и думалъ что о мѣстечкѣ Сентъ-Андіоль и очаровательной жизни, ожидавшей меня тамъ. Кромѣ г-жи де-Ларнажъ и ея обстановки, я не видѣлъ ничего: все остальное въ мірѣ для меня не существовало, даже маменька была забыта. Я былъ занятъ соображеніемъ всѣхъ подробностей, которыя сообщила мнѣ г-жа де-Ларнажъ, чтобъ заранѣе дать мнѣ понятіе о своемъ жилищѣ, сосѣдяхъ, обществѣ и образѣ жизни. У нея была дочь, о которой она часто говорила какъ мать, боготворящая свое дитя. Этой дочери уже исполнилось пятнадцать лѣтъ, она была дѣвушка живая, прелестная и съ милымъ характеромъ. Мнѣ обѣщали, что она будетъ со мною ласкова; я не забылъ этого обѣщанія и очень интересовался знать, какъ будетъ дѣвица де-Ларнажъ обращаться съ возлюбленнымъ своей маменьки. Таковы были предметы моихъ размышленій отъ моста Св. Духа до Ремулэна. Мнѣ совѣтовали посмотрѣть Гардскій мостъ; я не преминулъ это сдѣлать. Позавтракавъ отличными винными ягодами, я взялъ проводника и отправился осмотрѣть Гардскій мостъ. До тѣхъ поръ я никогда не видѣлъ работы римлянъ и ожидалъ увидѣть памятникъ, достойный соорудившихъ его рукъ. На этотъ разъ, предметъ превзошелъ мои ожиданія, и это случилось со мной одинъ разъ въ жизни. Только римляне и были способны совершить такую работу. Видъ этого простого благороднаго памятника поразилъ меня тѣмъ болѣе, что онъ находится среди пустыни, гдѣ молчаніе и уединеніе придаютъ предмету болѣе поразительный характеръ. Мнимый мостъ ничто иное, какъ водопроводъ. Спрашиваешь себя, какая сила перетащила эти массивные камни въ мѣсто, отстоящее на такое разстояніе отъ всякой каменоломни и собрала столько тысячъ человѣческихъ рукъ тамъ, гдѣ не живетъ ни одинъ смертный. Я обошелъ всѣ три этажа великолѣпнаго зданія, уваженіе къ которому было такъ велико во мнѣ, что я почти не осмѣливался попирать его ногами. Отголосокъ раздававшихся подъ этими необозримыми сводами шаговъ моихъ заставлялъ меня думать, что я слышу мощные голоса тѣхъ, кто выводилъ эти своды. Я терялся какъ насѣкомое въ этомъ неизмѣримомъ пространствѣ. Я сознавалъ свое ничтожество, и между тѣмъ во мнѣ шевелилось какое-то неопредѣленное чувство, возвышавшее душу, и я со вздохомъ говорилъ себѣ: зачѣмъ я не родился римляниномъ! Нѣсколько часовъ простоялъ я въ восхитительномъ созерцаніи. Я возвра-

тился оттуда разсѣянный, въ раздумьи, и раздумье это было не въ пользу г-жи де-Ларнажъ. Она позаботилась предварить меня на счетъ дѣвушекъ въ Монпелье, но не подумала предостеречь отъ Гардскаго моста. Обо всемъ не подумаешь за одинъ разъ.

Въ Нимѣ я посѣтилъ арены; этотъ памятникъ гораздо великолѣпнѣе Гардскаго моста, но онъ произвелъ на меня впечатлѣніе менѣе сильное, потому ли, что мое удивленіе было истощено первымъ предметомъ или потому, что арены, находясь среди города, по своему положенію менѣе способны возбуждать восторженность. Этотъ обширный великолѣпный циркъ окруженъ гадкими домишками, а самую арену занимаютъ домишки еще хуже первыхъ, такъ что цѣлое производитъ безсвязный и смутный эффектъ, удовольствіе и удивленіе заглушаются сожалѣніемъ и негодованіемъ. Впослѣдствіи я видѣлъ циркъ въ Веронѣ, который несравненно меньше нимскаго и далеко не столь красивъ, но онъ содержится въ строгой чистотѣ и сохраняется въ самомъ приличномъ видѣ, и потому произвелъ на меня впечатлѣніе болѣе сильное и пріятное. Французы ничего не берегутъ и не уважаютъ никакихъ памятниковъ. Съ необузданнымъ увлеченіемъ бросаются они на каждое предпріятіе, но не умѣютъ ничего ни кончить, ни сохранить.

Я измѣнился до такой степени, и чувственность разыгралась во мнѣ такъ сильно, что я разъ остановился въ Понъ-де-Люнель только за тѣмъ, чтобъ хорошенько поѣсть въ обществѣ людей, находившихся тамъ. Тамошній трактиръ по справедливости считался лучшимъ въ Европѣ. Содержатели его умѣли воспользоваться его выгоднымъ мѣстоположеніемъ, и у нихъ всегда былъ обильный запасъ отличнѣйшей провизіи. Дѣйствительно, рѣдко можно найти въ домѣ, стоящемъ совершенно отдѣльно, въ уединеніи, среди поля, такой отличный столъ, такое количество морской и рѣчной рыбы, превосходной дичи, дорогихъ винъ, такую тщательную и изысканную сервировку, какую можно встрѣтить только у людей знатныхъ и богатыхъ,—и все это за тридцать пять су съ персоны. Но Понъ-де-Люнель не долго оставался на такой ногѣ: слава его начала постепенно падать и наконецъ совершенно затмилась.

Въ дорогѣ я совсѣмъ забылъ, что былъ боленъ; я вспомнилъ объ этомъ только тогда, когда пріѣхалъ въ Монпелье. Хандра исчезла, но всѣ прочіе недуги оставались, и хотя, вслѣдствіе привычки, я сдѣлался къ нимъ менѣе чувствителенъ, но тотъ, кого они одолѣли бы разомъ, конечно счелъ бы себя погибшимъ. Дѣйствительно, мои недуги были не столько мучительны, сколько страшны, и заставляли больше страдать духъ, чѣмъ тѣло, которому повидимому предвѣщали разрушеніе. Вотъ почему, подъ вліяніемъ сильныхъ ощущеній, я забывалъ о болѣзни; но такъ какъ она была не мнимая, то я чувствовалъ ее, какъ скоро прихо-

дилъ въ нормальное настроеніе. И такъ я сталъ серьезно думать о совѣтахъ г-жи де-Ларнажъ и о цѣли своей поѣздки. Я обратился къ самымъ знаменитымъ врачамъ, преимущественно къ г. Физу и изъ излишней предосторожности поселился у одного медика, у котораго нанялъ квартиру со столомъ. Медикъ этотъ былъ родомъ ирландецъ, по фамиліи Фицъ-Морисъ: онъ держалъ у себя столъ для порядочнаго числа студентовъ медицинскаго факультета. Для больного было удобно жить у него въ томъ отношеніи, что Фицъ-Морисъ довольствовался умѣренной платой за содержаніе и ничего не бралъ съ своихъ пансіонеровъ за медицинскія пособія. Онъ взялъ на себя обязанность выполнять предписанія г. Физа и наблюдать за моимъ здоровьемъ. Относительно діеты онъ очень хорошо исполнялъ свою обязанность: въ его домѣ нельзя было разстроить себѣ желудокъ. Хотя я и не слишкомъ чувствителенъ къ лишеніямъ такого рода, но такъ какъ я очень недавно имѣлъ отличный столъ, то невольно проводя паралель, не могъ иногда не замѣтить про себя, что г. де-Тариньянъ кормилъ лучше, чѣмъ Фицъ-Морисъ. Впрочемъ такъ какъ съ голоду здѣсь не умирали, а вся молодежь была народъ веселый, то этотъ образъ жизни принесъ мнѣ дѣйствительную пользу и не позволилъ снова предаться хандрѣ. Утро проходило въ томъ, что я глоталъ разныя лекарственныя снадобья, особенно какія-то воды, кажется Вальскія, и писалъ письма къ г-жѣ де-Ларнажъ; переписка шла своимъ порядкомъ, и Руссо получалъ письма адресованныя къ его другу Деддингу. Въ полдень я отправлялся гулять съ нѣкоторыми изъ нашихъ молодыхъ студентовъ, товарищей по обѣду; всѣ они были добрые ребята; потомъ всѣ собирались къ обѣду. Послѣ обѣда большинство изъ насъ бывало занято до самаго вечера важнымъ дѣломъ: мы отправлялись за городъ играть въ шары; и проигрывавшій угощалъ выигрывавшаго полдникомъ. Я не игралъ по недостатку силы и ловкости, но держалъ пари, и, слѣдуя съ интересомъ за игроками и шарами по неровнымъ дорогамъ, усѣяннымъ каменьями, дѣлалъ пріятный и полезный моціонъ, приходившійся для меня весьма кстати. Полдничали мы въ харчевнѣ за городомъ. Считаю лишнимъ говорить, что эти полдники бывали веселые, но прибавлю, что они не выходили изъ границъ благопристойности, хотя дѣвушки въ харчевнѣ были хорошенькія. Во главѣ общества стоялъ г. Фицъ-Морисъ, большой охотникъ до игры въ шары. Не смотря на дурную славу студентовъ, могу сказать, что въ средѣ этой молодежи я нашелъ больше нравственности и честности, чѣмъ сколько нашлось бы въ большей по числу средѣ людей взрослыхъ. Въ студентахъ было больше шумной веселости, чѣмъ сальнаго разврата, а я такъ легко свыкаюсь со всякимъ образомъ жизни, когда въ немъ нѣтъ натяжки, что настоящій бытъ мнѣ очень понравился и я не желалъ перемѣны. Въ числѣ

этихъ студентовъ было нѣсколько ирландцевъ, отъ которыхъ я старался немного позаимствоваться англійскимъ языкомъ, подготовляясь къ мѣстечку Сентъ-Андіоль, такъ какъ уже приближалось время отъѣзда. Г-жа де-Ларнажъ съ каждой почтой торопила меня, и я готовился исполнить ея просьбу. Было очевидно, что медики, нисколько не понявъ моей болѣзни, считали меня мнимымъ больнымъ и поэтому пользовали меня шутя, прописывая воды и сыворотку. Въ противоположность богословамъ, медики и философы принимаютъ за истину лишь то, что могутъ объяснить, и дѣлаютъ выводы на основаніи собственнаго пониманія вещей Эти господа не замѣчали, что я боленъ, слѣдовательно я не былъ боленъ; нельзя же предположить, чтобъ доктора ничего не знали. Я понялъ, что они заботились лишь о томъ, чтобъ я тѣшился и проживался, и сообразивъ, что ихъ собратъ по ремеслу, находившійся въ Сентъ-Андіолѣ, не уступитъ имъ въ этомъ искусствѣ, даже превзойдетъ ихъ, я рѣшился предпочесть имъ г-жу де-Ларнажъ и съ этимъ благоразумнымъ намѣреніемъ оставилъ Монпелье.

Я уѣхалъ въ послѣднихъ числахъ ноября, послѣ шестинедѣльнаго или двухмѣсячнаго пребыванія въ этомъ городѣ, гдѣ оставилъ съ дюжину луидоровъ безъ всякой пользы для здоровья и головы, кромѣ развѣ курса анатоміи, начатаго подъ руководствомъ г. Фицъ-Мориса; да и тотъ я принужденъ былъ вскорѣ бросить по причинѣ страшнаго зловонія разсѣкаемыхъ труповъ, чего никакъ не могъ выносить.

Внутренно недовольный принятымъ рѣшеніемъ, я обсуждалъ его, подвигаясь все ближе къ мосту Св. Духа, черезъ который шла дорога, какъ въ Сентъ-Андіоль, такъ и въ Шамбери. Воспоминанія о маменькѣ и ея письма, которыя я получалъ отъ нея, впрочемъ рѣже, чѣмъ отъ г-жи де-Ларнажъ, пробудили въ моемъ сердцѣ угрызенія совѣсти, которыя въ первую поѣздку мнѣ удалось заглушить. На возвратномъ пути они возобновились съ такою силой, что поколебали во мнѣ любовь къ удовольствію и побудили повиноваться голосу одного разсудка. Прежде всего я сообразилъ, что продолжая играть роль искателя приключеній, я быть можетъ, окончу ее не такъ удачно, какъ первый дебютъ. Во всемъ Сентъ-Андіолѣ стоило найтись хоть одному лицу, бывавшему въ Англіи и знавшему англичанъ и ихъ языкъ, — и этого было бы достаточно для изобличенія меня во лжи. Семейство г-жи де-Ларнажъ могло не взлюбить меня и поступить со мной не совсѣмъ вѣжливо. Кромѣ того меня безпокоила ея дочь, о которой я невольно думалъ больше, чѣмъ слѣдовало: я боялся влюбиться въ нее, и вслѣдствіе этого страха былъ уже на половину влюбленъ. Неужели въ возмездіе за благосклонность матери, я буду стараться обольстить дочь, завязать съ ней гнусную интригу, поселить раздоръ, безчестіе, скандалъ и адъ въ семействѣ?

Отъ такой мысли я пришелъ въ ужасъ и твердо рѣшился бороться съ собой и преодолѣть несчастную страсть, если бы она дѣйствительно закралась въ мое сердце. Но къ чему подвергать себя такой борьбѣ? Что за подлое положеніе жить съ матерью, ласки которой надоѣли, и пылать страстью къ дочери, не смѣя открыть ей свое сердце! Что за крайность добровольно ставить себя въ такое положеніе и подвергаться несчастіямъ, оскорбленіямъ, угрызеніямъ совѣсти изъ-за удовольствій, главную прелесть которыхъ я до сыта вкусилъ заранѣе,—такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что моя прихоть уже потеряла свой первый жаръ. Стремленіе къ наслажденію еще оставалось, но страсти ужъ не было. Къ этимъ размышленіямъ примѣшивались мысли о моемъ положеніи, моихъ обязанностяхъ, о моей доброй, великодушной маменькѣ, которая, будучи и безъ того обременена долгами, болѣе должала вслѣдствіе моихъ безразсудныхъ издержекъ, которая разорялась изъ-за меня, и которую я обманывалъ такимъ недостойнымъ образомъ. Этотъ упрекъ затронулъ меня за самую чувствительную струну; я не устоялъ противъ него. Подъѣхавъ къ мосту Св. Духа, я твердо рѣшился проѣхать мѣстечко Сентъ-Андіоль, не останавливаясь въ немъ. У меня достало рѣшимости выполнить это, хотя, признаюсь, не безъ вздоховъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ я ощущалъ въ первый разъ въ жизни внутреннее довольство, вслѣдствіе того, что могъ сказать себѣ: я имѣю право уважать себя, я умѣю предпочесть удовольствію долгъ. Вотъ первое, чѣмъ я истинно обязанъ наукѣ: она научила меня размышлять и сравнивать. Я еще недавно усвоилъ принципъ чистой нравственности, выработалъ для себя правила мудрости и добродѣтели, исполненіемъ которыхъ такъ тщеславился,—и поэтому стыдъ оказаться до такой степени непослѣдовательнымъ передъ самимъ собою, опровергнуть такъ скоро и такъ наглядно свои собственные принципы, одержалъ верхъ надъ чувствительностью. Въ рѣшимости моей была, можетъ быть, одинаковая доля тщеславія и нравственнаго чувства; но если такое тщеславіе и не есть истинная добродѣтель, то его проявленія бываютъ иногда такъ похожи на нее, что простительно принимать одно изъ этихъ чувствъ за другое.

Одно изъ преимуществъ добрыхъ дѣлъ состоитъ въ томъ, что они возвышаютъ душу и пробуждаютъ въ человѣкѣ желаніе совершать еще лучшія дѣла. По слабости человѣческой природы слѣдуетъ отнести къ числу добродѣтелей даже воздержаніе отъ дурнаго дѣла, которое искушаетъ насъ, и которое мы готовы совершить. Чуть только я рѣшился оставить г-жу Ларнажъ, какъ сталъ инымъ человѣкомъ, или вѣрнѣе, сдѣлался такимъ, какимъ былъ прежде, до той минуты, пока не поддался обаянію. Переполненный хорошихъ чувствъ и добрыхъ намѣреній, я продолжалъ путь съ благою мыслію искупить свою вину и думалъ

лишь о томъ, какъ бы впередъ вести себя согласно съ законами нравственности, вполнѣ посвятить себя на служеніе лучшей изъ матерей, всегда хранить къ ней вѣрность на равнѣ съ привязанностію и не поддаваться никакому чувству, кромѣ любви къ своимъ обязанностямъ. Увы! чистосердечное возвращеніе къ добру, повидимому, обѣщало мнѣ иную участь; но моя судьба была начертана заранѣе и начало исполненія ея уже было сдѣлано: въ то время, какъ мое сердце, полное любви ко всему хорошему и честному, стремилось въ жизни къ непорочности и счастію, я касался уже роковой минуты, за которой тянулась длинная вереница моихъ бѣдствій!

Изъ желанія доѣхать скорѣе я двигался впередъ быстрѣе, нежели предполагалъ. Я увѣдомилъ маменьку изъ Валанса о днѣ и часѣ моего пріѣзда. Выгадавъ изъ этого разсчета полсутки, я остановился на столько же времени въ Шапарильянѣ, съ цѣлью пріѣхать къ маменькѣ именно въ назначенную минуту. Мнѣ хотѣлось вкусить вполнѣ радость нашего свиданія. Я соглашался немного отсрочить этотъ мигъ, лишь бы къ моей радости присоединилось удовольствіе видѣть, что меня ждали. Такая предосторожность мнѣ всегда удавалась. Къ моей встрѣчѣ дѣлались обыкновенно приготовленія, устроивался родъ маленькаго пиршества: въ этотъ пріѣздъ я ожидалъ того же самаго.

И такъ я пріѣхалъ въ назначенный часъ. Издалека я смотрѣлъ, не увижу ли маменьку на дорогѣ. По мѣрѣ приближенія, сердце билось во мнѣ все сильнѣе и сильнѣе. Прихожу весь запыхавшись, такъ какъ экипажъ я оставилъ въ городѣ, и не вижу никого ни на дворѣ, ни у дверей, ни у окна; начинаю тревожиться, не случилось ли чего. Вхожу въ домъ; все спокойно; работники завтракаютъ на кухнѣ; приготовленій нѣтъ никакихъ. Служанка повидимому удивлена моимъ появленіемъ; она не знала, что я долженъ былъ пріѣхать. Иду наверхъ; вижу, наконецъ, свою милую маменьку, которую любилъ такъ горячо, такъ чистосердечно; подбѣгаю къ ней, бросаюсь къ ея ногамъ. — А! вотъ ты и пріѣхалъ дитя мое! — сказала она, обнимая меня, — доволенъ ли ты своей поѣздкой? Какъ твое здоровье? — Такой пріемъ немного смутилъ меня. Я спросилъ маменьку, получила ли она мое письмо? — Да, отвѣчала она. — Я полагалъ, что нѣтъ, замѣтилъ я. Тѣмъ объясненіе и кончилось. У ней сидѣлъ одинъ молодой человѣкъ. Я зналъ его по наружности, потому что еще до отъѣзда видалъ его у маменьки, но теперь, какъ мнѣ показалось, онъ былъ въ домѣ своимъ человѣкомъ. Я не ошибся. Словомъ, я нашелъ свое мѣсто занятымъ.

Этотъ молодой человѣкъ былъ родомъ изъ ваатландскаго кантона; его отецъ, по имени Винценридъ, былъ привратникомъ или такъ называемымъ смотрителемъ Шильонскаго замка. Сынъ г-на смотрителя

былъ парикмахерскимъ подмастерьемъ и разъѣзжалъ въ этомъ званіи по бѣлу свѣту и съ нимъ же въ первый разъ явился къ г-жѣ де-Варенсъ. Она приняла его хорошо, какъ принимала всѣхъ заѣзжихъ, особенно изъ ея родного края. Онъ былъ приторный блондинъ, довольно стройный, съ плоскимъ лицомъ и такимъ же умомъ; говорилъ какъ прекрасный Леандръ; разсказывая длинную исторію о своихъ любовныхъ похожденіяхъ, прикрашивалъ ее всевозможными парикмахерскими шуточками и называлъ лишь половину тѣхъ маркизъ, съ которыми былъ въ связи и увѣрялъ, что не причесалъ ни одной хорошенькой женщины безъ того, чтобъ не украсить въ тоже время голову ея мужа. Онъ былъ пустъ, глупъ, дерзокъ и невѣжа, впрочемъ, отличнѣйшій сынъ. Вотъ кто поступилъ во время моей отлучки на мое мѣсто и вотъ кого предлагали мнѣ по возвращеніи въ товарищи.

О! если только души, освобожденныя отъ земныхъ узъ, могутъ видѣть изъ своей обители вѣчнаго свѣта, что̀ дѣлается среди смертныхъ, то прости меня, милая почтенная тѣнь, что я щажу тебя также мало, какъ и себя, и одинаково разоблачаю предъ читателемъ какъ свои, такъ и твои проступки! Я долженъ и хочу представить всѣмъ какъ самого себя, такъ и тебя въ истинномъ свѣтѣ: ты во всякомъ случаѣ проигрываешь меньше меня. О! сколько слабостей, если можно назвать такъ заблужденія одного разсудка, сколько слабостей, говорю я, искупаются твоимъ милымъ, кроткимъ нравомъ, неисчерпаемой добротой твоего сердца, искренностью и всѣми прочими рѣдкими качествами! Ты заблуждалась, но не была порочна; твое поведеніе заслуживало осужденія, но сердце твое всегда оставалось чистымъ.

Мой преемникъ съ усердіемъ, стараніемъ и точностью выполнялъ всѣ мелочныя порученія маменьки и сдѣлался надсмотрщикомъ надъ ея работниками. Въ противоположность мнѣ, онъ былъ суетливъ до крайности: я его видѣлъ и въ особенности слышалъ разомъ повсюду, на пашнѣ, на сѣнокосѣ, въ лѣсу, въ конюшнѣ, на скотномъ дворѣ. Не заботился онъ только о садѣ, потому что занятія въ саду были для него слишкомъ однообразны и не производили шума. Всего больше любилъ онъ накладывать что нибудь на телѣги, перевозить ихъ, плотничать, пилить и колоть дрова; его вѣчно можно было видѣть съ топоромъ или заступомъ въ рукѣ, вѣчно слышно было, какъ онъ бѣгалъ, стучалъ кричалъ во все горло. Не знаю, за сколькихъ человѣкъ онъ работалъ, но шумѣлъ всегда положительно за десятерыхъ или за дюжину. Такой гвалтъ сбилъ съ толку мою бѣдную маменьку; она вообразила, что этотъ молодой человѣкъ для нея сокровище въ ея настоящемъ положеніи. Желая привязать его къ себѣ, она употребляла всѣ средства, какія

могла придумать, не забывъ, между прочимъ, средства, на которое разсчитывала всего больше.

Самыя постоянныя и истинныя чувства моего сердца должны быть хорошо знакомы читателю, особенно тѣ изъ нихъ, которыя побудили меня возвратиться къ маменькѣ. Какой быстрый и полный переворотъ совершился во всемъ существѣ моемъ! Пусть поставятъ себя на мое мѣсто и судятъ сами! Въ одинъ мигъ рушилась для меня вся блаженная будущность, которой я ожидалъ отъ нея. Всѣ утѣшительныя мысли, которыя я такъ нѣжно лелѣялъ, внезапно исчезли, и я, съ самаго дѣтства не умѣвшій отдѣлять своего существованія отъ ея, увидѣлъ себя одинокимъ въ первый разъ въ жизни. Эта минута была ужасна, слѣдующія за ней постоянно мрачны. Я былъ еще молодъ, но отрадное чувство наслажденія и надежды навсегда покинуло меня. Съ той поры чувствующая сторона замерла во мнѣ. Я видѣлъ впереди лишь печальные остатки безсмысленной жизни, и если по временамъ мелькалъ въ моемъ сердцѣ образъ счастья, то это счастье не было собственно счастьемъ для меня: я чувствовалъ, что добившись его, я не былъ бы дѣйствительно счастливъ.

Я былъ такъ глупъ и до такой степени довѣрчивъ, что не смотря на фамильярный тонъ новаго друга маменьки, вызванный, по моему мнѣнію, легкостью ея характера, благодаря которому всѣ сходились съ ней, я не догадался бы о настоящей причинѣ, еслибъ сама маменька не сказала мнѣ о ней; но она поторопилась сдѣлать мнѣ признаніе съ такой откровенностью, что я взбѣсился бы, еслибъ только мое сердце было способно почувствовать гнѣвъ къ маменькѣ. Она находила свой поступокъ естественнымъ, упрекала меня въ небрежности по хозяйству и оправдывала себя моими частыми отлучками, какъ будто имѣла такой темпераментъ, что не могла въ мое отсутствіе не отдаться другому. — Ахъ! маменька, — сказалъ я ей съ стѣсненнымъ отъ горя сердцемъ, — какъ можете вы говорить мнѣ такую вещь! какая награда за мою привязанность! Неужели вы спасали мнѣ столько разъ жизнь для того, чтобы отнять у меня все, заставлявшее меня дорожить ею? Я умру отъ этого, но вы пожалѣете обо мнѣ. Она отвѣчала спокойнымъ тономъ, способнымъ довести до сумасшествія, что я ничего не потеряю, что мы все-таки останемся добрыми друзьями во всѣхъ отношеніяхъ, такими же искренними, какъ прежде, что ея нѣжная ко мнѣ привязанность можетъ уменьшиться или окончиться только вмѣстѣ съ ея жизнью. Словомъ, она дала мнѣ понять, что всѣ мои права остаются прежними, и что раздѣляя ихъ съ другимъ, я чрезъ то нисколько не лишаюсь ихъ.

Никогда чистота, искренность и сила моей привязанности къ маменькѣ, никогда прямота и честность моей души не ощущались мной

лучше, какъ въ эту минуту. Я бросился къ ея ногамъ и обнималъ ея колѣна, проливая потоки слезъ. — Нѣтъ, маменька, — сказалъ я ей съ жаромъ, — я васъ слишкомъ люблю, чтобъ уважать васъ; обладаніе вами для меня слишкомъ дорого, чтобъ я могъ раздѣлить его съ другимъ; раскаяніе, сопровождавшее начало этого обладанія, усилилось во мнѣ вмѣстѣ съ любовью; нѣтъ, я не могу снова купить его тою же цѣною. Я всегда буду обожать васъ; будьте всегда достойны этого; уважать васъ для меня гораздо болѣе необходимо, чѣмъ обладать вами. О! маменька! Я уступаю васъ вамъ же самимъ; союзу сердецъ нашихъ приношу въ жертву всѣ свои наслажденія. Лучше хочу я тысячу разъ погибнуть, чѣмъ вкушать блаженство, которое роняетъ достоинство любимой женщины.

Я исполнилъ свое рѣшеніе съ стойкостью, смѣю сказать, достойной чувства, внушившаго мнѣ его. Съ этой минуты я смотрѣлъ на обожаемую маменьку глазами настоящаго сына; и должно замѣтить, что хотя маменька, какъ я очень хорошо видѣлъ, въ душѣ вовсе не одобряла моей рѣшимости, но никогда не употребляла, съ цѣлью побудить меня отказаться отъ принятаго намѣренія, ни вкрадчивыхъ рѣчей, ни ласкъ, ни тѣни кокетливыхъ уловокъ, которыми женщины умѣютъ пользоваться, не компрометируя себя, и которыя почти всегда удаются имъ. Принужденный искать себѣ положенія, независимаго отъ маменьки, я не могъ даже подумать о немъ и вскорѣ перешелъ въ другую крайность, сосредоточивъ все на маменькѣ. Я сосредоточился на ней до такой степени, что почти забывалъ о самомъ себѣ. Горячее желаніе видѣть ее во что бы то ни стало счастливой, поглощало всѣ мои душевныя способности, какъ ни старалась она разъединить свое счастье съ моимъ; вопреки ей, я видѣлъ въ ея счастьи — мое собственное.

Такимъ образомъ вмѣстѣ съ моими бѣдствіями начали возрастать и мои добродѣтели, зародышъ которыхъ находился въ глубинѣ моей души; выработались онѣ благодаря наукѣ, и при первомъ поводѣ, вызванномъ какимъ-либо несчастьемъ, должны были проявиться наружу. Изгнаніе изъ своего сердца всякаго чувства злобы и зависти къ похитителю было первымъ плодомъ такого самоотверженнаго настроенія. Напротивъ, я искренно хотѣлъ привязаться къ этому человѣку, развить его, содѣйствовать его воспитанію, дать ему понять его счастье, и если возможно, добиться, чтобъ онъ былъ достоинъ такого счастья, словомъ, сдѣлать для него все, что въ подобномъ же случаѣ сдѣлалъ для меня Анѐ. Но не было сходства между лицами. Я обладалъ бо̀льшей кротостью и бо̀льшими свѣдѣніями, чѣмъ Анѐ, но не имѣлъ ни его хладнокровія и твердости, ни той энергіи характера, которая внушаетъ уваженіе и которая была мнѣ необходима для успѣха. Еще менѣе нашелъ я въ моло-

домъ человѣкѣ тѣ качества, какія нашелъ во мнѣ Анè: покорность, привязанность, признательность, въ особенности чувство сознанія того, что я нуждаюсь въ его попеченіяхъ, и горячее желаніе извлечь изъ нихъ пользу. Всего этого здѣсь не было. Человѣкъ, о развитіи котораго я такъ заботился, смотрѣлъ на меня, какъ на докучливаго педанта и пустого болтуна. О себѣ же, напротивъ, онъ былъ очень высокаго мнѣнія, считалъ себя важнымъ лицомъ въ домѣ, измѣрялъ мнимыя свои услуги сопровождавшимъ ихъ шумомъ и полагалъ, что его топоры и заступы несравненно полезнѣе всѣхъ моихъ старыхъ, негодныхъ книгъ. Отчасти онъ былъ правъ, но исходилъ изъ этого пункта для того, чтобъ придать себѣ больше вѣсу. Можно было надорваться отъ смѣха, глядя на него. Онъ чванился передъ поселянами какъ деревенскій неучъ — дворянинъ, вскорѣ сталъ подымать носъ предо мной и, наконецъ, даже предъ самой маменькой. Фамилія Винценридъ показалась ему не довольно дворянской, и онъ назвался г. де-Куртиль. Подъ этимъ послѣднимъ именемъ и знали его потомъ въ Шамбери и въ Моріеннѣ, гдѣ онъ женился.

Наконецъ эта знаменитая личность добилась того, что сдѣлалась полнымъ хозяйномъ въ домѣ, а я ничѣмъ. Когда я имѣлъ несчастіе его сердить, онъ бранилъ не меня, а маменьку; изъ опасенія подвергать ее грубостямъ этого наглеца, я дѣлалъ все, что онъ хотѣлъ, и каждый разъ, какъ онъ кололъ дрова, — занятіе, выполнявшееся имъ съ непомѣрною гордостію, я долженъ былъ находиться при немъ въ качествѣ празднаго зрителя и спокойно удивляться его ловкости. Впрочемъ, натура этого человѣка была не безусловно дурна: онъ любилъ маменьку, но нельзя было не любить ее, онъ даже и ко мнѣ не питалъ отвращенія, и когда въ промежуткахъ его запальчивости представлялась возможность говорить съ нимъ, по временамъ выслушивалъ насъ довольно терпѣливо, чистосердечно сознаваясь, что онъ глупецъ; а потомъ снова принимался за самодурство. Сверхъ того, вслѣдствіе ограниченности его ума и его низкихъ наклонностей, трудно было образумить его и почти невозможно находить пріятнымъ его присутствіе. Обладая женщиной вполнѣ прелестной, онъ связался въ то же время съ рыжей, беззубой старухой—горничной, и маменька имѣла терпѣніе оставлять ее у себя въ услуженіи, хотя одинъ видъ этой женщины наводилъ на нее тошноту. Я замѣтилъ новую продѣлку и былъ внѣ себя отъ негодованія, но замѣтилъ еще и другое обстоятельство, которое тронуло меня несравненно сильнѣе и повергло въ такое глубокое уныніе, какому я ни разу не предавался, испытывая несчастія. Обстоятельство это было—охлажденіе ко мнѣ маменьки.

Воздержаніе, возложенное мною на себя и повидимому одобрявшееся маменькою, никогда не прощается женщинами, какъ бы онѣ ни притво-

рялись, не столько вслѣдствіе происходящаго для нихъ отъ этого лишенія, сколько по причинѣ равнодушія къ обладанію ими. Возьмите самую разсудительную, самую логичную и наименѣе предающуюся чувственности женщину, — для нея самая непростительная вина мужчины, о которомъ она, можетъ быть, вовсе и не думаетъ, состоитъ въ томъ, что онъ, имѣя полнѣйшую возможность обладать ею, не пользуется этою возможностью. Здѣсь не можетъ быть исключенія, потому что даже сильная симпатія г-жи де-Варенсъ ко мнѣ отчасти уменьшилась въ ней вслѣдствіе моего воздержанія, поводомъ къ которому послужили единственно добродѣтель, привязанность и уваженіе. Съ этихъ поръ я уже не находилъ въ ней того сочувствія, которое для моего сердца составляло высочайшее наслажденіе. Она была откровенна со мною только тогда, когда жаловалась на своего новаго обожателя; когда же они были хороши между собою, я мало принималъ участія въ ея признаніяхъ. Словомъ, она мало по малу такъ устроивала свою жизнь, что я не игралъ въ ней почти никакой роли. Хотя мое присутствіе, и доставляло ей удовольствіе, но она уже болѣе не нуждалась въ немъ; я могъ бы проводить цѣлые дни, не видя ея, — и она не замѣтила бы этого.

Нечувствительно я сдѣлался какъ бы чужимъ въ томъ самомъ домѣ, въ которомъ прежде составлялъ, такъ сказать, душу и гдѣ я жилъ двойною жизнью. Я привыкъ постепенно отрѣшаться отъ всего, что въ немъ происходило, отъ всѣхъ лицъ, жившихъ въ немъ; чтобы предупреждать постоянныя терзанія сердца, я запирался одинъ съ моими книгами, или вздыхалъ или плакалъ на свободѣ среди лѣсовъ. Эта жизнь сдѣлалась наконецъ для меня несносною. Я сознавалъ, что присутствіе тѣла и отсутствіе сердца дорогой мнѣ женщины только усиливали мои страданія, что переставъ видѣться съ нею, я чувствовалъ бы не такъ сильно жестокую разлуку. Я рѣшился оставить ея домъ и сказалъ ей объ этомъ; она не только не воспротивилась моему желанію, но и одобрила его. У ней въ Греноблѣ была пріятельница, госпожа Дейбанъ, мужъ которой былъ очень друженъ съ господиномъ де-Мабли, главнымъ судьею въ Ліонѣ. Г. Дейбанъ предложилъ мнѣ мѣсто воспитателя при дѣтяхъ г. де-Мабли; я согласился и уѣхалъ въ Ліонъ, не оставивъ за собою и почти не почувствовавъ самъ ни малѣйшаго сожалѣнія при разлукѣ, одна мысль о которой причинила бы намъ прежде смертельное горе.

Я въ достаточной степени обладалъ свѣдѣніями, необходимыми гувернеру и думалъ, что имѣю способность быть имъ. Въ теченіи цѣлаго года, проведеннаго у г. де-Мабли, я имѣлъ время совершенно разувѣриться въ этомъ. Кротость моего характера могла бы сдѣлать меня очень способнымъ къ этому занятію, если бы этому не препятствовала запальчивость. Я былъ ангеломъ; когда все шло хорошо, когда я видѣлъ успѣхъ,

вѣнчавшій мои заботы и труды, которыхъ я не щадилъ; но когда все шло верхъ дномъ, я дѣлался чортомъ. Когда мои ученики не понимали меня, я начиналъ нести вздоръ, а когда становились злы, готовъ былъ убить ихъ: разумѣется, отъ этого они не сдѣлались бы умнѣе и разсудительнѣе. У меня было два ученика, совершенно различныхъ характеровъ. Одного изъ нихъ, лѣтъ восьми-девяти, звали Сентъ-Мари; онъ былъ хорошъ собою, довольно уменъ, довольно живъ, вѣтренъ, шутливъ и хитеръ, но веселъ. Младшій, Кондильякъ, казался почти глупымъ, ротозѣемъ, упрямымъ, какъ мулъ, и не могъ ничему выучиться. Можно судить, сколько мнѣ предстояло труда съ такими учениками!

Съ терпѣніемъ и хладнокровіемъ, можетъ быть, я и успѣлъ бы; но за отсутствіемъ того и другого, не сдѣлалъ ничего порядочнаго, и мои ученики пошли по дурному пути. У меня не было недостатка въ настойчивости, но не доставало ровности въ характерѣ, особенно благоразумія. Я умѣлъ примѣнять съ ними къ дѣлу только три средства, всегда безполезныя и часто опасныя для дѣтей: чувство, разсужденіе, гнѣвъ. То растрогивался я до слезъ вмѣстѣ съ Сентъ-Мари, желая растрогать его самого, какъ будто ребенокъ былъ способенъ чувствовать истинное волненіе сердца; то старался изъ всѣхъ силъ увѣщевать его при помощи разсудка, какъ будто онъ могъ меня понимать; и такъ какъ онъ иногда высказывалъ очень изворотливые аргументы, то я принималъ его наивно за умнаго мальчика, между тѣмъ какъ онъ былъ просто резонёръ. Еще болѣе затрудненій причинялъ мнѣ маленькій Кондильякъ; онъ ничего не понималъ, ничего не отвѣчалъ, ничѣмъ не трогался и отличался непостижимымъ упрямствомъ; онъ лучше всего одерживалъ побѣду, когда приводилъ меня въ бѣшенство; тогда, напротивъ, онъ былъ умнымъ человѣкомъ, а я — ребенкомъ. Я видѣлъ всѣ свои ошибки, чувствовалъ ихъ; изучалъ наклонности своихъ учениковъ, очень хорошо вникалъ въ нихъ и не думаю, чтобъ хоть однажды поддался ихъ хитростямъ. Но къ чему служило мнѣ пониманіе зла, когда у меня не было средства для его искорененія? Постигая все, я не препятствовалъ ничему, не успѣвалъ ни въ чемъ, и все, что дѣлалъ, было именно противоположно тому, что долженъ былъ дѣлать.

Точно также мало успѣвалъ я въ отношеніи къ самому себѣ: госпожа Дейбанъ рекомендовала меня госпожѣ де-Мабли. Она просила ее научить меня порядочнымъ манерамъ и умѣнью держать себя въ обществѣ. Та позаботилась объ этомъ и хотѣла, чтобъ я былъ у нея въ домѣ своимъ человѣкомъ и даже принималъ гостей; но я принялся за это такъ неловко, былъ такъ застѣнчивъ, такъ глупъ, что жестоко надоѣлъ ей и она оставила меня ни при чемъ. Но это не помѣшало мнѣ, по обыкновенію, въ нее влюбиться. Я влюбился на столько, что она замѣтила это,

но никогда не осмѣлился объясниться ей въ любви. Она не была расположена, съ своей стороны, сдѣлать первый шагъ, и я ограничился взглядами и вздохами, которые скоро мнѣ наскучили, такъ какъ ровно ни къ чему не вели.

У маменьки я окончательно потерялъ расположеніе къ невинному мошенничеству, потому что, будучи у себя дома, не имѣлъ нужды красть. Къ тому же, пріобрѣтенные мною принципы должны были отнынѣ поставить меня гораздо выше подобныхъ низостей, и нѣтъ сомнѣнія, что съ тѣхъ поръ я и стоялъ дѣйствительно выше ихъ; но это происходило менѣе отъ желанія побѣдить въ себѣ искушеніе, чѣмъ отъ полнаго искорененія этой привычки; и еслибъ я былъ подверженъ желанію красть, какъ въ дѣтствѣ, то очень боялся бы, что съ трудомъ преодолѣю его. Доказательство этому представилось у господина де-Мабли. Окруженный вещицами, которыя легко можно было украсть и на которыя я даже не смотрѣлъ, я вздумалъ покуситься на одно хорошенькое бѣлое вино изъ Арбуа, нѣсколько стакановъ котораго, выпитыхъ мною за обѣдомъ, прельстили меня. Оно было мутновато; я прихвастнулъ, что могу осадить вино: мнѣ поручили это дѣло: я произвелъ осадокъ и испортилъ вино, но только на видъ; его все таки было пріятно пить, и я устроилъ такъ, что время отъ времени пользовался нѣсколькими бутылками, которыя выпивалъ на свободѣ въ своей комнатѣ. Къ несчастію, я никогда не могъ пить безъ того, чтобъ въ тоже время не закусывать. Какъ добыть хлѣба? Оставлять его себѣ на запасъ было невозможно. Посылать лакеевъ—покупать, значило выдавать себя и почти наносить оскорбленіе хозяину дома. Покупать самому — я никогда бы не смѣлъ. Развѣ можно было щегольски одѣтому господину, со шпагою на боку, идти къ булочнику за кускомъ хлѣба? Наконецъ я вспомнилъ изреченіе одной знаменитой принцессы, которой говорили, что у поселянъ нѣтъ хлѣба, и которая, не зная что дѣлать, отвѣчала: пусть ѣдятъ сухари! Но сколько трудовъ стоило, чтобъ дойти и до этого. Нарочно выйдя изъ дому одинъ, я обходилъ весь городъ и проходилъ мимо тридцати булочныхъ, прежде чѣмъ входилъ въ одну изъ нихъ. Только тогда, когда въ булочной никого не было, кромѣ булочника, и когда его физіономія казалась мнѣ симпатичной, я осмѣливался переступать черезъ порогъ. Но за то чуть я тамъ добывалъ мои милые сухари, какъ хорошенько запершись въ своей комнатѣ, отыскивалъ бутылку въ глубинѣ шкапа, — и какіе чудесные глотки пробовалъ я тогда, читая страницы хорошаго романа! читать и ѣсть было для меня всегда наслажденіемъ, за неимѣніемъ общества, которое вознаграждалось книгою. Я поперемѣнно пожираю то страницу, то кусокъ, какъ будто книга обѣдаетъ вмѣстѣ со мною.

Я никогда не бывалъ ни развратникомъ, ни грязнымъ циникомъ, и

гд въ жизнь свою не напивался до пьяна. Поэтому мое воровство происходило не въ слишкомъ значительныхъ размѣрахъ: однакожъ оно открылось. Меня выдали бутылки. У меня отняли надзоръ за погребомъ, не давъ замѣтить, за что именно Во всемъ этомъ образъ дѣйствій г. де-Маблиотличался благородствомъ и благоразуміемъ. Онъ былъ самый любезный человѣкъ, и подъ наружностью, такою же серьезною какъ и его санъ, скрывалъ истинную кротость характера и рѣдкую доброту сердца. Онъ былъ безпристрастенъ, справедливъ и даже очень человѣченъ,—чего нельзя было ожидать отъ чиновника, служившаго въ высшей полиціи. Чувствуя вполнѣ его снисходительность, я еще болѣе къ нему привязался, и это самое заставило меня прожить въ его домѣ долѣе, чѣмъ я намѣревался. Наконецъ, получивъ отвращеніе къ должности, къ которой не чувствовалъ способности, къ неловкому положенію, не представлявшему для меня ничего пріятнаго, послѣ опытовъ, продолжавшихся цѣлый годъ, въ теченіе котораго я не щадилъ своихъ трудовъ,—я рѣшился оставить моихъ учениковъ, вполнѣ увѣренный, что не могу воспитать ихъ какъ слѣдуетъ. Г. де-Мабли самъ видѣлъ это не хуже меня. Полагаю впрочемъ, что онъ никогда не вздумалъ бы самъ отказать мнѣ отъ мѣста, если бы я не избавилъ его отъ этого труда; въ подобномъ случаѣ я менѣе всего оправдываю излишекъ снисходительности.

Постоянное сравненіе съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ я находился прежде и которое оставилъ, дѣлало еще болѣе несноснымъ мое настоящее положеніе; всему этому придавало жизнь и душу воспоминаніе о моемъ миломъ Шарметъ, о моемъ садикѣ, деревьяхъ, фонтанѣ, огородѣ, въ особенности о той, для которой я былъ созданъ. Думая о ней, о нашихъ удовольствіяхъ, о нашей невинной жизни, я чувствовалъ, что у меня сердце сжималось и волненіе крови лишало меня всякой храбрости. Разъ сто я силою хотѣлъ заставить себя отправиться въ путь сейчасъ же, пѣшкомъ, и возвратиться къ ней; только бы видѣть ее еще одинъ разъ,—и я готовъ былъ умереть въ ту же минуту. Наконецъ я не могъ далѣе противиться сладкимъ воспоминаніямъ, звавшимъ меня къ ней во что бы ни стало. Я говорилъ себѣ, что не былъ довольно терпѣливъ, услужливъ, ласковъ; что я могъ жить, будучи счастливымъ одною нѣжною дружбою и способствуя ей болѣе, чѣмъ до сихъ поръ это дѣлалъ. Я составляю великолѣпнѣйшіе проекты; горю желаніемъ ихъ осуществить. Все оставляю, отказываюсь отъ всего, отправляюсь, лечу, пріѣзжаю съ восторгомъ моей первой молодости и бросаюсь къ ея ногамъ. О! я умеръ бы отъ радости, если бы въ пріемѣ, ласкахъ, въ ея сердцѣ, нашелъ хоть четверть того, что находилъ прежде и что приносилъ въ минуту этого новаго свиданія.

Жестокое разочарованіе надеждъ человѣческихъ! Она встрѣтила меня съ тѣмъ восхитительнымъ радушіемъ, которое могло умереть только вмѣстѣ съ нею; но я пріѣхалъ съ цѣлью возобновить прошлое, которое уже болѣе не существовало и не ногло возродиться. Едва успѣлъ я пробыть съ нею полчаса, какъ почувствовалъ, что мое прежнее счастіе умерло навсегда. Я попалъ въ тоже самое горестное положеніе, отъ котораго бѣжалъ, и въ этомъ случаѣ даже не могу обвинять никого. Самъ по себѣ Куртиль не былъ дуренъ и, казалось, увидѣлъ меня болѣе съ удовольствіемъ, чѣмъ съ досадою. Но могъ ли я согласиться занять мѣсто сверхштатнаго кандидата подлѣ той, для которой еще недавно я составлялъ все и которая не переставала быть для меня всѣмъ? Могъ ли я оставаться чужимъ въ домѣ, въ которомъ былъ принятъ ребенкомъ? Видъ предметовъ, свидѣтелей моего прошлаго счастія, дѣлалъ сравненіе еще болѣе жестокимъ. Въ другомъ мѣстѣ я страдалъ бы менѣе. Но постоянно видѣть столько сладостныхъ вещественныхъ воспоминаній, значило раздражать горькое ощущеніе понесенныхъ утратъ. Пожираемый тщетными сожалѣніями, преданный самой мрачной меланхоліи, я снова рѣшилъ лучше оставаться постоянно одному, исключая часовъ завтрака и обѣда. Запершись съ книгами, я искалъ полезныхъ развлеченій; чувствуя неизбѣжность гибели, которой прежде такъ сильно опасался, я мучился снова, желая отыскать въ самомъ себѣ средства предотвратить ее, когда у маменьки болѣе не останется этихъ средствъ. Я поставилъ ея домъ на такую ногу, чтобы онъ могъ идти не хуже прежняго; но со времени моего отъѣзда все измѣнилось. Ея экономъ былъ человѣкъ самый расточительный. Онъ хотѣлъ блистать хорошею лошадью, хорошимъ экипажемъ. Онъ любилъ съ честью выказаться предъ глазами сосѣдей; постоянно выдумывалъ предпріятія, въ которыхъ ровно ничего не смыслилъ. Пенсія уничтожалась ранѣе ея полученія, доходы за каждую четверть были въ залогѣ у кредиторовъ, въ наемной платѣ существовали недоимки, и долги шли своимъ чередомъ. Я предвидѣлъ, что эта пенсія не замедлитъ пойти въ уплату долговъ и даже можетъ быть совсѣмъ прекратится. Словомъ, видѣлъ только бѣдствія и разореніе, и минута ихъ казалась такъ близка, что я заранѣе предугадывалъ всѣ ея ужасы.

Мой милый кабинетъ былъ единственнымъ моимъ развлеченіемъ. Желая найти въ немъ исцѣленіе отъ моихъ душевныхъ волненій, я вздумалъ искать въ немъ лекарство отъ ожидаемаго бѣдствія; возвращаясь къ своимъ прежнимъ мыслямъ, строилъ новые воздушные замки, съ цѣлью освободить бѣдную маменьку изъ ужасной крайности, въ которую, какъ я видѣлъ, она готова была пасть. Я не чувствовалъ себя на столько знающимъ и не считалъ себя на столько умнымъ, чтобы сдѣ-

латься извѣстнымъ въ литературѣ и составить себѣ карьеру на этомъ пути. Одна новая мысль внушила мнѣ увѣренность, которой не могла дать слабая посредственность моихъ способностей. Давая уроки, я не оставилъ музыку; напротивъ, на столько изучилъ теорію, что могъ считать себя, по крайней мѣрѣ, знающимъ въ этомъ отношеніи. Раздумывая о томъ, сколько труда я употребилъ для того, чтобы имѣть возможность разбирать ноты, а также пѣть съ перваго раза, я началъ думать, что затрудненіе могло происходить точно также отъ музыки, какъ отъ меня самого; тѣмъ болѣе я зналъ, что для всякаго выучиться музыкѣ не особенно легко. Разсматривая конструкцію нотныхъ знаковъ, я замѣтилъ, что они часто очень дурно принаровлены къ тому, что должны изображать. Уже давно думалъ я замѣнить нотные знаки цифрами и избѣжать такимъ образомъ необходимости, при всякой малѣйшей аріи, писать вертикальныя линіи и точки. Меня останавливали только октавы, а также темпъ и внутренній смыслъ знаковъ. Эта старинная мысль снова запала мнѣ въ голову и я увидалъ, раздумывая о ней, что эти трудности не были непреодолимы. Я вдумался въ нихъ съ успѣхомъ и достигъ того, что писалъ ноты посредствомъ цифръ, съ большою вѣрностью и совершенно просто. Съ тѣхъ-то поръ я вообразилъ, что моя карьера сдѣлана и, пылая жаромъ раздѣлить ее съ тою, которой всѣмъ былъ обязанъ, только и мечталъ о томъ, какъ бы уѣхать въ Парижъ, нисколько не сомнѣваясь, что представивъ мой проектъ въ академію, произведу тамъ настоящую революцію. Я привезъ изъ Ліона немного денегъ и продалъ свои книги. Въ двѣ недѣли рѣшеніе мое было готово и исполнено. Словомъ, возбужденный великими мыслями, внушившими мнѣ это рѣшеніе, я выѣхалъ изъ Савойи съ моею системой музыки, какъ прежде выѣзжалъ изъ Турина съ моимъ гіероновымъ фонтаномъ.

Таковы были ошибки и заблужденія моей молодости. Я разсказалъ ихъ съ точностью, которою довольно мое сердце. Если впослѣдствіи я и почтилъ свой зрѣлый возрастъ какими нибудь добродѣтелями, то сказалъ бы о нихъ съ тою же откровенностью, и именно таково было мое намѣреніе; но я долженъ здѣсь остановиться. Время можетъ приподнять много покрововъ. Если память обо мнѣ достигнетъ потомства, можетъ быть ему сдѣлается когда нибудь извѣстнымъ то, что я имѣлъ сказать. Тогда узнаютъ, почему я умолкаю.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

— 1741. — Послѣ двухъ лѣтъ молчанія и терпѣнія, не смотря на свою рѣшимость молчать, я снова принимаюсь за перо. Читатель, не произноси сужденія о причинахъ, побудившихъ меня къ тому: ты можешь судить о нихъ только тогда, когда прочтешь меня.

Читатель видѣлъ, какъ протекла моя молодость среди жизни ровной, довольно пріятной, безъ всякихъ особенныхъ бѣдствій, безъ особеннаго благополучія. Эта жизнь большею частію происходила отъ моего темперамента, горячаго, хотя и слабаго, менѣе наклоннаго къ предпріятіямъ, чѣмъ способнаго впасть въ апатію, выходившаго изъ спокойнаго состоянія вслѣдствіе какого-либо потрясенія, но возвращавшагося къ нему отъ усталости и по своей охотѣ, всегда уносившаго меня далеко отъ великихъ добродѣтелей и еще дальше отъ великихъ пороковъ въ ту праздную и спокойную жизнь, для которой я чувствовалъ себя созданнымъ, и не позволявшаго мнѣ никогда достигнуть ничего великаго, въ хорошемъ ли или въ дурномъ смыслѣ. Мнѣ предстоитъ вскорѣ начертать совершенно другую картину! Судьба, въ теченіе тридцати первыхъ лѣтъ благопріятствовавшая моимъ наклонностямъ, противодѣйствовала имъ въ теченіе тридцати другихъ; и вслѣдствіе такого постояннаго противорѣчія между моимъ положеніемъ и наклонностями произошли, какъ читатель увидитъ, громаднѣйшія ошибки, неслыханныя бѣдствія и всѣ тѣ добродѣтели, исключая силы, которыя могутъ дѣлать честь несчастной судьбѣ человѣка.

Первая часть моей исповѣди была вся написана на память; вѣроятно я сдѣлалъ въ ней много ошибокъ. Принужденный писать вторую часть также на память, безъ сомнѣнія, я сдѣлаю ихъ еще болѣе. Счастливое воспоминаніе моихъ прекрасныхъ юныхъ лѣтъ, прожитыхъ не-

винно и спокойно, оставило мнѣ тысячу прелестныхъ впечатлѣній, о которыхъ я люблю безпрестанно вспоминать. Вскорѣ увидятъ, какъ противоположны впечатлѣнія остальной моей жизни.

Вызывать ихъ—значитъ обновлять ихъ горечь. Будучи далекъ отъ желанія раздражать непріятность своего положенія этими грустными воспоминаніями, я устраняю ихъ, на сколько могу, и часто успѣваю въ этомъ до такой степени, что въ случаѣ надобности, не могу больше ихъ отыскать. Такая способность легко забывать бѣдствія есть утѣшеніе, доставленное мнѣ небомъ въ бѣдствіяхъ, которыя должны были, по волѣ судьбы, обрушиться на мою голову. Моя память, рисующая только одни пріятные предметы, перевѣшиваетъ, къ счастью для меня, мое встревоженное воображеніе, которое заставляетъ меня предвидѣть только ужасающую будущность.

Всѣ бумаги, собранныя мною для пополненія того, что забыто мною, и руководствовавшія мною въ этомъ предпріятіи, перешли въ чужія руки и уже не возвратятся болѣе въ мои.

У меня только одинъ вѣрный руководитель, на котораго я могу разсчитывать—это цѣпь чувствованій, обозначавшихъ послѣдовательный ходъ моего бытія, и при помощи ихъ—непрерывный рядъ событій, которыя были ихъ причиной или послѣдствіемъ. Я легко забываю свои несчастія, но не могу забыть свои ошибки, и еще меньше забываю свои хорошія чувства. Воспоминаніе о нихъ слишкомъ для меня дорого, для того, чтобъ оно могло когда-нибудь изгладиться изъ моего сердца. Я могу дѣлать въ фактахъ пропуски, перемѣщенія, ошибки въ числахъ, но не могу ошибаться ни въ томъ, что чувствовалъ, ни въ томъ, что чувства побуждали меня дѣлать,—а вотъ о чемъ именно главнѣйшимъ образомъ идетъ рѣчь. Существенная цѣль моей «Исповѣди» состоитъ въ томъ, чтобы въ точности показать свою внутреннюю сторону во всѣхъ положеніяхъ моей жизни. Я обѣщалъ исторію своей души, и чтобъ изложить ее вѣрно, не имѣю нужды въ иныхъ мемуарахъ; для меня достаточно, какъ я дѣлалъ до сихъ поръ, войти во внутрь себя.

Есть однакожъ, и это большое счастіе, шести или семилѣтній промежутокъ, о которомъ я имѣю вѣрныя свѣдѣнія изъ собранія писемъ, которыхъ оригиналы находятся въ рукахъ г. дю-Перу. Это собраніе, заканчивающееся 1760 годомъ, заключаетъ въ себѣ все время моего пребыванія въ Эрмитажѣ и моей большой ссоры съ моими мнимыми друзьями: эпоха, памятная въ моей жизни и бывшая источникомъ всѣхъ моихъ прочихъ несчастій. Что касается до позднѣйшихъ писемъ, оставшихся у меня въ подлинникѣ (ихъ впрочемъ немного), то не желая переписывать ихъ въ приложеніи сборника, слишкомъ объемистаго, чтобъ я могъ надѣяться уберечь его отъ бдительности моихъ аргусовъ, я пе-

репишу ихъ въ этомъ самомъ сочиненіи, когда они, по моему усмотрѣнію доставятъ какое-нибудь разъясненіе къ моему оправданію или моему обвиненію: я увѣренъ, — читатель не забудетъ, что я пишу свою исповѣдь и не подумаетъ, что я сочиняю свою защитительную рѣчь; но онъ не долженъ также ожидать, что я умолчу объ истинѣ, когда она будетъ говорить въ мою пользу.

Впрочемъ, эта вторая часть имѣетъ съ первой общаго только эту самую истину, и преимущество ея предъ первою заключается единственно въ важности событій. За исключеніемъ этого, вторая часть можетъ лишь уступать во всемъ первой. Эту послѣднюю я писалъ съ удовольствіемъ, съ самонадѣянностью, спокойнымъ духомъ, въ Вутонѣ или въ замкѣ де-Трай; всѣ воспоминанія, которыя приходилось мнѣ вызывать, были вмѣстѣ съ тѣмъ новыми наслажденіями. Я безпрестанно возвращался къ нимъ съ новымъ удовольствіемъ и могъ не стѣсняясь обработывать свои описанія до тѣхъ поръ, пока не оставался ими доволенъ. Теперь моя ослабѣвшая память и голова дѣлаютъ меня почти неспособнымъ ко всякому труду; второю частью я занимаюсь только насильно и съ стѣсненнымъ отъ скорби сердцемъ. Она представляетъ мнѣ лишь несчастія, измѣны, вѣроломства, воспоминанія печальныя и раздирающія сердце. Я отдалъ бы все на свѣтѣ, еслибъ могъ похоронить во мракѣ временъ то, что имѣю сказать, и принужденный говорить противъ своего желанія, доведенъ до того, что долженъ еще скрываться, хитрить, стараться обманывать, унижаться до вещей, для которыхъ всего менѣе рожденъ. Потолокъ, подъ которымъ я живу, имѣетъ глаза, стѣны, которыя меня окружаютъ, имѣютъ уши; окруженный шпіонами, злонамѣренными бдительными надсмотрщиками, безпокойный и разсѣянный, я наскоро бросаю на бумагу нѣсколько отрывочныхъ словъ, едва имѣя время ихъ перечитать, еще менѣе поправить. Знаю, что несмотря на несмѣтныя преграды, которыя безпрестанно громоздятся вокругъ меня, люди боятся, чтобъ истина не вырвалась наружу чрезъ какую-нибудь разсѣлину. Какъ взяться за дѣло, чтобъ заставить истину пробиться? Я пытаюсь, но съ малой надеждой на успѣхъ. Можно ли при такой обстановкѣ рисовать пріятныя картины и давать имъ самый привлекательный колоритъ? Итакъ предупреждаю тѣхъ, которые захотятъ начать это чтеніе, что ничто не можетъ предохранить ихъ отъ скуки — ничто, исключая желанія окончательно узнать человѣка и искренней любви къ справедливости и истинѣ.

Я оставилъ себя въ первой части, отъѣзжающимъ съ сожалѣніемъ въ Парижъ, оставившимъ свое сердце въ Шарметъ, строющимъ тамъ свой послѣдній воздушный замокъ, замышляющимъ принести туда въ одинъ день къ ногамъ маменьки, снова независимой, сокровища, кото-

рыя пріобрѣту, и разсчитывающимъ на свою музыкальную систему, какъ на вѣрное средство къ обогащенію.

Я остановился на нѣсколько времени въ Ліонѣ повидаться съ знакомыми, достать себѣ нѣсколько рекомендательныхъ писемъ въ Парижъ и продать привезенныя съ собою геометрическія книги. Всѣ приняли меня любезно. Г. и г-жа де-Мабли обрадовались свиданію со мною и нѣсколько разъ угощали меня обѣдомъ. Я познакомился у нихъ съ аббатомъ де-Мабли, какъ уже прежде познакомился съ аббатомъ де-Кондильякомъ, которые оба пріѣхали повидаться съ своимъ братомъ. Аббатъ де-Мабли далъ мнѣ нѣсколько писемъ въ Парижъ, въ числѣ ихъ было одно къ г. де-Фонтенелю и другое къ графу де-Келюсъ. Знакомство съ тѣмъ и другимъ было для меня очень пріятно, особенно съ первымъ, который, до самой смерти своей, не переставалъ оказывать мнѣ дружбу и давать мнѣ, въ нашихъ бесѣдахъ вдвоемъ, совѣты, которыми я долженъ бы лучше воспользоваться.

Я опять увидѣлъ г. Борда, съ которымъ уже давно былъ знакомъ и который часто помогалъ мнѣ отъ искренняго сердца и съ непритворнымъ удовольствіемъ. Я нашелъ его такимъ же, какъ и прежде. Онъ помогъ мнѣ продать мои книги и далъ мнѣ самъ въ Парижъ рекомендательныя письма или доставилъ мнѣ ихъ при помощи другихъ. Я опять увидѣлъ г. интенданта, съ которымъ познакомился, благодаря г. Борду, и которому былъ обязанъ знакомствомъ съ герцогомъ де-Ришелье, проѣзжавшимъ въ то время чрезъ Ліонъ. Г. Паллю представилъ ему меня. Ришелье принялъ меня ласково и сказалъ, чтобъ я посѣщалъ его въ Парижѣ; я бывалъ у него нѣсколько разъ; однакожъ это лестное знакомство, о которомъ придется мнѣ часто говорить впослѣдствіи, никогда и ни въ чемъ не было для меня полезно.

Я опять увидѣлъ музыканта Давида, который избавилъ меня отъ бѣды въ одно изъ моихъ прежнихъ путешествій. Онъ одолжилъ мнѣ или подарилъ шапку и чулки, которыхъ я никогда не возвратилъ ему и которыхъ онъ отъ меня никогда не требовалъ, хотя мы часто видѣлись впослѣдствіи. Впрочемъ, потомъ я сдѣлалъ ему почти равноцѣнный подарокъ.

Я опять увидѣлъ благороднаго и великодушнаго Перришона и не избѣжалъ при этомъ его обычной щедрости; онъ сдѣлалъ мнѣ точно такой же подарокъ, какой сдѣлалъ нѣкогда любезному Бернару, заплативъ за мое мѣсто въ дилижансѣ. Я опять увидѣлъ хирурга Паризо, лучшаго и благодѣтельнѣйшаго изъ людей; опять увидѣлъ его милую Готфриду, которую онъ содержалъ и лечилъ въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ, и которой почти все достоинство состояло въ кроткости характера и добротѣ сердца; но нельзя было ни подойти къ ней безъ участія, ни

оставить ее безъ чувства сожалѣнія, потому что она находилась въ послѣднемъ періодѣ чахотки, отъ которой вскорѣ и умерла. Ничто не высказываетъ лучше характера человѣка, какъ предметъ его привязанности [1]). Кто видалъ кроткую Готфриду, тотъ узнавалъ добраго Паризо. Я былъ многимъ обязанъ всѣмъ этимъ честнымъ людямъ. Впослѣдствіи я пренебрегъ ими всѣми, конечно, не по неблагодарности, а по той непобѣдимой лѣности, вслѣдствіе которой могъ часто казаться неблагодарнымъ. Никогда сознаніе ихъ услугъ не исчезало въ моемъ сердцѣ; но мнѣ стоило бы меньше труда доказать имъ мою признательность, чѣмъ стараться постоянно высказывать ее.

Точность въ веденіи переписки всегда была выше моихъ силъ; какъ скоро я начинаю облѣниваться, стыдъ и неумѣнье исправить свою вину заставляютъ меня увеличивать ее, и я совсѣмъ перестаю писать. И такъ я хранилъ молчаніе и, казалось, забылъ объ этихъ друзьяхъ. Паризо и Перришонъ даже не обратили на то вниманія, и я всегда находилъ ихъ тѣми же, что и прежде: но двадцать лѣтъ спустя, примѣръ г. Борда доказалъ, до чего можетъ простираться мстительность самолюбиваго остряка, когда онъ думаетъ, что забытъ по небрежности.

Прежде чѣмъ разстаться съ Ліономъ, я долженъ упомянуть объ одной любезной женщинѣ, которую я опять увидѣлъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ, чѣмъ когда-либо, и которая оставила въ моемъ сердцѣ очень нѣжныя воспоминанія; это дѣвица Серръ, о которой я говорилъ въ первой части; я возобновилъ съ ней знакомство въ бытность мою у г. де-Мабли. Въ эту поѣздку, имѣя больше свободнаго времени, я видѣлъ ее чаще чѣмъ прежде; сердце мое плѣнилось ею и очень сильно. Я имѣлъ нѣкоторое основаніе думать, что и она благоволила ко мнѣ; но она такъ довѣрилась мнѣ, что отвратила меня отъ искушенія злоупотребить этимъ довѣріемъ. Она не имѣла ничего, я тоже; наше положеніе было слишкомъ сходно, чтобы мы могли соединиться, а при занимавшихъ меня планахъ, я былъ очень далекъ отъ мысли жениться. Я узналъ отъ нея, что одинъ молодой негоціантъ, по имени г. Женевъ, казалось, хотѣлъ сойтись съ нею. Я видѣлъ его у нея разъ или два:

[1]) Если онъ только сначала не ошибся въ своемъ выборѣ или если та, къ которой онъ привязался, не измѣнила впослѣдствіи характера по стеченію особенныхъ обстоятельствъ; а это не абсолютно невозможно. Если признавать такое заключеніе непреложнымъ, то приходится судить о Сократѣ по его женѣ Ксантиппѣ, и о Діонѣ по его другу Калиппѣ. Такое сужденіе было бы самымъ несправедливымъ и ложнымъ. Впрочемъ, пусть никто не дѣлаетъ изъ этихъ словъ оскорбительнаго примѣненія къ моей женѣ. Правда, она ограниченнѣй и легковѣрнѣе, чѣмъ я думалъ; но что касается ея характера, чистаго, превосходнаго, не злобиваго, то онъ достоинъ моего полнаго уваженія, которое я сохраню, пока буду живъ.

онъ показался мнѣ честнымъ человѣкомъ и слылъ такимъ. Увѣренный, что она будетъ съ нимъ счастлива, я желалъ, чтобъ онъ на ней женился; онъ такъ и сдѣлалъ впослѣдствіи. Не желая возмущать ихъ невинной взаимности, я поторопился уѣхать, возсылая о счастіи этой прелестной особы молитвы, которыя были услышаны здѣсь на землѣ, хотя увы! на весьма короткое время. Впослѣдствіи я узналъ, что она умерла чрезъ два или три года послѣ замужества. Всю дорогу меня волновали нѣжныя сожалѣнія; я созналъ и часто сознавалъ съ той поры, каждый разъ какъ думалъ о ней, что если жертвы, приносимыя долгу и добродѣтели, обходятся намъ не даромъ, то насъ достаточно вознаграждаютъ за нихъ отрадныя воспоминанія, которыя онѣ оставляютъ въ глубинѣ нашего сердца.

На сколько въ мое предыдущее путешествіе я видѣлъ Парижъ съ невыгодной для него стороны, на столько въ эту поѣздку я увидѣлъ его со стороны блестящей, однако, не въ отношеніи къ моему помѣщенію. По адресу, данному мнѣ г. Бордомъ, я поселился въ отелѣ Сенъ-Кентенъ, на Кордіерской улицѣ, близъ Сорбонны, улицѣ гадкой, гадкомъ отелѣ, гадкой комнатѣ, но, гдѣ, впрочемъ, жили люди достойные, какъ напримѣръ, Грессе, Бордъ, аббаты Мабли, Кондильякъ и многіе другіе, изъ которыхъ, къ несчастью, я не засталъ тамъ ни одного; но за то засталъ нѣкоего Бонфона, хромого дворянчика, сутягу, корчившаго изъ себя пуриста; ему обязанъ я знакомствомъ съ г. Рогеномъ, нынѣ старѣйшимъ изъ моихъ друзей, а чрезъ послѣдняго познакомился съ философомъ Дидро, о которомъ много буду говорить впослѣдствіи.

Я пріѣхалъ въ Парижъ осенью 1741 года, съ пятнадцатью луидорами въ карманѣ, съ своей комедіей «Нарцисъ» и не имѣя въ виду ничего, кромѣ своего музыкальнаго проекта. Чтобъ извлечь пользу изъ него, мнѣ нечего было терять времени. Я поспѣшилъ пустить въ ходъ свои рекомендательныя письма. Молодой человѣкъ недурной наружности, пріѣзжая въ Парижъ и зарекомендовывая себя талантами, всегда увѣренъ, что будетъ хорошо принятъ. Такъ и случилось; это доставило мнѣ пріятныя знакомства, но не повело почти ни къ чему. Изъ всѣхъ лицъ, которымъ рекомендовали меня, только трое были мнѣ полезны: г. Дамезенъ, савойскій дворянинъ, въ то время шталмейстеръ и, какъ кажется, фаворитъ княгини де-Кариньянъ; г. де-Бозъ, секретарь въ академіи надписей и хранитель медалей королевскаго кабинета; и о. Кастель, іезуитъ, изобрѣтатель глазныхъ клавикордовъ (clavecin oculaire). Всѣ мои рекомендательныя письма, исключая письма къ г. Дамезенъ, были даны мнѣ аббатомъ Мабли. Г. Дамезенъ удовлетворилъ моимъ настоятельнѣйшимъ потребностямъ тѣмъ, что тотчасъ же познакомилъ меня съ г. де-Гаскъ, главнымъ президентомъ парламента въ

Бордо и очень хорошо игравшимъ на скрипкѣ, и съ аббатомъ Леонъ, жившимъ тогда въ Сорбоннѣ, молодымъ и очень любезнымъ человѣкомъ, который умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ, поблиставъ короткое время въ высшемъ свѣтѣ подъ именемъ кавалера де-Рогана. И у того, и у другого явилась фантазія учиться контр-пункту. Я давалъ имъ уроки нѣсколько мѣсяцевъ, что̀ немного поддержало мой истощавшійся кошелекъ. Аббатъ де-Леонъ полюбилъ меня и хотѣлъ, чтобы я былъ у него секретаремъ; но онъ былъ не богатъ и могъ предложить мнѣ всего на все только восемьсотъ франковъ, отъ которыхъ я отказался не безъ сожалѣнія, но которыхъ никакъ не могло доставать мнѣ на квартиру, столъ и содержаніе.

Г. де-Бозъ принялъ меня очень любезно. Онъ любилъ науку и самъ былъ человѣкъ знающій, хотя и вдавался отчасти въ педантизмъ. Г-жу де-Бозъ можно было принять за его дочь: она была дама свѣтская и большая щеголиха. Я иногда обѣдалъ у нихъ. Въ присутствіи хозяйки я былъ невообразимо глупъ и неловокъ. Ея развязныя манеры дѣлали меня робкимъ, а мои манеры — еще болѣе забавными. Когда она подавала мнѣ тарелку, я съ застѣнчивостью протягивалъ вилку, чтобъ взять кусокъ того, что она мнѣ предлагала, а она передавала лакею назначенную мнѣ тарелку и отворачивалась, чтобъ я не видѣлъ, какъ она смѣется. Она вовсе не подозрѣвала, что въ головѣ этого деревенскаго жителя находилось хоть немножко ума. Г. де-Бозъ представилъ меня де-Реомюру, своему другу, который приходилъ къ нему обѣдать каждую пятницу, въ день собранія въ академіи наукъ. Онъ сказалъ ему о моемъ проектѣ и моемъ желаніи представить его на разсмотрѣніе академіи. Г. де-Реомюръ взялъ на себя трудъ сдѣлать предложеніе, которое и было принято. Въ назначенный день я былъ введенъ и представленъ г-мъ де-Реомюромъ въ тотъ же день; 22 августа 1742 года, я имѣлъ честь читать въ академіи написанную мною записку. Не смотря на то, что знаменитое собраніе имѣло видъ очень важный, я былъ въ немъ менѣе застѣнчивъ, чѣмъ въ присутствіи г-жи де-Бозъ, и довольно удачно справился съ чтеніемъ и своими отвѣтами. Записка была прочитана съ успѣхомъ и вызвала похвалы, которыя удивляли меня столько же, сколько льстили моему самолюбію: я съ трудомъ представлялъ себѣ, чтобъ кто нибудь, не принадлежащій къ числу академиковъ, могъ въ глазахъ ихъ имѣть здравый смыслъ. Проектъ мой былъ отданъ на разсмотрѣніе г-мъ де-Меранъ, Гелгео и де-Фуши; всѣ они были, конечно, люди достойные, но ни одинъ изъ нихъ не былъ свѣдущъ въ музыкѣ, покрайней мѣрѣ настолько, чтобъ быть въ состояніи судить о моемъ проектѣ.

—(1742)— Во время моихъ совѣщаній съ этими господами я удо-

стовѣрился вполнѣ и съ чрезвычайнымъ изумленіемъ, что если ученые и имѣютъ иногда меньше предразсудковъ, чѣмъ прочіе люди, за то и придерживаются еще сильнѣе тѣхъ, которые у нихъ существуютъ. Не смотря на крайнюю слабость и лживость большей части ихъ возраженій и на то, что я признаюсь, отвѣчалъ на нихъ робко и нескладно, я, вслѣдствіе очень уважительныхъ причинъ, ни разу не добился того, чтобъ заставить понять себя и удовлетворить ихъ. Я всегда былъ озадаченъ легкостью, съ какою они, при помощи нѣсколькихъ громкихъ фразъ, опровергали меня, совсѣмъ не понимая моей системы. Они отрыли не знаю гдѣ, что одинъ монахъ, по имени о. Сугетти, когда-то изобрѣлъ гамму съ цифрами. Этого было достаточно имъ для того, чтобъ утверждать, что моя система не нова. Положимъ, что такъ. Хотя я и не слыхалъ никогда объ о. Сугетти и хотя его методъ церковнаго пѣнія безъ октавъ, а только съ семью нотами, никакимъ образомъ не заслуживалъ стать въ параллель съ моимъ простымъ и удобнымъ изобрѣтеніемъ, дававшимъ возможность безъ труда перелагать на цифры какую угодно музыку, ключи, паузы, октавы, такты и содержаніе нотъ, — вещи, о которыхъ о. Сугетти даже и не помышлялъ, — но все-таки по справедливости можно сказать, что въ дѣлѣ элементарнаго выраженія семи нотъ, онъ былъ первымъ изобрѣтателемъ. Однако, академики не ограничились тѣмъ, что придавали этому незатѣйливому изобрѣтенію больше важности, чѣмъ слѣдовало; толкуя объ основаніяхъ моей системы, они говорили лишь вздоръ.

Самое большое преимущество моей системы состояло въ отмѣнѣ транспортировокъ и ключей такимъ образомъ, что одинъ и тотъ же мотивъ можно было вмѣстѣ и положить на ноты и по волѣ транспонировать въ какой тонъ угодно, посредствомъ предположеннаго измѣненія одной заглавной буквы въ началѣ мотива. Эти господа слыхали отъ плохихъ парижскихъ музыкантовъ, что методъ выполненія пьесъ посредствомъ транспортировки никуда не годится; принявъ это мнѣніе за исходную точку своихъ доводовъ, они обратили въ непобѣдимое возраженіе противъ моей системы самое наглядное преимущество ея и рѣшили, что моя нотная система хороша для вокальной музыки, но негодится для инструментальной,—вмѣсто, того, чтобъ рѣшить, какъ оно и слѣдовало, что она хороша для вокальной, но еще лучше для инструментальной. На основаніи ихъ отзыва, академія выдала мнѣ свидѣтельство, наполненное очень лестными отзывами, сквозь которое просвѣчивало мнѣніе, что академія не считала мою систему ни новой, ни полезной. Я не счелъ должнымъ украсить этимъ отзывомъ мой трудъ—подъ заглавіемъ «Дессертація о новѣйшей музыкѣ», въ которомъ отдалъ на судъ публики мою систему.

Я имѣлъ возможность замѣтить при этомъ случаѣ, до какой степени, даже при ограниченности ума, спеціальное, но глубокое знаніе предмета необходимо для вѣрнаго сужденія о немъ и какое оно имѣетъ въ этомъ случаѣ преимущество предъ всѣми свѣдѣніями, пріобрѣтаемыми при помощи науки, если къ нимъ не присоединяется спеціальное изученіе того предмета. Единственное основательное возраженіе противъ моей системы было сдѣлано Рамо. Только что я объяснилъ ему эту систему, какъ онъ увидѣлъ ея слабую сторону. — Ваши знаки, — сказалъ онъ мнѣ, очень хороши въ томъ отношеніи, что просто и наглядно опредѣляютъ содержаніе нотъ, отчетливо изображаютъ интервалы и всегда показываютъ простой интервалъ въ удвоенномъ, — все такія вещи, которыхъ не даетъ обыкновенная нотная система; но они дурны въ томъ отношеніи, что требуютъ умственнаго напряженія, при которомъ не всегда можно слѣдить за быстротой выполненія. Расположеніе нашихъ нотъ, — продолжалъ онъ — представляется глазу безъ помощи этого способа. Когда двѣ ноты, одна очень высокая, а другая низкая — соединены пассажемъ, изъ нотъ промежуточныхъ, то я съ перваго взгляда вижу переходъ одной ноты въ другую по степенямъ ихъ соединенія; но по вашей системѣ, чтобъ увидѣть эти переходы, необходимо сложить всѣ ваши цифры одну съ другой; бѣглый взглядъ здѣсь совершенно недостаточенъ. — Возраженіе Рамо показалось мнѣ неопровержимымъ, и я тотчасъ же согласился съ нимъ. Хотя оно просто и очевидно, но сдѣлать его можетъ только человѣкъ весьма свѣдущій, и не удивительно, что оно не пришло въ голову ни одному академику; но удивительно то, что всѣ эти великіе ученые, которые знаютъ столько вещей, не знаютъ, что каждый долженъ судить только о томъ, что относится къ его дѣлу.

Мои частыя посѣщенія къ членамъ, разсматривавшимъ мой проектъ и къ прочимъ академикамъ, доставили мнѣ возможность познакомиться со всѣмъ, что было тогда знаменитаго въ парижскомъ литературномъ мірѣ, и когда впослѣдствіи я разомъ попалъ въ число литераторовъ, то знакомство съ ними было уже сдѣлано. Въ настоящее же время, весь сосредоточенный въ музыкальной системѣ, я настойчиво стремился къ тому, чтобы посредствомъ ея произвести переворотъ въ музыкѣ и достичь такимъ образомъ извѣстности, которая въ Парижѣ, въ области изящныхъ искусствъ, всегда влечетъ за собою богатство. Я заперся въ своей комнатѣ и два, три мѣсяца съ невыразимымъ рвеніемъ трудился надъ передѣлкой записки, читанной мною въ академіи и составлявшей часть сочиненія, предназначавшагося для публики. Затрудненіе состояло въ томъ, чтобъ найти книгопродавца, который согласился бы издать мою рукопись; новый шрифтъ требовалъ извѣстныхъ издержекъ,

книгопродавцы не бросаютъ своихъ денегъ новичкамъ, а я считалъ себя въ правѣ ожидать отъ сочиненія вознагражденія за хлѣбъ, проѣденный мною въ то время, когда писалъ его.

Бонфонъ отыскалъ мнѣ Кильо отца, заключившаго со мной условіе на половинную прибыль, не считая привилегіи, за которую я заплатилъ одинъ. Этотъ Кильо распорядился такъ, что я остался при своей привилегіи и никогда не получилъ ни полушки отъ этого изданія, расходившагося, вѣроятно, довольно дурно, не смотря на то, что аббатъ Дежонтенъ обѣщалъ мнѣ содѣйствовать его распространенію, и что прочіе журналисты отзывались о немъ съ похвалою.

Главнымъ препятствіемъ къ примѣненію на дѣлѣ моей системы было опасеніе потерять, если система не будетъ принята, время, которое потратилось бы на ея изученіе. Я возражалъ на это, что практическая часть моей нотной теоріи уясняла понятіе о нотахъ до такой степени, что даже тотъ, кто хотѣлъ бы изучать музыку по общепринятой нотной системѣ и правиламъ, во всякомъ случаѣ выигралъ-бы время, начавъ изучать ее сперва по моей системѣ. Чтобы доказать это на опытѣ, я безплатно училъ музыкѣ одну молоденькую американку— мадмуазель де-Руленъ, съ которой познакомился черезъ г. Рогена. Черезъ три мѣсяца она была въ состояніи разбирать по моей системѣ какую угодно музыку и даже пѣть à livre ouvert лучше самого меня вещи не слишкомъ трудныя. Такой успѣхъ былъ поразительный, но остался неизвѣстнымъ. Другой на моемъ мѣстѣ разгласилъ-бы о немъ въ журналахъ, но я, имѣвшій нѣкоторую способность изобрѣтать полезныя вещи, никогда не умѣлъ заставить цѣнить ихъ.

Вотъ какимъ образомъ мой Гіероновъ фонтанъ снова разбился въ дребезги; но теперь мнѣ было тридцать лѣтъ и я находился безъ пристанища въ Парижѣ, гдѣ жизнь чего нибудь да стóитъ. Средство, на которое я рѣшился въ этой крайности, удивитъ только тѣхъ, кто читалъ безъ вниманія первую часть этихъ записокъ. Послѣ хлопотъ и занятій, столько же значительныхъ сколько и безполезныхъ, мнѣ нужно было отдохнуть. Вмѣсто того, чтобъ впасть въ отчаяніе, я спокойно предался лѣности и волѣ Провидѣнія; а чтобы дать ему время сдѣлать свое дѣло, принялся проживать, не торопясь, немногіе остававшіеся у меня луидоры, уменьшая по возможности расходы на удовольствія, но не запрещая ихъ себѣ совсѣмъ. Я ходилъ въ кофейню лишь черезъ день, а въ театръ только два раза въ недѣлю. Относительно женщинъ мнѣ не нужно было дѣлать никакого измѣненія, потому что на это я не истратилъ въ жизни ни копѣйки, кромѣ одного раза, о которомъ мнѣ скоро придется говорить.

Безпечность, наслажденіе, довѣрчивость, съ какими я предавался

этой беззаботной и уединенной жизни, которая по моимъ средствамъ могла продлиться не болѣе трехъ мѣсяцевъ, составляютъ одну изъ особенностей моей жизни и одну изъ странностей моего характера. Крайне нуждаясь въ томъ, чтобы обо мнѣ думали, я именно вслѣдствіе этого не имѣлъ смѣлости показываться въ обществѣ; необходимость же дѣлать визиты сдѣлала ихъ для меня несносными до такой степени, что я перестаіъ даже бывать у академиковъ и у прочихъ литераторовъ, въ среду которыхъ уже успѣлъ втереться. Мариво, аббатъ Мабли, Фонтенель были почти единственными знакомыми, къ которымъ я продолжалъ иногда ходить. Первому я даже показалъ свою комедію «Нарцисъ». Она ему понравилась, и онъ даже былъ на столько любезенъ, что исправилъ ее. Дидро былъ помоложе ихъ, почти однихъ лѣтъ со мною. Онъ любилъ музыку и зналъ ея теорію; мы часто говорили вмѣстѣ о музыкѣ; онъ говорилъ мнѣ тоже о планахъ своихъ сочиненій. Вслѣдствіе этого между нами вскорѣ завязались болѣе короткія отношенія, которыя продолжались пятнадцать лѣтъ и вѣроятно длились бы еще болѣе, еслибъ я къ несчастію, по собственной винѣ, не встрѣтился съ нимъ на одной дорогѣ. Никто не въ состояніи представить себѣ, въ какихъ занятіяхъ я проводилъ короткій и драгоцѣнный промежутокъ, остававшійся у меня до той поры, когда я принужденъ былъ выпрашивать себѣ хлѣбъ: въ заучиваніи наизусть тѣхъ мѣстъ изъ поэтовъ, которыя я уже выучивалъ разъ сто и столько же разъ забывалъ. Каждое утро, часовъ около десяти, я отправлялся гулять въ Люксамбургъ, съ томомъ Виргилія или Руссо въ карманѣ, и тамъ, до обѣденнаго часа, припоминалъ то духовную оду, то пастушескую идиллію, нисколько не унывая оттого, что повторяя сегодняшнюю оду, непремѣнно забывалъ вчерашнюю. Я помнилъ, что послѣ пораженія Никія въ Сиракузахъ, плѣнные аѳиняне снискивали себѣ пропитаніе тѣмъ, что пересказывали наизусть поэмы Гомера. На основаніи этого ученаго примѣра я, для предохраненія себя отъ нищеты, изощрялъ свою счастливую память затверживаніемъ наизусть всѣхъ поэтовъ.

Было у меня и другое средство не менѣе надежное—шахматы, которымъ я посвящалъ у Можиса регулярно каждое послѣобѣда въ тѣ дни, когда не ходилъ въ театръ. Тамъ я познакомился съ г. де-Легаль, съ какимъ-то Гюссономъ, съ Филодоромъ, со всѣми извѣстными шахматными игроками того времени, но самъ не сдѣлался отъ того искуснѣе. Впрочемъ я не сомнѣвался, что наконецъ превзойду ихъ всѣхъ, и этого было, по моему мнѣнію, довольно, чтобъ имѣть средство для пропитанія. Къ какой бы глупости я ни пристращался, я всегда относился къ ней съ однимъ и тѣмъ же способомъ разсужденія. Я говорилъ себѣ: кто лучше другихъ знаетъ какую-нибудь вещь, тотъ всегда можетъ быть увѣренъ,

что другіе станутъ искать его знакомства; будемъ же добиваться первенства въ чемъ бы то ни было; всѣ станутъ искать знакомства со мной, случаи будутъ представляться, а мои таланты довершатъ остальное. Такое ребячество было софизмомъ не моего разсудка, а моей безпечности. Пугаясь большихъ и быстрыхъ усилій, которыя необходимо сдѣлать, чтобъ добиться чего нибудь, я старался потворствовать своей лѣности и укрывался отъ стыда достойными ея аргументами.

Такимъ образомъ я спокойно ожидалъ конца своимъ деньгамъ, и думаю, что дошелъ бы до послѣдней копѣйки безъ малѣйшей тревоги, если бы о. Кастель, котораго я посѣщалъ иногда мимоходомъ по дорогѣ въ кофейную, не вывелъ меня силою изъ моей безпечности. О. Кастель былъ сумасбродъ, но добрякъ: ему было досадно видѣть, что я проживаюсь такимъ образомъ, ничего не дѣлая. — Такъ какъ музыканты — говорилъ онъ — и ученые настроены на одинъ ладъ съ вами, измѣните тонъ и обратитесь къ женщинамъ. Тамъ, быть можетъ, вы скорѣе добьетесь успѣха. Я говорилъ о васъ г-жѣ де-Безанваль; побывайте у нея отъ моего имени. Она добрая женщина и съ удовольствіемъ встрѣтитъ земляка своего сына и мужа. У нея вы увидите г-жу де-Брольи, ея дочь, женщину умную. Есть еще другая, тоже умная женщина — г-жа Дюпенъ, которой я также говорилъ о васъ; отнесите къ ней ваше сочиненіе; ей хочется васъ повидать, и она приметъ васъ хорошо. Въ Парижѣ ничего не добьешься иначе какъ при помощи женщинъ: онѣ точно кривыя линіи, у которыхъ мудрые — линіи параллельныя; послѣднія безпрерывно приближаются къ первымъ, но никогда не касаются ихъ.

Откладывая эту тяжелую работу со дня на день, я собрался наконецъ съ духомъ и пошелъ къ г-жѣ де-Безанваль. Она приняла меня благосклонно. Когда въ ея комнату вошла г-жа де-Брольи, та ей сказала: — Дочь моя, вотъ г. Руссо, о которомъ говорилъ намъ о. Кастель. Г-жа де-Брольи отозвалась съ похвалой о моемъ сочиненіи, и, подведя меня къ фортепіано, показала мнѣ, что дѣйствительно занималась изученіемъ его. Замѣтивъ на ея стѣнныхъ часахъ, что было около часа, я собрался уйдти. Г-жа де-Безанваль сказала мнѣ: вамъ далеко до вашей квартиры; останьтесь, вы пообѣдаете здѣсь. Я не заставилъ просить себя. Черезъ четверть часа, я понялъ изъ нѣсколькихъ словъ, что обѣдъ, на который она меня приглашала, былъ обѣдъ въ людской. Г-жа де-Безанваль была очень добрая женщина, но ограниченная и слишкомъ занятая знатностію своего польскаго дворянскаго происхожденія; она имѣла мало понятія объ уваженіи, съ какимъ должно относиться къ талантамъ. Въ этомъ случаѣ даже она судила обо мнѣ больше по виду, чѣмъ по платью, которое было хотя очень просто, однако весьма опрятно, и вовсе не давало повода приглашать меня обѣдать въ лакейскую. Я слишкомъ давно

забылъ туда дорогу, чтобъ снова припомнить ее. Не выказывая своей досады, я сказалъ г-жѣ де-Безанваль, что мнѣ пришло на память одно дѣло, которое требуетъ моего возвращенія на квартиру,—и хотѣлъ уйти. Г-жа де-Брольи подошла къ матери и сказала ей нѣсколько словъ, произведшихъ свое дѣйствіе. Г-жа де-Безанваль встала, чтобъ удержать меня, и сказала: я полагаю, что вы сдѣлаете намъ честь и отобѣдаете вмѣстѣ съ нами. Я подумалъ, что отказаться изъ гордости значило бы выказать себя глупцомъ, — и остался. Кромѣ того, доброта г-жи де-Брольи тронула меня и возбудила во мнѣ участіе къ этой женщинѣ. Я былъ очень радъ обѣдать съ нею и надѣялся, что, узнавъ меня покороче, она не пожалѣетъ о сдѣланной мнѣ чести. Президентъ де-Ламуаньонъ, другъ дома, тоже обѣдалъ у нихъ. Какъ онъ, такъ и г-жа де-Брольи, разговаривали на парижскомъ салонномъ языкѣ, составленномъ изъ любезностей и легкихъ тонкихъ намековъ. Здѣсь нечѣмъ было блеснуть бѣдному Жанъ-Жаку. Здравый смыслъ показалъ мнѣ, что я не долженъ былъ любезничать, вопреки Минервѣ, и я молчалъ. Хорошо было бы, еслибъ я всегда былъ такъ благоразуменъ! я не попалъ бы въ ту пропасть, въ которой нахожусь теперь.

Я былъ въ отчаяніи отъ своей неповоротливости и отъ того, что не могъ оправдать въ глазахъ г-жи де-Брольи оказаннаго мнѣ ею участія. Послѣ обѣда я прибѣгнулъ къ своему обычному ресурсу. У меня въ карманѣ было посланіе въ стихахъ, написанное къ Паризо во время пребыванія въ Ліонѣ. Въ немъ не было недостатка въ теплотѣ чувства; я продекламировалъ его съ увлеченіемъ и всѣхъ троихъ заставилъ прослезиться. Угадалъ ли я, или думалъ такъ изъ тщеславія, но только мнѣ казалось, что г-жа де-Брольи взглядами говорила матери: что маменька? не была ли я права, когда говорила, что этому человѣку приличнѣе обѣдать съ вами, нежели съ вашими горничными? До сихъ поръ у меня было нѣсколько тяжело на сердцѣ, но отмстивъ такимъ образомъ, я сталъ довольнѣе. Г-жа де-Брольи, зайдя слишкомъ далеко въ своемъ выгодномъ сужденіи обо мнѣ, полагала, что я произведу эффектъ въ Парижѣ и буду имѣть успѣхъ у прекраснаго пола. Желая помочь мнѣ въ моей неопытности, она дала мнѣ «Исповѣдь графа де**». — Эта книга — сказала она, — менторъ, который будетъ вамъ нуженъ въ свѣтѣ: вы хорошо сдѣлаете, если станете иногда прибѣгать къ нему. Я хранилъ болѣе двадцати лѣтъ этотъ экземпляръ, вмѣстѣ съ признательностью къ ручкѣ, подарившей мнѣ его, но часто смѣялся, вспоминая о мнѣніи, которое, повидимому, имѣла эта дама о моихъ способностяхъ къ волокитству Какъ скоро я прочиталъ это сочиненіе, во мнѣ явилось желаніе подружиться съ его авторомъ. Моя склонность вдохновляла меня очень кстати: изъ числа литераторовъ онъ былъ моимъ единственнымъ и истиннымъ

другомъ. Съ той поры я позволилъ себѣ надѣяться, что баронесса де-Безанваль и маркиза де-Брольи, принимавшія во мнѣ участіе, не оставятъ меня долго безъ средствъ къ существованію, и не ошибся. Теперь поговоримъ о моемъ знакомствѣ съ г-жею Дюпенъ, имѣвшемъ болѣе серьезныя послѣдствія.

Г-жа Дюпенъ, какъ извѣстно, была дочерью Самуила Бернара и г-жи Фонтенъ. Ихъ было три сестры, которыхъ можно было назвать тремя граціями: г-жа де-ла-Тушъ, напроказившая разъ въ Англіи съ герцогомъ Кинстономъ; г-жа д'Арти любовница и, сверхъ того, другъ, единственный и искренній другъ принца де-Конти, женщина достойная обожанія сколько за кротость и доброту своего милаго характера, столько же за пріятность ума и неистощимую веселость нрава; наконецъ г-жа Дюпенъ, красивѣйшая изъ трехъ, и единственная, которой поведеніе находили безукоризненнымъ. Дюпенъ получилъ ее въ награду за гостепріимство, оказанное имъ въ провинціи ея матери, которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, дала ему мѣсто сборщика податей и несмѣтное богатство. Когда я увидѣлъ ее въ первый разъ, она была еще одна изъ прекраснѣйшихъ женщинъ въ Парижѣ. Она приняла меня за туалетомъ. Руки у нея были обнажены, волосы распущены, пеньюаръ въ безпорядкѣ. Такой пріемъ былъ для меня очень новъ; моя бѣдная голова не выдержала его; я смущаюсь, теряюсь; словомъ, тутъ же влюбляюсь въ г-жу Дюпенъ.

Мое смущеніе повидимому не повредило мнѣ въ ея мнѣніи; она совсѣмъ его не замѣтила. Она приняла книгу и автора, говорила со мной о моемъ проектѣ какъ женщина знающая, пѣла, аккомпанировала себѣ на клавикордахъ, оставила меня обѣдать, посадила за столомъ подлѣ себя. Чтобъ свести меня съ ума, не надо было стольких старaній. И дѣйствительно я сошелъ съ ума. Она позволила мнѣ посѣщать ее; я пользовался, даже злоупотреблялъ этимъ позволеніемъ; ходилъ къ ней почти каждый день; обѣдалъ два, три раза въ недѣлю. Я мучился желаніемъ высказаться; но никогда не осмѣливался этого сдѣлать. Многія причины усиливали мою природную робость. Доступъ въ богатый домъ былъ открытой дверью къ счастію; я не хотѣлъ въ своемъ положеніи рисковать тѣмъ, что для меня могли закрыть эту дверь. Г-жа Дюпенъ, несмотря на свою любезность, была серьезна и холодна: я не находилъ въ ея манерахъ ничего такого, что могло бы подстрекнуть мою смѣлость. Въ ея домѣ, въ то время самомъ блестящемъ въ Парижѣ, собиралось общество, которое, будь оно нѣсколько малочисленнѣе, было бы отборнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Она любила знаться со всѣми извѣстными личностями, блистающими въ свѣтѣ, съ вельможами, литераторами, красивыми женщинами. У нея только и видали что герцоговъ, посланниковъ, сановниковъ въ голубыхъ лентахъ. Принцесса де-Роганъ, графиня де-

Форкалькье, г-жа де-Мирпуа, г-жа де-Бриньоле, миледи Гервей могли считаться ея пріятельницами. Фонтенель, аббатъ де-Сен-Пьеръ, Соллье, Фурмонъ, де-Бернисъ, де-Бюффонъ, Вольтеръ принадлежали къ ея кружку и у нея обѣдали. Если ея степенный видъ не привлекалъ много молодежи, то общество у нея составлялось тѣмъ лучшее и внушало къ себѣ больше уваженія и бѣдному Жанъ-Жаку нечего было надѣяться чѣмъ либо отличиться среди всего этого. И такъ я не осмѣливался говорить, но, будучи не въ состояніи больше молчать, осмѣлился написать письмо. Она оставила его у себя въ теченіи двухъ дней, не говоря ни слова. На третій день, она мнѣ отдала его, высказавъ на словахъ нѣсколько увѣщаній холоднымъ тономъ, отъ котораго я оледенѣлъ. Я хотѣлъ говорить, слова замерли на губахъ: моя внезапная страсть угасла вмѣстѣ съ надеждой, и послѣ формальнаго объясненія, я продолжалъ оставаться съ ней въ прежнихъ отношеніяхъ, не смѣя больше ни о чемъ говорить съ ней, даже глазами.

Я думалъ, что моя глупость будетъ ею забыта, но ошибся. Г. де-Франкейль, сынъ г. Дюпена и пасынокъ г-жи Дюпенъ, былъ почти однихъ лѣтъ съ нею и со мной. Онъ былъ уменъ и красивъ собою; могъ имѣть претензію нравиться; говорили даже, что онъ изъявлялъ эти претензіи и въ отношеніи къ ней, быть можетъ единственно потому, что она женила его на женщинѣ очень дурной наружности и очень кроткой, и была очень дружна съ обоими ими. Г. де-Франкейль обладалъ нѣкоторыми талантами и занимался ими. Музыка, которую онъ зналъ очень хорошо, дала намъ поводъ къ сближенію. Я видалъ его часто и привязался къ нему; вдругъ онъ далъ мнѣ понять, что г-жа Дюпенъ находитъ мои посѣщенія слишкомъ частыми и проситъ меня ихъ прекратить. Такая любезность могла бы быть умѣстной въ ту минуту, когда г-жа Дюпенъ возвратила мнѣ письмо; но восемь или десять дней спустя, и безъ всякой другой причины, эта любезность, кажется, была вовсе не кстати. Мое положеніе становилось отъ этого тѣмъ болѣе страннымъ, что г. и г-жа де-Франкейль принимали меня по прежнему. Впрочемъ я бывалъ у Дюпенъ рѣже и пересталъ бы совсѣмъ ходить къ нимъ, еслибъ, по другому непредвидѣнному капризу, г-жа Дюпенъ не попросила меня взять на себя, впродолженіи недѣли или дней десяти, надзоръ за ея сыномъ, который, по случаю перемѣны гувернера, оставался одинъ въ этотъ промежутокъ. Я провелъ эту недѣлю въ такой пыткѣ, какую могъ вытерпѣть единственно изъ удовольствія повиноваться г-жѣ Дюпенъ, потому что бѣдный Шенонсо уже и тогда отличался тѣмъ задорнымъ нравомъ, который едва не обезчестилъ его семейство и былъ причиною его смерти въ ссылкѣ на островѣ Бурбонѣ. Пока я былъ при немъ, я не допускалъ его дѣлать зло ни самому себѣ,

ни другимъ, но этимъ все мое гувернерство и ограничивалось; да и это стоило мнѣ порядочнаго труда, и я не рѣшился бы ни за что остаться при немъ еще недѣлю, если бы даже, въ вознагражденіе за это, г-жа Дюпенъ отдалась мнѣ.

Г. де-Франкейль начиналъ питать ко мнѣ дружбу, я съ нимъ работалъ; мы начали вмѣстѣ слушать курсъ химіи у Руэлля. Чтобъ сблизиться съ нимъ, я оставилъ свой отель Сенъ-Кентенъ и перебрался въ улицу Верделе, выходящую на улицу Платріеръ, гдѣ жилъ г. Дюпенъ. Тамъ, вслѣдствіе запущенной простуды, у меня сдѣлалось воспаленіе въ груди, отъ котораго я чуть не умеръ. Въ молодости у меня не рѣдко бывали воспалительныя болѣзни, плерезіи, и въ особенности жаба, которой я былъ очень подверженъ; я не веду здѣсь списка всѣмъ болѣзнямъ, ставившимъ меня лицомъ къ лицу къ смерти на столько близко, что я могъ свыкнуться съ нею. Пока я выздоравливалъ, я имѣлъ время поразмыслить о своемъ положеніи и погоревать о томъ, что, несмотря на пожиравшій меня внутренній огонь, робость, слабость и безпечность всегда влекли за собою вялое бездѣйствіе ума, всегда державшее меня на порогѣ нищенства. Наканунѣ дня, въ который я захворалъ, я ходилъ слушать одну оперу Ройе, которую тогда давали и которой названіе я забылъ. Несмотря на пристрастіе къ чужимъ талантамъ, — пристрастіе, которое всегда внушало мнѣ недовѣріе къ моимъ собственнымъ, я не могъ удержаться, чтобы не найти эту музыку слабой, вялой, лишенной новизны. Я осмѣливался иногда говорить себѣ: кажется, я написалъ бы лучше. Но страхъ, который внушала мнѣ одна мысль о сочиненіи оперы и важность, которую придавали этому дѣлу спеціалисты въ музыкѣ, въ ту же минуту отталкивали меня отъ моего намѣренія, и я стыдился своей дерзости, позволявшей мнѣ думать объ этомъ. Сверхъ того, гдѣ найти человѣка, который захотѣлъ бы написать мнѣ слова на музыку и передѣлать ихъ по моему усмотрѣнію? Эти мысли о музыкѣ и объ оперѣ возвращались ко мнѣ во время болѣзни, и я сочинялъ въ горячечномъ бреду мелодіи, дуэты, хоры. Я увѣренъ, что сочинилъ два или три мотива di prima intenzione, которые, быть можетъ, возбудили бы удивленіе знатоковъ музыки, если бы они могли слышать ихъ исполненіе. О! еслибъ можно было вести списокъ грезамъ больного горячкой, сколько помѣстилось бы въ немъ великихъ и высокихъ идей, порожденныхъ въ бреду!

Эти сюжеты музыки и оперы занимали меня и во время выздоровленія, хотя безпокоили уже меньше. Вслѣдствіе этихъ постоянныхъ мыслей, и даже вопреки себѣ, я рѣшился, для очищенія совѣсти, сочинить совершенно одинъ оперу,—какъ слова, такъ и музыку. Это было не совсѣмъ первымъ моимъ опытомъ. Еще въ Шамбери я написалъ тра-

гическую оперу подъ названіемъ «Ифиса и Анаксаретъ», которую имѣлъ благоразуміе бросить въ огонь. Въ Ліонѣ я сочинилъ еще одну оперу подъ названіемъ: «Открытіе новаго свѣта» и, прочитавъ ее г. Борду, аббату де-Мабли, аббату Трюбле и другимъ, кончилъ тѣмъ, что сдѣлалъ изъ нея то же самое употребленіе, хотя написалъ уже музыку для пролога и для перваго дѣйствія, и хотя Давидъ, просмотрѣвъ музыку, сказалъ мнѣ, что въ ней были мотивы, достойные Буонончини.

На этотъ разъ, прежде чѣмъ приняться за работу я далъ себѣ время обдумать свой планъ. Я проектировалъ героическій балетъ съ тремя различными сюжетами въ трехъ отдѣльныхъ дѣйствіяхъ, каждое съ разнохарактерной музыкой, и взявъ для сюжета каждаго акта любовныя похожденія поэта, назвалъ эту оперу: «Любовныя похожденія музъ». Героемъ моего перваго акта, исполненнаго шумной музыки, былъ Тассъ; второго—отличавшагося музыкой нѣжной—Овидій; третій, подъ заглавіемъ «Анакреонъ», долженъ былъ дышать веселостью диѳирамба. Сначала я попыталъ свой талантъ на первомъ актѣ и предался ему съ энергіей, которая въ первый разъ дала мнѣ вкусить всю прелесть композиторскаго жара. Однажды вечеромъ, почувствовавъ у входа въ оперный театръ, что меня волнуютъ и одолѣваютъ музыкальныя идеи, я опускаю въ карманъ деньги, бѣгу запереться въ свою комнату, ложусь въ постель, и, задернувъ занавѣсъ, чтобъ не дать проникнуть свѣту, предаюсь тамъ вполнѣ поэтическому и музыкальному вдохновенію, и быстро сочиняю, въ семь или восемь часовъ лучшую часть своего акта. Могу сказать, что моя страсть къ принцессѣ феррарской (такъ какъ я былъ въ то время Тассомъ), мои благородныя и гордыя чувства въ отношеніи ея несправедливому брату, доставили мнѣ въ эту ночь во сто разъ больше наслажденія, чѣмъ я вкусилъ бы его, если бы провелъ ее въ объятіяхъ самой принцессы. Поутру въ головѣ моей осталась очень маленькая частичка того, что я сочинилъ; но и въ этой малой долѣ, почти изглаженной утомленіемъ и сномъ, можно было замѣтить выразительность мотивовъ, которыхъ она представляла только отрывки.

На этотъ разъ я слишкомъ долго занимался своимъ сочиненіемъ, потому что былъ отвлеченъ отъ него другими дѣлами. Между тѣмъ, какъ я привязывался къ дому Дюпеновъ, г-жа де-Безанваль и г-жа Брольи, которую я прололжалъ посѣщать по временамъ, не забывали обо мнѣ.

Графъ де-Монтегю, капитанъ гвардіи, назначался посланникомъ въ Венецію. Это былъ посланникъ въ духѣ Баржака, за которымъ онъ прилежно ухаживалъ. Его братъ, кавалеръ де-Монтегю, камергеръ въ свитѣ дофина, былъ знакомъ съ этими двумя дамами и аббатомъ Алари, членомъ французской академіи, съ которымъ я тоже иногда видѣлся. Г-жа де-Брольи, зная, что посланникъ искалъ себѣ секретаря, предло-

жила меня. Мы вошли въ переговоры. Я просилъ пятьдесятъ луидоровъ жалованья, что было весьма мало для виднаго мѣста, на которомъ должно было жить соотвѣтственно своему посту. Онъ согласился дать мнѣ только сто пистолей, притомъ я долженъ былъ ѣхать на свой счетъ. Такое предложеніе было смѣшно, мы не могли сговориться. Г. де-Франкейль, употребившій всѣ усилія удержать меня, одержалъ верхъ. Я остался, а г. де-Монтегю уѣхалъ и увезъ съ собой другого секретаря, Фолло, котораго ему дали изъ канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ. Едва они успѣли пріѣхать въ Венецію, какъ поссорились. Фолло, увидѣвъ, что имѣетъ дѣло съ сумасшедшимъ, оставилъ его, и г. де-Монтегю, имѣя при себѣ только одного молодого аббата, де-Бонисъ, который былъ писцомъ у секретаря и не былъ въ состояніи занять его мѣсто, снова обратился ко мнѣ. Кавалеръ де-Монтегю, его братъ, человѣкъ умный, до того обморочилъ меня, давъ притомъ понять, что мѣсто секретаря представляетъ нѣкоторыя права, что заставилъ меня согласиться на тысячу франковъ жалованья. Я получилъ двадцать луидоровъ на дорогу и отправился.

— 1743—1744.—Въ Ліонѣ мнѣ очень хотѣлось поѣхать по дорогѣ на гору Сенисъ, чтобъ заѣхать къ бѣдной маменькѣ, но я отправился внизъ по Ронѣ и сѣлъ въ Тулонѣ на корабль, какъ вслѣдствіе происходившей тогда войны и изъ экономіи, такъ и потому, что я желалъ взять паспортъ у г-на де-Мирпуа, который былъ въ то время начальникомъ въ Провансѣ и къ которому я былъ рекомендованъ. Де-Монтегю, не будучи въ состояніи обойтись безъ меня, писалъ ко мнѣ письмо за письмомъ и торопилъ меня пріѣхать. Одинъ случай задержалъ меня въ дорогѣ.

Въ это время была чума въ Мессинѣ. Англійскій флотъ стоялъ тамъ на рейдѣ и освидѣтельствовалъ фелуку, на которой я находился. Вслѣдствіе этого, по пріѣздѣ въ Геную послѣ длиннаго и тягостнаго переѣзда, мы должны были выдержать трехнедѣльный карантинъ. Пассажирамъ предоставили на выборъ выдержать его на кораблѣ или въ лазаретѣ, и притомъ насъ предупредили, что въ лазаретѣ мы не найдемъ ничего, кромѣ четырехъ стѣнъ, потому что еще не имѣли времени снабдить его мебелью. Всѣ избрали фелуку. Невыносимый жаръ, тѣснота, невозможность ходить, разные гады и насѣкомыя заставили меня рискнуть собою и предпочесть лазаретъ. Меня отвезли въ большое двухъэтажное строеніе съ голыми стѣнами, въ которомъ я не нашелъ ни окна, ни стола, ни кровати, ни стула, ни даже скамейки, гдѣ бы сѣсть, ни связки соломы, гдѣ бы полежать. Мнѣ принесли мою шинель, дорожный мѣшокъ, два чемодана; за мной заперли тяжелыя двери съ большими замками, и я остался тамъ съ полнымъ правомъ прогуливаться на свободѣ изъ ком-

наты въ комнату, изъ этажа въ этажъ, и находилъ повсюду ту же пустыню и ту же наготу.

Все это не заставило меня раскаяться въ томъ, что я избралъ скорѣе лазаретъ, чѣмъ фелуку, и, какъ новый Робинзонъ, я началъ устроиваться на три недѣли точно также, какъ сталъ бы устроиваться на всю жизнь. Прежде всего я позабавился охотой за вшами, которыхъ набрался на фелукѣ. Когда наконецъ, послѣ безпрерывныхъ перемѣнъ бѣлья и верхняго платья, я совсѣмъ избавился отъ нихъ, то приступилъ къ меблированію выбранной мною комнаты. Я сдѣлалъ себѣ хорошій матрацъ изъ жилетовъ и сорочекъ, простыню изъ нѣсколькихъ салфетокъ, которыя сшилъ вмѣстѣ, изъ халата — одѣяло, а подушку изъ свернутаго плаща. Стулъ я соорудилъ изъ чемодана, поставленнаго на полъ, а столъ иза другого чемодана, уставленнаго стойкомъ. Я досталъ бумаги, чернильницу; разставилъ, какъ на полкахъ въ библіотекѣ, дюжину книгъ, которыя были со мной. Словомъ, устроился такъ хорошо, что за исключеніемъ занавѣсокъ и оконъ, въ этомъ вполнѣ обнаженномъ лазаретѣ мнѣ было почти также удобно, какъ въ моей квартирѣ, въ улицѣ Верделе. Обѣдъ подавался съ большимъ церемоніаломъ; его сопровождали два гренадера съ воткнутыми въ ружья штыками; лѣстница была моей столовой, площадка служила мнѣ столомъ, нижняя ступенька стуломъ; когда же обѣдъ былъ поданъ, то подававшіе его, уходя, звонили въ колокольчикъ, чтобъ извѣстить меня, что пора садиться за столъ. Между завтракомъ и обѣдомъ, и между обѣдомъ и ужиномъ, когда я не читалъ, не писалъ, или не трудился надъ меблированіемъ комнаты, ходилъ гулять на протестанское кладбище, служившее мнѣ дворомъ, или взбирался на башенку, выходившую окнами въ гавань, откуда я могъ видѣть, какъ входили и выходили корабли. Такимъ образомъ я провелъ двѣ недѣли, и провелъ бы тамъ, не скучая ни минуты, весь карантинный терминъ, еслибъ г. де-Жонваль, французскій посланникъ, до котораго дошло мое письмо, пропитанное уксусомъ, обкуренное и порядкомъ подожженное, не велѣлъ сократить мое заточеніе на недѣлю; я отправился къ нему провести это время и, признаюсь, пріютъ въ его домѣ понравился мнѣ больше, нежели въ лазаретѣ. Онъ обласкалъ меня до нельзя. Дюпонъ, его секретарь, былъ добрый малый; какъ въ Генуѣ, такъ и на дачѣ, онъ свелъ меня въ нѣсколько домовъ, гдѣ мы порядкомъ веселились, и я завязалъ съ нимъ знакомство и переписку, которую мы оба поддерживали очень долго. Я съ удовольствіемъ продолжалъ свой путь чрезъ Ломбардію, видѣлъ Миланъ, Верону, Брешію, Падую и пріѣхалъ наконецъ въ Венецію, нетерпѣливо ожидаемый г. посланникомъ.

Я нашелъ груды депешъ, какъ отъ двора, такъ и отъ прочихъ посланниковъ; въ этихъ бумагахъ мой начальникъ не могъ прочитать то,

что было написано въ нихъ шифрами, хотя и имѣлъ всѣ нужные для того ключи. Не занимавшись никогда ни въ одной канцеляріи и, не видѣвъ во всю жизнь министерскаго секретнаго письма, я боялся сначала, что буду въ затрудненіи, но потомъ нашелъ, что нѣтъ ничего проще этого, и менѣе чѣмъ въ недѣлю разобралъ всѣ депеши, которыя, конечно, не стоило труда разбирать, потому что венеціанское посольство всегда отличалось своимъ бездѣйствіемъ, да и не таковъ былъ этотъ человѣкъ, чтобъ захотѣли ему сдѣлать сколько нибудь серьезное порученіе. Онъ находился до моего пріѣзда въ большомъ затрудненіи, такъ какъ не умѣлъ ни диктовать, ни четко писать. Я былъ ему очень полезенъ; онъ это сознавалъ и обходился со мною хорошо. Къ этому побуждала его еще другая причина. Послѣ г. де-Фрулэ, его предмѣстника, у котораго сдѣлалось разстройство въ мозгу, французскій консулъ, г. ле-Блонъ, оставался повѣреннымъ въ дѣлахъ посольства, и со времени пріѣзда г. де-Монтэгю продолжалъ вести ихъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не ознакомился съ ними. Г. де-Монтэгю, съ досады, что другой дѣлаетъ за него дѣло, хотя самъ былъ не способенъ къ этому, возненавидѣлъ консула, и какъ скоро я пріѣхалъ, отнялъ у него должность секретаря посольства, чтобъ передать ее мнѣ. Она была нераздѣльна съ этимъ званіемъ; онъ сказалъ, что я могу называться оффиціально его секретаремъ. Все время, пока я оставался при посланникѣ, онъ постоянно посылалъ меня, въ званіи своего секретаря, въ сенатъ и къ своему товарищу; въ сущности же было очень естественно, что онъ хотѣлъ лучше имѣть секретаремъ посольства своего человѣка, чѣмъ консула или канцелярскаго служителя, назначеннаго отъ посольства.

Это сдѣлало мое положеніе довольно пріятнымъ и не позволяло чиновникамъ, состоявшимъ въ его свитѣ, которые, подобно его пажамъ и большинству его людей, были италіянцы, оспаривать у меня первенство въ его домѣ. Этою властью, нераздѣльною съ даннымъ мнѣ преимуществомъ, я пользовался съ успѣхомъ для того, чтобъ поддержать права посланника, то есть, неприкосновенность посольскаго дома противъ многихъ покушеній, которымъ его венеціянскіе чиновники и не думали сопротивляться. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я никогда не позволялъ укрываться въ этомъ домѣ бандитамъ, хотя это могло бы доставить мнѣ доходъ, изъ котораго его сіятельство не погнушался бы получить и свою долю.

Его сіятельство дерзнулъ даже протестовать противъ секретарской палаты, называемой канцеляріею. Въ это время велась война, и вслѣдствіе этого выдавалось много паспортовъ. Съ каждаго брали по цехину въ пользу секретаря, который выдавалъ и скрѣплялъ паспортъ. Всѣ мои предмѣстники брали безразлично по цехину какъ съ французовъ, такъ и съ иностранцевъ. Я нашелъ, что такое положеніе несправедливо, и

хотя самъ не былъ французомъ, но отмѣнилъ этотъ сборъ для французовъ; за то такъ строго взыскивалъ его со всякаго другаго, что когда маркизъ Скотти, братъ любимца испанской королевы, поручилъ попросить у меня одинъ паспортъ, не приславъ мнѣ цехина, то я велѣлъ спросить у него цехинъ; и этой дерзости не забылъ мстительный италіянецъ.

Вслѣдъ за разнесшейся вѣстью о сдѣланной мною реформѣ въ налогѣ на паспорты, стали постоянно являться за ними толпы мнимыхъ французовъ, которые, немилосердно коверкая языкъ, выдавали себя одинъ за провансала, другой за пикардійца, третій за бургундца. Имѣя довольно чуткій слухъ, я никогда не поддавался обману и сомнѣваюсь, чтобы хотя одинъ италіянецъ зажилилъ у меня цехинъ или хоть одинъ французъ заплатилъ его. Я имѣлъ глупость разсказать это г. Монтэгю, который ничего не зналъ о введенной мною реформѣ. Слово цехинъ заставило его навострить уши, и не высказывая своего мнѣнія объ отмѣнѣ налога съ французовъ, онъ выразилъ желаніе, чтобъ я вошелъ съ нимъ въ сдѣлку относительно прочихъ паспортовъ, при чемъ обѣщалъ мнѣ дѣлить прибыль по ровну. Болѣе взбѣшенный такою подлостью, нежели заинтересованный своею собственною выгодою, я смѣло отвергнулъ его предложеніе. Онъ настаивалъ, я горячился: — Нѣтъ, милостивый государь;—сказалъ я ему съ сердцемъ,—пусть ваше сіятельство остается при своемъ и оставитъ меня при моемъ; я никогда не уступлю вамъ ни одного су. — Видя, что такимъ путемъ ничего не добьешься, онъ обратился къ другому средству и не постыдился сказать мнѣ, что такъ какъ я получаю выгоду отъ его канцеляріи, то по справедливости слѣдуетъ, чтобы я принялъ и издержки ея на свой счетъ. Я не хотѣлъ придираться къ этому, и съ тѣхъ поръ доставлялъ на свои деньги чернила, бумагу, сюргучъ, восковыя свѣчи, даже печать, которую велѣлъ передѣлать, за что онъ никогда не возвратилъ мнѣ ни полушки. Это однако не помѣшало мнѣ удѣлять частичку дохода съ паспортовъ аббату де-Бинисъ, доброму малому, который былъ очень далекъ отъ малѣйшаго поползновенія къ взяточничеству. Сколько онъ былъ снисходителенъ ко мнѣ, столько же я былъ честенъ въ отношеніи къ нему, и мы всегда жили другъ съ другомъ въ ладу.

Послѣ испытанія себя въ свой должности, я нашелъ что она менѣе тягостна, чѣмъ я ожидалъ, для человѣка неопытнаго, попавшаго къ посланнику, на столько же неопытному и въ добавокъ къ такому, который по невѣжеству и упрямству какъ бы нарочно противорѣчилъ всему, что здравый смыслъ и кое какія свѣдѣнія внушали мнѣ добраго для пользы его короля. Самымъ разумнымъ изъ его дѣйствій было то, что онъ сошелся съ маркизомъ де-Мари, испанскимъ посланникомъ, человѣкомъ

ловкимъ и хитрымъ, который могъ бы водить его за носъ, еслибъ хотѣлъ, но который, ради взаимнаго интереса обѣихъ державъ, давалъ ему обыкновенно совѣты, которые могли бы принести пользу, если бы мой патронъ не портилъ ихъ при исполненіи, безпрестаннымъ придумываніемъ чего нибудь отъ себя. Единственное дѣло, надъ которымъ они трудились за одно, было—побудить венеціянцевъ сохранять нейтралитетъ. Послѣдніе постоянно увѣряли, что будутъ съ вѣрностію соблюдать его, а между тѣмъ открыто снабжали австрійскія войска провіантомъ или боевыми запасами и даже рекрутами подъ тѣмъ предлогомъ, что эти послѣдніе дезертируютъ. Г. де-Монтэгю, вѣроятно изъ желанія угодить республикѣ, старался, не смотря на всѣ мои доводы, заставить меня писать во всѣхъ его депешахъ, что республика никогда не нарушитъ нейтралитета. Упрямство и тупоуміе этого жалкаго человѣка заставили меня писать и дѣлать нелѣпости на каждомъ шагу и по неволѣ быть ихъ агентомъ, потому что онъ того хотѣлъ; но вслѣдствіе этихъ нелѣпостей моя служба становилась для меня подъ часъ невыносимой и даже почти невыполнимой. Напримѣръ, онъ требовалъ, чтобъ большая часть его депешъ къ королю и министру писались шифрами, хотя ни тѣ, ни другія не заключали въ себѣ рѣшительно ничего, требовавшаго такой предосторожности. Я представилъ ему, что между пятницей, днемъ полученія депешъ отъ двора и субботой, днемъ отправленія ко двору нашихъ, не было достаточно времени для такого множества секретной переписки и для огромной корреспонденціи, которую поручалось мнѣ приготовлять къ той же почтѣ. Онъ нашелъ удивительное средство противъ этого, предложивъ заготовлять съ четверга отвѣты на депеши, которыя слѣдовало получить въ пятницу. Сколько ни говорилъ я ему о невозможности выполненія такой мысли, — она показалась ему до того остроумной, что пришлось покориться. Я записывалъ немногія слова, которыя онъ на ходу говорилъ мнѣ въ теченіи недѣли, и кое-какія весьма обыкновенныя извѣстія, которыя собиралъ тамъ и сямъ, и снабженный единственно такого рода матеріалами, я приносилъ ему аккуратно каждый четвергъ поутру черновыя депеши, назначавшіяся къ слѣдующему дню, исключая нѣкоторыхъ прибавленій или поправокъ, которыя я дѣлалъ на скорую руку въ нашихъ отвѣтахъ на депеши, получавшіяся въ пятницу. У него была еще одна очень забавная манія, придававшая его корреспонденціи такую смѣшную форму, какую трудно вообразить: онъ отсылалъ каждое извѣстіе обратно къ его источнику, вмѣсто того, чтобы заставить его идти своимъ путемъ. Онъ приказывалъ мнѣ сообщать г. Амело извѣстія отъ двора, г. дю-Морепа — изъ Парижа, г. д'Авренкуру изъ Швеціи, г. де-ла-Шетарди—изъ Петербуга, а иногда каждому изъ нихъ тѣ извѣстія, которыя были получены отъ него самого и кото-

рыя я передавалъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Такъ какъ изъ всего, что я приносилъ ему подписывать, онъ пробѣгалъ только депеши къ двору, а депеши къ прочимъ посланникамъ подписывалъ, не читая, то я и имѣлъ нѣкоторую возможность составлять послѣднія по своему, и по крайней мѣрѣ перекрещивалъ въ нихъ извѣстія. Но я не имѣлъ никакой возможности давать разумный оборотъ главнымъ депешамъ; счастливо еще я отдѣлывался, когда ему не приходила фантазія приправить экспромтомъ депешу нѣсколькими строками изъ своей головы, вслѣдствіе чего я бывалъ принужденъ отправляться переписывать въ торопяхъ каждую депешу, украшенную новою нелѣпостью, которую слѣдовало передать для почета шифрами,—иначе онъ не подписалъ бы ни одной депеши. Я покушался разъ двадцать, ради его чести, написать шифрами не то, что онъ сказалъ, а свое; но сознавая, что не имѣлъ никакого права на подобное измѣненіе, предоставилъ ему нести чепуху на свою голову, довольный тѣмъ, что могу говорить съ нимъ свободно, и исполнять при немъ должность, отвѣчая самъ за себя.

Прямота, усердіе и бодрость, съ какими я всегда исполнялъ свою обязанность при посланникѣ заслуживали съ его стороны иной награды, чѣмъ та, которую я наконецъ получилъ отъ него. Пора уже мнѣ было сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ сдѣлали меня небо, одарившее меня счастливой натурой, воспитаніе, полученное отъ лучшей изъ женщинъ, и то воспитаніе, которое я далъ самъ себѣ, и — я сдѣлался такимъ человѣкомъ. Предоставленный одному себѣ, безъ друзей, безъ совѣтовъ, безъ опытности, въ чужомъ краю, на службѣ у иностранной націи, среди толпы плутовъ, которые, изъ своей же выгоды, съ цѣлью устранить соблазнъ хорошаго примѣра, подстрекали меня къ подражанію,—я не только не поддался ничему дурному, но хорошо служилъ Франціи, которой ничѣмъ не былъ обязанъ, и еще лучше посланнику, какъ оно слѣдовало во всемъ, что зависѣло отъ меня. Безукоризненный на довольно видномъ постѣ, я пользовался заслуженнымъ уваженіемъ республики, всѣхъ посланниковъ, съ которыми мы были въ сношеніяхъ, и снискалъ благосклонность всѣхъ французовъ, основавшихся въ Венеціи, не исключая самого консула, у котораго невольно отбилъ должность, по справедливости принадлежавшую ему и доставившую мнѣ больше хлопотъ, чѣмъ удовольствія.

Г. де-Монтэгю, вполнѣ ввѣрившійся маркизу де-Мари, который не входилъ въ подробности его обязанностей, пренебрегалъ ими до такой степени, что не будь меня, жившіе въ Венеціи французы даже и не замѣтили бы существованія посланника ихъ націи. Когда они прибѣгали къ его покровительству, онъ всегда выпроваживалъ ихъ, не выслушавъ, вслѣдствіе чего они прекратили съ нимъ всѣ сношенія, и скоро нельзя было увидѣть ни одного француза ни въ его свитѣ, ни за его столомъ,

къ которому онъ ихъ никогда впрочемъ и не приглашалъ. Часто дѣлалъ я самъ то, что долженъ бы дѣлать онъ: оказывалъ французамъ, прибѣгавшимъ съ просьбой къ нему или ко мнѣ, всѣ зависѣвшія отъ меня услуги. Во всякой иной странѣ я сдѣлалъ бы больше, но здѣсь, не имѣя возможности видѣться ни съ кѣмъ изъ должностныхъ лицъ, по причинѣ занимаемаго мной мѣста, я былъ принужденъ нерѣдко обращаться къ консулу, а консулъ, поселившійся въ странѣ, гдѣ находилась его семья, долженъ былъ соблюдать осторожность, которая мѣшала ему дѣлать то, чего онъ хотѣлъ. По временамъ однакожъ, видя, какъ онъ смущался и не смѣлъ говорить, я отваживался на отчаянныя мѣры, изъ которыхъ многія мнѣ удавались. Припоминаю здѣсь одинъ поступокъ, воспоминаніе о которомъ заставляетъ меня и теперь смѣяться. Никто бы не подумалъ, что любители парижскаго театра обязаны мнѣ актрисой Кораллиной и ея сестрой Камиллой; однакожъ это правда. Веронезъ, ихъ отецъ, былъ ангажированъ съ своими дѣтьми въ итальянскую труппу и получилъ двѣ тысячи франковъ на проѣздъ, но вмѣсто того, чтобъ ѣхать, онъ преспокойно поступилъ на сцену въ Венеціи въ театръ св. Луки [1]), куда Кораллина, въ то время еще ребенокъ, привлекала многочисленную публику. Герцогъ де-Жевръ, въ качествѣ перваго камергера, писалъ къ посланнику для вытребованія отца и дочери. Г. де-Монтэгю, передавъ мнѣ это письмо, сказалъ, въ видѣ инструкціи, только: «разсмотрите это». Я отправился къ ле-Блону и просилъ его поговорить съ патриціемъ, которому принадлежалъ театръ, и который былъ, кажется, изъ фамиліи Джустиніани, чтобъ онъ отказалъ Веронезу, ангажированному на королевскій театръ. Ле-Блонъ, не слишкомъ заботившійся объ этомъ порученіи, исполнилъ его дурно. Джустиніани наговорилъ много вздору и не подумалъ отказать Веронезу. Я разсердился. Въ это время была масляница; взявъ гондолу и маску, я приказалъ везти себя въ палаццо Джустиніани. Всѣ, увидѣвшіе подъѣзжавшую гондолу съ ливреей посланника, пришли въ изумленіе: Венеціи это было въ диковину. Я вхожу, приказываю доложить о себѣ подъ именемъ: una siora maschera. Какъ скоро меня ввели, я снимаю маску и говорю, кто я такой. Сенаторъ блѣднѣетъ и остается какъ вкопанный.—Милостивый государь,— сказалъ я ему на венеціанскомъ нарѣчи,—мнѣ очень жаль, что я безпокою ваше сіятельство своимъ посѣщеніемъ; но у васъ на театрѣ находится человѣкъ, по имени Веронезъ, который ангажированъ на королевскій театръ и котораго требовали отъ васъ безъ успѣха; я явился вытребовать его именемъ его величества. Моя короткая рѣчь произвела

[1]) А можетъ быть и въ театръ св. Самуила,—навѣрное не помню. Собственныя имена положительно ускользаютъ изъ моей памяти.

эффектъ. Едва я успѣлъ уѣхать, какъ Джустиніани побѣжалъ отдать отчетъ о своемъ приключеніи государственнымъ инквизиторамъ, которые порядкомъ намылили ему голову. Веронезу отказали въ тотъ же день. Я велѣлъ сказать ему, что если онъ не уѣдетъ чрезъ недѣлю, то я прикажу посадить его подъ арестъ, — и онъ уѣхалъ.

Въ другой разъ я избавилъ отъ бѣды одного капитана купеческаго корабля,—и сдѣлалъ это одинъ одинехонекъ и почти безъ посторонняго содѣйствія. Его звали Оливе изъ Марселя; названіе корабля я забылъ. Экипажъ его корабля поссорился съ словаками, находившимися на службѣ республики; при этомъ произошли насилія, и корабль подвергся такому строгому аресту, что никто, исключая капитана, не могъ безъ позволенія ни подойти къ нему, ни сойти съ него. Капитанъ обратился съ просьбой къ посланнику; тотъ выпроводилъ его; онъ прибѣгнулъ къ консулу, тотъ сказалъ, что это дѣло не касающееся коммерческой части и что онъ не можетъ въ него вмѣшиваться. Не зная что дѣлать, онъ снова обратился ко мнѣ. Я представилъ посланнику, что онъ долженъ позволить мнѣ подать по этому дѣлу докладную записку въ сенатъ. Не помню, согласился ли онъ на это и подавалъ ли я докладную записку, но хорошо помню, что такъ какъ мои хлопоты ни къ чему не повели, и арестъ корабля все продолжался, то я принялъ мѣру, которая мнѣ удалась. Я внесъ реляцію по этому дѣлу въ депешу къ де-Морепа и даже имѣлъ не мало труда, чтобъ заставить г. де-Монтэгю согласиться ее пропустить. Я зналъ, что наши депеши распечатываются въ Венеціи, хотя впрочемъ почти не стоило и распечатывать ихъ; доказательствомъ такого вѣроломства служили статьи, которыя я находилъ перепечатанными слово въ слово въ газетахъ. Мнѣ хотѣлось побудить посланника пожаловаться на это, но напрасно. Я говорилъ въ депешѣ о притѣсненіи, съ цѣлью извлечь пользу изъ ихъ любопытства: застращать ихъ и принудить освободить корабль; потому что, еслибъ пришлось ждать отвѣта отъ двора, капитанъ раззорился бы прежде его полученія. Этимъ я не ограничился: я отправился на корабль для допроса экипажа и взялъ съ собой аббата Патизеля, канцлера консульства, который отправился со мной очень неохотно, — до того боялись всѣ эти бѣдные люди навлечь на себя неудовольствіе сената. По причинѣ запрещенія, я не могъ идти на самый корабль и остался въ своей гондолѣ; тамъ я составилъ свой протоколъ, допросивъ вслухъ и одного за другимъ всю корабельную команду, причемъ направлялъ свои вопросы такимъ образомъ, чтобъ извлечь отвѣты въ пользу экипажа. Я хотѣлъ принудить Патизеля, чтобъ онъ самъ дѣлалъ допросы и составлялъ протоколъ; это было дѣйствительно скорѣе по его части, нежели по моей. Но онъ никакъ не могъ согласиться, не вымолвилъ ни слова и съ трудомъ рѣшился подписать послѣ меня прото-

колъ. Такой нѣсколько отважный поступокъ имѣлъ впрочемъ счастливый успѣхъ: корабль былъ освобожденъ за долго до полученія отвѣта министра. Капитанъ хотѣлъ сдѣлать мнѣ подарокъ. Не сердясь, я ему сказалъ, ударивъ по плечу:—Капитанъ Оливе, неужели вы полагаете, что человѣкъ, который не беретъ съ французовъ взимавшейся до него пошлины съ паспортовъ, способенъ продавать имъ королевскую протекцію? Онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, дать мнѣ на своемъ кораблѣ обѣдъ, отъ котораго я не отказался и на который повезъ съ собой секретаря испанскаго посольства, Карріо, умнаго и очень любезнаго человѣка, бывшаго потомъ секретаремъ посольства въ Парижѣ и повѣреннымъ въ дѣлахъ; по примѣру нашихъ посланниковъ я сошелся съ нимъ очень коротко.

Счастливъ я бывалъ, когда, дѣлая съ полнѣйшимъ безкорыстіемъ все добро, какое могъ сдѣлать, умѣлъ внести во всѣ эти мелкія обстоятельства на столько порядка и вниманія, что не оставался въ накладѣ и не услуживалъ другимъ въ ущербъ самому себѣ. Но на такихъ мѣстахъ, каково было занимаемое мною, гдѣ малѣйшія ошибки не остаются безъ послѣдствій, я обращалъ все свое вниманіе на то, чтобъ не дѣлать служебныхъ промаховъ. До конца я соблюдалъ величайшій порядокъ и величайшую точность во всемъ, что касалось моей главной обязанности. За исключеніемъ немногихъ погрѣшностей, сдѣланныхъ въ секретной перепискѣ, вслѣдствіе невольной торопливости и на которыя чиновники г. Амело разъ пожаловались,—ни посланникъ, никто другой никогда не имѣли повода упрекнуть меня ни въ одной служебной небрежности, а это достойно замѣчанія въ такомъ нерадивомъ и вѣтренномъ человѣкѣ, какимъ былъ я; въ частныхъ же дѣлахъ, которыя я бралъ на себя, у меня не доставало иногда памяти и заботливости, и по любви къ справедливости я всегда добровольно оставался въ накладѣ, прежде чѣмъ кто либо думалъ жаловаться на меня. Въ доказательство я приведу только одинъ поступокъ, относящійся къ моему отъѣзду изъ Венеціи и отразившійся на мнѣ впослѣдствіи въ Парижѣ.

Нашъ поваръ Руссло, привезъ съ собой изъ Франціи старый вексель въ двѣсти франковъ, который одинъ изъ его друзей, парикмахеръ, получилъ отъ благороднаго венеціанца Дзанетто Нани, за поставку париковъ. Руссло принесъ мнѣ этотъ вексель и просилъ меня постараться выхлопотать дружелюбнымъ образомъ сколько нибудь денегъ въ уплату. И я, и онъ знали, что у благородныхъ венеціанцевъ водится обычай не уплачивать, по возвращеніи въ отечество, долговъ, надѣланныхъ ими въ чужомъ краю; когда же хотятъ ихъ принудить къ уплатѣ долга, то они измучиваютъ несчастнаго кредитора проволочками и расходами до такой степени, что кредиторъ, потерявъ терпѣніе, кончаетъ тѣмъ, что

бросаетъ тяжбу или уступаетъ вексель почти даромъ. Я попросилъ ле-Блона поговорить съ Дзанетто. Послѣдній не отказался отъ векселя, но не хотѣлъ уплатить его. Послѣ жаркаго спора онъ обѣщалъ наконецъ дать за вексель три цехина. Когда ле-Блонъ понесъ къ нему вексель, оказалось, что трехъ цехиновъ не было наготовѣ; приходилось повременить. Впродолженіе этой проволочки случилось, что я поссорился съ посланникомъ и вышелъ изъ посольства. Я оставилъ дѣловыя бумаги по посольству въ величайшемъ порядкѣ, но векселя Русcло не могъ найти. Ле-Блонъ увѣрялъ, что онъ мнѣ его отдалъ. Я зналъ его и считалъ слишкомъ честнымъ человѣкомъ, чтобъ усомниться въ немъ, но никакъ не могъ вспомнить, куда дѣвалъ вексель. Такъ какъ Дзанетто не отрекся отъ долгу, то я попросилъ ле-Блона выхлопотать отъ Дзанетто три цехина подъ росписку, или уговорить его возобновить вексель дубликатомъ. Дзанетто, узнавъ, что вексель затерянъ, не соглашался ни на то, ни на другое. Я предложилъ Русcло въ уплату векселя три цехина изъ моего кошелка. Онъ отказался взять ихъ и сказалъ мнѣ, чтобъ я раздѣлался въ Парижѣ съ кредиторомъ, для чего далъ мнѣ его адресъ. Парикмахеръ, узнавъ о случившемся, заявилъ, что желаетъ имѣть свой вексель или получить всю сумму сполна. Чего бы не далъ я въ моемъ негодованіи, чтобъ только отыскать проклятый вексель! Я уплатилъ двѣсти франковъ, хотя находился самъ въ крайней нуждѣ. Вотъ какимъ образомъ потеря векселя доставила кредитору уплату всей суммы, тогда какъ, еслибъ на его несчастье вексель отыскался, онъ съ трудомъ получилъ бы десять экю, обѣщанные его сіятельствомъ Дзанетто Нани.

Мнѣ казалось, что я имѣлъ способность къ своей должности, и это заставляло меня исполнять ее съ любовью, и за исключеніемъ общества моего друга Карріо и добродѣтельнаго Алтуны, о которомъ скоро будетъ рѣчь,—очень невинныхъ увеселеній на площади Св. Марка, спектаклей и немногихъ визитовъ, которые мы почти всегда дѣлали вмѣстѣ,— всѣ мои удовольствія состояли въ исполненіи моихъ обязанностей. Хотя мой трудъ не былъ очень тягостенъ, въ особенности при помощи аббата де-Биниса, но по причинѣ огромной переписки и военнаго времени, я былъ порядкомъ занятъ. Я работалъ каждый день почти цѣлое утро, въ почтовые же дни иногда до полуночи. Остальное время я посвящалъ изученію службы, которою начиналъ, и судя по успѣху моего начала, разсчитывалъ навѣрно, что впослѣдствіи меня назначатъ на болѣе важный постъ. Въ самомъ дѣлѣ обо мнѣ съ похвалою отзывались всѣ, начиная съ посланника, который открыто восхвалялъ мою службу и никогда не бывалъ недоволенъ мной; вся его ярость произошла впослѣдствіи только оттого, что я, пожаловшись ему безъ успѣха, захотѣлъ наконецъ самъ выйти въ отставку. Посланники и министры короля, съ которыми мы

вели корреспонденцію, восхваляли ему достоинства его секретаря; эти похвалы должны бы льстить его самолюбію, но при его сумасбродствѣ онѣ производили совсѣмъ противное дѣйствіе. Особенно одной похвалы на мой счетъ, которою ему сдѣлали въ одномъ чрезвычайномъ случаѣ, онъ никогда мнѣ не простилъ. Объ этомъ стоитъ разсказать.

Онъ позволялъ себѣ такъ мало стѣсняться, что даже въ субботу, день, въ который получалась почта почти изъ всѣхъ мѣстъ, уѣзжалъ не дожидаясь окончанія дѣлъ; понукая меня безпрестанно изготовить депеши къ королю и министрамъ, подписывалъ ихъ наскоро, а затѣмъ убѣгалъ, не знаю куда; оставляя большую часть прочихъ писемъ безъ подписи, что заставляло меня обращать ихъ въ бюллетени, когда эти письма заключали въ себѣ только новости, когда же рѣчь шла въ нихъ о дѣлахъ, касавшихся королевской службы, то слѣдовало, чтобъ кто нибудь подписывалъ ихъ, и это исполнялъ я, такимъ образомъ я поступилъ съ однимъ важнымъ увѣдомленіемъ, которое мы только что получили отъ г-на де-Венсана, повѣреннаго въ дѣлахъ короля въ Вѣнѣ. Это было въ то время, когда князь Лобковичъ двигался на Неаполь и когда графъ де-Гажъ сдѣлалъ достопамятное отступленіе, — прекраснѣйшій военный маневръ во все столѣтіе, о которомъ Европа слишкомъ мало говорила. Увѣдомленіе состояло въ томъ, что одинъ человѣкъ, котораго примѣты г. Венсанъ описалъ намъ, ѣхалъ изъ Вѣны и долженъ былъ проѣзжать через Венецію, отправляясь тайкомъ въ Абруццо, съ порученіемъ произвести тамъ при наступленіи австрійцевъ народное возстаніе. Въ отсутствіе графа де-Монтэгю, который ничѣмъ не интересовался, я препроводилъ это увѣдомленіе маркизу де-л' Опиталь такъ кстати, что династія Бурбоновъ обязана, быть можетъ, сохраненіемъ неаполитанскаго королевства, бѣдному, такъ сильно гонимому Жанъ-Жаку.

Маркизъ де-л' Опиталь, поблагодаривъ своего сослуживца, какъ и слѣдовало, упомянулъ о его секретарѣ и объ услугѣ, оказанной послѣднимъ въ общемъ дѣлѣ. Графу де-Монтэгю, у котораго лежало на совѣсти, что онъ пренебрегъ этимъ дѣломъ, показалось, что похвала секретарю заключала въ себѣ упрекъ, и онъ передалъ мнѣ ее съ досадой. Я имѣлъ случай поступить съ графомъ де-Кастеллане, посланникомъ въ Константинополѣ, также какъ съ маркизомъ де-л' Опиталь, хотя въ менѣе важномъ дѣлѣ. На основаніи того, что съ Константинополемъ не было иного сообщенія, какъ только чрезъ курьеровъ, которыхъ сенатъ посылалъ по временамъ къ своему повѣренному,—посланника Франціи увѣдомляли объ отъѣздѣ этихъ курьеровъ, для того чтобъ онъ могъ писать черезъ нихъ къ своему сослуживцу, еслибъ счелъ это нужнымъ. Увѣдомленіе получалось обыкновенно за день или за два до отъѣзда курьера, но нашего посланника уважали такъ мало, что посылали ему

это увѣдомленіе ради формальности только за часъ или за два, а это не разъ ставило меня въ необходимость составлять депешу въ его отсутствіе. Г. де-Кастеллане, отвѣчая на нихъ, упоминалъ обо мнѣ въ лестныхъ выраженіяхъ; точно также относился изъ Генуи и г. де-Жонвиль,—что давало поводъ къ новой досадѣ г. посланника.

Признаюсь, я не избѣгалъ случая дать узнать себя, но и не добивался его безъ причины, и мнѣ казалось весьма справедливымъ, служа исправно, домогаться справедливой награды за хорошія заслуги, а именно уваженія тѣхъ, кто былъ въ состояніи судить о нихъ и награждать ихъ. Не скажу, была ли со стороны посланника законная причина жаловаться на мою точность въ исполненіи должности, но могу сказать, что эта была единственная причина, которую онъ высказалъ до дня нашей разлуки.

Его домъ, который никогда не былъ поставленъ на хорошую ногу, наполнялся негодяями; съ французами обращались тамъ дурно, итальянцы же забирали всю власть въ свои руки, и даже изъ числа этихъ послѣднихъ, всѣ хорошіе слуги, находившіеся издавна при посольствѣ, были позорно выгнаны. Въ числѣ ихъ находился и первый дворянинъ его свиты, занимавшій это мѣсто со временъ графа де-Фруле и котораго звали, кажется, графомъ Пеати, или очень близко подходящимъ къ этому именемъ. Вторымъ дворяниномъ, по выбору г. де-Монтэгю, былъ бандитъ изъ Мантуи, по имени Доминикъ Витали, которому посланникъ ввѣрилъ попеченіе о своемъ домѣ и который, посредствомъ ласкательствъ и подлой скаредности, добился его довѣрія и сдѣлался его фаворитомъ, къ большому вреду немногихъ честныхъ людей, еще находившихся тамъ, и секретаря, стоявшаго въ ихъ главѣ. Неподкупный надзоръ честнаго человѣка всегда тревожитъ плутовъ. Этого было достаточно, чтобъ Витали возненавидѣлъ меня, но его ненависть имѣла еще другую причину, вслѣдствіе которой она сдѣлалась гораздо ожесточеннѣе.

Причину эту надо высказать; пусть меня осудятъ, если я былъ не правъ.

Посланникъ по обыкновенію имѣлъ ложу въ каждомъ изъ пяти театровъ. Онъ называлъ всякій день за обѣдомъ театръ, въ который намѣренъ былъ отправиться въ тотъ день; послѣ него выбиралъ я, а принадлежавшіе къ свитѣ располагали остальными ложами. Уходя изъ дома, я бралъ ключъ отъ выбранной мной ложи. Однажды Витали отлучился, и я поручилъ лакею, который мнѣ служилъ, принести ключъ отъ моей ложи въ одинъ домъ, который ему назначилъ. Витали, вмѣсто того, чтобъ прислать мнѣ ключъ, сказалъ, что онъ распорядился имъ по своему усмотрѣнію. Это оскорбило меня, тѣмъ болѣе, что лакей отдалъ отчетъ въ порученіи при всѣхъ. Вечеромъ Витали хотѣлъ сказать мнѣ нѣсколько словъ въ извиненіе, я не принялъ. — Завтра, милостивый государь —

сказалъ я ему — вы придете извиниться передо мной въ такомъ-то часу въ тотъ домъ, гдѣ я подвергся оскорбленію, и въ присутствіи людей, которые были тому свидѣтелями; въ противномъ случаѣ, я объявляю вамъ, что послѣ завтра, во что бы ни стало, одинъ изъ насъ уйдетъ отсюда. Такой рѣшительный тонъ испугалъ его. Онъ пошелъ въ назначенное мѣсто и въ назначенный часъ, публично извинился передо мной съ достойною его подлостью; но на досугѣ принялъ свои мѣры, и всячески раболѣпствуя передо мной, дѣйствовалъ до того по итальянски, что не имѣя возможности склонить посланника къ увольненію меня отъ службы, поставилъ меня въ необходимость самому выйти изъ посольства. Такой бездѣльникъ, разумѣется, не былъ способенъ узнать меня, но онъ подмѣтилъ во мнѣ тѣ стороны, которыя служили его цѣлямъ; онъ видѣлъ, что я добръ и до крайности кротокъ въ перенесеніи обидъ неумышленныхъ, гордъ и не терпимъ относительно оскорбленій преднамѣренныхъ, что я люблю скромность и достоинство въ соблюденіи вещей приличныхъ и столько же требователенъ къ оказанію должнаго мнѣ уваженія, сколько внимателенъ съ своей стороны къ воздаянію должнаго уваженія другимъ. Этимъ-то способомъ и задумалъ онъ вывести меня изъ терпѣнія, чего наконецъ и добился. Онъ поставилъ весь домъ вверхъ дномъ; искоренилъ въ немъ то, что я старался поддержать — правильность, повиновеніе, чистоту и порядокъ. Домъ, гдѣ нѣтъ женщины, нуждается въ нѣсколько строгой дисциплинѣ, если хотятъ, чтобы въ немъ господствовала скромность, неразлучная съ достоинствомъ. Вскорѣ онъ сдѣлалъ изъ нашего дома мѣсто грязи и безчинства, притонъ плутовъ и развратныхъ людей. На мѣсто второго дворянина, прогнаннаго по его милости, онъ опредѣлилъ другаго, такого же сводника, какъ онъ самъ, содержавшаго публичный домъ въ Croix de-Malte. Непристойность этихъ двухъ плутовъ, сговорившихся дѣйствовать за одно, ровнялась ихъ наглости. Исключая только комнаты посланника, и то пополамъ съ грѣхомъ, не было въ домѣ ни однаго угла, сноснаго для порядочнаго человѣка.

Его сіятельство не ужиналъ, и мы, то есть свита и я, имѣли вечеромъ особый столъ, за которымъ тоже ужинали аббатъ де-Бонисъ и пажи. Въ самой гадкой харчевнѣ подается все чище и приличнѣе; столовое бѣлье не такъ грязно и кушанье вкуснѣе. Намъ подавалась одна тоненькая, завалявшаяся сальная свѣчка, оловянныя тарелки, желѣзныя вилки. Пусть бы еще неуваженіе проявлялось въ домашнемъ быту, но у меня отняли мою гондолу; изъ всѣхъ секретарей посланника, я одинъ былъ вынужденъ нанимать гондолу на свой счетъ или ходить пѣшкомъ, а прислугу его сіятельства имѣлъ я только тогда, когда отправлялся въ сенатъ. Сверхъ того все, что происходило въ стѣнахъ

дома, бывало извѣстно всему городу. Всѣ чиновники посланника громко вопіяли. Доминикъ, единственный виновникъ всего, кричалъ громче всѣхъ, хорошо зная, что непристойность въ обращеніи съ нами была для меня чувствительнѣе, чѣмъ для всѣхъ прочихъ. Одинъ изъ всѣхъ домашнихъ я не говорилъ ничего внѣ дома; но съ сердцемъ жаловался посланнику и на остальное, и на него самого, который, втайнѣ подстрекаемый своимъ любимцемъ, наносилъ мнѣ ежедневно какое нибудь новое оскорбленіе. Принужденный тратить много денегъ, чтобъ держать себя наравнѣ съ своими товарищами и прилично своему мѣсту, я не могъ добиться ни копѣйки изъ своего жалованья, и когда просилъ у посланника денегъ, то онъ говорилъ мнѣ о своемъ уваженіи и довѣріи, какъ будто довѣріе должно было наполнить мой кошелекъ и снабдить меня всѣмъ.

Кончилось тѣмъ, что эти два бандита совсѣмъ вскружили и безъ того уже не слишкомъ умную голову своего господина и стали разорять его безпрерывными покупками подержанныхъ вещей, надувая его при торгахъ и увѣряя, что покупки дѣлаются чрезвычайно выгодно. По милости ихъ, посланникъ нанялъ на Брентѣ палаццо за двойную противъ настоящей цѣну; излишекъ они раздѣлили съ владѣльцемъ палаццо. Комнаты въ немъ были обложены мозаичной инкрустаціей и украшены колоннами и пиластрами изъ прекраснѣйшаго мрамора въ итальянскомъ вкусѣ. Г. Монтэгю съ надменностію велѣлъ прикрыть все это наборной отдѣлкой изъ еловаго дерева, единственно потому, что такъ отдѣлывались комнаты въ Парижѣ. По той же причинѣ, онъ, одинъ изъ всѣхъ посланниковъ, находившихся въ Венеціи, отнялъ у пажей шпагу, а у лакеевъ трость. Вотъ каковъ былъ человѣкъ, который возненавидѣлъ меня, быть можетъ все по одной и той же причинѣ, — единственно за то, что я служилъ ему вѣрой и правдой.

Я терпѣливо переносилъ его пренебреженіе, грубость, дурное обращеніе до тѣхъ поръ, пока думалъ, что они проистекали отъ дури и пока не подмѣчалъ ненависти къ себѣ; но какъ скоро я увидѣлъ преднамѣренное желаніе лишить меня чести, которой былъ достоинъ по своимъ заслугамъ, какъ рѣшился отказаться отъ службы. Первый признакъ своей непріязненности онъ выказалъ мнѣ по случаю обѣда, который долженъ былъ дать герцогу моденскому съ семействомъ, находившемуся въ Венеціи; тутъ онъ объявилъ мнѣ, что я не буду имѣть мѣста за этимъ столомъ. Я отвѣтилъ ему обиженнымъ тономъ, но безъ гнѣва, что такъ какъ я имѣю честь обѣдать за однимъ столомъ, то достоинство его сіятельства и мой долгъ требовали, чтобъ мы, еслибы герцогъ моденскій потребовалъ моего удаленія отъ этого стола, не соглашались на это.— Какъ, — сказалъ онъ вспыхнувъ, — мой секретарь, даже не дворянинъ, имѣетъ притязаніе обѣдать за столомъ съ владѣтельной особой, когда

мои дворяне не будутъ за этимъ обѣдомъ!—Да, милостивый государь,— возразилъ я ему, — постъ, которымъ ваше сіятельство почтили меня, облагораживаетъ меня до такой степени, что я даже стою выше вашихъ мнимыхъ дворянъ, и принятъ тамъ, гдѣ они не могутъ быть приняты. Вамъ извѣстно, что въ день вашего публичнаго вступленія въ должность, я обязанъ былъ по этикету и обычаю, существующему съ незапамятныхъ временъ, слѣдовать за вами въ церемоніальной одеждѣ и былъ удостоенъ чести обѣдать съ вами во дворцѣ св. Марка, и я не понимаю, почему человѣкъ, который можетъ и долженъ сидѣть публично за однимъ столомъ съ дожемъ и сенатомъ Венеціи, не можетъ на частномъ обѣдѣ сидѣть за однимъ столомъ съ герцогомъ моденскимъ. Хотя аргументъ остался безъ опроверженія, однакожъ посланникъ не сдался; но мы не имѣли случая возобновить этотъ споръ, потому что герцогъ моденскій не пріѣхалъ къ нему обѣдать.

Съ тѣхъ поръ онъ не переставалъ дѣлать мнѣ непріятности и нарушать въ отношеніи ко мнѣ порядокъ производства, всячески стараясь лишить меня маленькихъ преимуществъ, нераздѣльныхъ съ моимъ мѣстомъ, съ цѣлію предоставить ихъ своему дорогому Витали,—и я увѣренъ, что онъ помѣстилъ бы его на мѣсто въ сенатѣ, еслибъ только осмѣлился сдѣлать это. Онъ употреблялъ обыкновенно аббата де-Биниса для составленія у себя въ кабинетѣ своихъ частныхъ писемъ; воспользовался имъ, чтобъ написать г. де-Морепа донесеніе о дѣлѣ капитана Оливе и не только не упомянулъ обо мнѣ, который одинъ вмѣшался въ это дѣло, но даже лишалъ меня заслуги составленія протокола, и, пославъ министру съ него копію, приписывалъ протоколъ Патизелю, не проронившему при этомъ составленіи ни одного слова. Ему хотѣлось оскорбить меня изъ угожденія своему любимцу, но не хотѣлось и отдѣлаться отъ меня. Онъ чувствовалъ, что замѣнить меня не такъ легко, какъ г. Фолло, который уже проучилъ его въ этомъ отношеніи. Ему необходимо было имѣть секретаря, знавшаго итальянскій языкъ, для переписки съ сенатомъ,—такого секретаря, который составлялъ бы всѣ его депеши, дѣлалъ бы за него всѣ дѣла безъ малѣйшаго вмѣшательства съ его стороны,—секретаря, который съ достоинствомъ хорошаго чиновника соединилъ бы подлость угодника бездѣльниковъ его свиты. И такъ ему хотѣлось оставить меня у себя и доканать меня, вдали отъ моей и своей отчизны, оставить безъ денегъ, чтобъ я не могъ возвратиться; быть можетъ, онъ и успѣлъ бы, еслибъ взялся за дѣло, не горячась. Но Витали, у котораго были иные виды и которому хотѣлось принудить меня сдѣлать рѣшительный шагъ, добился своей цѣли.

Какъ скоро я увидѣлъ, что теряю всѣ свои старанія, что посланникъ, вмѣсто того, чтобы быть мнѣ признательнымъ за всѣ мои за-

слуги, ставить мнѣ ихъ въ укоръ, что мнѣ оставалось лишь ожидать, находясь у него, непріятностей по службѣ и несправедливыхъ о себѣ отзывовъ и что при разнесшихся на меня нареканіяхъ, въ которыхъ принималъ участіе и посланникъ, его дурные отзывы могли мнѣ повредить, а хорошіе не могли послужить въ пользу,—я принялъ рѣшительную мѣру и просилъ его уволить меня, давъ ему время пріискать себѣ секретаря. Не сказавъ мнѣ ни да, ни нѣтъ, онъ продолжалъ держать себя попрежнему. Видя, что ничто не идетъ лучше и что посланникъ не считаетъ должнымъ похлопотать для себя о секретарѣ, я написалъ къ его брату и, объяснивъ ему причины, просилъ его выхлопотать мнѣ у его сіятельства отставку, прибавивъ, что я не могу ни подъ какимъ видомъ у него оставаться. Я долго ждалъ и не получилъ отвѣта. Я начиналъ приходить въ большое затрудненіе, но, наконецъ, посланникъ получилъ письмо отъ своего брата. Должно быть, оно было очень жестоко, судя по произведенной имъ вспышкѣ гнѣва; хотя онъ и былъ подверженъ дикой вспыльчивости, но подобнаго бѣшенства я еще никогда не видывалъ. Осыпавъ меня гнуснѣйшими ругательствами и не зная болвше, что сказать, онъ обвинилъ меня въ томъ, что я продавалъ его секретную переписку. Я засмѣялся и спросилъ его насмѣшливымъ тономъ, неужели онъ думаетъ, что во всей Венеціи найдется хоть одинъ человѣкъ на столько глупый, чтобъ дать за нее одинъ экю. При этомъ отвѣтѣ онъ разсвирѣпѣлъ до бѣшенства. Онъ сдѣлалъ видъ, какъ будто хотѣлъ позвать людей и сказалъ, что велитъ выбросить меня изъ окна. До этой минуты я былъ очень спокоенъ; но при такой угрозѣ злоба и негодованіе овладѣли мной въ свою очередь. Я бросился къ двери, и заперевъ ее на задвижку извнутри, сказалъ: — Нѣтъ, ваше сіятельство, ваши люди не вмѣшаются въ это дѣло, пусть оно останется между нами Мой поступокъ и мой видъ успокоили его въ ту же минуту: изумленіе и ужасъ проявились на его лицѣ Когда я увидѣлъ, что бѣшенство прошло, я простился съ нимъ въ немногихъ словахъ; затѣмъ, не дожидаясь отвѣта, снова отперъ дверь, вышелъ изъ комнаты и важно прошелъ чрезъ переднюю мимо его людей, которые по обыкновенію встали и которые, я думаю, скорѣе оказали бы помощь мнѣ противъ него, чѣмъ ему противъ меня. Не заходя на верхъ въ свою комнату, я тотчасъ же спустился съ лѣстницы и вышелъ изъ палаццо, чтобъ никогда не возвращаться въ него.

Я пошелъ прямо къ де-Блону и разсказалъ ему о случившемся. Это приключеніе не очень удивило его: онъ зналъ что̀ за человѣкъ посланникъ. Онъ оставилъ меня обѣдать. Обѣдъ этотъ, составившійся экспромтомъ, былъ блистательный: на немъ были всѣ почетные французы, находившіеся въ Венеціи; у посланника же не было ни души. Консулъ

разсказалъ мою исторію всему обществу. При этомъ разсказѣ слышался единодушный отзывъ, и не въ пользу его сіятельства. Онъ не разсчитался со мной, не далъ мнѣ ни копѣйки; я имѣлъ всего на всего нѣсколько луидоровъ и находился въ затрудненіи, съ чѣмъ ѣхать.

Всѣ кошельки оказались къ моимъ услугамъ. Я взялъ цехиновъ двадцать изъ кошелька г. ле-Блона, столько же изъ кошелька г. Сенъ-Сира, съ которымъ, послѣ него, былъ всего дружнѣе; поблагодарилъ всѣхъ остальныхъ, и въ ожиданіи своего отъѣзда помѣстился у канцлера консульства, желая доказать всѣмъ, что французская нація не была участницей въ несправедливости ея посланника.

Съ яростью смотрѣлъ онъ, какъ меня привѣтствовали съ торжествомъ въ несчастіи, а его оставляли, несмотря на то, что онъ былъ посланникъ; окончательно потерявъ голову, онъ поступилъ какъ сумасшедшій. Онъ забылся до такой степени, что подалъ въ сенатъ докладную записку, чтобъ задержать меня. По совѣту аббата де-Бонна, я рѣшился остаться еще двѣ недѣли вмѣсто того, чтобы ѣхать, какъ разсчитывалъ, на вторыя сутки. Мое поведеніе знали и оправдывали всѣ; я пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Члены сената не удостоили даже отвѣтомъ безумной записки посланника и приказали сказать мнѣ чрезъ консула, что я могу оставаться въ Венеціи сколько хочу, не безпокоясь о выходкахъ сумасброда. Я продолжалъ видѣться съ моими друзьями; пошелъ проститься съ посланникомъ Испаніи, который принялъ меня очень ласково, и съ графомъ Финокіетти, неаполитанскимъ министромъ, котораго не засталъ дома, но къ которому написалъ письмо; онъ прислалъ мнѣ самый обязательный отвѣтъ. Наконецъ я уѣхалъ и, несмотря на недостатокъ въ средствахъ, не оставилъ иныхъ долговъ, кромѣ займовъ, о которыхъ сейчасъ говорилъ, и около пятидесяти экю въ лавкѣ купца Моранди; Карріо взялъ на себя уплату этого послѣдняго долга, и я никогда не возвратилъ ему этихъ пятидесяти экю, хотя мы часто встрѣчались послѣ того; что же касается двухъ займовъ, о кототорыхъ я говорилъ, то я уплатилъ ихъ очень аккуратно при первой же возможности.

Не оставимъ Венеціи, не сказавъ чего-нибудь о знаменитыхъ увеселеніяхъ этого города, или по крайней мѣрѣ о частичкѣ, доставшейся на мою долю въ мою бытность въ немъ. Въ теченіе моей молодости можно было видѣть, какъ мало я гонялся за удовольствіями этого возраста, или по крайней мѣрѣ за тѣми, которыя такъ называютъ. Мой вкусъ не измѣнился и въ Венеціи; но по своимъ занятіямъ, которыя, впрочемъ, не дали бы мнѣ возможности предаваться имъ, я придавалъ гораздо болѣе цѣны тѣмъ простымъ развлеченіямъ, которыя позволялъ себѣ.

Первое и самое пріятное изъ нихъ было общество порядочныхъ людей: ле-Блона, де-Сенъ-Сира, Карріо, Алтуны и одного фріульскаго дворянина, котораго имя, къ моему великому сожалѣнію, я забылъ, но пріятное воспоминаніе объ этомъ человѣкѣ всегда приводитъ меня въ умиленіе: изъ всѣхъ людей, которыхъ я зналъ, это былъ человѣкъ, сердце котораго имѣло самое большое сходство съ моимъ. Еще мы сошлись съ двумя, тремя англичанами, обладавшими умомъ и познаніями, и страстно любившими, подобно намъ, музыку. Всѣ эти господа имѣли женъ или любовницъ; послѣднія были почти всѣ дѣвушки талантливыя, и затѣвали у себя музыкальные вечера или балы.

Тамъ тоже играли въ карты, но весьма мало; утонченность вкусовъ, таланты, спектакли дѣлали для насъ это развлеченіе несноснымъ. Карточная игра можетъ служить рессурсомъ только для вѣчно скучающихъ людей. Я вынесъ изъ Парижа предубѣжденіе, существующее въ этомъ городѣ относительно итальянской музыки, хотя съ другой стороны природа одарила меня тою музыкальною способностью, которая не подчиняется никакимъ предразсудкамъ. Я получилъ вскорѣ къ этой музыкѣ страсть, которую она внушала людямъ, созданнымъ для того, чтобы ее понимать. Слушая баркаролы, я находилъ, что до тѣхъ поръ мнѣ не удавалось еще слышать настоящаго пѣнія, и въ самое непродолжительное время до такой степени пристрастился къ оперной музыкѣ, что собравшееся въ театрѣ общество наводило на меня страшную скуку своею болтовнею, ѣдою и пустыми разговорами въ ложахъ, въ то время какъ мнѣ такъ хотѣлось слушать музыку; и потому я часто тайкомъ ускользалъ отъ дружеской компаніи, для того чтобы остаться одному. И тогда, запершись въ своей ложѣ въ совершенномъ одиночествѣ, я, несмотря на то, что представленіе длилось долго, наслаждался имъ до самаго конца. Однажды въ театрѣ Saint Chrysostome, я заснулъ, и такъ крѣпко, какъ не уснулъ бы и у себя на постели Шумныя и блестящія аріи не могли меня разбудить; но кто съумѣлъ бы передать то сладостное впечатлѣніе, которое произвели на меня нѣжная гармонія и ангельское пѣніе того, кто пробудилъ меня отъ этого сна! Какое пробужденіе, какой восторгъ, когда въ одно и тоже мгновеніе я вновь началъ видѣть и слышать! Въ первую минуту я вообразилъ, что я въ раю: этотъ восхитительный мотивъ, который я помню и теперь еще, и котораго не забуду во всю мою жизнь, начинается слѣдующими словами:

Conservami la bella
Che si m'accende il cor.

Я пожелалъ имѣть эту арію, я ее добылъ и долго хранилъ; но положенная на ноты, она далеко не была такой, какою сохранилась въ

моей памяти. Конечно, ноты были однѣ и тѣ же, но со всѣмъ тѣмъ это не было одно и то же. Только одно мое воспоминаніе могло выполнить этотъ божественный мотивъ такъ, какъ онъ въ дѣйствительности былъ выполненъ, въ тотъ день, когда я былъ пробужденъ имъ.

По моему мнѣнію, музыка, исполняемая въ *скуолахъ,* гораздо выше всякой оперной музыки, и ей нѣтъ ничего подобнаго ни въ Италіи, ни во всемъ свѣтѣ. *Скуолами* называются благотворительныя заведенія, учрежденныя для образованія неимущихъ молодыхъ дѣвушекъ, которымъ впослѣдствіи государство даетъ приданое или при ихъ замужествѣ или при ихъ вступленіи въ монастырь. Въ числѣ талантовъ, развиваемыхъ тамъ въ молодыхъ дѣвушкахъ, музыкальный стоитъ на первомъ планѣ Всякое воскресенье, въ каждой изъ церквей этихъ четырехъ скуолъ, во время вечерни, при полномъ оркестрѣ исполняются духовнымъ хоромъ произведенія лучшихъ итальянскихъ маэстро, которые сами дирижируютъ. Это пѣніе исполняется исключительно стоящими на хорахъ за рѣшеткою молодыми дѣвушками, изъ коихъ самой старшей не болѣе двадцати лѣтъ. Я не знаю ничего болѣе нѣжнаго, болѣе трогательнаго, чѣмъ эта музыка; богатства искусства, превосходный выборъ молитвъ, прелесть голосовъ, точность исполненія, словомъ все въ этихъ восхитительныхъ концертахъ содѣйствуетъ къ тому, чтобы производить впечатлѣніе, конечно не одинаковое съ тѣмъ, которое производитъ красивый нарядъ, но отъ котораго, по моему мнѣнію, врядъ ли можетъ оградить себя человѣкъ съ душой. Ни Каррію, ни я, никогда не пропускали этихъ вечеренъ въ церкви Mendicanti, и въ этомъ случаѣ мы были не одни. Церковь всегда была наполнена любителями музыки; даже оперные артисты приходили туда, чтобы по этимъ превосходнымъ образцамъ изучать правильное пѣніе. Меня приводили въ отчаяніе проклятыя рѣшетки, чрезъ которыя долетали до насъ звуки, и которыя въ то же время скрывали отъ нашихъ глазъ ангеловъ красоты, достойныхъ этихъ небесныхъ звуковъ. Я ни о чемъ другомъ болѣе не говорилъ. Однажды мнѣ случилось разговаривать объ этомъ у ле-Блона.—Если вамъ такъ любопытно увидѣть этихъ дѣвушекъ—сказалъ онъ мнѣ — то легко будетъ удовлетворить это желаніе. Я одинъ изъ директоровъ этого дома; я могу доставить вамъ удовольствіе позавтракать вмѣстѣ съ ними. Я не давалъ ему покоя до тѣхъ поръ, пока онъ не исполнилъ даннаго мнѣ слова. Когда я вошелъ въ залу, вмѣщавшую въ себѣ этихъ красавицъ, которыхъ я такъ пламенно желалъ видѣть, мною овладѣла какая-то дрожь любви, которой я никогда еще не испытывалъ. Г. ле-Блонъ представлялъ мнѣ одну за другой этихъ знаменитыхъ пѣвицъ, которыхъ я зналъ до тѣхъ поръ только по голосамъ и именамъ. — Подойдите сюда Софи. . о, ужасъ! Она была страшно бе-

зобразна.—Приблизьтесь Каттина!. Она была крива на одинъ глазъ.— Подойдите, Беттина!.. Она была изуродована оспою... Почти ни одна изъ нихъ не была безъ какого-нибудь значительнаго физическаго недостатка. Палачъ смѣялся надъ моимъ жестокимъ изумленіемъ. Двѣ или три изъ нихъ мнѣ показались сносными, но онѣ пѣли только въ хорѣ. Я былъ въ отчаяніи. Во время завтрака надъ ними подтрунивали, и онѣ развеселились. Физическое безобразіе нисколько не уничтожаетъ граціозности, и я старался отыскать у нихъ это достоинство. Я говорилъ самъ себѣ: Пѣть такъ, какъ онѣ поютъ, невозможно безъ души; слѣдовательно, онѣ одарены ею. Мало по малу взглядъ мой на нихъ до того измѣнился, чти я вышелъ оттуда почти влюбленнымъ во всѣхъ этихъ дурнушекъ. Послѣ этого посѣщенія, я едва рѣшался ходить къ ихъ воскреснымъ вечернямъ. Но у меня были средства для того, чтобы успокоить себя. Я продолжалъ восхищаться ихъ пѣніемъ, а пріятные голоса ихъ до того украшали ихъ безобразныя лица, что все то время, какъ онѣ пѣли, я наперекоръ своимъ глазамъ находилъ ихъ хорошенькими.

Музыкальныя удовольствія въ Италіи стоютъ такъ дешево, что отказывать себѣ въ нихъ, чувствуя къ нимъ наклонность, нѣтъ никакой необходимости. Я взялъ на прокатъ фортепіано, и за какой нибудь тощій экю могъ имѣть у себя дома четырехъ, пятерыхъ, симфонистовъ, съ которыми разъ въ недѣлю упражнялся въ музыкѣ. Мы исполняли тѣ аріи, которыя мнѣ доставляли наибольшее удовольствіе въ оперѣ. Я тоже заставлялъ ихъ разыгрывать нѣкоторыя симфоніи изъ моихъ «Любовныхъ похожденій музъ». Нравились ли имъ мои произведенія, или только они хотѣли мнѣ польстить, но дѣло въ томъ, что балетный режиссеръ театра Saint-Jean-Chrysostome поручилъ просить у меня двѣ изъ нихъ, которыя я имѣлъ удовольствіе слышать исполненными восхитительнымъ оркестромъ, и подъ звуки котораго танцовала Беттина, хорошенькая и въ особенности милая дѣвушка, бывшая на содержаніи у одного изъ нашихъ пріятелей, испанца Фагоаго, и у которой мы довольно часто проводили пріятные вечера.

Кстати о женщинахъ. Можно ли устоять противъ нихъ въ такомъ городѣ, какъ Венеція? Мнѣ могутъ на это сказать: не имѣете ли вы въ чемъ нибудь сознаться и по этому предмету? Да, имѣю и готовъ приступить къ этой исповѣди съ такой же искренностью, съ какою сознавался во всемъ остальномъ.

Я всегда питалъ отвращеніе къ публичнымъ женщинамъ, а въ Венеціи никакія другія женщины не были мнѣ доступны, такъ какъ занимавшееся мною мѣсто воспрещало мнѣ входъ въ большую часть домовъ этой страны. Дочери де-Блона были очень любезны, но неприступны, и

сверхъ того я слишкомъ уважалъ ихъ родителей, чтобы даже мысленно желать обольстить ихъ.

Я бы охотнѣе сталъ ухаживать за одной молодой дѣвушкой, по фамиліи Катанео, дочерью прусскаго агента, но Карріо былъ влюбленъ въ нее, и даже шла рѣчь о его женитьбѣ на ней. Онъ жилъ безбѣдно, тогда какъ я ничего не имѣлъ; онъ получалъ сто луидоровъ жалованья, а я только сто пистолей, и кромѣ того я не желалъ стать поперегъ дороги моего пріятеля, зная, что вездѣ, а въ Венеціи въ особенности, съ плохо набитымъ кошелькомъ, какимъ былъ въ то время мой, нечего было и думать объ ухаживаніи. Въ то время я еще не отучился отъ своего пагубнаго порока, и будучи слишкомъ занятъ для того, чтобы поддаваться потребностямъ, вызываемымъ жаркимъ климатомъ, почти цѣлый годъ жилъ въ этомъ городѣ также цѣломудренно, какъ и въ Парижѣ, и за все время осьмнадцатимѣсячнаго пребыванія въ Венеціи сходился съ женскимъ поломъ только два раза по страннымъ причинамъ, о которыхъ сейчасъ разскажу.

Первый случай былъ предоставленъ мнѣ честнымъ дворяниномъ Витали, нѣсколько времени спустя послѣ того, какъ я принудилъ его просить у меня формальнаго прощенія. За столомъ разговоръ шелъ о венеціанскихъ удовольствіяхъ. Эти господа упрекали меня въ моемъ равнодушіи къ одному изъ самыхъ соблазнительныхъ удовольствій, восхваляли миловидность венеціанскихъ куртизанокъ, и утверждали, что во всемъ мірѣ нѣтъ женщинъ, которыя могли бы съ ними сравняться. Доминикъ между прочимъ сказалъ, что мнѣ слѣдовало бы познакомиться съ самой любезной изъ нихъ; что ему очень хотѣлось свезти меня къ ней, и что я навѣрно остался бы ею доволенъ. Я сталъ смѣяться надъ его обязательнымъ предложеніемъ, а пожилой почтенный графъ Пеати сказалъ мнѣ, съ такою откровенностью, какой право я никакъ не могъ ожидать отъ итальянца, что онъ считаетъ меня слишкомъ благоразумнымъ, чтобы позволить своему врагу возить себя къ публичнымъ женщинамъ. Я, дѣйствительно, не имѣлъ ни намѣренія, ни охоты съ нимъ ѣхать, однакожъ, не смотря на это, вслѣдствіе какого-то безразсудства, которое было не вполнѣ понятно даже для меня самого, кончилъ тѣмъ, что позволилъ себя увезти, вопреки моему желанію, моему сердцу, моему разсудку, даже моей волѣ, единственно по слабости характера, а еще болѣе изъ стыда показать недовѣріе, и какъ говорится въ тѣхъ странахъ «per non parer troppo coglione». Женщина, къ которой мы отправились, была прехорошенькая, даже прелестная, но ея красота не въ моемъ вкусѣ. Доминикъ оставилъ меня у нее. Я послалъ за сорбетами, заставилъ ее пѣть и, послѣ проведеннаго съ нею получаса, хотѣлъ было уже уйти домой, оставивъ у ней на столѣ червонецъ, но она изъ

какой-то странной щекотливости не хотѣла принять незаслуженныя ею деньги, а я, по еще болѣе странной глупости, вывелъ ее изъ этого затруднительнаго положенія.

Вернувшись во дворецъ, я былъ такъ твердо убѣжденъ въ начинающейся болѣзни моей, что первымъ моимъ дѣломъ было послать за докторомъ. Ничто не можетъ сравниться съ тѣмъ тревожнымъ настроеніемъ, которое я испытывалъ въ теченіе трехъ недѣль. Я былъ совершенно здоровъ и у меня не было ни малѣйшихъ признаковъ, которые дали бы мнѣ поводъ сомнѣваться относительно моего здоровья. Но я не могъ постичь возможности выйти безнаказаннымъ изъ объятій этой женщины. Врачъ всѣми средствами старался меня успокоить, но достигъ своей цѣли тогда только, когда увѣрилъ меня, что природа надѣлила меня особеннымъ организмомъ, при которомъ заразиться довольно трудно. И хотя быть можетъ я менѣе другихъ мущинъ предавался любовнымъ наслажденіямъ, но тѣмъ не менѣе сохранившееся въ этомъ отношеніи мое здоровье служитъ мнѣ доказательствомъ, что врачъ мой былъ правъ. Однакожъ, не смотря на такое мнѣніе, я былъ всегда крайне остороженъ и если дѣйствительно природа одарила меня этою особенностью, то я могу сказать, что не употреблялъ ее во зло.

Другое случившееся со мною приключеніе, по своему происхожденію и по послѣдствіямъ, было совершенно въ иномъ родѣ, хотя дѣйствующимъ въ немъ лицомъ также была дѣвушка. Я говорилъ уже прежде, что капитанъ Оливе угощалъ меня обѣдомъ на своемъ кораблѣ, и что я привозилъ къ нему секретаря испанскаго посольства. Я ожидалъ, что насъ будутъ привѣтствовать пушечнымъ выстрѣломъ. Корабельная команда встрѣтила насъ построенная въ двѣ шеренги; но никто и не подумалъ выстрѣлить, что крайне оскорбило меня за Карріо; я ясно видѣлъ, что онъ былъ этимъ обиженъ; дѣйствительно, на купеческихъ корабляхъ всегда привѣтствуютъ пушечными выстрѣлами даже и такихъ людей, которые, безъ сомнѣнія, насъ не стоили; сверхъ того, я полагалъ, что заслужилъ со стороны капитана нѣкоторое отличіе,—и по своей всегдашней привычкѣ не могъ скрыть своего настроенія. Не смотря на вкусный обѣдъ, на любезное угощеніе и радушіе хозяина, я сѣлъ за столъ въ дурномъ расположеніи духа, ѣлъ очень мало и говорилъ еще меньше.

За первымъ тостомъ однакожъ мы услыхали залпъ. Карріо, который вполнѣ меня понималъ, смѣялся надъ моимъ ребяческимъ ворчаніемъ. Къ концу обѣда я увидѣлъ приближавшуюся гондолу.—Ну, милостивый государь,—сказалъ мнѣ капитанъ,—берегитесь, непріятель приближается. На вопросъ мой, что онъ хотѣлъ этимъ сказать, Оливе отвѣчалъ мнѣ шутками. Но вотъ гондола причалила, и я вижу, что съ нея сходитъ молодая, поразительной красоты женщина, весьма кокет-

ливо одѣтая и очень проворная; въ три прыжка она очутилась у насъ въ каютѣ, и прежде чѣмъ я успѣлъ примѣтить поставленный для нея приборъ, она уже сидѣла подлѣ меня. Она была столько же мила, какъ рѣзва, брюнетка, лѣтъ двадцати, никакъ не болѣе, и говорила только по итальянски. Одного ея произношенія было совершенно достаточно, чтобы вскружить мнѣ голову. Кушая и разговаривая, она все глядитъ на меня, всматривается все пристальнѣе, и, наконецъ съ крикомъ: «Матерь Божія! Ахъ, мой милый Бремонъ, сколько время я тебя не видала!» бросается въ мои объятія, прижимаетъ свои хорошенькія губки къ моимъ и просто душитъ меня въ своихъ объятіяхъ. Ея восточные черные глаза какъ огненныя стрѣлы пронзали мнѣ сердце, и хотя сначала я былъ нѣсколько развлеченъ удивленіемъ, но за тѣмъ, сладострастіе быстро мною овладѣло, и до такой степени, что не смотря на присутствіе другихъ, сама красавица должна была меня удерживать, потому что я былъ въ совершенномъ упоеніи, или лучше сказать въ бѣшенствѣ. Доведя меня до того состоянія, до котораго ей хотѣлось довести, она стала нѣсколько умѣреннѣе въ своихъ ласкахъ, но никакъ не въ своихъ живыхъ манерахъ, и когда ей заблагоразсудилось объяснить дѣйствительную или вымышленную причину этой рѣзвости, она объявила намъ, что я похожъ до невѣроятія на г. Бремона, директора тосканскихъ таможенъ; что она безумно любила г. Бремона, любитъ его еще до сихъ поръ; что бросила его потому только, что была глупа; что она не прочь взять меня на его мѣсто; что желаетъ любить меня, находя это для себя весьма приличнымъ; что по этой же самой причинѣ и мнѣ слѣдуетъ любить ее до тѣхъ поръ, пока ей будетъ это нравиться, и что когда она меня оставитъ, я долженъ быть точно также терпѣливъ, какъ былъ ея милый Бремонъ. Сказано, сдѣлано. Она завладѣла мною какъ своею собственностью, отдала мнѣ свои перчатки, свой вѣеръ, своей чепчикъ; приказывала мнѣ ходить то туда, то сюда; дѣлать то одно, то другое, и я повиновался. Она сказала мнѣ, чтобы я распорядился отпустить ея гондолу, такъ какъ она желала ѣхать въ моей, и я исполнилъ это приказаніе; она приказала мнѣ встать съ моего мѣста и попросить г. Карріо сѣсть подлѣ нея, потому что ей было нужно переговорить, и это тоже было мною исполнено. Они шептались очень долго и я не мѣшалъ ихъ разговору. Затѣмъ она позвала меня къ себѣ. — Послушай Занетто, — сказала она мнѣ, — я вовсе не желаю, чтобы ты любилъ меня на французскій ладъ, потому что не вижу въ такой любви ничего хорошаго: въ первую минуту скуки лучше убирайся отъ меня. Но предупреждаю тебя, что останавливаться на половинѣ дороги не люблю. — Послѣ обѣда мы отправились въ Мурано осмотрѣть тамошній стеклянный заводъ. Она покупала множество бездѣлушекъ и, нисколько не стѣсняясь, дозволяла

намъ за нее расплачиваться; но въ тоже время она давала на водку гораздо болѣе того, что мы тратили на нее. Судя по тому равнодушію, съ которымъ она бросала сама деньги и позволяла намъ дѣлать тоже самое, можно было заключить, что деньги для нея не имѣли рѣшительно никакой цѣны, и если она заставляла платить себѣ, то я полагаю, что это происходило скорѣе изъ тщеславія, чѣмъ изъ корыстолюбія; ей нравилось, что ея ласки покупались такою дорогою цѣною.

Вечеромъ мы отвезли ее домой. Разговаривая съ нею, я замѣтилъ у нея на туалетѣ два пистолета.—Ага!..—сказалъ я, взявъ въ руки одинъ изъ нихъ, — вотъ прекрасная, вновь придуманная коробка для мушекъ,—можно узнать для какого она употребленія? Я знаю, что вы владѣете другимъ оружіемъ, которое, пожалуй стрѣляетъ лучше этого. Послѣ нѣсколькихъ подобныхъ шутокъ, она объявила намъ съ наивною гордостью, дѣлавшей ее еще болѣе прелестною:—Когда я отдаюсь людямъ, которыхъ не люблю, то заставляю ихъ дорого платить за ту скуку, которую они мнѣ причиняютъ, и ничего не можетъ быть справедливѣе этого; но снося ихъ ласки, я не желаю сносить ихъ обидъ, и мѣтко попаду въ каждаго, кто только забудется противъ меня.

Разставаясь со мною, она назначила мнѣ свиданье на слѣдующій день. Я не заставилъ себя долго ждать. Войдя къ ней, я нашелъ ее in vestito di confidenza, въ слишкомъ большомъ дезабилье, которое извѣстно только въ южныхъ странахъ, но котораго я не стану здѣсь описывать, хотя помню его слишкомъ хорошо. Скажу только, что ея манжеты и брыжжи были обшиты шелковымъ шнуркомъ, украшеннымъ кисточками розоваго цвѣта. Мнѣ казалось, что это украшеніе оживляло цвѣтъ ея прекрасной кожи. Впослѣдствіи я узналъ, что это была венеціанская мода, и эффектъ ея былъ до того очарователенъ, что я удивляюсь, почему эта мода не перешла во Францію. Я не имѣлъ понятія объ ожидавшихъ меня наслажденіяхъ. Я упоминалъ уже о г-жѣ Ларнажъ, воспоминаніе о которой приводитъ меня въ восторгъ даже и до сихъ поръ. Но какъ эта женщина была стара, дурна и холодна въ сравненіи съ моей Жульетой! Не старайтесь представить прелесть и очарованіе этой обворожительной дѣвушки, — вы далеко не узнаете истины; молодыя, непорочныя монастырскія дѣвушки менѣе свѣжи, красавицы сераля ме нѣе плѣнительны. Ни одинъ смертный не испытывалъ такого сладостнаго наслажденія. Ахъ! если бы, по крайней мѣрѣ, я умѣлъ имъ вполнѣ насладиться хотя одну только минуту!.. Я имъ наслаждался, но безъ оча рованія, я самъ притуплялъ всѣ наслажденія, я убивалъ ихъ, какъ бы изъ удовольствія. Нѣтъ, природа создала меня не для наслажденій. Она наполнила мою скверную голову ядомъ того неописаннаго блаженства, влеченіе къ которому она же вложила въ мое сердце.

Если есть обстоятельство въ моей жизни, которое живо характеризуетъ мой нравъ, такъ это то, о которомъ я сейчасъ разскажу. Сила, съ которой я въ настоящую минуту вспоминаю цѣль моего настоящаго сочиненія, даетъ мнѣ возможность пренебречь тѣми ложными приличіями, которыя могли бы помѣшать мнѣ исполнить это. Вы, желающіе узнать человѣка, кто бы вы ни были, рѣшитесь прочесть двѣ или три слѣдующія за нимъ страницы, и вы вполнѣ узнаете Жанъ-Жака Руссо.

Я входилъ въ комнату куртизанки, какъ въ храмъ любви и красоты. Я никогда бы не повѣрилъ, что безъ уваженія можно было чувствовать что либо подобное тому, что̀ она заставила меня испытать. Едва только наше первое безцеремонное обращеніе дало мнѣ возможность узнать цѣну ея прелестей и ласкъ, какъ изъ опасенія утратить напередъ плодъ ихъ, я поторопился скорѣе вкусить его. Вдругъ вмѣсто пламеннаго огня, я чувствую, что смертельный холодъ пробѣгаетъ по всѣмъ моимъ жиламъ; ноги мой затряслись, и, чувствуя, что со мною сейчасъ сдѣлается дурнота, я сажусь и начинаю плакать какъ ребенокъ.

Кто бы могъ угадать причину моихъ слезъ, и то, что мнѣ въ эту минуту пришло въ голову? Я говорилъ самъ себѣ: женщина, которой я располагаю, есть лучшее произведеніе природы и любви; умъ, тѣло, все въ ней совершенно, она также добра и великодушна, какъ любезна и прекрасна. Вельможи, князья должны быть ея рабами; скипетры должны бы лежать у ея ногъ. А между тѣмъ она ничто иное, какъ презрѣнная развратница, сдѣлавшаяся общимъ достояніемъ: капитанъ купеческаго корабля располагаетъ ею; она бросается ко мнѣ на шею, ко мнѣ, котораго она знаетъ какъ человѣка неимущаго, и котораго достоинства, неизвѣстныя ей, ничтожны въ ея глазахъ. Въ этомъ кроется что то непостижимое. Или сердце меня обманываетъ, ослѣпляетъ мой разсудокъ, дѣлаетъ меня жертвою обмана мерзкой, распутной женщины, или же, наконецъ, какой нибудь тайный порокъ, неизвѣстный мнѣ, уничтожаетъ дѣйствіе ея прелестей и дѣлаетъ ее отвратительной въ глазахъ тѣхъ, которые должны бы были оспаривать ее другъ у друга . . . .

Эти неумѣстныя разсужденія взволновали меня до такой степени, что я расплакался. Жульета, для которой мои слезы были зрѣлищемъ совершенно новымъ, на минуту смутилась; но потомъ, не сказавъ ни слова, сѣла на окошко. Я хотѣлъ было помѣститься подлѣ нея, но она встала съ своего мѣста и на минуту присѣла на диванъ; затѣмъ снова встала и, прохаживаясь по комнатѣ, самымъ холоднымъ и презрительнымъ тономъ, сказала мнѣ: «Zanetto, lascia le donne, e studia la matematica» (Занетто, оставь женщинъ и займись лучше изученіемъ математики).

Уходя отъ нея, я попросилъ у нея свиданія на слѣдующій день, но она отложила его на два дня, прибавивъ съ ироническою улыбкою, что

мнѣ нуженъ отдыхъ. Я провелъ это время не совсѣмъ пріятно, сердце мое было полно воспоминаній о ея прелестяхъ и граціи, я сознавалъ свое сумасбродство, упрекалъ себя въ немъ, сожалѣлъ о безразсудно утраченныхъ минутахъ, которыя совершенно отъ меня зависѣло сдѣлать самыми пріятными въ жизни, ожидалъ съ самымъ пылкимъ нетерпѣніемъ того времени, когда я могъ вознаградить потерю, и совсѣмъ тѣмъ все еще продолжалъ безпокоиться о томъ, какъ примирить тѣ совершенства, которыми была одарена эта достойная обожанія дѣвушка, съ гнусностью ея положенія. Въ назначенный часъ я не бѣжалъ, а просто летѣлъ къ ней. Я не знаю, былъ ли бы мой пылкій темпераментъ болѣе доволенъ этимъ визитомъ; по крайней мѣрѣ гордость ея была бы удовлетворена, и я заранѣе наслаждался при мысли, что докажу ей, какъ я умѣю заглаживать свои проступки. Она меня избавила отъ этого испытанія. Гондольеръ, котораго я послалъ къ ней, послѣ того какъ мы пристали къ берегу, принесъ мнѣ отвѣтъ, что она наканунѣ еще уѣхала во Флоренцію. Если владѣя ею, я не сознавалъ всей своей любви къ ней, то жестоко ощутилъ это чувство, когда потерялъ ее. Мое безсильное сожалѣніе меня не покинуло. Какъ ни была она мила и прелестна въ моихъ глазахъ, я все-таки могъ утѣшиться въ томъ, что потерялъ ее; но признаюсь, я никакъ не могъ примириться съ мыслію, что она будетъ вспоминать обо мнѣ не иначе какъ съ презрѣніемъ.

Вотъ двѣ случившіяся со мною исторіи. Мое восемнадцатимѣсячное пребываніе въ Венеціи не обогатило мою память никакимъ новымъ разсказомъ, исключая только одного, и то самаго простого замысла. Карріо былъ страшный волокита; соскучась постоянно посѣщать чужихъ любовницъ, онъ вздумалъ, въ свою очередь, обзавестись любовницею; и такъ какъ мы съ нимъ были неразлучны, онъ предложилъ мнѣ сдѣлку довольно обыкновенную въ Венеціи: имѣть общую фаворитку. Я на это согласился. Дѣло было въ томъ, чтобы найти надежную дѣвушку. Онъ такъ прилежно хлопоталъ, что наконецъ отыскалъ маленькую дѣвочку лѣтъ двѣнадцати, которую ея подлая мать старалась продать. Мы вмѣстѣ поѣхали посмотрѣть ее. У меня перевернулись всѣ внутренности при видѣ этого ребенка; она была блондинка и кротка какъ ягненокъ; никто не могъ бы принять ее за итальянку. Въ Венеціи жизнь весьма дешева; мы дали небольшую сумму матери и взяли на свое попеченіе дочь. У нея былъ хорошій голосъ; чтобы развить его и дать ей такимъ образомъ средство къ жизни, мы ей купили клавикорды и наняли учителя пѣнія. Расходъ на все это составлялъ не болѣе двухъ цехиновъ въ мѣсяцъ на каждаго, да къ тому же избавлялъ насъ отъ многихъ другихъ; но такъ какъ надо было ожидать, пока она достигнетъ совершеннолѣтія, то намъ приходилось, прежде нежели собирать плоды, много посѣять сѣмянъ.

Однакожъ намъ доставляло большое удовольствіе то, что мы могли ѣздить туда и проводить вечера, разговаривая и играя въ самыя невинныя игры съ этимъ ребенкомъ; мы проводили съ нею время и можетъ быть даже несравненно пріятнѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы она была нашею любовницею. Неоспоримо, что насъ привязываетъ къ женщинамъ не столько распутство, сколько удовольствіе постоянно находиться около нихъ. Непримѣтно сердце мое привязывалось къ маленькой Анзолетѣ; но это была отеческая привязанность, въ которой чувственность не принимала никакого участія, такъ что по мѣрѣ того какъ расло это чувство, оно становилось чище и чище, и подъ конецъ я сознавалъ, что для меня было бы столько же отвратительно подойти къ этой созрѣвшей дѣвушкѣ, сколько совершить гнусное кровосмѣшеніе. Я видѣлъ, что чувства Карріо, помимо его вѣдома, принимали тоже направленіе. Сами о томъ не помышляя, мы приготовляли себѣ удовольствія, не менѣе пріятныя, но положительно противоположныя тѣмъ, которыя первоначально мы имѣли въ виду. И я убѣжденъ, что какъ бы не похорошѣла эта дѣвочка, ни я, ни Карріо никогда бы не были соблазнителями ея нравственности, а напротивъ, сдѣлались бы ея покровителями. Катастрофа, вскорѣ послѣ того случившаяся со мною, отняла у меня возможность довести это доброе дѣло до конца, такъ что я могу въ немъ похвалиться только добрымъ намѣреніемъ. Но возвратимся къ моему путешествію.

Мое первоначальное намѣреніе, по выходѣ отъ г. Монтегю, было удалиться въ Женеву и выжидать, пока лучшій жребій, отстранивъ всѣ затрудненія, снова соединитъ меня съ моею бѣдною матерью. Но шумъ, который надѣлала наша ссора, и глупость, которую сдѣлалъ посланникъ, сообщивъ о ней двору, вынудили меня рѣшиться ѣхать туда лично, чтобы отдать отчетъ о моемъ поведеніи и принести жалобу на поведеніе этого неистоваго безумца. Изъ Венеціи я сообщилъ мое рѣшеніе г. Тейль, который послѣ смерти г. Амело временно завѣдывалъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Я поѣхалъ вслѣдъ за моимъ письмомъ, черезъ Бергамо, Комо и Домо-д'Оссола; я переѣхалъ чрезъ Симплонъ. Въ Сіонѣ г. Шеньонъ, повѣренный въ дѣлахъ Франціи, обошелся со мною крайне дружелюбно; въ Женевѣ де-ла-Клозюръ поступилъ точно также. Тамъ я возобновилъ мое знакомство съ г. Гофкуромъ, отъ котораго мнѣ слѣдовало получить нѣсколько денегъ. Ніонъ я проѣхалъ, не повидавшись даже съ отцомъ; не потому, чтобы это свиданіе было для меня слишкомъ тяжело, но послѣ случившагося со мною несчастія, я не могъ рѣшиться показаться мачихѣ, зная напередъ, что она, не выслушавъ, найдетъ меня виноватымъ. Книгопродавецъ Дювильяръ, старый пріятель моего отца, сильно упрекалъ меня въ этомъ проступкѣ. Я объяснилъ ему причину и, чтобы загладить мою вину, не подвергая

себя свиданію съ мачихой, нанялъ коляску и вмѣстѣ съ нимъ отправился въ Ніонъ, гдѣ мы остановились въ одной изъ гостинницъ. Дювильяръ пошелъ за моимъ отцомъ, который прибѣжалъ обнять меня. Мы вмѣстѣ поужинали и я, проведя отрадный для моего сердца вечеръ, на слѣдующее утро вернулся въ Женеву вмѣстѣ съ Дювильяромъ, къ которому я всегда сохранялъ чувство самой искренней благодарности за добро, сдѣланное мнѣ имъ въ этотъ день.

Кратчайшій мой путь не лежалъ на Ліонъ, но, не смотря на то, я хотѣлъ заѣхать въ этотъ городъ, чтобы на мѣстѣ справиться о слѣдующемъ, самомъ низкомъ плутовствѣ г. Монтегю. Я выписалъ изъ Парижа небольшой сундучокъ, вмѣщавшій въ себѣ вышитый золотомъ камзолъ, нѣсколько кружевныхъ манжетъ, шесть паръ бѣлыхъ шелковыхъ чулокъ—и только. На основаніи сдѣланнаго мнѣ имъ же самимъ предложенія, я приказалъ присоединить этотъ сундукъ, или лучше сказать ящикъ, къ его багажу. Въ аптекарскомъ счетѣ, который былъ писанъ его собственною рукою, значилось, что этотъ ящикъ, который онъ называлъ тюкомъ, вѣсилъ одиннадцать центнеровъ, вслѣдствіе чего я заплатилъ за него порядочную сумму вѣсовыхъ денегъ. Но благодаря г. Буа-де-ла-Туръ, которому я былъ представленъ его дядею, г. Рогеномъ, вѣсъ этого тюка былъ провѣренъ по ліонскимъ и марсельскимъ таможеннымъ книгамъ, и оказалось, что онъ вѣсилъ только 45 фунтовъ, за которые и были уплачены вѣсовыя деньги. Присоединивъ эту подлинную выписку къ счету г. де-Монтегю и, запасшись этими документами и многими другими равносильными имъ, я отправился въ Парижъ, горя нетерпѣніемъ поскорѣе употребить ихъ въ дѣло. Во время этого продолжительнаго путешествія со мною было нѣсколько незначительныхъ приключеній въ Комо и въ другихъ мѣстахъ. Я видѣлъ многое, между прочимъ Боромейскіе острова, которые стоило бы описать; но у меня нѣтъ времени: шпіоны не даютъ мнѣ покоя; я принужденъ торопливо и дурно исполнять этотъ трудъ, требующій свободнаго времени и спокойствія, которыхъ я въ настоящее время лишенъ. Если когда нибудь Провидѣніе, бросивъ на меня взглядъ, ниспошлетъ мнѣ болѣе спокойные дни, я посвящу ихъ на исправленіе этого сочиненія, или по крайней мѣрѣ на составленіе дополненія, въ которомъ, я самъ сознаю, онъ крайне нуждается [1]).

Слухъ о случившейся со мною исторіи опередилъ меня, и, пріѣхавъ въ Парижъ, я узналъ, что въ присутственныхъ мѣстахъ и въ публикѣ всѣ были скандализированы безуміемъ посланника. Но, не смотря на это, не смотря на общій голосъ въ Венеціи, не смотря даже на неопровер-

[1]) Я отказался отъ этого намѣренія.

жимыя доказательства, которыя были предъявлены мною въ судъ, я не добился никакого правосудія, и вмѣсто того, чтобъ получить удовлетвореніе за оскорбленіе чести, выигралъ только то, что выдача жалованья была предоставлена на произволъ посланника. Всему этому была только та причина, что я, не будучи французомъ, не имѣлъ никакого права на національное покровительство, и что все это было частное дѣло между мною и посланникомъ. Всѣ соглашались со мною, что я былъ оскорбленъ, униженъ, несчастенъ, что посланникъ былъ жестокій, несправедливый сумасбродъ, и что все это дѣло его навсегда обезчестило. И чтожъ изъ этого! Онъ былъ посланникъ, тогда какъ я былъ только секретаремъ. Хорошій порядокъ, или то, что называли этимъ именемъ, требовалъ, чтобы я не добился справедливости, и я дѣйствительно не добился ея. Я воображалъ, что крикомъ и публичной бранью этого сумасшедшаго я доведу правительство до того, что мнѣ прикажутъ наконецъ замолчать; я только этого и ожидалъ, потому что твердо рѣшился не повиноваться, пока не буду приговоренъ. Но въ то время не было министерства внутреннихъ дѣлъ. Мнѣ не только дозволяли шумѣть, но даже поощряли меня на это и одобряли. Тѣмъ не менѣе, дѣло отъ этого нисколько не подвигалось впередъ. Наконецъ, мнѣ такъ надоѣло находить вездѣ сочувствіе и нигдѣ — правосудія, что я потерялъ всякое терпѣніе и бросилъ это дѣло. Одно только лицо приняло меня не любезно, хотя я менѣе всего ожидалъ отъ него такого негостепріимнаго пріема; это была г-жа де-Безенваль. Пропитанная чиновными и дворянскими предразсудками, она никакъ не могла вбить себѣ въ голову, что посланникъ могъ быть не правъ въ отношеніи своего секретаря, и пріемъ ея вполнѣ согласовался съ этимъ предубѣжденіемъ. Мнѣ это показалось до того обиднымъ, что, выйдя отъ нея, я написалъ ей одно изъ самыхъ жестокихъ и рѣзкихъ писемъ, какія когда либо сочинялъ, и съ тѣхъ поръ никогда болѣе къ ней не возвращался. Отецъ Кастель принялъ меня радушнѣе, но сквозь его іезуитское лукавство я могъ ясно видѣть, что онъ вѣрно слѣдовалъ одному изъ великихъ общественныхъ правилъ,—всегда жертвовать слабымъ для сильнаго. Сознаніе въ справедливости моего дѣла и моя врожденная гордость не дозволяли мнѣ терпѣливо сносить такое пристрастіе. Я переталъ видѣться съ о. Кастелемъ, а вслѣдствіе этого ѣздить къ іезуитамъ, въ обществѣ которыхъ я зналъ только его одного. Притомъ, коварный и деспотическій умъ его собратовъ, столь рѣзко отличавшійся отъ добродушія о. Гене, вселялъ въ меня такое отвращеніе къ нимъ, что съ тѣхъ самыхъ поръ я не видалъ ни одного изъ нихъ, исключая развѣ о. Бертье, съ которымъ два, три раза я встрѣчался у г. Дюпена, и который изо всѣхъ своихъ силъ трудился вмѣстѣ съ нимъ надъ опроверженіемъ Монтескье.

Но кончимъ разъ навсегда то, что мнѣ осталось досказать о г. Монтегю. Однажды, во время нашей распри, я сказалъ посланнику, что ему нуженъ не секретарь, а прокурорскій писецъ. Онъ послѣдовалъ моему совѣту и дѣйствительно посадилъ на мое мѣсто настоящаго судебнаго крючка, который менѣе чѣмъ въ годъ укралъ у него 20 или 30,000 ливровъ. Посланникъ прогналъ его, засадилъ въ тюрьму, со скандаломъ и безславіемъ разогналъ всю свою свиту, со всѣми ссорился, получалъ въ свою очередь оскорбленія, которыхъ не снесъ бы ни одинъ лакей, и кончилъ тѣмъ, что по милости надѣланныхъ имъ же глупостей былъ отозванъ съ занимаемаго имъ поста, и вслѣдъ за тѣмъ отосланъ снова садить капусту. Вѣроятно, что въ числѣ полученныхъ имъ при дворѣ выговоровъ, процессъ его со мною не былъ забытъ; по крайней мѣрѣ черезъ нѣкоторое время послѣ своего возвращенія, онъ послалъ ко мнѣ своего дворецкаго, чтобы покончить со мною счеты и возвратить мнѣ деньги. Въ то время я терпѣлъ въ нихъ крайнюю нужду. Долги, сдѣланные мною въ Венеціи на честное слово, тяготили мою душу. Я ухватился за представившуюся мнѣ возможность уплатить ихъ, не исключая и заемнаго письма, выданнаго мною Занетто Нани. Я получилъ то, что мнѣ заблагоразсудили отдать. Разсчитавшись со всѣми кредиторами, я остался по прежнему безъ гроша, но за то чувствовалъ, что съ меня свалилась тяжкая ноша, бывшая для меня невыносимой. Съ тѣхъ поръ я ничего болѣе не слышалъ о г. Монтегю до самой его смерти, о которой узналъ изъ газетъ. Прости Господи этого жалкаго человѣка! Онъ былъ на столько же способенъ занимать постъ посланника, на сколько я въ дѣтствѣ высказалъ дарованіе къ крючкотворству. Между тѣмъ собственно отъ него зависѣло удержаться на этомъ мѣстѣ, если бы только онъ съ должнымъ вниманіемъ принималъ мои совѣты и способствовалъ къ моему повышенію въ карьерѣ, которую еще въ молодости выбралъ для меня графъ Гувонъ, и въ которой я уже въ болѣе зрѣломъ возрастѣ сдѣлалъ успѣхи безъ всякой посторонней помощи.

Справедливость и безполезность моихъ жалобъ оставили въ моей душѣ зародышъ негодованія къ нашимъ глупымъ гражданскимъ учрежденіямъ, гдѣ истинное общественное благо и справедливость всегда приносятся въ жертву какому-то внѣшнему порядку, въ сущности разрушающему всякій порядокъ, и въ которомъ общественная власть санкціонируетъ собою притѣсненіе слабаго и беззаконіе сильнаго. Въ то время двѣ вещи помѣшали развиться этому зародышу, такъ какъ это сдѣлалось впослѣдствіи; во первыхъ то, что на этотъ разъ дѣло шло собственно обо мнѣ и что частный интересъ, который ничего не производилъ ни великаго, ни благороднаго, не можетъ вызвать у меня того божественнаго порыва, который способна внушить мнѣ только одна са-

мая чистая любовь ко всему справедливому и прекрасному; во вторыхъ, мой гнѣвъ смягчался и успокоивался очарованіемъ дружбы и вліяніемъ другихъ еще болѣе нѣжныхъ чувствъ. Въ Венеціи я познакомился съ однимъ бискайцемъ, пріятелемъ друга моего Карріо, вполнѣ достойнымъ быть другомъ всякаго порядочнаго человѣка. Этотъ милый молодой человѣкъ, родившійся для всевозможныхъ талантовъ и добродѣтелей, только что объѣхалъ всю Италію для изученія изящныхъ искусствъ. Найдя, что ему нечего было болѣе изучать, онъ намѣревался прямо возвратиться на родину. Я сказалъ ему, что изящныя искусства должны служить только отдохновеніемъ для такого ума, какимъ онъ былъ надѣленъ, и который былъ созданъ для занятія науками; для того, чтобы пристраститься къ нимъ, я далъ ему совѣтъ предпринять путешествіе и хотя шесть мѣсяцевъ провести въ Парижѣ. Онъ послушалъ меня и въ то время, когда я пріѣхалъ въ Парижъ, онъ тамъ уже находился. Такъ какъ квартира его была слишкомъ велика для него одного, то онъ предложилъ мнѣ нѣсколько комнатъ; я охотно принялъ это предложеніе. Я засталъ его усердно занимающимся. Для его способностей не было недоступныхъ вещей: онъ все поглощалъ и переваривалъ съ удивительной быстротой. Какъ благодарилъ онъ меня за то, что я предоставилъ его уму эту пищу; потребность знаній мучила его давно, хотя онъ самъ того не подозрѣвалъ! Какое сокровище понятливости и добродѣтелей находилъ я въ этой душѣ! Я чувствовалъ, что это былъ именно тотъ другъ, который мнѣ былъ нуженъ; мы стали закадычными пріятелями. Наклонности наши не были одинаковы, и мы всегда спорили. Оба до крайности упрямые, мы никогда ни въ чемъ не соглашались, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могли разстаться, и безпрестанно противорѣча другъ другу, желали оба остаться навсегда такими, какими были въ дѣйствительности.

Игнатій - Эммануилъ де-Алтуна былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, которыхъ способна производить только Испанія, и которыхъ она производитъ слишкомъ немного для своей славы. Въ немъ не было замѣтно тѣхъ бурныхъ національныхъ страстей, которыя свойственны его родинѣ; мысль о мщеніи не вмѣщалась въ его голову, точно также, какъ желаніе мести—въ его сердце. Онъ былъ слишкомъ гордъ, чтобы быть мстительнымъ, и я часто слышалъ, какъ онъ говорилъ съ совершеннымъ равнодушіемъ, что никакой смертный не могъ бы оскорбить его душу. Онъ былъ любезенъ безъ нѣжностей; игралъ съ женщинами, какъ съ прекрасными дѣтьми, охотно бывалъ въ обществѣ любовницъ своихъ пріятелей, но я никогда не видѣлъ его собственной любовницы, никогда не замѣчалъ въ немъ даже желанія обзавестись ею. Онъ былъ существомъ слишкомъ нравственнымъ, для того, чтобы давать волю своимъ страстямъ.

Послѣ своихъ путешествій онъ женился, но умеръ еще въ молодыхъ лѣтахъ, оставивъ послѣ себя дѣтей, и я убѣжденъ, какъ въ собственномъ своемъ существованіи, что жена его была первая и единственная женщина, которая ознакомила его съ любовными наслажденіями. По внѣшности онъ былъ набоженъ, какъ испанецъ, но въ сущности благочестивъ, какъ ангелъ. Исключая самого себя, я въ жизнь свою не видывалъ человѣка болѣе вѣротерпимаго. Онъ никогда не интересовался знать религіозное убѣжденіе людей. Ему не было никакого дѣла до того, былъ ли другъ его еврей, протестантъ, турокъ, ханжа, атеистъ—лишь бы только онъ былъ человѣкъ. Упрямый спорщикъ въ другихъ вещахъ, онъ, какъ только вопросъ касался религіи или даже нравственности, дѣлался задумчивымъ, молчаливымъ или говорилъ: «Я отвѣчаю только за самого себя». Невѣроятно, чтобы человѣкъ могъ соединить въ себѣ такую возвышенность души съ такимъ аналитическимъ умомъ, доходившимъ даже до мелочности. Онъ заранѣе раздѣлялъ и распредѣлялъ на часы и на минуты занятія цѣлаго дня и слѣдовалъ этому распредѣленію съ такою акуратностью, что если бы часы вздумали пробить въ то время, когда онъ дочитывалъ какую нибудь фразу, онъ, безъ всякаго сомнѣнія, закрылъ бы книгу, не докончивъ ее. У него были извѣстные часы для занятій наукою, для размышленій, для разговоровъ, для богослуженія, для Локка, для визитовъ, для музыки, для живописи, и никакое удовольствіе, никакой соблазнъ, не могли заставить его нарушить этотъ разъ навсегда заведенный порядокъ. Развѣ необходимость исполнить какой нибудь долгъ могла бы измѣнить его. Когда онъ мнѣ показывалъ распредѣленіе своихъ занятій, для того, чтобы я могъ по возможности съ нимъ соображаться, я начиналъ смѣяться, а кончалъ тѣмъ, что плакалъ отъ удивленія. Онъ никогда, никого не стѣснялъ и самъ не терпѣлъ принужденія, и говорилъ грубости тому, кто изъ вѣжливости стѣснялъ его. Онъ былъ вспыльчивъ, но не золъ. Я часто видѣлъ его разгнѣваннымъ, но никогда не видѣлъ сердитымъ. Ничего не могло быть веселѣе, когда онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа; онъ понималъ шутки и любилъ шутить, но и въ шуткахъ даже высказывался его блестящій умъ, одаренный способностью къ эпиграммамъ. Когда его чѣмъ нибудь воодушевляли, онъ становился шумливымъ и бойкимъ въ словахъ, голосъ его слышался издалека; но въ то время, когда онъ кричалъ, лицо его какъ будто улыбалось, и посреди вспыльчивости у него вырывалось множество забавныхъ словъ, при которыхъ всѣ присутствующіе разражались смѣхомъ. Своимъ хладнокровіемъ онъ также мало походилъ на испанца, какъ и цвѣтомъ лица. Кожа его была бѣлая, щеки румяныя, волосы русые, почти бѣлокурые. Онъ былъ высокаго роста и хорошо сложенъ. Его наружность прекрасно гармонировала съ его душою.

Этотъ мудрецъ по уму и по сердцу умѣлъ узнавать людей и былъ моимъ другомъ. Вотъ весь мой отвѣтъ всякому моему недругу. Мы такъ тѣсно сблизились съ нимъ, что составили планъ всегда жить вмѣстѣ По этому плану я долженъ былъ черезъ нѣсколько лѣтъ отправиться въ Аскоитію и поселиться съ нимъ въ его помѣстьи. Относительно всѣхъ мелочей этого предположенія мы сговорились наканунѣ его отъѣзда Не доставало только того, чего человѣкъ не можетъ предвидѣть даже въ отлично обдуманныхъ предпріятіяхъ. Послѣдующія происшествія, мои бѣдствія, его женитьба, а за тѣмъ и смерть разлучили насъ навсегда.

По неволѣ скажешь, что удаются только гнусные заговоры злыхъ людей, невинные же планы добрыхъ почти никогда не осуществляются.

Испытавъ неудобство подчиненности, я далъ себѣ слово не подвергать себя болѣе такому положенію. Увидѣвъ, что мои честолюбивые планы, созданные стеченіемъ обстоятельствъ, были разрушены при самомъ ихъ зародышѣ, страшась снова вступить на то поприще, которое я было такъ давно началъ и которое тѣмъ не менѣе я долженъ былъ противу своей воли оставить, я рѣшился ни съ кѣмъ болѣе не сближаться, но остаться независимымъ, извлекая пользу изъ моихъ дарованій, которыя, наконецъ, я начиналъ умѣть цѣнить, и о которыхъ до тѣхъ самихъ поръ былъ черезъ чуръ уже скромнаго мнѣнія. Я снова принялся за свою оперу, прерванную моею поѣздкою въ Венецію, и чтобы спокойнѣе предаться моимъ занятіямъ, послѣ отъѣзда Алтуны, снова помѣстился въ 'прежнюю гостинницу Ст. Кентень, которая находилась въ уединенной части города и не далеко отъ Люксамбурга, и въ которой поэтому мнѣ было гораздо удобнѣе работать, чѣмъ въ шумной улицѣ Ст. Оноре. Тамъ ожидало меня единственное истинное утѣшеніе, ниспосланное мнѣ небомъ въ моемъ бѣдственномъ состояніи, и которое одно только дѣлаетъ это положеніе хотя нѣсколько сноснымъ. На этотъ разъ дѣло шло не о кратковременномъ знакомствѣ, и я долженъ войти въ нѣкоторыя подробности, чтобы пояснить, какимъ образомъ оно завязалось.

Въ нашей гостинницѣ была новая хозяйка изъ Орлеана. Для шитья бѣлья, она взяла къ себѣ соотечественницу, дѣвушку лѣтъ двадцати двухъ, которая обѣдала за однимъ столомъ съ нами, также какъ и наша хозяйка. Дѣвушка эта, по имени Тереза ле-Вассеръ, была изъ хорошаго семейства; отецъ ея былъ офицеръ и служилъ при орлеанскомъ монетномъ дворѣ; мать была купчиха. У ея родителей было много дѣтей. Такъ какъ орлеанская монета уже болѣе не употреблялась, то отецъ ея остался безъ пристанища; мать, обанкрутившись, дурно вела свои дѣла, должна была оставить торговлю и пріѣхала въ Парижъ вмѣстѣ съ мужемъ и дочерью, которая кормила всѣхъ ихъ своимъ трудомъ.

Когда я въ первый разъ увидѣлъ эту дѣвушку, появившуюся у насъ

за обѣдомъ, то былъ пораженъ ея скромными манерами и еще болѣе ея взглядомъ, который на мои глаза не имѣлъ ничего себѣ подобнаго. Кромѣ Бонфона за столомъ сидѣло нѣсколько аббатовъ ирландскихъ, гасконскихъ и много другихъ личностей такого же покроя. Наша хозяйка была тоже не изъ застѣчивыхъ; изъ всѣхъ присутствующихъ одинъ я говорилъ и велъ себя прилично. Съ дѣвушкой стали заигрывать, я началъ защищать ее. Но этого, повидимому ничтожнаго обстоятельства, было достаточно, чтобы вызвать на уста моихъ собесѣдниковъ шутки, которыя посыпались на меня со всѣхъ сторонъ. Если бы даже я не чувствовалъ расположенія къ этой дѣвушкѣ, то состраданіе и противорѣчіе внушили бы мнѣ его. Я всегда любилъ благопристойность въ манерахъ и въ словахъ, въ особенности въ присутствіи прекраснаго пола, и потому сдѣлался открытымъ защитникомъ дѣвушки. Я видѣлъ, что она была тронута моимъ вниманіемъ къ ней, и ея взгляды, оживленные чувствомъ благодарности, которое она не смѣла выразить словами, проникали отъ этого еще глубже въ мою душу.

Она была очень робка; я тоже былъ застѣнчивъ. Казалось бы, что эта черта характера должна была отдалить возможность сближенія между нами, но не смотря на то, мы очень скоро съ нею сошлись. Хозяйка, замѣтивъ это, взбѣсилась, и грубости ея еще болѣе приблизили ко мнѣ дѣвушку, которая, не имѣя никакой опоры въ этомъ домѣ, съ грустью смотрѣла, когда я уходилъ и страстно желала скорѣйшаго возвращенія своего единственнаго покровителя. Сходство нашихъ душъ, одинаковость нашихъ наклонностей, вскорѣ произвели свое обычное дѣйствіе. Она думала найти во мнѣ честнаго человѣка и не ошиблась. Я полагалъ встрѣтить въ ней дѣвушку чувствительную, любящую, простую, безъ всякаго кокетства — и въ свою очередь не обманулся. Я заранѣе объявилъ ей, что никогда ее не брошу, но никогда не женюсь на ней. Любовь, уваженіе, чистосердечная искренность были орудіями моего торжества. Не будучи предпріимчивымъ, я тѣмъ не менѣе добился счастія, потому только, что имѣлъ дѣло съ дѣвушкой, одаренной нѣжнымъ и чистымъ сердцемъ.

Ея опасеніе, чтобы я не разсердился за то, что не найду въ ней того, что по ея мнѣнію я долженъ былъ искать въ ней, отдалили мое счастье, болѣе чѣмъ все остальное. Я видѣлъ, что прежде чѣмъ отдаться мнѣ, она была смущена, растеряна, все желала мнѣ высказаться и не могла начать говорить. Я не только не понялъ дѣйствительной причины ея смущенія, но вообразилъ причину совершенно противную и весьма оскорбительную для ея нравственности. Такъ какъ мы не понимали другъ друга, то наши разговоры объ этомъ предметѣ были болѣе чѣмъ смѣшныя загадки и безсмыслицы. Она была готова счесть меня совер-

шенно помѣшаннымъ, а я былъ близокъ къ тому, чтобы положительно не знать, что о ней думать. Наконецъ мы объяснились: она съ горькими слезами призналась мнѣ въ своей единственной ошибкѣ, которая была сдѣлана ею въ то время, когда она едва успѣла выйти изъ дѣтскаго возраста; это несчастье было слѣдствіемъ ея невѣдѣнія и нахальства ея обольстителя. Какъ только она кончила свою исповѣдь, я вскрикнулъ отъ радости: — Ахъ! моя Тереза, я слишкомъ счастливъ, видя тебя цѣломудренной и здоровой дѣвушкою и не найдя въ тебѣ того, чего я вовсе не искалъ.

Этой любовной связью я сначала думалъ доставить себѣ только развлеченіе, но вскорѣ убѣдился, что сдѣлалъ несравненно болѣе того, потому что пріобрѣлъ себѣ подругу. Привыкнувъ нѣсколько къ этой прекрасной дѣвушкѣ и поразмысливъ о своемъ положеніи, я пришелъ къ убѣжденію, что въ этой любви, вмѣстѣ съ удовольствіемъ, заключалось и мое счастье. Взамѣнъ угасшаго во мнѣ честолюбія, мнѣ было необходимо живое, теплое чувство, которое наполняло бы мою душу. Однимъ словомъ, нуженъ былъ преемникъ маменьки, потому что потерявъ возможность жить вмѣстѣ съ нею, я чувствовалъ необходимость имѣть около себя живое существо, въ которомъ бы я могъ найти ту же простоту, ту же сердечную покорность, которыя г-жа де-Варенсъ находила во мнѣ. Мнѣ было необходимо, чтобы прелесть домашней жизни вознаградила меня за ту блистательную участь, отъ которой я отрекся. Каждый разъ, какъ я оставался одинъ, въ сердцѣ моемъ дѣлалась страшная пустота, и нужно было другое такое же сердце, чтобы его наполнить. Судьба отняла у меня по крайней мѣрѣ отчасти то счастье, для котораго природа создала меня. Съ тѣхъ поръ я былъ одинокъ, потому что у меня никогда не было средины между всѣмъ и ничѣмъ.

Въ Терезѣ я нашелъ то, что мнѣ было нужно, и благодаря ей жилъ счастливо, насколько это было для меня возможно при ходѣ событій.

Сперва мнѣ хотѣлось образовать ея умъ; я потратилъ на это много труда, но напрасно. Умъ ея былъ таковъ, какимъ его создала природа; старанія и ученіе къ нему не прививались. Я не краснѣя сознаюсь, что она никогда не умѣла порядочно читать, не смотря на то, что писала довольно изрядно. Когда я квартировалъ въ улицѣ Neuve-des-petits Champs, то прямо передъ моими окнами въ Поншартренской гостинницѣ, стояли часы, по которымъ въ теченіи цѣлаго мѣсяца я старался ее выучить узнавать время. Она никогда не могла по порядку перечислить всѣ 12 мѣсяцевъ въ году и не знаетъ ни одной цифры, не смотря на всѣ мои старанія; не умѣетъ даже считать деньги и не знаетъ цѣны никакой вещи. Слова, которыя она употребляетъ въ разговорѣ, часто совершенно противорѣчатъ тому, что она хочетъ сказать. Нѣкогда я соста-

вилъ лексиконъ ея фразъ, чтобы позабавить герцогиню люксамбургскую, и ея quiproquo сдѣлались извѣстными въ посѣщаемыхъ мною обществахъ. Но эта недальновидная и даже, если вы хотите, безтолковая женщина, даетъ постоянно прекрасные совѣты, при самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Часто въ Швейцаріи, въ Англіи, во Франціи, когда случалось со мною какое нибудь несчастное происшествіе, она замѣчала то, чего я самъ не видѣлъ; давала мнѣ самые полезные совѣты, которымъ я всегда слѣдовалъ, и она же часто избавляла меня отъ опасности, въ которую я слѣпо бросался; у дамъ высшаго круга, у вельможъ и князей, ея мнѣнія, здравый смыслъ, отвѣты, наконецъ, умѣнье вести себя, снискивали ей всеобщее уваженіе Всѣ ея достоинства приписывались непосредственно моему вліянію, и потому комплименты, искренность которыхъ я, впрочемъ, сознавалъ, сыпались на меня со всѣхъ сторонъ.

Подлѣ человѣка, котораго любишь, чувство служитъ пищею уму также какъ и сердцу, и нѣтъ нужды искать мыслей въ иномъ мѣстѣ. Я жилъ съ моею Терезою такъ пріятно, какъ бы съ самымъ геніальнымъ человѣкомъ вселенной. Мать ея, гордившаяся тѣмъ, что нѣкогда воспитывалась у маркизы де-Монпипо, и любившая выказывать свой умъ, хотѣла было руководить умомъ дочери и своею хитростью портила простоту нашего обращенія. Надоѣдливость ея заставила меня преодолѣть стыдъ, не позволявшій мнѣ до тѣхъ поръ показываться съ Терезою въ общество, и мы вдвоемъ дѣлали небольшія прогулки за городъ и ѣздили полдничать въ ближайшее селеніе; и эти деревенскія удовольствія были для меня восхитительны. Я видѣлъ, какъ искренно она меня любила, а потому и самъ удвоивалъ мою нѣжность къ ней. Эта пріятная, искренняя дружба замѣняла мнѣ собою все; будущее меня болѣе не занимало, и если я желалъ чего нибудь въ будущемъ, такъ это только продолженія настоящаго, мысль объ упроченіи котораго была въ то время моимъ единственнымъ желаніемъ. Моя тихая привязанность къ Терезѣ дѣлала для меня всякое развлеченіе излишнимъ, даже несноснымъ, и я рѣшительно никуда не выѣзжалъ; ея жилище сдѣлалось моимъ убѣжищемъ, и эта уединенная жизнь была такъ выгодна для моихъ занятій, что менѣе чѣмъ въ три мѣсяца вся моя опера была кончена, оставалось только сдѣлать нѣкоторыя акомпаниметы. Эта работа сильно надоѣдала мнѣ. Я предложилъ Филидору, чтобы онъ взялся за нее, и обѣщалъ ему за то часть барыша. Онъ былъ у меня два раза и придумалъ въ актѣ Овидія нѣсколько пустыхъ вставокъ, но не могъ принудить себя усидчиво работать, изъ-за какой-нибудь слишкомъ отдаленной, да къ тому же и не совсѣмъ вѣрной выгоды. Болѣе онъ ко мнѣ не возвращался и я самъ окончилъ свой трудъ.

По окончаніи оперы надобно было озаботиться, какъ извлечь изъ нея пользу: это была другая несравненно труднѣйшая опера. Кто живетъ въ Парижѣ уединенно, тотъ никогда ничего тамъ не достигнетъ. Я думалъ достичь чего нибудь при посредствѣ г. де-Поплиніеръ, къ которому меня ввелъ въ домъ г. Гофкуръ по возвращеніи своемъ изъ Женевы. Но г. де-Поплиніеръ былъ меценатомъ Рамо, а г-жа де-Поплиніеръ была его покорнѣйшею ученицею. Рамо всѣмъ распоряжался въ этомъ домѣ. Вообразивъ себѣ, что онъ съ удовольствіемъ окажетъ покровительство произведенію одного изъ своихъ послѣдователей, я хотѣлъ показать ему мое сочиненіе; но онъ отказался даже взглянуть на него, отозвавшись, что не можетъ читать партитуръ, и что это его слишкомъ утомитъ. Послѣ того г-жа Поплиніеръ объявила, что она берется прослушать оперу и предложила мнѣ собрать музыкантовъ, чтобъ попробовать нѣкоторыя мѣста. Ничего лучшаго я и не желалъ. Рамо согласился, ворча и повторяя безпрестанно, что произведеніе человѣка, который изучилъ музыку не изъ подъ палки, а самъ добровольно, должно было быть великолѣпною вещью. Мнѣ дали человѣкъ десять хорошихъ музыкантовъ и пѣвцовъ Альберта, Берара и мадмуазель Бурбоне. Рамо съ самаго начала увертюры, своими преувеличенными похвалами старался дать мнѣ понять, что эту оперу, по его мнѣнію, не могъ написать я. Ни одинъ мотивъ не проходилъ безъ того, чтобы онъ не выказывалъ при этомъ какихъ-нибудь знаковъ нетерпѣнія, а послѣ одной, сильной, звучной, блестящей альтовой аріи, онъ не могъ болѣе воздержаться и сталъ говорить со мной такъ грубо, что всѣ присутствущіе оскорбились. Онъ утверждалъ, что часть слышаннаго имъ сочиненія была написана человѣкомъ, отлично знающимъ музыку, но за то все остальное было произведеніемъ невѣжды, который не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о музыкѣ. Правда, что мой трудъ неровный, написанный не по правилалъ, былъ то великолѣпенъ, то безцвѣтенъ, словомъ такой, какимъ долженъ быть трудъ всякаго, кто воодушевляется порывами генія, не слѣдуя въ точности всѣмъ научнымъ правиламъ. Рамо говорилъ, что смотритъ на меня какъ на ничтожнаго воришку, неодареннаго ни талантомъ, ни вкусомъ. Присутствующіе, а въ особенности хозяинъ дома, не раздѣляли его мнѣнія. Герцогъ Ришелье, который въ это время часто бывалъ у г. Поплиніера, и, какъ извѣстно, еще чаще у г-жи Поплиніеръ, узнавъ о моемъ сочиненіи, пожелалъ его выслушать съ начала до конца, имѣя въ виду поставить мою оперу на придворной сценѣ, если только она будетъ этого достойна. Она была исполнена полнымъ хоромъ и съ полнымъ оркестромъ, на счетъ короля, у г. Бонваля, интенданта. Франкеръ дирижировалъ оркестромъ и эффектъ былъ удивительный: герцогъ не переставалъ вскрикивать и аплодиро-

вать; а въ концѣ одного хора, въ томъ актѣ, въ которомъ на сценѣ показывается Тассъ, онъ всталъ, подошелъ ко мнѣ и, пожимая мою руку, сказалъ мнѣ: — г. Руссо, это восхитительная гармонія; я никогда не слыхалъ ничего прекраснѣе, и хотѣлъ бы поставить это оперу въ Версали. Бывшая при томъ г-жа де-ла Поплиніеръ не сказала ни одного слова. Рамо, хотя и былъ приглашенъ, не захотѣлъ однакожъ пріѣхать. На другой день г-жа де-ла Поплиніеръ приняла меня во время своего туалета очень сухо; старалась унизить мою оперу, прибавивъ, что хотя нѣкоторый ложный блескъ моей музыки первоначально и ослѣпилъ герцога, но что онъ успѣлъ уже отъ него опомниться, и что поэтому она не совѣтовала бы мнѣ разсчитывать на какой-нибудь успѣхъ. Вскорѣ послѣ того пріѣхалъ самъ герцогъ и, какъ кажется, былъ совершенно противнаго мнѣнія, потому что наговорилъ мнѣ много лестнаго на счетъ моихъ способностей, такъ что я могъ думать, что онъ не оставилъ еще своего намѣренія поставить мою оперу на королевскомъ театрѣ. Одно только дѣйствіе, гдѣ на сцену являлся Тассъ, какъ онъ говорилъ, не могло быть исполнено при дворѣ, слѣдовало его замѣнить какимъ-нибудь другимъ. Услышавъ это, я тотчасъ же заперся дома, и въ три недѣли написалъ вмѣсто этого дѣйствія другое, героемъ котораго былъ Гезіодъ, вдохновенный музою.

Я нашелъ средства высказать въ этомъ дѣйствіи часть исторіи моихъ дарованій и зависть, которой Рамо ихъ удостоивалъ. Въ этомъ новомъ дѣйствіи было величіе, лучше выдержанное чѣмъ въ Тассѣ; музыка была возвышеннѣе и лучше выполнена, и если бы два остальныя дѣйствія были бы также хороши, какъ это, то вся пьеса могла бы съ успѣхомъ выдержать представленіе. Но въ то время, когда я уже почти кончалъ эту оперу, другое предпріятіе заставило меня отсрочить ея исполненіе.

— 1745—1747. Въ послѣдовавшую за Фонтенейскою битвою зиму, было множество праздниковъ въ Версали, и между прочимъ, нѣсколько разъ тамъ давались спектакли и даже оперы въ театрѣ «Des Petites-Écuries». На одномъ изъ этихъ спектаклей давали драму Вольтера «Наварская Принцесса», музыку которой писалъ Рамо, и которая была передѣлана и переименована въ «Празднества Рамира». Этотъ новый сюжетъ пьесы требовалъ въ дивертисментахъ прежней драмы многихъ измѣненій, какъ въ музыкѣ такъ и въ стихахъ. Надо было найти когонибудь, кто былъ бы въ состояніи исполнить этотъ двойной трудъ. Вольтеръ былъ тогда въ Лотарингіи и занимался оперою «Храмъ Славы»; Рамо былъ занятъ тѣмъ же и потому не могъ взяться за эту работу. Ришелье вспомнилъ обо мнѣ и поручилъ предложить мнѣ этимъ заняться; и чтоб я могъ знать, что мнѣ слѣдовало дѣлать, онъ прислалъ

отдѣльно либретто и музыку. Я не хотѣлъ касаться до литературнаго произведенія прежде полученія на то согласія самого автора; по этому случаю я написалъ ему письмо самое вѣжливое и даже почтительное, какъ этого требовало приличіе. Вотъ его отвѣтъ, оригиналъ котораго хранится въ связкѣ А, № 1.

15 декабря 1745.

«Вы соединяете, милостивый государь, два дарованія, которыя до сихъ поръ всегда были раздѣлены: въ этомъ кроются уже двѣ важныя для меня причины уважать и стараться полюбить васъ. Сожалѣю, что вы хотите употребить ваши оба таланта на трудъ, который не вполнѣ ихъ достоинъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, герцогъ Ришелье приказалъ мнѣ непремѣнно написать въ одно мгновеніе ока небольшой и плохой очеркъ нѣсколькихъ скучныхъ отрывочныхъ сценъ, которыя должны были согласоваться съ дивертисментомъ, написаннымъ вовсе не для нихъ. Я со всею точностью исполнилъ это приказаніе; написалъ очень скоро и весьма скверно и отправилъ герцогу Ришелье этотъ несчастный очеркъ, полагая, что онъ или не къ чему не послужитъ, или что впослѣдствіи я его исправлю. Къ счастію, онъ въ вашихъ рукахъ, и вы ему полновластный хозяинъ. Я совершенно потерялъ все это изъ виду; я не сомнѣваюсь, что вы исправите всѣ ошибки, невольно сдѣланныя мною въ этомъ наскоро придуманномъ простомъ очеркѣ и что вы пополните всѣ его недостатки.

«Мнѣ помнится, что въ числѣ многихъ нелѣпостей, въ промежуточныхъ между дивертисментомъ дѣйствіяхъ, не объяснено, какимъ образомъ принцесса Гренадина вдругъ изъ темницы очутилась въ саду или во дворцѣ. Такъ какъ ее увеселяетъ не какой нибудь чародѣй, а просто испанскій грандъ, то мнѣ кажется, что въ настоящемъ случаѣ волшебство не должно имѣть здѣсь мѣста. Прошу васъ, милостивый государь, потрудиться пересмотрѣть этотъ актъ, который я никакъ не могу ясно себѣ припомнить. Вы увидите сами, не нужно ли представить такимъ образомъ, что дверь темницы отворилась, и принцессу нашу перевели изъ этого заключенія въ приготовленный для нея заранѣе, прекрасный вызолоченный дворецъ. Я очень знаю, что все это пустяки, и что мыслящему человѣку не стоитъ изъ такого вздора дѣлать серьезное дѣло; но такъ какъ вся суть состоитъ въ томъ, чтобы возможно лучше гарантировать успѣхъ, то слѣдуетъ дѣйствовать съ наивозможнѣйшимъ смысломъ даже и въ такомъ малозначущемъ оперномъ дивертисментѣ.

«Я во всемъ полагаюсь на васъ и г. Балло и надѣюсь въ скоромъ времени имѣть честь принести вамъ мою благодарность и увѣрить васъ, милостивый государь, какъ лестно мнѣ заявить вамъ мои чувства и пр. и пр.».

Не удивляйтесь утонченной вѣжливости этого письма въ сравненіи съ тѣми полу-нахальными посланіями, какія онъ мнѣ писалъ послѣ того. Онъ думалъ, что я пользуюсь большою милостью у Ришелье, и его всѣмъ извѣстная придворная тонкость вынуждала его оказывать большое вниманіе новичку до тѣхъ поръ, пока онъ не разузналъ, до какой степени простиралось вліяніе этого новичка.

Уполномоченный Вольтеромъ и необязанный болѣе думать о Рамо, постоянно старавшемся вредить мнѣ, я принялся за дѣло, и въ два мѣсяца работа моя была уже готова. Что касается до стиховъ, то я исправлялъ ихъ весьма мало. Я только о томъ старался, чтобы не было примѣтно различіе въ слогѣ, и имѣю самонадѣянность думать, что достигъ этого. Музыкальная часть была тяжелѣе и несравненно продолжительнѣе; кромѣ того, что я долженъ былъ написать нѣсколько партитуръ и въ числѣ ихъ увертюру,—весь речитативъ, который мнѣ также поручено было написать, оказался до крайности труднымъ, потому что часто въ немногихъ стихахъ и самыхъ быстрыхъ модуляціяхъ, нужно было связать аріи и хоры въ тоны совершенно противоположные. Для того же, чтобы Рамо не обвинилъ меня въ изуродованіи его арій, я не хотѣлъ ни измѣнять, ни прекладывать ни одной изъ нихъ. Речитативъ хорошо удался мнѣ. Въ немъ были хорошія ударенія, много энергіи и отличные переходы изъ тона въ тонъ. Мысль о двухъ великихъ людяхъ, къ которымъ меня удостоили присоединить, возвысила мое собственное дарованіе, и я могу сказать, что въ этомъ неблагодарномъ и безвѣстномъ трудѣ, я почти всегда шелъ рядомъ съ моими двумя образцами.

Пьесу въ томъ видѣ, какъ я ее переложилъ, репетировали въ большомъ Оперномъ театрѣ. Изъ всѣхъ трехъ сочинителей я одинъ только былъ на лицо. Вольтеръ былъ въ отсутствіи, а Рамо не пріѣхалъ на эту репетицію, или просто быть можетъ спрятался.

Первый монологъ начинался слѣдующими мрачными словами: «О смерть! приди прекратить несчастіе моей жизни». По неволѣ нужно было написать приличную имъ музыку, а между тѣмъ именно на этомъ г-жа де-ла Поплиніеръ и основала свой приговоръ, весьма язвительно замѣтивъ, что я сочинилъ погребальный маршъ. Герцогъ Ришелье весьма основательно началъ съ того, что освѣдомился, кѣмъ были написаны стихи этого монолога. Я подалъ ему присланную мнѣ рукопись, которая удостовѣряла, что онѣ были произведеніе Вольтера. — Въ такомъ случаѣ—сказалъ герцогъ—виноватъ одинъ Вольтеръ.

Во время репетиціи, все то, что принадлежало моему перу было одно за другимъ осуждено г-жею де-ла-Поплиньеръ и одобрено герцогомъ. Но я всетаки имѣлъ дѣло съ слишкомъ сильною партіею и мнѣ было объявлено, что въ моемъ сочиненіи слѣдовало измѣнить нѣкоторыя мѣ-

ста, относительно которыхъ я долженъ былъ посовѣтоваться съ Рамо. Сильно опечаленный такимъ рѣшеніемъ вмѣсто похвалъ, которыхъ я ожидалъ и которыхъ безъ сомнѣнія былъ достоинъ, я отправился домой какъ убитый. Изнеможенный отъ усталости, страшно огорченный, я заболѣлъ и въ продолженіи шести недѣль не былъ въ состояніи выходить. Рамо, которому было поручено сдѣлать измѣненія, указанныя г-жею де-ла-Поплиньеръ, прислалъ ко мнѣ за увертюрою моей большой оперы, чтобы замѣнить ею ту, которую я только что сочинилъ; къ счастію я понялъ хитрость, и отказалъ. Такъ какъ до представленія оставалось не болѣе пяти или шести дней и не хватило времени написать другую увертюру, то волею-неволею нужно было оставить мою. Она была въ итальянскомъ вкусѣ и совершенно отличалась отъ музыки, бывшей въ то время въ модѣ во Франціи. Однакожъ она понравилась, и я узналъ отъ г. Вильмалетта, метръ-д'отеля короля и зятя г. Мюссара, моего родственника и друга, что любители остались очень довольны моимъ произведеніемъ и что публика не отличила его отъ сочиненій Рамо. Но этотъ послѣдній, вмѣстѣ съ г-жею де-ла-Поплиніеръ принялъ всѣ мѣры, чтобы скрыть мое имя. На либретто, которыя раздавали зрителямъ и гдѣ обыкновенно помѣщаются имена авторовъ, было выставлено только имя Вольтера. Рамо предпочиталъ лучше скрыть свое имя, чѣмъ соединить его съ моимъ.

Какъ только я получилъ возможность выходить изъ дому, мнѣ захотѣлось отправиться къ герцогу Ришелье. Но было уже поздно: онъ только что уѣхалъ въ Дюнкирхенъ, гдѣ долженъ былъ командовать экспедиціею, отправлявшеюся въ Шотландію. По возвращеніи его, я, для того чтобы оправдать свою лѣность, утѣшалъ себя тѣмъ, что ѣхать къ нему было уже поздно. Такъ какъ съ тѣхъ поръ мы уже не видались съ нимъ, то я потерялъ честь, которой заслуживало мое произведеніе, и вознагражденіе, которое оно должно было мнѣ принести; и мое время, моя печаль, моя болѣзнь и деньги на нее потерянныя, — все это упало на мой счетъ, не принеся мнѣ ни копѣйки пользы или лучше сказать вознагражденія. Однакожъ мнѣ всегда казалось, что герцогъ Ришелье былъ расположенъ ко мнѣ и имѣлъ выгодное мнѣніе о моихъ способностяхъ, но моя несчастная судьба и г-жа де-ла-Поплиньеръ помѣшали осуществленію его добрыхъ намѣреній относительно меня.

Я не могъ ничѣмъ объяснить себѣ отвращеніе этой женщины, которой я старался нравиться и за которой даже исправно ухаживалъ. Гофкуръ разрѣшилъ мнѣ это сомнѣніе.—Прежде всего,—сказалъ онъ мнѣ, — причиною этого дружба ея къ Рамо, котораго она жаркая поклонница и который не хочетъ терпѣть никакого соперничества, а затѣмъ ваша національность, которой она вамъ никогда не проститъ: вы

женевецъ. Послѣ того онъ мнѣ объяснилъ, что аббатъ Гюберъ, также женевецъ, и близкій другъ г. де-ла-Поплиньеръ, употреблялъ всѣ свои усилія, чтобы помѣшать ему жениться на этой женщинѣ, которую онъ зналъ хорошо, и что послѣ свадьбы она стала его ненавидѣть, также какъ и всѣхъ женевцевъ.—Хотя г. де-ла-Поплиньеръ,—прибавилъ онъ,—оказываетъ вамъ дружбу, но не разсчитывайте на его поддержку. Онъ влюбленъ въ свою жену; она васъ ненавидитъ; она зла, ловка: вы ничего никогда не достигните въ этомъ домѣ.—Я запомнилъ эти слова.

Этотъ же самый Гофкуръ оказалъ мнѣ почти въ то же время услугу, въ которой я очень нуждался. Я только что лишился своего добродѣтельнаго отца, старика почти 60 лѣтъ, и перенесъ эту потерю гораздо легче, чѣмъ могъ бы это сдѣлать во всякое другое время, когда я обращалъ менѣе вниманія на трудность своего положенія. При жизни его я не хотѣлъ требовать того, что осталось мнѣ отъ состоянія моей матери, съ котораго отецъ получалъ незначительный доходъ; но послѣ его смерти я откинулъ эту деликатность. Но недостатокъ юридическихъ доказательствъ смерти моего брата вызвалъ затрудненіе, которое Гофкуръ взялся устранить и дѣйствительно устранилъ, благодаря услугамъ адвоката Лольма. Такъ какъ я крайне нуждался въ этомъ маленькомъ состояніи, а между тѣмъ дѣло было сомнительное, то я ожидалъ его рѣшенія съ самымъ живымъ нетерпѣніемъ. Однажды вечеромъ, вернувшись домой, я нашелъ у себя письмо, которое должно было рѣшить мою участь и съ такимъ страхомъ схватилъ его, чтобы распечатать, что потомъ мнѣ сдѣлалось стыдно самого себя. — Неужели, — презрительно сказалъ я самъ себѣ—Жанъ-Жакъ позволитъ, чтобы денежный интересъ и любопытство поработило его до такой степени, — и тотчасъ же положилъ письмо на каминъ. Я раздѣлся, спокойно легъ въ постель, спалъ лучше обыкновеннаго и на другой день всталъ довольно поздно, не думая болѣе о роковомъ письмѣ. Одѣваясь, я его примѣтилъ, не торопясь распечаталъ и нашелъ въ немъ вексель. Я испыталъ разомъ много удовольствія, но увѣряю, что самое большое изъ нихъ было сознаніе, что я съумѣлъ побѣдить себя. Я могъ бы разсказать двадцать подобныхъ случаевъ въ моей жизни, но слишкомъ тороплюсь, чтобы успѣть все высказать. Небольшую часть изъ этихъ денегъ я послалъ моей бѣдной маменькѣ, при чемъ со слезами выражалъ сожалѣніе о томъ счастливомъ времени, когда всю эту сумму я положилъ бы къ ея ногамъ.

Всѣ ея письма носили слѣды бѣдственнаго положенія. Она присылала мнѣ кучу рецептовъ и различныхъ секретовъ, посредствомъ которыхъ, по ея мнѣнію, и я, и она должны были разбогатѣть. Предчувствіе нищеты уже сжимало ей сердце и притупляло умъ. Тѣ небольшія деньги, которыя я ей посылалъ, дѣлались добычею окружавшихъ ее мошенниковъ;

она ничѣмъ не пользовалась сама. Мнѣ опротивѣло наконецъ раздѣлять свои послѣднія копѣйки съ этими бездѣльниками, въ особенности послѣ моей неудачной попытки вырвать ее изъ ихъ рукъ, о чемъ будетъ сказано ниже.

Время уходило, а вмѣстѣ съ нимъ уходили и деньги. Насъ было двое, даже четверо, или лучше сказать, семеро или восьмеро. Потому что хотя Тереза и была безпримѣрно безкорыстна, но мать ея на нее въ этомъ случаѣ не походила. Едва ея дѣла немного поправились, благодаря мнѣ, какъ она навалила на мою шею всю свою семью: сестеръ, сыновей, дочерей, внуковъ; всѣ они, исключая старшей ея дочери, бывшей замужемъ за директоромъ почтъ въ Анжерѣ, пріѣхали. Все, что я дѣлалъ для Терезы, отдавалось ея матерью этой голодной толпѣ. Такъ какъ я имѣлъ дѣло съ дѣвушкой некорыстолюбивой и самъ не былъ порабощенъ безумною страстью, то я не дѣлалъ никакихъ глупостей. Довольный тѣмъ, что могъ содержать Терезу прилично, но безъ всякой роскоши, удовлетворяя лишь существеннымъ нуждамъ, я соглашался, чтобы Тереза всѣ зарабатываемыя собственнымъ трудомъ деньги сполна отдавала матери, и не ограничивался только этимъ. Но по преслѣдующему меня злополучію, въ то время, какъ маменька была добычею бездѣльниковъ, Терезу обирала ея семья, и я не могъ ничего сдѣлать ни для одной изъ нихъ безъ того, чтобъ этимъ не воспользовались другіе. Было весьма странно, что меньшая изъ всѣхъ дѣтей г-жи ле-Вассеръ, не получившая никакого приданаго, одна только кормила своего отца и мать, и что послѣ всевозможныхъ нападокъ и даже побоевъ со стороны своихъ братьевъ, сестеръ и даже племянницъ, эта бѣдная дѣвушка въ настоящее время грабилась ими, не будучи въ состояніи защитить себя отъ ихъ грабежа, точно также, какъ въ былое время она не могла укрыться отъ ихъ побоевъ. Только одна изъ ея племянницъ, по имени Готонъ Ледюкъ, была довольно добрая и кроткая дѣвушка, хотя и она была испорчена дурными примѣрами и наставленіями другихъ членовъ своей семьи. Такъ какъ я часто видѣлъ ихъ вмѣстѣ, то и называлъ ихъ такъ, какъ они сами называли другъ друга: я называлъ племянницу моею племянницею, и тетку своею теткою. А онѣ обѣ называли меня дядею. Отъ этого произошло названіе тетки, которымъ я до сихъ поръ продолжаю называть Терезу, и которое шутя даютъ ей иногда мои пріятели.

Понятно, что въ подобномъ положеніи, я не долженъ былъ терять ни минуты, чтобы поскорѣе изъ него вырваться. Полагая, что Ришелье забылъ обо мнѣ и, не надѣясь ни на какую помощь отъ двора, я попытался поставить свою оперу въ Парижѣ. Но при этомъ встрѣтились различныя затрудненія, на устраненіе которыхъ требовалось много времени, а между тѣмъ мое положеніе становилось съ каждымъ днемъ все болѣе

и болѣе затруднительнымъ. Я придумалъ поставить на итальянскомъ театрѣ мою маленькую комедію «Нарцисъ». Тамъ ее приняли и я получилъ право безплатнаго входа въ театръ, что доставило мнѣ большое удовольствіе. Но этимъ дѣло и кончилось. Я никогда не могъ добиться, чтобы пьеса моя была поставлена. Наконецъ мнѣ наскучило ухаживать за актерами, и я бросилъ ихъ. Затѣмъ я прибѣгнулъ къ послѣднему средству, на которое мнѣ давно слѣдовало бы рѣшиться. Сдѣлавшись вхожимъ къ г-жѣ де-ла-Поплиньеръ, я почти пересталъ бывать у г-жи Дюпенъ. Эти дамы, хотя и родственницы, были въ дурныхъ отношеніяхъ и не посѣщали другъ друга. Между ними не было никакихъ сношеній и Тіеріо былъ единственный человѣкъ, посѣщавшій и тотъ и другой домъ. Ему было поручено постараться снова сдѣлать меня посѣтителемъ дома Дюпеновъ. Г. Франкель занимался тогда естественною исторіею и химіею; я полагаю, что онъ желалъ попасть въ члены академіи наукъ; для этого онъ хотѣлъ написать сочиненіе и находилъ, что я могъ быть ему полезенъ въ этомъ трудѣ. Г-жа Дюпенъ, въ свою очередь обдумывавшая другое сочиненіе, имѣла на меня такіе же виды. Они оба желали имѣть меня ихъ общимъ секретаремъ, и въ этомъ заключалась причина приглашеній Тіеріо. Я поставилъ предварительнымъ условіемъ, чтобы Франкель, вмѣстѣ съ Желіотомъ употребилъ, свое вліяніе для репетиціи моей оперы на оперной сценѣ. Онъ согласился. «Любовныя похожденія музъ» репетировалися нѣсколько разъ, сначала въ уборныхъ, и затѣмъ въ большомъ театрѣ. На генеральной репетиціи было много народа, и многія сцены вызывали громкія рукоплесканія. Однакожъ я самъ чувствовалъ во время исполненія, происходившаго весьма дурно подъ управленіемъ капельмейстера Ребеля, что пьеса не пройдетъ, и даже что она не могла быть поставлена на сцену безъ значительныхъ поправокъ. Вслѣдствіе этого, я, не говоря ни слова, чтобы не подвергнуться отказу, взялъ ее обратно; но я видѣлъ ясно, по многимъ примѣтамъ, что она во всякомъ случаѣ не пошла бы, будь въ ней даже бездна достоинствъ. Г. Франкель обѣщалъ мнѣ заставить прорепетировать ее, но не обѣщалъ, что ее примутъ. Онъ вѣрно сдержалъ данное мнѣ слово. Мнѣ всегда казалось, что какъ въ этомъ случаѣ, такъ и во многихъ другихъ, ни г. Франкель, ни г. Дюпенъ не слишкомъ желали дать мнѣ возможность пріобрѣсти нѣкоторую извѣстность, быть можетъ изъ боязни, чтобы, увидавъ ихъ сочиненія, кто нибудь не подумалъ, что они воспользовались моими способностями. Однакожъ, такъ какъ г-жа Дюпенъ считала меня всегда человѣкомъ посредственнымъ и обращалась ко мнѣ только затѣмъ, чтобъ заставлять меня писать подъ ея диктовку или собирать свѣдѣнія чисто научныя, то этотъ упрекъ, въ особенности въ отношеніи ея, былъ бы весьма несправедливъ.

— 1747 — 1748. — Эта послѣдняя неудача окончательно привела меня въ уныніе. Я бросилъ всѣ надежды на успѣхъ и на славу, и переставъ думать о своихъ талантахъ, истинныхъ или мнимыхъ, которые приносили мнѣ такъ мало пользы, посвятилъ все свое время и всѣ старанія на то, чтобы доставлять себѣ и моей Терезѣ средства существованія такимъ путемъ, какой угодно было бы избрать тѣмъ, кто взялъ бы на себя трудъ доставить мнѣ эти средства. Такимъ образомъ я отдалъ себя въ полное распоряженіе г-жѣ Дюпенъ и г. Франкелю. Это не доставляло мнѣ особенно большого богатства, потому что съ тѣми восьмью или девятьюстами ливрами, которые я ежегодно получалъ въ теченіи двухъ послѣднихъ лѣтъ, я едва могъ удовлетворить своимъ самымъ необходимымъ нуждамъ, такъ какъ былъ вынужденъ помѣститься около нихъ, въ нумерахъ довольно дорогихъ, и въ то же время платить за другую квартиру на другомъ краю Парижа, въ концѣ улицы С. Жакъ, куда, не смотря ни на какую погоду, я отправлялся ужинать всякій вечеръ. Я скоро ознакомился съ моими новыми занятіями и даже полюбилъ ихъ; я пристрастился къ химіи, прослушалъ нѣсколько курсовъ ея вмѣстѣ съ г. Франкелемъ у Руэлля и мы принялись марать бумагу, дурно ли, хорошо ли, разсужденіями объ этой наукѣ, о которой мы едва имѣли первоначальныя понятія. Въ 1747 г. мы отправились провести осень въ Турингію, въ замокъ Шенонсо, бывшій царскій дворецъ, построенный Генрихомъ II для Діаны Пуатье, вензель которой еще видѣнъ тамъ до сихъ поръ. Въ настоящее время этотъ замокъ принадлежитъ г. Дюпену, главному сборщику податей. Въ этомъ прелестномъ помѣстьи мы много веселились; обѣды тамъ были всегда прекрасные, и я пожирнѣлъ какъ какой нибудь монахъ. Тамъ много занимались музыкой. Я написалъ для пѣнія нѣсколько тріо, полныхъ сильной гармоніи, и о которыхъ, быть можетъ, буду говорить въ моемъ прибавленіи къ этому труду, если только рѣшусь когда нибудь написать его. Тамъ же устроили домашній спектакль. Я сочинилъ въ 15 дней комедію въ трехъ актахъ, подъ названіемъ «Дерзкое обязательство», которую найдутъ между моими бумагами, и единственное достоинство которой состоитъ въ большой веселости. Въ это же время я написалъ нѣсколько другихъ маленькихъ пьесокъ, въ числѣ ихъ одну, подъ заглавіемъ «Аллея Сильвіи»,—названіе одной изъ аллей парка, который окружалъ Шеръ. И все это я дѣлалъ, не переставая въ то же время трудиться надъ химіею и исполнять порученія г-жи Дюпенъ.

Въ то время какъ я толстѣлъ въ Шенонсо, моя Тереза толстѣла въ Парижѣ совершенно инымъ образомъ, и когда я туда вернулся, то нашелъ живое существо, которое я произвелъ на свѣтъ скорѣе, чѣмъ я ожидалъ. По моему тогдашнему положенію, это обстоятельство повергло бы

меня въ крайнее затрудненіе, если бы мои товарищи по обѣду не снабдили меня единственнымъ рессурсомъ, который могъ вывести меня изъ этого безвыходнаго положенія. Это одно изъ тѣхъ существенныхъ повѣствованій, которыя я не могу разсказывать съ слишкомъ большою простотою, потому что объясняя ихъ, мнѣ слѣдовало бы или оправдывать или обвинять себя, а я не долженъ дѣлать здѣсь ни то, ни другое.

Въ то время, когда Алтуна жилъ въ Парижѣ, мы, вмѣсто того чтобы отправляться обѣдать въ трактиръ, обыкновенно обѣдали по сосѣдству, почти насупротивъ глухого переулка опернаго театра, у г-жи ла-Селль, жены портнаго, которая кормила довольно скверно, но имѣла довольно много нахлѣбниковъ, по причинѣ хорошей и надежной компаніи, которую всегда можно было тамъ найти: туда не впускались незнакомые люди, и чтобы получить доступъ, нужно было быть представленнымъ однимъ изъ тѣхъ, которые обыкновенно тамъ обѣдали. Командоръ Гравилль, старый гуляка, весьма вѣжливый и умный, но грязный, жилъ тамъ и привлекалъ туда веселую и блестящую толпу гвардейскихъ и армейскихъ офицеровъ. Командоръ Нонанъ, рыцарь всѣхъ оперныхъ красавицъ, ежедневно приносилъ къ намъ всѣ новости изъ этого притона. Г. Дюплесси, подполковникъ въ отставкѣ, добрый и степенный старикъ, и Анселе [1]), офицеръ мускетеровъ, поддерживали нѣкоторый порядокъ между этой молодежью. Туда приходили также негоціанты, капиталисты, чиновники провіантскаго вѣдомства, но вѣжливые, честные и отличавшіеся отъ своихъ сослуживцевъ,—напримѣръ: г. Бессъ, г. Форкадъ и другіе, имена которыхъ я позабылъ. Словомъ, тамъ можно было встрѣтить людей всѣхъ сословій, исключая аббатовъ и адвокатовъ, которыхъ я никогда тамъ не видалъ, такъ какъ было особенное условіе не пускать ихъ туда. Это общество, довольно многочисленное, много веселилось, но мало шумѣло, и никто не позволялъ себѣ ни малѣйшей грубости. Старый командоръ, во всѣхъ своихъ разсказахъ, въ сущности скоромныхъ, никогда не забывалъ вѣжливости стараго двора, и каждое непристойное слово выходившее изъ его рта, было такъ забавно, что

[1]) Этому г. Анселе я далъ маленькую комедію въ моемъ духѣ, подъ заглавіемъ: «Военноплѣнные», которую я написалъ послѣ пораженій французовъ въ Баваріи и Богеміи и которую не рѣшался никому показывать, по той странной причинѣ, что ни въ одной пьесѣ король, Франція и французы не восхвалялись такъ сильно и такъ искренно, какъ въ этой комедіи; скрывалъ я ее и потому, что будучи отъявленнымъ республиканцемъ и фрондеромъ, не смѣлъ явно выказать себя панегиристомъ націи, всѣ принципы которой были противоположны моимъ. Огорченный несчастіями Франціи больше, чѣмъ огорчались ими сами французы, я боялся, чтобъ не назвали лестью и низостью заявленіе искренней привязанности, время и причину которой я опредѣлилъ въ первой части и которую стыдился высказывать.

любая женщина не разсердилась бы на него. Его тонъ служилъ образцомъ для всего общества: всѣ эти молодые люди разсказывали свои любовныя приключенія также безцеремонно, какъ и граціозно, а въ разсказахъ о женщинахъ не было недостатка, тѣмъ болѣе, что женщины были у насъ подъ самымъ носомъ: улица, которая вела къ г-жѣ ла-Селль, была та самая, на которую выходилъ магазинъ Дюшапъ, знаменитой модистки, державшей у себя въ то время очень хорошенькихъ дѣвушекъ, съ которыми наши господа ходили бесѣдовать до или послѣ обѣда. Я могъ бы дѣлать тоже что мои товарищи, если бы только у меня было побольше смѣлости. Надо было только рѣшиться взойти, какъ они это дѣлали, но я никогда не могъ на это рѣшиться. Что же касается до г-жи ла-Селль, то я продолжалъ посѣщать ее довольно часто, даже послѣ отъѣзда Алтуны. Я узнавалъ тамъ безчисленное множество весьма забавныхъ анекдотовъ и усвоилъ тамъ мало по малу, благодаря Бога, не нравы, а тѣ правила, которыя получили тамъ право гражданства. Честные люде, дурно поставленные въ обществѣ, обманутые мужья, обольщенныя женщины, скрытые роды, были самыми обыкновенными темами этихъ разсказовъ, и тотъ, кто болѣе другихъ населялъ воспитательные дома, пользовался особымъ почетомъ. Мнѣ это понравилось, я усвоилъ тотъ образъ мыслей, который, какъ я видѣлъ, господствовалъ въ средѣ людей весьма милыхъ и въ сущности весьма честныхъ, и я сказалъ самому себѣ: такъ какъ это обычай страны, то, живя въ ней, можно ему слѣдовать. Вотъ средство, котораго я искалъ. Я рѣшился на это весело, безъ всякаго угрызенія совѣсти; мнѣ оставалось только побѣдить нерѣшительность Терезы, которую я съ самымъ большимъ трудомъ убѣдилъ принять единственное средство для спасенія ея чести. Ея мать, опасавшаяся возни съ новыми ребятами, приняла мою сторону, и Тереза уступила. Мы выбрали повивальную бабку, благоразумную и надежную, по имени г-жа Гуэнъ, которая жила на углу улицы St.-Eustache; и когда пришло время, Тереза была отведена своею матерью къ г-жѣ Гуэнъ, чтобы тамъ разрѣшиться отъ бремени. Я ходилъ нѣсколько разъ посѣщать ее и вручилъ ей два вензеля, изъ которыхъ одинъ былъ положенъ въ пеленки ребенка и вмѣстѣ съ нимъ отвезенъ повивальною бабкою въ воспитательный домъ. Въ слѣдующемъ году, тоже затрудненіе и то же средство, исключая вензеля, про который я забылъ; Тереза повиновалась со слезами. Читатели увидятъ послѣдовательно всѣ превратности, которыя это пагубное поведеніе произвело какъ въ моемъ образѣ мыслей, какъ и въ моей судьбѣ. Что касается до настоящаго времени, то остановимся пока на этой первой эпохѣ. Ея послѣдствія, столь же жестокія, сколько и непредвидѣнныя, заставятъ меня слишкомъ часто къ нимъ возвращаться.

Я записываю здѣсь время моего перваго знакомства съ г-жею д'Эпинэ, имя которой будетъ часто повторяться въ этихъ запискахъ; она была урожденная д'Эсклавель и только что вышла замужъ за г. д'Эпинэ, сына г. де-Лаливъ де-Бельгардъ, главнаго сборщика податей. Ея мужъ былъ музыкантъ, такъ же какъ и г. Франкель. Она была также музыкантша, и страсть къ музыкѣ породила между этими тремя лицами большую дружбу. Г. Франкель представилъ меня г-жѣ д'Эпинэ, у которой я ужиналъ нѣсколько разъ вмѣстѣ съ нимъ. Она была любезна, умна и съ талантами; это было по истинѣ пріятное знакомство. Но у нея была подруга, мадмуазель д'Эттъ, которая слыла за злую дѣвушку и жила съ г. Валори, тоже не слывшимъ за хорошаго человѣка. Я думаю, что знакомство съ этими двумя личностями повредило г-жѣ д'Эпинэ, которую природа наградила, вмѣстѣ съ весьма взыскательнымъ темпераментомъ, превосходными качествами для того, чтобы исправлять ошибки и увлеченія этого темперамента. Г. Франкель внушилъ ей часть той дружбы ко мнѣ, которую онъ самъ питалъ, и сознался мнѣ въ своей связи съ этой женщиной; поэтому я не сталъ бы здѣсь говорить объ этой связи, если бы она не сдѣлалась до того гласною, что о ней зналъ даже самъ г. д'Эпинэ. Г. Франкель сообщилъ мнѣ даже объ этой дамѣ весьма странныя вещи, о которыхъ она никогда мнѣ сама не говорила, и которыя всегда считала скрытыми отъ меня, потому что я во всю свою жизнь никому не говорилъ и не скажу о нихъ.

Это довѣріе съ той и другой стороны ставило меня съ самое затруднительное положеніе, въ особенности въ отношеніи г-жи Франкель, которая на столько меня знала, что не сомнѣвалась въ моей дружбѣ, не смотря даже на связь мою съ ея соперницей. Я старался, какъ только умѣлъ, утѣшать эту бѣдную женщину, которую, безъ сомнѣнія, мужъ не любилъ такъ, какъ она его. Всѣ эти три лица порознь довѣряли мнѣ всѣ свои тайны, которыя я свято хранилъ, и никогда ни одинъ изъ нихъ не могъ вырвать у меня ни одного слова, довѣреннаго мнѣ двумя остальными, причемъ я не скрывалъ ни отъ той, ни отъ другой изъ этихъ женщинъ моей привязанности къ ея соперницѣ. Г-жа Франкель, желавшая воспользоваться мною во многихъ дѣлахъ, получала отъ меня постоянные отказы; а г-жа д'Эпинэ, хотѣвшая однажды передать чрезъ меня письмо г. Франкелю, не только не успѣла въ этомъ, но я еще прямо объявилъ ей, что если она желаетъ навсегда проститься со мною, то ей стоитъ только въ другой разъ обратиться ко мнѣ съ подобною просьбою. Слѣдуетъ отдать справедливость г-жѣ д'Эпинэ, — этотъ поступокъ не только не разсердилъ ее, но напротивъ, она отозвалась о немъ съ похвалою г. Франкелю, и не перестала принимать меня также любезно, какъ и прежде. Такимъ то образомъ, поставленный среди такихъ бур-

ныхъ отношеній между этими тремя лицами, которыхъ я долженъ былъ щадить, отъ которыхъ нѣкоторымъ образомъ зависѣлъ, и къ которымъ былъ расположенъ, я до конца сохранилъ ихъ дружбу, уваженіе и довѣренность, потому что обращался съ ними снисходительно и кротко, но тѣмъ не менѣе всегда прямо и рѣшительно. Г-жа д'Эпинэ, не смотря на мою застѣнчивость и неловкость, желала, чтобы я принималъ участіе въ празднествахъ Шевреттъ,—замка близъ Сенъ-Дени, принадлежавшаго г. Бельгарду. Тамъ былъ театръ и часто устраивались спектакли. Мнѣ дали роль, которую я безъ отдыха твердилъ въ теченіи шести мѣсяцевъ, и которую, не смотря на это, въ день представленія, суфлеръ долженъ былъ мнѣ подсказывать съ начала до конца. Послѣ этой первой попытки, мнѣ уже не предлагали никакихъ ролей.

Познакомившись съ г-жею д'Эпинэ, я былъ также представленъ ея невѣсткѣ, мадмуазель де-Бельгардъ, которая вскорѣ вышла замужъ за графа Гудето. Я увидѣлъ ее въ первый разъ наканунѣ ея свадьбы. Она долго разговаривала со мною съ свойственною ей очаровательной простотой. Я нашелъ ее очень любезной, но никакъ не предвидѣлъ, что эта женщина впослѣдствіи рѣшитъ мою судьбу и увлечетъ меня, можетъ быть совершеноо неумышленно, въ ту пропасть, въ которой я нахожусь въ настоящее время.

Хотя съ самаго своего возвращенія изъ Венеціи я не говорилъ въ этихъ запискахъ ни о Дидро, ни о пріятелѣ его Рогенѣ, но тѣмъ не менѣе я видѣлся довольно часто съ ними обоими, и въ особенности съ каждымъ днемъ сближался все болѣе и болѣе съ первымъ изъ нихъ. У Дидро была такая же Нанета, какъ у меня Тереза; обстоятельство это сближало насъ еще болѣе. Разница была только въ томъ, что моя Тереза, столь же хорошенькая какъ его Нанета, была кроткаго и милаго нрава, который дѣйствительно могъ привязать къ ней честнаго человѣка; тогда какъ его Нанета, крикунья и злючка, не обнаруживала никакихъ достоинствъ, которыя могли бы выкупать недостатокъ ея образованія. Однакожъ онъ на ней женился и поступилъ весьма хорошо, если обѣщалъ. Что же касается до меня, не обѣщавшаго ничего подобнаго, то я не спѣшилъ слѣдовать его примѣру.

Я сошелся тоже съ аббатомъ Кондильякомъ, который, также какъ и я, ничего не значилъ въ литературномъ мірѣ, но который былъ созданъ для того, чтобы сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ онъ теперь. Быть можетъ я былъ первый, который призналъ и оцѣнилъ его способности. Казалось, что и онъ въ свою очередь находилъ удовольствіе быть въ моемъ обществѣ, и въ то время, когда я, запершись въ улицѣ Jean S.-Denis, подлѣ опернаго театра, писалъ свое дѣйствіе Гезіода, онъ приходилъ иногда ко мнѣ обѣдать, принося съ собой провизію. Онъ трудился въ то время

надъ первымъ своимъ произведеніемъ: «Опытъ происхожденія человѣческихъ знаній». Когда онъ окончилъ его, представилось новое затрудненіе: отыскать книгопродавца, который бы взялся его напечатать. Парижскіе книгопродавцы надменны и нелюбезны со всѣми начинающими; притомъ метафизика, бывшая въ то время вовсе не въ модѣ, не представляла для нихъ ничего привлекательнаго. Я сказалъ о трудѣ Кондильяка Дидро и познакомилъ ихъ. Они были созданы, чтобы понимать другъ друга, и поэтому сошлись весьма скоро. Дидро уговорилъ книгопродавца Дюрана напечатать рукопись аббата, и этотъ великій метафизикъ получилъ за свою первую книгу, почти изъ милости, только сто экю, которыхъ безъ меня онъ можетъ быть никогда не имѣлъ бы. Живя въ совершенно противоположныхъ частяхъ города, мы всѣ трое условились разъ въ недѣлю собираться въ Пале-Роялѣ и вмѣстѣ ходили обѣдать въ гостинницу «Цвѣтущей Корзинки». Должно быть, эти еженедѣльные обѣды очень нравились Дидро, потому что онъ, постоянно забывавшій о всѣхъ своихъ свиданіяхъ, ни разу не забылъ пріѣхать въ назначенный день въ Пале-Рояль. Тамъ я задумалъ издавать вмѣстѣ съ Дидро періодическій листокъ, подъ названіемъ «Насмѣшникъ». Я набросалъ первый номеръ, что мнѣ доставило случай познакомиться съ д'Аламберомъ, съ которымъ Дидро говорилъ о нашемъ изданіи. Непредвидѣнныя обстоятельства помѣшали намъ, и это предпріятіе не осуществилось.

Эти два писателя только что предприняли изданіе «Энциклопедическаго Словаря» и сначала думали сдѣлать его чѣмъ то въ родѣ перевода съ изданія Чемберса, почти похожимъ на переводъ «Медицинскаго Словаря» Джемса, только что сдѣланный Дидро. Дидро желалъ, чтобы и я хоть чѣмъ нибудь участвовалъ въ предпринятомъ имъ трудѣ и предложилъ мнѣ музыкальный отдѣлъ, на что я охотно согласился. Но такъ какъ Дидро назначилъ мнѣ, равно какъ и прочимъ сотрудникамъ, только трехмѣсячный срокъ, то я долженъ былъ страшно торопиться. а потому работа моя оказалась довольно плоха. Но за то я одинъ кончилъ къ назначенному сроку. Я вручилъ Дидро мою рукопись, переписанную на чисто лакеемъ г. Франкеля, Дюпономъ, который очень хорошо писалъ. Я заплатилъ ему за это изъ своего собственнаго кармана десять экю, которые никогда не были мнѣ возвращены. Дидро обѣщалъ мнѣ вознагражденіе отъ книгопродавцевъ, но впослѣдствіи ни онъ, ни я не упоминали объ этомъ.

Это изданіе было прервано арестомъ Дидро. Его «Философскія идеи» причинили ему нѣсколько неудовольствій, не имѣвшихъ впрочемъ никакихъ послѣдствій. Но не такова была участь его «Писемъ о слѣпцахъ»; въ этомъ трудѣ собственно не было ничего противузаконнаго, исключая нѣсколькихъ намековъ на личности, которыми оскорбились г-жа Дюпре-

де-Сенъ-Моръ и г. Реомюръ, и за которые Дидро былъ посаженъ въ венсенскую тюрьму. Ничто не въ состояніи выразить ту душевную скорбь, которую навело на меня несчастіе моего пріятеля. Мое несчастное воображеніе, вѣчно преувеличивающее зло, сильно встревожилось. Я вообразилъ, что онъ тамъ останется до конца жизни,—и едва не сошелъ съ ума. Я написалъ г-жѣ Помпадуръ и умолялъ ее приказать освободить его, или выпросить, чтобы меня заточили вмѣстѣ съ нимъ. Я не получилъ никакого отвѣта на мое письмо; оно было слишкомъ безразсудно для того, чтобы быть дѣйствительнымъ, и я вовсе не льщу себя мыслію, что оно содѣйствовало тѣмъ облегченіямъ, которыя спустя нѣкоторое время были сдѣланы Дидро въ его заточеніи. Но если бы его арестъ продлился еще нѣсколько времени съ первоначальною строгостью, то мнѣ кажется, что я умеръ бы отъ отчаянія у воротъ этой несчастной тюрьмы. Впрочемъ, если письмо мое и не произвело никакого вліянія, то я и самъ не придавалъ ему слишкомъ большого значенія, потому что говорилъ о немъ весьма немногимъ, и никогда ни слова самому Дидро.

КНИГА ВОСЬМАЯ.

— 1749. — Я долженъ былъ сдѣлать паузу въ концѣ предшествующей книги. Въ настоящей книгѣ, съ первыхъ ея страницъ, начинается длинный рядъ моихъ несчастій.

Проживъ нѣкоторое время въ двухъ самыхъ блестящихъ парижскихъ домахъ, я, не смотря на недостатокъ общительности, все-таки пріобрѣлъ тамъ нѣсколько знакомствъ. Между прочимъ я познакомился у г-жи Дюпенъ съ молодымъ наслѣднымъ саксенъ-готскимъ принцемъ и его гувернеромъ барономъ Туномъ. У г-жи де-ла-Поплиньеръ я познакомился съ г. Сегюи, пріятелемъ барона Туна и извѣстнымъ въ литературномъ мірѣ своимъ прекраснымъ изданіемъ сочиненій Руссо. Баронъ пригласилъ меня и г. Сегюи съѣздить на нѣсколько дней въ Фонтенэ, гдѣ у принца былъ свой замокъ.

Проѣзжая мимо Венсена, и увидя тамошнюю тюрьму, я чуть не заплакалъ; баронъ замѣтилъ это. За ужиномъ принцъ заговорилъ объ арестѣ Дидро. Чтобы заставить меня заговорить, баронъ сталъ обвинять Дидро въ безразсудствѣ; я тоже поступилъ безразсудно, слишкомъ горячо за него вступившись. Это чрезмѣрное рвеніе не было вмѣнено въ вину человѣку, защищавшему несчастнаго друга, — и всѣ заговорили о другомъ За столомъ сидѣло двое нѣмцевъ, служившихъ при

особѣ принца; одинъ изъ нихъ, г. Клюпфель, человѣкъ очень умный, былъ его домовымъ священникомъ, а впослѣдствіи вытѣснилъ барона и сдѣлался его гувернеромъ; другой, молодой человѣкъ, по фамиліи Гриммъ, въ ожиданіи какого нибудь мѣста, былъ чтецомъ принца, и его бѣдное платье свидѣтельствовало о томъ, до какой степени онъ нуждался въ какой нибудь должности. Съ этого самого вечера, между Клюпфелемъ и мною завязалось знакомство, вскорѣ перешедшее въ дружбу. Съ Гриммомъ я не такъ скоро сошелся; онъ держалъ себя въ отдаленіи и былъ весьма далекъ отъ того самонадѣяннаго тона, которымъ отличался впослѣдствіи, когда ему повезло. На другой день за обѣдомъ разговорились о музыкѣ; онъ говорилъ о ней хорошо. Я пришелъ въ восторгъ, узнавъ, что онъ аккомпанируетъ на клавикордахъ Послѣ обѣда мы занялись музыкой и цѣлый день барабанили на инструментѣ принца. Такимъ образомъ началась эта дружба, доставлявшая мнѣ первоначально такое удовольствіе и подъ конецъ бывшая причиною сильныхъ несчастій, о которыхъ мнѣ такъ много придется говорить впослѣдствіи.

Возвратясь въ Парижъ, я съ удовольствіемъ узналъ, что Дидро выпустили изъ тюрьмы, и что на его честное слово венсенскій замокъ и паркъ были отведены ему, съ правомъ видаться съ своими друзьями. Какъ мнѣ было прискорбно, что я никакъ не могъ тотчасъ же туда отправиться, такъ какъ г-жа Дюпенъ задержала меня по необходимымъ дѣламъ на два или на три дня! Эти дни показались мнѣ вѣками, и когда они минули, я тотчасъ же полетѣлъ въ объятія своего друга. Минута невыразимая! Дидро былъ не одинъ; у него сидѣли д'Аламберъ и церковный казначей. Войдя въ комнату, я увидѣлъ только его; я вскрикнулъ, прыгнулъ, прильнулъ къ его лицу, крѣпко прижалъ его къ себѣ и зарыдалъ; я задыхался отъ радости и нѣжности. Освободившись отъ моихъ объятій, онъ прежде всего обратился къ священнику и сказалъ ему: «вы видите, какъ меня любятъ друзья». Я былъ такъ сильно взволнованъ, что въ то время не обратилъ вниманія на этотъ способъ извлекать выгоду изъ такого положенія; но впослѣдствіи, когда думалъ объ этомъ, то всегда находилъ, что будь я на мѣстѣ Дидро, эта мысль не была бы моею первою мыслью.

Я нашелъ его очень опечаленнымъ. Тюрьма произвела на него страшное впечатлѣніе, и хотя ему было довольно хорошо въ замкѣ, гдѣ онъ могъ свободно гулять по парку не обнесенному даже стѣною, но чтобы не поддаться мрачному настроенію, онъ чувствовалъ потребность въ обществѣ своихъ друзей. Такъ какъ безъ всякаго сомнѣнія, я болѣе чѣмъ кто либо сочувствовалъ его горю, то и полагалъ, что присутствіе мое должно было служить ему наилучшимъ утѣшеніемъ; а потому каждые два дня, а иногда даже и чаще, не смотря на самыя безотлагатель-

ныя занятія, я или одинъ, или съ его женой ѣздилъ къ нему проводить послѣобѣденные часы.

Лѣто въ этомъ 1749-мъ году было неимовѣрно жаркое. Отъ Парижа до Венсена считаютъ двѣ мили. Не будучи въ состояніи нанимать извозчиковъ, я отправлялся, когда былъ одинъ, въ два часа пополудни, пѣшкомъ, и шелъ шибко, для того чтобы скорѣй дойти. Деревья посаженныя по дорогѣ были подстрижены по модѣ этой страны, и потому почти не давали никакой тѣни; и часто, измученный жаромъ и усталостію, почти выбившись изъ силъ, я ложился отдыхать на голую землю. Чтобы умѣрить хотя нѣсколько свои шаги, я придумалъ было брать съ собою книгу. Однажды я взялъ: «Mercure de France». Идя и перелистывая эту книгу, я случайно попалъ на тему, предложенную на премію дижонскою академіею: «чему способствовалъ прогрессъ въ наукахъ и искусствахъ: къ развращенію или къ очищенію нравовъ?»

Едва я прочелъ это, какъ увидѣлъ другой міръ и сталъ другимъ человѣкомъ. Хотя я живо помню впечатлѣніе, произведенное на меня этимъ обстоятельствомъ, но подробности его ускользнули изъ моей памяти съ тѣхъ поръ, какъ я ихъ изложилъ въ одномъ изъ моихъ четырехъ писемъ къ г. Малербу. Это одна изъ особенностей моей памяти, о которой стоитъ здѣсь сказать нѣсколько словъ. Память служитъ мнѣ до тѣхъ поръ, пока я на нее полагаюсь; но коль скоро я ввѣряю то, что запомнилъ, бумагѣ,—память меня покидаетъ,—и если я что нибудь записалъ, то скоро совсѣмъ забываю это. Эта особенность преслѣдуетъ меня даже и въ музыкѣ. Прежде, чѣмъ я изучилъ ее, я зналъ на память множество пѣсень; но едва только я выучился пѣть по нотамъ, какъ не могъ болѣе запомнить на память ни одной изъ нихъ и сильно сомнѣваюсь, чтобы изъ числа даже тѣхъ пѣсенъ, которыя мнѣ наиболѣе нравились, я могъ спѣть хотя одну отъ начала до конца

Въ этомъ случаѣ, я ясно помню только то, что, пріѣхавъ въ Венсенъ, я былъ въ волненіи, близкомъ къ бреду. Дидро замѣтилъ это; объяснивъ ему причину, я прочемъ ему прозопопею Фабриція, написанную мною карандашемъ, подъ тѣнью дуба. Онъ убѣждалъ меня развить мои мысли и писать на премію. Я его послушалъ и съ той минуты погибъ. Вся остальная жизнь моя, всѣ мои несчастія, были неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этой минуты увлеченія.

Чувства мои съ непостижимой быстротою вошли въ тонъ моихъ мыслей. Всѣ мои мелкія страсти были подавлены восторженнымъ сочувствіемъ къ истинѣ, свободѣ, добродѣтели, — а что всего удивительнѣе, эта восторженность существовала въ моемъ сердцѣ въ теченіе болѣе трехъ или четырехъ лѣтъ, въ такой сильной степени, какой, быть можетъ, она никогда не достигала въ сердцѣ ни одного человѣка.

Я трудился надъ этой рѣчью весьма оригинальнымъ образомъ, почти такъ, какъ я поступалъ въ моихъ прочихъ сочиненіяхъ. Я посвящалъ ей безсонныя ночи. Я размышлялъ съ открытыми глазами въ постели, и съ невѣроятными усиліями вертѣлъ и переворачивалъ въ головѣ своей періоды; затѣмъ, достигнувъ того, что оставался ими доволенъ, я оставлялъ ихъ въ своей памяти до той поры, пока могъ изложить ихъ на бумагѣ; но во время вставанья и одѣванья, я лишался всего запаса и когда садился за бумагу, мнѣ не приходило больше въ голову почти ничего изъ всего, что я сочинилъ. Я вздумалъ взять себѣ въ секретари г-жу ле-Вассеръ. Я помѣстилъ ее съ дочерью и мужемъ поближе къ себѣ, — и она-то, для избавленія меня отъ найма прислуги, приходила каждое утро разводить огонь и исполнять прочія небольшія услуги. Какъ скоро она являлась, я начиналъ диктовать ей съ кровати свою ночную работу, и эта привычка, которой я слѣдовалъ долгое время, не разъ спасала меня отъ забывчивости.

Когда рѣчь была окончена, я показалъ ее Дидро, который остался ею доволенъ и указалъ мнѣ нѣкоторыя исправленія. Однакожъ въ этомъ произведеніи, полномъ теплоты и силы, совершенно нѣтъ логики и стройности; изъ всѣхъ произведеній, вышедшихъ изъ подъ моего пера, это самое слабое со стороны сужденій и самое плохое въ отношеніи къ плавности и гармоніи; но съ какимъ талантомъ ни родился бы человѣкъ, искусство писать не дается съ разу.

Я отправилъ эту статью, не сказавъ о ней никому, кромѣ, кажется, Гримма, съ которымъ, со времени его поступленія къ графу де-Фріезъ, я сильно сдружился. У него было фортепіано, служившее намъ точкою сближенія, и у котораго я проводилъ съ нимъ всѣ свои свободныя минуты въ пѣніи итальянскихъ арій и баркаролъ, безъ отдыха съ утра до вечера, или вѣрнѣе съ вечера до утра; и какъ скоро меня не находили у г-жи Дюпенъ, то могли быть увѣрены, что найдутъ у Гримма, а если не у него, то вмѣстѣ съ нимъ на гуляньѣ, или въ театрѣ. Я перестаяъ ходить въ италіянскую комедію, куда имѣлъ безплатный входъ, но онъ ее не любилъ, и поэтому я посѣщалъ съ нимъ, съ платою за входъ, французскую комедію, которую онъ любилъ страстно. Наконецъ меня связывала съ этимъ человѣкомъ такая могучая сила, и я сдѣлался съ нимъ до того неразлученъ, что изъ-за него пренебрегалъ бѣдной тетушкой, то есть видался съ нею рѣже; привязанность же къ ней не уменьшилась ни на одно мгновеніе въ теченіе моей жизни.

Эта невозножность удѣлять изъ краткихъ часовъ свободнаго времени частичку для удовлетворенія каждой своей привязанности, возобновила во мнѣ сильнѣе, чѣмъ когда либо, давнишнее желаніе жить вмѣстѣ съ Терезой: но неудобство, происходившее отъ ея многочисленной семьи,

и особенно недостатокъ въ деньгахъ на покупку домашней утвари до сихъ поръ удерживали меня. Случай сдѣлать надъ собой усиліе вскорѣ представился, и я имъ воспользовался. Г. де-Франкель и г-жа Дюпенъ, вполнѣ сознавая, что для меня не могло быть достаточно восьми или девяти сотенъ франковъ въ годъ, возвысили мой ежегодный гонораріи по своему собственному побужденію до пятидесяти луидоровъ; кромѣ того, г-жа Дюпенъ, узнавъ, что я хлопочу обзавестись своимъ хозяйствомъ, оказала мнѣ въ этомъ отношеніи кое-какую помощь. У Терезы уже было нѣсколько домашней утвари; мы соединили все вмѣстѣ и, нанявъ квартирку въ лангедокскомъ отелѣ, въ улицѣ Гренель-Сентъ-Оноре, у очень добрыхъ людей, устроились тамъ какъ могли, и прожили мирно и пріятно цѣлыя семь лѣтъ, до моего переѣзда въ Эрмитажъ.

Отецъ Терезы былъ добрый старикашка, очень кроткій и чрезвычайно боявшійся жены, которая и дала ему за то прозваніе уголовнаго судьи, а Гриммъ впослѣдствіи перенесъ въ шутку это прозваніе на его дочь. Г-жа ле-Вассеръ была не глупая, то есть ловкая женщина; она имѣла даже притязаніе на вѣжливость и свѣтскій тонъ, но ея скрытое лукавство было для меня невыносимо: она давала несовсѣмъ хорошіе совѣты своей дочери, учила ее скрытничать отъ меня и ласкала моихъ друзей каждаго порознь, въ ущербъ другимъ и мнѣ; впрочемъ она была довольно снисходительная мать, потому что находила въ томъ свою выгоду и прикрывала грѣшки своей дочери, потому что извлекала изъ нихъ пользу. Я осыпалъ эту женщину вниманіемъ, заботливостію, подарочками; я очень старался снискать ея расположеніе, и явная невозможность его добиться была единственной причиной непріятностей въ моемъ домашнемъ быту; а впрочемъ, я могу сказать, что въ теченіи этихъ шести или семи лѣтъ я вкушалъ полнѣйшее домашнее счастіе, какое можетъ вынести слабость человѣческая. Сердце моей Терезы было ангельское: наша привязанность росла по мѣрѣ того, какъ мы тѣснѣе сходились, и съ каждымъ днемъ мы ощущали все сильнѣе до какой степени были созданы другъ для друга. Еслибъ была возможность описать наши удовольствія, то они возбудили бы смѣхъ своею простотой: прогулки вдвоемъ за городомъ, гдѣ я съ гордостію издерживалъ восемь или десять су въ какомъ нибудь кабачкѣ; скромный ужинъ у моего окна, когда мы сидѣли другъ противъ друга на двухъ маленькихъ стульяхъ, поставленныхъ на чемоданъ, занимавшій ширину амбразуры окна. Въ такомъ положеніи окно служило намъ столомъ; мы дышали воздухомъ, могли видѣть окрестности, проходящихъ людей и, хотя съ четвертаго этажа, во время ѣды смотрѣть внизъ на улицу. Кто опишетъ, кто ощутитъ прелесть такихъ ужиновъ, состоявшихъ всего изъ порядочной краюшки черного хлѣба, нѣсколькихъ вишенъ, кусочка

сыра и четверти штофа вина, которое мы выпивали вмѣстѣ? О! дружба, довѣрчивость, тѣсная близость, спокойствіе духа, какъ усладительны ваши приправы! Иногда мы засиживались тамъ до полуночи, не замѣчая и не думая, что уже поздно, если бы старуха—мать не приходила напоминать намъ о времени. Но оставимъ эти подробности, которыя покажутся нелѣпыми и смѣшными: я всегда говорилъ и чувствовалъ, что истиннаго наслажденія нельзя описать.

Почти въ тоже время я испыталъ наслажденіе погрубѣе и въ своемъ родѣ послѣднее, за которое могу упрекнуть себя. Я говорилъ выше, что пасторъ Клюпфель былъ человѣкъ весьма пріятный; я былъ близокъ съ нимъ не меньше чѣмъ съ Гриммомъ, и оба они иногда обѣдали у меня. Эти обѣды, болѣе чѣмъ простые, оживлялись умными и веселыми проказами перваго и забавными германизмами второго, который въ то время еще не сдѣлался пуристомъ. Чувствительность не играла никакой роли въ нашихъ маленькихъ оргіяхъ, но она замѣнялась веселостью, и намъ было такъ хорошо вмѣстѣ, что мы не могли больше разстаться. Клюпфель обзавелся очень молоденькой дѣвушкой, которой это не мѣшало отдаваться всѣмъ и каждому, потому что онъ не могъ ее содержать одинъ. Разъ вечеромъ, входя въ кофейню, мы встрѣтили въ дверяхъ Клюпфеля: онъ отправлялся ужинать къ молодой дѣвушкѣ. Мы подтрунили надъ нимъ; онъ отмстилъ намъ учтивымъ образомъ, пригласивъ насъ къ этому ужину и затѣмъ, въ свою очередь, подтрунилъ надъ нами. Это бѣдное созданіе было, какъ мнѣ показалось, недурного нрава, кроткое и мало способное къ своему ремеслу, въ которомъ всячески наставляла и школила ее находившаяся съ ней какая-то старая вѣдьма. Пустословіе и вино развеселило насъ до такой степени, что мы забылись. Добрый Клюпфель не хотѣлъ угощать насъ вполовину, и мы всѣ трое побывали поочередно въ сосѣдней комнатѣ съ бѣдной дѣвушкой, которая не знала что дѣлать, плакать ли ей или смѣяться. Гриммъ всегда утверждалъ потомъ, что не прикасался къ ней и оставался съ ней такъ долго только съ цѣлью вывести насъ изъ терпѣнія и позабавиться надъ нами; если же онъ воздержался, то конечно не по разборчивости, потому что до поступленія къ графу де-Фріезъ, онъ жилъ съ публичными женщинами въ томъ же самомъ кварталѣ Сенъ-Рокъ.

Я вышелъ изъ улицы Муано, гдѣ жила эта дѣвушка, съ такимъ же стыдомъ, какъ Сен-Пре вышелъ изъ того дома, въ которомъ его напоили, и когда я описывалъ его исторію, то хорошо припомнилъ и свою. По какой то примѣтѣ, и особенно по моему смущенному виду, Тереза смекнула, что у меня лежитъ что-то на совѣсти; я облегчилъ эту тяжесть чистосердечной и немедленной исповѣдью. Я хорошо сдѣлалъ, потому что на другой же день пришелъ Гриммъ и съ торжествомъ разсказалъ

Терезѣ мое преступленіе въ преувеличенномъ видѣ, и съ тѣхъ поръ при каждомъ случаѣ съ умысломъ приводилъ ей на память эту исторію; въ этомъ случаѣ онъ былъ тѣмъ виновнѣе, что мое довѣріе къ нему было непринужденное и добровольное, и я имѣлъ право ожидать, что онъ не заставитъ меня раскаяваться по этому поводу. Никогда не сознавалъ я лучше, чѣмъ въ настоящемъ случаѣ, сердечной доброты моей Терезы, которая была больше скандализирована поступкомъ Гримма, чѣмъ оскорблена моей невѣрностью, и я подвергся лишь упрекамъ трогательнымъ и нѣжнымъ, въ которыхъ я не замѣтилъ ни малѣйшаго слѣда досады.

Простота ума этой отличной дѣвушки равнялась добротѣ ея сердца; этими словами сказано все; но здѣсь представляется еще одинъ примѣръ, который заслуживаетъ быть разсказаннымъ. Я сообщилъ ей, что Клюпфель былъ пасторъ и духовникъ принца саксенъ-готскаго. Пасторъ былъ въ ея глазахъ человѣкъ такой необыкновенный, что она, смѣшивая до смѣшнаго самыя разнородныя понятія, вздумала принять Клюпфеля за папу. Въ первый разъ, когда она сказала, по возвращеніи моемъ домой, что ко мнѣ приходилъ папа, я подумалъ, что она помѣшалась. Я распросилъ ее и тотчасъ же побѣжалъ разсказать эту исторію Гримму и Клюпфелю, за которымъ между нами такъ и осталось названіе папы. Дѣвушкѣ, жившей въ улицѣ Муано, мы дали названіе папессы Жанны. Это произвело безконечный хохотъ; мы помирали со смѣха. Тѣ лица, которыя, въ одномъ приписываемомъ мнѣ письмѣ, заставляли меня утверждать, что во всю свою жизнь я смѣялся лишь два раза, не знали меня ни въ то время, ни въ мою молодость, — иначе такая мысль, конечно, никогда не пришла бы имъ въ голову.

— 1750 — 1752. — Въ слѣдующемъ 1750 году, когда я уже не думалъ больше о своей «Рѣчи», я узналъ, что она получила въ Дижонѣ премію. Эта новость пробудила во мнѣ всѣ идеи, подъ вліяніемъ которыхъ рѣчь была написана, одушевила ихъ свѣжей силой и въ заключеніе произвела въ моемъ сердцѣ броженіе первыхъ началъ героизма и добродѣтели, вложенныхъ въ меня еще въ моемъ дѣтствѣ моимъ отцемъ, моей родиной и Плутархомъ. Я не находилъ ничего возвышеннѣе и прекраснѣе свободы, добродѣтели и независимости, и ставилъ ихъ выше богатства и общественнаго мнѣнія. Хотя ложный стыдъ и страхъ быть осмѣяннымъ не допустили меня немедленно ввести въ свою жизнь эти принципы и, не стѣсняясь ничѣмъ, высказать свое мнѣніе наперекоръ правиламъ своего вѣка, однакожъ я принялъ тогда же твердое намѣреніе жить согласно съ своими принципами и не преминулъ выполнить его, какъ скоро противорѣчія раздражили мою волю до того, что она могла восторжествовать надъ слабостью.

Между тѣмъ, какъ я философствовалъ объ обязанностяхъ человѣка, одно событіе заставило меня лучше углубиться въ мысль о своихъ собственныхъ обязанностяхъ. Тереза сдѣлалась беременна въ третій разъ. Слишкомъ чистосердечный самъ съ собою, слишкомъ гордый въ душѣ, чтобъ позволить себѣ опровергать свои принципы своими же дѣйствіями, я принялся разбирать назначеніе моихъ дѣтей и свои отношенія къ ихъ матери по законамъ природы, справедливости и разума и по законамъ той чистой, святой, вѣчной, какъ и ея Творецъ, религіи, которую люди осквернили, притворившись, что хотятъ ее очистить, изъ которой они сдѣлали, посредствомъ своихъ формулъ, какую то религію словъ, потому что вѣдь ничего не стоитъ предписывать невозможное, когда не вмѣняешь себѣ въ долгъ исполнять предписанное.

Если я ошибся въ своихъ результатахъ, то нѣтъ ничего удивительнѣе той душевной безпечности, съ которою я имъ предался. Будь я изъ числа людей, рожденныхъ съ худыми свойствами, глухихъ къ сладостному голосу природы, внутри которыхъ никогда не зарождалось никакое истинное чувство справедливости и гуманности,—такая черствость была бы очень простымъ явленіемъ; но сердечная теплота, сильная чувствительность, склонность легко привязываться, сила, съ какою привязанности порабощали меня, жестокая печаль, когда приходилось отрываться отъ нихъ, врожденное расположеніе къ ближнимъ, горячая любовь ко всему великому, истинному, прекрасному и справедливому, отвращеніе отъ всякаго рода зла, невозможность ненавидѣть, вредить и даже хотѣть этого, умиленіе, живое и сладостное волненіе при видѣ всего добродѣтельнаго, великодушнаго и милаго, — можетъ ли все это когда либо согласоваться въ одной и той же душѣ съ испорченностью, которая заставляетъ безъ зазрѣнія совѣсти попирать ногами сладостнѣйшую изъ всѣхъ обязанностей? Нѣтъ, я чувствую и говорю во всеуслышаніе, что эта вещь невозможная. Никогда, ни на одну минуту Жанъ-Жакъ не могъ сдѣлаться человѣкомъ безчувственнымъ, жестокосердымъ, или бездушнымъ отцемъ. Я могъ ошибаться, но не могъ зачерствѣть. Еслибъ я высказалъ свои причины, то зашелъ бы слишкомъ далеко. Если онѣ увлекли меня, то могли бы точно также увлечь и многихъ другихъ; я не хочу подвергать молодыхъ людей, которые, быть можетъ, прочтутъ меня, случайности обмануться вслѣдствіе того же самаго заблужденія. Я скажу только, что мое заблужденіе произошло вслѣдствіе той идеи, что если, по невозможности воспитать дѣтей самому, я отдалъ-бы ихъ на попеченіе общества, предоставивъ имъ лучше сдѣлаться работниками или крестьянами, чѣмъ бродягами или аферистами, то поступилъ-бы какъ гражданинъ и отецъ, и смотрѣлъ-бы на себя, какъ на члена Платоновой республики. Не разъ послѣ того голосъ сердца

доказывалъ мнѣ мою ошибку, но разсудокъ далеко не вторилъ этимъ сожалѣніямъ, и я нерѣдко благословлялъ небо, что оно предохранило моихъ дѣтей отъ участи ихъ отца и участи, которая угрожала бы имъ, если бы я принужденъ былъ ихъ покинуть. Оставь я ихъ у г-жи д'Эпинэ или у г-жи де-Люксамбургъ, которыя по дружбѣ, великодушію, или по какой другой причинѣ, хотѣли впослѣдствіи взять ихъ на свое попеченіе,—были бы мои дѣти счастливѣе? воспитали бы ихъ по крайней мѣрѣ такъ, чтобъ изъ нихъ вышли честные люди? Не знаю; но увѣренъ, что имъ внушили бы чувство ненависти къ родителямъ, быть можетъ даже заставили бы ихъ поступать съ ними предательски; ужъ гораздо лучше, чтобъ дѣти со всѣмъ не знали своихъ родителей.

И такъ мой третій ребенокъ былъ отданъ, также какъ оба первые, въ воспитательный домъ; точно также я поступилъ съ двумя слѣдующими, потому что всѣхъ дѣтей было у меня пятеро. Такое распоряженіе казалось мнѣ до того хорошимъ, разумнымъ и законнымъ, что я не хвалился имъ явно единственно лишь изъ уваженія къ матери; всѣмъ же знавшимъ о нашихъ сношеніяхъ я говорилъ объ этомъ: сказалъ Дидро, Гримму, впослѣдствіи сообщилъ это г-жѣ д'Эпинэ, а затѣмъ и г-жѣ де-Люксамбуръ; я сдѣлалъ это признаніе свободно, чистосердечно, безъ малѣйшей необходимости, и при полной возможности легко скрыть это отъ всѣхъ, потому что акушерка Гуэнъ была женщина честная, очень скромная, и на которую я вполнѣ полагался. Единственный изъ моихъ друзей, открыться которому я имѣлъ нѣкоторый интересъ, былъ докторъ Тіерри; онъ лѣчилъ однажды мою бѣдную тетушку во время родовъ, когда она чувствовала себя очень нехорошо. Словомъ я не дѣлалъ никакой тайны изъ своего поведенія, не только потому, что никогда не умѣлъ ничего скрывать отъ своихъ друзей, но и потому, что дѣйствительно не видѣлъ въ томъ ничего дурного. Если взвѣсить это все, то окажется, что я избралъ для своихъ дѣтей самое лучшее, или то, что я считалъ такимъ. Я желалъ прежде и желалъ бы еще и теперь, быть воспитаннымъ и вскормленнымъ такимъ же образомъ какъ мои дѣти.

Между тѣмъ какъ я дѣлалъ подобныя признанія, г-жа ле-Вассеръ дѣлала съ своей стороны тоже самое, только съ менѣе безкорыстными цѣлями. Я ввелъ ее вмѣстѣ съ дочерью въ домъ г-жи Дюпенъ, которая по дружбѣ ко мнѣ оказывала имъ тысячу милостей. Мать повѣрила ей тайну своей дочери. Добрая и великодушная г-жа Дюпенъ, которой она не сказала, до какой степени я заботился о нихъ, не смотря на свои умѣренныя средства, снабжала ихъ съ своей стороны съ большою щедростью; дочь, по приказу матери, всегда скрывала это отъ меня во все время моего пребыванія въ Парижѣ и сдѣлала это признаніе не прежде, какъ въ Эрмитажѣ, въ числѣ прочихъ сердечныхъ изліяній. Я не зналъ,

что г-жѣ Дюпенъ, которая никогда не подавала ни малѣйшаго вида, все было такъ хорошо извѣстно, и теперь еще не знаю, было ли все извѣстно ея снохѣ, г-жѣ де-Шенонсо; но ея невѣстка, г-жа де-Франкель, знала мои отношенія къ Терезѣ и не могла умолчать о нихъ. Она говорила со мной о Терезѣ въ слѣдующемъ году, когда я уже оставилъ ихъ домъ. Это самое побудило меня написать ей письмо, которое найдутъ въ приложеніяхъ; я изложилъ въ немъ причины, который могъ высказать, не компрометируя г-жу ле-Вассеръ и ея семью, потому что именно самыя настоящія причины и выходили изъ этого источника, а я о нихъ умолчалъ.

Я увѣренъ въ скромности г-жи Дюпенъ и въ дружбѣ г-жи де-Шенонсо; я былъ точно также увѣренъ въ дружбѣ г-жи де-Франкель, которая впрочемъ умерла за долго до разглашенія моей тайны. Никогда не могла она разгласиться инымъ путемъ, какъ черезъ тѣхъ же самыхъ людей, которымъ я ее довѣрилъ, и дѣйствительно все открылось уже послѣ моего разрыва съ ними. Одного этого факта достаточно для ихъ осужденія; я заслужилъ хулу и не хочу оправдываться, но пусть лучше падетъ на меня эта хула, чѣмъ та, которую они заслуживаютъ за свою злость. Моя вина велика, но она вызвана заблужденіемъ; я пренебрегъ своими обязанностями, но желаніе вредить не входило въ мое сердце, да и сердце отца не можетъ стремиться съ особенной силой къ дѣтямъ, которыхъ онъ никогда не видалъ; но обмануть довѣріе дружбы, нарушить самый святой изъ всѣхъ договоровъ, обнародовать тайны, повѣренныя нашему сердцу, обезчестить ради шутки обманутаго друга, который, покидая насъ, сохраняетъ къ намъ уваженіе,—это не проступокъ, а подлость и гнусность.

Обѣщавъ свою исповѣдь, а не оправданіе, я остановлюсь на этомъ пунктѣ. Мое дѣло—быть истиннымъ, дѣло читателя—быть справедливымъ. Я никогда не потребую отъ него ничего больше.

Вслѣдствіе женитьбы г. де-Шенонсо, домъ его матери сдѣлался для меня еще пріятнѣе, по причинѣ достоинствъ и ума новобрачной, очень любезной молодой особы и повидимому отличавшей меня отъ прочихъ писцовъ г. Дюпена.Она была единственной дочерью виконтессы де-Рошшуаръ, большой пріятельницы графа де-Фріеза, а слѣдовательно и Гримма, который былъ къ нему привязанъ. Онъ обязанъ мнѣ входомъ въ домъ дочери виконтессы; но по несходству ихъ характеровъ, это знакомство не имѣло послѣдствій, и Гриммъ, мѣтившій съ тѣхъ поръ на карьеру прочную, предпочелъ мать, женщину свѣтскую, дочери, которая желала имѣть друзей вѣрныхъ и близко подходившихъ къ ней, и которая не вмѣшивалась ни въ какія интриги, не заискивала уваженія знати. Г-жа Дюпенъ, не найдя въ г-жѣ де-Шенонсо той покорности,

которой она отъ нея ожидала, сдѣлала для нея свой домъ весьма скучнымъ, а г-жа де-Шенонсо, гордая своими достоинствами и, быть можетъ, своимъ происхожденіемъ, согласилась лучше отказаться отъ удовольствія быть въ обществѣ и оставаться почти въ одиночествѣ въ своихъ комнатахъ, чѣмъ подвергнуться игу, для котораго чувствовала себя неспособной. Такое своего рода изгнаніе увеличило мою привязанность къ этой женщинѣ, вслѣдствіе моей природной склонности къ несчастнымъ. Я нашелъ, что умъ у нея метафизическій и глубокомыслящій, хотя по временамъ прорывались у нея софизмы. Разговоръ ея, вовсе не походившій на разговоръ молодой женщины, только что вышедшей изъ монастыря, былъ для меня очень привлекателенъ. Между тѣмъ ей не было и двадцати лѣтъ; цвѣтъ лица ея былъ ослѣпительной бѣлизны, она казалась бы высокой и стройной, если бы лучше держалась; ея свѣтлые волосы съ пепельнымъ оттѣнкомъ и необычайной красоты напоминали мнѣ волосы моей бѣдной маменьки въ ея лучшую пору и сильно волновали мое сердце. Но строгіе принципы, которые я составилъ для себя и которымъ рѣшился слѣдовать во что бы то ни стало, уберегли меня отъ увлеченія этою женщиною и ея прелестями. Въ теченіе цѣлаго лѣта я проводилъ ежедневно по три и четыре часа вдвоемъ съ нею, съ важностью показывая ей ариѳметическія задачи и докучая ей безконечными цифрами, и ни разу не прорвалось у меня ни легкаго слова, ни любовнаго взгляда. Пять или шесть лѣтъ позднѣе я не былъ бы такъ разуменъ или такъ глупъ; но мнѣ было назначено судьбой любить любовью только разъ въ жизни и отдать не г-жѣ де-Шенонсо, а другой первые и послѣдніе вздохи моего сердца.

Съ тѣхъ поръ, какъ я поселился у г-жи Дюпенъ, я всегда довольствовался своей участью, и не изъявлялъ никакого желанія измѣнить ее къ лучшему. Прибавка моего жалованья, сдѣланнаго г-жею Дюпенъ вмѣстѣ съ г. де-Франкель, произошла только вслѣдствіе ихъ собственнаго побужденія. Въ этомъ году г. де-Франкель, который съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе привязывался ко мнѣ, позаботился увеличить нѣсколько мои матеріальныя средства и упрочить мое положеніе. Онъ былъ главнымъ сборщикомъ государственныхъ податей. Г. Дюдойе, его кассиръ, былъ старъ, богатъ и хотѣлъ оставить службу. Г. де-Франкель предложилъ мнѣ это мѣсто; а чтобъ быть въ состояніи исполнять свою должность, я ходилъ впродолженіи нѣсколькихъ недѣль къ г. Дюдойе для пріобрѣтенія необходимыхъ свѣдѣній. Но имѣлъ ли я мало способности къ этому занятію, или г. Дюдойе, хотѣвшій, какъ мнѣ казалось, замѣстить вакансію кѣмъ-то другимъ, недобросовѣстно объяснялъ мнѣ дѣло, только я учился медленно и плохо и не могъ никогда хорошо усвоить весь порядокъ съ умысломъ запутанныхъ счетовъ. Впро-

чемъ, не узнавъ дѣла въ совершенствѣ, я понялъ обычный ходъ его на столько, что могъ вести дѣло исправно. Я даже вступилъ въ должность. Я держалъ книги и кассу, выдавалъ и получалъ деньги и квитанціи; не смотря на то, что я имѣлъ столь же мало склонности, сколько способности къ этому занятію, я, сдѣлавшійся съ зрѣлымъ возрастомъ благоразумнѣе, рѣшился побѣдить свое отвращеніе и вполнѣ предаться своей должности. Къ несчастію, когда я сталъ втягиваться въ нее, г. де-Франкель совершилъ маленькую поѣздку, на время которой поручили мнѣ денежный ящикъ, гдѣ впрочемъ находилось тогда всего отъ двадцати пяти до тридцати тысячъ франковъ. Безпокойство и тревожное состояніе, причиненныя мнѣ сохраненіемъ этой кассы, показали мнѣ, что я вовсе не способенъ быть кассиромъ, и я ни сколько не сомнѣваюсь, что отлучка г. де-Франкеля испортила мнѣ много крови и тѣмъ способствовала болѣзни, которой я подвергся по его возвращеніи.

Я говорилъ въ первой части, что родился умирающимъ. По неправильности въ устройствѣ мочеваго пузыря я былъ почти постоянно подверженъ во время дѣтства задержанію мочи, и моей теткѣ Сусаннѣ, взявшей меня на свое попеченіе, стоило неимовѣрныхъ стараній уберечь меня отъ смерти. Однакожъ она добилась того; мое крѣпкое сложеніе одержало наконецъ верхъ, и мое здоровье укрѣпилось въ молодости до такой степени, что исключая хандры, которой исторію я разсказывалъ, и небольшаго разстройства мочеваго пузыря, я достигъ тридцатилѣтняго возраста, почти не ощущая своего перваго недуга. Въ первый разъ отозвался онъ при моемъ пріѣздѣ въ Венецію. Утомленіе отъ дороги и вынесенные мной страшные жары произвели воспалительное состояніе въ мочевомъ пузырѣ и боль въ поясницѣ, не оставлявшую меня до наступленія зимы. Послѣ моей связи съ падуанкой, я думалъ, что умру, но однакожъ дѣло обошлось даже безъ малѣйшей болѣзни. Истощивъ себя больше воображеніемъ, чѣмъ тѣломъ для моей Джульетты, я былъ здоровѣе, нежели когда нибудь. Только послѣ заточенія Дидро, вслѣдствіе разгоряченія, причиненнаго ходьбой въ Венсеннъ во время страшныхъ, стоявшихъ тогда жаровъ, сдѣлалось у меня сильное воспаленіе въ почкахъ, и съ той поры мое прежнее здоровье никогда не возстановлялось.

Въ то время, о которомъ я говорю, быть можетъ нѣсколько утомленный несносной заботой о суммѣ, отданной мнѣ на сохраненіе, я захворалъ хуже прежняго, и оставался въ постели пять или шесть недѣль въ самомъ жалкомъ положеніи, какое можно вообразить себѣ. Г-жа Дюпенъ прислала мнѣ знаменитаго Морана, который, не смотря на свое искусство и ловкость, причинялъ мнѣ неимовѣрную боль и никакъ не могъ добиться толку, ощупывая меня зондомъ. Онъ посовѣтовалъ мнѣ,

обратиться къ Дарану, который посредствомъ своихъ болѣе гибкихъ восковыхъ зондовъ дѣйствительно проникъ дальше; но, отдавая г-жѣ Дюпенъ отчетъ о моемъ состояніи, Моранъ объявилъ, что чрезъ полгода меня не будетъ въ живыхъ. Этотъ разговоръ дошелъ до меня и заставилъ меня серьезно призадуматься надъ своимъ положеніемъ и надъ глупостію жертвовать спокойствіемъ и пріятностію краткаго срока, оставшагося мнѣ жить, для подчиненія себя занятіямъ, къ которымъ я чувствовалъ лишь отвращеніе. Кромѣ того, какъ примирить строгіе, только что принятые мной принципы съ занятіемъ, такъ мало согласующимся съ ними? и пристаетъ ли мнѣ, кассиру главнаго сборщика государственныхъ податей, проповѣдовать безкорыстіе и бѣдность? Эти идеи такъ хорошо перебродили въ моей головѣ вмѣстѣ съ горячкой, и такъ сильно укоренились въ ней, что съ тѣхъ поръ ничто не могло вырвать ихъ, и во время моего выздоровленія я хладнокровно рѣшился не отступать отъ твердаго намѣренія, принятаго мной въ бреду. Я навсегда отказался отъ всякаго стремленія къ богатству и повышенію. Рѣшившись провести въ независимости и бѣдности остатокъ немногихъ дней своихъ, я употребилъ всѣ мои нравственныя силы на то, чтобъ разорвать оковы общественнаго мнѣнія и смѣло дѣлать все, что мнѣ казалось хорошимъ, ни сколько не стѣсняясь сужденіемъ людей. Препятствія, съ которыми приходилось мнѣ бороться, и усилія, которыя я употреблялъ, чтобъ восторжествовать надъ этими препятствіями, неимовѣрны. Я успѣлъ, на сколько было возможно и больше, чѣмъ самъ надѣялся успѣть. Еслибъ мнѣ удалось сбросить съ себя иго дружбы, также хорошо какъ я сбросилъ иго общественнаго мнѣнія, то я достигъ бы своей цѣли, быть можетъ величайшей, или по крайней мѣрѣ полезнѣйшей для добродѣтели, такой цѣли, какая врядъ ли когда зарождалась въ умѣ смертнаго; но въ то самое время, какъ я попиралъ ногами безумныя сужденія пошлой толпы мнимыхъ великихъ людей и мнимыхъ философовъ, я подчинялся и поддавался, какъ ребенокъ, своимъ мнимымъ друзьямъ, которые, въ зависти на то, что я пошелъ одинъ по новой дорогѣ, притворялись, что очень заняты содѣйствіемъ моему счастію, а въ сущности стремились лишь къ тому, чтобъ выставить меня въ смѣшномъ видѣ; сначала они старались унизить меня, чтобъ затѣмъ обезславить. Зависть ихъ была вызвана нестолько моею извѣстностью въ литературномъ мірѣ; сколько преобразованіемъ моей личности. Быть можетъ, они простили бы мнѣ литературную славу, но не могли простить моего поведенія, подававшаго такой примѣръ, который, казалось, былъ не понутру. Я былъ созданъ для дружбы; съ моимъ уживчивымъ и кроткимъ нравомъ она поддерживалась безъ труда. Пока я жилъ въ неизвѣстности, вдали отъ большого свѣта я былъ любимъ всѣми, кто зналъ меня и не имѣлъ ни одного врага;

но какъ скоро мое имя сдѣлалось извѣстнымъ, у меня не стало друзей. Это было для меня большимъ несчастіемъ; еще большимъ было то, что меня окружали люди, называвшіе себя моими друзьями и пользовавшіеся правами, какія давало имъ это названіе, на мою погибель. Въ этихъ запискахъ я разовью ихъ гнусныя козни; здѣсь же показываю лишь начало: вскорѣ увидятъ первое звѣно въ цѣпи этихъ интригъ.

Въ независимости, которую я рѣшился предоставить себѣ, я долженъ былъ однакожъ имѣть средства къ существованію. Я придумалъ очень простой способъ,—именно переписывать ноты за извѣстную плату со страницы. Еслибъ какое нибудь болѣе прочное занятіе могло привести меня къ той же самой цѣли, я взялся бы за него; но эта работа была въ моемъ вкусѣ и единственная, при которой я могъ, безъ личнаго подчиненія, добывать себѣ насущный хлѣбъ, и потому я ея держался. Разсудивъ, что мнѣ незачѣмъ было оставаться предусмотрительнымъ, и подавивъ въ себѣ тщеславіе, я сдѣлался изъ кассира при управляющемъ финансами, переписчикомъ нотъ. Я думалъ, что много выигралъ отъ такого выбора и такъ мало жалѣлъ о перемѣнѣ, что оставилъ это ремесло лишь насильно и съ намѣреніемъ снова приняться за него при первой возможности.

Благодаря успѣху моей первой рѣчи, я могъ очень легко выполнить свое намѣреніе. Когда она удостоилась преміи, Дидро взялся похлопотать о напечатаніи рѣчи. Между тѣмъ какъ я лежалъ больной въ постели, онъ написалъ ко мнѣ записку, въ которой увѣдомлялъ меня объ изданіи въ свѣтъ моего произведенія и о впечатлѣніи, произведенномъ имъ на публику.

«Успѣхъ этой рѣчи безпримѣрный» — писалъ мнѣ Дидро. Такая благосклонность публики къ неизвѣстному автору, не домогавшемуся заслужить ее посредствомъ происковъ, была для меня первымъ истиннымъ удостовѣреніемъ въ моемъ талантѣ, въ которомъ я до сихъ поръ, не смотря на внутреннее сознаніе, всегда сомнѣвался. Я понялъ всю выгоду, какую могъ извлечь изъ этого для дѣла, на которое готовъ былъ рѣшиться, и разсудилъ, что переписчикъ, составившій себѣ нѣкоторую извѣстность въ литературѣ, вѣроятно не будетъ имѣть недостатка въ работѣ.

Какъ скоро я твердо рѣшился не отступать отъ своего плана, я написалъ записку къ г. де-Франкелю, въ которой извѣщалъ его о своемъ намѣреніи, благодарилъ какъ его, такъ и г. Дюпена за всѣ ихъ милости и просилъ ихъ доставить мнѣ работу. Франкель ничего не понялъ изъ записки и, полагая, что у меня продолжается горячечный бредъ, прибѣжалъ ко мнѣ; но онъ нашелъ мое рѣшеніе до такой степени твердымъ, что не могъ никакимъ образомъ поколебать его. Онъ

отправился къ г-жѣ Дюпенъ сказалъ ей и всѣмъ прочимъ, что я помѣшался; я не мѣшалъ имъ говорить и продолжалъ поступать по своему. Я началъ свое преобразованіе съ туалета; я перестаъ носить золотое шитье и бѣлые чулки, надѣлъ круглый парикъ, снялъ шпагу и продалъ часы, сказавъ себѣ съ неимовѣрной радостію: «Слава Богу, мнѣ больше не будетъ надобности знать, который часъ». Г. Франкель былъ такъ любезенъ, что довольно долго не назначалъ другаго кассира. Наконецъ, видя непоколебимость моего рѣшенія, онъ поручилъ кассу г. д'Алибарду, бывшему нѣкогда наставникомъ молодаго Шенонсо и извѣстному въ ботаникѣ своей «Flora Parisiensis» [1]).

Какъ ни сурово было преобразованіе моей внѣшности, но оно не простиралось сначала на мое бѣлье,—остатокъ изъ моего венеціанскаго запаса; бѣлья было у меня много, все отличное, и я имѣлъ особенное пристрастіе къ нему. Изъ предмета опрятности оно мало по малу перешло въ предметъ роскоши, что стоило мнѣ весьма дорого. Нашелся добрый человѣкъ, избавившій меня отъ этого порабощенія. Наканунѣ Рождества, въ то время какъ никого не было дома, разломали дверь на чердакъ, гдѣ было развѣшено все наше бѣлье, только что вышедшее изъ стирки, и украли все, въ томъ числѣ сорокъ двѣ моихъ сорочки изъ отличнаго полотна, составлявшія существенную часть моего бѣлья. По описанію сосѣдями примѣтъ человѣка, который во время вечерни вышелъ, какъ они видѣли, изъ нашего дома, таща съ собой узлы, Тереза и я заподозрили ея брата, котораго знали за отъявленнаго негодяя. Мать усердно опровергала наше подозрѣніе, но, не смотря на это, мы остались при своемъ мнѣніи, потому что оно подтвердилось множествомъ признаковъ. Я не смѣлъ дѣлать строгихъ розысковъ, изъ опасенія найти больше того, сколько бы я хотѣлъ. Этотъ братъ не показывался больше ко мнѣ и наконецъ исчезъ совсѣмъ. Я сожалѣлъ о томъ, что Тереза и я принадлежали къ такой разнохарактерной семьѣ и увѣщевалъ ее больше, чѣмъ когда нибудь сбросить съ себя такое опасное иго. Это приключеніе исцѣлило меня отъ пристрастія къ прекрасному бѣлью, и съ той поры я сталъ носить бѣлье очень простое, ближе подходившее къ моему остальному гардеробу.

Довершивъ такимъ образомъ свое преобразованіе, я сталъ заботиться только о томъ, чтобъ сдѣлать его прочнымъ и надежнымъ; для этого я старался искоренить въ своемъ сердцѣ все то, что находилось въ зависи-

---

[1]) Я не сомнѣваюсь, что все это разсказывается теперь г. де-Франкелемъ и его сообщниками совсѣмъ иначе, но я ссылаюсь на то, что онъ говорилъ всѣмъ объ этомъ тогда и долгое время потомъ, до составленія заговора, и чего люди здравомыслящіе и добросовѣстные конечно не забыли.

мости отъ людскаго мнѣнія, все, что могло отклонить меня, изъ опасенія порицанія, отъ вещей въ сущности хорошихъ и разумныхъ. Благодаря шуму, который надѣлало мое сочиненіе, моя рѣшимость тоже надѣлала шуму и доставила мнѣ работу, такъ что я началъ свое ремесло довольно успѣшно. Однакожъ по многимъ причинамъ работа не шла у меня такъ удачно, какъ могла бъ идти при иныхъ обстоятельствахъ. Этому во первыхъ мѣшало плохое здоровье. Пароксизмъ, который я недавно перенесъ, оставилъ послѣдствія; съ тѣхъ поръ я ужъ никогда больше не пользовался прежнимъ здоровьемъ, и думаю, что медики, которымъ я ввѣрилъ себя, дѣлали мнѣ не меньше вреда, чѣмъ болѣзнь. Я обращался къ Морану, Дарану, Гельвеціусу, Малуэну, Тіерри; всѣ они очень ученые, всѣ мои друзья, лечили меня каждый по своему и не облегчили моего недуга, а только значительно ослабили меня. Чѣмъ больше я подчинялся ихъ леченію, тѣмъ больше желтѣлъ, худѣлъ и терялъ силы. Измѣряя мое состояніе дѣйствіемъ своихъ лекарствъ, они застращали мое воображеніе, представлявшее мнѣ до наступленія смерти только рядъ страданій, каковы задержаніе мочи, засореніе пузыря и каменная болѣзнь. Отъ всего, что облегчаетъ другихъ, отъ прохладительнаго питья, ваннъ, кровопусканія, мнѣ становилось хуже. Замѣтивъ, что зонды Дарана, которые одни только производили нѣкоторое дѣйствіе, и безъ которыхъ, какъ мнѣ казалось, я не могъ бы прожить ни минуты, доставляли мнѣ однако только минутное облегченіе, —я принялся тратить большія деньги на покупку огромнаго количества зондовъ, чтобъ имѣть возможность употреблять ихъ всю жизнь, даже въ томъ случаѣ, если бы я лишился Дарана. Судя по тому, что я такъ часто употреблялъ ихъ въ продолженіи восьми или десяти лѣтъ, а также по оставшемуся у меня количеству ихъ, я накупилъ этихъ вещей луидоровъ на пятьдесятъ. Понятно, что такое дорогое, мучительное и тягостное леченіе не позволяло мнѣ работать внимательно, и что умирающій не слишкомъ-то усердно хлопочетъ о добываніи себѣ насущнаго хлѣба.

Литературныя занятія представляли второе развлеченіе, не менѣе вредное для моей обыденной работы. Едва появилась моя рѣчь въ печати, какъ защитники словесныхъ наукъ напали на меня, словно сговорившись. Въ негодованіи на толпу недорослей, которые, не понимая даже вопроса, хотѣли рѣшать его какъ люди свѣдущіе въ дѣлѣ, я взялъ перо и отдѣлалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ такъ, что побѣда осталась не на ихъ сторонѣ. Нѣкто Готье, изъ Нанси, первый попался подъ мое перо, и я отщелкалъ его жестоко въ письмѣ къ Гримму.

Второй былъ самъ король Станиславъ, который не пренебрегъ начать со мной полемику. Вслѣдствіе сдѣланной мнѣ чести, я былъ принужденъ измѣнить тонъ въ отвѣтахъ и дѣлалъ возраженія тономъ

болѣе почтительнымъ, но не менѣе энергичнымъ, и, соблюдая уваженіе къ автору, вполнѣ опровергалъ его сочиненіе. Я зналъ, что одинъ іезуитъ, отецъ Мену, просматривалъ статью короля и поправлялъ ее: я положился на свою чуткость для того, чтобы разобрать, что было написано королемъ и что—монахомъ, и нападая безъ пощады на всѣ іезуитскія фразы, обозначилъ, мелькомъ, одинъ анахронизмъ, который, какъ я полагалъ, могъ быть дѣломъ только этого святого отца. Эта статья, которая, не знаю почему, надѣлала меньше шума, чѣмъ мои прочія сочиненія, остается до сихъ поръ единственнымъ произведеніемъ въ своемъ родѣ. Въ немъ я воспользовался представившимся мнѣ случаемъ показать публикѣ, какимъ образомъ частный человѣкъ могъ защищать правое дѣло противъ самого монарха. Трудно въ одно и тоже время говорить тономъ болѣе гордымъ и болѣе почтительнымъ, чѣмъ тотъ, который я употреблялъ въ своихъ возраженіяхъ королю. На мою долю выпало счастіе имѣть дѣло съ противникомъ, которому мое сердце, полное уваженія, могло изъявлять это чувство, не прибѣгая къ лести. И я дѣлалъ это съ достаточнымъ успѣхомъ и всегда съ достоинствомъ. Мои друзья, испугавшись за меня, думали уже, что я попаду въ Бастилію. Я не боялся этого ни одной минуты, и былъ правъ. Этотъ добрый государь, прочитавъ мой отвѣтъ, сказалъ: «Мнѣ досталось; я не стану больше соваться въ это дѣло». Съ тѣхъ поръ я получалъ отъ него различныя доказательства его уваженія и благосклонности; нѣкоторыя изъ нихъ я приведу впослѣдствіи; моя статья распространилась преспокойно во Франціи и въ Европѣ, и никто не нашелъ въ ней ничего достойнаго осужденія.

Вскорѣ явился у меня другой противникъ, котораго я не ожидалъ, тотъ самый г. Бардъ, изъ Ліона, который десять лѣтъ назадъ оказывалъ мнѣ много любезностей и услугъ. Я не забылъ его, но пренебрегъ имъ по лѣности и не посылалъ ему своихъ сочиненій, потому что не находилъ удобнаго случая. Слѣдовательно я былъ не правъ. Онъ аттаковалъ меня впрочемъ вѣжливымъ образомъ; я отвѣчалъ ему точно также. Онъ сдѣлалъ возраженіе тономъ болѣе рѣшительнымъ. Это дало поводъ къ моему послѣднему отвѣту, послѣ котораго онъ замолчалъ, но сдѣлался моимъ злѣйшимъ врагомъ, воспользовался временемъ, когда я впалъ въ несчастіе, чтобъ написать на меня ужасные пасквили, и предпринялъ путешествіе въ Лондонъ, единственно съ цѣлью повредить мнѣ тамъ.

Вся эта полемика очень занимала меня, отнимая много времени при перепискѣ нотъ, весьма мало подвигая впередъ истину и не принося почти никакой выгоды моему кошельку. Писсо, мой тогдашній книгопродавецъ, всегда давалъ мнѣ бездѣлицу за мои брошюры, часто же вовсе ничего не давалъ; напримѣръ за свою первую рѣчь я не получилъ ни полушки: Дидро отдалъ ему ее даромъ. Приходилось ждать долго и

вытягивать у него копѣйку за копѣйкой ту ничтожную плату, которую я отъ него получалъ за свои брошюры. Между тѣмъ переписка нотъ шла плохо. Я взялся за два дѣла; такимъ образомъ и то и другое выполнялось дурно.

Они противорѣчили одно другому еще инымъ образомъ,—подчиняя меня двумъ различнымъ родамъ жизни. Вслѣдствіе успѣха моихъ первыхъ статей, я вошелъ въ моду. Мой образъ жизни возбуждалъ любопытство: хотѣли знать того страннаго человѣка, который не искалъ ни съ кѣмъ знакомства и заботился только о томъ, чтобы жить свободно и счастливо по своему. Этого было достаточно, чтобъ онъ не могъ исполнять свое намѣреніе. Моя комната всегда была полна людьми, которые подъ разными предлогами, приходили завладѣвать моимъ временемъ. Женщины употребляли тысячу хитростей, чтобъ заставлять меня обѣдать у нихъ. Чѣмъ грубѣе я обходился съ людьми, тѣмъ становились они настойчивѣе. Я не могъ всѣмъ отказывать. Наживъ себѣ чрезъ отказы тысячу враговъ, я безпрестанно былъ подъ игомъ своей снисходительности, и, не смотря ни на какія уловки, не имѣлъ въ сутки ни часа времени, которымъ могъ бы распоряжаться.

Тогда я почувствовалъ, что не всегда такъ легко, какъ воображаютъ, быть бѣднымъ и независимымъ. Я хотѣлъ жить своимъ ремесломъ, а публика не хотѣла того. Она придумывала тысячу мелкихъ средствъ вознаградить меня за то время, которое заставляли меня терять.Вскорѣ пришлось бы показывать себя какъ паяца, за извѣстную плату съ персоны. Я не знаю болѣе унизительнаго и болѣе жестокаго подчиненія, какъ подчиненіе такого рода. Я видѣлъ лишь одно средство избавиться отъ него—отказываться отъ подарковъ какъ большихъ, такъ и маленькихъ, и не дѣлать исключенія ни для какой личности. Все это только больше привлекало просителей, которые хотѣли имѣть славу побѣдить мое упорство и принудить меня быть имъ обязаннымъ наперекоръ себѣ. Иной человѣкъ, который не далъ бы мнѣ талера, еслибъ я попросилъ, не переставалъ надоѣдать мнѣ своими приношеніями, и въ отмщеніе за то, что я отказывался отъ нихъ, обвинялъ меня въ надменности и чванствѣ.

Понятно, что принятое мной намѣреніе и система, которой я хотѣлъ слѣдовать, были не во вкусѣ г-жи ле-Вассеръ. Безкорыстность дочери не мѣшала ей поступать по наущенію матери, а *гувернантки*, какъ называлъ ихъ Гофкуръ, не всегда бывали такъ тверды въ отказахъ, какъ я. Хотя отъ меня скрывали многое, однакожъ я видѣлъ достаточно, чтобъ понимать, что видѣлъ не все, и это меня мучило, не столько по причинѣ ихъ стачки, которую я легко предвидѣлъ, сколько отъ жестокой мысли, что я никогда не могъ быть хозяиномъ ни у себя, ни самого

себя. Я просилъ, умолялъ, сердился, и все безъ успѣха; мать прославила меня вѣчнымъ ворчуномъ, бирюкомъ; съ моими друзьями безпрестанно перешептывались; все было для меня тайной и секретомъ въ моемъ домашнемъ быту; а чтобъ не подвергать себя безпрерывно бурямъ, я не смѣлъ больше освѣдомляться, что дѣлается въ домѣ. Чтобъ вырваться изъ всѣхъ этихъ дрязгъ, нужна была твердость, къ какой я не былъ способенъ. Я умѣлъ кричать, но не умѣлъ дѣйствовать; мнѣ не мѣшали говорить, но продолжали поступать по своему.

Наконецъ, вслѣдствіе постоянныхъ дрязгъ и ежедневной докучливости, которымъ я былъ подверженъ, мое жилище и мое пребываніе въ Парижѣ сдѣлались для меня непріятными. Когда мое нездоровье позволяло мнѣ выходить изъ дома и когда мнѣ удавалось отдѣлаться отъ приглашеній моихъ знакомыхъ, я ходилъ гулять одинъ; я мечталъ о своей великой системѣ, набрасывалъ кое-что изъ нея на бумагу, при помощи чистой книжки и карандаша, которые всегда носилъ съ собой въ карманѣ. Вотъ какимъ образомъ непредвидѣнныя непріятности въ положеніи, выбранномъ добровольно, бросили меня совершенно въ литературу, и вотъ вслѣдствіе чего я вносилъ во всѣ свои первыя сочиненія желчь и досаду, заставлявшія меня писать ихъ.

Этому способствовало еще другое обстоятельство. Брошенный вопреки себѣ въ свѣтъ, не имѣя свѣтскости, не будучи въ состояніи пріобрѣсти ее и заставить себя ей подчиняться, я вздумалъ принять совершенно своеобразный тонъ, который избавилъ бы меня отъ подчиненія свѣтскимъ приличіямъ. Моя глупая и несносная застѣнчивость, которой я не могъ побѣдить, вытекла изъ опасенія уклониться отъ правилъ благопристойности, и я рѣшился, чтобъ придать себѣ смѣлости, попирать ногами эти правила. Я изъ стыда сдѣлался циникомъ и насмѣшникомъ. Я притворился, что презираю вѣжливость, потому что не умѣлъ ее соблюдать. Правда, что эта грубоватость, сообразная съ моими новыми принципами, облагораживалась въ моей душѣ, переходила въ ней въ непоколебимость добродѣтели, и на этомъ то, смѣю сказать, величественномъ фундаментѣ, она поддержалась лучше и больше, чѣмъ должно было ожидать отъ усилія, столь противоположнаго моему характеру. Впрочемъ, не смотря на репутацію мизантропа, которую я получилъ въ свѣтѣ за свою наружность и за нѣсколько мѣткихъ словъ, — несомнѣнно что въ частной жизни я всегда дурно поддерживалъ эту роль, что мои друзья и знакомые водили этого свирѣпаго медвѣдя какъ ягненка, и что ограничивая свои сарказмы жестокими, но общими истинами, я никогда не умѣлъ сказать ни одного непріятнаго слова кому бы то ни было.

Моя комедія «Деревенскій Пророкъ» (Le Devin du village) оконча-

тельно ввела меня въ моду, и скоро не было въ Парижѣ человѣка, съ которымъ желали бы познакомиться больше, чѣмъ со мной. Исторія этой пьесы, составляющей эпоху въ моей жизни, находится въ связи съ исторіей моихъ тогдашнихъ знакомствъ и связей. Я долженъ войти въ эту подробность для уясненія того, что будетъ впослѣдствіи.

У меня было довольно много знакомыхъ, но только два избранныхъ друга: Дидро и Гриммъ. Вслѣдствіе свойственнаго мнѣ желанія соединять вмѣстѣ все, что мнѣ дорого, я былъ слишкомъ большой другъ обоихъ, для того чтобъ они не сдѣлались вскорѣ друзьями между собою. Я познакомилъ ихъ короче; они сошлись и подружились другъ съ другомъ тѣснѣе, чѣмъ со мной. Дидро обладалъ огромнымъ запасомъ знаній, но Гриммъ, иностранецъ и новичекъ, долженъ былъ пріобрѣтать ихъ. Я съ величайшимъ удовольствіемъ доставилъ ему средство къ тому. Я далъ ему Дидро, далъ и Гофкура. Я ввелъ его къ г-жѣ Шенонсо, г-жѣ д'Эпинэ, къ барону Гольбаху, съ которымъ я подружился почти противъ своего желанія. Всѣ мои друзья сдѣлались его друзьями, что было очень естественно; но ни одинъ изъ его друзей никогда не сдѣлался моимъ другомъ, что менѣе естественно. Когда онъ жилъ въ домѣ графа де-Фріезъ, мы часто у него обѣдали; но никогда не видѣлъ я ни малѣйшаго изъявленія дружбы или благосклонности, ни отъ графа де-Фріезъ, ни отъ графа де-Шомбергъ, его родственника, очень коротко знакомаго съ Гриммомъ, ни отъ кого изъ тѣхъ лицъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, съ которыми Гриммъ имѣлъ чрезъ нихъ сношенія. Я исключаю одного аббата Рэналя, который будучи его другомъ, оказался и въ числѣ моихъ друзей и при случаѣ предложилъ мнѣ свой кошелекъ съ рѣдкимъ великодушіемъ. Но я узналъ аббата Рэналя задолго до того, какъ самъ гриммъ узналъ его, и всегда былъ къ нему привязанъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ поступилъ со мной весьма деликатно и честно,— и хотя это случилось при неважномъ обстоятельствѣ, но этого поступка я никогда не забывалъ.

Этотъ аббатъ Рэналь конечно другъ преданный. Онъ доказалъ это почти въ то самое время, о которомъ я говорю, своимъ поступкомъ съ Гриммомъ, съ которымъ онъ былъ въ тѣсной дружбѣ. Гриммъ, бывшій нѣсколько времени хорошимъ знакомымъ мадмуазель де-Фель, вдругъ вздумалъ по уши въ нее влюбиться и вытѣснить Кагюзака. Красавица, имѣвшая претензію на постоянство, выпроводила этого новаго претендента. Гриммъ ударился въ трагедію и вздумалъ умереть. Онъ впалъ внезапно въ самую странную болѣзнь, о которой, быть можетъ, никогда никто и не слыхивалъ. Онъ проводилъ дни и ночи въ постоянной летаргіи, съ совершенно открытыми глазами, съ правильнымъ пульсомъ, но не говорилъ, не ѣлъ, не шевелился, иногда, казалось, онъ слышалъ что

говорили, но никогда не отвѣчалъ, даже знаками; впрочемъ не обнаруживалъ ни волненія, ни боли, ни лихорадочной дрожи и лежалъ, точно мертвый! Аббатъ Рэналь и я попеременно сидѣли у больного; аббатъ, бывшій покрѣпче и поздоровѣе меня, проводилъ у него ночи, а я дни; мы ни на минуту не покидали его, никогда не сидѣли у него вмѣстѣ, и никогда одинъ изъ насъ не уходилъ прежде прихода другаго. Встревоженный графъ де-Фріезъ привелъ къ нему Сенака, который, хорошенько изслѣдовавъ больного, сказалъ, что послѣдствій не будетъ, и ничего не прописалъ. Мой ужасъ за моего друга заставилъ меня заботливо наблюдать за выраженіемъ лица доктора; выходя, онъ улыбнулся. Однако больной оставался нѣсколько дней безъ движенія, не ѣлъ бульона и никакой другой пищи, исключая вишень вареныхъ въ сахарѣ, которыя я изрѣдка клалъ ему въ ротъ, и которыя онъ охотно глоталъ. Въ одно прекрасное утро онъ всталъ, одѣлся и принялся жить по прежнему; послѣ того онъ никогда не говорилъ ни мнѣ, ни, на сколько я это знаю, аббату Рэналю, и никому другому объ этой странной летаргіи и о попеченіяхъ, которыя мы оказывали ему во время ея.

Это приключеніе не обошлось безъ шума и въ самомъ дѣлѣ было бы удивительно, если бы жестокость оперной пѣвицы уморила человѣка. Чрезъ эту страсть Гриммъ вошелъ въ моду; вскорѣ онъ прослылъ чудомъ любви, дружбы и привязанностей всякаго рода. Вслѣдствіе этого его стали охотно принимать и чествовать въ большомъ свѣтѣ,—а это удалило его отъ меня, который не служилъ для него ничѣмъ инымъ, какъ убѣжищемъ въ крайнемъ случаѣ. Я видѣлъ, что онъ былъ готовъ почти совсѣмъ отшатнуться отъ меня, потому что тѣ сильныя чувства, которыми онъ такъ щеголялъ, питалъ я къ нему, но только безъ шума. Я былъ очень радъ его успѣхамъ въ свѣтѣ, но мнѣ не хотѣлось, чтобы изъ-за нихъ онъ забывалъ своего друга. Однажды я сказалъ ему: — Гриммъ, вы мною пренебрегаете; я вамъ это прощаю; когда первое опьяненіе блестящими успѣхами окончится и вы почувствуете пустоту ихъ, я надѣюсь, что вы возвратитесь ко мнѣ и всегда найдете меня прежнимъ; что же касается до настоящаго времени, не стѣсняйтесь; я даю вамъ свободу и буду васъ ждать.—Онъ отвѣчалъ, что я правъ, послѣдовалъ моему совѣту и стѣснялся такъ мало, что я встрѣчался съ нимъ только въ присутствіи нашихъ общихъ друзей.

Главное мѣсто нашихъ собраній передъ тѣмъ временемъ, когда онъ тѣсно сошелся съ г-жею д'Эпинэ, былъ домъ барона Гольбаха. Этотъ баронъ былъ сынъ выскочки, имѣвшаго довольно большое состояніе, которымъ онъ распоряжался весьма благородно, принимая у себя писателей и людей талантливыхъ и занимая между ними, благодаря своимъ занятіямъ и образованію, приличное мѣсто. Издавна знакомый съ Дидро, онъ

желалъ чрезъ него познакомиться со мной даже раньше, чѣмъ мое имя сдѣлалось извѣстнымъ. Совершенно естественное нерасположеніе долго мѣшало мнѣ отвѣчать на его вниманіе. Когда онъ разъ попросилъ меня объяснить причину, я сказалъ ему: «Вы слишкомъ богаты». Онъ настаивалъ на своемъ и побѣдилъ меня. Величайшимъ моимъ несчастіемъ было то, что я никогда не могъ противиться ласкамъ: эти уступки никогда не оканчивались для меня хорошо.

Другое знакомство, обратившееся въ дружбу немедленно послѣ того, какъ я получилъ право претендовать на него, было знакомство съ г. Дюкло. За нѣсколько лѣтъ до того я видѣлся съ нимъ въ первый разъ въ Шевреттъ, у г-жи д'Эпинэ, съ которой онъ былъ хорошо знакомъ. Мы только разъ пообѣдали вмѣстѣ, и онъ уѣхалъ въ тотъ же день; но мы успѣли обмѣняться нѣсколькими словами послѣ обѣда. Г-жа д'Эпинэ говорила ему обо мнѣ и о моей оперѣ: «Любовныя похожденія Музъ». Дюкло, слишкомъ талантливый для того, чтобъ не любить талантовъ другихъ, выказалъ ко мнѣ расположеніе и пригласилъ меня навѣстить его. Не смотря на мою старинную склонность къ нему, усиленную знакомствомъ, моя робость и лѣность удерживали меня до тѣхъ поръ, пока только его любезность давала мнѣ право посѣтить его; но ободренный моимъ первымъ успѣхомъ и его похвалами, доходившими до меня, я сталъ бывать у него, и онъ у меня; и такимъ образомъ возникли между нами сношенія, благодаря которымъ онъ всегда будетъ мнѣ дорогъ, такъ какъ только ему, за исключеніемъ свидѣтельства моего собственнаго сердца, я обязанъ сознаніемъ, что прямота и честность могутъ соединяться съ литературнымъ талантомъ.

Много другихъ связей менѣе прочныхъ и о которыхъ я здѣсь не упоминаю, были результатомъ моихъ первыхъ успѣховъ и длились до тѣхъ поръ, пока не удовлетворилось любопытство. Меня такъ легко было узнать съ перваго взгляда, что на другой день нечего было и искать. Однако одна женщина, старавшаяся сойтись со мной въ это время, продолжала знакомство со мной долѣе другихъ: я говорю о маркизѣ де-Креки, племянницѣ уѣзднаго судьи г. де-Фрулэ, мальтійскаго посланника, братъ котораго былъ предшественникомъ г. де-Монтэгю въ венеціанскомъ посольствѣ и котораго я навѣстилъ, возвратившись изъ Венеціи. Г-жа де-Креки написала мнѣ, я пріѣхалъ къ ней, и заслужилъ ея расположеніе. Я иногда обѣдалъ у нея; я встрѣчалъ у ней нѣкоторыхъ писателей, между прочими г. Сорена, автора «Spartacus», «Barneyeldt» и пр., сдѣлавшагося съ того времени моимъ жесточайшимъ врагомъ, хотя я не могу придумать этому никакой другой причины, кромѣ того, что я ношу имя человѣка, котораго его отецъ преслѣдовалъ самымъ недостойнымъ образомъ.

Ясно, что для переписчика, которому слѣдовало заниматься своей работой съ утра до вечера, я имѣлъ не мало развлеченій, вслѣдствіе которыхъ я заработывалъ немного и которыя мѣшали мнѣ быть внимательнымъ къ своему дѣлу на столько, чтобъ оно выполнялось хорошо. Вслѣдствіе этого, почти половину времени, остававшагося у меня для этихъ занятій, я употреблялъ на то, что вычеркивалъ или выскабливалъ свои ошибки, или начиналъ листъ сызнова. Такая докучливость дѣлала для меня Парижъ съ каждымъ днемъ несноснѣе и заставляла меня сильнѣе стремиться за городъ. Не разъ отправлялся я на нѣсколько дней въ Маркусси; г-жа ле-Вассеръ знала тамошняго викарнаго, у котораго мы всѣ устроивались такимъ образомъ, что наше присутствіе не стѣсняло его. Однажды и Гриммъ собрался съ нами [1]). У викарнаго былъ порядочный голосъ; онъ пѣлъ хорошо, и, не смотря на то, что не зналъ музыки, разучивалъ свою партитуру съ большой легкостью и вѣрностью. Мы проводили у него время, распѣвая мои тріо, написанные въ Шенонсо. Я прибавилъ къ нимъ еще два, три новыхъ, на слова, слагавшіяся кое-какъ Гриммомъ и викарнымъ. Не могу удержаться, чтобъ не пожалѣть объ этихъ трехъ тріо, сочиненныхъ и пѣтыхъ въ минуты неподдѣльной радости и оставленныхъ мной въ Вуттонѣ вмѣстѣ съ моей прочей музыкой Мадмуазель Дэвенпортъ, быть можетъ, уже сдѣлала изъ нихъ папильотки, а они заслуживали того, чтобъ ихъ сохранить: большая часть изъ нихъ отличалась очень хорошимъ контр-пунктомъ. Послѣ одного изъ этихъ-то маленькихъ вояжей, когда я имѣлъ удовольствіе видѣть тетку довольной, весьма веселой и когда мнѣ самому было также очень весело, я написалъ къ викарному, очень поспѣшно и очень плохо, посланіе въ стихахъ, которое найдутъ въ моихъ бумагахъ.

Ближе отъ Парижа я имѣлъ еще станцію, которая мнѣ очень нравилась, у г. Мюссара, моего соотечественника, родственника и друга, который устроилъ себѣ въ Пасси восхитительное убѣжище, гдѣ я проводилъ очень безмятежныя минуты. Г. Мюссаръ былъ ювелиръ и человѣкъ здравомыслящій; наживъ себѣ торговлей порядочное состояніе и выдавъ свою единственную дочь замужъ за г. де-Вальмалетъ, сына одного биржеваго маклера и дворецкаго короля, онъ благоразумно рѣшился оставить на старости лѣтъ торговлю и дѣла и отдѣлить житейскія заботы отъ смерти небольшимъ промежуткомъ спокойствія и наслажденій. Доб-

[1]) Такъ какъ я упустилъ изъ виду разсказать здѣсь неважное, но достопамятное приключеніе, которое я имѣлъ тамъ съ Гриммомъ въ одно утро, въ которое мы собирались обѣдать у источника де-Сен-Водриль, то не стану упоминать о немъ; но, пораздумавшись впослѣдствіи объ этомъ приключеніи, я вывелъ изъ него заключеніе, что Гриммъ уже тогда замышлялъ въ глубинѣ сердца заговоръ, который потомъ выполнилъ съ такимъ неслыханнымъ успѣхомъ.

рякъ Мюссаръ, истинный практическій философъ, жилъ беззаботно въ очень пріятномъ домѣ, который выстроилъ себѣ, и въ очень хорошенькомъ саду, который насадилъ своими руками. Разрывая очень глубоко землю въ этомъ саду, онъ нашелъ ископаемыя раковины, и въ такомъ большомъ количествѣ, что его восторженное воображеніе не видѣло въ природѣ ничего, кромѣ раковины, и онъ, не шутя, думалъ, что вселенная ничто иное какъ собраніе раковинъ, обломки раковинъ. Постоянно занятый этимъ предметомъ и своими странными открытіями, онъ такъ увлекся этими идеями, что онѣ обратились бы наконецъ въ его головѣ въ систему, то есть въ сумасшествіе, еслибъ, на счастье его разсудка, но на несчастье его друзей, которымъ онъ былъ дорогъ и которые находили у него самое пріятное убѣжище, не явилась смерть и не похитила бы его у нихъ, вслѣдствіе очень странной и жестокой болѣзни; это была опухоль въ желудкѣ, которая, постоянно увеличиваясь, мѣшала ему ѣсть; очень долго не находили причины опухоли, но кончилось тѣмъ, что послѣ многихъ лѣтъ страданій, онъ умеръ отъ голода. Я не могу вспомнить безъ сердечнаго стѣсненія о послѣднихъ дняхъ этого бѣднаго и достойнаго человѣка. Продолжая и въ болѣзни принимать съ истиннымъ удовольствіемъ Ленипса и меня, единственныхъ его друзей, которыхъ видъ его страданій не удалялъ отъ него до смертнаго часа, онъ былъ доведенъ до такого состоянія, что пожиралъ глазами кушанье, которое приказывалъ подавать намъ, и не могъ почти проглотить нѣсколькихъ капель слабенькаго чая безъ того, чтобъ его чрезъ минуту затѣмъ не вырвало. Но до этой горестной эпохи, сколько пріятнаго времени я проводилъ у него съ избранными друзьями, которыхъ онъ пріобрѣлъ себѣ! Во главѣ ихъ ставлю аббата Прево, человѣка очень любезнаго и очень простого, котораго сердце оживотворяло его сочиненія, достойныя безсмертія, и у котораго не было ни въ характерѣ, ни въ сношеніяхъ съ знакомыми, даже тѣни мрачнаго колорита, отличавшаго его сочиненія; затѣмъ слѣдовали медикъ Прокопъ, маленькій Езопъ, счастливый въ любви; Буланже, знаменитый авторъ сочиненія: «Восточный деспотизмъ», изданнаго послѣ его смерти; изъ женщинъ, г-жа Дени, племянница Вольтера, которая, будучи въ то время только доброй женщиной, не имѣла еще притязанія на остроуміе; г-жа Ванло, далеко не красавица, но премилая женщина и пѣвшая какъ ангелъ; сама г-жа Вальмалетъ, которая тоже пѣла, и, не смотря на чрезвычайную худобу, была бы очень мила, еслибъ имѣла меньше притязанія на любезность. Вотъ почти всѣ, составлявшіе общество г. Мюссара; мнѣ было бы въ немъ хорошо, еслибъ бесѣда наединѣ съ Мюссаромъ и его манія къ раковинамъ не нравились мнѣ еще больше, и я могу сказать, что въ продолженіи полугода я работалъ въ его кабинетѣ съ такимъ же удовольствіемъ, какъ онъ самъ.

Давно утверждалъ онъ, что воды Пасси были бы очень полезны для меня, и уговаривалъ меня переѣхать къ нему пить ихъ. Чтобъ удалиться на время отъ городской суеты, я наконецъ сдался и отправился провести дней восемь или десять въ Пасси; сельская жизнь принесла мнѣ больше пользы, чѣмъ самыя воды. Мюссаръ игралъ на віолончели и страстно любилъ итальянскую музыку. Разъ вечеромъ мы много говорили объ этой музыкѣ, прежде чѣмъ легли спать, — въ особенности о комическихъ операхъ, которыя мы оба видали въ Италіи и отъ которыхъ оба были въ восторгѣ. Я не могъ заснуть ночью и сталъ обдумывать, какимъ бы образомъ сдѣлать, чтобъ дать французамъ понятіе о драмѣ такого рода, потому что опера «Любовныя похожденія Рагонда», вовсе не походила на такія пьесы. По утру, во время прогулки и употребленія водъ, я сочинилъ очень наскоро что то въ этомъ родѣ въ стихахъ, приладилъ къ нимъ пришедшіе во время сочиненія на память мотивы, и набросалъ все кое-какъ въ круглой бесѣдкѣ, находившейся въ верхней части сада; за чаемъ я не утерпѣлъ, чтобъ не показать этихъ арій Мюссару и мадмуазель Дюверноа, его домоправительницѣ, которая по истинѣ была очень добрая и милая дѣвушка. Первые три отрывка, набросанные мной, были: первый монологъ «J'ai perdu mon serviteur», арія деревенскаго пророка: «L'amour croit s'il s'inquiète» и послѣдній дуэтъ: «A jamais, Colin, je t'engage» и проч. Я никакъ не воображалъ, что стоило труда продолжать это, и еслибъ мои слушатели не осыпали меня похвалами и не придали мнѣ смѣлости, — я побросалъ бы въ огонь эти лоскутки бумаги и не сталъ бы о нихъ думать, какъ нерѣдко поступалъ съ вещами, по крайней мѣрѣ не менѣе хорошими. Но Мюссаръ и мадмуазель Дюверноа такъ раззадорили меня, что черезъ шесть дней моя драма была вся написана, исключая нѣсколькихъ стиховъ, и вся музыка набросана, такъ что въ Парижѣ оставалось мнѣ только окончить речитативы и составить всѣ средніе голоса. Я окончилъ все съ такой быстротой, что въ три недѣли всѣ сцены были переписаны на чисто и драму можно было давать. Въ ней недоставало лишь дивертисмента, который былъ написанъ гораздо позднѣе.

— 1752. —Разгоряченный сочиненіемъ этого произведенія, я страстно желалъ услышать его и отдалъ бы все на свѣтѣ, чтобъ ее представили въ присутствіи меня одного, подобно тому, какъ Люлли, если вѣрить разсказамъ, заставилъ однажды разыграть «Армиду» для одного себя. Но такъ какъ я не могъ наслаждаться своимъ произведеніемъ иначе, какъ вмѣстѣ съ публикой, то необходимо было поставить его на оперную сцену. Къ несчастію, моя опера была совершенно въ новомъ родѣ, къ которому уши французовъ совсѣмъ не привыкли; сверхъ того, по неудачѣ «Любовныхъ похожденій Музъ», я предвидѣлъ, что «Пророкъ»

не будетъ имѣть успѣха, если я представлю его подъ своимъ именемъ Дюкло помогъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ и взялся похлопотать о постановкѣ пьесы на сцену, безъ объявленіи имени сочинителя. Чтобъ не выдать себя, я не пошелъ на репетицію; а *маленькіе скрипачи* [1]), дирижировавшіе оркестромъ, сами не знали имени сочинителя до тѣхъ поръ, пока всеобщее одобреніе не доказало, что пьеса хороша. Всѣ слышавшіе ее были въ такомъ восторгѣ, что на другой день во всѣхъ обществахъ только и разговора было, что о ней. Г. де-Кюри, завѣдывавшій придворными расходами и бывшій на репетиціи, изъявилъ желаніе дать эту оперу на придворномъ театрѣ. Дюкло, знавшій мои намѣренія, разсудилъ, что при дворѣ я буду имѣть меньше возможности располагать своимъ произведеніемъ, чѣмъ въ Парижѣ, и отказалъ Кюри. Послѣдній потребовалъ оперу именемъ власти; Дюкло не сдавался, и между ними завязалась такая горячая распря, что разъ въ оперѣ, они готовы были вызвать другъ друга на дуэль, еслибъ ихъ не развели. Попробовали обратиться ко мнѣ: я предоставилъ дѣло на разрѣшеніе Дюкло. Должны были снова обратиться къ нему. Вмѣшался герцогъ д'Омонъ. Дюкло счелъ наконецъ должнымъ уступить власти, и сочиненіе было отдано для представленія въ Фонтенебло.

Партія, къ которой я всего болѣе привязался и въ которой всего болѣе уклонился отъ рутины, была речитативъ. У меня онъ имѣлъ совсѣмъ новую интонацію и шелъ въ тактъ съ произношеніемъ словъ. Распорядители не посмѣли оставить такое ужасное нововведеніе, изъ боязни, что оно оскорбитъ уши барановъ. Я согласился на то, чтобъ Франкель и Желіотъ составили другой речитативъ, но не хотѣлъ въ него вмѣшиваться.

Когда все было готово и когда назначили день для представленія, мнѣ предложили ѣхать въ Фонтенебло, чтобъ видѣть по крайней мѣрѣ послѣднюю репетицію. Я отправился туда съ мадмуазель Фель, Гриммомъ, и кажется съ аббатомъ Рэналемъ, въ придворной каретѣ. Репетиція шла порядочно, я остался ею доволенъ больше, чѣмъ ожидалъ. Оркестръ былъ многочисленный, составленный изъ оперныхъ и королевскихъ музыкантовъ. Желіоту дали роль Колена, мадмуазель Фель—Колетты, а Кювилье — пророка; хоръ составили оперные пѣвцы. Я почти не вмѣшивался въ исполненіе; всѣмъ распоряжался Желіотъ; я не хотѣлъ подвергать контролю то, что онъ дѣлалъ, и, не смотря на мои римскіе пріемы, былъ стыдливъ, какъ школьникъ, среди всего этого люда.

Ча слѣдующій день, въ который назначалось представленіе, я отпра-

[1]) такъ называли Ребеля и Франкеля, извѣстныхъ съ дѣтства тѣмъ, что они ходили всегда вмѣстѣ по домамъ играть на скрипкѣ.

вился позавтракать въ кофейню Grand-Commun. Тамъ было много народа. Толковали о вчерашней репетиціи и о затрудненіи, съ какимъ доставались билеты на представленіе. Одинъ бывшій тамъ офицеръ сказалъ, что онъ безъ труда пробрался на репетицію. Затѣмъ онъ сообщилъ въ подробности, что происходило тамъ, описалъ композитора, передалъ, что онъ дѣлалъ, что сказалъ; но меня поразило въ этомъ довольно длинномъ разсказѣ, полномъ самонадѣянности и естественности, то, что въ немъ не было ни слова правды. Я видѣлъ очень ясно, что человѣкъ, разсказывавшій мельчайшія подробности репетиціи, вовсе не былъ на ней, потому что онъ не узнавалъ композитора, который былъ у него предъ глазами, и котораго, по его глазамъ, онъ такъ близко видѣлъ. Всего страннѣе въ этой сценѣ было то дѣйствіе, которое она на меня произвела. Разсказчикъ былъ человѣкъ уже не молодой; онъ ни видомъ, ни манерами вовсе не походилъ на фата или хвастуна; по наружности его можно было принять за человѣка порядочнаго, по кресту св. Людовика— за стараго служаку. Я заинтересовался имъ невольно и не смотря на его безстыдство; между тѣмъ какъ онъ лгалъ, я краснѣлъ, потуплялъ глаза, былъ какъ на иголкахъ и по временамъ старался увѣрить самого себя, что былъ въ заблужденіи и говорилъ чистосердечно. Наконецъ изъ боязни, чтобъ кто нибудь не узналъ меня и ни уличилъ его въ лжи, я поспѣшилъ выпить свой шоколадъ, не сказавъ ни слова, и пройдя мимо него съ наклоненной головой, вышелъ какъ можно скорѣе, между тѣмъ какъ присутствующіе разглагольствовали по поводу его повѣствованія. Я замѣтилъ на улицѣ, что былъ весь въ поту, и увѣренъ, что еслибъ кто нибудь узналъ меня и назвалъ по имени до моего ухода изъ кофейни, я застыдился бы и смутился, какъ виноватый, единственно изъ сознанія, что этому бѣдному человѣку пришлось бы подвергнуться оскорбленію, еслибъ его ложь открылась.

Теперь я пришелъ къ одной изъ тѣхъ критическихъ минутъ своей жизни, когда трудно только разсказывать, потому что нѣтъ почти возможности, чтобъ самый разсказъ не носилъ въ себѣ отпечатка осужденія или самозащищенія. Постараюсь однакожъ передать, какимъ образомъ и по какимъ побужденіямъ я велъ себя, и не буду прибавлять къ разсказу ни похвалы, ни осужденія.

Въ день представленія, я былъ въ томъ же небрежномъ костюмѣ, который носилъ обыкновенно, съ большой бородой и въ плохо причесанномъ парикѣ. Принявъ такое несоблюденіе приличія за смѣлость, я вошелъ въ этомъ видѣ въ тотъ самый залъ, въ который вскорѣ затѣмъ должны были прибыть король, королева, королевская фамилія и весь дворъ. Я помѣстился въ ложѣ, въ которую привелъ меня г. де-Кюри, и которая ему принадлежала: эта была большая ложа на авансценѣ, про-

тивъ маленькой ложи повыше, гдѣ усѣлся король съ г-жею де-Помпадуръ. Окруженный дамами, и одинъ изъ всѣхъ мужчинъ впереди ложи, я не могъ усомниться въ томъ, что меня усадили тамъ именно для того, чтобъ я былъ на виду. Когда я увидѣлъ себя при освѣщеніи театра въ такой одеждѣ среди людей, чрезвычайно нарядныхъ, мнѣ сдѣлалось неловко; я спрашивалъ себя, на своемъ ли я мѣстѣ, прилично ли я одѣтъ, и послѣ недолгаго безпокойства, отвѣтилъ себѣ утвердительно съ храбростью, происходившей, быть можетъ, скорѣе отъ невозможности отвертѣться, чѣмъ отъ силы своихъ доводовъ. Я сказалъ себѣ: я на своемъ мѣстѣ, потому что смотрю на представленіе моей пьесы, что я приглашенъ сюда, что я и написалъ пьесу только съ тою цѣлью, чтобъ ее давали, и что, наконецъ, никто не имѣетъ больше меня права наслаждаться плодами моего труда и моихъ талантовъ. Я одѣтъ, какъ одѣваюсь обыкновенно, ни лучше, ни хуже; если я снова начну въ чемъ нибудь подчиняться общественному мнѣнію, то скоро опять подчинюсь ему во всемъ. Чтобъ всегда быть самимъ собою, я нигдѣ не долженъ краснѣть отъ того, что одѣтъ соотвѣтственно избранному мнѣ положенію; моя внѣшность проста и небрежна, но не грязна и не неопрятна; борода сама по себѣ тоже ничего, потому что намъ дала ее природа; иногда, смотря по вѣку и модѣ, она даже считается украшеніемъ. Найдутъ, что я смѣшонъ, дерзокъ, — да какое мнѣ до того дѣло? Я долженъ умѣть переносить насмѣшки и хулу, лишь бы онѣ были незаслуженныя. Послѣ этого коротенькаго разговора съ самимъ собою, я такъ хорошо окрѣпъ, что еслибъ понадобилось отстаивать себя, то я не струсилъ бы. Но вслѣдствіе ли присутствія властелина, или естественнаго настроенія сердецъ зрителей,—только я не замѣтилъ въ любопытствѣ, котораго былъ предметомъ, ничего, кромѣ вѣжливости и учтивости. Это растрогало меня до такой степени, что я снова началъ ощущать безпокойство за самого себя и за судьбу своей пьесы, и страхъ изгладить благопріятное расположеніе людей, которые, повидимому, старались только осыпать меня похвалами. Я приготовился сражаться съ ихъ насмѣшками, но ихъ ласковый видъ, котораго я не ожидалъ, поработилъ меня до такой степени, что я дрожалъ какъ ребенокъ, когда началось представленіе. Вскорѣ я имѣлъ основаніе успокоиться. Пьесу разыгрывали очень дурно, но музыкальная часть выполнялась очень хорошо. Уже послѣ перваго явленія, отличающагося дѣйствитеьно трогательной наивностью, я услышалъ въ ложахъ говоръ изумленія и одобренія, до того неслыханныхъ въ пьесахъ подобнаго рода. Возрастающее волненіе дошло до того, что отразилось на всемъ собраніи и, говоря словами Монтескье, увеличило эффектъ въ силу самаго эффекта. Въ сценѣ двухъ простачковъ, этотъ эффектъ дошелъ до крайней степени. При королѣ совсѣмъ не аплодируютъ, поэтому

все было слышно; пьеса и авторъ чрезъ то выиграли. Я слышалъ вокругъ себя шопотъ женщинъ, казавшихся мнѣ прекрасными, какъ ангелы, и говорившихъ одна другой вполголоса: это прелестно, восхитительно; въ этой пьесѣ нѣтъ ни одного звука, который не говорилъ бы сердцу. Отъ удовольствія, что я заставилъ расчувствоваться столько милыхъ особъ, я самъ сильно растрогался и не могъ при первомъ дуэтѣ удержаться отъ слезъ, замѣтивъ, что не я одинъ плакалъ. На минуту это увлеченіе прошло, когда я припомнилъ концертъ у г. Трейторана. Это воспоминаніе произвело дѣйствіе невольника, державшаго корону надъ головой побѣдителей, но оно было непродолжительно и вскорѣ я предался вполнѣ и безъ развлеченія наслажденію своею славой. Впрочемъ я увѣренъ, что въ эту минуту сладострастное чувство, возбужденное прекраснымъ поломъ, окружавшимъ меня, способствовало этому наслажденію больше, чѣмъ тщеславіе автора, и нѣтъ сомнѣнія, еслибъ здѣсь находились мужчины, я не ощущалъ бы страстнаго желанія собирать губами тѣ восхитительныя слезы, которыя я заставлялъ проливать. Мнѣ случалось видѣть, что пьесы возбуждали болѣе сильный восторгъ и удивленіе, но никогда я не видалъ, чтобъ во всемъ театрѣ, особенно въ придворномъ, господствовала, въ первый день представленія пьесы, столь полное, сладостное и трогательное упоеніе. Всѣ, кто видѣлъ это представленіе, безъ сомнѣнія помнятъ его, потому что подобнаго эффекта до тѣхъ поръ никогда не бывало.

Въ тотъ же вечеръ герцогъ д'Омонъ поручилъ сказать мнѣ, чтобъ я былъ на другой день къ одиннадцати часамъ во дворцѣ, и что онъ представитъ меня королю. Г. де-Кюри, передавшій мнѣ это, прибавилъ, что, какъ полагали, дѣло шло о пенсіи, и что король хотѣлъ самъ объявить мнѣ объ этой милости.

Повѣрятъ ли, что ночь, слѣдовавшая за такимъ блестящимъ днемъ, была для меня ночью томленія и недоумѣній? Вслѣдъ за мыслію о представленіи, я задумался надъ необходимостью часто выходить изъ комнаты, вслѣдствіе моей болѣзни, что̀ заставило меня много страдать въ вечеръ, проведенный въ театрѣ и что̀ могло мучить меня и на слѣдующій день, когда мнѣ предстояло быть въ галлереѣ или въ комнатахъ короля, среди всѣхъ вельможъ, ожидающихъ появленія его величества. Эта болѣзнь была главной причиной, по которой я держалъ себя въ сторонѣ отъ собраній и которая не позволяла мнѣ ходить въ гости къ женщинамъ. Одна мысль о томъ положеніи, въ которое могла поставить меня эта потребность, была способна усилить ее до такой степени, что мнѣ сдѣлалось бы дурно, или дѣло не обошлось бы безъ скандала, которому я предпочелъ бы смерть. Только люди знакомые съ такимъ состояніемъ, могутъ понять какъ страшно подвергать себя такой опасности.

Затѣмъ я воображалъ себѣ, что стою передъ королемъ; меня представляютъ его величеству, онъ удостоиваетъ остановиться и заговорить со мной. Здѣсь то требовалась точность въ отвѣтахъ и присутствіе духа. Ужели моя проклятая застѣнчивость, смущающая меня при всякомъ незнакомомъ человѣкѣ, не покинетъ меня въ присутствіи короля Франціи, или не позволитъ мнѣ немедленно найти что сказать? Мнѣ хотѣлось, сохраняя принятый мною строгій видъ и тонъ, показать, что я цѣню честь, которую дѣлалъ мнѣ столь великій монархъ. Слѣдовало высказать какую нибудь великую и полезную истину, облекши ее въ форму прекрасной и заслуженной похвалы. Чтобъ подготовить удачный отвѣтъ заранѣе, надобно было угадать безошибочно, что можетъ мнѣ сказать король; но я былъ увѣренъ, что и послѣ этого не вспомнилъ бы въ его присутствіи ни слова изъ того, что было придумано. Что станется со мной, если въ присутствіи всего двора, вслѣдствіе смущенія у меня прорвется какая нибудь изъ моихъ обычныхъ нелѣпостей! Эта опасность встревожила меня и напугала до такой степени, что я рѣшился, на всякій случай, не подвергаться ей.

Правда, я терялъ пенсію, которая нѣкоторымъ образомъ была мнѣ предложена, но вмѣстѣ съ тѣмъ я освобождался отъ ига, которое она наложила бы на меня. Прощай истина, свобода, смѣлость! Какъ я осмѣлюсь отнынѣ говорить о независимости и безкорыстіи? Принявъ эту пенсію, мнѣ оставалось бы только льстить или молчать. Да кто еще поручится, что мнѣ станутъ выдавать ее? Сколько пришлось бы хлопотать, скольких людей просить! Мнѣ стоило бы больше труда, и труда болѣе непріятнаго, удержать за собой эту пенсію, чѣмъ обойтись безъ нея. Слѣдовательно, отказываясь отъ нея, я, какъ мнѣ казалось, принималъ рѣшеніе, вполнѣ соотвѣтствовавшее моимъ принципамъ и жертвовалъ вѣроятнымъ дѣйствительному. Я сказалъ о своемъ намѣреніи Гримму; онъ не возражалъ. Что касается до прочихъ, то я сослался на нездоровье и уѣхалъ въ тоже утро.

Мой отъѣздъ надѣлалъ шуму; всѣ вообще осуждали его. Каждый не могъ понять моихъ причинъ; обвинять меня въ глупой надменности было гораздо легче и лучше удовлетворяло чувство зависти каждаго, кто сознавалъ въ душѣ, что онъ самъ не поступилъ бы такъ. На слѣдующій день Желіотъ написалъ ко мнѣ записку, въ которой распространялся объ успѣхѣ моей пьесы и о расположеніи къ ней самого короля. Цѣлый день, писалъ Желіотъ, его величество то и дѣло, что поетъ самымъ фальшивымъ голосомъ во всемъ королевствѣ: **«J'a perdu mon serviteur, j'ai perdu tout mon bonheur»**. Онъ прибавлялъ, что недѣли черезъ двѣ назначено второе представленіе «Пророка», которое подтвердитъ въ глазахъ всей публики полный успѣхъ перваго.

Два дня спустя, около девяти часовъ вечера, я шелъ къ г-жѣ д'Эпинэ ужинать, когда у самаго дома ея переѣхалъ мнѣ дорогу фіакръ. Сидѣвшій въ немъ господинъ сдѣлалъ мнѣ знакъ сѣсть въ экипажъ; я сѣлъ; это былъ Дидро. Онъ заговорилъ со мной о пенсіи съ такимъ жаромъ, какого я не ожидалъ въ этомъ случаѣ отъ философа. Онъ не ставилъ мнѣ въ преступленіе, что я не захотѣлъ представляться королю, но страшно обвинялъ меня въ равнодушіи къ пенсіи. Онъ сказалъ мнѣ, что если я не придаю важности деньгамъ, по отношенію къ самому себѣ, то такое безкорыстіе не позволительно мнѣ относительно г-жи ле-Вассеръ и ея дочери; что я не долженъ упускать никакого возможнаго и честнаго средства добывать для нихъ хлѣбъ, и такъ какъ нельзя было однако сказать, что я отказался отъ пенсіи, то онъ утверждалъ, что такъ какъ мнѣ, повидимому, хотѣли назначить ее, то я долженъ былъ просить ее и во чтобы ни стало получить. Я былъ тронутъ его усердіемъ, но не сходился съ нимъ во взглядѣ на это дѣло и между нами завязался по этому поводу жаркій споръ, первый, какой я имѣлъ съ нимъ; да и вообще у насъ всегда бывали только споры такого рода; онъ мнѣ предписывалъ то, что я по его понятіямъ долженъ былъ дѣлать, а я защищался, потому что по моему мнѣнію мнѣ дѣлать этого не слѣдовало.

Было поздно, когда мы разстались. Я хотѣлъ везти его ужинать къ г-жѣ д'Эпинэ; онъ никакъ не соглашался, и сколько я ни старался въ разное время, изъ желанія соединить всѣхъ кого люблю, уговорить Дидро навѣстить г-жу д'Эпинэ, для чего даже привозилъ послѣднюю къ его дверямъ, которыхъ онъ не хотѣлъ отворить намъ, —онъ всегда отговаривался и говорилъ о ней не иначе, какъ сь большимъ презрѣніемъ. Они подружились уже послѣ моей ссоры съ ней и съ нимъ, и только тогда онъ сталъ отзываться объ этой женщинѣ съ уваженіемъ.

Съ тѣхъ поръ Дидро и Гриммъ, казалось, всячески старались отклонять отъ меня моихъ *гувернантокъ*, давая имъ понять, что онѣ не имѣютъ болѣе достаточныхъ средствъ къ жизни собственно по моему нежеланію доставить имъ больше удобствъ, и что изъ меня онѣ никогда не сдѣлаютъ ничего путнаго. Они старались уговорить ихъ меня оставить, обѣщая доставить имъ мелочную продажу соли, табачную лавку и не знаю что еще чрезъ посредство г-жи д'Эпинэ. Они хотѣли даже завлечь Дюкло, а также и Гольбаха въ свою партію, но первый постоянно отказывался. До меня дошли тогда кое-какіе слухи о всѣхъ этихъ продѣлкахъ, но совершенно выяснились онѣ для меня долгое время спустя, и часто приходилось мнѣ сожалѣть о слѣпомъ и весьма неосторожномъ усердіи моихъ друзей, которые, стараясь при моемъ болѣзненномъ состояніи довести меня до самаго грустнаго одиночества, стремились мыс-

ленно сдѣлать меня счастливымъ такими средствами, какія въ сущности были всего способнѣе составить мое несчастіе.

— 1753.—На слѣдующій карнавалъ въ 1753 г. «Пророка» давали въ Парижѣ, и я имѣлъ время сочинить въ этотъ промежутокъ увертюру и дивертисментъ. Этотъ дивертисментъ, въ томъ видѣ какъ онъ напечатанъ, долженъ былъ не прекращаться во все продолженіе пьесы и имѣть послѣдовательный сюжетъ, который, по моему мнѣнію, могъ дать мѣсто весьма милымъ картинамъ. Но когда я сообщилъ эту идею дирекціи опернаго театра, меня не хотѣли даже выслушать и я долженъ былъ связывать мотивы и танцы, какъ это дѣлалось обыкновенно, вслѣдствіе чего этотъ дивертисментъ, обильный прелестными идеями, не слишкомъ удался. Я выключилъ речитативъ Желіота и снова помѣстилъ свой въ томъ видѣ, какъ я написалъ его сначала и какъ онъ напечатанъ; и этотъ речитативъ, составленный, признаюсь, нѣсколько на французскій ладъ, то есть приспособленный къ декламаціи на распѣвъ, не только не шокировалъ никого, но и удался не меньше мотивовъ и даже показался публикѣ по крайней мѣрѣ не хуже перваго. Я посвятилъ свою пьесу Дюкло, который ей покровительствовалъ, и при этомъ объявилъ, что это будетъ мое единственное посвященіе. Впрочемъ я сдѣлалъ съ его согласія еще второе посвященіе, но это исключеніе должно было польстить ему еще больше, чѣмъ еслибъ я не сдѣлалъ его.

По поводу этой пьесы у меня есть много анекдотовъ, о которыхъ распространяться я не имѣю времени потому, что долженъ сообщить вещи болѣе важныя. Быть можетъ, я поговорю о первыхъ въ дополненіи. Не могу однакожъ умолчать объ одномъ изъ нихъ, который имѣетъ связь со всѣмъ послѣдующимъ. Однажды я перебиралъ въ кабинетѣ Гольбаха его ноты; бросивъ бѣглый взглядъ на пьесы разнаго рода, онъ сказалъ, показывая собраніе пьесъ для фортепіано: «Вотъ пьесы, сочиненныя для меня; онѣ отличаются вкусомъ и очень музыкальны; никто ихъ не знаетъ и никто ихъ не увидитъ, кромѣ меня одного. Вамъ слѣдовало бы выбрать одну изъ нихъ для включенія въ вашъ дивертисментъ». Имѣя въ головѣ гораздо больше мотивовъ и симфоній, чѣмъ сколько я могъ употребить въ дѣло, я очень мало интересовался его пьесами. Однакожъ онъ до того упрашивалъ меня, что изъ снисхожденія я выбралъ одну пастораль, сократилъ ее и помѣстилъ въ тріо, поющееся при выходѣ на сцену подругъ Колетты. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ то время какъ давали «Пророка», я зашелъ однажды къ Гримму и засталъ гостей около его фортепіано, изъ-за котораго онъ поспѣшно всталъ при моемъ появленіи. Взглянувъ машинально на пюпитръ, я увидѣлъ на немъ тоже самое собраніе пьесъ барона Гольбаха; ноты были открыты именно на той пьесѣ, которую баронъ уговорилъ меня взять, увѣряя, что она

никогда не попадетъ ни въ чьи руки. Спустя нѣсколько времени я увидѣлъ снова тоже самое собраніе пьесъ на фортепіано г. д'Эпинэ, въ такой день, когда у него былъ музыкальный вечеръ. Ни Гриммъ, ни кто другой никогда не говорили объ этой аріи, и я самъ упоминаю здѣсь о ней, только потому, что спустя нѣсколько времени распространился слухъ, что я не авторъ «Деревенскаго Пророка». Такъ какъ я никогда не былъ особеннымъ большимъ нотоѣдомъ, то нѣтъ сомнѣнія, что не напиши я «Музыкальнаго Лексикона»,—всѣ наконецъ сказали бы, что я не зналъ музыки.

Не задолго до представленія «Деревенскаго Пророка» въ Парижъ пріѣхали итальянскіе буффоны, которыхъ заставили играть въ оперномъ театрѣ, не предвидя, какое дѣйствіе они произведутъ въ немъ. Не смотря на то, что они были отвратительны и что оркестръ, въ то время очень плохой, искажалъ весьма усердно дававшіяся ими пьесы, эти послѣднія принесли французской оперѣ неизгладимый вредъ. Сравненіе французской и итальянской музыки, услышанныхъ французами въ одинъ и тотъ же день, на одномъ и томъ же театрѣ, открыло имъ уши; ни одинъ французъ не могъ выносить вялость своей музыки, ознакомившись съ живыми, пѣвучими итальянскими мотивами. Каждый разъ, какъ только кончалось представленіе пріѣзжихъ пѣвцовъ, публика расходилась. Дирекція была принуждена измѣнить порядокъ спектаклей и начинать ихъ съ французскихъ пьесъ. Давали «Эгле», «Пигмаліона», «Сильфа»; ничто не помогало. Только одинъ «Деревенскій Пророкъ» выдержалъ сравненіе и нравился еще послѣ «La Serva pardona». Когда я сочинялъ свою интермедію, моя голова была полна этими пьесами; онѣ-то подали мнѣ идею ея, и я далеко не могъ предвидѣть, что моей пьесѣ придется выдерживать сравненіе съ ними. Еслибъ я былъ виновенъ въ кражѣ, сколько мои пріятели открыли бы воровства, какъ сильно они стали бы заботиться о томъ, чтобы всѣ обратили на него вниманіе.

Но напрасно: что ни дѣлали эти люди,—въ моей музыкѣ они не могли найти ни малѣйшаго сходства ни съ какой другой, и всѣ мои пѣсни, сличенныя съ мнимыми оригиналами ихъ, оказались такими же новыми, какъ характеръ музыки, которую я создалъ.

Если бы Мондонвилля и Рамо подвергнули такому испытанію, они вышли бы изъ него въ лохмотьяхъ.

Пріѣзжая труппа доставила итальянской музыкѣ очень жаркихъ приверженцевъ. Весь Парижъ раздѣлился на двѣ партіи; онѣ горячились такъ, какъ будто дѣло шло о какомъ нибудь государственномъ или религіозномъ вопросѣ. Одна партія болѣе могущественная, болѣе многочисленная, составившаяся изъ знатныхъ, богатыхъ и женщинъ, под-

держивала французскую музыку; другая, болѣе пылкая, болѣе гордая, болѣе увлекающаяся, состояла изъ настоящихъ знатоковъ, изъ талантливыхъ и геніальныхъ людей.

Маленькій отрядъ этой партіи обыкновенно собирался въ оперѣ подъ ложей королевы. Другая партія наполняла весь остальной партеръ и всю остальную залу; но главное ея сборище было подъ ложею короля. Вотъ откуда произошли эти знаменитыя въ то время названія партій: *уголокъ короля* и *уголокъ королевы*. Борьба до того оживилась, что стали появляться брошюры. Уголокъ короля вздумалъ поострить и былъ осмѣянъ брошюрой «Маленькій Пророкъ»; онъ вздумалъ пуститься въ разсужденія и былъ сокрушенъ «Письмомъ о французской музыкѣ». Эти двѣ маленькія статьи, изъ которыхъ одна принадлежала Гримму, а другая мнѣ, однѣ только и пережили этотъ споръ; всѣ остальныя уже умерли.

Но «Маленькій Пророкъ», котораго долго и упорно приписывали мнѣ, вопреки моему желанію, былъ принятъ за шутку и не причинилъ никакого вреда его автору; между тѣмъ какъ на «Письмо о музыкѣ» взглянули серьезно, и оно подняло противъ меня всю націю, вообразившую себя оскорбленною въ лицѣ своей музыки. Описаніе неимовѣрнаго дѣйствія этой брошюры было бы достойно пера Тацита. То было время великой распри между парламентомъ и духовенствомъ. Парламентъ только что былъ удаленъ, броженіе достигло высшей степени: все угрожало близкимъ возстаніемъ. Но появилась моя брошюра; тотчасъ же всѣ другія распри были забыты; всѣ мысли устремились на гибель, угрожавшую французской музыкѣ, и все возстаніе обратилось противъ одного меня. Оно было такъ сильно, что нація съ тѣхъ поръ уже не могла вполнѣ отрѣшиться отъ этихъ враждебныхъ чувствъ. При дворѣ раздумывали только о томъ—запереть ли меня въ Бастилію или сослать въ ссылку, и приказъ объ арестѣ уже былъ готовъ къ подписанію, когда г. де-Конде далъ почувствовать всю смѣшную сторону этого распоряженія. Если я скажу, что эта брошюра, можетъ быть, не допустила взрыва революціи во Франціи,—мнѣ никто не повѣритъ; а между тѣмъ это совершенная истина, которую можетъ засвидѣтельствовать весь Парижъ, потому что со времени того страннаго происшествія прошло не болѣе пятнадцати лѣтъ.

Если не посягнули на мою свободу, то не избавили меня отъ оскорбленія; даже моя жизнь была въ опасности. Оперный оркестръ составилъ честный заговоръ и рѣшилъ убить меня при выходѣ изъ театра. Объ этомъ меня извѣстили; но я, вмѣсто того, чтобы испугаться, началъ еще чаще появляться въ оперѣ и уже впослѣдствіи узналъ, что г. Анселе, офицеръ мускетеровъ, питавшій ко мнѣ дружбу, отстранилъ

исполненіе заговора тѣмъ, что помимо моего вѣдома давалъ мнѣ конвой, каждый разъ какъ я выходилъ изъ театра. Дирекція опернаго театра перешла не задолго до этого времени въ вѣдѣніе города. Первый подвигъ городскаго головы состоялъ въ отнятіи у меня права безплатнаго входа въ театръ, и это было сдѣлано самымъ невѣжливымъ образомъ, какой только былъ возможенъ; меня просто не впустили, когда я пришелъ, такъ что я былъ принужденъ взять билетъ въ амфитеатръ, чтобъ не имѣть стыда тотчасъ же уйти домой. Несправедливость была вопіющая, тѣмъ болѣе, что единственный гонораріи, который я выговорилъ себѣ за мою піесу, состоялъ въ правѣ вѣчнаго безплатнаго входа. Хотя это право принадлежало всѣмъ авторамъ, а мнѣ вдвойнѣ, но я подтвердилъ его самымъ положительнымъ образомъ въ условіи, заключенномъ въ присутствіи г. Дюкло. Правда, что мнѣ прислали черезъ кассира оперы пятьдесятъ луидоровъ въ видѣ гонорарія, чего я не просилъ; но кромѣ того, что пятьдесятъ луидоровъ не составляли суммы, приходившейся на мою долю по правиламъ,—эта уплата не имѣла ничего общаго съ правомъ безплатнаго входа, формально включеннымъ въ контрактъ и совершенно отъ нея независимымъ. Въ этомъ поступкѣ было такое смѣшеніе несправедливости и грубости, что публика, очень враждебно смотрѣвшая на меня въ то время, была имъ единодушно оскорблена, и тотъ, кто еще вчера нападалъ на меня, на другой день кричалъ въ залѣ во всеуслышаніе, что постыдно отнимать право входа у автора, такъ хорошо заслужившаго его и могущаго даже требовать его вдвойнѣ. Такъ справедлива итальянская пословица: «ognun ama la giustizia in casa d'altrui».

Послѣ этого мнѣ оставалось только потребовать мое сочиненіе обратно на основаніи того, что у меня отнимали условленное за него вознагражденіе. Съ этою цѣлью я писалъ къ г. д'Аржансону, управлявшему тогда оперой, и приложилъ къ нему записку, которую нельзя было опровергнуть и которая осталась безъ отвѣта и безъ послѣдствій, точно также, какъ мое письмо. Молчаніе этого несправедливаго человѣка задѣло меня за живое и не способствовало увеличенію того весьма посредственнаго уваженія, которое я питалъ къ его характеру и талантамъ. Такимъ-то образомъ мою пьесу продолжали давать, лишивъ меня вознагражденія, за которое я уступилъ ее. Еслибъ такъ поступилъ слабый съ сильнымъ, это назвали бы воровствомъ; въ настоящемъ случаѣ этотъ поступокъ былъ только присвоеніемъ чужой собственности.

Что касается до денежнаго результата моего труда, то хотя онъ не принесъ мнѣ и четверти того, что могъ дать въ рукахъ другаго, но тѣмъ не менѣе онъ былъ достаточно великъ, чтобы дать мнѣ средство существовать нѣсколько лѣтъ и замѣнить переписываніе нотъ, шедшее все еще

очень дурно. Я получилъ сто луидоровъ отъ короля, пятьдесятъ отъ г-жи Помпадуръ, за представленіе въ Бель-Вю, гдѣ она сама исполняла роль Колена; пятьдесятъ изъ дирекціи и пятьсотъ франковъ отъ Писсо за напечатаніе; такъ что эта интермедія, стоившая мнѣ только трехъ или шести недѣль работы, принесла мнѣ, не смотря на мое несчастіе и на мою глупость, почти столько же денегъ, сколько далъ мнѣ позднѣе «Эмиль», стоившій мнѣ двадцати лѣтъ размышленій и трехъ лѣтъ работы. Но за матеріальное довольство, доставленное мнѣ этою пьесою, я заплатилъ безконечными непріятностями; она породила тайную зависть, обнаружившуюся гораздо позднѣе. Со времени успѣха этого произведенія я не видалъ болѣе ни въ Гриммѣ, ни въ Дидро и почти ни въ одномъ изъ остальныхъ знакомыхъ мнѣ литераторовъ, того радушія, той искренности, того удовольствія при встрѣчѣ, какія, какъ мнѣ казалось, я находилъ въ нихъ прежде. Какъ только я показывался у барона, разговоръ переставалъ быть общимъ. Собирались маленькими кружками, шептались на ухо, и я оставался одинъ, не зная съ кѣмъ говорить. Я долго терпѣлъ это оскорбительное пренебреженіе и, видя что г-жа Гольбахъ, кроткая, любезная женщина, продолжала хорошо принимать меня, переносилъ всѣ грубости ея мужа до тѣхъ поръ, пока это было возможно; но однажды онъ напалъ на меня безъ всякой причины съ такою грубостью въ присутствіи Дидро, который не сказалъ ни слова, и въ присутствіи Маржанси, который впослѣдствіи часто говорилъ мнѣ, что удивлялся кротости и сдержанности моихъ отвѣтовъ,— что я окончательно возмутился этимъ недостойнымъ обращеніемъ и вышелъ изъ его дома, рѣшившись никогда больше не возвращаться туда. Это не помѣшало мнѣ всегда съ уваженіемъ отзываться и о немъ и о его домѣ, между тѣмъ какъ онъ никогда не говорилъ обо мнѣ иначе, какъ въ оскорбительныхъ и презрительныхъ выраженіяхъ, и называлъ меня не иначе какъ «эта маленькая сволочь», хотя не имѣлъ возможности привести въ доказательство ни одной вины моей противъ него или противъ тѣхъ, въ комъ онъ принималъ участіе. Вотъ какимъ образомъ онъ оправдалъ наконецъ всѣ мои предсказанія и всѣ мои опасенія. Что касается меня, я думаю, что мои друзья не сердились бы на меня за сочиненіе книгъ, и книгъ отличныхъ, потому что эта слава была и имъ не чужда, но они не могли мнѣ простить, ни сочиненія оперы, ни того блестящаго успѣха, который она имѣла, потому что ни одинъ изъ нихъ не могъ идти по моему поприщу и претендовать на тѣ же почести; одинъ Дюкло, ставшій выше этой зависти, казалось еще болѣе привязался ко мнѣ и познакомилъ меня съ дѣвицею Кино, гдѣ я встрѣчалъ столько вниманія, деликатности, ласки, сколько не видѣлъ ихъ у г. Гольбаха.

Между тѣмъ, какъ въ оперѣ давали «Деревенскаго Пророка», авторомъ его занимался театръ Французской Комедіи,—но менѣе удачно. Не добившись въ теченіе семи или восьми лѣтъ, чтобы моего «Нарциса» поставили на итальянской сценѣ, я почувствовалъ къ этому театру отвращеніе вслѣдствіе дурной игры актеровъ по французски, и очень хотѣлъ отдать свою пьесу на французскую сцену. Я сказалъ объ этомъ желаніи комику ла-Ну, съ которымъ познакомился и который, какъ извѣстно, былъ достойный человѣкъ и писатель. «Нарцисъ» понравился ему; онъ взялся поставить его безъ имени автора, а между тѣмъ доставилъ мнѣ даровой входъ, который былъ для меня большимъ удовольствіемъ, потому что я всегда предпочиталъ французскій театръ двумъ другимъ. Пьесу, игранную безъ имени автора, приняли съ аплодисментами [1]); но я имѣлъ основаніе думать, что это имя было не безъизвѣстно актерамъ и многимъ другимъ. Дѣвицы Госсенъ и Гранвиль играли роли влюбленныхъ, и хотя актеры не вполнѣ поняли истинный смыслъ моего произведенія, но нельзя было назвать исполненіе его положительно дурнымъ. Однакожъ я былъ пораженъ и тронутъ снисходительностію публики, которая имѣла терпѣніе выслушать пьесу спокойно съ начала до конца и вынести даже второе представленіе, не выказавъ ни малѣйшихъ знаковъ нетерпѣнія. Что касается меня, я такъ скучалъ на первомъ представленіи, что не выдержалъ до конца и, вышедши изъ театра, отправился въ кофейную Прокопъ, гдѣ нашелъ Буасси и нѣсколькихъ другихъ знакомыхъ, которые, вѣроятно, соскучились также какъ и я. Въ кофейнѣ я громогласно произнесъ своѳ: peccavi (согрѣшилъ), смиренно или гордо сознавшись, что я авторъ пьесы, и высказалъ о ней то, что думали другіе. Это публичное признаніе автора дурной и провалившейся пьесы было принято очень хорошо, а для меня не составило никакого труда. Въ храбрости, съ которой оно было сдѣлано, я нашелъ даже вознагражденіе моему самолюбію и думаю, что высказаться въ этомъ случаѣ было гораздо почтеннѣе, чѣмъ молчать изъ глупаго стыда. Однако такъ какъ было достовѣрно, что пьеса, хотя скучная на сценѣ, была сносна въ чтеніи, я напечаталъ ее и въ предисловіи—одномъ изъ моихъ хорошихъ произведеній,—началъ высказывать свои принципы нѣсколько болѣе открыто, чѣмъ дѣлалъ это до того времени.

Вскорѣ мнѣ представился случай развить ихъ вполнѣ въ сочиненіи гораздо болѣе важномъ; кажется въ этомъ, то есть въ 1753 году, Дижонская академія объявила конкурсъ на тему: «О происхожденіи неравенства между людьми» Пораженный этимъ великимъ вопросомъ, я

---

[1]) 18 декабря 1752 года.

удивился, что эта академія осмѣлилась предложить его; но такъ какъ у нея достало на это мужества, то я могъ рѣшиться писать объ этомъ предметѣ,—и дѣйствительно принялся за работу.

Чтобы обдумать на свободѣ этотъ важный вопросъ, я отправился на недѣлю въ Сенъ-Жерменъ вмѣстѣ съ Терезою, нашею хозяйкою, очень доброю женщиною, и одною изъ ея подругъ. Я считаю эту поѣздку одною изъ самыхъ пріятныхъ въ моей жизни. Время стояло прекрасное, добрыя женщины мои взяли на себя хлопоты и расходы; Терезѣ было весело съ ними, а я, не заботясь ни о чемъ, приходилъ къ нимъ безъ стѣсненія развлекаться въ часы обѣда и завтрака. Весь остальной день я проводилъ въ лѣсу; тамъ я искалъ и находилъ картину первыхъ временъ, гордо начертывалъ исторію ихъ, клеймилъ мелкую ложь человѣчества; я смѣло обнажалъ природу людей, слѣдовалъ за ходомъ времени и дѣлъ, исказившихъ ее и, сравнивая человѣка, сдѣланнаго человѣкомъ, съ человѣкомъ, сдѣланнымъ природою, доказывалъ, *что мнимое совершенство людей есть настоящій источникъ ихъ несчастій*. Душа моя, взволнованная этимъ чуднымъ созерцаніемъ, возносилась на небо и, смотря оттуда на моихъ ближнихъ, шедшихъ въ слѣпотѣ по пути предразсудковъ, заблужденій, несчастій, преступленій, я кричалъ имъ голосомъ слабымъ, котораго они не могли слышать: «Безумцы, безпрестанно жалующіеся на природу, узнайте, что во всѣхъ вашихъ несчастіяхъ виноваты вы сами!»

Результатомъ этихъ размышленій была «Рѣчь о неравенствѣ»,—сочиненіе понравившееся Дидро болѣе другихъ моихъ твореній и въ которомъ совѣты его мнѣ были наиболѣе полезны [1]). Но въ Европѣ немногіе съумѣли понять его, а изъ понявшихъ не нашлось ни одного, кто пожелалъ бы заговорить о немъ. Такъ какъ оно было писано на конкурсъ, то я отправилъ его туда, увѣренный заранѣе, что оно не удостоится награды, и зная хорошо, что не для статей въ такомъ духѣ основаны академическія преміи.

---

[1]) Въ то время, какъ я писалъ это сочиненіе, я не подозрѣвалъ о существованіи большого заговора Дидро и Гримма; иначе я бы легко догадался, на сколько первый изъ нихъ злоупотреблялъ моею довѣрчивостью для того, чтобы придать моимъ сочиненіямъ тотъ сухой тонъ и тотъ мрачный видъ, которыхъ они лишились, какъ скоро онъ пересталъ руководить мною. Разсказъ о философѣ, увѣщевающемъ себя съ заткнутыми ушами, чтобы не трогаться жалобами одного несчастнаго, обязанъ ему своимъ происхожденіемъ; онъ снабжалъ меня еще болѣе рѣзкими образцами, которыми я не могъ рѣшиться воспользоваться. Но я приписывалъ пребыванію въ венсенской тюрьмѣ это мрачное настроеніе, которымъ въ довольно сильной степени проникнутъ его «Клервалъ», и мнѣ никогда не приходило на мысль подозрѣвать тутъ малѣйшій злой умыселъ.

Эта прогулка и эти занятія принесли пользу моему душевному настроенію и моему здоровью. Уже нѣсколько лѣтъ мучимый задерживаніемъ мочи, я отдался въ руки врачей, которые, не облегчивъ моей болѣзни, истощили мои силы и разстроили мой организмъ. По возвращеніи изъ Сенъ-Жерменя я нашелъ въ себѣ болѣе силъ и чувствовалъ себя лучше. Я послѣдовалъ этому указанію и, рѣшившись вылечиться, или умереть безъ докторовъ и безъ лекарствъ, распростился съ ними навсегда и принялся жить со дня на день, сидя спокойно, когда не могъ двигаться и отправляясь ходить тотчасъ же, какъ это оказывалось возможнымъ. Образъ жизни людей съ претензіями такъ мало подходилъ къ моему вкусу; коварство писателей, ихъ постыдныя распри, ихъ малая вѣра въ свои книги, ихъ рѣзкій тонъ въ обществѣ были такъ ненавистны мнѣ, такъ антипатичны; я находилъ такъ мало мягкости, чистосердечія, искренности даже въ моихъ друзьяхъ, что, получивъ отвращеніе къ этой шумной жизни, началъ страстно вздыхать по деревнѣ, и, не видя средствъ согласовать мое ремесло съ возможностью жить за городомъ, бѣжалъ туда по крайней мѣрѣ каждый разъ, какъ у меня было нѣсколько свободныхъ часовъ. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, я тотчасъ послѣ обѣда отправлялся одинъ въ Булонскій лѣсъ, тамъ обсуживалъ предметы для сочиненій и возвращался домой только къ ночи.

—1754—1756.—Гофкуръ, съ которымъ я былъ тогда въ очень тѣсныхъ сношеніяхъ, долженъ былъ отправиться по случаю въ Женеву и предложилъ мнѣ поѣхать съ нимъ; я согласился. Я не чувствовалъ себя на столько здоровымъ, чтобы обойтись безъ помощи Терезы; было рѣшено, что она поѣдетъ съ нами, а мать ея останется дома. Такимъ образомъ, сдѣлавъ всѣ распоряженія, мы выѣхали втроемъ перваго іюня 1754 года.

Я долженъ отмѣтить это путешествіе, какъ эпоху перваго опыта, нанесшаго въ первый разъ въ жизни, не смотря на то, что я прожилъ уже сорокъ два года, ударъ совершенно довѣрчивому характеру, съ которымъ я родился и которому всегда предавался безъ сдержанности и безъ неудобствъ. У насъ была простая карета; ѣхали мы на однихъ и тѣхъ же лошадяхъ и подвигались весьма медленно. Я часто выходилъ изъ экипажа и шелъ пѣшкомъ. Едва проѣхали мы половину дороги, какъ Тереза обнаружила величайшее нежеланіе оставаться въ каретѣ наединѣ съ Гофкуромъ, и когда, не смотря на ея просьбы, я выходилъ изъ экипажа, она также выходила и шла тоже пѣшкомъ. Я долго упрекалъ ее въ этомъ капризѣ и даже совершенно воспротивился ему, что вынудило ее наконецъ объяснить мнѣ причину. Я думалъ, что я брежу, что я упалъ съ облаковъ, когда услышалъ, что мой другъ, г. де-Гофкуръ, шестидесятилѣтній старикъ, подагрикъ, истощенный удовольствіями и

наслажденіями, хлопоталъ съ самаго нашего отъѣзда о томъ, чтобы обольстить женщину уже немолодую, некрасивую и принадлежащую его другу. И все это—средствами самыми низкими, постыдными, предложеніями денегъ, попытками взволновать ее чтеніемъ отвратительной книги и показываніемъ безстыдныхъ картинъ, которыми была полна эта книга. Тереза, оскорбленная, выбросила разъ мерзкую книгу за окно; и я узналъ, что въ первый же день нашего путешествія, когда жестокая головная боль заставила меня лечь безъ ужина, онъ употребилъ все время моего отсутствія на попытки и маневры, приличные скорѣе сатиру и козлу, чѣмъ честному человѣку, которому я довѣрилъ мою подругу и самого себя. Какое удивленіе и какая новая сердечная боль для меня! Я, думавшій до того времени, что дружба неразлучна со всѣми милыми и благородными чувствами, составляющими ея чарующую силу, въ первый разъ въ жизни вижу себя вынужденнымъ соединить ее съ презрѣніемъ и отнять мое довѣріе и уваженіе у человѣка, котораго я люблю, и который, по моему мнѣнію, также любитъ меня. Несчастный скрывалъ отъ меня свою гнусность. Чтобы не выдать Терезу, я нашелся вынужденнымъ скрыть отъ него мое презрѣніе и затаить въ глубинѣ моего сердца чувства, которыхъ онъ не долженъ былъ узнать. О, сладкое и святое очарованіе дружбы. Гофкуръ первый сдернулъ съ тебя покрывало, а болѣе жестокія руки съ тѣхъ поръ не позволяли ему снова закрыть тебя!

Въ Ліонѣ я разстался съ Гофкуромъ, чтобы отправиться по савойской дорогѣ, потому что не могъ рѣшиться проѣхать такъ близко отъ мѣста жительства моей маменьки, не повидавшись съ нею. Я увидѣлъ ее... но Боже мой! въ какомъ положеніи! въ какомъ униженіи! что осталось ей отъ ея прежней добродѣтели? Неужели это была прежняя г-жа де-Варенсъ, нѣкогда столь блестящая,—неужели это была та самая женщина, которой когда-то рекомендовалъ меня понверскій священникъ. Какъ разрывалось мое сердце! По моему мнѣнію, единственное спасеніе для нея заключалось въ переселеніи въ другую страну. Я снова началъ сильно просить ее о томъ, о чемъ уже нѣсколько разъ просилъ въ моихъ письмахъ. Я умолялъ ее переѣхать ко мнѣ, говорилъ, что и я и Тереза посвятимъ всю нашу жизнь для ея счастія. Она не соглашалась; ее удерживала пенсія, изъ которой, однако, не смотря на аккуратную выдачу, на ея долю давно уже не приходилось ни копѣйки. Я ей еще разъ удѣлилъ немного денегъ, гораздо менѣе того, сколько мнѣ слѣдовало дать, гораздо менѣе того, сколько я далъ бы, если бы я былъ увѣренъ, что хоть одинъ грошъ изъ этой суммы попадетъ въ ея руки. Во время моего пребыванія въ Женевѣ, она ѣздила въ Шабле и заѣхала ко мнѣ въ Гранжъ-Каналь. У нея недостало денегъ для окончанія этой поѣздки; при мнѣ также не было требуемой суммы, и я отослалъ ей эти

деньги черезъ часъ съ Терезою. Бѣдная маменька! Разскажу еще объ одномъ прекрасномъ поступкѣ ея. Отъ всѣхъ ея драгоцѣнныхъ вещей у нея осталось только одно кольцо; она сняла его съ пальца и отдала Терезѣ, которая тотчасъ же снова надѣла его на ея палецъ, покрывъ поцѣлуями и оросивъ слезами эту благородную руку. Ахъ! теперь-то именно я долженъ былъ заплатить ей долгъ. Мнѣ слѣдовало оставить все, чтобы сопровождать ее до послѣдняго ея часа, и раздѣлять ея участь, какова бы она ни была. Но я не сдѣлалъ этого. Отвлеченный другою привязанностью, я чувствовалъ, какъ слабѣла моя любовь къ ней вслѣдствіе убѣжденія въ невозможности быть ей полезнымъ. Я сокрушался о ней, но не послѣдовалъ за нею. Изъ всѣхъ угрызеній совѣсти, прочувствованныхъ мною, въ теченіи всей моей жизни, это было самымъ жгучимъ и самымъ продолжительнымъ. Я заслужилъ этимъ поступкомъ тѣ жестокія испытанія, которыя не переставали обрушиваться на меня съ того времени: дай Богъ, чтобы ими я искупилъ мою неблагодарность! Эта неблагодарность заключалась въ моемъ поведеніи относительно маменьки; но въ тоже время она слишкомъ истерзала мое сердце для того, чтобы оно могло назваться сердцемъ неблагодарнаго человѣка.

Передъ отъѣздомъ изъ Парижа я набросалъ посвященіе моей «Рѣчи о неравенствѣ». Я окончилъ его въ Шамбери и помѣтилъ его этимъ мѣстомъ, сообразивъ, что во избѣжаніе всякихъ придирокъ, лучше не помѣчать его ни Франціей ни Женевой. Пріѣхавъ въ этотъ послѣдній городъ, я предался республиканскому энтузіазму, приведшему меня туда. Этотъ энтузіазмъ еще болѣе увеличился отъ сдѣланнаго мнѣ пріема. Чествуемый и ласкаемый вездѣ, я всецѣло отдался патріотическому рвенію и устыдясь того, что перемѣна вѣроисповѣданія лишила меня правъ швейцарскаго гражданина, рѣшился открыто перейти въ прежнюю свою религію. Я думалъ, что такъ какъ евангеліе одно и тоже у всѣхъ христіанъ и такъ какъ сущность догмата различествуетъ только въ томъ, что люди стараются объяснить, не будучи въ состояніи понять,—то въ каждой странѣ только государь имѣетъ право устанавливать и вѣроисповѣданіе, и этотъ непонятный догматъ, и слѣдовательно долгъ гражданина—слѣдовать догмату и вѣроисповѣданію, установленному закономъ. Знакомство съ энциклопедистами, вмѣсто того, чтобы пошатнуть мои убѣжденія, только укрѣпило ихъ моимъ врожденнымъ отвращеніемъ къ спорамъ и партіямъ. Изученіе человѣка и природы указывало мнѣ вездѣ конечныя причины и разумъ, управляющій ими. Чтеніе библіи, въ особенности евангелія, которымъ я прилежно занимался уже нѣсколько лѣтъ, заставило меня презирать низкія и глупыя толкованія, которыя придавали ученію Христа люди, наименѣе способные понять его. Однимъ словомъ, философія привязала меня только къ сущности религіи.

Разсудивъ, что для разумнаго человѣка не существуетъ двухъ способовъ быть христіаниномъ, я въ тоже время пришелъ къ убѣжденію, что вся формальная и дисциплинарная сторона установлена въ каждой странѣ господствующими законами. Изъ этого принципа, столь разумнаго, столь соціальнаго, столь мирнаго, но навлекшаго на меня столько жестокихъ преслѣдованій, слѣдовало, что если я желалъ быть швейцарскимъ гражданиномъ, то долженъ былъ сдѣлаться протестантомъ и возвратиться къ вѣроисповѣданію, установленному въ моей странѣ. И я рѣшился на это; я даже началъ слушать наставленія мѣстнаго священника прихода, въ которомъ я жилъ и который находился за городомъ. Я желалъ только, чтобъ меня не принуждали явиться въ консисторію, для совершенія торжественнаго перехода въ лоно новой религіи. Моему желанію удовлетворили; не смотря на то, что церковный эдиктъ положительно требовалъ этого обряда, — его нарушили для меня и назначили коммисію изъ пяти или шести членовъ, которые должны были частнымъ образомъ принять меня въ новое вѣроисповѣданіе. Къ несчастью, пасторъ Пердріо, человѣкъ любезный и кроткій, съ которымъ я былъ хорошо знакомъ, сказалъ мнѣ, что члены этой коммисіи заранѣе радовались удовольствію слышать мою рѣчь. Ожиданіе ихъ такъ напугало меня, что я, въ теченіи трехъ недѣль, день и ночь заучивалъ наизусть маленькую рѣчь, приготовленную для этого случая, — но когда пришлось ее произнести, растерялся до такой степени, что не могъ сказать ни одного слова и выказалъ себя въ этомъ собраніи какимъ то глупымъ школьникомъ. Члены коммисіи говорили за меня; я только глупѣйшимъ образомъ отвѣчалъ: *да* и *нѣтъ*; затѣмъ я былъ допущенъ къ причастію и возстановленъ въ моихъ правахъ гражданства. Я былъ такъ тронутъ добрымъ расположеніемъ совѣта и консисторіи и услугами всѣхъ судей, пасторовъ и гражданъ, что по настоянію добряка Демока и еще болѣе вслѣдствіе моего собственнаго влеченія, я рѣшился вернуться въ Парижъ только затѣмъ, чтобы уничтожить мое тамошнее хозяйство, устроить мои небольшія дѣла, помѣстить куда нибудь г-жу ле-Вассеръ и ея мужа, или дать имъ средства къ существованію, и возвратиться съ Терезою, чтобы поселиться въ Женевѣ до конца жизни.

Рѣшившись на это, я оставилъ серьезныя занятія, чтобы повеселиться съ друзьями до отъѣзда. Изъ всѣхъ этихъ увеселеній болѣе другихъ понравилась мнѣ прогулка вокругъ озера, которую я сдѣлалъ въ лодкѣ съ Демокомъ—отцомъ, его невѣсткою, двумя его сыновьями и моею Терезою. Путешествіе это заняло у насъ семь дней, при самой лучшей погодѣ. Я сохранилъ очень живое воспоминаніе о пейзажахъ, поразившихъ меня на другомъ концѣ озера, и нѣсколько лѣтъ спустя описалъ ихъ въ «Новой Элоизѣ».

Кромѣ Демоковъ, о которыхъ я уже говорилъ, я близко сошелся въ Женевѣ съ слѣдующими лицами: молодымъ пасторомъ Верномъ, котораго я уже зналъ въ Парижѣ и который впослѣдствіи оказался не такимъ хорошимъ человѣкомъ, какимъ я считалъ его; г. Пердріо, тогда еще деревенскимъ пасторомъ, а теперь профессоромъ литературы, пріятное сообщество котораго я всегда буду вспоминать съ удовольствіемъ, хотя впослѣдствіи онъ, изъ подражанія модѣ, счелъ нужнымъ отдалиться отъ меня; г. Жалаберомъ, тогда профессоромъ физики, а потомъ совѣтникомъ и синдикомъ, которому я читалъ мою «Рѣчь о неравенствѣ», но не читалъ посвященія, и который, какъ мнѣ казалось, пришелъ отъ нея въ восторгъ; профессоромъ Люлленомъ, съ которымъ я до его смерти находился въ перепискѣ и который даже далъ мнѣ порученіе закупить книгъ для библіотеки; профессоромъ Верне, отвернувшимся отъ меня, подобно всѣмъ прочимъ, послѣ того, какъ я далъ ему такія доказательства моей привязанности и довѣрчивости, которыя навѣрно тронули бы его, если бы теолога можно было чѣмъ нибудь тронуть; Шапюи, повѣреннымъ въ дѣлахъ и преемникомъ Гофкура, котораго онъ хотѣлъ выжить, но былъ скоро вытѣсненъ самъ; наконецъ съ Марсе де-Мезіеръ, стариннымъ другомъ моего отца, сохранившимъ дружескія отношенія и ко мнѣ; этотъ человѣкъ оказалъ нѣкогда услуги отечеству, но сдѣлавшись драматическимъ актеромъ и, начавъ стремиться къ тому, чтобы попасть въ члены комитета двухсотъ, измѣнилъ своимъ правиламъ и сталъ общимъ посмѣшищемъ еще до своей смерти.

Но человѣкъ, отъ котораго я ожидалъ всего болѣе, былъ Мульту, молодой человѣкъ, подававшій большія надежды своими способностями и умомъ, полнымъ огня; я всегда любилъ его, хотя поведеніе его относительно меня было часто двусмысленно и хотя онъ находился въ сношеніяхъ съ моими злѣйшими врагами; но, не смотря на это, я не могу до сихъ поръ смотрѣть на него иначе, какъ на человѣка, который современемъ будетъ призванъ защитить память своего друга и отмстить за него.

Среди этихъ разсѣяній я не утратилъ ни наклонности, ни привычки къ уединеннымъ прогулкамъ; часто я долго гулялъ по берегамъ озера, и въ это время голова моя, привыкшая къ работѣ, не оставалась праздною. Я обдумывалъ уже составленный мною планъ моихъ «Политическихъ учрежденій», о которыхъ я вскорѣ буду говорить; обдумывалъ «Исторію Валэ», составлялъ планъ трагедіи въ прозѣ, въ которой главнымъ дѣйствующимъ лицемъ должна явиться Лукреція; не смотря на то, что эта несчастная уже не смѣетъ явиться ни на одной изъ французскихъ сценъ, я все таки не терялъ надежды заставить замолчать насмѣшниковъ. Въ тоже время я занимался Тацитомъ и перевелъ первую книгу его исторіи; этотъ переводъ найдутъ въ моихъ бумагахъ.

Послѣ четырехмѣсячнаго пребыванія въ Женевѣ я возвратился въ октябрѣ въ Парижъ, не поѣхавъ чрезъ Ліонъ, чтобы опять не очутиться въ дорогѣ съ Гофкуромъ. Такъ какъ по моимъ обстоятельствамъ мнѣ удобнѣе было возвратиться въ Женеву только слѣдующею весною, то я въ теченіи зимы посвятилъ себя прежнимъ привычкамъ и прежнимъ занятіямъ, изъ которыхъ главнѣйшимъ было чтеніе корректуръ моей «Рѣчи о неравенствѣ», печатавшейся въ Голландіи книгопродавцемъ Рей, съ которымъ я незадолго до того познакомился въ Женевѣ. Такъ какъ это сочиненіе было посвящено республикѣ, а такое посвященіе могло не понравиться совѣту, то я хотѣлъ прежде дождаться, какое впечатлѣніе произведетъ оно въ Женевѣ, и потомъ уже возвратиться туда. Впечатлѣніе это было неблагопріятно, и посвященіе, написанное мною подъ вліяніемъ чистѣйшаго патріотизма, только создало мнѣ враговъ въ совѣтѣ и завистниковъ въ буржуазіи. Г. Шуэ, въ то время первый синдикъ, написалъ мнѣ письмо вѣжливое, но холодное; его найдутъ въ моихъ бумагахъ, связка № 3. Я получилъ нѣсколько любезныхъ писемъ отъ нѣкоторыхъ частныхъ лицъ и между прочимъ отъ Демока и Желабера; но этимъ все и ограничилось; ни одинъ женевецъ, сколько я видѣлъ, не остался искренно благодарнымъ мнѣ за тотъ сердечный жаръ, которымъ было проникнуто это сочиненіе. Это равнодушіе скандализировало всѣхъ, замѣтившихъ его. Я помню, что однажды, когда я обѣдалъ въ Клиши у г-жи Дюпенъ вмѣстѣ съ Кромеленомъ, президентомъ республики, и г. Мераномъ, этотъ послѣдній замѣтилъ въ присутствіи всѣхъ, что совѣтъ долженъ мнѣ поднести подарокъ и оказать публичныя почести за это сочиненіе, и что онъ опозоритъ себя, если не сдѣлаетъ этого. Кромеленъ, человѣкъ низкій и злой, не посмѣлъ возражать въ моемъ присутствіи, но сдѣлалъ такую страшную гримасу, что разсмѣшилъ г-жу Дюпенъ. Единственная выгода, доставленная мнѣ этимъ сочиненіемъ, кромѣ удовлетворенія потребности души, состояла въ пріобрѣтеніи названія гражданина, даннаго мнѣ моими друзьями, а потомъ, по ихъ примѣру, и публикою, и впослѣдствіи утраченнаго мною за то, что я слишкомъ хорошо заслужилъ его.

Этотъ плохой успѣхъ не отвратилъ бы меня отъ исполненія моего намѣренія удалиться въ Женеву, если бы этому не помогли причины, имѣвшія болѣе власти надъ моимъ сердцемъ. Г. д'Эпинэ, строившій флигель, котораго не доставало въ замкѣ Ла-Шевретъ, дѣлалъ неимовѣрные расходы для окончанія этой постройки. Отправившись однажды съ г-жею д'Эпинэ осматривать эти работы, мы прошли четверть лье далѣе, до резервуара водъ парка, который былъ смеженъ съ лѣсомъ Монморанси и гдѣ былъ хорошенькій огородъ, съ совершенно развалившеюся избушкою, носившею названіе Эрмитажа. Это пустынное и

очень красивое мѣсто поразило меня, когда я увидѣлъ его въ первый разъ еще передъ отъѣздомъ въ Женеву. Въ увлеченіи я невольно воскликнулъ: Ахъ! какое чудное жилище! Вотъ убѣжище вполнѣ созданное для меня! Г-жа д'Эпинэ не продолжала этого разговора; но когда теперь я снова пришелъ въ эту мѣстность, то былъ очень удивленъ, найдя вмѣсто старой лачужки маленькій домикъ, почти совершенно новый, отлично расположенный и очень помѣстительный для небольшой семьи изъ трехъ человѣкъ. Г-жа д'Эпинэ велѣла въ мое отсутствіе отстроить этотъ домикъ, что обошлось ей весьма дешево, такъ какъ она отдѣлила для этого немного матеріала и нѣсколько рабочихъ отъ построекъ въ замкѣ. Увидѣвъ мое изумленіе, она сказала:—«Медвѣдь мой, вотъ ваше убѣжище; вы сами его выбрали, дружба его вамъ предлагаетъ; я надѣюсь, что оно прогонитъ вашу жестокую мысль покинуть меня». Мнѣ кажется, что во всю мою жизнь я не былъ ни разу такъ живо и такъ отрадно тронутъ: я оросилъ слезами добродѣтельную руку моего друга, и если я не былъ побѣжденъ въ ту же минуту, то покрайней мѣрѣ рѣшеніе мое было чрезвычайно поколеблено. Г-жа д'Эпинэ, не желавшая обмануться, сдѣлалась крайне настойчива, употребляла множество средствъ и множество людей, чтобы убѣдить меня, даже склонила на свою сторону г-жу ле-Вассеръ и ея дочь,—и наконецъ восторжествовала надъ моимъ рѣшеніемъ. Отказавшись отъ переселенія на родину, я рѣшился, я обѣщалъ поселиться въ Эрмитажѣ. Пока домикъ просыхалъ, г-жа д'Эпинэ озаботилась приготовленіемъ мебели, такъ что къ слѣдующей веснѣ все было готово для переѣзда въ него.

Одно обстоятельство, очень способствовавшее перемѣнѣ моего плана, заключалось въ томъ, что Вольтеръ поселился близь Женевы. Я понялъ, что этотъ человѣкъ произведетъ тамъ переворотъ, что я найду въ моемъ отечествѣ тонъ, манеры, нравы, изгонявшіе меня изъ Парижа, что мнѣ придется безпрерывно сражаться и сдѣлаться или нестерпимымъ педантомъ, или безчестнымъ и дурнымъ гражданиномъ. Письмо, написанное мнѣ Вольтеромъ, по поводу моего послѣдняго сочиненія, дало мнѣ возможность намекнуть въ отвѣтѣ ему о моихъ опасеніяхъ; дѣйствіе, произведенное этимъ отвѣтомъ, только подтвердило ихъ. Съ тѣхъ поръ я началъ считать Женеву погибшимъ городомъ и не обманулся. Можетъ быть, мнѣ слѣдовало идти противъ бури, если бы я чувствовалъ себя на то способнымъ. Но что могъ я сдѣлать одинъ,—я, робкій, дурно выражающійся, въ борьбѣ съ человѣкомъ надменнымъ, могущественнымъ, поддерживаемымъ знатью и бывшимъ уже въ то время идоломъ женщинъ и молодежи? Я боялся безполезно подвергать опасности мое мужество; я повиновался только голосу моей мирной натуры, моей любви къ спокойствію, которая если обманывала меня тогда, то обманываетъ

и теперь. Удалясь въ Женеву я могъ избѣгнуть великихъ несчастій; но я сомнѣваюсь, чтобы я могъ совершить что нибудь великое и полезное для моего края, не смотря на мое пылкое и патріотическое рвеніе.

Троншенъ, который почти въ то же время поселился въ Женевѣ, пріѣхалъ чрезъ нѣсколько времени опять въ Парижъ разыгрывать роль скомороха и вывезъ оттуда большое богатство. Пріѣхавъ, онъ навѣстилъ меня съ кавалеромъ де-Жокуръ. Г-жа д'Эпинэ очень желала посовѣтоваться съ нимъ наединѣ и прибѣгнула къ моей помощи. Я уговорилъ Троншена съѣздить къ ней. Такимъ образомъ, подъ моимъ покровительствомъ они вошли въ сношенія, которыя сдѣлались потомъ гораздо тѣснѣе въ ущербъ мнѣ. Такова всегда была моя судьба; какъ только я сближалъ людей, бывшихъ моими друзьями, они тотчасъ же соединялись противъ меня. Хотя Троншены, замышлявшіе уже тогда поработить свое отечество, должны были смертельно ненавидѣть меня, но докторъ еще долго послѣ того продолжалъ оказывать мнѣ расположеніе. По возвращеніи въ Женеву, онъ даже прислалъ мнѣ предложеніе занять мѣсто почетнаго библіотекаря. Но рѣшеніе мое было принято, и это предложеніе не поколебало меня.

Въ это время я снова началъ бывать у г. Гольбаха. Причиной тому была смерть его жены, случившаяся, равно какъ и смерть г-жи де-Франкель, во время моего пребыванія въ Женевѣ. Дидро, сообщая мнѣ объ этомъ, говорилъ и о глубокой печали мужа. Его страданія тронули мое сердце. Я самъ сожалѣлъ объ этой милой женщинѣ. Я написалъ по этому поводу къ г. Гольбаху. Печальное происшествіе заставило меня забыть всѣ его несправедливости, и когда я возвратился изъ Женевы, а онъ — изъ путешествія по Франціи, предпринятаго имъ, чтобы разсѣяться въ сообществѣ Гримма и другихъ друзей, я отправился къ нему и продолжалъ свои посѣщенія, до переѣзда въ Эрмитажъ. Когда узнали въ этомъ кружкѣ, что г-жа д'Эпинэ, у которой Гольбахъ бывалъ, приготовляла мнѣ тамъ помѣщеніе, на меня градомъ посыпались сарказмы, смыслъ которыхъ былъ тотъ, что я, привыкшій къ поклоненіямъ и развлеченіямъ большаго города, не выдержу уединенія даже въ теченіе двухъ недѣль. Сознавая внутренно на сколько тутъ было правды, я не мѣшалъ имъ говорить и дѣлалъ свое дѣло. Г. Гольбахъ услужилъ мнѣ въ томъ отношеніи, что пристроилъ стараго добряка де-Вассера, которому было уже болѣе восьмидесяти лѣтъ, и отъ котораго его жена безпрестанно просила меня избавить ее, такъ какъ онъ былъ ей въ тягость. Онъ былъ помѣщенъ въ богадѣльню, гдѣ старость и скука по семьѣ уложили его въ могилу почти въ день пріѣзда. Жена его и другія дѣти мало жалѣли о немъ, но Тереза, нѣжно любившая его, никогда не могла утѣшиться въ

этой потерѣ и въ томъ, что только за нѣсколько дней до его смерти, она допустила его окончить жизнь вдали отъ нея.

Почти въ тоже самое время получилъ я визитъ, котораго никакъ не ожидалъ, хотя это было и старинное знакомство. Я говорю о моемъ другѣ Вантюрѣ, который явился ко мнѣ въ одно утро, когда я всего менѣе его ожидалъ. Съ нимъ былъ еще другой человѣкъ. Я нашелъ, что онъ очень измѣнился! Вмѣсто прежней граціи я увидѣлъ въ немъ какую-то грязность, что и помѣшало мнѣ войти съ нимъ въ дружескія изліянія. Или глаза мои были не тѣ же что прежде, или онъ отупѣлъ отъ разврата или, весь его прежней блескъ происходилъ отъ его молодости, которая теперь уже миновалась. Я встрѣтился съ нимъ совершенно равнодушно, и мы разстались довольно холодно. Но когда онъ ушелъ, воспоминаніе о нашихъ прежнихъ связяхъ вызвало во мнѣ живое воспоминаніе и о моихъ молодыхъ годахъ, такъ тихо, такъ невинно посвященныхъ той ангельской женщинѣ, которая теперь измѣнилась не менѣе Вантюра; я вспомнилъ маленькіе анекдоты изъ этого счастливаго времени, романическій день въ Тунѣ, проведенный такъ невинно и съ такимъ наслажденіемъ въ обществѣ двухъ прелесныхъ дѣвушекъ, вся милость которыхъ въ отношеніи ко мнѣ состояла въ дозволеніи поцѣловать руку, и которыя, не смотря на это, оставили въ моемъ сердцѣ самое живое, трогательное и продолжительное сожалѣніе; я вспомнилъ всѣ эти восхитительныя сумасбродства юнаго сердца, которыя ощущалъ тогда во всей ихъ силѣ, и которыя, какъ я думалъ, минули для меня навсегда; всѣ эти нѣжныя воспоминанія заставили меня оплакивать мою протекшую молодость и мои увлеченія, навсегда для меня потерянныя. Ахъ! сколько бы пролилъ я слезъ надъ ихъ позднимъ и гибельнымъ для меня возвратомъ, если бы предвидѣлъ страданія, которыхъ онъ долженъ былъ стоить мнѣ.

Прежде чѣмъ покинуть Парижъ, я ощутилъ, въ продолженіе зимы, предшествовавшей моему удаленію, удовольствіе, приходившееся мнѣ по сердцу, и насладился имъ во всей его чистотѣ. Палиссо, академикъ изъ Нанси, извѣстный нѣсколькими драмами, поставилъ одну изъ нихъ въ Люневилѣ въ присутствіи польскаго короля. Онъ, повидимому, думалъ угодить этому послѣднему тѣмъ, что въ этой пьесѣ выставилъ въ смѣшномъ свѣтѣ человѣка, осмѣлившагося съ перомъ въ рукѣ помѣряться съ королемъ. Станиславъ, человѣкъ благородный и не любившій сатиры, пришелъ въ негодованіе, увидѣвъ, что въ его присутствіи осмѣливались задѣвать личность. По его приказанію, графъ Трессанъ написалъ д'Аламберу и мнѣ, что его величество желалъ, чтобы Палиссо былъ изгнанъ изъ академіи. Отвѣтомъ моимъ г-ну Трессану была просьба ходатайствовать предъ польскимъ королемъ о помилованіи Палиссо. Про-

щеніе было даровано; и г. Трессанъ, извѣщая меня объ этомъ отъ имени короля, прибавилъ, что фактъ этотъ будетъ внесенъ въ протоколы академіи. Я отвѣчалъ, что это значило не оказать милость, а увѣковѣчить наказаніе. Наконецъ съ помощью настояній я добился, что было постановлено не заносить этого факта въ протоколъ академіи и не придавать ему никакой гласности.

Вся эта исторія сопровождалась со стороны какъ короля, такъ и г. Трессана, заявленіями уваженія, которыя чрезвычайно льстили мнѣ; я чувствовалъ въ этомъ случаѣ, что уваженіе людей, которые сами достойны его, производитъ въ душѣ чувство гораздо болѣе пріятное, чѣмъ тщеславіе. Я переписалъ въ мое собраніе документовъ письма г. Трессана и мои отвѣты, а оригиналы найдутъ въ связкѣ A, №№ 9, 10 и 11.

Если когда нибудь мои записки появятся въ свѣтъ, то я понимаю, что увѣковѣчиваю здѣсь воспоминаніе о фактѣ, слѣды котораго желалъ бы изгладить; но я передаю и многіе другіе вопреки моему желанію. Великій предметъ моего предпріятія, вѣчно стоящій предъ моими глазами, и неизбѣжная обязанность выполнить эту задачу во всей ее полнотѣ, не допустятъ меня отступить отъ нея вслѣдствіе болѣе слабыхъ побужденій, которыя могли бы отвлечь меня отъ нея. Въ томъ странномъ исключительномъ положеніи, въ которомъ я нахожусь, я такъ подчиненъ истинѣ, что не могу подчиняться ничему болѣе. Чтобы знать меня хорошо, надо знать со всѣхъ моихъ сторонъ, какъ хорошихъ, такъ и дурныхъ. Мои признанія естественно связаны съ признаніями многихъ другихъ: я дѣлаю и тѣ и другія съ одинаковою откровенностью во всемъ, что касается меня, не считая долгомъ щадить другихъ болѣе, чѣмъ самого себя, а между тѣмъ очень желая этого. Я хочу быть всегда правдивымъ и справедливымъ, говорить о другихъ все хорошее, на сколько это возможно, а о дурныхъ ихъ сторонахъ упоминать только по отношенію ко мнѣ, и то на столько, на сколько это необходимо. Кто имѣетъ право требовать отъ меня больше въ томъ положеніи, въ которое люди меня поставили? Моя «Исповѣдь» не должна появиться въ свѣтъ до тѣхъ поръ, пока буду живъ я или кто нибудь изъ лицъ, упоминаемыхъ въ ней. Еслибы я имѣлъ возможность распоряжаться судьбою моею и этого сочиненія, оно появилось бы въ свѣтъ только спустя много лѣтъ послѣ смерти моей и этихъ лицъ. Но тѣ усилія, къ которымъ страхъ истины заставляетъ прибѣгать моихъ могущественныхъ притѣснителей, для того, чтобы истребить слѣды ея, принуждаютъ меня для сохраненія правды дѣлать все, что дозволяетъ мнѣ право самой строгой и самой точной справедливости. Если бы память обо мнѣ должна была исчезнуть со мною, я не сталъ бы компрометировать никого и перенесъ бы безъ ропота временный и несправедливый позоръ; но такъ какъ моему имени

суждено жить, то я долженъ стараться передать такъ, чтобы этотъ человѣкъ явился предъ потомствомъ такимъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, а не какимъ неутомимо стараются изобразить его несправедливые друзья.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

—1756.—Нетерпѣливое желаніе поселиться въ Эрмитажѣ не позволило мнѣ дождаться хорошаго времени года; и какъ скоро помѣщеніе было для меня готово, я поспѣшилъ отправиться туда, сопровождаемый насмѣшками Гольбахскаго кружка, громко предсказывавшаго, что я не выдержу трехъ мѣсяцевъ уединенія и скоро со стыдомъ возвращусь къ нимъ въ Парижъ. Что касается до меня, въ продолженіи пятнадцати лѣтъ находившагося внѣ своей стихіи и теперь готовившагося наконецъ войти въ нее, то я даже не обращалъ вниманія на ихъ насмѣшки. Съ тѣхъ поръ какъ я, противъ своего желанія, бросился въ свѣтъ, я не переставалъ сожалѣть о моемъ миломъ Шарметъ и о тихой жизни, которую я тамъ проводилъ. Я чувствовалъ себя созданнымъ для сельскаго уединенія; для меня невозможно быть счастливымъ въ иномъ мѣстѣ. Въ Венеціи, въ круговоротѣ общественныхъ дѣлъ, въ отношеніяхъ, сопряженныхъ съ моимъ тогдашнимъ званіемъ, среди горделивыхъ замысловъ повышенія; въ Парижѣ, въ вихрѣ большого свѣта, среди чувственныхъ удовольствій и пирушекъ, среди блеска спектаклей, въ чаду пустого тщеславія,—вездѣ и всегда воспоминаніе о рощахъ, ручьяхъ и уединенныхъ прогулкахъ развлекало меня, опечаливало и вырывало у меня вздохи и желанія. Всѣ работы, которымъ я былъ въ состояніи подчинить себя, всѣ честолюбивые замыслы, которые иногда охватывали меня и разжигали мое рвеніе, все это имѣло одну цѣль: добиться когда нибудь блаженнаго сельскаго досуга, котораго какъ мнѣ казалось, я уже достигалъ теперь. Не имѣя достаточныхъ матеріальныхъ средствъ, которыя одни, какъ я думалъ, могли привести меня къ такой жизни, я полагалъ, что вслѣдствіе особенности моего положенія, я въ состояніи обойтись безъ нихъ и могу достичь той же цѣли совершенно противоположнымъ путемъ. У меня не было ни копѣйки дохода, но я имѣлъ имя и талантъ; я былъ умѣренъ, что я отучилъ себя отъ потребностей дорого стоющихъ, то есть навязываемыхъ общественными условіями. Кромѣ того, не смотря на мою природную лѣность, я былъ трудолюбивъ когда хотѣлъ, и лѣность моя была не столько лѣностью тунеядца, сколько

независимаго человѣка, привыкшаго работать по собственному произволу. Мое ремесло переписчика нотъ не было ни блестящее, ни прибыльное, но надежное. Мужество, съ которымъ я избралъ его, вызвало въ свѣтѣ одобреніе. Я могъ разсчитывать, что у меня не будетъ недостатка въ работѣ и что при усидчивыхъ занятіяхъ это ремесло дастъ мнѣ достаточныя средства къ существованію. Двѣ тысячи франковъ, оставшіяся у меня отъ «Деревенскаго Пророка» и отъ другихъ моихъ сочиненій, давали мнѣ возможность выжидать кліентовъ, не терпя особенной нужды, а нѣсколько сочиненій, уже начатыхъ мною, обѣщали мнѣ прибавку, достаточную для того, чтобъ я могъ работать безъ принужденія, не изнуряя себя и даже употребляя въ пользу досугъ, посвящаемый на прогулку. Содержаніе моего маленькаго хозяйства, состоявшаго изъ трехъ человѣкъ, занятыхъ полезной работой, обходилось не дорого. Наконецъ мои средства, пропорціональныя моимъ нуждамъ и желаніямъ, могли обѣщать мнѣ счастіе и долголѣтіе въ той жизни, которую я избралъ по собственной склонности.

Я могъ бы заняться дѣломъ болѣе выгоднымъ, и вмѣсто того, чтобъ поработить мое перо перепискою, посвятить его всецѣло сочиненіямъ; при высотѣ, на которую я поднялся и на которой считалъ себя способнымъ удержаться, это занятіе могло дать мнѣ богатство и даже роскошь, если бы только я захотѣлъ присоединить авторскія уловки къ старанію издавать хорошія книги. Но я чувствовалъ, что литературная работа изъ-за хлѣба скоро задушила бы мой геній и убила мой талантъ, который заключался не столько въ моемъ перѣ, сколько въ моемъ сердцѣ и былъ порожденъ единственно гордымъ и возвышеннымъ образомъ мыслей, который одинъ только и могъ питать его. Ничего сильнаго, ничего великаго не можетъ выйти изъ-подъ продажнаго пера. Нужда, алчность могли, можетъ быть, заставить меня работать скоро, но не хорошо. Если бы потребность успѣха не сдѣлала меня интригантомъ, то она заставила бы меня стараться высказывать вещи не столько полезныя и справедливыя, сколько нравящіяся толпѣ, и изъ почтеннаго писателя, какимъ я могъ быть, я сталъ бы простымъ бумагомарателемъ. Нѣтъ, нѣтъ; я всегда чувствовалъ, что занятіе литературой было и могло быть славнымъ и почтеннымъ только до тѣхъ поръ, пока оно не превращалось въ ремесло. Слишкомъ трудно мыслить благородно, какъ мыслишь только для того, чтобъ имѣть возможность жить. Кто хочетъ быть въ состояніи и смѣть высказывать великія истины, тотъ долженъ оставаться независимымъ отъ своего успѣха. Я отдалъ мои сочиненія обществу съ увѣренностью, что дѣйствовалъ въ нихъ для общей пользы, и ни о чемъ другомъ не заботился. Если сочиненіе принималось дурно, тѣмъ хуже для тѣхъ, которые не хотѣли имъ пользоваться. Что касается до меня,

я не нуждался въ ихъ одобреніи, чтобъ имѣть средства къ существованію. Мое ремесло могло меня кормить въ томъ случаѣ, еслибъ мои книги не продавались; и именно поэтому онѣ и продавались.

Девятаго апрѣля 1756 г. я оставилъ городъ, чтобъ болѣе не поселяться въ немъ, — такъ какъ я не считаю жизнью въ городахъ тѣ нѣсколько недѣль, которыя я проводилъ послѣ того въ Парижѣ, Лондонѣ и другихъ городахъ, всегда проѣздомъ и противъ моего желанія. Г-жа д'Эпинэ повезла насъ троихъ въ своей каретѣ. Ея фермеръ перевезъ мой небольшой багажъ, и я устроился на новой квартирѣ въ тотъ же самый день. Мое маленькое убѣжище было отдѣлано и меблировано просто, но чисто и даже со вкусомъ. Рука, занимавшаяся этимъ убранствомъ, придавала ему въ моихъ глазахъ неизмѣримую цѣнность, и меня восхищала мысль, что я гость моей подруги въ домѣ, выбранномъ мною и построенномъ ею нарочно для меня.

Хотя было еще холодно, и даже лежалъ снѣгъ, но земля начинала покрываться растительностью; фіалки и бѣлыя буковицы уже показались; почки деревьевъ начинали формироваться, и самая первая ночь моего переѣзда была отмѣчена первымъ пѣніемъ соловья, раздававшимся почти подъ моимъ окномъ въ лѣсу, смежномъ съ домомъ. Послѣ легкаго сна, я проснулся и, забывъ о томъ, что уже переѣхалъ, все еще воображалъ себя въ улицѣ Гренель, — когда внезапно это пѣніе заставило меня вздрогнуть, и я воскликнулъ въ восторгѣ: наконецъ всѣ мои желанія исполнились! Первою моею заботою было предаться наслажденію сельскими предметами, окружавшими меня. Вмѣсто того, чтобы устраиваться въ своемъ помѣщеніи, я началъ съ прогулокъ, и не было тропинки, кустарника, рощицы, уголка, которыхъ я не обѣгалъ бы на слѣдующій день. Чѣмъ болѣе всматривался я въ это прелестное убѣжище, тѣмъ болѣе чувствовалъ, что оно создано для меня. Это мѣсто, уединенное, или скорѣе дикое, заставляло меня переноситься мысленно на край свѣта. Здѣсь все дышало тою трогательною красотою, которыхъ не найдешь близь городовъ, и если бы кого нибудь перенесли туда внезапно, онъ ни въ какомъ случаѣ не повѣрилъ бы, что находится всего въ четырехъ лье отъ Парижа.

Послѣ нѣсколькихъ дней, посвященныхъ восторженному наслажденію сельскою жизнью, я принялся приводить въ порядокъ мои бумаги и распредѣлять занятія. Я назначилъ, по своему обыкновенію, утро для переписки, а послѣобѣденное время для прогулокъ съ книжкою изъ чистой бумаги и карандашемъ въ рукѣ; такъ какъ я никогда не умѣлъ свободно думать и писать иначе какъ sub divo, то не считалъ нужнымъ и теперь измѣнять эту методу, и положилъ, что лѣсъ Монморанси, находившійся почти подлѣ моей двери, будетъ моимъ рабочимъ кабинетомъ. У меня

было нѣсколько начатыхъ сочиненій, я просмотрѣлъ ихъ. Я всегда довольно легко и роскошно составлялъ планы произведеній, но шумъ городской жизни былъ причиною ихъ медленнаго выполненія. Я разсчитывалъ усерднѣе заняться ими въ болѣе спокойное время, и думаю, что хорошо исполнилъ данное себѣ обѣщаніе. Если сообразить, что я часто хворалъ, часто бывалъ въ Шевретъ, въ Эпинэ, въ Обоннѣ, въ замкѣ Монморанси, часто осаждался у себя дома праздными посѣтителями и всегда бывалъ занятъ половину дня перепиской нотъ,—и если при этомъ сосчитаютъ сочиненія, написанныя мною въ шесть лѣтъ, проведенныхъ мною въ Эрмитажѣ и въ Монморанси,—то найдутъ, я увѣренъ въ томъ, что если я терялъ время въ этотъ промежутокъ времени, то по крайней мѣрѣ не въ праздности.

Изъ различныхъ сочиненій, надъ которыми я трудился, «Политическія Учрежденія» было то, которое я давно обдумывалъ, которымъ занимался съ наибольшею охотою, надъ которымъ я желалъ бы проработать всю жизнь и которое, по моему мнѣнію, должно было упрочить мою репутацію. Идея этого произведенія явилась у меня уже тринадцать или четырнадцать лѣтъ тому назадъ, когда, бывши въ Венеціи, я имѣлъ случай замѣтить недостатки этого пресловутаго правительства. Съ тѣхъ поръ воззрѣнія мои значительно расширились историческимъ изученіемъ общественной нравственности. Я увидѣлъ, что все радикально истекаетъ изъ политики, и что съ какой бы стороны народъ ни брался за дѣло, онъ всегда останется только тѣмъ, чѣмъ сдѣлаетъ его характеръ его правительства; такимъ образомъ вопросъ о возможно лучшемъ правительствѣ сводился, какъ мнѣ казалось, къ слѣдующему: «каковъ долженъ быть характеръ правительства для того, чтобъ оно могло создать народъ самый добродѣтельный, самый просвѣщенный, самый благоразумный, наконецъ самый лучшій, принимая это слово въ самомъ обширномъ его значеніи?» По моему мнѣнію, этотъ вопросъ былъ очень тѣсно связанъ съ другимъ, хотя и отличнымъ отъ перваго,—а именно: «Какое правительство, по своему характеру, почти ни на одинъ шагъ не отступаетъ отъ закона?» Отсюда опять вопросъ: что такое законъ?—и цѣлая цѣпь столь же важныхъ вопросовъ. Я видѣлъ, что все это вело меня къ великимъ истинамъ, полезнымъ для счастія человѣчества, но въ особенности для блага моей родины, въ которой, во время моей поѣздки туда, я не нашелъ достаточно правильныхъ и достаточно ясныхъ понятій о законахъ и о свободѣ; я думалъ, что этотъ косвенный способъ сообщенія моему родному краю этихъ понятій, былъ лучшимъ средствомъ для того, чтобы не задѣть самолюбія его членовъ и заставить ихъ не сердиться на меня за то, что я въ этомъ отношеніи оказался немного дальновиднѣе ихъ.

Хотя я работалъ надъ этимъ сочиненіемъ уже пять или шесть лѣтъ, но оно подвинулось очень мало впередъ. Книги этого рода требуютъ размышленій, досуга, спокойствія. Кромѣ того, это сочиненіе писалось мною, какъ говорится, на удачу, и плана его я не хотѣлъ сообщать никому, даже Дидро. Я опасался, чтобы оно не показалось слишкомъ смѣлымъ для вѣка и страны, въ которыхъ я писалъ его и чтобы испугъ моихъ друзей [1]) не стѣснилъ меня въ исполненіи. Я не зналъ еще, выйдетъ ли оно во время и въ такомъ видѣ, чтобы имѣть возможность появиться въ печати при моей жизни. Я хотѣлъ быть въ состояніи безъ всякаго стѣсненія дать моему предмету все, чего онъ потребовалъ бы отъ меня; я былъ увѣренъ, что отсутствіе во мнѣ сатирическаго настроенія и желанія примѣнять общія истины къ личностямъ, позволитъ мнѣ оставаться всегда безукоризненно-справедливымъ. Я безъ всякаго сомнѣнія хотѣлъ пользоваться вполнѣ правомъ мыслить, дарованнымъ мнѣ моимъ рожденіемъ; но въ тоже время я, всегда уважавшій правительство той страны, гдѣ мнѣ приходилось жить, никогда не ослушавшійся его законовъ и всегда усердно старавшійся о томъ, чтобы не нарушать правъ людей, не хотѣлъ однако изъ страха отказаться отъ выгодъ, предоставляемыхъ этими правами. Признаюсь даже, что будучи иностранцемъ и, живя во Франціи, я находилъ свое положеніе очень удобнымъ для высказыванія истины: я зналъ, что если буду продолжать, сообразно своему намѣренію, ничего не печатать безъ разрѣшенія правительства, то не буду обязанъ отдавать кому бы то ни было отчетъ ни въ моихъ принципахъ, ни въ опубликованіи ихъ во всякомъ другомъ мѣстѣ. Я даже былъ бы менѣе свободенъ, живя въ Женевѣ, потому что въ этомъ случаѣ, въ какомъ бы мѣстѣ ни были напечатаны мои сочиненія, магистратъ всегда имѣлъ право подвергать ихъ своей цензурѣ. Это обстоятельство очень много способствовало тому, что я уступилъ настояніямъ г-жи д'Эпинэ и отказался отъ намѣренія поселиться въ Женевѣ. Я чувствовалъ, какъ сказалъ объ этомъ въ «Эмилѣ», что кто желаетъ посвятить свои сочиненія истинному благу своей родины, тотъ,—если въ немъ нѣтъ способности быть интригантомъ,—долженъ писать ихъ за границей.

---

[1]) Это опасеніе было главнымъ образомъ порождено во мнѣ разумною строгостью Дюкло; что касается Дидро, я не знаю какимъ образомъ случилось, что всѣ мои разговоры съ нимъ всегда дѣлали меня болѣе насмѣшливымъ и ѣдкимъ, чѣмъ какимъ я былъ по своей натурѣ. Это-то и отклонило меня отъ совѣщанія съ нимъ о сочиненіи, въ которомъ я хотѣлъ употребить въ дѣло только силу разумныхъ доводовъ, безъ всякихъ слѣдовъ неудовольствія и пристрастія. О тонѣ этого сочиненія можно судить по «Общественному Договору» (Contrat Social), который извлеченъ изъ него.

Что заставляло меня находить мое положенiе еще болѣе счастливымъ—было убѣжденiе, что французское правительство, хотя, можетъ быть, и не совсѣмъ благосклонно смотрѣвшее на меня, поставитъ себѣ за честь, если не покровительствовать мнѣ, то по крайней мѣрѣ оставить меня въ покоѣ. Это, какъ мнѣ казалось, была очень простая и въ тоже время очень ловкая политическая увертка: обращать себѣ въ заслугу терпимость того, чему не могли помѣшать. Дѣйствительно, еслибы меня изгнали изъ Францiи, (а это все, что со мною имѣли право сдѣлать), сочиненiя мои все таки были бы написаны и, можетъ быть, съ меньшею сдержаностью; а оставляя меня въ покоѣ, они удерживали у себя автора въ видѣ обезпеченiя за безопасность его сочиненiй и, кромѣ того, выдавая себя за правителей, питающихъ просвѣщенное уваженiе къ правамъ людей, изглаживали предубѣжденiе, сильно укоренившееся въ остальной Европѣ.

Тѣ, которые по всему, что случилось со мною, заключатъ, что моя довѣрчивость обманула меня, ошибутся. Въ бурѣ, сразившей меня, мои сочиненiя служили только предлогомъ; главную роль тутъ играла моя личность. Объ авторѣ заботились очень мало, но хотѣли погубить Жанъ-Жака: величайшее зло, найденное ими въ моихъ сочиненiяхъ, была та честь, которую онѣ могли мнѣ принести. Не будемъ забѣгать впередъ. Я не знаю, разъяснится ли впослѣдствiи эта тайна для читателей? для меня же она остается до сихъ поръ тайною; я знаю только, что еслибы гласное заявленiе моихъ принциповъ должно было навлечь на меня тѣ гоненiя, которымъ я подвергся, то я сдѣлался бы ихъ жертвою гораздо раньше, потому что то изъ моихъ сочиненiй, гдѣ эти принципы высказаны съ самою большею смѣлостью, чтобы не сказать дерзостью [1]), повидимому произвело впечатлѣнiе еще до удаленiя моего въ Эрмитажъ. А между тѣмъ въ то время никто и не подумалъ не только о томъ, чтобы сдѣлать мнѣ непрiятность, но даже помѣшать обнародованiю сочиненiя во Францiи, гдѣ оно продавалось также открыто, какъ и въ Голландiи. Послѣ того «Новая Элоиза» вышла въ свѣтъ съ тою же легкостью, была принята, смѣю сказать, съ такимъ же восторгомъ, а между тѣмъ—что покажется почти невѣроятнымъ—profession de foi умирающей Элоизы точно тоже, что савойскаго викарiя. Все, что есть смѣлаго въ «Общественномъ Договорѣ», было уже прежде высказано въ «Рѣчи о неравенствѣ»; все, что есть смѣлаго въ «Эмилѣ» появилось уже прежде въ «Юлiи». Между тѣмъ эти смѣлыя выходки не возбудили никакого шума противъ двухъ первыхъ сочиненiй, слѣдовательно не онѣ возбудили его и противъ двухъ послѣднихъ.

[1]) «Рѣчь о неравенствѣ состоянiй».

Другое предпріятіе почти того же рода, но планъ котораго былъ составленъ позже, занимало меня гораздо болѣе въ эту минуту; это было извлеченіе изъ твореній аббата Сенъ-Пьера, о которомъ я, увлеченный ходомъ моего повѣствованія, не успѣлъ поговорить до сего времени. Идея этого сочиненія была мнѣ внушена послѣ моего возвращенія изъ Женевы аббатомъ де-Мабли не непосредственно, но чрезъ г-жу Дюпенъ, которая имѣла нѣкоторый интересъ заставить меня воспользоваться этою идеею. Г-жа Дюпенъ была одною изъ трехъ или четырехъ хорошенькихъ парижанокъ, которыя балавали старика аббата Сенъ-Пьера; и если она не имѣла преимущества предъ всѣми остальными, то по крайней мѣрѣ раздѣляла его только съ г-жею д'Эгильонъ. Она сохранила къ памяти этого добряка почтеніе и привязанность, дѣлавшія честь имъ обоимъ, и ея самолюбіе было бы польщено, еслибы ея секретарь воскресилъ мертворожденныя творенія ея друга. Сочиненія эти содержали въ себѣ довольно много отличныхъ мыслей, но такъ плохо выраженныхъ, что читать ихъ весьма трудно, и странно, что Сенъ-Пьеръ, смотрѣвшій на своихъ читателей, какъ на большихъ дѣтей, говорилъ съ ними однако какъ съ взрослыми; такъ мало заботился онъ о томъ, чтобы его слушали. Вотъ почему мнѣ предложили эту работу, какъ полезную саму по себѣ и очень подходящую къ человѣку прилежному въ механической работѣ, но лѣнивому въ сочинительствѣ и который, находя процессъ мышленія очень утомительнымъ, предпочиталъ собственному творчеству разъясненія и развитіе чужихъ идей въ сочиненіяхъ, написанныхъ по его вкусу. Притомъ же меня не ограничивали исключительною ролью переводчика и не запрещали высказывать иногда самостоятельныя мысли, такъ что я могъ дать сочиненію такую форму, въ которой многія важныя истины могли подъ покровомъ имени Сенъ-Пьера пройти еще счастливѣе, чѣмъ подъ моимъ именемъ. Задача впрочемъ была не легкая, она состояла въ томъ, чтобы прочесть, обсудить и сократить 23 тома, многорѣчивыхъ, спутанныхъ, полныхъ длиннотъ, повтореній, узенькихъ или ложныхъ взглядовъ, среди которыхъ надо было откапывать нѣсколько великихъ и прекрасныхъ воззрѣній, дававшихъ силу перенести эту тяжелую работу. Я часто готовъ былъ бросить ее и сдѣлалъ бы это, еслибы могъ отказаться отъ нея приличнымъ образомъ; но, взявъ рукописи аббата, данныя мнѣ по просьбѣ Сенъ-Ламбера племянникомъ аббата, графомъ де-Сенъ-Пьеръ, я нѣкоторымъ образомъ обязался сдѣлать изъ нихъ употребленіе, и нужно было или возвратить ихъ, или сдѣлать съ ними что нибудь. Съ этимъ послѣднимъ намѣреніемъ я привезъ ихъ съ собою въ Эрмитажъ, и это былъ первый трудъ, которому я думалъ посвятить свободное время.

Я обдумывалъ и третье сочиненіе, идеею котораго обязанъ былъ на-

блюденіямъ, сдѣланнымъ надъ самимъ собою,—и я тѣмъ болѣе чувствовалъ смѣлость взяться за этотъ трудъ, что имѣлъ основаніе надѣяться создать книгу дѣйствительно полезную для людей и даже самую полезную, какую только можно предложить имъ,—если бы только исполненіе соотвѣтствовало начертанному плану. Уже давно замѣчено, что большинство людей въ теченіи своей жизни часто не походятъ на самихъ себя и какъ будто превращаются въ совершенно иныхъ людей. Не для подтвержденія столь извѣстной мысли хотѣлъ я написать сочиненіе; у меня была цѣль болѣе новая и болѣе важная: отыскать причины этихъ измѣненій и остановиться на тѣхъ изъ нихъ, которыя зависятъ отъ насъ, чтобы показать, какимъ образомъ мы должны направлять ихъ, желая сдѣлать себя лучшими и болѣе увѣренными въ себѣ. Потому что, безспорно, честному человѣку труднѣе противиться желаніямъ совершенно сформировавшимся, которыя онъ долженъ побѣждать, чѣмъ предупреждать, перемѣнять или видоизмѣнять эти самыя желанія въ ихъ источникѣ, если только онъ можетъ добраться до него. Человѣкъ выдерживаетъ искушеніе одинъ разъ, потому что онъ силенъ, и падаетъ въ другой разъ, потому что онъ слабъ; если бы онъ оставался такимъ же, какимъ былъ прежде, онъ не упалъ бы.

Роясь въ самомъ себѣ и отыскивая въ другихъ причины этихъ различныхъ проявленій человѣческой натуры, я нашелъ, что большею частью онѣ зависѣли отъ предшествовавшаго впечатлѣнія, произведеннаго внѣшними предметами, и что постоянно видоизмѣняемые нашими ощущеніями и органами, мы, сами того не замѣчая, носимъ въ нашихъ идеяхъ, нашихъ чувствахъ, нашихъ дѣйствіяхъ вліяніе этихъ видоизмѣненій. Поразительныя и многочисленныя наблюденія, сдѣланныя мною, были внѣ всякаго спора; своими физическими принципами онѣ казались мнѣ способными доставить внѣшній образъ жизни, который, видоизмѣняясь сообразно съ обстоятельствами, могъ поставить душу или поддерживать ее въ положеніи самомъ благопріятномъ для добродѣтели. Сколькихъ безразсудствъ, сколькихъ пороковъ не было бы на свѣтѣ, если бы люди умѣли заставлять животную экономію благопріятствовать нравственному порядку, который она такъ часто нарушаетъ! Климаты, времена года, звуки, цвѣта, темнота, свѣтъ, стихіи, пища, шумъ, тишина, движеніе, покой,—все дѣйствуетъ на нашу тѣлесную машину и слѣдовательно на нашу душу; все предлагаетъ намъ тысячу средствъ, почти вѣрныхъ, для управленія въ ихъ источникѣ чувствами, которымъ мы позволяемъ управлять собою. Такова была основная идея, уже набросанная мною на бумагу; я ожидалъ отъ нея вѣрной пользы для людей съ добрыми качествами, искренно любящихъ истину, недовѣряющихъ своимъ слабостямъ,—ожидалъ тѣмъ болѣе,

что мнѣ казалось легкимъ сдѣлать изъ этого сюжета сочиненіе, на столько же пріятное для чтенія, на сколько мнѣ было пріятно создавать его. Я однако очень мало работалъ надъ этимъ произведеніемъ, озаглавленнымъ «Матеріализмъ мудреца»; развлеченія, причину которыхъ читатели скоро узнаютъ, мѣшали мнѣ заняться имъ; читатели узнаютъ о судьбѣ, постигнувшей первый очеркъ его,—судьбѣ, связанной съ моею собственною больше, чѣмъ это можетъ показаться.

Кромѣ всего этого, я обдумывалъ уже давно систему воспитанія, которою просила меня заняться г-жа Шенонсо, боявшаяся за своего сына вслѣдствіе воспитанія, которое давалъ ему ея мужъ. Дружба была причиною, что этотъ предметъ, хотя менѣе другихъ приходившійся мнѣ по вкусу, всего болѣе занималъ меня. Поэтому изъ всѣхъ плановъ, о которыхъ я только что говорилъ, только этотъ одинъ былъ доведенъ мною до конца. Цѣль, которою я задался, принявшись за этотъ трудъ, заслуживала, какъ мнѣ кажется, не такой участи, какой авторъ подвергнулся на самомъ дѣлѣ. Но не будемъ забѣгать впередъ въ этомъ печальномъ дѣлѣ: я и то буду принужденъ слишкомъ много говорить о немъ въ этомъ произведеніи.

Всѣ эти различные проекты давали мнѣ много предметовъ для размышленій во время моихъ прогулокъ, потому что, какъ я уже, кажется говорилъ, я могу размышлять только гуляя; чуть только я останавливаюсь, какъ мышленіе мое прекращается, и голова моя работаетъ только до тѣхъ поръ, пока работаютъ ноги. Я былъ однако на столько предусмотрителенъ, что запасся и кабинетною работою на случай дождливыхъ дней. Эта работа состояла въ составленіи моего «Музыкальнаго Лексикона», матеріалы котораго были такъ разбросаны, изорваны, что необходимо было передѣлать все сызнова. Я привезъ съ собою нѣсколько книгъ нужныхъ для этой работы; два мѣсяца провелъ я надъ извлеченіями изъ многихъ другихъ сочиненій, которыми ссужали меня изъ королевской библіотеки и изъ которыхъ кое-какія мнѣ позволили даже увезти съ собою въ Эрмитажъ. Это были мои запасы для компилятивной работы дома, когда погода не позволяла мнѣ выходить, а переписываніе нотъ надоѣдало. Это распредѣленіе занятій оказывалось до такой степени удобнымъ для меня, что я держался его и въ Эрмитажѣ и въ Монморанси, и даже впослѣдствіи въ Мотье, гдѣ оканчивалъ эту работу, не прекращая своихъ другихъ занятій, и постоянно убѣжденный, что перемѣна занятій составляетъ истинное отдохновеніе отъ труда.

Я довольно точно слѣдовалъ нѣкоторое время распредѣленію, которое самъ себѣ сдѣлалъ, и чувствовалъ себя отъ того очень хорошо; но когда съ наступленіемъ теплаго времени года, г-жа д'Эпинэ начала все чаще и чаще пріѣзжать въ Эпинэ или въ Шевретъ, я увидѣлъ, что уха-

живанье за нею, сначала ничего мнѣ не стоившее, но о которомъ я прежде не подумалъ, будетъ сильно разстраивать мои другіе планы. Я уже говорилъ, что г-жа д'Эпинэ была женщина очень милая: она любила своихъ друзей, услуживала имъ съ большимъ рвеніемъ, и такъ какъ не щадила для нихъ ни времени, ни заботъ, то, конечно, заслуживала вниманія и съ ихъ стороны. До того времени я исполнялъ эту обязанность, не считая ее обязанностью; но наконецъ понялъ, что наложилъ на себя цѣпь, всю тяжесть которой только дружба не давала мнѣ чувствовать; но я увеличилъ эту тяжесть моимъ отвращеніемъ къ многочисленнымъ собраніямъ. Г-жа д'Эпинэ воспользовалась этимъ отвращеніемъ, чтобы сдѣлать мнѣ предложеніе, которое, повидимому, было мнѣ на руку, а на самомъ дѣлѣ удовлетворяло больше ея желанію; именно, она предложила предупреждать меня каждый разъ, когда она будетъ одна или почти одна. Я согласился, не сообразивъ, какое обязательство принималъ на себя. Изъ этого вышло, что я посѣщалъ ее въ часы, удобные не для меня, а для нея, и что я никогда не былъ увѣренъ, что могу располагать своимъ днемъ. Это стѣсненіе очень уменьшило удовольствіе, которое я испытывалъ до того времени, посѣщая ее. Я увидѣлъ, что та свобода, которую, она мнѣ такъ щедро обѣщала, была дана мнѣ только съ условіемъ никогда не пользоваться ею неограниченно, и когда разъ или два я попробовалъ примѣнить къ дѣлу эту свободу, на меня посыпалось столько записокъ, столько посланій, столько тревожныхъ справокъ о моемъ здоровьѣ, что я увидѣлъ, что не явиться къ ней по ея первому слову я могъ только въ случаѣ самой опасной болѣзни. Надо было подчиниться этому игу; я сдѣлалъ это, и даже довольно охотно для такого великаго врага зависимости; искренняя привязанность къ ней мѣшала мнѣ въ большинствѣ случаевъ чувствовать стѣсненіе, соединявшееся съ этими посѣщеніями. Такимъ образомъ наполняла она кое какъ пустоту, производившуюся въ ея увеселеніяхъ отсутствіемъ ея обычной свиты. Для нея это была замѣна довольно слабая, но во всякомъ случаѣ болѣе пріятная, чѣмъ совершенное одиночество, котораго она не могла переносить. А между тѣмъ она могла проводить время гораздо пріятнѣе, съ тѣхъ поръ какъ вздумала заняться литературой, и во что бы то ни стало писать романы, письма, комедіи, сказки и другіе пустяки въ томъ же родѣ. Но ее забавляло не столько сочиненіе этихъ вещей, сколько чтеніе ихъ; и если ей случалось испачкать двѣ или три страницы, то она должна была быть увѣрена, что найдетъ по окончаніи этого громаднаго труда хотя двухъ или трехъ благосклонныхъ слушателей. Я удостоивался чести попадать въ число этихъ избранныхъ только въ случаѣ присутствія еще кого нибудь; одинъ я почти всегда считался за ничто, и это не только у г-жи д'Эпинэ, но также у Гольбаха и вездѣ, гдѣ тонъ давался Гриммомъ.

Эта ничтожность была мнѣ весьма на руку вездѣ, исключая бесѣдъ вдвоемъ, въ которыхъ я не зналъ какъ держаться, потому что не смѣлъ говорить ни о литературѣ, въ которой, по ихъ мнѣнію, я не могъ быть судьею, ни о любезности, такъ какъ я былъ очень робокъ и боялся больше смерти смѣшного вида стараго волокиты. Притомъ же эта мысль ни разу не приходила мнѣ въ голову при свиданіяхъ съ г-жею д'Эпинэ и, можетъ быть, ни разу не пришла бы даже въ томъ случаѣ, если бы я всю жизнь провелъ наединѣ съ этой женщиной, не потому, чтобы я питалъ къ ней отвращеніе; напротивъ, можетъ быть я слишкомъ много любилъ ее какъ другъ, чтобы любить какъ любовникъ. Мнѣ было пріятно видѣть ее, говорить съ нею. Разговоръ ея, довольно пріятный въ обществѣ, былъ сухъ и безцвѣтенъ въ бесѣдѣ вдвоемъ; а моя бесѣда, тоже не особенно цвѣтистая, не могла служить ей большою поддержкою. Стыдясь слишкомъ долгаго молчанія, я старался оживить разговоръ, и хотя онъ часто утомлялъ меня, но не надоѣдалъ никогда. Я съ большимъ удовольствіемъ исполнялъ ея маленькія желанія, давалъ ей совершенно братскіе поцѣлуи, которые, какъ мнѣ казалось, не возбуждали и въ ней никакой чувственности. Тѣмъ все и ограничивалось. Она была очень худа, очень бѣла и имѣла грудь плоскую какъ моя ладонь. Одного этого было достаточно, чтобы охладить меня; другія причины, о которыхъ безполезно говорить, также заставляли меня забыть, что она женщина. Рѣшившись такимъ образомъ на неизбѣжное подчиненіе, я отдался ему безъ сопротивленія и нашелъ его, по крайней мѣрѣ въ первый годъ, не столь обременительнымъ, какъ я ожидалъ. Г-жа д'Эпинэ, проводившая обыкновенно почти цѣлое лѣто въ деревнѣ, въ этомъ году провела тутъ только часть его, отъ того ли, что дѣла задерживали ее въ Парижѣ, или отъ того, что отсутствіе Гримма дѣлало для нея пребываніе въ Шевретѣ менѣе пріятнымъ. Я пользовался промежутками, когда ея не было, или когда въ замкѣ было очень много народа, чтобы наслаждаться моимъ уединеніемъ съ моею доброю Терезою и ея матерью,—наслаждаться такъ, чтобы хорошо чувствовать цѣну его. Хотя я уже до того нѣсколько лѣтъ сряду часто посѣщалъ деревню, но почти не пользовался ея удовольствіями; эти поѣздки, совершавшіяся всегда съ людьми церемонными, всегда портившіяся стѣсненіемъ, только разжигали во мнѣ наклонность къ сельскимъ наслажденіямъ, отсутствіе которыхъ я тѣмъ сильнѣе ощущалъ, чѣмъ ближе видѣлъ ихъ предъ собою. Мнѣ такъ наскучили гостинныя, искусственные фонтаны, рощицы, цвѣтники, и еще болѣе скучные показыватели всего этого; я былъ такъ измученъ брошюрами, фортепіанами, бантиками, глупыми остротами, пошлымъ жеманствомъ, пустыми разсказчиками и большими ужинами, — что когда я взглядывалъ мелькомъ на простой бѣдный кустъ, заборъ, амбаръ, лугъ, когда я прогла-

тывалъ, проходя чрезъ деревню, хорошую яичницу, когда я слышалъ издалека сельскую пѣсенку,—то посылалъ къ чорту и румяна, и фолбару, и амбру, и вспоминая съ сожалѣніемъ о простомъ обѣдѣ съ дешевенькимъ виномъ, готовъ былъ съ удовольствіемъ поколотить господъ, которые заставляли меня обѣдать въ тѣ часы, когда я ужинаю, и ужинать—когда я сплю,—а въ особенности господъ лакеевъ, пожиравшихъ глазами то, что я ѣлъ, и продававшихъ мнѣ негодное вино своихъ господъ въ десять разъ дороже, чѣмъ я заплатилъ бы въ кабакѣ за самое лучшее вино.

И такъ я наконецъ у себя, въ убѣжищѣ пріятномъ и уединенномъ, съ правомъ вести жизнь независимую, ровную и мирную, для которой я чувствовалъ себя созданнымъ. Прежде чѣмъ говорить о вліяніи, которое это положеніе, столь новое для меня, произвело на мое сердце, надо перечислить тайныя привязанности мои, чтобы читатель могъ лучше прослѣдить ходъ этихъ новыхъ видоизмѣненій въ его причинахъ.

Я всегда смотрѣлъ на день, соединившій меня съ Терезою, какъ на день, установившій нравственную сторону моей натуры. Я нуждался въ привязанности, потому что то чувство, которое должно было удовлетворить меня, было такъ жестоко разбито. Жажда счастія не прекращается въ сердцѣ человѣка. Маменька старѣла и падала; мнѣ было доказано, что она не могла быть счастлива на землѣ. Оставалось искать своего счастья, такъ какъ я утратилъ всякую надежду раздѣлить счастье съ нею. Я нѣсколько времени переходилъ отъ одной мысли къ другой, и отъ одного проекта къ другому. Мое путешествіе въ Венецію сдѣлало бы меня общественнымъ дѣятелемъ, если бы человѣкъ, въ руки котораго я попалъ, имѣлъ хоть каплю здраваго смысла. Я легко падаю духомъ, особенно въ предпріятіяхъ трудныхъ и продолжительныхъ. Плохая удача этого опыта вселила въ меня отвращеніе ко всѣмъ другимъ; слѣдуя моему старинному правилу, я началъ смотрѣть на отдаленные предметы, какъ на обманчивую приманку, и рѣшился впередъ жить со дня на день, потому что не видѣлъ въ жизни ничего, что подстрекало бы меня хлопотать и работать.

Въ это время я познакомился съ Терезой. Кроткій характеръ этой доброй дѣвушки, какъ мнѣ казалось, такъ хорошо согласовался съ моимъ, что я сильно привязался къ ней; эта привязанность выдержала удары и времени заблужденій, и то, что повидимому должно было ее уничтожить, только усилило ее. Силу этого чувства узнаютъ впослѣдствіи, когда я раскрою раны, рубцы, которыми оно терзало мое сердце въ самомъ разгарѣ моихъ бѣдствій, хотя до той самой минуты, въ которую я пишу эти строки, я ни разу ни передъ кѣмъ не высказывалъ своего сѣтованія.

Когда узнаютъ, что преодолѣвъ все, лишь бы не разставаться съ этою женщиною, проведя съ нею двадцать пять лѣтъ вопреки судьбѣ и людямъ, я уже въ старости женился на ней, хотя она не ожидала и не просила этого, а я не обязывался и не обѣщалъ, — когда узнаютъ это, то пожалуй подумаютъ, что неистовая страсть вскружила мнѣ голову въ первый день нашего знакомства и потомъ постепенно довела меня до послѣдняго сумасбродства; къ этому заключенію придутъ еще скорѣе, когда узнаютъ частныя и важныя причины, которыя должны были воспрепятствовать мнѣ сдѣлать это когда бы то ни было. Что же подумаетъ читатель, когда я скажу ему съ тою правдивостью, на которую теперь онъ уже долженъ считать меня способнымъ, что съ первой минуты, когда я увидѣлъ Терезу и до настоящаго дня, я никогда не чувствовалъ къ ней ни малѣйшей искры любви, что я желалъ обладать ею также мало, какъ и г-жею де-Варенсъ, и что въ удовлетвореніи моей чувственной потребности играла роль не собственно ея личность, а ея полъ. Читатель подумаетъ, что я, созданный не такъ какъ другіе люди, былъ не способенъ чувствовать любовь, потому что она не принимала участія въ чувствахъ, привязывавшихъ меня къ женщинамъ, наиболѣе дорогимъ для меня. Терпѣніе, о мой читатель. Приближается роковая минута, которая слишкомъ сильно выведетъ тебя изъ этого заблужденія.

Я повторяюсь, это знаютъ, но это необходимо. Первая изъ моихъ потребностей, самая большая, самая сильная, самая прочная, вполнѣ владѣла моимъ сердцемъ; это потребность самаго интимнаго общества; она-то была главною причиною того, что я нуждался больше въ женщинѣ, чѣмъ въ мужчинѣ, больше въ подругѣ, чѣмъ въ другѣ. Эта странная потребность была такова, что самое тѣсное соединеніе наше не могло удовлетворить ей; мнѣ нужны были двѣ души въ одномъ тѣлѣ, безъ этого я всегда ощущалъ пустоту. Сближеніе съ Терезой, повидимому, уничтожило эту пустоту. Эта молодая дѣвица, привлекательная множествомъ превосходныхъ свойствъ и въ то же время даже хорошенькая, безъ тѣни искусственности и кокетства, могла бы ограничить собою мое существованіе, если бы я могъ сдѣлать тоже самое по отношенію къ ней, какъ сначала надѣялся. Мнѣ нечего было бояться со стороны мужчинъ; я увѣренъ, что я единственный человѣкъ, котораго она дѣйствительно любила, и ея спокойный темпераментъ не требовалъ иной любви, даже тогда, когда я совершенно одряхлѣлъ. У меня не было семьи, а у нея была, и семья эта, рѣзко отличавшаяся характеромъ отъ Терезы, была не такова, чтобы я могъ сдѣлать ее своею. Въ этомъ заключалась первая причина моего несчастія. Чего бы не далъ я, чтобъ только сдѣлаться сыномъ ея матери! Я употреблялъ всѣ усилія, чтобы добиться этого и не успѣлъ. Напрасно старался я слить въ одно всѣ наши интересы, —

это было невозможно. Старуха ле-Вассеръ всегда имѣла въ виду интересы отличные отъ моихъ, противные моимъ, противные даже интересамъ своей дочери. Она, ея дѣти и внуки сдѣлались піявками,—и самое меньшее зло, которое они причиняли Терезѣ, состояло въ томъ, что они ее обворовывали. Бѣдная дѣвушка, привыкшая склоняться даже предъ своими племянницами, молча позволяла обирать себя и распоряжаться собою, и я видѣлъ съ горестью, что, истощая для нея кошелекъ и наставленія, я не дѣлалъ для нея ничего полезнаго. Я старался развести ее съ матерью; она постоянно сопротивлялась этому. Я уважалъ ее за это еще болѣе; но тѣмъ не менѣе сопротивленіе ея обратилось ко вреду и ей, и мнѣ. Отдавшись въ руки своей матери и всѣхъ своихъ родственниковъ, она принадлежала имъ болѣе, чѣмъ мнѣ, чѣмъ даже самой себѣ; алчность ихъ была для нея не на столько разорительна, на сколько совѣты ихъ гибельны; наконецъ, если, благодаря ея любви ко мнѣ, благодаря ея хорошей натурѣ, она не впала въ совершенное рабство, то во всякомъ случаѣ это положеніе весьма значительно парализировало вліяніе хорошихъ правилъ, которыя я старался внушить ей; однимъ словомъ, какъ я ни брался за это дѣло, мы всегда продолжали составлять два разныя существа.

Вотъ какимъ образомъ въ привязанности искренней и взаимной въ которую я положилъ всю нѣжность моего сердца, душевная пустота моя всегда оставалась ненаполненною. Дѣти, которыя могли бы сдѣлать это, появились; но дѣло пошло отъ этого еще хуже. Отдавая ихъ въ воспитательный домъ, я рисковалъ гораздо меньше. Эта причина моего рѣшенія, самая сильная изъ всѣхъ тѣхъ, которыя я перечислялъ въ моемъ письмѣ къ г-жѣ Франкель, была однако единственная, о которой я не осмѣлился сказать ей. Я рѣшился лучше остаться въ глазахъ ея кругомъ виноватымъ въ такомъ важномъ проступкѣ, чѣмъ выставить въ неблагопріятномъ свѣтѣ семейство любимой женщины. Но, судя по наклонностямъ ея несчастнаго брата, каждый можетъ сообразить, слѣдовало ли мнѣ обращать вниманіе на какіе бы то ни было толки и подвергать моихъ дѣтей риску получить такое воспитаніе, какое было дано этому человѣку.

Лишась возможности наслаждаться вполнѣ этимъ интимнымъ обществомъ, въ которомъ я такъ нуждался, я искалъ дополненій, которыя, не наполняя моей душевной пустоты, позволяли мнѣ чувствовать ее не такъ сильно. По недостатку друга, который бы весь принадлежалъ мнѣ, я нуждался въ друзьяхъ, которыхъ поощреніе побѣдило бы мое бездѣйствіе; вотъ отчего я сближался какъ можно тѣснѣе съ Дидро, съ аббатомъ Кондильякомъ, завелъ новое, еще болѣе тѣсное знакомство съ Гриммомъ; наконецъ, благодаря своей несчастной «Рѣчи», исторію кото-

рой я уже разсказалъ, я снова очутился совершенно нечаянно въ литературномъ мірѣ, изъ котораго, какъ мнѣ казалось, я вышелъ навсегда.

Мой дебютъ вывелъ меня новой дорогой въ другой умственный міръ, на гордыя и простыя отношенія котораго я не могъ смотрѣть безъ энтузіазма. Вскорѣ, вслѣдствіе постоянныхъ занятій этимъ предметомъ, я началъ видѣть въ доктринѣ нашихъ мудрецовъ только заблужденіе и безуміе, а въ нашемъ общественномъ устройствѣ только гнетъ и бѣдствіе. Ослѣпленный глупой гордостью, я считалъ себя призваннымъ разсѣять всѣ эти заблужденія, и разсудивъ, что для того чтобы заставить другихъ слушать меня, мнѣ было необходимо согласовать мой образъ жизни съ нашими принципами, я пошелъ по той странной дорогѣ, по которой мнѣ не позволили идти, за которую друзья мои не могли простить мнѣ, и которая сначала сдѣлала меня смѣшнымъ, но, наконецъ, пріобрѣла бы мнѣ общее уваженіе, если бы я имѣлъ возможность удержаться на ней.

До того времени я былъ добръ, теперь же я сталъ добродѣтельнымъ или по крайней мѣрѣ упоеннымъ добродѣтелью. Это упоеніе началось съ головы, но потомъ перешло въ сердце. Самая благородная гордость начала рости въ немъ на обломкахъ вырваннаго съ корнемъ тщеславія. Я ни мало не притворялся; я сталъ дѣйствительно тѣмъ, чѣмъ казался, и въ теченіе, по крайней мѣрѣ, четырехъ лѣтъ, въ которыя длилось это возбужденіе во всей его силѣ, не было ничего такого великаго и прекраснаго въ сердцѣ человѣка, на что я не былъ бы способенъ. Вотъ гдѣ источникъ моего внезапнаго краснорѣчія, вотъ отчего разлился по моимъ первымъ сочиненіямъ тотъ по истинѣ небесный огонь, который жегъ меня, и въ продолженіе предшествовавшихъ сорока лѣтъ не обнаружился ни одною искрою, потому что не былъ еще зажженъ.

Я преобразовался вполнѣ; мои друзья и знакомые не узнавали меня. Я уже не былъ тѣмъ робкимъ, тѣмъ болѣе застѣнчивымъ, чѣмъ скромнымъ человѣкомъ, который не осмѣливался ни войти въ комнату, ни заговорить, котораго конфузила каждая шутка и заставлялъ краснѣть женскій взоръ. Смѣлый, гордый, неустрашимый, я являлся съ увѣренностью, тѣмъ болѣе сильною, что она была совершенно проста и жила въ моей душѣ болѣе чѣмъ во внѣшнихъ пріемахъ. Презрѣніе, внушенное мнѣ моими глубокими размышленіями, къ нравамъ, правиламъ и предразсудкамъ моего вѣка, дѣлало меня нечувствительнымъ къ насмѣшкамъ тѣхъ, которые были заражены ими, и я уничтожалъ ихъ остроты моими сентенціями, какъ уничтожалъ бы насѣкомаго пальцами. Какая перемѣна! Весь Парижъ повторялъ ѣдкіе и злые сарказмы того самаго человѣка, который за два года до того и десять лѣтъ спустя ни-

когда не зналъ, что ему слѣдовало сказать. Если кто захочетъ отыскать положеніе, въ самой сильной степени противоположное моему характеру, то конечно остановится на томъ, въ которое я теперь поставилъ себя. Пусть читатель припомнитъ хоть одно изъ тѣхъ короткихъ мгновеній моей жизни, когда я становился инымъ человѣкомъ и переставалъ быть самимъ собою,—и онъ снова найдетъ его въ то время, о которомъ я говорю. Но теперь это состояніе длилось не шесть дней, шесть недѣль,—оно продолжалось почти шесть лѣтъ и можетъ быть не прекратилось бы и до сихъ поръ, если бы особыя обстоятельства не уничтожили его и не возвратили меня къ тому уровню моей натуры, надъ которымъ я хотѣлъ возвыситься.

Эта перемѣна началась, какъ скоро я покинулъ Парижъ, и зрѣлище пороковъ этого большого города перестало поддерживать негодованіе, которое они внушали мнѣ. Переставъ видѣть людей, я перестал и презирать ихъ; переставъ видѣть злыхъ, я перестал и ненавидѣть ихъ. Сердце мое, созданное не для ненависти, только оплакивало бѣдствія людей и не замѣчало болѣе ихъ злобы. Это состояніе болѣе спокойное, но гораздо менѣе поэтическое, скоро ослабило пылкій энтузіазмъ, такъ долго владѣвшій мною, и незамѣтно для другихъ, незамѣтно даже для самого себя, я снова сталъ боязливымъ, уступчивымъ, робкимъ,—однимъ словомъ, прежнимъ Жанъ-Жакомъ.

Если бы этотъ переворотъ ограничился только тѣмъ, что возвратилъ бы меня въ прежнее состояніе и на этомъ остановился, — все пошло бы хорошо; но къ несчастью, онъ пошелъ далѣе и быстро увлекъ меня въ противоположную крайность. Съ тѣхъ поръ моя раскачавшаяся душа только переходила взадъ и впередъ чрезъ линію спокойствія, и безпрестанныя колебанія ея никогда не допускали ее остановиться на этой линіи. Войдемъ въ подробности этого второго переворота,—страшной и роковой эпохи, безпримѣрной въ исторіи судьбы смертныхъ.

Такъ какъ мы остались только втроемъ въ нашемъ убѣжищѣ, то уединеніе должно было естественно сблизить насъ. Такъ и случилось со мною и съ Терезою. Мы проводили вдвоемъ, подъ тѣнью деревьевъ, прелестные часы, сладости которыхъ я никогда не ощущалъ такъ живо. Она тоже, какъ мнѣ казалось, наслаждалась ею болѣе, чѣмъ прежде Она открыла мнѣ всю свою душу и разсказала о своей матери и семьѣ вещи, которыя имѣла силу долго скрывать отъ меня. Я узналъ, что эта семейка получала отъ г-жи Дюпенъ множество подарковъ, собственно для меня, но что хитрая старуха, чтобы не разсердить меня, брала ихъ себѣ и раздавала прочимъ дѣтямъ, не оставляя ничего Терезѣ и строго запрещая ей говорить объ этомъ мнѣ, — приказаніе, которое бѣдная дѣвушка исполняла съ невѣроятнымъ послушаніемъ.

Но что меня удивило гораздо болѣе, такъ это извѣстіе, что Дидро и Гриммъ не только часто убѣждали мать и дочь оставить меня, что не удалось имъ вслѣдствіе сопротивленія Терезы,—но еще послѣ того нерѣдко имѣли тайныя совѣщанія съ старухой ле-Вассеръ,—совѣщанія, предметъ которыхъ остался навсегда скрытымъ отъ Терезы.

Она только знала, что тутъ примѣшались подарочки и были коекакія продѣлки, которыя старались отъ нея скрыть, и причины, которыхъ она рѣшительно не знала. Еще задолго до нашего отъѣзда изъ Парижа, у г-жи ле-Вассеръ вошло въ обычай посѣщать г. Гримма два, три раза въ мѣсяцъ и проводить у него нѣсколько часовъ въ такихъ тайныхъ разговорахъ, что слугу г. Гримма всегда высылали при этомъ изъ комнаты.

Я разсудилъ, что поводомъ къ этимъ совѣщаніямъ былъ тотъ же самый проектъ, въ который старались втянуть и дочь, давъ имъ обѣщаніе предоставить имъ чрезъ посредство г-жи д'Эпинэ мелочную продажу соли или табачную лавочку, словомъ, стараясь прельстить ихъ приманкой прибыли. Имъ представили, что я, не будучи въ состояніи ничего сдѣлать для нихъ, не могъ даже, по причинѣ ихъ сожительства со мною, сдѣлать что-нибудь для себя. Такъ какъ я не видѣлъ во всемъ этомъ ничего, кромѣ добраго намѣренія, то и не совсѣмъ сердился на нихъ. Меня возмущала только скрытность со стороны старухи, которая, сверхъ того, съ каждымъ днемъ все больше и больше наушничала мнѣ и старалась ко мнѣ приласкаться; это нисколько не мѣшало ей безпрестанно упрекать въ тихомолку свою дочь, что она слишкомъ любитъ меня, что она все пересказываетъ мнѣ, что она пошлая дура, и что я ее надую.

Эта женщина обладала въ высшей степени искусствомъ извлекать двойную выгоду, скрывая отъ одного, что получала отъ другого, а отъ меня, что получала отъ всѣхъ. Я могъ бы простить ей алчность, но не могъ простить скрытность. Что ей было скрывать отъ меня? Вѣдь она хорошо знала, что мое единственное счастье почти вполнѣ заключалось въ томъ, чтобы она и ея дочь были счастливы. Что я дѣлалъ для ея дочери, то дѣлалъ и для себя; но что я дѣлалъ для старухи, то заслуживало съ ея стороны хоть какую-нибудь благодарность; по крайней мѣрѣ она должна бы быть за то признательна своей дочери и любить меня ради любви къ ней, которая меня любила. Я вытащилъ ле-Вассеръ изъ крайней нищеты, я давалъ ей содержаніе, я доставилъ ей всѣ знакомства, изъ которыхъ она извлекала для себя такую выгоду. Тереза долгое время прокармливала ее своими трудами, а теперь моимъ хлѣбомъ. Она получала все отъ дочери, для которой ничего не сдѣлала, между тѣмъ какъ ея дѣти, которыхъ она наградила, для которыхъ разорилась,

не только не помогали ей въ добыванiи средствъ къ существованiю, но еще заѣдали и ея жизнь, и мою. Мнѣ казалось, что въ подобномъ положенiи она должна была считать меня своимъ единственнымъ другомъ, своимъ надежнѣйшимъ покровителемъ, и не только не дѣлать тайны изъ моихъ собственныхъ интересовъ, не только не злоумышлять противъ меня въ моемъ собственномъ домѣ, но напротивъ съ точностью увѣдомлять меня обо всемъ, что могло меня интересовать, когда она узнавала это прежде меня. Какими же глазами я долженъ былъ смотрѣть на ея фальшивое и таинственное поведенiе? Что долженъ былъ я въ особенности думать о чувствахъ, которыя она старалась внушить своей дочери? До какой чудовищности должна была доходить ея неблагодарность, если она старалась поселить ее въ своей дочери?

Всѣ эти размышленiя оттолкнули наконецъ мое сердце отъ этой женщины до такой степени, что я не могъ больше безъ презрѣнiя смотрѣть на нее. Впрочемъ, я никогда не переставалъ относиться почтительно къ матери моей подруги и оказывать ей во всемъ почти сыновнее уваженiе и почтительность; но сказать по правдѣ, я не любилъ оставаться съ ней долго, а не въ моей натурѣ стѣснять себя въ чемъ бы то ни было.

Вотъ еще одна изъ тѣхъ скоротечныхъ минутъ моей жизни, въ которыхъ я видѣлъ счастье очень близко, но не могъ его достигнуть, и это не по своей собственной винѣ. Будь у этой старухи хорошiй характеръ, мы всѣ трое прожили бы счастливо до конца нашихъ дней; печаль выпала бы на долю только того изъ насъ, кто пережилъ бы остальныхъ. Вмѣсто того, вы увидите, какъ шло дѣло и разсудите, могъ ли я измѣнить этотъ ходъ.

Г-жа ле-Вассеръ, увидѣвъ, что мое влiянiе на сердце дочери все болѣе и болѣе увеличивалось, а ея, напротивъ, уменьшалось, начала всячески стараться возстановить свою прежнюю власть, и вмѣсто того, чтобъ снова сойтись со мною черезъ посредство дочери, попыталась совершенно отбить ее у меня. Одно изъ употребленныхъ ею для этого средствъ было приглашенiе къ себѣ на помощь своей семьи. Я просилъ Терезу не вызывать никого изъ нихъ въ Эрмитажъ; она мнѣ обѣщала это. Но ихъ привезли туда во время моего отсутствiя и не посовѣтовавшись съ ней, а затѣмъ взяли съ нея слово скрыть отъ меня это посѣщенiе. Первый шагъ былъ сдѣланъ, слѣдовательно устроить все остальное было уже легко; стоитъ только разъ утаить что-нибудь отъ того, кого любишь,—а потомъ уже не совѣстишься скрытничать передъ нимъ во всемъ. Въ то время, когда я бывалъ въ Шевреттъ, Эрмитажъ наполнялся людьми, которые тамъ тѣшились въ волю. Матери всегда не трудно одолѣть кроткую дочь; впрочемъ, какъ старуха ни хитрила, а не могла

втянуть Терезу въ свои планы и уговорить ее дѣйствовать противъ меня. Что касается до нея самой, она окончательно рѣшилась на это и, видя съ одной стороны дочь и меня, у которыхъ только и можно было что жить, а съ другой стороны Дидро, Гримма, Гольбаха, г-жу д'Эпинэ, которые много обѣщали и кое-что давали, она разсудила, что невозможно быть неправымъ, состоя въ партіи супруги г. главнаго сборщика податей и барона. Еслибъ я былъ подальновиднѣе, то тутъ же замѣтилъ бы, что согрѣваю на груди змѣю; но моя довѣрчивость, которую еще ничто не могло поколебать, доходила до того, что мнѣ и въ голову не приходило, чтобъ можно было захотѣть вредить тому, кого долженъ любить. Видя, что вокругъ меня затѣваются тысячи замысловъ, я умѣлъ лишь жаловаться на тиранію тѣхъ, которыхъ называлъ своими друзьями и которые хотѣли, какъ я полагалъ, принудить меня быть счастливымъ не по моимъ, а скорѣе по ихъ понятіямъ.

Хотя Тереза и отказалась дѣйствовать за одно съ матерью, однакожъ снова не выдала ея; побужденіе Терезы было похвальное, но я не скажу, хорошо ли она поступила или дурно? Когда у двухъ женщинъ заведутся секреты, онѣ любятъ болтать вмѣстѣ: это сближало мать съ дочерью; но, раздѣляя свои чувства между двумя лицами, Тереза заставляла меня иногда чувствовать мое одиночество, потому что я не могъ больше считать обществомъ наши бесѣды втроемъ. Тогда-то я живо почувствовалъ, какая ошибка была сдѣлана мною въ томъ отношеніи, что я не воспользовался во время нашихъ первыхъ сношеній покорностью Терезы, внушенною ей любовью, и не обогатилъ ее талантами и знаніями, которые, болѣе сблизивъ насъ въ нашемъ уединеніи, наполняли бы пріятнымъ образомъ ея и мое время и никогда не позволяли бы намъ находить наши бесѣды вдвоемъ длинными. Не скажу, чтобъ разговоръ между нами истощился и чтобъ она видимо скучала въ прогулкахъ со мной, но у насъ не было достаточно общихъ мыслей для большого запаса; мы не могли больше безпрерывно говорить о нашихъ планахъ, потому что въ настоящемъ нашъ планъ былъ — наслаждаться. Предметы, которые попадались намъ, наводили меня на размышленія, которыя были выше ея понятій. Двѣнадцатилѣтняя привязанность не нуждалась больше въ словахъ; мы знали другъ друга слишкомъ хорошо; не зачѣмъ было больше изучать другъ друга. Оставалось только злословить и говорить пустяки, да глупыя шутки Въ уединеніи особенно сознаешь всю выгоду жить съ существомъ, которое умѣетъ мыслить. Я не нуждался въ такомъ рессурсѣ для того, чтобъ мнѣ было хорошо съ ней, но она нуждалась въ немъ, чтобъ ей всегда было хорошо со мной. Сверхъ того, что было всего хуже, мнѣ приходилось просто ловить эти свиданія; ея мать, сдѣлавшаяся для меня невыносимой, принуждала

меня держать себя на сторожѣ. Я былъ стѣсненъ у себя дома; чего же больше? Любовный видъ, который принимали наши отношенія, портилъ добрую дружбу. Обращеніе наше было интимное, а жили мы совсѣмъ не въ интимности.

Какъ скоро мнѣ показалось, что Тереза искала иногда предлоговъ уклоняться отъ прогулокъ со мной, я пересталъ ей предлагать ихъ и нисколько не досадовалъ на нее за то, что эти прогулки доставляли ей меньше удовольствія, чѣмъ мнѣ. Вѣдь удовольствіе не зависитъ отъ нашей воли. Я былъ увѣренъ въ ея привязанности; этого было для меня достаточно. Пока мои удовольствія были удовольствіями и для нея, я раздѣлялъ ихъ съ нею; какъ скоро это прошло, я началъ предпочитать ея удовольствіе своему собственному.

Вотъ какимъ образомъ, полуобманутый въ своемъ ожиданіи, ведя жизнь по своему вкусу, въ убѣжищѣ по своему выбору, съ дорогой мнѣ женщиной, я однакожъ сталъ чувствовать себя почти одинокимъ. То, чего мнѣ не доставало, мѣшало мнѣ наслаждаться тѣмъ, что я имѣлъ. Въ дѣлѣ счастія и наслажденія мнѣ нужно было все или ничего. Ниже читатель увидитъ, почему я счелъ нужнымъ войти въ эту подробность. Теперь возвращаюсь къ моему разсказу.

Я полагалъ, что найду сокровища въ рукописяхъ, данныхъ мнѣ графомъ Сенъ-Пьеромъ. Разсмотрѣвъ ихъ, я увидѣлъ, что въ нихъ не было почти ничего, кромѣ сочиненій, напечатанныхъ его дядей, съ его помѣтками и исправленіями, и нѣсколько другихъ статеекъ, еще не бывшихъ въ печати. Благодаря его нравоучительнымъ статьямъ, я утвердился въ мнѣніи, которое составилъ себѣ о немъ по нѣкоторымъ его письмамъ, показаннымъ мнѣ г-жею де-Креки, — именно, что онъ былъ гораздо умнѣе, чѣмъ я думалъ; но внимательное изученіе его политическихъ статей обнаружило передо мною только поверхностные взгляды и планы, полезные, но невыполнимые, вслѣдствіе основной идеи автора, отъ которой онъ никогда не могъ отдѣлаться, и которая состояла въ томъ, что люди управляются больше своими знаніями, чѣмъ страстями. Высокое мнѣніе, какое онъ составилъ себѣ о новѣйшихъ знаніяхъ, заставило его усвоить ложный принципъ усовершенствованнаго разума и сдѣлать его основою всѣхъ предлагавшихся имъ учрежденій и источникомъ всѣхъ его политическихъ софизмовъ. Этотъ рѣдкій человѣкъ, честь своего вѣка и своего рода, и быть можетъ, единственный, не имѣвшій иной страсти кромѣ страсти къ разуму, впадалъ однакожъ во всѣхъ своихъ системахъ въ заблужденія, и это потому, что хотѣлъ сдѣлать людей подобными себѣ, вмѣсто того, чтобъ брать ихъ такими, каковы они въ дѣйствительности и какими останутся навсегда. Онъ трудился только для существъ вымышленныхъ, а думалъ, что трудится для своихъ современниковъ.

Принявъ все это въ соображеніе, я находился въ нѣкоторомъ затрудненіи касательно того, въ какую форму облечь свое сочиненіе. Оставить нетронутыми бредни автора, значило не сдѣлать ничего полезнаго; опровергать ихъ, значило бы, собственно говоря, поступать нечестно, потому что принявъ врученныя мнѣ и даже выпрошенныя мною рукописи, я возложилъ на себя обязательство относиться къ автору съ совершеннымъ уваженіемъ. Наконецъ я принялъ рѣшеніе, по моему мнѣнію самое приличное, самое разумное и самое полезное; именно: я рѣшился представить свои идеи отдѣльно отъ идей автора и для этого войти въ его взгляды, выяснить ихъ, распространить и употребить всѣ силы на то, чтобъ ихъ оцѣнили какъ слѣдуетъ.

Такимъ образомъ, мое сочиненіе должно было состоять изъ двухъ совершенно отдѣльныхъ частей: одна предназначалась для изложенія въ томъ видѣ, какъ я только что объяснилъ, различныхъ проектовъ автора, а въ другой, которая должна была появиться уже послѣ того какъ первая произвела бы свое дѣйствіе, я предполагалъ помѣстить мой разборъ этихъ самыхъ проектовъ, что сознаюсь, могло бы подвергать ихъ иногда участи, постигнувшей сонетъ «Мизантропа». Во главѣ всего сочиненія я намѣревался помѣстить жизнеописаніе автора, для чего собралъ порядочные матеріалы, которые надѣялся не испортить. Мнѣ случалось видѣть аббата де-Сенъ-Пьеръ въ его старости, и уваженіе которое я сохранилъ къ нему, ручалось мнѣ, что графъ ни въ какомъ случаѣ не останется недоволенъ моимъ обращеніемъ съ его родственникомъ.

Первый опытъ былъ сдѣланъ мною надъ «Постояннымъ Миромъ», самымъ важнымъ и самымъ обработаннымъ изъ всѣхъ сочиненій, входившихъ въ составъ этого сборника; и прежде чѣмъ предаться моимъ размышленіямъ, у меня достало духа перечитать рѣшительно все, что аббатъ писалъ объ этомъ предметѣ, не смущаясь растянутостью и повтореніями. Публика видѣла это извлеченіе, слѣдовательно мнѣ нечего говорить о немъ. Что же касается до сужденія, которое я высказалъ о немъ, то оно никогда не появилось въ печати, и не знаю появится ли; но написано оно въ одно время съ извлеченіемъ. Отъ него я перешелъ къ «Полисинодіи» (о существованіи въ государствѣ нѣсколькихъ государственныхъ совѣтовъ), — сочиненію, написанному во время регентства, въ видѣ похвалы системѣ правленія, избранной регентомъ; изъ-за этого сочиненія аббатъ де-Сенъ-Пьеръ былъ выгнанъ изъ французской академіи, вслѣдствіе нѣкоторыхъ выходокъ противъ предшествовавшаго управленія, разсердившихъ герцогиню де-Мэнъ и кардинала Полиньяка. Я окончилъ и этотъ трудъ подобно предыдущему, т. е. сдѣлалъ извлеченіе и написалъ свое мнѣніе; но этимъ я и ограничился, не захотѣвъ

продолжать предпріятіе, котораго мнѣ не слѣдовало бы и начинать. Соображеніе, побудившее меня отказаться отъ этой работы, представляется само собою, и удивительно, что оно не пришло мнѣ на мысль раньше. Большая часть сочиненій аббата де-Сенъ-Пьера были сами по себѣ или заключали въ себѣ критическія замѣчанія на нѣкоторыя дѣйствія французскаго правительства; иныя даже были написаны такъ смѣло, что авторъ можетъ считать себя счастливымъ, что не поплатился за нихъ. Но въ министерствахъ на аббата де-Сенъ-Пьера всегда смотрѣли скорѣе какъ на что то въ родѣ проповѣдника, чѣмъ какъ на настоящаго политика, и позволяли ему говорить все что угодно, потому что хорошо видѣли, что его никто не слушаетъ. Еслибъ мнѣ удалось заставить слушать его, вышло бъ совсѣмъ не то. Онъ былъ французъ, а я нѣтъ; осмѣлившись повторять его критическія замѣчанія, хотя и подъ его именемъ, я рисковалъ, что меня спросятъ хоть грубо, но не совсѣмъ несправедливо, во что я вмѣшиваюсь? Къ счастію, прежде чѣмъ идти дальше въ своемъ предпріятіи, я замѣтилъ, чему подвергался, и поспѣшилъ уклониться. Я зналъ, что живя одинокимъ среди людей, и притомъ болѣе могущественныхъ, чѣмъ я, я не могъ бы никогда, что бы ни дѣлалъ, защитить себя отъ зла, которое они захотѣли бы мнѣ сдѣлать. Въ этомъ случаѣ отъ меня зависѣло только одно: вести себя по крайней мѣрѣ такъ, чтобъ причиненіе мнѣ вреда было со стороны этихъ людей несправедливостью. Этотъ принципъ, заставившій меня оставить аббата де-Сенъ-Пьера, побуждалъ меня часто отказываться отъ другихъ проектовъ, которые были гораздо дороже моему сердцу. Эти люди, всегда торопящіеся вмѣнить несчастіе въ преступленіе, очень бы изумились, еслибъ знали, сколько потратилъ я въ жизни заботъ на то, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда меня постигали несчастія, никто не имѣлъ права сказать мнѣ: «ты заслужилъ ихъ».

Оставивъ этотъ трудъ, я находился нѣсколько времени въ нерѣшимости, какимъ сочиненіемъ заняться, и это время бездѣйствія погубило меня, потому что за недостаткомъ посторонняго предмета, который занялъ бы мою голову, я обратилъ всѣ мои размышленія на самого себя. Я не имѣлъ больше такого проекта въ перспективѣ, который занялъ бы мое воображеніе; я даже не имѣлъ возможности составить такой проектъ, потому что положеніе, въ которомъ я находился было именно такого рода, что осуществляло всѣ мои желанія; мнѣ не оставалось желать ничего новаго, а между тѣмъ въ сердцѣ ощущалась пустота. Такое положеніе было тѣмъ ужаснѣе, что я не видѣлъ иного лучшаго. Я сосредоточилъ всѣ мои нѣжнѣйшія привязанности въ одной женщинѣ, которая была мнѣ по сердцу, и отвѣчала мнѣ тѣмъ же. Я жилъ съ нею безъ стѣсненія и такъ какъ мнѣ хотѣлось. А между тѣмъ тайная сер-

дечная грусть не покидала меня ни подлѣ любимой женщины, ни вдали отъ нея. Обладая ею, я чувствовалъ, что это обладаніе было не полное, и одна мысль о томъ, что я не составляю для нея всего, была причиною того, что она была для меня почти ничѣмъ.

У меня были друзья обоего пола, къ которымъ я питалъ самую чистую дружбу и неподдѣльное уваженіе; я разсчитывалъ, что они платили мнѣ тѣмъ же; мнѣ и въ голову не приходило хоть разъ усомниться въ искренности, а между тѣмъ эта дружба была для меня больше мучительна, чѣмъ пріятна, вслѣдствіе настойчивости или даже аффектаціи, съ которою они перечили мнѣ въ моихъ вкусахъ, склонностяхъ, образѣ жизни, — перечили до такой степени, что стоило мнѣ только показать, что я желаю чего нибудь интересовавшаго одного меня и не зависѣвшаго отъ нихъ, — и они тотчасъ же всѣ разомъ возставали противъ меня, чтобъ принудить отказаться отъ желанія. Такое настойчивое контролированіе всего, что приходило мнѣ на умъ, контролированіе тѣмъ болѣе несправедливое, что я не только не дѣлалъ того же съ ихъ желаніями, но даже не освѣдомлялся о нихъ, — сдѣлалось для меня до того тягостнымъ, что наконецъ я не распечатывалъ ни одного изъ ихъ писемъ безъ нѣкотораго ужаса, всегда вполнѣ оправдывавшагося чтеніемъ написаннаго. Я находилъ, что эти люди, которые всѣ были моложе меня и всѣ очень нуждались сами въ урокахъ, расточавшихся ими мнѣ, обращались со мной совершенно какъ съ ребенкомъ. Любите меня, говорилъ я имъ, какъ я васъ люблю, — и только; не вмѣшивайтесь въ мои дѣла, какъ я не вмѣшиваюсь въ ваши; вотъ все, о чемъ я васъ прошу. Если они исполняли одну изъ этихъ двухъ просьбъ, то ужъ разумѣется никакъ не послѣднюю.

Теперь я жилъ въ мѣстности совершенно уединенной и прелестной; тутъ я былъ хозяиномъ, могъ поступать какъ хотѣлъ, безъ всякаго посторонняго контроля. Но это жилище налагало на меня обязанности пріятныя, но неизбѣжныя. Вся моя свобода зависѣла лишь отъ случайности; болѣе порабощенный, чѣмъ по приказу, я долженъ былъ подчиниться своей волѣ; никогда не могъ я, вставая поутру, сказать себѣ: я употреблю этотъ день какъ мнѣ заблагоразсудится. Кромѣ зависимости отъ распоряженій г-жи д'Эпинэ я былъ еще въ болѣе несносной зависимости отъ публики и отъ нечаянныхъ посѣщеній. Разстояніе, отдѣлявшее меня отъ Парижа, не мѣшало цѣлымъ толпамъ праздныхъ людей ежедневно осаждать меня; не зная, что дѣлать со своимъ временемъ, они расточали мое безъ зазрѣнія совѣсти. Чѣмъ менѣе ожидалъ я посѣщеній, тѣмъ немилосерднѣе надоѣдали мнѣ, и рѣдко, составивъ себѣ хорошенькій планъ на цѣлый день, я бывалъ такъ счастливъ, что какой нибудь нежданный посѣтитель не разстраивалъ его.

Словомъ, не находя чистаго наслажденія среди благъ, которыя я такъ страстно желалъ имѣть, я возвращался порывами къ безмятежной порѣ своей молодости и часто восклицалъ со вздохомъ: ахъ! это далеко еще не Шарметъ!

Воспоминанія о различныхъ эпохахъ моей жизни привели меня къ размышленіямъ о томъ періодѣ, до котораго я дожилъ, и я увидѣлъ себя уже въ преклонныхъ лѣтахъ, подверженнаго мучительнымъ недугамъ; я думалъ, что уже приблизился къ концу своей карьеры, не вкусивъ во всей полнотѣ почти ни одного изъ тѣхъ удовольствій, которыхъ жаждало мое сердце, не давъ свободы сильнымъ чувствамъ, находившимся еще въ запасѣ въ моей душѣ, не извѣдавъ упоительнаго сладострастія, которое такъ мощно жило во мнѣ и между тѣмъ, за неимѣніемъ предмета, постоянно сдерживалось и прорывалось наружу только вздохами.

Какъ могло случиться, что съ такою сообщительной душой, для которой жить значило любить, я, чувствовавшій себя вполнѣ созданнымъ для дружбы, не нашелъ до сихъ поръ вполнѣ преданнаго настоящаго друга? Какъ могло случиться, что при такой пылкости и страстности, съ сердцемъ пропитаннымъ любовью, я ни разу не воспламенился страстью къ опредѣленному предмету? Пожираемый потребностію любви, которой я никогда не могъ вполнѣ удовлетворить, я видѣлъ, что приближаюсь къ старости и что умру, не испытавъ жизни.

Такія грустныя, но трогательныя размышленія заставляли меня уходить въ самого себя и задумываться надъ собой съ сожалѣніемъ, которое имѣло свою пріятность. Мнѣ казалось, что судьба у меня въ долгу, что она чего-то не додала мнѣ. Къ чему было ей одарить меня отличными способностями и оставить ихъ до конца безъ употребленія? Сознаніе моего внутренняго достоинства, внушивъ мнѣ сознаніе этой несправедливости судьбы, нѣкоторымъ образомъ вознаграждало меня за нее и заставляло меня проливать слезы, которымъ я любилъ давать волю.

Я предавался этимъ размышленіямъ въ самое лучшее время года, въ іюнѣ, подъ свѣжей зеленью рощицы, слушая пѣніе соловьевъ и тихое журчаніе ручейковъ. Все способствовало тому, чтобъ снова погрузить меня въ слишкомъ соблазнительную нѣгу, для которой я былъ рожденъ, но отъ которой должна бы навсегда избавить меня жестокость и строгость, овладѣвшія мною вслѣдствіе долгаго волненія. Къ несчастію я припомнилъ обѣдъ въ Тунѣ и свою встрѣчу съ двумя прелестными дѣвушками, въ то же самое время года и почти въ такой же мѣстности, въ какой находился въ настоящую минуту. Это воспоминаніе, которое по невинности припоминаемаго факта, становилось для меня еще пріятнѣе, вызвало другія воспоминанія въ томъ же родѣ. Вскорѣ я увидѣлъ

вокругъ себя группу всѣхъ предметовъ волновавшихъ меня въ молодости: дѣвицу Галлей, дѣвицу де-Графенридъ, дѣвицу де-Брейль, г-жу Базиль, г-жу де-Ларнажъ, своихъ хорошенькихъ ученицъ и даже пикантную Джуліету, которую мое сердце не можетъ забыть. Я увидѣлъ себя среди сераля гурій, окруженнымъ своими старинными знакомыми, самое живое расположеніе къ которымъ не было для меня новымъ чувствомъ. Кровь моя воспламеняется и кипитъ, голова кружится, не смотря на пробивающуюся сѣдину, и вотъ степенный гражданинъ Женевы, строгій Жанъ-Жакъ, чуть чуть не въ сорокъ пять лѣтъ, разомъ превращается снова въ сумасброднаго пастушка. Овладѣвшее мной упоеніе, хотя очень внезапное и безумное, было такъ продолжительно и сильно, что для отрезвленія отъ него нуженъ былъ неожиданный и страшный кризисъ, который дѣйствительно случился и ввергнулъ меня въ цѣлую бездну бѣдствій.

Не смотря на сильное увлеченіе, я однакожъ не обезумѣлъ до такой степени, чтобы забыть свои лѣта и свое положеніе, льстить себя надеждой, что еще могу внушить любовь, наконецъ попытаться сообщить кому нибудь то пожирающее, но безплодное пламя, которое съ самаго дѣтства напрасно снѣдало мое сердце. Я вовсе не надѣялся на это, даже не желалъ этого. Я зналъ, что пора любви миновала для меня, я слишкомъ хорошо сознавалъ, какъ смѣшны старые волокиты, и не въ моей натурѣ было сдѣлаться подъ старость самонадѣяннымъ и довѣрчивымъ, когда и въ лучшую пору жизни я не отличался этими свойствами. Сверхъ того, любя спокойствіе, я боялся домашнихъ бурь и наконецъ слишкомъ искренно любилъ Терезу, чтобъ подвергать ее горю видѣть, что питаю къ другимъ чувства посильнѣе тѣхъ, какія внушала мнѣ она сама.

Какъ поступилъ я въ этомъ случаѣ? Читатель уже угадалъ, если только онъ до сихъ поръ слѣдилъ за мной. По невозможности достигнуть идеала въ дѣйствительности, я ринулся въ область химеръ, и, не видя между живыми существами ни одного достойнаго моей страсти, искалъ пищи въ мірѣ идеальномъ, который мое творческое воображеніе вскорѣ заселило существами, бывшими мнѣ по сердцу. Никогда этотъ рессурсъ не являлся такъ кстати какъ теперь, и никогда онъ не оказывался до такой степени плодовитымъ. Подъ вліяніемъ постоянной восторженности я упивался до нельзя самыми обаятельными ощущеніями, какія когда либо испытывало сердце мужчины. Совсѣмъ забывъ о человѣческой породѣ, я создалъ себѣ общество изъ существъ совершенныхъ, божественныхъ по добродѣтелямъ и красотѣ, друзей надежныхъ, нѣжныхъ, вѣрныхъ, такихъ друзей, какихъ никогда не встрѣчалъ на землѣ. Мнѣ до того понравилось уноситься такимъ образомъ въ иде-

альныя пространства, въ среду прелестныхъ существъ, которыми я окружилъ себя, что я проводилъ въ этомъ состояніи безсчетно часы и дни, лишенный сознанія всего остального; я съѣдалъ дома второпяхъ кусокъ и тотчасъ же стремился вырваться на свободу, чтобъ бѣжать въ свои рощи. Когда, совсѣмъ собравшись пуститься въ очарованный міръ, я видѣлъ, что ко мнѣ являлись несчастные смертные, которые задерживали меня на землѣ, я не могъ ни сдержать, ни скрыть свою досаду, и не будучи болѣе въ состояніи владѣть собой, принималъ своихъ посѣтителей невѣжливо, даже грубо. Это поведеніе все сильнѣе и сильнѣе поддерживало составившееся мнѣніе, что я мизантропъ; еслибъ люди лучше умѣли читать въ моемъ сердцѣ, то я прослылъ бы совершенно инымъ человѣкомъ.

Когда моя восторженность дошла до крайности, сама природа, подобно тому какъ бумажный змѣй, когда дернешь за веревочку, тотчасъ же начинаетъ опускаться, распорядилась разомъ образумить меня посредствомъ довольно сильнаго пароксизма моей обыкновенной болѣзни. Я употребилъ, единственное облегчавшее меня средство, именно восковые зонды, и это положило конецъ моей любви къ неземнымъ существамъ; потому что когда физически страдаешь, то не думается о любви, а сверхъ того, мое воображеніе, возбуждаемое въ полѣ и подъ деревьями, слабѣетъ и молчитъ въ комнатѣ и подъ балками потолка. Я часто жалѣлъ, что на свѣтѣ нѣтъ дріадъ: моя привязанность непремѣнно засѣла бы въ ихъ сферѣ.

Въ тоже время разныя домашнія передряги усилили мое горе. Г-жа ле-Вассеръ, оказывая мнѣ всевозможныя любезности, въ тоже время старалась всячески оттолкнуть отъ меня свою дочь. Я получилъ отъ своихъ прежнихъ сосѣдей письма, изъ которыхъ узналъ, что старушонка надѣлала безъ моего вѣдома долговъ на имя Терезы; послѣдняя знала объ этомъ, но мнѣ ничего не говорила. Гораздо меньше раздосадовали меня долги, которые я долженъ былъ заплатить, чѣмъ то, что ихъ скрывали отъ меня. И какъ могла та, отъ которой я никогда ничего не скрывалъ, имѣть отъ меня какую нибудь тайну? Развѣ можно скрытничать съ людьми, которыхъ любишь! Кружокъ Гольбаха, видѣвшій, что я вовсе не ѣзжу въ Парижъ, началъ не на шутку опасаться, что мнѣ понравится деревня и что я пожалуй по глупости совсѣмъ останусь тамъ. Тутъ то начались интриги, посредствомъ которыхъ хотѣли снова вызвать меня косвеннымъ образомъ въ городъ. Дидро, не хотѣвшій такъ скоро выказать себя, началъ съ того, что отбилъ у меня Делейра, съ которымъ онъ познакомился чрезъ меня. Делейръ передавалъ мнѣ тѣ впечатлѣнія, какія Дидро старался вложить въ него,—старанія, настоящей цѣли которыхъ Делейръ никакъ не могъ понять.

Казалось, все клонилось къ тому, чтобъ избавить меня отъ пріятной, но безумной мечтательности. Я еще не оправился отъ пароксизма болѣзни, когда получилъ экземпляръ поэмы на разрушеніе Лиссабона, который, какъ я полагалъ, былъ присланъ мнѣ самимъ авторомъ [1]). Я счелъ обязанностью написать къ нему и поговорить съ нимъ объ его произведеніи. Я сдѣлалъ это въ формѣ письма, которое уже много времени спустя было напечатано безъ моего согласія, о чемъ рѣчь впереди.

Будучи пораженъ тѣмъ, что этотъ бѣдный человѣкъ, удрученный, такъ сказать, счастіемъ и славой, озлобленно гремѣлъ противъ бѣдствій этой жизни и всегда находилъ, что все въ ней дурно, я составилъ безумный проектъ образумить его и доказать ему, что все на землѣ хорошо. Вольтеръ, повидимому всегда вѣрившій въ Бога, на самомъ дѣлѣ вѣрилъ всегда только въ діавола, потому что его мнимый Богъ существо злотворное, которое, по его мнѣнію, находитъ удовольствіе только въ томъ, чтобы вредить. Нелѣпость такой доктрины, рѣзко бросающейся въ глаза, особенно возмутительна въ человѣкѣ, плававшемъ во всевозможныхъ благахъ, и который изъ среды счастія и богатства старался довести до отчаянія своихъ ближнихъ страшной картиной разнаго рода бѣдствій, отъ которыхъ онъ самъ былъ избавленъ. Имѣя больше права исчислять и взвѣшивать бѣдствія человѣческой жизни, я изслѣдовалъ ихъ со всевозможной точностію и доказалъ ему, что нельзя обвинять провидѣніе ни въ одномъ изъ бѣдствій жизни, что источникъ каждаго изъ нихъ заключается скорѣе въ злоупотребленіи людей своими способностями, чѣмъ въ самой природѣ. Я относился къ нему въ этомъ письмѣ съ величайшимъ уваженіемъ и деликатностью, могу сказать, со всевозможною почтительностію. Впрочемъ, зная его самолюбіе и чрезвычайную щекотливость, я не послалъ этого письма прямо къ нему, но отправилъ его къ доктору Троншену, его врачу и другу, уполномочивъ его передать письмо или уничтожить, смотря потому, что̀ онъ найдетъ болѣе приличнымъ. Троншенъ передалъ письмо. Вольтеръ отвѣчалъ мнѣ въ немногихъ строкахъ, что будучи боленъ и ухаживая самъ за больнымъ, онъ откладываетъ отвѣтъ до другого времени. Троншенъ, переславъ мнѣ это письмо, прибавилъ къ нему другое, отъ себя, въ которомъ высказывалось мало уваженія къ тому, кто вручилъ ему первое письмо.

Я никогда не печаталъ и даже не показывалъ никому этихъ двухъ писемъ, потому что вовсе не любилъ хвастаться такого рода мелкими торжествами; но онѣ находятся въ подлинникѣ въ моихъ сборникахъ (въ связкѣ А, № 20 и 21). Послѣ того Вольтеръ напечаталъ тотъ от-

[1]) Вольтеръ.

вѣтъ, который онъ обѣщалъ мнѣ прислать, но не присылалъ. Это—ничто иное, какъ его романъ «Кандидъ», о которомъ я говорить не могу, потому что не читалъ его.

Всѣ эти развлеченія должны бы радикально вылечить меня отъ любви къ фантастическимъ существамъ; быть можетъ, само небо предлагало мнѣ это средство, чтобы предохранить отъ пагубныхъ послѣдствій; но моя роковая звѣзда была всего сильнѣе, и едва сталъ я снова выходить изъ дома, какъ мое сердце, голова и ноги ринулись на прежнюю дорогу. Я говорю на прежнюю,—только въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, потому что мои мысли, нѣсколько менѣе экзальтированныя, на этотъ разъ оставались на землѣ, но были до такой степени разборчивы въ выборѣ всего, что могло быть въ свѣтѣ милаго во всѣхъ родахъ, что эта разборчивость была такой же химерой, какъ покинутый мой фантастическій міръ.

Я представлялъ себѣ любовь и дружбу, этихъ двухъ кумировъ моего сердца, въ самыхъ восхитительныхъ образахъ. Я любилъ украшать ихъ всѣми прелестями пола, который я всегда обожалъ. Я представлялъ себѣ скорѣе двухъ подругъ, чѣмъ двухъ друзей, потому что если примѣры дружбы между женщинами встрѣчаются рѣже, за то такая дружба милѣе. Я надѣлялъ ихъ характерами, подходящими одинъ къ другому, но въ сущности различными; лица у нихъ были не совершенствомъ красоты, но такія, какія я люблю, оживленныя благосклонностью и чувствительностью. Одна была брюнетка, другая блондинка; одна живая, а другая тихая; одна разсудительная, а другая уступчивая, но уступчивость ея была такъ трогательна, что добродѣтель, казалось, была въ выигрышѣ отъ такой слабости. Одной изъ нихъ я далъ обожателя; другая была его нѣжнымъ другомъ и даже чѣмъ-то больше друга, но я не допустилъ ни соперничества, ни ссоръ, ни ревности, потому что всякое тяжелое чувство не дается даромъ моему воображенію и потому что я не хотѣлъ помрачать эту веселую картину ничѣмъ, унижающимъ природу. Влюбленный въ свои два прелестные образа, я сливался мысленно съ любовникомъ и съ другомъ, на сколько это было мнѣ возможно; но я создалъ его существомъ милымъ и молодымъ, одаривъ его сверхъ того добродѣтелями и недостатками, которые сознавалъ въ себѣ.

Чтобъ дать своимъ дѣйствующимъ лицамъ приличную для нихъ обстановку, я перебралъ одно за другимъ самыя прекрасныя мѣста, которыя видѣлъ въ своихъ путешествіяхъ. Но я не находилъ по своему вкусу ни достаточно свѣжей рощи, ни достаточно трогательнаго пейзажа. Еслибъ я видѣлъ ѳессалійскія долины, онѣ удовлетворили-бъ меня; но мое воображеніе, уставъ отъ фантазированія, хотѣло найти

мѣстность, существующую въ дѣйствительности, мѣстность, которая могла-бъ служить ему точкой опоры и поддержать мою иллюзію относительно обитателей, которыхъ я хотѣлъ тамъ поселить. Я долго задумывался надъ борромейскими островами, которыхъ видъ привелъ меня въ восторгъ, но я нашелъ, что тамъ слишкомъ много прикрасъ и искусства для моихъ героевъ. Впрочемъ мнѣ необходимо было озеро, и мой выборъ палъ наконецъ на то, вокругъ котораго мое сердце никогда не переставало блуждать. Я остановился на той части береговъ озера, гдѣ уже давно мои желанія основали мою резиденцію въ воображаемомъ счастіи, которымъ я долженъ былъ ограничиться по волѣ судьбы. До сихъ поръ еще я любилъ родину моей бѣдной маменьки, и меня особенно влекло туда. Контрастъ мѣстоположеній, богатство и разнообразіе пейзажей, роскошь и вообще величіе всей мѣстности, которая плѣняетъ чувство, трогаетъ сердце, возвышаетъ душу, заставили меня окончательно рѣшиться, и я поселилъ своихъ молоденькихъ воспитанницъ въ Вевэ. Вотъ все, что я придумалъ сразу; остальное было прибавлено уже впослѣдствіи.

Я долго ограничивался такимъ неопредѣленнымъ планомъ, потому что его было достаточно, чтобы наполнить мое воображеніе предметами пріятными, а мое сердце—тѣми чувствами, которыми оно любитъ питаться. Эти вымыслы, по мѣрѣ своего возобновленія, наконецъ окрѣпли и засѣли въ мозгу въ опредѣленной формѣ. Тогда-то пришла мнѣ фантазія набросать на бумагу нѣкоторыя, вытекавшія изъ нихъ положенія, и, припомнивъ все, что я ощущалъ въ своей молодости, дать такимъ образомъ свободный полетъ желанію любить, которому я не могъ удовлетворить въ дѣйствительности и которое все таки пожирало меня.

Сперва я набросалъ на бумагу нѣсколько отдѣльныхъ писемъ, безъ послѣдовательности и безъ связи, и когда вздумалъ и захотѣлъ сдѣлать изъ нихъ нѣчто цѣлое, то часто приходилъ въ большое затрудненіе. Трудно повѣрить, а между тѣмъ это истинная правда, что обѣ первыя части почти сначала и до конца были написаны такимъ образомъ; я не составилъ порядкомъ никакого плана и даже не предвидѣлъ, что когда нибудь мнѣ захочется дать имъ форму серьезнаго произведенія. По этой-то причинѣ обѣ эти части, созданныя позднѣе изъ матеріаловъ, не подготовленныхъ для употребленія, которое изъ нихъ сдѣлано, наполнены пустой болтовнею, не существующей въ слѣдующихъ частяхъ.

Въ то же время, какъ я наиболѣе предавался своей мечтательности, меня посѣтила г-жа Гудето; это былъ ея первый визитъ, но къ несчастію, какъ увидятъ ниже, не послѣдній. Графиня Гудето была дочь покойнаго г де-Бельгарда, главнаго сборщика податей, и сестра гг. д'Эпинэ, де-Лаливъ и де-ла-Бришъ. Я уже говорилъ, какъ познакомился съ этой

женщиной, когда она была еще не замужемъ. Послѣ ея замужества я видалъ ее только на празднествахъ въ Шевреттъ и у г-жи д'Эпинэ, ея невѣстки. Мнѣ случалось нерѣдко проводить съ ней по нѣскольку дней какъ въ Шевреттъ, такъ и въ Эпинэ; я всегда находилъ ее очень любезной, и мнѣ даже казалось, что она благоволила ко мнѣ. Она охотно ходила гулять со мной; мы оба были хорошіе пѣшеходы, а разговоръ между нами не истощался. Однакожъ въ Парижѣ я никогда ее не посѣщалъ, не смотря на то, что она приглашала меня къ себѣ и даже не разъ убѣдительно просила. Ея тѣсная дружба съ г. Сенъ-Ламберомъ, съ которымъ я тоже начиналъ сходиться, дѣлала ее въ моихъ глазахъ еще интереснѣе. Она посѣтила меня въ Эрмитажѣ по той именно причинѣ, что привезла извѣстія отъ этого друга, находившагося въ то время, кажется, въ Магонѣ.

Это посѣщеніе походило отчасти на завязку въ романѣ. Ѣхавъ сюда, она сбилась съ пути. Ея кучеръ, оставивъ поворотъ дороги въ сторонѣ, хотѣлъ проѣхать отъ мельницы де-Клевро въ Эрмитажъ прямымъ путемъ; карета увязла въ глубинѣ долины; г-жа Гудето хотѣла выйти и добраться до Эрмитажа пѣшкомъ. Ея тонкая обувь вскорѣ промокла; она увязла въ грязи; люди съ большимъ трудомъ ее вытащили, и, наконецъ, она пришла въ Эрмитажъ вь сапогахъ, оглашая воздухъ громкимъ смѣхомъ; я тоже расхохотался, увидѣвъ ее. Необходимо было перемѣнить обувь и бѣлье; Тереза позаботилась объ этомъ; затѣмъ я пригласилъ г-жу Гудето забыть свою аристократичность и подкрѣпить себя нашей деревенской пищей, которая ей очень понравилась. Было поздно; она осталась у насъ не долго; но свиданіе наше было такое веселое, что пришлось ей по сердцу и, казалось, она располагала посѣтить насъ вторично. Впрочемъ, она исполнила свое намѣреніе уже въ слѣдующемъ году, но, увы! такое замедленіе не уберегло меня отъ погибели.

Я провелъ осень въ занятіи, котораго никому не угадать; я сторожилъ плоды у г. д'Эпинэ. Эрмитажъ былъ резервуаромъ водъ Шевретскаго парка; здѣсь былъ садъ, окруженный стѣнами и обсаженный шпалерами и другими деревьями, которые давали г. д'Эпинэ больше плодовъ, чѣмъ его огородъ въ Шевреттъ, не смотря на то, что тутъ у него крали три четверти сбора. Чтобъ не быть гостемъ совершенно безполезнымъ, я взялъ на себя управленіе садомъ и надзоръ за садовникомъ. Все шло хорошо, пока не было плодовъ; но по мѣрѣ ихъ созрѣванія я замѣчалъ, что они исчезали и не зналъ, куда они дѣвались. Садовникъ увѣрялъ меня, что ихъ поѣдали сонливыя бѣлки. Я повелъ войну на бѣлокъ; я истребилъ ихъ много, а плоды продолжали исчезать по прежнему. Я не переставалъ подсматривать и, наконецъ, узналъ, что главная сонливая бѣлка былъ самъ садовникъ. Онъ жилъ въ Монморанси, откуда

и приходилъ по ночамъ, съ женою и съ дѣтьми, воровать плоды, снятые имъ самимъ во время дня; онъ посылалъ продавать ихъ на рынокъ въ Парижъ такъ открыто, какъ будто у него былъ свой собственный садъ. Этого негодяя я осыпалъ милостями и почти содержалъ его нищаго отца; Тереза одѣвала дѣтей этого мошенника,—а онъ преспокойно и нагло насъ обкрадывалъ, такъ какъ ни одинъ изъ насъ троихъ не былъ достаточно бдителенъ, чтобы помѣшать ему воровать; въ одну ночь онъ ухитрился опустошить весь мой погребъ, гдѣ на слѣдующій день я не нашелъ рѣшительно ничего. Пока жертвою его воровства оставался повидимому одинъ я,—я все терпѣлъ; но для того, чтобы отдать отчетъ въ плодахъ г. д'Эпинэ, я принужденъ былъ выдать вора. Г-жа д'Эпинэ просила меня заплатить ему что слѣдовало, прогнать его и пріискать другого садовника. Я такъ и сдѣлалъ. Такъ какъ этотъ отъявленный плутъ шатался каждую ночь вмѣстѣ съ подобными себѣ негодяями вокругъ Эрмитажа, вооруженный толстой палкой окованной желѣзомъ и похожей на дубинку, то для успокоенія моихъ «гувернантокъ», страшно боявшихся этого человѣка, я приказалъ садовнику, который поступилъ на его мѣсто, ночевать постоянно въ Эрмитажѣ; такъ какъ и это ихъ не успокоило, то я велѣлъ попросить у г-жи д'Эпинэ ружье, которое и держалъ въ комнатѣ садовника, наказавъ ему прибѣгать къ этому оружію лишь въ необходимости, еслибъ напр. попытались разломать дверь или перелѣзть въ садъ черезъ заборъ, да и въ такихъ случаяхъ стрѣлять холостымъ зарядомъ, единственно для того, чтобы напугать воровъ. Это было, конечно, наименьшая предосторожность, какую могъ только принять ради общей безопасности человѣкъ болѣзненный, которому приходилось провести зиму среди лѣсовъ, одному съ двумя робкими женщинами. Наконецъ я добылъ себѣ собачку. Въ это время меня посѣтилъ Делейръ; я разсказалъ ему о случившемся и посмѣялся съ нимъ надъ своими военными снарядами. Возвратясь въ Парижъ. онъ захотѣлъ въ свою очередь потѣшить Дидро, и вотъ какимъ образомъ кружокъ Гольбаха узналъ, что я серьезно намѣревался провести зиму въ Эрмитажѣ. Они не могли вообразить себѣ такого постоянства, и оно сбило ихъ съ толку; чтобъ сдѣлать мнѣ мое жилище непріятнымъ [1]), они постара-

[1]) Я дивлюсь въ настоящее время своей глупости, благодаря которой не замѣчалъ, писавъ это, что досада кружка Гольбаха по поводу моего отъѣзда и намѣренія остаться касалась преимущественно старухи ле-Вассеръ, которой они не имѣли больше подъ рукой для доставленія имъ различныхъ вѣрныхъ свѣдѣній, въ которыхъ они нуждались для осуществленія своихъ низкихъ плановъ. Эта мысль, пришедшая мнѣ въ голову такъ поздно, вполнѣ разъясняетъ странность ихъ поведенія, которое при всякомъ другомъ предположеніи невозможно объяснить.

лись, пока не придумали еще какой нибудь иной шутки, отбить у меня чрезъ посредство Дидро того самаго Делейра, который сначала находилъ мои предосторожности очень естественными, впослѣдствіи же нашелъ ихъ несовмѣстными съ моими принципами и хуже, чѣмъ смѣшными; это убѣжденіе онъ высказывалъ въ письмахъ, въ которыхъ осыпалъ меня горькими и довольно мѣткими шуточками, которыя могли бы оскорбить меня, еслибъ я былъ способенъ при тогдашнемъ настроеніи духа оскорбляться такими вещами. Но пропитанный теплыми и нѣжными чувствами и нечувствительный ко всему прочему, я не видѣлъ въ этихъ ѣдкихъ сарказмахъ ничего, кромѣ охоты посмѣяться, и находилъ Делейра лишь игривымъ тамъ, гдѣ всякій другой нашелъ бы его сумасброднымъ.

Бдительностью и попеченіями мнѣ удалось такъ хорошо сберечь садъ, что, не смотря на весьма плохой урожай плодовъ въ томъ году, сборъ оказался втрое больше противъ прошлыхъ лѣтъ; правда и то, что я нисколько не щадилъ себя при этомъ сбереженіи; я даже конвоировалъ плоды, посылавшіеся въ Шевреттъ и въ Эпинэ, и самъ таскалъ корзины; помню, что однажды, я и Тереза тащили такую тяжелую карзину, что были принуждены отдыхать на каждыхъ десяти шагахъ и добрались до мѣста всѣ въ поту.

— 1757.—Когда съ наступленіемъ дурного времени года мнѣ пришлось часто сидѣть дома, я захотѣлъ снова приняться за свои кабинетныя занятія, но это оказалось невозможнымъ. Мнѣ всюду только и мерещились, что прелестныя подруги, созданныя моимъ воображеніемъ, ихъ кругъ, ихъ обстановка, мѣстность, въ которой они жили и предметы, созданные и украшенные для нихъ моимъ воображеніемъ. Теперь я ни на одну минуту не владѣлъ больше собою, мой бредъ уже не прекращался. Послѣ множества безполезныхъ усилій отдѣлаться отъ этихъ бредней, я, наконецъ, совершенно поддался ихъ обаянію и сталъ заботиться только о томъ, чтобы привести хотя отчасти въ порядокъ и послѣдовательность и затѣмъ составить изъ нихъ родъ романа.

Больше всего меня затрудняло то, что я стыдился такъ громко и наглядно высказать свои чувства. Послѣ строгихъ принциповъ, только что установленныхъ мной съ такимъ шумомъ, послѣ суровыхъ правилъ, пропагандированныхъ мной съ такимъ жаромъ, послѣ множества язвительныхъ ругательствъ противъ сентиментальныхъ книгъ, дышащихъ любовью и нѣгой,—могло ли что нибудь поразить своею неожиданностью такъ, какъ то обстоятельство, что я вдругъ записывался собственной рукой въ число авторовъ тѣхъ книгъ, противъ которыхъ такъ жестоко возставалъ? Я вполнѣ сознавалъ безразсудство такого поступка, я упрекалъ себя въ немъ, краснѣлъ, досадовалъ; но всего этого не было достаточно, чтобъ образумить меня.

Совершенно порабощенный, я долженъ былъ во что бы ни стало подчиниться моему желанію и рѣшиться пойти противъ людскихъ толковъ. Я только не обсуждалъ еще, — рѣшусь ли я показать кому нибудь свое сочиненіе или нѣтъ, потому что въ то время еще не предполагалъ, что вздумаю его напечатать.

На этомъ основаніи я ринулся, очертя голову, въ свои фантазіи и по мѣрѣ того, какъ всячески вертѣлъ ихъ въ головѣ, составилъ наконецъ изъ нихъ родъ плана, исполненіе котораго публика видѣла. Это, конечно, было самое лучшее употребленіе, какое можно было извлечь изъ моихъ глупостей: любовь къ добру, никогда не покидавшая моего сердца, направила это безуміе на предметы полезные, изъ которыхъ нравственность могла бы извлечь пользу. Мои сладострастныя картины лишились бы всей своей прелести, еслибъ въ нихъ не было пріятнаго колорита невинности. Слабая дѣвушка возбуждаетъ состраданіе; любовь дѣлаетъ ее интересной, и милое существо часто остается не менѣе милымъ: но кто можетъ смотрѣть безъ негодованія на зрѣлище свѣтскихъ нравовъ? и есть ли что возмутительнѣе гордости невѣрной жены, которая, открыто попирая ногами всѣ свои обязанности, требуетъ, чтобъ мужъ былъ въ высшей степени признателенъ ей за оказываемую ему милость, состоящую въ томъ, что жену не застаютъ врасплохъ на мѣстѣ преступленія? Въ природѣ нѣтъ существъ совершенныхъ, и ихъ уроки не доходятъ до насъ. Но когда молодая дѣвушка, одаренная нѣжнымъ и честнымъ сердцемъ, не въ силахъ устоять противъ любви и отдается ей до замужества, а потомъ, выйдя замужъ, находитъ въ себѣ достаточно силы побѣдить въ свою очередь любовь и снова сдѣлаться добродѣтельной, она отнюдь не теряетъ права на уваженіе, — и каждый, кто вамъ скажетъ, что изображеніе такой женщины скандалезно и безполезно, лгунъ и лицемѣръ; не слушайте его.

Кромѣ идеи о нравственности и супружеской вѣрности, радикально связанной со всякимъ общественнымъ порядкомъ, я думалъ развить еще другую идею — о согласіи всѣхъ людей и всенародномъ мирѣ; это предметъ болѣе серьезный, быть можетъ болѣе важный самъ по себѣ, по крайней мѣрѣ въ тогдашнее время. Гроза, поднятая «Энциклопедіей», не только не стихала, но была въ полномъ разгарѣ. Обѣ партіи, ожесточенныя одна противъ другой до неистовства, походили скорѣе на взбѣсившихся волковъ, готовыхъ въ остервененіи растерзать одинъ другого, чѣмъ на христіанъ и философовъ, стремящихся взаимно просвѣтить другъ друга, убѣдить въ истинѣ и выйти на настоящій путь. Будь только у той и другой партіи энергичные предводители, пользующіеся довѣріемъ, и борьба превратилась бы въ междоусобную войну, и Богъ вѣсть, что произвела бы гражданская религіозная война тамъ, гдѣ самая жестокая

нетерпимость была въ сущности одинакова съ обѣихъ сторонъ. Будучи по своей натурѣ врагомъ всякаго духа партіи, я откровенно высказывалъ и тѣмъ, и другимъ горькія истины, которыхъ они не слушали. Я придумалъ иное средство, показавшееся мнѣ по своей простотѣ превосходнымъ, именно я хотѣлъ укротить ихъ обоюдную ненависть уничтоженіемъ ихъ предразсудковъ и указать каждой партіи на достоинства и добродѣтели другой, заслуживающія общаго уваженія и почитаемыя всѣми смертными. Такой проектъ былъ весьма неоснователенъ, потому что въ немъ разсчитывали на добросовѣстность людей; чрезъ него впалъ я въ ту ошибку, въ которой упрекалъ аббата де-Сенъ-Пьера, а результатъ проекта былъ таковъ, какого слѣдовало ожидать: партіи не сблизились, а только соединились вмѣстѣ, чтобъ задавить меня. Пока опытъ еще не доказалъ мнѣ, что я поступаю нелѣпо, я предавался этому проекту, скажу смѣло, съ рвеніемъ достойнымъ побужденія, внушившаго мнѣ его, и изображая оба характера — и Вольмара и Юліи, я былъ въ такомъ упоеніи, что надѣялся сдѣлать ихъ симпатичными и, что важнѣе, взаимно усилить однимъ привлекательность другого.

Довольный тѣмъ, что очеркъ плана вчернѣ былъ сдѣланъ, я снова принялся за подробности, которыя прежде были набросаны мной; я расположилъ ихъ въ извѣстномъ порядкѣ, и такимъ образомъ изъ нихъ выработались двѣ первыя части «Юліи», которыя я составилъ и переписалъ на чисто въ эту зиму съ невыразимымъ удовольствіемъ; я взялъ для этого сочиненія самую лучшую бумагу съ золотымъ обрѣзомъ, засыпалъ написанное лазуревымъ и серебрянымъ пескомъ, тетрадки сшивалъ голубой ленточкой, словомъ, я находилъ все не довольно красивымъ и изящнымъ для прелестныхъ дѣвушекъ, отъ которыхъ сходилъ съ ума, какъ второй Пигмаліонъ. Каждый вечеръ, сидя у домашняго очага, я читалъ и перечитывалъ обѣ эти части своимъ гувернанткамъ. Дочь, не говоря ни слова, рыдала со мной отъ умиленія, а мать, не находя тутъ никакихъ комплиментовъ, ничего не понимала, сидѣла смирно и ограничивалась тѣмъ, что въ минуты молчанія повторяла мнѣ: «Это прелесть какъ хорошо».

Г-жа д'Эпинэ, знавшая, что я остался зимою одинъ среди лѣсовъ, въ уединенномъ домѣ, безпокоилась обо мнѣ и очень часто присылала освѣдомляться. Никогда не выказывала она мнѣ болѣе истинной дружбы и никогда не находила во мнѣ болѣе живого сочувствія какъ теперь; я былъ бы не правъ, еслибъ умолчалъ, что между прочими доказательствами своей дружбы, она прислала мнѣ свой портретъ и просила меня научить ее достать мой, который дѣлалъ ла-Туръ, и который былъ на художественной выставкѣ. Не слѣдуетъ мнѣ умолчать и о другомъ знакѣ ея внимательности, который покажется смѣшнымъ, но по произведенному

на меня впечатлѣнію составляетъ частичку исторіи моего характера. Однажды, въ очень сильный морозъ, развязывая присланный отъ нея узелъ съ разными вещами, которыя она взялась доставить мнѣ по моему порученію, я нашелъ въ немъ коротенькую нижнюю юбку изъ англійской фланели, которую, какъ она сама увѣдомляла меня, она носила и теперь прислала мнѣ на фуфайку. Записка ея, премило написанная, дышала лаской и наивностью. Такая, болѣе чѣмъ дружеская заботливость, показалась мнѣ крайне нѣжной, словно г-жа д'Эпинэ отдавала мнѣ на фуфайку свою послѣднюю юбку; расчувствовавшись, я разъ двадцать со слезами цѣловалъ и записку, и юбку. Тереза думала, что я сошелъ съ ума. Странно, что изъ всѣхъ доказательствъ дружбы, расточавшихся мнѣ г-жею д'Эпинэ, ни одно не растрогало меня сильнѣе этого; даже послѣ нашей ссоры, я никогда не вспоминалъ о немъ безъ умиленія. Я долго сберегалъ ея записочку, и до сихъ поръ еще она была бы у меня, еслибъ ее не постигла участь моихъ прочихъ писемъ, относившихся къ этому періоду.

Не смотря на то, что задержаніе мочи почти не давало мнѣ зимою покоя и что часть этого времени года я принужденъ былъ употреблять зонды, но это время, говоря вообще, прошло для меня такъ пріятно и спокойно, какъ не проходилъ почти ни одинъ день съ тѣхъ поръ, какъ я поселился во Франціи. Впродолженіи четырехъ или пяти мѣсяцевъ, въ которые, благодаря дурной погодѣ, меня рѣже осаждали нежданные посѣтители, я вкушалъ болѣе нежели когда либо, и прежде и потомъ, прелесть независимой, ровной и простой жизни; вмѣстѣ съ наслажденіемъ возвышалась въ глазахъ моихъ и цѣна такой жизни; мое общество состояло лишь изъ моихъ двухъ гувернантокъ, находившихся на лицо и двухъ кузинъ, жившихъ въ моемъ воображеніи. Тогда-то въ особенности я съ каждымъ днемъ все сильнѣе радовался, что у меня достало здраваго смысла принять такое намѣреніе, не обращая вниманія на ропотъ своихъ друзей, досадовавшихъ на меня за то, что я высвободился изъ ихъ тираніи; когда же до меня дошли слухи о преступномъ покушеніи безумца [1]), когда Делейръ и г-жа д'Эпинэ начали сообщать мнѣ въ своихъ письмахъ о господствовавшихъ въ Парижѣ смятеніяхъ и волненіяхъ, какъ горячо благодарилъ я небо, что оно удалило меня отъ театра ужасовъ и преступленій, которые только дали бы новую пищу моему желчному настроенію и усилили бы мою угрюмость, которою я запасся, глядя на общественные безпорядки; между тѣмъ какъ вокругъ своего убѣжища я видѣлъ только предметы пріятные для глазъ и кроткіе, и мое сердце предавалось лишь ощущеніямъ радостнымъ. Съ удо-

[1]) Покушеніе Даміена на жизнь Людовика XV, 4-го января 1757 года.

вольствіемъ записываю я здѣсь, какъ протекли послѣднія безмятежныя минуты, которыя были мнѣ оставлены. Весна, наступившая за столь мирной зимой, увидѣла, какъ возникали и развивались бѣдствія, которыя мнѣ остается описывать; въ сцѣпленіи ихъ читатели не увидятъ болѣе подобнаго промежутка, въ который я могъ на досугѣ отдохнуть отъ нихъ.

Впрочемъ, какъ мнѣ помнится, кружокъ Гольбаха не оставлялъ меня совершенно въ покоѣ въ теченіи этого мирнаго періода даже въ моемъ уединенномъ убѣжищѣ. Дидро выдумалъ на меня какую-то сплетню, и врядъ ли я ошибусь, сказавъ, что «Побочный Сынъ», о которомъ рѣчь впереди, появился именно въ эту зиму. Кромѣ того, что по причинѣ, которую узнаютъ впослѣдствіи, у меня сохранилось мало вѣрныхъ памятниковъ объ этой эпохѣ, но даже тѣ памятники, которые были мнѣ оставлены, очень не точны относительно чиселъ. Дидро никогда не выставлялъ числа на своихъ письмахъ. Г-жа д'Эпинэ и г-жа Гудето выставляли на своихъ лишь день недѣли, а Делейръ всего чаще поступалъ въ этомъ отношеніи также, какъ онѣ. Когда я захотѣлъ привести эти письма въ хронологическій порядокъ, мнѣ пришлось ощупью выставлять числа, за вѣрность которыхъ не могу поручиться. И такъ, не имѣя возможности съ точностію опредѣлить время, когда начались наши ссоры, я предпочитаю передать ниже въ одной главѣ все, что могу припомнить объ этихъ ссорахъ.

Съ возвратомъ весны удвоилась пламенность моихъ бредней, и я сочинилъ, подъ вліяніемъ своей эротической восторженности, для остальныхъ частей «Юліи» нѣсколько писемъ, гдѣ отражается то восторженное настроеніе духа, въ которомъ я ихъ писалъ. Въ числѣ прочихъ я могу цитировать письма изъ Элизіума и съ прогулки на озерѣ, которыя, если я не ошибаюсь, находятся въ концѣ четвертой части. Каждый, кто не почувствуетъ при чтеніи этихъ двухъ писемъ, что сердце смягчается и таетъ отъ умиленія, диктовавшаго мнѣ эти письма, долженъ закрыть книгу: онъ не способенъ судить о вещахъ, касающихся чувства.

Именно въ это самое время г-жа Гудето сдѣлала мнѣ второй неожиданный визитъ. Въ отсутствіе своего мужа, жандармскаго капитана и своего любовника, тоже находившагося на службѣ, она пріѣхала въ Обоннъ, что среди долины Монморанси, и наняла тамъ прехорошенькій домъ. Оттуда то она предприняла новую прогулку въ Эрмитажъ. Этотъ разъ она пріѣхала верхомъ и въ мужскомъ платьѣ. Я вовсе не охотникъ до такого рода маскарадовъ, однакожъ въ настоящемъ случаѣ увлекся романтизмомъ и—это была любовь. На основаніи того, что это была моя первая и единственная любовь въ жизни, и что по своимъ послѣдствіямъ она оставила навсегда памятное и страшное воспоминаніе, пусть позволятъ мнѣ войти по этому предмету въ нѣкоторыя подробности.

Графиня Гудето была женщина лѣтъ около тридцати и далеко не красавица; лице ея было испорчено оспой, цвѣтъ кожи не довольно нѣжный: она была близорука; глаза у нея были немного на выкатѣ; но, не смотря на все это, она была съ виду очень моложава, а выраженіе лица, веселое и вмѣстѣ съ тѣмъ кроткое, дышало привѣтливостью. Волосы у нея были черные, очень густые, длинные, вились отъ природы и разсыпались кудрями, спускавшимися ниже колѣна; она была миніатюрнаго роста, а во всѣхъ ея движеніяхъ проявлялись и неловкость, и граціозность. Умъ у нея былъ очень наивный и очень пріятный; онъ заключалъ въ себѣ счастливую смѣсь веселости, вѣтренности и естественности; она обладала природнымъ остроуміемъ и очень мило острила, ни мало не заботясь о томъ и нерѣдко противъ воли. Она имѣла кое-какіе пріятные таланты, играла на фортепіано, хорошо танцовала и сочиняла весьма хорошенькіе стихи. Характеръ у нея былъ ангельскій; отличительной чертой его была душевная кротость, но, за исключеніемъ благоразумія и силы, онъ соединялъ въ себѣ всѣ добродѣтели. Въ особенности она была до такой степени честна въ своихъ общественныхъ отношеніяхъ и на нее можно было до такой степени положиться, что самые враги ея не имѣли надобности скрытничать при ней. Я разумѣю подъ именемъ ея враговъ тѣхъ людей, или вѣрнѣе тѣхъ женщинъ, которыя ее ненавидѣли; что касается до нея самой, ея сердце неспособно было питать ненависть, и я полагаю, что такое сходство съ моимъ сердцемъ много способствовало тому, что я страстно привязался къ ней. Я никогда не слыхалъ, чтобъ она въ откровенныхъ бесѣдахъ съ самыми интимными друзьями говорила дурно объ отсутствующихъ, даже о своей невѣсткѣ. Она не могла ни отъ кого скрыть, что думаетъ, и не умѣла насиловать себя ни въ какомъ чувствѣ, и я убѣжденъ, что она говорила о своемъ любовникѣ даже мужу, какъ говорила о немъ своимъ знакомымъ и всѣмъ безъ различія. Наконецъ, неоспоримымъ доказательствомъ чистоты и искренности ея превосходнаго характера служитъ то, что склонная по своей натурѣ дѣлать въ разсѣянности страшные промахи и изъ вѣтренности— презабавныя глупости, она часто дѣлала жертвой ихъ саму себя, но никогда не оскорбляла ими кого бы то ни было.

Ее выдали замужъ въ очень нѣжномъ возрастѣ и противъ воли за графа Гудето, человѣка довольно знатнаго, хорошаго воина, но игрока, интригана, вовсе не любезнаго, и котораго она никогда не любила. Она нашла въ г. де-Сенъ-Ламберѣ всѣ достоинства своего мужа, въ соединеніи съ качествами болѣе пріятными: умомъ, добродѣтелями и талантами. Если можно простить что нибудь нравамъ этого вѣка, такъ это, конечно, привязанность, очищенную постоянствомъ, почтенную по своему внѣшнему проявленію и окрѣпнувшую единственно вслѣдствіе взаимнаго уваженія.

Она посѣтила меня, какъ я могъ предположить, отчасти потому, что ей хотѣлось этого, а больше изъ желанія угодить де-Сенъ-Ламберу. Онъ уговорилъ ее посѣтить меня, и былъ правъ, разсудивъ, что благодаря дружбѣ, которая начинала завязываться между нами, это знакомство будетъ пріятно для всѣхъ троихъ. Она знала, что ихъ сношенія не были для меня тайной; и такъ какъ она могла говорить о немъ со мной безъ стѣсненія, то очень естественно, что ей было со мной хорошо. Она пріѣхала; я увидѣлъ ее; до нея я былъ въ опьяненіи отъ любви, не имѣвшей предмета; это опьяненіе ослѣпило меня; моя любовь остановилась на ней; я видѣлъ въ г-жѣ Гудето свою Юлію, а вскорѣ затѣмъ видѣлъ только г-жу Гудето, но обладавшую всѣми совершенствами, какими я надѣлялъ кумира своего сердца. Она говорила мнѣ о Сенъ-Ламберѣ со всей страстностью любовницы; это окончательно погубило меня. О, заразительная сила любви! когда я слушалъ г-жу Гудето, когда чувствовалъ, что нахожусь подлѣ нея, я ощущалъ такое восхитительное сотрясеніе, какого никогда не испытывалъ подлѣ другой женщины. Она говорила, а я приходилъ въ умиленіе; мнѣ казалось, что я только принимаю участіе въ ея чувствахъ, а между тѣмъ самъ поддавался такимъ же чувствамъ; я пилъ медленными глотками изъ чаши съ ядомъ и ощущалъ еще только его сладость. Наконецъ совершенно незамѣтнымъ образомъ для меня, а равно и для себя, она вдохнула въ меня въ отношеніи къ ней все, что она чувствовала къ своему любовнику. Увы! было слишкомъ поздно и слишкомъ жестоко пылать страстью столь же сильной, какъ несчастной, къ женщинѣ, которой сердце было полно любви къ другому.

Не смотря на чрезвычайное волненіе, какое я ощущалъ подлѣ нея, я сначала и не замѣтилъ, что со мной сдѣлалось: я спохватился уже послѣ ея отъѣзда, когда, желая думать о Юліи, могъ думать только о г-жѣ Гудето. Тогда завѣса спала съ моихъ глазъ; я почувствовалъ свое несчастіе, я горевалъ о себѣ, но не предвидѣлъ послѣдствій этой бѣды. Долго я колебался, какъ мнѣ держать себя съ г-жею Гудето, какъ будто истинная любовь допускаетъ разсудокъ дѣйствовать по его усмотрѣнію. Я еще ни на что не рѣшился, когда она вторичнымъ посѣщеніемъ застала меня врасплохъ; тогда все разъяснилось. Стыдъ, товарищъ зла, отнялъ у меня языкъ; я трепеталъ въ ея присутствіи; я не смѣлъ открыть ротъ и поднять глаза; я находился въ невыразимомъ смущеніи, и не можетъ быть, чтобъ она его не замѣтила. Я рѣшился признаться ей въ своемъ смущеніи и предоставилъ ей самой угадать причину: это было тоже самое, что прямо высказаться.

Еслибъ я былъ молодъ и любезенъ и еслибъ г-жа Гудето впослѣдствіи не устояла противъ меня, я осудилъ бы здѣсь ея поведеніе; но ничего подобнаго не было, и мнѣ остается лишь хвалить ее и удивляться

ей. Ея рѣшеніе было весьма благоразумно. Она не могла отшатнуться отъ меня вдругъ, не объяснивъ причины Сенъ-Ламберу, который самъ уговорилъ ее меня навѣстить; это повело бы къ разрыву двухъ друзей и, быть можетъ, даже къ скандалу, котораго ей хотѣлось избѣгнуть. Она оказывала мнѣ уваженіе и расположеніе. Она сострадала моему безумію; не потворствуя ему, она жалѣла меня и старалась излечить отъ безумной страсти. Ей очень хотѣлось сохранить для своего любовника и для себя друга, котораго она цѣнила; ни о чемъ не говорила она со мной съ большимъ удовольствіемъ, какъ объ интимномъ и пріятномъ обществѣ, которое мы могли бы составлять втроемъ, когда я сдѣлался бы разсудительнымъ; не всегда она ограничивалась такими дружескими увѣщаніями и при надобности не щадила болѣе строгихъ упрековъ, которые я вполнѣ заслуживалъ.

Въ отношеніи упрековъ я былъ къ самому себѣ еще безпощаднѣе; какъ скоро я остался одинъ, я призадумался надъ собой; послѣ объясненія я сдѣлался поспокойнѣе; любовь дѣлается сноснѣе, когда выскажешь ее той, кто внушаетъ ее. Я жестоко упрекалъ себя въ этой любви, и это должно бы излечить меня отъ нея, еслибъ то была вещь возможная. Какихъ могучихъ доводовъ не призывалъ я къ себѣ на помощь, чтобъ подавить эту любовь! Я взвѣшивалъ мой образъ жизни, мои чувства, мои принципы, стыдъ, супружескую невѣрность, преступленіе, злоупотребленіе довѣренностью дружбы, наконецъ смѣшную нелѣпость пылать въ мои лѣта самой сумасбродной страстью къ женщинѣ, несвободное сердце которой никакъ не могло ни отвѣчать мнѣ, ни подавать малѣйшую надежду; кромѣ того, это была страсть, которая не только ничего не выигрывала чрезъ свое постоянство, но еще съ каждымъ днемъ становилась менѣе выносимой.

Кто повѣритъ, что это послѣднее соображеніе, которое должно бы увеличить тягость всѣхъ прочихъ, было именно соображеніемъ, облегчившимъ ее. Зачѣмъ мнѣ, думалъ я, бѣжать отъ безумія, гибельнаго для одного меня? Развѣ я молодой человѣкъ, очень опасный для г-жи Гудето? Неужели, судя по моему тщеславному угрызенію совѣсти, можно предположить, что г-жа Гудето способна плѣниться моей любезностью, моею наружностью, моимъ туалетомъ? Ахъ, бѣдный Жанъ-Жакъ, люби сколько душѣ угодно, безъ угрызенія совѣсти, и не опасайся, что твои вздохи повредятъ Сенъ-Ламберу.

Читатели уже видѣли, что я никогда не былъ самонадѣяннымъ, даже въ своей молодости. Думать такимъ образомъ было свойственно моему уму и льстило моей страсти; этого было достаточно, чтобы я предался ей очертя голову, и даже чтобъ подсмѣивался надъ дерзкой совѣстливостью, проявившейся, какъ я думалъ, скорѣе вслѣдствіе тщеславія,

чѣмъ разсудительности. Это великій урокъ для честныхъ душъ, къ которымъ порокъ никогда не имѣетъ открытаго доступа, но къ которымъ онъ умѣетъ поддѣлаться, всегда прикрывая себя какими нибудь софизмами и нерѣдко какой либо добродѣтелью.

Преступный безъ угрызеній совѣсти, я сдѣлался вскорѣ преступнымъ до послѣдней крайности, и замѣтьте, пожалуйста, какъ моя страсть шла по слѣдамъ моего характера и, наконецъ, увлекла меня въ бездну. Сначала она приняла смиренный видъ, чтобъ успокоить меня, а затѣмъ, чтобъ внушить мнѣ смѣлость, довела это смиреніе до недовѣрчивости. Г-жа Гудето, никогда ни на минуту не потворствовавшая моему безумію, обращалась со мной однакожъ чрезвычайно кротко и въ отношеніяхъ со мной сохраняла тонъ самой нѣжной дружбы. Повѣрьте, я удовлетворился бъ такой дружбой, еслибъ вѣрилъ въ ея искренность; но находя, что она слишкомъ сильна для того, чтобъ быть истинной, не долженъ ли я былъ забрать себѣ въ голову, что любовь, столь не совмѣстная съ моими лѣтами и съ моей осанкой, уронила меня въ глазахъ г-жи Гудето; что моя молодая вѣтреница хотѣла лишь потѣшиться на мой счетъ надъ моими неумѣстными нѣжностями; что она разсказала обо всемъ Сенъ-Ламберу, что послѣдній, въ негодованіи на мое вѣроломство, дѣйствовалъ за одно съ нею, и что они оба сговорились окончательно вскружить мнѣ голову и осмѣять меня! Такая нелѣпость, заставлявшая меня сумасбродствовать въ двадцать шесть лѣтъ, когда я интересовался г-жею де-Ларнажъ, которой не зналъ хорошо, — была бы тѣмъ болѣе простительна въ сорокъ пять лѣтъ съ г-жею Гудето, еслибъ мнѣ не было извѣстно, что какъ она, такъ и ея любовникъ были люди въ высшей степени честные и никогда не позволили бы себѣ такой варварской забавы.

Г-жа Гудето продолжала дѣлать мнѣ визиты, которые я отдавалъ ей безъ замедленія. Она любила ходить пѣшкомъ, я тоже: мы дѣлали длинныя прогулки въ очаровательной мѣстности. Довольный тѣмъ, что я любилъ и смѣлъ высказываться, я находился бы въ самомъ пріятномъ положеніи, еслибъ вся его прелесть не уничтожалась моимъ сумасбродствомъ. Сначала она никакъ не могла понять причины глупой досады, съ которой я принималъ ея ласки; но мое сердце, вовсе не способное скрывать то, что въ немъ происходитъ, скоро заставило г-жу Гудето угадать мои подозрѣнія; она хотѣла обратить ихъ въ шутку; это средство не удалось; оно привело бы меня въ бѣшенство, — г-жа Гудето перемѣнила тонъ. Ея сочувствіе и кротость были непобѣдимы; она дѣлала мнѣ упреки, которые меня растрогали; она высказала мнѣ по поводу моихъ несправедливыхъ опасеній, что встревожена на счетъ меня; я злоупотребилъ этимъ. Я требовалъ доказательствъ, что она не смѣется

надо мной. Она увидѣла, что не было больше никакого средства меня успокоить. Я сдѣлался настойчивъ; положеніе было неловкое. Это удивительный, быть можетъ единственный случай, когда женщина, которая дошла до того, что ей пришлось торговаться, такъ дешево отдѣлалась. Она не отказала мнѣ ни въ чемъ, что могла исполнить по праву самой нѣжной дружбы, и не исполнила ничего, что могло нарушить ея вѣрность, и я долженъ былъ со стыдомъ видѣть, какъ горячность, охватывавшая меня вслѣдствіе ея самыхъ легкихъ ласкъ, не заронила въ ее сердце ни малѣйшей искры чувственности.

Я гдѣ-то говорилъ, что не слѣдуетъ ни въ чемъ уступать чувствамъ, когда не хочешь вполнѣ удовлетворить ихъ. Чтобъ узнать, на сколько это правило было ложно относительно г-жи Гудето, и какое право она имѣла разсчитывать на самую себя, слѣдовало бы войти въ подробности нашихъ долгихъ и частыхъ бесѣдъ вдвоемъ и слѣдить за этими одушевленными бесѣдами втеченіи четырехъ мѣсяцевъ, проведенныхъ нами вмѣстѣ въ такой интимности, какой почти нѣтъ примѣра между двумя личностями различнаго пола, назначившими себѣ границы, изъ которыхъ мы никогда не выходили. Ахъ! если я такъ долго не чувствовалъ истинной любви, то мое сердце и мои чувства порядкомъ поплатились за эту недоимку! каково же должно быть упоеніе, ощущаемое подлѣ существа любимаго и любящаго, — если даже любовь безъ взаимности можетъ довести до подобнаго состоянія!

Но я не правъ, говоря любовь безъ взаимности; мою любовь нѣкоторымъ образомъ раздѣляли; она была одинаковая съ обѣихъ сторонъ, хотя и не была взаимной. Мы оба были въ упоеніи отъ любви; она — отъ любви къ своему любовнику, а я — къ ней; наши вздохи и наши сладостныя слезы сливались вмѣстѣ. Мы были нѣжными повѣренными другъ друга, вслѣдствіе чего между нашими чувствами было столько общаго, что имъ не было возможности не сливаться въ чемъ нибудь; не смотря однакожъ на это опасное упоеніе, она никогда не забывалась ни на минуту; что касается до меня, то клянусь, что если иногда, увлеченный чувственностью, я и пытался нарушить ея вѣрность къ любовнику, но въ сущности никогда не желалъ этого. Пылкость моей страсти сдерживалась самой этой страстью. Обязанность подвергать себя лишеніямъ довела мою душу до экзальтаціи. Добродѣтели во всемъ своемъ блескѣ украшали въ моихъ глазахъ кумиръ моего сердца: осквернить божественный ликъ его значило бы уничтожить его самого. Я могъ бы совершить такое преступленіе; сто разъ совершалъ я его въ сердцѣ; но унизить мою Софью! да развѣ это возможно когда нибудь? Нѣтъ, нѣтъ, я говорилъ это сто разъ ей самой; еслибъ было въ моей власти удовлетворить своей чувственности, еслибъ она отдалась по собственной волѣ

на мой произволъ, я отказался бы, не считая нѣсколькихъ краткихъ минутъ безумія, купить счастіе такой цѣною. Я любилъ ее слишкомъ много, чтобы захотѣть обладать ею.

Отъ Эрмитажа до Обоннъ около мили; я бывалъ тамъ очень часто и иногда мнѣ случалось тамъ ночевать. Однажды вечеромъ, поужинавъ вдвоемъ, мы отправились гулять въ садъ при чудномъ лунномъ свѣтѣ. Въ глубинѣ этого сада есть довольно большая прогалина; мы отправились этой дорогой отыскивать хорошенькую рощицу, украшенную каскадомъ; я далъ г-жѣ Гудето мысль устроить этотъ каскадъ, а она привела ее въ исполненіе. Безсмертный памятникъ невинности и наслажденія! Въ этой то рощицѣ, сидя съ нею на дерновой скамьѣ, подъ акаціей въ полномъ цвѣту, я нашелъ для выраженія своихъ сердечныхъ ощущеній языкъ, по истинѣ достойный ихъ. Это случилось со мной въ первый и послѣдній разъ въ жизни; но я былъ великолѣпенъ, если можно назвать великолѣпнымъ все то, что самая нѣжная и пылкая любовь можетъ вложить милаго и плѣнительнаго въ сердце мужчины. Сколько упоительныхъ слезъ я пролилъ на ея колѣни! сколько такихъ же слезъ я вызвалъ у нея противъ ея воли! Наконецъ она воскликнула въ невольномъ восторгѣ: «Нѣтъ, ни одинъ мужчина не бывалъ никогда любезнѣе васъ, и ни одинъ любовникъ не любилъ такъ, какъ вы! Но вашъ другъ Сенъ-Ламберъ слушаетъ насъ, а мое сердце не способно любить два раза». Я замолчалъ со вздохомъ; я обнялъ ее... О, какое объятіе! Но тѣмъ все и кончилось. Уже полгода она жила одна, то есть вдали отъ своего любовника и отъ своего мужа; три мѣсяца я видѣлся съ нею почти каждый день, и всегда между ней и мной стояло третье лицо — ея любовь. Мы поужинали вдвоемъ, мы находились одни въ рощицѣ въ лунную ночь, и послѣ двухчасовой, самой оживленной и самой нѣжной бесѣды, она вышла ночью изъ этой рощицы и изъ объятій своего друга, такой же непорочной, такой же чистой тѣломъ и сердцемъ, какой вошла туда. Читатель, взвѣсь всѣ эти обстоятельства; я не прибавлю больше ничего.

Не подумайте однакожъ, чтобъ мои чувства оставались такими спокойными, какими были въ присутствіи Терезы и маменьки. Я уже сказалъ, что теперь во мнѣ жила любовь, и любовь во всей силѣ и во всемъ разгарѣ. Я не стану описывать ни волненій, ни сердечнаго трепета, ни судорожныхъ движеній, ни замиранія сердца, которые безпрестанно ощущалъ: обо всемъ этомъ могутъ судить по дѣйствію, которое производилъ на меня одинъ видъ этой женщины. Я сказалъ, что отъ Эрмитажа до Обонна было далеко: я ходилъ чрезъ андильскіе холмы, которые прелестны. Дорогой я мечталъ о той, которую долженъ былъ скоро увидѣть, объ ея ласковомъ пріемѣ, о поцѣлуѣ, ожидавшемъ меня при

встрѣчѣ. Этотъ единственный поцѣлуй, этотъ роковой поцѣлуй, разгорячалъ мою кровь, даже прежде чѣмъ я его получалъ, до такой степени, что у меня кружилась голова, темнѣло въ глазахъ, колѣна дрожали и подгибались подо мной; я былъ принужденъ останавливаться, садиться; весь мой организмъ находился въ непостижимомъ безпорядкѣ; я готовъ былъ лишиться чувствъ. Зная о предстоявшей мнѣ опасности, я старалѣся, уходя изъ дому, разсѣять себя и думать о чемъ либо другомъ. Но я не успѣвалъ сдѣлать двадцать шаговъ, какъ тѣ же самыя воспоминанія и всѣ вытекающія изъ нихъ послѣдствія начинали снова осаждать меня до такой степени, что не было возможности отъ нихъ избавиться, сколько бы я не старался, и никогда, кажется, не удавалось мнѣ безнаказанно сдѣлать одному этотъ переходъ. Я приходилъ въ Обоннъ усталый, утомленный, изнеможенный, едва держась на ногахъ. Какъ скоро она являлась, все проходило; подлѣ нея я чувствовалъ только назойливость неистощимой и всегда безполезной страстности. По этой дорогѣ, въ виду Обонна находилась миленькая терасса, называемая горой Олимпомъ, куда мы по временамъ отправлялись, каждый отдѣльно. Я приходилъ первый; мнѣ ужъ суждено было всегда ждать; но какъ дорого обходилось мнѣ это ожиданіе! Я пробовалъ для развлеченія писать своимъ карандашемъ записки, которыя могъ бы написать собственной кровью; я никогда не могъ довести до конца ни одной изъ нихъ, которую можно было бы разобрать. Когда она находила такую записку въ нишѣ, куда мы условились ихъ класть, то не могла видѣть въ ней ничего, кромѣ того, по истинѣ жалкаго состоянія духа, подъ вліяніемъ котораго я писалъ. Такое состояніе, и въ особенности его продолжительность, причинило мнѣ вслѣдствіе трехмѣсячнаго раздраженія и лишенія такое истощеніе силъ, что я не могъ послѣ того оправиться въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и дѣло кончилось тѣмъ, что я получилъ грыжу, которую унесу съ собой или которая унесетъ меня въ могилу. Таково было единственное любовное наслажденіе человѣка съ самымъ пылкимъ темпераментомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ робкаго до такой степени, что врядъ ли когда природа создавала второй подобный экземпляръ. Вотъ каковы были послѣдніе счастливые дни, выпавшіе на мою долю на землѣ; съ этой поры начинается для меня длинный, почти безпрерывный рядъ бѣдствій.

Читатели видѣли, что во всю мою жизнь, мое сердце, прозрачное какъ хрусталь, не умѣло притворяться даже на одну минуту, когда въ него закрадывалось не совсѣмъ слабое чувство. Пусть разсудятъ, былъ ли я въ состояніи скрывать долго свою любовь къ г-жѣ Гудето. Наша интимность бросалась всѣмъ въ глаза; мы не дѣлали изъ этого ни секрета, ни тайны. Она была не такого рода, чтобъ нуждаться въ таинственно-

сти; г-жа Гудето питала ко мнѣ самую нѣжную дружбу, въ которой не могла упрекать себя, а я питалъ къ ней уваженіе, и никто не могъ лучше меня знать, на сколько она заслуживала такое чувство; она была откровенна, разсѣянна, опрометчива, а я правдивъ, неловокъ, гордъ, нетерпѣливъ, вспыльчивъ, и наша обманчивая безпечность давала еще больше повода къ ложнымъ толкамъ, чѣмъ еслибъ мы дѣйствительно были виновны. Мы оба посѣщали Шевреттъ, часто находились тамъ вмѣстѣ, иногда даже назначали свиданіе другъ другу. Мы жили тамъ, какъ жили обыкновенно, гуляли цѣлый день вдвоемъ, говорили о нашихъ отношеніяхъ, о нашихъ обязанностяхъ, о нашемъ другѣ, о нашихъ невинныхъ планахъ, — и дѣлали это въ паркѣ, противъ комнатъ г-жи д'Эпинэ, подъ ея окнами, откуда она непрерывно наблюдала за нами и, полагая, что мы нарочно дѣйствовали на перекоръ ей, предавалась въ сердцѣ бѣшенству и негодованію.

Всѣ женщины обладаютъ искусствомъ скрывать свою ярость, особенно когда она очень сильна; г-жа д'Эпинэ, женщина раздражительная, но разсудительная, умѣла въ высшей степени владѣть собой. Она притворялась, что ничего не видитъ, ничего не подозрѣваетъ, и въ то время, какъ она удвоивала ко мнѣ внимательность, заботливость и чуть чуть не доходила до кокетничанья, она же старалась на всякомъ шагу оказывать своей невѣсткѣ невѣжливость и презрѣніе и хотѣла повидимому побудить меня дѣлать тоже самое. Понятно, что ей не удалось добиться этого; но я страдалъ ужасно. Терзаемый совершенно противоположными чувствами и въ то же время неравнодушный къ ея ласкамъ, я съ трудомъ удерживался отъ гнѣва, когда видѣлъ, что она поступала невѣжливо съ г-жею Гудето. Эта послѣдняя, по своей ангельской кротости, переносила все, не жалуясь и даже не сердясь. Впрочемъ, она бывала нерѣдко такъ разсѣянна и всегда такъ равнодушна къ подобнымъ вещамъ, что по большей части совсѣмъ ихъ не замѣчала.

Я до того поддался своей страсти, что, не видя ничего, кромѣ Софьи (это было одно изъ именъ г-жи Гудето), даже не замѣчалъ, что сдѣлался басней всего дома и пріѣзжихъ гостей. Баронъ Гольбахъ, никогда, сколько мнѣ извѣстно, не посѣщавшій Шевреттъ, находился въ числѣ послѣднихъ. Еслибъ я былъ въ то время также недовѣрчивъ, какъ сдѣлался впослѣдствіи, то серьезно заподозрилъ бы г-жу д'Эпинэ въ томъ, что она сама пригласила его съ цѣлію сдѣлать ему забавный сюрпризъ — показать влюбленнаго гражданина. Но я былъ тогда до такой степени глупъ, что даже не замѣчалъ того, что всѣмъ кололо глаза. Однакожъ, не смотря на все свое тупоуміе, я не могъ не замѣтить, что баронъ былъ повидимому довольнѣе и веселѣе обыкновеннаго. Вмѣсто того, чтобы по своему обыкновенію обращаться со мной угрюмо, онъ на этотъ разъ без-

престанно отпускалъ мнѣ разныя шуточки, которыхъ я вовсе не понималъ. Я таращилъ на него глаза и не отвѣчалъ ни слова; г-жа д'Эпинэ помирала со смѣху; я не понималъ, что съ ними сдѣлалось. Такъ какъ до сихъ поръ ихъ шуточки не выходили изъ границъ, то всего лучше было бы для меня, еслибъ я только понялъ въ чемъ дѣло, отвѣчать въ свою очередь также шуточками.

Впрочемъ, и то правда, что въ глазахъ барона, не смотря на его насмѣшливую веселость, сверкала злобная радость, которая, быть можетъ, встревожила бъ меня, еслибъ я ее тогда замѣтилъ также ясно, какъ потомъ, когда припомнилъ ее.

Однажды, посѣтивъ г-жу Гудето въ Обоннѣ послѣ одной изъ ея поѣздокъ въ Парижъ, я замѣтилъ, что она печальна и плакала. Я былъ принужденъ сдержать себя, потому что у нея была въ гостяхъ г-жа де-Бленвиль, сестра ея мужа; но какъ скоро я улучилъ удобную минуту, тотчасъ же высказалъ свое безпокойство.—Ахъ! — сказала она мнѣ со вздохомъ,—я очень опасаюсь, что мнѣ придется поплатиться за ваше безуміе спокойствіемъ всей жизни. Сен-Ламберу все извѣстно и онъ извѣстилъ меня обо всемъ. Онъ отдаетъ мнѣ справедливость; но онъ сердится на меня и, что всего хуже, не высказываетъ своей досады вполнѣ. Къ счастію я никогда не скрывала отъ него ни малѣйшей бездѣлицы изъ нашихъ сношеній, образовавшихся подъ его покровительствомъ. Мои письма, равно какъ и мое сердце, были наполнены мыслями о васъ; я скрыла отъ него только вашу безумную любовь, отъ которой надѣялась излечить васъ, и которую онъ вмѣняетъ мнѣ въ преступленіе, хотя и не говоритъ мнѣ о томъ ни слова. На насъ насплетничали, меня обвиняютъ; но какое мнѣ до этого дѣло? Или прервемъ всѣ сношенія, или будьте такимъ, какимъ слѣдуетъ вамъ быть. Я не хочу больше ставить себя въ необходимость что либо скрывать отъ моего возлюбленнаго.

Тутъ въ первый разъ я почувствовалъ всю свою вину и стыдъ видѣть себя униженнымъ передъ женщиной, которая была вправѣ упрекать меня и которой я долженъ былъ служить менторомъ. Быть можетъ, негодованіе на самого себя было бъ достаточно сильно, чтобъ преодолѣть мою слабость, но нѣжное сочувствіе къ жертвѣ снова затронуло мое сердце. Увы! возможно ли, чтобъ оно окрѣпло въ ту минуту, когда тонуло въ слезахъ, проникавшихъ въ него отовсюду?

Чувство состраданія превратилось скоро въ гнѣвъ противъ подлыхъ доносчиковъ, которые только и видѣли, что дурную сторону преступнаго, но невольнаго чувства, никакъ не думая и даже не воображая, что искренняя честность сердца искупала эту преступность. Мы не долго оставались въ неизвѣстности, откуда былъ направленъ этотъ ударъ.

Мы оба знали, что г-жа д'Эпина была въ перепискѣ съ Сен-Ламбе-

ромъ. Это была не первая непріятность, причиненная ей г-жѣ Гудето, отъ которой она всячески старалась оттолкнуть Сен-Ламбера, и успѣхъ нѣкоторыхъ изъ этихъ усилій заставлялъ опасаться за послѣдствія. Сверхъ того Гриммъ находился въ то время, какъ мнѣ кажется, въ Вестфаліи, куда онъ отправился вмѣстѣ съ г. де-Гастри въ армію; тамъ же былъ и Сен-Ламберъ; они иногда встрѣчались другъ съ другомъ. Гриммъ пробовалъ ухаживать за г-жею Гудето, но безъ успѣха. Сильно разсерженный неудачей, онъ совсѣмъ пересталъ посѣщать эту даму. Судите жъ, какъ хладнокровно онъ, при своей всѣмъ извѣстной скромности, смотрѣлъ на мнимое предпочтеніе г-жи Гудето къ человѣку постарше его и о которомъ онъ, Гриммъ, съ тѣхъ поръ, какъ началъ тереться между знатью, говорилъ не иначе, какъ о своемъ protégé.

Мои подозрѣнія на счетъ г-жи д'Эпинэ превратились въ увѣренность послѣ того, какъ я узналъ, что происходило у меня дома. Когда я бывалъ въ Шевреттѣ, Тереза часто приходила туда, то для того, чтобъ доставить мнѣ письма, то, чтобъ оказывать мнѣ услуги необходимыя при моемъ плохомъ здоровьи. Г-жа д'Эпинэ спрашивала ее, веду ли я переписку съ г-жею Гудето. Она отвѣчала утвердительно, и г-жа д'Эпинэ уговаривала ее передавать ей письма г-жи Гудето, увѣряя, что она будетъ подпечатывать ихъ такъ искусно, что никто этого не замѣтитъ. Тереза не подавъ виду, какъ возмутительно было для нея такое предложеніе, и даже, не предупредивъ меня, ограничилась тѣмъ, что стала тщательнѣе прятать письма, которыя мнѣ приносила,—предосторожность не лишняя, потому что г-жа д'Эпинэ приказывала караулить приходъ, и, поджидая ее на дорогѣ, не разъ простирала свою дерзость такъ далеко, что шарила у нее за пазухой. Это еще не все: назвавшись однажды обѣдать въ Эрмитажъ вмѣстѣ съ г. де-Маржанси,—въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ я жилъ тамъ,—она, улучивъ то время, когда я прогуливался съ Маржанси, забралась съ матерью и дочерью ко мнѣ въ кабинетъ, и приставала къ нимъ съ просьбой показать ей письма г-жи Гудето. Еслибъ мать знала, гдѣ лежатъ письма, то выдала-бъ ихъ; но къ счастію о томъ знала одна дочь, утверждавшая, что всѣ письма уничтожены; ложь, конечно полная честности, вѣрности и великодушія, между тѣмъ какъ правда въ этомъ случаѣ была бы чистымъ вѣроломствомъ. Г-жа д'Эпинэ, видя ея неподкупность, задумала пробудить въ ней ревность, и стала упрекать ее въ легковѣрности и ослѣпленіи. Какъ вы не хотите видѣть,—говорила она,—что они въ преступной связи? Если не смотря на все, что вамъ бросается въ глаза, вамъ нужны еще другія доказательства, то дѣлайте то, что нужно, чтобъ ихъ получить. Вы говорите, что онъ рветъ письма г-жи Гудето тотчасъ по прочтеніи; въ такомъ случаѣ собирайте тщательно всѣ кусочки и отдавайте ихъ мнѣ, я

берусь складывать ихъ. Таковы были уроки, дававшіеся моей пріятельницей моей подругѣ.

Тереза скрывала отъ меня довольно долго всѣ эти попытки; но, видя мое безпокойство, сочла своей обязанностью сказать мнѣ все для того, чтобъ я зналъ съ кѣмъ имѣю дѣло и принялъ свои мѣры противъ предательскихъ козней, которыя мнѣ готовились. Невозможно описать мое негодованіе и бѣшенство. Вмѣсто того, чтобъ дѣйствовать по примѣру г-жи д'Эпинэ, притворяться съ ней и постараться перехитрить ее, я далъ полную волю необузданности своего нрава и съ обычной опрометчивостью разразился гнѣвомъ. О моемъ безразсудствѣ могутъ судить по слѣдующимъ письмамъ, гдѣ достаточно наглядно видѣнъ образъ дѣйствія въ этомъ случаѣ, какъ мой, такъ и ея.

ЗАПИСКА Г-ЖИ Д'ЭПИНЭ.

Связка А, подъ № 44.

Что васъ совсѣмъ не видно, любезный другъ? Я безпокоюсь за васъ. Вѣдь вы обѣщали мнѣ только и дѣлать, что ходить изъ Эрмитажа сюда и отсюда въ Эрмитажъ. На этомъ основаніи я предоставила вамъ полную свободу, а между тѣмъ вы пропали на цѣлую недѣлю. Еслибъ я не слыхала, что вы здоровы, то подумала бы, что вы больны. Я ждала васъ третьяго дня или вчера, и до сихъ поръ не вижу васъ. Боже мой! да что же съ вами? У васъ нѣтъ никакихъ дѣлъ, нѣтъ и печали, потому что въ противномъ случаѣ вы не замедлили бы пріѣхать повѣрить мнѣ свое горе. Вы стало быть больны? Поторопитесь, пожалуйста, вывести меня изъ безпокойства. Прощайте, любезный другъ; отзовитесь на это *прощайте* словомъ *здравствуйте*.

ОТВѢТЪ.

Среда, утро.

Я еще ничего не могу вамъ сказать. Жду, пока все получше разузнаю, и рано или поздно добьюсь этого. А между тѣмъ будьте увѣрены, что обвиняемая невинность найдетъ защитника достаточно ревностнаго для того, чтобъ заставить клеветниковъ, кто бы они ни были, раскаяться хотя отчасти.

ВТОРАЯ ЗАПИСКА ОТЪ НЕЯ ЖЕ.

Связка А, № 45.

Знаете ли, что ваше письмо пугаетъ меня? Что вы хотите сказать имъ? Я перечитывала его болѣе двадцати пяти разъ. Серьезно, я ничего въ немъ не понимаю. Я вижу только изъ него, что вы безпокои-

тесь и терзаетесь, и ждете, пока это пройдетъ, чтобъ поговорить со мной о вашемъ тревожномъ состояніи. Таковы ли, любезный другъ, были наши условія? Что же сталось съ нашей дружбой? съ вашимъ довѣріемъ? и почему лишилась я его?

На меня или на себя сердитесь вы? Что бы, впрочемъ, ни было, пріѣзжайте сегодня же вечеромъ; я васъ умоляю; помните, что нѣтъ еще недѣли, какъ вы мнѣ обѣщали не скрывать ничего на сердцѣ, а тотчасъ высказывать все мнѣ. Мой милый другъ, я живу этой увѣренностью... Сейчасъ опять прочла ваше письмо: я не больше поняла въ немъ на этотъ разъ, но оно пугаетъ меня. Мнѣ кажется, что вы жестоко взволнованы. Хотѣлось бы успокоить васъ; но такъ какъ я не знаю, что васъ взволновало, то не знаю и что вамъ сказать, кромѣ того, что я теперь также несчастна какъ и вы, до тѣхъ поръ, пока не увижу васъ. Если вы не пріѣдете сегодня вечеромъ въ шесть часовъ, я ѣду завтра въ Эрмитажъ, какая бы ни была погода и въ какомъ бы состояніи я ни находилась сама, потому что я не вынесу этого безпокойства. До свиданія мой милый, добрый другъ. На всякій случай рѣшаюсь сказать вамъ, не зная, нужно ли это вамъ или нѣтъ, чтобы вы обратили вниманіе на то, какіе успѣхи дѣлаетъ безпокойство въ одиночествѣ и постарались остановить ихъ. Изъ мухи дѣлается слонъ, — я это часто испытала.

ОТВѢТЪ.

Сегодня вечеромъ.

Я не могу ни пріѣхать къ вамъ, ни принять васъ до тѣхъ поръ, пока будетъ длиться мое безпокойство. Довѣріе, о которомъ вы говорите, не существуетъ болѣе, и вамъ не легко будетъ возвратить его. Въ настоящее время я вижу въ вашей предупредительности только желаніе извлечь изъ признаній другого какую-нибудь выгоду, соотвѣтствующую вашимъ видамъ, и мое сердце, всегда открытое для другого, способнаго понять его, закрыто для хитрости и лукавства. Я узнаю вашу обыкновенную ловкость въ трудности, съ которою вы будто бы понимаете мою записку. Неужели вы считаете меня достаточно глупымъ, чтобы повѣрить, что вы ее не поняли? Нѣтъ; но я съумѣю побѣдить ваши тонкости своей откровенностью. Я объяснюсь яснѣе, чтобы вы поняли меня еще менѣе.

Двѣ любящія особы, тѣсно связанныя и достойныя любви другъ друга, дороги мнѣ; я убѣжденъ, что вы не поймете о комъ я говорю; развѣ только я назову ихъ вамъ. Я предполагаю, что ихъ пытались разъединить и что для этого употребили меня, какъ средство возбудить ревность одного изъ нихъ. Выборъ не очень ловокъ, но онъ показался

удобнымъ для злобы, и въ этой злобѣ я подозрѣваю васъ. Надѣюсь, что это ясно.

Итакъ, женщина, которую я уважаю болѣе всѣхъ, имѣетъ низость, съ моего вѣдома, дѣлить свое сердце и свою особу между двумя любовниками, и я одинъ изъ этихъ подлецовъ? Если бы я зналъ, что вы могли хоть на одинъ мигъ подумать это о ней и обо мнѣ, я бы возненавидѣлъ васъ на всю жизнь. Но я обвиняю васъ въ томъ, что вы сказали подобную вещь, а не въ томъ, что вы повѣрили ей. Я только не понимаю въ этомъ случаѣ, кому изъ насъ трехъ хотѣли вы повредить; но если вы любите спокойствіе, — горе вамъ, если вы имѣли несчастіе достигнуть успѣха. Я не скрылъ ни отъ васъ, ни отъ нея, какъ дурно я думаю о нѣкоторыхъ связяхъ; но я хочу, чтобы онѣ кончались способомъ столь же честнымъ, какъ его причина, и чтобы незаконная любовь превращалась въ вѣчную дружбу. Я, никогда никому не сдѣлавшій зла, неужто долженъ былъ безъ всякаго намѣренія причинить вредъ моимъ друзьямъ? Нѣтъ, я бы вамъ этого никогда не простилъ, я сдѣлался бы вашимъ непримиримымъ врагомъ. Однѣ ваши тайны были бы пощажены, потому что я никогда не буду безчестнымъ человѣкомъ.

Я не думаю, чтобы мое безпокойство продлилось очень долго. Я не замедлю узнать, ошибся ли я. Тогда можетъ быть мнѣ придется искупить большія вины, и ничего въ мірѣ я не сдѣлаю съ такою радостью. Но знаете ли вы какимъ образомъ я искуплю мою вину въ короткое время, которое мнѣ остается провести съ вами? Сдѣлавъ то, чего не сдѣлалъ бы никто другой, разсказавъ вамъ откровенно, что думаютъ о васъ въ свѣтѣ и въ чемъ вамъ нужно исправить вашу репутацію. Несмотря на всѣхъ друзей, которыми вы будто окружены,—когда я уѣду, вамъ придется проститься съ истиной, и вы не найдете никого, кто сталъ бы вамъ говорить ее.

ТРЕТЬЯ ЗАПИСКА ОТЪ НЕЯ ЖЕ.

Связка А, № 46.

Я не поняла вашего утренняго письма и сказала вамъ это потому, что такъ было на самомъ дѣлѣ. Зато я понимаю вечернее письмо; не бойтесь, чтобы я стала отвѣчать на него; я слишкомъ спѣшу его забыть, и хотя вы мнѣ жалки, я все-таки не могла удержать чувства горечи, которымъ оно наполнило мнѣ душу. Я употребляю хитрости относительно васъ, коварство! Меня обвиняютъ въ самой гнусной подлости! Прощайте, жалѣю, что вы имѣли... прощайте; я не знаю, что говорю... прощайте; съ нетерпѣніемъ буду ожидать возможности простить васъ. Вы пріѣдете, когда захотите, и будете приняты лучше, чѣмъ заслужи-

ваете по своимъ подозрѣніямъ. Избавьте меня только отъ заботъ о моей репутаціи, пусть надѣляютъ меня какою угодно. Мое поведеніе хорошо, и этого мнѣ достаточно. Впрочемъ я совершенно не знала, что случилось съ двумя особами, которыя мнѣ также дороги, какъ и вамъ.

Это послѣднее письмо вывело меня изъ ужаснаго затрудненія, но вмѣстѣ съ тѣмъ поставило съ другой стороны въ положеніе, не менѣе затруднительное. Хотя всѣ эти письма и отвѣты были отправлены и получены въ теченіе одного дня съ крайней быстротой, тѣмъ не менѣе этотъ промежутокъ времени былъ достаточенъ, чтобы успокоить нѣсколько порывы моей ярости и заставить меня поразмыслить о моей страшной неосторожности. Г-жа Гудето въ особенности просила меня остаться спокойнымъ, предоставить ей заботу выпутаться одной изъ этого дѣла и избѣгать, особенно въ настоящую минуту, всякой ссоры и огласки; а я открытыми и жестокими оскорбленіями готовился привести въ ярость сердце женщины и безъ того слишкомъ расположенной къ тому. Естественно, я ничего не могъ ожидать съ ея стороны кромѣ отвѣта, столь гордаго, столь презрительнаго, что, безъ крайней низости, я не могъ оставаться ни минуты долѣе въ ея домѣ. Къ счастью ея ловкость превзошла мою горячность и она съумѣла придать своему отвѣту оборотъ, который избавилъ меня отъ этой крайности. Тѣмъ не менѣе нужно было или оставить домъ, или ѣхать сейчасъ же къ ней — одно изъ двухъ было неизбѣжно.

Я рѣшился на послѣднее, очень затрудняясь какъ держать себя при объясненіи, которое предвидѣлъ. Ибо, какимъ образомъ отдѣлаться, не компрометируя ни г-жи Гудето, ни Терезы? И горе той, которую бы я назвалъ! Нѣтъ такого зла, котораго нельзя было бы опасаться отъ мщенія неумолимой интригантки для той, которая бы сдѣлалась предметомъ этого мщенія. Для предупрежденія этого-то несчастія, я въ своихъ письмахъ нарочно говорилъ только о подозрѣніяхъ, чтобы быть избавленнымъ отъ необходимости приводить мои доказательства. Правда, это дѣлало мое увлеченіе еще болѣе неизвинительнымъ, потому что ни въ какомъ случаѣ простыя подозрѣнія не могли дать мнѣ право поступать съ женщиной и въ особенности съ другомъ, такъ, какъ я только что поступилъ съ г-жею д'Эпинэ. Но здѣсь-то и начинается великій и благородный трудъ, который я достойно выполнилъ; чтобы искупить свои скрытыя вины и слабости, я обвинилъ себя въ проступкахъ болѣе важныхъ, къ которымъ былъ неспособенъ и которыхъ никогда не совершалъ.

Мнѣ не пришлось выдержать нападенія, котораго я опасался, и я отдѣлался однимъ страхомъ. При моемъ появленіи г-жа д'Эпинэ, рыдая,

бросилась мнѣ на шею. Такой неожиданный пріемъ, и къ тому же со стороны стараго друга, растрогалъ меня до крайности; я тоже много плакалъ. Я сказалъ ей нѣсколько словъ, не имѣвшихъ большого смысла; она отвѣчала мнѣ также нѣсколькими словами съ еще меньшимъ смысломъ, и все тѣмъ и покончилось. Подали на столъ; мы пошли ужинать. Въ ожиданіи объясненія, которое я считалъ отложеннымъ до послѣ ужина, я представлялъ жалкую фигуру, потому что я такъ подчиняюсь малѣйшему безпокойству, что не умѣю скрыть его отъ самыхъ недальновидныхъ. Мой смущенный видъ долженъ былъ ободрить ее; однако же она не рѣшилась на объясненіе, котораго не было и послѣ ужина, какъ до него. Его не было и на слѣдующій день, и наши свиданія были наполняемы только посторонними разговорами или вѣжливыми замѣчаніями съ моей стороны, которыми я увѣрялъ ее съ полной искренностію, что, не будучи еще въ состояніи рѣшить, основательны или нѣтъ мои подозрѣнія, я, въ случаѣ ихъ неосновательности, употреблю всю свою жизнь на искупленіе своей несправедливости. Она не изъявила ни малѣйшаго любопытства узнать, въ чемъ именно состояли эти подозрѣнія и какимъ образомъ онѣ пришли мнѣ въ голову, и все наше примиреніе, какъ съ ея, такъ и съ моей стороны, ограничилось объятіями при первой встрѣчѣ. Такъ какъ она одна была обижена, покрайней мѣрѣ по формѣ, то мнѣ показалось, что не я долженъ былъ искать объясненія, котораго она не искала сама, и я ушелъ отъ нея съ тѣмъ же, съ чѣмъ и пришелъ. Продолжая впрочемъ жить съ ней какъ прежде, я скоро почти совершенно забылъ эту ссору и думалъ сдуру, что она забыла ее также, потому что, казалось, она не вспоминала о ней.

Это было, какъ скоро увидятъ, не единственное огорченіе, которое навлекла на меня моя слабость; но у меня были кромѣ того и другія, не менѣе чувствительныя, которыя я не самъ навлекъ на себя и которыя имѣли основаніемъ только желаніе удалить меня изъ моего одиночества [1]) посредствомъ мученій наносимыхъ мнѣ во время моего пребыванія тамъ. Эти мученія достались мнѣ отъ Дидро и Гольбахистовъ.

Со времени моего водворенія въ Эрмитажѣ, Дидро безпрестанно меня тревожилъ тамъ, то собственною своею особою, то посредствомъ Делейра; я скоро увидалъ по шуточкамъ этого послѣдняго надъ моими лѣсными прогулками, съ какимъ удовольствіемъ превратили они отшельника въ пастушка-волокиту. Но не объ этомъ шла рѣчь въ моихъ

---

[1]) То есть, вызвать оттуда старуху, которая нужна была для устройства заговора. Удивительно, что во все продолженіе этой долгой грозы моя нелѣпая довѣрчивость помѣшала мнѣ понять, что не меня, а именно ее, хотѣли опять имѣть въ Парижѣ.

схваткахъ съ Дидро; онѣ имѣли болѣе серьезныя причины. Послѣ выхода «Побочнаго Сына», онъ прислалъ мнѣ одинъ экземпляръ, который я прочелъ съ тѣмъ интересомъ и вниманіемъ, какія оказываютъ произведенію друга. Читая родъ піитики въ разговорахъ, приложенной къ драмѣ, я былъ удивленъ и даже немного огорченъ, найдя тамъ, между множествомъ нелюбезныхъ, но еще сносныхъ выходокъ противъ отшельниковъ, слѣдующій строгій и жестокій приговоръ, безъ всякаго смягченія: «только злой живетъ одинъ». Это изрѣченіе, какъ мнѣ кажется, можетъ имѣть двоякій смыслъ: одинъ очень вѣрный, другой очень ложный, потому что невозможно даже, чтобы человѣкъ, который живетъ и хочетъ жить одинъ — могъ и желалъ бы вредить кому нибудь, и слѣдовательно, чтобъ онъ былъ золъ. Такимъ образомъ, это изрѣченіе требовало объясненія; оно требовало его тѣмъ болѣе со стороны автора, который въ то время, когда печаталъ его, имѣлъ друга, удалившагося отъ свѣта. Мнѣ казалось неприличнымъ и нечестнымъ или забыть при печатаніи этого приговора о своемъ уединившемся другѣ, или, вспомнивъ его, не сдѣлать, по крайней мѣрѣ въ общихъ выраженіяхъ, честнаго и справедливаго исключенія, не только для этого друга, но и для многихъ уважаемыхъ мудрецовъ, которые во всѣ времена искали спокойствія и тишины въ уединеніи, и изъ которыхъ, въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, писатель рѣшился единымъ почеркомъ пера — надѣлать безразлично столькихъ же злодѣевъ.

Я нѣжно любилъ Дидро, искренно уважалъ его, и съ полною довѣрчивостью разсчитывалъ на подобныя же чувства съ его стороны. Но выведенный изъ терпѣнія неутомимымъ упрямствомъ, съ которымъ онъ противорѣчилъ всѣмъ своимъ вкусамъ, наклонностямъ, моему образу жизни, всему, что интересовало только лично меня; возмущенный тѣмъ, что человѣкъ, моложе меня, желалъ во что бы то ни стало управлять мною какъ ребенкомъ; отталкиваемый легкостью, съ которою онъ давалъ обѣщанія и небрежностью въ ихъ исполненіи; соскучась многими назначенными и манкированными имъ свиданіями и его фантазіей вѣчно назначать новыя, чтобы снова не являться на нихъ; стѣсненный тѣмъ, что я долженъ былъ ждать его раза три, четыре въ мѣсяцъ въ дни имъ самимъ назначенные, и потомъ обѣдать вечеромъ одинъ, напрасно выходя къ нему на встрѣчу до Сенъ-Дени, и, прождавъ его цѣлый день,— я чувствовалъ, что мое сердце было уже черезъ чуръ переполнено его проступками. Послѣднее же обстоятельство еще болѣе огорчило меня. Я написалъ къ нему, жалуясь на это, но съ такою кротостію и умиленіемъ, отъ которыхъ я облилъ всю бумагу слезами; и мое письмо было такъ трогательно, что должно бы вызвать слезы и у него. Никто не

угадаетъ, какой отвѣтъ получилъ я на мое посланіе; вотъ онъ слово въ слово: (Связка А, № 33.).

«Я очень радъ, что мой трудъ вамъ понравился, что онъ васъ тронулъ. Вы не согласны съ моимъ мнѣніемъ объ отшельникахъ; говорите о нихъ столько хорошаго, сколько вамъ будетъ угодно; вы останетесь единственнымъ отшельникомъ въ мірѣ, о которомъ я буду думать хорошо, да и тутъ можно бы было кой что сказать, еслибъ вы выслушали меня не сердясь. Женщина восьмидесяти лѣтъ! и проч. Мнѣ передавали одну фразу изъ письма сына г-жи д'Эпинэ, которая должна была васъ огорчить, — или я плохо понимаю ваше сердце».

Нужно объяснить двѣ послѣднія фразы этого письма.

Въ началѣ моего житья въ Эрмитажѣ г-жѣ ле-Вассеръ какъ будто тамъ не нравилось, и жилище наше казалось ей слишкомъ уединеннымъ. Такъ какъ ея замѣчанія объ этомъ дошли до меня, то я предложилъ ей отправить ее въ Парижъ, если она находила это болѣе для себя удобнымъ, платить тамъ за ея квартиру и заботиться о ней одной столько же, сколько бы заботился, когда она была при мнѣ. Она отвергла мое предложеніе, увѣрила меня, что ей очень хорошо въ Эрмитажѣ, что деревенскій воздухъ ей полезенъ: справедливость этого была очевидна: она здѣсь, такъ сказать, молодѣла и чувствовала себя гораздо лучше нежели въ Парижѣ. Дочь ея увѣряла меня, что въ сущности старуха была бы очень огорчена, если бъ мы вздумали оставить Эрмитажъ, бывшій дѣйствительно прелестнымъ жилищемъ, потому что она очень любила небольшія хлопоты по саду и за плодами, находившимися подъ ея управленіемъ; но что она говорила то, что ее заставляли говорить, чтобы принудить меня вернуться въ Парижъ.

Такъ какъ эта попытка не удалась, то они старались достигнуть упреками совѣсти того результата, котораго не произвела снисходительность и ставили мнѣ въ преступленіе то, что я держалъ старуху далеко отъ помощи, какая могла ей понадобиться въ ея преклонные годы; говоря это, они не думали о томъ, что она и много другихъ стариковъ, которые живутъ дольше вслѣдствіе превосходнаго воздуха страны, въ случаѣ нужды могли бы получить необходимую помощь изъ Монморанси, находившагося въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня; слушая ихъ, можно было думать, что старики только и находились что въ одномъ Парижѣ, а во всякомъ другомъ мѣстѣ не имѣли возможности жить. Г-жа ле-Вассеръ, ѣвшая много и съ жадностью, была подвержена припадкамъ желчи и сильнымъ поносамъ, продолжавшимся по нѣсколько дней и служившимъ ей лекарствомъ. Въ Парижѣ она ничего противъ нихъ не предпринимала, предоставляя дѣйствовать природѣ. Она точно также поступала и въ Эрмитажѣ, зная, что тутъ ничего лучшаго не сдѣлаешь.

Но какое дѣло до этого? Такъ какъ въ деревнѣ не было докторовъ и аптекарей, то оставлять ее тамъ, значило желать ея смерти, не смотря на то, что она тамъ чувствовала себя очень здоровой. Дидро долженъ бы былъ опредѣлить, въ какія именно лѣта воспрещается, подъ страхомъ человѣкоубійства, держать престарѣлыхъ людей внѣ Парижа.

Это было одно изъ двухъ ужасныхъ обвиненій, вслѣдствіе которыхъ онъ не исключалъ меня изъ своего приговора, что только злой живетъ одинъ; и это-то онъ хотѣлъ сказать своимъ патетическимъ восклицаніемъ и словомъ «и проч.», которое онъ благосклонно къ нему присоединилъ: «*Женщина восьмидесяти лѣтъ! и проч.*»

Я не могъ придумать лучшаго способа отвѣчать на этотъ упрекъ, какъ обратиться къ самой г-жѣ ле-Вассеръ. Я просилъ ее написать къ г-жѣ д'Эпинэ и чистосердечно выразить свои чувства. Чтобъ не стѣснять ее, я не хотѣлъ видѣть ея письма и показалъ ей письмо, приведенное мною ниже, которое я написалъ къ г-жѣ д'Эпинэ по поводу одного отвѣта, написаннаго мною Дидро на его другое письмо, еще болѣе жесткое, и не отправленнаго по настоянію г-жи д'Эпинэ.

Четвергъ.

«Г-жа ле-Вассеръ должна писать къ вамъ, мой добрый другъ; я просилъ ее откровенно разсказать вамъ, что она думаетъ. Чтобы дать ей полную свободу, я объявилъ ей, что не желаю видѣть ея письма, и прошу васъ ничего не передавать мнѣ изъ его содержанія.

«Я не пошлю моего письма къ Дидро, такъ какъ вы этому противитесь; но чувствую себя сильно оскорбленнымъ, не могу не сознавать, что признать себя виновнымъ было бы низостью и лицемѣріемъ, до которыхъ никогда не доведу себя. Евангеліе, правда, приказываетъ получившему ударъ по одной щекѣ подставить другую, но не приказываетъ просить прощенья. Помните ли вы то дѣйствующее лицо въ комедіи, которое кричитъ, раздавая палочные удары: вотъ роль философа!

«Не льстите себя надеждою помѣшать ему пріѣхать при настоящей дурной погодѣ. Гнѣвъ дастъ ему время и силы, въ которыхъ отказывала ему дружба, и на этотъ разъ впервые придется ему пріѣхать въ назначенный имъ самимъ день. Онъ постарается во что бы то ни стало пріѣхать, чтобы повторить мнѣ изустно всѣ тѣ оскорбленія, которыя онъ говоритъ въ своихъ письмахъ; я выслушаю ихъ терпѣливо. Онъ возвратится хворать въ Парижъ; а я по обыковенію буду гнуснымъ человѣкомъ. Что дѣлать? Нужно страдать.

«Но не удивляетесь ли вы мудрости этого человѣка, который хотѣлъ пріѣхать за мной въ фіакрѣ же; а черезъ недѣлю (связка А, № 34) его состояніе не позволяетъ ему отправиться въ Эрмитахъ иначе, какъ

пѣшкомъ? Можетъ быть, говоря его языкомъ, это-то и есть тонъ истиннаго добродушія; но въ такомъ случаѣ необходимо предположить, что въ теченіе недѣли въ его состояніи произошли странныя перемѣны. Я принимаю участіе въ горести, которую вамъ причиняетъ болѣзнь вашей матери; но ваше горе, какъ видите, не можетъ равняться съ моимъ. Мы менѣе страдаемъ, видя тѣхъ, кого любимъ, больными, чѣмъ когда видимъ ихъ жестокими и несправедливыми.

«Прощайте, мой добрый другъ; пишу вамъ въ послѣдній разъ объ этомъ несчастномъ дѣлѣ. Вы предлагаете мнѣ отправиться въ Парижъ съ хладнокровіемъ, которое порадовало бы меня въ другое время».

Я написалъ къ Дидро, какъ я поступилъ въ отношеніи г-жи ле-Вассеръ, по совѣту самой же г-жи д'Эпинэ; и такъ какъ г-жа ле-Вассеръ предпочла, какъ легко можно догадаться, остаться въ Эрмитажѣ, гдѣ она чувствовала себя здоровой, гдѣ у нея всегда было общество, и гдѣ она жила очень пріятно, то Дидро, не зная въ чемъ еще обвинить меня, вмѣнилъ мнѣ въ преступленіе, во-первыхъ, эту мою предосторожность, а, во-вторыхъ, продолженіе пребыванія г-жи ле-Вассеръ въ Эрмитажѣ, хотя она сама предпочла жить тамъ, и отъ нея зависѣло и всегда зависитъ возвратиться въ Парижъ и жить тамъ, получая отъ меня тѣ же пособія, какими она пользовалась, оставаясь при мнѣ.

Вотъ объясненіе перваго упрека въ письмѣ Дидро, № 33. Истолкованіе второго находится въ его письмѣ за № 34. «Нашъ *ученый* (это имя далъ въ шутку Гриммъ сыну г-жи д'Эпинэ), нашъ *ученый* вѣрно писалъ вамъ, что двадцать бѣдняковъ умиравшихъ отъ голоду и холоду, дожидались на валу полушки, которую вы имъ давали. Это образчикъ нашей болтовни; еслибъ вы слышали остальное... оно бы васъ потѣшило».

Вотъ мой отвѣтъ на этотъ страшный аргументъ, которымъ Дидро, повидимому, такъ гордился:

«Я, кажется, уже отвѣчалъ *ученому*, т. е. сыну главнаго сборщика податей, что я не сожалѣю о бѣднякахъ, ожидающихъ на валу моей полушки и замѣченныхъ имъ; что, вѣроятно, онъ достаточно вознаградилъ ихъ за это, что я дѣлаю его моимъ намѣстникомъ, и что бѣдняки Парижа не будутъ жаловаться на эту перемѣну; что я не скоро найду такого же намѣстника для бѣдняковъ Монморанси, которые, однако, еще болѣе нуждаются въ немъ. Здѣсь есть добрый, почтенный старикъ, проработавшій всю свою жизнь, который, потерявъ возможность работать, умираетъ съ голоду на старости лѣтъ. Мою совѣсть болѣе удовлетворяютъ тѣ копѣйки, которыя я подаю ему по понедѣльникамъ, чѣмъ сотни полушекъ, которыя я роздалъ бы всѣмъ негодяямъ на валу. Вы, философы, очень забавны, когда воображаете, что городскіе жители—

единственные люди на свѣтѣ, съ которыми связываютъ васъ ваши обязанности. Только въ деревнѣ научаешься любить человѣчество и служить ему, въ городѣ же научаются только презирать его».

Таковы были странные предразсудки, на основаніи которыхъ умный человѣкъ имѣлъ глупость серьезно вмѣнять мнѣ въ преступленіе удаленіе изъ Парижа и надѣялся доказать мнѣ собственнымъ моимъ примѣромъ, что только злой человѣкъ, можетъ жить внѣ столицы. Я не понимаю теперь, какимъ образомъ я могъ тогда сердиться и отвѣчать ему, вмѣсто того, чтобъ посмѣяться надъ нимъ. Однако, рѣшенія г-жи д'Эпинэ и крики Гольбаховской клики такъ настроили умы въ его пользу, что всѣ считали меня виноватымъ въ этомъ дѣлѣ и сама г-жа Гудето, большая поклонница Дидро, захотѣла, чтобъ я поѣхалъ къ нему въ Парижъ и сдѣлалъ первый шагъ къ примиренію; однако, хотя оно и было съ моей стороны искренно и полно, но продолжалось не долго. Восторжествовавшее надъ моимъ сердцемъ убѣжденіе, которое г-жа Гудето употребила въ этомъ случаѣ, было то, что Дидро былъ въ это время несчастливъ. Кромѣ бури, возбужденной противъ его «Энциклопедіи», онъ испытывалъ сильнѣйшія непріятности по поводу своей драмы. Не смотря на маленькую исторію, помѣщенную имъ въ началѣ этой пьесы, его обвиняли въ томъ, что онъ цѣликомъ взялъ ее у Гольдони. Дидро, еще болѣе Вольтера чувствительный къ критическимъ нападкамъ, былъ въ то время засыпанъ ими. Г-жа де-Граффиньи имѣла даже злость распустить слухъ, что я по этому случаю разсорился съ нимъ. Я думалъ, что будетъ справедливо и великодушно доказать публично противное, и отправился провести два дня не только съ нимъ, но и у него. Со времени моего поселенія въ Эрмитажѣ, это было мое второе путешествіе въ Парижъ. Первое сдѣлалъ, чтобъ поспѣшить къ бѣдному Гофкуру, пораженному апоплексическимъ ударомъ, отъ котораго онъ никогда не оправился совершенно, и во время котораго я не оставлялъ его постели, пока онъ не сталъ поправляться.

Дидро принялъ меня хорошо. Какой вины не могутъ загладить объятія друга! Какая злоба можетъ оставаться въ сердцѣ послѣ этого? Между нами было мало объясненій; онѣ не нужны тамъ, гдѣ обиды обоюдны; остается только одно—забыть ихъ. Между нами не было тайныхъ интригъ, по крайней мѣрѣ извѣстныхъ мнѣ,—не такъ какъ въ дѣлѣ съ г-жею д'Эпинэ. Онъ мнѣ показалъ планъ «Отца Семейства».—Вотъ,—сказалъ я ему,—лучшая защита «Побочнаго Сына». Не говорите о ней никому, работайте надъ этимъ сочиненіемъ старательно и потомъ неожиданно бросьте его вашимъ непріятелямъ вмѣсто всякаго отвѣта.— Онъ исполнилъ этотъ совѣтъ и хорошо сдѣлалъ. Уже за шесть мѣсяцевъ до этого я послалъ ему двѣ первыя части моей «Юліи», прося ска-

зать о нихъ свое мнѣніе. Онъ ихъ еще не читалъ, и теперь мы прочли одну тетрадь.

Онъ нашелъ все это слишкомъ многословнымъ. Я самъ это чувствовалъ; но это была лихорадочная болтовня; я никогда не могъ ее исправить. Послѣднія части не таковы. Въ особенности четвертая и шестая— образцы слога. На второй день послѣ моего пріѣзда, онъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы я отужиналъ у Гольбаха. Съ этимъ послѣднимъ мы были не въ хорошихъ отношеніяхъ, потому что я даже хотѣлъ уничтожить сдѣлку касательно рукописи химіи, не желая быть обязаннымъ этому человѣку. Дидро одержалъ верхъ надъ всѣмъ. Онъ клялся, что Гольбахъ любитъ меня отъ всего сердца; что нужно извинить ему тонъ, съ которымъ онъ обращался со всѣми, и отъ котораго друзья его терпѣли болѣе, чѣмъ кто-нибудь другой. Онъ объяснилъ мнѣ, что, согласясь два года тому назадъ получить вознагражденіе за рукопись, отказаться отъ него теперь, значило бы нанести такое оскорбленіе Гольбаху, какого онъ не заслуживалъ. — Я вижу Гольбаха каждый день, — прибавилъ онъ,—и лучше васъ знаю состояніе его души. Если вы не имѣли причинъ быть имъ довольнымъ, то неужели вы считаете вашего друга способнымъ посовѣтовать вамъ какую-нибудь низость?—Словомъ, я съ обычной своей слабостью, позволилъ уговорить себя и мы отправились ужинать къ барону, который принялъ меня какъ всегда. Но жена его приняла меня холодно и почти невѣжливо. Я не узнавалъ болѣе той милой Каролины, которая въ дѣвицахъ оказывала мнѣ столько любезности. Я уже давно замѣчалъ, что съ тѣхъ поръ какъ Гриммъ сталъ посѣщать ихъ домъ, на меня тамъ смотрѣли не такъ благосклонно, какъ прежде.

Между тѣмъ, какъ я находился въ Парижѣ, Сенъ-Ламберъ пріѣхалъ туда изъ арміи. Такъ какъ я объ этомъ ничего не зналъ, то свидѣлся съ нимъ только по возвращеніи моемъ изъ деревни, сначала въ Шевреттъ, а потомъ въ Эрмитажѣ, куда онъ пришелъ съ г-жею Гудето ко мнѣ на обѣдъ. Можно себѣ представить, съ какою радостью я ихъ принялъ! но радость эта еще увеличилась, когда я увидѣлъ ихъ доброе согласіе. Довольный тѣмъ, что не смутилъ ихъ счастія, я самъ былъ счастливъ этимъ, и могу поклясться, что въ продолженіе всей моей безумной страсти, и особенно въ эту минуту,—если бы я даже могъ отнять у него г-жу Гудето, то не желалъ бы это сдѣлать и не имѣлъ даже никакого на то покушенія. Любя Сенъ-Ламбера, она была такъ мила, что я не могъ вообразить, чтобы она была такою же, если бы любила меня; и, не желая мѣшать ихъ связи, я въ своемъ безуміи желалъ отъ нея только одного: чтобы она позволила мнѣ любить себя. Наконецъ, какой бы сильной страстью я ни пылалъ къ ней, мнѣ было одинаково пріятно

быть какъ повѣреннымъ, такъ и предметомъ ея любви, и я всегда смотрѣлъ на ея любовника не какъ на соперника, но какъ на друга. Скажутъ, пожалуй, что это еще не настоящая любовь; согласенъ,—но это еще выше настоящей любви.

Что касается до Сенъ-Ламбера, то онъ велъ себя какъ честный и справедливый человѣкъ; такъ какъ я одинъ былъ виноватъ, то я одинъ и былъ наказанъ, и даже снисходительно. Онъ обращался со мною жестко, но дружелюбно. Я видѣлъ, что я нѣсколько проигралъ въ его уваженіи, но не въ дружбѣ. Я утѣшился этимъ, зная, что мнѣ гораздо легче будетъ снова пріобрѣсть уваженіе, чѣмъ дружбу, и что онъ такъ уменъ, что невольную и мимолетную слабость не приметъ за порочную наклонность. Если я и былъ виноватъ во всемъ случившемся, то очень немного. Развѣ я искалъ его любовницу? Не онъ ли самъ прислалъ мнѣ ее? Не она ли сама за мной ухаживала? Развѣ я могъ не принять ее? Что я могъ сдѣлать? Они одни были причиною несчастія, а я долженъ былъ переносить его. На моемъ мѣстѣ онъ поступилъ бы также, можетъ быть еще хуже; потому что, какъ ни была вѣрна и достойна уваженія г-жа Гудето, все же она была женщина, а онъ находился въ отсутствіи; случаи представлялись часто, искушенія были сильны, и трудно было бы защищаться всегда съ одинаковымъ успѣхомъ противъ человѣка болѣе предпріимчиваго. Въ подобномъ состояніи для насъ обоихъ и того было много, что мы умѣли положить границы, которыхъ никогда не позволяли себѣ переступить.

Хотя я и давалъ себѣ въ глубинѣ сердца почетное свидѣтельство, однако противъ меня было столько уликъ, что непобѣдимый стыдъ, подъ вліяніемъ котораго я постоянно находился, давалъ мнѣ при Сенъ-Ламберѣ видъ преступника, и онъ часто этимъ злоупотреблялъ для униженія меня. Одинъ примѣръ обрисуетъ наши взаимныя отношенія. Разъ я читалъ ему послѣ обѣда письмо, которое въ прошломъ году написалъ къ Вольтеру и о которомъ Сенъ-Ламберъ слышалъ. Онъ заснулъ во время чтенія и я, нѣкогда столь гордый, а теперь столь глупый, не осмѣливался прекратить чтеніе, хотя онъ продолжалъ храпѣть. Вотъ какъ онъ мстилъ мнѣ, и вотъ какъ я низко упалъ въ его мнѣніи; но по своему великодушію, онъ рѣшался на месть только въ присутствіи насъ троихъ.

Когда онъ снова уѣхалъ, г-жа Гудето очень перемѣнилась въ обращеніи со мной. Перемѣна удивила меня, какъ будто я не долженъ былъ ожидать ея, я огорчился этимъ болѣе, чѣмъ бы слѣдовало, и это причинило мнѣ много вреда. Казалось, что все, отъ чего я ожидалъ своего выздоровленія, еще глубже вонзало въ мое сердце стрѣлу; наконецъ я сломилъ ее,—но не вырвалъ.

Я рѣшился побѣдить себя, употребивъ всѣ мѣры, чтобы мою безумную страсть обратить въ чистую и прочную дружбу. Я принималъ прекраснѣйшія намѣренія, для выполненія которыхъ нуждался въ содѣйствіи г-жи Гудето. Когда я заговорилъ съ ней, она была разсѣяна; я увидѣлъ ясно, что произошло что то недоброе, о чемъ она не хотѣла мнѣ сказать и чего я никогда не узналъ. Эта перемѣна, причины которой я не могъ у нея выпытать, сокрушала меня. Она просила меня возвратить ея письма: я отдалъ ей всѣ съ вѣрностью, въ которой она, къ моему оскорбленію, на мигъ усумнилась. Это сомнѣніе было неожиданнымъ горемъ для моего сердца, которое она должна была такъ хорошо знать. Правда, она отдала мнѣ справедливость, но не тотчасъ; я понялъ, что, просмотрѣвъ всю пачку, которую я ей вручилъ, она почувствовала свою ошибку, и, какъ я замѣтилъ, даже упрекала себя въ недовѣрчивости, отчего я нѣсколько выигралъ въ ея мнѣніи.

Она не могла взять своихъ писемъ безъ того, чтобы не возвратить мнѣ моихъ. Она сказала, что сожгла ихъ; тогда я въ свою очередь усумнился и, признаюсь, до сихъ поръ сомнѣваюсь. Нѣтъ, подобныхъ писемъ не предаютъ огню. Письма Юліи многіе находили пламенными; но, Боже мой, что сказали бы объ этихъ? Нѣтъ, нѣтъ, никогда у женщины, могущей внушить такую страсть, не достанетъ духу сжечь доказательства этой страсти. Но я также не опасаюсь, чтобы она употребила ихъ во зло: я не считаю ее способной на это, притомъ же я принялъ къ тому свои мѣры. Глупая, но сильная боязнь сдѣлаться предметомъ насмѣшекъ заставила меня начать переписку въ такомъ тонѣ, который не допускалъ сообщенія ея другимъ. Въ чаду страсти я простеръ мою фамильярность до того, что писалъ ей ты, но такъ, что она навѣрное не могла этимъ оскорбляться. Впрочемъ, она нѣсколько разъ на это жаловалась, но безуспѣшно: ея жалобы только пробуждали мои опасенія; сверхъ того, я не рѣшался отступать. Если эти письма еще существуютъ и ихъ когда нибудь увидятъ, то узнаютъ, какъ я любилъ.

Печаль, которую мнѣ причинило охлажденіе г-жи Гудето, и увѣренность, что я не заслужилъ его, заставили меня принять странное рѣшеніе—пожаловаться на это самому Сенъ-Ламберу. Дожидаясь дѣйствія письма, написаннаго ему по этому случаю, я бросился въ разсѣянную жизнь, къ которой слѣдовало бы мнѣ прибѣгнуть раньше. Въ Шевреттѣ давались праздники, для которыхъ я сочинялъ музыку. Желаніе выказать предъ г-жею Гудето талантъ, который она любила, возбудило во мнѣ музыкальный жаръ; кромѣ того, еще другой предметъ способствовалъ къ его усиленію, — желаніе показать, что авторъ «Деревенскаго Пророка» знаетъ музыку, такъ какъ я замѣчалъ съ давнихъ поръ, что кто-то тайно старался подвергнуть это сомнѣнію, по крайней мѣрѣ отно-

сильно композиціи. Мой дебютъ въ Парижѣ, испытанія, которымъ меня тамъ подвергали нѣсколько разъ, какъ у г. Дюпена, такъ и у г-жи Поплиньеръ, большое количество музыкальныхъ пьесъ, написанныхъ мною въ теченіе 14-ти лѣтъ въ кругу самыхъ знаменитыхъ артистовъ и на ихъ глазахъ, наконецъ опера «Любовныя Похожденія Музъ» и даже «Пророкъ», церковная пѣсня, которую я сочинилъ для дѣвицы Фель и которую она пѣла въ духовномъ концертѣ, множество бесѣдъ объ этомъ прекрасномъ искусствѣ съ первоклассными композиторами, — все это, кажется, должно было предупредить или разсѣять подобное сомнѣніе. Однакожъ оно существовало даже въ Шевреттъ, и я видѣлъ, что даже г. д'Эпинэ не былъ чуждъ ему. Не показывая виду, что я замѣчаю это, я взялъ на себя сочиненіе духовной пѣсни на освященіе капеллы въ Шевреттъ, и просилъ его доставить мнѣ слова по собственному выбору. Онъ поручилъ де-Линану, гувернеру своего сына, сочинить ихъ. Де-Линанъ приготовилъ слова, приличныя предмету, и черезъ недѣлю послѣ того, какъ я ихъ получилъ, духовная пѣснь была окончена. На этотъ разъ, досада служила мнѣ Аполлономъ, и никогда столь обработанная музыка не выходила изъ-подъ моего пера. Пѣснь начиналась словами: «Ecce sedes hic tonantis». Величіе начала соотвѣтствуетъ словамъ и все продолженіе пѣсни отличается гармоніею, поразившею всѣхъ. Я писалъ для большого оркестра. Д'Эпинэ собралъ лучшихъ симфонистовъ. Г-жа Брюна, итальянская пѣвица, спѣла эту пѣсню подъ хорошій аккомпаниментъ. Пѣснь имѣла такой успѣхъ, что была впослѣдствіи исполнена въ духовномъ концертѣ, въ которомъ, вопреки тайнымъ интригамъ и дурному исполненію, два раза заслужила одинаковыя рукоплесканія. Къ именинамъ г. д'Эпинэ я подалъ мысль написать родъ полудрамы и полупантомимы; г-жа д'Эпинэ написала слова, а я — музыку. Гриммъ, пріѣхавъ туда, услыхалъ о моихъ музыкальныхъ успѣхахъ; часъ спустя, о нихъ уже не было болѣе рѣчи, но, по крайней мѣрѣ, сколько мнѣ извѣстно, никто болѣе не сомнѣвался въ томъ, что я знаю композицію. Едва Гриммъ прибылъ въ Шевреттъ, гдѣ и безъ того мнѣ не очень нравилось жить, какъ сдѣлалъ мое пребываніе тамъ еще болѣе невыносимымъ,—своимъ тономъ, подобнаго которому я не встрѣчалъ ни въ комъ, и о которомъ не имѣлъ и понятія. Наканунѣ его пріѣзда, меня, изъ почетной комнаты, смежной съ комнатою г-жи д'Эпинэ, которую я занималъ до сихъ поръ, переселили въ болѣе отдаленное помѣщеніе, а мою комнату приготовили для Гримма.—Вотъ какъ новые пришельцы вытѣсняютъ старыхъ, сказалъ я шутя г-жѣ д'Эпинэ. Это нѣсколько смутило ее. Я понялъ причину этого распоряженія въ тотъ же вечеръ, когда узналъ, что между ея комнатою и той, изъ которой я переходилъ, находилась потаенная дверь, о присутствіи которой она сочла излишнимъ говорить

мнѣ. Объ отношеніяхъ ея къ Гримму извѣстно было почти всѣмъ, и посторонним и домашнимъ, не исключая и ея мужа; но мнѣ, которому она часто довѣряла болѣе важныя тайны, она никакъ не хотѣла сознаться въ этой. Я понялъ, что эта осторожность была внушена ей Гриммомъ, который, будучи хранителемъ всѣхъ моихъ тайнъ, никогда не хотѣлъ довѣрить мнѣ ни одной своей.

Какъ ни сильно было мое предубѣжденіе въ его пользу, внушенное мнѣ прежними, еще неугасшими чувствами къ нему и дѣйствительными достоинствами этого человѣка,—но оно не устояло противъ усилій, которыя онъ употреблялъ для окончательнаго уничтоженія его. Онъ вошелъ подобно графу Тюфіеръ, едва удостоивъ меня поклона, ни разу не обратился ко мнѣ съ словомъ и скоро отучилъ и меня обращаться къ нему тѣмъ, что не никогда не отвѣчалъ мнѣ ни слова. Вездѣ онъ проходилъ первый, занималъ первое мѣсто, не обращая на меня никакого вниманія. Это бы еще ничего, еслибъ онъ этому обращенію со мной не придавалъ особенно оскорбительной аффектаціи; но пусть судятъ о немъ по одной чертѣ, взятой изъ тысячи другихъ. Разъ вечеромъ г-жа д'Эпинэ, чувствуя себя не совсѣмъ здоровой, велѣла подать себѣ ужинъ въ свою комнату у камина, куда пригласила и меня. Я принялъ приглашеніе. Затѣмъ явился Гриммъ. Маленькій столикъ былъ накрытъ, на немъ было только два прибора. Подаютъ кушанье. Г-жа д'Эпинэ занимаетъ мѣсто съ одной стороны камина, Гриммъ беретъ кресло и садится съ другой стороны, ставитъ столикъ между собою и ею, развертываетъ салфетку и начинаетъ ѣсть, не говоря мнѣ ни слова. Г-жа д'Эпинэ покраснѣла, и чтобы заставить его поправить свою невѣжливость, предложила мнѣ свое собственное мѣсто. Но онъ не сказалъ ни слова и даже не посмотрѣлъ на меня. Такъ какъ мнѣ не было возможности подойти къ камину, то я сталъ ходить по комнатѣ, ожидая чтобы принесли приборъ. Онъ заставилъ меня ужинать на краю стола, въ отдаленіи отъ камина, не оказавъ мнѣ при этомъ ни малѣйшей вѣжливости,—мнѣ, болѣзненному человѣку, старшему и лѣтами и знакомствомъ съ этимъ домомъ, куда я же его ввелъ, и котораго, какъ любовникъ хозяйки, онъ долженъ бы былъ угощать. Всѣ его поступки, въ отношеніи меня, были въ такомъ же родѣ. Онъ не обращался со мною какъ съ подчиненнымъ, онъ просто не признавалъ моего присутствія. Я съ трудомъ узнавалъ въ немъ прежняго бѣдняка, который у принца саксенъ-готскаго считалъ за честь удостоиться моего взгляда. Мнѣ еще труднѣе было согласовать эту оскорбительную спѣсь съ тою нѣжною дружбой ко мнѣ, которою онъ хвалился предъ людьми, ко мнѣ расположенными. Правда, онъ выражалъ эту дружбу для того только, чтобы сожалѣть о моей бѣдности, на которую я никогда не жаловался; чтобы выражать сочувствіе къ моей жал-

кой участи, которою я былъ доволенъ, и чтобы казаться огорченнымъ тѣмъ упорствомъ, съ которымъ я отказывался отъ всѣхъ благодѣтельныхъ попеченій, которыя, по его словамъ, онъ желалъ оказать мнѣ. Этимъ-то способомъ онъ заставлялъ людей любоваться его нѣжнымъ великодушіемъ, осуждать мою неблагодарную мизантропію и нечувствительно пріучалъ всѣхъ не предполагать между такимъ покровителемъ какъ онъ и несчастнымъ какъ я, никакой другой связи, кромѣ благотворительности съ одной стороны и обязательства съ другой, не допуская даже возможности существованія между нами отношеній равнаго къ равному. Что касается до меня, то я тщетно доискивался, чѣмъ я могъ быть обязанъ этому новому моему покровителю. Я ему давалъ въ займы деньги, онъ мнѣ никогда; я ухаживалъ за нимъ во время его болѣзни, онъ почти не показывался ко мнѣ больному; я его свелъ со всѣми своими друзьями, онъ меня—ни съ однимъ изъ своихъ; я его превозносилъ всѣми своими силами, онъ, если и выхвалялъ меня, то это дѣлалось менѣе публично и совсѣмъ другимъ образомъ. Никогда онъ мнѣ не оказалъ и даже не предложилъ ни одной услуги. Какимъ же образомъ могъ онъ быть моимъ меценатомъ? Въ какомъ отношеніи онъ былъ мнѣ покровителемъ? Я не могъ никогда постичь этого и теперь не постигаю.

Правда, что болѣе или менѣе онъ былъ надмененъ въ отношеніи ко всѣмъ, но ни съ кѣмъ не былъ такъ дерзокъ какъ со мной. Я помню, разъ Сенъ-Ламберъ чуть не бросилъ въ него тарелкой за то, что тотъ за столомъ, усомнившись въ словахъ его, грубо возразилъ ему: «это неправда». Съ его рѣзкимъ по природѣ обращеніемъ онъ соединялъ еще гордость выскочки и своею грубостію дѣлался даже смѣшнымъ. Связи его съ знатью до того сбили его съ толку, что онъ присвоилъ себѣ манеры, которыя встрѣчаются только развѣ у самыхъ безразсудныхъ вельможъ. Онъ иначе не призывалъ къ себѣ своего лакея, какъ крикомъ «эй», какъ будто бы этотъ вельможа, по многочисленности своихъ слугъ, не зналъ, который изъ нихъ былъ дежурнымъ. Давая ему порученія, онъ бросалъ деньги на полъ, вмѣсто того, чтобы отдавать ихъ ему въ руки. Забывъ, наконецъ, что слуга такой же человѣкъ какъ и всѣ, онъ обходился съ нимъ съ такимъ грубымъ пренебреженіемъ во всѣхъ отношеніяхъ, что этотъ бѣдный малый, который былъ хорошій человѣкъ и данъ ему г-жею д'Эпинэ, не могъ перенести такого обращенія и отошелъ отъ него безъ всякой другой причины.

Столько же фатъ, сколько тщеславный баринъ, онъ, съ своими большими мутными глазами и безобразнымъ лицомъ, имѣлъ претензію нравиться женщинамъ, и со временъ фарса разыграннаго по поводу г-жи Фель, прослылъ у нѣкоторыхъ изъ женщинъ за человѣка съ сильными чувствами. Это ввело его въ моду, онъ заразился женскою страстью къ на-

рядамъ, сталъ краситься, и туалетъ сдѣлался для него важнымъ занятіемъ; всѣмъ было извѣстно, что онъ бѣлился, чему я сначала не вѣрилъ; но впослѣдствіи я самъ убѣдился въ томъ не только по причинѣ необыкновенной бѣлизны его лица и чашечекъ съ бѣлилами, которыя находилъ на его туалетѣ, но и потому, что, войдя однажды поутру къ нему, я засталъ его за чисткою ногтей, особенно для этого приготовленными щеточками, — занятіе, которое онъ храбро продолжалъ при мнѣ. Изъ этого я заключилъ, что если человѣкъ способенъ употреблять часа два каждое утро на чистку ногтей, то легко можетъ употреблять нѣсколько минутъ на то, чтобы наполнить бѣлилами поры своего лица. Добродушный Гофкуръ, который не отличался особенной злобой, далъ ему смѣшное прозвище «Tiran le Blanc».

Все это были только смѣшныя стороны, но для моего характера крайне противныя. Онѣ окончательно сдѣлали для меня подозрительнымъ его характеръ. Я съ трудомъ могъ вѣрить, что человѣкъ, у котораго голова вертѣлась такъ какъ у него, могъ удержать сердце на мѣстѣ. Онъ ничѣмъ не хвастался такъ какъ своею чувствительною душою и энергіею чувствъ. Какъ согласовать это съ пороками, свойственными однѣмъ только мелкимъ душамъ? Какимъ образомъ живые и постоянные порывы, съ которыми нѣжное сердце обращается на предметы существующіе внѣ его самого, могутъ оставить ему возможность безпрестанно заниматься мелкими заботами о своей ничтожной особѣ? О, Боже мой, тотъ, кто чувствуетъ, что сердце его пылаетъ небеснымъ пламенемъ, старается излить его наружу и выказать его внутреннее содержаніе. Онъ хотѣлъ бы, такъ сказать, перенести свое сердце на лицо, и никогда не выдумаетъ другихъ румянъ.

Я вспомнилъ сущность его нравственнаго ученія, которое г-жа д'Эпинэ передала мнѣ и которое она приняла сама. Эта мораль заключалась въ томъ, что единственная обязанность человѣка—слѣдовать влеченіямъ своего сердца. Эта мораль заставила меня сначала сильно думать о ней, хотя и считалъ ее тогда за остроумную шутку. Но вскорѣ я увидѣлъ, что это правило дѣйствительно руководило имъ въ жизни и убѣдился въ этомъ собственнымъ опытомъ. Это и есть та внутренняя доктрина, о которой Дидро мнѣ такъ часто говорилъ, но которой онъ мнѣ никогда не объяснилъ.

Я вспомнилъ, что меня часто предупреждали нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что этому человѣку нельзя довѣрять, что онъ только притворяется чувствительнымъ и въ особенности не любитъ меня. Я вспомнилъ о нѣкоторыхъ маленькихъ анекдотахъ, разсказанныхъ мнѣ по этому поводу г. Франкелемъ и г-жею Шенонсо, которые не уважали его, и которые должны были его знать, потому что г-жа Шенонсо была

дочь г-жи Рошшуаръ, близкой пріятельницы покойнаго графа Фріеза, а г. де-Франкель, находившійся тогда въ близкихъ отношеніяхъ съ виконтомъ Полиньякомъ, долго жилъ въ Пале-Роялѣ, въ то самое время, какъ Гриммъ сдѣлался вхожъ туда. Отчаяніе его по случаю смерти графа Фріеза сдѣлалось извѣстно всему Парижу. Нужно было поддержать репутацію, которую онъ пріобрѣлъ послѣ неудачной попытки съ г-жею Фель,—попытки, во время которой я, лучше чѣмъ всякій другой, могъ бы видѣть его притворство, если бы былъ менѣе ослѣпленъ. Его нужно было увести въ отель Кастри, гдѣ онъ достойнымъ образомъ разыгрывалъ свою роль, предавшись самой отчаянной скорби. Онъ ходилъ тамъ каждое утро въ садъ поплакать на свободѣ: находясь на виду предъ домомъ, онъ держалъ у глазъ платокъ, смоченный слезами, но какъ только поворачивалъ въ какую нибудь аллею, клалъ платокъ въ карманъ и вынималъ книгу, въ чемъ убѣдились люди, присутствія которыхъ въ это время онъ не подозрѣвалъ. Слухъ объ этомъ вскорѣ распространился по всему Парижу, но съ такою же скоростью былъ и забытъ. Я самъ не вспомнилъ бы о немъ, еслибы не напомнилъ мнѣ его одинъ фактъ, касавшійся меня. Я лежалъ опасно больной у себя въ улицѣ Гренелль, а онъ жилъ въ это время на дачѣ. Однажды утромъ, онъ явился ко мнѣ запыхавшись и сказалъ, что только что пріѣхалъ; нѣсколько времени спустя я узналъ, что онъ пріѣхалъ наканунѣ и что его видѣли въ тотъ же день въ театрѣ.

Подобныхъ выходокъ было много, но одно замѣчаніе, которое я сдѣлалъ къ моему удивленію такъ поздно, поразило меня въ особенности. Я свелъ Гримма со всѣми моими друзьями безъ исключенія; они стали всѣ его друзьями. Я такъ былъ неразлученъ съ нимъ, что съ трудомъ рѣшился бы посѣщать домъ, въ который онъ не имѣлъ доступа. Одна г-жа Креки не хотѣла принять его у себя, вслѣдствіе чего и я съ тѣхъ поръ перестадъ посѣщать ее. Гриммъ, съ своей стороны, пріобрѣлъ другихъ друзей изъ собственныхъ своихъ знакомыхъ и изъ круга пріятелей графа Фріеза. Ни одинъ изъ этихъ друзей его не сдѣлался моимъ другомъ: никогда онъ не предлагалъ мнѣ даже познакомить меня съ ними, и ни одинъ изъ тѣхъ, которыхъ я иногда встрѣчалъ у него, не выказалъ ни малѣйшей благосклонности ко мнѣ,—не исключая и самого графа Фріеза, у котораго онъ жилъ и сблизиться съ которымъ мнѣ слѣдовательно было бы весьма пріятно; точно также поступалъ графъ Шомбергъ, родственникъ его, съ которымъ Гриммъ былъ еще въ болѣе интимныхъ отношеніяхъ.

Скажу больше: мои друзья, которые до знакомства съ нимъ были очень преданы мнѣ,—сдѣлавшись его друзьями, замѣтно измѣнились ко мнѣ. Онъ никогда не уступалъ мнѣ ни одного изъ своихъ друзей, я

ему отдалъ всѣхъ моихъ, а онъ отнялъ ихъ у меня. Если это все слѣдствія дружбы, то каковы же будутъ послѣдствія ненависти!

Даже Дидро вначалѣ нѣсколько разъ предупреждалъ меня, что Гриммъ, къ которому я питалъ такое довѣріе, не былъ мнѣ другомъ. Впослѣдствіи онъ заговорилъ иначе, когда самъ измѣнилъ свои отношенія ко мнѣ.

Способъ, которымъ я пристроилъ своихъ дѣтей, не нуждался ни въ чьемъ содѣйствіи. Я увѣдомилъ о немъ своихъ друзей единственно для того, чтобы они знали объ этомъ дѣлѣ и чтобы я не казался въ ихъ глазахъ лучшимъ, нежели былъ на самомъ дѣлѣ. Друзей этихъ было трое: Дидро, Гриммъ и г-жа д'Эпинэ. Дюкло, болѣе всѣхъ заслуживавшій моего довѣрія, былъ единственный, которому я не открылся въ этомъ случаѣ. Между тѣмъ онъ узналъ объ этомъ, но отъ кого? неизвѣстно. Невѣроятно, чтобы это сдѣлала г-жа д'Эпинэ, которая знала, что я могъ бы тѣмъ же способомъ жестоко отмстить ей, еслибы только былъ на это способенъ. Оставались только Гриммъ и Дидро, которые въ то время такъ сошлись во многомъ и въ особенности въ замыслахъ противъ меня, что болѣе чѣмъ вѣроятно, что этотъ проступокъ былъ ихъ общимъ дѣломъ. Я готовъ бы побиться объ закладъ, что Дюкло, которому я не сообщалъ своей тайны и который вслѣдствіе этого воленъ былъ сдѣлать съ нею, что хотѣлъ,—одинъ сохранилъ ее.

Гриммъ и Дидро, имѣя въ виду лишить меня моихъ гувернантокъ, употребляли много усилій, чтобы привлечь Дюкло на свою сторону, но онъ съ презрѣніемъ отказался. Я лишь впослѣдствіи узналъ отъ него о томъ, что происходило между ними по этому поводу; но я тогда же узналъ отъ Терезы достаточно, чтобы понять, что у нихъ было какое то тайное намѣреніе и что они хотѣли располагать мною, если не противъ моей воли, то по крайней мѣрѣ безъ моего вѣдома, или же воспользоваться этими двумя женщинами, какъ орудіями для осуществленія какихъ то тайныхъ видовъ. Все это разумѣется не могло назваться прямотой. Сопротивленіе Дюкло служитъ этому доказательствомъ, не допускающимъ возраженія. Пусть кто хочетъ, сочтетъ это дружбою.

Эта мнимая дружба была губительна для меня, въ отношеніи какъ внутренней такъ и внѣшней моей жизни. Продолжительные и частые разговоры этихъ людей съ г-жею ле-Вассеръ, впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, значительно измѣнили ее въ отношеніи ко мнѣ, а эта перемѣна была для меня конечно не благопріятна. Что было предметомъ этихъ странныхъ бесѣдъ? Къ чему эта глубокая таинственность? Неужто разговоръ съ этой старухой могъ быть такъ пріятенъ, чтобы восхищаться имъ и столь важенъ, чтобы сохранять въ такой глубокой тайнѣ? Бесѣды эти, продолжавшіяся въ продолженіи трехъ, четырехъ лѣтъ,

сначала казались мнѣ смѣшными, но когда я снова обсуживалъ ихъ, то начиналъ удивляться. Это изумленіе дошло бы до безпокойства, если бы я зналъ уже тогда, чтò говорила мнѣ эта женщина.

Несмотря на притворную любовь ко мнѣ, которою Гриммъ хвастался въ обществѣ, и которую трудно было согласовать съ тономъ, принимавшимся имъ въ обращеніи со мною, я не видалъ отъ него ничего, чтò могло бы послужить мнѣ на пользу; и притворное его состраданіе ко мнѣ, не доставляя мнѣ выгоды, клонилось только къ тому, чтобы унизить меня. Онъ лишалъ меня даже, насколько ему было возможно, средствъ существованія, которыя я пріобрѣталъ своимъ ремесломъ, провозгласилъ меня дурнымъ переписчикомъ, и хотя я сознаюсь, что онъ въ этомъ отношеніи былъ правъ, но не ему слѣдовало говорить объ этомъ. Онъ доказывалъ, что это была не шутка съ его стороны,—потому что обращался къ другому переписчику и отнималъ у меня всѣ заказы, какіе только могъ отнять. Можно было подумать, что его намѣреніе клонилось къ тому, чтобы подчинить меня своей власти относительно средствъ моего существованія, и поэтому прекращать источникъ этихъ средствъ до тѣхъ поръ, пока я не буду доведенъ до этого состоянія.

Сообразивъ все это, мой разсудокъ заставилъ, наконецъ, замолчать мое пристрастіе къ Гримму, которое все еще продолжало говорить во мнѣ. Я нашелъ его характеръ по крайней мѣрѣ подозрительнымъ, а дружбу его—вѣроломною. Затѣмъ, рѣшившись не видѣться съ нимъ болѣе, я сообщилъ объ этомъ г-жѣ д'Эпинэ, подкрѣпивъ свое рѣшеніе фактами, не допускавшими возраженія, но которые я позабылъ въ настоящее время.

Она сильно противилась этому рѣшенію, хотя и не находила возраженій противъ причинъ, на которыхъ оно основывалось. Но на другой день, посовѣтовавшись съ Гриммомъ, она, вмѣсто того, чтобы объясниться со мною на словахъ, написала мнѣ очень ловкое письмо, которое они сочинили вмѣстѣ и въ которомъ она, не входя въ подробности фактовъ, оправдывала Гримма скрытностью его характера, и обвиняя меня въ томъ, что я заподозрилъ его въ измѣнѣ своему другу, убѣждала меня помириться съ нимъ. Это письмо поколебало меня. Въ разговорѣ, который мы имѣли вслѣдъ за тѣмъ и къ которому она была подготовлена лучше чѣмъ къ первому, я окончательно позволилъ убѣдить себя: повѣрилъ, что я неправильно судилъ о Гриммѣ, и что въ такомъ случаѣ дѣйствительно несправедливо поступилъ съ другомъ и долженъ былъ исправить этотъ поступокъ. Короче, подобно тому, какъ я нѣсколько разъ поступалъ съ Дидро, съ барономъ Гольбахомъ, частью по собственному желанію, частью по слабости характера, я сдѣлалъ и теперь

первый шагъ, который въ правѣ былъ требовать отъ него. Я отправился къ Гримму, какъ второй Georges Dandin, извиняться въ оскорбленіяхъ, которыя онъ мнѣ нанесъ,—и все это вслѣдствіе ложнаго убѣжденія, заставлявшаго меня тысячу разъ унижаться предъ своими мнимыми друзьями,—убѣжденія, что нѣтъ злобы, которой нельзя было бы обезоружить кротостью и хорошими поступками; тогда какъ на самомъ дѣлѣ выходитъ наоборотъ: злоба злыхъ людей еще болѣе усиливается, если они не находятъ основанія для нея, а сознаніе ихъ собственной несправедливости, только усиливаетъ ихъ ненависть къ тому, кто служитъ предметомъ этой несправедливости. Какъ доказательство этому правилу я могу привести, не выходя изъ исторіи собственной жизни, отношенія мои къ Гримму и Троншену, которые сдѣлались моими заклятыми врагами, по собственному желанію, изъ удовольствія, изъ фантазіи, не будучи въ состояніи сослаться на какую бы то нибыло вину съ моей стороны [1]), и злоба которыхъ увеличивается со дня на день, подобно тому, какъ возрастаетъ ярость тигровъ вслѣдствіе легкой возможности утолить ее.

Я полагалъ, что Гриммъ, тронутый моимъ снисхожденіемъ и предупредительностью, приметъ меня съ распростертыми руками и съ чувствами самой нѣжной дружбы. Вмѣсто того, онъ меня принялъ какъ римскій императоръ, со спѣсью, какой я ни въ комъ не встрѣчалъ. Я нисколько не былъ приготовленъ къ такому пріему. Когда я, затрудняясь ролью, не созданной для меня, въ краткихъ словахъ и съ робостью передалъ ему цѣль своего прихода, то онъ, прежде чѣмъ удостоить меня милостиваго прощенія, произнесъ величественно-длинную, передъ тѣмъ приготовленную рѣчь, заключавшую въ себѣ длинный перечень его рѣдкихъ добродѣтелей, преимущественно относившихся къ дружбѣ. Онъ въ особенности упиралъ на одно обстоятельство, которое меня поразило, именно, что онъ постоянно сохранялъ однихъ и тѣхъ же друзей. Пока онъ говорилъ, я думалъ про себя, что было бы жестоко съ моей стороны быть единственнымъ исключеніемъ изъ этого правила. Онъ такъ часто и съ такой аффектаціей возвращался къ этому предмету, что этимъ самымъ внушилъ мнѣ мысль, что если бы онъ дѣйствительно говорилъ подъ вліяніемъ своихъ сердечныхъ чувствъ, то былъ бы менѣе пораженъ этимъ правиломъ, и что онъ прибѣгалъ къ нему, какъ къ

---

[1]) Послѣдняго изъ нихъ я назвалъ жонглеромъ, много времени спустя послѣ того, какъ вражда его сдѣлалась явною, и послѣ кровавыхъ гоненій, которыя онъ возбудилъ на меня въ Женевѣ и въ другихъ мѣстахъ. Я даже снялъ съ него это прозвище, когда совершенно сдѣлался его жертвою. Низкая месть недостойна моего сердца и злоба никогда не имѣетъ въ немъ мѣста.

полезному средству для достиженія своихъ цѣлей. До того времени я находился въ такомъ же положеніи какъ и онъ; я сохранилъ всѣхъ своихъ друзей; съ самаго юнаго дѣтства я не лишался ни одного изъ нихъ, если смерть не похищала его у меня; и однакоже до этого времени я не подумалъ объ этомъ, такъ какъ въ этомъ я поступалъ не по заранѣе предписанному себѣ правилу. Такъ какъ въ этомъ отношеніи мы оба пользовались въ то время равными выгодами, то, конечно, онъ хвастался ими преимущественно потому только, что заранѣе имѣлъ въ виду лишить меня ихъ. Затѣмъ онъ сталъ унижать меня доказательствами того предпочтенія, которое мои друзья отдавали ему предо мною. Я зналъ объ этомъ предпочтеніи столь же хорошо, какъ и онъ, но вопросъ состоялъ въ томъ, какимъ способомъ онъ пріобрѣлъ это предпочтеніе, — заслугами или пронырствомъ, возвысивъ себя или стараясь унизить меня? Наконецъ, установивъ по собственному желанію между собою и мною такое разстояніе, какое могло прибавить цѣны той милости, которая меня ожидала, онъ удостоилъ меня цѣлованія мира, обнявъ меня, какъ король обнимаетъ вновь посвященныхъ рыцарей. Я точно упалъ съ облаковъ, былъ до крайности изумленъ и не зналъ что сказать, не находилъ ни одного слова. Вся эта сцена походила на выговоръ, который учитель дѣлаетъ своему ученику, прощая его, когда онъ заслужилъ наказаніе розгами. Я не могу вспомнить объ этомъ событіи безъ того, чтобы не подумать, какъ обманчивы сужденія, основанныя на наружныхъ признакахъ, которымъ толпа придаетъ такое значеніе, и какъ часто смѣлость и гордость бываютъ на сторонѣ виновнаго, а стыдъ и замѣшательство—на сторонѣ невиннаго.

Мы помирились; это уже служило облегченіемъ моему сердцу, которое всякій раздоръ терзаетъ до крайности. Всякій пойметъ, что подобное примиреніе не могло измѣнить обращеніе Гримма со мною; оно только отняло у меня право жаловаться. Поэтому я рипился молча переносить все.

Эти многочисленныя огорченія, поразившія меня одно вслѣдъ за другимъ, до того изнурили меня, я не чувствовалъ въ себѣ силъ владѣть собою. Не получая отвѣта отъ Сенъ-Ламбера, оставленный г-жею Гудето, не смѣя ни съ кѣмъ быть откровеннымъ, я началъ опасаться, что обращая дружбу въ кумиръ моего сердца, и жертвовалъ своею жизнью однимъ мечтамъ. Послѣ сдѣланныхъ испытаній, я убѣдился, что изъ всѣхъ моихъ друзей остались только два человѣка, которыхъ я могъ не переставать уважать и которымъ могъ вполнѣ довѣряться: это были Дюкло, котораго я потерялъ изъ виду со дня поселенія моего въ Эрмитажѣ, и Сенъ-Ламберъ. Я думалъ, что ничѣмъ другимъ не могъ лучше загладить мою вину противъ этого послѣдняго, какъ полнымъ

изліяніемъ своего сердца предъ нимъ,—и рѣшился признаться ему во всемъ, за исключеніемъ того, что могло бы компрометировать его возлюбленную. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что это намѣреніе было новой ловушкой, которою ставила мнѣ моя страсть, съ цѣлью не разлучать меня съ г-жею Гудето; но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрно и то, что я смѣло бросился бы въ объятія ея любовника, окончательно ввѣрился бы ему и далъ бы совершенную свободу своей откровенности. Я намѣревался писать къ нему второе письмо, на которое, въ чемъ я былъ увѣренъ, онъ непремѣнно бы отвѣтилъ,—какъ вдругъ получилъ печальное извѣстіе о причинѣ его молчанія. Онъ не могъ до конца вынести трудности этого похода. Г-жа д'Эпинэ увѣдомила меня, что онъ былъ пораженъ параличемъ, а г-жа Гудето, которая сама заболѣла отъ этого горя и поэтому не могла написать мнѣ тогда же, увѣдомила меня два или три дня спустя, изъ Парижа, гдѣ она находилась въ то время, о томъ, что его повезутъ въ Ахенъ лечить водами. Я не скажу, что это печальное извѣстіе огорчило меня также сильно какъ и ее, но сомнѣваюсь въ томъ, чтобы ея горе и слезы были болѣе мучительны, чѣмъ огорченіе, которое эта новость мнѣ причинила. Это огорченіе, еще болѣе увеличенное опасеніемъ, что можетъ быть безпокойство Сенъ-Ламбера способствовало этому несчастію, тронуло меня болѣе, чѣмъ всѣ предшествовавшія обстоятельства; я почувствовалъ, что мнѣ не достаетъ силъ перенести столько горя. Къ счастію, этотъ великодушный другъ не на долго оставилъ меня въ этомъ тягостномъ положеніи; онъ меня не забылъ, не смотря на свою болѣзнь, и я не замедлилъ узнать отъ него самого, что я неправильно судилъ о его чувствахъ и положеніи. Но пора перейти къ великому перевороту, совершившемуся въ моей судьбѣ, къ катастрофѣ, раздѣлившей мою жизнь на двѣ столь различныя половины, и незначительныя причины которой имѣли такое страшное дѣйствіе.

Однажды, совершенно неожиданно, г-жа д'Эпинэ прислала за мною. При входѣ къ ней, я замѣтилъ въ ея глазахъ и во всей осанкѣ какое то смущеніе, тѣмъ болѣе поразившее меня, что оно не было свойственно ей и что никто не умѣлъ такъ хорошо управлять своимъ лицемъ и своими движеніями, какъ она.—«Другъ мой—сказала она—я ѣду въ Женеву; грудь моя въ дурномъ положеніи, здоровье разстраивается до такой степени, что мнѣ необходимо оставить всѣ дѣла и ѣхать посовѣтоваться съ троншеномъ». Это быстрое рѣшеніе, и притомъ принятое въ дурное время года, поразило меня тѣмъ болѣе, что за 36 часовъ передъ тѣмъ я былъ у ней и объ этомъ намѣреніи не было и рѣчи. На вопросъ мой — кого она возьметъ съ собой, она отвѣчала, что беретъ г. Линана, и потомъ прибавила небрежно; а вы, мой медвѣдь, не поѣдете ли тоже со мной? Не думая, что она говоритъ серьезно, такъ какъ она знала,

что въ это время года я едва былъ въ состояніи выходить изъ комнаты, я шутя замѣтилъ ей о безполезности сопровожденія одного больного другимъ; да и она, казалось, сдѣлала это предложеніе не серьезно, и потому мы не стали болѣе говорить о немъ. Мы говорили исключительно о приготовленіяхъ къ путешествію, которыми она занялась очень усердно, такъ какъ намѣревалась ѣхать недѣли черезъ двѣ.

Не нужно было много проницательности, чтобы понять, что эта поѣздка имѣла тайную цѣль, о которой мнѣ не говорили. Эта тайна, которую скрывали отъ одного меня во всемъ домѣ, была открыта мнѣ на другой же день Терезою, узнавшею ее отъ дворецкаго Тесье, который въ свою очередь узналъ ее отъ горничной. Хотя я не обязанъ хранить эту тайну, узнавъ ее не отъ самой г-жи д'Эпинэ, но она находится въ тѣсной связи съ тѣми, которыя она сама сообщала мнѣ, а потому я умолчу о ней. Но эти тайны, хотя никогда не выходили и не выйдутъ ни изъ устъ моихъ, ни изъ подъ пера, были извѣстны слишкомъ многимъ лицамъ, чтобы считаться тайными для всѣхъ окружавшихъ г-жу д'Эпинэ [1]).

Узнавъ истинную причину этой поѣздки, я могъ бы угадать дѣйствіе непріятельской руки въ попыткѣ сдѣлать меня провожатымъ г-жи д'Эпинэ; но она сама, такъ мало настаивала на этомъ, что я продолжалъ считать эту попытку за шутку и посмѣялся только надъ прекрасной ролью, которую мнѣ пришлось бы разыгрывать, еслибы я имѣлъ глупость принять предложеніе г-жи д'Эпинэ. Впрочемъ, она много выиграла отъ моего отказа, такъ какъ ей удалось склонить самого мужа сопровождать ее.

Нѣсколько дней спустя, я получилъ записку отъ Дидро, которую перепишу здѣсь. Записка эта, сложенная только вдвое такъ, что легко можно было прочесть ея содержаніе, была адресована на мое имя къ г-жѣ Эпинэ и поручена для передачѣ мнѣ г. Линану, гувернеру сына и повѣренному матери.

Записка Дидро.

связка А, № 52.

«Я созданъ для того, чтобы любить васъ и причинять вамъ огорченія. Я слышу, что г-жа д'Эпинэ ѣдетъ въ Женеву, но не слышу, что вы будете ее сопровождать. Другъ мой, если вы довольны г-жею д'Эпинэ, то вамъ слѣдуетъ ѣхать съ нею; если же вы недовольны ею, то тѣмъ

---

[1]) Тайною причиною поѣздки г-жи д'Эпинэ была ея беременность,—плодъ ея связи съ Гриммомъ. Ред.

болѣе нужно вамъ ѣхать. Если вы обременены обязательствами къ ней, то вотъ вамъ случай расплатиться съ нею и облегчить себя. Найдете ли вы другой случай въ жизни доказать ей вашу признательность? Она ѣдетъ въ страну, въ которой будетъ совершенно чужая. Она больна, ей нужно удовольствіе и развлеченіе. Теперь зима, какъ вы видите, мой другъ. Состояніе вашего здоровья, которымъ вы отговариваетесь, можетъ быть важнѣе, чѣмъ я думалъ. Но развѣ вамъ теперь хуже, чѣмъ было мѣсяцъ тому назадъ и будетъ къ веснѣ? Устроите-ли вы черезъ три мѣсяца поѣздку удобнѣе, чѣмъ въ настоящее время? Что касается до меня, то признаюсь, еслибы для меня была невыносима поѣздка въ экипажѣ, я отправился бы за нею пѣшкомъ. И развѣ вы не опасаетесь, что ваше поведеніе перетолкуютъ въ дурную сторону? Васъ будутъ подозрѣвать или въ неблагородствѣ, или въ какомъ нибудь другомъ тайномъ побужденіи. Я очень хорошо знаю, что бы вы ни сдѣлали, за васъ будетъ ваша совѣсть, но развѣ одного этого свидѣтельства достаточно, и позволительно ли пренебрегать до извѣстной степени мнѣніемъ другихъ людей? Впрочемъ, мой другъ, я пишу вамъ эту записку для того, чтобы расчесться съ вами и съ самимъ собой. Если она вамъ не понравится, бросьте ее въ огонь, чтобы о ней не было и помину, какъ будто она никогда и не была писана. До свиданія, любящій и обнимающій васъ».

Гнѣвъ и бѣшенство, овладѣвшіе мною при чтеніи этого письма и едва дозволившіе мнѣ прочесть его, не помѣшали мнѣ однакожъ замѣтить ловкость, съ которой Дидро принялъ въ немъ тонъ, болѣе ласковый, болѣе мягкій и вѣжливый, нежели въ прежнихъ своихъ письмахъ, въ которыхъ онъ меня называлъ самое большое «mon cher», неудостоивая названія друга. Я легко могъ угадать, какимъ путемъ дошло до меня это письмо; его адресъ, форма и путь, которымъ оно было мнѣ доставлено, не скрыли довольно неловкой увертки, ибо мы переписывались обыкновенно черезъ почту или дилижансъ изъ Монморанси; это былъ первый и единственный разъ, когда онъ избралъ такой путь для доставленія мнѣ письма.

Когда послѣ перваго порыва негодованія я былъ въ состояніи писать, то наскоро написалъ слѣдующій отвѣтъ, который тотчасъ же отнесъ изъ Эрмитажа, гдѣ въ то время находился, въ Шевреттъ, чтобъ показать его г-жѣ д'Эпинэ, которой я, въ ослѣпленіи своего гнѣва, хотѣлъ прочесть его самъ, также какъ и письмо Дидро.

«Любезный другъ, вы не можете знать ни силы обязательствъ которыя связываютъ меня съ г-жею д'Эпинэ, ни степени, до которой они меня обязываютъ; вы не знаете также, дѣйствительно ли я ей нуженъ въ ея путешествіи, желаетъ ли она, чтобъ я ее сопровождалъ, могу ли я это исполнить, и если нѣтъ, то какія причины могутъ меня удержать

отъ этого. Я не отказываюсь разобрать съ вами всѣ эти пункты; но до тѣхъ поръ, согласитесь, любезный философъ, что предписывать мнѣ такъ утвердительно, что я долженъ дѣлать, не приготовивъ достаточно данныхъ, чтобы судить объ этомъ, значитъ разсуждать какъ вѣтренникъ. Хуже всего показалось мнѣ во всемъ этомъ дѣлѣ то, что ваши мнѣнія идутъ не отъ васъ. Кромѣ того, что я не расположенъ допустить управлять собою подъ вашимъ именемъ всякому встрѣчному, я нахожу во всемъ этомъ особенныя увертки, несвойственныя вашей откровенности, и вы хорошо сдѣлаете, какъ для себя, такъ и для меня, если воздержитесь отъ нихъ на будущее время.

«Вы опасаетесь, что мои поступки перетолкуютъ въ дурную сторону. Но я желалъ бы посмотрѣть, какъ сердце, подобное вашему, позволитъ себѣ дурно подумать о моемъ. Другіе можетъ быть и стали бы лучше отзываться обо мнѣ, если бы я болѣе походилъ на нихъ. Спаси меня Боже отъ ихъ похвалъ! Пусть злые слѣдятъ за мною и толкуютъ мои поступки; Руссо не созданъ для того, чтобы бояться этихъ людей, а Дидро—для того, чтобы ихъ слушать.

«Если письмо ваше мнѣ не понравилось, то вы хотите, чтобъ я бросилъ его въ огонь и чтобъ о немъ не было болѣе помину? Вы думаете, что такъ легко забыть то, что идетъ отъ васъ?

«Милый мой, вы также дешево цѣните слезы и огорченія, причиненныя вами мнѣ, какъ и мою жизнь и здоровье, о которыхъ совѣтуете мнѣ заботиться. Если бы вы могли исправиться отъ этого, то дружба ваша сдѣлалась бы для меня еще дороже и я сталъ бы менѣе жалокъ».

Войдя въ комнату г-жи д'Эпинэ, я нашелъ съ нею Гримма, чему былъ очень радъ. Я прочелъ имъ громко и ясно оба письма съ такою неустрашимостью, какой самъ не могъ предполагать въ себѣ, и окончивъ, прибавилъ нѣсколько словъ, не менѣе смѣлыхъ. При видѣ такой неожиданной отважности въ человѣкѣ, обыкновенно столь робкомъ, оба они были поражены, оглушены и не отвѣтили мнѣ ни слова; въ особенности же смутился этотъ надменный человѣкъ, который теперь, опустивъ глаза въ землю, не могъ выносить моихъ взглядовъ; но въ то же время въ глубинѣ своего сердца онъ поклялся погубить меня, и я вполнѣ увѣренъ, что они не разстались прежде чѣмъ обдумали планъ моей погибели.

Почти въ то же время я получилъ наконецъ, чрезъ г-жу Гудето, отвѣтъ отъ Сенъ-Ламбера (связка А, № 57), написанный еще въ Вольфенбютелѣ, за нѣсколько дней до случившагося съ нимъ несчастья, на письмо мое, запоздавшее въ дорогѣ. Этотъ отвѣтъ утѣшилъ меня (въ чемъ я сильно нуждался въ это время), доказательствами уваженія и дружбы, которыми онъ былъ наполненъ и которыя дали мнѣ желаніе

и силу заслужить ихъ. Съ этого времени я исполнялъ долгъ свой; но несомнѣнно и то, что если бы Сенъ-Ламберъ не былъ такъ уменъ, такъ великодушенъ, такъ честенъ, то я погибъ бы безвозвратно.

Время становилось дурное и дачи начали пустѣть. Г-жа Гудето объявила мнѣ день, въ который она хотѣла пріѣхать проститься съ долиною, и назначила мнѣ свиданіе въ Обоннъ. Этотъ день случайно совпалъ съ днемъ, въ который г-жа д'Эпинэ уѣзжала изъ Шевреттъ въ Парижъ, чтобъ окончательно приготовиться къ предстоявшему путешествію. Къ счастью она выѣхала утромъ, и я еще успѣлъ, простившись съ нею, отправиться обѣдать къ ея свояченицѣ. Письмо Сенъ-Ламбера было у меня въ карманѣ, и я дорогой прочелъ его нѣсколько разъ. Письмо это служило мнѣ защитою противъ моей слабости. Я поставилъ себѣ за правило видѣть въ г-жѣ Гудето только своего друга и любовницу моего друга и сдержалъ свое намѣреніе; я провелъ съ нею вдвоемъ четыре или пять часовъ въ тайной, восхитительной тишинѣ, которая была несравненно лучше, даже относительно наслажденія, того лихорадочнаго жара, который я до этого времени испытывалъ подлѣ нея. Такъ какъ она знала очень хорошо, что чувства мои нисколько не измѣнились, то и она была благодарна мнѣ за усилія, которыя я дѣлалъ, чтобы побѣдить себя; уваженіе ея ко мнѣ увеличилось, и я имѣлъ счастіе увѣриться, что дружба ея ко мнѣ не угасла. Она мнѣ объявила о скоромъ возвращеніи Сенъ-Ламбера, который, хотя и оправился отъ своихъ припадковъ, однако не могъ болѣе выносить трудовъ военной службы, а потому намѣренъ былъ взять отставку, чтобы жить мирно подлѣ нея. Мы составили великолѣпный проектъ тѣснаго кружка изъ насъ троихъ, на твердость котораго мы могли вполнѣ надѣяться, ибо всѣ чувства, которыя только могутъ связывать простыя и чувствительныя сердца, лежали въ основаніи нашего проекта, и кромѣ того, въ насъ троихъ сосредоточивалось достаточно знаній и талантовъ, чтобы мы могли довольствоваться другъ другомъ и не имѣть потребности въ постороннихъ. Увы, предаваясь надеждамъ на такую отрадную жизнь, я никакъ не думалъ о той, которая мнѣ предстояла.

Потомъ мы перешли къ моимъ настоящимъ отношеніямъ съ г-жею д'Эпинэ. Я показалъ г-жѣ Гудето письмо Дидро и свой отвѣтъ на него, объяснилъ ей подробно все, что вышло по этому дѣлу и высказалъ рѣшимость выѣхать изъ Эрмитажа. Она сильно возстала противъ этого, и приводила доводы, всемогущіе для моего сердца. Она мнѣ сказала, что очень бы желала, чтобы я отправился въ Женеву, предвидя, что отказъ мой не преминетъ скомпрометировать и ее, что, повидимому дѣйствительно предвѣщало заранѣе письмо Дидро. Однако же, такъ какъ причины моего отказа были ей также хорошо извѣстны какъ и мнѣ, то она

не настаивала, но упрашивала меня избѣгать во что бы то ни стало всякой огласки и прикрыть мой отказъ причинами, достаточно правдоподобными, чтобы отвратить несправедливыя подозрѣнія, будто она участвовала въ этомъ дѣлѣ. Я сказалъ ей, что она возлагаетъ на меня нелегкій трудъ; но что, рѣшившись искупить свои вины хотя бы цѣной своей репутаціи, я всегда отдамъ преимущество ея репутаціи на столько, на сколько позволитъ моя честь. Вскорѣ увидятъ, съумѣлъ ли я исполнить взятое на себя обязательство.

Я могу поклясться, что несчастная страсть моя не только не потеряла своей прежней силы, но что я никогда не любилъ такъ пламенно мою Софью, какъ въ этотъ день. Но таково было впечатлѣніе, произведенное на меня письмомъ Сенъ-Ламбера, чувствомъ долга и отвращеніемъ отъ всякаго коварства, что во время всего этого свиданья страсть оставила меня въ покоѣ и я не покусился даже поцѣловать ей руку. При моемъ уходѣ она поцѣловала меня въ присутствіи своихъ слугъ. Этотъ поцѣлуй, не походившій на тѣ, которые я украдкою срывалъ у ней иногда въ рощѣ, былъ для меня ручательствомъ въ томъ, что я снова овладѣлъ собою; я почти увѣренъ, что если бы сердце мое имѣло время успокоиться, мнѣ достаточно было бы трехъ мѣсяцевъ, чтобы излечиться вполнѣ.

Тутъ оканчиваются мои личныя связи съ г-жею Гудето, — связи, о которыхъ каждый могъ судить по наружности сообразно внушенію собственнаго сердца, но въ которыхъ страсть, внушенная мнѣ это милой женщиной, страсть самая сильная, какую только могъ испытать кто-либо, останется на вѣки освященною между небомъ и нами тѣми рѣдкими и тяжелыми жертвами, которыя мы оба принесли чести, любви и дружбѣ. Каждый изъ насъ былъ слишкомъ высокъ въ глазахъ другого, чтобы имѣть возможность легко унизиться. Нужно было быть недостойнымъ всякаго уваженія, чтобы рѣшиться потерять уваженіе столь высоко цѣнимое, и самая энергія чувствъ, которая могла сдѣлать насъ виновными, способствовала намъ воздержаться отъ этого.

Такимъ-то образомъ, послѣ столь долгой дружбы съ одной изъ этихъ женщинъ и столь пылкой любви къ другой, я простился съ каждой изъ нихъ отдѣльно въ одинъ и тотъ же день, и съ тѣхъ поръ одну изъ нихъ не видалъ уже никогда, а съ другой видѣлся всего два раза, о чемъ скажу ниже.

Послѣ ихъ отъѣзда я находился въ большомъ затрудненіи, какъ мнѣ выполнить столько обязательствъ, не терпящихъ отлагательства и противорѣчащихъ одно другому,—обязательствъ, которыя были слѣдствіемъ моей неосторожности. Если бы я былъ въ своемъ нормальномъ положеніи послѣ отказа отъ поѣздки въ Женеву, мнѣ оставалось бы только

быть спокойнымъ — и все было бы кончено. Но я глупо обратилъ эту исторію въ дѣло, которое не могло оставаться въ томъ положеніи, въ которомъ находилось, и могъ избавиться отъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій, только оставивъ Эрмитажъ, чего именно я обѣщалъ г-жѣ Гудето не дѣлать, по крайней мѣрѣ въ настоящее время. Кромѣ того она требовала, чтобъ я оправдалъ предъ своими, такъ называемыми друзьями, мой отказъ отъ поѣздки, для того чтобы не могли ее обвинить въ этомъ; однако же я не могъ привести настоящей причины отказа, не оскорбивъ г-жу д'Эпинэ, которой конечно я былъ очень много обязанъ за все то, что она для меня сдѣлала. Обсудивъ все хорошенько, я увидѣлъ себя въ жестокой необходимости измѣнить или г-жѣ д'Эпинэ, или г-жѣ Гудето, или себѣ самому, — и предпочелъ послѣднее. Я рѣшился на это твердо, безъ всякихъ колебаній и съ великодушіемъ, достаточнымъ для того, чтобы смыть всѣ проступки, которые довели меня до этой крайности. Эти пожертвованія, которыми мои враги съумѣли воспользоваться и которыхъ они можетъ быть и ожидали, совершенно уничтожили мою репутацію и, кромѣ того, благодаря ихъ старанію, отняли у меня общее уваженіе; но за то съ другой стороны возвратили мнѣ уваженіе самого себя и утѣшили меня въ моемъ несчастіи. Не въ послѣдній разъ, какъ увидятъ, мнѣ пришлось приносить подобныя жертвы и не въ послѣдній разъ ими пользовались, чтобы нанесть мнѣ же вредъ.

Одинъ Гриммъ, казалось, не принималъ участія въ этомъ дѣлѣ, и къ нему то я рѣшился обратиться. Я написалъ ему длинное письмо, въ которомъ изложилъ всю смѣшную сторону желанія вмѣнить мнѣ въ обязанность поѣздку въ Женеву, безполезность и даже затруднительность моего присутствія для г-жи д'Эпинэ и неудобства, предстоявшія отъ этой поѣздки мнѣ самому. Я не могъ воздержаться, чтобы не показать ему въ этомъ письмѣ, что мнѣ было извѣстно все дѣло, и что мнѣ казалось страннымъ требованіе, чтобы именно я отправился въ это путешествіе, между тѣмъ какъ онъ самъ избавлялъ себя отъ этого и о немъ даже не упоминали. Письмо это, въ которомъ, за невозможностью высказать прямо мои основанія, я долженъ былъ прибѣгать къ уловкамъ, выставило бы меня предъ обществомъ въ очень дурномъ свѣтѣ; но оно было образцомъ воздержности и скромности для тѣхъ людей, которые, какъ Гриммъ, знали обстоятельства, о которыхъ я умалчивалъ, и вполнѣ оправдывали мое поведеніе. Я не побоялся даже дать лишнее обвиненіе противъ себя, приписавъ мнѣніе Дидро другимъ моимъ друзьямъ, чтобы этимъ намекнуть что г-жа Гудето была согласна съ нимъ, что было конечно справедливо, и умолчавъ о томъ, что она по моему убѣжденію перемѣнила мнѣніе. Я не могъ лучше очистить ее отъ подозрѣ-

нія въ участіи въ этомъ дѣлѣ, какъ выказывая себя недовольнымъ ею въ этомъ отношеніи.

Письмо это оканчивалось доказательствомъ довѣрія, которое тронуло бы всякаго другого человѣка: убѣждая Гримма взвѣсить выставленныя мною причины и сказать послѣ этого свое мнѣніе, я ему объявлялъ, что какое бы оно ни было, я приму его; и таково было дѣйствительно мое намѣреніе, еслибы онъ даже сказалъ, что долженъ ѣхать; потому что, какъ скоро г. д'Эпинэ самъ брался сопровождать свою жену въ путешествіи, моя поѣздка принимала совсѣмъ другой видъ; между тѣмъ какъ прежде хотѣли возложить его обязанность на меня, а о немъ вспомнили только послѣ моего отказа.

Отвѣтъ Гримма заставилъ себя ждать; наконецъ я получилъ довольно странное письмо, которое привожу здѣсь (смотри связку А, № 59).

«Отъѣздъ г-жи д'Эпинэ отложенъ по случаю болѣзни ея сына, котораго выздоровленія нужно дождаться. Я подумаю о вашемъ письмѣ. Живите пока спокойно въ своемъ Эрмитажѣ. Я доставлю вамъ мое мнѣніе въ свое время. Такъ какъ она навѣрное не уѣдетъ ранѣе нѣсколькихъ дней, то время еще терпитъ. Между тѣмъ, если вы почтете нужнымъ, то можете предложить ей ѣхать съ нею, хотя это мнѣ кажется все равно. Ибо, такъ какъ она знаетъ ваше положеніе также хорошо, какъ вы сами, то нѣтъ сомнѣнія, что она на ваше предложеніе отвѣтитъ какъ слѣдуетъ; все, что вы, по моему мнѣнію, выиграете при этомъ, будетъ возможность сказать тѣмъ, кто къ вамъ пристаетъ, что если вы не поѣхали, то сдѣлали это не по недостатку желанія. Впрочемъ, я не понимаю, почему вы непремѣнно думаете, что философъ служитъ отголоскомъ всѣхъ, и если онъ желаетъ, чтобы вы ѣхали, то почему вы думаете, что всѣ ваши друзья желаютъ того же? Если вы напишите къ г-жѣ д'Эпинэ, то отвѣтъ ея можетъ служить возраженіемъ всѣмъ ея друзьямъ, такъ какъ вы такъ сильно желаете возражать имъ. Прощайте; мое почтеніе г-жѣ ле-Вассеръ и уголовному [1]).

Пораженный удивленіемъ при чтеніи этого письма, я съ безпокойствомъ придумывалъ, что бы оно могло значить, и не могъ ничего придумать. Какъ! вмѣсто того, чтобы отвѣчать мнѣ просто на мое письмо, онъ требуетъ времени, чтобы его обдумать, какъ будто ему не довольно было для этого всего того времени, которое онъ заставилъ меня прождать отвѣта. Онъ даже предувѣдомляетъ меня о неизвѣстности, въ которой будетъ меня держать, какъ будто дѣло шло о рѣшеніи трудной

[1]) Старикъ ле-Васоеръ, съ которымъ жена обращалась крутенько, называлъ ее «уголовнымъ судьей» (lieutenant criminel). Гриммъ, шутя, называлъ также и дочь, а для сокращенія пропускалъ слово «судья» (lieutenant). Ред.

задачи, или какъ будто ему необходимо было лишить меня всѣхъ способовъ проникнуть его намѣренія до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не захотѣлъ бы объявить ихъ мнѣ. Что значать всѣ эти предосторожности, замедленія, эти тайны? Развѣ такъ поступаютъ прямые и добросердечные люди? Я напрасно старался найти какое нибудь благопріятное объясненіе подобному поступку; я не находилъ его. Каково бы ни было его намѣреніе,—если оно было противъ меня, то онъ, по своему положенію, легко могъ привести его въ исполненіе, между тѣмъ какъ мое положеніе не позволяло мнѣ воспрепятствовать ему. Будучи въ милости въ домѣ знатнаго вельможи, принятый въ большомъ свѣтѣ, давая тонъ нашимъ обществамъ, которыхъ онъ былъ оракуломъ, онъ могъ, съ свойственнымъ ему искусствомъ, располагать всѣми своими орудіями; а мнѣ, одинокому въ своемъ Эрмитажѣ, удаленному отъ всѣхъ, безъ опоры, безъ сообщенія съ кѣмъ бы то ни было, оставалось только ждать и сидѣть спокойно; я ограничился тѣмъ, что написалъ г-жѣ д'Эпинэ, по поводу болѣзни ея сына, самое вѣжливое письмо, въ которомъ однакоже не сказалъ ни слова о намѣреніи ѣхать съ нею.

Послѣ цѣлыхъ вѣковъ ожиданія въ страшной неизвѣстности, въ которую поставилъ меня этотъ жестокій человѣкъ, я узналъ черезъ недѣлю или полторы, что г-жа д'Эпинэ уѣхала, и получилъ отъ него второе письмо. Оно заключало въ себѣ только семь-восемь строкъ, которыхъ я даже не дочелъ до конца. Это былъ окончательный разрывъ, но разрывъ въ такихъ выраженіяхъ, какія могла продиктовать самая адская ненависть и которыя были такъ оскорбительны, что становились даже глупыми. Онъ запрещалъ видѣться съ нимъ такимъ тономъ, какъ будто запрещалъ мнѣ въѣздъ въ свои владѣнія. Этому письму, для того чтобъ быть окончательно смѣшнымъ, недоставало только болѣе хладнокровнаго чтеца. Не переписавъ его, не окончивъ чтенія, я отослалъ его сейчасъ же назадъ, съ слѣдующимъ отвѣтомъ:

«Я не хотѣлъ дать волю моему справедливому недовѣрію; теперь я слишкомъ поздно узналъ васъ».

«Такъ вотъ письмо, которое вы такъ долго обдумывали; отсылаю его вамъ назадъ, оно не для меня. Вы можете показать мое письмо всему свѣту и ненавидѣть меня открыто; это будетъ съ вашей стороны однимъ коварствомъ менѣе».

Слова мои о томъ, что онъ можетъ показывать мое предыдущее письмо, относились къ одной части его письма, по которой можно судить о ловкости, съ какой онъ велъ все это дѣло.

Я сказалъ, выше, что для людей, не знавшихъ дѣло, мое письмо могло подать поводъ ко многимъ противъ меня обвиненіямъ. Онъ увидалъ это съ радостью; но какъ воспользоваться такимъ преимуществомъ,

не компрометируя себя? Показывая письмо, онъ подвергалъ себя упреку въ злоупотребленіи довѣренностію друга.

Чтобъ выдти изъ этого затрудненія, онъ вздумалъ разойтись со мной самымъ оскорбительнымъ образомъ и похвалиться въ своемъ письмѣ милостью, которую онъ оказывалъ мнѣ, тѣмъ, что никому не показывалъ моего. Онъ былъ очень хорошо увѣренъ, что въ негодованіи и гнѣвѣ, я откажусь отъ его притворной скромности, и позволю ему показывать всѣмъ мое письмо; этого именно желалъ онъ, и все случилось какъ онъ устроилъ. Онъ пустилъ въ ходъ мое письмо по всему Парижу, съ коментаріями собственнаго изобрѣтенія, которые однакоже не имѣли ожидаемаго имъ успѣха. Никто не нашелъ, чтобы вынужденное у меня позволеніе показывать мое письмо, избавляло его отъ осужденія за то, что онъ поймалъ меня на словѣ, съ цѣлью повредить мнѣ. Всѣ спрашивали, какія были у меня съ нимъ личныя неудовольствія, могущія оправдать такую сильную ненависть. Наконецъ находили, что еслибъ я и дѣйствительно былъ виноватъ, и онъ нашелся бы вынужденнымъ разойтись со мною, то дружба, хотя и угасшая все же имѣла права, которыя онъ долженъ бы уважать. Къ сожалѣнію, Парижъ легкомысленъ; эти минутныя замѣчанія забываются; несчастнымъ отсутствующимъ пренебрегають, а преуспѣвающій внушаетъ уваженіе своимъ присутствіемъ; игра интриги и злобы поддерживается, возобновляется, и въ скоромъ времени ея безпрестанно возраждающееся дѣйствіе изглаживаетъ изъ памяти все предшествовавшее.

Вотъ какимъ образомъ, послѣ продолжительнаго притворства, этотъ человѣкъ наконецъ снялъ передо мною маску, увѣренный, что въ томъ положеніи, до котораго онъ довелъ дѣла, ему не для чего было болѣе притворяться. Не страшась болѣе быть несправедливымъ къ этому негодяю, я предоставилъ его собственному его сердцу и пересталъ о немъ думать. Черезъ недѣлю послѣ полученія этого письма, я получилъ отвѣтъ отъ г-жи д'Эпинэ, написанный изъ Женевы, на мое предыдущее письмо (связка Б. № 10). По тону, который она употребила въ немъ въ первый разъ въ своей жизни, я понялъ, что они оба дѣйствовали за одно, разсчитывая на успѣхъ принятыхъ ими мѣръ, и, смотря на меня, какъ на человѣка безвозвратно погибшаго, безъ всякаго риску предавались отнынѣ удовольствію окончательно уничтожить меня.

И въ самомъ дѣлѣ мое положеніе было изъ самыхъ жалкихъ. Я видѣлъ, какъ удалялись отъ меня всѣ мои друзья, и мнѣ было невозможно узнать, какъ и почему Дидро, хваставшійся тѣмъ, что онъ одинъ остается со мною, обѣщавшій уже три мѣсяца навѣстить меня, не пріѣхалъ до сихъ поръ. Зима уже давала себя чувствовать, а съ нею возобновились и припадки моихъ необыкновенныхъ недуговъ. Мой темпераментъ, хотя

сильный, не могъ однако выдержать борьбы столькихъ противоположныхъ страстей. Я былъ въ изнеможенiи, которое не оставляло мнѣ ни силъ, ни мужества для сопротивленiя; еслибъ мои обязательства, еслибъ безпрестанныя увѣщанiя г-жи Гудето и позволили мнѣ въ настоящую минуту оставить Эрмитажъ, я не зналъ бы куда и какъ дѣваться. Я оставался неподвиженъ и тупъ, не будучи въ состоянiи ни дѣйствовать, ни думать. Одна мысль сдѣлать шагъ, написать письмо, сказать слово приводила меня въ ужасъ.

Не смотря на это, я не могъ оставить безъ отвѣта письмо г-жи д'Эпинэ; иначе я призналъ бы себя достойнымъ тѣхъ оскорбленiй, которыми и она и другъ ея осыпали меня. Я рѣшился объявить г-жѣ д'Эпинэ мои чувства и намѣренiя, ни минуты не сомнѣваясь въ томъ, что изъ человѣколюбiя, изъ великодушiя, изъ приличiя, изъ добрыхъ чувствъ, которыя я признавалъ въ ней, не смотря на дурныя ея стороны, она поторопится согласиться со мною. Вотъ мое письмо:

Эрмитажъ, 23 Ноября 1757.

«Еслибъ умирали отъ горя, то меня не было бы теперь въ живыхъ. Но я наконецъ рѣшился. Дружба, сударыня, погасла между нами, но она сохранила права, которыя я умѣю уважать. Я не забылъ вашей доброты ко мнѣ, и вы можете разсчитывать съ моей стороны на ту благодарность, которую мы можемъ питать къ тѣмъ, кого не должны болѣе любить. Всякое другое объясненiе было бы излишне; за меня моя совѣсть, а васъ я отсылаю къ вашей.

«Я хотѣлъ оставить Эрмитажъ, я долженъ былъ это сдѣлать; но полагаютъ, что мнѣ нужно здѣсь пробыть до весны; и такъ какъ мои друзья хотятъ этого, то я и останусь до весны, если вы на это согласитесь».

Написавъ и отправивъ это письмо, я хлопоталъ только о томъ, чтобы пожить поспокойнѣе въ Эрмитажѣ, заботясь о своемъ здоровьи, стараясь возстановить силы и принять мѣры къ выѣзду оттуда съ весной безъ шуму и безъ ссоры. Но не того хотѣли Гриммъ и г-жа д'Эпинэ, какъ сейчасъ увидятъ читатели.

Нѣсколько дней спустя, я былъ наконецъ осчастливленъ посѣщенiемъ Дидро, такъ давно обѣщаннымъ и такъ долго откладывающимся. Его визитъ былъ какъ нельзя болѣе кстати; онъ былъ самый давнишнiй изъ моихъ друзей и почти единственный, оставшiйся у меня: легко судить объ удовольствiи, какое я почувствовалъ, увидя его при настоящихъ моихъ обстоятельствахъ. Я открылъ ему свое переполненное сердце. Я объяснилъ ему многiе факты, о которыхъ ему умолчали, которые переиначили, или на которые только намекнули. Я сообщилъ ему

изъ всего, что случилось, то, что мнѣ было позволено ему сказать. Я не старался скрывать отъ него то, что ему было слишкомъ хорошо извѣстно, т. е. что любовь, столь же несчастная, сколько безумная, была причиной моей гибели; но я никогда не хотѣлъ сознаться въ томъ, что г-жа Гудето знала о ней, или по крайней мѣрѣ въ томъ, что я объяснился ей въ любви. Я разсказалъ ему о недостойныхъ уловкахъ, которыя употребляла г-жа д'Эпинэ, чтобы перехватывать очень невинныя письма, писанныя ко мнѣ ея свояченицею. Мнѣ хотѣлось, чтобы онъ узналъ подробности объ этихъ уловкахъ изъ устъ тѣхъ самыхъ лицъ, которыхъ она пыталась соблазнить. Тереза разсказала все въ точности; но что сталось со мной, когда пришла очередь ея матери, и когда она стала утверждать, что ничего подобнаго не доходило до ея свѣдѣнія. Это были ея подлинныя выраженія, и она ни за что не хотѣла отказаться отъ нихъ. Не прошло еще четырехъ дней, какъ она сама разсказала мнѣ все это,—а теперь она опровергаетъ меня передъ моимъ другомъ! Этотъ поступокъ показался мнѣ характеристичнымъ, и я живо почувствовалъ, какъ неосторожно поступалъ, держа при себѣ такъ долго подобную женщину. Я не разразился упреками, я едва удостоивалъ ее немногихъ презрительныхъ словъ. Я чувствовалъ, чѣмъ былъ обязанъ дочери, непоколебимая правдивость которой противорѣчила недостойной низости матери. Но съ этой минуты я принялъ твердое рѣшеніе на счетъ старухи и ждалъ только времени, когда привесть его въ исполненіе.

Это время наступило скорѣе, чѣмъ я ожидалъ. 10-го декабря я получилъ отъ г-жи д'Эпинэ отвѣтъ на мое предыдущее письмо. Вотъ его содержаніе:

Женева, 1-го декавря 1757 (Связка В, № 11).

«Давъ вамъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ всевозможныя доказательства дружбы и участія, я могу теперь только сожалѣть о васъ. Вы очень несчастны. Я желаю, чтобы ваша совѣсть была также спокойна, какъ моя. Это можетъ быть необходимо для спокойствія вашей жизни.

«Такъ какъ вы хотѣли и должны были оставить Эрмитажъ, то я удивляюсь, что ваши друзья удержали васъ. Что касается до меня, то я не совѣтуюсь съ моими друзьями о своихъ обязанностяхъ и не могу ничего больше сказать вамъ о вашихъ».

Такой неожиданный, но ясно выраженный отказъ ни минуты не позволилъ мнѣ колебаться. Нужно было выѣхать тотчасъ же, какая бы ни была погода, въ какомъ бы состояніи я ни былъ, хотя бы мнѣ пришлось ночевать въ лѣсу, на снѣгу, покрывавшемъ тогда землю, и что бы ни сказала и не сдѣлала по этому случаю г-жа Гудето, потому что хотя я и желалъ угождать ей во всемъ, но не до низости.

Во всю мою жизнь я ни разу не находился въ такомъ ужасномъ положенiи; но я рѣшился: я поклялся, во чтобы-то ни стало выѣхать изъ Эрмитажа на восьмой день. Я счелъ долгомъ начать вывозить свои вещи, рѣшившись скорѣе оставить ихъ въ чистомъ полѣ, чѣмъ не возвратить ключей въ теченiе недѣли; потому что мнѣ непремѣнно хотѣлось, чтобы все было кончено, прежде чѣмъ можно было написать объ этомъ въ Женеву и получить оттуда отвѣтъ. Во мнѣ пробудилось мужество, какого я доселѣ въ себѣ не чувствовалъ: всѣ мои силы возвратились. Честь и негодованiе возвратили мнѣ ихъ въ такой степени, на какую не разсчитывала г-жа д'Эпинэ. Счастiе помогло моей смѣлости. Г. Матасъ, фискальный прокуроръ принца Конде, услыхалъ о моемъ затруднительномъ положенiи. Онъ предложилъ мнѣ маленькiй домикъ при его садѣ Монъ-Луи въ Монморанси. Я поспѣшилъ съ благодарностiю принять предложенiе. Условiя были скоро заключены, я распорядился поскорѣе купить нѣсколько мебели, чтобы, при помощи той, которая уже была у меня, устроиться съ Терезой. Я велѣлъ перевозить скорѣе мои вещи, хотя это стоило большихъ трудовъ и издержекъ; несмотря на холодъ и снѣгъ, мой переѣздъ окончился въ два дня и 15 декабря я отдалъ ключи Эрмитажа, заплативъ жалованье садовнику, при невозможности заплатить за наемъ квартиры.

Что касается до г-жи ле-Вассеръ, то я объявилъ ей, что намъ нужно разстаться; ея дочь хотѣла упросить меня, но я былъ неумолимъ. Я отправилъ ее въ Парижъ въ дилижансѣ со всѣми вещами и мебелью, принадлежавшими ей нераздѣльно съ дочерью. Я далъ ей нѣсколько денегъ и обязался платить за ея помѣщенiе у дѣтей, или гдѣ бы то ни было, заботиться о ея содержанiи на сколько могъ и никогда не допускать ее нуждаться въ хлѣбѣ, пока буду имѣть его самъ.

Наконецъ на третiй день послѣ моего прiѣзда въ Монъ-Луи, я написалъ г-жѣ д'Эпинэ слѣдующее письмо:

Монморанси, 17 декабря 1757.

«Нѣтъ ничего проще и необходимѣе, сударыня, какъ выѣхать изъ вашего дома, коль скоро вамъ не угодно, чтобы я тамъ оставался. Поэтому, вслѣдствiе вашего несогласiя на то, чтобы я прожилъ въ Эрмитажѣ до весны, я оставилъ его 15 декабря. Мнѣ суждено было и поселиться въ немъ и выѣхать изъ него противъ моего желанiя. Благодарю васъ за то время, которое вы позволили мнѣ провести тамъ, и благодарилъ бы еще болѣе, если бы оно стоило мнѣ не такъ дорого. Впрочемъ вы правы, считая меня несчастнымъ; никто лучше васъ не знаетъ, до какой степени я несчастливъ. Если обмануться въ выборѣ друзей уже само по-

себѣ несчастье, то еще болѣе жестоко пробужденіе отъ такого сладкаго заблужденія».

Вотъ вѣрный разсказъ о моемъ пребываніи въ Эрмитажѣ и о причинахъ, которыя заставили меня покинуть его. Я не могъ сократить этотъ разсказъ, и необходимо было слѣдовать за нимъ съ самой большой точностью, такъ какъ эта эпоха моей жизни имѣла впослѣдствіи вліяніе на всѣ остальные дни мои.

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

— 1758 — Необыкновенныя силы, почерпнутыя мной въ моемъ минутномъ возбужденіи для выѣзда изъ Эрмитажа, оставили меня тотчасъ же, послѣ того какъ я выѣхалъ изъ него. Едва я устроился въ моемъ новомъ жилищѣ, какъ сильные и частые припадки задержанія мочи, которыми я страдалъ, осложнились еще новой болѣзнью, грыжей, мучившей меня съ нѣкоторыхъ поръ, тогда какъ я и не подозрѣвалъ, что это грыжа. Припадки эти вскорѣ дошли до крайней степени. Докторъ Тьерри, мой давнишній другъ, навѣстилъ меня и разъяснилъ мнѣ мое положеніе. Зонды, восковыя свѣчи, бандажи, всѣ принадлежности старческихъ немощей, собранныя вокругъ меня, дали мнѣ почувствовать, что нельзя безнаказанно имѣть молодое сердце, когда тѣло уже устарѣло.

Весна не возвратила мнѣ силъ, и я провелъ весь 1758 годъ въ такой слабости, что думалъ, что приближаюсь къ концу своей жизни. Я смотрѣлъ на приближенье этого конца съ какимъ то нетерпѣніемъ. Очнувшись отъ мечтаній о дружбѣ, оторвавшись отъ всего, что заставляло меня любить жизнь, я не видѣлъ въ ней уже ничего болѣе, что могло бы опять привязать меня къ ней; я видѣлъ въ ней только страданія и несчастія, которыя препятствовали мнѣ наслаждаться собой. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ минуты освобожденія и удаленія отъ своихъ враговъ. Но возвратимся къ нити происшествій.

Кажется, что мое удаленіе въ Монморанси смутило г-жу д'Эпинэ; вѣроятно она не ожидала этого. Печальное мое положеніе, суровость времени года, мое одиночество, все давало поводъ думать Гримму и ей, что, доведя меня до послѣдней крайности, они принудятъ меня просить пощады и дойти до всякой низости, чтобы только остаться въ убѣжищѣ, изъ котораго честь заставляла меня выйти. Я выѣхалъ такъ неожиданно, что они не имѣли времени предупредить это; имъ осталось только сыграть на квитъ и постараться или окончательно погубить меня, или возвратить меня въ Эрмитажъ. Гриммъ рѣшился на

первое, но я думаю, что г-жа д'Эпинэ предпочла бы второе, и убѣждаюсь въ этомъ ея отвѣтомъ на мое послѣднее письмо, въ которомъ она значительно смягчила тонъ прежнихъ своихъ писемъ и въ которомъ, казалось, открывала путь къ примиренію. Долгій промежутокъ между моимъ письмомъ и этимъ отвѣтомъ, который она заставила меня прождать цѣлый мѣсяцъ, доказываетъ достаточно, въ какомъ затрудненіи она была, стараясь придать ему приличный оборотъ и сколько времени ей нужно было, чтобы обдумать его. Она не могла пойти дальше, не компрометируя себя; но послѣ ея прежнихъ писемъ и послѣ моего внезапнаго выѣзда изъ ея дома, можно только удивляться, съ какимъ вниманіемъ старается она не допустить въ этомъ письмѣ ни одного нелюбезнаго слова. Я приведу его вполнѣ, чтобы можно было судить о немъ.

Женева, 17-го января 1758 г. (Св. В, № 23).

«Милостивый государь!

«Я получила письмо ваше отъ 17-го декабря только вчера. Мнѣ его прислали въ ящикѣ, наполненномъ разными разностями, который все это время находился въ дорогѣ. Я буду отвѣчать только на приписку; что касается до письма, то я не совсѣмъ его понимаю, и если бы намъ пришлось объясниться, то я охотно бы отнесла все происшедшее къ недоразумѣнію. Но возвращаюсь къ припискѣ. Вы вѣроятно помните, м. г., что мы условились, чтобы жалованье садовнику проходило чрезъ ваши руки, для того, чтобы онъ лучше чувствовалъ, что зависитъ отъ васъ, и для того чтобы избѣжать такихъ смѣшныхъ и неприличныхъ сценъ, какія дѣлалъ изъ-за этого его предшественникъ. Доказательствомъ тому служитъ, что жалованье ему за первыя четверти года было передано вамъ и что за нѣсколько дней до моего отъѣзда, я условилась возвратить вамъ то, что вы переплатили. Я знаю, что вы сначала не соглашались на это, но такъ какъ вы сдѣлали эти переплаты по моей просьбѣ, то естественно, я должна была возвратить ихъ, въ чемъ мы и согласились. Кагуэ увѣдомилъ меня, что вы отказались принять эти деньги. Тутъ вѣрно есть какое-нибудь недоразумѣніе. Я приказала опять отослать вамъ ихъ и не вижу, почему бы вы платили моему садовнику вопреки нашимъ условіямъ и даже сверхъ срока, который вы пробыли въ Эрмитажѣ. Поэтому я надѣюсь, м. г., что припомнивъ все то, что я имѣла честь объяснить вамъ, вы не откажетесь принять уплату за расходъ, который вы дѣлали для меня».

Послѣ всего происшедшаго, не будучи въ состояніи довѣрять г-жѣ д'Эпинэ, я не хотѣлъ возобновлять съ ней сношеній; поэтому я не отвѣ-

тилъ на это письмо, и тѣмъ покончилась наша переписка. Видя, что я не измѣняю своему рѣшенію, она рѣшилась съ своей стороны дѣйствовать, и, перейдя вполнѣ на сторону Гримма и Гольбаховской партіи, соединила свои усилія съ ихъ интригами, чтобы погубить меня. Между тѣмъ какъ они работали въ Парижѣ, она работала въ Женевѣ. Гриммъ, впослѣдствіи поѣхавшій къ ней, окончилъ то, что она начала. Троншенъ, котораго имъ не трудно было привлечь на свою сторону, помогалъ имъ сильно и сдѣлался самымъ жестокимъ моимъ преслѣдователемъ, хотя я никогда не подалъ и ему, какъ Гримму, ни малѣйшаго повода къ неудовольствію на меня. Всѣ трое вмѣстѣ они втихомолку сѣяли въ Женевѣ сѣмена, которыя взошли черезъ четыре года.

Имъ было труднѣе дѣйствовать въ Парижѣ, гдѣ меня болѣе знали, и гдѣ сердца, менѣе склонныя къ ненависти, не такъ легко принимали ея впечатлѣнія. Чтобы искуснѣе наносить свои удары, они начали съ того, что распустили слухъ, будто я самъ ихъ оставилъ (см. письма Делейра, связка Б, № 30). Вслѣдствіе этого, все еще представляясь моими друзьями, они искусно сѣяли свои коварныя обвиненія, въ видѣ жалобъ на несправедливость своего друга. Такой маневръ производилъ то, что не имѣя причины остерегаться, всѣ были болѣе расположены слушать ихъ и осуждать меня. Тайныя обвиненія въ коварствѣ и неблагодарности распространялись съ большою предосторожностью и поэтому самому съ большимъ успѣхомъ. Я узналъ, что они меня обвиняли въ ужасныхъ гнусностяхъ, но никогда не могъ узнать, въ чемъ именно, по ихъ мнѣнію состояли эти гнусности. Все, что я могъ вывести изъ общественнаго говора — это то, что меня обвиняли въ слѣдующихъ четырехъ главныхъ преступленіяхъ: 1) въ удаленіи въ деревню, 2) въ любви къ г-жѣ Гудето, 3) въ отказѣ сопровождать г-жу д'Эпинэ въ Женеву, 4) въ выѣздѣ изъ Эрмитажа. Если они присоединили къ этому другія обвиненія, то такъ хорошо приняли свои мѣры, что я никогда не могъ узнать, въ чемъ состояли эти обвиненія.

Поэтому я думаю, что именно къ этому времени относится установленіе системы, которой слѣдовали съ этихъ поръ тѣ, кто располагаетъ мной, съ такимъ быстрымъ успѣхомъ, что онъ могъ показаться чудомъ для того, кто не знаетъ, съ какой легкостью распространяется все, что благопріятствуетъ людской злобѣ. Нужно постараться объяснить въ немногихъ словахъ то, что ясно для меня въ этой темной и глубокой системѣ.

Съ именемъ уже знаменитымъ и извѣстнымъ во всей Европѣ я сохранилъ первоначальную простоту нравовъ. Мое смертельное отвращеніе ко всему, что называлось партіей, заговоромъ, коварствомъ, дѣлало меня свободнымъ отъ всякихъ узъ, кромѣ привязанностей моего сердца.

Одинокій, чужой всѣмъ, отъ всѣхъ уединенный, безъ поддержки, безъ семейства, привязанный только къ своимъ принципамъ и обязанностямъ, я смѣло шелъ прямой дорогой, не льстя никому и не щадя никогда никого въ ущербъ справедливости и истинѣ. Кромѣ того, живя уже два года въ уединеніи, не получая извѣстій и не имѣя отношеній къ дѣламъ свѣта, ничего не зная и не любопытствуя знать, я находился въ четырехъ миляхъ отъ Парижа, но былъ также отдаленъ отъ этой столицы моей безпечностью, какъ если бы жилъ, отдѣленный отъ нея морями, на островѣ Тиніанѣ.

Напротивъ того, Гриммъ, Дидро, Гольбахъ, находясь въ самомъ центрѣ водоворота, жили въ большомъ свѣтѣ и не были чужды ни одной сферѣ его. Окруженные аристократіей рожденія, ума, литераторами, магистратурой, женщинами, они могли съ общаго согласія заставлять вездѣ слушать себя. Съ перваго разу уже видно преимущество, которое давало это положеніе тремъ тѣсно связаннымъ между собой людямъ предъ четвертымъ, находившимся въ моемъ положеніи. Правда, что Дидро и Гольбахъ не были способны составлять гнусные заговоры (по крайней мѣрѣ я не могу этому вѣрить); одинъ не имѣлъ для этого достаточно злобы [1]), а другой — искусства; но именно это-то и соединяло еще крѣпче всю партію. Гриммъ одинъ составлялъ планъ; двумъ другимъ онъ открывалъ изъ него только то, что имъ нужно было видѣть, чтобы содѣйствовать исполненію. Власть, которую онъ пріобрѣлъ надъ ними, облегчала для него это содѣйствіе, а послѣдствія соотвѣтствовали превосходству его таланта.

Съ этимъ-то превосходнымъ талантомъ, видя выгоду, которую онъ могъ извлечь изъ нашихъ относительныхъ положеній, онъ принялъ намѣреніе уничтожить мою репутацію и составить мнѣ совершенно противоположную, окруживъ меня мракомъ, который мнѣ невозможно было проникнуть, чтобы представить въ должномъ свѣтѣ его интриги и снять съ него маску.

Это предпріятіе было трудно въ томъ отношеніи, что нужно было скрыть его несправедливость отъ глазъ тѣхъ, которые должны были ему содѣйствовать. Нужно было обмануть честныхъ людей; нужно было удалить отъ меня всѣхъ, не оставить мнѣ ни одного друга, большого или малаго! Что я говорю! нужно было не допустить до меня ни одного слова правды. Еслы бы хоть какой-нибудь великодушный человѣкъ пришелъ и сказалъ мнѣ: «вы притворяетесь добродѣтельнымъ; однако, вотъ что

---

[1]) Признаюсь, что съ тѣхъ поръ, какъ написана эта книга, все, что я начинаю видѣть яснѣе сквозь окружающія меня тайны, заставляетъ меня думать, что я не хорошо зналъ Дидро.

о васъ говорятъ и вотъ на какихъ основаніяхъ судятъ о васъ,—что вы на это скажете?»—тогда истина восторжествовала бы и Гриммъ погибъ. Онъ зналъ это; но онъ изучилъ свое собственное сердце и цѣнилъ людей во столько, сколько они стоятъ. Я скорблю о чести человѣчества при мысли, что его разсчетъ былъ такъ вѣренъ.

Странствуя въ такихъ подземельяхъ, онъ долженъ былъ идти медленно, чтобы идти вѣрными шагами. Вотъ уже 12 лѣтъ, какъ онъ слѣдуетъ своему плану, и самое трудное остается еще сдѣлать, а именно—обмануть всю публику. Есть глаза, которые слѣдили за нимъ ближе,—чѣмъ онъ думаетъ. Онъ боится этого и не смѣетъ еще вести свои подкопы при дневномъ свѣтѣ [1]). Но онъ нашелъ нетрудный способъ привлечь въ свою сторону власть, и эта власть располагаетъ мной. Поддерживаемый этой опорой, онъ идетъ впередъ съ меньшимъ рискомъ. Сателлиты власти обыкновенно не отличаются прямотой въ своихъ дѣйствіяхъ и еще менѣе откровенностью, а потому онъ не боится нескромности какого нибудь честнаго человѣка, потому что ему, главнымъ образомъ, нужно, чтобы я былъ окруженъ непроницаемымъ мракомъ и чтобы его заговоръ былъ постоянно скрытъ отъ меня: онъ знаетъ очень хорошо, что съ какимъ бы искусствомъ онъ ни велъ свои подкопы, они никогда не выдержали бы моихъ взглядовъ. Его главное искусство состоитъ въ томъ, что безславя меня, онъ дѣлаетъ это такъ, что со стороны подумаешь, будто онъ щадитъ меня, и даже коварству своему онъ умѣетъ придать видъ великодушія.

Я почувствовалъ первыя дѣйствія этой системы по глухимъ обвиненіямъ Гольбаховской клики, не имѣя возможности даже предположительно узнать, въ чемъ состояли эти обвиненія. Делейръ говорилъ мнѣ въ своихъ письмахъ, что меня обвиняютъ въ разныхъ мерзостяхъ, Дидро говорилъ мнѣ еще таинственнѣе тоже самое; а когда я потребовалъ объясненій отъ того и другого, то оказалось, что все дѣло состояло въ вышеприведенныхъ четырехъ обвиненіяхъ. Я видѣлъ постепенное охлажденіе въ письмахъ г-жи Гудето. Я не могъ приписать это охлажденіе Сенъ-Ламберу, который продолжалъ писать ко мнѣ дружескія письма и даже навѣстилъ меня по возвращеніи. Я не могъ также приписать вину себѣ, потому что мы разстались очень довольные другъ другомъ, и съ тѣхъ поръ съ моей стороны ничего не произошло, кромѣ отъѣзда изъ Эрмитажа, необходимость котораго она сознавала сама. И такъ не зная, чему приписать это охлажденіе, въ которомъ она не сознавалась, но въ

---

[1]) Съ тѣхъ поръ какъ это написано, онъ сдѣлалъ этотъ шагъ съ самымъ полнымъ и непостижимымъ успѣхомъ. Я думаю, что Троншенъ придалъ ему храбрости и далъ средство привести это въ исполненіе.

которомъ не ошибалось мое сердце, я безпокоился обо всемъ. Я зналъ, что она берегла свою свояченицу и Гримма, по причинѣ ихъ связей съ Сенъ-Ламберомъ; поэтому я сталъ опасаться, что это ихъ дѣло. Это волненіе вновь открыло мои раны и сдѣлало мою переписку до такой степени бурною, что г-жа Гудето получила отвращеніе отъ нея. Я предвидѣлъ множество жестокихъ непріятностей, но ничего не видѣлъ ясно. Я былъ въ самомъ несчастномъ положеніи для человѣка, котораго воображеніе воспламеняется.

Если бы я былъ совершенно одинокъ, если бы я ничего не зналъ, то былъ бы спокойнѣе; но мое сердце держалось еще привязанностей, посредствомъ которыхъ мои непріятели могли всегда дѣйствовать на меня, и слабые лучи свѣта, доходившіе до моего убѣжища, помогали мнѣ только видѣть всю гнусность тайнъ, которыя отъ меня скрывали.

Я не сомнѣваюсь, что не вынесъ бы этихъ мученій, слишкомъ жестокихъ, слишкомъ невыносимыхъ для моего открытаго характера, который, не будучи въ состояніи скрывать свои чувства, заставляетъ меня всего бояться отъ чувствъ, скрываемыхъ отъ меня, еслибы къ счастью, не представилось новыхъ предметовъ, достаточно интересныхъ для моего сердца, чтобы спасительно отвлечь его отъ тѣхъ вещей, которыя, противъ моей воли, занимали меня. Въ послѣднее посѣщеніе Эрмитажа, Дидро говорилъ мнѣ о статьѣ «Женева», которую д'Аламберъ помѣстилъ въ «Энциклопедіи»; онъ мнѣ говорилъ, что эта статья, обсужденная со многими знатными женевцами, имѣла цѣлью устройство театра въ Женевѣ, что къ этому приняты мѣры и дѣло не замедлитъ осуществиться. Такъ какъ все это, повидимому, нравилось Дидро, такъ какъ онъ не сомнѣвался въ успѣхѣ, а у меня было слишкомъ много другихъ спорныхъ пунктовъ, чтобы спорить объ этомъ, то я не сказалъ ему ничего, но, негодуя на всѣ эти старанія соблазнить мое отечество, я ожидалъ съ нетерпѣніемъ выхода того тома «Энциклопедіи», въ которомъ была помѣщена эта статья, чтобы посмотрѣть, нельзя ли какъ-нибудь отвратить этотъ несчастный ударъ. Я получилъ этомъ томъ, вскорѣ послѣ того какъ поселился въ Мон-Луи, и нашелъ, что статья была написана съ большимъ искусствомъ и достойна пера, написавшаго ее. Это не отклонило меня однакоже отъ намѣренія отвѣчать на нее, и, не смотря на свое изнеможеніе, на свои горести и страданія, на суровое время года и неудобство моего новаго жилища, въ которомъ я не успѣлъ еще устроиться, я принялся за работу съ усердіемъ, которое все превозмогло.

Въ теченіе довольно суровой зимы, въ февралѣ мѣсяцѣ и въ томъ состояніи, которое я только что описалъ, я проводилъ каждое утро и каждое послѣ обѣда по два часа въ открытой башнѣ, находившейся въ концѣ моего сада. Эта башня, стоявшая въ концѣ одной аллеи, устроен-

ной въ видѣ терассы, выходила на долину и прудъ Монморанси; видъ съ нея открывался на простой, но почтенный замокъ Сенъ-Грасьенъ, убѣжище добродѣтельнаго Катина̀. Въ этомъ-то, тогда очень холодномъ мѣстѣ, безъ защиты противъ вѣтра и снѣга, несогрѣваемый ничѣмъ, кромѣ внутренней теплоты моего сердца, я написалъ въ три недѣли письмо къ д'Аламберу о театральныхъ представленіяхъ. Это — первое изъ моихъ сочиненій, (потому что «Юлія» была только на половину отдѣлана), надъ которымъ я трудился съ удовольствіемъ. До этого времени негодованіе добродѣтели было моимъ Аполлономъ; на этотъ разъ его мѣсто замѣнили нѣжность и скорбь души. Несправедливости, которыхъ я былъ только зрителемъ, раздражали меня, а тѣ, предметомъ которыхъ сдѣлался я самъ, огорчали, — и эта скорбь безъ желчи была скорбью сердца, слишкомъ любящаго, слишкомъ нѣжнаго, которое будучи обмануто тѣми, которыхъ оно считало равными себѣ, было принуждено уйти въ самого себя. Полное всѣмъ случившимся со мной, растроганное еще столькими сильными волненіями, мое сердце смѣшивало чувство своихъ страданій съ идеями, которое пробудило во мнѣ обдумываніе моего сочиненія; въ трудѣ моемъ отразилась эта смѣсь. Самъ не замѣтивъ того, я описалъ свое настоящее положеніе, описалъ Гримма, г-жу д'Эпинэ, г-жу Гудето, Сенъ-Ламбера, самого себя. Сколько сладостныхъ слезъ пролилъ я въ то время, какъ писалъ это письмо! Увы! въ немъ очень видно, что любовь, эта несчастная любовь, отъ которой я старался вылечиться, еще не покинула моего сердца. Ко всему этому присоединялось еще какая-то жалость къ самому себѣ, котораго я считалъ умирающимъ и какъ будто въ послѣдній разъ прощающимся съ публикой. Я не только не боялся смерти, но съ радостью видѣлъ ея приближенье; но мнѣ жаль было оставить ближнихъ своихъ, не давъ имъ почувствовать, чего я стоилъ и сколько я заслуживалъ быть любимымъ ими, если бы они меня болѣе знали. Вотъ тайныя причины страннаго тона этой статьи, столь отличнаго отъ тона предыдущаго сочиненія [1]).

Я исправилъ и переписалъ набѣло это письмо и собирался печатать его, когда получилъ отъ г-жи Гудето, послѣ долгаго молчанія, записку, причинившую мнѣ новое огорченіе, самое сильное изъ всѣхъ, испытанныхъ мною.

Она увѣдомляла меня этой запиской (св. Б, № 34), что моя страсть къ ней сдѣлалась извѣстна всему Парижу; что я говорилъ о ней людямъ, которое повсюду разсказали о ней, что эти слухи, дошедшія до ея любовника, едва не стоили ей жизни, что, наконецъ, онъ отдалъ ей справедливость и они помирились, но что долгъ относительно его, относи-

[1]) Рѣчь о неравенствѣ состояній.

тельно себя самой и своей репутаціи, требуетъ, чтобы она прервала всякія сношенія со мной; она увѣряла меня, впрочемъ, что оба они никогда не перестанутъ принимать во мнѣ участіе, будутъ защищать меня въ обществѣ и что она, время отъ времени, будетъ присылать навѣдываться обо мнѣ.

И ты также, Дидро! воскликнулъ я. Недостойный другъ!.. Я однако же не могъ рѣшиться окончательно осудить его. Моя слабость была извѣстна другимъ людямъ, которые могли заставить его проговориться. Я хотѣлъ усомниться... но вскорѣ не могъ болѣе сомнѣваться. Спустя нѣсколько времени Сенъ-Ламберъ сдѣлалъ поступокъ, достойный его великодушія. Зная мою душу, онъ понималъ, въ какомъ состояніи долженъ былъ я находиться, когда одни друзья мнѣ измѣнили, а другіе оставили меня. Онъ пріѣхалъ ко мнѣ. На первый разъ онъ могъ пробыть со мной очень не долго. Потомъ онъ пріѣхалъ въ другой разъ. Къ несчастью, не ожидая его, я вышелъ изъ дома. Тереза, которую онъ засталъ дома, проговорила съ нимъ болѣе двухъ часовъ и во время этого разговора они высказали другъ другу много вещей, о которыхъ необходимо было знать и ему и мнѣ. Удивленіе, съ которымъ я узналъ отъ него, что въ свѣтѣ никто не сомнѣвался въ томъ, что я жилъ съ г-жею д'Эпинэ, какъ жилъ съ ней теперь Гриммъ, можетъ сравниться только съ его удивленіемъ, когда онъ узналъ, какъ невѣренъ былъ этотъ слухъ. Сенъ-Ламберъ, къ великому неудовольствію этой госпожи, былъ въ этомъ отношеніи въ одинаковомъ положеніи со мной и все, что выяснилось изъ этого разговора, окончательно погасило во мнѣ всякое сожалѣніе о томъ, что я разошелся съ ней навсегда. Относительно г-жи Гудето онъ разсказалъ Терезѣ много обстоятельствъ, неизвѣстныхъ ни ей, ни самой г-жѣ Гудето, которыя я одинъ зналъ и о которыхъ разсказалъ по дружбѣ одному Дидро, а онъ именно Сенъ-Ламбера и выбралъ въ повѣренные. Этотъ послѣдній поступокъ заставилъ меня рѣшиться и, положивъ разстаться съ Дидро навсегда, я думалъ только о томъ, какъ это сдѣлать, потому что я замѣтилъ, что тайныя ссоры только вредили мнѣ, оставляя личину дружбы моимъ жесточайшимъ врагамъ.

Правила приличія, установленныя свѣтомъ на подобный случай, кажутся продиктованными духомъ лжи и измѣны. Казаться другомъ человѣка, съ которымъ прекратилъ дружбу, значитъ оставлять себѣ средства вредить ему, обманывая честныхъ людей. Я вспомнилъ, что когда знаменитый Монтескье разсорился съ отцомъ Турнминъ, онъ поспѣшилъ объявить это громко, сказавъ всѣмъ: «не слушайте ни отца Турнмина, ни меня, когда мы будемъ говорить другъ о другѣ, потому что мы перестали быть друзьями.» Этотъ поступокъ всѣ очень одобряли и всѣ

хвалили откровенность и великодушіе Монтескье. Я рѣшился поступить точно также съ Дидро; но какъ изъ моего уединенія сдѣлать гласною нашу ссору, какъ при этихъ условіяхъ передать всѣ подробности ея въ неизвращенномъ видѣ и въ тоже время безъ скандала? Я попробовалъ включить въ мое сочиненіе, въ видѣ примѣчанія, одну цитату изъ Экклезіаста, которая выставляла эту ссору и даже причину ея довольно ясно для тѣхъ, кто зналъ въ чемъ дѣло, и въ то же время ничего не значила для остальныхъ; я старался, впрочемъ, упоминать въ моей статьѣ о другѣ, съ которымъ я разставался, не иначе какъ съ уваженіемъ, подобающимъ всегда дружбѣ даже угасшей. Все это можно видѣть изъ самой статьи.

Въ этомъ мірѣ есть только счастье или несчастье; и кажется, что самое мужественное дѣло обращается въ преступленіе при несчастіи. Тотъ самый поступокъ, которому такъ удивлялись въ Монтескье, навлекъ на меня только осужденіе и упреки. Какъ скоро моя статья была напечатана, я послалъ одинъ экземпляръ Сенъ-Ламберу, который еще наканунѣ написалъ мнѣ отъ имени г-жи Гудето и отъ своего записку, полную самой нѣжной дружбы (св. Б, № 37). Вотъ письмо, при которомъ онъ возвратилъ мнѣ посланный ему экземпляръ:

Обоннъ, 10 октября 1758 (св. Б, № 38).

«Поистинѣ, милостивый государь, я не могу принять вашего подарка. При чтеніи того мѣста вашего предисловія, гдѣ вы, по поводу Дидро, приводите выписку изъ Екклезіаста, книга выпала у меня изъ рукъ. Послѣ нашихъ разговоровъ, нынѣшнимъ лѣтомъ, вы казалось мнѣ, убѣдились, что Дидро невиненъ въ нескромности, которую вы ему приписывали. Онъ могъ имѣть съ вами непріятности; это мнѣ неизвѣстно; но я хорошо знаю, что онъ не подалъ вамъ права оскорблять его публично. Вамъ небезъизвѣстны преслѣдованія, которыя онъ терпитъ, а вы примѣшиваете голосъ стараго друга къ крикамъ зависти. Не могу скрыть отъ васъ, милостивый государь, какъ возмущаетъ меня подобная жестокость. Я не живу съ Дидро, но я его уважаю и живо чувствую огорченіе, доставляемое вами человѣку, котораго вы, по крайней мѣрѣ при мнѣ, ни въ чемъ не упрекали, кромѣ слабости. Милостивый государь, мы слишкомъ расходимся въ нашихъ принципахъ, чтобъ имѣть возможность сойтись когда нибудь. Забудьте мое существованіе; это не должно быть для васъ трудно. Я никогда не сдѣлалъ людямъ ни добра, ни зла, которое долго помнится. Я же, милостивый государь, обѣщаю вамъ забыть вашу особу и помнить только ваши таланты».

Я почувствовалъ себя столько же огорченнымъ, сколько и оскорбленнымъ этимъ письмомъ; въ самомъ избыткѣ униженія я вновь обрѣлъ мою гордость и отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ:

«Монморанси, 11 октября 1758.

«Милостивый государь, читая ваше письмо, я сдѣлалъ вамъ честь удивиться ему и имѣлъ глупость взволноваться имъ; но я нахожу его недостойнымъ отвѣта.

«Я не желаю болѣе продолжать переписывать для г-жи Гудето. Если она не хочетъ удержать за собою то, что уже имѣетъ, то можетъ возвратить мнѣ; я возвращу ей деньги. Если же она и оставитъ мою работу, то все таки пускай пришлетъ за остальной бумагой и деньгами. Въ тоже время я прошу возвратить мнѣ конспектъ, который у нея хранится. Прощайте, милостивый государь».

Мужество въ несчастіи раздражаетъ низкія сердца, но оно нравится сердцамъ великодушнымъ. Кажется, это письмо образумило Сенъ-Ламбера и онъ пожалѣлъ о своемъ поступкѣ; но въ свою очередь также слишкомъ гордый для того, чтобы открыто сознаться въ своей ошибкѣ, онъ воспользовался средствомъ смягчить нанесенный мнѣ ударъ, — даже, можетъ быть, самъ приготовилъ это средство. Двѣ недѣли спустя, я получилъ слѣдующее письмо отъ г-на д'Эпинэ:

«Четвергъ, 36. (Связка Б; № 10).

«Я получилъ, милостивый государь, книгу, которую вы имѣли любезность прислать мнѣ; я читаю ее съ большимъ удовольствіемъ: это чувство я испытываю при чтеніи всѣхъ трудовъ, вышедшихъ изъ подъ вашего пера. Примите за это мою благодарность. Я бы самъ пріѣхалъ высказать вамъ мои чувства, если бы дѣла позволили мнѣ пробыть нѣсколько дней въ вашемъ сосѣдствѣ; но я очень мало жилъ нынѣшній годъ въ Шевреттъ. Г-нъ и г-жа Дюпенъ назвались ко мнѣ туда обѣдать въ будущее воскресенье. Я надѣюсь, что господа Сен-Ламберъ, де-Франкель и госпожа Гудето будутъ въ числѣ гостей; вы бы доставили мнѣ истинное удовольствіе, если бы также пріѣхали. Всѣ гости, которые у меня будутъ, желаютъ этого и будутъ рады воспользоваться вмѣстѣ со мною удовольствіемъ провести часть дня вмѣстѣ съ вами. Имѣю честь быть съ глубокимъ уваженіемъ и проч.»

Это письмо заставило сильно забиться мое сердце. Я, въ продолженіи цѣлаго года составлявшій сказку Парижа, дрожалъ при мысли, что мнѣ нужно выставить себя на показъ передъ г-жою Гудето,—и мнѣ трудно было найти въ себѣ достаточно мужества, чтобы выдержать такое

испытаніе. Однакоже, такъ какъ она и Сен-Ламберъ этого хотѣли, такъ какъ г. д'Эпинэ говорилъ отъ имени всѣхъ приглашенныхъ, и такъ какъ онъ называлъ все такихъ людей, которыхъ я желалъ видѣть, то я и думалъ, что не компрометируя себя, могу принять приглашеніе на обѣдъ, на который какъ будто звали меня всѣ приглашенные на него. И такъ я обѣщалъ пріѣхать. Въ воскресенье была дурная погода; г. д'Эпинэ прислалъ за мной карету, и я поѣхалъ.

Мой пріѣздъ произвелъ впечатлѣніе. Никогда не оказывали мнѣ болѣе ласковаго пріема. Казалось, все общество чувствовало, что мнѣ нужна была поддержка. Только французскія сердца знаютъ эти тонкости чувства. Однако я нашелъ общество болѣе многочисленнымъ, чѣмъ ожидалъ; между прочими графа Гудето, котораго я вовсе не зналъ, и его сестру, г-жу де-Бленвиль, безъ которой я легко бы обошелся. Она нѣсколько разъ пріѣзжала въ прошедшемъ году въ Обоннъ, и ея невѣстка во время нашихъ уединенныхъ прогулокъ часто заставляла ее скучать и стеречь мула; она питала противъ меня злобу, которой и могла удовлетворить во время этого обѣда, сколько ей было угодно, такъ какъ легко понять, что въ присутствіи графа Гудето и Сенъ-Ламбера насмѣшники были не на моей сторонѣ, и что человѣкъ, неловкій въ самыхъ обыкновенныхъ разговорахъ, былъ далеко не блестящъ въ подобномъ. Никогда не страдалъ я такъ много, никогда не имѣлъ болѣе жалкаго вида, никогда не нападали на меня такъ неожиданно. Наконецъ, когда встали изъ-за стола, я удалился отъ этой мегеры; къ моему удовольствію, г-жа Гудето и Сенъ-Ламберъ подошли ко мнѣ, и я проговорилъ съ ними часть времени послѣ обѣда; мы говорили правда о незначительныхъ вещахъ, но съ такою же фамильярностью, которая была между нами до моего увлеченія. Это обращеніе запечатлѣлось въ моемъ сердцѣ, и если бы Сенъ-Ламберъ могъ читать въ немъ, навѣрное онъ остался бы доволенъ. Я могу поклясться, что хотя по пріѣздѣ на обѣдъ, у меня и сдѣлалось, при видѣ г-жи Гудето, біеніе сердца, доходившее до изнеможенія, за то уѣзжая я уже вовсе не думалъ о ней; я былъ занятъ однимъ Сенъ-Ламберомъ.

Не смотря на злые сарказмы г-жи де-Бленвиль, этотъ обѣдъ принесъ мнѣ много пользы, и я очень радовался, что не отказался поѣхать на него. Тутъ я убѣдился, что интриги Гримма и Гольбахистовъ не только не оттолкнули отъ меня моихъ старыхъ знакомыхъ [1]), но, (что̀ еще болѣе польстило мнѣ), что чувства г-жи Гудето и Сенъ-Ламбера измѣнились менѣе, чѣмъ я это предполагалъ, и я понялъ, наконецъ,

---

[1]) Вотъ что я думалъ въ простотѣ моего сердца, когда писалъ мою «Исповѣдь».

что въ его стараніи отдалить меня отъ г-жи Гудето болѣе участвовала ревность, чѣмъ неуваженіе. Это меня утѣшило и успокоило. Увѣренный въ томъ, что я не составляю предметъ презрѣнія для тѣхъ, которые были для меня предметомъ уваженія, я съ большимъ мужествомъ и успѣхомъ сталъ работать надъ собственнымъ сердцемъ. Если я не могъ достичь того, чтобъ совершенно истребить въ себѣ виновную и несчастную страсть, то я такъ хорошо справился съ ея остатками, что съ этого времени они не могли уже заставить меня сдѣлать ни одной ошибки. Списываніе нотъ для г-жи Гудето, за которое она опять заставила меня взяться, мои сочиненія, которыя я посылалъ къ ней, когда они выходили въ свѣтъ, — доставляли мнѣ съ ея стороны время отъ времени кое какія посланія и письма, хотя незначительныя, но привѣтливыя. Она сдѣлала даже болѣе, какъ это увидятъ впослѣдствіи; и взаимное поведеніе насъ троихъ, когда прекратились наши отношенія, можетъ служить примѣромъ того, какъ разстаются честные люди, когда имъ уже не слѣдуетъ болѣе видѣться.

Этотъ обѣдъ доставилъ мнѣ еще ту выгоду, что о немъ говорили въ Парижѣ, и что онъ послужилъ неодолимымъ опроверженіемъ слуха, который всюду распускали мои враги, будто бы я совсѣмъ поссорился со всѣми присутствовавшими на немъ и особенно съ г-мъ д'Эпинэ. Оставляя Эрмитажъ, я написалъ къ нему очень вѣжливое, благодарственное письмо, на которое и получилъ отъ него столь же вѣжливый отвѣтъ; и наши взаимныя, любезныя отношенія никогда не прекращались какъ съ нимъ, такъ и съ братомъ его, г-мъ де-Лаливъ, который пріѣзжалъ въ Монморанси навѣстить меня и прислалъ мнѣ свои гравюры. За исключеніемъ двухъ невѣстокъ г-жи Гудето, я никогда не ссорился ни съ кѣмъ изъ ея семейства.

Мое письмо къ д'Аламберу имѣло большой успѣхъ. Всѣ мои труды испытали ту же участь, но на этотъ разъ успѣхъ принесъ мнѣ больше пользы. Онъ научилъ публику не довѣрять внушеньямъ Гольбаховской клики. Когда я отправился въ Эрмитажъ, она предсказывала съ своею обыкновенною заносчивостію, что я не выдержу тамъ и трехъ мѣсяцевъ. Когда же она увидала, что я прожилъ тамъ двадцать мѣсяцевъ, и, что вынужденный оставить Эрмитажъ, я все-таки поселился на жительство въ деревнѣ, то стали утверждать, что я поступалъ такъ чисто изъ упрямства, что я смертельно скучалъ въ моемъ уединеніи, но что снѣдаемый гордостью, я лучше желалъ погибнуть жертвою моего упрямства, чѣмъ отказаться отъ моихъ словъ и возвратиться въ Парижъ. Мое письмо къ д'Аламберу дышало такою душевною кротостію, что никто не могъ усомниться въ его искренности. Если бы въ моемъ уединеніи я былъ преслѣдуемъ дурнымъ расположеніемъ духа, оно отозва-

лось бы на тонѣ моего письма. Во всѣхъ моихъ произведеніяхъ, написанныхъ въ Парижѣ, видна угрюмость, но ея уже не было въ первомъ моемъ сочиненіи, присланномъ изъ деревни. Для тѣхъ, кто умѣетъ наблюдать, это замѣчаніе рѣшало всѣ сомнѣнія. Увидѣли, что я возвратился въ мою сферу.

Однако это самое сочиненіе, не смотря на его мягкость, пріобрѣло мнѣ, вслѣдствіе моей всегдашней неловкости и несчастія, новаго врага между литераторами. Я познакомился у де-ла-Поплиніера съ Мармонтелемъ. Это знакомство поддерживалось потомъ черезъ барона. Мармонтель издавалъ тогда «Меркурія Франціи». Такъ какъ я изъ гордости не посылалъ моихъ сочиненій къ редакторамъ періодическихъ изданій, а между тѣмъ желалъ послать Мармонтелю мою послѣднюю работу, но чтобы онъ не думалъ, что я посылаю ее къ нему, какъ къ журналисту и съ тѣмъ, чтобы онъ говорилъ о ней въ »Меркуріи», — я написалъ на отосланномъ ему экземплярѣ, что онъ посылается не издателю «Меркурія», а г-ну Мармонтелю. Я желалъ, такимъ образомъ, сказать ему любезность, а онъ увидалъ въ этомъ жестокую обиду и сдѣлался моимъ непримиримымъ врагомъ. Онъ возражалъ на это самое сочиненіе вѣжливо, но съ злобою, хорошо дававшею себя чувствовать, и съ этихъ поръ никогда не пропускалъ случая вредить мнѣ въ обществѣ и косвенно нападать на меня въ своихъ сочиненіяхъ: вотъ какъ трудно обращаться съ крайне раздражительнымъ самолюбіемъ литераторовъ и вотъ въ какой степени должно строго наблюдать за малѣйшимъ намекомъ на двусмысленность въ любезностяхъ, которыя мы имъ говоримъ.

— (1759) — Успокоенный со всѣхъ сторонъ, я воспользовался свободнымъ временемъ и независимостью, въ которой находился, чтобы снова приняться за мои труды и съ большею послѣдовательностью чѣмъ прежде. Въ эту зиму я окончилъ «Юлію» и отправилъ ее къ Рею, который и издалъ ее въ слѣдующемъ году. Эта работа была однако прервана однимъ обстоятельствомъ и притомъ не совсѣмъ пріятнымъ. Я узналъ, что въ Оперѣ хотѣли возобновить «Деревенскаго Пророка». Внѣ себя отъ гнѣва на этихъ людей, самовластно распоряжавшихся моею литературною собственностью, я взялъ записку, которую послалъ г-ну д'Аржансону и которая осталась безъ отвѣта, поправилъ ее и передалъ черезъ г-на Селлона, резидента Женевы, съ приложеннымъ къ ней письмомъ, которое онъ не отказался взять, графу де-Сенъ-Флорентену, замѣнившему г-на д'Аржансона въ дирекціи Оперы. Г-нъ де-Сенъ-Флорентенъ обѣщалъ отвѣтъ и не далъ никакого. Дюкло, къ которому я написалъ о томъ, что сдѣлалъ, разсказалъ все «маленькимъ скрипкамъ», а они предложили возвратить мнѣ, не оперу мою, а право

на входъ въ театръ, которымъ я уже не могъ болѣе пользоваться. Видя, что мнѣ неоткуда ожидать справедливости, я бросилъ это дѣло; а дирекція оперы, не отвѣчая на мои замѣчанія и даже не слушая ихъ, продолжала распоряжаться «Деревенскимъ Пророкомъ» какъ своею собственностію и въ свою пользу, хотя онъ безспорно принадлежалъ одному мнѣ [1]).

Съ тѣхъ поръ, какъ я освободился изъ-подъ ига моихъ тирановъ, я велъ жизнь довольно правильную и спокойную: лишенный прелести живыхъ привязанностей, я, по крайней мѣрѣ, былъ свободенъ отъ тяжести ихъ узъ. Наскучивъ моими друзьями—покровителями, непремѣнно желавшими располагать моей судьбой и подчинить меня своимъ воображаемымъ благодѣяніямъ вопреки моему желанію, я рѣшился на будущее время придерживаться простыхъ пріятельскихъ отношеній, которыя, не стѣсняя свободы, составляютъ пріятность жизни и въ основаніи которыхъ лежитъ обоюдное равенство. Подобныхъ отношеній было у меня достаточно для того, чтобы находить удовольствіе въ обществѣ, не страдая зависимостью отъ него; и только что я испыталъ этотъ образъ жизни, какъ почувствовалъ, что онъ именно нуженъ былъ мнѣ, въ мои лѣта, для того, чтобы я могъ кончить мои дни въ спокойствіи, далеко отъ бурь, ссоръ, сплетень, въ которыхъ я чуть было не потонулъ.

Впродолженіе моего жительства въ Эрмитажѣ и со времени моего водворенія въ Монморанси, я сдѣлалъ въ сосѣдствѣ нѣсколько пріятныхъ для меня знакомствъ, которыя однако не налагали на меня никакой отвѣтственности. Во главѣ этихъ лицъ находился молодой Луазо де-Молеонъ. Онъ дебютировалъ тогда въ адвокатурѣ, не предвидя еще, какое займетъ въ ней мѣсто. Но у меня не было сомнѣній на этотъ счетъ. Я скоро указалъ ему ту блестящую карьеру, которую онъ проходитъ теперь. Я предсказалъ ему, что если онъ будетъ строгъ въ выборѣ своихъ дѣлъ и станетъ защищать только справедливость и добродѣтель, то его геній, возвышенный этимъ великимъ чувствомъ, сравнится съ геніями великихъ ораторовъ. Онъ послѣдовалъ моему совѣту и увидалъ его послѣдствія. Его защита г. де-Порта достойна Демосфена. Каждый годъ пріѣзжалъ онъ провести вакансіи въ Сенъ-Брисѣ, въ четверти льё отъ Эрмитажа, въ помѣстьѣ Молеона, принадлежавшемъ его матери, гдѣ когда-то жилъ великій Боссюэтъ. Вотъ помѣстье, гдѣ трудно было бы поддерживать аристократизмъ послѣ непрерывнаго ряда подобныхъ владѣльцевъ.

---

[1]) Теперь онъ принадлежитъ ей, вслѣдствіе новаго условія, заключеннаго ею со мной.

Въ той же самой деревнѣ Сенъ-Брисъ, жилъ книгопродавецъ Геренъ, человѣкъ умный, образованный, любезный и очень высоко поставленный въ кругу своихъ собратьевъ по занятіямъ. Онъ познакомилъ меня съ Жаномъ Нельмомъ, книгопродавцемъ изъ Амстердама, его другомъ и корреспондентомъ, который впослѣдствіи напечаталъ «Эмиля».

Еще ближе отъ меня жилъ г. Мальторъ, священникъ изъ Грозлея, болѣе годный быть министромъ, чѣмъ деревенскимъ пасторомъ, и которому навѣрное дали бы управлять цѣлою эпархіею, если бы мѣста раздавались по талантамъ. Онъ былъ прежде секретаремъ при графѣ дю-Люкѣ и очень хорошо зналъ Жана-Батиста Руссо. Исполненный столько-же уваженія къ памяти этого знаменитаго изгнанника, сколько презрѣнія къ памяти негодяя Сорена, который погубилъ его, онъ зналъ о томъ и о другомъ много любопытныхъ анекдотовъ, которые Сегю не помѣстилъ въ біографіи перваго, тогда еще находившейся въ рукописи; и онъ увѣрялъ меня, что графъ дю-Люкъ не только не имѣлъ никогда причинъ жаловаться на него, но напротивъ сохранилъ къ нему до конца жизни самую нѣжную дружбу. Г. Мальторъ, которому г. Вентимиль далъ это, довольно хорошее мѣсто, послѣ смерти его патрона, былъ прежде употребляемъ на многія дѣла, которыя, не смотря на его старость, очень хорошо сохранились въ его памяти и о которыхъ онъ разсуждалъ очень хорошо. Бесѣда его, столь же поучительная, сколько занимательная, не походила на бесѣду сельскаго священника: онъ соединялъ тонъ свѣтскаго человѣка съ познаніями кабинетнаго ученаго. Изъ всѣхъ моихъ постоянныхъ сосѣдей, онъ былъ единственный, котораго общество было мнѣ всего пріятнѣе и котораго болѣе всѣхъ другихъ мнѣ было жаль оставить.

Въ Монморанси были у меня знакомые священники, проповѣдники и между прочими о. Бертье, профессоръ физики, который, не смотря на легкій оттѣнокъ педантства, привязалъ меня къ себѣ видомъ добродушія, которое я находилъ въ немъ. Мнѣ было однако трудно помирить въ немъ его большую простоту съ желаньемъ и искусствомъ втереться всюду: къ знатнымъ, ханжамъ, женщинамъ, философамъ. Онъ умѣлъ освоиваться со всѣми. Я находилъ удовольствіе быть съ нимъ, я всѣмъ говорилъ о немъ; вѣроятно до него доходили мои отзывы о немъ. Однажды онъ поблагодарилъ меня, подсмѣиваясь, за то, что я считаю его добрякомъ. Я нашелъ въ его улыбкѣ что-то сардоническое, совершенно измѣнившее его физіономію въ моихъ глазахъ, и часто потомъ приходившее мнѣ на память. Не могу придумать лучшаго сравненія для этой улыбки, какъ сравнивъ ее съ улыбкою Панюржа, покупающаго барановъ у Денденo. Наше знакомство началось вскорѣ послѣ моего поселенія въ Эрмитажѣ,

гдѣ онъ часто навѣщалъ меня. Я уже жилъ въ Монморанси, когда онъ переѣхалъ оттуда на жительство въ Парижъ. Тамъ онъ часто видѣлся съ г-жой ле-Вассеръ. Однажды, когда я всего менѣе этого ожидалъ, онъ написалъ ко мнѣ, отъ имени этой женщины, чтобъ извѣстить меня, что Гриммъ предлагаетъ взять на себя ея содержаніе, а она испрашиваетъ мое позволеніе на принятіе такого предложенія. Я узналъ, что оно заключалось въ пенсіонѣ изъ трехсотъ ливровъ, и въ томъ, чтобы г-жа ле-Вассеръ жила въ Дейлѣ, между Шевреттъ и Монморанси. Не стану говорить о впечатлѣніи, произведенномъ на меня этою новостью, которая была бы менѣе удивительна, если бы Гриммъ имѣлъ десять тысячъ дохода, или находился въ болѣе понятныхъ отношеніяхъ къ этой женщинѣ, или если бы мнѣ не вмѣнили въ такое великое преступленіе то, что я увезъ ее въ деревню, куда однако ему угодно было снова возвратить ее, какъ будто бы она съ тѣхъ поръ помолодѣла. Я понялъ, что добрая старуха только для того спрашивала моего позволенія, безъ котораго она бы легко могла обойтись, еслибъ я его не далъ, — чтобы сохранить то, что я ей давалъ съ моей стороны. Хотя эта благотворительность показалась мнѣ очень странной, но я не былъ ею пораженъ тогда такъ сильно, какъ это случилось впослѣдствіи. Еслибъ я и не зналъ тогда всего, о чемъ догадался послѣ, то все-таки далъ бы мое согласіе, что я и сдѣлалъ, да и долженъ быть сдѣлать. Съ тѣхъ поръ о. Бертье вылечилъ меня отъ приписыванья ему добродушія, которымъ я такъ вѣтренно наградилъ его, сдѣлавъ черезъ это себя смѣшнымъ въ его глазахъ. Этотъ же самый о. Бертье былъ знакомъ съ двумя людьми, искавшими также и моего знакомства, не знаю для чего, такъ какъ навѣрное не было ничего общаго между ихъ вкусами и моими. Это были дѣти Мельхиседека, никому не были извѣстны ихъ отечество, семья, и вѣроятно ихъ настоящее имя. Они были янсенисты и считались переодѣтыми священниками, можетъ быть вслѣдствіе ихъ смѣшной манеры носить рапиры, къ которымъ они были точно привязаны. Значительная доля таинственности во всѣхъ ихъ пріемахъ придавала имъ видъ начальниковъ партіи, и я никогда не сомнѣвался въ томъ, что они заправляли «Духовною Газетою». Одинъ высокій, благосклонный, ласковый, назывался г-нъ Ферро, другой, маленькій, приземистый, насмѣшливый, обидчивый—г-нъ Минаръ. Они звали другъ друга кузенами; въ Парижѣ жили съ д'Аламберомъ, у его кормилицы г-жи Руссо, а въ Монморанси взяли маленькое помѣщеніе, чтобы проводить тамъ лѣто. Они сами хозяйничали, обходясь безъ прислуги и безъ коммисіонера. Они чередовались по-недѣльно, чтобы закупать провизію, стряпать и мести домъ. Впрочемъ, они держали себя хорошо, и мы другъ у друга иногда обѣдали. Я не знаю, почему они заботились обо мнѣ; что касается до меня,

то я интересовался ими потому только, что они играли въ шахматы, а чтобы съиграть какую нибудь ничтожную партію, я по четыре часа сряду переносилъ смертельную скуку. Такъ какъ они вездѣ совались и вмѣшивались во все, то Тереза прозвала ихъ «кумушками»—названіе, которое осталось за ними въ Монморанси.

Таковы были, кромѣ г. Матаса, моего хозяина, человѣка добраго, мои главнѣйшіе дачные знакомцы. У меня ихъ достаточно было и въ Парижѣ, если бы я захотѣлъ тамъ пожить пріятно внѣ общества литераторовъ, въ числѣ которыхъ я одного Дюкло считалъ своимъ другомъ; Делейръ былъ еще слишкомъ молодъ и, хотя, увидавъ вблизи дѣйствія философской клики въ отношеніи ко мнѣ, онъ совершенно отдѣлился отъ нея, или, по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ казалось, тѣмъ неменѣе я не могъ еще забыть, съ какою легкостью онъ сдѣлался при мнѣ отголоскомъ всѣхъ этихъ господъ.

У меня былъ тамъ старый и почтенный другъ, г. Рогенъ. Это былъ другъ моего хорошаго времени, и знакомствомъ съ нимъ я былъ обязанъ не своимъ литературнымъ произведеніямъ, а собственной своей личности,—а потому я никогда не расходился съ нимъ. Былъ у меня тамъ добрый Леньепсъ, землякъ мой, и дочь его г-жа Ламберъ, бывшая тогда еще въ живыхъ. Былъ въ числѣ этихъ знакомыхъ и молодой женевецъ, по фамиліи Куанде, добрый малый, сколько мнѣ казалось, рачительный, услужливый, усердный, но невѣжественный, довѣрчивый, обжорливый, самонадѣянный; онъ пріѣхалъ ко мнѣ въ Эрмитажъ, въ началѣ моего пребыванія тамъ и не отрекомендованный никѣмъ, кромѣ самого себя, вскорѣ поселился у меня противъ моего желанья. У него были кое-какія способности къ рисованію и онъ зналъ многихъ художниковъ. Онъ мнѣ былъ полезенъ относительно эстамповъ для «Юліи», принялъ на себя завѣдываніемъ рисунками и гравюрами и хорошо выполнилъ это порученіе.

Я былъ принятъ тоже въ домѣ г. Дюпена. Теперь онъ уже не былъ такъ блистателенъ, какъ въ пору блеска г-жи Дюпенъ, но достоинства хозяевъ и выборъ людей, которые въ немъ собирались, все еще дѣлали его однимъ изъ лучшихъ домовъ Парижа. Такъ какъ я имъ не предпочелъ никого, а разстался съ ними единственно для того, чтобы пожить на свободѣ, то они не прерывали своихъ дружескихъ отношеній со мной, и я во всякое время могъ разчитывать на ласковый пріемъ со стороны г-жи Дюпенъ. Я даже могъ считать ее своею дачною сосѣдкою, съ тѣхъ поръ, какъ они поселились въ Клиши, куда я по временамъ ходилъ на день, на два и гдѣ я могъ бы посѣщать ихъ и чаще, если бы г-жа Дюпенъ и г-жа Шенонсо жили въ большемъ согласіи. Но трудность сохранять въ одномъ и томъ же домѣ хорошія отношенія къ двумъ, не

симпатизирующимъ другъ другу личностямъ, дѣлала для меня пребываніе въ Клиши слишкомъ стѣснительнымъ. Привязанный къ г-жѣ Шенонсо, я имѣлъ удовольствіе свободнѣй видѣться съ нею въ Дейлѣ, почти у моихъ воротъ, такъ какъ она наняла тутъ небольшой домъ, и часто даже у себя дома, гдѣ она нерѣдко посѣщала меня.

Я пользовался расположеніемъ г-жи Креки, которая предавшись набожности, перестала видѣться съ д'Алаберами, Мармонтелями и съ большою частью литераторовъ, исключая, кажется, аббата Трюбле, полуханжи, который ей самой скоро наскучилъ. Что касается до меня, знакомства съ которымъ она сама искала, то я не лишился ея благосклонности, а потому и переписка наша не прекращалась. Она послала мнѣ пулярокъ въ новый годъ и намѣревалась навѣстить меня на слѣдующій годъ, но путешествіе г-жи Люксамбуръ помѣшало ей. Мнѣ слѣдуетъ дать ей особое мѣсто въ этомъ спискѣ; въ моей памяти она займетъ всегда одно изъ первыхъ.

Былъ еще человѣкъ, которому, не считая Рогена, слѣдовало быть на первомъ счету у меня; это былъ г. Карріо, старый мой пріятель и сотоварищъ, исправлявшій должность секретаря испанскаго посольства въ Венеціи, затѣмъ въ Швеціи, гдѣ онъ былъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, а послѣ того утвержденъ въ должности секретаря посольства въ Парижѣ. Онъ пріѣхалъ ко мнѣ въ Монморанси, гдѣ я его вовсе не ожидалъ. Ему пожаловали испанскій орденъ, съ красивымъ крестомъ изъ камней, названіе котораго я забылъ. Онъ принужденъ былъ въ своихъ документахъ прибавить одну букву къ своей фамиліи, вслѣдствіе чего носилъ имя кавалера Карріона. Я его нашелъ такимъ же, какимъ онъ былъ прежде, съ тѣмъ же превосходнымъ сердцемъ и тѣмъ же пріятнымъ умомъ. Я возобновилъ бы прежнюю свою короткость съ нимъ, если бы Куанде, ставъ между нами по своему обыкновенію, не воспользовался бы моимъ удаленіемъ отъ свѣта, для того, чтобы вмѣсто меня и отъ моего имени вкраться въ его довѣріе и вытѣснить меня, подъ видомъ ревностной преданности ко мнѣ.

Заговоривъ о Карріонѣ, я вспомнилъ объ одномъ изъ моихъ дачныхъ сосѣдей, о которомъ я настолько же не вправѣ умолчать, на сколько не вправѣ утаить неизвинительную вину свою относительно его. Это былъ честный ле-Блонъ, оказавшій мнѣ услугу въ Венеціи; теперь, путешествуя съ семействомъ по Франціи, онъ нанялъ дачу въ ла-Бришѣ, недалеко отъ Монморанси [1]). Только что я узналъ, что онъ былъ

---

[1]) Въ то время какъ я писалъ это, полный прежней своей слѣпой довѣрчивости, я былъ далекъ отъ того, чтобы подозрѣвать причину и слѣдствіе этой поѣздки.

моимъ сосѣдомъ, какъ обрадовался этому отъ всей души и отдалъ ему визитъ менѣе по обязанности, чѣмъ изъ желанія доставить себѣ этимъ наслажденіе. Я отправился къ нему на другой же день. На пути къ нему я встрѣтилъ знакомыхъ, шедшихъ ко мнѣ, а потому былъ принужденъ вернуться. Два дня спустя я поѣхалъ опять къ нему, а онъ въ этотъ день обѣдалъ со всѣмъ семействомъ въ Парижѣ. Въ третій разъ я засталъ его дома, но, услыхавъ женскіе голоса и увидавъ карету у дверей, испугался. Я хотѣлъ, по крайней мѣрѣ въ первый разъ, видѣться съ нимъ на свободѣ и побесѣдовать о нашихъ старинныхъ знакомыхъ. Послѣ этого, я такъ долго откладывалъ свой визитъ со дня на день, что мнѣ стало совѣстно исполнить этотъ долгъ такъ поздно, и я вовсе не поѣхалъ къ нему. Осмѣлившись отложить визитъ на столь продолжительное время, я уже болѣе не смѣлъ показываться къ нему. Эта оплошность, которою могъ справедливо оскорбиться г. ле-Блонъ, придавала моему нерадѣнію, въ его глазахъ, видъ неблагодарности, между тѣмъ какъ я чувствовалъ, что сердце мое было столь невинно въ этомъ отношеніи, что если бы я имѣлъ возможность сдѣлать ле-Блону какое нибудь истинное удовольствіе, хотя и безъ его вѣдома—онъ навѣрное не встрѣтилъ бы во мнѣ столько лѣности. Но безпечность, небрежность, и отсрочки въ исполненіи нѣкоторыхъ моихъ обязанностей, сдѣлали мнѣ болѣе вреда, чѣмъ большіе пороки. Самыя значительныя мои ошибки происходили отъ упущеній: я рѣдко дѣлалъ то, чего не слѣдовало дѣлать, но, къ несчастью, еще рѣже исполнялъ то, что нужно было исполнять.

Такъ какъ я вернулся къ своимъ венеціанскимъ знакомымъ, то не долженъ умолчать объ одномъ знакомствѣ, сдѣланномъ тамъ же, которое я прервалъ, также какъ и прочія, но только въ очень, недавнее время. Это было знакомство съ г-мъ Жонвилемъ, который, по возвращеніи изъ Генуи, продолжалъ относиться ко мнѣ дружески. Онъ очень охотно встрѣчался со мною и любилъ бесѣдовать объ итальянскихъ дѣлахъ и о сумасбродствахъ г-на Монтегю, о которомъ онъ съ своей стороны зналъ многое чрезъ министерство иностранныхъ дѣлъ, гдѣ у него было много знакомыхъ. Я имѣлъ также удовольствіе встрѣтиться у него съ старымъ своимъ товарищемъ Дюпономъ, который купилъ себѣ должность въ провинціи и по дѣламъ иногда пріѣзжалъ въ Парижъ. Г. Жонвиль до того свыкся со мною, что нерѣдко стѣснялъ меня этимъ и, не смотря на то, что мы жили въ весьма отдаленныхъ другъ отъ друга улицахъ, онъ часто ссорился со мною, если я хоть разъ въ недѣлю не приходилъ къ нему обѣдать. Когда онъ ѣздилъ въ Жонвиль, то всегда приглашалъ меня съ собой; но пробывъ однажды тамъ цѣлую недѣлю, которая мнѣ показалась весьма длинною, я болѣе не соглашался ѣхать

туда. Г. Жонвиль, конечно, былъ честный, добрый, любезный человѣкъ, но не особенно умный; онъ былъ красивъ собой, нѣсколько занятъ этой красотою и довольно скученъ. У него было странное, быть можетъ даже единственное въ мірѣ, собраніе, которымъ онъ занималъ своихъ гостей, нерѣдко менѣе забавлявшихся этимъ, чѣмъ онъ самъ. Это было очень полное собраніе всѣхъ придворныхъ и парижскихъ водевилей, писанныхъ за 50 лѣтъ и болѣе до того времени, и въ нихъ встрѣчались анекдоты такіе, которыхъ напрасно было бы искать въ другомъ мѣстѣ. Вотъ документы для исторіи Франціи, которыхъ не придумала бы никакая другая нація.

Однажды, въ разгарѣ самой тѣсной нашей дружбы, онъ принялъ меня, совершенно противъ своего обыкновенія, съ такою ледяною холодностью, что, предоставивъ ему случай объясниться и даже попросивъ его объ этомъ, я вышелъ отъ него, рѣшившись болѣе не бывать въ его домѣ; и я сдержалъ слово, потому что туда, гдѣ я встрѣчаю нехорошій пріемъ, меня никто не заманитъ; а здѣсь, къ тому же, не было какого нибудь Дидро, который заступился бы за Жонвиля. Я тщетно старался угадать, въ чемъ могъ провиниться предъ нимъ,—и ничего не находилъ. Я положительно зналъ, что будучи искренно преданъ ему, никогда не отзывался о немъ и его семействѣ иначе, какъ съ полнымъ уваженіемъ. Да и не говоря уже о томъ, что я не могъ сказать о немъ ничего дурнаго,—моимъ неизмѣннымъ и постояннымъ правиломъ было съ почтеніемъ отзываться о семействахъ, съ которыми я велъ знакомство.

Наконецъ, послѣ продолжительныхъ размышленій, вотъ къ какому предположенію пришелъ я. При послѣднемъ нашемъ свиданіи, онъ угостилъ меня ужиномъ у публичныхъ женщинъ, вмѣстѣ съ двумя или тремя чиновниками министерства иностранныхъ дѣлъ, весьма любезными людьми, нисколько непохожими на развратниковъ; а я, съ своей стороны, могу поклясться, что провелъ вечеръ въ печальномъ размышленіи о несчастной участи этихъ существъ. Я не заплатилъ своей доли, такъ какъ мы ужинали по приглашенію Жонвиля, и ничего не далъ этимъ дѣвушкамъ, потому что не далъ имъ случая заслужить плату, которую я могъ бы предложить имъ. Мы вышли въ очень веселомъ расположеніи духа и разошлись большими пріятелями. Послѣ того я не заходилъ болѣе къ этимъ дѣвушкамъ, и спустя три или четыре дня, отправился обѣдать къ Жонвилю, котораго я съ тѣхъ поръ не видалъ и который теперь сдѣлалъ мнѣ вышеописанный пріемъ. Не будучи въ состояніи придумать другой причины, кромѣ какого нибудь недоразумѣнія, относящагося къ этому ужину и, видя, что онъ вовсе не былъ расположенъ объясниться по этому предмету, я рѣшился не ходить къ нему болѣе; но я все еще посылалъ къ нему свои произведенія, онъ

мнѣ часто присылалъ поклоны, и когда я встрѣтилъ его однажды въ театральномъ буфетѣ, онъ удостоилъ меня нѣсколькихъ обязательныхъ упрековъ, по поводу моего удаленія отъ него; но упреки эти все таки не склонили меня посѣщать его. Такимъ образомъ, дѣло это походило болѣе на маленькую ссору, чѣмъ на окончательный разрывъ. Тѣмъ неменѣе, такъ какъ я не видался съ нимъ съ тѣхъ поръ и даже ничего не слыхалъ о немъ, то нашелъ неудобнымъ вернуться къ нему послѣ многолѣтней разлуки. Вотъ почему Жонвиль не занялъ мѣста въ этомъ спискѣ, хотя я довольно долго велъ съ нимъ знакомство.

Я не увеличу этого списка именами другихъ менѣе близкихъ знакомыхъ или такихъ, которые перестали быть близкими, какъ только я разстался съ ними и съ которыми я встрѣчался у себя на дачѣ или въ сосѣдствѣ, какъ напримѣръ, аббатъ Кондильякъ, де-Мабли, де-Меранъ, де-Лаливъ, де-Буажлу, Ватле, Áнсле, и многіе другіе, на перечисленіе которыхъ потребовалось бы много времени. Я также слегка упомяну о Маржанси, состоявшемъ при особѣ короля, бывшемъ членѣ Гольбахской партіи, съ которою онъ разошелся также какъ и я, и старомъ пріятелѣ г-жи д'Эпинэ, съ которою онъ тоже разошелся также, какъ и я; слегка упомяну и о его пріятелѣ Десмаги, знаменитомъ, но эфемерномъ авторѣ комедіи «Грубіянъ». Первый изъ нихъ былъ моимъ дачнымъ сосѣдомъ; у него было имѣніе Маржанси, близь Монморанси. Мы были старинными знакомыми, а сосѣдство и нѣкоторое сходство между нами въ претерпѣнныхъ испытаніяхъ еще болѣе сблизили насъ. Десмаги вскорѣ умеръ. Онъ былъ человѣкъ съ достоинствами и умный, но нѣсколько походилъ на героя своей комедіи, былъ отчасти фатъ съ дамами, которыя однако не очень скорбѣли по немъ.

Но не могу не упомянуть о новой перепискѣ того времени, имѣвшей слишкомъ большое вліяніе на остальную мою жизнь, для того, чтобы я не сказалъ здѣсь о началѣ ея. Рѣчь идетъ о г. Ламуаніонъ де-Малербъ, главномъ предсѣдателѣ суда, въ то время завѣдывавшемъ прессой и и управлявшемъ ею съ кротостью и знаніемъ дѣла, къ великому удовольствію литераторовъ. Хотя я ни разу не навѣстилъ его въ Парижѣ, но онъ тѣмъ не менѣе оказывалъ мнѣ большія услуги въ цензурныхъ дѣлахъ, и кромѣ того, я нерѣдко имѣлъ случай видѣть, какъ строго онъ поступалъ съ тѣми, которые писали противъ меня. Во время печатанія «Юліи», онъ далъ мнѣ новыя доказательства своей дружбы. Такъ какъ пересылка корректурныхъ листовъ такого обширнаго сочиненія изъ Амстердама по почтѣ обошлась бы весьма дорого, то онъ, пользуясь правомъ безплатнаго полученія подобныхъ посылокъ, разрѣшилъ адресовать ихъ на свое имя, а затѣмъ также безплатно пересылалъ ихъ ко мнѣ, за печатью его отца канцлера. По напечатаніи этого сочиненія,

онъ разрѣшилъ продавать его только тогда, когда разойдется первое изданіе, напечатанное по его распоряженію и вопреки моему желанію, собственно въ мою пользу. Но такъ какъ доходъ этотъ былъ бы съ моей стороны посягательствомъ на собственность г. Рея, купившаго у меня рукопись, то я не только не рѣшился принять этотъ подарокъ безъ его согласія, которое онъ впрочемъ великодушно далъ мнѣ, но даже предложилъ ему раздѣлить сто пистолей, доставленные мнѣ этимъ подаркомъ, которыхъ однако Рей не принялъ. За эти сто пистолей я имѣлъ неудовольствіе, о которомъ Малербъ не предупредилъ меня, — неудовольствіе видѣть свое сочиненіе страшно изуродованнымъ и продажу хорошаго изданія остановленною до окончательной распродажи дурного.

Я всегда считалъ г. Малебра за человѣка безукоризненной прямоты и мнѣ ни на минуту не случалось усомниться въ его честности; но будучи столь же слабымъ, сколько честнымъ, онъ нерѣдко вредитъ людямъ, въ которыхъ принимаетъ участіе, изъ желанія быть имъ полезнымъ. Онъ не только выкинулъ болѣе ста страницъ въ парижскомъ изданіи, но еще сдѣлалъ въ экземплярѣ хорошаго изданія, поднесенномъ имъ г-жѣ Помпадуръ, пропускъ, который можно было назвать измѣной. Дѣло въ томъ, что въ одномъ мѣстѣ этого сочиненія сказано, что жена угольщика болѣе достойна уваженія, чѣмъ любовница принца. Фраза эта пришла мнѣ въ голову въ разгарѣ сочинительства, и клянусь, безъ всякой задней мысли. Перечитывая сочиненіе, я сообразилъ, что эту фразу могутъ принять за намекъ; но держась крайне неблагоразумнаго правила, никогда не выпускать чего либо изъ опасенья могущихъ возникнуть примѣненій, когда по совѣсти я не имѣлъ ихъ въ виду во время сочиненія, я не захотѣлъ измѣнить этой фразы, а ограничился замѣненіемъ слова король, которое я было написалъ сперва, словомъ принцъ. Малербъ нашелъ это смягченіе слишкомъ недостаточнымъ, онъ велѣлъ совсѣмъ пропустить эту фразу, въ нарочно для этого перепечатанномъ листкѣ, который, по его приказанію, былъ тщательно подклеенъ въ экземплярѣ, назначенномъ г-жѣ Помпадуръ. Она узнала объ этомъ обманѣ—нашлись добрыя души, которыя донесли ей о немъ. Что касается до меня, то я узналъ объ этомъ распоряженіи гораздо позже, именно тогда, когда сталъ уже испытывать на себѣ послѣдствія его.

Не въ этомъ ли обстоятельствѣ заключалось также начало тайной, но неукротимой ненависти ко мнѣ другой женщины, находившейся въ такомъ же положеніи[1]), о чемъ я вовсе не зналъ и съ которою даже не былъ знакомъ въ то̀ время, когда писалъ это мѣсто? По выходѣ книги, мнѣ пришлось познакомиться съ этою женщиною, что меня крайне сму-

---

[1]) Графиня Буфлеръ, любовница принца Конти.

щало. Я сообщилъ объ этомъ обстоятельствѣ кавалеру Лоренци, который очень смѣялся надо мною и увѣрялъ меня, что эта особа такъ мало оскорбилась этой фразой, что даже не обратила на нее никакого вниманія. Я повѣрилъ этому, быть можетъ, нѣсколько легкомысленно, и успокоился вовсе не кстати.

Въ началѣ зимы, я вновь получилъ отъ Малебра доказательство его расположенія ко мнѣ, которымъ я былъ очень тронутъ, хотя и не счелъ удобнымъ воспользоваться имъ. Въ редакціи «Журнала Ученыхъ» открылась вакансія. Маржанси письменно предложилъ это мѣсто мнѣ, какъ бы отъ себя; но изъ тона письма (Связка С, № 33) нетрудно было понять, что его просили объ этомъ, въ чемъ, впрочемъ, онъ и самъ впослѣдствіи сознался (Связка С, № 47). Занятія по этой должности были ничтожны—они заключались въ составленіи двухъ извлеченій въ мѣсяцъ изъ книгъ, которыя мнѣ обѣщали присылать на домъ, чѣмъ избавляли меня отъ ѣзды въ Парижъ и даже отъ благодарственнаго визита городскому начальству. Это предложеніе давало мнѣ случай войти въ общество первостепенныхъ литераторовъ, какъ то: гг. де-Мерана, Клеро, де-Гинь и аббата Бартелеми. Я былъ уже знакомъ съ двумя первыми изъ нихъ, и былъ радъ познакомиться съ прочими. Наконецъ, за такое нетрудное и удобное для меня занятіе, назначалось 800 фр. въ годъ жалованья. Я обдумывалъ свое рѣшеніе впродолженіи нѣсколькихъ часовъ, и то единственно потому, что боялся обидѣть Маржанси и разгнѣвать Малебра. Но наконецъ, мысль о стѣсненіи отъ возможности заниматься когда угодно и о несносной необходимости подчиняться времени, а еще болѣе убѣжденіе въ томъ, что я не въ силахъ буду исполнить возлагаемыхъ на меня обязанностей, заставили меня рѣшиться отказаться отъ предложенной мнѣ должности. Я зналъ, что вся способность моя къ разработкѣ избранныхъ мною предметовъ проистекала только изъ сочувствія къ нимъ и что умъ мой оживлялся единственно любовью къ высокому, къ истинѣ и ко всему прекрасному. Какой же интересъ могло доставить мнѣ содержаніе тѣхъ книгъ, изъ которыхъ мнѣ предлагали дѣлать извлеченія? Равнодушіе мое къ этому предмету охладило бы мое перо и притупило бы мой умъ. Они полагали, что подобно другимъ литераторамъ, я способенъ заниматься литературой какъ ремесломъ, тогда какъ я никогда не могъ писать иначе, какъ по страстному сочувствію къ предмету. А того-то и не требовалось «Журналу Ученыхъ». И такъ, я написалъ г-ну Маржанси самое вѣжливое благодарственное письмо, такъ что ни онъ, ни Малербъ, никакъ не могли приписать причину моего отказа какой нибудь прихоти или надменности; за то они оба и одобрили мое рѣшеніе, не измѣнивъ добрыхъ отношеній ко мнѣ и сохранивъ все это обстоятельство въ глубокой тайнѣ.

Это предложеніе было сдѣлано въ неблагопріятное время для того, чтобы принять его, потому что съ нѣкоторыхъ поръ, у меня явилось намѣреніе совсѣмъ бросить литературу, и въ особенности ремесло писателя. Все, случившееся со мной, внушило мнѣ чувство отвращенія къ литераторамъ, а я испыталъ, что прервать сношенія съ ними, оставаясь на этомъ поприщѣ, было невозможно. Не менѣе отвращенія я питалъ и къ свѣтскимъ людямъ и вообще къ той смѣшанной жизни, которую я велъ то въ уединеніи, то въ обществахъ, не для меня созданныхъ. Вслѣдствіе вѣрныхъ опытовъ, я болѣе чѣмъ когда либо убѣдился, что неравное общество всегда бываетъ невыгодно для слабѣйшей стороны. Живя съ людьми богатыми и не одинаковаго со мною званія и притомъ не имѣя такого хозяйства, какое было у нихъ, я былъ принужденъ подражать имъ во многомъ; а между тѣмъ разные мелкіе расходы, ничего не значившіе для нихъ, для меня были столь же разорительны, какъ и неизбѣжны. Когда другому человѣку вздумается ѣхать въ деревню, при немъ есть лакей, служащій ему, какъ за столомъ, такъ и въ его комнатѣ;—онъ посылаетъ его за всѣмъ, въ чемъ нуждается; не имѣя непосредственнаго столкновенія съ слугами дома, онъ дѣлаетъ имъ подарки когда и какъ ему угодно; но я, будучи одинъ, не имѣя слуги, находился во власти у слугъ того дома, въ которомъ жилъ и долженъ былъ искать ихъ милости, чтобы не терпѣть отъ нихъ многихъ неудовольствій; будучи на равной ногѣ съ хозяиномъ дома, я долженъ былъ обращаться и съ людьми, какъ равный ему, и даже дѣлать для нихъ болѣе, чѣмъ всякій другой, потому что болѣе, чѣмъ кто либо, нуждался въ нихъ. Еще хорошо, когда въ домѣ было не много прислуги; но въ домахъ, въ которыхъ я бывалъ, ее было много и всѣ они были въ высшей степени высокомѣрны, плутоваты и ловки, разумѣется, для своихъ выгодъ. Притомъ, эти плуты умѣли такъ устроить дѣло, что я постоянно нуждался во всѣхъ ихъ. Парижскія дамы, вообще очень умныя, не имѣютъ никакого понятія объ этихъ отношеніяхъ и, желая щадить мой кошелекъ, разоряли меня. Когда я, напримѣръ, ужиналъ у кого нибудь въ городѣ, далеко отъ своего дома, то хозяйка не позволяла мнѣ ѣхать на извощикѣ, а приказывала запрягать своихъ лошадей; желая этимъ избавить меня отъ расхода какихъ нибудь двадцати четырехъ су, она заставляла меня тратить цѣлый экю, который мнѣ приходилось отдавать кучеру и лакею, о чемъ она и не думала. Когда какая нибудь дама писала ко мнѣ изъ Парижа въ Эрмитажъ или Монморанси, то въ избѣжаніе расхода четырехъ су, которыя мнѣ пришлось бы заплатить за письмо, она посылала его съ однимъ изъ своихъ слугъ, который приходилъ ко мнѣ весь въ поту и которому я, по обыкновенію, давалъ обѣдъ и вполнѣ заслуженный имъ экю. Когда такая же дама приглашала меня пріѣхать къ

ней въ деревню, на одну или на двѣ недѣли, то она при этомъ думала такъ: вѣдь это все таки составитъ нѣкоторую экономію бѣдному человѣку, у него на это время не будетъ расходовъ на свое содержаніе. Но она забывала, что я, во время моего пребыванія у ней, не работалъ, что на хозяйство, на квартиру и на бѣлье у меня расходовалось не меньше обыкновеннаго и что цырюльникъ у ней обходился мнѣ вдвое дороже, чѣмъ у себя. Хотя я старался ограничивать свою посильную щедрость только тѣми домами, въ которыхъ былъ ближе знакомъ, но она тѣмъ не менѣе разоряла меня. Я съ увѣренностію могу сказать, что, переночевавъ всего какихъ нибудь пять или шесть разъ у г-жи Гудето въ Обоннѣ, я издержалъ 25 экю, и болѣе 100 пистолей въ Эпинэ и въ Шевреттъ, въ теченіе тѣхъ пяти или шести лѣтъ, когда я всего чаще бывалъ тамъ. Расходы эти неизбѣжны для человѣка съ моимъ характеромъ, неспособнаго обойтись безъ чужихъ услугъ и переносить видъ ворчащаго и хмурящагося лакея. У самой г-жи Дюпенъ, въ домѣ которой я считался своимъ, и гдѣ оказалъ много услугъ людямъ, я достигалъ ихъ услугъ только цѣною своихъ денегъ. Впослѣдствіи обстоятельства не позволяли мнѣ подобныхъ щедростей и тутъ-то я испыталъ, на сколько неудобно бѣдному посѣщать людей богатыхъ.

Еслибы подобная жизнь была въ моемъ вкусѣ, то я утѣшался бы тѣмъ, что эти тяжкіе расходы я приношу въ жертву собственнымъ своимъ удовольствіямъ; но разоряться для того, чтобы пріобрѣтать скуку, не имѣло смыслу. Я до того чувствовалъ всю тяжесть этого образа жизни, что, пользуясь свободнымъ промежуткомъ, представившимся мнѣ тогда, рѣшился сдѣлать эту свободу постоянною, окончательно отказаться отъ свѣта, отъ сочиненія книгъ и прервать всѣ сношенія съ литераторами, и затѣмъ остальные дни своей жизни провести въ болѣе тѣсномъ, но мирномъ кружкѣ, для котораго я считалъ себя рожденнымъ.

Сочиненія мои: Письмо къ д'Аламберу и Новая Элоиза, нѣсколько поправили мои финансы, сильно истощившіеся во время моего пребыванія въ Эрмитажѣ. Я насчиталъ у себя около 1000 экю. «Эмиль», къ которому я приступилъ тотчасъ по окончаніи «Новой Элоизы«, быстро подвигался впередъ. Произведеніе это обѣщало удвоить мой капиталъ. Я помышлялъ уже помѣстить эти деньги такъ, чтобы онѣ давали пожизненный доходъ, которымъ я могъ бы существовать, не занимаясь болѣе сочиненіями. Кромѣ того у меня готовились еще два сочиненія. Первымъ изъ нихъ было: «Политическія Учрежденія» (Institutions politiques). Разсмотрѣвъ это сочиненіе, я убѣдился, что на окончаніе его потребуется еще нѣсколько лѣтъ. У меня не достало терпѣнія продолжать его и ожидать окончанія; чтобы привести въ исполненіе свое намѣреніе, я рѣшился бросить этотъ трудъ, извлечь изъ него что возможно и

затѣмъ сжечь остальное. Принявшись за это съ усердіемъ и не оставляя въ тоже время «Эмиля», я менѣе нежели въ два года окончилъ свой «Общественный Договоръ».

Оставался еще «Музыкальный Словарь». Это была работа нетребующая усидчивости, которая могла быть сдѣлана во всякое время и имѣла цѣлью только денежную прибыль. Я предоставилъ себѣ — бросить эту работу или окончить ее, смотря потому—окажется-ли она необходимою или излишнею по собраніи остальныхъ моихъ рессурсовъ. Что касается другаго моего сочиненія «Чувственная Мораль» которое было еще только въ видѣ чернового плана, то я его совсѣмъ оставилъ.

Такъ какъ мое окончательное намѣреніе было, въ случаѣ если бы я могъ обойтись безъ необходимости жить перепиской, непремѣнно удалиться изъ Парижа, гдѣ наплывъ посѣтителей дѣлалъ мое пребываніе затруднительнымъ и отнималъ у меня время заботиться о средствахъ къ существованію,—то для избѣжанія въ своемъ уединеніи скуки, которую обыкновенно испытываютъ писатели, оставляющіе свое ремесло, я приготовилъ себѣ занятіе, которое могло бы пополнить пустоту моего одиночества, не соблазняя меня отдавать что либо въ печать при жизни. Не знаю, съ какой стати Рей уже давно убѣждалъ меня написать мою біографію. Хотя исторія моей жизни по своимъ фактамъ не могла быть занимательна, но я надѣялся сдѣлать ее интересною посредствомъ откровенности, которую я способенъ былъ выказать въ этихъ запискахъ; поэтому я рѣшился написать сочиненіе, единственное по своей безпримѣрной правдивости, съ цѣлью дать возможность хоть разъ заглянуть во внутренность человѣка и увидать его такимъ, какимъ онъ есть въ дѣйствительности. Мнѣ всегда казалась смѣшною ложная откровенность Монтаня, который, притворно сознаваясь въ своихъ порокахъ, всегда старался приписывать себѣ только пріятные недостатки. Я, наоборотъ, не смотря на то, что всегда считалъ и до сихъ поръ считаю себя лучшимъ изъ людей, былъ твердо убѣжденъ, что нѣтъ человѣческой души, какъ бы чиста она ни была, которая не таила бы въ себѣ нѣсколько гнусныхъ пороковъ. Я зналъ, что люди придавали мнѣ такія свойства, какихъ у меня никогда не было, и часто выставляли мой характеръ въ безобразномъ видѣ; поэтому, несмотря на недостатки, которые я дѣйствительно имѣю и о которыхъ я и самъ не умолчалъ бы, я могу только выиграть, показавъ себя такимъ, каковъ я въ дѣйствительности. Впрочемъ, такъ какъ я не могъ этого сдѣлать иначе, какъ разоблачивъ и многихъ другихъ людей, а вслѣдствіе этого и сочиненіе мое могло выйти въ свѣтъ только послѣ моей смерти и многихъ другихъ,— то я еще съ бо́льшею смѣлостью рѣшился приступить къ исповѣди, которая, въ чемъ я былъ увѣренъ, ни передъ кѣмъ не заставила бы меня

краснѣть. Такимъ образомъ, я рѣшился, на досугѣ, добросовѣстно исполнить это предпріятіе; съ этою цѣлью я сталъ собирать всѣ письма и бумаги, которыя могли руководить моими воспоминаніями и пробуждать эти воспоминанія, крайне сожалѣя объ утраченныхъ и уничтоженныхъ мною бумагахъ. Намѣреніе мое удалиться отъ свѣта, одно изъ самыхъ разумныхъ, которыя я когда либо предпринималъ, сильно заняло мой умъ, и я уже приступалъ къ осуществленію его, когда судьба, готовившая мнѣ другое назначеніе, внезапно ввергла меня въ другой водоворотъ.

Монморанси, древнее и великолѣпное наслѣдственное имѣніе дома этого имени, не принадлежало болѣе этому семейству со времени конфискаціи его. Оно перешло, чрезъ сестру герцога Генриха, во владѣніе дома Конде, переименовавшаго его въ Энгіенъ. Въ этомъ герцогствѣ не было другого замка, кромѣ древней башни, въ которой помѣщается архивъ и принимаются визиты вассаловъ. Но въ Монморанси или въ Энгіенѣ есть отдѣльный домъ, построенный Круаза, по прозванію «Бѣднымъ»; домъ этотъ, по великолѣпію своему, справедливо названъ замкомъ. Величественный видъ этого красиваго зданія, терраса, на которой оно воздвигнуто, видъ изъ него, единственный, быть можетъ въ мірѣ, обширный залъ, разрисованный превосходною рукою, садъ, устроенный знаменитымъ Ленотромъ,—все это, въ совокупности, представляетъ собою какое то поражающее величіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ какую-то необъяснимую простоту, поддерживающую и возбуждающую удивленіе. Маршалъ, герцогъ Люксамбурскій, владѣвшій тогда этимъ домомъ, по два раза въ годъ пріѣзжалъ въ эту мѣстность, принадлежавшую когда-то его предкамъ и проводилъ въ ней по пяти или шести недѣль, какъ простой житель, но съ блескомъ, нисколько не уступавшимъ древнему великолѣпію его дома. По пріѣздѣ своемъ туда, во время моего пребыванія въ Монморанси, герцогъ и герцогиня прислали ко мнѣ своего камердинера засвидѣтельствовать мнѣ свое почтеніе и пригласить меня ходить къ нимъ ужинать во всякое время. Привѣтствіе это и приглашеніе повторялось съ каждымъ ихъ пріѣздомъ. Оно напомнило мнѣ г-жу Безенваль, которая посылала меня обѣдать въ людскую. Времена измѣнились, но я остался тѣмъ же. Я не имѣлъ желанія обѣдать съ прислугой, но и не доискивался обѣда за однимъ столомъ съ вельможами. Я былъ болѣе доволенъ, когда люди оставляли меня такимъ, какимъ я былъ, не превознося и не унижая меня. Я почтительно отвѣтилъ на приглашеніе г. и г-жи Люксамбуръ, но не принялъ его. Мои недруги, застѣнчивый характеръ и затрудненіе вести разговоръ до того заставляли меня бояться общества придворныхъ особъ, что я не рѣшился отправиться въ замокъ даже съ благодарственнымъ визитомъ, хотя, при этомъ,

очень хорошо понималъ, что имъ того только и хотѣлось и что предупредительность эта скорѣе была дѣломъ любопытства, чѣмъ благосклонности.

Между тѣмъ предупредительность продолжалась и даже росла. Графиня Буффлеръ, бывшая въ большой дружбѣ съ супругою маршала, по пріѣздѣ въ Монморанси посылала справляться обо мнѣ и предложила даже навѣстить меня. Я отвѣтилъ ей какъ слѣдуетъ, но не былъ у ней. Въ слѣдующемъ, 1759 г., на пасхѣ, во время пріѣзда семейства Люксамбуръ, кавалеръ Лоренци, бывшій при дворѣ принца Конти и пріѣхавшій съ герцогинею Люксамбуръ въ Монморанси, часто бывалъ у меня. Мы познакомились, онъ уговаривалъ меня пойти въ замокъ, но я все еще не рѣшался. Наконецъ, разъ, послѣ обѣда, совсѣмъ неожиданно, пришелъ ко мнѣ самъ герцогъ Люксамбурскій, въ сопровожденіи пяти или шести особъ. Тутъ уже мнѣ нечѣмъ было отдѣлаться отъ него, безъ того, чтобы не прослыть надменнымъ или неучемъ, и нельзя было не отдать визита и лично не засвидѣтельствовать своего почтенія его супругѣ, велѣвшей передать мнѣ весьма лестный поклонъ. Такъ началось знакомство, котораго я не могъ далѣе избѣгать, но которое, по слишкомъ основательному предчувствію, внушало мнѣ опасеніе до тѣхъ поръ, пока я поневолѣ свелъ его.

Я чрезвычайно боялся г-жи Люксамбуръ. Я зналъ, что она весьма любезна. Я ее часто видѣлъ въ театрѣ и у г-жи Дюпенъ, около одиннадцати лѣтъ тому назадъ, когда она еще была герцогинею Буффлеръ и въ полномъ цвѣтѣ красоты. Между тѣмъ она слыла злою, что при ея высокомъ званіи и заставляло меня бояться ея. Какъ только я ее увидалъ, я былъ побѣжденъ. Я нашелъ ее очаровательною, одаренною тою прелестью, которая способна подѣйствовать на мое сердце. Въ ея разговорѣ я разсчитывалъ встрѣтить колкость, но ошибся въ своемъ предположеніи. Рѣчь г-жи Люксамбуръ не кипитъ умомъ, она не обнаруживаетъ тонкаго остроумія, но полна изящной нѣжности никогда не поражающей, а всегда доставляющей наслажденіе. Чѣмъ проще ея ласки, тѣмъ болѣе онѣ упоительны; можно подумать, что онѣ вырываются у нея помимо ея вѣдома и что это сердце ея изливается только потому, что оно переполнено. Мнѣ казалось, что не смотря не ловкость въ обращеніи и тяжелыя фразы, я понравился ей съ первой встрѣчи. Всѣ придворныя дамы одарены способностью увѣрить васъ въ этомъ, когда захотятъ, но ни одна изъ нихъ не умѣетъ въ такой степени какъ г-жа Люксамбуръ, внушать чувство столь сладостнаго довѣрія, что и на умъ не придетъ усомниться въ искренности ея. Я вполнѣ довѣрился бы ей съ перваго дня нашего свиданія, если бы герцогиня Монморанси, ея падчерица, молодая шалунья, довольно хитренькая и, какъ кажется нѣсколько

болтливая, не обратила на меня вниманія и не возбудила во мнѣ подозрѣнія, что я могъ служить предметомъ насмѣшки.

Я съ трудомъ разубѣдился бы въ этомъ, если бы безпредѣльная благосклонность маршала не подтвердила искренности расположенія ко мнѣ этихъ женщинъ. При моемъ робкомъ характерѣ, ничто не можетъ быть удивительнѣе быстроты, съ которою я поймалъ его, на словѣ когда онъ заявилъ, что хочетъ быть со мной на равной ногѣ,—развѣ только поспѣшность, съ которою онъ съ своей стороны поймалъ меня на словѣ при моемъ заявленіи о желаніи жить въ совершенной независимости. Какъ онъ такъ жена его, убѣжденные, что я не имѣлъ причины быть недовольнымъ своимъ положеніемъ и желать перемѣны его, нисколько не заботились о моемъ кошелькѣ или положеніи; хотя они и принимали во мнѣ глубокое участіе, но тѣмъ неменѣе, никогда не предлагали мнѣ ни своего покровительства, ни какого-нибудь мѣста, за исключеніемъ одного раза, когда г-жа Люксамбуръ выразила желаніе помѣстить меня во французскую академію. Когда я напомнилъ ей о моемъ вѣроисповѣданіи, то она мнѣ возразила, что это не послужитъ препятствіемъ, а въ противномъ случаѣ она берется устранить его. Затѣмъ я отвѣчалъ ей, что какъ ни лестно было бы мнѣ сдѣлаться членомъ такого почтеннаго общества, но такъ какъ я не принялъ предложенія г. Трессана, а слѣдовательно въ нѣкоторомъ отношеніи и предложенія короля польскаго, относительно моего поступленія въ академію Нанси, то было бы невѣжливо съ моей стороны вступить въ другую академію. Г-жа Люксамбуръ не настаивала болѣе на этомъ, и съ тѣхъ поръ о томъ не было и рѣчи. Эта простота отношеній съ такими знатными вельможами, которые могли все сдѣлать для меня,—такъ какъ г. Люксамбуръ былъ другомъ короля и заслуживалъ этого—представляетъ странную противоположность съ вѣчными и несносными заботами тѣхъ покровителей, съ которыми я только что разстался и которые старались не столько услужить мнѣ, сколько унизить меня.

Когда г. маршалъ пришелъ съ своею свитою ко мнѣ въ Монъ-Луи, я очень затруднился принять ихъ не потому, что былъ принужденъ усадить ихъ между грязными тарелками и разбитыми горшками, но преимущественно потому, что боялся, чтобы полъ, и безъ того уже приходившій въ упадокъ отъ гніенія, не провалился бы окончательно подъ тяжестью посѣтителей. Менѣе заботясь о собственной опасности, чѣмъ объ опасности, угрожавшей этому вельможѣ изъ-за его любезности, я, не смотря на то, что было довольно холодно, поспѣшилъ пригласить его въ мою башню, совершенно открытую, безъ печки. Тамъ я объяснилъ ему причину, побудившую меня отвести его туда. Онъ разсказалъ это своей супругѣ и какъ онъ, такъ и она убѣждали меня, на время исправленія пола, переселиться въ замокъ, или же, если мнѣ больше

нравилось, въ другое уединенное зданіе, находившееся посреди парка и называвшееся малымъ замкомъ. Это очаровательное жилище стоитъ того, чтобы о немъ поговорить.

Паркъ или садъ Монморанси не расположенъ въ равнинѣ, подобно саду въ Шевреттъ. Въ немъ много неровностей, горокъ, холмиковъ и углубленій, которыми искусный художникъ умѣлъ воспользоваться для устройства рощицъ, украшеній, прудовъ и бельведеровъ и при помощи искусства и геніальности увеличить пространство, само по себѣ довольно тѣсное. Верхняя часть этого парка украшается террассою и замкомъ, нижняя образуетъ ущелье, открывающееся и расширяющееся въ направленіи къ долинѣ, а въ углу его находится большой прудъ. Между оранжереею, помѣщающейся на обширномъ мѣстѣ, и прудомъ, окруженнымъ холмиками съ деревьями, находится малый замокъ, о которомъ я говорилъ. Домъ этотъ и окружающее его мѣсто принадлежали когда-то знаменитому Лебрену, употребившему все свое искусство и свои архитектурныя познанія на постройку этого дома, для собственнаго удовольствія и въ самомъ изящномъ вкусѣ. Этотъ замокъ впослѣдствіи былъ перестроенъ, но по рисунку перваго владѣльца. Онъ невеликъ, простъ, но красивъ. Такъ какъ онъ находился между прудомъ оранжерейнымъ и большимъ прудомъ, то для устраненія происходящей отъ этого сырости, устроена была, посреди этого дома, открытая галлерея съ колоннами, въ два этажа, которая, помогая постоянному движенію воздуха по всему зданію, способствовала осушенію его. Когда видишь этотъ замокъ съ противоположной высоты, въ перспективѣ, глазу наблюдателя онъ кажется окруженнымъ со всѣхъ сторонъ водою и представляется издали очарованнымъ островомъ, или же самымъ красивымъ изъ трехъ боромейскихъ острововъ въ Лагомаджіоре, называемымъ Изола-Белла.

Въ этомъ то уединенномъ зданіи мнѣ предоставили выборъ одной изъ четырехъ квартиръ, заключавшихся въ немъ, не считая нижняго этажа, состоявшаго изъ одной большой залы, бильярдной и кухни. Я выбралъ самую маленькую и простенькую комнатку, надъ кухнею. Эта комнатка содержалась въ самой очаровательной чистотѣ, — мебель въ ней была синяя съ бѣлымъ. Въ этомъ то глубокомъ и сладостномъ уединеніи, посреди лѣсовъ и водъ, при пѣніи всевозможныхъ птицъ въ благоуханіи цвѣтущихъ померанцевъ и подъ вліяніемъ продолжительнаго восторга, я написалъ пятую книгу «Эмиля», довольно живой колоритъ которой былъ слѣдствіемъ живаго впечатлѣнія, произведеннаго на меня моимъ жилищемъ, въ которомъ я ее писалъ.

Съ какимъ восторгомъ я спѣшилъ каждое утро на галерею полюбоваться восхожденіемъ солнца и подышать благоухающимъ воздухомъ!

Какъ вкусенъ казался мнѣ кофе съ молокомъ, который я пилъ наединѣ съ моею Терезою! Кошка и собака были нашими сотоварищами. Я всю свою жизнь довольствовался бы этимъ обществомъ и никогда не ощущалъ бы скуки. Я жилъ въ земномъ раю, съ тою же невинностію и испытывая тоже самое счастіе.

Въ іюльскій пріѣздъ г-жи и г. Люксамбуръ, я пользовался у нихъ такимъ вниманіемъ и такими ласками, что, живя у нихъ и будучи облагодѣтельствованъ ими, ничѣмъ другимъ не могъ выказать своей признательности, какъ прилежнымъ посѣщеніемъ ихъ. Я почти не разставался съ ними. По утрамъ я ходилъ свидѣтельствовать свое почтеніе г-жѣ Люксамбуръ, обѣдалъ у нихъ, а послѣ обѣда ходилъ гулять съ маршаломъ; ужиналъ я дома, потому что у нихъ, собирались знатные гости, а главное потому, что они ужинали слишкомъ поздно для меня. До тѣхъ поръ все шло хорошо, и ничего дурнаго не случилось бы, если бы я умѣлъ вести себя по старому. Но, къ сожалѣнію, я не умѣлъ держаться середины въ своихъ привязанностяхъ и просто исполнять свои обязанности въ отношеніи къ обществу. Я всегда былъ всѣмъ или ничѣмъ; тутъ вскорѣ я сдѣлался всѣмъ, и, видя себя балованнымъ и ласкаемымъ столь важными людьми, перешелъ границы и питалъ уже къ нимъ такую дружбу, какую можно имѣть лишь къ равнымъ себѣ.

Въ моихъ манерахъ отразилась вся фамиліарность такой дружбы, между тѣмъ какъ они никогда не отступали отъ вѣжливости, въ своемъ обращеніи, къ которой пріучили меня. Я однако же никогда не чувствовалъ себя совершенно свободнымъ при супругѣ маршала. Хотя я не совершенно довѣрялъ ея характеру, однако его я боялся менѣе, нежели ея ума. Этотъ-то умъ и вводилъ меня въ заблужденіе. Я зналъ, что она съ разборомъ выбирала своихъ собесѣдниковъ и что она имѣла на это право. Я зналъ, что женщины, а въ особенности знатныя дамы, хотятъ непремѣнно, чтобы ихъ занимали, что лучше ихъ оскорблять, чѣмъ наскучать имъ, и по ея комментаріямъ на разговоры выходившихъ изъ гостиной людей, я судилъ, что должна была она думать о моихъ нелѣпостяхъ. Чтобы избавиться отъ затрудненія говорить съ ней, я придумалъ въ замѣнъ разговора — чтеніе. Она слыхала объ «Юліи», знала, что она уже въ печати и пожелала познакомиться съ этимъ твореніемъ. Я предпочелъ ей читать «Юлію»; она согласилась. Каждое утро я приходилъ къ ней около 10 часовъ; туда же приходилъ и г. де-Люксамбуръ и двери затворялись. Я читалъ у ея постели и такъ хорошо размѣрялъ свое чтеніе, что его хватило бы на все путешествіе, даже если бы оно не было прервано, какъ это случилось [1]). Успѣхъ этого средства пре-

[1]) Потеря большой битвы, сильно огорчившая короля, принудила г. де-Люксамбура поспѣшно воротиться къ двору.

взошелъ мои ожиданія. Г-жа де-Люксамбуръ пристрастилась къ «Юліи» и къ ея автору; говорила только обо мнѣ, занималась только мной, говорила мнѣ любезности по цѣлымъ днямъ, обнимала меня по десяти разъ въ день. Она хотѣла, чтобы мое мѣсто за столомъ было всегда подлѣ нея, и когда кто нибудь изъ вельможъ хотѣлъ занять это мѣсто, она говорила имъ, что оно мое, и сажала ихъ на другое. Можно себѣ вообразить, какое впечатлѣніе производили эти любезныя манеры на меня, котораго покоряютъ малѣйшіе знаки привязанности. Я дѣйствительно привязывался къ ней по мѣрѣ того, какъ она все больше и больше выказывала свою привязанность ко мнѣ. Видя это пристрастіе и чувствуя въ себѣ такъ мало способности поддержать его, я опасался, чтобы привязанность не перешла въ отвращеніе, и къ несчастью для меня это опасенье слишкомъ хорошо оправдалось.

Между моимъ и ея складомъ ума вѣроятно существовала какая-то естественная противуположность, потому что, независимо отъ кучи нелѣпостей, которыя ежеминутно вырывались у меня въ разговорѣ,—въ самихъ моихъ письмахъ, даже въ то время, когда я былъ съ ней въ лучшихъ отношеніяхъ, всегда находились вещи, которыя ей не нравились, хотя я не могъ придумать почему. Я приведу только одинъ примѣръ а могъ бы привести двадцать. Она знала, что я переписывалъ для г-жи Гудето «Элоизу» по сколько-то съ листа. Ей захотѣлось имѣть такую же копію и на тѣхъ же основаніяхъ. Я обѣщалъ, и, включивъ ее такимъ образомъ въ число моихъ заказчицъ, написалъ ей по этому поводу нѣсколько вѣжливыхъ и обязательныхъ словъ; по крайней мѣрѣ таково было мое намѣреніе. Вотъ ея отвѣтъ, заставившій меня упасть съ облаковъ.

«Версаль. Вторникъ (Св. С., № 43).

«Я въ восторгѣ, я довольна, ваше письмо доставило мнѣ безграничное удовольствіе, и я спѣшу сообщить вамъ о полученіи его и поблагодарить васъ.

«Вотъ подлинныя выраженія вашего письма: *Хотя вы, конечно, очень выгодная заказчица, мнѣ все-таки трудно брать съ васъ деньги; правильнѣе было бы мнѣ платить за удовольствіе работать для васъ.* Я не скажу ничего больше. Мнѣ прискорбно, что вы никогда не пишите мнѣ о своемъ здоровьи. Это меня интересуетъ больше всего. Я люблю васъ отъ всего сердца и, повѣрьте, съ большой грустью пишу вамъ объ этомъ, потому что мнѣ несравненно пріятнѣе было бы сказать это вамъ лично. Г. де-Люксамбуръ любитъ васъ и обнимаетъ отъ всего сердца».

Получивъ это письмо, я поспѣшилъ отвѣтить на него, въ ожиданіи

болѣе подробнаго разсмотрѣнія, съ цѣлью протестовать противъ всякаго неблагопріятнаго толкованія; послѣ нѣсколькихъ дней размышленія, смѣшаннаго съ тѣмъ безпокойствомъ, о которомъ легко составить себѣ понятіе, и все-таки ничего не понявъ, я наконецъ написалъ слѣдующій отвѣтъ:

«Монморанси, (8 декабря 1759 г.).

«Со времени моего послѣдняго письма, я сто разъ пересматривалъ тѣ строки, о которыхъ идетъ рѣчь. Я разсматривалъ ихъ въ собственномъ, натуральномъ смыслѣ, разсматривалъ во всѣхъ смыслахъ, которые можно имъ придать, и признаюсь вамъ, милостивая государыня, что не знаю, право, я-ли долженъ извиниться передъ вами, или вы передо мной».

Теперь прошло уже 10 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ были написаны эти письма. Я много разъ думалъ о нихъ съ того времени, и такъ велика еще и теперь моя тупость въ этомъ отношеніи, что я никакъ не могу понять, что могла она найти въ этихъ словахъ, не говорю оскорбительнаго, но такого, что могло бы ей не понравиться.

По поводу этого рукописнаго экземпляра «Элоизы», который хотѣла имѣть г-жа Люксамбуръ, я долженъ разсказать здѣсь, что я придумалъ, чтобы придать ему какое нибудь замѣтное отличіе, котораго не было бы во всѣхъ прочихъ экземплярахъ. Я написалъ отдѣльно «Приключенія милорда Эдуарда» и долго колебался, помѣстить-ли ихъ цѣликомъ или отрывкомъ въ это сочиненіе, которому, по моему мнѣнію, ихъ недоставало. Я рѣшился наконецъ выкинуть ихъ совсѣмъ, потому что, отличаясь отъ остальнаго своимъ тономъ, они испортили бы его трогательную простоту. Я еще утвердился въ этомъ рѣшеніи, когда узналъ ближе г-жу Люксамбуръ: въ этихъ приключеніяхъ была выведена римская маркиза, отвратительнѣйшаго характера, нѣкоторыя черты котораго, не будучи дѣйствительно примѣнимы къ г-жѣ Люксамбуръ, могли быть примѣнены къ ней тѣми, кто зналъ ее только по слухамъ. Поэтому я былъ очень радъ принятому рѣшенію и еще тверже рѣшился не измѣнять ему. Но въ жару желанія обогатить ея экземпляръ чѣмъ нибудь такимъ, чего не было въ остальныхъ, я вспомнилъ объ этихъ несчастныхъ «Приключеніяхъ» и составилъ проектъ сдѣлать изъ нихъ извлеченіе, чтобы прибавить къ сочиненію. Безумный проектъ, нелѣпость котораго нельзя объяснить ничѣмъ кромѣ слѣпаго рока, увлекавшаго меня къ погибели.

Quos vult perdere Jupiter, dementat.

Я имѣлъ глупость сдѣлать это извлеченіе съ большимъ стараньемъ, большимъ трудомъ и послалъ ей этотъ отрывокъ, какъ самую прекрасную вещь на свѣтѣ, предваривъ ее впрочемъ, какъ было и на самомъ дѣлѣ, что я сжегъ оригиналъ, извлеченіе изъ котораго было сдѣлано для нея одной и что этого извлеченія не увидитъ никто, развѣ только она сама покажетъ его кому нибудь. Этимъ несчастнымъ поступкомъ я не только не доказалъ ей, какъ надѣялся, своей осторожности и скромности, но наоборотъ высказалъ ей мое собственное мнѣніе о примѣнимости къ ней тѣхъ чертъ, которыми она могла обидѣться. Моя глупость была такова, что я не сомнѣвался, что она будетъ восхищена моимъ поступкомъ. Но она не наговорила мнѣ по этому поводу тѣхъ любезностей, которыя я отъ нея ожидалъ, и, къ великому моему удивленію, никогда не говорила мнѣ о посланной мной тетради. Что касается до меня, то я все продолжалъ восхищаться своимъ поведеніемъ въ этомъ дѣлѣ и только долгое время спустя догадался по другимъ признакамъ о дѣйствіи, которое оно произвело.

По поводу той же рукописи мнѣ пришла другая идея, болѣе разумная, но своими послѣдствіями повредившая мнѣ не менѣе первой, такъ какъ все содѣйствуетъ судьбѣ, когда она ведетъ человѣка къ несчастью. Я придумалъ украсить эту рукопись рисунками изъ «Юліи», которые были одинаковаго формата съ рукописью. Я потребовалъ у Куанде эти рисунки, принадлежавшіе мнѣ по всѣмъ правамъ и еще тѣмъ болѣе, что я предоставилъ ему доходъ съ гравюръ, которыя разошлись въ большомъ количествѣ. Куанде также хитеръ, какъ я простъ. Заставляя меня часто напоминать себѣ объ этихъ рисункахъ, онъ наконецъ добился того, что узналъ, на что они мнѣ были нужны. Тогда, подъ предлогомъ желанія прибавить къ нимъ нѣсколько украшеній, онъ оставилъ ихъ у себя и потомъ самъ поднесъ герцогинѣ.

Ego versiculos feci, tulit alter honores.

Это окончательно ввело его въ Люксамбурскій отель и дало ему тамъ извѣстное положеніе. Со времени моего поселенія въ маломъ замкѣ онъ очень часто навѣщалъ меня и всегда по утрамъ, въ особенности когда г. и г-жа Люксамбуръ бывали въ Монморанси. Вслѣдстіе этого, чтобы провести день съ нимъ, я не ходилъ въ замокъ. Мнѣ выговаривали за это отсутствіе, и я объяснилъ причину. Тогда меня попросили привести г. Куанде, что я и сдѣлалъ. Того только и хотѣлъ этотъ хитрецъ. Такъ то, благодаря расположенію, которымъ я пользовался, прикащикъ г. Телюссона, допускавшійся изъ милости къ хозяйскому столу только тогда, когда не было постороннихъ, очутился вдругъ за столомъ маршала Франціи, съ принцами, герцогинями и всѣмъ, что было знатнаго при

дворѣ. Я никогда не забуду, какъ однажды, когда онъ былъ принужденъ возвратиться рано въ Парижъ, маршалъ сказалъ послѣ обѣда гостямъ: «пойдемте прогуляться по дорогѣ въ Сенъ-Дени, мы проводимъ г. Куандо». Бѣдный малый не выдержалъ; у него окончательно закружилась голова. Что касается до меня, то мое сердце было такъ растрогано, что я не могъ произнести ни слова. Я шелъ сзади, плача какъ ребенокъ и умирая отъ желанія облобызать стопы этого добраго маршала. Но продолженіе этой исторіи моей рукописи заставило меня забѣжать впередъ. Возвратимся къ происшествіямъ по порядку, на сколько мнѣ позволитъ память.

Какъ скоро былъ готовъ маленькій домикъ въ Монъ-Луи, я велѣлъ его меблировать чисто и просто и возвратился туда на житье, не желая отступить отъ правила, которое поставилъ себѣ, выѣзжая изъ Эрмитажа, имѣть всегда собственное помѣщеніе. Но я не могъ также рѣшиться совершенно оставить свою квартиру въ маломъ замкѣ. Я оставилъ у себя ключъ, и дорожа веселыми завтраками на галлереѣ, часто ѣздилъ туда ночевать и проводилъ тамъ два, три дня, какъ на дачѣ. Изъ всѣхъ частныхъ людей въ Европѣ я можетъ быть имѣлъ тогда лучшую и пріятнѣйшую квартиру. Хозяинъ мой, г. Матасъ, добрѣйшій человѣкъ въ мірѣ, предоставилъ моему распоряженію поправки въ Монъ-Луи и просилъ меня распоряжаться работниками безъ его вмѣшательства. Поэтому я нашелъ средство сдѣлать изъ одной комнаты цѣлую квартиру, состоявшую изъ комнаты, передней и гардеробной. Въ нижнемъ этажѣ была кухня и комната Терезы. Башня служила мнѣ кабинетомъ, для чего я велѣлъ сдѣлать тамъ хорошую стеклянную перегородку и каминъ. Поселясь тамъ, я занялся украшеніемъ террасы, которую уже окружали два ряда молодыхъ липъ; я прибавилъ еще два ряда, чтобы образовать кабинетъ изъ зелени, поставилъ туда столъ и каменныя скамейки, окружилъ ее сиренью, душистыми кустарниками, жимолостью; устроилъ прекрасную куртину съ цвѣтами параллельно двумъ рядамъ деревъ, и эта терраса, болѣе высокая, чѣмъ терраса замка, съ видомъ по крайней мѣрѣ столько же хорошимъ и множествомъ птицъ пріученныхъ мной, служила мнѣ гостинной для пріема г. и г-жи Люксамбуръ, герцога Вильруа, Тенгри, маркиза Армантьеръ, герцогини Монморанси, герцогини Буффлеръ, графини Валентинуа, графини Буффлеръ и другихъ такихъ же важныхъ особъ, которыя не отказывались пройтись изъ замка въ Монъ-Луи по очень утомительному подъему. Всѣми этими визитами я былъ обязанъ милостямъ г. и г-жи де-Люксамбуръ; я это чувствовалъ и былъ благодаренъ имъ за это всѣмъ сердцемъ. Въ припадкѣ такого умиленія я разъ сказалъ г. Люксамбуру, обнимая его: «Ахъ, г. маршалъ, я ненавидѣлъ знатныхъ до знакомства

съ вами и ненавижу ихъ еще болѣе съ тѣхъ поръ, какъ вы мнѣ дали почувствовать, какъ легко имъ заставить обожать себя».

Впрочемъ, я ссылаюсь на всѣхъ тѣхъ, которые видѣли меня въ эту эпоху,—замѣтили-ли они, чтобы этотъ блескъ ослѣпилъ меня хотя на минуту и чтобы отъ дыму этого ѳиміама закружилась у меня голова; видали-ли они меня менѣе ровнымъ, менѣе простымъ въ манерахъ, менѣе снисходительнымъ къ народу, менѣе фамильярнымъ съ моими сосѣдями, менѣе готовымъ оказать услугу кому бы то ни было, когда это было возможно; можетъ-ли кто нибудь сказать, что меня начали тяготить безчисленныя надоѣданія, большею частью безсмысленныя, которыми меня безпрестанно осаждали. Если мое сердце влекло меня въ замокъ Монморанси вслѣдствіе моей искренней привязанности къ владѣльцамъ, то оно точно также влекло меня къ сосѣдямъ, съ которыми я вкушалъ прелести тихой и простой жизни, безъ которой для меня нѣтъ счастья. Тереза свела дружбу съ дочерью моего сосѣда, каменьщика, по имени Пилье; я подружился съ отцемъ, и пообѣдавъ днемъ въ замкѣ, не безъ стѣсненія, но чтобы сдѣлать угодное супругѣ маршала, съ какимъ удовольствіемъ возвращался я вечеромъ ужинать съ добрякомъ Пилье и его семействомъ, то у него, то у меня!

Кромѣ этихъ двухъ помѣщеній, я скоро пріобрѣлъ третье въ Люксамбурскомъ отелѣ, котораго владѣльцы такъ упрашивали меня навѣщать ихъ въ Парижѣ, что я согласился на это, не смотря на мое отвращеніе къ этому городу, куда я, со времени моего удаленія въ Эрмитажъ, ѣздилъ всего два раза, о которыхъ я уже говорилъ; но и при этомъ я ѣздилъ туда только въ условленные дни, единственно для того, чтобы поужинать и возвратиться на слѣдующее утро. Я входилъ и выходилъ черезъ садъ, выходящій на бульваръ, такъ что я могъ сказать съ самой строгой справедливостью, что нога моя не была на мостовой Парижа.

Среди этого преходящаго блаженства, приготовлялась вдали катастрофа, долженствовавшая ознаменовать конецъ его. Вскорѣ послѣ моего возвращенія изъ Монъ-Луи, я свелъ тамъ, и по обыкновенію противъ воли, новое знакомство, составившее новую эпоху въ моей исторіи. Впослѣдствіи увидятъ, къ добру или къ худу было это знакомство съ маркизой Верделенъ, моей сосѣдкой, мужъ которой купилъ дачу въ Суази, недалеко отъ Монморанси. Дѣвица д'Арсъ, дочь графа д'Арсъ, знатнаго, но бѣднаго человѣка, вышла замужъ за г. Верделена, стараго, безобразнаго, глухаго, грубаго, суроваго, ревниваго, изрубленнаго, кривого, но въ сущности добраго, когда умѣли за него приняться. Этотъ милашка, обладатель двадцати тысячъ годоваго дохода, кричалъ, ругался, шумѣлъ цѣлый день и безпрестанно заставлялъ плакать свою жену, но кончалъ всегда тѣмъ, что дѣлалъ по ея желанію и, какъ онъ думалъ, на зло ей,

потому что она умѣла убѣдить его, что онъ хочетъ этого, а она именно этого-то и не желаетъ. Г. де-Маржанси, о которомъ я говорилъ, былъ другомъ жены и сдѣлался другомъ мужа. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ имъ отдавалъ въ наймы свой замокъ Маржанси, возлѣ Обонна и Андильи, и они тамъ жили именно во время моей любви къ г-жѣ Гудето. Г-жа Гудето и г-жа Верделенъ были знакомы чрезъ г-жу Обтеръ, ихъ общую пріятельницу; а такъ какъ садъ Маржанси лежалъ на дорогѣ, ведущей къ горѣ Олимпу, любимому мѣсту прогулки г-жи Гудето, то г-жа Верделенъ дала ей ключъ для прохода черезъ садъ. По милости этого ключа я часто проходилъ въ садъ съ ней, но я не любилъ непредвидѣнныхъ встрѣчъ, и когда г-жа Верделенъ случайно попадалась намъ на дорогѣ, я оставлялъ ихъ обѣихъ, не говоря ни слова, и проходилъ впередъ. Это не совсѣмъ вѣжливое обращеніе не могло дать ей хорошаго мнѣнія обо мнѣ. Однако, пріѣхавъ въ Суази, она стала искать моего знакомства. Она нѣсколько разъ навѣщала меня въ Монъ-Луи, не заставая меня дома; и видя, что я не отдаю ей визита, она, чтобы принудить меня къ этому, придумала прислать мнѣ цвѣтовъ для террасы. По неволѣ нужно было поблагодарить ее, и знакомство наше началось.

Въ началѣ оно было бурно, какъ всѣ знакомства, которыя я сводилъ не по своей волѣ. Да и никогда эта связь не была совершенно спокойна. Складъ ума г-жи Верделенъ былъ слишкомъ противоположенъ моему. Колкости и эпиграммы говорятся ею такъ просто, что нужно имѣть постоянную внимательность, слишкомъ для меня утомительную, чтобы чувствовать, когда она надъ вами смѣется. Чтобы дать возможность судить объ этомъ, я приведу здѣсь одну глупость, которая приходитъ мнѣ на память. Ея братъ былъ назначенъ командиромъ фрегата, крейсировавшаго противъ англичанъ. Я говорилъ разъ о средствахъ вооружить этотъ фрегатъ, не вредя его легкости.—Да—сказала она совершенно спокойнымъ голосомъ,—пушекъ обыкновенно берутъ лишь столько, сколько нужно, чтобъ драться.—Я рѣдко слышалъ, чтобы она говорила о комъ либо изъ своихъ отсутствующихъ друзей, не вклеивъ какого нибудь злого словечка противъ ихъ. Что ей не казалось дурнымъ, въ томъ видѣла она смѣшное, и ея другъ Маржанси не былъ исключеніемъ изъ этого. Что еще я находилъ въ ней несноснымъ, такъ это вѣчное стѣсненіе отъ ея посланій, подарочковъ, записочекъ, изъ-за которыхъ нужно было попусту тратить время на отвѣты; и вѣчно тутъ являлись новыя затрудненія, чтобы благодарить ее или отказываться. Однакоже, безпрестанно видаясь съ ней, я кончилъ тѣмъ, что привязался къ ней. У ней были свои горести, какъ и у меня. Взаимная довѣренность наша дѣлала интересными для насъ наши свиданія. Ничто такъ не связываетъ

сердца, какъ сладость слезъ, проливаемыхъ вмѣстѣ. Мы искали другъ друга для взаимнаго утѣшенія, и эта потребность заставляла меня смотрѣть сквозь пальцы на многое. Въ моей откровенности съ ней было столько жесткости, я иногда показывалъ такъ мало уваженія къ ея характеру, что въ дѣйствительности нужно было сильно уважать ее, чтобы думать, что она можетъ искренно простить мнѣ. Вотъ образчикъ писемъ, какія я иногда писалъ ей и которыми, нужно замѣтить, она ни въ одномъ изъ своихъ отвѣтовъ не казалась обиженною.

Монморанси, 5 ноября 1760 г.

«Вы говорите мнѣ, милостивая государыня, что вы дурно выразились, чтобы заставить меня понять, что я выражаюсь дурно. Вы говорили мнѣ о вашей мнимой глупости, чтобъ дать мнѣ почувствовать мою. Вы хвалитесь своей простотой, какъ будто боитесь, чтобы васъ не поймали на словѣ, и извиняетесь передо мной, чтобы я понялъ, что я долженъ извиниться передъ вами. Да, милостивая государыня, я хорошо знаю, что я глупецъ, простакъ, и даже хуже; я дурно выбираю мои выраженія, приходящіяся не по вкусу прекрасной французской дамѣ, которая такъ много обращаетъ вниманія на слова и такъ прекрасно говоритъ сама. Но замѣтьте, что я употребляю мои выраженія въ ихъ простомъ значеніи, не зная тѣхъ частныхъ примѣненій, которыя даютъ имъ въ добродѣтельныхъ парижскихъ обществахъ и не заботясь о нихъ. Если иногда мои выраженія двусмысленны, то я стараюсь, чтобы мое поведеніе объясняло ихъ смыслъ», и проч.

Окончаніе письма было все въ такомъ же тонѣ. Прочтите отвѣтъ на него (связка Д, № 41) и посудите о невѣроятной умѣренности женскаго сердца, которое за подобное письмо не почувствовало ко мнѣ злобы болѣе того, сколько ее было выражено въ письмѣ, и никогда впослѣдствіи не питало ко мнѣ этого чувства. Куанде, предпріимчивый, смѣлый до дерзости, всегда бывшій на сторожѣ при всѣхъ моихъ друзьяхъ, не замедлилъ отъ моего имени втереться въ домъ г-жи Верделенъ, и вскорѣ безъ моего вѣдома сдѣлался тамъ короткимъ болѣе самого меня. Этотъ Куанде былъ странный человѣкъ. Отъ моего имени онъ представлялся всѣмъ моимъ знакомымъ, водворялся тамъ, и ѣлъ и пилъ безъ всякихъ церемоній. Увлекаемый ревностнымъ желаніемъ услужить мнѣ, онъ говорилъ обо мнѣ не иначе какъ со слезами на глазахъ; но когда онъ пріѣзжалъ навѣстить меня, то хранилъ глубокое молчаніе обо всѣхъ этихъ знакомствахъ и обо всемъ, что, какъ ему было извѣстно, могло меня интересовать. Вмѣсто того, чтобы разсказывать мнѣ, что онъ слышалъ, или видѣлъ, или говорилъ такого, что меня интересовало, онъ

меня же разспрашивалъ и слушалъ. О Парижѣ онъ только то и зналъ, что я же ему сообщалъ; наконецъ, хотя мнѣ всѣ говорили о немъ, но онъ не говорилъ со мной ни о комъ: онъ былъ скрытенъ и таинственен только съ своимъ другомъ. Но оставимъ покуда Куанде и г-жу де-Верделенъ; мы возвратимся къ нимъ впослѣдствіи.

Нѣсколько времени спустя послѣ моего возвращенія въ Монъ-Луи, Латуръ, живописецъ, пріѣхалъ меня навѣстить и привезъ мнѣ мой портретъ пастелью, который онъ отдавалъ на выставку нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Тогда онъ хотѣлъ подарить мнѣ этотъ портретъ, но я его не принялъ. Но г-жа д'Эпинэ уговорила меня взять его, такъ какъ она дала мнѣ свой портретъ и желала имѣть мой. Латуръ употребилъ довольно много времени на его отдѣлку, а въ этотъ промежутокъ произошелъ мой разрывъ съ г-жею д'Эпинэ; я возвратилъ ей ея портретъ и такъ какъ теперь не зачѣмъ было уже давать мой, то я и помѣстилъ его въ моей комнатѣ, въ маленькомъ замкѣ. Г. де-Люксамбуръ увидалъ его и нашелъ очень хорошимъ; я ему предложилъ его, онъ принялъ, и я отослалъ портретъ къ нему. Они, т. е. онъ и жена его, поняли, что мнѣ было бы также пріятно имѣть ихъ портреты. Они приказали ихъ сдѣлать въ миніатюрѣ, очень хорошей работы, велѣли вправить ихъ въ ящичекъ для конфектъ изъ горнаго хрусталя съ золотой оправой, и подарили мнѣ съ любезностью, которая меня восхитила. Г-жа де-Люксамбуръ никогда не хотѣла согласиться, чтобы ея портретъ былъ помѣщенъ снаружи ящика. Она нѣсколько разъ упрекала меня за то, что я люблю г. де-Люксамбура, болѣе чѣмъ ее; я не защищался отъ этихъ упрековъ, потому что они были справедливы. Помѣщеніемъ портрета внутри ящика она доказала мнѣ очень любезно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень ясно, что не забыла этого предпочтенія.

Почти въ это же самое время я сдѣлалъ глупость, которая не помогла мнѣ сохранить ея доброе расположеніе. Хотя я совсѣмъ не зналъ г. Силуэта, и былъ мало расположенъ любить его, но былъ высокаго мнѣнія о его административныхъ способностяхъ. Когда его рука стала тяготѣть надъ капиталистами, я понялъ, что онъ не вовремя началъ свою операцію; тѣмъ не менѣе я горячо желалъ ему успѣха и когда узналъ, что его смѣнили, то, по свойственному мнѣ легкомыслію, написалъ ему слѣдующее письмо, которое конечно не берусь защищать:

«Монморанси, 2-го декабря 1759 г.

«Удостойте, милостивый государь, принять привѣтъ отъ отшельника, неизвѣстнаго вамъ, но удивляющагося вашимъ талантамъ, уважающаго вашу администрацію, и который сдѣлалъ вамъ честь думать, что

она недолго останется въ вашихъ рукахъ Не будучи въ состоянiи спасти государство иначе, какъ въ ущербъ столицы, погубившей его, вы пренебрегли криками прiобрѣтателей денегъ. Видя, какъ вы уничтожаете этихъ негодяевъ, я завидовалъ вашему мѣсту, и узнавъ, что вы его оставляете, не отступивъ отъ своихъ правилъ, я вамъ удивляюсь. Будьте довольны собою, милостивый государь; вамъ остается честь, которою вы долго будете пользоваться безъ соперничества. Проклятiя негодяевъ составляютъ славу справедливаго человѣка».

(1760) Г-жа де-Люксамбуръ, знавшая объ этомъ письмѣ, говорила мнѣ о немъ въ мой прiѣздъ на святую. Я показалъ ей его; она пожелала имѣть съ него копiю, которую я и далъ ей; но я не зналъ, отдавая копiю съ письма, что она сама принадлежала къ этимъ добывателямъ денегъ, которые интересовались откупами, и которые смѣнили Силуэта. Судя по моимъ нелѣпостямъ, можно было подумать, что я точно нарочно старался возбудить противъ себя ненависть любезной и могущественной женщины, къ которой въ сущности я съ каждымъ днемъ привязывался все болѣе и болѣе, и немилости которой я вовсе не желалъ навлечь на себя, хотя и дѣлалъ все нужное для этого своими неловкостями. Я думаю, излишнимъ будетъ говорить, что исторiя опiата г-на Троншена, о которой я упоминалъ въ моей книгѣ, относится къ ней; другая дама была г-жа де-Мирпуа. Онѣ никогда не говорили мнѣ объ этой исторiи, и ни та, ни другая даже не показывали вида, что помнятъ о ней; но предположить, что г-жа де-Люксамбуръ могла дѣйствительно забыть ее, кажется мнѣ дѣломъ не легкимъ даже и тогда, когда бы не были извѣстны послѣдующiя событiя. Я утѣшалъ себя въ сдѣланныхъ мною глупостяхъ тѣмъ, что ни одна изъ нихъ не была сдѣлана съ цѣлью оскорбить ее; но какъ будто когда-нибудь женщина могла простить подобную ошибку, хотя бы она и вполнѣ была увѣрена, что въ ней нисколько не участвовалъ злой умыселъ.

Однако же, хотя она дѣлала видъ, что ничего не замѣчаетъ, ничего не чувствуетъ, и хотя я не находилъ еще, чтобы любезность ея уменьшилась или чтобы перемѣнилось ея обращенiе, тѣмъ не менѣе продолженiе, даже усиленiе моего основательнаго предчувствiя ежеминутно заставляло меня дрожать за то, чтобы скука не послѣдовала за пристрастiемъ. Могъ ли я разсчитывать на постоянство такой важной барыни, заставляя ее переносить мои неловкости? Я даже не умѣлъ скрыть отъ нея глупаго предчувствiя, терзавшаго меня и дѣлавшаго меня еще болѣе угрюмымъ. Объ этомъ могутъ судить изъ слѣдующаго письма, содержащаго въ себѣ очень странное предсказанiе. (Это письмо, не помѣченное никакимъ числомъ въ моихъ черновыхъ бумагахъ, было написано никакъ не позже октября 1760 года).

«Какъ жестока ваша доброта! Зачѣмъ нарушать спокойствіе отшельника, который отказался отъ удовольствій жизни, чтобы болѣе не чувствовать ея непріятностей. Я провелъ мои дни въ напрасномъ отыскиваніи прочныхъ привязанностей. Я не могъ найти ихъ въ тѣхъ сферахъ, до которыхъ могъ достичь,—неужели я долженъ искать ихъ въ вашей? Честолюбіе и деньги не прельщаютъ меня; я не тщеславенъ и не боязливъ, я могу противостоять всему, кромѣ ласкъ. Зачѣмъ вы оба нападаете на меня со стороны той изъ моихъ слабостей, которую должно побѣждать, такъ какъ при раздѣляющемъ насъ разстояніи, изліянія чувствующихъ сердецъ не должны приблизить меня къ вамъ? Достаточно ли будетъ благодарности для сердца, не умѣющаго отдаваться двумя способами, и способнаго только къ дружбѣ? Къ дружбѣ, герцогиня! Ахъ! вотъ въ чемъ мое несчастіе! Хорошо вамъ и маршалу употреблять такое выраженіе; но я безумецъ тѣмъ, что ловлю васъ на словѣ. Вы играете, а я привязываюсь, и конецъ игры приготовляетъ мнѣ новыя сожалѣнія! Какъ я ненавижу ваши титулы, и какъ я сожалѣю, что вы должны ихъ носить! Вы кажетесь мнѣ столь достойными пользоваться благами частной жизни! Отчего не живете вы въ Клярансѣ! Туда пошелъ бы я искать счастіе жизни,—но замокъ Монморанси, но дворецъ Люксамбурскій! Развѣ тамъ должны видѣть Жанъ-Жака? Развѣ туда другъ равенства долженъ нести привязанности чувствительнаго сердца, которое, платя такимъ образомъ за уваженіе, ему оказываемое, думаетъ что даетъ столько же, сколько само получаетъ? Вы добры и чувствительны, я это знаю,—я это видѣлъ; я сожалѣю о томъ, что не могъ ранѣе этому повѣрить; но въ вашемъ положеніи, при вашемъ образѣ жизни, ничто не можетъ производить продолжительнаго впечатлѣнія, и такое множество новыхъ предметовъ, взаимно сглаживая другъ друга, ни одному не позволяютъ оставаться долго. Вы забудете меня, милостивая государыня, поставивъ меня въ невозможность забыть васъ. Вы сдѣлаете много для того, чтобы составить мое несчастіе и чтобы поведеніе ваше нельзя было оправдать ничѣмъ».

Я упомянулъ въ этомъ письмѣ и о г. де-Люксамбурѣ для того, чтобы смягчить мои слова; но, собственно говоря, я такъ былъ въ немъ увѣренъ, что мнѣ въ голову не приходило сомнѣваться въ продолжительности его дружбы. То, чего боялся я со стороны супруги маршала, никогда не относилось къ нему. Я никогда не чувствовалъ ни малѣйшаго недовѣрія къ его характеру, который былъ хотя слабъ, но надеженъ. Я также мало боялся съ его стороны охлажденія, какъ и не ожидалъ героической привязанности. Простота и короткость нашего обращенія показывали, на сколько мы довѣряли другъ другу. И мы были правы: я буду уважать и любить память этого достойнаго сановника всю мою

жизнь; и какъ ни старались его отвлечь отъ меня, я все-таки увѣренъ, что онъ умеръ моимъ другомъ также, какъ еслибъ я присутствовалъ при его послѣднемъ вздохѣ.

Въ мой второй пріѣздъ въ Монморанси, въ 1760 году, чтеніе «Юліи» было кончено, и я прибѣгнулъ къ чтенію «Эмиля», чтобы поддержать себя передъ г-жею де-Люксамбуръ: но это плохо удалось мнѣ, отъ того ли, что предметъ чтенія былъ менѣе ей по вкусу, или отъ того, что чтеніе просто наконецъ надоѣдало ей. Однако, такъ какъ она упрекала меня въ томъ, что я позволялъ моимъ издателямъ надувать себя, то хотѣла, чтобы я предоставилъ ей заботы по изданію этого труда, для извлеченія изъ него наибольшей пользы. Я согласился на это только подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы сочиненіе мое печаталось не во Франціи, и по этому поводу мы имѣли съ ней длинный споръ: я утверждалъ, что невозможно получить согласіе, даже опасно его испрашивать, а безъ него я не желалъ печатать мою книгу въ королевствѣ; она же утверждала, что это не представитъ ни малѣйшаго затрудненія въ цензурномъ отношеніи, при той системѣ, которую приняло правительство. Она нашла способъ склонить на свою сторону Малерба. Онъ написалъ ко мнѣ по этому поводу длинное собственноручное письмо, гдѣ доказывалъ, что «Исповѣданіе вѣры савойскаго викарія» было именно сочиненіе, которое должно было заслужить повсюду одобреніе рода человѣческаго и даже одобреніе двора. Я былъ удивленъ, увидя, что этотъ чиновникъ, всегда столь боязливый, сдѣлался столь смѣлымъ въ этомъ дѣлѣ. Такъ какъ изданіе книги, которую онъ одобрялъ, поэтому самому становилось законнымъ, то мнѣ уже нечего было возражать противъ напечатанія моего труда. Однако, по какому-то странному безпокойству, я все-таки требовалъ, чтобы мое сочиненіе печаталось въ Голландіи и даже у издателя Неольма; я даже не довольствовался тѣмъ, что указалъ на него, но еще увѣдомилъ его объ этомъ, согласившись, впрочемъ, чтобы изданіе было сдѣлано въ пользу какого-нибудь французскаго книгопродавца, и послѣ выхода появилось въ Парижѣ или въ другомъ мѣстѣ, смотря по желанію, такъ какъ мнѣ не было дѣла до его продажи. Вотъ въ точности, что было рѣшено между мною и г-жею де-Люксамбуръ, и послѣ чего я вручилъ ей свою рукопись.

Она въ этотъ пріѣздъ привезла съ собою свою внучку, дѣвицу де-Буфлеръ, нынѣ герцогиню де-Лозенъ. Ее звали Амаліей. Это была прелестная особа. Она обладала фигурой, кротостью и застѣнчивостью дѣйствительно дѣвственными. Ничего не должно быть милѣе и интереснѣе ея лица, нѣжнѣе и цѣломудреннѣе тѣхъ чувствъ, которыя она внушала. Впрочемъ, она была еще ребенокъ, ей было только одиннадцать лѣтъ. Г-жа Люксамбуръ, находя ее черезъ чуръ застѣнчивой, старалась оживить

вить ее. Нѣсколько разъ позволяла она мнѣ поцѣловать ее, что я и исполнялъ съ своей всегдашней угрюмостью. Вмѣсто любезностей, которыя наговорилъ бы другой на моемъ мѣстѣ, я оставался нѣмымъ и смущеннымъ, и право не знаю, кто изъ насъ двоихъ, я или бѣдная малютка, былъ болѣе сконфуженъ. Однажды я встрѣтилъ ее одну на лѣстницѣ маленькаго замка: она приходила повидаться съ Терезой, съ которой еще оставалась ея мать. Не находя что сказать ей, я предложилъ ей поцѣлуй, который она не отвергла въ невинности души, получивъ такой же въ это самое утро по приказанію бабушки и въ ея присутствіи. На другой день, читая «Эмиля» у изголовья г-жи Люксамбуръ, я напалъ на такое мѣсто, гдѣ я не безъ причины порицаю то, что сдѣлалъ наканунѣ. Она нашла мое разсужденіе очень вѣрнымъ и сказала по этому случаю нѣсколько умныхъ словъ, отъ которыхъ я покраснѣлъ. Какъ проклялъ я мою невѣроятную глупость, благодаря которой я такъ часто казался гнуснымъ и виновнымъ, когда въ сущности я былъ только глупъ и застѣнчивъ — глупость, которую принимаютъ даже за лицемѣрное извиненіе въ человѣкѣ, не лишенномъ ума. Я могу поклясться, что въ этомъ поцѣлуѣ, столь предосудительномъ, также какъ и въ другихъ, сердце и чувства Амаліи не были чище моихъ, и я еще даже могу поклясться, что еслибъ въ ту минуту я могъ избѣгнуть встрѣчи съ нею, то сдѣлалъ бы это не потому, чтобы мнѣ не было пріятно видѣть ее, а потому что не находилъ сказать ей что нибудь пріятное. Какъ это возможно, чтобъ ребенокъ могъ напугать человѣка, не боящагося могущества королей? На что рѣшиться? Какъ вести себя, имѣя умъ, лишенный всякой находчивости? Если при встрѣчѣ съ людьми я стараюсь заговорить съ ними, то неизбѣжно говорю нелѣпость; если я промолчу, то выхожу мизантропомъ, свирѣпымъ животнымъ, медвѣдемъ. Полный идіотизмъ былъ бы для меня болѣе благопріятенъ; но таланты, которыхъ не доставало мнѣ въ обществѣ, сдѣлали орудіемъ моей погибели тѣ таланты, которые дѣйствительно существуютъ у меня.

Подъ конецъ этой самой поѣздки, г-жа де-Люксамбуръ сдѣлала доброе дѣло, въ которомъ я принялъ участіе. Дидро весьма неосторожно оскорбилъ княгиню де-Робекъ, дочь г. де-Люксамбура, а Палиссо, которому она покровительствовала, отмстилъ за нее комедіей «Философы», въ которой я былъ осмѣянъ, а Дидро обруганъ. Авторъ болѣе пощадилъ меня не потому, я думаю, что онъ былъ одолженъ мною, а потому что боялся не понравиться отцу своей благодѣтельницы, который, какъ онъ зналъ, любилъ меня. Книгопродавецъ Дюшенъ, котораго я тогда не зналъ, прислалъ мнѣ эту книгу, когда она была напечатана, и какъ я подозрѣваю, это было сдѣлано по приказанію Палиссо, думавшаго, быть можетъ, что мнѣ будетъ пріятно видѣть, какъ позорятъ человѣка, съ

которымъ я разошелся. Онъ очень ошибся. Разойдясь съ Дидро, я считалъ его не столько злымъ, сколько нескромнымъ и слабымъ, я сохранилъ въ душѣ привязанность къ нему и уваженіе къ нашей старой дружбѣ, которая, я увѣренъ, долго была искреннею съ его и съ моей стороны. Другое дѣло съ Гриммомъ; это былъ человѣкъ фальшивый, никогда меня не любившій, не способный даже любить, и который съ спокойнымъ сердцемъ, безъ всякаго повода къ жалобамъ, только изъ желанія удовлетворить своей черной зависти, сдѣлался, подъ маскою дружбы, самымъ жестокимъ моимъ клеветникомъ. Гриммъ обратился для меня въ ничто, Дидро всегда останется моимъ старымъ другомъ. Вся моя внутренность возмутилась при видѣ этой гнусной пьесы, я не могъ прочесть ее и не докончивъ, отослалъ къ Дюшену при слѣдующемъ письмѣ:

Монморанси, 21 мая 1760.

«Пробѣгая пьесу, присланную вами, я содрогнулся, увидя, что меня хвалятъ въ ней. Я не принимаю этого ужаснаго подарка; я увѣренъ, что посылая мнѣ его, вы не хотѣли меня оскорбить; но вы не знаете, или забываете, что я имѣлъ честь быть другомъ уважаемаго человѣка, недостойнымъ образомъ очерненнаго и оклеветаннаго въ этомъ пасквилѣ».

Дюшенъ показалъ это письмо Дидро, который, вмѣсто того, чтобы тронуться имъ, разсердился. Его самолюбіе не могло мнѣ простить превосходства великодушнаго поступка, и я узналъ, что жена его всюду говорила противъ меня съ злостью, которая мало меня трогала, такъ какъ всѣ знали ее за грубіянку.

Дидро, въ свою очередь, нашелъ мстителя за себя въ аббатѣ Морелле, который написалъ противъ Палиссо небольшую пьесу въ подражаніе «Маленькаго Пророка» и озаглавленную «Видѣніе». Онъ очень неосторожно оскорбилъ въ этомъ сочиненіи г-жу де-Робекъ, и друзья ея посадили его за это въ Бастилію; сама она, женщина совсѣмъ не мстительная, и въ то время больная при смерти, вѣроятно не вмѣшивалась въ это дѣло.

Д'Аламберъ, который былъ очень друженъ съ аббатомъ Морелле, написалъ ко мнѣ, прося, чтобы я уговорилъ г-жу де-Люксамбуръ похлопотать объ его освобожденіи, и обѣщая ей въ благодарность за это похвалить ее въ «Энциклопедіи» [1]. Вотъ мой отвѣтъ:

«Я не дождался вашего письма, милостивый государь, чтобы выра-

---

[1]) Это письмо, вмѣстѣ со многими другими, исчезло въ Люксамбурскомъ замкѣ, въ то время какъ мои бумаги находились тамъ на сбереженіи.

зить г-жѣ де-Люксамбуръ мое огорченіе по поводу ареста аббата Морелле. Она знаетъ объ участіи, принимаемомъ мною въ этомъ дѣлѣ, узнаетъ также и о вашемъ; для того, чтобы сама заинтересовалась, ей достаточно будетъ узнать, что онъ человѣкъ достойный. Впрочемъ, хотя она и г. маршалъ удостоиваютъ меня своимъ расположеніемъ, составляющимъ отраду моей жизни, и хотя названіе вашего друга можетъ служить въ ихъ глазахъ рекомендаціею для аббата Морелле, я не знаю однако же, на сколько прилично имъ употребить въ дѣло въ этомъ случаѣ значеніе, сопряженное съ ихъ званіемъ, и уваженіе, оказываемое имъ. Я даже не увѣренъ, что месть, о которой идетъ рѣчь, относится къ княгинѣ де-Робекъ на столько, на сколько вы предполагаете; а еслибъ это и было такъ, то не слѣдуетъ ожидать, чтобъ чувство мести исключительно принадлежало философамъ, и что когда они захотятъ сдѣлаться женщинами, женщины станутъ философами.

«Я передамъ вамъ все, что скажетъ г-жа Люксамбуръ, когда я покажу ей ваше письмо. Теперь же, я знаю ее на столько, что могу напередъ васъ увѣрить, что если бы она и имѣла удовольствіе способствовать освобожденію аббата Морелле, то все таки не приняла бы той благодарности, которую вы ей обѣщаете въ «Энциклопедіи», хотя и сочла бы это за честь; потому что она дѣлаетъ добро не ради похвалы, но чтобы удовлетворить потребностямъ своего добраго сердца».

Я ничего не щадилъ, чтобы возбудить состраданіе г-жи Люксамбуръ къ бѣдному заключенному, и это мнѣ удалось. Она нарочно поѣхала въ Версаль, чтобы повидаться съ графомъ Сенъ-Флорентеномъ, и эта поѣздка сократила путешествіе въ Монморанси, откуда маршалъ долженъ былъ уѣхать въ это же время, чтобы отправиться въ Руанъ, куда король посылалъ его губернаторомъ Нормандіи, по случаю волненій въ парламентѣ, которыя нужно было усмирить. Вотъ письмо, которое написала мнѣ г-жа Люксамбуръ, черезъ день послѣ своего отъѣзда.

«Версаль, среда (Св. Д, № 23).

«Г. Люксамбуръ выѣхалъ вчера въ шесть часовъ утра. Не знаю еще, поѣду ли я; я жду отъ него извѣстій, потому что онъ самъ не знаетъ сколько времени тамъ пробудетъ. Я видѣлась съ г. Сенъ-Флорентеномъ, который расположенъ какъ нельзя лучше къ аббату Морелле; но онъ находитъ препятствія, надъ которыми, впрочемъ, надѣется восторжествовать при первомъ докладѣ королю, который будетъ на будущей недѣлѣ. Я также просила какъ милости, чтобы его не ссылали, потому что объ этомъ шла рѣчь; его хотѣли сослать въ Нанси. Вотъ, милостивый государь, все, что я могла достичь; но я вамъ обѣщаю, что до тѣхъ поръ не

оставлю въ покоѣ г. Сенъ-Флорентена, пока дѣло не окончится такъ, какъ вы желаете. Я желала бы вамъ выразить теперь огорченіе, которое испытала, разставшись такъ рано съ вами, но надѣюсь, что вы не сомнѣваетесь въ немъ. Я люблю васъ отъ всего сердца и на всю жизнь».

Черезъ нѣсколько дней я получилъ записку отъ д'Аламбера, которая очень обрадовала меня:

«1-го августа (Св. Д, № 26).

«Благодаря вашимъ стараніямъ, мой милый философъ, аббатъ выпущенъ изъ Бастиліи, и его арестъ не будетъ имѣть другихъ послѣдствій. Онъ уѣзжаетъ въ деревню и вмѣстѣ со мной тысячу разъ благодаритъ васъ и свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе. Vale, et me ama».

Аббатъ тоже написалъ мнѣ нѣсколько дней спустя благодарственное письмо, не отличавшееся, впрочемъ, теплотою чувства, и въ которомъ, какъ мнѣ показалось, онъ хотѣлъ уменьшить цѣну оказанной мною услуги; а черезъ нѣсколько времени я замѣтилъ, что д'Аламберъ и онъ, не скажу чтобы вытѣснили меня, но наслѣдовали мнѣ въ милостяхъ г-жи Люксамбуръ, и что я потерялъ въ ея глазахъ на столько, на сколько они выиграли. Впрочемъ, я слишкомъ уважаю аббата Морелле, чтобы подозрѣвать его въ стараніи удалить меня. О д'Аламберѣ я молчу. О немъ я буду говорить впослѣдствіи.

Въ то же время у меня случилось другое дѣло, побудившее меня написать Вольтеру письмо, о которомъ онъ много кричалъ, какъ объ ужасномъ оскорбленіи, но котораго никогда никому не показалъ.—Я исполняю здѣсь то, чего онъ не хотѣлъ сдѣлать.

Аббатъ Трюбле, котораго я нѣсколько зналъ, но рѣдко видѣлъ, написалъ мнѣ 13 іюня 1760 г. (св. Д. № 11) письмо, чтобы увѣдомить меня, что г. Формей, его другъ и корреспондентъ, напечаталъ въ своемъ журналѣ мое письмо къ Вольтеру по поводу лиссабонской катастрофы. Аббатъ Трюбле хотѣлъ знать, какимъ образомъ могло быть напечатано это письмо, и съ своей іезуитской хитростью выспрашивалъ моего мнѣнія относительно этого напечатанія, не говоря мнѣ своего мнѣнія. Такъ какъ я не навижу въ высшей степени подобныхъ хитрецовъ, то поблагодарилъ его какъ слѣдовало, но такимъ тономъ, который далъ ему почувствовать мое неудовольствіе, что впрочемъ не мѣшало ему подъѣзжать ко мнѣ еще въ двухъ, трехъ письмахъ, пока наконецъ онъ узналъ все, что хотѣлъ узнать.

Я очень хорошо понялъ, что бы ни говорилъ Трюбле, что Формей не нашелъ этого письма напечатаннымъ и самъ напечаталъ его въ первый разъ. Я зналъ его за безстыднаго грабителя, который, безъ церемоніи, собиралъ доходъ съ чужихъ сочиненій, хотя въ то время еще не дошелъ

до невѣроятнаго безстыдства замѣнять своимъ именемъ имя автора на вышедшей уже въ свѣтъ книгѣ и продавать ее въ свою пользу [1]). Но какимъ образомъ досталась ему эта рукопись? Вотъ вопросъ, который не трудно разрѣшить, но которымъ я въ своей простотѣ затруднялся. Хотя о Вольтерѣ въ этомъ письмѣ я отзывался съ крайнимъ уваженіемъ, тѣмъ не менѣе онъ, не смотря на свои безчестные поступки, имѣлъ бы основаніе жаловаться, если бы я безъ его согласія напечаталъ письмо; а потому я рѣшился написать ему объ этомъ. Вотъ это второе письмо, на которое онъ не отвѣчалъ и которымъ, чтобы дать волю своей грубости, онъ притворился раздраженнымъ до бѣшенства:

«Монморанси, 17-го іюня 1760.

Я не думалъ, м. г., что мнѣ когда нибудь придется возобновить переписку съ вами. Но узнавъ, что письмо, которое я написалъ вамъ въ 1756 году напечатано въ Берлинѣ, я долженъ отдать вамъ отчетъ въ моемъ поведеніи въ этомъ дѣлѣ, и исполню эту обязанность правдиво и просто.

«Это письмо, посланное дѣйствительно къ вамъ, не назначалось для печати. Я показалъ его, подъ условіемъ молчанія, тремъ лицамъ, отъ которыхъ права дружбы не позволяли мнѣ скрывать что либо и которымъ тѣ же права еще менѣе позволяли употребить во зло мою довѣренность и нарушить свое обѣщаніе. Эти три особы были г-жа де-Шенонсо, невѣстка г-жи Дюпенъ, графиня Гудето, и одинъ нѣмецъ, по имени Гриммъ. Г-жа де-Шенонсо желала, чтобы это письмо было напечатано и просила моего согласія на это. Я сказалъ, что мое согласіе зависитъ отъ вашего. Когда у васъ спросили согласія, вы его не дали, а потому объ этомъ не было болѣе и рѣчи.

«Однакоже г. аббатъ Трюбле, съ которымъ у меня нѣтъ никакихъ сношеній, написалъ мнѣ изъ вѣжливости, что, получивъ журналъ Формея, онъ прочелъ въ немъ это самое письмо, съ примѣчаніемъ издателя отъ 23 октября 1759, въ которомъ сказано, что, онъ нашелъ письмо нѣсколько недѣль тому назадъ у берлинскихъ книгопродавцевъ, въ одномъ изъ летучихъ листковъ, исчезающихъ безвозвратно вскорѣ по появленіи въ свѣтъ,—почему и счелъ долгомъ перепечатать его въ своемъ журналѣ.

«Вотъ, м. г., все, что я объ этомъ знаю. Достовѣрно то, что до сихъ поръ въ Парижѣ даже не слыхали объ этомъ письмѣ. Ясно, что экземпляръ этого письма въ рукописи или напечатанный, могъ попасть въ

---

[1]) Что впослѣдствіи онъ сдѣлалъ съ «Эмилемъ».

руки Формея только черезъ васъ, что невѣроятно, или черезъ одну изъ трехъ вышепоименованныхъ особъ. Но я твердо убѣжденъ, что эти дамы неспособны на такой поступокъ. Я не могъ узнать ничего больше въ моемъ уединеніи. У васъ есть сношенія, посредствомъ которыхъ вамъ было бы легко, если бы дѣло стоило того, добраться до его источника и повѣрить факты.

«Въ томъ же письмѣ аббатъ Трюбле сообщаетъ мнѣ, что онъ припряталъ этотъ листъ и не отдастъ его никому безъ моего согласія, котораго я, конечно, не дамъ. Но этотъ экземпляръ, можетъ быть, не единственный въ Парижѣ. Я желаю, м. г., чтобы это письмо не было напечатано въ столицѣ, и сдѣлаю для этого все, что могу; но если я не буду въ состояніи воспротивиться этому и буду увѣдомленъ во время, тогда я не задумаюсь напечатать его самъ. Это мнѣ кажется справедливымъ и естественнымъ.

«Что касается до вашего отвѣта на упомянутое письмо, то я не показалъ его никому и вы можете быть увѣрены, что оно не будетъ напечатано безъ вашего согласія *), и конечно я не буду на столько нескроменъ, чтобы просить его у васъ, зная, что когда человѣкъ пишетъ къ кому нибудь, то конечно пишетъ не для публики. Но если вы захотите написать отвѣтъ не для печатанія и прислать его ко мнѣ, то я обѣщаю спрятать его вмѣстѣ съ моимъ письмомъ и не возражать на него ни слова.

«Я не люблю васъ, м. г., вы мнѣ причинили самыя чувствительныя огорченія, мнѣ, вашему ученику, восторгавшемуся вами. Вы погубили Женеву въ отплату за данное вамъ ею убѣжище, вы отдалили отъ меня моихъ согражданъ въ отплату за похвалы, которыя я расточалъ вамъ между ними, вы мнѣ сдѣлали невыносимымъ пребываніе въ моемъ отечествѣ, вы заставите меня умереть въ чужой землѣ, лишеннымъ всѣхъ утѣшеній, необходимыхъ для умирающаго, и брошеннымъ безъ всякихъ почестей въ живодерню, между тѣмъ какъ всѣ почести, которыхъ только въ состояніи достичь человѣкъ, будутъ воздаваться вамъ въ моемъ отечествѣ. Наконецъ, я ненавижу васъ, потому что вы этого хотите; но я ненавижу васъ, какъ человѣкъ, еще болѣе достойный любить васъ, если бы вы этого захотѣли. Изъ всѣхъ чувствъ, которыми было наполнено мое сердце въ отношеніи къ вамъ, у меня осталось только удивленіе, въ которомъ нельзя отказать вашему высокому генію, и любовь къ вашимъ твореніямъ. Если я могу уважать въ васъ только ваши та-

*) Разумѣется, пока мы оба живы,—и конечно при самыхъ добросовѣстныхъ отношеніяхъ, особенно съ человѣкомъ, который все топчетъ ногами, нельзя требовать болѣе.

ланты, то это не моя вина. Я никогда не забуду ни уваженія, которое подабаетъ имъ, ни того, чего требуетъ отъ меня это уваженіе. Прощайте, м. г.» [1]).

Среди всѣхъ этихъ мелкихъ литературныхъ ссоръ, болѣе и болѣе поддерживавшихъ меня въ принятомъ рѣшеніи, я удостоился самой большой чести, какую только когда нибудь доставляла мнѣ литература и которая очень тронула меня: это было—двукратное посѣщеніе принца Конти, навѣстившаго меня разъ въ маломъ замкѣ и другой въ Монъ-Луи. Онъ даже оба раза выбралъ время, когда г-жи Люксамбуръ не было въ Монморанси, чтобы яснѣе показать, что пріѣзжалъ туда только для меня.

Я никогда не сомнѣвался, что добрымъ расположеніемъ этого принца я былъ обязанъ прежде всего г-жамъ Люксамбуръ и Буффлеръ, но не сомнѣваюсь также, что впослѣдствіи это расположеніе поддерживалось его собственными чувствами и мной самимъ [2]).

Такъ какъ мое помѣщеніе въ Монъ-Луи очень тѣсно, а мѣстоположеніе башни очень красиво, то я повелъ туда принца, который къ довершенію любезности хотѣлъ, чтобы я имѣлъ честь сыграть съ нимъ въ шахматы. Я зналъ, что онъ обыгрывалъ кавалера Лоренци, который былъ сильнѣе меня. Однако, не смотря на знаки и гримасы кавалера и присутствующихъ, на которыхъ я не обратилъ вниманія, я выигралъ обѣ партіи, которыя мы сыграли. Окончивъ игру, я сказалъ почтительно, но серьезно: «ваше свѣтлость, я слишкомъ уважаю васъ, чтобы не обыгрывать васъ постоянно въ шахматы». Этотъ умный и достойный принцъ, заслуживающій вполнѣ быть избавленнымъ отъ лести, дѣйствительно почувствовалъ,—по крайней мѣрѣ я такъ думаю,—что изъ всѣхъ присутствующихъ только я одинъ обращался съ нимъ какъ съ человѣкомъ, и я имѣю причины думать, что онъ остался мнѣ благодарнымъ за это.

Если бы даже онъ остался недоволенъ, я бы не сталъ упрекать себя за то, что не хотѣлъ его ни въ чемъ обмануть; не могу также упрекать себя и въ томъ, что дурно отвѣчалъ на его доброе расположеніе, хотя

---

[1]) Должно замѣтить, что въ теченіи семи лѣтъ, прошедшихъ со времени написанія этого письма, я не говорилъ о немъ ни съ кѣмъ и не показывалъ его ни одной душѣ. Тоже было и съ двумя письмами, которыя г. Юмъ принудилъ меня написать ему въ прошломъ году, пока онъ не надѣлалъ, по поводу ихъ, всѣмъ извѣстнаго шума. Все дурное, что мнѣ приходится говорить о моихъ врагахъ, я говорю имъ самимъ наединѣ, хорошее же, если оно есть, я высказываю публично и отъ всего сердца.

[2]) Замѣтьте мою упорную, слѣпую довѣрчивость среди всѣхъ обстоятельствъ, которыя скорѣе всего должны бы были открыть мнѣ глаза. Эта довѣрчивость прекратилась только съ моего возвращенія въ Парижъ въ 1770 г.

иногда и отвѣчалъ неохотно, тогда какъ онъ всегда былъ крайне любезенъ въ отношеніи ко мнѣ. Нѣсколько дней спустя онъ прислалъ мнѣ корзину дичи, которую я принялъ какъ слѣдовало, потомъ прислалъ другую и одинъ изъ его егерей написалъ мнѣ по его приказанію, что дичь была убита собственной рукой его свѣтлости. Я опять принялъ дичь, но написалъ г-жѣ де-Буффлеръ, что больше не приму. Это письмо встрѣтило всеобщее осужденіе—и по-дѣломъ. Отказываться отъ дичи, присылаемой въ подарокъ принцемъ крови, и притомъ съ такою вѣжливостью, не есть деликатность гордаго человѣка, который хочетъ сохранить свою независимость, а скорѣе неблаговоспитанность зазнающагося невѣжды. Я ни разу не могъ перечитать это письмо, безъ того, чтобы не покраснѣть и не упрекнуть себя въ томъ, что написалъ его. Но я не для того пишу «Исповѣдь», чтобы молчать о своихъ глупостяхъ, а эта глупость слишкомъ возмущаетъ меня, чтобы позволительно было скрывать ее.

Если я не имѣлъ глупости сдѣлаться соперникомъ принца, то по крайней мѣрѣ былъ близокъ отъ этого, потому что г-жа де-Буффлеръ была еще его любовницей, а я ничего объ этомъ не зналъ. Она часто навѣщала меня съ кавалеромъ Лоренци. Она еще была прекрасна и молода и щеголяла римскимъ складомъ ума, а я былъ всегда романтиченъ, что близко подходило одно къ другому. Я чуть не попался къ ней въ сѣти: кажется, она это замѣтила, также какъ и кавалеръ; по крайней мѣрѣ онъ заговорилъ со мною объ этомъ и не отнималъ у меня надежды; но на этотъ разъ я былъ благоразуменъ, да и пора была образумиться въ пятьдесятъ лѣтъ. Помня урокъ, который я давалъ старикамъ въ письмѣ къ д'Аламберу, я стыдился мысли дѣйствовать вопреки этому уроку; притомъ же, когда я узналъ то, чего не зналъ до тѣхъ поръ, то развѣ въ припадкѣ помѣшательства мнѣ можно было простирать свои виды такъ далеко. Кромѣ того, не совсѣмъ еще излѣчившись отъ страсти къ г-жѣ Гудето, я чувствовалъ, что ничто не въ состояніи замѣнить ее въ моемъ сердцѣ и простился съ любовью на всю жизнь. Въ ту минуту какъ я пишу это, одна молодая женщина, имѣющая свои виды, пробовала нарушить мое спокойствіе своими прекрасными глазками, но если она, повидимому, забыла мои годы, то я помнилъ о нихъ. Счастливо отдѣлавшись отъ этой опасности, я не боюсь больше паденій и отвѣчаю за себя на всю остальную жизнь.

Г-жа де-Буффлеръ, замѣтивъ впечатлѣніе, которое она произвела на меня, могла также замѣтить, что я восторжествовалъ надъ своею слабостью. Я не на столько глупъ и не на столько тщеславенъ, чтобы думать, что я могъ внушить ей страсть въ мои годы; но по нѣкоторымъ намекамъ, которые она сдѣлала Терезѣ, мнѣ кажется, что я возбудилъ

ея любопытство; если это такъ и если она не простила мнѣ этого обманутаго любопытства, то я долженъ признаться, что рожденъ для того, чтобы быть жертвой моихъ слабостей, потому что любовь, побѣдившая меня, была гибельна, а любовь побѣжденная мною, сдѣлалось еще гибельнѣе.

Здѣсь кончается собраніе писемъ, служившихъ мнѣ руководствомъ въ этихъ двухъ книгахъ. Теперь я буду идти только по слѣдамъ своихъ воспоминаній, но воспоминанія объ этой жестокой эпохѣ таковы и оставленное ими впечатлѣніе такъ сильно, что блуждая въ неизмѣримомъ океанѣ моихъ несчастій, я не могу забыть подробности моего перваго крушенія, хотя воспоминанія мои о его послѣдствіяхъ очень темны. Поэтому въ слѣдующей книгѣ я могу еще идти съ нѣкоторою увѣренностью. Если мнѣ придется идти далѣе, то не иначе какъ ощупью.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ.

— 1761. — Хотя «Юлія», уже давно печатавшаяся, еще не вышла въ свѣтъ въ концѣ 1760 года, но она заставляла уже говорить о себѣ. Г-жа Люксамбуръ говорила о ней при дворѣ, г-жа Гудето въ Парижѣ. Эта послѣдняя даже получила отъ меня для Сенъ-Ламбера позволеніе прочесть ее въ рукописи польскому королю, котораго она привела въ восхищеніе. Дюкло, которому я также прочелъ ее, говорилъ о ней въ академіи. Весь Парижъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ выхода этого романа. книгопродавцы улицы С. Жакъ и Палерояльской были осаждаемы толпой, освѣдомлявшейся о ней. Она наконецъ явилась и успѣхъ ея, противъ обыкновенія, соотвѣтствовалъ нетерпѣнію, съ которымъ ее ожидали. Супруга дофина, которая прочла ее одна изъ первыхъ, говорила о ней г-жѣ Люксамбуръ, какъ о восхитительномъ твореніи. Мнѣнія литераторовъ раздѣлились; но въ свѣтѣ было только одно мнѣніе, и женщины въ особенности восхищались и книгой и авторомъ до такой степени, что не было ни одной, даже въ самыхъ высшихъ кругахъ, надъ которой я не одержалъ бы побѣды, еслибы захотѣлъ попытаться. У меня есть на это доказательства, о которыхъ я не хочу писать, и которыя, не нуждаясь въ испытаніи, подтверждаютъ мое мнѣніе. Странно, что эта книга имѣла болѣе успѣха во Франціи, чѣмъ въ остальной Европѣ, хотя въ ней высказано не очень хорошее мнѣніе о французахъ, какъ мужчинахъ такъ и женщинахъ. Совершенно противъ моего ожиданія, самый меньшій успѣхъ имѣла она въ Швейцаріи, а самый большой

въ Парижѣ. Неужели любовь, дружба, добродѣтель царствують въ Парижѣ болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь? Безъ сомнѣнія нѣтъ; но въ Парижѣ господствуетъ то тонкое чувство, которое восхищаетъ сердце при ихъ изображеніи и заставляетъ насъ любить въ другихъ тѣ чистыя, нѣжныя и честныя чувства, которыхъ нѣтъ у насъ самихъ. Въ настоящее время нравы вездѣ одинаково испорчены. Въ Европѣ нѣтъ болѣе ни нравственности, ни добродѣтели, но если существуетъ гдѣ нибудь любовь къ нимъ, то ее нужно искать въ Парижѣ [1]).

Нужно умѣть хорошо анализировать человѣческое сердце, чтобы среди столькихъ предразсудковъ и ложныхъ страстей отыскать въ немъ чувства, положенныя въ него природой. Нужно имѣть деликатный тактъ, пріобрѣтаемый только воспитаніемъ большого свѣта, чтобы понимать, если смѣю такъ выразиться, всѣ сердечныя тонкости, которыми наполнено это сочиненіе. Я безъ опасенія ставлю его четвертую часть рядомъ съ «Принцессой Клевской» и утверждаю, что если бы эти сочиненія были прочитаны только въ провинціи, ихъ достоинство никогда не было бы оцѣнено. Поэтому не должно удивляться, что самый большой успѣхъ эта книга имѣла при дворѣ. Она наполнена живыми, но не явно выраженными идеями, которыя должны были нравиться при дворѣ, потому что тамъ болѣе привыкли понимать ихъ. Но и тутъ надо имѣть въ виду нѣкоторыя условія. Такое чтеніе, конечно, не можетъ быть доступно тѣмъ людямъ, которыхъ умъ есть только хитрость, которые способны только понимать зло и ничего не смыслятъ тамъ, гдѣ есть только одно хорошее. Еслибы, напримѣръ, «Юлія» была напечатана въ одной, извѣстной мнѣ странѣ, то я увѣренъ, что никто не прочелъ бы ее до конца и она погибла бы при самомъ рожденіи.

Я собралъ большую часть писемъ, написанныхъ ко мнѣ по поводу этой книги, въ одну связку, которая находится теперь въ рукахъ г-жи Надельякъ. Если когда нибудь это собраніе явится въ свѣтъ, въ немъ увидятъ множество странныхъ вещей и совершенно противуположныя другъ другу сужденія, которыя показываютъ, что значитъ имѣть дѣло съ публикой. То, что всего менѣе замѣтили въ этой книгѣ и что всегда будетъ дѣлать изъ нея твореніе единственное въ своемъ родѣ — это простота сюжета и непрерывный интересъ, который, сосредоточиваясь въ трехъ лицахъ, поддерживается неослабно во всѣхъ шести томахъ, безъ эпизодовъ, безъ романическихъ приключеній, безъ малѣйшей злости ни въ дѣйствующихъ лицахъ, ни въ дѣйствіи. Дидро прославлялъ Ричардсона за поразительное разнообразіе его картинъ и множество дѣйствующихъ лицъ. Заслуга Ричардсона состоитъ дѣйствительно въ томъ, что онъ

---

[1]) Я писалъ это въ 1769 году.

всѣхъ ихъ охарактеризовалъ хорошо; но что касается до ихъ множества, то у него это общая слабость съ самыми нелѣпыми романистами, которые пустоту своихъ идей хотятъ пополнить множествомъ лицъ и приключенiй. Легко возбудить вниманiе, вводя безпрестанно неслыханныя происшествiя и новыя лица, которыя проходятъ предъ читателемъ, какъ тѣни волшебнаго фонаря; но поддерживать постоянно это вниманiе на однихъ и тѣхъ же лицахъ и безъ чудесныхъ приключенiй, конечно, гораздо труднѣе, и если, при равенствѣ всѣхъ условiй, простота сюжета увеличиваетъ красоту сочиненiя, то романы Ричардсона, превосходные во многихъ отношенiяхъ, въ этомъ отношенiи не могутъ сравниться съ моимъ. Онъ однако же погибъ, я это знаю, и знаю по какой причинѣ; но онъ воскреснетъ.

Я опасался только, чтобы эта простота не сдѣлала мой романъ скучнымъ и чтобы я не былъ въ состоянiи поддержать интересъ до конца. Я былъ успокоенъ однимъ фактомъ, который польстилъ мнѣ болѣе, чѣмъ всѣ похвалы, доставленныя мнѣ этой книгой.

Она явилась въ свѣтъ въ началѣ масляницы. Разнощикъ принесъ ее къ княгинѣ Тальмонъ [1]) въ день бала въ оперѣ. Послѣ ужина она велѣла подать себѣ одѣваться, и въ ожиданiи отъѣзда принялась читать новый романъ. Въ полночь она приказала закладывать лошадей и продолжала читать. Ей пришли сказать, что лошади готовы, она ничего не отвѣчала. Люди ея, видя что она забывается, пришли сказать ей, что уже два часа. — Не къ чему спѣшить, сказала она, продолжая читать. Нѣсколько времени спустя, увидя, что ея часы остановились, она позвонила, чтобы узнать который часъ. Ей отвѣчали, что уже четыре часа.— Теперь уже поздно ѣхать на балъ—сказала она—пусть отпрягутъ лошадей. Она раздѣлась и провела всю ночь за чтенiемъ.

Съ тѣхъ поръ какъ мнѣ разсказали этотъ случай, я сильно желалъ видѣть г-жу Тальмонъ не только для того, чтобы узнать отъ нея самой, справедливъ ли этотъ разсказъ, но и потому, что я всегда думалъ, что нельзя было такъ интересоваться «Элоизой», не имѣя шестаго чувства— нравственнаго чутья, которымъ одарены лишь немногiе и безъ котораго нельзя понять мое сердце.

Что особенно расположило ко мнѣ женщинъ, такъ это увѣренность ихъ въ томъ, что я написалъ свою собственную исторiю и что я самъ герой этого романа. Эта увѣренность была такъ сильна, что г-жа Полиньякъ писала г-жѣ Верделенъ, чтобы она попросила меня показать ей портретъ Юлiи. Всѣ были увѣрены, что нельзя выражать такъ живо

[1]) Не къ ней, а къ другой дамѣ, которой имени я не знаю; но фактъ достовѣренъ.

чувства, которыхъ человѣкъ не испыталъ самъ, и что невозможно описывать восторги любви иначе, какъ по опыту собственнаго сердца. Въ этомъ отношеніи онѣ были правы и конечно я писалъ этотъ романъ въ самыхъ сильныхъ порывахъ восторженности; но ошиблись тѣ, которые думали, что для того, чтобы вызвать эти восторги, необходимы были дѣйствительныя существа; никто не могъ вообразить себѣ, до какой степени я могу воспламеняться существами воображаемыми. Я не хотѣлъ ни подтверждать, ни опровергать выгодное для себя заблужденіе. Изъ предисловія, напечатаннаго отдѣльно, въ видѣ разговора, можно видѣть, въ какой неизвѣстности оставлялъ я публику на этотъ счетъ. Ригористы говорятъ, что я долженъ былъ прямо объявить истину. Что касается до меня, то я не вижу, что могло бы меня обязывать къ этому и думаю, что такое, не вынуждаемое необходимостью объясненіе, было бы болѣе глупо, чѣмъ искренно.

Почти въ то же время вышелъ въ свѣтъ «Вѣчный Миръ», проданный мною еще въ предыдущемъ году въ рукописи нѣкоему г. Бастидъ, издателю журнала «Міръ», въ которомъ онъ во что бы то ни стало хотѣлъ помѣстить всѣ мои сочиненія. Онъ былъ знакомъ съ г. Дюкло и отъ его имени пришелъ просить меня помочь ему наполнять страницы «Міра». Онъ слышалъ объ «Юліи» и хотѣлъ, чтобы я помѣстилъ ее въ его журналѣ; онъ хотѣлъ также помѣстить въ немъ «Эмиля», и захотѣлъ бы напечатать и «Общественный Договоръ», если бы подозрѣвалъ о его существованіи. Наконецъ, наскучивъ его приставаніемъ, я рѣшился уступить ему за двѣнадцать луидоровъ мое извлеченіе изъ «Вѣчнаго Мира». Мы условились, чтобы онъ напечаталъ его въ своемъ журналѣ, но чуть только оно попало ему въ руки, какъ онъ заблагоразсудилъ напечатать его отдѣльно съ нѣкоторыми пропусками, требовавшимися цензурой. Что было бы еще, если бы я присоединилъ къ этому извлеченію мой разборъ всего сочиненія, о которомъ я къ счастью ничего не сказалъ г. Бастиду и который поэтому не былъ включенъ въ нашу сдѣлку! Этотъ разборъ до сихъ поръ хранится въ рукописи между моими бумагами. Если когда нибудь онъ выйдетъ въ свѣтъ, читатели увидятъ, какъ смѣшны должны были казаться мнѣ шутки и важный тонъ Вольтера по этому поводу,—мнѣ, видѣвшему такъ ясно некомпетентность этого бѣдняка въ политическихъ дѣлахъ, о которыхъ онъ брался говорить.

Посреди моихъ успѣховъ въ публикѣ и общей благосклонности дамъ, я чувствовалъ, что значеніе мое въ люксамбурскомъ отелѣ падало, не въ глазахъ маршала, котораго дружба и доброта ко мнѣ, напротивъ, повидимому усиливались съ каждымъ днемъ, но въ глазахъ его супруги. Послѣ того какъ предметъ нашихъ чтеній истощился, двери ея комнаты стали рѣже отворяться передо мной, и во время ея пріѣздовъ въ Мон-

моранси я видѣлъ ее только за столомъ, хотя являлся къ ней очень аккуратно. Даже мое мѣсто за столомъ подлѣ нея не было такъ строго охраняемо какъ прежде. Такъ какъ она мнѣ его не предлагала, говорила со мной мало, да и мнѣ не о чемъ было съ ней говорить, то я охотнѣе занималъ другое мѣсто, особенно вечеромъ, и машинально, мало по малу, привыкъ садиться ближе къ маршалу.

Кстати о вечерахъ; помнится, я сказалъ, что не ужиналъ въ замкѣ, и такъ было дѣйствительно въ началѣ знакомства; но такъ какъ г. Люксамбуръ не обѣдалъ и даже не садился за столъ, то оказывалось, что по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ знакомства, будучи уже своимъ человѣкомъ въ домѣ, я ни разу не сидѣлъ за столомъ съ нимъ. Онъ былъ такъ любезенъ, что замѣтилъ это. Это побудило меня приходить иногда къ ужину, что впослѣдствіи мнѣ понравилось, потому что обѣдали мы на скоро, почти не садясь, тогда какъ ужинъ длился очень долго, вслѣдствіе общаго желанія отдохнуть по возвращеніи съ длинной прогулки, былъ очень хорошъ, потому что г. Люксамбуръ любилъ покушать, и очень пріятенъ, потому что г-жа Люксамбуръ угощала очаровательно. Безъ этого объясненія былъ бы не понятенъ конецъ одного письма маршала (св. С, № 36), въ которомъ онъ пишетъ, что съ наслажденіемъ вспоминаетъ наши прогулки, «въ особенности, — прибавляетъ онъ — когда, возвращаясь вечеромъ, мы не находили въ дворѣ слѣдовъ колесъ»;—тутъ дѣло въ томъ, что такъ какъ каждое утро на дворѣ замка сглаживали граблями песокъ, то по количеству слѣдовъ на пескѣ, я судилъ о числѣ пріѣзжавшихъ послѣ обѣда гостей.

Этотъ 1761 годъ довершилъ безпрестанныя потери, испытавшіяся добрымъ вельможей, съ тѣхъ поръ какъ я имѣлъ честь познакомиться съ нимъ, — какъ будто несчастья, готовившіяся мнѣ судьбой, должны были начаться съ человѣка, къ которому я былъ всего болѣе привязанъ и который былъ такъ достоинъ этой привязанности. Въ первый годъ нашего знакомства онъ лишился своей сестры, герцогини Вильруа, на второй — потерялъ единственнаго сына, герцога Монморанси, и внука, графа Люксамбурскаго; это лишило его единственныхъ и послѣднихъ опоръ его рода и имени. По наружности онъ перенесъ всѣ эти потери съ твердостью, но сердце его не переставало страдать всю остальную жизнь, и здоровье его болѣе и болѣе разстраивалось. Непредвидѣнная и трагическая смерть сына должна была тѣмъ болѣе подѣйствовать на него, что она случилась именно въ то время, когда король предоставилъ его сыну и обѣщалъ внуку послѣ смерти самого герцога занимавшуюся имъ должность командира лейбъ-гвардейцевъ. Онъ имѣлъ несчастье видѣть, какъ мало по малу угасалъ этотъ послѣдній ребенокъ, жертва слѣпой довѣренности матери къ медику, который уморилъ бѣднаго ребенка съ голоду,

питая его одними лекарствами. Увы! если бы послушались меня, и дѣдъ и внукъ были бы до сихъ поръ живы. Чего только я не говорилъ, чего не писалъ маршалу, какихъ внушеній не дѣлалъ г-жѣ Монморанси по поводу болѣе чѣмъ строгой діеты, на которой она, по совѣту медика, держала своего сына! Г-жа де-Люксамбуръ, соглашаясь въ этомъ со мной, не хотѣла вмѣшиваться въ права матери. Самъ маршалъ, человѣкъ тихій и слабый, не любилъ противорѣчить. Г-жа де-Монморанси такъ слѣпо вѣрила въ Борде, что сынъ ея сдѣлался наконецъ жертвой этой вѣры. Какъ радовался этотъ бѣдный ребенокъ, когда ему удавалось, получивъ позволеніе, пріѣхать въ Монъ-Луи съ г-жею Буффлеръ, спросить поѣсть у Терезы и наполнить какой нибудь пищей свой голодный желудокъ! Какъ скорбѣлъ я о ничтожности величія, когда видѣлъ, какъ единственный наслѣдникъ богатаго и знатнаго дома, стольких титуловъ и почестей, пожиралъ съ жадностью нищаго несчастный кусокъ хлѣба! Наконецъ, не смотря на всѣ мои старанія, медикъ восторжествовалъ, а ребенокъ умеръ съ голоду.

Тоже самое довѣріе къ шарлатанамъ, которое погубило внука, вырыло могилу дѣду; къ этому еще присоединилось малодушное желаніе герцога скрывать отъ себя недуги, происходящіе отъ старости. У маршала иногда болѣлъ большой палецъ ноги; припадокъ этой боли случился въ Монморанси и причинилъ ему безсонницу и легкую лихорадку. Я осмѣлился произнести слово подагра, г-жа Люксамбуръ пожурила меня. Каммердинеръ, онъ же и хирургъ маршала, утверждалъ, что это не подагра и началъ прикладывать къ больному мѣсту успокоительный бальзамъ. Къ несчастью, боль утихла, и понятно, что когда она возвратилась, то не преминули употребить тоже лекарство, которое помогло въ первый разъ; здоровье ослабѣло, боли увеличились, а вмѣстѣ съ ними пошли въ ходъ и лекарства. Г-жа Люксамбуръ, которая очень хорошо поняла теперь, что это подагра, воспротивилась этому безумному леченію. Отъ ней стали скрывать ходъ болѣзни, и г. Бюксамбуръ погибъ по своей винѣ черезъ нѣсколько лѣтъ, собственно вслѣдствіе упорнаго желанія выздоровѣть во что бы то ни стало Но не будемъ забѣгать въ передъ такъ далеко: много остается мнѣ еще разсказать несчастій, прежде чѣмъ дойду до этого.

Странно, что всѣ мои слова и дѣйствія, повидимому самой судьбой были обречены на то, чтобы не нравиться г-жѣ Люксамбуръ, даже въ то время, когда я болѣе всего желалъ сохранить ея благоволеніе. Горести, испытывавшіяся маршаломъ, только привязывали меня къ нему еще болѣе, а слѣдовательно и къ его женѣ, потому что они мнѣ всегда казались такъ тѣсно связанными, что чувства, питавшіяся къ одному изъ нихъ, необходимо переходили и на другаго. Маршалъ старѣлъ. Постоян-

ныя посѣщенія двора, заботы, соединенныя съ этимъ, безпрерывныя охоты, въ особенности утомленіе отъ дежурствъ, требовали силъ молодаго человѣка, и я увидѣлъ, что ему не выдержать этой службы. Такъ какъ его должности должны были перейти къ другимъ, а имя его — угаснуть послѣ смерти, то ему не было нужды продолжать трудовую жизнь, главная цѣль которой была сохранить милость короля своимъ дѣтямъ. Однажды, когда мы были только втроемъ и онъ жаловался на утомленіе, какъ человѣкъ, котораго понесенныя потери лишили мужества, я осмѣлился заговорить съ нимъ объ отставкѣ и дать ему совѣтъ, который Кинеасъ далъ Пирру. Онъ вздохнулъ и не далъ рѣшительнаго отвѣта, но въ первый разъ, когда г-жа Люксамбуръ увидѣлась со мной наединѣ, она сдѣлала мнѣ выговоръ за этотъ совѣтъ, который, кажется, огорчилъ ее. Она прибавила еще нѣсколько словъ, справедливость которыхъ я почувствовалъ и которыя заставили меня отказаться отъ желанія тронуть еще разъ ту же струну; именно она сказала, что долгая привычка жить при дворѣ дѣлалась настоящею потребностью, что въ настоящее время она была даже развлеченіемъ для г-на Люксамбура и что отставка, которую я ему совѣтовалъ, будетъ для него не столько отдыхомъ, сколько ссылкой, въ которой праздность, скука, тоска скоро убьютъ его. Хотя она должна была видѣть, что убѣдила меня, хотя она должна была разсчитывать на обѣщаніе, которое я ей далъ и которое сдержалъ, но повидимому она никогда не успокоилась на этотъ счетъ, и я помню, что съ тѣхъ поръ наши свиданія съ маршаломъ наединѣ сдѣлались рѣже и были почти всегда прерываемы.

Между тѣмъ какъ моя неловкость и мое несчастіе вообще вредили мнѣ въ мнѣніи г-жи де-Люксамбуръ, — люди, которые бывали у нея и которыхъ она болѣе всего любила, дѣйствовали не въ мою пользу. Аббатъ де-Буффлеръ въ особенности, одинъ изъ самыхъ блестящихъ молодыхъ людей на свѣтѣ, казался не расположеннымъ ко мнѣ, и не только онъ одинъ изъ всего общества супруги маршала не оказывалъ мнѣ никогда никакого вниманія, но я замѣтилъ, что послѣ всякаго пріѣзда его вь Монморанси, я терялъ въ ея мнѣніи; правда, что для этого достаточно было одного его присутствія, потому что при блестящихъ и остроумныхъ его разговорахъ, мои тяжелыя выходки казались еще тяжелѣе. Первые два года онъ почти не пріѣзжалъ въ Монморанси и, благодаря снисхожденію г-жи Люксамбуръ, я кое-какъ держался; но какъ скоро онъ сталъ появляться почаще, я погибъ безъ возврата. Я хотѣлъ было прибѣгнуть подъ его покровительство и подружиться съ нимъ, но таже самая угрюмость, которая вынуждала меня желать ему понравиться, помѣшала мнѣ успѣть въ этомъ, а неловкость моя въ этомъ отношеніи окончательно погубила меня во мнѣніи супруги маршала. Съ такимъ

умомъ, этотъ человѣкъ могъ бы успѣть во всемъ, но невозможность углубиться во что нибудь и любовь къ развлеченіямъ позволили ему пріобрѣсти во всемъ только полуталанты; за то ихъ у него было много, а это все, что нужно для большого свѣта, въ которомъ онъ хотѣлъ блистать. Онъ очень не дурно пишетъ небольшіе стихи, записочки, играетъ немного на цитрѣ и немного рисуетъ пастелью. Онъ задумалъ нарисовать портретъ герцогини; портретъ вышелъ ужасенъ. Она находила, что онъ ни мало не похожъ на нее, — и это было совершенно справедливо. Злодѣй аббатъ спросилъ моего мнѣнія, а я, какъ чистый глупецъ и лгунъ, сказалъ, что портретъ похожъ; я хотѣлъ польстить аббату, не не польстилъ герцогинѣ, которая запомнила это, а аббатъ, добившись своего, посмѣялся надо мной. Этотъ успѣхъ моего поздняго опыта научилъ меня, что не слѣдуетъ подличать и льстить вопреки Минервѣ.

Талантъ мой состоялъ именно въ томъ, что я говорилъ людямъ съ энергіею и мужествомъ истины полезныя, но жестокія; слѣдовало держаться этого. Я не былъ рожденъ не только для лести, но даже для похвалы. Неловкость похвалъ, которыя я иногда хотѣлъ расточать, сдѣлала мнѣ болѣе вреда, чѣмъ жесткость моихъ осужденій. Я приведу здѣсь примѣръ столь ужасный, что послѣдствія его не только имѣли вліяніе на всю мою жизнь, но, можетъ быть и на репутацію мою въ потомствѣ.

Во время пребыванія герцога въ Монморанси, г. де-Шуазель пріѣзжалъ иногда ужинать въ замокъ; однажды, онъ пріѣхалъ когда я выходилъ оттуда. Стали говорить обо мнѣ; маршалъ разсказалъ ему мою венеціанскую исторію съ г. Монтегю. Шуазель сказалъ, что очень жалѣетъ, что я оставилъ это поприще, и что если я пожелаю, то онъ съ большимъ удовольствіемъ дастъ мнѣ мѣсто. Герцогъ передалъ мнѣ это; я былъ тѣмъ болѣе благодаренъ, что не привыкъ быть балованнымъ министрами, и я не ручаюсь, не смотря на принятое рѣшеніе, что удержался бы отъ глупости, если бы здоровье мнѣ позволило. Честолюбіе всегда являлось ко мнѣ только въ тѣ промежутки, когда меня не волновали другія страсти; одного такого промежутка было бы достаточно, чтобы я опять поступилъ на службу. Это доброе намѣреніе г. Шуазеля привязало меня къ нему, увеличило уваженіе мое къ его талантамъ, — уваженіе, которое онъ пріобрѣлъ уже нѣкоторыми своими дѣйствіями по министерству; семейный договоръ, въ особенности, какъ казалось мнѣ, показывалъ въ немъ первостепеннаго государственнаго человѣка. Онъ выигрывалъ еще въ моемъ мнѣніи отъ того, что я имѣлъ очень плохое мнѣніе о всѣхъ его предшественникахъ, не исключая и г-жи Помпадуръ, на которую я смотрѣлъ какъ на перваго министра, и когда

разнесся слухъ, что изъ нихъ двоихъ, одинъ непремѣнно изгонитъ другаго, я, для славы Франціи, желалъ чтобы восторжествовалъ Шуазель. Я всегда чувствовалъ антипатію къ г-жѣ де-Помпадуръ, даже до ея возвышенія, когда я видѣлъ ее у г-жи де-Поплиніеръ, еще подъ именемъ г-жи д'Этіоль. Съ тѣхъ поръ я былъ недоволенъ ея молчаніемъ по поводу Дидро, и всѣми ея поступками относительно меня, какъ по поводу «Празднествъ Рамира» и «Любовныхъ похожденій Музъ», такъ и по поводу «Деревенскаго Пророка» который ни въ какомъ отношеніи не доставилъ мнѣ выгодъ, соотвѣтственныхъ его успѣху; во всѣхъ случаяхъ я находилъ ее очень мало расположенной оказать мнѣ услугу; это однако же не помѣшало кавалеру де-Лоренци предложить мнѣ написать что нибудь въ похвалу этой дамы, при чемъ онъ намекнулъ, что это могло бы принести мнѣ пользу. Это предложеніе тѣмъ болѣе оскорбило меня, что я хорошо видѣлъ, что онъ дѣлалъ его не отъ себя, — такъ какъ самъ по себѣ онъ былъ человѣкомъ ничтожнымъ, думавшимъ и дѣйствовавшимъ по внушенію другихъ. Я не умѣю достаточно владѣть собою и потому не могъ скрыть отъ него мое презрѣніе къ его предложенію, и отъ другихъ — мою нелюбовь къ фавориткѣ. Она это знала, — я былъ въ томъ увѣренъ, и соединеніе моего собственнаго интереса съ естественной склонностью къ г. Шуазелю заставляло меня желать его побѣды надъ г-жею Помпадуръ. Уважая его таланты, которые впрочемъ не составляли для меня всего, что я зналъ въ немъ, и исполненный къ нему благодарности за его доброе расположеніе ко мнѣ, я, не зная впрочемъ его вкусовъ и образа жизни, заранѣе смотрѣлъ на него, какъ на мстителя за общество и за меня; и такъ какъ въ это время я доканчивалъ «Общественный Договоръ», то высказалъ въ немъ, въ нѣсколькихъ словахъ, мое мнѣніе о предшествовавшихъ министерствахъ и о томъ, которое начинало ихъ затмѣвать. Я измѣнилъ въ этомъ случаѣ моему постоянному правилу и въ добавокъ, не подумалъ о томъ, что когда въ одной и той же статьѣ хвалишь или порицаешь людей, не называя ихъ, то надо такъ приспособлять похвалы къ тому, къ кому онѣ относятся, чтобы самое подозрительное самолюбіе не могло найти въ нихъ недоразумѣній. Я находился въ этомъ отношеніи въ такой глупой безпечности, что мнѣ и на умъ не приходило, чтобъ кто нибудь могъ ошибиться въ значеніи моихъ словъ. Скоро увидятъ, былъ ли я правъ въ этомъ предположеніи.

Одно изъ моихъ несчастій состояло въ томъ, что въ числѣ моихъ близкихъ знакомыхъ всегда были женщины-авторы. Я надѣялся избѣгнуть этого по крайней мѣрѣ между знатными. Ничуть не бывало; Г-жа де-Люксамбуръ никогда, сколько мнѣ извѣстно, не была подвержена этой страсти, но ей предавалась графиня де-Буффлеръ. Она написала

трагедію въ прозѣ, которую сначала читали, передавали изъ рукъ въ руки и превозносили въ обществѣ принца де-Конти, и о которой графиня, недовольная еще столькими похвалами, хотѣла посовѣтоваться со мною, чтобы получить и мою похвалу. Она ее получила, но умѣренную, такую, какой заслуживалъ трудъ. Сверхъ того, я счелъ обязанностью замѣтить ей, что пьеса ея, названная «Великодушный Рабъ» имѣла бо́льшое сходство съ однимъ англійскимъ сочиненіемъ, подъ заглавіемъ «Оруноко», очень мало извѣстнымъ, но тѣмъ не менѣе переведеннымъ на французскій языкъ. Г-жа де-Буффлеръ поблагодарила меня за замѣчаніе, увѣривъ, впрочемъ, что ея пьеса вовсе не походила на англійскую. Я никогда никому не говорилъ объ этомъ похищеніи, кромѣ ея самой, и то потому, что хотѣлъ исполнить обязанность, которую она на меня возложила; это однако не мѣшало мнѣ часто вспоминать съ тѣхъ поръ судьбу той обязанности, которую Жиль-Блазъ исполнялъ при архіереѣ — проповѣдникѣ.

Кромѣ аббата де-Буффлера, который меня не любилъ, и г-жи де-Буффлеръ, въ глазахъ которой я былъ виноватъ въ томъ, чего никогда не прощаютъ ни женщины, ни авторы, — всѣ остальные друзья г-жи де-Люксамбуръ повидимому были также мало расположены ко мнѣ,—между прочими и президентъ Гено, который, причисливъ себя къ авторамъ, не былъ свободенъ отъ ихъ недостатковъ, и г-жа дю-Деффанъ и дѣвица Леспинассъ, обѣ бывшія въ большой дружбѣ съ Вольтеромъ и задушевныя пріятельницы д'Аламбера, съ которымъ послѣдняя даже жила; я впрочемъ не подразумѣваю тутъ ничего дурнаго и нельзя подозрѣвать. Я сначала очень заинтересовался г-жею дю-Деффанъ, которую потеря зрѣнія дѣлала въ моихъ глазахъ достойною сострадания; но ея образъ жизни, на столько противуположный моему, что часъ пробужденія для одного былъ почти часомъ отхода ко сну для другаго, ея безграничная страсть къ легкому остроумію, важность, которую она придавала, съ хорошей или съ дурной стороны, малѣйшимъ пустякамъ, деспотизмъ и заносчивость ея приговоровъ, ея крайняя раздражительность, не позволявшая ей ни о чемъ говорить иначе, какъ съ конвульсіями, ея невѣроятные предразсудки, непобѣдимое упрямство, крайнее безуміе, до котораго доводило ее упорство въ пристрастныхъ сужденіяхъ,—все это скоро отбило у меня желаніе оказывать ей услуги, какъ я намѣревался прежде. Я сталъ рѣже видѣться съ ней; она замѣтила это и пришла въ ярость, и хотя я очень хорошо чувствовалъ, на что̀ была способна женщина съ подобнымъ характеромъ, — я все-таки предпочелъ ея ненависть ея дружбѣ.

Кромѣ того, что у меня было такъ мало друзей въ обществѣ г-жи де-Люксамбуръ, я не имѣлъ ихъ и въ ея семействѣ. Тамъ у меня былъ

одинъ врагъ, но въ томъ положеніи, въ которомъ я нахожусь теперь, онъ стóитъ цѣлой сотни. Это не былъ конечно герцогъ де-Вильруа, ея братъ; напротивъ, онъ не только пріѣзжалъ навѣщать меня, но нѣсколько разъ приглашалъ меня пріѣхать въ Вильруа, а такъ какъ я всегда отвѣчалъ на это приглашеніе со всевозможнымъ уваженіемъ и любезностью, то принявъ мой неясный отвѣтъ за согласіе, онъ устроилъ съ г-мъ и г-жею де-Люксамбуръ двухнедѣльное путешествіе, въ которомъ я долженъ былъ участвовать, что и было мнѣ предложено. Такъ какъ здоровье мое требовало заботъ, не позволявшихъ мнѣ переѣзжать съ мѣста на мѣсто безъ риску, то я просилъ г. де-Люксамбура освободить меня. Изъ его отвѣта (связка Д, № 3) можно видѣть, что моя просьба была исполнена съ величайшею любезностью, — и герцогъ де-Вильруа по прежнему остался расположеннымъ ко мнѣ. Его племянникъ и наслѣдникъ, молодой маркизъ де-Вильруа не раздѣлялъ благосклонности, которою удостоивалъ меня его дядя, и, признаюсь, не имѣлъ никакой доли въ томъ уваженіи, которое я питалъ къ герцогу. Его вѣтренность дѣлала его несноснымъ для меня, а моя видимая холодность вселила въ него отвращеніе ко мнѣ. Разъ, вечеромъ, за столомъ онъ позволилъ себѣ даже выходку, изъ которой я плохо выпутался, потому что я глупъ и не обладаю находчивостью, а гнѣвъ не только не придаетъ ее мнѣ, но уничтожаетъ послѣднюю. У меня была собака. Мнѣ ее подарили еще щенкомъ, почти при пріѣздѣ моемъ въ Эрмитажъ, и я назвалъ ее «герцогомъ». Изъ этой собаки не красивой, но рѣдкой по своей породѣ, я сдѣлалъ себѣ товарища, друга, и она, конечно, заслуживала титулъ герцога болѣе многихъ носившихъ его. Моя собака прославилась въ замкѣ Монморанси своею любящей и чувствительной натурой и привязанностью, которую мы питали другъ къдругу. По очень глупому малодушію я перемѣнилъ ея имя на «турка», какъ будто на свѣтѣ не было множества собакъ, которыхъ называли «маркизами» — и ни одинъ маркизъ этимъ не обижался. Маркизъ де-Вильруа, узнавъ объ этой перемѣнѣ, такъ преслѣдовалъ меня ею, что наконецъ я долженъ былъ разсказать за столомъ о томъ, что сдѣлалъ. Обиднымъ въ этой исторіи для имени герцога было не то, что я далъ его собакѣ, а то, что давши, взялъ назадъ. Самое худшее было то, что тутъ было нѣсколько герцоговъ: г. де-Люксамбуръ былъ герцогъ, его сынъ также. Маркизъ де-Вильруа, которому предстояло получить это же званіе, съ жестокой радостью наслаждался замѣшательствомъ, въ которое онъ меня привелъ и впечатлѣніемъ, которое произвело это замѣшательство. Меня увѣряли, что на другой день его тетка сильно журила его за это; понятно, что этотъ выговоръ, если онъ дѣйствительно былъ данъ, не особенно увеличилъ расположеніе маркиза ко мнѣ.

Опорой противъ всего этого, какъ въ замкѣ люксамбурскомъ, такъ и въ Тамплѣ служилъ мнѣ единственно кавалеръ де-Лоренци, который называлъ себя моимъ другомъ; но онъ былъ еще дружнѣе съ д'Аламберомъ, съ помощью котораго слылъ у женщинъ за большаго геометра. Кромѣ того, онъ былъ чичисбеемъ или лучше сказать угодникомъ графини де-Буффлеръ, также очень дружной съ д'Аламберомъ, и жилъ и думалъ только ею. И такъ, не только ничто не уравновѣшивало извнѣ моей глупости, чтобы поддержать меня въ мнѣніи г-жи де-Люксамбуръ, но напротивъ, все, что окружало ее, повидимому, стремилось вредить мнѣ въ ея глазахъ. Однако, кромѣ «Эмиля», заботы о которомъ она приняла на себя, она въ тоже время дала мнѣ еще доказательство своего вниманія и снисходительности, которое заставило меня думать, что хотя она скучала мною, но все же сохраняла и будетъ сохранять дружбу, столько разъ обѣщанную ею мнѣ на всю жизнь.

Чуть только я повѣрилъ, что я могу разсчитывать на подобное чувство съ ея стороны, какъ началъ облегчать передъ нею мое сердце признаніемъ во всѣхъ моихъ ошибкахъ, и въ этомъ случаѣ держался своего неизмѣннаго правила — казаться въ глазахъ моихъ друзей точно такимъ, каковъ я на самомъ дѣлѣ, ни лучше, ни хуже. Я открылъ ей мою связь съ Терезою и все, что произошло изъ этого, не скрывъ также, какъ я распорядился моими дѣтьми. Она приняла мою исповѣдь очень хорошо, даже слишкомъ хорошо, избавивъ меня отъ осужденій, которыхъ я заслуживалъ; особенно живо тронуло меня то, что она оказывала вниманіе Терезѣ, дѣлала ей маленькіе подарки, посылала за ней, просила ее съ ней видѣться, принимала ее ласково и часто цѣловала ее при всѣхъ. Бѣдная дѣвушка была въ восторгѣ отъ радости и благодарности, а я конечно раздѣлялъ ея чувства. Любезности, которыми г. и г-жа де-Люксамбуръ осыпали ее ради меня, трогали меня живѣе, чѣмъ тѣ, которыя относились прямо ко мнѣ.

Довольно долго дѣла оставались въ такомъ положеніи; но наконецъ герцогиня простерла свою доброту до того, что захотѣла взять къ себѣ одного изъ моихъ дѣтей. Она знала, что я велѣлъ намѣтить вензель на пеленкахъ старшаго ребенка; она спросила у меня дупликатъ этого вензеля, и я ей далъ его. На поиски она послала своего камердинера и довѣреннаго человѣка, ла-Роша, который сдѣлалъ нѣсколько напрасныхъ розысканій и ничего не нашелъ, хотя, по прошествіи всего 12 или 14 лѣтъ, еслибы списки подкинутыхъ дѣтей были ведены какъ слѣдуетъ, или если бы розысканія были сдѣланы какъ должно, этотъ вензель не могъ бы не найтись. Какъ бы то ни было, я былъ огорченъ этимъ неуспѣхомъ менѣе, чѣмъ огорчился бы, еслибы слѣдилъ за этимъ ребенкомъ со дня его рожденья. Если бы при помощи розысковъ мнѣ

представили какого нибудь ребенка вмѣсто моего, то подозрѣніе, что дѣйствительно его могли замѣнить другимъ, сжимало бы мое сердце сомнѣніемъ, и я никогда не вкусилъ бы всей прелести истиннаго чувства природы; для того, чтобы это чувство могло поддерживаться, ему нужно, по крайней мѣрѣ во время дѣтства, опираться на привычку. Продолжительное отсутствіе ребенка, котораго еще не знаешь, ослабляетъ, и, наконецъ, вовсе уничтожаетъ отцовскія и материнскія чувства, и никогда нельзя любить ребенка, отданнаго на воспитаніе кормилицѣ, такъ, какъ того, который вскормленъ у себя на глазахъ. Такое разсужденіе можетъ уменьшить мои проступки въ отношеніи къ ихъ послѣдствіямъ, но увеличиваетъ ихъ въ ихъ источникѣ.

Не лишнимъ, быть можетъ, будетъ замѣтить, что при посредничествѣ Терезы, этотъ самый ла-Рошъ познакомился съ г-жею ле-Вассеръ, которую Гриммъ продолжалъ содержать въ Дейлѣ, рядомъ съ Шевреттъ и близехонько отъ Монморанси. Когда я уѣхалъ, то продолжалъ черезъ ла-Роша отправлять къ этой женщинѣ деньги, которыя никогда не переставалъ посылать ей; я также думаю, что онъ часто приносилъ ей подарки отъ герцогини; слѣдовательно, о ней нечего было сожалѣть, хотя она всегда жаловалась на судьбу. Что касается Гримма, такъ какъ я не люблю говорить о людяхъ, которыхъ долженъ ненавидѣть, то я не иначе говорилъ о немъ съ г-жею де-Люксамбуръ, какъ противъ моей воли; но она часто наводила меня на разговоръ о немъ, не высказывая при этомъ, что̀ она сама о немъ думала, и не давъ мнѣ ни разу возможность узнать, былъ ли этотъ человѣкъ знакомъ съ нею, или нѣтъ. Такъ какъ скрытность съ людьми, которыхъ любятъ и которые сами откровенны, не въ моемъ вкусѣ, особенно когда дѣло идетъ объ этихъ самихъ людяхъ, — то я впослѣдствіи думалъ иногда объ этой сдержанности; впрочемъ сталъ думать о ней только тогда, когда другія событія сдѣлали такое раздумье естественнымъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ я отдалъ г-жѣ де-Люксамбуръ «Эмиля», я долго оставался безъ всякихъ извѣстій о немъ; наконецъ узналъ, что контрактъ былъ заключенъ въ Парижѣ съ издателемъ Дюшеномъ, а чрезъ него — съ книгопродавцемъ Неольмомъ въ Амстердамѣ. Г-жа де-Люксамбуръ прислала мнѣ обѣ копіи моего условія съ Дюшеномъ, чтобы я подписалъ ихъ. Я узналъ по почерку, что условіе было написано той же рукой, которая писала и письма г. Малерба, никогда не писавшаго ко мнѣ собственноручно. Эта увѣренность, что условіе было заключено съ согласія и на глазахъ начальства, заставила меня довѣрчиво подписать его. Дюшенъ давалъ мнѣ за рукопись шесть тысячъ франковъ, изъ которыхъ половину наличными деньгами и, кажется, сто или двѣсти экземпляровъ. Подписавъ обѣ копіи, я отправилъ ихъ къ г-жѣ де-Люк-

самбуръ, согласно ея желанію: одно условіе она отдала Дюшену, а другое оставила у себя, вмѣсто того, чтобы возвратить его мнѣ, — и я никогда болѣе не видалъ его.

Знакомство съ г-мъ и г-жею де-Люксамбуръ, отклонивъ меня нѣсколько отъ моего намѣренія уединиться, не заставило меня однако вовсе отказаться отъ него. Даже во время самаго большаго расположенія ко мнѣ герцогини, я всегда чувствовалъ, что только моя искренняя привязанность къ г. маршалу и къ ней могла дѣлать для меня сносными окружавшихъ ихъ людей, и все мое затрудненіе состояло въ томъ, чтобы помирить эту привязанность съ образомъ жизни, болѣе соотвѣтствующимъ моимъ вкусамъ и менѣе вреднымъ для моего здоровья, которое находилось въ постоянномъ разстройствѣ отъ стѣсненія и ужиновъ, не смотря на то, что употреблялись всѣ старанія, чтобы избавить меня отъ этого разстройства: и въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, внимательность ко мнѣ простиралась до невозможности; напримѣръ, всякій вечеръ послѣ ужина, маршалъ, уходившій рано спать, никогда не забывалъ волей и неволей увести спать и меня. Только не задолго до моей катастрофы онъ пересталъ это дѣлать, не знаю почему.

Еще прежде, чѣмъ я замѣтилъ охлажденіе ко мнѣ герцогини, я желалъ въ предупрежденіе его привести въ исполненіе мой старый планъ; но у меня не доставало къ тому средствъ, и я долженъ былъ ожидать заключенія условія по «Эмилю», а покамѣсть докончилъ «Общественный Договоръ» и послалъ его къ Рею, назначивъ за рукопись тысячу франковъ, которые онъ мнѣ и далъ. Я, можетъ быть, не долженъ умолчать здѣсь о маленькомъ происшествіи, относящемся къ этой рукописи. Я отдалъ ее тщательно запечатанною Дювуазену — священнику ватландскаго кантона и капелану въ голландскомъ отелѣ, пріѣзжавшему иногда навѣщать меня; онъ взялся переслать рукопись Рею, съ которымъ былъ друженъ. Эта рукопись, написанная мелкимъ почеркомъ, была очень мала и входила свободно въ его карманъ. Однако, при переѣздѣ черезъ границу, этотъ пакетъ попалъ, не знаю какимъ образомъ, въ руки таможенныхъ служителей; они его открыли, осмотрѣли и возвратили Дювуазену только тогда, когда онъ потребовалъ его именемъ посланника. Это дало ему самому возможность прочесть мою рукопись, въ чемъ онъ наивно и признался мнѣ, отозвавшись съ большою похвалою о сочиненіи и не прибавивъ ни одного слова критики или осужденія, оставляя, разумѣется, за собою право выступить борцомъ за христіанство, когда сочиненіе появится въ свѣтъ. Онъ снова запечаталъ рукопись и отправилъ ее къ Рею. Таковъ въ сущности былъ разсказъ, сообщенный имъ мнѣ въ письмѣ, въ которомъ онъ давалъ отчетъ по этому дѣлу,—и это было все, что я узналъ о немъ.

Кромѣ этихъ двухъ книгъ и моего «Музыкальнаго Лексикона», надъ которымъ я все-таки время отъ времени работалъ, у меня было еще нѣсколько работъ, меньшей важности, готовыхъ къ напечатанію, которыя я еще хотѣлъ выпустить въ свѣтъ или отдѣльно, или въ общемъ собраніи моихъ сочиненій, если бы я когда-нибудь предпринялъ его. Главное изъ этихъ сочиненій, большинство которыхъ еще находится въ рукописяхъ въ рукахъ дю-Пейру, было «Опытъ о происхожденіи языковъ», который я далъ прочесть г. де-Малербу и кавалеру де-Лоренци, похвалившему сочиненіе. Я разсчитывалъ, что всѣ эти произведенія въ совокупности доставятъ мнѣ, за всѣми издержками, капиталъ, по крайней мѣрѣ, въ восемь тысячъ франковъ, который я хотѣлъ помѣстить въ пожизненный доходъ, какъ на свое имя, такъ и на имя Терезы; послѣ чего, какъ я уже говорилъ, мы бы поѣхали съ ней жить въ глубину какой-нибудь провинціи, гдѣ я пересталъ бы занимать собою публику и съ своей стороны не думалъ бы ни о чемъ больше, какъ о спокойномъ окончаніи своего поприща, причемъ продолжалъ бы дѣлать вокругъ всевозможное добро и составлялъ бы свои мемуары, о которыхъ я тогда думалъ.

Таковъ былъ мой планъ, исполненію котораго помогло великодушіе Рея; объ этомъ я не долженъ умолчать. Этотъ издатель, о которомъ мнѣ говорили столько дурнаго въ Парижѣ, былъ, однако, единственнымъ издателемъ, о которомъ я всегда отнесусь съ похвалой [1]), изъ всѣхъ тѣхъ, съ которыми имѣлъ дѣло. Мы, правда, часто съ нимъ ссорились по поводу изданія моихъ сочиненій; онъ былъ вѣтренъ, а я вспыльчивъ. Что же касается моихъ выгодъ и относившихся къ нимъ поступковъ съ его стороны, то я находилъ его въ этомъ отношеніи всегда исполненнымъ честности и аккуратности, хотя никогда не заключалъ съ нимъ формальнаго договора. Онъ одинъ изъ всѣхъ откровенно сознавался, что хорошо зарабатываетъ на моихъ сочиненіяхъ, часто говорилъ, что одолженъ мнѣ своимъ состояніемъ и предлагалъ раздѣлить его со мною. Не будучи въ состояніи оказывать свою благодарность прямо мнѣ, онъ желалъ оказать ее, по крайней мѣрѣ, моей гувернанткѣ, которой назначилъ пожизненный доходъ въ триста франковъ, пояснивъ въ дарственной записи, что онъ дѣлалъ это въ благодарность за выгоды, доставленныя ему мною. Онъ сдѣлалъ это съ глазу на глазъ со мною, безъ чванства, безъ претензій, безъ шума, и если бы не я первый всѣмъ разсказалъ объ этомъ, то никто бы и не зналъ. Я такъ былъ тронутъ этимъ поступкомъ, что съ тѣхъ поръ привязался къ Рею искреннею дружбою.

[1]) Когда я писалъ это, то былъ далекъ отъ того, чтобы вообразить, предположить и сообразить всѣ обманы, которые открылъ впослѣдствіи въ печатаніи моихъ сочиненій и въ которыхъ онъ самъ долженъ былъ сознаться.

Нѣсколько времени спустя, онъ пожелалъ, чтобы я окрестилъ одного изъ его дѣтей; я согласился; и теперь, въ положеніи, до котораго меня довели, душевно сожалѣю, что у меня отнята всякая возможность сдѣлать мою привязанность къ крестницѣ полезною для ея родителей. Отчего же я, столь чувствительный къ скромному великодушію этого книгопродавца, такъ мало цѣню шумную услужливость столькихъ высоко поставленныхъ людей, громко, на весь свѣтъ кричащихъ о добрѣ, которое они будто хотятъ мнѣ сдѣлать и котораго я никогда не испыталъ? Ихъ ли это вина или моя? Они ли только тщеславны или я только неблагодаренъ? Благоразумный читатель, разсуди и рѣши, а я молчу.

Эта пенсія была большою помощью для Терезы и большимъ облегченіемъ для меня. Но, впрочемъ, я былъ далекъ отъ того, чтобы пользоваться ею для самого себя, точно также, какъ не пользовался тѣми подарками, которые дѣлали Терезѣ. Она всегда всѣмъ располагала сама. Когда ея деньги находились у меня на сохраненіи, я всегда велъ имъ аккуратный счетъ, никогда не употреблялъ ни полушки на наши общіе расходы, даже въ то время, когда она бывала богаче меня; «что мое, то наше», говорилъ я ей, «а что твое, то твое». И я никогда не переставалъ слѣдовать этому, часто повторявшемуся мной правилу. Тѣ, которые имѣли низость обвинять меня въ томъ, что я бралъ ея руками то, чего не хотѣлъ брать своими, судили, конечно, обо мнѣ по себѣ и дурно знали меня. Я охотно бы раздѣлилъ съ ней хлѣбъ, заработанный ею, но никогда не принялъ бы отъ нея того, который ей подали. Въ этомъ я ссылаюсь на нее какъ теперь, такъ и тогда, когда, по законамъ природы, она переживетъ меня. Къ несчастью, она не экономна во всѣхъ отношеніяхъ, неаккуратна и очень расточительна, — не изъ изъ тщеславія или сластолюбія, а единственно изъ небрежности. На землѣ, нѣтъ совершенства и если нужно, чтобы ея прекрасныя качества были уравновѣшены чѣмъ-нибудь, то уже пусть лучше она имѣетъ недостатки, чѣмъ пороки, хотя эти недостатки, можетъ быть, причинили намъ обоимъ еще болѣе зла. Я прилагалъ невообразимыя старанія къ тому, чтобы сберечь что-нибудь для нея на будущее время,—какъ старался нѣкогда о томъ же для маменьки, — но всѣ мои усилія были напрасны. Обѣ онѣ никогда не знали счета деньгамъ, и не смотря на всѣ мои старанія, все также скоро уходило, какъ приходило. Какъ ни просто одѣвалась Тереза, ей недостаточно было для этого пенсіи Рея, и я долженъ былъ ежегодно прибавлять изъ своихъ денегъ. Мы оба не созданы на то, чтобы быть богатыми, и я, конечно, не считаю этого несчастіемъ.

«Общественный Договоръ» печатался довольно быстро. Не то было съ «Эмилемъ», выхода котораго я ожидалъ, чтобы привести въ исполненіе задуманный планъ—удалиться отъ литературы.

Дюшенъ время отъ времени присылалъ мнѣ образцы шрифта, а когда я останавливался на какомъ-нибудь, то онъ, вмѣсто того, чтобы начать печатаніе, присылалъ мнѣ новые образцы. Когда мы, наконецъ, окончательно условились относительно формата, шрифта, и когда было напечатано нѣсколько листовъ, то вслѣдствіе какой-то незначительной поправки, которую я сдѣлалъ въ корректурѣ, онъ началъ все снова, и по прошествіи 6 мѣсяцевъ у насъ было сдѣлано столько же, сколько въ первый день. Во время всѣхъ этихъ опытовъ, я увидалъ очень ясно, что сочиненіе печатается и во Франціи, такъ же какъ въ Голландіи, и что, такимъ образомъ, заразъ печатаются два изданія. Что мнѣ было дѣлать? Я не былъ уже хозяиномъ своей рукописи. Я не только не давалъ своего согласія на изданіе этой книги во Франціи, но, наоборотъ, всегда противился этому; но разъ уже это изданіе началось, хотя и безъ моей воли, необходимо было принять въ немъ участіе и просматривать корректуры, чтобы не допустить изуродовать и обезобразить свою книгу. Впрочемъ, сочиненіе печаталось съ согласія начальника города, который самъ руководилъ этимъ предпріятіемъ, писалъ ко мнѣ часто и даже пріѣхалъ ко мнѣ по этому поводу, о чемъ я сейчасъ разскажу.

Между тѣмъ, какъ Дюшенъ двигался черепашьимъ шагомъ, Неольмъ, котораго онъ задерживалъ, дѣйствовалъ еще медленнѣе. Листы не присылались къ нему аккуратно, по мѣрѣ того, какъ они печатались. Ему показалось недобросовѣстнымъ поведеніе Дюшена, т. е. Гюи, который дѣйствовалъ за него, и видя, что уговоръ не исполняется, онъ писалъ ко мнѣ письмо за письмомъ съ жалобами и претензіями, которымъ я могъ помочь еще менѣе, чѣмъ своимъ собственнымъ претензіямъ. Его другъ Геренъ, видавшійся въ то время часто со мной, говорилъ мнѣ безпрестанно объ этой книгѣ, но всегда съ крайней осторожностью. Онъ зналъ и не зналъ, что она печаталась во Франціи, зналъ и не зналъ, что въ это дѣло вмѣшалось городское начальство; сожалѣя о затрудненіяхъ, которыя должна была доставить мнѣ эта книга, онъ какъ будто обвинялъ меня въ неосторожности, никогда не сказавъ, въ чемъ именно она состояла; онъ увертывался и путался безпрестанно и, казалось, говорилъ только для того, чтобы заставить меня говорить. Увѣренность моя въ безопасности была тогда такъ сильна, что я смѣялся надъ осторожнымъ и сострадательнымъ тономъ, которымъ онъ говорилъ объ этомъ дѣлѣ, какъ надъ болѣзнью, которой онъ заразился въ министерствахъ и управленіяхъ, которыя часто посѣщалъ. Увѣренный, что я соблюлъ всѣ правила относительно этого сочиненія, что оно не только печаталось съ согласія и подъ покровительствомъ городскаго начальства, но даже заслуживало пріобрѣсть милость министерства, я радовался своему мужеству и смѣялся надъ своими робкими друзьями, которые, ка-

залось, безпокоились обо мнѣ. Дюкло былъ въ ихъ числѣ и признаюсь, что моя увѣренность въ его прямотѣ и знаніяхъ могла бы, при видѣ его безпокойства, заставить тревожиться и меня, если бы у меня было менѣе вѣры въ пользу сочиненія и въ честность его покровителей. Онъ заѣхалъ ко мнѣ отъ Балья, въ то время, какъ печатался «Эмиль» и сталъ говорить о немъ. Я ему прочелъ «Исповѣданіе вѣры савойскаго викарія»; онъ слушалъ очень покойно и, кажется, съ большимъ удовольствіемъ. Когда я кончилъ онъ сказалъ: «какъ, гражданинъ, это отрывокъ изъ книги, которая печатается въ Парижѣ?»—Да, отвѣчалъ я, и которую слѣдовало бы печатать въ Луврѣ, по королевскому указу—». «Я согласенъ, сказалъ онъ, но сдѣлайте мнѣ одолженіе, не говорите никому, что вы мнѣ прочли этотъ отрывокъ». Эти слова удивили меня, не не испугали. Я зналъ, что Дюкло видѣлся часто съ Малербомъ, и мнѣ трудно было представить себѣ, чтобы они такъ расходились въ мнѣніяхъ объ одномъ и томъ же предметѣ.

Я жилъ въ Монморанси уже болѣе четырехъ лѣтъ, и все время не чувствовалъ себя ни одного дня здоровымъ. Хотя воздухъ тамъ былъ прекрасенъ, но вода дурна, и въ этомъ то, можетъ быть, заключалась причина усиленія моихъ обыкновенныхъ страданій. Въ концѣ осени 1761 года, я окончательно заболѣлъ и провелъ всю зиму почти въ безпрерывныхъ страданіяхъ. Тѣлесная болѣзнь, усиленная тысячью безпокойствъ, сдѣлала эти страданія еще чувствительнѣе для меня. Съ нѣкоторыхъ поръ темныя и печальныя предчувствія тревожили меня, хотя я и не могъ догадаться, по какой причинѣ. Я получалъ очень странныя анонимныя письма и даже подписанныя, не менѣе страннаго содержанія. Я получилъ изъ Парижа записку отъ одного парламентскаго совѣтника, недовольнаго настоящимъ положеніемъ вещей, который, не предвидя хорошихъ послѣдствій, просилъ моего совѣта относительно выбора убѣжища въ Женевѣ, или въ Швейцаріи, куда бы онъ могъ удалиться съ семействомъ. Я получилъ письмо отъ г-на..... президента ....скаго парламента, который предлагалъ мнѣ написать для этого парламента, бывшаго не въ хорошихъ отношеніяхъ съ дворомъ, записки и протесты, предлагая доставить мнѣ всѣ нужные для этого документы и матеріалы. Когда я страдаю, то подверженъ дурному расположенію духа; такъ было со мною во время полученія этихъ писемъ. Это отразилось на моихъ отвѣтахъ, въ которыхъ я начисто отказалъ во всемъ, чего у меня просили. Я конечно упрекаю себя не въ томъ, что отказалъ, такъ какъ эти письма могли быть ловушками, разставленными моими врагами [1]), и такъ

---

[1]) Такъ напр. я зналъ, что президентъ.... очень хорошъ съ энциклопедистами и гольбахистами.

какъ то, чего у меня просили, было противно моимъ правиламъ, отъ которыхъ я теперь менѣе, чѣмъ когда либо, хотѣлъ отступать; но можно было отказать полюбезнѣе, а мои отказы были слишкомъ жестоки, — вотъ въ чемъ я виноватъ.

Оба упомянутыя письма можно найти въ моихъ бумагахъ. Письмо совѣтника не удивило меня положительно, потому что, согласно съ нимъ и многими другими, я думалъ, что клонившееся къ своему паденію государственное устройство Франціи грозило ей скорымъ разрушеніемъ. Бѣдствія несчастной войны [1]), происходившія единственно отъ вины правительства, невѣроятный безпорядокъ въ финансахъ, вѣчныя колебанія администраціи, раздѣленной между двумя или тремя министрами, открыто воевавшими другъ съ другомъ и губившими государство, чтобы повредить одинъ другому, общее неудовольствіе народа и всѣхъ государственныхъ сословій, упрямство капризной женщины, жертвовавшей своими познаніями, если она ихъ имѣла, своимъ вкусамъ, и удалявшей поэтому отъ всѣхъ должностей людей наиболѣе способныхъ, чтобы помѣщать повсюду тѣхъ, которые ей нравились, — все это оправдывало предусмотрительность совѣтника, публики и мою. Эта предусмотрительность заставила и меня самого подумать, не слѣдуетъ ли искать убѣжища внѣ государства, не дожидаясь волненій, повидимому угрожавшихъ ему; но успокоенный своею ничтожностью и мирнымъ нравомъ, я подумалъ, что въ уединеніи, въ которомъ я намѣревался жить, никакая гроза не могла достичь до меня; я жалѣлъ только о томъ, что герцогъ люксамбурскій соглашался принимать на себя порученія, которыя должны были уронить его во мнѣніи управляемой имъ провинціи. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы онъ сберегъ себѣ тамъ, на всякій случай, убѣжище, если бы главная машина лопнула, чего должно было опасаться при тогдашнемъ положеніи вещей, и мнѣ кажется до сихъ поръ несомнѣннымъ, что еслибъ всѣ бразды правленія не попали наконецъ въ однѣ руки, [2]) то французская монархія была бы теперь при послѣднемъ издыханіи.

Между тѣмъ какъ мое положеніе становилось хуже и хуже, печатаніе «Эмиля» все болѣе замедлялось и наконецъ совершенно прекратилось. Я не могъ узнать причину этого обстоятельства. Гюи не писалъ ко мнѣ болѣе и не удостоивалъ меня отвѣтомъ, и я не могъ получить извѣстій ни о комъ и ни о чемъ, такъ какъ Малербъ находился тогда въ деревнѣ. Никогда несчастіе, какое бы оно ни было, не смущаетъ и не убиваетъ меня, если только я знаю, въ чемъ оно состоитъ; но по врожденной склонности я боюсь тьмы; я страшусь и ненавижу ея мрачный видъ; таинственность всегда меня безпокоитъ, она представляетъ слиш-

[1]) Семилѣтней.

[2]) Герцога Шуазеля.

комъ рѣзкую противоположность съ моимъ открытымъ до неосторожности характеромъ. Мнѣ кажется, что видъ самаго отвратительнаго чудовища мало меня испугаетъ; но если я ночью увижу фигуру въ бѣлой простынѣ, мнѣ будетъ страшно. И вотъ мое воображеніе, воспламененное долгимъ молчаніемъ, рисуетъ предо мной разные призраки. Чѣмъ болѣе я принимаю къ сердцу изданіе моего послѣдняго и лучшаго сочиненія, тѣмъ болѣе я мучился, стараясь разгадать, что̀ могло остановить его печатаніе. И такъ какъ я всегда все преувеличивалъ до крайности, то остановку печатанія приписывалъ запрещенію книги. Однако, не будучи въ состояніи придумать какую либо причину тому, я оставался въ самомъ мучительномъ невѣдѣніи. Я писалъ письмо за письмомъ къ Гюи, къ Малербу, къ г-жѣ де-Люксамбуръ, а такъ какъ отвѣты или вовсе не приходили, или не приходили тогда, когда я ихъ ожидалъ, то я совершенно терялся и сумашествовалъ. Къ несчастію, я узналъ, въ это самое время, что іезуитъ Гриффе говорилъ объ «Эмилѣ», и приводилъ даже изъ него нѣкоторыя мѣста. Въ ту же минуту мое воображеніе пробуждается съ быстротою молніи и открываетъ мнѣ всю тайну беззаконія: я увидалъ ея развитіе такъ ясно и вѣрно, какъ будто она была мнѣ открыта. Я вообразилъ, что іезуиты, взбѣшенные презрительнымъ тономъ, которымъ я говорилъ объ ихъ училищахъ, завладѣли моей книгой и мѣшали ея появленію; что, извѣщенные своимъ другомъ Гереномъ, о моемъ настоящемъ положеніи и, предвидя мой близкій конецъ, въ которомъ я не сомнѣвался, они хотѣли замедлить печатаніе до того времени, въ намѣреніи потомъ изуродовать и измѣнить мое сочиненіе, придавъ мнѣ, для достиженія своихъ цѣлей, убѣжденія, противоположныя моимъ. Удивительно сколько фактовъ и обстоятельствъ собралъ я въ своемъ умѣ, чтобы придать этой глупости правдоподобный видъ; что я говорю? они убѣдили меня въ ея очевидности и даже представляли доказательства. Геренъ былъ всецѣло преданъ іезуитамъ, я это зналъ. Я приписывалъ ихъ наущеніямъ дружбу, которую онъ повидимому питалъ ко мнѣ; я увѣрилъ себя, что, по ихъ внушенію, онъ убѣдилъ меня начать дѣло съ Неольмомъ, что черезъ этого Неольма они получили первые листы моей книги, что они нашли средство замедлить печатаніе ея у Дюшена и, можетъ быть, завладѣли моей рукописью, чтобы работать надъ ней какъ имъ угодно, до тѣхъ поръ, пока моя смерть позволитъ имъ издать ее передѣланною на ихъ ладъ. Я всегда чувствовалъ, не смотря на льстивость отца Бертье, что іезуиты не любили меня, не только какъ энциклопедиста, но и потому, что всѣ мои принципы были еще болѣе противны ихъ правилу и ихъ вліянію, чѣмъ невѣріе моихъ собратій, такъ какъ фанатизмъ безбожія и фанатизмъ набожности, сходясь въ своей взаимной нетерпимости, могутъ даже соединиться, какъ они сдѣлали это въ

Китаѣ, и какъ дѣлають противъ меня; между тѣмъ какъ религія благоразумная и нравственная, освобождая совѣсть отъ человѣческой власти, лишаеть всякаго вліянія посредниковъ этой власти. Я зналъ, что канцлеръ также былъ очень друженъ съ іезуитами; поэтому я сталъ бояться, чтобы сынъ, напуганный отцемъ, не былъ бы принужденъ предоставить имъ сочиненіе, которому покровительствовалъ. Мнѣ казалось, что я уже видѣлъ слѣдствіе такого поступка съ его стороны въ придиркахъ, дѣлавшихся мнѣ по поводу первыхъ двухъ томовъ, въ которыхъ требовали перепечатки нѣкоторыхъ листовъ изъ-за пустяковъ, тогда какъ другіе два тома, какъ было всѣмъ извѣстно, были наполнены такими сильными выходками, что если бы ихъ цензуровать такъ строго какъ первые два, то пришлось бы передѣлать ихъ совершенно. Кромѣ того, я зналъ отъ самого Малерба, что аббатъ де-Гравъ, которому онъ поручилъ надзирать за этимъ изданіемъ, тоже былъ приверженцемъ іезуитовъ. Повсюду я только и видѣлъ что іезуитовъ, не думая о томъ, что наканунѣ ихъ уничтоженія, имъ, занятымъ своею собственной защитой, было не до пріисканія затрудненій къ печатанію книги, въ которой о нихъ не говорилось. Я ошибаюсь, говоря «не думая», потому что я очень много объ этомъ думалъ, и именно это самое возразилъ мнѣ Малербъ, когда узналъ о моихъ безпокойствахъ; но по одной изъ странностей, свойственныхъ человѣку, который изъ своего уединенія хочетъ судить о тайнахъ великихъ дѣлъ, о которыхъ онъ ничего не знаетъ, я никогда не хотѣлъ повѣрить, что іезуиты въ опасности, и считалъ распространявшійся объ этомъ слухъ за ловушку съ ихъ стороны, съ цѣлію усыпить своихъ противниковъ. Ихъ прошедшіе успѣхи, которые никогда имъ не измѣняли, давали мнѣ такое страшное понятіе о ихъ могуществѣ, что я оплакивалъ уже униженіе парламента. Я зналъ, что Шуазель учился у іезуитовъ, что госпожа Помпадуръ была съ ними въ хорошихъ отношеніяхъ, и что ихъ связь съ фаворитками всегда была обоюдно выгодной противъ ихъ общихъ враговъ. Дворъ, казалось, ни во что не вмѣшивался; и я, убѣжденный, что если орденъ получитъ жестокій ударъ, то не парламентъ будетъ въ силахъ нанести его, выводилъ изъ бездѣйствія двора основаніе самонадѣянности іезуитовъ и предзнаменованіе ихъ торжества. Наконецъ, видя во всѣхъ этихъ слухахъ только притворство и козни съ ихъ стороны, и думая, что въ своей безопасности они имѣютъ достаточно времени, что бы заботиться обо всемъ, я не сомнѣвался, что они уничтожатъ въ непродолжительное время янсенизмъ, и парламентъ, и энциклопедистовъ, и все, что не покорялось ихъ власти, и что, наконецъ, если они выпустятъ мою книгу, то не иначе, какъ передѣлавъ ее до такой степени, что она будетъ служить имъ орудіемъ, чтобы увлечь моихъ читателей, подъ прикрытіемъ моего имени.

Я чувствовалъ, что умираю; не понимаю, какимъ образомъ эти мученія не убили меня; до такой степени меня устрашала мысль — быть обезчещеннымъ послѣ смерти въ самомъ достойномъ и лучшемъ моемъ сочиненіи. Никогда я такъ сильно не боялся смерти; и мнѣ кажется, что если бы я умеръ въ этихъ обстоятельствахъ, то умеръ бы въ отчаяніи. Даже теперь, когда я вижу, что самый черный, самый ужасный заговоръ, который когда либо составлялся противъ памяти человѣка, безпрепятственно приводится въ исполненіе, я умру гораздо спокойнѣе, зная, что оставляю въ своихъ сочиненіяхъ свидѣтельство о себѣ, которое рано или поздно восторжествуетъ надъ козними людей.

(1762) — Г. Малербъ, довѣренный и свидѣтель моихъ безпокойствъ, употреблялъ для успокоенія меня старанія, доказывавшія неистощимую доброту его сердца. Госпожа Люксамбуръ способствовала этому доброму дѣлу и была нѣсколько разъ у Дюшена, чтобы навѣдаться объ изданіи моей книги. Наконецъ, печатаніе было опять начато и пошло скорѣй, но причины его остановки я никогда не могъ узнать. Г. Малербъ потрудился пріѣхать въ Монморанси, чтобы меня успокоить: это ему удалось, и полная моя увѣренность въ его прямотѣ, восторжествовавъ надъ моимъ заблужденіемъ, сдѣлала дѣйствительными его старанія. Послѣ того, какъ онъ былъ свидѣтелемъ моей тоски и моего сумасшествія, онъ, очень естественно, нашелъ меня достойнымъ сожалѣнія, и, дѣйствительно, сталъ чувствовать ко мнѣ сострáданіе. Многократно повторявшіяся клеветы философской клики, окружавшей его, пришли ему на память. Когда я переѣхалъ въ Эрмитажъ, они объявили, какъ я уже говорилъ, что я тамъ долго не выдержу. Когда же они увидали, что я продолжалъ тамъ жить, то сказали, что я это дѣлаю изъ упрямства, изъ гордости, изъ стыда измѣнить своему намѣренію, что я скучалъ тамъ до смерти и жилъ очень несчастливо. Малербъ повѣрилъ этому и написалъ ко мнѣ. Оскорбленный такимъ заблужденіемъ въ человѣкѣ, къ которому я питалъ такое уваженіе, я написалъ къ нему одно за другимъ четыре письма, въ которыхъ, излагая ему настоящія причины моего поведенія, чрезвычайно вѣрно описалъ ему свои вкусы, свои склонности, свой характеръ и все, что происходило въ моемъ сердцѣ. Эти четыре письма, написанныя прямо на бѣло, быстро, однимъ почеркомъ пера и даже не перечитанныя, составляютъ, можетъ быть, единственную вещь въ моей жизни, которую мнѣ легко было написать, хотя, къ удивленію, я писалъ ихъ, страдая невыносимо и находясь въ самомъ жалкомъ состояніи. Я приходилъ въ отчаяніе, чувствуя, какъ духъ мой падалъ, и думая, что я оставляю въ умѣ честныхъ людей такое несправедливое о себѣ мнѣніе, — быстрыми очерками, сдѣланными въ этихъ письмахъ, старался хоть сколько нибудь замѣнить мемуары, которые намѣревался писать. Эти письма, понра-

вившіяся г. Малербу и показанныя имъ въ Парижѣ, составляютъ, такъ сказать, краткое изложеніе того, что я излагаю здѣсь съ большими подробностями, и поэтому достойны сохраненія. Въ моихъ бумагахъ найдутъ копію, которую онъ велѣлъ списать по моей просьбѣ, и прислалъ мнѣ нѣсколько лѣтъ спустя.

Единственная вещь, которая огорчала меня въ предвидѣніи близкой смерти, это то, что у меня не было довѣреннаго литератора, которому бы я могъ предоставить мои бумаги для извлеченія изъ нихъ нужныхъ матеріаловъ послѣ моей смерти. Со времени моего путешествія въ Женеву, я дружески сошелся съ Мульту; я чувствовалъ привязанность къ этому молодому человѣку и желалъ, чтобы онъ закрылъ мнѣ глаза; я сообщилъ ему это желаніе и думаю, что онъ съ удовольствіемъ исполнилъ бы этотъ долгъ человѣколюбія, если бы ему позволили дѣла и семейство. Лишенный этого утѣшенія, я хотѣлъ по крайней мѣрѣ доказать свое довѣріе къ нему, пославъ ему «Исповѣданіе вѣры савойскаго викарія», еще до выхода его въ свѣтъ. Онъ остался этимъ доволенъ, но въ своемъ письмѣ, какъ мнѣ показалось, не раздѣлялъ моей увѣренности въ безопасности, съ которой я ожидалъ выхода своей книги. Онъ пожелалъ имѣть отъ меня какое нибудь сочиненіе, котораго еще никто не имѣлъ. Я послалъ ему «Рѣчь надъ гробомъ покойнаго герцога орлеанскаго», которую написалъ для аббата Дорти, и которая не была произнесена, потому что сверхъ ожиданія произнесеніе рѣчи было поручено не ему.

Начатое вновь печатаніе продолжалось и окончилось довольно мирно; я замѣтилъ при этомъ ту странность, что послѣ такой строгости къ двумъ первымъ томамъ, оба послѣдніе были пропущены безъ поправокъ и безъ всякаго препятствія. Впрочемъ, у меня были еще нѣкоторыя опасенія, о которыхъ я не долженъ умолчать. Переставъ бояться іезуитовъ, я сталъ опасаться янсенистовъ и философовъ. Врагъ всего, что носитъ названіе стачки, партій, заговора, я никогда не ожидалъ ничего добраго отъ людей, которые къ нимъ принадлежатъ; съ нѣкотораго времени «кумушки», оставивъ свое прежнее жилище, поселились около меня, такъ что изъ ихъ комнаты слышно было все, что говорилось въ моей и на моей террасѣ, и изъ ихъ сада очень легко можно было перелѣзать черезъ маленькую стѣну, которою онъ отдѣлялся отъ моей башни. Эту башню я обратилъ въ свой рабочій кабинетъ; тамъ стоялъ мой столъ, покрытый корректурными листами и листами изъ «Эмиля» и «Общественнаго Договора»; брошируя эти листы по мѣрѣ того, какъ ихъ ко мнѣ приносили, я хранилъ здѣсь всѣ мои книги еще задолго до ихъ изданія. Отъ моей разсѣянности, небрежности и довѣрія къ Матасу, въ саду котораго я жилъ, я вечеромъ часто забывалъ запирать башню и утромъ находилъ ее растворенною; это не безпокоило бы меня, еслибы

я не замѣтилъ безпорядка въ бумагахъ. Замѣтивъ это нѣсколько разъ, я съ большимъ стараніемъ сталъ запирать башню. Замокъ былъ дуренъ, ключъ запиралъ только на половину. Сдѣлавшись внимательнѣе, я находилъ еще большій безпорядокъ, чѣмъ когда все было растворено. Наконецъ, одинъ изъ моихъ томовъ исчезъ на цѣлый день и на двѣ ночи, такъ что мнѣ невозможно было узнать, куда онъ пропалъ, до самаго утра третьяго дня, когда я опять нашелъ его у себя на столѣ. Я никогда не подозрѣвалъ ни Матаса, ни его племянника Дюмулена, зная, что и тотъ и другой любили меня, и довѣряя имъ совершенно. Но я начиналъ имѣть менѣе довѣрія къ «кумушкамъ». Я зналъ, что хотя они были янсенисты, однако имѣли нѣкоторыя сношенія съ д'Аламберомъ и жили съ нимъ въ одномъ домѣ. Это обезпокоило меня и сдѣлало болѣе внимательнымъ. Я перенесъ бумаги въ свою комнату, и совсѣмъ пересталъ видѣться съ этими людьми, узнавъ, что они въ нѣкоторыхъ домахъ болтали о первой части «Эмиля», которую я имѣлъ неосторожность дать имъ. Хотя они и продолжали быть моими сосѣдями до моего отъѣзда, но я съ этихъ поръ не имѣлъ съ ними никакихъ сношеній.

«Общественный Договоръ» вышелъ однимъ или двумя мѣсяцами ранѣе «Эмиля». Рей, отъ котораго я всегда требовалъ, чтобы онъ никогда украдкой не ввозилъ во Францію моихъ книгъ, обратился къ начальству, за позволеніемъ провести эту черезъ Руанъ, куда онъ послалъ ее моремъ. Онъ не получилъ никакого отвѣта: его тюки оставались въ Руанѣ нѣсколько мѣсяцевъ, по прошествіи которыхъ ихъ возвратили ему, попытавшись конфисковать; но онъ надѣлалъ столько шуму, что ихъ возвратили. Любопытные вывезли нѣсколько экземпляровъ изъ Амстердама, которые впрочемъ мало заставили говорить о себѣ. Молеонъ, слышавшій о нихъ и даже видѣвшій кое что изъ нихъ, говорилъ мнѣ о нихъ таинственнымъ тономъ, который удивилъ меня и даже могъ бы обезпокоить, еслибы я не былъ увѣренъ, что соблюлъ всѣ правила и что мнѣ не въ чемъ было упрекнуть себя. Я даже не сомнѣвался, что г. де-Шуазель, хорошо расположенный ко мнѣ и тронутый похвалою, которую, изъ уваженія къ нему, я вставилъ въ это сочиненіе, поддержитъ меня въ этомъ дѣлѣ противъ неблагосклонности г-жи Помпадуръ.

Въ это время я имѣлъ болѣе чѣмъ когда либо право разсчитывать на расположеніе г. Люксамбура и на его поддержку въ случаѣ нужды, потому что никогда онъ не давалъ мнѣ болѣе частыхъ и болѣе трогательныхъ доказательствъ дружбы. По пріѣздѣ его на Пасху, когда плохое состояніе моего здоровья не позволяло мнѣ посѣщать замокъ, онъ не пропускалъ дня безъ того, чтобы не побывать у меня, и, наконецъ, видя мои постоянныя страданія, склонилъ меня повидаться съ братомъ Козьмою, послалъ за нимъ, самъ привелъ его ко мнѣ и имѣлъ даже

рѣдкую и похвальную въ знатномъ баринѣ храбрость присутствовать при продолжительной и тяжкой операціи, которую я перенесъ. Хотя операція эта заключалась въ простомъ зондированіи, но она не удавалась и самому Моранду, нѣсколько разъ бравшемуся за нее и всегда безъ успѣха. Брату Козьмѣ, благодаря необыкновенной ловкости и легкости его руки, наконецъ удалось пропустить небольшой зондъ, причемъ онъ подвергнулъ меня самымъ жестокимъ двухчасовымъ мученіямъ, впродолженіи которыхъ я, чтобы не растрогать чувствительнаго сердца добраго маршала, всѣми силами старался не испустить ни одного жалобнаго звука. При первомъ изслѣдованіи, братъ Козьма подумалъ, что нашелъ большой камень и сказалъ мнѣ объ этомъ; но при второмъ зондированіи, онъ его не находилъ. Начавъ снова во второй и третій разъ и, производя операцію съ особеннымъ стараніемъ и тщательностью, вслѣдствіе чего время показалось мнѣ очень долгимъ, онъ наконецъ объявилъ, что камня не было, но что простàта была необыкновенной величины и обратилась въ желвачокъ; онъ нашелъ мочевой пузырь нормальной величины и въ хорошемъ состояніи, а въ довершеніе всего объявилъ мнѣ, что мнѣ придется много страдать, но что я проживу долго. Если второе предсказаніе сбудется также, какъ и первое, то моимъ страданіямъ не предвидится конца.

Такимъ образомъ, пролечившись нѣсколько лѣтъ сряду отъ болѣзней, которыми я вовсе не страдалъ, я наконецъ узналъ, что неизлечимая, но и не смертельная моя болѣзнь должна продлиться всю мою жизнь. Мое воображеніе, успокоенное этимъ извѣстіемъ, не представляло мнѣ уже болѣе перспективы жестокой смерти въ страданіяхъ отъ каменной болѣзни. Я пересталъ бояться, что кусочекъ восковаго зонда, отломившійся нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ мочевомъ пузырѣ, послужитъ началомъ къ образованію камня. Избавясь отъ мнимыхъ болѣзней, невыносимыхъ для меня болѣе, чѣмъ дѣйствительныя, я легче сталъ переносить эти послѣднія. Достовѣрно то, что съ этихъ поръ я страдалъ меньше, чѣмъ до того времени, а воспоминаніе о томъ, что этимъ облегченіемъ я обязанъ г. Люксамбуру, всегда растрогивало меня.

Вернувшись, такъ сказать, къ жизни, я еще болѣе чѣмъ когдалибо сталъ думать объ осуществленіи начертаннаго плана относительно устройства ея. Для приведенія его въ исполненіе я ожидалъ только выхода въ свѣтъ «Эмиля». Я мечталъ о Турингіи, въ которой уже бывалъ прежде и которая мнѣ очень нравилась, какъ по своему отличному климату, такъ и по кротости жителей.

La terra molle, e lieta, e dilettosa
Simili a se gli abitator produce.

Я уже прежде сообщилъ о своемъ намѣреніи г. Люксамбуру, который сперва старался отклонить меня отъ приведенія его въ исполненіе; теперь я вновь заговорилъ объ этомъ, какъ о дѣлѣ уже рѣшенномъ. Тогда онъ предложилъ мнѣ въ распоряженіе замокъ Мерлу, въ 15 лье отъ Парижа, какъ убѣжище, удобное для меня, и въ которомъ, по его словамъ, онъ и жена его съ большимъ удовольствіемъ устроили бы меня. Я былъ тронутъ этимъ предложеніемъ, и нельзя сказать, чтобы оно мнѣ не понравилось. Прежде всего нужно было познакомиться съ мѣстностью; поэтому мы назначили день, въ который маршалъ обѣщалъ прислать мнѣ человѣка съ экипажемъ, чтобы отвезти меня туда. Но въ этотъ день я былъ не совсѣмъ здоровъ, а потому пришлось сперва отложить эту поѣздку, и затѣмъ, вслѣдствіе новыхъ встрѣтившихся препятствій, она и вовсе не состоялась, въ чемъ я однако легко утѣшился, узнавъ что имѣніе Мерлу принадлежало не герцогу, а герцогинѣ Люксамбуръ.

Наконецъ вышелъ «Эмиль», безъ всякихъ новыхъ затрудненій. Еще до выхода его, маршалъ попросилъ у меня всѣ письма Малерба, относившіяся къ этому сочиненію. Имѣя полное довѣріе къ нимъ обоимъ и глубокую увѣренность въ безопасности, я и не подумалъ о томъ, что было необыкновеннаго и даже способнаго обезпокоить въ этой просьбѣ. Я отдалъ всѣ письма, за исключеніемъ одного или двухъ, оставшихся случайно въ книгахъ. За нѣсколько времени до этого, Малербъ объявилъ мнѣ, что онъ вытребуетъ обратно письма мои къ Дюшену, писанныя во время моего треволненія по поводу іезуитовъ, и, нужно сознаться, что письма эти не дѣлали много чести моему уму. Тѣмъ не менѣе, я просилъ его оставить ихъ, такъ какъ я ни въ какомъ случаѣ не хотѣлъ казаться лучшимъ, чѣмъ былъ на дѣлѣ. Не знаю, что онъ сдѣлалъ послѣ этого.

Выходъ этой книги не вызвалъ такихъ восторженныхъ одобреній, какими были встрѣчены прочія мои произведенія. Ни одно сочиненіе въ мірѣ не заслужило столько частныхъ похвалъ и такъ мало общаго одобренія. Все, что мнѣ говорили и писали о немъ люди, болѣе всѣхъ другихъ способные судить объ этомъ предметѣ, подтверждало, что оно было самое лучшее и самое важное изъ моихъ сочиненій. Но все это говорилось съ какими-то странными предосторожностями, какъ будто бы необходимо было скрывать то, что можно было сказать объ этомъ сочиненіи. Г-жа Буффлеръ, написавъ мнѣ, что авторъ этого сочиненія заслуживаетъ мраморнаго памятника и всеобщаго уваженія людей, въ заключеніе, не стѣсняясь просила возвратить ей это письмо. Д'Аламберъ, написавшій, что я этимъ сочиненіемъ превзошелъ всѣхъ писателей и что оно поставило меня во главѣ всѣхъ ихъ, не подписалъ самого письма, тогда какъ всегда подписывалъ всѣ письма ко мнѣ. Дюкло, вѣрный и

правдивый другъ, но осмотрительный человѣкъ, хотя и уважалъ это сочиненіе, но не хотѣлъ письменно высказать о немъ свое мнѣніе. Ла-Кондаминъ придрался къ «Profession de foi» и наговорилъ всякаго вздору. Клеро также ограничился въ своемъ письмѣ этимъ мѣстомъ; но онъ не побоялся выразить впечатлѣніе, произведенное на него чтеніемъ этой книги, сказавъ прямо, что это чтеніе согрѣло его старую душу. Изъ всѣхъ тѣхъ, кому я послалъ свою книгу, онъ былъ единственный человѣкъ, который громко и свободно высказалъ всѣмъ свое хорошее мнѣніе объ этомъ сочиненіи.

Матасъ, которому я также послалъ экземпляръ «Эмиля», еще до поступленія его въ продажу, далъ его прочесть г-ну де-Блеръ, совѣтнику въ парламентѣ, отцу страсбургскаго интенданта. У г. де-Блера была дача въ Сенъ-Грасіенѣ, а Матасъ, старинный его знакомый, ѣздилъ туда навѣщать его, когда могъ. Онъ далъ ему прочесть «Эмиля» до выхода его въ свѣтъ. Отдавая ему назадъ книгу, г. де-Блеръ высказалъ слѣдующее мнѣніе, которое было передано мнѣ въ тотъ же день: «это прекрасная книга, но о ней въ скоромъ времени будутъ говорить болѣе, чѣмъ было бы желательно для автора». Когда мнѣ передали эти слова, я расхохотался и принялъ ихъ только за педантизмъ чиновника, старающагося всему придавать видъ тайны. Всѣ подобные тревожащіе толки, доходившіе до меня, производили на меня такое же незначительное впечатлѣніе. Далеко не предвидя развязки, которая была такъ близка, увѣренный въ пользѣ и достоинствѣ своего сочиненія, а равно и въ правильности своихъ дѣйствій во всѣхъ отношеніяхъ, увѣренный въ привязанности г-жи Люксамбуръ и благосклонности самого министерства,— я радовался своему рѣшенію удалиться отъ свѣта въ разгарѣ своихъ успѣховъ и послѣ побѣды надъ всѣми своими завистниками.

Одно обстоятельство еще тревожило меня при изданіи этой книги,— и тутъ я боялся не столько за собственную безопасность, сколько упрековъ своей совѣсти. Въ Эрмитажѣ, въ Монморанси я близко познакомился съ притѣсненіями, которымъ подвергали крестьянъ вельможи для удовлетворенія своей ненасытной жажды удовольствій. Я видѣлъ, напр., что крестьяне не имѣли права защищаться иначе отъ разнаго рода дичи, разорявшей ихъ поля, какъ изгнаніемъ ея съ полей посредствомъ шума, что они были принуждены проводить цѣлыя ночи съ котелками, барабанами и колокольчиками на поляхъ, засѣянныхъ горохомъ и бобами, чтобы отгонять отъ нихъ кабановъ. Будучи свидѣтелемъ жестокостей графа Шаролуа въ отношеніи къ его крестьянамъ, я сказалъ по поводу этого нѣсколько словъ въ концѣ «Эмиля»: новое нарушеніе моихъ правилъ, не оставшееся безнаказаннымъ. Я узналъ, что офицеры, состоявшіе при принцѣ Конти, также совершали много жестокостей въ его

владѣніяхъ; я сильно боялся, чтобы этотъ принцъ, къ которому я питалъ чувства глубочайшаго уваженія и признательности, не принялъ на свой счетъ того, что я, вслѣдствіе оскорбленнаго чувства человѣколюбія, высказалъ про его дядю, и не обидѣлся этимъ. Впрочемъ, такъ какъ совѣсть моя была вполнѣ покойна относительно этого предмета, — то и я успокоился и хорошо сдѣлалъ. По крайней мѣрѣ я не слыхалъ, чтобы этотъ принцъ обратилъ малѣйшее вниманіе на это мѣсто, написанное за долго до того времени, какъ я имѣлъ честь познакомиться съ нимъ.

За нѣсколько дней до изданія моей книги, или послѣ того, не помню хорошенько, вышло другое сочиненіе на ту же тему, слово въ слово извлеченное изъ моего перваго тома, за исключеніемъ нѣсколькихъ плоскостей, вставленныхъ въ это извлеченіе. Оно появилось съ именемъ нѣкоего женевца Балексера, и на заглавномъ листѣ было сказано, что оно удостоено преміи гарлемскою академіей. Я легко понялъ, что эта академія и премія были ничто иное какъ пустой вымыселъ, которымъ авторъ этой книги хотѣлъ замаскировать предъ публикой свое похищеніе; но въ то же время я видѣлъ, что въ этомъ крылась какая-то заранѣе составленная интрига, которой я однако не могъ понять — состояла ли она въ сообщеніи кому-нибудь моей рукописи, безъ чего это похищеніе не было возможно, или же все это было сдѣлано для того только, чтобы распустить исторію объ этой мнимой преміи, которой необходимо было дать нѣкоторое основаніе. Только много лѣтъ спустя, вслѣдствіе одного слова, сказаннаго д'Ивернуа, мнѣ удалось разгадать эту тайну и угадать лицъ, выпустившихъ на сцену Балексера.

Глухой гулъ, предшествующій грозѣ, началъ раздаваться, и люди, болѣе или менѣе проницательные, ясно могли видѣть, что по поводу меня и моей книги готовился заговоръ, который въ непродолжительномъ времени долженъ былъ обнаружиться. Что касается до меня, то я былъ на столько безпеченъ и глупъ, что не только не предвидѣлъ угрожавшаго мнѣ несчастія, но даже не подозрѣвалъ причины его и тогда, когда уже ощущалъ дѣйствіе. Стали очень искусно проводить мнѣніе, что, преслѣдуя іезуитовъ, нельзя имѣть пристрастное снисхожденіе къ книгамъ и писателямъ, нападающимъ на религію. Меня упрекали въ томъ, что я выставилъ свою фамилію въ заглавіи «Эмиля», какъ будто бы я этого не дѣлалъ въ прочихъ своихъ сочиненіяхъ. Дѣлали видъ, что опасаются быть вынужденными принять такія мѣры, которыхъ вовсе не желали и которыя вызваны были обстоятельствами и моею неосторожностью. Эти слухи дошли и до меня, но они нисколько не тревожили меня; мнѣ даже и въ голову не приходило, что во всемъ этомъ дѣлѣ что либо могло касаться до меня лично, тѣмъ болѣе, что я считалъ себя совершенно безукоризненнымъ, а дѣйствія свои правильными во всѣхъ отношеніяхъ;

кромѣ того, я расчитывалъ на сильную поддержку со стороны герцогини Люксамбуръ и никакъ не предполагалъ, чтобы она оставила меня въ такомъ затруднительномъ положенiи, изъ-за вины, которая, если и существовала на самомъ дѣлѣ, то обязана была своимъ происхожденiемъ одной ей. Но, зная какъ ведутся подобныя дѣла, зная также, что въ такихъ случаяхъ книгопродавцы страдаютъ болѣе, чѣмъ авторы сочиненiй, я немало безпокоился о бѣдномъ Дюшенѣ, которому, по моему мнѣнiю, пришлось бы плохо, еслибы онъ лишился поддержки г. Малерба. Я оставался спокойнымъ. Толки увеличивались и даже тонъ ихъ измѣнился. Мое спокойствiе повидимому раздражало публику, а въ особенности парламентъ. Нѣсколько дней спустя, броженiе сдѣлалось страшнымъ, а угрозы, измѣнивъ направленiе, обратились прямо на меня. Въ парламентѣ уже громко стали говорить, что «сжигать книги ни къ чему не ведетъ, а нужно жечь и авторовъ». Что касается до книгопродавцевъ, то о нихъ не говорилось ни слова. Когда въ первый разъ до меня дошли эти толки, болѣе свойственные инквизитору Гоэ, чѣмъ сенатору, я не усомнился, что это было дѣломъ гольбахистовъ, имѣвшихъ цѣлью напугать меня и склонить къ бѣгству. Я посмѣялся надъ этой ребяческой уловкой и думалъ про себя, что если бы они знали въ чемъ дѣло, то навѣрное придумали бы другой способъ испугать меня. Но волненiе усилилось до того, что сдѣлалось ясно, что тутъ дѣло шло не на шутку. Г-жа Люксамбуръ въ этомъ году прiѣхала въ Монморанси раньше обыкновеннаго, въ началѣ iюня. У нихъ мало говорили о моихъ новыхъ сочиненiяхъ, не смотря на толки, которые онѣ произвели въ Парижѣ; а хозяева дома и вовсе не говорили о нихъ со мною. Однажды, утромъ, когда я былъ наединѣ съ герцогомъ Люксамбурскимъ, онъ спросилъ меня: не говорилъ ли я чего дурнаго о г. Шуазелѣ въ своемъ «Общественномъ Договорѣ»?— Я! нѣтъ, клянусь вамъ—отвѣтилъ я съ изумленiемъ—я напротивъ того, написалъ нельстивымъ перомъ такую похвалу ему, какой когда либо удостоился министръ.—И тутъ же показалъ герцогу это мѣсто. —А въ «Эмилѣ»? продолжалъ онъ. — Ни слова — отвѣчалъ я — въ немъ нѣтъ ничего, относящагося къ нему. — Ахъ! — возразилъ онъ съ необыкновенною живостью—въ такомъ случаѣ вамъ слѣдовало повторить похвалу и въ этой книгѣ или выразиться яснѣе. — Я думалъ, что выразился довольно ясно — прибавилъ я—я достаточно уважалъ герцога для этого. Маршалъ хотѣлъ продолжать разговоръ; я видѣлъ, что онъ былъ готовъ высказаться,—но воздержался и замолчалъ. О, несчастная придворная политика, которая даже въ самыхъ лучшихъ сердцахъ сильнѣе чувствъ дружбы!

Этотъ краткiй разговоръ по крайней мѣрѣ отчасти объяснилъ мнѣ мое положенiе и далъ случай убѣдиться, что мои доброжелатели доби-

рались именно до меня. Я сильно огорчился этимъ неслыханнымъ преслѣдованіемъ судьбы, обращавшей все, что бы я ни сдѣлалъ или сказалъ хорошаго, мнѣ же во вредъ. Впрочемъ, такъ какъ г-жа Люксамбуръ и Малербъ были мнѣ защитой въ этомъ дѣлѣ, то я не могъ понять, какимъ образомъ ухитрятся устранить ихъ, чтобы взяться за меня, ибо съ другой стороны убѣдился, что тутъ не будетъ рѣчи ни о правосудіи, ни о справедливости и что мои враги даже не дадутъ себѣ труда убѣдиться, правъ я, или нѣтъ. Гроза однакоже усиливалась. Не было ни одного человѣка, не исключая и Неольма, который въ велерѣчивыхъ изліяніяхъ не выразилъ бы сожалѣнія о томъ, что я вмѣшался въ это дѣло и не обнаружилъ бы увѣренности въ участи, которая должна была постигнуть книгу и ея автора. Одно обстоятельство успокоивало меня, впрочемъ, въ этомъ отношеніи,—то, что я видѣлъ г-жу Люксамбуръ спокойною, довольною и даже веселою; изъ этого я заключилъ, что, вѣроятно, она была слишкомъ увѣрена въ себѣ, если нисколько не безпокоилась обо мнѣ, не выразила ни однимъ словомъ состраданія ко мнѣ и смотрѣла на ходъ, который приняло это дѣло, съ такимъ равнодушіемъ, какъ будто бы оно вовсе до нея не касалось и она не принимала никакого участія во мнѣ. Особенно удивляло меня то, что она мнѣ ничего не говорила объ этомъ дѣлѣ. Г-жа Буффлеръ казалась менѣе спокойною: она постоянно волновалась, суетилась и увѣряла меня, что принцъ Конти употреблялъ всѣ старанія, чтобы отразить ударъ, который готовился мнѣ и который она всегда приписывала настоящимъ обстоятельствамъ, заставлявшимъ парламентъ не доводить себя до обвиненія со стороны іезуитовъ въ равнодушіи къ религіи. Она, повидимому, мало расчитывала на успѣхъ своего ходатайства и ходатайства принца, а разговоръ ея, болѣе тревожный, чѣмъ успокоительный, имѣлъ цѣлью склонить меня къ бѣгству. Она совѣтовала мнѣ ѣхать въ Англію, гдѣ у меня было много знакомыхъ, которымъ она хотѣла отрекомендовать меня. Въ числѣ ихъ былъ знаменитый Юмъ, съ которымъ она давно была знакома. Видя, что я продолжалъ оставаться спокойнымъ, она прибѣгла къ другому средству, чтобы легче поколебать меня. Она сказала мнѣ, что если меня арестуютъ, станутъ допрашивать, то я буду поставленъ въ необходимость назвать г-жу Люксамбуръ, дружба которой ко мнѣ заслуживала того, чтобы я не ставилъ себя въ необходимость скомпрометировать ее. Я отвѣчалъ ей, что въ этомъ отношеніи она могла быть спокойна, что я никого не скомпрометирую. На это она мнѣ возразила, что имѣть подобное намѣреніе легче, чѣмъ исполнить его, и въ этомъ она дѣйствительно была права, ибо въ особенности мнѣ это не удалось бы при моемъ твердомъ намѣреніи всегда говорить правду предъ судомъ, какой бы опасности я не подвергался чрезъ это. Увидѣвъ, что этотъ разговоръ

произвелъ на меня нѣкоторое впечатлѣніе, хотя не въ той мѣрѣ, чтобы я рѣшился уѣхать, она заговорила также о двухнедѣльномъ заключеніи въ Бастиліи, какъ о средствѣ избѣгнуть суда парламента, который не вмѣшивается въ дѣла государственныхъ преступниковъ. Я ничего не возражалъ противъ этой странной милости и желалъ только, чтобъ просили не отъ моего имени. Такъ какъ послѣ этого г-жа Буффлеръ уже не говорила со мною объ этомъ, то я заключилъ, что она предлагала мнѣ эти мѣры только для того, чтобы узнать мой образъ мыслей.

Нѣсколько дней послѣ того, маршалъ получилъ письмо отъ приходскаго священника въ Дейлѣ, пріятеля Гримма и г-жи д'Эпинэ; въ этомъ письмѣ онъ сообщилъ ему извѣстіе, полученное имъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что парламентъ рѣшилъ поступить со мной съ всевозможною строгостью и что день взятія меня подъ стражу былъ уже назначенъ. Эту вѣсть я принялъ за произведеніе гольбахистовъ. Я зналъ, что парламентъ строго соблюдалъ формальности, а взять меня подъ стражу, не убѣдившись судебнымъ порядкомъ, признаю ли я это сочиненіе за свое и дѣйствительно ли я авторъ его, значило бы нарушить всякую формальность. Я сказалъ г-жѣ Буффлеръ: «Только преступленія противъ общественной безопасности даютъ право арестовать обвиненнаго по простому указанію, изъ опасенія, чтобы онъ не избѣгнулъ заслуженнаго наказанія; но когда дѣло идетъ о преступленіи, подобно моему, заслуживающему уваженія и награды, тогда судъ производятъ надъ самимъ сочиненіемъ, по возможности обходя личность самого автора. На это она мнѣ возразила какою то юридическою тонкостью, которую я уже забылъ и которою она хотѣла доказать, что меня, въ видѣ особенной милости, присуждали къ аресту, вмѣсто того, чтобы подвергнуть допросу. На другой день я получилъ письмо отъ Гюи, извѣщавшаго меня, что онъ въ этотъ же самый день видѣлъ на письменномъ столѣ у генеральнаго прокурора черновую обвинительнаго акта противъ «Эмиля» и его автора. Замѣтьте, что Гюи былъ компаніономъ Дюшена, напечатавшаго мое сочиненіе; совершенно спокойный на счетъ себя, онъ въ видѣ милости предварилъ объ этомъ автора. Можно по этому заключить, на сколько это извѣстіе показалось мнѣ правдоподобнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ это просто и естественно! какой нибудь книгопродавецъ, допущенный къ генеральному прокурору въ кабинетъ, свободно читаетъ рукописи и черновыя бумаги, разбросанныя на столѣ этого сановника! Г-жа Буффлеръ и другіе подтверждали мнѣ тоже самое. Вслѣдствіе нелѣпостей, которыми безпрерывно тревожили мой слухъ, я чуть было не призналъ весь свѣтъ сумасшедшимъ.

Очень хорошо понимая, что во всемъ этомъ дѣлѣ скрывалась тайна, которую мнѣ не хотѣли открыть, я спокойно выжидалъ развязки, твер-

дый сознаніемъ своей правоты и невинности во всемъ этомъ дѣлѣ, я считалъ себя счастливымъ, что мнѣ выпала на долю честь пострадать за правду,—какое бы гоненіе ни постигло меня. Я никогда не боялся и ни отъ кого не прятался, а напротивъ каждый день ходилъ въ замокъ и каждый день послѣ обѣда совершалъ свою обычную прогулку. 8 іюня, наканунѣ рѣшенія моего дѣла, я гулялъ съ двумя священниками: Аламани и Мандоромъ. Мы взяли съ собою въ Шампо закуску, которую съѣли съ большимъ аппетитомъ. Забывъ взять стаканы, мы замѣнили ихъ соломинками, посредствомъ которыхъ втягивали вино изъ бутылокъ, и выбирали самыя широкія, стараясь превзойти другъ друга въ этомъ занятіи. Никогда въ жизни я не былъ такъ веселъ какъ въ этотъ разъ.

Я разсказалъ выше, какимъ образомъ лишился сна въ моей молодости. Вслѣдствіе этого я пріучалъ себя читать по вечерамъ въ постели, до тѣхъ поръ, пока глаза не закрывались отъ усталости. Тогда я гасилъ свѣчу и старался заснуть, но и то удавалось мнѣ лишь на короткое время. Обыкновенно на ночь я читалъ библію, которую мнѣ пришлось по этой причинѣ прочесть пять или шесть разъ сряду. Въ этотъ вечеръ я дольше обыкновеннаго не могъ заснуть, а потому и чтеніе мое было продолжительнѣе, такъ, что я успѣлъ прочесть всю книгу, которая оканчивалась Левитомъ Ефраимскимъ, и которая, какъ помнится, есть книга Судей. Эта исторія сильно заинтересовала меня и я задремалъ, грезя о ней, какъ вдругъ меня разбудили шумъ и свѣтъ. Тереза свѣтила Ла-Рошу, который увидѣвъ, что я быстро привсталъ на постели, попросилъ меня не безпокоиться и сказалъ, что онъ пришелъ, по порученію г-жи Люксамбуръ, передать мнѣ письмо отъ нея со вложеніемъ письма къ ней отъ принца Конти. Дѣйствительно, распечатавъ письмо г-жи Люксамбуръ, я нашелъ въ немъ письмо принца Конти, присланное съ нарочнымъ и извѣщавшее, что не смотря на всѣ его старанія, было рѣшено употребить противъ меня самыя строгія мѣры. «Волненіе—писалъ онъ ей—возрасло до крайности, ничто не можетъ отвратить удара; дворъ требуетъ и парламентъ хочетъ этого, въ семь часовъ утра послѣдуетъ приказъ объ арестованіи и немедленно будетъ приведенъ въ исполненіе; я успѣлъ добиться, что его не будутъ преслѣдовать, если онъ удалится; если же онъ будетъ упорствовать, то будетъ арестованъ». Ла-Рошъ просилъ меня отъ имени герцогини немедленно отправиться къ ней, посовѣтываться. Было уже два часа, она только что легла.—Она ждетъ васъ, говорилъ онъ, и не желаетъ заснуть не повидавшись съ вами. Я поспѣшно одѣлся и тотчасъ отправился къ ней.

Въ первый разъ теперь показалась она мнѣ взволнованною. Ея смущеніе тронуло меня. Подъ вліяніемъ этого неожиданнаго происшествія, въ ночное время, я самъ былъ смущенъ; но, увидѣвъ ее, я совсѣмъ за-

былъ о себѣ и думалъ только ней и о печальной роли, предстоявшей ей, въ случаѣ моего ареста,—потому что, чувствуя въ себѣ довольно мужества, чтобы всегда говорить одну правду, хотя бы эта откровенность повредила мнѣ и подвергла меня опасности, я не находилъ въ себѣ ни достаточнаго присутствія духа, ни ловкости, ни даже, быть можетъ, твердости воли для того, чтобы не скомпрометировать ее, если бы обстоятельства вынудили меня къ тому. Это побудило меня пожертвовать своей славой ея спокойствію и сдѣлать для нея то, чего я ни за что не рѣшился бы сдѣлать для самого себя. Принявъ это рѣшеніе, я сказалъ ей объ этомъ тотчасъ же, не желая уменьшить цѣны своей жертвы принужденіемъ этой женщины купить ее. Я былъ увѣренъ, что она поняла причину моего самоотверженія, но, не смотря на то, она ни однимъ словомъ не выразила своей признательности. Это равнодушіе до того оскорбило меня, что я готовъ былъ измѣнить свое рѣшеніе; но тутъ подошелъ самъ маршалъ, а вскорѣ послѣ него пріѣхала изъ Парижа г-жа Буффлеръ. Они сдѣлали то, что должна была исполнить герцогиня. Я поддался ихъ лести, мнѣ было совѣстно отречься отъ слова, и потому оставалось только назначить время и мѣсто моего отъѣзда. Г. Люксамбуръ предложилъ мнѣ остаться тайно въ его домѣ на нѣсколько дней, чтобы свободнѣе обсудить дѣло и принять надлежащія мѣры; я не согласился на это, а также и на предложеніе уѣхать тайно въ Тампль. Я желалъ лучше ѣхать въ тотъ же день, чѣмъ укрываться гдѣ бы то ни было.

Видя, что у меня были тайные и могущественные враги въ государствѣ, я разсудилъ, что не смотря на мою привязанность къ Франціи, я долженъ былъ оставить ее для собственнаго спокойствія. Первымъ моимъ намѣреніемъ было ѣхать въ Женеву, но одной минуты размышленія было достаточно, чтобы отклонить меня отъ этой глупости. Я зналъ, что французское министерство, еще болѣе могущественное въ Женевѣ, чѣмъ Парижѣ, не дало бы мнѣ покоя и тамъ, если уже рѣшилось преслѣдовать меня. Я зналъ, что «Рѣчь о неравенствѣ» возбудила противъ меня въ женевскомъ совѣтѣ ненависть тѣмъ болѣе для меня опасную, что онъ не смѣлъ обнаружить ея. Я зналъ, что когда въ послѣднее время вышла «Новая Элоиза», онъ, по ходатайству доктора Троншена, поспѣшилъ запретить ее, но видя, что никто, даже Парижъ, не слѣдовалъ его примѣру, устыдился своего безразсудства и отмѣнилъ запрещеніе. Я не сомнѣвался, что Совѣтъ, имѣя теперь еще болѣе удобный случай, не преминетъ воспользоваться имъ. Я зналъ, что, не смотря на видимое расположеніе ко мнѣ, женевцы въ душѣ завидовали мнѣ и ожидали только случая высказаться. Тѣмъ не менѣе, чувство любви къ отечеству влекло меня къ моей родинѣ, и еслибы я могъ надѣяться на

спокойную жизнь въ ней, то ни на минуту не задумался бы: но такъ какъ ни честь моя, ни благоразуміе не позволяли мнѣ, какъ бѣглецу, искать въ немъ убѣжища, то я рѣшился только приблизиться къ нему и ѣхать въ Швейцарію, ожидать рѣшенія, которое приняли бы въ Женевѣ относительно меня. Скоро читатель увидитъ, что эта неизвѣстность была непродолжительна.

Г-жа Буффлеръ не одобряла этого намѣренія и снова убѣждала меня ѣхать въ Англію. Ей однако не удалось поколебать меня. Я никогда не любилъ Англіи и англичанъ, и все краснорѣчіе г-жи Буффлеръ не только не уменьшило этого отвращенія, а, казалось, еще увеличило его, самъ не знаю почему.

Рѣшившись уѣхать въ тотъ же день, я уже съ утра считался для всѣхъ уѣхавшимъ, — и ла-Рошъ, котораго я послалъ за своими бумагами, не хотѣлъ сказать даже Терезѣ, уѣхалъ ли я, или нѣтъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я рѣшился написать свои записки, я собралъ столько писемъ и бумагъ, что нужно было нѣсколько разъ ѣздить за ними. Часть этихъ бумагъ уже была разобрана и отложена въ сторону, а такъ какъ у меня оставалось еще нѣсколько свободнаго времени въ это утро, то я употребилъ его на разборъ прочихъ бумагъ, чтобы взять съ собою только тѣ, которыя мнѣ были необходимы, а остальныя сжечь. Хотя г. Люксамбуръ вызвался помочь мнѣ въ этомъ занятіи, но оно потребовало столько времени, что мы все таки не успѣли окончить его въ одно утро, и мнѣ не пришлось ничего сжечь. Маршалъ предложилъ взять на себя остальную разборку и сожженіе ненужныхъ бумагъ, не довѣряя этого занятія никому другому и по окончаніи его, прислать мнѣ отобранныя бумаги. Я принялъ это предложеніе, радуясь избавленію отъ этихъ заботъ, дававшему мнѣ возможность провести свободные часы, которые у меня еще оставались, въ обществѣ дорогихъ мнѣ людей, съ которыми мнѣ приходилось разстаться навсегда. Маршалъ взялъ къ себѣ ключъ отъ комнаты, въ которой остались мои бумаги и вслѣдствіе моей убѣдительной просьбы, послалъ за моей бѣдной Терезой, которая была въ смертельномъ безпокойствѣ, не получая извѣстія обо мнѣ, не зная, что предстояло ей самой и ожидая ежеминутно полицейскихъ приставовъ, съ которыми она не знала какъ говорить и какъ вести себя. Ла-Рошъ привелъ ее въ замокъ, не сказавъ ей ничего; она полагала, что я ужъ далеко; увидавъ меня, она бросилась ко мнѣ въ объятія и громко зарыдала. О дружба, сочувствіе сердецъ, привычка, интимность! Въ эту сладкую и вмѣстѣ жестокую минуту, полные счастія, нѣжности и спокойствія дни, которые мы проводили вмѣстѣ, разомъ воскресли въ моей памяти, чтобы заставить меня сильнѣе почувствовать всю тяжесть первой разлуки, послѣ семнадцатилѣтней жизни, въ теченіе которой мы не раз-

ставались почти ни на одинъ день. Маршалъ, бывшій свидѣтелемъ этой сцены, не могъ удержаться отъ слезъ и оставилъ насъ вдвоемъ. Тереза не хотѣла разстаться со мною. Я объяснялъ ей причины, по которымъ ей не возможно было ѣхать со мною теперь же и необходимость остаться для того, чтобы распорядиться моими вещами и собрать мои деньги. При арестованіи человѣка, обыкновенно отбираются его бумаги и описываются вещи, которыя, по наложеніи на нихъ печати, поручаются надзору сторожа. Поэтому ей необходимо было оставаться, чтобы слѣдить за всѣмъ и извлечь для себя всевозможныя выгоды. Я обѣщалъ взять ее къ себѣ въ непродолжительномъ времени. Маршалъ повторилъ это обѣщаніе; но тѣмъ не менѣе я ей не говорилъ куда ѣхалъ, чтобы она, въ случаѣ допроса, съ чистою совѣстью могла отвѣтить, что не знаетъ о мѣстѣ моего пребыванія. Обнимая ее при прощаніи, я почувствовалъ какое-то необыкновенное волненіе и сказалъ ей, увы, слишкомъ пророческія слова: «Дитя мое, тебѣ нужно вооружиться мужествомъ. Ты раздѣляла со мной счастье въ хорошія времена, теперь тебѣ придется раздѣлить со мною несчастье, такъ какъ ты сама того желаешь. Кромѣ оскорбленій и бѣдствій, не ожидай ничего, оставаясь со мной. Участь, начинающаяся для меня сегодня, будетъ преслѣдовать меня до конца моей жизни».

Теперь мнѣ оставалось думать только объ отъѣздѣ. Полицейскихъ нужно было ожидать къ десяти часамъ; но я уѣхалъ въ четыре, а ихъ все еще не было. Рѣшено было, что я поѣду на почтовыхъ, и такъ какъ у меня не было собственнаго экипажа, то маршалъ подарилъ мнѣ кабріолетъ и снабдилъ меня лошадьми съ проводникомъ до первой станціи, на которой, благодаря принятымъ имъ мѣрамъ, я не встрѣтилъ препятствій въ полученіи лошадей для дальнѣйшаго слѣдованія.

Такъ какъ я не обѣдалъ за общимъ столомъ и не показывался въ замкѣ, то дамы пришли проститься съ мною на антресоли, гдѣ я провелъ этотъ день. Г-жа Люксамбуръ обняла меня нѣсколько разъ съ довольно печальнымъ видомъ, но объятія эти не походили на тѣ, которыми она удостоивала меня года два, три тому назадъ. Г-жа Буффлеръ обняла меня также и наговорила мнѣ много весьма лестныхъ вещей. Болѣе всего поразило меня объятіе г-жи Мирпуа, которая также присутствовала при прощаніи. Г-жа Мирпуа, женщина въ высшей степени холодная, сдержанная и осторожная, всегда казалась мнѣ не вполнѣ чуждой высокомѣрія, свойственнаго лотарингскому дому. Она никогда не обращала на меня большого вниманія. Оттого ли, что я былъ польщенъ неожиданной честью и старался придать ей большую цѣну, или оттого, что въ ея объятіяхъ дѣйствительно выразилось состраданіе, свойственное великодушнымъ сердцамъ, — но я замѣтилъ въ ея взглядѣ и

ея движеніяхъ какое-то энергическое выраженіе, сильно тронувшее меня. Вспоминая объ этомъ впослѣдствіи, я часто приходилъ къ тому заключенію, что зная, какая участь ожидала меня, она не могла побороть чувства нѣкотораго состраданія къ моему положенію.

Маршалъ не говорилъ ни слова; онъ былъ блѣденъ какъ мертвецъ. Онъ непремѣнно хотѣлъ проводить меня до экипажа, ожидавшаго меня у водопоя. Мы прошли черезъ весь садъ, не сказавъ другъ другу ни слова. Я отперъ ворота сада ключемъ, который былъ при мнѣ и который, вмѣсто того, чтобы положить опять въ карманъ, я молча возвратилъ ему. Онъ принялъ его отъ меня съ какою-то особенною поспѣшностью, о которой я потомъ часто думалъ. Никогда въ жизни я не переживалъ ничего печальнѣе этой минуты нашего разставанья. Объятіе наше было продолжительно и безмолвно, и каждый изъ насъ предчувствовалъ, что это было послѣднее наше прощанье.

Между Барръ и Монморанси попались мнѣ на встрѣчу четыре человѣка, ѣхавшіе въ наемной каретѣ и одѣтые въ черное. Они съ улыбкой поклонились мнѣ. Судя по тому, что впослѣдствіи Тереза передавала мнѣ о наружности судебныхъ приставовъ и о времени ихъ прибытія на мою квартиру, я не сомнѣваюсь, что это были они; въ особенности убѣдился я въ томъ, когда узналъ, что приговоръ состоялся не въ семь часовъ, какъ мнѣ было объявлено, а въ полдень. Мнѣ приходилось ѣхать по всему Парижу, а въ открытомъ кабріолетѣ трудно было скрываться. Я встрѣчалъ многихъ, которые кланялись мнѣ какъ знакомому, но никого изъ нихъ не узналъ. Въ тотъ же вечеръ я свернулъ съ дороги, чтобы проѣхать на Вильруа. Въ Ліонѣ всѣ пріѣзжіе должны были представляться коменданту. Это могло оказаться затруднительнымъ для человѣка, неспособнаго лгать и скрывать свое имя, а потому я отправился къ г. Вильруа, съ письмомъ отъ г-жи Люксамбуръ, просить его содѣйствія къ освобожденію меня отъ этой обязанности. Г. Вильруа далъ мнѣ письмо, которымъ я однако не воспользовался, потому что миновалъ Ліонъ. Это письмо осталось нераспечатаннымъ въ моихъ бумагахъ. Герцогъ пригласилъ меня ночевать у него въ Вильруа, но я предпочелъ продолжать путь и проѣхалъ еще двѣ станціи въ тотъ же день.

Экипажъ мой былъ довольно трясокъ, вслѣдствіе чего мнѣ не совсѣмъ удобно было путешествовать по цѣлымъ суткамъ безъ отдыха. Къ тому же у меня не было представительной наружности, необходимой для того, чтобы вездѣ находить людей, готовыхъ къ услугамъ, а извѣстно, что лошади во Франціи ощущаютъ дѣйствіе бича только тогда, когда онъ падаетъ на плечи ямщика. Я щедро награждалъ ямщиковъ, полагая этою мѣрою замѣнить недостатокъ представительности и строгости, но вышло еще хуже. Они принимали меня за человѣка низкаго

происхожденія, ѣхавшаго по порученію и въ первый разъ въ жизни на почтовыхъ. Съ этихъ поръ мнѣ стали давать только клячъ и я сдѣлался игрушкою ямщиковъ. Я кончилъ тѣмъ, съ чего мнѣ слѣдовало начать, т. е. вооружился терпѣніемъ и ѣхалъ, не говоря ни слова, такъ какъ имъ хотѣлось.

Мнѣ было чѣмъ разгонять дорожную скуку; я размышлялъ обо всемъ случившемся со мною, но это не согласовалось ни съ складомъ моего ума, ни съ наклонностями моего сердца. Удивительно, какъ легко я забываю все прошедшее зло, какъ бы недавно оно ни случилось. На сколько это зло, когда оно еще мнѣ предстоитъ, пугаетъ и смушаетъ меня, на столько же воспоминаніе о немъ становится слабымъ и даже изглаживается тотчасъ послѣ того, какъ оно совершится. Мое жестокое воображеніе, безпрестанно озабоченное предупрежденіемъ зла, еще предстоящаго мнѣ, развлекаетъ мою память и заставляетъ меня забыть непріятность, которая уже прошла. Остерегаться того, что уже случилось и быть озабоченнымъ этимъ—совершенно безполезно. Я нѣкоторымъ образомъ истощаю свое несчастье напередъ: чѣмъ болѣе я страдалъ, предвидя его, тѣмъ легче мнѣ его забыть, между тѣмъ, какъ напротивъ, безпрестанно занятый своимъ минувшимъ, я безпрестанно вспоминаю и такъ сказать пережевываю его до такой степени, что вновь наслаждаюсь имъ, когда хочу. Этому счастливому свойству моего характера я обязанъ тѣмъ, что никогда не испытывалъ злопамятности, волнующей мстительныя сердца постоянными воспоминаніями о перенесенныхъ обидахъ и терзающей сердце тѣмъ зломъ, которое оно хотѣло бы причинить своему врагу. Отъ природы вспыльчивый, я чувствовалъ гнѣвъ и приходилъ даже въ изступленіе въ первыя минуты раздраженія, но никогда не вкоренялась во мнѣ жажда мести. Я слишкомъ мало бываю занятъ обидою, чтобы долго помнить объ обидчикѣ. Я думаю о причиненномъ мнѣ вредѣ только потому, что боюсь, какъ бы онъ не повторился; если же я увѣренъ, что этого не будетъ, то и немедленно забываю постигнувшую меня непріятность. Намъ проповѣдуютъ о прощеніи обидъ; это, безъ сомнѣнія, превосходная добродѣтель, но она не для меня. Я не знаю, на сколько сердце мое было бы способно одолѣть чувство ненависти,—не знаю потому, что оно никогда не испытывало этихъ чувствъ, и я слишкомъ мало думаю о своихъ врагахъ, чтобы прощенье ихъ можно было вмѣнить мнѣ въ заслугу. Я не скажу, въ какой мѣрѣ они мучатъ себя, чтобы помучить меня. Я въ ихъ власти; они все могутъ сдѣлать, и пользуются этимъ. Одно только превышаетъ ихъ власть, и одного только не въ силахъ они сдѣлать: заставить меня тревожиться о нихъ, также какъ они заботятся обо мнѣ.

На другой день послѣ моего отъѣзда, я уже забылъ обо всемъ слу-

чившемся, забылъ парламентъ, г-жу Помпадуръ, г. Шуазеля, Гримма, д'Аламбера и ихъ злые умыслы, и соучастниковъ ихъ; такъ что я вовсе и не думалъ бы о нихъ, въ продолженіи всего пути, еслибы мнѣ не приходилось принимать нѣкоторыя мѣры предосторожности. Вмѣсто всего этого, я вспомнилъ только о томъ, что̀ читалъ наканунѣ отъѣзда. Я вспомнилъ также объ идилліяхъ Гесснера, которыя мнѣ были присланы переводчикомъ ихъ, Гюберомъ, за нѣсколько времени до этого. Эти два воспоминанія такъ ясно пришли мнѣ на умъ и такъ смѣшались въ немъ, что я получилъ желаніе соединить ихъ обработкою на манеръ Гесснера и Левита Ефраимскаго. Этотъ буколическій и наивный слогъ, повидимому былъ вовсе не свойственъ такому суровому предмету, и съ другой стороны нельзя было предполагать, чтобы настоящее мое положеніе внушило мнѣ мысли, способныя придать веселый характеръ этому предмету. Я однако же попробовалъ приняться за дѣло, — единственно для того, чтобы развлечься безъ всякой надежды на успѣхъ. Но съ самаго же начала, сверхъ всякаго ожиданія, я былъ пораженъ пріятностью своихъ мыслей и легкостью, съ которою я излагалъ ихъ. Въ три дня я написалъ первыя три пѣсни этой небольшой поэмы, которую впослѣдствіи окончилъ въ Мотье, и я увѣренъ, что мнѣ никогда въ жизни не удавалось написать ничего, въ чемъ было бы болѣе умилительной кротости, болѣе свѣжаго колорита, болѣе наивныхъ красокъ, болѣе точности въ описаніи, болѣе древней простоты во всемъ; и все это я дѣлалъ, не смотря на суровость предмета, въ сущности ужаснаго; такъ что, не говоря уже объ остальномъ, заслуга моя заключалась здѣсь въ томъ, что я преодолѣлъ столько трудностей. Если «Левитъ Ефраимскій» и не лучшее изъ моихъ сочиненій, то онъ останется всегда любимѣйшимъ изъ нихъ.

Я никогда не перечитывалъ его, никогда не буду перечитывать безъ того, чтобы не чувствовать внутренняго одобренія моего незлобиваго сердца, не только не ожесточающагося несчастіями, но находящаго утѣшеніе и вознагражденіе за нихъ въ самомъ себѣ. Пускай соберутъ всѣхъ этихъ великихъ философовъ, свысока относящихся въ своихъ книгахъ къ злополучіямъ, которыхъ они никогда не испытали, пускай поставятъ ихъ въ положеніе подобное моему, и дадутъ, въ первомъ пылу негодованія оскорбленной чести, написать подобное сочиненіе, — тогда увидятъ, какъ они выполнятъ эту задачу.

Уѣзжая изъ Монморанси въ Швейцарію, я рѣшился остановиться въ Иверденѣ, у моего стараго, добраго друга г. Рогена, который поселился тамъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и даже приглашалъ меня пріѣхать навѣстить его. Дорогой я узналъ, что на Ліонъ нужно ѣхать въ объѣздъ; это избавило меня отъ необходимости заѣзжать туда. Но

за то мнѣ приходилось ѣхать на Безансонъ, военную крѣпость; стало быть, тамъ я подвергался тѣмъ же неудобствамъ, что и въ Ліонѣ. Я рѣшился сдѣлать крюкъ и поѣхать черезъ Селенъ, подъ предлогомъ свиданія съ г. де-Мераномъ, племянникомъ г. Дюпена, служившимъ при соловарнѣ и когда-то очень усердно звавшимъ меня къ себѣ. Это средство удалось мнѣ; я не нашелъ г. де-Мерана, и очень довольный тѣмъ, что не нужно было останавливаться, продолжалъ путь безъ всякихъ препятствій.

Въѣхавъ въ бернскій кантонъ, я велѣлъ остановиться, вышелъ изъ экипажа, упалъ на землю, цѣловалъ ее и восклицалъ въ восторгѣ: «Небо, покровитель добродѣтели, благодарю тебя, я ступилъ на землю свободы!» Такъ, слѣпой и довѣрчивый въ моихъ надеждахъ, я всегда восторгался тѣмъ, что̀ должно было составить мое несчастье. Мой удивленный ямщикъ принялъ меня за сумасшедшаго; я сѣлъ опять въ экипажъ, и черезъ нѣсколько часовъ вкушалъ чистую и живую радость, въ объятіяхъ почтеннаго Рогена. Ахъ, отдохнемъ нѣсколько минутъ у этого достойнаго человѣка! Мнѣ нужно здѣсь запастись мужествомъ и силами; онѣ скоро понадобятся мнѣ.

Я не безъ причины распространился только что обо всѣхъ обстоятельствахъ, пришедшихъ мнѣ на память, хотя онѣ повидимому не много поясняютъ; но когда держишь въ рукахъ нить заговора, тогда онѣ могутъ пролить свѣтъ на ходъ его, такъ напримѣръ, не уясняя сразу проблемы, которую я сейчасъ предложу, онѣ помогаютъ разрѣшить ее.

Предположимъ, что для исполненія заговора, предметомъ котораго былъ я, мое удаленіе было необходимо; въ такомъ случаѣ, для успѣха его, все должно было произойти почти такъ, какъ произошло на самомъ дѣлѣ; но если бы вмѣсто того, чтобы испугаться ночного посольства г-жи де-Люксамбуръ и смутиться ея опасеніями, я продолжалъ бы упорно обороняться, какъ уже и началъ поступать, и не оставшись въ замкѣ, вернулся бы къ себѣ, въ постель, чтобъ спокойно проспать до утра, — былъ ли бы я въ этомъ случаѣ арестованъ? Великій вопросъ, отъ рѣшенія котораго зависитъ много другихъ и для разъясненія котораго не безполезно замѣтить часъ, въ который я предполагалъ быть арестованнымъ и часъ, въ который дѣйствительно пріѣхали за мною.

Грубый, но рѣзкій примѣръ важности малѣйшихъ подробностей въ дѣлахъ, тайныя причины которыхъ люди отыскиваютъ за тѣмъ, чтобъ обнаружить ихъ посредствомъ выводовъ.

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ.

— 1762. — Я все еще окруженъ мракомъ, въ которомъ погребенъ уже восемь лѣтъ, безъ возможности какими бы то ни было средствами проникнуть эту ужасающую темноту. Поверженный въ бездну бѣдствій, я чувствую наносимые мнѣ удары, я замѣчаю непосредственное орудіе ихъ, но не могу видѣть ни направляющей ихъ руки, ни средствъ, употребляемыхъ ею. Позоръ и несчастія обрушиваются на меня какъ бы сами собой, безъ помощи другихъ. Когда мое растерзанное сердце испускаетъ стоны, я похожъ на человѣка, который жалуется безъ причины, и виновники моей погибели съ непостижимымъ искусствомъ съумѣли сдѣлать и общество сообщникомъ въ ихъ заговорѣ, такъ что оно само не догадывалось о томъ и не замѣчало послѣдствій. И такъ, разсказывая о происшествіяхъ до меня касающихся, о поступкахъ, отъ которыхъ я страдалъ, обо всемъ, что со мною случилось, я не въ состояніи добраться до движущей руки и опредѣлить причины одновременно съ изложеніемъ фактовъ. Всѣ эти первоначальныя причины указаны въ трехъ предшествовавшихъ книгахъ; всѣ интересы, относящіеся до меня, всѣ тайныя побужденія изложены тамъ. Но какъ эти причины соединились, чтобы произвести странныя событія моей жизни — это для меня невозможно объяснить даже догадками. Если между многими читателями найдутся люди достаточно великодушные для того, чтобы пожелать проникнуть въ эти тайны и открыть правду, пускай они со вниманіемъ перечтутъ три предыдущія книги; пускай послѣ этого, при каждомъ фактѣ, который они встрѣтятъ въ слѣдующихъ книгахъ, они наводятъ справки, которыя будутъ у нихъ подъ рукой; пускай они восходятъ отъ интриги къ интригѣ, отъ дѣятеля къ дѣятелю, до первыхъ зачинщиковъ, — и я напередъ знаю, къ чему приведутъ ихъ эти изысканія. Но я теряюсь въ темныхъ и извилистыхъ подземельяхъ, по которымъ имъ придется идти.

Во время моего пребыванія въ Иверденѣ я познакомился со всѣмъ семействомъ г. де-Рогена и, между прочимъ, съ его племянницей, г-жею Буа-де-ла-Туръ и ея дочерьми, съ отцомъ которыхъ я былъ когда-то знакомъ, какъ я уже, кажется, говорилъ. Она пріѣхала въ Иверденъ повидаться съ дядей и сестрами; ея старшая дочь, имѣвшая около пятнадцати лѣтъ отъ роду, обворожила меня своею понятливостью и превосходнымъ характеромъ. Я привязался самою нѣжною дружбою и къ матери и къ дочери. Эта послѣдняя предназначалась г. Рогеномъ въ замужество его племяннику, полковнику, человѣку уже въ лѣтахъ, который также питалъ ко мнѣ большое расположеніе; но хотя дядя сильно желалъ этого брака, а племянникъ съ своей стороны также былъ очень

не прочь отъ него, и хотя я принималъ живѣйшее участіе въ удовлетвореніи ихъ желаній, но большая несоотвѣтственность лѣтъ и крайнее отвращеніе молодой дѣвушки къ жениху заставили меня вмѣстѣ съ матерью стараться о разстройствѣ этой свадьбы, которая и не состоялась. Полковникъ женился послѣ на дѣвицѣ Диллапъ, своей родственницѣ, характеръ и красота которой была какъ разъ по моему вкусу, и которая сдѣлала его счастливѣйшимъ изъ мужей и отцовъ. Не смотря на это, г. Рогенъ не могъ забыть, что въ этомъ случаѣ я помѣшалъ исполненію его желанія. Я утѣшилъ себя сознаніемъ, что исполнилъ, какъ въ отношеніи къ нему, такъ и къ его семейству, самую святую обязанность друга, состоящую не въ томъ, чтобы доставлять всегда удовольствіе, а въ томъ, чтобы совѣтовать всегда къ лучшему.

Я не долго оставался въ сомнѣніи на счетъ пріема, который ожидалъ бы меня въ Женевѣ, если бы я захотѣлъ туда возвратиться. Мое сочиненіе было сожжено тамъ, и судебный приговоръ мой произнесенъ 18 іюня, т. е. девять дней спустя послѣ того, какъ это же самое совершилось въ Парижѣ. Въ этомъ второмъ приговорѣ было собрано столько невѣроятныхъ нелѣпостей, и церковный эдиктъ былъ въ немъ такъ формально нарушенъ, что я отказывался вѣрить первымъ, дошедшимъ до меня извѣстіямъ о немъ, и когда они подтвердились, я боялся, чтобы такое явное и вопіющее нарушеніе всѣхъ законовъ, начиная съ закона здраваго смысла, не произвело въ Женевѣ страшнаго волненія. Но мои опасенія были напрасны, все осталось спокойно. Если въ народѣ и произошло небольшое волненіе, то оно было направлено противъ меня, и всѣ болтуньи и всѣ педанты ясно третировали меня, какъ школьника, плохо вытвердившаго урокъ.

Эти два приговора были сигналомъ къ проклятіямъ, продолжавшимся противъ меня во всей Европѣ, съ безпримѣрнымъ для того времени ожесточеніемъ. Всѣ газеты, всѣ журналы, всѣ брошюры ударили въ набатъ. Особенно французы, народъ кроткій, вѣжливый, великодушный, гордящійся своимъ благодушіемъ и вниманіемъ къ несчастнымъ, забывъ вдругъ свои любимыя добродѣтели, ознаменовали себя множествомъ жестокихъ оскорбленій, которыми они наперерывъ другъ передъ другомъ осыпали меня; меня называли безбожникомъ, атеистомъ, неистовымъ, бѣшенымъ, дикимъ звѣремъ, волкомъ. Можно было подумать, что въ Парижѣ, какъ будто боялись, что если кто-нибудь, печатая сочиненіе о какомъ бы то ни было предметѣ, забудетъ вставить что-нибудь оскорбительное для меня, то ему придется за это имѣть дѣло съ полиціей. Напрасно отыскивая причину этой всеобщей злобы противъ меня, я готовъ былъ думать, что всѣ съ ума сошли. Какъ! редакторъ «Вѣчнаго Мира» сѣетъ раздоры! Издатель «Савойскаго Викарія» — безбожникъ!

Авторъ «Новой Элоизы»—волкъ! Авторъ «Эмиля»—бѣшеный! О! Боже, кѣмъ же признали бы меня, еслибы я напечаталъ книгу «О Разумѣ» или что-нибудь подобное? И однакоже, въ бурѣ, которая поднялась вокругъ автора сочиненія «О Разумѣ», публика не только не присоединила своего голоса къ голосамъ его преслѣдователей, но еще отмстила имъ за него похвалами. Пускай сравнятъ его книгу съ моими, различный пріемъ, который онѣ получили, обращеніе, которому подвергнулись оба автора въ разныхъ государствахъ Европы,—пускай этимъ различіямъ пріищутъ причины, которыя бы удовлетворили человѣка разумнаго,—вотъ все, о чемъ я прошу—и умолкаю.

Мнѣ такъ хорошо жилось въ Иверденѣ, что я рѣшился остаться тамъ вслѣдствіе настоятельныхъ просьбъ г. Рогена и всего его семейства. Г. де-Муари де-Генгенъ, судья города, своею добротою ко мнѣ также побуждалъ меня остаться. Полковникъ такъ усердно упрашивалъ меня поселиться въ маленькомъ павильонѣ, который былъ при его домѣ, между дворомъ и садомъ, что я согласился; онъ поспѣшилъ меблировать его и снабдить всѣмъ нужнымъ для моего маленькаго хозяйства. Прапорщикъ, ухаживавшій за мною усерднѣе всѣхъ прочихъ, не разставался со мною почти ни на одинъ часъ. Я всегда живо чувствовалъ всѣ эти ласки, но иногда онѣ сильно надоѣдали мнѣ. Уже былъ назначенъ день моего перемѣщенія въ павильонъ, я написалъ къ Терезѣ, чтобы она пріѣзжала ко мнѣ, какъ вдругъ узнаю, что въ Бернѣ поднялась противъ меня буря, которую приписывали ханжамъ и первой причины которой я никогда не могъ доискаться. Сенатъ, возбужденный неизвѣстно кѣмъ, повидимому, не хотѣлъ оставить меня спокойнымъ въ моемъ уединеніи. При первомъ извѣстіи объ этомъ волненіи, полученномъ судьею, онъ написалъ въ мою защиту многимъ членамъ правительства, упрекалъ ихъ въ слѣпой нетерпимости и стыдилъ за то, что они не хотѣли дать убѣжище достойному и угнетенному человѣку, тогда какъ столько негодяевъ находили пріютъ въ ихъ владѣніяхъ. Благоразумные люди предполагали, что горячность его упрековъ скорѣе раздражила, чѣмъ успокоила умы. Какъ бы то ни было, ни его значеніе, ни его краснорѣчіе не могли отвратить ударъ. Извѣщенный о приказѣ, который онъ долженъ былъ мнѣ объявить, онъ заранѣе сказалъ мнѣ о немъ и, чтобы не дожидаться этого приказа, я рѣшился выѣхать на другой день. Затрудненіе состояло въ томъ, чтобы рѣшить куда отправиться, такъ какъ я видѣлъ, что Женева и Франція закрыты для меня, и предчувствовалъ, что въ этомъ дѣлѣ каждый поспѣшитъ послѣдовать примѣру сосѣда.

Г-жа Буа-де-ла-Туръ предложила мнѣ поселиться въ пустомъ, но совершенно меблированномъ домѣ, принадлежавшемъ ея сыну, въ де-

ревнѣ Мотье, въ Валь-де-Траверѣ, въ графствѣ невшательскомъ. Чтобы попасть туда, мнѣ стоило только переѣхать черезъ гору. Предложеніе это было тѣмъ болѣе кстати, что во владѣніяхъ короля прусскаго я естественно долженъ былъ оставаться безопаснымъ отъ преслѣдованій, и по крайней мѣрѣ религіозный вопросъ не могъ здѣсь служить поводомъ къ гоненіямъ. Но тайное затрудненіе, о которомъ мнѣ не слѣдовало говорить, заставляло меня колебаться. Врожденная любовь къ справедливости, всегда снѣдавшая мое сердце, въ соединеніи съ тайною склонностію къ Франціи, внушала мнѣ отвращеніе къ прусскому правительству, которое, какъ мнѣ казалось, своими правилами и своимъ поведеніемъ попирало ногами всякое уваженіе къ закону природы и ко всѣмъ человѣческимъ обязанностямъ. Между эстампами, которыми я украсилъ свою башенку въ Монморанси, находился портретъ прусскаго короля, внизу котораго было двустишіе, оканчивавшееся стихомъ:

Il pense en philosophe et se conduit en roi.

Этотъ стихъ подъ всякимъ другимъ перомъ былъ бы хорошей похвалой, подъ моимъ онъ имѣлъ значеніе весьма не двусмысленное и притомъ слишкомъ хорошо объяснявшееся предыдущимъ стихомъ. Это двустишіе видѣли всѣ, навѣщавшіе меня, а ихъ было не мало. Кавалеръ Лоренци даже списалъ его, чтобы передать д'Аламберу, и я не сомнѣваюсь, что д'Аламберъ услужилъ мнѣ у короля, доведя эти стихи до его свѣдѣнія. Я еще болѣе увеличилъ эту первую вину однимъ мѣстомъ въ «Эмилѣ», гдѣ каждый могъ ясно видѣть, кого я подразумѣвалъ подъ королемъ Адрастомъ; и это замѣчаніе не ускользнуло отъ моихъ враговъ, потому что г-жа Буффлеръ часто заговаривала со мной объ этомъ предметѣ. И такъ я былъ увѣренъ, что мое имя было записано красными чернилами въ спискѣ прусскаго короля; даже если предположить, что онъ имѣлъ качества, которыя я осмѣлился ему приписать, то мои сочиненія и ихъ авторъ уже по одному этому должны были ему не нравиться: извѣстно, что злые люди всегда питали ко мнѣ смертельную вражду, зная меня только по моимъ сочиненіямъ.

Я однако осмѣлился отдать себя въ его власть,—и думалъ, что рискую не многимъ. Я зналъ, что низкія страсти овладѣваютъ только слабыми людьми и имѣютъ мало власти надъ душою сильною, какою я всегда признавалъ его душу. Я сообразилъ, что интересъ принятой имъ политики требовалъ, чтобъ онъ выказывалъ себя въ подобныхъ случаяхъ великодушнымъ и что дѣйствительно великодушіе не подъ силу его характеру; я думалъ, что низкая и легкая месть ни на минуту не перевѣситъ въ немъ любви къ славѣ, и, поставивъ себя мысленно на его мѣсто, не считалъ невозможнымъ, чтобы онъ воспользовался настоя-

щимъ случаемъ для подавленія тяжестью своего великодушія человѣка, смѣвшаго дурно о немъ думать. Вслѣдствіе этихъ соображеній я отправился въ Мотье съ довѣрчивостью, которую, какъ мнѣ казалось, король прусскій былъ способенъ оцѣнить,—и сказалъ себѣ: если Жанъ-Жакъ возвышается до Коріолана, неужели Фридрихъ станетъ ниже предводителя вольсковъ?

Полковникъ непремѣнно желалъ переѣхать со мною черезъ гору и помѣстить меня въ Мотье. Золовка г-жи Буа-де-ла-Туръ, г-жа Жирарде, очень удобно устроившаяся въ домѣ, который я собирался занять, смотрѣла на мой пріѣздъ безъ особеннаго удовольствія; не смотря на это, она любезно водворила меня въ моемъ жилищѣ, и я обѣдалъ у нея, въ ожиданіи пріѣзда Терезы и устройства моего маленькаго хозяйства.

Со времени моего отъѣзда изъ Монморанси, чувствуя, что мнѣ предстояла участь безпріютнаго, я не рѣшался позволить Терезѣ пріѣхать ко мнѣ и раздѣлять бродячую жизнь, на которую видѣлъ себя осужденнымъ. Я чувствовалъ, что эта катастрофа перемѣнитъ наши отношенія, и то, что до сихъ поръ было милостью и благодѣяніемъ съ моей стороны, съ этого времени сдѣлается тѣмъ же съ ея стороны. Если бы ея привязанность осталась неизмѣнной при моихъ несчастіяхъ, они бы измучили ее, ея печаль увеличила бы мои бѣдствія. Съ другой стороны, если бы мои бѣдствія охладили ея сердце, она сочла бы свое постоянство жертвой, и вмѣсто того, чтобы чувствовать такое же удовольствіе, съ какимъ я дѣлилъ съ ней мой послѣдній кусокъ хлѣба, она бы вмѣняла себѣ въ заслугу согласіе слѣдовать за мною всюду, куда принуждала бы меня идти судьба.

Нужно сказать правду; я не скрывалъ пороковъ ни моей бѣдной маменьки, ни своихъ собственныхъ, поэтому я не долженъ щадить и Терезу; и какъ бы ни было для меня пріятно восхвалить дорогую мнѣ женщину, я не хочу однако же скрывать ея проступки, если, впрочемъ, невольная перемѣна въ сердечныхъ привязанностяхъ можетъ считаться настоящимъ проступкомъ. Давно уже я замѣчалъ въ Терезѣ охлажденіе. Я чувствовалъ, что она уже не была для меня тѣмъ, чѣмъ была въ наши хорошіе дни; я тѣмъ болѣе понималъ это, что самъ оставался все такимъ же, какъ прежде. Тутъ повторилось тоже неудобство, послѣдствія котораго я испыталъ, когда жилъ съ маменькой; теперь послѣдствія его были тѣ же самыя, что и тогда. Не станемъ искать невозможныхъ совершенствъ; тоже самое было бы и въ отношеніи ко всякой другой женщинѣ. Какъ ни обдуманно казалось мнѣ рѣшеніе, принятое мною въ отношеніи къ моимъ дѣтямъ, но сердце мое не всегда оставалось спокойнымъ при мысли объ этомъ. Обдумывая мой «Трактатъ о воспита-

нiи», я чувствовалъ, что пренебрегъ обязанностями, отъ исполненiя которыхъ ничто не могло меня освободить.

Угрызенiе совѣсти сдѣлалось, наконецъ, такъ сильно, что вырвало у меня публичное признанiе въ моемъ проступкѣ; я сдѣлалъ его въ началѣ «Эмиля», и намекъ былъ такъ ясенъ, что удивительно, какъ послѣ него у людей достало духу упрекать меня въ этомъ проступкѣ. Мое положенiе, однако, было въ то время такое же, какъ и теперь, даже еще хуже, вслѣдствiе злобы моихъ враговъ, искавшихъ только случая поймать меня въ чемъ-нибудь дурномъ. Я боялся повторенiя и, не желая снова подвергать себя опасности, рѣшился лучше осудить себя на воздержанiе, чѣмъ опять подвергнуть Терезу возможности стать въ такое же положенiе. Къ тому же я замѣтилъ, что сожительство съ женщинами сильно разстраивало мое здоровье; эта двоякая причина заставила меня принять рѣшенiе, которому я иногда плохо слѣдовалъ, но отъ котораго отставалъ рѣдко въ послѣднiе три или четыре года. Съ этого же времени я замѣтилъ въ Терезѣ охлажденiе: она питала ко мнѣ прежнюю привязанность по долгу, но не по любви. Это естественно уменьшало прiятность нашихъ отношенiй, и теперь мнѣ вообразилось, что она, будучи увѣрена въ продолженiи моихъ заботъ о ней, гдѣ бы она ни жила, быть можетъ, захочетъ лучше остаться въ Парижѣ, чѣмъ отправиться скитаться со мной.

Однако, она высказала столько горести при нашемъ разставанiи, она требовала отъ меня такихъ положительныхъ обѣщанiй свидѣться вновь, такъ горячо выражала желанiе этого свиданья, послѣ моего отъѣзда, принцу Конти и г. Люксамбуру, что у меня не достало духу не только говорить ей о разлукѣ, но и самому думать объ этомъ; и вполнѣ убѣдившись, что мнѣ будетъ весьма трудно обойтись безъ нея, поспѣшилъ призвать ее немедленно обратно. Я написалъ ей, чтобы она отправилась въ путь; она прiѣхала. Едва прошло два мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ я разстался съ ней; но въ теченiи столькихъ лѣтъ, это была наша первая разлука. Мы оба слишкомъ живо чувствовали ее. Какой восторгъ при свиданiи! О! какъ сладки слезы любви и радости, какъ упивается ими мое сердце. Отчего люди позволили мнѣ пролить такъ мало такихъ слезъ?

Прiѣхавъ въ Мотье, я отправилъ къ милорду Кейту, шотландскому маршалу, губернатору Невшателя, увѣдомленiе о моемъ прибытiи во владѣнiя его величества и просилъ его покровительства. Онъ отвѣчалъ мнѣ съ свойственной ему любезностью, которой я и ожидалъ отъ него. Онъ пригласилъ меня къ себѣ. Я прiѣхалъ съ г. Мартинэ, владѣльцемъ Валь-де-Травера, бывшимъ въ большой милости у его сiятельства. Почтенная наружность этого знаменитаго и добродѣтельнаго шотландца,

сильно тронула мое сердце, и съ этой минуты между мной и имъ началась та живая привязанность, которая осталась неизмѣнна съ моей стороны и не угасла бы въ немъ, если бы злодѣи, отнявшіе у меня всѣ утѣшенія въ жизни, не воспользовались моимъ отъѣздомъ, чтобы злоупотребить его старостью и представить меня ему въ обезображенномъ видѣ.

Джоржъ Кейтъ, наслѣдственный маршалъ Шотландіи и братъ знаменитаго генерала Кейта, прожившаго со славой и умершаго на ложѣ чести, оставилъ еще юношей свою родину и былъ изгнанъ оттуда за свою привязанность къ дому Стюартовъ, которые, однако, скоро оттолкнули его отъ себя своей несправедливостью и склонностью къ тираніи, составлявшими главное основаніе ихъ характера. Онъ, подобно своему брату, долго жилъ въ Испаніи, климатъ которой ему нравился, и привязался къ королю прусскому, который зналъ толкъ въ людяхъ и принималъ ихъ такъ, какъ они заслуживали. Онъ былъ вознагражденъ за этотъ пріемъ значительными услугами, оказанными ему маршаломъ Кейтомъ и, что еще болѣе драгоцѣнно—искренней дружбой маршала. Душа этого достойнаго человѣка, сильная, республиканская и гордая, могла подчиниться только дружбѣ; но за то ей подчинялась окончательно, такъ что будучи совершенно различныхъ правилъ съ Фридрихомъ, онъ всецѣло и исключительно привязался къ нему. Король поручалъ ему важныя дѣла, посылалъ его въ Парижъ, въ Испанію и, наконецъ, видя, что онъ состарился и нуждался въ отдыхѣ, поручилъ ему управленіе Невшателемъ, возложивъ на него, такимъ образомъ восхитительную обязанность дѣлать счастливымъ небольшое населеніе.

Невшательцы, любящіе только блескъ и мишуру, не знающіе настоящаго толку въ дѣлахъ и принимающіе длинныя фразы за умъ,—увидѣвъ человѣка холоднаго и безъ претензій, приняли его простоту за высокомѣріе, откровенность—за грубость, лаконизмъ—за глупость; они противились его благодѣтельнымъ распоряженіямъ, потому что, желая быть полезнымъ, а не льстецомъ, онъ не льстилъ людямъ, которыхъ не уважалъ. Въ смѣшной исторіи пастора Птипьерра, изгнаннаго своими собратіями за то, что онъ не хотѣлъ, чтобъ они осудили себя на вѣчное проклятіе неба, милордъ воспротивился превышенію власти пасторовъ и этимъ возстановилъ противъ себя всю страну, интересы которой защищалъ; когда я пріѣхалъ, этотъ глупый ропотъ еще не совсѣмъ утихъ. Его считали, между прочимъ, за человѣка, допускавшаго легко предубѣждать себя въ пользу или противъ чего-нибудь, и изъ всѣхъ, взводившихся на него обвиненій, это было, можетъ быть, наименѣе несправедливое. Первое мое чувство при видѣ этого почтеннаго старца было состраданіе въ его тѣлесной худобѣ; но, взглянувъ на его

лицо, оживленное, открытое и благородное, я почувствовалъ къ нему уваженіе, соединенное съ довѣріемъ и скоро побѣдившее всякое другое чувство. На очень короткое привѣтствіе мое онъ не отвѣчалъ, а заговорилъ о другомъ, какъ будто я уже давно пріѣхалъ. Онъ даже не пригласилъ насъ сѣсть. Но я замѣтилъ въ острыхъ и проницательныхъ глазахъ милорда такое ласковое выраженіе, что, почувствовавъ себя совершенно свободнымъ, безъ церемоніи сѣлъ на диванъ рядомъ съ нимъ. По фамильярности его тона я заключилъ, что это свободное обращеніе понравилось ему и что онъ сказалъ самому себѣ: «это не невшателецъ».

Странное дѣйствіе большого сходства характеровъ! Будучи уже въ тѣхъ лѣтахъ, когда сердце теряетъ свой естественный жаръ, этотъ добрый старикъ почувствовалъ ко мнѣ привязанность, удивившую всѣхъ. Онъ пріѣхалъ ко мнѣ въ Мотье, подъ предлогомъ охоты на перепеловъ, и провелъ тамъ два дня, не дотронувшись до ружья. Между нами установилась такая дружба (именно дружба), что мы не могли обойтись другъ безъ друга. Замокъ Коломбье, въ которомъ онъ жилъ лѣтомъ, былъ въ шести миляхъ отъ Мотье; я ходилъ туда, по крайней мѣрѣ, каждыя двѣ недѣли на цѣлыя сутки и возвращался оттуда такимъ же пилигримомъ, съ сердцемъ, наполненнымъ этимъ человѣкомъ. То волненіе, которое я испытывалъ когда-то въ моихъ путешествіяхъ изъ Эрмитажа въ Обоннъ, было, конечно, иное, но оно не было такъ сладостно, какъ ощущеніе, съ которымъ я приближался къ Коломбье. Сколько слезъ умиленья проливалъ я часто, идя туда и думая объ отеческой добротѣ, любезныхъ достоинствахъ и кроткой философіи этого почтеннаго старца! Я называлъ его отцемъ, а онъ меня сыномъ. Эти нѣжныя имена даютъ отчасти понятіе о привязанности, которая насъ соединяла, но не могутъ передать ту потребность быть вмѣстѣ и постоянно видѣться, которую мы чувствовали. Онъ хотѣлъ непремѣнно перевести меня въ замокъ Коломбье и долго уговаривалъ поселиться въ той комнатѣ, которую я занималъ, когда приходилъ къ нему. Я сказалъ ему, наконецъ, что чувствую себя свободнѣе дома и лучше люблю проводить свою жизнь въ посѣщеніяхъ его. Онъ одобрилъ мою откровенность и не возвращался къ этому разговору. О, добрый милордъ, о, достойный мой отецъ! какъ мое сердце умиляется при мысли о тебѣ! О, варвары! какой ударъ нанесли они мнѣ, лишивъ меня твоей привязанности! Но нѣтъ, нѣтъ, достойный человѣкъ, ты всегда останешься тѣмъ же для меня, и я не измѣнюсь. Они обманули тебя, но не измѣнили.

Милордъ—маршалъ не безъ недостатковъ; онъ мудрецъ, но человѣкъ. Съ самымъ проницательнымъ умомъ, съ самымъ тонкимъ тактомъ, какой только можно имѣть, съ самымъ глубокимъ знаніемъ людей, онъ иногда позволяетъ себя обманывать и неохотно разстается съ своими

заблужденіями. У него странный нравъ и не менѣе странный и оригинальный складъ ума. Иногда онъ какъ будто забываетъ людей, которыхъ видитъ ежедневно и вспоминаетъ о нихъ тогда, когда они менѣе всего этого ожидаютъ; его внимательность высказывается иногда очень не кстати; его подарки зависятъ отъ его фантазіи, а не отъ требованій общественнаго приличія. Онъ одинаково равнодушно отдаетъ или отсылаетъ въ ту же минуту все, что придетъ ему въ голову, будетъ ли это очень цѣнный подарокъ, или вещь, ничего нестоющая. Одинъ молодой женевецъ, желая вступить въ службу прусскаго короля, является къ нему; милордъ, вмѣсто письма, даетъ ему мѣшечекъ съ горохомъ, съ порученіемъ отдать его королю. Получивъ такое странное рекомендательное письмо, король немедленно далъ мѣсто подателю. Эти возвышенные геніи объясняются между собою на языкѣ, котораго обыкновенные умы никогда не поймутъ никогда. Эти маленькія странности, похожія на капризы хорошенькой женщины, могли сдѣлать милорда только еще болѣе интереснымъ въ моихъ глазахъ. Я былъ очень хорошо увѣренъ и имѣлъ случай убѣдиться впослѣдствіи въ томъ, что онѣ не имѣли вліянія ни на его чувства, ни на дружбу въ серьезныхъ случаяхъ. Правда, что его манера обязывать отличается тою же самою странностью, которая заключается вообще въ его манерахъ. Я приведу только одинъ случай. Такъ какъ пройти сразу разстояніе отъ Мотье до Коломбье было слишкомъ тяжело для меня, то я обыкновенно дѣлалъ этотъ переходъ, отправляясь послѣ обѣда и ночуя въ Бро на половинѣ дороги. Хозяинъ гостинницы, по имени Сандозъ, имѣвшій въ Берлинѣ дѣло, весьма его интересовавшее, просилъ меня уговорить его сіятельство похлопотать за него у короля. Я охотно взялся. Я повелъ его съ собой, оставилъ въ передней и передалъ его милорду, который не отвѣтилъ мнѣ ни слова. Утро проходитъ; проходя чрезъ залу, чтобы идти обѣдать, я вижу, что бѣдный Сандозъ все еще мучится ожиданіемъ. Думая, что милордъ забылъ о немъ, я опять напомнилъ за столомъ и опять не получилъ ни слова въ отвѣтъ. Я нашелъ, что этотъ способъ дать мнѣ почувствовать свою докучливость нѣсколько жестокъ, я замолчалъ, сожалѣя о бѣдномъ Сандозѣ. На слѣдующее утро, придя къ Сандозу, я былъ удивленъ тѣмъ, что онъ благодарилъ меня за ласковый пріемъ и хорошій обѣдъ у его сіятельства, который вдобавокъ принялъ его просьбу. Черезъ три недѣли милордъ прислалъ ему указъ, котораго онъ желалъ, отправленный министромъ и подписанный королемъ, но никогда не хотѣлъ ни сказать, ни отвѣтить ни одного слова, ни Сандозу, ни мнѣ, по поводу этого дѣла, котораго, какъ мнѣ казалось, онъ не хотѣлъ принять на себя.

Я желалъ бы не переставать говорить о Джоржѣ Кейтѣ; съ нимъ

соединены мои послѣднія счастливыя воспоминанія; вся остальная моя жизнь была полна огорченій и скорби сердечной. Воспоминаніе о ней такъ печально и представляется мнѣ такъ смутно, что мнѣ невозможно соблюдать послѣдовательность въ моихъ разсказахъ: отнынѣ я буду принужденъ передавать ихъ въ томъ порядкѣ, въ которомъ онѣ будутъ представляться моей памяти.

Я не замедлилъ успокоиться на счетъ моего убѣжища послѣ отвѣта, присланнаго королемъ маршалу, въ которомъ, какъ можно догадаться, я нашелъ хорошаго ходатая. Король не только одобрилъ все сдѣланное имъ, но поручилъ—(такъ какъ нужно говорить все)—дать мнѣ двѣнадцать луидоровъ. Добрый милордъ, затрудненный такимъ порученіемъ, и не зная, какъ вѣжливѣе исполнить его, придумалъ уменьшить его оскорбительность, давъ мнѣ вмѣсто денегъ припасы натурой и объявивъ, что ему приказано снабдить меня дровами и углемъ для первоначальнаго устройства моего маленькаго хозяйства; онъ прибавилъ даже, можетъ быть отъ себя, что король охотно приказалъ бы выстроить мнѣ небольшой домикъ по моему вкусу, еслибы я только захотѣлъ выбрать для этого мѣсто. Это послѣднее предложеніе тронуло меня и заставило забыть мелочность перваго. Не принявъ ни того, ни другого, я сталъ смотрѣть на Фридриха, какъ на моего благодѣтеля и покровителя и привязался къ нему такъ искренно, что съ тѣхъ поръ также близко принималъ къ сердцу его славу, какъ прежде находилъ несправедливыми его успѣхи. По случаю мира, заключеннаго имъ вскорѣ послѣ того, я заявилъ свою радость, иллюминовавъ свой домъ съ большимъ вкусомъ,—именно я украсилъ домъ цѣлымъ рядомъ гирляндъ, причемъ, правда, изъ мстительной гордости истратилъ почти столько же денегъ, сколько онъ хотѣлъ мнѣ дать. По заключеніи мира, я думалъ, что, достигнувъ высшей степени военной и политической славы, онъ станетъ искать славы другого рода, начнетъ оживлять свои владѣнія, распространять въ нихъ торговлю, земледѣліе, создавать новую почву, населенную новымъ народомъ, поддерживать миръ между сосѣдями и сдѣлается посредникомъ Европы, переставъ быть ея грозою; онъ могъ вложить мечъ въ ножны, отнюдь не рискуя, что его опять заставятъ обнажить. Видя, что онъ не кладетъ оружія, я сталъ опасаться, чтобы онъ не употребилъ во зло пріобрѣтенныхъ выгодъ и не оказался только вполовину великимъ. Я осмѣлился написать ему по этому поводу и, принявъ фамильярный тонъ, такъ нравящійся людямъ такого закала, довелъ до него тотъ святой голосъ истины, который способны понимать немногіе сильные земли. Такую смѣлость я дозволилъ себѣ только въ тайнѣ, оставшейся между мной и имъ. Я даже не сдѣлалъ участникомъ милорда маршала и послалъ ему свое письмо къ королю запечатаннымъ.

Милордъ отослалъ письмо, не освѣдомившись даже объ его содержаніи. Король ничего не отвѣчалъ, и когда спустя нѣсколько времени милордъ поѣхалъ въ Берлинъ, онъ сказалъ только, что я его хорошо пожурилъ. Я понялъ изъ этого, что мое письмо было дурно принято и что откровенность моего усилія была принята за грубость педанта. Можетъ быть, въ сущности оно и было такъ, можетъ быть, я не то сказалъ, что было нужно и принялъ не тотъ тонъ, который слѣдовало. Я могу только отвѣчать за чувство, которое заставило меня взяться за него.

Спустя немного времени послѣ моего поселенія въ Мотье вслѣдствіе всевозможныхъ увѣреній, что меня оставятъ въ покоѣ, я надѣлъ армянское платье. Это была не новая мысль; она мнѣ уже приходила въ голову нѣсколько разъ въ теченіи моей жизни, и особенно въ Монморанси, гдѣ частое употребленіе зонда, принуждавшее меня оставаться дома, давало мнѣ еще сильнѣе чувствовать удобство длиннаго платья. Такъ какъ у меня подъ рукою былъ армянскій портной, часто навѣщавшій своего родственника въ Монморанси, то я рѣшился воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы сдѣлать себѣ новое платье, не обращая вниманія на то, что станутъ говорить. Но прежде, чѣмъ окончательно рѣшиться на это, я посовѣтовался съ г-жей де-Люксамбуръ, которая одобрила мое намѣреніе. И такъ, я сдѣлалъ себѣ небольшой запасъ армянскаго платья, но возбужденная противъ меня гроза заставила меня отложить употребленіе его до болѣе спокойнаго времени, и лишь нѣсколько мѣсяцевъ спустя, принужденный опять прибѣгнуть къ зондамъ, я подумалъ, что могу безъ всякаго риска надѣть новый костюмъ въ Мотье; но прежде я посовѣтовался съ пасторомъ, который сказалъ мнѣ, что я могу носить это платье даже въ церкви, не возбуждая скандала. Вслѣдствіе этого, я надѣлъ камзолъ, кафтанъ, мѣховую шапку и поясъ и присутствовалъ въ этомъ костюмѣ при божественной службѣ, послѣ чего уже не считалъ неприличнымъ являться въ немъ и къ маршалу. Его Сіятельство, увидя меня въ такомъ нарядѣ, привѣтствовалъ меня словами «селямъ алейкумъ» и тѣмъ все кончилось. Съ тѣхъ поръ я уже не надѣвалъ другого платья.

Совершенно покинувъ ремесло писателя, я желалъ только жить покойно и тихо, на сколько это отъ меня зависѣло. Въ одиночествѣ я никогда не зналъ скуки, даже среди полнаго бездѣйствія; мое воображеніе одно наполняло пустоту вокругъ меня и достаточно занимало меня. Я не могу выносить только комнатной болтовни, происходящей тогда, когда сидишь другъ противъ друга въ бездѣйствіи и движешь только языкомъ. Когда ходятъ, гуляютъ—это еще ничего, тутъ дѣйствуютъ по крайней мѣрѣ ноги и глаза; но сидѣть сложа руки и говорить о погодѣ и о пролетѣвшей мухѣ, или, что̀ еще хуже, говорить другъ другу ком-

пліменты—мученье нестерпимое. Чтобы не быть дикаремъ, я придумалъ выучиться дѣлать шнурки. Я приносилъ свою рабочую подушечку съ собой въ гости, или садился, какъ женщины, съ работой у воротъ и разговаривалъ съ прохожими. Это помогало мнѣ переносить нелѣпость болтовни и проводить безъ скуки время у сосѣдокъ, въ числѣ которыхъ были очень любезныя и неглупыя. Одна изъ нихъ, Изабелла д'Ивернуа, дочь генеральнаго прокурора въ Невшателѣ, показалась мнѣ особенно достойной моей дружбы, и я дѣйствительно принесъ ей пользу совѣтами и заботами въ нужныхъ случаяхъ, такъ что теперь, сдѣлавшись достойной и добродѣтельной матерью семейства, она обязана мнѣ, можетъ быть, своимъ разумомъ, своимъ мужемъ, своею жизнью и своимъ счастьемъ. Я съ своей стороны обязанъ ей сладостными утѣшеніями, въ особенности въ теченіе одной очень печальной зимы, когда во время самыхъ сильныхъ припадковъ моей болѣзни и страданій, она проводила съ Терезой и со мной длинные вечера, которые умѣла дѣлать очень короткими—пріятностью своего ума и взаимной довѣрчивостью нашихъ сердецъ.

Она называла меня отцомъ, а я ее дочерью, и эти названья, сохраненныя нами до сихъ поръ, надѣюсь, не перестанутъ быть ей столь же дорогими, какъ и мнѣ. Чтобы сдѣлать шнурки мои на что нибудь годными, я дарилъ ихъ своимъ молодымъ пріятельницамъ при выходѣ ихъ замужъ, подъ условіемъ, чтобы онѣ сами кормили своихъ дѣтей. Ея старшая сестра получила такой подарокъ подъ этимъ условіемъ и заслужила его; Изабелла получила тоже и также заслужила подарокъ своимъ намѣреніемъ, но не имѣла счастья привести его въ исполненіе. Посылая имъ свои подарки, я написалъ той и другой по письму, изъ которыхъ первое ходило по рукамъ; но второму нельзя было дать такого распространенія: дружба не выражается такъ шумно.

Изъ сосѣдей, съ которыми я познакомился, и о которыхъ я не войду въ подробности, я долженъ упомянуть о полковникѣ Пюри, у котораго былъ на горѣ домъ, куда онъ пріѣзжалъ на лѣто. Я не особенно желалъ познакомиться съ нимъ, потому что зналъ, что онъ очень не въ хорошихъ отношеніяхъ съ дворомъ и съ милордомъ маршаломъ, съ которымъ онъ долго не видался. Однако такъ какъ онъ самъ пріѣхалъ ко мнѣ и осыпалъ меня любезностями, то нужно было отдать ему визитъ; знакомство наше продолжалось и мы обѣдали иногда другъ у друга. У него я познакомился съ г. дю-Пейру, съ которымъ впослѣдствіи такъ подружился, что не могу умолчать здѣсь о немъ.

Г. дю-Пейру былъ американецъ, сынъ командира въ Суринамѣ, котораго вдова вышла за его преемника, г. ле-Шамбріе изъ Невшателя. Овдовѣвъ во второй разъ, она поселилась съ своимъ сыномъ на родинѣ

второго мужа. Дю-Пейру, единственный сынъ, очень богатый и нѣжно любимый матерью, былъ старательно воспитанъ и воспользовался своимъ образованіемъ. Онъ пріобрѣлъ множество полузнаній, нѣкоторую склонность къ искусствамъ, и въ особенности старался показать, что развилъ свой умъ; его холодное, задумчивое, чисто голландское лицо, его смуглая кожа, молчаливый и скрытный нравъ много содѣйствовали распространенію этого мнѣнія. Онъ былъ глухъ и страдалъ подагрой, не смотря на свои молодые годы. Отъ этого всѣ его движенія были очень степенны, очень важны, и хотя онъ любилъ поспорить, иногда даже слишкомъ долго, но вообще говорилъ мало, потому что плохо слышалъ. Эта-то наружность и ввела меня въ ошибку. Я сказалъ себѣ: «Вотъ мыслитель, мудрецъ, котораго дружба могла бы составить мое счастье». Какъ бы для того, чтобы окончательно поймать меня, онъ часто въ разговорѣ, обращался ко мнѣ, никогда не говоря мнѣ любезностей. Онъ говорилъ со мной мало обо мнѣ, о моихъ книгахъ; очень мало о себѣ; у него не было недостатка въ мысляхъ и все, что онъ говорилъ, было очень справедливо. Эта вѣрность и ровность сужденій привлекли меня къ нему. Въ его умѣ не было той возвышенности и тонкости, которыми обладалъ милордъ маршалъ, но у него была такая же простота, и слѣдовательно онъ хоть въ одномъ отношеніи напоминалъ его. Я не пристрастился къ нему, но привязался изъ уваженія, и это уваженіе мало по-малу привело меня къ дружбѣ. Съ нимъ я совершенно забылъ возраженіе, которое когда-то сдѣлалъ барону Гольбаху, что онъ слишкомъ богатъ для меня, — и думаю, что напрасно поступилъ такъ. Теперь я научился сомнѣваться въ томъ, чтобы человѣкъ, владѣющій большимъ богатствомъ, могъ искренно любить мои правила и ихъ автора.

Въ теченіе долгаго времени я рѣдко видался съ г. дю-Пейру, потому что не бывалъ въ Невшателѣ, а онъ только разъ въ годъ пріѣзжалъ къ полковнику Пюри. Почему же я не ѣздилъ въ Невшатель? Это ребячество, о которомъ не слѣдуетъ умолчать.

Хотя покровительствуемый королемъ и милордомъ маршаломъ, я сначала избѣжалъ гоненій въ своемъ убѣжищѣ, но тѣмъ не менѣе не могъ избѣжать ропота жителей, чиновничества, священниковъ. Послѣ примѣра, поданнаго Франціей, считалось неприличнымъ не нанести мнѣ хоть какого нибудь оскорбленія; не подражать моимъ преслѣдователямъ, значило выказывать себя осуждающими ихъ. Невшательское духовенство, т. е. общество пасторовъ этого города, подало сигналъ къ возстанію попыткою возстановить противъ меня государственный совѣтъ. Такъ какъ эта попытка не удалась, то пасторы обратились къ муниципальнымъ властямъ, которыя сейчасъ же запретили мою книгу и, начавъ обращаться со мной при всякомъ случаѣ невѣжливо, давали мнѣ понять,

даже говорили, что если бы я захотѣлъ поселиться въ городѣ, то меня не стали бы тамъ терпѣть. Они наполняли свой «Меркурій» глупостями и самыми плоскими лицемѣрными выходками, которыя, заставляя смѣяться благоразумныхъ людей, тѣмъ не менѣе воспламеняли народъ и вооружали его противъ меня. Однако, слушая ихъ, можно было подумать, что я долженъ быть имъ крайне благодаренъ за милостивое дозволеніе жить въ Мотье, гдѣ они не имѣли никакой власти; они охотно бы стали отмѣрять мнѣ воздухъ кружками, съ условіемъ, чтобы я за него дорого платилъ.

Они хотѣли, чтобы я былъ имъ обязанъ за покровительство, оказывавшееся мнѣ королемъ противъ ихъ желанія,—покровительство, котораго они старались всѣми силами лишить меня. Наконецъ, не успѣвъ въ этомъ, сдѣлавъ мнѣ всѣ зависѣвшія отъ нихъ непріятности и разславивъ меня какъ только это было возможно для нихъ, они поставили себѣ въ заслугу собственное безсиліе и хотѣли заставить меня цѣнить ихъ мнимое снисхожденіе, терпѣвшее меня въ этой странѣ. Мнѣ слѣдовало-бъ засмѣяться имъ въ лицо, вмѣсто всякаго отвѣта, а я имѣлъ глупость обидѣться и не хотѣлъ ѣздить въ Невшатель; этого рѣшенія я держался почти два года, какъ будто обращать вниманіе на поступки такихъ людей не значило дѣлать имъ слишкомъ много чести, тѣмъ болѣе, что эти поступки, хорошіе или дурные — все равно — не могутъ быть вмѣняемы этимъ людямъ въ вину, потому что они дѣйствуютъ не иначе, какъ по чужому наущенію. Впрочемъ, необразованные и непросвѣщенные люди, уважающіе исключительно успѣхъ, могущество и деньги, не подозрѣваютъ даже, что должно имѣть уваженіе и къ талантамъ и что безчестно ихъ оскорблять.

Одинъ деревенскій меръ, отрѣшенный отъ должности за свои злоупотребленія, говорилъ управляющему Валь-де-Траверомъ, мужу моей Изабеллы: «Говорятъ, что этотъ Руссо очень уменъ, приведите-ка его ко мнѣ, чтобы я могъ увидѣть, правда-ли это». Конечно, непріятности, наносимыя человѣкомъ, выражающимся такимъ образомъ, должны очень мало огорчать тѣхъ, къ кому онѣ относятся.

Судя потому, какъ со мной обращались въ Парижѣ, въ Женевѣ, въ Бернѣ и въ самомъ Невшателѣ, я не ожидалъ лучшаго обращенія со стороны нашего мѣстнаго пастора. Я однакожъ былъ ему рекомендованъ г-жею Буа-де-ла-Туръ, и онъ меня принялъ очень ласково; но въ этой странѣ, гдѣ льстятъ одинаково всѣмъ, ласки ничего не значатъ. Тѣмъ не менѣе, послѣ моего торжественнаго присоединенія къ реформатской церкви, живя въ реформатской странѣ, я не могъ, безъ нарушенія своихъ обязательствъ и своего гражданскаго долга, пренебрегать общественнымъ отправленіемъ богослуженія, по обрядамъ вѣры, къ

которой я присоединился вновь. Поэтому я присутствовалъ при божественной службѣ. Съ другой стороны я опасался, что приступая къ св. таинству, могу подвергнуться оскорбительному отказу, и было невѣроятно, чтобы послѣ шума, произведеннаго совѣтомъ въ Женевѣ, и духовенствомъ въ Невшателѣ, пасторъ захотѣлъ спокойно причастить меня въ своей церкви. Поэтому, видя приближеніе времени, когда нужно было причащаться, я рѣшился написать къ г. Монмоллену (имя пастора), чтобы заявить ему свое желаніе и объяснить, что я всегда былъ привязанъ сердцемъ къ протестантской церкви; причемъ я прибавилъ, что во избѣжаніе спора о вѣрѣ, не желаю давать никакого отдѣльнаго объясненія о ея догматахъ.

Такимъ образомъ, сдѣлавъ все, что нужно было съ этой стороны, я успокоился, не сомнѣваясь, что г. Монмолленъ не допуститъ меня до причащенія безъ предварительнаго экзамена, котораго я не желалъ, и что, такимъ образомъ, все кончится безъ всякой вины съ моей стороны. Вышло не такъ: въ то время, когда я менѣе всего ожидалъ этого, г. де-Монмолленъ объявилъ мнѣ, что не только онъ согласенъ допустить меня къ причастію на выраженномъ мною условіи, но что онъ и его старшины считаютъ себѣ за большую честь включить меня въ свою общину. Во всю мою жизнь я не получалъ столь утѣшительнаго сюрприза. Жить вѣчно одинокимъ на землѣ казалось мнѣ очень грустнымъ удѣломъ, особенно въ несчастьи. Среди стольких преслѣдованій и гоненій мнѣ сладостно было думать, что я могу сказать себѣ: по крайней мѣрѣ, я между своими братьями,—и я приступилъ къ причастію съ умиленіемъ и слезами, которыя Богъ принялъ, можетъ быть, какъ лучшее приготовленіе къ этому таинству.

Нѣсколько времени спустя, милордъ прислалъ мнѣ письмо отъ г-жи де-Буффлеръ, пересланное, (какъ по крайней мѣрѣ, я предполагалъ), чрезъ д'Аламбера, который зналъ милорда. Въ этомъ письмѣ, первомъ, которое она мнѣ написала со времени моего отъѣзда изъ Монморанси, она сильно выговаривала мнѣ за мое письмо къ Монмоллену и въ особенности за причащеніе.

Я тѣмъ менѣе понялъ причину гнѣва, что со времени моей поѣздки въ Женеву, всегда громогласно объявлялъ себя протестантомъ и публично являлся въ голландскую церковь, что никто не находилъ дурнымъ. Мнѣ казалось забавнымъ, что г-жа Буффлеръ бралась руководить моей совѣстью въ дѣлѣ религіи. Во всякомъ случаѣ, такъ какъ и не сомнѣвался, что она дѣлала это съ самыми лучшими намѣреніями, (хотя я въ нихъ ничего не понималъ), то я и не обидѣлся этой странной выходкой, а отвѣчалъ ей безъ гнѣва, изложивъ причины, побудившія меня дѣйствовать такимъ образомъ.

Между тѣмъ, печатныя оскорбленія шли своимъ путемъ, и ихъ благосклонные авторы упрекали властей за слишкомъ кроткое обхожденіе со мной. Это собраніе оскорбленій, двигатели которыхъ продолжали дѣйствовать втайнѣ, имѣло въ себѣ нѣчто зловѣщее и страшное. Что касается до меня, то все, что обо мнѣ писали, мало тревожило меня. Меня увѣрили, что Сорбонна осудила меня печатно; я не повѣрилъ; что за дѣло было Сорбоннѣ до всего этого? Хотѣла ли она убѣдить всѣхъ, что я дурной католикъ? — всѣ это знали. Хотѣла ли она доказать, что я плохой кальвинистъ? Но что ей было за дѣло до этого? Это значило бы принять на себя довольно странную заботу, — добровольно заступить мѣсто нашихъ пасторовъ. Не видавъ еще этого сочиненія, я думалъ, что его нарочно приписывали Сорбоннѣ, чтобы посмѣяться надъ ней; я еще болѣе повѣрилъ этому, когда прочелъ его. Наконецъ, когда я уже не могъ сомнѣваться въ его подлинности, то пришелъ къ заключенію, что Сорбонну слѣдуетъ перевести въ сумасшедшій домъ.

— (1763) — Другое сочиненіе болѣе тронуло меня, потому что оно было написано человѣкомъ, котораго я всегда уважалъ и котораго постоянству я удивлялся, сожалѣя о его ослѣпленіи. Я говорю о посланіи архіепископа парижскаго противъ меня. Я думалъ, что моя обязанность въ отношеніи къ самому себѣ повелѣваетъ мнѣ отвѣчать на него. Я могъ это сдѣлать, не унижаясь; это было почти повтореніе моей исторіи съ польскимъ королемъ. Я не любилъ грубыхъ споровъ въ духѣ Вольтера. Я умѣю сражаться только съ достоинствомъ и желаю, чтобы нападающій на меня не наносилъ безчестья моимъ ударамъ, для того, чтобы я удостоилъ защищаться. Я не сомнѣвался, что это посланіе есть дѣло іезуитовъ и, хотя они были сами въ несчастьи, я узналъ въ немъ старое ихъ правило — давить несчастныхъ. Поэтому я могъ также слѣдовать своему старому правилу: уважать автора, выставлявшаго на сочиненіи свое имя и громить самое сочиненіе, — и думаю, что мнѣ это всегда удавалось.

Я находилъ житье въ Мотье очень пріятнымъ и мнѣ не доставало только обезпеченныхъ средствъ существованія, чтобы рѣшиться окончить тамъ мои дни; но жизнь тамъ очень дорога, а всѣ мои прежніе проекты были уничтожены разрушеніемъ моего хозяйства, устройствомъ новаго, продажей или уничтоженіемъ моей мебели и расходами, которые мнѣ необходимо было дѣлать со времени моего отъѣзда изъ Монморанси. Я видѣлъ, какъ ежедневно убавлялся мой маленькій капиталецъ и не имѣлъ средствъ возобновить его иначе, какъ принявшись опять за изданіе книгъ, — пагубное ремесло, отъ котораго я уже отказался.

Увѣренный, что скоро все перемѣнится и что публика, очнувшись

отъ своего бѣшенства, заставитъ покраснѣть и властей, я старался протянуть мои средства до этой счастливой перемѣны, которая дала бы мнѣ возможность выбрать другія средства, изъ числа могущихъ представиться мнѣ. Съ этой цѣлью я принялся опять за свой «Музыкальный Лексиконъ», который очень подвинулся впередъ въ эти 10-ть лѣтъ и которому недоставало только окончательной отдѣлки и переписки набѣло. Мои книги, присланныя мнѣ недавно, дали мнѣ средство окончить это сочиненіе, а присланныя вмѣстѣ съ ними бумаги мои позволили мнѣ начать мои записки, которыми я хотѣлъ исключительно заняться на будущее время. Я началъ съ того, что сталъ переписывать письма въ отдѣльный сборникъ, который могъ бы помогать моей памяти относительно порядка происшествій. Я уже отобралъ тѣ, которыя хотѣлъ сохранить для этой цѣли и которыя слѣдовали одно за другимъ непрерывно въ теченіе 10-ти лѣтъ. Однако, разбирая ихъ для переписыванья, я нашелъ въ нихъ пропускъ, удивившій меня. Этотъ пропускъ заключалъ въ себѣ около 6-ти мѣсяцевъ, отъ октября 1756 до марта слѣдующаго года. Я очень хорошо помнилъ, что отобралъ множество писемъ Дидро, Делейра, г-жи д'Эпинэ, г-жи Шенонсо, наполнявшихъ этотъ пропускъ и теперь не находившихся. Куда они дѣвались? Не разбиралъ ли кто-нибудь моихъ бумагъ въ то время, когда онѣ оставались въ люксамбурскомъ отелѣ? Это было невѣроятно, и я видѣлъ, что маршалъ взялъ къ себѣ ключъ отъ комнаты, въ которую я ихъ положилъ. Такъ какъ многія женскія письма и всѣ письма Дидро были безъ чиселъ и я былъ принужденъ выставлять эти числа на память, чтобы размѣстить письма по порядку, то я сначала думалъ, что ошибся въ числахъ, почему вновь пересмотрѣлъ всѣ письма, не имѣвшія чиселъ, также какъ и тѣ, на которыхъ я самъ выставлялъ ихъ, чтобы увидѣть, не найду ли писемъ, долженствующихъ наполнить промежутокъ. Этотъ опытъ остался безуспѣшенъ, я увидѣлъ, что тутъ дѣйствительно былъ пропускъ и что письма дѣйствительно были похищены. Но кѣмъ и зачѣмъ? — Вотъ чего я не могъ понять. Эти письма, предшествовавшія моимъ ссорамъ и писанныя во время моего перваго упоенія «Юліей», не могли интересовать никого. Въ нихъ по большей мѣрѣ заключались мелкія сплетни Дидро, насмѣшечки Делейра, увѣренія въ дружбѣ г-жи Шенонсо и даже г-жи д'Эпинэ, съ которой я находился тогда въ лучшихъ отношеніяхъ. Кого могли интересовать эти письма? Что хотѣли съ ними сдѣлать? Только спустя семь лѣтъ я сталъ подозрѣвать ужасную цѣль этого похищенія.

Этотъ пробѣлъ, окончательно обнаруженный, заставилъ меня поискать въ черновыхъ бумагахъ, не найду ли я другаго пропуска. И дѣйствительно, я нашелъ еще нѣсколько, которые, вслѣдствіе недостатка

моей памяти, заставили меня предположить, что они не послѣдніе во множествѣ моихъ бумагъ. Вотъ какія пропажи я замѣтилъ: черновой списокъ «Чувственной Морали» и извлеченіе изъ «Приключеній милорда Эдуарда». Эта послѣдняя пропажа, признаться, заставила меня подозрѣвать въ ней г-жу Люксамбуръ. Ла-Рошъ, ея лакей, отправилъ ко мнѣ эти бумаги, и я не могъ придумать, кто, кромѣ ея, могъ бы интересоваться этой бездѣлицей; но чѣмъ могли интересовать ее черновая «Морали» и похищенныя письма, изъ которыхъ, даже съ самыми дурными намѣреніями, нельзя было сдѣлать вреднаго для меня употребленія,—развѣ только поддѣлать ихъ? Что касается до маршала, котораго неизмѣнную прямоту и истинную дружбу ко мнѣ я хорошо зналъ, то я ни минуты не могъ подозрѣвать его. Я даже не могъ утвердительно обвинить въ этомъ и жену его. Самое разумное, что мнѣ пришло на умъ, послѣ долгихъ стараній открыть виновника этого похищенія, было приписать его д'Аламберу, который, вкравшись уже къ г-жѣ де-Люксамбуръ, могъ найти средство порыться въ этихъ бумагахъ и похитить, что ему было нужно изъ черновыхъ или изъ писемъ, для того, чтобы сдѣлать мнѣ какую-нибудь непріятность, или чтобы присвоить все, что могло ему пригодиться. Я предположилъ, что обманутый заглавіемъ «Чувственная Мораль», онъ думалъ найти въ ней планъ настоящаго матеріалистическаго трактата, который онъ, конечно, обратилъ бы противъ меня. Увѣренный, что онъ разочаруется, прочтя эту рукопись, и рѣшась совершенно оставить литературу, я мало безпокоился объ этихъ похищеніяхъ, которыя были уже не первыя съ его стороны и всегда переносились мной безъ жалобъ. Скоро я забылъ объ этомъ происшествіи, какъ будто его никогда и не было и сталъ собирать оставшіеся у меня матеріалы для своей «Исповѣди».

Я долго надѣялся, что въ Женевѣ общество пасторовъ или по крайней мѣрѣ граждане будутъ протестовать противъ нарушенія церковнаго эдикта въ приговорѣ, произнесенномъ противъ меня,—но все оставалось спокойнымъ, по крайней мѣрѣ по наружности, потому что въ умахъ господствовало неудовольствіе, ожидавшее только случая, чтобы высказаться. Мои друзья, или по крайней мѣрѣ называвшіе себя друзьями, писали ко мнѣ письма за письмами, приглашая меня пріѣхать и стать во главѣ ихъ, и увѣряя, что они доставятъ мнѣ публичное удовлетвореніе со стороны совѣта. Боязнь безпорядковъ и смятенія, которыя могло возбудить мое присутствіе, помѣшала мнѣ согласиться на ихъ просьбы; и вѣрный данной мною клятвѣ — никогда не участвовать ни въ одной междоусобной распрѣ въ моемъ отечествѣ, я лучше хотѣлъ, чтобы оскорбленіе не было заглажено и я оставался изгнанникомъ изъ отечества, чѣмъ возвратиться туда опасными и насильственными сред-

ствами. Правда, что я ожидалъ со стороны буржуазіи законныхъ и мирныхъ протестовъ противъ нарушенія, которое должно было крайне интересовать ее. Но такого протеста не было. Тѣ, которые стояли во главѣ партіи, желавшей протеста, искали менѣе дѣйствительнаго удовлетворенія за обиды, чѣмъ случая сдѣлаться необходимыми. Они устраивали заговоръ, но молчали и пускали въ ходъ трещетокъ и ханжей, которыхъ совѣтъ выставлялъ впередъ, чтобы сдѣлать меня ненавистнымъ въ глазахъ черни и заставить приписать мою выходку религіозному рвенію.

Прождавъ болѣе года какого-нибудь протеста противъ незаконнаго поступка, я наконецъ начерталъ себѣ планъ дѣйствій, и видя себя оставленнымъ своими согражданами, рѣшился отказаться отъ своего неблагодарнаго отечества, гдѣ я никогда не жилъ, отъ котораго никогда не получалъ ни имущества, ни услуги, и которое, за мои старанья возвеличить его, такъ недостойно поступило со мной, ибо, тѣ, которые должны были говорить, ничего не сказали. И такъ я написалъ первому синдику, которымъ въ этомъ году, кажется, былъ г. Фавръ, письмо, гдѣ торжественно отказывался отъ права гражданства, причемъ, однако, соблюлъ приличіе и умѣренность, всегда соединявшіяся во мнѣ съ поступками, на которые вынуждала мою гордость жестокость моихъ враговъ среди моихъ несчастій.

Этотъ поступокъ открылъ, наконецъ, глаза гражданамъ: чувствуя, что они вредили собственнымъ интересамъ тѣмъ, что оставили меня безъ защиты, они приняли мою сторону, когда уже было поздно. Къ этому протесту они присоедили нѣсколько жалобъ по другимъ предметамъ, и это все составило предметъ нѣсколькихъ претензій, которыя дѣлались болѣе и болѣе настоятельными по мѣрѣ того, какъ жесткіе и грубые отказы совѣта, находившаго поддержку во французскомъ министерствѣ, заставляли гражданъ сильнѣе чувствовать на себѣ планъ, составленный для ихъ порабощенія. Эти ссоры вызвали нѣсколько брошюръ, ничего не рѣшившихъ до тѣхъ поръ, пока вдругъ не явились «Письма изъ деревни», написанныя въ пользу совѣта съ необыкновеннымъ искусствомъ и уничтожившія на нѣкоторое время представительную партію, принудивъ ее замолчать. Это сочиненіе, воздвигнувшее прочный памятникъ рѣдкимъ талантамъ его автора, было написано генеральнымъ прокуроромъ Троншеномъ, человѣкомъ умнымъ, просвѣщеннымъ, очень опытнымъ въ законахъ и управленіи республикою: **Siluit terra.**

—(1764).—Представители буржуазіи, опомнясь отъ своего перваго пораженія, принялись за отвѣтъ и мало-по-малу порядочно выпутались изъ этого дѣла. Но всѣ обратили глаза на меня, какъ на един-

ственнаго человѣка, способнаго вступить въ борьбу съ такимъ противникомъ, въ надеждѣ побѣдить его. Я, признаюсь, думалъ тоже самое, и, подстрекаемый своими прежними согражданами, которые ставили мнѣ въ обязанность помочь имъ перомъ въ затрудненіи, причиненномъ мной, рѣшился написать возраженіе на «Письма изъ деревни» и пародировалъ даже ихъ заглавіе, озаглавивъ свои «Письмами съ горы». Я исполнилъ это предпріятіе въ такой тайнѣ, что когда, при свиданіи въ Тононѣ съ предводителями партій для обсужденія ихъ дѣлъ, они показали мнѣ проектъ своего отвѣта, я имъ не сказалъ ничего о своемъ, боясь, чтобы не вышло какого-нибудь препятствія къ печатанію его, въ случаѣ, если бы малѣйшій слухъ о томъ достигъ до властей или до моихъ частныхъ враговъ. Я, однако, не избѣжалъ того, что это сочиненіе сдѣлалось извѣстнымъ въ Франціи прежде его напечатанія, но мои враги лучше захотѣли не препятствовать его выходу, чѣмъ дать мнѣ понять, какимъ образомъ они открыли мой секретъ. Я скажу объ этомъ только то, что знаю, то есть очень немного, и умолчу о своихъ догадкахъ.

Въ Мотье у меня бывало столько же посѣтителей, сколько въ Эрмитажѣ и въ Монморанси, но по большей части, эти посѣтители были совершенно иного рода. До сихъ поръ посѣщали меня люди, которые, сходясь со мной талантами, вкусами, правилами, выставляли это сходство предлогомъ своихъ посѣщеній и съ самаго начала заговаривали со мной о предметахъ, интересовававшихъ меня. Въ Мотье было совсѣмъ не то, особенно по отношенію къ Франціи. Ко мнѣ пріѣзжали, большею частію, офицеры или другіе люди, неимѣвшіе никакой склонности къ литературѣ, даже по большей части не читавшіе моихъ произведеній, но тѣмъ не менѣе дѣлавшіе, по ихъ словамъ 30, 40, 60, 100 миль, чтобы увидѣть человѣка славнаго, знаменитаго, очень знаменитаго, великаго и т. п. Ибо съ тѣхъ поръ не переставали угощать меня грубою лестью, отъ которой прежде защищало меня уваженіе моихъ старыхъ гостей.

Такъ какъ большинство этихъ случайныхъ посѣтителей не хотѣло ни говорить своихъ именъ, ни объявлять о своемъ званіи, и такъ какъ наши знанія не касались однихъ и тѣхъ же предметовъ и они не читали моихъ сочиненій и даже не заглядывали въ нихъ, то я не зналъ, о чемъ говорить съ ними: я ждалъ, пока они заговорятъ. Сами же они должны были знать и сказать мнѣ, зачѣмъ пріѣзжали ко мнѣ. Понятно, что эти посѣщенія были не особенно интересны для меня, хотя могли быть интересны для моихъ гостей, смотря потому, что они желали узнать,— потому что я, не чувствуя недовѣрія къ нимъ, отвѣчалъ очень откровенно на всѣ вопросы, которые они находили нужнымъ дѣлать мнѣ,—и обыкновенно, когда они возвращались отъ меня, то знали всѣ подробности не хуже самого меня.

Такимъ образомъ, напримѣръ, посѣтилъ меня г-нъ де-Фейнъ, конюшій королевы и капитанъ кавалеріи въ полку королевы, имѣвшій терпѣніе прожить въ Мотье нѣсколько дней и даже слѣдовать за мною пѣшкомъ до Ферріеры, ведя свою лошадь подъ уздцы; между тѣмъ, общаго между нами было только то, что мы оба знали дѣвицу Фейль, и оба играли въ бильбоке. До и послѣ г. де-Фейна я получилъ еще болѣе необыкновенный визитъ. Двое людей приходятъ пѣшкомъ, каждый ведетъ мула, навьюченнаго маленькимъ багажемъ, останавливаются они въ трактирѣ, сами чистятъ муловъ и просятъ позволенія видѣть меня. Судя по наряду этихъ погонщиковъ муловъ, ихъ приняли за контрабандистовъ и тотчасъ же распространили слухъ, что ко мнѣ въ гости пріѣхали контрабандисты. При первомъ появленіи ихъ я понялъ, что это были люди совсѣмъ другого сорта; но не будучи контрабандистами, они легко могли быть искателями приключеній, и эта мысль нѣкоторое время заставляла меня остерегаться. Они не замедлили успокоить меня. Одинъ изъ нихъ былъ г. де-Монтабанъ, прозванный графомъ де-ла-Туръ-дю-Пенъ, дворянинъ изъ Дофинэ; другой Дастье, изъ Карпантра, отставной военный, который носилъ свой крестъ Святаго Людовика въ карманѣ, не имѣя возможности надѣть его. Эти господа, оба очень любезные, были очень умны: ихъ разговоръ былъ и пріятенъ и интересенъ, ихъ манера путешествовать пѣшкомъ, бывшая совершенно въ моемъ вкусѣ и никакъ не во вкусѣ французскихъ дворянъ, внушила мнѣ нѣкоторую привязанность къ нимъ, которую продолженіе знакомства могло только упрочить. Это продолжается и теперь, и они нѣсколько разъ навѣщали меня, однако, уже не пѣшкомъ, что было хорошо только для начала; но чѣмъ больше я видѣлъ этихъ господъ, тѣмъ менѣе находилъ сходство между ихъ вкусами и моими правилами; я видѣлъ, что мои сочиненія не были имъ коротко извѣстны и что между ими и мной не было истинной симпатіи. Чего же они хотѣли? Зачѣмъ пріѣзжать ко мнѣ въ такомъ видѣ? Зачѣмъ оставаться на нѣсколько дней? возвращаться нѣсколько разъ? Зачѣмъ такъ сильно желать, чтобъ я былъ ихъ гостемъ? Въ то время я не задавалъ себѣ этихъ вопросовъ. Но впослѣдствіи они приходили мнѣ неоднократно на умъ.

Тронутое ихъ предусмотрительностью, мое сердце отдалось имъ безъ разсужденій,—особенно г. Дастье, открытый видъ котораго мнѣ больше нравился. Я даже былъ съ нимъ въ перепискѣ,—и когда хотѣлъ печатать «Письма съ горы», то думалъ обратиться къ нему, чтобы обмануть тѣхъ, которые ожидали моего пакета по дорогѣ въ Голландію. Онъ много, и можетъ быть съ умысломъ, говорилъ мнѣ о свободѣ печати въ Авиньонѣ; онъ предлагалъ мнѣ свои услуги, если бы я захотѣлъ что-нибудь тамъ печатать. Я воспользовался его предложеніемъ и отправилъ

къ нему по почтѣ, одну за другой мои первыя тетради. Продержавъ ихъ довольно долго, онъ возвратилъ ихъ мнѣ, замѣтивъ при этомъ, что ни одинъ издатель не осмѣлился за нихъ взяться, и я былъ принужденъ опять обратиться къ Рею, принявъ за правило не иначе отправлять мои тетради, какъ одну послѣ другой, и посылать слѣдующую только тогда, когда получу увѣдомленіе о полученіи предыдущихъ. Я узналъ, что прежде напечатанія моего сочиненія оно было просмотрѣно въ канцеляріяхъ министровъ, и д'Эшерни, изъ Невшателя, говорилъ мнѣ о книгѣ подъ заглавіемъ «Человѣкъ съ горы», сочиненіе которой, по словамъ д'Эшерни, Гольбахъ приписывалъ мнѣ. Я увѣрялъ его, какъ оно и въ самомъ дѣлѣ было, что не писалъ книги съ такимъ заглавіемъ. Когда письма появились, онъ былъ взбѣшенъ и обвинялъ меня во лжи, хотя я сказалъ ему только правду. Вотъ какимъ образомъ я увѣрился, что моя рукопись сдѣлалась извѣстной до ея напечатанія. Убѣжденный въ вѣрности Рея, я принужденъ былъ обратить мои подозрѣнія въ другую сторону; охотнѣе всего я останавливался на той мысли, что мои письма вскрывались на почтѣ.

Почти около этого же времени я познакомился съ г-мъ Лаліо, изъ Нима. Сначало это знакомство было только письменное; онъ написалъ мнѣ изъ Парижа, прося прислать ему мой профиль въ силуэтѣ, который, какъ онъ говорилъ, былъ ему нуженъ, для моего бюста изъ мрамора, заказаннаго имъ ле-Муану, съ цѣлью поставить у себя въ библіотекѣ. Если эта любезность была выдумана затѣмъ, чтобъ приручить меня, то она вполнѣ удалась. Я думалъ, что человѣкъ, желающій имѣть мой бюстъ изъ мрамора въ своей библіотекѣ, знаетъ наизусть мои сочиненія, стало быть—преисполненъ моихъ принциповъ, и что онъ любитъ меня, потому что его душа настроена одинаково съ моею. Эта мысль не могла не соблазнить меня. Впослѣдствіи я видѣлся съ г. Лаліо. Я нашелъ, что онъ очень старательно оказывалъ мнѣ разныя маленькія услуги и очень усердно вмѣшивался въ мои дѣла. Но я очень сомнѣваюсь, чтобы какое-нибудь изъ моихъ сочиненій было въ небольшомъ числѣ книгъ, прочтенныхъ имъ въ теченіи всей жизни. Я не знаю, есть ли у него библіотека и нужна ли ему она; что касается до бюста, то онъ ограничился дурнымъ эскизомъ изъ глины, сдѣланнымъ ле-Муаномъ, на которомъ онъ велѣлъ награвировать отвратительный портретъ, который однако же считается моимъ, какъ будто имѣетъ какое-нибудь сходство со мною. Единственный французъ, пріѣхавшій навѣстить меня, какъ кажется, по расположенію къ моимъ чувствамъ и сочиненіямъ, былъ молодой офицеръ изъ лимузенскаго полка, г. Сегье де-Сенъ-Бриссонъ, который блисталъ и еще теперь блистаетъ и въ Парижѣ и въ свѣтѣ пріятными талантами и претензіями на остроуміе. Онъ пріѣз-

жалъ повидаться со мною въ Монморанси въ зиму, предшествовавшую моей катастрофѣ. Я нашелъ въ немъ живость чувствъ, которая мнѣ понравилась. Онъ писалъ потомъ ко мнѣ въ Мотье, — и желалъ ли онъ польстить мнѣ, или въ самомъ дѣлѣ у него закружилась голова отъ «Эмиля», только онъ извѣстилъ меня, что оставляетъ службу, чтобы жить независимо и учиться мастерству столяра. У него былъ старшій братъ, капитанъ того же полка, любимецъ матери. Будучи крайней ханжой и руководимая какимъ-то лицемѣрнымъ аббатомъ, она дурно обращалась съ младшимъ сыномъ, обвиняла его въ безбожіи и даже въ непростительномъ преступленіи — знакомствѣ со мною. На основаніи этихъ-то оскорбленій онъ хотѣлъ разстаться съ матерью и принять рѣшеніе, о которомъ я сейчасъ говорилъ, — все это за тѣмъ, чтобы разыграть изъ себя маленькаго Эмиля.

Испуганный этимъ пыломъ, я поспѣшилъ написать къ нему, чтобы заставить его перемѣнить намѣреніе, и употребилъ въ моихъ убѣжденіяхъ всю силу, на какую былъ способенъ; они имѣли успѣхъ. Онъ покорился сыновнему долгу и взялъ назадъ у полковника просьбу объ отставкѣ, которую было подалъ, и которую этотъ послѣдній имѣлъ осторожность не пускать въ ходъ, оставивъ ему время хорошенько обдумать свое рѣшеніе. Сенъ-Бриссонъ, отказавшійся отъ этихъ глупостей, все же сдѣлалъ одну, хотя не столь рѣзкую, но все-таки не въ моемъ вкусѣ: онъ сдѣлался авторомъ и издалъ одну за другой двѣ или три брошюры, обнаруживавшія въ немъ человѣка не безъ таланта. Но я не могу упрекать себя въ томъ, чтобы своими похвалами поощрилъ его на продолженіе этой карьеры.

Нѣсколько времени спустя, онъ пріѣхалъ навѣстить меня, и мы вмѣстѣ отправились на островъ Святого Петра. Я нашелъ его въ это путешествіе не такимъ, какимъ видалъ его въ Монморанси. Въ немъ было что-то натянутое, что въ то время не очень удивило меня, но впослѣдствіи часто приходило въ голову. Онъ еще разъ навѣстилъ меня въ Сенъ-Симонъ, когда я проѣзжалъ черезъ Парижъ въ Англію. Тогда я узналъ то, чего онъ не говорилъ прежде, а именно, что онъ жилъ въ высшихъ обществахъ и часто видалъ г-жу де-Люксамбуръ. По пріѣздѣ моемъ въ Трей, онъ не только не видался со мной, но даже ничего не поручилъ сказать мнѣ черезъ свою родственницу, дѣвицу де-Сегюе, мою сосѣдку, которая, какъ мнѣ казалось, никогда не была расположена ко мнѣ. Однимъ словомъ, пристрастіе г. де-Сенъ-Бриссона рушилось также внезапно, какъ дружба г. де-Фейна; но этотъ послѣдній не былъ мнѣ одолженъ ничѣмъ, а тотъ, наоборотъ, былъ многимъ обязанъ, если только глупости, которыя я воспрепятствовалъ ему сдѣлать, были не пустой шуткой съ его стороны, что въ сущности очень возможно.

У меня было столько же и даже еще болѣе посѣтителей изъ Женевы. Делюки, отецъ и сынъ, одинъ за другимъ выбрали меня въ свои сидѣлки; отецъ занемогъ въ дорогѣ, сынъ былъ боленъ, выѣзжая изъ Женевы, и оба пріѣхали выздоравливать ко мнѣ. Пасторы, родственники, святоши, всякаго сорта люди пріѣзжали изъ Женевы и изъ Швейцаріи не затѣмъ, чтобы удивляться мнѣ и насмѣхаться надо мною, какъ дѣлали пріѣзжавшіе изъ Франціи, а затѣмъ, чтобы журить меня и наставлять въ вѣрѣ. Единственный человѣкъ, доставившій мнѣ удовольствіе, былъ Мульту. Онъ пріѣхалъ провести со мною два или четыре дня, но я охотно удержалъ бы его и долѣе. Постояннѣе всѣхъ, былъ нѣкто д'Ивернуа, торговецъ изъ Женевы, выходецъ изъ Франціи и родственникъ невшательскаго генеральнаго прокурора; своею надоѣдливостью онъ, наконецъ, покорилъ меня. Этотъ д'Ивернуа изъ Женевы пріѣзжалъ въ Мотье два раза въ годъ, нарочно чтобы видѣться со мною, оставался у меня съ утра до вечера нѣсколько дней сряду, навязывался на прогулки со мною, приносилъ мнѣ тысячу маленькихъ подарковъ, втирался какъ-то въ мою довѣренность, вмѣшивался во всѣ мои дѣла, а между тѣмъ, у насъ не было ничего общаго ни въ мысляхъ, ни въ наклонностяхъ, ни въ чувствахъ, ни въ знаніяхъ. Я не думаю, чтобы во всю свою жизнь онъ прочелъ хотя одну цѣлую книгу, какая бы она ни была, и чтобы имѣлъ хоть понятіе, о чемъ говорится въ моихъ ботаническихъ экскурсіяхъ, не чувствуя никакого влеченія къ подобному удовольствію, не имѣя ничего сказать мнѣ ни о мнѣ, ни о себѣ. Онъ имѣлъ даже храбрость провести со мною глазъ на глазъ цѣлые три дня въ гумуанской харчевнѣ, откуда я думалъ выжить его, надоѣвъ ему и давъ почувствовать, какъ онъ надоѣлъ мнѣ; но при всемъ этомъ, мнѣ невозможно было ни одолѣть его невѣроятное постоянство, ни понять причину его.

Изъ всѣхъ этихъ связей, которыя я дѣлалъ и поддерживалъ противъ воли, я не долженъ умолчать объ единственной, доставлявшей мнѣ удовольствіе, и въ которой дѣйствительно приняло участіе мое сердце; это было мое знакомство съ однимъ молодымъ венгерцемъ, поселившимся въ Невшателѣ, а потомъ въ Мотье, черезъ нѣсколько времени послѣ того, какъ я поселился тамъ. Тамъ называли его барономъ де-Соттернъ, — имя, подъ которымъ онъ былъ рекомендованъ изъ Цюриха. Онъ былъ высокъ, хорошо сложенъ, имѣлъ пріятную наружность и обхожденіе снисходительное и мягкое. Онъ говорилъ всѣмъ, да и мнѣ самому далъ понять, что пріѣхалъ въ Невшатель, собственно для меня, чтобы знакомствомъ со мною направить себя на путь добродѣтели. Его физіономія, тонъ, манеры показались мнѣ соотвѣтствующими его словамъ; я считалъ бы себя нарушившимъ одну изъ важнѣйшихъ обязан-

ностей человѣка, еслибы выпроводилъ юношу, въ которомъ не видалъ ничего, кромѣ пріятныхъ свойствъ и который старался сблизиться со мною по столь почтенному побужденію. Мое сердце не умѣетъ отдаваться въ половину. Скоро онъ пріобрѣлъ мою полную дружбу и довѣріе; мы сдѣлались неразлучны; онъ участвовалъ во всѣхъ моихъ пѣшеходныхъ странствіяхъ, и они стали ему нравиться. Я водилъ его къ милорду маршалу, который обошелся съ нимъ весьма любезно. Такъ какъ онъ не умѣлъ еще выражаться по-французски, то говорилъ со мною и писалъ ко мнѣ по-латыни; я отвѣчалъ ему по-французски, и эта смѣсь двухъ языковъ не мѣшала нашимъ разговорамъ быть текучими и живыми во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ говорилъ мнѣ о своемъ семействѣ, о своихъ дѣлахъ, о своихъ приключеніяхъ, о вѣнскомъ дворѣ, домашнія подробности котораго были, повидимому, хорошо извѣстны ему. Наконецъ, въ продолженіи двухъ лѣтъ, проведенныхъ нами въ самой тѣсной дружбѣ, я находилъ въ немъ невозмутимую мягкость характера, честность, большую опрятность, чрезвычайную скромность во всѣхъ рѣчахъ, наконецъ, всѣ признаки благороднаго происхожденія, которые дѣлали его для меня только достойнымъ уваженія.

Въ самомъ разгарѣ нашей дружбы, д'Ивернуа изъ Женевы написалъ мнѣ, чтобы я остерегался молодого венгерца, поселившагося возлѣ меня; д'Ивернуа увѣрили, что это былъ шпіонъ, приставленный ко мнѣ французскимъ министерствомъ. Это предостереженіе тѣмъ болѣе могло обезпокоить меня, что въ странѣ, гдѣ я жилъ, всѣ предупреждали меня, чтобъ я остерегался, что за мной слѣдятъ и стараются привлечь меня на французскую землю, чтобы сыграть со мною плохую шутку.

Чтобы разъ навсегда закрыть ротъ всѣмъ этимъ глупымъ предостерегателямъ, я предложилъ Соттерну, ни о чемъ не предупредивъ его, прогулку пѣшкомъ въ Понтарліе; онъ согласился. Когда мы пришли въ Понтарліе, я далъ ему прочесть письмо д'Ивернуа и потомъ, съ жаромъ обнимая его, сказалъ ему: «Соттерну не нужно доказательствъ моего довѣрія, но публикѣ нужны доказательства, что я хорошо знаю, кому довѣряюсь» Это объятіе было очень сладостно; это было одно изъ тѣхъ удовольствій, которыя не извѣстны преслѣдователямъ и не могутъ быть отняты ими у преслѣдуемыхъ.

Я никогда не повѣрю, чтобы Соттернъ былъ шпіономъ, или измѣнилъ мнѣ; но онъ обманулъ меня. Когда я открывалъ передъ нимъ мое сердце безъ утайки, у него доставало духу постоянно закрывать отъ меня свое и обманывать меня выдумками. Онъ сочинилъ мнѣ какую-то исторію, которая заставила меня подумать, что его присутствіе необходимо въ его отечествѣ. Я побуждалъ его ѣхать какъ можно скорѣе; онъ уѣхалъ: и когда я воображалъ, что онъ уже въ Венгріи,—вдругъ узнаю,

что онъ въ Страсбургѣ. Онъ уже не въ первый разъ былъ въ этомъ городѣ. Онъ посѣялъ тамъ раздоръ въ одномъ семействѣ: мужъ, зная, что я съ нимъ вижусь, написалъ ко мнѣ. Я сдѣлалъ все, что могъ, чтобы возвратить къ добродѣтели молодую женщину и къ долгу молодого человѣка. И въ то время, какъ я думалъ, что они совершенно разошлись, они напротивъ сблизились, и даже мужъ имѣлъ снисхожденіе снова взять къ себѣ въ домъ молодого человѣка: съ этихъ поръ мнѣ нечего было говорить. Я узналъ, что мнимый баронъ насказалъ мнѣ много небылицъ. Онъ назывался вовсе не Соттернъ, а Сонтерсгеймъ. Что касается до титула барона, который ему давали въ Швейцаріи, то я не могъ въ немъ упрекать его, потому что онъ самъ никогда не принималъ этого титула; но я не сомнѣваюсь, что онъ былъ дворянинъ, и милордъ маршалъ, знавшій толкъ въ людяхъ и бывшій на его родинѣ, также признавалъ его дворяниномъ и обходился съ нимъ сообразно этому.

Какъ только онъ уѣхалъ изъ Мотье, служанка трактира, гдѣ онъ обѣдалъ, объявила, что она беременна отъ него. Это была такая отвратительная неряха, а Соттернъ, котораго вообще уважали и почитали въ нашей сторонѣ за его поведеніе и честную нравственность, такъ чванился своей крайнею опрятностью, что это безстыдство поразило всѣхъ. Самыя милыя женщины, напрасно разсыпавшія передъ нимъ любезности, были взбѣшены; я былъ внѣ себя отъ негодованія. Я употребилъ всѣ силы, чтобы остановить эту безстыдную женщину, предлагая заплатить всѣ издержки и поручиться за Соттерсгейма. Я написалъ ему, твердо убѣжденный, что онъ не только не виноватъ въ этой беременности, но что даже и беременность притворная, и что все это шутка, разыгранная ею и моими врагами. Я просилъ, чтобы онъ возвратился къ намъ, и пристыдилъ какъ эту мошенницу, такъ и тѣхъ, кто заставлялъ ее клеветать. Я былъ удивленъ вялостью его отвѣта. Онъ написалъ къ пастору, въ приходѣ котораго жила эта дрянь, и такимъ образомъ потушилъ дѣло; увидавъ это, я прекратилъ мое вмѣшательство, очень удивленный тѣмъ, что такой грязный человѣкъ могъ настолько владѣть собою, что въ той интимной фамильярности, которая существовала между нами, внушалъ мнѣ уваженіе своей видимой скромностью.

Изъ Страсбурга Соттерсгеймъ уѣхалъ искать счастія въ Парижъ и нашелъ тамъ только нищету. Онъ написалъ ко мнѣ и выразилъ свое раскаяніе. Мое сердце умилилось при воспоминаніи о нашей старой дружбѣ, и я послалъ ему денегъ. На слѣдующій годъ, въ мой проѣздъ черезъ Парижъ, я нашелъ его почти въ томъ же положеніи, но въ большой дружбѣ съ г. Лаліо; какъ онъ познакомился съ нимъ и когда— этого я не могъ узнать. Черезъ два года послѣ этого, Соттерсгеймъ вер-

нулся въ Страсбургъ, откуда онъ писалъ ко мнѣ и гдѣ умеръ. Вотъ вкратцѣ исторія нашей связи и все, что я знаю о его похожденіяхъ; но, оплакивая судьбу этого несчастнаго молодого человѣка, я никогда не перестану думать, что онъ былъ хорошаго происхожденія и что вся безпорядочность его поведенія была слѣдствіемъ тѣхъ положеній, въ которыхъ онъ находился.

Таковы были пріобрѣтенія, которыя я сдѣлалъ въ Мотье по отношенію къ дружбѣ и связямъ. Но сколько бы нужно было подобныхъ пріобрѣтеній, чтобы вознаградить меня за жестокія потери, понесенныя въ это же самое время!

Прежде всего я потерялъ г. де-Люксамбура, который, послѣ долгихъ мученій въ рукахъ докторовъ, сдѣлался наконецъ ихъ жертвою; они лечили его отъ подагры, которую не хотѣли признать, какъ отъ болѣзни, которую будто бы могли излечить.

Если можно положиться въ этомъ отношеніи на подробности, сообщенныя мнѣ ла-Рошемъ, повѣреннымъ г-жи де-Люксамбуръ, то именно этотъ примѣръ столько же жестокій, сколько достопамятный, доказываетъ, что нужно оплакивать ничтожество величія.

Потеря этого добраго вельможи была для меня тѣмъ болѣе чувствительна, что онъ былъ моимъ единственнымъ другомъ во Франціи; а кротость его характера была такъ велика, что заставила меня забыть его знатность и привязаться къ нему, какъ къ равному себѣ. Наша связь не прекратилась съ моимъ отъѣздомъ, и онъ продолжалъ писать ко мнѣ, какъ прежде. Мнѣ, впрочемъ, показалось, что мое отсутствіе или несчастье охладило его привязанность. Очень мудрено, чтобы придворный человѣкъ сохранилъ дружбу къ лицу, находящемуся въ немилости у властей. Я, впрочемъ, думалъ, что сильное вліяніе, которое имѣла на него г-жа де-Люксамбуръ, не было для меня благопріятно, и что она воспользовалась моимъ удаленіемъ, чтобы повредить мнѣ въ его мнѣніи. Что касается до нея, то не смотря на нѣсколько неискреннихъ заявленій дружбы, становившихся все болѣе и болѣе рѣдкими, она съ каждымъ днемъ все менѣе скрывала свою перемѣну въ отношеніи ко мнѣ. Разъ пять она писала ко мнѣ въ Швейцарію, — и потомъ перестала, и нужно было быть до такой степени какъ я пристрастнымъ, довѣрчивымъ, ослѣпленнымъ, чтобы не замѣтить въ этой женщинѣ болѣе, чѣмъ охлажденія въ отношеніи ко мнѣ.

Книгопродавецъ Гюи, компаніонъ Дюшена, который еще въ мое время часто посѣщалъ люксамбурскій отель, написалъ мнѣ, что я включенъ въ духовное завѣщаніе маршала. Въ этомъ не было ничего неестественнаго и невѣроятнаго, а потому я и не усомнился въ достовѣрности этого извѣстія. Оно заставило меня подумать, какъ поступить съ на-

слѣдствомъ. Обдумавъ все хорошенько, я рѣшился принять завѣщанную мнѣ долю, какова бы она ни была, и сдѣлать эту честь честному человѣку, который, принадлежа къ тѣмъ слоямъ общества, куда совсѣмъ не проникаетъ дружба, питалъ ко мнѣ чувство истинной привязанности. Но мнѣ не пришлось исполнить этотъ долгъ, потому что съ тѣхъ поръ я никогда не слыхалъ болѣе объ этомъ истинномъ или выдуманномъ завѣщаніи, и право, былъ бы очень недоволенъ, если бы мнѣ пришлось нарушить одно изъ главнѣйшихъ моихъ нравственныхъ убѣжденій, воспользовавшись чѣмъ нибудь по смерти дорогаго мнѣ человѣка. Во время послѣдней болѣзни нашего друга Мюссара, Леньепсъ предложилъ мнѣ воспользоваться его признательностью за наши попеченія, чтобы побудить его сдѣлать завѣщаніе въ нашу пользу.—Ахъ, милый Леньепсъ,—отвѣчалъ я ему—не будемъ осквернять корыстолюбивыми мыслями печальный, но священный долгъ, который мы отдаемъ нашему умирающему другу... Я надѣюсь не быть включеннымъ ни въ чье завѣщаніе, по крайней мѣрѣ изъ завѣщаній моихъ друзей». Почти въ это же самое время милордъ-маршалъ говорилъ со мной о своемъ намѣреніи сдѣлать завѣщаніе и о томъ, что онъ предполагалъ отказать мнѣ, на что я ему далъ отвѣтъ, приведенный мною въ 1-й части.

Вторая потеря, которую я понесъ, была еще болѣе чувствительна и невознаградима; я потерялъ лучшую изъ женщинъ и матерей, которая удрученная годами, немощами и горестями, покинула эту юдоль плача и отправилась въ жилище блаженныхъ, гдѣ сладкое воспоминаніе сдѣланнаго на землѣ добра служитъ вѣчной наградой за него. Иди, кроткая и благодѣтельная душа, иди къ Фенелонамъ, Бернексамъ, Катина и къ тѣмъ, которые, подобно имъ, часто открывали свои сердца истинному милосердію; вкуси плоды твоей добродѣтели и приготовь своему воспитаннику мѣсто, которое онъ надѣется занять около тебя. Блаженна ты, среди несчастій, тѣмъ, что небо, прекративъ твои страданія, избавило тебя отъ печальнаго зрѣлища моихъ бѣдствій! Боясь опечалить ея сердце разсказами о моихъ несчастіяхъ, я не писалъ къ ней со времени моего пріѣзда въ Швейцарію; но я написалъ къ г. Конзіе, чтобы освѣдомиться о ней, и онъ то увѣдомилъ меня, что она перестала утѣшать страждущихъ и страдать. Скоро перестану страдать и я, но если бы я не надѣялся увидѣться съ нею въ будущей жизни, то мое бѣдное воображеніе не могло бы составить себѣ идеи о полномъ блаженствѣ, котораго я ожидаю тамъ.

Третья и послѣдняя моя потеря — (потому что съ тѣхъ поръ мнѣ некого было терять изъ друзей)—была потеря милорда маршала. Онъ не умеръ, но уставъ служить неблагодарнымъ, оставилъ Невштатель и съ тѣхъ поръ я не видалъ его болѣе. Онъ живъ и, надѣюсь, пережи-

вѣтъ меня; онъ живъ, и благодаря ему, не всѣ мои привязанности прерваны на землѣ: есть еще человѣкъ достойный моей дружбы, потому что истинная цѣна этого чувства заключается болѣе въ дружбѣ испытываемой самимъ, нежели внушаемой другими; но я лишился утѣшеній, которыя доставляла мнѣ его дружба и могу считать его только въ числѣ тѣхъ, кого еще люблю, но съ которыми не имѣю болѣе сношеній. Онъ отправился въ Англію принять помилованіе короля и выкупить свои конфискованныя имѣнія. Мы разстались съ намѣреніемъ увидаться вновь,—намѣреніемъ, которое казалось столь же пріятно ему, какъ и мнѣ. Онъ хотѣлъ поселиться въ своемъ замкѣ Кейтъ-Галлѣ, подлѣ Эбердина, куда я долженъ былъ отправиться къ нему, но это предположеніе было слишкомъ пріятно для меня, чтобы я могъ надѣяться на его исполненіе. Онъ не остался въ Шотландіи. Ласковыя просьбы прусскаго короля вызвали его опять въ Берлинъ, и скоро увидятъ, что мнѣ помѣшало отправиться туда.

Передъ отъѣздомъ, предвидя грозу, собиравшуюся надо мной, онъ, по собственному побужденію, прислалъ мнѣ патентъ на гражданство, который повидимому былъ для меня вѣрнымъ средствомъ избавиться отъ изгнанія изъ этой страны. Община Куве въ Валь-де-Траверѣ послѣдовала примѣру губернатора и выдала мнѣ патентъ на званіе «общинника», также даромъ, какъ и первый. Такимъ образомъ, сдѣлавшись во всѣхъ отношеніяхъ гражданиномъ этой страны, я былъ защищенъ отъ всякаго законнаго изгнанія, даже со стороны короля: но увы!—не путемъ законовъ могли преслѣдовать того, кто болѣе всѣхъ людей всегда почиталъ законы.

Я не считаю въ числѣ понесенныхъ въ то время потерь потерю аббата Мабли. Живя у его брата, я имѣлъ съ нимъ нѣкоторыя сношенія, но не очень близкія, и имѣю нѣкоторое основаніе думать, что его чувства ко мнѣ измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ я достигъ большей извѣстности, чѣмъ та, которою онъ пользовался. Со времени появленія «Писемъ съ горы» я получилъ первое доказательство его нерасположенія ко мнѣ. Въ Женевѣ ходило по рукамъ приписывавшееся ему письмо къ г-жѣ Саладенъ, въ которомъ онъ отзывался о моемъ сочиненіи, какъ о возмутительныхъ возгласахъ яростнаго демагога.

Уваженіе, которое я питалъ къ аббату Мабли и къ его познаніямъ, не позволило мнѣ ни на минуту повѣрить, что это страшное письмо написано имъ. Я принялъ поэтому рѣшеніе, внушенное мнѣ моею откровенностью. Я послалъ ему копію съ письма и увѣдомлялъ его, что письмо это приписываютъ ему. Онъ не отвѣчалъ ни слова. Это молчаніе удивило меня, но пусть вообразятъ себѣ мое изумленіе, когда г-жа де-Шенонсо увѣдомила меня, что письмо дѣйствительно написано абба-

томъ и что мое письмо привело его въ большое замѣшательство. Еслибы даже, наконецъ, онъ былъ правъ въ своихъ мнѣніяхъ, то чѣмъ бы оправдалъ онъ эту выходку, сдѣланную такъ легко, безъ всякой обязанности, безъ необходимости, съ единственною цѣлью задавить, среди несчастій, человѣка, которому онъ всегда оказывалъ расположеніе и который ни въ чемъ не сдѣлался недостойнымъ этого чувства? Нѣсколько времени спустя появились «Бесѣды Фокіона», въ которыхъ я увидѣлъ одну компиляцію изъ моихъ сочиненій, сдѣланную безъ всякой умѣренности и стыда. Прочтя эту книгу, я почувствовалъ, что авторъ принялъ свое рѣшеніе на счетъ меня и что впередъ у меня не будетъ злѣйшаго непріятеля. Я думаю, что онъ не простилъ мнѣ ни «Общественнаго Договора», который былъ слишкомъ не по силамъ ему, ни «Вѣчнаго Мира», и что если онъ выражалъ желаніе, чтобы я сдѣлалъ извлеченіе изъ сочиненій аббата де-Сенъ-Пьера, то только въ той надеждѣ, что я неудачно исполню это дѣло.

Чѣмъ болѣе идетъ впередъ мой разсказъ, тѣмъ менѣе порядка и послѣдовательности могу я придать ему. Тревоги остальной моей жизни не дали происшествіямъ времени улечься въ порядкѣ въ моей головѣ. Они были слишкомъ многочисленны, слишкомъ смѣшаны, слишкомъ непріятны, чтобы я могъ передать ихъ ясно и послѣдовательно. Единственное впечатлѣніе, которое они во мнѣ оставили, — это впечатлѣніе ужасной тайны, скрывающей ихъ причины, и жалкаго положенія, до котораго они меня довели. Разсказъ мой можетъ продолжаться только наудачу, и смотря потому, что я вспомню. Я помню, что въ то время, о которомъ говорю, весь занятый своею «Исповѣдью», я говорилъ очень, очень неосторожно со всѣми, не воображая себѣ, что кто нибудь будетъ имѣть нужду, или желаніе, или возможность препятствовать этому предпріятію, да если бы я и думалъ это, то не сталъ бы оттого скрытнѣе, — такъ невозможно для моего характера скрывать что либо изъ того, что я чувствую, или думаю. Распространившійся слухъ объ этомъ предпріятіи былъ, на сколько я могу судить, истинной причиной грозы, поднятой для того, чтобы изгнать меня изъ Швейцаріи и предать въ руки, способныя воспрепятствовать исполненію моего намѣренія.

У меня былъ другой планъ, на который также неблагосклонно смотрѣли тѣ, которые опасались перваго: я намѣревался издать полное собраніе моихъ сочиненій. Такое изданіе казалось мнѣ необходимымъ, чтобы заявить, какія изъ книгъ, носившихъ мое имя, были дѣйствительно написаны мной, и дать публикѣ возможность отличать ихъ отъ тѣхъ псевдонимныхъ сочиненій, которыя мои друзья приписывали мнѣ, чтобы обезславить и унизить меня. Кромѣ того, такое изданіе было самымъ простымъ и честнымъ средствомъ достать себѣ кусокъ хлѣба;

оно было даже естественнымъ средствомъ, потому что отказавшись отъ литературной дѣятельности, не желая издавать при жизни свои «Записки», не зарабатывая ни гроша другимъ способомъ и всегда нуждаясь въ деньгахъ на расходы, я видѣлъ что мои денежныя средства прекратятся съ израсходованіемъ выручки отъ моихъ послѣднихъ сочиненій. Эта причина побудила меня издать мой «Музыкальный Лексиконъ», еще не вполнѣ отдѣланный. Онъ принесъ мнѣ сто луидоровъ наличными и сто экю пожизненнаго дохода; но и эти сто луидоровъ должны были скоро придти къ концу, такъ какъ я проживалъ въ годъ болѣе 60-ти; а сто экю дохода были все равно, что ничего для человѣка, на котораго бездѣльники и плуты нападали цѣлыми стаями, какъ скворцы.

Одна компанія невшательскихъ негоціантовъ взялась издать полное собраніе моихъ сочиненій, и одинъ ліонскій типографщикъ или книгопродавецъ, по имени Регилья, не знаю какимъ образомъ, присоединился къ нимъ, чтобы руководить этимъ дѣломъ. Мы сошлись на разумныхъ основаніяхъ, достаточныхъ для достиженія моей цѣли. Моихъ печатныхъ сочиненій и рукописей достаточно было на 6 томовъ in-quarto; кромѣ того я обязался наблюдать за изданіемъ, а они за все это должны были платить мнѣ пожизненно 1,600 французскихъ ливровъ ежегодно и выдать 1000 экю одновременно.

— (1765). — Условіе наше было заключено, но не подписано, когда вышли «Письма съ горы». Страшная буря, разразившаяся надъ этимъ адскимъ сочиненіемъ и его проклятымъ авторомъ, напугала компанію, и предпріятіе лопнуло. Я бы сравнилъ послѣдствія появленія этого послѣдняго сочиненія съ послѣдствіями «Письма о французской музыкѣ», еслибъ это послѣднее, навлекшее на меня ненависть и подвергнувшее меня опасности, не оставило мнѣ по крайней мѣрѣ общаго уваженія. Но послѣ «Писемъ» въ Женевѣ и въ Парижѣ, казалось удивлялись, какъ можно терпѣть на свѣтѣ такое чудовище, какъ я. Маленькій совѣтъ, побуждаемый французскимъ резидентомъ и направляемый генеральнымъ прокуроромъ, составилъ постановленіе о моемъ сочиненіи: въ самыхъ страшныхъ выраженіяхъ онъ объявилъ его достойнымъ сожженія чрезъ палача, и съ ловкостью, близкой къ смѣшному, прибавилъ, что нельзя, не обезчестивъ себя, ни отвѣчать на это сочиненіе, ни даже упоминать о немъ. Я бы желалъ имѣть возможность привести здѣсь этотъ любопытный документъ, но къ несчастью, у меня его нѣтъ, и я не помню изъ него ни одного слова. Я отъ души желаю, чтобы, кто нибудь изъ моихъ читателей, одушевленный любовью къ правдѣ и справедливости, перечелъ вполнѣ «Письма съ горы»; онъ понялъ бы можно сказать, стоическую умѣренность, господствующую въ этомъ сочиненіи, несмотря на то, что оно появилось послѣ чувствительныхъ и

жестокихъ оскорбленій, которыя наперерывъ старались нанести автору. Но не будучи въ состояніи отвѣчать ни на оскорбленія, которыхъ тамъ не было, ни на приводимыя въ нихъ доказательства, потому что противъ нихъ нельзя было возражать, они рѣшились казаться слишкомъ разгнѣванными для того, чтобы хотѣть отвѣчать; правда, что если они принимали за оскорбленія неопровержимыя доказательства, то должны были считать себя сильно оскорбленными.

Партія представителей не только не протестовала противъ этого гнуснаго постановленія, но пошла по пути, указанному имъ, и вмѣсто того, чтобы сдѣлать себѣ знамя изъ «Писемъ съ горы», которыя они закрыли, чтобы сдѣлать изъ нихъ щитъ,—они имѣли низость не отдавать справедливости и заслуженной чести этому сочиненію, написанному для ихъ же защиты; они ни разу не привели его, ни разу не назвали его въ своихъ отвѣтахъ, хотя извлекали изъ него всѣ свои доказательства, и хотя только точность, съ которой они послѣдовали совѣту, данному мнөй въ концѣ сочиненія, была причиной ихъ спасенія и побѣды. Они возложили на меня эту обязанность, и я ее исполнилъ; я до конца служилъ отечеству и имъ. Я ихъ просилъ оставить меня и думать только о себѣ въ своихъ спорахъ. Они поймали меня на словѣ, и я только для того вмѣшивался въ ихъ дѣла, чтобы безпрестанно склонять ихъ къ миру, не сомнѣваясь, что если они будутъ упорствовать въ спорахъ, то ихъ непремѣнно раздавитъ Франція. Этого не случилось, я знаю по какой причинѣ. но здѣсь не мѣсто говорить о ней.

Дѣйствіе «Писемъ съ горы» въ Невшателѣ было сначала очень мирное. Я послалъ экземпляръ ихъ къ Монмоллену; онъ принялъ его хорошо и прочелъ безъ возраженій. Онъ былъ боленъ, также какъ и я; по выздоровленіи онъ дружески навѣстилъ меня и не сказалъ ничего. Между тѣмъ шумъ начался, гдѣ-то сожгли книгу. Изъ Женевы, Берна, можетъ быть изъ Версали, волненіе скоро перешло въ Невшатель и особенно въ Валь-де-Траверъ, гдѣ прежде даже чѣмъ духовенство сдѣлало какое нибудь явное движеніе, уже начали волновать народъ тайными интригами. Я смѣю думать, что народъ долженъ былъ любить меня въ этой странѣ, какъ онъ любилъ меня вездѣ, гдѣ я жилъ, раздавая щедрой рукой милостыню, не оставляя безъ помощи ни одного бѣдняка, не отказывая никому въ возможныхъ и справедливыхъ услугахъ, слишкомъ, можетъ быть, сходясь со всѣми, и всѣми силами стараясь отказываться отъ всякаго отличія, могущаго возбудить зависть. Все это не помѣшало черни, тайно возбужденной, неизвѣстно кѣмъ, подняться противъ меня, дойти постепенно до бѣшенства, оскорблять меня публично среди бѣлаго дня не только въ деревнѣ и на дорогахъ, но даже среди улицы. Тѣ, которымъ я сдѣлалъ болѣе всего добра, были ожесто-

чены болѣе другихъ; и даже люди, которымъ я продолжалъ благодѣтельствовать, не смѣя явно дѣйствовать сами, возбуждали другихъ и, казалось, хотѣли такимъ образомъ отмстить за униженіе быть мнѣ обязанными. Монмолленъ, казалось, ничего не видалъ и еще не показывался, но такъ какъ приближалось время причащенія, то онъ явился ко мнѣ, попросить меня воздержаться отъ появленія въ церковь, увѣряя впрочемъ, что онъ не имѣетъ ничего противъ меня и оставитъ меня въ покоѣ. Я нашелъ странной эту любезность; она напомнила мнѣ письмо г-жи Буффлеръ, и я не понималъ, кому было дѣло до того — причащался я или нѣтъ. Считая подобную уступку за низость, и кромѣ того, не желая дать народу новаго предлога обвинять меня въ безбожіи, я не согласился на просьбу пастора, и онъ ушелъ отъ меня недовольный, давъ мнѣ понять, что я раскаюсь въ этомъ упорствѣ.

Онъ не могъ отказать мнѣ въ причащеніи собственною властью; нужно было согласіе консисторіи, допустившей меня въ приходъ, и пока консисторія ничего не говорила, я могъ смѣло являться въ церковь, не боясь отказа. Монмолленъ взялъ у духовенства порученіе призвать меня въ консисторію, чтобы объяснить тамъ мои религіозныя убѣжденія, и въ случаѣ моего отказа отлучить меня отъ церкви.

Это отлученіе могло быть тоже произнесено только консисторіей и не иначе, какъ по большинству голосовъ. Но поселяне, подъ именемъ старшинъ составлявшіе это собраніе, подъ предсѣдательствомъ своего пастора, и что весьма понятно, управляемые имъ, естественно должны были раздѣлять всѣ его мнѣнія, въ особенности о теологическихъ предметахъ, которые они еще менѣе понимали, чѣмъ онъ. Поэтому я былъ призванъ и рѣшился явиться.

Какъ счастливо было-бы для меня это обстоятельство и какое торжество доставило бы оно мнѣ, если бы я умѣлъ говорить и если бы, такъ сказать, мое перо было у меня во рту! Съ какимъ превосходствомъ, съ какою ловкостью разбилъ бы я этого бѣднаго пастора, возсѣдавшаго среди своихъ шести мужиковъ. Жажда власти заглушила въ протестантскомъ духовенствѣ всѣ принципы реформаціи, и чтобы напомнить ихъ ему и заставить его замолчать, мнѣ стоило только объяснить мои первыя «Письма съ горы», за которыя они имѣли глупость осуждать меня. Текстъ былъ готовъ, стоило только распространить его, и какъ смутился бы бѣдняга пасторъ! Я не былъ бы на столько глупъ, чтобы оставаться въ оборонительномъ положеніи, мнѣ было бы легко перейти въ наступательное такъ, чтобы онъ и не замѣтилъ и не могъ бы предупредить этого. Духовенство, столь же легкомысленное, сколько невѣжественное, само поставило меня въ самое счастливое положеніе для разбитія его по моему желанію. Но увы, тутъ нужно было говорить

и говорить немедленно, находить мысли, обороты, слова въ самую минуту потребности въ нихъ, всегда сохранить находчивость, хладнокровіе и ни на минуту не смутиться. На что могъ надѣяться я, такъ хорошо знавшій свою неспособность говорить экспромтомъ? Даже въ Женевѣ, передъ собраніемъ, расположеннымъ въ мою пользу и заранѣе рѣшившимся одобрить всѣ мои доводы, я былъ доведенъ до самаго унизительнаго молчанія, — а здѣсь я вѣдь имѣлъ дѣло съ ябедникомъ, который лукавствомъ замѣнялъ умѣніе, который подставилъ бы мнѣ сто ловушекъ прежде, чѣмъ я замѣтилъ бы одну изъ нихъ, и который рѣшился во что бы то ни стало найти меня виноватымъ. Чѣмъ болѣе я обдумывалъ это положеніе, тѣмъ опаснѣе оно казалось, и, чувствуя невозможность выйти изъ него съ успѣхомъ, я придумалъ другой способъ для этого. Я сочинилъ рѣчь, которую хотѣлъ произнести передъ консисторіей, чтобы опровергнуть ея обвиненія и избавиться отъ необходимости отвѣчать. Дѣло казалось легкимъ: я написалъ эту рѣчь и началъ учить ее наизусть съ безпримѣрнымъ рвеніемъ. Тереза смѣялась надо мной, слыша, какъ я бормоталъ и повторялъ безпрестанно однѣ и тѣ же фразы, стараясь вбить ихъ въ голову. Я надѣялся, что уже знаю свою рѣчь; я зналъ, что владѣлецъ замка въ качествѣ королевскаго чиновника, будетъ присутствовать въ консисторіи и что, не смотря на старанія и угощенія Монмоллена, большая часть старшинъ были хорошо расположены ко мнѣ; на моей сторонѣ были разумъ, истина, справедливость, покровительство короля, авторитетъ государственнаго совѣта, желанія всѣхъ добрыхъ патріотовъ, которыхъ интересовало введеніе этой инквизиціи; все содѣйствовало къ ободренію меня.

Наканунѣ назначеннаго дня я зналъ свою рѣчь наизусть и произносилъ ее безъ ошибки. Всю ночь я припоминалъ ее, а поутру уже забылъ и запинался на каждомъ словѣ; я воображаю себя уже въ знаменитомъ собраніи, смущаюсь, мямлю, теряю голову, наконецъ, почти въ минуту ухода изъ дому, я лишаюсь окончательно бодрости; остаюсь дома и рѣшаюсь написать въ консисторію; въ этомъ письмѣ я привожу на скоро свои доказательства и ссылаюсь на свое нездоровье, которое, дѣйствительно, въ томъ состояніи, въ которомъ я находился, едва ли позволяло бы мнѣ выдержать все засѣданіе.

Пасторъ, озадаченный моимъ письмомъ, отложилъ дѣло до другого засѣданія. Въ этотъ промежутокъ времени онъ употребилъ лично и чрезъ своихъ приверженцевъ всѣ усилія, чтобы привлечь на свою сторону тѣхъ изъ старшинъ, которые, слѣдуя скорѣе внушеніямъ своей совѣсти, чѣмъ его, не были одинаковаго мнѣнія съ духовенствомъ и съ нимъ. Какъ ни сильны были для подобныхъ людей доказательства, доставлявшіяся его погребомъ, — онъ все-таки не могъ привлечь на свою

сторону никого, кромѣ двухъ, или трехъ, и безъ того преданныхъ ему тѣломъ и душей. Королевскій чиновникъ и полковникъ Пюри, который ревностно вмѣшался въ это дѣло, удержали остальныхъ членовъ въ предѣлахъ долга, и когда Монмолленъ хотѣлъ приступить къ отлученію меня, его консисторія, по большинству голосовъ, отказала ему въ этомъ. Тогда, доведенный до необходимости прибѣгнуть къ крайнему средству — возмутить чернь, онъ началъ съ своими собратьями открыто стараться объ устройствѣ этого возмущенія, и съ такимъ успѣхомъ повелъ дѣло, что, не смотря на частые и грозные рескрипты короля, не смотря на всѣ приказы государственнаго совѣта, я былъ наконецъ принужденъ оставить страну, чтобы не подвергать королевскаго чиновника опасности быть убитымъ, защищая меня.

Обо всемъ этомъ дѣлѣ у меня остались такія смутныя воспоминанія, что мнѣ невозможно привести ихъ въ порядокъ и соблюсти между ними какую либо связь; я долженъ передавать ихъ отдѣльно и поодиночкѣ въ томъ порядкѣ, въ которомъ они представляются моему уму. Я помню, что вступилъ съ духовенствомъ въ какіе-то переговоры, въ которыхъ посредникомъ былъ Монмолленъ. Онъ притворился, что опасается, чтобы я своими сочиненіями не возмутилъ спокойствія страны, на которую пала бы отвѣтственность за вольность моихъ идей. Онъ далъ мнѣ понять, что если я обяжусь перестать писать, то на мое прошедшее станутъ смотрѣть сквозь пальцы. Я и самъ рѣшился на это и не задумался повторить это рѣшеніе духовенству, — но съ условіемъ, чтобы оно простиралось только на духовные предметы. Онъ нашелъ средство получить отъ меня подписку въ двухъ экземплярахъ, выставивъ поводомъ къ тому необходимость какихъ-то перемѣнъ. Такъ какъ мое условіе не было принято духовенствомъ, то я потребовалъ назадъ мою подписку; пасторъ отдалъ мнѣ только одну, сказавъ, что потерялъ другой экземпляръ.

Послѣ этого народъ, открыто подстрекаемый духовенствомъ, сталъ смѣяться надъ королевскими рескриптами, надъ приказами государственнаго совѣта и не зналъ болѣе границъ. Обо мнѣ говорили съ каѳедры, меня называли антихристомъ и преслѣдовали въ поляхъ, какъ оборотня. Мое армянское платье служило указаніемъ для черни; я живо чувствовалъ его неудобство, но оставить его при этихъ обстоятельствахъ казалось мнѣ низостью. Я не могъ на это рѣшиться и продолжалъ спокойно разгуливать въ своемъ кафтанѣ и мѣховой шапкѣ, преслѣдуемый криками черни, а иногда и камнями. Часто, проходя мимо домовъ, я слышалъ, какъ живущіе въ нихъ говорили: принесите-ка мнѣ ружье, я выстрѣлю въ него. Я не прибавлялъ отъ этого шагу, что ихъ еще болѣе

бѣсило; но пока они ограничивались только угрозами, по крайней мѣрѣ относительно огнестрѣльнаго оружія.

Во время всѣхъ этихъ треволненій, мнѣ все таки пришлось испытать два большихъ удовольствія, которыя очень тронули меня. Первое состояло въ томъ, что я могъ выразить свою признательность чрезъ посредство милорда маршала. Всѣ честные люди въ Невшателѣ, возмущенные поступками со мной и ухищреніями, которыхъ я дѣлался жертвой, ненавидѣли пасторовъ, чувствуя, что они дѣйствовали по иностраннымъ внушеніямъ и были только орудіями другихъ людей, прятавшихся за ними,—и боясь, чтобы этотъ примѣръ не послужилъ поводомъ къ введенію настоящей инквизиціи. Чиновники, а въ особенности г. Меронъ, преемникъ г. д'Ивернуа въ должности генеральнаго прокурора, употребляли всѣ усилія, чтобы защитить меня. Полковникъ Пюри, хотя частный человѣкъ, сдѣлалъ еще болѣе и успѣлъ лучше. Онъ нашелъ средство заставить провалиться Монмоллена въ консисторіи и удержать старшинъ въ предѣлахъ долга. Такъ какъ онъ пользовался въ городѣ вліяніемъ, то употребилъ его на сколько могъ, чтобы остановить волненіе; но онъ могъ противупоставить только авторитетъ законовъ, справедливости и разума авторитету денегъ и вина. Партія была неравна, и въ этомъ отношеніи Монмолленъ восторжествовалъ надъ нимъ. Тѣмъ не менѣе, благодарный за его старанія и усердія, я хотѣлъ оказать ему услугу за услугу и расчесться съ нимъ какъ нибудь. Я зналъ, что онъ очень желалъ получить мѣсто государственнаго совѣтника; но такъ какъ, по мнѣнію двора, онъ велъ себя нехорошо въ дѣлѣ пастора Птипьерра, то и былъ въ немилости у короля и у губернатора. Я рискнулъ однакоже написать о немъ милорду маршалу; я осмѣлился даже упомянуть о мѣстѣ, котораго онъ желалъ, и дѣло пошло такъ счастливо, что сверхъ всякаго ожиданія, это мѣсто почти тотчасъ было предоставлено ему королемъ. Такъ-то судьба, возносившая и унижавшая меня постоянно въ одно и тоже время, продолжала бросать меня то вверхъ, то внизъ, и между тѣмъ, какъ чернь кидала въ меня грязью, я давалъ мѣсто государственнаго совѣтника.

Другое удовольствіе доставилъ мнѣ пріѣздъ г-жи Верделенъ съ дочерью, которую она привезла на Бурбонскія воды, откуда проѣхала до Мотье, и прожила у меня два или три дня. Своею внимательностью и заботливостью она наконецъ преодолѣла мое давнишнее предубѣжденіе; и сердце мое, покоренное ея ласками, почувствовало къ ней такую же дружбу, какую она давно мнѣ оказывала. Я былъ тронутъ этимъ пріѣздомъ, особенно въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находился и при которыхъ сильно нуждался, для поддержанія бодрости, въ утѣшеніяхъ дружбы.

Я боялся, чтобы она не огорчилась оскорбленіями, наносившимися мнѣ чернью, и хотѣлъ скрыть ихъ отъ нея, чтобы не печалить ея сердца, но не въ силахъ былъ сдѣлать это; и хотя ея присутствіе нѣсколько удерживало дерзкихъ во время нашихъ прогулокъ, но она достаточно видѣла, чтобы понять, что происходило въ другое время. Даже во время ея пребыванія начались ночныя нападенія на мое жилище. Горничная въ одно утро нашла на моемъ окнѣ множество камней, брошенныхъ ночью. Массивная скамейка, стоявшая на улицѣ у моей двери и прикрѣпленная къ землѣ, была снята и приставлена къ двери такъ, что если бы ея не замѣтили, то первый, задумавшій отворить дверь для выхода, былъ бы непремѣнно убитъ. Г-жа Верделенъ знала все, что происходило; кромѣ того, что она видѣла сама, ея довѣренный слуга, бывшій съ ней, имѣлъ много знакомыхъ въ деревнѣ, сходился со всѣми, и его видѣли даже разговаривавшимъ съ Монмолленомъ. Однакоже она, казалось, не обращала вниманія на происходившее, не говорила со мной ни о Монмолленѣ, ни о комъ другомъ и отвѣчала неохотно, если я заговаривалъ съ ней объ этомъ. Только убѣдясь въ томъ, что мнѣ было бы всего лучше жить въ Англіи, она много говорила мнѣ о г. Юмѣ, бывшемъ тогда въ Парижѣ, о его дружбѣ ко мнѣ и о его желаніи быть мнѣ полезнымъ въ своемъ отечествѣ. Пора сказать кое-что о Юмѣ.

Онъ пріобрѣлъ себѣ большую славу во Франціи, а особенно между энциклопедистами, трактатами о торговлѣ и политикѣ, а въ послѣднее время—своей «Исторіей дома Стюартовъ»,—единственнымъ изъ его сочиненій, изъ котораго я кое-что прочелъ въ переводѣ аббата Прево Не читавъ другихъ его сочиненій, я, судя потому, что о немъ говорили, думалъ, что г. Юмъ соединялъ республиканскій образъ мыслей съ англійскими парадоксами въ пользу роскоши. На основаніи этого мнѣнія, я считалъ его апологію Карла I за чудо безпристрастія и имѣлъ такое же хорошее мнѣніе о его добродѣтели, какъ о его дарованіяхъ. Желаніе познакомиться съ этимъ рѣдкимъ человѣкомъ и заслужить его дружбу усилило мое желаніе уѣхать въ Англію, внушенное мнѣ совѣтами г-жи де-Буффлеръ, очень дружной съ Юмомъ. Пріѣхавъ въ Швейцарію, я получилъ отъ него чрезъ посредство этой дамы чрезвычайно любезное письмо, въ которомъ, восхваляя мой геній, онъ приглашалъ меня въ Англію и предлагалъ все вліяніе свое и своихъ друзей, чтобы сдѣлать пріятнымъ мое пребываніе тамъ. Въ Невшателѣ я встрѣтился съ милордомъ маршаломъ, соотечественникомъ и другомъ Юма, подтвердившимъ мнѣ все, что я о немъ думалъ и передавшимъ мнѣ о немъ одинъ литературный анекдотъ, который поразилъ какъ самого маршала, такъ и меня. Валласъ, писавшій противъ Юма о древнихъ населеніяхъ, былъ въ отсутствіи когда его сочиненіе печаталось. Юмъ взялся просматри-

вать корректуры и наблюдать за изданіемъ. Такой поступокъ былъ понятенъ мнѣ. Также точно я вначалѣ переписывалъ, по 6 су за экземпляръ, пѣсню, сочиненную противъ меня. Поэтому я имѣлъ много предубѣжденій въ пользу г. Юма, когда г-жа Верделенъ заговорила со мной о дружбѣ, которую онъ будто бы питалъ ко мнѣ, и о его желаніи угостить меня Англіею, какъ она выражалась. Она сильно убѣждала меня воспользоваться этой услужливостью и написать къ Юму. Такъ какъ у меня не было склонности къ Англіи и я хотѣлъ прибѣгнуть къ переѣзду туда только въ послѣдней крайности, то я отказался писать и давать обѣщанія; но предоставилъ ей дѣлать, что ей заблагоразсудится, чтобы поддержать доброе расположеніе Юма ко мнѣ. Уѣзжая изъ Мотье, она оставила меня убѣжденнымъ всѣмъ тѣмъ, что она говорила объ этомъ знаменитомъ человѣкѣ, что онъ былъ изъ числа моихъ друзей и что она еще дружнѣе съ нимъ.

Послѣ ея отъѣзда Монмолленъ продолжалъ свои маневры и чернь переступила всѣ границы. Я однако же продолжалъ спокойно прохаживаться среди свистковъ, и склонность къ ботаникѣ, которую я пріобрѣлъ отъ доктора д'Ивернуа, придавъ новый интересъ моимъ прогулкамъ, заставляла меня ходить повсюду собирать травы, не обращая вниманія на крики всей этой сволочи, которая еще болѣе раздражалась моимъ хладнокровіемъ. Что меня огорчало болѣе всего,—это то, что семейства моихъ друзей, или людей носившихъ это названіе, довольно открыто принимали участіе въ козняхъ преслѣдователей; такъ поступали, напримѣръ, всѣ д'Ивернуа, не исключая даже отца и брата моей Изабеллы, Буа-де-ла-Туръ, — родственникъ той, у которой я жилъ, и г-жа Жирардіе, его невѣстка.

Этотъ Пьерръ Буа былъ такъ нелѣпъ, такъ глупъ и велъ себя такъ грубо, что для того, чтобы не сердиться на него, я позволилъ себѣ посмѣяться надъ нимъ и написалъ въ духѣ «Маленькаго Пророка» небольшую брошюру въ нѣсколько страницъ подъ заглавіемъ: «Видѣніе Петра Горца, прозваннаго прозорливцемъ;» въ ней я нашелъ средство посмѣяться довольно забавно надъ чудесами, служившими тогда главнымъ предлогомъ къ моему преслѣдованію. Дю-Пейру напечаталъ эту брошюру въ Женевѣ, но она имѣла очень мало успѣха въ Невшателѣ, такъ какъ невшательцы, при всемъ своемъ умѣ, не понимаютъ нисколько аттической соли и шутки, коль скоро она немного тонка.

Я приложилъ нѣсколько болѣе старанія къ другому сочиненію, написанному мною въ тоже время и которое находится въ рукописи между моими бумагами; о поводѣ, по которому оно написано, я долженъ разсказать здѣсь.

Въ самый сильный разгаръ преслѣдованій и декретовъ, особенно

отличались женевцы, кричавшіе изо всѣхъ силъ, и мой другъ Вернъ. между прочимъ, выбралъ именно это время, чтобы выпустить свои письма, въ которыхъ онъ старался доказать, что я не христіанинъ. Эти письма, написанныя самодовольнымъ тономъ, не сдѣлались отъ того лучшими, хотя многіе увѣряли, что натуралистъ Боне приложилъ къ нимъ свою руку,—потому что этотъ Боне, хотя матеріалистъ, дѣлается самымъ ярымъ идеалистомъ, какъ скоро дѣло коснется до меня. Я, конечно, не имѣлъ желанія отвѣчать на это сочиненіе; но когда представился случай сказать о немъ слово въ «Письмахъ съ Горы», то я помѣстилъ въ нихъ маленькое примѣчаніе, довольно презрительное, которое довело Верна до бѣшенства. Онъ наполнялъ Женеву своими яростными криками, и д'Ивернуа писалъ ко мнѣ, что онъ внѣ себя отъ бѣшенства. Нѣсколько времени спустя, явился анонимный листокъ, написанный, повидимому, вмѣсто чернилъ водою Флегетона. Въ этомъ листкѣ меня обвиняли въ томъ, что я бросилъ своихъ дѣтей на улицѣ, что я вожу съ собою казарменную развратницу, что я истощенъ развратомъ, гнію отъ венерической болѣзни, —и разныя другія прелести. Мнѣ не трудно было угадать, кто авторъ. Первою мыслью, пришедшею мнѣ въ голову при чтеніи этой книженки, было оцѣнить по достоинству все, что люди называютъ славой и репутаціей; да и какъ было не сдѣлать этого, когда я увидѣлъ, что называли посѣтителемъ публичныхъ домовъ человѣка, не бывавшаго тамъ ни разу въ жизни, котораго главный недостатокъ состоялъ въ робости и дѣвственной стыдливости, и что называли гніющимъ отъ венерической болѣзни меня, который во всю свою жизнь не только не имѣлъ ни малѣйшихъ припадковъ этой болѣзни, но о которомъ медики думали, что онъ сложенъ такъ, что совсѣмъ не могъ получить ее. Обсудивъ все хорошенько, я пришелъ къ заключенію, что нельзя лучше опровергнуть этотъ пасквиль, какъ напечатавъ его въ городѣ, гдѣ я долѣе всего жилъ, и потому послалъ къ Дюшену для напечатанія его, какъ онъ есть, съ моимъ предисловіемъ, въ которомъ я назвалъ по имени г. Верна, и съ нѣсколькими короткими примѣчаніями для объясненія фактовъ. Не довольствовавшись этимъ распоряженіемъ, я разослалъ напечатанные экземпляры ко многимъ лицамъ, и между прочимъ, къ принцу Людвигу Виртембергскому, который былъ хорошо расположенъ ко мнѣ и съ которымъ я былъ тогда въ перепискѣ. Этотъ принцъ, Дю-Пейру и другіе усомнились, чтобы Вернъ былъ авторомъ пасквиля и порицали меня за то, что я слишкомъ легкомысленно назвалъ его. Вслѣдствіе замѣчаній сомнѣніе взяло и меня самого; я написалъ къ Дюшену, чтобы онъ уничтожилъ этотъ листъ. Гюи написалъ мнѣ, что мое желаніе исполнено; не знаю, правда ли; онъ столько разъ лгалъ, что не диво было бы, если бы онъ солгалъ и теперь; послѣ того

меня окружила та глубокая тьма, сквозь которую мнѣ невозможно разглядѣть ни одной истины.

Вернъ перенесъ это обвиненіе съ умѣренностью, болѣе чѣмъ удивительной въ человѣкѣ, который не заслужилъ бы его; особенно удивляла она послѣ ярости, выказывавшейся имъ до этого. Онъ написалъ мнѣ два или три очень умѣренныя письма, имѣвшія, какъ мнѣ показалось, цѣлью узнать по моимъ отвѣтамъ, что̀ именно я знаю, и нѣтъ ли у меня доказательствъ противъ него. Я послалъ ему два отвѣта, короткіе, сухіе, грубые по смыслу, но вѣжливые по выраженіямъ, на которые онъ не разсердился. На третье его письмо, я, видя, что онъ хочетъ завязать родъ переписки, не отвѣчалъ ничего; онъ просилъ д'Ивернуа поговорить со мной. Г-жа Крамеръ написала къ дю-Пейру, что она увѣрена, что не Вернъ написалъ этотъ пасквиль. Все это не поколебало моей увѣренности; но такъ какъ наконецъ я все таки могъ ошибиться и въ такомъ случаѣ обязанъ былъ дать Верну публичное удовлетвореніе, то я поручилъ д'Ивернуа сказать ему, что онъ останется доволенъ этимъ удовлетвореніемъ, если укажетъ мнѣ настоящаго автора пасквиля, или по крайней мѣрѣ докажетъ, что не онъ этотъ авторъ. Я сдѣлалъ болѣе: сознавая, что если бы онъ былъ не виновенъ, то я не имѣлъ бы права требовать отъ него доказательствъ,—я рѣшился изложить въ довольно обширной запискѣ причины моей увѣренности и отдать ихъ на судъ такого посредника, котораго Вернъ не могъ бы отвести. Никто не угадалъ бы, какого посредника я выбралъ: женевскій совѣтъ. Я объяснилъ въ концѣ записки, что если совѣтъ, по разсмотрѣніи ея и по собраніи всѣхъ свѣдѣній, которыя онъ сочтетъ нужными и которыя ему легко собрать, рѣшитъ что г. Вернъ не авторъ пасквиля, то въ ту же минуту я искренно перестану думать, что онъ написалъ его, отправлюсь броситься къ его ногамъ и буду просить у него прощенія до тѣхъ поръ, пока получу. Смѣю сказать, никогда моя горячая привязанность къ справедливости, никогда моя прямота и мое великодушіе, никогда моя вѣра въ любовь къ правосудію, врожденную всѣмъ людямъ, не выказались полнѣе и ощутительнѣе, чѣмъ въ этой мудрой и трогательной запискѣ, въ которой я, не колебаясь, призывалъ самыхъ непримиримыхъ своихъ враговъ въ судьи между клеветникомъ и мной. Я прочелъ эту записку дю-Пейру; онъ посовѣтовалъ отложить ее, и я послушался. Онъ посовѣтовалъ подождать доказательствъ, обѣщанныхъ Верномъ; я началъ ждать и жду до сихъ поръ. Онъ посовѣтовалъ молчать въ ожиданіи; я замолчалъ и буду молчать всю остальную жизнь, обвиняемый въ томъ, что взвелъ на Верна важное, ложное и бездоказательное обвиненіе, хотя внутренно я увѣренъ, убѣжденъ, какъ въ собственномъ существованіи, что онъ авторъ пасквиля. Моя записка въ рукахъ г. дю-Пейру: если когда ни-

будь она выйдетъ въ свѣтъ, изъ нея увидятъ мои доводы и, надѣюсь, узнаютъ душу Жанъ-Жака, которую не хотѣли понять его современники.

Пора перейти къ моей катастрофѣ въ Мотье и къ моему отъѣзду изъ Валь-де-Травера, послѣ того какъ я два съ половиной года пробылъ тамъ и въ теченіи восьми послѣднихъ мѣсяцевъ съ непоколебимымъ терпѣньемъ переносилъ самыя гнусныя оскорбленія. Я не могу припомнить совершенно ясно подробности этого непріятнаго времени, но ихъ можно найти въ разсказѣ дю-Пейру объ этой эпохѣ.

Со времени отъѣзда г-жи Верделенъ волненіе все усиливалось и, не смотря на неоднократные указы короля, на частые приказы государственнаго совѣта, на старанія владѣльца и мѣстныхъ чиновниковъ, — народъ, серьезно смотрѣвшій на меня какъ на анархиста, и видя, что всѣ его крики безполезны, рѣшился, кажется, перейти къ дѣлу; на улицѣ камни начинали уже летать около меня, хотя ихъ пускали покамѣсть слишкомъ издалека для того, чтобы они могли попасть въ цѣль Наконецъ, въ ночь наканунѣ ярмарки въ Мотье, которая бываетъ въ началѣ сентября, на меня сдѣлали въ моемъ домѣ нападеніе, подвергшее опасности жизнь обитателей его.

Въ полночь я услышалъ большой шумъ въ галлереѣ, которая проходила сзади дома. Камни, брошенные въ окно и въ дверь, выходившія на эту террасу, упали на нее съ такимъ шумомъ, что моя собака, спавшая въ галлереѣ и начавшая было лаять, замолчала со страху и забилась въ уголъ. Я всталъ и хотѣлъ выйти изъ своей комнаты въ кухню, какъ вдругъ пущенный сильной рукой камень влетѣлъ въ кухню, разбилъ окно, отворилъ дверь моей комнаты и упалъ у кровати такъ что если бы я поторопился одной секундой, то камень попалъ бы мнѣ въ желудокъ. Я разсудилъ, что шумъ произведенъ былъ съ намѣреніемъ вызвать меня, а камень брошенъ для того, чтобы привѣтствовать меня при выходѣ. Я бросаюсь въ кухню и нахожу тамъ Терезу, которая тоже встала и, вся дрожа, бѣжала ко мнѣ.

Мы прислонились къ стѣнѣ, которая была внѣ направленія окна, чтобы избѣжать ударовъ камней и посовѣтоваться о томъ, что дѣлать, потому что выйти и кликнуть помощь было вѣрнымъ средствомъ подвергнуть себя убійству. Къ счастію, шумъ разбудилъ служанку стараго добряка, жившаго надо мною, и она побѣжала за владѣльцемъ дома, съ которымъ мы квартировали дверь о дверь. Онъ вскакиваетъ съ постели, надѣваетъ наскоро халатъ, и тотчасъ является съ стражею, которая по случаю ярмарки ходила дозоромъ всю ночь и въ эту минуту была по близости. Хозяинъ, при видѣ разоренія, поблѣднѣлъ отъ ужаса и, взглянувъ на камни, которыми была наполнена галлерея, воскликнулъ: «Боже мой, да это сущая каменоломня»! При осмотрѣ нижняго

этажа нашли, что калитка одного изъ маленькихъ дворовъ была выломана и что старались проникнуть въ домъ черезъ галлерею. Когда стали розыскивать, отчего стража не замѣтила этого или не воспрепятствовала такому безпорядку, то оказалось, что стража Мотье не хотѣла дѣлать обходъ, лежащій внѣ ея обязанностей, такъ какъ очередь была за другой деревней. На другой день хозяинъ отправилъ рапортъ въ государственный совѣтъ, который черезъ два дня приказалъ ему произвести слѣдствіе по этому дѣлу, обѣщая награду и тайну тому, кто донесетъ на виновныхъ, а покуда поставить на счетъ принца часовыхъ къ моему дому. На другой день полковникъ де-Пюри, генералъ прокуроръ Меронъ, Мартине, сборщикъ Гюине, казначей д'Ивернуа и его отецъ, словомъ, всѣ порядочные люди навѣстили меня и всѣ вмѣстѣ старались уговорить уступить бурѣ и оставить хотя на время мѣстность, гдѣ я уже не могъ жить въ безопасности и сохраняя свое достоинство. Я даже замѣтилъ, что владѣлецъ замка, испуганный яростью бѣшенаго народа и боясь, чтобъ она не простерлась и на него, былъ бы очень радъ, еслибъ я поскорѣе уѣхалъ, чтобы не имѣть нужды покровительствовать мнѣ, и самому, если возможно, оставить приходъ, что онъ и сдѣлалъ послѣ моего отъѣзда. И такъ я уступилъ, и даже безъ особеннаго труда, потому что зрѣлище народной ненависти доставляло мнѣ сердечное мученье, переносить которое я уже не имѣлъ силы.

Моему выбору предстояло нѣсколько убѣжищъ. Со времени возвращенія въ Парижъ г-жи де-Верделенъ, она во многихъ своихъ письмахъ говорила мнѣ о нѣкоемъ г. де-Вальполѣ, котораго называла милордомъ. Горячо принимая во мнѣ участіе, онъ предлагалъ мнѣ пристанище въ одномъ изъ своихъ помѣстій. Г-жа де-Верделенъ дѣлала самыя пріятныя описанія этого убѣжища, входя при этомъ въ подробности, которыя доказывали, до какой степени этотъ милордъ Вальполь занимался вмѣстѣ съ нею проектомъ моего переселенія туда. Милордъ маршалъ всегда совѣтовалъ мнѣ поселиться въ Англіи и Шотландіи и также предлагалъ мнѣ тамъ убѣжище въ своемъ помѣстьи; но онъ вмѣстѣ съ этимъ предлагалъ и другое, которое меня тянуло гораздо больше, — именно въ Потсдамѣ, гдѣ онъ самъ жилъ. Онъ очень не задолго передалъ мнѣ одно выраженіе короля, сказанное на мой счетъ, и которое было чѣмъ-то въ родѣ приглашенія пріѣхать туда, а принцесса саксенъ-готская такъ разсчитывала на этотъ пріѣздъ, что даже написала ко мнѣ, чтобы поторопить меня и попросить проѣздомъ остановиться на нѣкоторое время у нея. Но я былъ такъ сильно привязанъ къ Швейцаріи, что не могъ рѣшиться оставить ее до тѣхъ поръ, пока у меня была бы возможность жить въ ней, и это время я употребилъ на выполненіе проекта,

которымъ я былъ занятъ уже нѣсколько мѣсяцевъ и о которомъ еще не говорилъ, потому что не могъ прервать нити моего разсказа.

Этотъ проектъ состоялъ въ томъ, что я хотѣлъ поселиться на островѣ святаго. Петра, собственности. бернскаго госпиталя, въ срединѣ озера Біенскаго. Въ одно изъ пѣшеходныхъ путешествій, которыя я предпринималъ въ предыдущее лѣто вмѣстѣ съ дю-Пейру, мы посѣтили этотъ островъ, и я былъ такъ очарованъ имъ, что съ тѣхъ поръ не переставалъ думать о возможности устроить тамъ мое жилище. Наибольшее къ тому препятствіе состояло въ томъ, что островъ принадлежалъ бернцамъ, которые, три года тому назадъ, оскорбительно гнали меня отъ себя. Но и кромѣ того, что гордость моя страдала при мысли, что мнѣ нужно возвратиться къ людямъ, такъ дурно меня принявшимъ, я еще боялся, что они не оставятъ меня въ покоѣ, какъ это случилось въ Иверденѣ. Я посовѣтовался объ этомъ съ милордомъ маршаломъ, который тоже полагалъ, что бернцы будутъ очень рады сослать меня на этотъ островъ, чтобы держать меня тамъ, какъ залогъ, за всѣ сочиненія, которыя мнѣ вздумалось бы написать, и поручилъ развѣдать о ихъ намѣреніяхъ на этотъ счетъ г. Стюрлеру, его давнишнему сосѣду въ Коломбье. Г. Стюрлеръ обратился къ бернскимъ властямъ, и, основываясь на ихъ отвѣтѣ, увѣрилъ милорда маршала, что бернцы, стыдясь своего прежняго поведенія, ничего лучшаго не желали, какъ видѣть меня на островѣ святаго Петра и оставить тамъ меня въ покоѣ. Для большей предосторожности, прежде чѣмъ отправиться туда на житье, я поручилъ полковнику Шалле навести новыя справки; онъ подтвердилъ мнѣ тоже самое,—и когда сборщикъ острова получилъ отъ начальства дозволеніе помѣстить меня тамъ, я счелъ возможнымъ, не рискуя, поселиться у него; правда, ни государь, ни собственники острова не дали своего согласія на это въ гласной формѣ, но я, конечно, и не могъ надѣяться на то, чтобы господа бернцы открыто сознались въ сдѣланной мнѣ несправедливости и погрѣшили бы такимъ образомъ противъ ненарушимаго правила всѣхъ властителей.

Островъ св. Петра, называемый въ Невшателѣ островомъ де-ла-Мотъ, лежитъ посреди озера де-Біенна и имѣетъ въ окружности не болѣе полумили; но на этомъ маленькомъ пространствѣ находятся всѣ главнѣйшіе жизненные продукты. На немъ есть поля, луга, фруктовые сады, рощи, виноградники, и все это, соединенное съ красотою разнообразнаго и гористаго мѣстоположенія, представляетъ тѣмъ болѣе пріятное сочетаніе частей, что всѣ онѣ, открываясь постепенно, возвышаютъ взаимно свои прелести и заставляютъ предполагать, что островъ гораздо обширнѣе, чѣмъ каковъ онъ въ самомъ дѣлѣ. Очень возвышенная терраса образуетъ западную часть острова, которая обращена къ

Глересу и Бонвилю. Эту террасу украсили длинной аллеей, перерѣзанной въ срединѣ большою залою, гдѣ при сборѣ винограда собираются по воскресеньямъ со всѣхъ сосѣднихъ береговъ потанцовать и повеселиться. На всемъ островѣ только одинъ домъ, но просторный и удобный и построенный въ углубленіи, которое скрываетъ его отъ вѣтра. Въ немъ живетъ сборщикъ податей.

Въ пяти или шестистахъ шагахъ отъ острова, съ южной стороны, есть еще островъ, гораздо меньше перваго, невоздѣланный, безплодный, и, какъ кажется, оторванный отъ большаго бурями. Изъ царства растеній здѣсь находятся только сосны и почечуйная трава, но на немъ однако есть холмикъ довольно возвышенный, покрытый дерномъ и очень красивый. Форма этого озера почти совершенно правильный овалъ. Его берега не столь богатые, какъ берега озеръ Женевскаго и Невшательскаго, не лишены однако довольно привлекательной обстановки, особенно западная его часть, очень заселенная и окаймленная виноградниками у подножія горной цѣпи, въ родѣ того, какъ въ Котъ-Роти, но не дающими такихъ же хорошихъ винъ. Здѣсь, по направленію съ юга на сѣверъ, въ концѣ озера, лежатъ округи Сенъ-Жанъ, Бонвиль, Біеннъ и Нидай, и все это перемѣшано съ очень красивыми деревеньками.

Таково было убѣжище, о которомъ я позаботился для себя и въ которомъ рѣшился поселиться, оставивъВаль-де Траверъ [1]). Этотъ выборъ такъ согласовался съ моими миролюбивыми вкусами, съ моей наклонностью къ уединенію и лѣни, что я причисляю его къ тѣмъ сладостнымъ мечтаніямъ, къ которымъ я наиболѣе пристращался. Мнѣ казалось, что на этомъ островѣ я всего болѣе буду разлученъ съ людьми, всего болѣе защищенъ отъ ихъ оскорбленій, забытъ ими, однимъ словомъ, что здѣсь я, болѣе чѣмъ гдѣ либо, буду имѣть возможность предаться прелести бездѣлія и созерцательной жизни. Я бы хотѣлъ такъ укрыться на этомъ островѣ, чтобы у меня прекратились всякія отношенія съ смертными; и дѣйствительно, я принялъ всѣ возможныя мѣры для избѣжанія необходимости этихъ сношеній.

Однако надо было чѣмъ нибудь существовать; какъ по дороговизнѣ припасовъ, такъ и по трудности доставки ихъ жизнь на островѣ стоила очень дорого, и къ тому же его жители находились въ зависимости

---

[1]) Не лишнимъ, можетъ быть, будетъ замѣтить, что я оставилъ здѣсь врага, нѣкоего дю-Терро, мера въ Верріерѣ, не пользовавшагося большимъ уваженіемъ въ странѣ; но у него былъ братъ, котораго считали честнымъ человѣкомъ. Онъ служилъ въ канцеляріи г. де Сенъ-Флорентена. Меръ ѣздилъ видѣться съ нимъ не задолго до моей катастрофы. Подобныя маленькія замѣчанія, ничего не значa сами по себѣ, могутъ привести впослѣдствіи къ открытію многихъ интригъ.

отъ сборщика податей. Это затрудненіе было уничтожено сдѣлкою, которую заключилъ со мною дю-Пейру, замѣнивъ собою компанію, взявшуюся было за полное изданіе моихъ сочиненій. Я вручилъ ему всѣ матеріалы для этого изданія. Я самъ собралъ ихъ и распредѣлилъ, прибавивъ къ нимъ обязательство отдать ему записки о моей жизни, и вообще вручилъ ему на сбереженіе всѣ мои бумаги только съ непремѣннымъ условіемъ сдѣлать изъ нихъ употребленіе не иначе, какъ послѣ моей смерти, потому что я душевно желалъ окончить мою карьеру въ спокойствіи, не напоминая болѣе о себѣ публикѣ. Вслѣдствіе этого распоряженія пожизненный пенсіонъ, который дю-Пейру обязался мнѣ выплачивать, сдѣлался достаточнымъ для моего существованія. Милордъ маршалъ, которому были возвращены всѣ его помѣстья, предложилъ мнѣ одно изъ нихъ въ 1,200 франковъ; я принялъ его, уменьшивъ его до половины. Онъ хотѣлъ прислать мнѣ его стоимость деньгами, но я отказался, потому что затруднялся, куда помѣстить ихъ. Тогда онъ передалъ этотъ капиталъ дю-Пейру, въ рукахъ котораго онъ и остался; съ капитала онъ платитъ мнѣ пожизненный доходъ по условію, заключенному съ маршаломъ. И такъ, соединивъ вмѣстѣ мой договоръ съ дю-Пейру, пенсіонъ милорда маршала, двѣ трети котораго должны были перейти къ Терезѣ послѣ моей смерти, и доходъ въ 300 франковъ, получавшійся мною отъ Дюшена, я могъ разсчитывать на честное существованіе для себя и, послѣ своей смерти, для Терезы, которой я оставлялъ 700 франковъ дохода, какъ отъ пенсіона Рея, такъ и отъ пенсіона милорда маршала. Мнѣ, стало быть, нечего было бояться, что я или она останемся безъ куска хлѣба. Но видно судьбою было назначено, чтобы честь заставляла меня отказываться отъ всѣхъ источниковъ благосостоянія и чтобы я умеръ такимъ же бѣднякомъ, какимъ былъ при жизни. Всякій пойметъ, могъ-ли я, не сдѣлавшись послѣднимъ изъ подлецовъ, выполнять условія, которыя всегда имѣли въ виду сдѣлать меня безчестнымъ, потому что отнимали у меня всѣ другіе рессурсы, чтобы заставить меня согласиться на безчестіе. Какъ могли эти люди сомнѣваться, какое рѣшеніе приму я въ этомъ случаѣ! Они всегда судили о моемъ сердцѣ по своему собственному.

Успокоенный относительно средствъ существованія, я не заботился уже ни о чемъ другомъ. Хотя въ свѣтѣ я и предоставлялъ свободное поле своимъ врагамъ, но въ благородномъ энтузіазмѣ, подъ вліяніемъ котораго я писалъ всѣ мои сочиненія, и въ постоянной неизмѣнности омихъ правилъ, я оставилъ такое свидѣтельство о моей душѣ, которое соотвѣтствовало свидѣтельству, дававшемуся о ней всѣмъ моимъ поведеніемъ. Я не нуждался въ другой защитѣ противъ моихъ клеветниковъ. Они могли описывать подъ моимъ именемъ другого человѣка, но

могли этимъ обмануть только тѣхъ, которые желали быть обмануты. Я могъ предоставить имъ хулить всю мою жизнь, потому что былъ увѣренъ, что, не смотря на мои ошибки, мои слабости, мою неспособность переносить всякое стѣсненіе, все таки всякій найдетъ во мнѣ человѣка справедливаго, добраго, безъ желчи, безъ ненависти, безъ зависти, — человѣка, способнаго быстро сознаваться во всѣхъ проступкахъ, и еще болѣе способнаго быстро забывать проступки другихъ, — человѣка, находившаго все свое счастіе въ спокойствіи и дружбѣ и доводившаго во всемъ искренность до неосторожности, даже до самаго невообразимаго самоотреченія.

Итакъ, я въ нѣкоторомъ родѣ разставался съ моимъ вѣкомъ и моими современниками; я прощался со свѣтомъ, рѣшившись заточить себя на островѣ на всю остальную жизнь. Тамъ разсчитывалъ я привести въ исполненіе мой великій планъ праздной жизни, которому я напрасно посвятилъ всю небольшую долю дѣятельности, дарованной мнѣ небомъ. Этотъ островъ долженъ былъ сдѣлаться для меня островомъ Папиманіей, той счастливой страной, гдѣ люди спятъ «и даже больше того, — гдѣ они ничего не дѣлаютъ».

Это больше того было для меня все; потому что я никогда особенно не любилъ спать, для меня достаточно было праздности: лишь бы ничего не дѣлать, а грезить я больше люблю на яву, чѣмъ во снѣ. Лѣта романическихъ плановъ прошли, дымъ пустого тщеславія скорѣе отуманивалъ меня, чѣмъ льстилъ мнѣ, мнѣ оставалась одна, послѣдняя надежда — жить безъ принужденія въ вѣчной праздности. Это жизнь блаженныхъ на томъ свѣтѣ, а я отнынѣ полагалъ въ ней мое высочайшее счастіе въ этомъ мірѣ.

Тѣ, которые упрекаютъ меня въ столькихъ противорѣчіяхъ, упрекнутъ меня еще въ одномъ. Я говорилъ, что праздность кружковъ дѣлала ихъ несносными для меня, а теперь я самъ ищу уединенія, единственно для того, чтобы предаваться праздности. Однако же я таковъ; если есть въ этомъ противорѣчіе, такъ это дѣло природы, а не мое; но его впрочемъ такъ мало, что именно черезъ него-то я и вѣренъ самому себѣ. Праздность кружковъ убійственна, потому что она вынуждена, праздность уединенія очаровательна, потому что она свободна и зависитъ отъ собственной воли. Въ собраніи мнѣ кажется жестокимъ ничего не дѣлать, именно потому, что я принужденъ къ тому. Тутъ необходимо, чтобы я оставался пригвожденнымъ къ стулу, или стоялъ какъ столбъ, на указанномъ мѣстѣ, не шевеля ни рукой, ни ногой, не смѣя ни бѣгать, ни прыгать, ни пѣть, ни кричать, когда мнѣ этого хочется, не смѣя даже мечтать, чувствуя въ одно и тоже время всю скуку праздности и всѣ муки стѣсненія, обязанный быть внимательнымъ ко всѣмъ глупостямъ,

которыя говорятся и ко всѣмъ комплиментамъ, которые расточаются, и безпрестанно вынужденный утомлять мою Минерву, чтобы и въ свою очередь не преминуть сказать глупую шутку и ложь. И вы называете это праздностью! Да это работа каторжника!

Праздность, которую я люблю, не есть праздность лѣнивца, который, сложа руки, остается въ совершенномъ бездѣйствіи, ни о чемъ не думая, ничего не дѣлая. Это праздность ребенка, находящагося безпрестанно въ движеніи и все таки ничего не дѣлающаго, и праздность болтуна, который мелетъ всякій вздоръ, между тѣмъ какъ руки его остаются въ покоѣ. Я люблю заниматься пустяками, начинать сто вещей и не кончать ни одной, ходить куда вздумается, каждую минуту перемѣнять планы, слѣдить за мухой во всѣхъ ея пріемахъ, желать сдвинуть скалу, чтобы посмотрѣть, что подъ нею, съ жаромъ предпринять работу, которой хватитъ на десять лѣтъ, и бросить ее черезъ десять минутъ, цѣлый день предаваться бездѣлью безъ порядка и безъ послѣдовательности и во всемъ подчиняться только минутному капризу.

Ботаника въ томъ видѣ, въ какомъ я всегда смотрѣлъ на нее и въ какомъ она начинала становиться для меня страстью, была именно праздною наукою, способной наполнить пустоту моего свободнаго времени, не оставляя мѣста ни бреду воображенія, ни скукѣ свободнаго бездѣлья. Лѣниво бродить по рощамъ и деревнѣ, машинально срывать то тутъ, то тамъ, то цвѣтокъ, то вѣтку, ѣсть не въ указанное время, а почти случайно, тысячу и тысячу разъ наблюдать однѣ и тѣже вещи и всегда съ одинаковымъ интересомъ—этого было достаточно для меня, чтобы провести всю жизнь, не соскучившись ни на минуту. Какъ ни изящно, какъ ни удивительно, какъ ни разнообразно устройство растеній, оно не можетъ на столько поразить невѣжественный глазъ, чтобы заинтересовать его. Это постоянное сходство и въ тоже время это удивительное разнообразіе, господствующее въ ихъ организаціи, восхищаетъ только тѣхъ, которые уже имѣютъ нѣкоторое понятіе о растительной системѣ. Другіе, при видѣ всѣхъ этихъ сокровищъ природы, не чувствуютъ ничего, кромѣ тупого и монотоннаго удивленія. Они ничего не видятъ въ подробности, потому что даже не знаютъ—на что нужно смотрѣть; они не видятъ также и цѣлаго, потому что не имѣютъ никакого понятія о той цѣпи отношеній и комбинацій, которая поражаетъ своими чудесами умъ наблюдателя. Благодаря слабости моей памяти, я постоянно имѣлъ счастіе знать такъ немного, что все казалось мнѣ новымъ, и однако же я зналъ на столько, что все мнѣ было интересно. Различныя почвы, на которыя былъ раздѣленъ островъ, хотя и маленькій, представляли достаточное разнообразіе растеній для изученія и развлеченія на всю мою жизнь. Я не хотѣлъ оставить ни одной нити въ травѣ безъ анализа, и

сбирался уже составить огромный сборникъ любопытныхъ наблюденій, подъ заглавіемъ «Flora Petrinsularis». Я выписалъ Терезу съ моими вещами и книгами. Мы помѣстились на хлѣба къ сборщику острова. У его жены были въ Нидау сестры, которыя поочередно пріѣзжали навѣщать ее и составляли общество для Терезы. Тутъ я жилъ нѣкоторое время той тихой жизнью, которую мнѣ хотѣлось бы проводить до самой смерти,—но я полюбилъ ее только за тѣмъ, чтобы еще сильнѣе почувствовать горечь той жизни, которая должна была такъ быстро послѣдовать за нею.

Я всегда страстно любилъ воду и видъ ея повергалъ меня въ сладостную, мечтательность. Въ хорошую погоду я никогда не пропускалъ случая проснувшись, сбѣгать на террасу подышать чистымъ и здоровымъ воздухомъ утра и посмотрѣть на горизонтъ озера. Горы и берега, окаймлявшіе его, очаровывали мое зрѣніе. По моему мнѣнію, восхваленіе божества ни въ чемъ не можетъ выразиться такъ, какъ въ нѣмомъ удивленіи, которое возбуждается въ насъ созерцаніемъ его твореній и не выражается никакимъ дѣйствіемъ. Я понимаю, почему жители городовъ, видя передъ собою только стѣны, улицы и преступленія, имѣютъ мало вѣры; но я не понимаю, какимъ образомъ деревенскіе жители и особенно отшельники могутъ не имѣть ея. Какъ могутъ души ихъ сто разъ въ день не возноситься въ восторгѣ къ Создателю чудесъ, поражающихъ ихъ! Что касается до меня, то я, особенно при вставаньи, истомленный моими безсонницами, и вслѣдствіе долгой привычки, отдаюсь этимъ сердечнымъ изліяніямъ, не утомляющимъ ума. Но для этого нужно, чтобы глаза мои были поражены восхитительнымъ видомъ природы. Въ комнатѣ я любуюсь рѣже и равнодушнѣе, но при видѣ красиваго пейзажа я чувствую себя умиленнымъ, не будучи въ состояніи сказать, чѣмъ именно. Я слышалъ, что одинъ умный епископъ, при посѣщеніи своей епархіи, встрѣтилъ старуху, которая вмѣсто всякой молитвы умѣла говорить только: о!—Епископъ сказалъ ей: «добрая женщина, продолжайте всегда такъ молиться, ваша молитва лучше нашихъ.» Эта лучшая молитва есть также и моя.

Послѣ завтрака я съ досадою писалъ нѣсколько несчастныхъ писемъ, горячо ожидая той счастливой минуты, когда не нужно будетъ вовсе писать ихъ. Я суетился нѣсколько минутъ около моихъ книгъ скорѣе затѣмъ, чтобы разобрать и убрать ихъ, чѣмъ для того, чтобъ почитать,—и эта уборка, превращавшаяся для меня въ работу Пенелопы, доставляла мнѣ удовольствіе заняться пустяками на нѣсколько минутъ, послѣ чего я скучалъ ими и бросалъ; три или четыре часа, которые оставались мнѣ еще отъ утра, я проводилъ въ изученіи ботаники и особенно системы Линнея, къ которой я почувствовалъ такую страсть, что

не могъ излечиться отъ нея даже тогда, когда узналъ всю ея пустоту. По моему мнѣнію, только этотъ великій наблюдатель и его собратъ по занятію, Людвигъ, до нынѣшняго времени смотрѣли на ботанику, какъ натуралисты и философы; но Линней слишкомъ много изучалъ ее по гербаріямъ и въ садахъ, и слишкомъ мало въ самой природѣ. Что касается до меня, то весь островъ служилъ мнѣ садомъ; какъ только мнѣ нужно было сдѣлать или повѣрить какое нибудь наблюденіе, я бѣжалъ въ лѣсъ, или на лугъ, съ книгой подъ мышкою; тамъ я ложился на землю подлѣ растенія и разсматривалъ его сколько угодно, въ его настоящемъ видѣ. Эта метода много помогла мнѣ ознакомиться съ растеніями въ ихъ натуральномъ видѣ, прежде чѣмъ рука человѣка воспитала и исказила ихъ. Говорятъ, что Фагонъ, главный докторъ Людовика XIV, отлично знавшій и называвшій по имени каждое растеніе въ королевскомъ саду, оказался совершеннымъ невѣждою въ чистомъ полѣ; тамъ онъ ничего не зналъ. Я какъ разъ напротивъ: понимаю кое что въ дѣлѣ природы и ровно ничего въ дѣлѣ садовника.

Послѣ обѣденнаго времени я оставался въ совершенной праздности и удовлетворялъ потребностямъ минуты безъ всякихъ правилъ и порядка. Часто, въ тихую погоду, я тотчасъ послѣ обѣда кидался въ маленькую лодку и, управляя ею однимъ весломъ, чему выучилъ меня сборщикъ податей, выплывалъ на середину озера. Минута, въ которую я отчаливалъ, доставляла мнѣ радость, доходившую до содроганія и причину которой мнѣ невозможно ни сказать, ни понять; можетъ быть, это было тайное блаженство отъ сознанія, что въ этомъ положеніи злые люди не могли посягнуть на меня. Потомъ я плавалъ по озеру, иногда приближаясь къ берегу, но никогда не приставая къ нему. Часто оставляя мою лодку на произволъ вѣтра и воды, я предавался безпредметнымъ мечтаніямъ. Если они были глупы, то это не мѣшало имъ быть сладостными. Я съ умиленіемъ восклицалъ иногда: «О природа! о моя мать! вотъ я подъ единственнымъ твоимъ надзоромъ; здѣсь нѣтъ хитрыхъ и злыхъ людей, которые стали бы между мною и тобою».

Такимъ образомъ, я иногда удалялся на полмили отъ берега и въ эти минуты желалъ, чтобъ это озеро было океаномъ. Однако въ угоду моей бѣдной собакѣ, которая не любила такихъ долгихъ остановокъ на водѣ, я обыкновенно выходилъ на берегъ на маленькомъ островѣ и гулялъ часъ или два, или же, растянувшись на вершинѣ холма, съ наслажденіемъ смотрѣлъ на это озеро и его окрестности, разглядывалъ и разбиралъ всякую травку, которую я могъ достать, и строилъ въ умѣ, подобно второму Робинзону, жилище на этомъ островкѣ. Я очень пристрастился къ этому пригорку. Когда мы отправлялись туда съ Терезой, женой сборщика и ея сестрами, какъ я гордился, что могъ быть ихъ

кормчимъ и проводникомъ! Мы торжественно перевезли туда кроликовъ, чтобы заселить ими островъ,—новый праздникъ для Жанъ-Жака. Это населеніе сдѣлало для меня островъ еще болѣе интереснымъ; съ тѣхъ поръ я сталъ ѣздить туда чаще и съ большимъ удовольствіемъ, съ цѣлью узнавать объ успѣхахъ новыхъ поселенцевъ.

Къ этимъ удовольствіямъ я присоединилъ еще одно, которое напоминало мнѣ пріятную жизнь въ Шарметтъ и было особенно удобно въ это время года. Оно состояло въ сборѣ овощей и плодовъ,—занятіе которое я и Тереза считали за удовольствіе раздѣлять съ женой сборщика и ея семействомъ. Я помню, что одинъ житель Берна, по имени Бергеръ, пришедшій повидаться со мною, засталъ меня сидящимъ на большомъ деревѣ. Къ моему поясу былъ привязанъ мѣшокъ, уже до того наполненный яблоками, что я не могъ пошевелиться. Я былъ отчасти радъ этой встрѣчѣ и нѣсколькимъ другимъ, подобнымъ ей. Я надѣялся, что бернцы, узнавъ, какъ я проводилъ мое свободное время, не захотятъ болѣе возмущать мое спокойствіе и не станутъ тревожить меня въ моемъ уединеніи. Мнѣ было бы гораздо пріятнѣе, еслибъ это заточеніе произошло по ихъ волѣ, а не по моей: тогда я былъ бы болѣе увѣренъ въ невозмутимости моего блаженства.

Вотъ еще одно изъ тѣхъ признаній, которыя, я въ этомъ увѣренъ заранѣе, возбудятъ недовѣріе въ читателяхъ, всегда судящихъ обо мнѣ по себѣ, хотя они и видѣли во мнѣ тысячу наклонностей и вкусовъ, рѣшительно не похожихъ на ихъ собственные. Всего страннѣе, что люди, отказывая мнѣ во всѣхъ добрыхъ или незначительныхъ чувствахъ, которыхъ они сами не имѣютъ, всегда приписываютъ мнѣ такія дурныя свойства, какія не могутъ даже существовать въ сердцѣ человѣка; въ этихъ случаяхъ они находятъ очень естественнымъ ставить меня въ противорѣчіе съ природой и дѣлать изъ меня чудовище, какое не можетъ даже существовать въ мірѣ. Все нелѣпое кажется имъ вѣроятнымъ, когда оно клонится къ тому, чтобы очернить меня, ничто необыкновенное не кажется имъ возможнымъ, когда оно ведетъ къ тому, чтобы выставить меня въ хорошемъ свѣтѣ.

Но что бы они ни думали и ни говорили, я не перестану вѣрно излагать то, чѣмъ былъ, что дѣлалъ и что думалъ Жанъ-Жакъ Руссо, — излагать, не объясняя и не оправдывая странности его чувствъ и мыслей и не изслѣдуя, думали-ли другіе такъ, какъ онъ думалъ. Мнѣ такъ понравился островъ Святаго Петра, и жизнь на немъ такъ хорошо пришлась по мнѣ, что я рѣшился не покидать его. Визиты, которые мнѣ нужно было отдавать по сосѣдству, поѣздки, которыя приходилось дѣлать въ Невшатель, Біеннъ, Иверденъ, Нидау, уже утомляли мое воображеніе. Мнѣ казалось, что провести день внѣ моего острова, значило

уменьшить мое счастіе, и выйти изъ окружности этого озера—выйти изъ моей стихіи. Къ тому же опытъ прошлаго сдѣлалъ меня боязливымъ. Достаточно было, что какое нибудь счастіе порадовало мое сердце, для того чтобы я долженъ былъ готовиться потерять его; и горячее желанье окончить мою жизнь на этомъ островѣ было неразлучно съ страхомъ быть принужденнымъ оставить его. Я привыкъ по вечерамъ сидѣть на берегу, особенно когда озеро было взволновано. Я чувствовалъ странное удовольствіе при видѣ волнъ, разбивавшихся у моихъ ногъ. Въ нихъ я видѣлъ образъ свѣтской суеты и спокойствія моего жилищà; иногда при этой сладостной мысли я такъ умилялся, что чувствовалъ, какъ слезы текли изъ моихъ глазъ. Это спокойствіе, которымъ я страстно наслаждался, было возмущаемо только страхомъ потерять его, но этотъ страхъ доходилъ до того, что помрачалъ сладость тихой жизни. Мое положеніе казалось мнѣ до такой степени ненадежнымъ, что я не смѣлъ на него разсчитывать. Ахъ! — восклицалъ я, какъ бы я охотно промѣнялъ возможность выходить отсюда,—возможность, въ которой я вовсе не нуждаюсь, на увѣренность, что я навсегда останусь здѣсь. Вмѣсто того, чтобы терпѣть меня здѣсь изъ милости, почему бы не задержать меня здѣсь силою? Тѣ, которые только терпятъ меня здѣсь, каждую минуту могутъ меня отсюда выгнать, и могу-ли я надѣяться, что мои преслѣдователи, видя меня здѣсь счастливымъ, дозволятъ продолжиться моему счастію? Съ меня мало того, что мнѣ позволили жить на островѣ; я бы хотѣлъ, чтобъ меня приговорили къ заточенію на немъ и желалъ бы быть принужденнымъ жить тамъ для того, чтобы не быть принужденнымъ оставить его. Я завистливыми глазами смотрѣлъ на счастливаго Мишели Дюкре, который, живя спокойно въ замкѣ д'Арбергъ, долженъ былъ только пожелать счастія, чтобы пріобрѣсть его. Благодаря тому, что я безпрестанно предавался этимъ размышленіямъ и мучительнымъ предчувствіемъ новыхъ бурь, всегда готовыхъ обрушиться на меня, я кончилъ тѣмъ, что съ невыразимою горячностью сталъ желать, чтобы бернцы, вмѣсто того, чтобы позволять мнѣ жить на островѣ, обратили его для меня въ вѣчную темницу; и я могу поклясться, что еслибы отъ меня зависѣло приговорить себя къ этому заточенію, я бы съ величайшею радостію исполнилъ это, потому что предпочиталъ необходимость провести на островѣ остатокъ моей жизни—опасности быть изъ него выгнаннымъ.

Это опасеніе не долго оставалось напраснымъ. Въ ту минуту, какъ я всего менѣе этого ожидалъ, я получилъ письмо отъ г. мера въ Нидау, въ округѣ котораго находился островъ Святаго Петра. Этимъ письмомъ онъ объявилъ мнѣ отъ имени ихъ сіятельствъ приказаніе выѣхать съ острова и изъ ихъ владѣній. Читая письмо, я думалъ, что грежу. Ничто

не могло быть ненатуральнѣе, необдуманнѣе, непредвидѣннѣе этого приказа,—потому что я смотрѣлъ на мои предчувствія скорѣе какъ на безпокойство человѣка, напуганнаго несчастіями, чѣмъ какъ на предусмотрительность, имѣвшую хотя малѣйшее основаніе. Мѣры, которыя я принялъ, чтобы увѣриться въ невысказанномъ гласно согласіи государя, спокойствіе, съ которымъ мнѣ позволили поселиться на островѣ, посѣщенія многихъ бернцевъ и самого мера, осыпавшаго меня любезностями и вниманіемъ, суровость времени года, въ которое жестоко было выгонять больнаго человѣка,—все это заставляло меня, вмѣстѣ съ многими другими, думать, что въ этомъ приказѣ было недоразумѣніе и что злонамѣренные люди нарочно воспользовались временемъ сбора винограда и вакантнымъ временемъ сената, чтобы внезапно нанести мнѣ этотъ ударъ.

Если бы я послушался моего первазо негодованія, то тотчасъ же уѣхалъ бы. Но куда ѣхать? Что дѣлать при наступленіи зимы, безъ цѣли, безъ приготовленій, безъ проводника, безъ экипажа? Чтобъ не бросить на произволъ судьбы мои бумаги, мои вещи, всѣ мои дѣла, мнѣ нужно было время приготовиться,—а въ приказѣ не было сказано, дается ли мнѣ какой нибудь срокъ. Продолжительность несчастій начинала ослаблять мое мужество. Въ первый разъ я почувствовалъ, что моя природная гордость склонилась подъ игомъ необходимости, и, не смотря на ропотъ моего сердца, мнѣ нужно было унизиться и просить отсрочки. Я обратился къ г. де-Графенридъ, приславшему мнѣ приказъ, съ просьбою объяснить мнѣ его. Письмо его отзывалось сильнымъ неодобреніемъ этого приказанія, которое онъ объявилъ мнѣ съ величайшимъ сожалѣніемъ; а выраженія огорченія и уваженія, которыми письмо было наполнено, казались мнѣ очень утѣшительнымъ приглашеніемъ говорить съ нимъ откровенно: я такъ и сдѣлалъ. Я даже и не сомнѣвался въ томъ, что мое письмо откроетъ глаза этимъ криводушнымъ и жестокимъ людямъ и что если они не отмѣнятъ совсѣмъ жестокаго приказа, то по крайней мѣрѣ дадутъ благоразумную отсрочку, можетъ быть даже на цѣлую зиму, чтобы дать мнѣ время приготовиться къ выѣзду и выбрать новое мѣсто для жительства.

Въ ожиданіи отвѣта я принялся обдумывать мое положеніе и обсуживать, какое рѣшеніе принять. Я увидалъ со всѣхъ сторонъ столько затрудненій, горе такъ ослабило мой организмъ, здоровье мое было въ это время тамъ дурно, что я совсѣмъ упалъ духомъ. Слѣдствіемъ этого унынія было то, что я лишился послѣднихъ рессурсовъ, которые еще могли оставаться въ моемъ умѣ и помочь мнѣ принять наилучшее рѣшеніе въ моемъ печальномъ положеніи. Въ какое бы убѣжище я ни удалился, было ясно, что я не могъ укрыться ни отъ одного изъ двухъ

способовъ, которые люди приняли, чтобы отвсюду изгонять меня: одинъ изъ этихъ способовъ состоялъ въ томъ, что противъ меня возстановляли подземными интригами народъ, другой—въ томъ, что меня выгоняли открытой силой, не объясняя причины. И такъ я не могъ расчитывать ни на одно вѣрное убѣжище, развѣ въ томъ только случаѣ, еслибъ я отправился искать его далѣе, чѣмъ повидимому позволяли мнѣ мои силы и погода. Все это наводило меня на мысли, которыя недавно занимали меня, и я осмѣлился желать и предложить, чтобы лучше меня приговорили на вѣчную неволю, чѣмъ послѣдовательно гоняли бы изъ всѣхъ убѣжищъ, которыя я выбиралъ. Черезъ два дня послѣ моего перваго письма, я написалъ другое къ г. де-Графенриду, прося его передать мое предложеніе ихъ сіятельствамъ. Отвѣтомъ изъ Берна на то и другое письмо былъ приказъ, написанный въ самыхъ формальныхъ и самыхъ жесткихъ выраженіяхъ,—выѣхать въ двадцать четыре часа съ острова и изъ всѣхъ владѣній, посредственно и непосредственно принадлежащихъ республикѣ, и никогда не возвращаться въ нихъ подъ страхомъ самыхъ тяжкихъ наказаній.

Эта минута была ужасна. Впослѣдствіи мнѣ случалось испытывать болѣе сильныя огорченія, но никогда я не былъ въ такомъ затруднительномъ положеніи. Всего же болѣе меня огорчило то, что я былъ принужденъ отказаться отъ плана, который заставлялъ меня желать провести зиму на островѣ. Пора разсказать о роковомъ происшествіи, довершившемъ мои бѣдствія и увлекшемъ вмѣстѣ со мною въ погибель цѣлый несчастный народъ, зачинавшіяся доблести котораго обѣщали со временемъ сравняться съ доблестями Спарты и Рима. Я говорилъ въ «Общественномъ Договорѣ» о корсиканцахъ, какъ о народѣ новомъ, который одинъ изъ всѣхъ народовъ Европы былъ еще достаточно свѣжъ для принятія хорошихъ законовъ,—и замѣтилъ, что на такой народъ можно возлагать великія надежды, если только онъ будетъ такъ счастливъ, что найдетъ мудраго законодателя. Мое сочиненіе было прочтено нѣсколькими корсиканцами. Они не остались нечувствительны къ моему благородному отзыву о нихъ, а такъ какъ они въ это время занимались устройствомъ своей республики, то начальники ихъ вспомнили обо мнѣ и пожелали узнать мое мнѣніе объ этой важной работѣ. Нѣкто г. Буттафуоко, принадлежавшій къ одной изъ первыхъ корсиканскихъ фамилій и служившій во Франціи капитаномъ въ итальянскомъ полку, написалъ ко мнѣ по этому поводу и доставилъ мнѣ многія бумаги, которыя я просилъ прислать мнѣ, чтобъ дать возможность познакомиться съ исторіею націи и состояніемъ страны. Г. Паоли также нѣсколько разъ писалъ мнѣ; и, хотя я чувствовалъ, что такое предпріятіе выше моихъ силъ, но счелъ невозможнымъ отказать имъ въ содѣйствіи въ такомъ

прекрасномъ дѣлѣ, послѣ пріобрѣтенія необходимыхъ для того свѣдѣній. Въ этомъ смыслѣ отвѣчалъ я тому и другому, и наша переписка продолжалась до моего отъѣзда.

Именно въ это время я узналъ, что Франція послала свои войска въ Корсику и что она заключила трактатъ съ генуэзцами. Этотъ трактакъ и это отправленіе войскъ встревожили меня; еще не воображая, что я имѣю какое нибудь отношеніе ко всему этому, я находилъ невозможнымъ и смѣшнымъ трудиться надъ сочиненіемъ, которое требовало величайшаго спокойствія въ ту минуту, когда, быть можетъ, народу, о которомъ шла рѣчь, угрожало порабощеніе. Я не скрылъ моего безпокойства отъ Буттафуоко, который успокоилъ меня увѣреніемъ, что еслибъ въ этомъ трактатѣ съ генуэзцами было что нибудь противное свободѣ корсиканской націи, то онъ, какъ хорошій гражданинъ, не оставался бы на службѣ у Франціи. Въ самомъ дѣлѣ его ревностныя заботы о составленіи законовъ для Корсики и его тѣсныя сношенія съ Паоли не могли оставить во мнѣ ни малѣйшаго сомнѣнія на его счетъ,—и узнавъ объ его частыхъ поѣздкахъ въ Версаль и Фонтенебло, объ его сношеніяхъ съ г. де-Шуазель, я вывелъ изъ этого только то заключеніе, что онъ имѣлъ вѣрныя свѣдѣнія объ истинныхъ намѣреніяхъ французскаго двора, на которыя онъ мнѣ намекалъ, но о которыхъ не хотѣлъ говорить открыто въ письмахъ.

Все это отчасти меня успокоивало. Однако, не понимая, зачѣмъ были присланы французскія войска и никакъ не предполагая, что они пришли на защиту свободы корсиканцевъ, которую эти послѣдніе могли защитить отъ генуэзцевъ сами, я не могъ ни успокоиться совершенно, ни заниматься порученною мнѣ работою, и рѣшился выжидать до тѣхъ поръ, пока не получу ясныя доказательства, что все это не шутка выдуманная, чтобы посмѣяться надо мной. Я чрезвычайно желалъ видѣться съ г. Буттафуоко. Это былъ вѣрный способъ получить нужныя объясненія. Онъ подалъ мнѣ надежду на свиданіе съ нимъ, и я ожидалъ его съ нетерпѣніемъ. Что касается до него, то я не знаю, имѣлъ ли онъ дѣйствительно намѣреніе повидаться со мной; но если бы это и было, то мои бѣдствія помѣшали бы мнѣ воспользоваться этимъ свиданіемъ.

Чѣмъ болѣе я думалъ объ этомъ предпріятіи, чѣмъ болѣе углублялся въ разсмотрѣніе находившихся у меня по этому предмету бумагъ, тѣмъ болѣе чувствовалъ необходимость тщательнѣе изучать и народъ, нуждавшійся въ новыхъ государственныхъ учрежденіяхъ, и землю, на которой онъ жилъ, и всѣ условія, посредствомъ которыхъ ему нужно было усвоить эти учрежденія. Съ каждымъ днемъ я все болѣе понималъ, что мнѣ невозможно, живя вдали отъ Корсики, пріобрѣсть всѣ свѣдѣнія необходимыя для меня. Я написалъ объ этомъ къ Буттафуоко: онъ самъ

понялъ справедливость моего замѣчанія, и хотя я еще не рѣшился переселиться въ Корсику, но много занимался приготовленіемъ средствъ къ этому путешествію. Я сообщилъ мой планъ г. Дастье, который нѣкогда служилъ на этомъ островѣ, подъ начальствомъ г. де-Мальбоа и потому долженъ былъ знать его. Онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы отвратить меня отъ этого намѣренія, — и сознаюсь, что желаніе мое поселиться между корсиканцами сильно охладѣло, послѣ того какъ онъ такими ужасными красками описалъ и страну и ея жителей.

Но когда, вслѣдствіе гоненій, поднявшихся на меня въ Мотье, я задумалъ оставить Швейцарію,—прежнее желаніе снова возгорѣлось отъ надежды найти у этихъ островитянъ то спокойствіе, котораго меня вездѣ лишали. Только одна вещь страшила меня — неспособность и отвращеніе къ дѣятельной жизни, которую мнѣ предстояло тамъ вести. Рожденный для привольныхъ размышленій въ уединеніи, я вовсе не любилъ говорить, дѣйствовать, вести дѣло съ людьми. Природа, давшая мнѣ первую способность, отказала въ послѣдней. Между тѣмъ я предвидѣлъ, что не принимая прямого участія въ общественныхъ дѣлахъ, я принужденъ буду, какъ только пріѣду въ Корсику, предаться служенію народу и часто совѣщаться съ его вождями. Даже предметъ моего путешествія требовалъ не уединенія, а общенія съ народомъ, отъ котораго я могъ бы получить всѣ нужныя мнѣ свѣдѣнія. Я ясно видѣлъ, что мнѣ нельзя будетъ располагать собой и что, увлеченный противъ воли въ жизненный водоворотъ, для котораго я не былъ рожденъ, я буду тамъ вести жизнь, противную моимъ вкусамъ, и выкажу себя только въ невыгодномъ свѣтѣ. Я предвидѣлъ, что если плохо поддержу ихъ мнѣніе о моихъ способностяхъ, которое они могли получить, прочтя мои книги, то лишусь своей славы между корсиканцами и потеряю, въ ущербъ себѣ, также какъ и имъ, довѣріе, которое они имѣли ко мнѣ и безъ котораго я не могъ съ успѣхомъ исполнить трудъ, возложенный на меня. Я былъ увѣренъ, что, выйдя такимъ образомъ изъ своей сферы, я буду имъ безполезенъ и самъ сдѣлаюсь несчастливъ.

Измученный, избитый разными бурями, усталый отъ путешествій и преслѣдованій въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, я чувствовалъ сильную потребность въ спокойствіи, котораго мои жестокіе недруги лишали меня ради своего удовольствія; я болѣе чѣмъ когда нибудь стремился къ той любезной для меня праздности, къ тому сладкому спокойствію ума и тѣла, котораго я такъ желалъ и въ которомъ я полагалъ высшее счастіе своей жизни послѣ того, какъ разстался съ заблужденіями любви и дружбы; я съ ужасомъ помышлялъ о предстоявшихъ мнѣ трудахъ и о шумной жизни, и если величіе, красота, польза предмета влекли меня къ труду, то сознаніе, что однихъ силъ моихъ не достанетъ для выпол-

ненія его, отнимало у меня мужество къ продолженію его. Двадцать лѣтъ глубокаго размышленія стоили бы мнѣ менѣе шести мѣсяцевъ дѣятельной жизни, посреди людей и хлопотъ, и притомъ съ увѣренностью въ неуспѣхѣ дѣла.

Я осмѣлился употребить средство, которое могло бы устроить дѣло удовлетворительно для обѣихъ сторонъ. Преслѣдуемый во всѣхъ своихъ убѣжищахъ происками тайныхъ гонителей, и видя, что только въ Корсикѣ я могу найти подъ старость лѣтъ спокойствіе, котораго они вездѣ меня лишали, я рѣшился при первой возможности отправиться туда по указаніямъ Буттафуоко, чтобы жить спокойно, чтобы хотя по виду отказаться отъ работъ законодательныхъ и ограничиться сочиненіемъ на мѣстѣ исторіи Корсики, чтобы нѣкоторымъ образомъ отплатить ея жителямъ за гостепріимство, и кромѣ этого, если найду возможнымъ, собрать свѣдѣнія, необходимыя для того, чтобы оказать имъ пользу. Не обязываясь такимъ образомъ ничѣмъ, я надѣялся на свободѣ и втайнѣ обдумать болѣе пригодный для корсиканцевъ планъ, не слишкомъ лишая себя милаго уединенія и не подчиняясь невыносимому для меня образу жизни.

Но въ моемъ положеніи, это путешествіе было вещью не легко исполнимою. Изъ отзывовъ г. Дастье о Корсикѣ, я заключилъ, что изъ самыхъ простыхъ удобствъ жизни я найду тамъ только тѣ, которыя привезу съ собою; бѣлье, платье, посуду, кухонный приборъ, бумагу, книги,—все нужно было брать съ собой. Чтобы переселиться туда съ моей гувернанткой, нужно было перебраться черезъ Альпы и 200 миль тащить за собой багажъ; нужно было проѣхать черезъ владѣнія многихъ государей, а по тону, данному всей Европой, я конечно долженъ былъ, послѣ испытанныхъ мною несчастій, встрѣчать повсюду затрудненія и видѣть, какъ всякій добивался бы, какъ чести, случая оказать мнѣ какую нибудь немилость и оскорбить въ моемъ лицѣ права людей и человѣчества. Огромныя издержки, усталость, опасности подобнаго путешествія обязывали меня заранѣе предвидѣть всѣ предстоявшіе затрудненія. Мысль остаться однимъ, безъ средствъ, въ мои лѣта, и вдали отъ всѣхъ моихъ знакомыхъ, быть брошеннымъ на произволъ грубаго и дикаго народа, какъ называлъ его г. Дастье, была способна принудить меня задуматься. Я страстно желалъ свиданія, которое мнѣ обѣщалъ Буттафуоко, и ждалъ только его, чтобы принять окончательное рѣшеніе.

Пока я колебался, начались преслѣдованія въ Мотье, которыя принудили меня удалиться оттуда. Я не былъ готовъ къ большому путешествію, и особенно къ путешествію въ Корсику. Я ждалъ извѣстій отъ Буттафуоко и убѣжалъ на островъ Святаго Петра, откуда былъ высланъ въ началѣ зимы, какъ сказано выше. Покрытыя снѣгомъ Альпы сдѣлали

для меня невозможнымъ подобное переселеніе, особенно съ такою поспѣшностью, какая мнѣ была предписана. Странность этого приказанія дѣлала мой планъ неисполнимымъ, — потому что изъ этого уединенія, окруженнаго водою, имѣя всего только 24 часа, чтобы приготовиться къ отъѣзду, нанять лодку и экипажи и выѣхать съ острова и вообще изъ государствъ, лежащихъ на материкѣ, мнѣ было бы трудно повиноваться, еслибъ я даже имѣлъ крылья. Отвѣчая на письмо судьи, я написалъ, ему обо всѣхъ этихъ затрудненіяхъ и поспѣшилъ оставить эту страну беззаконія. Вотъ какимъ образомъ я принужденъ былъ отказаться отъ моего любимаго плана, и вотъ какъ, не съумѣвъ въ моемъ уныніи достичь того, чтобы мной располагали, я рѣшился по приглашенію милорда маршала поѣхать въ Берлинъ и оставить Терезу зимовать на островѣ Святаго Петра, съ моими книгами и вещами, а бумаги отдалъ дю-Пейру. Я до того торопился, что на слѣдующій день утромъ выѣхалъ съ острова и уже раньше полудня былъ въ Біеннѣ. Здѣсь я едва не кончилъ навсегда своихъ странствованій, по одному случаю, о которомъ нельзя умолчать.

Только что распространился слухъ, что мнѣ велѣно оставить свое убѣжище, какъ изъ всего сосѣдства нахлынули съ визитами; особенно много было бернцевъ, которые съ самымъ отвратительнымъ притворствомъ приходили наушничать, успокоивать меня, что именно вакаціонное время сената было выбрано для составленія и объявленія этого приказа, который, по ихъ словамъ, возбудилъ негодованіе двухъ-сотъ. Въ толпѣ этихъ утѣшителей было нѣсколько человѣкъ изъ Біенна, маленькой свободной области, находящейся въ бернскомъ кантонѣ—и между прочимъ, молодой человѣкъ по имени Вильдреме, фамилія котораго считалась первою и имѣла самый большой кредитъ въ маленькомъ городкѣ. Вильдреме настоятельно просилъ меня, отъ имени своихъ согражданъ, поселиться между ними, увѣряя, что они съ нетерпѣніемъ желали принять меня, что они считали своимъ долгомъ заставить забыть у нихъ всѣ гоненія, которыя я претерпѣлъ, что мнѣ нечего страшиться у нихъ вліянія бернцевъ; что Біеннъ городъ свободный, не принимающій ни отъ кого законовъ, и что всѣ граждане рѣшились не внимать ни чьимъ представленіямъ, клонящимся не въ мою пользу.

Вильдреме, видя, что я остаюсь непоколебимымъ, заставилъ нѣсколькихъ людей, пришедшихъ изъ Біенна, его окрестностей и даже изъ Берна, подтвердить свои слова. Въ числѣ этихъ людей былъ тотъ самый Кирбергеръ, о которомъ я уже говорилъ и который интересовалъ меня своими талантами и правилами. Но предложенія г. Бартеса, секретаря французскаго посольства, имѣли для меня болѣе вѣсу. Онъ пришелъ ко мнѣ съ Вильдреме, чрезвычайно настаивалъ, чтобы я принялъ его приглашеніе,

и удивилъ меня живымъ и нѣжнымъ участіемъ, которое онъ, повидимому, принималъ во мнѣ. Я совершенно не зналъ г. Бартеса; однако въ его рѣчахъ проглядывали теплота, усердіе, дружба, и я видѣлъ, что ему дѣйствительно хотѣлось убѣдить меня поселиться въ Біеннѣ. Онъ съ увлеченіемъ хвалилъ этотъ городъ и его жителей, съ которыми онъ, повидимому, такъ дружно былъ связанъ, и которыхъ нѣсколько разъ передо мною называлъ своими покровителями и отцами. Просьбы Бартеса совершенно сбили меня съ толку. Я всегда подозрѣвалъ, что г. де-Шуазель былъ тайный виновникъ всѣхъ гоненій, перетерпѣнныхъ мною въ Швейцаріи. Поведеніе французскаго резидента въ Женевѣ, а равно и поступки въ Солотурнѣ подтверждали эти подозрѣнія; я видѣлъ вліяніе Франціи во всемъ, что случилось со мной въ Бернѣ, въ Женевѣ, въ Невшателѣ, и думалъ, что во Франціи у меня былъ единственный сильный врагъ,—именно герцогъ Шуазель. Что же я долженъ былъ думать о посѣщеніи Бартеса и о нѣжномъ участіи, которое онъ, повидимому, принималъ въ моей судьбѣ? Мои несчастія не уничтожили въ моемъ сердцѣ врожденной ему довѣрчивости, и опытъ еще не научилъ меня за ласками видѣть козни. Я съ удивленіемъ отыскивалъ причины благосклонности г. Бартеса, потому что не былъ настолько глупъ, чтобы думать, что онъ дѣйствовалъ по собственному желанію; я замѣтилъ въ его дѣйствіяхъ гласность, даже аффектацію, по которой можно было догадаться, что тутъ есть скрытное намѣреніе, и я никогда не находилъ у этихъ подчиненныхъ агентовъ той великодушной неустрашимости, которая часто, когда я былъ въ подобномъ положеніи, заставляла трепетать мое сердце.

Еще въ былое время, я познакомился у г. Люксамбура съ кавалеромъ де-Ботвиль, который оказывалъ мнѣ нѣкоторую благосклонность. Съ того времени какъ онъ сдѣлался посланникомъ, онъ иногда еще вспоминалъ обо мнѣ и даже приглашалъ меня къ себѣ въ Солотурнъ. Хотя я и не принялъ этого приглашенія, но былъ ему за то благодаренъ, такъ какъ я не привыкъ, чтобы со мной такъ вѣжливо обращались люди высшаго званія. Итакъ, я предполагалъ, что г. Ботвиль, принужденный исполнять свои инструкціи относительно Женевы, но вмѣстѣ съ тѣмъ соболѣзнуя моимъ несчастіямъ, приготовилъ для меня убѣжище въ Біеннѣ, въ которомъ я могъ бы жить спокойно подъ его покровительствомъ. Я былъ чрезвычайно благодаренъ за это вниманіе, но не воспользовался имъ; и уже рѣшившись поѣхать въ Берлинъ, съ нетерпѣніемъ ожидалъ той минуты, когда увижу милорда маршала,—такъ какъ я былъ увѣренъ, что только близь него найду дѣйствительный покой и прочное счастіе.

Когда я покинулъ островъ, Кирбергеръ проводилъ меня до Біенна. Тамъ я нашелъ Вильдреме и нѣсколько другихъ жителей города, ко-

торые дожидались меня на пристани. Мы всѣ вмѣстѣ отобѣдали въ трактирѣ; по пріѣздѣ, первой моей заботой было — отыскать извощика, такъ какъ я хотѣлъ отправиться на другой день утромъ. За обѣдомъ эти господа возобновляли свои настоятельныя просьбы, чтобы удержать меня между ними, — и просили съ такимъ жаромъ, съ такими трогательными увѣщаніями, что, не смотря на всю мою рѣшимость, мое сердце, никогда не бывшее въ силахъ противиться ласкамъ, начало склоняться на ихъ просьбы; замѣтивъ, что я колеблюсь, они съ такимъ успѣхомъ удвоили старанія, что я наконецъ былъ побѣжденъ и согласился остаться въ Біеннѣ по крайней мѣрѣ до весны.

Вильдреме тотчасъ поспѣшилъ снабдить меня квартирой и хвалилъ, какъ отличную находку, дрянную маленькую комнату въ третьемъ этажѣ, окнами на дворъ, гдѣ я могъ наслаждаться вонью вывѣшенныхъ кожъ какого-то замшанника. Мой хозяинъ былъ маленькій человѣкъ, съ подловатой физіономіей и порядочный мошенникъ; на другой же день я узналъ, что онъ гуляка, игрокъ и что о немъ шла дурная слава по всему околодку; у него не было ни жены, ни дѣтей, ни прислуги. И вотъ, запертый въ своей уединенной комнатѣ, я жилъ такимъ образомъ, что въ самомъ цвѣтущемъ краю въ мірѣ былъ способенъ погибнуть отъ скуки въ нѣсколько дней. Но меня болѣе всего удивляло то, что проходя по улицамъ, я не замѣчалъ въ жителяхъ ничего вѣжливаго, ничего услужливаго, хотя мнѣ много наговорили о ихъ готовности принять меня. Однакожъ я рѣшился остаться здѣсь, какъ вдругъ узналъ, что я причиной страшнаго волненія въ городѣ. Ко мнѣ явилось нѣсколько услужливыхъ лицъ, объявившихъ мнѣ, что завтра я получу строжайшій приказъ немедленно выѣхать изъ государства, т. е. изъ города. Мнѣ не кому было довѣриться. Всѣ, удержавшіе меня, разсѣялись. Вильдреме исчезъ, о Бартесѣ тоже не было ни слуху, ни духу, и кажется его рекомендаціей я не пріобрѣлъ особенной милости его отцовъ и покровителей, о которыхъ онъ такъ много говорилъ мнѣ. Нѣкто г. де-Во-Траверъ изъ Берна, имѣлъ неподалеку отъ города хорошенькій домъ. Онъ предложилъ мнѣ укрыться тамъ, высказавъ надежду, что въ немъ я не буду побитъ каменьями. Но это предложеніе не было на столько лестнымъ, чтобы побудить меня остаться долѣе у такого гостепріимнаго народа.

Такъ какъ я уже потерялъ три дня по этому случаю, то срокъ, данный мнѣ бернцами для выѣзда изъ ихъ владѣній, давно прошелъ, и я, зная ихъ жестокость, нѣсколько безпокоился на счетъ того, какъ они меня примутъ. Къ счастью судья, г. Нидо, вывелъ меня изъ затрудненія. Онъ началъ громко возставать противъ насильственнаго поступка ихъ сіятельствъ, и по своему великодушію считалъ должнымъ изъявлять мнѣ публично, что онъ не принималъ въ немъ ни малѣйшаго уча-

стія. Не побоявшись оставить свой округъ, онъ навѣстилъ меня въ Біеннѣ, куда пріѣхалъ наканунѣ моего отъѣзда. Нисколько не прикрываясь инкогнито, онъ пріѣхалъ даже съ нѣкоторою церемоніальностью, въ каретѣ, съ своимъ секретаремъ и вручилъ мнѣ отъ своего имени паспортъ, съ которымъ я могъ проѣхать черезъ Бернъ безъ препятствій. Визитъ его тронулъ меня болѣе, чѣмъ паспортъ. Я былъ бы не менѣе тронутъ, если бы онъ былъ сдѣланъ другому, а не мнѣ. Ничто не дѣйствуетъ на мое сердце такъ сильно, какъ мужественный подвигъ, совершенный кстати въ пользу слабаго и несправедливо угнетеннаго.

Наконецъ, съ трудомъ доставъ экипажъ, я на другой день утромъ выѣхалъ изъ этой безчеловѣчной земли, не дождавшись депутаціи, которая долженствовала привѣтствовать меня, не успѣвши даже свидѣться съ Терезой, которой я велѣлъ пріѣхать въ Біеннъ и которой я едва успѣлъ дать знать о своемъ новомъ несчастіи. Въ третьей части, если только у меня хватитъ силъ написать ее, увидятъ, кикимъ образомъ, располагая отправиться въ Берлинъ, я поѣхалъ въ Англію, и какъ двѣ дамы, желавшія располагать мною, выгнавъ меня своими интригами изъ Швейцаріи, гдѣ я не былъ въ ихъ полной власти, достигли наконецъ того, что выдали меня своему другу.

Все написанное здѣсь, я прочелъ графу и графинѣ д'Эгмонтъ, князю Пиньятелли, маркизѣ де-Мемъ и маркизу де-Жюинье,—и окончивъ чтеніе, сказалъ:

«Я писалъ правду; если кто знаетъ вещи, противныя тому, что я излагалъ, хотя бы, онѣ были доказываемы тысячу разъ, то онъ знаетъ только ложь и клевету, и если онъ откажется разобрать и разъяснить ихъ вмѣстѣ со мною, пока я живъ, значитъ онъ не любитъ ни справедливости, ни истины. Что касается до меня, то я объявляю громко и безъ страха, что тотъ, кто, даже не прочитавъ моихъ сочиненій, самъ разсмотритъ мои природныя свойства, мой характеръ, мои нравы, склонности, удовольствія, привычки, и послѣ этого назоветъ меня безчестнымъ человѣкомъ,—самъ достоинъ висѣлицы».

Такъ я окончилъ свое чтеніе, и всѣ молчали. Одна г-жа д'Эгмонтъ, казалось, была тронута: она замѣтно вздрогнула, но тотчасъ же оправилась и сохранила молчаніе, подобно остальному обществу. Вотъ каковъ былъ результатъ этого чтенія и заявленія!

КОНЕЦЪ.

